

VII - 1030

5516892

# ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

опытъ изслѣдованія

## О КУЛЬТУРНОМЪ ЗНАЧЕНІИ ВИЗАНТІИ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

о культурномъ значеніи византіи

~~Иконниковъ~~

Иконниковъ, Владимиръ Степановичъ

**В. ИКОННИКОВА.**



КИЕВЪ.



ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1889.

DK  
32  
•I26

(Изъ Университетскихъ Извѣстій, 1869 года.)



## Глава I.

Въ развитіи научныхъ понятій древняя Россія и западная Европа представляютъ рѣзкій контрастъ: между тѣмъ какъ на западѣ остатки древней образованности послужили основаніемъ, изъ котораго развилась культура новой Европы; а латинскій языкъ, распространенный религіей, облегчилъ доступъ къ пониманію древней науки;—Россія не имѣла подобныхъ условій. Правда, получивъ религію изъ христіанской Византіи, при содѣйствіи греческаго языка, она могла-бы усвоить образованность древней Греціи, во многомъ превосходившую римскую; но ограниченное вліяніе Византіи и нераспространенность греческаго языка, какъ мы увидимъ ниже, постоянно препятствовали развитію научныхъ знаній. И потому, когда Европа, хотя медленно, но вѣрно шла къ цѣли, постоянно разрабатывая научный матеріалъ, Россія, почти до XVII вѣка, находилась въ одинаковомъ положеніи; такъ какъ сумма знаній оставалась постоянно одна и таже. А когда въ XVIII вѣкѣ, окончательно выведенная изъ прежняго изолированнаго положенія, Россія вошла въ непосредственное отношеніе къ западной Европѣ, то естественно должна была подчиниться болѣе сильной цивилизаціи—европейской, и эта подчиненность сохраняется до сихъ поръ. Для

историка вдвойнѣ важно опредѣлить эти переходы въ исторіи умственнаго направленія: во-первыхъ потому, что умственное состояніе общества, будучи съ одной стороны результатомъ извѣстнаго соціальнаго положенія страны, съ другой—само является руководителемъ въ его жизни; во-вторыхъ, развитие историографіи находится въ самомъ близкомъ отношеніи къ состоянію научныхъ знаній вообще.

Такое положеніе историографіи въ особенности оправдывается тамъ, гдѣ страна послѣдовательно переживаетъ степени развитія подѣ влияніемъ болѣе сильной цивилизаци, какъ напр. у насъ: какъ наши древнія лѣтописи, по своему общему характеру, представляютъ господствующее влияніе византійскихъ понятій; такъ Сянонсь служитъ отраженіемъ современной польской образованности; Татищевъ — реформы Петра Великаго; Щербатовъ и Болтинъ—вѣка Екатерины II; Карамзинъ—переходнаго литературнаго направленія конца XVIII и начала XIX вѣка. Историкъ есть вѣрное отраженіе или общаго направленія, переживаемаго въ данное время обществомъ, или только извѣстнаго его момента. Безпристрастное отношеніе къ предмету и терпимость мнѣній—есть выраженіе извѣстной степени развитости историка.

Въ странѣ, вступившей въ періодъ образованности, научныя знанія зависятъ отъ состоянія школы, характера книгъ, обращающихся въ обществѣ, и извѣстныхъ преданій страны (политическихъ, религіозныхъ, общественныхъ). Послѣднія часто являются задерживающимъ элементомъ, а въ началѣ гражданственности, по большей части, смѣняются съ новыми понятіями и составляютъ съ ними новый міръ возрѣвній. Но и школа въ отношеніи къ развивающемуся знанію представляетъ элементъ консервативный: такъ въ XVI вѣкѣ, когда началась усиленная борьба съ схоластикой,—университеты и особенно Парижскій—сильно отставали ее <sup>1)</sup>; а открытія Коперника вообще распространялись не очень быстро <sup>2)</sup>. Пока новое ученіе или открытіе одержитъ побѣду—школа упорно сохраняетъ *statu quo*. Въ наше время книга получила могущественное влияніе и перѣдко замѣняетъ школу; но въ доброе старое время школа давала умственное направленіе об-

<sup>1)</sup> Галламъ, Ист. Европ. литер. I, 322, 326.

<sup>2)</sup> Ib. 395. Уэвелль, Ист. индуктив. наукъ, I, 485 и слѣд.

цеству, и только отдельные умы, создавая новое, разрывали заветную связь с школою, изъ которой она вышла.

Узкий объем школьнаго обученія древней Россіи; безусловное доверіе къ книгѣ, при недостаткѣ научной критики; наконецъ смѣніе въ древнихъ языческихъ представленіяхъ съ новыми христіанскими, переработанными народнымъ понятіемъ въ словобразную форму; при общемъ недостаткѣ научныхъ знаній, прозывали ту особенную культуру, которая такъ отличаетъ нашъ древній бытъ отъ другаго. Продолжительность же этого періода закрепила старыя понятія въ обществѣ такъ сильно, что долго самый выходъ изъ такого состоянія казался немислимымъ: отсюда возникаетъ та упорная борьба въ понятіяхъ, которая особенно характеризуетъ XVII вѣкъ, и наконецъ «наслѣдственный» переворотъ начала XVIII вѣка.

Въ строгомъ смыслѣ слова, до XVII вѣка у насъ не было науки; наша литературная дѣятельность до того времени вѣрно характеризуется названіемъ *мимикризмъ*. Она стояла въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ религіи и была ея результатомъ; внѣшность должна была удовлетворять только религіознымъ потребностямъ. Это подтверждаетъ характеръ школы, содержаніе книгъ и общій уровень знаній.

Училища въ Россіи начинаются вмѣстѣ съ христіанствомъ. Владимиръ Св. велѣлъ брать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать на учебу книжное <sup>1)</sup>. Забѣлики справедливо полагаютъ, что назначеніе послѣдняго состояло въ приготовленіи ихъ—быть наставниками и служителями новой вѣры <sup>2)</sup>. Этимъ объясняется и свидѣтельство летописца, что матери оплакивали чадъ своихъ, какъ мертвецовъ, потому что не утвердились еще въ вѣрѣ <sup>3)</sup>. Плачь этотъ не былъ просто результатомъ отбирания дѣтей въ школу; но въ своихъ дѣтяхъ матери-язычницы видѣли будущихъ проповѣдниковъ новой вѣры; а известно, что женщина не такъ скоро разстается съ преданіемъ и прежнимъ положеніемъ; домашній очагъ слишкомъ привязываетъ ее къ старинѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ мы встрѣчаемъ нѣсколько извѣстій объ училищахъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, въ разныхъ мѣстахъ: Ярославъ I, прійдя въ Новгородъ, основалъ тамъ (1030 г.) училище на 300 дѣтей,

<sup>1)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. I, 51.

<sup>2)</sup> Домаш. бытъ русск. царей, Отеч. запис. 1854. № XII, 87.

<sup>3)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. I, 51.

4

вятныя у духовныхъ лицъ и старость новгородскихъ <sup>1)</sup>; Романъ Ростиславичъ завелъ училища въ Смоленской области; В. К. Всеволодъ Ярославичъ давалъ подаянiя на училища; а его дочь Янеа основаеа училище при кievскомъ Андреевскомъ монастырѣ. Кромѣ того, упоминаются училища въ Курскѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ, въ Галицкой области, заведенныя при монастыряхъ королемъ Галицкимъ Ярославомъ Владиміровичемъ. Позже встрѣчаются еще въ Черни, В. Новгородѣ и Москвѣ <sup>2)</sup>.

Но въ развитіи научныхъ понятій важно не столько количество школъ, сколько ихъ характеръ, объемъ обученiя и направленіе школы; въ особенности въ то время, когда только полагается основаніе образованности и устанавливается ея назначеніе въ жизни. А въ этомъ отношеніи русская школа до XVII в. неизмѣнно сохраняетъ одинъ и тотъ же характеръ, нисколько не развиваясь съ теченіемъ времени; напротивъ, въ свидѣтельствахъ XV, XVI и начала XVII в. мы имѣемъ доказательства ея упадка. Характеръ нашей древней школы и грамотности—церковнослужебный: обученіе начиналось букаремъ, за которымъ слѣдовали часословъ и наконецъ псалтирь—вънецъ древняго словеснаго ученiя и полнаго курса первоначальной науки <sup>3)</sup>. Званіе этихъ книгъ было наиболее необходимо въ церковномъ обиходѣ; и потому старались, чтобы онѣ были усвоены цѣлкомъ: такимъ образомъ заучиванье наизусть сдѣлалось главною цѣлью въ школьномъ преподаваніи <sup>4)</sup>. Изъ школы и отъ духовныхъ наставниковъ уваженіе къ псалтири перешло въ жизнь: такъ были особенныя дорожныя псалтири; на псалтири гадали о своей судьбѣ; многія стихи изъ нея перешли въ пословицы, а псалмы послужили образцомъ для духовныхъ стиховъ. Иностранцы замѣтили, что русскіе особенно уважаютъ псалмы Давида, и дѣйствительно рукописныхъ и печатныхъ изданій псалтири до насъ дошло болѣе всѣхъ другихъ духовныхъ книгъ <sup>5)</sup>. Если иногда кругъ этого ученiя расширялся, то все-таки въ предѣлахъ церковныхъ и

<sup>1)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. V, 136.

<sup>2)</sup> Татищевъ, III, 239, II, 138, 144, 101, 280 Житіе Θεодосiа, Учен. зап. Ак. наукъ по II отдѣл. II, Стоглавъ, гл. 25; Соловьевъ IV, 272.

<sup>3)</sup> Забѣлинъ, Отеч. записки, 1854, № XII, 88.

<sup>4)</sup> Забѣлинъ, 97, 98.

<sup>5)</sup> Правосл. Соборъ. 1857 кн. IV. Снегиревъ: Русскія народныя пословицы и притчи. Маржеретъ. 260.

богослужебныхъ книгъ. О состояніи обученія въ древнихъ школахъ мы имѣемъ безпристрастное сужденіе изъ пачала XVIII вѣка, когда старались создать новую школу. «*Издревле*, говорится тамъ, русскимъ дѣтводцамъ и учителямъ обычай *былъ и есть* учить малыхъ дѣтей въ началѣ— *азбуку*, потомъ *часослову* и *псалтири*, а также *писать*; потомъ *нѣкоторые* преподають и чтеніе *апостола*. Возрастающихъ же препровождаютъ къ чтенію *библии*, бесѣды евангельскихъ и апостольскихъ, и къ разсужденію высокаго разумѣнія, заключающагося въ тѣхъ книгахъ». Стоглавъ (XVI в.), говори о бывшихъ училищахъ по городамъ, выражается вообще, что въ нихъ учили грамотѣ: читать, писать и пѣть <sup>1)</sup>. Самый методъ ученія состоятъ обыкновенно въ томъ, что учениковъ заставляли читать вслухъ и нараспѣвъ, какъ слѣдовало читать во время церковной службы, а это опять свидѣтельствуеть, что цѣлью книжнаго ученія было только приготовленіе церковнослужителей. На этотъ случай составлялись даже особыя правила какъ пѣть и читать священныя книги <sup>2)</sup>, которыя помѣщались при самыхъ книгахъ. Конечно въ такомъ ученіи было много механическаго труда и мало сознательной работы. «Старинная грамота, говоритъ Забѣлинъ, являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она сухимъ и суровымъ дидакаломъ, съ квигою и увязкою въ одной рукѣ и съ розгою въ другой». Этотъ способъ обученія пережилъ свой вѣкъ <sup>3)</sup> и долго сохранялся въ той средѣ педагоговъ, которые по преимуществу были руководителями воспитанія древней Руси <sup>4)</sup>.

1) Забѣлинъ, Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи. Отч. записки 1856 г. № III—IV, стр. 12. Стоглавъ, глава 25.

2) Достопамятности Москвы, изд. Тромонпнымъ. Москва 1845. 16. Описаніе рукоп. Синод. библ. I, № 3, 48, 56, 53. Царь Алексѣй Михайловичъ на восьмомъ году началъ учить октоихъ или осмогласникъ, заключающій въ себѣ всеневныя церковныя службы, а на десятомъ году *страстное пѣнье*, т. е. пѣсни страстной седмицы. Въ дворцовой казнѣ находились между прочимъ стихиры и тріоди *знамєнныя*, т. е. писанныя *подъ знамя* или съ врюковыми нотами. Отч. запис. 1854. № XII, 105 и прилож. V.

3) Забѣлинъ, Домашн. бытъ русск. царей. Отч. зап. 1851, № XII, 98.

4) «Памятно мнѣ, говоритъ Даниловъ (XVIII в.), мое ученіе у брудастаго (пономаря) и до сихъ поръ, но той можегъ быть причинѣ,

Такой объем школьного образования сохранился до заведения училищ въ ХУІІ в. и потому остался достояніемъ низшихъ школъ до Петра В. Дѣти знаменитаго боярина обучались точно такъ же и по тѣмъ же книгамъ, какъ и дѣти престолюдина. Начитанность того времени была дѣломъ чисто личнымъ. Даже и въ царскомъ быту объемъ обученія отличался только количествомъ читанныхъ книгъ, а не качествомъ преподаванія. Въ народномъ быту школьное ученіе оканчивалось псалтиремъ, а во дворцѣ послѣ псалтиря учили дѣванія апостоловъ и евангеліе; при чемъ главнымъ образомъ старались, чтобы учитель былъ кроткій, смиренный и одушевленный божественное писаніе <sup>1)</sup>. Что же касается до судебной части, говорить Забѣлявъ, и до княжескихъ канцелярій, то здѣсь даже и старинная книжность не всегда процвѣтала: ее вполнѣ замѣняла практика, навыкъ, тотъ навыкъ, который существовалъ и въ торговомъ дѣлѣ, и въ ремесленномъ, и въ земледѣльческомъ, и во всѣхъ другихъ художествахъ. Это образованность приказная, навыкъ вести дѣло, составлять бумаги по существовавшимъ образцамъ, подыскивать указы, статьи судебниковъ или уложенія. Это образованность дѣловыхъ бумагъ, гдѣ всѣ науки, необходимые въ обществѣ, заключались въ массѣ практическихъ знаній о состояніи, средствахъ, силахъ страны, тѣхъ знаній, которыхъ нельзя было не знать, заведывая тою или другою частью управленія; тѣмъ или другимъ приказомъ; тою или другою областью, вообще знаній, которыя приобретались постоянною практикою, а не научно, не изъ школы. Весьма естественно, что въ этомъ разрядѣ лицъ чаще, нежели въ дру-

что часто меня сѣбли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по своимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затворчивалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безвыходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такового всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока, ввечеру и половины прочитатъ не могъ, за что послѣдняя резолюція — меня, какъ непонятнаго, сѣчь. Я думалъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть казнить наказаніе. Записки артиллеріи майора Данилова, написанныя въ 1771 г. М. 1842. 38.

<sup>1)</sup> Записки Крекшчна, стр. 19.

гихъ, могли являться люди съ большимъ государственнымъ смысломъ, каковы наизумѣри были думные дьяки и некоторые изъ бояръ и другихъ сановниковъ<sup>1)</sup>. Мы потому сослались здѣсь на авторитетъ Забѣлина, что онъ представляется въ нашей исторической критикѣ защитникомъ строгой *документальности*<sup>2)</sup>, и склоняетъ въ этомъ отноше- нии вполнѣ на реальную почву, не увлекаясь личными соображеніями въ объясненіи фактовъ и личными фантазіями<sup>3)</sup>.

Исаковичъ въ своихъ рукописяхъ показываетъ, что не было даже основательнаго грамматическаго знанія. «Разбирая строго, говорить Забѣлинъ, нѣтъ ни одного памятка изъ древней нашей письменности, который былъ-бы писанъ грамматически правильно, съ строгимъ соблюденіемъ отъ начала до конца принятой орфографіи, вѣрно, отчетливо. Многие изъ нихъ писаны даже мзачно; но нѣредко въ одномъ и томъ же словѣ примѣтная орфографія вовсе не соблюдалась. Здѣсь все заключалось въ большей или меньшей добросовѣстности переписчика, въ большемъ или меньшемъ *рабочемъ* пересодѣ подлинника. Бук- вальный копистъ часто оказывался лучше мудреца, передѣлывавшаго по-своему, и чѣмъ дальше уходило время, тѣмъ болѣе водворялось своеводіе писцовъ<sup>4)</sup>».

Свѣтская мудрость не заграживалась въ древнерусскую школу. Азбука у тогдашнихъ грамотниковъ называется *лѣствицею* къ изуче- нію часовника, псалтири и божественныхъ догматовъ<sup>5)</sup>; а грамматика назначалась для того, чтобы знать «какъ писать и читать каждую по- словицу во святыхъ книгахъ»<sup>6)</sup>. Знатови книгъ представлялись современ- никамъ «великими философами» и «учительными людьми»; но тутъ же вся эта мудрость сводится только на знаніе священнаго писанія или церковныхъ книгъ. Въ этомъ заключалась «вся грамота», по понятіямъ даже начитанныхъ книжниковъ, а выраженіе *книга* означало

<sup>1)</sup> Забѣлинъ, Отеч. записки, 1854, № VII, 91, 98. Отеч. зап. 1856, III—IV, 18.

<sup>2)</sup> Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи, Забѣлина, Отеч. записки, 1856, № III—IV, 19.

<sup>3)</sup> Забѣлинъ, Размышленія о современ. задачахъ рус. исторіи и древностей. Отеч. зап. 1860, № XI, 95—143.

<sup>4)</sup> Забѣлинъ, Отеч. зап., 1856, III—IV, 13, 14.

<sup>5)</sup> Ibid. Отеч. записки. 1854, XII, 95.

<sup>6)</sup> Опис. Рум. музея. 1.

вообще только священную книгу <sup>1)</sup>. Знаніе такой мудрости ведетъ непосредственно къ спасенію души, очищенію грѣховъ и благамъ будущей жизни <sup>2)</sup>.

При такомъ характерѣ книжности, удовлетворяющемъ исключительно церковнымъ потребностямъ, образовалось въ скоромъ времени мнѣніе, что занятіе книгами дѣло не простаго гражданина, а только церковника. Въ XII вѣкѣ говорилъ: «мы имѣемъ женъ и кормимъ дѣтей», «мы служимъ князю и содержимъ власть», «мы занимаемся ремесломъ», прибавляя при этомъ: «не наше дѣло заниматься чтеніемъ книгъ, а чернецкое» <sup>3)</sup>. А въ XIII в. многіе не считали нужнымъ заниматься изученіемъ и св. писанія <sup>4)</sup>; потому что для спасенія души можно было обойтись однимъ *слушаніемъ* книгъ, для котораго даже были особыя правила <sup>5)</sup>. Въ дѣйствительности, мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ, что лица высокопоставленныя были малограмотны или не знали совсѣмъ грамоты. Такъ Дмитрій Донской не былъ хорошо наученъ книгамъ, Василій Темный былъ неграмотенъ <sup>6)</sup>. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаются записи и грамоты, въ которыхъ сказано, что князья и дѣти боярскіе не приложили къ нимъ рукъ своихъ, потому что «не умѣютъ грамотѣ» <sup>7)</sup>. Грамота была низведена на степень ремесла, необходимаго для отправленія церковной службы—и только.

Пока религіозная потребность была не велика, то недостатка въ книжныхъ людяхъ не было замѣтно; но съ распространеніемъ христіанства она возрастала: въ Новгородѣ до 1229 г. было построено 69 церквей, а между 1229—1462 г. не менѣе 150 <sup>8)</sup>. Въ началѣ XVII вѣка въ Москвѣ было—по городамъ и селамъ 1½ тысячи церквей и при нихъ 18 тысячъ клира; да кромѣ того у богатыхъ бояръ вошелъ обы-

<sup>1)</sup> Патерникъ, листъ 194. Полн. собр. рус. лѣт. I, 65, 66, 79, 188, 190. II, 218. Татищевъ, IV, 70. Никоновская, IV, 111. Шевыревъ, III, 35.

<sup>2)</sup> Полн. собр. рус. лѣтоп. 65—66. Опис. рукоп. Рум. муз. 231. Опис. рукоп. Синод. библ. II, 623. Правосл. собес. 1858, июнь, 157, 177, 179; 1862 г. Февраль, 135, 140, 151.

<sup>3)</sup> Рукоп. графа Уварова, II, выпускъ I, стр. 71.

<sup>4)</sup> Обзоръ духов. литер. Филарета, 57.

<sup>5)</sup> Правосл. собес. 1858, июнь, 174, 157.

<sup>6)</sup> Соловьевъ, *Исторія Россіи*, IV, 349.

<sup>7)</sup> Собр. госуд. грамотъ, I, № 184, 556.

<sup>8)</sup> Соловьевъ, III, 34, IV, 231.



чай имѣть у себя домовыя церкви, за служеніе въ которыхъ попы получали по договору деньгами и натурою <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ потребность въ церковнослужителяхъ должна была усилить съ одной стороны поступленіе въ клиръ, съ другой—подготовленіе къ церковнымъ обязанностямъ. Но если одни поступали въ клиръ по влеченію, то гораздо болѣе шло въ церковнослужители, желая избавиться отъ гражданскихъ повинностей; такъ какъ большая часть поступающихъ состояла изъ людей простаго званія или крестьянскаго сословія. *»Церквей много поставлено, говоритъ летописецъ во второй половинѣ XV вѣка, и всякій, не желая заниматься рукодѣліемъ, идетъ въ поны, и изъ того живетъ.»* <sup>2)</sup> Очевидно, что ремесленный взглядъ на свои обязанности вносить такой же взглядъ и въ подготовку къ этимъ обязанностямъ, т. е. въ обученіе. Добываясь священства, эти лица заботились не о разумномъ знаніи грамотности, а только о выполненіи, и то съ грѣхомъ пополамъ, церковнаго круга, лишь-бы достигнуть цѣли. Въ свѣдѣствіе такой нужды явился особый родъ грамотниковъ, которые въ свою очередь *кормились* этимъ выгоднымъ промысломъ, тоже не заботясь объ осмысленіи своей работы. Это были *уже мастера*. Такое печальное состояніе учебнаго дѣла лучше всего видно изъ грамоты Геннадія, архіепископа новгородскаго, къ митрополиту Симону: *»Вотъ, пишеть онъ, приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступитъ не умѣетъ, приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредеть (слѣдовательно псалтирь считалась важнѣе). Я отказываю ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова, не можемъ добыть ктобы умѣлъ грамотъ. Вотъ и обругалъ всю землю, будто вѣтъ человѣка на землѣ, кого бы ставить въ священство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожа-луй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и въ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, и они, не много поучившись азбуку, просятъ прочь, не хотятъ учить ея. А у меня духа не достаетъ ставить неучей въ священники. Мужики нестьжи учатъ ребятъ грамотъ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни приноси мастериу кашу да гривну денегъ, за утреню тоже или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера—и ничего не умѣетъ—едва, едва бредеть по*

1) Котошихинъ, о Россіи, гл. VI, XIII.

2) Полн. соб. рус. летоп. VI, 186.

книгъ; и церковнаго порядка вовсе не знаетъ<sup>1)</sup>. При этомъ Геннадій хлопоталъ о заведеніи училищъ: очевидно, что ихъ уже не существовало, потому что онъ предлагалъ такой же кругъ ученія, какой былъ въ древнемъ періодѣ<sup>2)</sup>. Съ тѣхъ поръ, какъ грамотность низшла до простаго ремесла, пригоднаго на извѣстный случай, а мастера захватили въ свои руки этотъ выгодный промыселъ, училища, лишеныя постоянныхъ средствъ и поддержки общества, неминуемо должны были пасть. А насколько въ тогдашнемъ обществѣ не доставало болѣе нравственныхъ стремленій — доказывается весьма выдающимся фактомъ изъ второй половины XV вѣка. Когда митр. Θεодосій вздумалъ собирать въ Москвѣ еженедѣльно духовенство для поученія и наставленій, то въ средѣ его поднялся такой ропотъ, что Θεодосій принужденъ былъ оставить митрополию<sup>3)</sup>.

Но, какъ видно, и вверху скромныя требованія Геннадія не произвели надлежащаго впечатлѣнія, потому что въ половинѣ XVI вѣка, на стоглавомъ соборѣ, было заявлено: когда епископы спрашивали стабленниковъ: «почему они мало умѣютъ грамотѣ?» то они отвѣчали: «мы учимся у своихъ *отцовъ и мастеровъ*, и учиться болѣе намъ *неидеть*; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, на столько и насъ учать»; «а отцы ихъ, замѣчали члены стоглаваго собора, потому такъ мало умѣютъ и силы божественнаго писанія не знаютъ, что *учиться имъ неидеть*»<sup>4)</sup>. Въ какому же результату пришли члены стоглаваго собора? На соборѣ было постановлено завести по городамъ училища, въ домахъ священниковъ и діаконовъ; «которые учили-бы своихъ учениковъ, грамотѣ: *читать, писать и пѣть*, а также *псалтири, напойному чтенію и канонарханію по церковному чину*; чтобы они, прійдя въ возрастъ, могли быть достойными священническаго чина»<sup>5)</sup>. Слѣдовательно учебный идеалъ и въ половинѣ XVI вѣка оставался тотъ же самый, какъ и въ X. Между тѣмъ, въ это время западная Европа переживала

1) Акты Историч. I, № 105.

2) «Совѣтъ мой, писалъ Геннадій, такой: сперва пусть будетъ истолкована азбука съ гланими, потомъ подтительныя; за тѣмъ выучить твердо *псалтирь съ возмѣдованіемъ*; тогда можетъ канонархатъ и читать всякую книгу». Ibid.

3) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 186.

4) Стоглавъ, гл. 25.

5) Ibid, гл. 26.

уже эпоху возрожденія и вступила въ борьбу съ схоластикою. Но такъ какъ взглядъ на учебное дѣло у насъ оставался тотъ же, то и результаты новыхъ распоряженій, не осмысленныхъ болѣе живою цѣлью и предоставленныхъ доброй волѣ духовныхъ отцовъ, не могли быть лучше прежнихъ. Правда, Одерборнъ говоритъ, что »въ школахъ при храмахъ учатъ дѣтей первымъ началамъ«; (при чемъ выражается: »*катехизации* нѣтъ«); но едвали это извѣстіе имѣетъ обширное значеніе, не говоря уже о крайне-незначительномъ преподаваніи; потому что одновременно съ нимъ Кобенцель, самъ бывший въ Москвѣ (1576 г.), замѣчаетъ: »Во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, что учатся *въ обителяхъ*, а потому изъ тысячи едвали одинъ найдется, ктобы умѣлъ читать или писать«<sup>1)</sup>. Это извѣстіе подтверждается и свидѣтельствомъ Маржерета (около 1600 г.), который, говоря, что въ его время »одни священники наставляли юношество чтенію и письму«, прибавляетъ: »чѣмъ впрочемъ немногіе занимаются«<sup>2)</sup>.

Между тѣмъ какъ школа въ древней Россіи на первыхъ порахъ утратила образовательное значеніе, такое значеніе приобрѣло другое учрежденіе—монастырь. Но, для правильной оцѣнки его вліянія, мы должны прежде прослѣдить характеръ новыхъ идей, выработанныхъ въ византійскомъ обществѣ и которыя были перенесены на русскую почву помимо узкой сферы древней школы.

»Съ періода новой академіи, говоритъ Дрэнперъ, паденіе греческой философіи было непрерывно. Изобрѣтающій геній уже не существовалъ; ~~и~~ ~~в~~ ~~м~~ ~~ѣ~~ ~~сто~~ ~~его~~ ~~заступить~~ ~~вожментаторъ~~. Не тревожась изслѣдованіями объ абсолютной истинѣ, философы ищутъ поддержки въ воззрѣніяхъ прежнихъ временъ, и дѣйствительныя или воображаемыя мнѣнія Пифагора, Платона и Аристотеля принимаютъ за критеріумъ. Въ этомъ періодѣ старости философіи люди начинаютъ поступать такъ, какъ будто въ человѣческомъ племени никогда не существовало ни самостоятельныхъ изслѣдованій, ни открытій, и какъ будто вся истина, которою обладаютъ люди, была не произведеніемъ мысли, а остаткомъ прежняго откровенія небесъ. откровенія теперь совершенно забытаго, вслѣдствіе грѣховности и паденія человѣка. Есть нѣчто весьма грустное въ этомъ совершенномъ прекращеніи изслѣдованія. Умственный толчокъ, кото-

<sup>1)</sup> De legal. ad Moscov. ed. Starcziewscy. pag. 15, 39, 40.

<sup>2)</sup> Записки Маржерета, 260.

рый общать продолжительное существование, при содѣйствіи, сообщенной ему столькими вѣками, силы, казалось, вдругъ совершенно истощился. Политика первыхъ цесарей много способствовала такому быстрому наступленію застоя. Принципъ свободы мысли, признанія котораго необходимо требовало существованіе различныхъ философскихъ школъ—этотъ принципъ былъ слишкомъ способенъ заявить себя въ стремленіи къ политической свободѣ. Въ то время, какъ императоры лишили школы Греціи, Александрии и Рима того первенства, на которое онѣ претендовали, и черезъ это относительно возвысились провинціальныя школы, какъ напримѣръ въ Марсельѣ, Родосѣ, первая безъ шума и частнымъ путемъ начала то соперничество, которое было предтечею великой теологической распри, происшедшей между ними въ послѣдующіе вѣка за политическую власть\* 1).

Общее направленіе философіи этого періода, имѣваго громадное влияние на послѣдующее развитіе мысли въ Греціи, представляетъ тѣсную связь философскихъ понятій съ религиознымъ міросозерцаніемъ востока. Еврей Филонъ, жившій во время императора Калигулы, основывалъ философію и всякое полезное знаніе на преданіяхъ о моисеевыхъ временахъ и аллегорически объяснялъ священное писаніе. По его мнѣнію физическія изслѣдованія приносятъ очень мало пользы, а потому человекъ долженъ надѣяться только на безгрѣшную жизнь и пламенную вѣру. Онъ выдавалъ себя за боговдохновеннаго. Міръ представляется ему главнымъ ангеломъ и первымъ сыномъ Бога; всѣ силы божества соединяются въ одну—>логосъ\* или св. слово; а высшими проявленіями божества называются—творческая мудрость и правящее милосердіе. Но такъ какъ съ понятіями о Богѣ несогласно происхожденіе зла, то Филонъ выводитъ его отъ этихъ силъ, принимая теорію эманаций. Но Филонъ былъ слишкомъ отвлеченъ для простаго пониманія. Аполлоній Тіанскій стоялъ ближе къ жизни. Онъ способствовалъ популярному распространенію оріентализма. Онъ выдавалъ себя за пророка и чудотворца; велъ жизнь аскета въ полномъ смыслѣ слова; стремился преобразовать религиозные обряды и нравственность общества; отрицалъ дѣйствительность жертвоприношеній и замѣнялъ ихъ простымъ поклоненіемъ и чистою молитвою. Очищая такимъ образомъ религію отъ испорченности внѣшнихъ формъ, Аполлоній нападалъ и на постоуль,

1) Дрэнперъ, Исторія интеллектуальнаго развитія Европы. I. 179.

которые, по его мнѣнію, оскорбляли ее своими баснями о богахъ. Онъ держался восточнаго ученія о переселеніи душъ. Такова переходная ступень къ наступившему кризису греческой философіи. Плутархъ, послѣдователь платонизма, въ сущности своихъ мыслей имѣеть много восточнаго. Его Изида—соотвѣтствуетъ «Логосу» Филона. За тѣмъ восточными чертами еще болѣе встрѣчаются у Апулея Нумидійскаго и Нуменія. Послѣдній выводилъ всю греческую философію съ востока. Божество представляется ему съ тремя атрибутами: первый изъ нихъ—разумъ, второй—творческая сила, дающая начало третьему. Ученіе Нуменія непосредственно ведетъ къ неоплатонизму, который распространился тогда по всѣмъ центрамъ умственной жизни древняго міра: въ Римѣ, Константинополѣ, Аѳинахъ, Александріи, гдѣ онъ велъ усиленную борьбу съ возрастающимъ христіанствомъ.

Въ III вѣкѣ, Плотинъ, учившійся въ Александріи, подъ руководствомъ Аммонія Сакоса—основателя неоплатонизма, образовалъ свою школу въ Римѣ. Тамъ онъ пользовался покровительствомъ императора Галліена, а императрица Салонина хотѣла основать для него новый городъ, гдѣ бы онъ могъ приложить къ дѣлу начала платонической республики. Плотинъ проповѣдывалъ презрѣніе къ настоящей жизни и ея благамъ, и даже призывалъ патріотизмъ. Въ частной жизни онъ былъ крайнимъ аскетомъ: не ѣлъ мяса и считался самымъ незначительнымъ количествомъ хлѣба; презиралъ свое тѣло, которое казалось ему призракомъ и помѣхою для души. Онъ вѣрилъ обману своего чувства, что ему удалось видѣть Бога собственными глазами и что онъ соединился съ нимъ шесть разъ. При такомъ настроеніи неудивительно, что его сочиненія были проникнуты мистицизмомъ, представляющимъ смѣсь платонизма съ восточными вѣрованіями и египетскими преданіями.

Въ религіи Плотинъ защищаетъ язычество: мифологія полезна для людей, которые не могутъ возвыситься надъ чувственными представленіями; боги и демоны иногда являются видимо; волшебство можетъ быть совершенно законно и даже не противно философіи; тѣло избрано орудіемъ для наказанія души. Его представленіе о божествѣ основано на платонической идеѣ о троицѣ: 1) Единос и первая сущность; 2) Разумъ; 3) Душа. Самос понятіе о троицѣ опирается на теорію эманации: такъ, второе начало, посредствомъ эманации, произошло изъ перваго; а третье изъ втораго, подобно солнцу, испускающему свѣтъ, который въ свою очередь даетъ теплоту. «Чувственная жизнь, говоритъ

Плотинъ, есть только театральныя подмостки; всякое бѣдствіе ея только воображаемое; всякое горе только обманъ актера... Душа не участвуетъ въ игръ; она есть зритель, и только внѣшній призракъ плачетъ и жалуется. Цѣль существованія есть освобожденіе души отъ внѣшняго міра и обращеніе ея къ созерцанію бога. Это общеніе съ божествомъ описывается у Плотина, какъ опыченіе души, забывающей все внѣшнее и теряющей въ созерцаніи Единого: это состояніе экстаза. Такимъ образомъ здѣсь восточное созерцаніе вполне торжествуетъ.

Ученіе Плотина продолжалъ развивать его ученикъ Порфирій, основавшій свою школу въ Римѣ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ знатокъ астрономіи, музыки, географіи и другихъ наукъ. Его мистицизмъ лучше всего видѣнъ изъ его теоріи духовъ: тамъ онъ говоритъ о демонахъ безтѣлесныхъ, требующихъ пищи, но не безсмертныхъ; нѣкоторые изъ нихъ управляютъ воздухомъ и могутъ быть сдержаны магіею; некромантія также допускается. Съ другой стороны, Порфирій требуетъ у своихъ послѣдователей чистоты жизни, совершенствованія; такъ какъ человѣкъ чрезъ свое паденіе лишился первой непорочности и прежняго знанія; при этомъ признается необходимымъ и воздержаніе отъ животной пищи. Въ достиженіи совершенства Порфирій ставилъ себя ниже Плотина, потому что ему удалось соединиться съ богомъ только одинъ разъ въ восемьдесятъ шесть лѣтъ, а его учитель соединялся шесть разъ въ шестьдесятъ лѣтъ. Философія низошла до магіи и теургіи. О Ямблихѣ рассказывали, что онъ силою своихъ молитвъ могъ подниматься на девять футовъ надъ землею, ничѣмъ не поддерживаемый; какъ онъ, при своихъ ученикахъ, вызвалъ двухъ видимыхъ демоновъ. А Проклъ производилъ дождь и землетрясенія (V вѣка).

Общая вѣра въ силу теургіи и магіи какъ нельзя болѣе благоприятствовала такой философіи. Биографъ Прокла изображаетъ его идеаломъ философа. Его добродѣтели онъ раздѣляетъ на физическія, нравственныя, очистительныя, теоретическія и теургическія. Аполлонъ и Минерва посѣщали его во снѣ; Плутархъ и Лизіанъ посвящали его въ таинства цеолатонизма; а дочь Плутарха сообщила ему преданія халдеевъ и приемы теургіи; онъ былъ также допущенъ къ элевзинскимъ таинствамъ. Значительная часть его жизни была посвящена вызваніямъ духовъ, очищеніямъ, постами, молитвамъ, гимнамъ, сношеніямъ съ богами и духами. Философъ, по мнѣнію Прокла, не есть жрецъ одной религіи, но всѣхъ религій, существующихъ на свѣтѣ.

Онъ построилъ полную теологию, основанную на эманации и мистикѣ. Материаломъ для нея ему служили орфическія поэмы и халдейскія изреченія. Онъ припаялъ титулъ «верховнаго жреца вселенной». Своимъ ученикамъ Проклъ рекомендовалъ читать Аристотеля, но особенно Платона, важнаго въ аллегорическомъ толкованіи. Самое знаніе онъ выводилъ изъ откровенія и сообщеній боговъ.

Изъ религии и философіи мистика перешла и въ другія науки; числа и геометрическія фигуры давали обширное поле для фантастическихъ построеній. Пифагоръ и Платонъ, вѣрившіе въ религиозное значеніе числа, и здѣсь послужили основаніемъ. У новыхъ платониковъ это ученіе образовало цѣлую систему. Чисто-математическія отношенія чиселъ, — какъ равный и неравный, совершенный и несовершенный, изобильный и скудный, — вслѣдствіе этой фантастической наклонности, были связаны съ понятіями добра и красоты, и эти понятія, переплетенныя между собою, составили обширную и запутанную систему. Проклъ, въ значительной степени, основываетъ свою философію на отношеніяхъ единаго и множества; и отсюда онъ выводитъ причинное дѣйствіе божественнаго духа посредствомъ трехъ триадъ; а въ развитіи одной части этой системы играетъ роль число семь. «Мыслимыя и разумныя божества, говоритъ онъ, создаютъ всѣ вещи способомъ триадъ; потому что монады раздѣляются въ этихъ послѣднихъ смотря по ихъ числамъ, и что въ первомъ было монадой, въ послѣднемъ есть число. Разумные боги создаютъ также всѣ вещи посредствомъ семи; потому что они развиваютъ мыслимыя, и въ тоже время разумныя; триады въ разумныя гебдомады (седмицы), и развертываютъ ихъ сосредоточенныя силы въ разумное множество». Семь есть то, что у математиковъ называется *первое* число; т. е. такое, которое не можетъ быть произведено помноженіемъ другихъ чиселъ. У неоплатониковъ число семь называется дѣвственницей; не имѣющей матери, и потому посвящено Минервѣ. Число шесть есть совершенное число, и потому посвящено Венерѣ.

Отношенія пространства понимались такимъ же образомъ, и геометрическія свойства связывались съ такими физическими и метафизическими понятіями, какія только могла соединять съ ними неопредѣленная мысль и живое чувство. Основаніемъ для такихъ выводовъ послужили комбинаціи Платона о частицахъ четырехъ стихій. Каждому роду этихъ частицъ онъ давалъ видъ одного изъ пяти правильныхъ твердыхъ

тѣлъ, относительно которыхъ онъ и его послѣдователи составляли особенныя геометрическія умозрѣнія. Частицы огня—были пирамиды, потому что онѣ остры и поднимаются вверхъ; частицы земли—кубы, потому что онѣ постоянны и совершенно наполняютъ пространство; частицы воздуха—октаэды, такъ какъ онѣ всего ближе къ сферической формѣ. Додекаэдръ есть фигура для стихій неба, и онъ обнаруживаетъ свое вліяніе въ другихъ вещахъ, какъ на примѣръ въ двѣнадцати знакахъ зодіака. Мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, замѣчаетъ Уэвелль, какъ неопредѣленны и пусты эти комбинаціи пространства и числа въ этихъ мистическихъ фантазіяхъ 1).

Подъ конецъ своего существованія, философія вступила въ борьбу съ христіанствомъ. Порфирій написалъ трактатъ противъ христіанства, который вызвалъ на возраженіе Евсевія; Прокль боролся съ христіанами полемическими сочиненіями, и за тѣмъ встрѣчается цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ противъ христіанства. 2). Но религія побѣдила философію. Прокль, возбудившій противъ себя послѣдователей новой религіи, былъ изгнанъ изъ Аѳинъ; а въ 529 г. Юстиніанъ запретилъ обученіе философіи и закрылъ школы въ Аѳинахъ 3).

Соприкасаясь на востокѣ съ различными религіями и философскими системами, христіанство необходимо должно было терпѣть паденія, а принимая въ число своихъ послѣдователей—людей самыхъ различныхъ мнѣній, оно должно было вести борьбу и въ своей средѣ. Иудей, гностикъ, неоплатоникъ, не могли съ-разу позабыть своихъ прежнихъ вѣрованій и убѣжденій. Оттого, въ первые вѣка своего существованія, христіанство ведетъ такую упорную борьбу съ цѣлымъ рядомъ ересей, значительная часть которыхъ прямо указываетъ на свое философское происхожденіе. Со стороны новообращенныхъ евреевъ было заявлено требованіе объ исполненіи христіанами закона Моисея и обрѣзанія; но обращеніе евреевъ прекратилось еще до воцаренія Константина В. 4).

Гораздо глубже было вліяніе на происхожденіе сего со стороны гностицизма и неоплатонизма. Гностицизмъ господствовалъ въ первые четыре вѣка и результатомъ его было множество второстепенныхъ

1) Дрэперъ, I, 180—186. Уэвелль, I, 355—366.

2) Иннокентій, Церковная исторія, I, 13, 78, 158, 249, 310, 311.

3) Дрэперъ, I, 184, 185, 186.

4) Ibid. 234.



секты, примѣшавшихъ къ своимъ ученіямъ даже магизмъ. По мнѣнію гностиковъ Спаситель былъ эманациею разума, происшедшаго изъ вѣчнаго и самобытнаго духа; а этотъ разумъ былъ Христосъ, который представлялся имъ какимъ-то отвлеченнымъ призракомъ. Съ распространѣніемъ христіанства по Египту, оно нашло много послѣдователей въ средѣ неоплатониковъ; потому что изъ всѣхъ философскихъ сектъ платонники доставляли ему наиболѣе членовъ <sup>1)</sup>. Это были главные элементы въ исторіи ересей; но, въ цѣломъ рядѣ ихъ, легко усмотрѣть общее направленіе тогдашней мысли.

Въ II вѣкѣ училъ въ Антиохіи и Сиріи Сатурнинъ. Онъ принималъ два начала: Бога добраго и злую матерію съ ея владыкою. Богъ есть творецъ архангеловъ, ангеловъ, силъ и властей. Семь изъ нихъ, въ числѣ которыхъ одинъ есть Богъ іудейскій, безъ вѣдома добраго и противъ воли злаго начала, сотворили міръ и людей, которымъ доброе начало даровало разумную душу, а злое—злую наклонности. Создателямъ міра Богъ ввѣрилъ правленіе имъ; но, когда они отпали, послалъ Христа, который былъ его *умъ, первоородный, но не рожденный и безплотный*, съ тѣмъ, чтобы онъ, явившись на землѣ въ призракѣ плоти (а въ мѣсто него распятъ Симонъ Киринейскій), разрушилъ царство злаго начала и открылъ путь къ Богу. Желаящіе возвратиться къ нему должны отказать отъ мясной пици, вина, супружества и всѣхъ чувственныхъ удовольствій. Въ этомъ ученіи видны слѣды восточной философіи. Въ то же время, соученикъ Сатурнина Василидъ училъ въ Александріи и находился подъ вліяніемъ египетскихъ воззрѣній. Добраго Бога онъ называетъ таинственнымъ именемъ *ἀβραξάς* или *ἀβρασαξ* (это имя находится на разныхъ іероглифическихъ изображеніяхъ), которое составляетъ число 365, какъ и египетское имя солнца *μίδρης* или *μειδρας*. Отъ этого начала родился *Умъ*, а отъ него *Слово*, и такимъ образомъ произошло семь эоновъ. Два изъ нихъ Динамисъ (сила) и Софія (мудрость) произвели ангеловъ; ангелы создали небо и другихъ ангеловъ; всего до 365 чиновъ и небесъ. Жители нижняго неба, близкаго къ злой матеріи, создали изъ нея міръ и людей, которымъ Богъ далъ разумную душу; но они захотѣли быть боготворимы и, споря о владычествѣ, произвели войны. Тогда Умъ—Христосъ, для восстановленія познанія о своемъ Отцѣ, вошелъ въ челоуѣка Иисуса, который и постра-

<sup>1)</sup> Дрэнперъ, I, 232, 235. Neander, Geschich. der christl. Religion, II, 47—51.

дать. Души, послушныя Сыну Божию, восходятъ къ Богу; остальные переходятъ въ другія тѣла, а тѣла возвращаются въ первобытную матерію. Карпократъ къ этимъ положеніямъ Василіада присоединилъ много волювованій. Третій гностикъ—египтянинъ Валентинъ—былъ послѣдователь Пифагора и Платона. Онъ создалъ новую систему. По его ученію, въ Плиромѣ или всещъломѣ, находится пятнадцать мужескихъ и пятнадцать женскихъ эоновъ, родоначальниками которыхъ были: *лубина и молчаніе; умъ и истина; слово и жизнь; человекъ и церковь*; и четыре зона дѣвственныхъ, которые назывались: Предѣлъ, Христось, Духъ святой, Исусъ. Отъ Софіи, послѣдней изъ эоновъ, родилась Ахамоѣ, которая была низвержена изъ Плиромы въ неустроенную матерію, съ помощію Исуса родила Диміурга, сотворившаго изъ *одушевленной матеріи*—небо и изъ *грубой*—землю. Человѣкъ созданъ изъ обѣихъ матерій, а Ахамоѣ присоединила къ нимъ существо духовное. Чтобы усмирить властолюбіе Диміурга, Христось, пройдя сквозь тѣло Маріи, какъ вода чрезъ каналъ, явился на землѣ и, во время его крещенія, соединился съ нимъ Исусъ, которые предъ страданіемъ оба отлетѣли, оставивъ для креста чувственную душу и эфирное тѣло. Если человѣкъ слѣдуетъ Христу, то его душа, не только разумная, но и чувственная, переходитъ въ блаженное жилище, ближайшее къ Плиромѣ. По очищеніи всѣхъ душъ міръ истребится огнемъ. Ученіе Валентина быстро распространилось по Азій и Африкѣ. А Коларвакъ, примѣняясь ко вкусу того времени, присоединилъ къ нему еще догматъ о вліяніи звѣздъ и планетъ на рожденіе и дѣла людей. Кердонъ распространилъ ученіе Валентина въ Римѣ. Онъ принимаетъ двухъ боговъ: добраго (отецъ Исуса) и злаго (творецъ міра, закона и пророковъ). Признаки злаго начала въ ветхомъ заветѣ онъ видѣлъ въ запрещеніи древа познанія добра и зла; въ строгости; въ казни Содома. Ученіе Вардесана также стоитъ на основаніи восточной философіи: доброму началу свѣта онъ противопоставляетъ злое начало тьмы, изъ которыхъ первое создало добрый міръ и людей, одаренныхъ небесною душою и эфирнымъ тѣломъ; а второе повергло ихъ въ грѣхъ и грубую матерію. А потому нравственность и путь къ блаженству должны состоять въ отрѣшеніи душъ отъ грубой матеріи, посредствомъ созерцанія и воздержанія. Секта Вардесана господствовала въ Сиріи. Праксей, проникая въ христіанское ученіе о Троицѣ, слилъ ипостаси и припаялъ догматъ вочеловѣченія Отца, почему его послѣдователи называются монархіанами и па-

трипассіанами. Изъ Азіи эта секта распространилась по Италиі. Нозій Смирскій въ трехъ лицахъ Троицы видѣлъ не болѣе, какъ различныя силы одного Бога, кромѣ котораго другой не рождался и не страдалъ. Въ лицѣ Монтана теософическое ученіе пошло еще далѣе: онъ выдавалъ себя за обѣщаннаго Иисусомъ Параклита, посланнымъ для довершенія христіанскаго ученія <sup>1)</sup>. При постоянномъ усиленіи христіанства, защитники язычества старались примирить нѣкоторыя его черты съ древнею религіею, и потому наравнѣ съ представителями язычества почитали Христа, и басни о древнихъ богахъ старались приноровить къ евангельской исторіи, а Плотинъ даже изъ соединенія христіанства съ язычествомъ замышлялъ составить одну религію. И какъ неоплатонизмъ далъ христіанству многихъ послѣдователей, такъ многіе христіане, увлеченные подобными соглашеніями, переходили къ какому-нибудь философскому ученію <sup>2)</sup>.

Въ III вѣкѣ ученіе Праксея и Нозія развивалъ ихъ ученикъ—Савелій, въ Антиохіи. Онъ училъ, что Богъ есть единая сущность, а Троица не иное что, какъ три имени. Сюда же относится и Гермогенъ, который солнце считалъ жилищемъ тѣла Христа; міръ полагалъ предвѣчно поврежденнымъ и въ вещахъ находилъ злыхъ духовъ. Павель Самосатскій Сына и Св Духа называлъ такими же сущностями Бога, какъ умъ и сила въ человѣкѣ. Манесъ, родомъ изъ Персіи, занимавшійся философіей, подобно Монтану, явился новымъ Параклитомъ. Его міровая теорія носить общія свойства восточныхъ представленій о борьбѣ свѣта съ тьмою; но къ нимъ онъ примѣшалъ нѣкоторые догматы христіанства. Два начала всѣхъ вещей: тонкая матерія или свѣтъ и матерія грубая или тьма. Владыка свѣта—добрый Богъ; владыка тьмы—демонъ. Оба они произвели множество подобныхъ себѣ существъ. Но, въ продолженіе безчисленныхъ вѣковъ, царь тьмы не зналъ, что существуетъ страна свѣта. Узнавъ объ этомъ, онъ задумалъ покорить ее себѣ оружіемъ. Вождь небесныхъ силъ—*первый человекъ*, въ слѣдствіе

<sup>1)</sup> Иннокентій, Церковная исторія, I, 51—59. Neander, II, 82—125, 138, 155, 225.

<sup>2)</sup> Euseb. Histor. Eccles. lib. III. О неоплатоникахъ Августинъ выражается: »имъ стоило только измѣнить нѣсколько словъ въ своей системѣ для перехода въ христіанство«. De vera religione, VII. О стремленіи представителей язычества къ очищенію языческой религіи и одухотворенію ея, см. статью Никола: Древняя языческая реакція. Заграничный Вѣстникъ, 1865 г.

неудачи въ битвѣ съ темными силами, допустилъ имъ похитить часть небесныхъ стихій и *одушевленную сотта*, которую онѣ смѣшали съ грубою матеріею. Другой вождь свѣта—*живою дузою*, несмотря на успѣхъ, уже не могъ освободить небесной матеріи изъ заключенія въ грубыхъ стихіяхъ. Вождь тьмы, помощью добычи, произвелъ первыхъ людей, родоначальниковъ человеческого рода. Поэтому ихъ природа двойственна: изъ темнаго вещества они имѣютъ тѣло и чувственную душу, а разумную и безсмертную изъ похищенной части свѣта. Богъ, посредствомъ живаго духа, изъ поврежденной матеріи, создалъ землю въ жилищѣ человѣку, съ тою цѣлью, чтобы изъ грубой матеріи постепенно извлекать матерію свѣта. Желая помочь душамъ, заключеннымъ въ тѣлахъ, онъ изъ себя родилъ Христа и св. Духа. Первый здѣсь тоже, что у персовъ Митра, и имѣетъ жилищемъ солнце; второй—свѣтлая масса, разлившаяся по всему ээиру, оплодотворяющая землю и, возбужденіемъ въ мысляхъ людей искръ свѣта, возвращающая ихъ въ прежнее отечество. Чтобы ускорить возвращеніе душъ на небеса, Богъ послалъ на землю Христа въ человеческомъ видѣ, который пострадалъ отъ іудеевъ, наученныхъ княземъ тьмы, но только въ приражѣ, потому что не имѣлъ тѣла. По возвращеніи въ солнце, Христосъ обѣщаль послать Параклита, который и есть самъ Манесъ. Души, принявшія ученіе Христа и Параклита, послѣ борьбы съ страстями и грубою матеріею на землѣ, очищаются послѣ земной жизни водою въ дунѣ и огнемъ въ солнцѣ; прочія же, не праготовившіяся къ этому, переселяются въ безсловесныхъ животныхъ и ниже. Поэтому, для освобожденія отъ грубой матеріи, Манесъ предписывалъ измурять тѣло, какъ произведеніе князя тьмы; жить въ нищетѣ; воздерживаться отъ брака, мясъ, вина (почему причащаль только хлѣбомъ), отъ любви и ненависти. Одинъ изъ избранныхъ его учениковъ изображалъ Іисуса Христа; за тѣмъ слѣдовали 12 апостоловъ, епископы, пресвитеры, діаконы. Манесъ отвергалъ ветхій завітъ, какъ дѣло тьмы, и считалъ недостаточнымъ существовавшихъ писаній, а потому написалъ свое евангеліе. Іеракъ епископъ въ Египтѣ, согласно тамошнему возрѣнію, и самый бракъ считалъ мерзостью <sup>1)</sup>).

Въ IV вѣкѣ Арій, александрійскій пресвитеръ, положилъ основаніе многимъ толкамъ объ отношеніи втораго лица Троицы къ первому

<sup>1)</sup> Инокентій, Церковная исторія, I, 128—133. Neander, II, 186—199, 488,

и третьему. По его учению Христосъ есть Богъ, но менѣйшій Отца; онъ сотворенъ Отцемъ прежде всѣхъ вещей и послужилъ орудіемъ для созданія міра. Духъ св. не есть Богъ, но твореніе Сына Божія, содѣйствующее ему въ твореніи прочихъ существъ. Это ученіе чистыхъ арианъ. Полуаріане признавали Сына Божія только подобнымъ Отцу; третьи принимали, что Сынъ Божій произошелъ изъ ничего. Аполинарій (въ Сиріи) утверждалъ, что Иисусъ Христосъ принялъ только плоть человѣческую, а не душу, вмѣсто которой имѣлъ божество Слова. Македоній, константинопольскій патріархъ, воснулъ главнымъ образомъ третьяго лица. По его учению Духъ св. не есть Богъ, но сотворенная сила и притомъ служебная Сыну Божію, какъ ангелъ. Онъ находится въ каждой твари и дѣлится до безконечности. Авдій, пустынножитель въ Месопотаміи, приписывалъ Богу члены и желанія человѣческія; отсюда ведутъ начало антропоморфиты, распространившіеся изъ Сиріи въ Египту, Италию и Галлію. Мессалиане думали, что во всѣхъ душахъ находится злой духъ, котораго нужно изгнать молитвою и постомъ. Всѣ тѣлесныя движенія они устремляли къ изгнанію думовъ: таковой смыслъ имѣли у нихъ дѣйствія рукъ и ногъ, скачки, круженія и т. п. Луниферіане принимали вещественность души и преліяніе <sup>1)</sup>).

Въ V вѣкѣ константинопольскій патріархъ Несторій, прибывшій изъ Антиохіи, проповѣдывалъ, что Христосъ родился простымъ человекомъ, а божество послѣ соединилось съ нимъ за святость жизни; что Богъ въ немъ жилъ и дѣйствовалъ, но не рождался, не страдалъ и не умиралъ. Это ученіе, потерпѣвшее, послѣ долгихъ смуть, пораженіе въ Константинополь, долго господствовало въ Арменіи, Месопотаміи, Ассиріи и Вавилонѣ. Евтихій, константинопольскій пресвитеръ, возражая Несторію, принялъ такое толкованіе: сщество божеское и человѣческое до воплощенія были раздѣлены, а въ воплощеніи человѣчество поглощено божествомъ, какъ капля желчи или меда моремъ; а потому тѣло Христа ни Дѣвѣ Маріи, ни намъ не единосущно, и Христосъ въ рожденіи имѣлъ единую сущность Слова. Это ученіе возмутило многія церкви на востокѣ и приобрѣло себѣ многихъ послѣдователей, съ различными видоизмѣненіями <sup>2)</sup>).

1) Иннокентій, Церковная исторія, I, 231—234. Neander, IV, 45.

2) Ibid. I, 293, 294.

Въ VI вѣкѣ распространилось ученіе монофизитовъ, допускавшихъ одно естество въ Иисусѣ и породившее другіе расколы. Юліанъ Галикарнасскій и его послѣдователи утверждали, что отъ божества, въ минуту тѣлеснаго зачатія, все человѣческое естество Христа сдѣлалось нетлѣннымъ или безсмертнымъ; другіе (Северь) тѣло Христа признавали тлѣннымъ, и потому ихъ называли тлѣннопоклонниками. Возражатели монофизитовъ основывались между прочимъ на *положеніяхъ Аристотеля*, а это привело въ другому еретическому толку—троебожниковъ, которые стали приписывать каждому лицу Троицы особенную сущность <sup>1)</sup>).

Въ VII вѣкѣ изъ Константинополя выпло новое ученіе о лицѣ Иисуса, съ цѣлью примирить сильную распрю по поводу ереси монофизитовъ. Это было—моноелитство, признававшее въ Христѣ единое богومужеское дѣйствіе и единую божескую волю, которая двигала его человѣческую природу, какъ орудіе <sup>2)</sup>). Въ VIII вѣкѣ несторіане и моноелиты все болѣе распространяли свое ученіе, и въ это время оно уже проникло въ Египцію и Абиссинію. Но съ конца этого вѣка стала сильно распространяться ересь павликіанъ. Она непосредственно примыкаетъ къ восточному міровоззрѣнію. Міръ, по мнѣнію павликіанъ, сотворенъ не верховнымъ существомъ, но низшимъ; начальникъ зла произошелъ изъ огня и тьмы и потому не вѣченъ. Иисусу Христу они приписывали эфирное или небесное тѣло; страданіе и смерть его признавали только явленіями; а писателей ветхаго заветъ считали орудіями творца міра, а не верховнаго существа, а потому и не уважали ихъ <sup>3)</sup>).

X 113 | Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, еретическое движеніе составляло преобладающее явленіе въ умственной жизни Востока и Византійской Имперіи. Восточная мистика и отвлеченныя построенія міра, безъ всякаго знанія его физическихъ законовъ,—вотъ главныя черты въ этомъ броженіи общества, ясно напоминающія его отношеніе къ послѣднему періоду греческой и восточной философіи. Результатомъ каждой ереси были нескончаемые споры, въ которыхъ принимало участіе все общество отъ императора до послѣдняго раба.

<sup>1)</sup> Иннокентій, Церковная исторія, I, 345—348.

<sup>2)</sup> Ibid. 388.

<sup>3)</sup> Ibid. II, 44. Neander, V, 330—340.

Вотъ какъ изображаетъ это состояніе Григорій Назіанзинъ? Византія, говорятъ онъ, наполнена ремесленниками и рабами, глубокомысленными теологами, которые проповѣдуютъ въ своихъ мастерскихъ и на улицахъ. Если ты придешь въ мѣняль размѣнять серебряную монету, то онъ не пропуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ въ Троицѣ отличается Отецъ отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стоитъ фунтъ хлѣба, онъ тебѣ отвѣтитъ, что Сынъ стоитъ ниже Отца; а на вопросъ, спеченъ-ли хлѣбъ? отвѣтитъ, что сынъ сотворенъ изъ ничего<sup>1)</sup>. Константинъ В. лично принималъ участіе въ спорѣ о Троицѣ. Когда появилось въ Александріи ученіе Арія—вся страна была взволнована. Въ Египтѣ не было среди христіанъ ни одного мужчины, ни одной женщины, которые бы не старались разрѣшить вопроса о существѣ единства Бога. Броженіе дошло до такой степени, что императорское вмѣшательство сдѣлалось необходимымъ. Былъ созванъ Никейскій соборъ (325 г.). Результатомъ этого ученія были непрерывные теологическіе споры, и въ одномъ IV столѣтіи было 30 соборовъ противъ Арія и пятнадцать за него, всего 45. Императоръ Констанцій объявилъ себя за ученіе Арія. Императоръ Валентиніанъ слѣдовалъ никейскому исповѣданію; а Валентъ опять аріанскому<sup>2)</sup>. Въ Александріи шла упорная религіозная борьба между язычниками и евреями, соединившимися противъ христіанъ, вызвавшая наконецъ вмѣшательство гражданской власти. Въ спорахъ монофизитовъ императоръ Юстиніанъ былъ на сторонѣ еретиковъ, и даже преслѣдовалъ послѣдователей церковнаго мнѣнія. Въ VII вѣкѣ императоръ Ираклій, желая примирить монофизитовъ съ мнѣніемъ церкви о двухъ естествахъ въ Иисусѣ, допустилъ въ своемъ толкованіи вѣры ученіе о двухъ естествахъ, но одной волѣ. Это послужило предметомъ долгихъ споровъ. Внукъ Ираклія покровительствовалъ моноелитамъ и гналъ противниковъ. Наконецъ шестой вселенскій соборъ произнесъ проклятіе на эту ересь<sup>3)</sup>. Въ VIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ нападокъ магометанъ, Левъ Исаврянинъ велѣлъ уничтожать иконы, заблѣивать стѣны храма и снимать статуи, представляющіе священные предметы. Но онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ духовенствѣ, особенно въ средѣ монаховъ, и въ народѣ. Во

1) Стасюлевичъ, Опытъ историческаго обзора системъ философіи исторіи, 474.

2) Дрәперъ, I, 241—244, 248, 263 256.

3) Иннокентій, Церковная исторія, I, 347, 388.

всѣхъ частяхъ имперіи вспыхнуло возстаніе. Въ теченіе 120 лѣтъ шесть императоровъ слѣдовали полтикъ Льва. Но въ правленіе женщины—Ирины и Θεодоры, прежнее ученіе вполнѣ возстановлено 1).

Слѣды этой постоянной борьбы сохранились въ исторіи. Результатомъ покровительства аріанамъ со стороны Констанція были страшныя убійства; еретикъ Македоній взошелъ на патріархій престолъ по трунамъ трехъ тысячъ гражданъ. Копронимъ, въ борьбѣ противъ иконъ, изгонялъ монаховъ, выдавалъ замужъ монахинь, тиранилъ патріарха и на его мѣсто посадилъ свнуха 2). Евтихіане отстаивали свое ученіе съ оружіемъ въ рукахъ. Въ царствованіе Θεодоры, въ слѣдствіе указа о соединеніи, погибло отъ огня и меча до 100,000 павликіанъ 3). Эта борьба была тѣмъ пагубнѣе, что являлись секты, считавшія только свое ученіе непреложнымъ и отвергавшія даже кающихся отступниковъ 4); и еще тѣмъ пагубнѣе, что самое правительство объявляло себя то за одно, то за другое ученіе: новое правительство приносило съ собою и новое мнѣніе.

Въ еретическихъ мнѣніяхъ на Востоку очевидно вліяніе современной философіи; въ нихъ сильно преобладаетъ языческій элементъ. Тогдашнія школы, пропагандируемыя неоплатониками, сдѣлались центрами, гдѣ выработывалась борьба противъ новой религіи—христіанства; а потому, лишь только язычество потеряло значеніе государственной религіи, школы, какъ притоны язычества, были закрыты. Древніе боги были отождествлены съ демонами и поклоненіе имъ равнялось чародѣйству; а потому людямъ, пріѣзжавшимъ для образованія въ Римъ, который долго служилъ представителемъ язычества, запрещалось оставаться тамъ послѣ 21 года. Императоръ Константинъ изгналъ философовъ и закрылъ медицинскія школы или асклепіоны, которые были замѣнены благотворительными заведеніями. Врачи представлялись наиболѣе ушорными представителями языческой науки. Такъ пала и знаменитая квидская школа. Θεодосій В. запретилъ разсматриваніе внутренностей животныхъ, которое составляло одну изъ принадлежностей язы-

1) Дрэперъ, I, 346—349.

2) Дрэперъ, I, 244, 245, 258, 247.

3) Иннокентій, Церковная исторія, II, 44.

4) Дрэперъ, I, 242, 243.



ческаго богослуженія <sup>1)</sup>). Вслѣдъ затѣмъ Юстиніанъ особеннымъ эдиктомъ закрылъ аѳинскія школы, въ которыхъ преподавалась языческая философія. Левъ Исаврянинъ уничтожилъ всѣ школы, въ которыхъ вмѣстѣ съ христіанствомъ преподавались еще и другія науки <sup>2)</sup>. Во время такой усиленной борьбы сектъ погубило много древнихъ рукописей; потому что противники, истребляя сочиненія другъ друга, не обращали вниманія на такія, которыя вовсе не принадлежали къ нимъ. Въ эту эпоху погибла и знаменитая бібліотека въ Александріи, находившаяся при храмѣ Сераписа, основанная Птоломеемъ Фисконемъ и пополненная Маркомъ Антоніемъ, перевезенною для Клеопатры, бібліотекою изъ Пергама, состоявшею изъ 200,000 томовъ. Такимъ образомъ Серапіонъ сдѣялся величайшимъ въ свѣтѣ хранилищемъ чело-вѣческаго знанія. Но въ рассматриваемую эпоху здѣсь сосредоточилась пантеистическая оппозиція господствующему ученію, а въ стѣнахъ храма издавна совершались колдовства и сношенія съ злымъ духомъ. Въ его портикахъ были магическіе бронзовые круги и солнечные круги для предсказаній; всѣ говорили, что они прежде принадлежали фараону или воцвамъ, боровшимся съ Моисеемъ; но ими въ древнее время Эратосѣнъ измѣрялъ окружность луны, а Тимохаръ опредѣлялъ движеніе планеты Венеры. Александрійская чернь подозрительно смотрѣла на этотъ мавзолей язычества. Случайно, при постройкѣ церкви на мѣстѣ древняго храма Озириса, нашли обценные символы древняго культа, которые потомъ были выставлены на посмѣяніе народу. Тогда вспыхнуло возстаніе язычниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ философъ Олимпій. Возстаніе сосредоточилось въ зданіи Серапіона: они захватывали христіанъ, заставляли ихъ приносить языческую жертву и за тѣмъ убивали у жертвенника. Но, когда появился указъ императора Θεодосія, язычники положили оружіе. Онъ повелѣвалъ немедленно разрушить зданіе. Бібліотека была истреблена. Но Александрія еще оставалась притономъ платоновой философіи, которую въ это время излагала тамъ Ипатія, дочь математика Теона. Она объясняла неоплатониковъ и перипатетиковъ и комментировала произведенія Аполлонія и другихъ геометровъ. Ежедневно у дверей ея академіи стояла вереница

1) Ibid. I, 256, 257, 258, 318, 319 328.

2) Degerando: Histoire des sciences, IV, 150. Gibbon: Geschichte des Verfalls und Unterganges des röm. Reiches, cap. XL.

эпидажей, потому что на ея лекціяхъ томились самыя богатѣйшіе и фэшенебельныя александрійцы. Однажды толпа фанатиковъ напала на Ипатію, въ то время, когда она шла въ свою академію, и умертвила ее <sup>1)</sup>. Въ VIII вѣкѣ, благодаря фанатизму иконоборца Льва Исаврянина, погибла извѣстная константинопольская бібліотека: она была сожжена вмѣстѣ съ учеными, занимавшимися въ ней <sup>2)</sup>. Начало ей, по свидѣтельству Зонары, было положено Константиномъ В.; но при Юліанѣ-отступникѣ она значительно распространилась. Онъ собралъ сюда всѣ произведенія греческой и латинской словесности и философіи. При немъ насчитывали до 120,000 рукописей. На фронтисписѣ бібліотеки Юліанъ приказалъ надписать: *Alii quidem equos amant, alii aves, alii ferae; mihi vero a puerulo mirandum acquirendi et possidendi libros insedit desiderium*. По кодексу Θεодосія при бібліотекѣ полагалось 7 ученыхъ археографовъ: 4 эллиниста и 3 латиниста, обязанность которыхъ состояла въ исправленіи списковъ, составленіи каталоговъ и списываніи рукописей, поврежденныхъ временемъ. При Василискѣ эта бібліотека значительно пострадала отъ пожара. Но императоръ Зевонъ возобновилъ ее. Лѣтописцы упоминаютъ о какой-то драконовой кожѣ въ 120 футовъ длины, на которой были написаны творенія Гомера. При Львѣ Исаврянинѣ число рукописей простаралось до 36000, но онъ велѣлъ поджечь бібліотеку горючими веществами, за сопротивленіе ученыхъ его мнѣніямъ <sup>3)</sup>.

Одинъ изъ современниковъ этой борьбы прямо говоритъ: «Не по незнанію того, чѣмъ восхищаются философы, но по презрѣнію къ такимъ бесполезнымъ трудамъ, мы мало думаемъ объ этихъ вещахъ, и обращаемъ душу къ лучшей дѣятельности». Послѣ того, до чего договорилась философія послѣдняго періода, она представлялась уже «пустою и ложною» <sup>4)</sup>. Между тѣмъ несториане, переселившіеся на Евфратъ, основали тамъ халдейскую церковь. При ихъ содѣйствіи возникло эдесское училище и многія школы; на сирійскій языкъ было переведено много греческихъ и латинскихъ сочиненій, между прочимъ Аристотеля

<sup>1)</sup> Дрэперъ, I, 257, 260—262, 263—265. Объ Александрійской бібліот. сравн. Schöll, *Gesch. der griech. Liter.* III, 8.

<sup>2)</sup> Bernhardt: *Grundriss der Griech. Liter.* 6-й періодъ.

<sup>3)</sup> Базили, *Константиноп. бібліотеки*, Ж. М. Н. П. 1836 г. IX. 142—144; Schöll, III, 170.

<sup>4)</sup> Дрэперъ, I, 259.

и Плинія. Въ союзѣ съ евреями они основали медицинскую школу. Калифы и знатныя магометанскія фамиліи дѣлали этихъ ученыхъ воспитателями своихъ дѣтей. Благодаря сосредоточенію наукъ въ предѣлахъ азіатскихъ калифовъ, тамъ сохранились многіе переводы на арабскомъ языкѣ такихъ произведеній, которыя погибли на греческомъ <sup>1)</sup>. Отсюда въ послѣдствіи вышло вліяніе арабской учености на средневѣбовую Европу.

На сколько закрытіе древнихъ школъ было результатомъ языческой реакціи, на сколько развитіе монашества было реакціей современной испорченности нравовъ. Его отечество на востокѣ. Еще до начала христіанства въ Египтѣ было цѣлое общество терапевтовъ, предпочитавшихъ безбрачіе; у евреевъ извѣстны также ессеи — «сотоварищи пальмъ», по выраженію Плинія. Въ первомъ вѣкѣ христіанства вопросъ о безбрачій былъ уже спорнымъ, и имѣлъ столько защитниковъ, что представителямъ церкви приходилось бороться противъ нихъ <sup>2)</sup>. Воспитанникъ Палестины — Иеронимъ вѣрно опредѣляетъ общее настроеніе, когда говоритъ: — «хотя бракъ наполняетъ землю, но дѣвственность наполняетъ небо» <sup>3)</sup>. Даже въ VII вѣкѣ желаніе безбрачной жизни было настолько сильно, что Кесарій принужденъ былъ проповѣдывать «преимущество смиреннаго супружества передъ гордымъ дѣвствомъ» <sup>4)</sup>.

Природа Египта особенно благоприятствовала развитію монашества. «Меланхолическій и торжественный видъ природы Египта, говорить одинъ путешественникъ, вѣчно-ясное небо, строгій характеръ пирамидальнаго зодчества, ужасное разрушеніе зданій гигантскихъ, превышающихъ силы человѣка — все это невольно приводитъ человѣка къ жизни созерцательной» <sup>5)</sup>. Песчанья пустыня по обѣимъ сторонамъ богатой рѣчной долины представляли большія удобства для такого образа жизни: Нитрія была наполнена монахами, такъ какъ климатъ былъ теплымъ и потребности человѣка могли удовлетворяться безъ труда <sup>6)</sup>. Но когда идея созрѣла, то и препятствія природы были ничто

1) Дрэперъ, I, 319, 320, 333.

2) Иннокентій, Церковная исторія, I, 49; Казанскій, Исторія монашества, I, 24—42.

3) Дрэперъ, I, 354.

4) Иннокентій, Церковная исторія, I, 372.

5) Норровъ, Путешествіе по Египту, II, 350.

6) Дрэперъ, I, 358.

въ сравненіи съ сильною волею и сознательнымъ стремленіемъ въ безконечной цѣли. »Избѣгая рынковъ, городовъ и народнаго шума, говорить о современныхъ отшельникахъ Іоаннъ Златоустъ, они предпочли жизнь въ горахъ, которая не имѣетъ ничего общаго съ настоящею жизнію, не подвержена никакимъ человѣческимъ превратностямъ, ни печали житейской, ни горестямъ, ни большимъ заботамъ, ни опасностямъ, ни порочной любви. Они размышляютъ только о царствіи небесномъ, бесѣдуя въ безмолвіи и глубокой тишинѣ съ лѣсами, горами и источниками.... Занятія у нихъ тѣже, какія были въ началѣ и до паденія у Адама. Адамъ не имѣлъ никакихъ житейскихъ заботъ, нѣтъ ихъ и у монаховъ. Едва начинаетъ восходить солнце, или еще до разсвѣта, они встаютъ съ ложа здоровы, бодры и свѣжи, ибо ихъ не возмущаетъ ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни множество дѣлъ. Вездѣ великая тишина, великое безмолвіе. Одежда—у однихъ изъ козьей, у другихъ изъ верблюжьей шерсти, а нѣкоторымъ довольно одной кожи, и то ветхой. Постелью имъ служить трава; многіе спятъ, не имѣя крова, а небо служитъ имъ вмѣсто крова и луна вмѣсто свѣтильника. Отшельника занимаетъ собою только пустыня; онъ видитъ летающихъ птицъ; колеблемыя вѣяніемъ вѣтерка деревья; потоки, быстро текущіе по долинамъ. И такъ, что можетъ возбудить къ гордости человѣка, живущаго среди такой пустыни?... Въ мірѣ свирѣпствуетъ буря, а отшельники сидятъ въ пристани спокойно и въ великой безопасности, смотря какъ-бы съ неба на караблекрушенія, постигающія другихъ\* 1).

Антопій В. служитъ образцомъ пустынника. Заградивши входъ въ свою пещеру, онъ только чрезъ малое отверстіе бесѣдовалъ съ приходившими. Пищею его былъ хлѣбъ съ солью, а питьею вода; и то онъ вкушалъ однажды въ день по захожденіи солнца, а иногда черезъ два и даже черезъ четыре дня; одеждой его была грубая власяница, ложемъ сухой тростникъ, а иногда и голая земля. Но когда люди нарушили его покой, онъ удалился въ дивую гору, отдѣленную отъ жилища человѣческаго непроходимую пустынею. Тамъ, у подошвы горы, орошенной ручьемъ, усаженнымъ пальмами, онъ построилъ себѣ келлію на столько небольшую, чтобы можно было только лечь. Въ это время отшельничество на столько уже сдѣлалось потребностью, что Пахо-

1) Казанскій, Исторія монашества, I, 10—24.

мій В. ввелъ общежитіе (IV вѣка). Онъ основалъ девять монастырей. Пищею для монаховъ былъ хлѣбъ съ солью, иногда овощи безъ масла и всякой приправы, посыпаемая пепломъ, для большей неприятности. Употребленіе горячей воды считалось уже роскошью. Вступившій въ монастырь долженъ былъ повергаться ницъ передъ проходящею братією и терпѣть всякое поношеніе, нарочно дѣлаемое для испытанія. Нарушеніе порядка въ церкви, даже релігіозными восклицаніями, считалось преступленіемъ, и потому виновникъ долженъ былъ пролежать простертымъ ницъ на срединѣ церкви. Во время рукодѣлія слѣдовало непрестанно имѣть въ умѣ какое-нибудь мѣсто изъ священнаго писанія. Богомысліе—вотъ главное занятіе отшельника. Обыкновенными предметами ихъ размышленія были: смерть, судъ, муки ада, суетность всего земнаго. Кто отправлялся въ путешествіе, возвратясь въ монастырь, не долженъ былъ рассказывать ничего о видѣнномъ на пути. Если монахъ случайно разобьетъ кувшинъ, или поздно придетъ на работу и молитву, или ошибется при чтеніи псалмовъ и заговоритъ съ братомъ изъ чужой келліи; кто возьметъ другаго за руку, видится съ родными, переписывается безъ дозволенія начальника—тотъ во все время богослуженія, простѣвшись ницъ, испрашиваетъ прощенія у братіи. У отшельника нѣтъ собственности, а потому если его назоветъ книгу или грифель своимъ по ошибкѣ—подвергнется эпитеміи. Безъ дозволенія начальника нельзя было взять пальмоваго листа, изъ которыхъ дѣлали корзины. Отдѣльно монахъ не смѣлъ зажечь огня, чтобы обогрѣться, и даже запрещено было въ саду рвать травы, которыя выдавались садовникомъ. Вкушая за общимъ столомъ пищу, монахи опускали на лицо покрывала, такъ что не могли видѣть ничего, кромѣ стола, ни по сторонамъ, что бѣли другіе <sup>1)</sup>). Уставъ Пахомія послужилъ образцомъ для другихъ.

Изъ Египта отшельничество распространилось по всему Востоку. Число монаховъ и частныя черты ихъ жизни, лучше всего показываютъ на сколько оно было выраженіемъ духа времени. Павлу Фивейскому, въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, пальмовое дерево доставляло и пищу, и одежду. Паэнуцій подъ дѣятельною жизнію понималъ только отшель-

<sup>1)</sup> Regula et instituta Pachom. apud Hieron.; Vita Pach. Bolland, Acta Ss. Mens. Majus, d. 14. III. Истор. монашества, I, 47, 52, 68, 125, 134, 135, 140, 141, 144, 248, 150—155, 157. Neander, III, 338—341.

ничество. Ученикъ Пахомія—Оеодоръ, не смотря на настоянія самаго Пахомія, не хотѣлъ видѣть матери, а съ своимъ братомъ обращался, какъ съ постороннимъ. Сарра шестьдесятъ лѣтъ прожила на берегу Нила и ни разу не наклонилась, чтобы посмотрѣться въ водѣ. Піоръ ѣлъ только шесть унцій хлѣба и пять маслинъ, и то принималъ пищу ходя. Когда его спросили почему онъ такъ дѣлаетъ, Піоръ отвѣчалъ: «не хочу заниматься пищею, какъ дѣломъ, и потому ѣмъ между дѣломъ и вмѣстѣ для того, чтобы душа не оцупала тѣлеснаго удовольствія».

Макарій Александрійскій, въ теченіе трехъ лѣтъ, съѣдалъ за одинъ разъ не болѣе 5 унцій хлѣба, а потомъ ѣлъ одинъ разъ въ недѣлю. Но когда ему сказали, что ученики Пахомія въ великій постъ не ѣдятъ варенаго, онъ въ теченіе 7 лѣтъ питался только сырыми овощами, размоченными въ холодной водѣ. Въ великій постъ онъ обыкновенно удалялся въ особую келлію, на глухо закрытую и безъ оконъ. Однажды, когда Макарій занимался рукодѣліемъ, комаръ укусалъ его въ ногу. Въ порывѣ нетерпѣнія Макарій задавилъ его. Потомъ, раскаявшись въ своей нетерпѣливости, осудилъ себя на шесть мѣсяцевъ сидѣть нагимъ при скитскомъ болотѣ. Здѣсь онъ такъ былъ изѣденъ комарами, что думали не въ проказѣ-ли онъ, и когда онъ возвратился въ келлію, только по голосу узнали, что это Макарій. Такому же наказанію подвергъ онъ себя и въ другой разъ, когда строго осудилъ одного изъ братій.

Рассказываютъ, какъ однажды Макарію прислали кисть свѣжаго винограда, и хотя ему хотѣлось ѣсть, онъ отослалъ ее больному монаху, тотъ послалъ другому, и такъ она обошла всѣхъ, пока снова не возвратилась къ Макарію. Въ Канопѣ хижины иноковъ были изъ древесныхъ вѣтвей. Другіе избирали нарочію мѣста, неудобныя для жизни, по причинѣ вредныхъ испареній; или подальше отъ проѣзжихъ дорогъ, такъ что путь въ этихъ мѣстахъ приходилось направлять по теченію звѣздъ. Одежды носили изъ пальмовыхъ листьевъ.

Главною дѣятельностію иноковъ было — созерцаніе Бога, и Макарій однажды до того предался въ теченіе двухъ сутокъ богомыслию въ своей келліи, что не могъ долѣе продолжать этого подвига: ему показалось, что вся комната была объята пламенемъ. Были пустыняики, которые совершали по триста и по семисотъ молитвъ въ день. У инока Павла было положено совершать 300 молитвъ, а чтобы не ошибиться въ счетѣ—онъ клалъ за назуху триста камешковъ, и, по окончаніи каждой молитвы, вынималъ по одному. Одинъ инокъ ходилъ по церковнымъ

дѣламъ въ Александрію. По возвращеніи братія спросили его: каковъ городъ? Истинно, отвѣчалъ онъ, я не видѣлъ лица человѣческаго, помыслъ не увлечъ меня взглянуть на кого-либо. Но болѣе всего избѣгали встрѣчи съ женщинами, и отчасти потому не хотѣли видѣться съ матерями и сестрами. Іоаннъ Ликопольскій, будучи сорока лѣтъ, выстроилъ себѣ келлію на вершинѣ горы и прожилъ здѣсь до девяноста лѣтъ, никого не впуская къ себѣ. Прислужникъ черезъ окно подавалъ ему пищу, которая состояла изъ сырыхъ плодовъ, и во все это время онъ не вкушалъ ничего варенаго, даже хлѣба. А женщинамъ онъ никогда не позволялъ приближаться къ своей келліи. Какъ образецъ нестяжательности объ отшельникѣ Феодорѣ рассказываютъ слѣдующее. У него было три книги духовнаго содержанія, которыя онъ самъ читалъ и другимъ давалъ. Но вдругъ у него явилось недомѣіе—хорошо-ли имѣть эти книги, хотя и приносящія пользу ему и другимъ, или лучше не имѣть. Для разрѣшенія своего сомнѣнія, онъ отправился къ Макарію Египетскому, и, слѣдуя совѣту Макарія, что лучше ничего не имѣть, продалъ книги, а деньги роздалъ нуждающимся. Съ особенною ревностію монахи должны были подвизаться въ отреченіи своей воли и послушаніи: на приказанія старцевъ иноки должны смотрѣть, какъ на слова спасенія и никогда не отриваться отъ исполненія ихъ; а начальника должно уважать, какъ Господа. Жизнь пустынныхъ дѣйствовала обаятельно на поустателей. Нитрійская гора казалась имъ «градомъ Божиимъ», а въ каждомъ монахѣ они видѣли Христа <sup>1)</sup>.

Этотъ общій типъ подвижничества видоизмѣнялся сообразно съ настроеніемъ каждаго, хотя общемою цѣлью ихъ было—борьба противъ плоти. Одни жили въ пещерахъ и назывались пещерники (*σπηλαγωγοί*); другіе жили въ дуплахъ и назывались дендриты (*οἱ δενδριται*); другіе на столпахъ (*στυλῖται*)—столпники; нѣкоторые обрекали себя ходить нагиими (*οἱ γυμνῖται*); другіе—лежать на землѣ (*οἱ χαμῖνοι*); третьи—всегда молчатъ, и назывались молчальники (*οἱ σιωῶντες*); иные давали обѣтъ не мыть никогда ногъ и назывались нечистоногими (*ἀνιπτοποδες*); а нѣкоторые, для большаго подвига, проживали всегда въ

<sup>1)</sup> Казанскій, Исторія монашества, I, 176, 184, 250, II, 25, 26, 35, 36, 100, 38, 41, 24, 51, 56, 103, 120, 154, 156, 91, 112. Иннокентій, I, 113, 291.

нечистотѣ (*οι ῥοποιτες*), и очень многіе оковывали себя желѣзными веригами и назывались желѣзноносителями (*σιδηρομενος*) <sup>1)</sup>. Въ V столѣтіи Симеонъ Столпникъ выстроилъ себѣ столпъ въ шестьдесятъ футовъ вышины и съ вершиной въ одинъ квадратный футъ, чтобы такимъ образомъ дѣйствительнѣе удалиться отъ мірской суеты и приблизиться къ небу. 37 лѣтъ пробылъ онъ на столпѣ, прикованный цѣпью. Проходящій уже издали видѣлъ назидательное зрѣлище неподвижной фигуры человѣка, который стоялъ съ руками, распростертыми на подобіе креста и поднятыми къ небу, или быстро превлонялъ колѣни. Одинъ любопытный зритель насчиталъ тысячу двѣсти сорокъ четыре такихъ движеній и пересталъ считать отъ усталости, хотя неустанная движенія все еще продолжались. Эвагрій называетъ его «святѣйшій воздушный мученикъ». Но когда однажды пустынники потребовали у Симеона сойти со столпа, то онъ, не смотря на обѣтъ, повиновался. Такъ высоко цѣнилось послушаніе! За то онъ имѣлъ могущественное вліяніе на современниковъ. Императоръ Θεодосій повиновался его посланію о запрещеніи Иудеямъ возстановлять синагоги и просилъ его совѣта по дѣлу Халкидонскаго собора. По смерти Симеона, огромная толпа почитателей сопровождала его остатки на гору Телениссу. Далѣе двѣнадцатаго вѣка многіе слѣдовали его образу жизни <sup>2)</sup>. Въ VII вѣкѣ адрианопольскій епископъ Алипій 70 лѣтъ претерпѣвалъ на столпѣ всѣ воздушныя перемѣны. Для соблюденія чистоты тѣла онъ запрещалъ мужескому полу смотрѣть на женскій и обратно. Въ великій постъ, читая исторію страданій Иисуса Христа, онъ проливалъ множество слезъ, терзалъ лицо и волосы, и молился до кроваваго пота; такъ что Метафрастъ уподоблялъ его Юву, а народъ Христу <sup>3)</sup>. Другіе принимали на себя юродство, чтобы еще болѣе тѣснымъ путемъ достигнуть цѣли: путемъ крайняго смиренія, поношенія и осмѣянія, нарушая условія общественной жизни. «Между иноками, говоритъ Евагрій, были и такіе, которые, чрезъ добродѣтель достигнувъ безстрастія, возвращаются въ міръ и среди шума подвизаются, притворяясь помѣшанными, и такимъ образомъ попираютъ тщеславіе. Любомудріе научило ихъ ѣсть безъ чувства и въ харчевняхъ, и въ мелочныхъ лавкахъ, не стыдятся ни мѣста,

<sup>1)</sup> Костомаровъ, Сѣверно-русскія народоправства, II, 418.

<sup>2)</sup> Дрэперъ, I, 353, Церков. исторія Иннокентія, I, 390. Neander, III, 365.

<sup>3)</sup> Инновсентій, Церковная исторія, I, 383.



ни лицъ, вообще ничего.... Нерѣдко посѣщаютъ они бани, и тамъ бывають и моются большею частію съ женщинами, покоривъ страсти такъ, что имѣють полную власть надъ своею природою и не склоняются на ея требованія ни взглядомъ, ни прикосновеніемъ, ни даже объятіями дѣвы. Съ мужчинами—они мужчины, съ женщинами—женщины, и хотятъ имѣть не одну, но обѣ природы<sup>1)</sup>. Съ X вѣка на Востокѣ пріобрѣтаетъ огромное значеніе гора Аѳонъ, гдѣ устроилъ обитель Аѳанасій, при содѣйствіи императора Невифора ~~Здѣсь~~ <sup>Здѣсь</sup> развилося ученіе о безмолвіи и умственной молитвѣ, какъ высшей степени созерцательной жизни. Оно развито въ XIV вѣкѣ. Феоплитомъ и Григоріемъ Синаитомъ. Умъ, говоритъ Феоплитъ, удаляясь всего вѣншнаго и собираясь во внутрення, возвращается къ себѣ, т. е. соединяется съ своимъ словомъ, находящимся въ мысли по естеству; черезъ слово соединяется съ молитвою и молитвою восходитъ въ разумъ Божій со всею силою любви и усердіемъ. Тогда похоть плоти погасаетъ; всякое чувственное желаніе сладости исчезаетъ, и всѣ красоты земныя являються неприятными. По Григорію Синаиту, земля обитованія—есть безстрастіе, и святые въ будущей жизни вѣщаютъ другъ къ другу тайно, безъ звуковъ, посредствомъ св. Духа<sup>2)</sup>. Чтеніе молитвъ совтавляю здѣсь главную обязанность монаха и количество ихъ не вѣмѣнялось въ теченіе года никакими исключительными случаями. Ежедневно онъ долженъ былъ прочесть пѣль псалтири и 600 разъ *Господи Исусе Христе*, при чемъ сдѣлать 300—500 поклоновъ. Кромѣ того, сидя, ходя и лежа, а также во время рукодѣлія, безпреставно слѣдовало говорить ту же молитву. Незнающіе грамотѣ должны были замѣнять означенное правило произношеніемъ наизусть той же молитвы 7000 разъ<sup>3)</sup>. *Ф. С. П.*

Вліяніе моначества было тѣмъ глубже, что оно въ самомъ началѣ создало воспитательную систему: дѣти, извѣстія о которыхъ часто встрѣчаются въ житіяхъ святыхъ, подчинялись той же монастырской дисциплинѣ, куда они отдавались съ малыхъ лѣтъ. Они воспитывались въ тѣхъ же правилахъ, какъ и взрослые. Духъ благочестія и сокрушенной молитвы внушаемъ имъ былъ прежде всего. Кромѣ чтенія, они

1) Евагрій, Церковная исторія, кн. I, гл. 21.

2) Иннокентій, Церковная исторія, II, 76, 300—302, 305.

3) Твор. св. отцевъ, годъ VI, кн. I, 135.

обучались рукодѣліямъ. Наказанія соразмѣрны были съ виною. Если дѣти очень склонны были къ смѣху и играмъ, то ихъ наказывали розгами 1). Аполлосъ и Иларіонъ сдѣялись пустынниками въ 15 лѣтъ; Іоаннъ Лѣствичникъ — въ 16; а Савва каппадокійскій даже въ 8 лѣтъ. Трульскій соборъ (въ концѣ VII вѣка) постановилъ допускать въ монашеству десятилѣтнихъ 2).

Особенно распространилось монашество, когда многіе изъ отшельниковъ стали составлять общины, соединять монаховъ въ монастыри и лавры. Результаты этой реформы обнаружались еще при жизни основателей. Пустыни обращались въ города. На берегу Нила въ монастырѣ Антонія подвизалось нѣсколько тысячъ. Въ монастыряхъ Пахомія — болѣе 10000. У Серапіона арсиностаго было 10000 отшельниковъ. Къ концу IV вѣка въ горѣ Нитрійской жило около 5000. Недалеко отъ Нитріи, на горѣ Фермѣ находилось до 500 подвижниковъ. Въ V вѣкѣ число иночествующихъ въ свитской пустынѣ простиралось до 3500; около Александріи — до 2000. Вокругъ монастырей тянулся цѣлый рядъ келій пустынниковъ, и потому неудивительно, что въ большому празднику иногда собиралось въ главный монастырь до 50000 иноковъ 3).

Кромѣ того въ окрестностяхъ Александріи жило въ одной обители 70 дѣвъ; въ монастырѣ Минь — 400; въ городѣ Оксиринтѣ — до 20000 инокинь. Нѣкоторыя изъ женщинъ, для большаго подвига, выдавали себя за мужчинъ и поступали въ мужескія обители 4). Говорятъ, что въ Египтѣ было въ одно время отшельниковъ не менѣе 76000 мужчинъ и 27000 женщинъ 5). Многочисленность ихъ въ Египтѣ Іоаннъ Златоустъ уподобляетъ множеству звѣздъ небесныхъ; а на востокѣ и западѣ — воинству, превышающему всякое воинство земныхъ царей 6).

Во XIV вѣкѣ въ Іерусалимѣ, въ саввинскомъ монастырѣ, было 14000 монаховъ; въ монастырѣ Θεодосія 16000. Въ X вѣкѣ на горѣ Аѳонѣ было 180 обителей 7); а въ XVI во всѣхъ монастыряхъ состояло болѣе

1) Казанскій, Исторія монашества, I, 5, 164, 175.

2) Ibid. II, 165. Иннокентій, Церковная исторія, I, 291, 314, 378

3) Казанскій, Исторія монашества, I, 54, 120, 129, 165, 217, II, 15, 19, 151, 190, 202, 208.

4) Ibid. I, 246, 248, 265, 267.

5) Дрәперъ, I, 358.

6) Иннокентій, I, 275.

7) Путешествіе діакона Игнатія. Сахаровъ, Путеш. русскихъ людей, 107.

19000 иноковъ, не считая скитскихъ, о которыхъ сказано: »тѣхъ множество, исчислить мы не можемъ, но число ихъ Богъ вѣсть«<sup>1)</sup>.

Въ IV вѣкѣ монашество было занесено на западъ, но тамъ оно сперва было встрѣчено неприязненно. Впрочемъ даже когда утвердилось, то оно далеко уступало въ строгости восточному монашеству. Кассіанъ, говоря о послушаніи тавеннскихъ монаховъ, замѣчаетъ: »хотя ихъ было такъ много подъ руководствомъ одного начальника, но они такъ покорны были ему въ продолженіе всей жизни, какъ ни одинъ на западѣ не былъ въ продолженіи немногаго времени.... Эта покорность и послушаніе таковы, что мы въ своихъ монастыряхъ (на западѣ) не видывали никого, кто бы могъ подражать имъ въ теченіе только одного года«<sup>2)</sup>. Въ то время, когда созерцательная жизнь составляла постоянно главную цѣль восточныхъ монастырей, на западѣ они скоро увлеклись практическими соображеніями и ордена стали служить болѣе мірскимъ цѣлямъ. Конечно и естественныя условія страны рано должны были повліять на измѣненіе характера западныхъ монастырей<sup>3)</sup>.

Съ тѣхъ поръ, какъ монашество на Востокѣ стало давать изъ среды себя представителей церкви—оно приобрѣло политическое значеніе въ государствѣ. Этотъ обычай получилъ начало въ первое время его существованія и продолжался постоянно. Иногда, готовящагося къ важному положенію въ церковной іерархіи, нарочно посылали въ пустыню, для утвержденія въ вѣрѣ. Оттого, въ значительной степени, церковь сохраняла отшельническій характеръ<sup>4)</sup>. Но съ тѣхъ поръ, какъ еретическое движеніе стало волновать Востокъ, монашество должно было принять участіе и въ борьбѣ противъ еретиковъ. Отшельниковъ стали вызывать на соборы. Благодаря защитѣ монаховъ, имѣвшихъ болѣе вліяніе на народъ, иконоборчество было побѣждено. Впрочемъ, приобрѣтая себѣ послѣдователей, многія ереси нашли поддержку и въ монастыряхъ: напримѣръ аріанство, антропоморфиты, ученіе Несторія, Оригена<sup>5)</sup>.

1) Сказаніе о горѣ Аѳонской. Чтен. Моск. общ. ист. 1846, № IV, 18—24. Ср. Чтен. 1847, № VIII, сочин. Паисія, стр. 6.

2) Guizot, Hist. de la civilis. en France, I, Lec XIV. Казанскій, II, 144.

3) Guizot, I, Lec. XIV.

4) Иннокентій, Церковная исторія, I, 250—252, 312—314, 361, 362, II, 300, 302.

5) Исторія монашества, I, 81, 190, II, 19, 281, 292, 209. Иннокентій, Церковная исторія, 425, 426.

Въ монастыри и пустыни являлись языческіе философы и вступали въ состязаніе съ отшельниками. Но ловкая діалектика мало помогала. »Весь земной міръ, говоритъ Маварій Египетскій, и царскія сокровища, и богатство, и слава, и науки (*σοφίας λόγος*) призрачны и не имѣютъ прочнаго основанія, но скоро переходятъ«<sup>1)</sup>. Признавая полезнымъ знать языческую мудрость, Исидоръ Пелусіотъ замѣчаетъ однако: »Языческіе мудрецы хотѣли рѣшить, что такое справедливость, что приличное, что законное и что истинное? Но длинными, противорѣчащими сужденіями своими водятъ какъ-бы въ лабиринтѣ читателей своихъ, и оставляютъ ихъ еще въ большихъ недоумѣніяхъ. Сколько ученѣйшій Платонъ написалъ разговоровъ, стараясь объяснить, что такое справедливость? Однакоже не только не убѣдилъ никого, но даже самъ, лишенный свободы, кончилъ жизнь. Сколько написалъ Аристотель противъ Платона, обращая въ шутку мысли его? Но и самъ не принесъ пользы, а только увеличилъ словопреніе. Какъ много писали стоики, опровергая Аристотеля, но и ихъ ученіе мало. Пусть считающіеся мудрыми сравниваютъ со всѣмъ этимъ ясность божественныхъ словъ, и да перестанутъ пустословить, и да примутъ ученіе божественное, имѣющее цѣлью не удовольствіе тщеславію, но пользу слушателей«<sup>2)</sup>. Если можетъ обмануть и осияніе, то не слѣдуетъ легко довѣряться даже чувствамъ<sup>3)</sup>. Распространеніе еретическихъ мнѣній заставило Пахомія зорко наблюдать за книгами, на сколько-нибудь подозрительными<sup>4)</sup>. Постоянное столкновеніе съ язычниками и еретиками, часто опиравшимися на ученіе древнихъ философовъ, заставило представителей церкви обратить вниманіе на древнюю ученость, чтобы противъ нея защитниковъ дѣйствовать ихъ оружіемъ. Задачу примиренія язычества съ христіанствомъ въ высшемъ образованіи взяла на себя *школа каппадокійцевъ* въ Александріи. Здѣсь, вмѣстѣ съ преподаваніемъ христіанской религіи, занималась классической филологіей и тогдашней эклектической философій неоплатонизма, пользуясь всею этою ученостию къ защитенію христіанства противъ язычества. По этой причинѣ изъ языческихъ писателей установился особый выборъ, опредѣяемый христіанскою точкой зрѣнія на нихъ, такъ что одни изъ классиковъ заняли первое мѣ-

1) Казанскій, Исторія монашества, II, 87.

2) Ibid. 255.

3) Ibid. I, 41.

4) Ibid. I, 142.

сто въ кругѣ тогдашняго учено-христіанскаго образованія, другіе же отодвинулись на второй планъ. Главнымъ предметомъ въ этой школѣ было—истолкованіе священнаго писанія; но рядомъ съ нимъ преподавались: философія, геометрія, грамматика и риторика. Методъ обученія состоялъ въ катихизированіи. Оригенъ старался сблизить древнюю поэзію и философію съ христіанствомъ. Но онъ внесъ въ свое толкованіе аллегорію и мечтательность, а потому близко подошелъ къ духу времени и имѣлъ потомъ большое значеніе въ средніе вѣка. Онъ преподавалъ діалектику и естествовѣдѣніе—съ цѣлю вызвать удивленіе къ совершенству природы; даѣе—геометрію и астрономію, которая изучая надземный міръ, ведетъ человѣка къ возвышенному, небесному. Наконецъ читать съ учениками древнихъ поэтовъ и философовъ съ извѣстнымъ выборомъ. Іоаннъ Златоустъ, Василій В. и Григорій Назіанзинъ часто пользовались древнею мудростію для своихъ цѣлей <sup>1)</sup>.

1) Модзалевскій, Исторія воспитанія, I, 202, 203, 205, 211. «Посвятить себя предварительному изученію вѣдѣній писателей, говоритъ Василій Великій, потомъ уже начнемъ слушать священныя и таинственныя уроки, и какъ-бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ наконецъ взоры къ самому свѣту. Если между ученіями есть какое взаимное сродство, то познаніе ихъ будетъ намъ кстати. Если же нѣтъ этого сродства, то изучать разность ученій, сличая ихъ между собою, не маю служить къ подтвержденію лучшаго ученія..... Займемъ у нихъ тѣ мѣста, гдѣ они выхваляли добродѣтель и порицали пороки. Ибо какъ для другихъ наслажденіе цвѣтами ограничивается благовоніемъ и нестротою красокъ, а пчелы собираютъ съ нихъ и медь: такъ и здѣсь, кто гоняется не за одною сладостію и пріятностію сочиненій, тотъ можетъ изъ нихъ запасть въ душѣ нѣкую стору попользу. Поэтому, во всемъ уподобляясь пчеламъ, должны вы изучать эти сочиненія». (Творенія святыхъ отцевъ, 1843, кн IV).

«Меня обьяла, говоритъ Григорій богословъ, пламенная любовь къ словеснымъ наукамъ. Я старался обогатить себя языческою ученостію съ намѣреніемъ употребить ее въ пособіе христіанскому просвѣщенію, чтобы знающіе одно пустое и суетное витійство, состоящее въ громкихъ словахъ, не превозносились и не могли опутать меня хитросплетенными софизмами». (Жизнь Григорія богослова, Прибавл. къ Твореніямъ св. отцевъ, 1843, I, 12). Знакомство съ языческими сочиненіями считалось необходимымъ для противодѣйствія язычеству, съ цѣлю противопоставить ему преимущество христіанства. Эта мысль имѣется въ виду у всѣхъ христіанскихъ апологетовъ: Іустина философа, Апполона, Тертуліана, Климента Александрійскаго, Оригена, Евсеція Кесарійскаго.

Въ Византійской имперіи, послѣ закрытія древнихъ школъ, забота объ образованіи находилась въ зависимости отъ нѣкоторыхъ, покровительствованныхъ учености, императоровъ. Они снабжали школы учителями и библіотеками на счетъ государственной казны. Послѣ уничтоженія главной константинопольской библіотеки Львомъ Исаврянинномъ, первое мѣсто заняла библіотека, основанная, какъ полагаютъ, Констангиномъ Порфирогенетомъ, которая помѣщалась въ императорскомъ дворцѣ (Буколеонъ) и называлась *Царскою*. Кромѣ того многочисленныя собранія рукописей хранились у патриарховъ и во всѣхъ почти монастыряхъ <sup>1)</sup>. Въ числѣ послѣднихъ заслуживаютъ вниманія аѳонскія библіотеки. Въ Ватопедскомъ монастырѣ подвизались императоры—Андроникъ Палеологъ и Кантакузень, подарившіе ему свои собранія книгъ. Во время бѣдствій Константинополя значительная часть рукописей была передана на Аѳонъ. Съ теченіемъ времени тамъ сосредоточилась вся ученость христіанской Византіи <sup>2)</sup>. Туда посылали за книгами даже изъ Константинополя, когда греки собирались на соборъ въ Феррару <sup>3)</sup>. Оттуда Іоаннь Ласкарисъ вывезъ на западъ до 200 рукописей, преимущественно древнихъ <sup>4)</sup>. Тамъ были отысканы: отрывки изъ 2-й книги Поибія, изъ Девксина, Евсевія, историка Приска, разсужденіе Галіена, недостававшее къ полному собранію его сочиненій, новый сборникъ Езоповыхъ басень съ біографіей, разсужденіе о гимнастикѣ Филосграта, *комментаріи* на разныхъ греческихъ поэтовъ, *сборники* по правамъ гражданскому и каноническому, грамматики и лексиконы <sup>5)</sup>. Предметомъ обученія въ школахъ были—христіанство и греческіе классики; грамматика, риторика и философія. Но грамматика была пизведена на степень сжатаго ученія о формахъ и заключалась въ компендіяхъ; въ сухихъ извлеченіяхъ изъ разныхъ ученыхъ сочиненій, напр. изъ Геродіана. Новыхъ, самостоятельныхъ изслѣдованій въ этой области не являлось. Риторика ограничивалась сухими и отвлеченными комментаріями въ такнмъ писателямъ какъ Гермогенъ и Афтоній.

<sup>1)</sup> Константинопольскія библіотеки, Базили, Жур. мин. нар. проsv. 1833, IX, 144.

<sup>2)</sup> Благовѣщенскій, Аѳонъ Русск. Слово, 1863, августъ, 75, 78.

<sup>3)</sup> О сношеніяхъ Русск. церкви съ святогорс. обител. Твор. св. отц. годъ VI, кн. I, 138.

<sup>4)</sup> Bernhardy, Grundriss der Griech. Liter. I, 533.

<sup>5)</sup> Журн. мин. народ. проsv. 1843, часть XL.

Изъ классиковъ предметомъ обученія и чтенія у людей образованныхъ служили: Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ, драмы Эсхила, Софокла и Эврипида, Аристофанъ, Менандръ, Теокрытъ и даже Ликофронъ. Сочиненія Діонисія Періегета употреблялись какъ учебная книга для юношества. Изъ прозаиковъ: Фукидидъ, отчасти Геродотъ, политическія рѣчи Демосеена и Либаній, біографія Плутарха и Діонъ Кассій. Впрочемъ весь этотъ классицизмъ своеобразно переиначивался съ церковнымъ элементомъ. Большинство ограничивалось библіей и твореніями отцовъ церкви, но священное писаніе изучалось обыкновенно буквально и на память. ~~Отсюда произошелъ тотъ двойственный~~ складъ византійской рѣчи, въ которой восточный тонъ ветхозавѣтныхъ книгъ сливается съ изяществомъ аттического стили. Философія ограничивалась комментированіемъ. Представители ея составляли сокращенія или парафразы по Аристотелю и Платону (Георгій Пахимеръ, Теодоръ Метохитъ, Пселль Старшій). Пселль Младшій въ XI в. пытался возстановить ново-платоническую школу. Плодомъ тогдашней учености были извѣстные сборники, въ которыхъ помѣщались изреченія изъ древнихъ писателей, священнаго писанія и отцовъ церкви, безъ всякой общей мысли и системы. Это стремленіе къ энциклопедизму отразилось на многихъ изъ византійскихъ ученыхъ, и примѣромъ ихъ можетъ служить тотъ же Пселль Младшій, переложившій въ стихи гражданскіе законы и писавшій о математикѣ, исторіи, философіи, медицинѣ и поваренномъ искусствѣ. Пселль Старшій былъ учителемъ императора Льва философа и патріарха Фотія, которые старались возстановить въ Константинополѣ изученіе литературы. До нашего времени сохранился сборникъ или библіотека Фотія, которая, подобно сборнику Стобея, показываетъ наклонность того времени къ собиранію, компиляціямъ и извлеченіямъ, т. е. превращеніе философской жизненности. О другихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ половинѣ VIII вѣка Іоаннъ Дамаскинъ сдѣлалъ извлеченіе изъ нѣкоторыхъ произведешій Аристотеля и примѣнилъ его къ теологіи<sup>1)</sup>.

Въ исторію, въ значительной степени, былъ внесенъ сказочный элементъ. Только немногіе ея писатели отличались чистотою стили и

<sup>1)</sup> Bernhardt, Grundr. der Griech. Literatur. Узелль, Исторія индуктивныхъ наукъ, I, 343—348. Schöll, Gesch. der griech. Liter. III, 80, 221, 418.

У)отдѣлкою; остальные по большей части компилировали прежнихъ писателей безъ всякаго плана, критики и выбора; одни служили выраженіемъ партій, другіе были преданы суевѣрію. Многіе предпринимали написать всеобщую исторію отъ сотворенія міра до своего времени; но въ своихъ трудахъ мѣшали рассказы священной исторіи и языческихъ писателей, и переписывали цѣлыя страницы изъ своихъ предшественниковъ, не указывая источника <sup>1)</sup>. По большей части они служили тому или другому теологическому мнѣнію, хотя одновременно трактуютъ объ исторіи государства; такимъ образомъ и на исторіи отразилась борьба религіозныхъ сектъ. Лѣтописцы, число которыхъ въ это время (*in Zeiten der Barbarei*) *увеличилось*, также лишены были правильнаго сужденія. Они списывали одинъ съ другаго и къ старымъ ошибкамъ прибавляли новыя. Въ древней хронологіи они перенутывали самыя простыя вещи, умалчивая о замѣченныхъ пробѣтахъ и противорѣчіяхъ и такимъ образомъ затруднили дѣю. Римское право было обезображено еще при Юстиніанѣ; такъ какъ его юристы, начиная съ Трибоніана, выпускали все, что напоминало принципы древней свободы, и оставляли только то, что было сообразно съ новыми понятіями о правахъ верховной власти. Математика служила только для практическихъ цѣлей. Что же касается естественныхъ наукъ, то за все время существованія Византійской имперіи онѣ не подвинулись впередъ, сравнительно съ результатами древнихъ авторитетовъ. Для писателей этого рода важны были не наблюденія, а мнѣнія Аристотеля и Плинія. Въ астрономіи преобладало астрологическое направленіе, опиравшееся на воззрѣнія Аристотеля, Птолемея и въ особенности мистическаго Прокла. Медицинѣ не доставало изученія природы, потому что врачи византійской эпохи шли не путемъ изслѣдованія и открытій, а ограничивались объясненіями Галена и другихъ древнихъ писателей. Они были, какъ и тогдашніе философы, эклектиками <sup>2)</sup>.

Въ такомъ же застоѣ находилось и землѣвѣдѣніе. Оно стоитъ въ тѣсной связи съ упадкомъ другихъ наукъ, близкихъ къ нему по своему

<sup>1)</sup> Исключеніе въ нѣкоторой степени составляютъ: Зонара, Агатіасъ, Константинъ Порфирогенетъ, Никифоръ Бріенскій, Анна Комненъ и Іоаннъ Киннамъ.

<sup>2)</sup> Bernhardt, *ibid.* Schöll, III; 246, 436, 471. Уэвель, 370. Шлейденъ, Этюды, 217.



методу. Одинъ писатель того времени говоритъ: »Разыскивать причины естественныхъ вещей, изслѣдовать такъ-ли велико солнце, какъ оно кажется, выпукла луна или вогнута; остаются-ли звѣзды неподвижны на небѣ или плаваютъ свободно въ воздухѣ; какъ велико небо и изъ чего оно сдѣлано; остается-ли оно въ покоѣ или движется; какъ велика земля; на какихъ основаніяхъ она повѣшена и находится-ли въ равновѣсіи;—спорить и дѣлать предположенія объ этихъ предметахъ значить совершенно то же, какъ еслибы мы стали разсуждать, что мы думаемъ о какомъ-нибудь городѣ въ отдаленной странѣ, о которомъ мы не знаемъ ничего кромѣ его имени«. Ученіе о шарообразности земли было извѣстно древнимъ грекамъ. Но въ это время оно положительно опровергалось: »Возможно-ли, говоритъ тотъ же писатель, людямъ быть столь безумнымъ, чтобы вѣрить, что жатвы и деревья на другой сторонѣ земли висятъ внизъ, и что у людей ноги выше головъ? Если вы спросите ихъ, какъ они защищаютъ такія нелѣпости? какъ вещи не падаютъ съ земли на той сторонѣ?—Они отвѣтятъ, что, по природѣ вещей, тяжелыя тѣла стремятся къ центру, подобно ступицамъ колеса, тогда какъ легкія тѣла—облака, дымъ, огонь, стремятся отъ центра къ небу во всѣхъ сторонахъ«. Другіе опровергали мнѣніе объ антиподахъ, потому что между потомками Адама не упоминается такого племени. Стремленіе къ соглашенію мнѣній, отличающее александрійскую эпоху, сохранилось и у византійцевъ. Извѣстный писатель VI столѣтія Козьма Индикопловъ, въ своей »Христіанской топографіи«, старался согласить съ библіей систему Птолемея. Онъ описываетъ »землю, какъ продолговатую плоскость, окруженную прямыми стѣнами и покрытую сводомъ, подъ которымъ небесныя тѣла совершаютъ свои обращенія, обходя вокругъ какой-то высокой горы, которая занимаетъ сѣверныя части земли и производитъ ночь, закрывая людей отъ лучей солнца«<sup>1)</sup>.

Такимъ образомъ въ византійскую эпоху филологическое образованіе преобладало надъ остальными; но и въ немъ господствовало риторическое направленіе, которому значительно способствовало полемическое настроеніе общества. Съ такимъ же характеромъ являются греки на западѣ въ эпоху возрожденія.

Вызывающій характеръ язычества, а потомъ множества севтъ,

<sup>1)</sup> Schön, III, 324, 328—330. Уэвелль, I, 326, 327.

постоянно возбуждалъ въ обществѣ полемику. Результатомъ ея было множество полемическихъ произведеній, которыхъ насчитываютъ тысячами и которыя могли-бы составить порядочную бібліотеку <sup>1)</sup>. Съ IX вѣка отпаденіе западной церкви отъ восточной было причиною новой полемики, тянувшейся нѣсколько столѣтій и составившей цѣлую литературу о спорныхъ вопросахъ (о Духѣ св., объ опрѣсненіяхъ, о власти папѣ) <sup>2)</sup>. Эта полемика особенно усилилась, когда, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, императоры готовы были измѣнить кореннымъ убѣжденіямъ церкви въ пользу политическихъ интересовъ <sup>3)</sup>. Притязанія папъ на Болгарію (IX в.), ересь евхитовъ и богомиловъ (XII в.) оставляли предметъ особыхъ споровъ <sup>4)</sup>. Въ XIV вѣкѣ Николой Кавасила писалъ опроверженія на Тому Аквината, какъ опору латинячь. Въ томъ же вѣкѣ явился въ Солунѣ калабрійскій монахъ Варлаамъ, съ цѣлью дѣйствовать въ пользу латинства, для чего даже принялъ православіе. Узнавши, что афонскіе пустынники вѣрятъ созерцанію божескаго свѣта тѣлесными глазами, онъ донесъ императору. Въ слѣдствіе этого вознѣкъ споръ—быль-ли аваронскій свѣтъ существенный или отраженіе. По этому поводу было 4 собора въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ императоровъ; а историкъ Никифоръ Григорасъ написалъ 10 книгъ противъ 4-го собора <sup>5)</sup>.

Въ слѣдствіе постоянныхъ религіозныхъ столкновеній, религіозные вопросы сдѣлались стихіей византійскаго общества. Императоръ Левъ

<sup>1)</sup> Иннокентій, Церк. исторія, I, 15—20, 82—89, 160—178, 252, 312—316, 320, 321, 362, 384, 402, 404, II, 13—17.

<sup>2)</sup> II, 19, 20, 31, 110, 115, 120, 121, 136, 160, 171, 177, 183, 187, 237—239, 300, 301, 310, 311, 356, 368, 369, 383, 385.

<sup>3)</sup> По свидѣтельству Льва Алмація, греки въ это время особенно изощряли перо и языкъ на римскихъ первосвященниковъ. II, 311.

<sup>4)</sup> Евхиты отвергали все внѣшнее богослуженіе, даже крещеніе; полагали, что въ каждомъ человѣкѣ есть злой духъ, котораго слѣдуетъ изгонять молитвою; что должно избѣгать супружества и употребленія мяса. Вѣрили двумъ тройцамъ. Богомилы учили, что міръ созданъ инымъ духомъ, а потому тѣла человѣческія, какъ темницы божественныхъ душъ, слѣдуетъ умерщвлять постомъ, трудами и созерцаніемъ, чтобы возвратить душѣ потерянную свободу. Поэтому и Сынъ Божій имѣлъ не истинное тѣло, но только видъ его. Они отвергали ветхій заветъ. Монахъ Василій за упорство въ ереси былъ сожженъ. Иннокентій, Церк. ист. II, 196, 197.

<sup>5)</sup> Иннокентій, Исторія церкви, II, 319, 328, 329, 302.

философъ писалъ рѣчи на церковные случаи и посланіе ко всемъ христіанамъ о благочестіи; сами императоры иногда возбуждали споры; напр. иконоборцы, Мехизъ Палеологъ, Андроникъ Старшій, Мануилъ Комненъ. Последний особенно прославился любовью къ подобнымъ диспутамъ. Онъ самъ писалъ огласительныя слова, называемыя селенціями (*σαλέντια*), и читалъ ихъ предъ всѣми; онъ составлялъ догматическія формулы и заставлялъ признавать ихъ; виновные въ преступленіи повелѣнія подвергались изгнанію и ссылкѣ. Однажды Мануилъ потребовалъ признать такую формулу: вочеловѣчившійся Богъ, въ произвольномъ принесеніи себя въ жертву, былъ вмѣстѣ и приноситель и приносимый. Для этого онъ созвалъ соборъ въ Константинополѣ. Споръ распространился въ публикѣ. Тогда императоръ велѣлъ начертать это изреченіе на каменной доскѣ и повѣсить въ Софійской церкви. Въ другой разъ онъ потребовалъ отмѣнить существовавшую формулу для обращающихся изъ магометанства въ христіанство: «богу магометову анаема». Два синода собирались по этому вопросу и когда императоръ не могъ добиться согласія, то сталъ грозить посредничествомъ папы. Тогда измѣнили такъ: «Магомету съ его ученіемъ — анаема». Для большей части византійскихъ царей, говоритъ Никита Хониатъ, рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ... Они считаютъ для себя крайней обидою, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми, подобными богамъ по виду, богомудрыми подобно Соломону, боговдохновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ иль правиль; однимъ словомъ — непогрѣшимыми судьями дѣлъ божескихъ и человѣческихъ... Они сами бывають въ одно и то же время и проповѣстниками догматовъ, и ихъ судьями и установителями, а часто и вараителями тѣхъ, кто съ ними не соглашается.. Иногда какое-нибудь выраженіе проповѣдника перетолковывалось на тысячи ладовъ его противниками и становилось предметомъ жаркихъ споровъ на словахъ и письмѣ. Виновники споровъ окружены были народомъ въ собраніяхъ и на площадяхъ, а мнѣнія ихъ раздѣляли остальныхъ на противоположныя стороны и партіи; такимъ образомъ одинъ и тотъ же диспутъ иногда тянулся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ <sup>1)</sup>. Очевидно, что распространеніе сек-

<sup>1)</sup> Никита Хониатъ, Царств. Ман. Комнена, вн. VII, гл. 5, 6; Царств. Алекс. Комн. III, гл. 3. Иоаннъ Киннамъ, Царств. Иоан. и Ман. Комн.

таторскаго духа развивало полемичку, которая отнимала лучшія силы на защиту тѣхъ или другихъ вопросовъ. Церковь же постоянно должна была находиться въ оборонительномъ положеніи.

Между тѣмъ, какъ сектаторство не переставало тревожить спокойствія совѣсти, — имперіи угрожало политическое уничтоженіе. Постоянная смѣна императоровъ; придворныя интриги, подобныя интригамъ азіатскихъ сералей; борьба партій, стоившая жизни тысячамъ людей; вторженія враговъ, доходившихъ даже до Константинополя; произволъ наемниковъ, господство франковъ и послѣдовавшее за тѣмъ распаденіе областей — вотъ явленія, смѣнявшія другъ друга и, въ своей совокупности, подготовившія паденіе государства. Дальновидные люди заранѣе предвидѣли въ нихъ предсмертную агонію общества<sup>1)</sup>. Разстройство финансовъ дошло до такой степени, что при Андроникѣ Старшемъ, для присканія средствъ, стали продавать украшенія древнихъ царей<sup>2)</sup>. Въ XIV вѣкѣ бѣдность императорской фамилии высказывалась даже въ одеждѣ и домашнихъ приборахъ. Въмѣсто драгоценныхъ камней виднѣлись фальшивые камни и разноцвѣтное стекло; стѣны были покрыты не золотой и серебрянной парчой, не дорогими коврами, а позолоченной кожей; вмѣсто золотой и серебрянной посуды подавалась оловянная, мѣдная и глиняная; наконецъ въ церквахъ съ иконъ снимали украшения, продавая все, что имѣло въ нихъ какую нибудь цѣнность<sup>3)</sup>. Съ 1370 года платежъ дани туркамъ истощалъ средства страны. Тогда императоры стали искать помощи на сторонѣ. Въ 1400 г. французскій король Карль VI обѣщалъ выдавать греческому императору Мануилу около 30000 рубл. ежегодно на его личныя издержки<sup>4)</sup>. Надѣясь на вліяніе и помощь папы, императоры стали хлопотать даже о церковной уніи; но она была неудачна и даже бесполезна; потому что государство давно уже лишилось политической живности. Когда при дворѣ Михаила Палеолога получили извѣстіе объ отнятіи Константинополя у латинявъ, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ государ-

---

кн. II, гл. 10; XIV, гл. 16; кн. VI, гл. 2; Никифоръ Григора: Римск. исторія, кн. XI, гл. 10.

1) Анна Комненъ, Сказаніе о дѣлахъ Алексѣя Комн. III, гл. 9.

2) Никифоръ Григора, Римская исторія, кн. VIII, гл. 10.

3) Никифоръ Григора.

4) Шюссеръ, IX, 22, 44.

ственныхъ людей, вмѣсто того, чтобы радоваться, сталъ горько жаловаться, говоря: «Что я слышу? за что такая напасть? какими грѣхами навлекли мы на себя гибель? Теперь, когда Константинополь въ рукахъ грековъ, гибнетъ всякая надежда» 1). Это лучше всего характеризуетъ порядокъ вещей. При постоянныхъ тревогахъ въ государствѣ, жители цѣлыми городами переселялись въ другія страны, потому что родина потеряла для нихъ свою цѣну 2). Въ числѣ ихъ многіе ученые отправлялись искать счастья на западъ; оставивъ такимъ образомъ и существовавшую науку на произволь судьбы 3).

Наука требуетъ спокойнаго развитія, а потому понятно, какъ должны были отражаться эти волненія на состояніи знаній. Анна Комнень говоритъ, что въ ея время образованіе въ Византіи было въ пренебреженіи, а люди, по большей части, нѣжились и забавлялись перепезами и другимъ играми. При вступленіи на престолъ, ея отецъ нашелъ, что въ самой столицѣ «просвѣщеніе и всякое разумное знаніе находилось въ жалкомъ положеніи, потому что наука была изгнана». Изъ занимавшихся весьма немногіе оказались «едва стоящими у дверей аристотелевой философіи». Впрочемъ и самъ Алексѣй Комнень не совѣтовалъ слишкомъ увлекаться науками 4). Если въ древнюю эпоху Византійской имперіи были въ монастыряхъ люди образованные и считавшіе необходимымъ для своихъ цѣлей научное знаніе; то въ эпоху упадка образованности были монахи, которые съ намѣреніемъ истребляли богатѣйшія бібліотеки, сохранявшія драгоцѣнныя произведенія *старой литературы*. Человѣкъ съ образованіемъ, вступивъ въ монастырь, даже навлекалъ на себя зависть, клеветы и гоненія, потому что овъ загоразивалъ имъ дорогу 5). Когда сербскій деспотъ Стефанъ отыскалъ Паралипоменомъ Зонары, то приказалъ монаху Тимоѳею отнести его для списанія на *Аѳонъ*, въ Хиландарскую лавру. «Переписчикъ, желая провѣрить этотъ Паралипоменонъ съ Ксенофонтомъ, Геродотомъ, Апіемъ, Діономъ, Евсеіемъ кесарійскимъ, Панфиломъ епископомъ, Теодоритомъ кирскимъ и Никитой риторомъ, спрашивалъ

1) Плюссеръ, VИ, 189.

2) Никита Хоніатъ, гл. XVII. Излож. событ. по взятіи Констант. и царств. Ман. Комн. вн. VII, гл. 2, Царств. Алексѣя Комн. II, 5.

3) Галамъ, I, 82, 124.

4) Анна Комнень, Сказан. о дѣл. ц. Алекс. Комн. вн. V, гл. 8, 9.

5) Костомаровъ, Сѣвернорус. народоправства, II, 419.

о нихъ у естъ, вѣдущихъ книжное исправленіе, но многими и самыми названія были неизвѣстны« 1).

Особенно вредно подѣйствовало на византійскую образованность завоеваніе Константинополя крестоносцами и правленіе необразованной Латинской династіи 2). При взятіи города, отъ пожаровъ и грабежа сильно пострадала царская библіотека 3). Здѣсь исчезаютъ слѣды многихъ классическихъ авторовъ и оканчиваются компіляціи изъ древней исторіи, дѣлаемыя прилежными византійцами; а въ языкѣ и речному вкрадываются латинскіе элементы. Это отразилось въ на грамматикахъ, писанныхъ греческими выходцами XV столѣтія и долго служившихъ основаніемъ классическаго воспитанія въ Европѣ 4). Хотя, до взятія Константинополя Магометомъ II, весь высшій классъ обоюго пола говорилъ по-гречески; но въ провинціяхъ, у простаго народа и на всѣхъ вообще островахъ онъ измѣнился и принялъ ту искаженную форму или новый языкъ, который мы называемъ румельскимъ 5). Древнѣйшая рукопись на ново-греческомъ языкѣ, на которую ссылается Дю-Банжъ, хранится въ Парижской библіотекѣ и относится къ XII вѣку; но изустный языкъ сталъ портиться нѣсколькими вѣками прежде 6). По мнѣнію Петрарки, послѣ смерти Леонтія Пилата (XIV в.), въ Греціи не осталось ни одного человѣка, который могъ-бы понимать Гомера. »Можетъ быть, замѣчаетъ Галамъ, слова эти и нельзя при-

1) Паралипоменонъ Зонары, предисл. Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № 1. »И еще воспоситими кого отъ книжное исправленіе вѣдущихъ бысть о сихъ книгахъ, аще гдѣ суть, съ приреченіемъ заклятія отвѣщае ми ниже видѣти сихъ, инымже ниже имена слышати прежде«. Стр. 3.

2) Heeren, Geschichte des Studium der Classisch. Liter. 125.

3) Константинопольскія библіотеки. Жур. мин. нар просв. 1836, часть IX, 144.

4) Галамъ, I, 77.

5) У Евстахія много румельскихъ словъ, а между тѣмъ никто не былъ ученѣе его въ XII вѣкѣ. Къ концу XIV вѣка, по свидѣтельству Колуччіо Салутано, Плутарха переводили de Graeco in Graecum vulgare. Филельфъ, въ одномъ изъ писемъ 1441 г., говоритъ, что языкъ, на которомъ говорили въ Пелопонезѣ »adeo est depravata, ut nihil omnino variat priscae illius et eloquentissimae Graeciae«. Въ Константинополѣ было лучше: »viri eruditi sunt nonnulli et culti mores et sermo etiam nitidus«. Галамъ, I, примѣч. 35 въ главѣ 2-й.

6) Du-Cange, praef. in Glossarium mediae et infimae Graecitatis.

нять буквально; но въ нихъ ясно выражается общее хладнокровіе къ поэтамъ и кажется весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ древнихъ писателей, которыхъ бы намъ всего болѣе хотѣлось отыскать, особенно поэты лирическіе дорійскаго и эолійскаго нарѣчій, погибли именно оттого, что они сдѣлались непонятными для переносчиковъ Восточной имперіи, хотя это также приписывали и взыскательности духовенства. Ауриспа свидѣлствуетъ, что вообще онъ нашелъ мало людей, занимающихся древнею литературою <sup>1)</sup>).

Обозрѣвая результаты византійской учености, Гиббонъ замѣчаетъ: «Константинопольскіе греки держали въ своихъ безжизненныхъ рукахъ богатства своихъ предковъ, не заботясь о пріобрѣтеніи того духа, который создалъ и облагородилъ ихъ достояніе. Въ теченіе десяти вѣковъ они не сдѣлали ни одного открытія. Ни одно историческое, философское или поэтическое твореніе не было свободно отъ недостатка въ красотѣ стиля, чувства и оригинальной фантазіи. Нашъ вкусъ поражается выборомъ исполненныхъ и обветшалыхъ словъ, запутаннымъ настроеніемъ періодовъ, дѣтскою игрой съ фальшивыми и неумѣстными украшениями, наконецъ мучительнымъ трудомъ. Константинопольскіе барды рѣдко подымались выше загадки, эниграммы, панегирива или разсказа; они забыли даже правила просодіи, и, съ мелодіей Гомера, еще звучавшей въ ихъ ухахъ, смѣшали всѣ мѣры стопъ и слоговъ въ своихъ слабыхъ произведеніяхъ, называемыхъ ноэтическими или гражданскими стихотвореніями <sup>2)</sup>».

Завоеваніе Константинополя турками положило конецъ византійской образованности. Въ это время, говоритъ Ранже о послѣдующей эпохѣ, для развитія ума совсѣмъ не было простора. Языкъ наполнился словами болгарскими, турецкими, итальянскими. Учителя думать было не у кого за недостаткомъ учителей. Когда не знали законовъ мірозданія, то дѣйствія ихъ вѣчно отуманивали душу мечтами: *эти греки имѣли совершенно фантастическій взглядъ на вселенную*. Одинъ остался у нихъ элементъ, въ которомъ могла еще проявиться духовная жизнь, — они удержали *голосъ природы* — *тѣнь*... Скорбь и радости обыкновенной жизни, смерть и разлука, одиночество, при-

<sup>1)</sup> Гадамъ, I, 77.

<sup>2)</sup> Gibbon, 2059.

вѣты лунѣ, порученіе посольства птицѣ, довѣрчивый рассказъ облаку, звѣздѣ и морю, мнимое сообщеніе чувства безжизненному міру—все это составляю предметы пѣсенъ 1). Господство варваровъ коснулось и библиотекъ: по словамъ Дукаса, турки продавали десять рукописей платоновыхъ, аристотелевыхъ, богословскихъ и другихъ за одну мелкую монету 2).

Въ параллель съ постепеннымъ упадкомъ образованности, въ обществахъ распространились суевѣрія. Императоръ Левъ философъ написать 17 предсказаній о будущемъ состояніи Константинополя 3). Между преподавателями философіи были такіе, которые вѣрили въ переселеніе душъ 4). Люди изъ высшаго круга имѣли обыкновеніе гадать на тазахъ и лоханяхъ, по полету птицъ и на мутной водѣ; такъ что астрологія считалась уже очень простою забавою. Если кому изъ сановниковъ случалось выпасть съ коня, увидѣть дурной сонъ, услышать таинственный голосъ, выпустить вещь при отправленіи своей обязанности; то все это принимали за предзнаменованіе какого-нибудь общественнаго бѣдствія. На нѣкоторые историческіе памятники города смотрѣли какъ на таисманы, съ которыми связано его существованіе. При дворѣ толпились знахари и чревоѣщатели, къ которымъ обращались за разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. Разныя загадочныя надписи, знаки и буквы, пущенныя въ обращеніе, имѣли глубокой смыслъ въ глазахъ политическаго человѣка. Для Мануила Комнена считалось роковымъ окончаніе его имени (*μλ* означаетъ 38, а онъ царствовалъ 38 лѣтъ); Андроникъ Комненъ всегда опасался начальной іоты (Исаакъ), какъ буквы гибельной для его власти. До какой степени вѣрили въ подобную каббалистику видно изъ того, что придворные Андроника младшаго опасались, чтобы, по его смерти, не произошло возмущенія въ пользу деспота Константина, такъ какъ его имя начиналось съ К, въ пользу которой былъ предубѣжденъ народъ. Готовясь къ какому-нибудь общественному предпріятію, прежде всего прибѣгали къ объясненію предшествовавшихъ предзнаменованій. Исто-

1) Ранке, Госуд. и народы южн. Европы, I, 26.

2) Базили, Константинопольскія библиотекы, Ж. М. Н. II. 1836, часть IX.

3) Иннокентій, Церковная исторія, II, 17.

4) Лѣтопись Георгія Аврополита, гл. 32.



ривъ Никифоръ Григора называютъ болѣе искусныхъ предсказателей — людьми болѣе разсудительными. Онъ говоритъ: «Нельзя сказать, чтобы отъ оракуловъ была пустая и ничтожная польза, если разсматривать ихъ не поверхностно, а съ должнымъ вниманіемъ... Если же нѣкоторые оракулы и оказываются ложными, то это происходитъ не отъ свойства ихъ, а отъ того, что люди, не дожидаясь времени, забываютъ впереди и толкуютъ тѣ или другія изреченія въ свою пользу». Дѣйствительность предзнаменованій въ его время объясняли тѣмъ, что камня-то служебныя силы, однѣ добрыя, другія злыя, обтекаютъ воздухъ и землю, присматриваясь къ тому, что происходитъ здѣсь, и, получивъ свыше знаніе о будущихъ событіяхъ, передаютъ его людямъ то въ сновидѣніяхъ, то при помощи звѣздъ, то съ какого-нибудь дельфійскаго треножника, то при посредствѣ внутренностей жертвенныхъ животныхъ, а иногда посредствомъ голоса, сначала неопредѣленнаго раздающагося, а потомъ раздѣльно въ устахъ каждаго<sup>1)</sup>.

При такомъ настроеніи общества не удивительно, что въ его об-  
ращеніи было множество книгъ, стоявшихъ въ ложномъ отношеніи  
какъ къ церковному ученію, такъ и къ наукѣ. Это — литература апо-  
крифовъ. Древніе церковные писатели, въ составленіи ложныхъ книгъ,  
очень часто упрекали еретиковъ<sup>2)</sup>. И дѣйствительно, мистическій ха-  
рактеръ многихъ изъ нихъ указываетъ на связь съ тѣмъ сектаторскимъ  
движеніемъ, которое мы рассмотрѣли выше и которое въ значительной  
степени носить на себѣ восточный характеръ. Въ свою очередь апо-  
крифы иногда служили источникомъ для новой ереси. Такъ, своею  
дорожили откровеніемъ Авраама, секта архонтиковъ — книгою Еноха,  
богомыслиемъ пророчествомъ Исаи и апокрифическимъ откровеніемъ  
Іоанна<sup>3)</sup>. Эта ересь, распространившись по Болгаріи, оставила тамъ  
слѣды своей апокрифической литературы, произведенія которой обы-  
кновенно соединяются съ именемъ богомыльскаго ересарха, попа Іере-  
мія. Датье она имѣла значительное вліяніе и на Россію, первыхъ ере-

<sup>1)</sup> Никита Хоніатъ, Царств. Ман. Комм. IV, гл. 6; VII, гл. 7; Царств. Алекс. Порфирород. гл. 12; Царств. Андрон. Комм. I, 5, 9. Излож. событ. по взятіи Констант. латин. гл. 15, 17. Никифоръ Григоръ, III, гл. 4; V, гл. 5, 7; VIII, гл. 5, 11, 14, 15.

<sup>2)</sup> См. обширное указаніе на еретиковъ и еллинскихъ мудрецовъ въ нашемъ индексѣ. Расколъ, Щапова, стр. 449—452.

<sup>3)</sup> Пыпинъ, объ отречен. книгахъ, Русск. Слово, 1862, январь, 84.

тиковъ которой также считаютъ богоядами<sup>1)</sup>). Къ этой категоріи относятся сказанія: о вѣстномъ древѣ, какъ Христа въ пошы ставили, какъ Христось плугомъ орагъ, вопросы Іоанна Богослова, о трясавицахъ, чародѣйскія заклинанія<sup>2)</sup>). Апокрифы, по своему религиозному характеру, вполнѣ выражаютъ то религиозное движеніе, которое нѣсколько вѣковъ волновало Востокъ: въ нихъ отразились восточныя преданія, смѣсь языческой мудрости и умственное направленіе отвлеченныхъ сектъ Востока. Поэтому очень рано въ церковной средѣ стали составлять индексы ложныхъ книгъ<sup>3)</sup> и разсуждать о нихъ даже на соборахъ<sup>4)</sup>). Религиозное содержаніе ихъ увлекаю и правовѣрныхъ, но не твердыхъ въ церковной догматикѣ, при томъ склонныхъ, какъ мы видѣли, къ каббалистикѣ и гаданіямъ. Таковы апокрифы: Адамъ, Енохъ, Ламеховы книги, Патріархи, Сиѡва молитва, Моисеевъ завѣтъ, Елдадъ, Молдадъ, псалмы Соломона, Ильино обавленіе, Исаяно обавленіе, повѣсти Іакова, странствованія апостоловъ, евангелія Варнавы и Фомы, житіе Петра въ пустынѣ 52 года, о продажѣ Христа, о крещеніи архистратига Михаила, хожденіе Богородицы по мукамъ. За тѣмъ идетъ особая литература сказаній о мученикахъ и святыхъ<sup>5)</sup>). По своему характеру апокрифы, какъ нельзя лучше, подходили къ указанному настроенію общества. Греческіе книжники имя Адама объясняли начальными буквами четырехъ странъ свѣта (arktos, dysis, anatole, mesembria), и поэтому заключали, что въ его имени уже содержалось названіе странъ свѣта, которыя должны были населиться его потомствомъ<sup>6)</sup>). О Енохѣ говорится, что онъ былъ на пятомъ небѣ и исписалъ 300 книгъ; объ адамовомъ лбѣ, что въ немъ сидѣло семь царей; о Макаріѣ Римскомъ, какъ три монаха нашли его и узнали, что въ 30 поприщахъ отъ него находится рай; въ словѣ Меѡдія Патарскаго предсказывалось, что земля будетъ горѣть три года, говорилось о царяхъ Гогъ и Магогъ, запечатанныхъ Александромъ Македонскимъ; въ осо-

1) Рудневъ, О расколахъ и ересьяхъ, стр. 37.

2) Пыпинъ, ib. 94.

3) См. у Монфокона pag. 193—194. Извѣстны индексы Аѡанасія, Нивеѡора Константинопольскаго и Никона Черногорца.

4) Вопросы Іоанна Молчальника, предложенные на соборѣ пагр. Николою. Кормчая 1284 г. Толст. отд. I, № 311.

5) Расколъ, Щапова, 449.

6) Пыпинъ, Рус. Слово, 1862, февр. 48.

бомъ сказанія помѣщенно какъ 300 ангеловъ соице воротать. Въ этому же роду причислялись книги, наполненные разнаго рода гаданіями которыя подвергались сильнымъ нападкамъ духовныхъ писателей <sup>1)</sup>. А въ томъ числѣ и люди, приготовившіе разныя волшебныя пояски и талисманы <sup>2)</sup>. Какое вліяніе оказали эти книги на русское міросозерцаніе мы каснемся въ третьей главѣ. Но и въ Византіи онѣ пользовались извѣстнымъ значеніемъ: отрывки изъ Еноха встрѣчаются въ узаніяхъ церковныхъ писателей, а также у Кедрина и Синбелла <sup>3)</sup>.

То же настроеніе византійскаго общества выразилось и въ весьма распространеннейшей тамъ мысли о близкой кончинѣ міра, занесенной въ Византію съ Востока. Она встрѣчается въ апокрифахъ, историческихъ сочиненіяхъ и паскаліяхъ. Кедринъ, писавшій въ XI вѣкѣ, говоритъ о сѣдьюмъ днѣ творенія, какъ о прообразѣ сѣдьюма тысячелѣтія, когда долженъ окончиться видимый міръ, ссылаясь на Іосифа и апокрифъ малое бытіе. Въ XII вѣкѣ Григорій коринѣскій находилъ прообразъ 7000-лѣтняго существованія міра въ 7 воскресныхъ дняхъ пятидесятницы. Всѣ греческія паскаліи не идутъ далѣ 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра и въ концѣ ихъ иногда говорится о приближающейся его кончинѣ. Въ XIV в. эта мысль встрѣчается уже въ церковныхъ книгахъ. Двѣ греческія рукописи XII и XIII вѣва основывали свои доводы о времени кончины міра на переложенія въ числа именъ Моисей, Христосъ и слова крестъ (*σταυρός*). Но третья рукопись совѣтовала при томъ обращать вниманіе на событія міра и въ особенности не угрожаютъ ли Константинополю какія-либо бѣдствія <sup>4)</sup>. Дѣйствительно, политическія событія были слишкомъ ясны, чтобы не обратить вниманія на приближающуюся бѣду Константинополь палъ.

Изъ всего сказаннаго мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Вторженіе восточныхъ идей въ область знанія въ послѣдній періодъ древней науки—увлекло ее въ отвлеченную сферу; а склонность къ примиренію всѣхъ мнѣній лишила науку самостоятельнаго изслѣдованія и развила въ ученыхъ страсть къ комментаторству и ком-

1) Расколь, Шапова, стр. 449.

2) Пыпинъ, Рус. Слово, январь, 90.

3) Fabricii, Vel. Test. I, 160—199.

4) О паскаліи, Правосл. Собес. 1860, ноябрь. Karls des Grossen Kalendarium. Berlin, 1858.

пиляціямъ. Результатомъ этихъ трудовъ были извѣстные *сборники*. Такое надравленіе сохранялось и въ византійскую эпоху, потому что положеніе вещей, въ научномъ отношеніи, нисколько не измѣнилось: византійцамъ мы обязаны собраніемъ древнихъ рукописей, извлеченіямъ, сокращеніямъ, однимъ словомъ *сохраненіемъ* древняго матерьяла.

2) Вторженіе языческой философіи послѣдняго періода въ область религіи отразилось также отрицательно: оно породило въ византійской имперіи множество сектъ, которыя были причиною обпирной полемики, сосредоточившей всѣ силы общества на религіозной борьбѣ.—Но

3) Сектаторское движеніе имѣло и *положительный* результатъ: въ борьбѣ съ еретиками восточная церковь выработала ту прочную догматическую систему, которая потомъ всегда въ состояніи была отстоять ея самостоятельность, даже въ то время, когда императоры, изъ-за политическихъ выгодъ, готовы были пожертвовать религіозными интересами. Въ этомъ заключается главное значеніе Византіи. Такъ поднимали и греки. Въ спорѣ о раздѣленіи церквей, бывшемъ при Іоаннѣ Ц Компенѣ, когда Ансельмъ Гавельбергскій сталъ уворять Никиту, епископа никомидійскаго, множествомъ ересей въ греческой церкви, то Никита отвѣчалъ: «Ереси служатъ только къ укрѣпленію вѣры и всегда побѣждаются православіемъ».

## Глава II.

Вліяніе греческой образованности возможно было только посредствомъ греческаго языка и переводовъ. Въ теченіе долгаго времени греки занимали высшія мѣста въ русской церкви. Въ періодъ до-монгольскій, когда русскіе митрополиты жили въ Кіевѣ, въ лѣтописяхъ упоминается 23 митрополита, изъ которыхъ три русскіе, три неизвѣстнаго происхожденія и 17—несомнѣнно греки. На епископскихъ каноодахъ встрѣчается также нѣсколько грековъ: напр. Іоакимъ корсунянинъ въ Новгородѣ, Антоній въ Черниговѣ, Мануиль въ Смоленскѣ. Косма—въ Полоцкѣ, Иларіонъ—въ Ростовѣ. Полагаютъ, что и клиръ на первыхъ порахъ былъ частію изъ грековъ, частію изъ болгаръ, образовавшихся подъ вліяніемъ византійскихъ началъ. Съ переселеніемъ митрополитовъ въ Москву, до паденія Константинополя, въ числѣ рус-

связь иерарховъ встрѣчаются греки (Максимъ, Θεοφάνης, Фотій) и южные славяне (Киприанъ, Исидоръ) <sup>1)</sup>.

Въ то же время, мы имѣемъ нѣсколько извѣстій объ изученіи древнихъ языковъ и основаніи библиотекъ. Татищевъ упоминаетъ о Ефремѣ, учившемъ греческому языку въ Новгородѣ (XI в.). Въ XII вѣкѣ внукъ Мономаха, князь Михаилъ Юрьевичъ, съ греками и латинами могъ говорить ихъ языкомъ, какъ русскимъ <sup>2)</sup>. А Романъ Ростиславичъ смоленскій устроилъ училища, для которыхъ на свой счетъ содержалъ учителей—грековъ и латинистовъ, и не только самъ занимался книгами, но и другихъ понуждалъ къ этому <sup>3)</sup>. Пріисканіе греческихъ и латинскихъ наставниковъ въ то время не могло составлять особенной трудности, когда, по свидѣтельству «Слова о полку Игоревѣ», въ Кіевѣ жили какъ греки, такъ и западные иностранцы, стоявшие въ весьма близкомъ отношеніи къ русской жизни. По случаю побѣды Святослава кіевского надъ половцами и торжества ея въ Кіевѣ, тамъ говорится: «ту нѣмци и вепедци, ту греци и моравя поють славу Святославлю». Это извѣстіе подтверждается и другими, свидѣтельствующими, что въ то время проживало въ Россіи довольно грековъ <sup>4)</sup>. Въ началѣ XIII вѣка великій князь Константинъ Всеволодовичъ устроилъ училище во Владимірѣ при церкви св. Михаила, гдѣ учили юношей русскіе и греческіе монахи. А умирая онъ завѣщалъ училищу свой домъ, книги и значительныя волости <sup>5)</sup>. Константинъ былъ большой любитель книгъ; держалъ при себѣ ученыхъ людей; покупалъ по высокой цѣнѣ греческія книги и велѣлъ переводить ихъ; собиралъ извѣстія, относящіяся къ исторіи прежнихъ князей и даже самъ писалъ. Результатомъ его дѣятельности была извѣстная библиотека во Владимірѣ, въ которой однѣхъ греческихъ книгъ было болѣе 1000. Эти книги онъ приобрѣлъ отчасти покупкою, отчасти въ даръ отъ патріарховъ, уважавшихъ его любознательность <sup>6)</sup>. Въроятно по старанію же Константина

1) Макарій, Исторія русской церкви, I, 28; II, 7—11; IV, кн. 1-я, 13, 21, 62, 85.

2) Татищевъ, Исторія російская, III, 220, II, 205.

3) Ibid. III, 238.

4) Макарій, Истор. церкви, II, примѣч. 510.

5) Татищевъ, III, 415.

6) Ibid. 416. Константину приписываютъ исторію и описаніе земель, сгорѣвшія во время пожара. Татищевъ, III, примѣч. 625. О его любви къ бесѣдамъ и чтенію книгъ см. также Полн. собр. руск. лѣт. I, 188.

было положено начало библиотекъ въ Ростовѣ, куда онъ посланъ былъ отцомъ на княженіе. Въ первой половинѣ XIII вѣка въ Ростовѣ былъ извѣстенъ богатствомъ, а также и книгами, епископъ Кириллъ; но онъ лишился всего имущества въ слѣдствіе одного тяжёлаго дѣла <sup>1)</sup>. Быть можетъ изъ этихъ собраній составилаь извѣстная Ростовская библиотека, о значеніи которой, уже въ XIV вѣкѣ, можно судить по извѣстію жггя Стефана Пермскаго. Въ немъ говорится, что Стефанъ потому избралъ для жизни ростовскій монастырь, что тамъ «было много книгъ» <sup>2)</sup>.

Впрочемъ, судя по достовѣрнымъ извѣстіямъ, знаніе греческаго языка не шло глубоко. Если Лука Жидята переводилъ съ греческаго, а Стефанъ Пермскій научился греческой грамотѣ <sup>3)</sup>, то ихъ знаніе предназначалось только для духовныхъ трудовъ. Дѣятельность представителей церкви греческаго происхожденія была значительно стѣснена незнаніемъ или плохимъ пониманіемъ русскаго языка <sup>4)</sup>. Въ этомъ со- знается одинъ изъ дѣятельныхъ митрополитовъ грековъ—Никифоръ <sup>5)</sup>. На это сильно жавались и русскіе князья <sup>6)</sup>. Вотъ почему, изъ означеннаго числа греческихъ іерарховъ, въ духовной литературѣ встрѣчается всего нѣсколько: Леонтій, Георгій, Іоаннъ II, Никифоръ, Фотій. Покровительство, оказанное нѣкоторыми князьями,—грекамъ и латини- стамъ, зависѣло отъ ихъ доброй воли и, лишенное поддержки со сторо- ны общества, рано или поздно должно было пасть. Романъ Ростисла- вичъ, на содержаніе училищъ и иностранныхъ учителей, растратилъ все свое имущество, такъ что нечѣмъ было его похоронить, и народъ дол- женъ былъ сдѣлать складку <sup>7)</sup>. Но такихъ князей было мало. Вліяніе училища Константина Всеволодовича и его библиотеки было весьма не- значительно, потому что эти учрежденія не пережили и 10 лѣтъ послѣ своего основателя. Въ большомъ пожарѣ, 11 мая 1227 года, сгорѣло 27 церквей, дворъ Константина и церковь Михаила, со всѣми богат- ствами, при которой было училище. Тогда погорѣли и многія книги <sup>8)</sup>. Но если даже русская грамотность, въ слѣдствіе односторонняго взгляда

1) Полн. собр. рус. лѣт. I, 192.

2) Житіе Стеф. Пермс. въ Русск. свят. Филар. апрѣль, 104.

3) Ibid. 104. Истор. церк. Филар. II, 40. Обзоръ духов. литер. стр. 8.

4) Макарій, Истор. церк. III, 9.

5) Макарій, Церк. истор. II, 161 и примѣч. 283.

6) Акты историч. I, № 39.

7) Татищевъ, III, 238—39.

8) Ibid. III, 446.

и послѣдовавшаго за тѣмъ паденія училищъ, не могла вполнѣ привить-  
ся, то тѣмъ болѣе—греческая. Уже на Владимірскомъ соборѣ 1274 г.  
митрополитъ Кирилль жаловался, что до того времени церковныя пра-  
вила были невыразительны, по причинѣ греческаго языка, и съ удо-  
вольствіемъ указывалъ на новый переводъ Кормчей, присланный ему  
изъ Болгаріи <sup>1)</sup>. Это подтверждается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ о  
невыразительности старыхъ переводовъ, въ которыхъ было много словъ  
южнославянскихъ и греческихъ; о замѣнѣ ихъ русскими выраженіями  
и о составленіи лексиконовъ непонятныхъ словъ, именъ и предметовъ.  
Сами переводчики, иногда не понимая точнаго смысла греческихъ словъ,  
оставляли ихъ непереведенными или совсѣмъ опускали; другіе замѣ-  
няли непонятныя слова по своему соображенію, отчего и самый пере-  
водъ выходилъ двусмысленнымъ, неяснымъ или даже превратнымъ <sup>2)</sup>.

Изъ XVI вѣка сохранилось извѣстіе о замѣчательной библиотекѣ  
московскихъ князей. Въ хроникѣ рижскаго бургомистра Франца Ние-  
нштедта разсказывается, что лютеранскій пасторъ города Дерпта, Іоаннъ  
Веттерманъ, взятый въ плѣнъ при Іоаннѣ Грозномъ, видѣлъ эту би-  
блиотеку, благодаря тому уваженію, которымъ онъ пользовался у царя,  
какъ ученый мужъ. По словамъ Веттермана, она состояла изъ еврей-  
скихъ, греческихъ и латинскихъ книгъ, и хранилась подлѣ княжескихъ  
покоевъ, подлѣ двумя каменными сводами. Она досталась русскимъ  
князьямъ еще въ давнія времена, отъ константинопольскаго патриарха <sup>3)</sup>.  
Карамзинъ полагаетъ, что эта библиотека была собрана отчасти дре-  
вними князьями, отчасти книги ея были привезены въ Москву вел.  
княгинею Софіею изъ Рима <sup>4)</sup>. Но профессоръ Кюссіусъ сомнѣвается,  
чтобы она могла уцѣлѣть отъ древнихъ временъ, при тѣхъ опустоше-  
ніяхъ, какимъ вообщѣ подвергались русскіе города, и потому пола-  
гаетъ, что основаніе ей положено при Іоаннѣ III, а большая часть  
книгъ досталась изъ Рима, при бракосочетаніи вел. князя съ грече-  
скою царевною Софіею <sup>5)</sup>. И въ спискахъ Веттерманова извѣстія, у

<sup>1)</sup> О Кормчей, Калачова, Чтен. Моск. общ. годъ III, № 3, 83.

<sup>2)</sup> Опис. рукописей Румянц. музея, 3, 161, 146, 31, 34, 753, 269, 717. Опис. рукописей Синодальн. библиот. I, 19, 36, 37, 68, 198, 203, 249—61, 289, II, 180. Царскій, № 327. Іоаннъ Экзар. Болгар. 103. Обзоръ дух. литер. 144. Истор. церк. Филар. II, 42.

<sup>3)</sup> Хроника Ниенштедта, Monumenta Livoniae antiqua. 1839, II, 67.

<sup>4)</sup> Карамзинъ, VII, 107.

<sup>5)</sup> Библиот. Вас. IV и Іоанна IV, Ж. М. Н. П. 1834, июнь.

Арида и Гадебуня, стоитъ вмѣсто Константинополя—изъ Рима, кѣтъ перваго источника нельзя отвергать безусловно. Кромѣ того, рукописи могли достаться изъ Константинополя черезъ грековъ-выходцевъ, послѣ паденія греческой имперіи.

Максимъ Грекъ, вызванный въ Россію, но долго жившій въ Италіи въ эпоху возрожденія, когда великій князь Василій Іоанновичъ показалъ ему эту библіотеку, воскликнулъ: «Государь! вся Греція не имѣетъ вышѣ такого богатства, ни Италія, гдѣ латинскій фанатизмъ обращалъ въ цель многія творенія нашихъ богослововъ, спасенныя монхи единоземцами отъ варваровъ магометовыхъ»<sup>1)</sup>. Если въ этихъ словахъ связано очень много, то все-таки библіотека московскихъ князей составляла замѣчательное явленіе въ древней Руси. На основаніи открытія, сдѣланнаго въ одномъ сборникѣ профессоромъ Дабелювымъ<sup>2)</sup>, оказывается, что въ этой библіотекѣ хранилось до 800 рукописей, которыя частію были куплены, частію же получены въ даръ съ Востока. Между ними были очень замѣчательныя сочиненія на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Изъ нихъ, въ означенномъ документѣ, упоминаются на латинскомъ: Исторія Тита Ливія, книга Цицерона *De republica* и 8 книгъ *historiarum*, Светоніевы исторіи о царяхъ (въ переводѣ того лица, которому принадлежитъ извѣстіе), *Tacitus Hist.*, *Corpus Ulpiani*, *Varianiani*, *Pauli* и т. д., книга римскихъ законовъ, Юстиновы исторіи, *Codex Constit. imper. Theodosii*, *Virgilii Aeneid.*, *Calvi orationes et Poemata* (думаютъ, что это *Cajus Licinius Calvus*, рѣчи и сочиненія котораго утрачены), *Justiniani Codex Constit.* и *Codex Novellar.* По словамъ документа, эти книги достались отъ императора<sup>3)</sup>. Потомъ упоминаются: Война Югурты Саллюстія, сатиры Спра; *Caesae, Comment. de bello gallico* и *Codex Brithalaun.* (полагаютъ, что это поэтъ Кодръ, упоминаемый у Ювенала и Вергилія, или *Antoaius Urcus Codrus*, умершій въ 1500 г. въ Бомонь). Изъ греческихъ исторіи Пом-

<sup>1)</sup> Карамзинъ, VII, 107.

<sup>2)</sup> Дабелювъ, прибывшій въ Дерптъ въ 1819 г., занимаясь разысканіями о нидерландскомъ правѣ и получая документы изъ разныхъ городовъ. Въ числѣ документовъ, относящихся въ Дерпту и Перноу (*Comest. Borgatensis et Pernaviensis*), находилось извѣстіе одного дерптскаго пастора, который имѣлъ въ своихъ рукахъ рукописи московскаго царя. Кюссіусъ, Ж. М. Н. Просвѣщ. 1834, июнь, 407, 408.

<sup>3)</sup> «Эти манускрипты писаны на тонкомъ пергаментѣ и имѣютъ золотыя переплетныя». Замѣчено въ спискѣ. № 413.



бія, комедіи Аристофана, Basilica et Novellae Constitutiones, Pindari Carmina, Haelektion Geographica; Theodori, Athanasii, Zamareti etc. Interpretationes Novellarum, Zamolei Mathematica; Justin. leg. agrar., Эфановъ переводъ пандектовъ. Остальныя означены не ясно <sup>1)</sup>.

Такимъ образомъ, кромѣ богатаго собранія богословскихъ сочиненій, Великокняжеская бібліотека представляла много интереснаго и въ научномъ отношеніи. Русское извѣстіе выражается вообще, что тамъ было «безчисленное множество греческихъ книгъ <sup>2)</sup>» а извѣстіе, открытое Дабеловымъ, говоритъ: «большая часть суть греческія; но также много и латинскихъ». Въ ней хранилась и извѣстная толковая псалтирь, для перевода которой нарочно вызвали Максима Грека <sup>3)</sup>. Она заключала въ себѣ 24 толкователя, изъ которыхъ не было позже Максима исповѣдника (VII вѣка) <sup>4)</sup>. Впрочемъ вызовъ Максима Грека показываетъ, что въ Москвѣ не было людей, которые могли-бы взяться за это дѣло. Тоже подтверждаютъ и другія современныя извѣстія о судьбѣ бібліотеки. Максимъ Грекъ выражается, что она была занерта въ теченіе *многихъ лѣтъ* <sup>5)</sup>. Его біографъ говоритъ объ открытіи бібліотеки въ такомъ смыслѣ, какъ будто Василій Іоанновичъ, осматривая сокровища древнихъ князей, былъ изумленъ обширнымъ собраніемъ книгъ; но, замѣчаетъ при этомъ, *никто не могъ разобрать ихъ* <sup>6)</sup>. Изъ того, что, по прибытіи Максима Грека въ Россію, ему поручено было между прочимъ составить опись бібліотеки, видно, что она не имѣла даже каталога. Послѣдующая дѣятельность его не касалась уже бібліотеки; не видимъ мы также и другихъ указаній о томъ, чтобы эта бібліотека имѣла большое вліяніе на литературное движеніе въ Москвѣ, которое было довольно сильно въ XVI вѣкѣ. Извѣстно только, что, по желанію Іоанна Грознаго, царскіе дѣяки предлагали Веттерману и тремъ иностранцамъ -- Шрѣфферу, Шрѣдеру и Бравелю, заняться переводомъ одной изъ книгъ, по они убоялись, что ихъ заставятъ переводить и другія (хотя имъ предлагали приличное вознагражденіе), и потому

1) Библіотека Василія IV и Іоанна IV, стат. Кюссіуса, Жур. мин. нар. просв. 1834, іюнь.

2) Москвитянинъ, 1842 г. № XI, Максимъ Грекъ, 47.

3) См. наше изслѣдованіе «Максимъ Грекъ», 102, 103.

4) Твор. св. отцевъ, годъ 17, кн. II, 190.

5) Сочин. Макс. Грека. Правосл. собес. 1861, іюль, 299.

6) Москвитянинъ, 1842, № XI, 47. Евгеній, Слов. духов. писат. II, 389.

отказались от работы недостаткомъ подготовки. Книги были снова спрятаны. Авторъ извѣстія, найденнаго Дабеловымъ, говоритъ, что царь хотѣлъ имѣть переводъ Тита Ливія и кодекса Юстиніана, чего тотъ не въ состояніи былъ сдѣлать; но исторія о царяхъ Светонія была имъ переведена <sup>1)</sup>. Клоссіусъ полагаетъ, что Московская бібліотека погибла въ смутное время, можетъ быть при сожженіи Москвы въ 1611 году <sup>2)</sup>.

И такъ, непосредственное вліяніе древнихъ языковъ было весьма незначительно. А это усиливало значеніе другой отрасли литературы — *переводной*, характеръ которой обуславливался тѣмъ направленіемъ, какое давала монастырская образованность Византіи и тою потребностью, для которой назначалась первоначально книга въ Россіи. О Ярославѣ I сохранилось лѣтописное извѣстіе, что онъ собралъ много писцовъ въ Кіевѣ, которые переводили съ греческаго на славянской и списали много книгъ, которыя были положены въ Софійской церкви <sup>3)</sup>. Такъ образовалась значительная бібліотека при Софійскомъ храмѣ. Князь Николай Святоша, постригшійся въ Печерскомъ монастырѣ, тратилъ на покупку книгъ свою казну, и просилъ переводить ихъ съ греческаго инокъ Θεодосія, вѣроятно грека. Симонъ свидѣтельствуетъ, что эта бібліотека сохранялась до его времени въ Печерскомъ монастырѣ <sup>4)</sup>. Посредниками въ сообщеніи книгъ, въ значительной степени, были южные славяне. Есть извѣстіе, что на первыхъ же порахъ болгарскій царь Симеонъ, — покровитель письменности, прислалъ въ Россію вмѣстѣ съ духовными и *много книгъ* <sup>5)</sup>. Труды, совершенные подъ его покровительствомъ и при участіи Іоанна, экзарха болгарскаго, перешли въ Россію. Въ XIII вѣкѣ, митрополитъ Кирилль указывалъ на первый переводъ Коричей, присланный ему изъ Болгаріи <sup>6)</sup>. Книжное вліяніе Болгаріи и Сербіи продолжалось и въ послѣдующіе вѣка. Памятникомъ его осталась многочисленность древнихъ нашихъ рукопи-

<sup>1)</sup> Жур. мин. нар. проsv. 1834, іюнь, 404—406, 412, 413.

<sup>2)</sup> К. Клоссіусъ, Библіот. Вас. IV и Іоанна IV, Ж. М. Н. П. 1834, іюнь.

<sup>3)</sup> Полн. собр. русск. лѣтон. I, 65, 66.

<sup>4)</sup> Шевыревъ, Исторія литер. II, 144, пр. 9; Обзоръ духов. литер. Филарета, 32.

<sup>5)</sup> Татищевъ, I, 38.

<sup>6)</sup> Русскія Достопамят. I, 107.

сей съ правописаніемъ болгарскимъ, сербскимъ или смѣшаннымъ съ русскимъ 1). Поэтому, рядомъ съ греческими словами, въ толкованіяхъ приходилось объяснять слова и выраженія сербскія и болгарскія 2).

Но гораздо важнѣе въ образовательномъ отношеніи было непосредственное вліяніе Византіи. Въ Константинополѣ и на Аѳонѣ сосредоточилась обширная книжная дѣятельность: тамъ одни переводили, на славянскій языкъ греческія книги, а другіе списывали ихъ. Въ Студійскомъ монастырѣ, пословамъ Стефана новгородца (1300 г.), жили русскіе, искусные въ списываніи книгъ и посылали оттуда въ Россію *много книгъ*: уставы, тріоди и иныя книги. Какъ видно, русскіе имѣли постоянное пребываніе въ Константинополѣ, потому что, долгое время спустя, другой путешественникъ (Игнатій, 1391 г.) говоритъ, что его упокоили въ монастырѣ Предтечи жившіе тамъ русскіе 3). Въ XIV вѣкѣ, въ монастырѣ св. Предтечи, въ Константинополѣ, по волѣ Аѳанасія, игумена Высоцкаго, написанъ сборникъ святоотеческихъ сочиненій 4). Въ Студійскомъ же монастырѣ жилъ митрополитъ Кипріанъ, который особенно трудился въ переводѣ на славянскій языкъ сочиненій отцовъ церкви. Тамъ онъ перевелъ Лѣствицу съ толкованіями 5), а въ Стенной книгѣ говорится вообще, что онъ переюжилъ *много* святыхъ книгъ съ греческаго на русскій языкъ 6). Слѣдовательно въ Константинополѣ переводная дѣятельность шла довольно правильно. На Аѳонѣ, гдѣ она была шире, этому содѣйствовало раннее появленіе славянскихъ монастырей. Въ XI вѣкѣ тамъ упоминается русскій монастырь, въ XII—сербскій, въ XIII—болгарскій. Уже въ XII вѣкѣ, въ спискѣ имущества русскаго монастыря Ксиургу, упоминаются русскія книги, именно: апостолы, прологіи, синаксары, пареміаки, митологіи, творенія Ефрема Сирина и номоканоны 7). На

1) Напр. Опис. Рум. музея №№ 28, 85, 86, 115, 116, 119, 120—30, 132, 133, 134, 136—140, 150, 195, 196, 201, 210, 273, 275, 356, 380, 402, 472. Опис. рукоп. синод. библ. II, № 107, 111, 120, 123, 129, 131, 142—146, 161, 126, 149, 155, 156, 170, 175.

2) Опис. Рум. муз. 169, и Іоаннъ экз. Болгар. 173.

3) Сахаровъ, Сказ. русск. народа, II, 53, 54. Путеш. Стефана новгородца и путеш. Игнатія, стр. 100.

4) Опис. рукописей Рум. музея, стр. 516.

5) Филаретъ, Обзоръ духов. литер. стр. 78.

6) Стенн. книга, I, 388.

7) Русскіе иноки на Аѳонѣ, Христіан. чтеніе, 1853, октябрь, и Опис. Аѳонскихъ монастырей, Чтен. Москов. общ. исторіи, 1846, № 4.

Аѳонѣ занимались списываніемъ книгъ русскіе монахи: Савва, игуменъ тверскій, Досифей, игуменъ печерскій, Митрофанъ Бывальцевъ, Іона, игуменъ угрѣинскій, и особенно Ниль Сорскій<sup>1)</sup>. Савва принесъ съ собою съ Аѳона Кормчую, которою пользовался Вассіанъ, архіеп. ростовскій<sup>2)</sup>. Изъ переводовъ, сдѣланныхъ на Аѳонѣ, извѣстны слѣдующіе: въ 1371 году, монахъ Исаія перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ Діонисія Ареопагита, съ толкованіями Максима исповѣдника; въ 1399 монахъ Іоаннъ перевелъ «Плѣны Іерусалима» и книгу Іосифа Маттаіева; Гавріилъ хиландарскій (1412) — толкованіе Олимпіодора на книгу Іова; Венедиктъ и Іаковъ. (1426) разные бесѣды Іоанна Златоуста; Григорій хиландарскій переложилъ Паралипомонъ Зонары и дополнилъ его изъ Амартоа (1408)<sup>3)</sup>. (Изъ древнѣйшихъ рукописей получены съ Аѳона: толкованія словъ Григорія богослова и лѣтопись, Георгія инока, писанныя на хлопчатой бумагѣ; въ XIII вѣкѣ — прологъ, писанный на пергаментѣ; въ 1397 г. Тактиконтъ, Никона черногорца, списанный въ Новгородѣ<sup>4)</sup>. Онъ имѣлъ большое значеніе для русскихъ догматиковъ того времени, потому что заключаетъ въ себѣ много отрывковъ, весьма значительныхъ по объему, изъ отцовъ церкви. Отсюда почерпали свои богословскіе доводы Іосифъ Волоколамскій и Ниль Сорскій, не указывая источника тѣхъ обширныхъ цитатъ<sup>5)</sup>, какія встрѣчаются въ ихъ сочиненіяхъ. Аѳонская гора постоянно сохраняла для Россіи значеніе вѣчнаго источника.) Въ XVI вѣкѣ оттуда принесъ съ собою въ Россію греческія книги Максимъ Грекъ<sup>6)</sup>. Съ его именемъ встрѣчается у насъ и сочиненіе Іоанна Дамаскина: Ихнилатъ и Стефанитъ<sup>7)</sup>. При патріархѣ Никонѣ, по поводу исправленія книгъ, посланъ на Аѳонъ, для приобрѣтенія греческихъ рукописей, Арсеній Сухаловъ: тамошніе монастыри, а въ томъ числѣ

<sup>1)</sup> Опис. рукоп. Румянц. музея, стр. 587, 590. Прибавл. къ твор. св. отцевъ, 1853, II, 813, 814.

<sup>2)</sup> Рукоп. Толстаго, I, № 169. Житіе Саввы Вышерскаго. По изд. Филарета, октябрь, 178.

<sup>3)</sup> Прибавл. къ твор. св. отцевъ. VI годъ, кн. I, 138. Журн. министер. нар. д. просвѣд. Указатель матеріаловъ отечествен. исторіи, Строева.

<sup>4)</sup> Правосл. собесѣд. 1859, декабрь, 382, 383.

<sup>5)</sup> Ibid. 384.

<sup>6)</sup> Соч. Максима Грека, Т. II, 419.

<sup>7)</sup> Каталогъ Демидова, Чтен. Моск. общ. истор. 1846, № II, 28.

и рускій, прислали съ нимъ 500 книгъ, весьма древнихъ: между ними были такія, которымъ считалось 1050, 700, 600, 500 и 400 лѣтъ <sup>1)</sup>).

Результатомъ переводной дѣятельности у южныхъ славянъ, въ Византіи и отчасти въ Россіи было значительное количество переводовъ отцовъ церкви, религіозно нравственныхъ сочиненій и византійскихъ сборниковъ, которые сообщили русской жизни исключительно религіозное направленіе, сохранявшееся во все время древняго періода, подъ преобладающимъ вліяніемъ византійской литературы. Болгарскій царь Симеонъ, прозванный за свою любовь къ просвѣщенію *книголюбезъ*, собралъ около себя цѣлое общество людей, которымъ поручено было перевести на славянскій языкъ необходимыя творенія отцовъ церкви. Самъ онъ перевелъ съ греческаго 136 избранныхъ словъ Іоанна Златоуста и назвалъ свой сборникъ «Златоуструемъ». Его сотрудникъ Іоаннъ, экзархъ болгарскій, перевелъ богословіе и философію (діалектика) Іоанна Дамаскина и написалъ Шестодневъ, или исторію творенія міра по книгѣ Бытія, руководствуясь бесѣдами Василія В. и Іоанна Златоуста. Эти книги встрѣчаются у насъ въ раннюю эпоху (XII—XIII вв.), кромѣ философіи, списокъ которой принадлежитъ XVI вѣку, въ рукописи митрополита Данила <sup>2)</sup>. По повелѣнію же Симеона переведенъ съ греческаго языка сборникъ, содержащій въ себѣ по преимуществу догматическіе вопросы изъ разныхъ отцовъ церкви (о св. Духѣ, о Троицѣ, объ ипостасяхъ, о правдой вѣрѣ, о книгахъ священнаго писанія), отрывки изъ церковной исторіи Евсевія и нѣсколько статей общаго характера: пресвитера Теодора ранскаго о разныхъ философскихъ предметахъ, Георгія хоривскаго de figuris, Іоанна Дамаскина о мѣсяцахъ: македонскихъ, римскихъ, іудейскихъ, греческихъ, египетскихъ. Этотъ сборникъ былъ списанъ въ 1073 г. для великаго князя Святослава <sup>3)</sup>. Другой сборникъ Святослава, написанный въ 1076 г., также списанъ съ южной рукописи и содержитъ въ себѣ разные творенія отцовъ церкви <sup>4)</sup>. Пандекты Антиоха, игумена обители св. Саввы, въ болгарскомъ переводѣ, представляютъ собраніе текстовъ свящ. писанія о разныхъ

<sup>1)</sup> Опись старопечат. книгъ, Строева. 161, 162.

<sup>2)</sup> На лаузовъ, Вѣкъ болгарскаго ц. Симеона; Калайдовичъ, Іоаннъ, Экз. Болгарскій, 15, 100, 129, 17, 75, 86, прилож. IV. Опис. рукопис. Синод. библіотеки, II, № 155, 156.

<sup>3)</sup> Опис. Рум. музея, № 356.

<sup>4)</sup> Келпепъ, Спис. русск. памятник. стр. 29.

предметахъ догматическаго и нравственнаго содержанія. Они расположены въ 130 отдѣленіяхъ и встрѣчаются въ рукописяхъ XII—XV вв. Здѣсь помѣщено сказаніе Антіоха объ инокахъ и о лаврѣ св. Саввы, за тѣмъ идетъ рядъ статей объ иноческихъ добродѣтеляхъ, о воздержаніи плоти, о борьбѣ съ страстями, объ удаленіи отъ женщинъ; о смиреніи, терпѣніи, правосудіи, послушаніи; о трудѣ, нищелюбіи, безмолвіи, повинненіи и т. п. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ за пандектами слѣдуетъ гатеріяжъ житій, представляющій примѣры духовной жизни восточныхъ отшельниковъ <sup>1)</sup>.

Отъ древнѣйшей эпохи (до XIII в.) разными путями достались въ Россію: огласительныя поученія Кирилла іерусалимскаго (XII в.); толкованія разныхъ отцовъ церкви на посланія апостола Павла (XIII в.); 13 словъ Георгія богослова (XI в.); толкованіе Аванасія александрійскаго на псалтирь (XII—XIII в.) и Григорія, папы римскаго (XI в.) на евангеліе; бесѣды на воскресныя евангелія изъ Іоанна Златоуста, Кирилла александрійскаго и Исидора Пелусіота (XIII в.); два сборника отрывковъ и поученій изъ отцовъ церкви <sup>2)</sup>; Лѣствица Іоанна синайскаго (XII и XIII вв.), пользовавшаяся уваженіемъ въ послѣдующіе вѣка. Переводъ Лѣствицы представляетъ смѣсь болгарскаго нарѣчія съ сербскимъ. Около 1370 г. сербскій князь Георгій Бранковичъ нарочно вызывалъ «многочѣтныхъ старцевъ» изъ афонскихъ монастырей въ Смедерево, чтобы они привели въ порядокъ эту книгу <sup>3)</sup>. Въ XV вѣкѣ при ней помѣщалось сказаніе Григорія Синаита о восьми главныхъ страстяхъ и добродѣтеляхъ <sup>4)</sup>. Въ посланіяхъ Симона и Поликарпа встрѣчаются мѣста изъ патерика скитскаго <sup>5)</sup>. Въ XIII вѣкѣ появились у насъ слова Ефрема Сирина, а въ одномъ прологѣ того же времени помѣщено его слово о мірской суетѣ и воскресеніи мертвыхъ <sup>6)</sup>. Къ этому же времени относится Апокрифъ съ толкованіемъ Андрея

<sup>1)</sup> Калайдовичъ, Іоаннъ Экз. Болгарск. 12, 95, 96. Опись рукоп. Синодальн. библиот. № 159. .. и стр. 267, 268.

<sup>2)</sup> Опис. рук. Синод. библиот. II, № 114, 115; Опис. Рум. музея, 253, 255, 469. Макарій, Исторія церкви, III, 182. II, 167. Калайдов. 87; Кеппель. 22—24.

<sup>3)</sup> Вѣск. Jahrbücher der Literat. 1831, № 53.

<sup>4)</sup> Опис. рук. Синод. библиот. II, № 142, 141—146

<sup>5)</sup> Макарій, Исторія церкви, III, 182.

<sup>6)</sup> Житіе Авраамія, Правосл. собес. 1858, III. Правосл. собес. 1859, дек. 360.

Кесарійскаго, которое, вмѣстѣ съ толкованіемъ Ипполита епископа римскаго, помѣщается иногда при богословіи Дамаскина <sup>1)</sup>. Авторъ житія Авраамія смоленскаго дѣлаетъ выписки изъ Сборника «Златая цѣпь», заключающаго въ себѣ творенія разныхъ отцовъ церкви <sup>2)</sup>. Здѣсь, въ видѣ поученій, предлагаются статьи о правой вѣрѣ (Чада моя милая, первое—имѣйте вѣру праву въ Бога Отца, Сына и св. Духа; потомъ же послушанье св. апостоламъ и св. отцамъ), о пришествіи Христа, о святой службѣ, объясненіе священническаго чина, церковныхъ одеждъ, частей храма, о пьянствѣ, о ветхомъ и новомъ законѣ, о молитвѣ; 100 главъ о томъ, что имѣтъ правую вѣру есть основаніе добрыхъ дѣлъ; слово о томъ, какъ Іоаннъ Предтеча сходилъ въ адъ. Вѣдомъ съ этими статьями помѣщено нѣсколько словъ о постѣ, поученіе о суетѣ земной жизни, поученіе одного старца о подвигѣ душевномъ; слово Петра Дамаскина о брѣнности этой жизни (Воздвигнися душе, хотяще възскасти себѣ добра. Въ семь житіи еще суще, ~~на дѣлѣ~~ ~~сражаещи~~, но индѣ); слово о непостоянствѣ земной жизни; Ефрема Сирина о мірсвой суетѣ <sup>3)</sup>.

Въ слѣдующіе вѣка, кромѣ толкованій на разные части библіи и евангелія, мы встрѣчаемъ еще болѣе сочиненій догматическихъ, нравственныхъ и аскетическихъ. Таковы творенія Діонисія Ареопагита съ толкованіями на нихъ Максима исповѣдника, въ аеонскомъ переводѣ Исаія; слова Аѳанасія александрійскаго противъ арианъ, въ переводѣ болгарскаго епископа Константина (X в.); поученія Аввы Дорофея въ четырехъ спискахъ; поученія Ефрема Сирина въ трехъ спискахъ; поученія Исаака Сирина, въ спискахъ XIV и XV вв., съ прибавленіями изъ Петра Дамаскина, Максима исповѣдника и др. Переводъ сербскаго происхожденія; но есть аеонская рукопись. Въ XVI вѣкѣ эти поученія пользовались также большимъ уваженіемъ, судя по количеству списковъ (по описи Синод. библиот.—10 рукописей). Діонтра Филиппа Пустыника въ четырехъ спискахъ XV вѣка; постническія слова Василия В. (XV); поученія Θεодора Студита, въ спискахъ XIV и XV в.; подвижническія главы Максима исповѣдника, Θεодора эдесскаго и Нила—конца XIV или XV в <sup>4)</sup>. Они состоятъ изъ 400 правилъ или главъ Максима,

1) Опис. рук. Синод. библиот. II, № 156, Опис. Рум. муз. № 8.

2) Житіе Авраамія, Правосл. собес. 1858, т. III.

3) Златая цѣпь, Чтенія Москов. общ. ист. 1846, книжка II.

4) Опис. Рум. музея, 161; Опис. рук. Синод. библиот. II, № 111, стр.

100 гл. Θεодора и 100 гл. Нила. Въ рукописи Синод. библиотеки, на ряду съ сочиненіями Максима, помѣщены 100 главъ, составляющія *Εγκυριδιονъ стоическаго философа Эпиктета*, передѣланный христіанскимъ писателемъ съ примѣненіемъ къ иноческой жизни; подобная передѣлка встрѣчается и между сочиненіями Нила. Такъ пользовались языческими сочиненіями христіанскіе писатели <sup>1)</sup>. Далѣе, въ спискахъ XV и XVI вв. встрѣчаются: соч. Нила объ осьми помыслахъ, творенія Симеона новаго богослова и Петра Дамаскина, и различныя слова Григорія Сиваита, который пользовался большимъ уваженіемъ у болгаръ и сербовъ <sup>2)</sup>. Отъ XVI вѣка сохранился переводъ сочиненій Меодія Патарскаго, впрочемъ очень древній и важный въ томъ отношеніи, что на греческомъ языкѣ они утеряны. По своему направленію эти сочиненія относятся къ духовно-правственнымъ. Наконецъ въ XVI же вѣку относятся вопросы и отвѣты Сильвестра и Антонія о разныхъ богословскихъ вопросахъ, переводъ болгарскаго происхожденія <sup>3)</sup>.

Въ этотъ періодъ встрѣчается нѣсколько новыхъ сборниковъ церковныхъ поученій и бесѣдъ, тоже переводныхъ (сюда относятся: 16 словъ Григорія богослова; Маргарить—собраніе поученій Іоанна Златоуста; его же бесѣды къ антиохійскому народу; бесѣды на евангеліе Григорія двоеслова; сборникъ словъ изъ І. Златоуста, Θεοφιλα александрійскаго, Εφрема Сирина, Θεοдора Студита, Григорія богослова, Λεωνασія александрійскаго); но еще болѣе сборниковъ чисто-аскетическихъ и житій, того же характера. Въ 1431 г. на Аѳонѣ было написано русскимъ монахомъ 25 житій, которыя списаны вскорѣ послѣ этого въ Россіи. Кромѣ того отдѣльно извѣстны: житія Нифонта, Θεοдора Студита, Симеона столпника, Епифанія кирскаго, Панкратія тавроменійскаго, Варлаама и Іоасафа индійскихъ, Іоанна Златоуста и Андрея юродиваго. Къ этой же категоріи относятся: прологи, въ спискахъ XIII—XV в., болѣе 20 книгъ; азбучный патерикъ въ нѣсколькихъ спискахъ XIV—XV вв., патерикъ римскій XIV—XV вв. и египет-

224 и № 147, 148; Царскій, 41; Толстова, 117; Синод. библ. № 131—140. Толст. 223. Синод. библ. № 170—172. Царскій, 25. Толст. 76; Синод. библ. II, 2-я кн. 347.

1) Опис. рук. Синод. библ. II, № 154.

2) № № 164—169.

3) Опис. рук. Синод. библ. II, № 110.



скій патерикъ начала XV вѣка <sup>1)</sup>. Отъ XV и XVI вѣка сохранилось еще нѣсколько сборниковъ съ преобладающимъ характеромъ соверщательнымъ и въ духѣ иноческой жизни <sup>2)</sup>.

Къ религиозно-нравственнымъ сборникамъ слѣдуетъ причислить также «Пчелу», произведение Мавсима исповѣдника, состоящую изъ собранія изреченій св. писанія и греческихъ философовъ, расположенныхъ по разнымъ предметамъ, съ наставительною цѣлью. Появленіе ея въ Россіи относятъ въ XIV вѣку <sup>3)</sup>. Ниже мы подробно коснемся ея содержанія.

Всматриваясь въ содержаніе этихъ книгъ, легко замѣтить, что въ нихъ, въ сильной степени, преобладаетъ созерцательное и аскетическое направленіе. Большая часть переведенныхъ сочиненій принадлежитъ аскетической литературѣ. Распространеніе образованія преимущественно изъ монастырей, чрезъ иноковъ, и общее уваженіе къ иноческой жизни, какъ высшему проявленію на землѣ совершенства христіанскаго, были причиною, что болѣе переводились творенія иноческаго характера <sup>4)</sup>. Тѣмъ болѣе, что эти переводы совершены были на востокѣ и главнымъ образомъ на Афонѣ, такъ какъ преимущественно тамъ были славянскіе монахи, знавшіе греческій языкъ <sup>5)</sup>. Это подтверждается и указанными примѣрами систематическаго списыванія книгъ въ Византію и на Афонѣ.

Но, перенесенныя въ Россію, эти творенія оказали большое вліяніе на общество. «Патерикъ синайскій и свитскій, говоритъ Буслевъ, проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI в. и даже до XVII включительно. Исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ, вся основанная на идеализаціи пустынножителства, пользовалась въ древней Руси такою популярностью, что даже отразилась въ народной поэзіи стихами объ Асафѣ царевичѣ и о похвалѣ пустыни. Эти аскетическія книги отрывками внесенныя въ прологи, имѣли громадное вліяніе на древне-

<sup>1)</sup> Макарій, Исторія церкви, IV, кн. 2-я, 249, 250. Опис. рук. Синод. библ. II, № 117—123, 126, 127, стр. 236, № 125; Рум. муз. 153, 198, 447; Толстова, 273, 62, 315; Царскій, 319, 352.

<sup>2)</sup> Опис. рукоп. Синод. библ. II, № № 202—208.

<sup>3)</sup> Временникъ Императ. общ. ист. томъ XXV. Предисловіе къ Пчелѣ.

<sup>4)</sup> Опис. рукоп. Синод. библ. II, предисл. стр. V.

<sup>5)</sup> Правосл. Собес. 1859, декабрь, 381.

русскую литературу. Въ ежедневномъ чтеніи пролога онѣ заучивались наизусть и нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ грамотныхъ предковъ, и отражались въ практической ихъ дѣятельности утвержденіемъ и распространеніемъ пустынно-жительства въ безлюдныхъ заколустяхъ русской земли <sup>1)</sup>. Преобладающій типъ пустынника въ иконописномъ художествѣ, объясняется господствовавшимъ на востокѣ вѣдомъ къ аскетическому чтенію. А потому юные образы древне-греческаго искусства въ скоромъ времени уступили мѣсто старческому типу <sup>2)</sup>. Русскій иконописный подлинникъ въ этомъ отношеніи только подражалъ вивантійскому. «Удаленіе отъ міра и его соблазновъ, говоритъ Буслаевъ, должно было въ циническомъ типѣ отшельника обозначаться такою красотю, которая въ наибольшей мѣрѣ противоплагается жепоподобному безбородію. Потому на полномъ просторѣ отшельническаго суроваго житія, чуждаго всякихъ суетныхъ прикрасъ, борода разрастается до самыхъ громадныхъ размѣровъ; какъ бы то ни было, только именно нѣкоторымъ изъ отшельниковъ, какъ-бы въ награду за ихъ геройскій аскетизмъ, подлинникъ даетъ борода чрезвычайной величины». Наприжерь въ греческомъ подлинникѣ:

Св. Евсеймій: старъ, сѣдъ, борода до лядвій.

Павелъ вивейскій: старъ, борода доходитъ до половины туловища.

Петръ аеонскій: старикъ, совсѣмъ голый; борода до колѣнъ.

Давидъ солунскій: старъ, длинные волосы, борода доходитъ до самыхъ ногъ.

Онуфрій: старикъ, совсѣмъ голый, длинные волосы; борода доходитъ до самыхъ ногъ.

Эти греческія характеристики дополняются русскими такъ:

Павелъ вивейскій: сѣдъ, плѣшивъ, руки молебнo сложены у сердца; ризы по колѣни, руки до локтей голы.

Онуфрій сѣдъ, борода долгая до глазъ; около пояса листья; руны у сердца. Вмѣстѣ съ нимъ Петръ аеонскій: нагъ, сѣдъ, борода чуть не до пояса; также листья. Волосы у обоихъ по плечамъ большіе.

Давидъ солунскій: сидеть на деревѣ посреди вѣтвей, дерево — широкое и корнистое, а около него на деревѣ птицы.

<sup>1)</sup> Буслаевъ, Историч. очерки русск. народ. словес. и искусств. II, 231, 232.

<sup>2)</sup> Буслаевъ, *ibid.* стр. II, 217—221.

О Макаріѣ египетскомъ замѣчено: сѣдъ, ногъ, вѣсь въ волосахъ, руки согнуты у сердца, борода сѣдая до земли, волосы раскинуты по плечамъ, какъ у пророка Іліа.

Такія изображенія дѣлались даже при иконостасахъ, иногда въ подтвержденіе стиху: «праведникъ, какъ финикъ, процвѣтетъ»<sup>1)</sup>.

Поэтому на изображеніяхъ было обращено главное вниманіе на бороду, какъ отличительный физиогномическій признакъ<sup>2)</sup>. Отсюда же вышло то уваженіе къ бородѣ въ древне-русскомъ мірѣ, въ силу котораго она считалась необходимою принадлежностію русскаго и православнаго. Борода сдѣлалась національною принадлежностію, и потому, когда подъ вліяніемъ иностранныхъ обычаевъ, нѣкоторые стали посягать на ея существованіе, — явилась необходимость наложить на ихъ стремленія запрещеніе. Такъ произошли на свѣтъ статьи противъ бродобритія<sup>3)</sup>. А въ XVIII в., подъ знаменемъ бороды, выступили противники реформы Петра В.

Какъ типъ пустынноика былъ идеаломъ человѣческаго изображенія, такъ и пустыня стала предметомъ живописи и поэзіи. Ее представляли усаженною деревьями и населенною птицами, а надъ нею сіяли свѣтила небесныя<sup>4)</sup>. Въ стихѣ «объ Іосафѣ царевичѣ», Іосафъ обращается къ пустынѣ съ такими словами:

Въ тебѣ, мать-пустыня,  
Гнилая колода—  
То сахарное мнѣ будетъ яство,  
То мнѣ райская пища;  
Холодная вода—  
То медвяное мое пойло,  
То мнѣ тихіе прохлады!  
Разгуляюсь я, младъ юношъ  
Іосафій царевичъ,  
Во зеленой, во дубравѣ;  
Тамъ есть частыя древа,

1) Буслаевъ, Очерки, II, 230, 231.

2) Ibid. О древне-русской бородѣ, 222—230.

3) Буслаевъ, ibid. II, 233—237. Стоглавъ, гл. 40.

4) Древнія пустыни на сѣверо-востокѣ Россіи, Правосл. собесѣд. 1860, III, 220.

Со мною будутъ думу думать,  
 На древахъ есть мелкіе листья,  
 Со мною стануть говорить,  
 Прилетять птицы райскія, стануть распѣвать,  
 Мевя будутъ потѣшать,  
 Христа-Бога прославлять 1)!

Школою русскаго иночества постоянно служилъ Востокъ. Есть извѣстіе, что еще Владиміръ I (1001) отпавилъ пословъ въ Египеть, Іерусалимъ и другія страны, чтобы они на мѣстѣ увидѣли жизнь богоугодныхъ мужей 2). Уже при Ярославѣ I является русскій отшельникъ Иларіонъ, а Антоній отпавляется для подвиговъ на Аѳонъ, и оттуда приносить на горы кievскія образъ жизни тамошнихъ отшельниковъ. При Изяславѣ странствовалъ въ Іерусалимъ и Константинополь, для обзоренія монастырей и закупки церковныхъ вещей, Варлаамъ, сперва подвижникъ печерскій, а потомъ игумень Дмитріевскаго монастыря. Во второй половинѣ XII в. въ тѣхъ же мѣстахъ былъ Антоній Дымскій 3). Въ XII в. странствованія на востокъ распространились до такой степени, что возникъ даже вопросъ: не грѣхъ-ли возбранять въ-которымъ эти странствованія? рѣшенный въ пользу запрещенія. Многіе давали даже присягу идти въ Іерусалимъ; и за то была назначена епитимія, ибо, какъ сказано въ запрещеніи, присяга эта *убитъ нашу землю* 4). Тоже самое пришлось повторить и въ началѣ XIV вѣка, такъ какъ и тогда благочестивыя странствованія совершались въ значительныхъ размѣрахъ 5). Это настроеніе вѣроятно поддерживалось и восточными странниками, заходившими въ Россію, о которыхъ встрѣчаются извѣ-

1) Чтенія Москов. общ. ист. 1847. Шевыревъ, III, 204.

2) Степен. книга, I, 270; Никонов. лѣтоп. I, 111; Татищевъ, II, 88.

3) Полн. собр. русск. лѣт. I, 167. Житіе Θεодосія и Антонія Дымскаго.

4) Вопросы Кирика, Памят. рос. словес. XII в. 176, 179, 203.

5) Обзоръ опредѣл. Константиноп. собора по вопросамъ Θεогноста, епископ. сарайскаго, Правосл. собесѣд. 1863, I, 174. Не побывать на востокъ для людей благочестивыхъ считалось страннымъ исклоченіемъ. *»Ради нужды нынѣ не взыска Сергій (Радонежскій), говорить его біографъ Епифаній, царствующаго града, ни св. горы, ни Іерусалима, яко же азъ окаянный и лишенный разума,—о лють мнѣ!—ползая спмо и овамо, плавая стоду и овуду, и отъ мѣста на мѣсто преходя«.* Твор. св. отцевъ, годъ VI, кн. I, 137.

стія очень рано <sup>1)</sup>, а потомъ постоянно. Центрами, привлекавшими нашихъ путешественниковъ на востокъ, были: Константинополь, Абонъ и Іерусалимъ съ его окрестностями. Тамъ можно было встрѣтить лицъ даже изъ далекаго Новгорода <sup>2)</sup>. Путь этотъ былъ опасенъ, потому что нерѣдко на путешественниковъ нападали морскіе разбойники или магометане, отъ которыхъ иногда приходилось терпѣть притѣсненія <sup>3)</sup>. Но вѣра превозмогала всѣ препятствія.

Все вниманіе путешественниковъ сосредоточивалось на религиозныхъ предметахъ и вполне характеризуетъ духъ времени. Съ мельчайшими подробностями передаютъ они о мѣстахъ, освященныхъ религиозными воспоминаніями; записываютъ преданія, сложившіяся о нихъ, и стараются не пропустить ни одного изъ нихъ въ своихъ странствованіяхъ. На пути изъ Константинополя въ Іерусалимъ, игумень Даніиль только мимоходомъ замѣчаетъ объ островахъ, гдѣ добываются: мастика, вино, овощи, сѣра (Хіосъ, Пилосъ). Ефесъ для него важенъ потому, что тамъ гробъ Іоанна богослова, изъ котораго исходитъ персь для исцѣленій; а недалеко отъ Ефеса находится пещера семи отроковъ, снавшихъ 372 г. отъ Деція до Θεодосія. Кипръ важенъ потому, что тамъ находится безчисленное множество святыхъ, а на горѣ, гдѣ поставленъ кипарисный крестъ Еленою, являются знаменія и чудеса. «И до нынѣ, прибавляетъ благочестивый игумень, всѣ они на воздухѣ, ничѣмъ неприкрѣпленныя къ землѣ; но только носятя по воздуху». Здѣсь родится ладанъ - темянъ, который падаетъ съ неба на деревья, какъ роса. Перечисляя острова, которые лежали на его пути, Даніиль при этомъ указываетъ, какіе святые почиваютъ на нихъ. Но особенно подробно онъ говоритъ о Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. Тамъ онъ исходилъ «всю землю»: до моря Тиверіадскаго и до горы Оавора; до Назарета, Хеврона и Іордана. Онъ отмѣчаетъ всѣ мѣста, важныя въ евангельскомъ и библейскомъ отношеніяхъ, и рассказываетъ мѣстныя подробности о нихъ. Возлѣ городской стѣны лежитъ плоская гора, которая разсѣлась во время распятія Іисуса, и то мѣсто называется: адъ. На мѣстѣ распятія Христа замѣтна также разсѣлина, чрезъ

1) Житіе Θεодосія.

2) Путешествіе Даніила, стр. 34, Путеш. Свѣд. новгородца, стр. 54 По изд. Сахарова.

3) Путешест. Зосимы, 63, 67. Путеш. Даніила, 13. Ibid.

которую пролилась его кровь на главу Адама. Даниилу указывали мѣсто жертвоприношенія Авраама; столпъ Давида, гдѣ онъ составилъ империю; мѣста исцѣленій Иисуса; дома, гдѣ жили извѣстными лица священной исторіи. Содомское море оттекло далѣе на 4 версты ради крещенія Иисуса. На Иорданѣ показывали мѣсто, чрезъ которое по водѣ прошла Марія египетская, чтобы приобщиться у Зосимы. Даниилу случилось быть на Иорданѣ, во время водоосвященія, и достойные люди, по его замѣчанію, видятъ, какъ исходитъ Духъ св. на воды Иорданскія. Въ Иерихонѣ показывали Даниилу 12 камней, взятыхъ со дна Иордана въ то время, когда разступились его воды для перехода евреевъ. Онъ видѣлъ дубъ мамврійскій, возлѣ котораго стоялъ шатеръ Авраама, когда онъ принималъ Троицу. Недалеко отъ Сихема, онъ видѣлъ колодезь Іакова, гдѣ бесѣдовать Иисусъ съ самарянкою. На горѣ Фаворской есть пещера съ трапезою, куда и теперь приходитъ Мельхиседекъ совершать литургію. Особенное же вниманіе Даниилъ обратилъ на свѣтъ, который нисходитъ съ неба, во время вечерни въ великую субботу, и зажигаетъ кадила. Даниилъ отвергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые говорили, что Духъ св. нисходитъ на гробъ Иисуса, а также и другихъ, которые зажиганіе кадиль объясняли дѣйствіемъ молніи: по его мнѣнію, они зажигаются отъ невидимаго дѣйствія благодати. «Свѣтъ же этотъ, по замѣчанію Даниила, не похожъ на настоящій, но свѣтится какъ-то чудно и особенно, цвѣтомъ своимъ напоминая виномаръ». При томъ не всѣ кадила загораются отъ него, а только православныя; латинскія же горятъ инымъ свѣтомъ и не такъ, какъ тѣ, «изрядно и чудно свѣтятся»<sup>1)</sup>. Этотъ свѣтъ обращалъ на себя вниманіе и другихъ путешественниковъ<sup>2)</sup>. Нѣкоторые изъ нихъ относились къ нему съчуждымъ свѣтъ и потому дѣлали надъ нимъ даже опыты. Русскій купецъ Василій Гагара (нач XVII в.) о своемъ обращеніи рассказываетъ такъ: «Зажегши свѣчу у митрополита, я сталъ палить тѣмъ огнемъ свою бороду и ни одинъ волосъ не сгорѣлъ; тогда я увѣрился, грѣшный, что это небесный огонь, а не естественный, который пожигаетъ многія вещи; точно также и во второй, и въ третій разъ палилъ я свою бороду — и она осталась невредима. Тогда я просилъ прощенія у митропо-

1) Путешест. Даниила въ изд. Сахарова.

2) Путешествіе Арсенія селунскаго, *ibid.* 75. Путеш. Зосимы, 63-64; Трифона Коробейникова, 141, 142.

литъ въ томъ, что былъ одержимъ невѣріемъ, полагая, что греки злоумышленно составляютъ тотъ огонь, а не небесный огонь сходить съ неба. Огонь небесный багровидѣнъ и не похожъ на естественный<sup>1)</sup>.

Въ духѣ путешествія Данила написаны и другія странствованія по Востоку: какъ Іерусалимъ привлекалъ ихъ своими воспоминаніями, такъ Константинополь—монастырями. Описаніе Константинополя Стефана новгородца—есть описаніе монастырей и ихъ святынь. И здѣсь онъ останавливается преимущественно на тѣхъ предметахъ, которые могутъ удовлетворить чувство вѣры. Рассказывая о мозаическомъ образѣ Іисуса въ Софійскомъ храмѣ, онъ замѣчаетъ, что изъ ногъ его, гдѣ нарисованы язвы гвоздиныя, идетъ святая вода, и что здѣсь онъ завелъ масло и пилъ воду. Увидѣвъ транеу Авраама, онъ вспоминаетъ о дубѣ мамврійскомъ, видѣнномъ въ Іерусалимѣ: листья его остаются зелеными лѣтомъ и зимою, и останутся навсегда такими. Въ колоннѣ Константина В. Стефанъ видѣлъ сѣкиру Ноа; а въ церкви Авестоловъ 2 столпа: одинъ—къ которому привязанъ былъ Іисусъ, а другой—у котораго плакалъ Петръ, послѣ отреченія. Въ монастырѣ Спаса ему показывали чашу изъ бѣлаго камня, въ которой Іисусъ претворилъ воду въ вино. Съ патетическимъ чувствомъ описываетъ Стефанъ ношеніе по городу иконы Богородицы, написанной евангел. Лукою, которое совершалось каждый вторникъ, при множествѣ народа изъ разныхъ городовъ. «Ее держалъ на своихъ плечахъ одинъ человекъ, съ распростертыми руками: страшно посмотрѣть, какъ его метало туда и сюда, а онъ не опомнится, куда его носить икона. Потомъ подхватитъ другой, третій и четвертый—и всѣ такъ носить. Дивное видѣніе! Три человека станутъ на плечи одному, и онъ ходитъ какъ обыкновенно, изволеніемъ божіимъ. Много видѣли мы въ Церьградѣ видѣній, замѣчаетъ этотъ путешественникъ, такъ что невозможно всего записать. Такъ Богъ прославилъ святыхъ мѣста, что трудно съ ними расстаться<sup>2)</sup>. Въ Константинополѣ вниманіе путешественниковъ останавливалось на транеу Авраама, ковчегѣ Ноа и сѣкирѣ, которою онъ строилъ его; они видѣли камень, изъ котораго извлекъ Моисей воду; тамъ были собраны всѣ принадлежности страданій Іисуса и остатки хлѣба, который онъ вкушалъ на вечера. Въ монастырѣ Продромѣ хранились во-

1) Путешествіе Гагары, 120, 121, *ibid*.

2) Путешествіе Стеф. новгор. у Сахарова, 52—54.

лоси Богородицы. На Сіонѣ путешественникамъ показывали священные камни, на которыхъ, по преданію, Иисусъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ, и другіе, на которые онъ указалъ, когда говорилъ іудеямъ, что камни возопіютъ, если онъ заставитъ молчать учениковъ. На Фаворѣ хранились камни, на которыхъ стоялъ Иисусъ во время преображенія. На Сіонѣ, въ армянскомъ монастырѣ, хранился огонь, у котораго грѣлся апостолъ Петръ. Въ Египтѣ указывали знаки перехода израильтянъ черезъ Черное море.—Таково содержаніе записокъ нашихъ путешественниковъ—духовныхъ <sup>1)</sup>. Но и записки свѣтскихъ лицъ, каковы дьякъ Александръ и купецъ Гагара, не выходятъ изъ предѣловъ религіознаго описанія. Дьякъ Александръ замѣчаетъ: «невозможно исходить вездѣ и видѣть всѣ монастыри и мощи, или записать это: всего томъ тысячитысячами, а иныхъ св. мощей и чудотвореній не возможно исповѣдать» <sup>2)</sup>. Только мимоходомъ наши путешественники касаются описанія даній, природы, событій <sup>3)</sup>.

Изъ содержанія этихъ путешествій можно видѣть, что главнымъ побужденіемъ, которое влекло ихъ на востокъ—было желаніе увидѣть собственными глазами то, о чемъ они читали въ своихъ книгахъ или слышали отъ другихъ. Вотъ почему они стараются не пропустить ни одного преданія о какомъ-нибудь древнѣйшемъ предметѣ, и не могутъ удержаться отъ выраженія тѣхъ чувствъ, которыя такъ долго сдерживались въ ожиданіи этой обѣтованной земли. Это чувство, постоянно поддерживаемое новыми впечатлѣніями въ томъ же родѣ, не давало путешественнику успокоиться на столько, чтобы онъ могъ сдѣлаться спокойнымъ зрителемъ человѣческихъ дѣлъ, окружавшихъ его въ шумной столицѣ имперіи. «Въ Царьградъ войти, говорятъ Стефанъ новгородецъ, все равно что въ дуброву, безъ хорошаго проводника ходить невозможно, и бѣдный или скупой не можетъ ни видѣть, ни цѣловать какого нибудь святаго, кромѣ праздника» <sup>4)</sup>. Уваженіе къ восточу, какъ религіозному центру, сохранялось во все время господства религіозныхъ идей, т. е. въ эпоху древней Россіи. На Аѳонѣ русскіе князья посылали дары для поминовенія предковъ, а Василій Іоанновичъ про-

1) Путеш. Зосимы, Арсенія селунск., Игнатія, Іоны. Ibid.

2) Путеш. дьяка Александра и Гагары, ibid.

3) Стефанъ, 51, 52; Зосима, 51, 61; Игнатій, 101; Гагара, 117.

По изд. Сахарова.

4) Путешествіе Стефана новгородца, по изд. Сахарова, 55.



силъ тамъ молиться за чадородіе безплодной супруги своей Соломоніи; оттуда прислали ему просфору и святую воду <sup>1)</sup>. Задумавъ развестись съ Соломоніею, вел. князь опять посылалъ на Аѳонъ освѣдомиться о своемъ намѣреніи и получилъ неблагопріятный отвѣтъ, хотя посылалъ туда богатые дары <sup>2)</sup>. Іоаннъ Грозный, мучимый убіеціемъ царевича Іоанна, посылалъ нарочное посольство съ поминками въ Константинополь, Іерусалимъ, Антіохію и Синайскую гору, и пожертвовалъ на послѣднюю 500 руб. для постройки церкви <sup>3)</sup>. Со времени турецкаго ига ежегодно посылалась изъ Россіи милостыня константинопольскому патриарху. Въ 1643 г. на востокъ было отправлено до 1200 рублей <sup>4)</sup>.

Въ древней Россіи Востокъ имѣлъ такое же образовательное значеніе, какъ въ новой—Западъ. Направленіе умственной и нравственной жизни исходило отъ духовенства и преимущественно изъ монастырей, а они развивались у насъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византіи. До Ярослава—встрѣчаются извѣстія по крайней мѣрѣ о четырехъ монастыряхъ въ окрестностяхъ Кіева и нѣсколькихъ въ области новгородской. Въ нихъ подвизались греки и русскіе <sup>5)</sup>. Но княженіе Ярослава I было эпохою ихъ распространенія, какъ свидѣтельствуєтъ древній лѣтописецъ, потому что онъ любилъ монаховъ до *малка* <sup>6)</sup>. При немъ явился и первый женскій монастырь. Впрочемъ, настоящее развитіе монастырская жизнь получила только съ основанія Печерскаго монастыря, когда Θεодосій ввелъ въ немъ студійскій уставъ <sup>7)</sup>, который послужилъ образцомъ для другихъ монастырей, вновь открытыхъ, вплоть до XIII вѣка <sup>8)</sup>. По внутреннему устройству, русскіе монастыри

<sup>1)</sup> Временникъ, Моск. общ. исторіи, № V, смѣсь, стр. 32. Азты исторіч. I, № 122.

<sup>2)</sup> Онъ посылалъ на Аѳонъ золотые и серебряные сосуды и оклады для иконъ, а также ризы, украшенныя дорогими каменьями. Бромъ того на откупъ отъ турокъ посылалъ «неизреченную милостыню». О сочтаніи втораго брака. Чтен. Моск. общ. 1847, № VIII, стр. 8.

<sup>3)</sup> Путешествіе Трифона Коробейникова и Юрія Грекова, стр. 137.

<sup>4)</sup> Faber, La religion des Moscovites en 1525. Paris, 1860, p. 8. Временникъ, IX, наказъ посламъ, 60--65.

<sup>5)</sup> Макарій, Исторія церкви, I, 151.

<sup>6)</sup> «При семъ (Ярославъ) черноризцы почаша *множитися* и монастыре *мнози* начаша быти». Полн. собр. рус. лѣт. I, годъ 1037; II, 267; III, 210; V, 137.

<sup>7)</sup> Жит. Θεодосія, Уч. Зап. Ак. наукъ, II, 148. Пол. собр. рус. лѣт. I, 69.

<sup>8)</sup> Макарій, III, 59, 60.

раздѣлялось на общежительные и необщежительные. Въ послѣднемъ разрядѣ принадлежала большая часть монастырей, особенно мелкихъ. Въ нихъ монахи сходились вмѣстѣ только на церковныя службы и болѣе не имѣли ничего общаго; каждый самъ заботился о пищѣ, одеждѣ и необходимыхъ потребностяхъ. Въ общежительнымъ же монастырямъ относились самыя извѣстныя и значительныя <sup>1)</sup>. Сосредоточенность и большія удобства способствовали ихъ развитію. Это подтверждается позднѣйшею реформою новгородскаго архіепископа Макарія. Необщежительныхъ монастырей было болѣе всего въ новгородской области и при томъ большая часть ихъ принадлежала къ мелкимъ <sup>2)</sup>. До введенія въ новгородскихъ монастыряхъ общаго житія Макаріемъ, даже въ лучшихъ изъ нихъ было только по шести или по семи монаховъ; со введенія же общежитія число ихъ тамъ увеличилось до 40 и болѣе, а гдѣ было 2 или 3, тамъ стало 12 или 15. Этотъ переходъ объясняется словами самого лѣтописца. Онъ говоритъ, что «прежде каждый держалъ себѣ трапезу въ келліи и былъ одержимъ всякими житейскими печальми» <sup>3)</sup>. Слѣдовательно новое устройство привлекало цѣлые десятии лучшею обезпеченностью. Эта мѣра была вызвана злоупотребленіями пустынножительства, противъ которыхъ потомъ ратовалъ Стоглавъ.

Правилами для общежительныхъ монастырей служили наставленія древнихъ отцовъ: Василія В., Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Θεодора Студита и другихъ <sup>4)</sup>; но они обыкновенно выработывались своеобразно каждымъ изъ основателей обителей, хотя всѣ проникнуты однимъ духомъ, такъ какъ всѣ предназначались для одной цѣли. Поэтому легко представить общій типъ этихъ уставовъ. Въ монастырѣ и въ келліи не позволялось никому имѣть что-либо свое и даже называть своимъ. Серебро и золото даже не называлось по имени, а находилось только въ монастырской казнѣ. Если кто чувствовалъ жажду, тотъ шелъ въ трапезу и тамъ съ благословеніемъ утолялъ ее, потому что въ келліи не было ни хлѣба, ни воды. Къ трапезѣ шли всѣ по старшинству и каждый садился на своемъ мѣстѣ, при чемъ всѣ

<sup>1)</sup> Ibid. IV, кн. 1, стр. 204.

<sup>2)</sup> Макарій, Исторія рус. церк. IV, кн. 1, 214.

<sup>3)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. VI, 284.

<sup>4)</sup> Уставн. грам. псков. Снѣтогор. мон. сузд. архіеп. Діонисія и посланіе Фотія, Акты историч. I, 7, 8, 52, 53.

молчали. Вставъ отъ трапезы, всѣ уходили въ свои келліи, не вдаваясь въ разговоры, и никто не заходилъ къ другому, кромѣ важныхъ случаевъ. Если кто приносилъ монаху письмо или поминокъ, то и письмо нераспечатанное, и поминокъ, относились къ настоятелю. Точно также, если кто желалъ изъ монастыря послать письмо, то долженъ былъ прежде испросить благословеніе у игумена <sup>1)</sup>. Отрокамъ запрещалось жить въ келліяхъ и на монастырскихъ дворахъ, а женскому полу даже входить въ монастырь <sup>2)</sup>. »Умъ всегда имѣй горѣ, говорится въ »Завѣтѣ юнымъ монахамъ«. Все дѣлай съ благословенія старца. Не живи для себя, но для Бога, заботясь о жизни вѣчной. Келлія твоя да будетъ для тебя гробомъ. Когда встрѣтишь игумена—поклонись ему до земли и проси у него благословенія; а когда встрѣтишь брата—всегда поклонись ему и проси благословенія, говоря: »молитвами св. отецъ Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ, аминь«. Придетъ-ли братъ изъ другаго монастыря или откуда-нибудь, войдешь-ли съ нимъ въ келлію или вѣтъ, говори ту же молитву. Твоя одежда—простая свита изъ самодѣльнаго сукна, и поясъ простой, кожаный, которымъ опоясывайся не выше чреслъ. Походка твоя пусть будетъ ни сурова, ни лѣнлива, а руки имѣй во время хожденія согнутыми на персяхъ. Съ мірскими не говори, особенно съ юными, не садись и не стой съ ними. Гдѣ случатся игры, кощунства, смѣхъ, бѣги оттуда. Своими руками не прикамайся къ брату и не обнимайся съ нимъ, и къ себѣ не позволяй никому прикасаться и не допускай никого смотрѣть на лицо твое, но уклонись и удались. И самъ всячески берегись смотрѣть на лицо челоуѣка молодаго и голоусаго... А сну предавайся только когда почувствуешь великую нужду... Когда ляжешь спать, будь препоясанъ въ свитѣ, имѣй влобуѣ на головѣ, а руки сложи на персяхъ и отнюдь не простирай ихъ подъ свиту, во избѣжаніе пагубной страсти... А всегда, и вставая, и ложась, и за трапезою, и ходя, и сидя, произноси ту же молитву. Если монахъ молится только въ назначенное время, то онъ отнюдь не молится, а надобно молиться на всякій часъ« <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Уст. Кирилла Бѣлозерск. Акты истор., *ibid.* и житіе Кир. Бѣлоз. Макарій, IV, кн. 1-я, прилож. XXI.

<sup>2)</sup> Постановл. Саввинс. мон. См. сказ. Іос. Волоколам. Чтен. Мос. общ. ист. 1817, № VII, 10. Лѣтоп. занат. Археогр. комис. II, 87.

<sup>3)</sup> Матерьялы для ист. рус. церк. I, 23, 156. Духов. вѣст. Харьк. 1862. Макарій, Ист. рус. цер. IV, кн. I, 218—220.

Въ сборникахъ XIV — XV вв. встрѣчается много поученій и посланій объ иноческой жизни съ признаками русскаго или вообще славянскаго происхожденія <sup>1)</sup>, и ясно указывающихъ на значеніе монастырской жизни въ тогдашней Россіи. Къ ней поощряли особыми посланіями и восточные патриархи <sup>2)</sup>.

Высшимъ образцомъ духовной жизни была Аѳонская гора. Тамъ уже въ 1052 г. встрѣчается русскій Пантелеймоновъ монастырь, ктиторами котораго называютъ Владиміра св. и Ярослава I <sup>3)</sup>. Въ 1080 г., по указу царя Алексѣя Комнена, въ распоряженіе русскихъ былъ отданъ монастырь Ксилургу. Въ XI вѣкѣ русское иночество на Аѳонской горѣ было уже весьма значительно и имѣло самостоятельный бытъ. Это видно изъ того, что въ XII в., по причинѣ многочисленности, русскимъ монахамъ разрѣшено было перейти изъ Ксилургу въ Солунскій монастырь св. Пантелеймона, при чемъ и Ксилургу оставался въ ихъ распоряженіи, только въ видѣ свита <sup>4)</sup>. Въ XIII вѣкѣ, архимандритъ Печерскаго монастыря Досифей рекомендовалъ своимъ монахамъ строгую жизнь Аѳонской горы. Въ это время оттуда брали въ Россію даже епископовъ <sup>5)</sup>. Впрочемъ объ отношеніяхъ къ Аѳону до конца XIV в. сохранилось мало извѣстій; но меньшее количество извѣстій изъ этой эпохи можно объяснить тѣмъ, что отъ нея вообще сохранилось меньше памятниковъ, нежели отъ позднѣйшей. На Аѳонѣ приобрѣтался тотъ подвижническій закалъ, который такъ рельефно выразился въ стремленіи къ пустынножителству въ сѣверо-восточной Россіи. Отсюда русскіе иноки постоянно стремились на Аѳонтъ и приносили съ собою оттуда правила полного отрпненія отъ міра. Въ XIV и XV вв. тамъ подвизались: сотрудникъ Стефана Пермскаго — Епифаній, авторъ житія Сергія Радонежскаго; ученикъ послѣдняго — Сергій Нуромскій; Савва, игумень тверской, сложившій съ себя начальство ради Аѳонской горы; Митрофанъ Бы-

1) Девять такихъ поученій въ Матер. для ист. цер. I, 104—195; Макарій, *ibid.* 220.

2) Посланіе Констант. патр. къ русск. иноку, объ иноческ. жизни, Прав. соб. 1860, I, 448.

3) О Пантелеймоновомъ монастырѣ, Чтен. Моск. общ. ист. 1846, № I; Карамзинъ, VI, прим. 629, годъ 1497.

4) Русскіе иноки на Аѳонѣ, Христіанское чтеніе, 1853, октябрь, 297, 298.

5) Твор. св. отцовъ, годъ VI, кн. I, 134.

вальцовъ, котораго Іосифъ Волоколамскій называетъ вѣликимъ, пробы тамъ девять лѣтъ; Іона, игумень угрѣшскій; наконецъ Нилъ Сорскій съ своимъ ученикомъ Иннокентіемъ Охлѣбинскимъ— бояриномъ и родственникомъ князей Хворостининыхъ <sup>1)</sup>. Сергій Нуромскій, Нилъ Соскій и Иннокентій, возвратившись съ Аѳона, сдѣлались основателями обителей въ духѣ тамошняго отшельничества <sup>2)</sup>. Арсеvій Коневскій провѣлъ три года на Аѳонѣ и, возвратясь оттуда, положилъ основаніе бѣмолвію на Коневскомъ островѣ; но въ старости опять отиравился на Аѳонъ <sup>3)</sup>. Полнымъ выразителемъ аѳонскаго направленія былъ Нилъ Сорскій.

Онъ происходилъ изъ дворянской фамиліи Майковыхъ (род. 1433) и началъ монашескую жизнь въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго подъ руководствомъ строгаго старца Паисія Ярославова, который былъ потомъ игуменомъ Сергіевой лавры и отказался отъ предложенія Іоанна III—быть митрополитомъ. Самъ Кирилль Бѣлозерскій требовалъ въ своей обители полной чистоты и былъ противникомъ монастырскихъ имуществъ <sup>4)</sup>. Тѣхъ же воззрѣній держался Паисій Ярославовъ <sup>5)</sup>, и эта черта сохранилась у Нила Сорскаго. Для упражненія въ духовной жизни, Нилъ странствовалъ по востоку, былъ въ Константинополѣ, на Аѳонѣ и въ другихъ мѣстахъ <sup>6)</sup>. Въ это время, какъ полагаютъ, и особенно на Аѳонѣ, онъ познакомился съ произведеніями аскетической литературы, какъ-то: Антонія В., Василія В., Ефрема Сирина, Макарія египетскаго, Исаака Сирина, Варсонофія, Іоанна Лѣствичника, аввы Дорофея, Максима исповѣдника, Исихія іерусалимскаго, Симеона новаго богослова, Петра Дамаскина, Григорія, Нила Филоея синайскихъ, Никиты Стифата, Кассіана, Андрея критскаго и друг. <sup>7)</sup>. Постояннымъ занятіемъ Нила Сорскаго, по его собственно

<sup>1)</sup> Ibid. 137, 141, и Сказаніе о русскихъ монастыр. Іос. Волокочен. Моск. общ. исторіи, 1847, № VII.

<sup>2)</sup> Житіе Сергія Нуромскаго. 7 окт.; житіе Нила 7 апрѣля; житіе Иннокентія Вологодскаго 19 марта.

<sup>3)</sup> Костомаровъ, Сѣверо-русс. народопр. II, 354, 355.

<sup>4)</sup> Житіе Кирилла Бѣлозерскаго.

<sup>5)</sup> Объ отношеніяхъ иноковъ Кирилловск. и Іосифовск. монастыр. Твор. св. отцовъ, годъ IX, кн. 3.

<sup>6)</sup> Житіе Нила Сорскаго, 7 апрѣля.

<sup>7)</sup> Предисловіе къ преданію Нила Сорскаго, стр. 3, 4; и Право собесѣд. 1859, III, О древн. перевод. св. отцовъ, 378—381.

свидѣтельству, было чтеніе священнаго писанія, твореній отцовъ церкви и житій святыхъ, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ извлеченія, послужившія потомъ матерьяломъ для его наставленій <sup>1)</sup>. Возвратившись въ Россію, Нилъ Сорскій жилъ нѣкоторое время за оградю Кириллова монастыря, въ уединенной келіи, а потомъ въ 15 верстахъ отъ монастыря, на р. Сорѣ, гдѣ положилъ начало скитской жизни <sup>2)</sup>.

Результатомъ его путешествія по востоку и знакомства съ аскетическою литературою было «Преданіе ученикамъ о скитской жизни». Оно представляетъ въ себѣ сводъ мнѣній означенныхъ писателей и только общая идея принадлежитъ Нилу Сорскому. Согласно съ приведенными авторитетами, онъ раздѣляетъ монашескую жизнь на три разряда: къ первому принадлежитъ общежительство; ко второму—скитская жизнь, когда два или три отшельника живутъ вмѣстѣ, имѣи все общее и повинуваясь другъ другу; третій разрядъ—уединенное отшельничество, доступное только совершеннымъ. Наиболее доступнымъ для человѣка Нилъ Сорскій считаетъ второй путь, называемый царскимъ; а потому онъ сильно порицаетъ современныхъ отшельниковъ, которые предпочитаютъ жить каждый особо и руководствоваться во всемъ собственною волею. Въ защиту своей мысли, онъ приводитъ общій голосъ древнихъ подвижниковъ и примѣръ аеонскихъ и константинопольскихъ скитовъ. Уединенное отшельничество ведетъ къ высокоумію. Идти одинъ въ пустыню можетъ только тотъ, кто долгою подвижническою жизнію очистился отъ всѣхъ страстей; потому что одна пустыня не можетъ очистить отъ нихъ, а еще болѣе разовьетъ ихъ. Тутъ легко впасть въ сонъ, лѣность и отчаяніе. Но совершенному человѣку пустыня служить входомъ къ свѣтлому лицезрѣнію Бога и таинственнымъ видѣніямъ <sup>3)</sup>.

Согласно съ аеонской теоріей созерцательной жизни, Нилъ Сорскій предлагалъ своимъ ученикамъ умственную молитву. «Умственная молитва выше тѣлесной: тѣлесное упражненіе—лѣсть, а внутреннее, умственное—плодъ. Кто молится только устами, а объ умѣ не заботится, тотъ молится воздуху; тогда какъ Богъ внимаетъ уму. Упражненіе во внутренней молитвѣ доводитъ человѣка до высшаго духовнаго состоянія, въ которомъ духъ даже не имѣетъ молитвы, ни движенія,

1) Преданіе Нила, письмо къ Иннокентію, стр. 6.

2) Житіе Нила Сорскаго.

3) Преданіе Нила Сорскаго. 1859. 23, 27, 31, 39, 49, 199.

ни самовластія, а наставляється иною силою. Если не можешь молитися въ безмолвіи, безъ помысловъ, и даже чувствуешь, что они умножаются въ твоємъ умѣ, не малодушествуй, но пребывай постоянно въ молитвѣ. Отшельнику предстоитъ постоянная борьба съ помыслами, а потому Ниль Сорскій представляетъ здѣсь анализъ страстей человѣческихъ и средства для борьбы съ ними. Появленіе въ умѣ какой-нибудь мысли или образа называется прилогомъ. Онъ безгрѣшенъ, потому что не въ нашей власти его появленіе: онъ возникаетъ самъ собою, по навѣту дьявола. Но когда человекъ предается размышленію о возникшемъ помыслѣ, то уже въ его власти сочувствіе и антипатія къ нему. Въ первомъ случаѣ помыслъ будетъ грѣховнымъ; во второмъ—безгрѣшнымъ. Это дальнѣйшее развитіе прилога называется сочетаніемъ. Склонность же души къ явившемуся помыслу и готовность осуществить его—есть сложеніе. За тѣмъ слѣдуетъ плъненіе и наконецъ страсть. Послѣднія бывають результатомъ частыхъ разговоровъ и мыслей о томъ или другомъ предметѣ. Человекъ долженъ сопротивляться своимъ помысламъ. Побѣдившимъ ихъ—принадлежать вѣнцы въ будущей жизни, а согрѣшившимъ—муки. Ведущимъ упорную борьбу съ своими помыслами и неизнемогающимъ въ ней—сплетаются свѣтлѣйшіе вѣнцы <sup>1)</sup>. Такова цѣль борьбы.

Матъ злымъ помысламъ—есть прилогъ, а потому лучше всего предотвратить ихъ въ самомъ началѣ, т. е. противодѣйствовать прилогу. Лучшее средство для этой борьбы—молитва. Отшельникъ долженъ слѣдовать умъ свой глухимъ и нѣмымъ. А такъ какъ за добрыми мыслями всегда слѣдуютъ злыя, то лучше всего освободиться отъ всякаго помысла, даже и добраго, и всему сосредоточиться въ глубинѣ сердечной, говоря: Господи Иисусе Христе, сыне Божій, помилуй мя! Эту молитву слѣдуетъ повторять безпрестанно, стоя, сидя и лежа; сосредоточивъ умъ свой въ сердцѣ и, на сколько можно, задержавъ дыханіе, такъ чтобы не часто дышать. Опытъ научаеь, что таковой способъ весьма способствуетъ къ сосредоточенію ума. Но мысленныя паренія бывають и тогда, когда умъ сосредоточенъ въ сердцѣ и творить молитву; а потому не слѣдуетъ прельщаться даже мечтою и формою видѣнія. Когда умъ утрудится въ молитвѣ, тогда можно немного предаться пѣнію, потому что многословіе расточаеь умъ, а малословіе собираеь его. Для

1) Ibid. 69, 72, 75—80, 83.

новых подвижников полезно соединять молитву съ руководіемъ, чтобы разсѣять помыслы. Но ни одна молитва не очищаетъ такъ ума, какъ ночная: она чище всѣхъ дневныхъ дѣяній <sup>1)</sup>). Послѣ анализа происхожденія помысловъ и борьбы съ ними, Нилъ Сорскій переходитъ къ подробному разбору ихъ.

Мы видѣли, что въ XV в. у насъ появились переводы Григорія и Нила синайскихъ о восьми главныхъ помыслахъ или страстяхъ. Нилъ Сорскій держится того же раздѣленія, принимая во вниманіе и другихъ аскетическихъ писателей. Эти главные страсти онъ перечисляетъ такъ: 1) пресыщеніе пищею; 2) блудъ; 3) сребролюбіе; 4) гнѣвъ; 5) печаль; 6) уныніе; 7) тщеславіе, и 8) гордость. Къ первому страстному помыслу, въ обширномъ смыслѣ, относится расположеніе человѣка къ изысканной пищѣ и безмѣрному и безвременному ея употребленію. Чтобы противодѣйствовать этой страсти, человѣкъ долженъ опредѣлить известную мѣру пищи, прибавляя или уменьшая ея постепенно, такъ чтобы только удовлетворять необходимой потребности. Для отшельниковъ Нилъ Сорскій предлагаетъ поститься до втораго часа по полудни; а въ день непостный разрѣшаетъ принимать пищу и вечеромъ. Изъ предложенной пищи не слѣдуетъ одно избирать, а другое отлагать, но всего брать понемногу. Немощнымъ же вѣроу или душою должно воздерживаться наиболѣе отъ сладкихъ яствъ. Но если кому вредитъ какая-нибудь пища, въ слѣдствіе болѣзни или естественнаго состоянія, — пусть принимаетъ другую, болѣе полезную; потому что не слѣдуетъ, по словамъ Василия В., бороться съ тѣломъ тою пищею, изъ которой оно составляется. Если кто имѣетъ здоровое и крѣпкое тѣло, то ему слѣдуетъ по возможности утомлять его, чтобы избавиться отъ страстей. И наоборотъ: немощное и недужное тѣло прилично успокаивать, чтобы оно не до конца отпало отъ дѣла. Въ борьбѣ съ врагомъ слѣдуетъ наиболѣе воздерживаться; потому что многіе, не воздержавшись, впали въ постыдныя страсти. Большой подвигъ предстоитъ отшельникамъ въ борьбѣ съ духомъ блуда, такъ какъ она ведется душою и тѣломъ. Чтобы успѣшно бороться съ нимъ, слѣдуетъ постоянно имѣть страхъ божій, всюминая, что Богу известны самыя тонкія помысленія нашего сердца. Въ этой страсти лучше всего отсѣкать начало ея или *прилогъ*. Поэтому слѣдуетъ беречься отъ бесѣдъ съ женщинами и смотрѣть на нихъ; избѣгать присутствія даже съ тѣми, кто имѣетъ юныя, женоподобныя

<sup>1)</sup> Преданіе Нила Сорскаго, стр. 84, 85, 90, 103.



и гладкія лица, а въ особенности остерегаться быть съ ними наединѣ. Это сѣтъ дьявола для иноковъ. Держась того правила, что для успѣпной борьбы съ зломъ, слѣдуетъ придупреждать страсть и уничтожать ее въ самомъ зародышѣ, Ниль Сорскій запретилъ женщинамъ являться въ свой скитъ и держать въ немъ животныхъ женскаго рода; а также имѣть въ услуженіи отроковъ и воо обще заповѣдалъ избѣгать женоподобныхъ лицъ <sup>1)</sup>. Учениеъ его Инноентій принялъ это правило и въ своемъ уставѣ <sup>2)</sup>. Оно было заимствовано изъ примѣра аеонскихъ монастырей, гдѣ запрещалось не только постригать безбородыхъ, но и пускать такихъ въ монастырь <sup>3)</sup>.

Какъ означенныя двѣ страсти тѣсно связаны съ природою чловека, такъ сребролюбіе происходитъ изъ-внѣ. А потому и не великъ подвигъ—борьба съ нимъ; но, когда укрѣпится въ насъ этотъ помыслъ, злѣе всѣхъ бываетъ. Чтобы избавиться отъ него, инокамъ слѣдуетъ избѣгать всякихъ вещей, кромѣ самыхъ необходимыхъ, какъ въ одеждѣ, обуви, постройкѣ келлій, такъ и въ сосудахъ и всякихъ орудіяхъ. Истинная побѣда сребролюбія состоитъ въ томъ, чтобы не только не имѣть имуществъ, но и не желать его. И въ этомъ случаѣ Ниль Сорскій былъ послѣдователемъ на практикѣ. Основываясь на словахъ Юанна Златоуста, который заповѣдалъ серебряные сосуды, принесенные въ церковь, раздать нищимъ, онъ запретилъ въ своемъ скитѣ употреблять золотые и серебряные сосуды въ церкви и келліяхъ, и даже матерьялъ на постройки слѣдовало брать самый простой. Въ примѣръ такого нестяжанія, Ниль Сорскій приводитъ Пахомія, который, строя монастырскую церковь въ Махосѣ, поставилъ въ ней великолѣпныя колонны; но потомъ, подумавъ что не слѣдуетъ удивляться дѣлу чловеческихъ рукъ и вельчаться красотою своихъ зданій, взялъ веревку, обвязалъ столпы и велѣлъ братіи тянуть ее со всею силою, пока они не покосились и не утратили своего вида. Гнѣву Ниль Сорскій противопологаетъ безусловную любовь и всепрощеніе; печали—надежду; отшельники часто страдаютъ уныніемъ, но это не болѣе какъ испытаніе, за которымъ слѣдуетъ утѣшеніе; тщеславіе слѣдуетъ побѣждать смиреніемъ; гордость—сознаніемъ собственной слабости и уничи-

<sup>1)</sup> Преданіе Нила Сорскаго, 116—128, 67, 68.

<sup>2)</sup> Житіе Инноентія, 19 марта.

<sup>3)</sup> Посланіе Макс. Грека Вассіану, Сочин. т. III, 245.

женіемъ. Поэтому должно всегда избирать послѣднія мѣста за презою; носить худое платье; брать на себя черныя работы; любить молчаніе. Къ гордости относится: хвалиться проехоженіемъ; пребываніемъ въ извѣстномъ и многолюдномъ монастырѣ, которые, по *нѣтъмнѣ* *нѣму* *обычаю*, владѣютъ многими селами; искусствомъ пѣнія, краснорѣчіемъ или руководѣіемъ. Особенно же слѣдуетъ скрывать свое происхожденіе. Для подвиговъ отшельнива полезно постоянно имѣть передъ собою воспоминаніе о смерти; потому что, хотя мы и весь міръ приобрѣтемъ, въ гробъ съ собою ничего не возьмемъ, ни красоты, ни славы, ни власти, ни чести. Увидѣвъ кости обнаженныя, скажемъ: кто здѣсь — царь или нищій, славный или безславный? Какъ источнику мать — бездна, такъ разсужденію — смиреніе: если нѣтъ свѣта — все мракъ; и если нѣтъ смиренія — все суета. Иному слѣдуетъ плавать, сколько есть силы и крѣпости; потому что плачемъ мы избавляемся вѣчнаго огня и будущихъ мукъ. Если же не можемъ много плавать, то должны принудить себя, даже съ болѣзнію, произвести хотя нѣсколько капель. Ни о чемъ не должны мы заботиться, а умереть для міра <sup>1)</sup>. Такому строгому ученію вполнѣ соотвѣтствовала и мѣстность, гдѣ основалъ свой скитъ Нилъ Сорскій. По образцу аеонскихъ, оно дико, мрачно и пустынно. Рѣчка Сорскъ, передавая свое имя Нилу, похожа болѣе на болото, чѣмъ на текущую рѣку, чуть таетъ внизъ; вся мѣстность скита — низменная и болотистая <sup>2)</sup>. Все скитское общество состояло изъ 12 отшельниковъ <sup>3)</sup>. На рѣкѣ была устроена небольшая мельница. Для постройки храма, на болотистой почвѣ, были сдѣланы высочія насыпи. Каждая келлія поставлена на возвышеніи, а одна отъ другой и отъ храма на разстояніи брѣннаго камня. По примѣру восточныхъ, отшельники собирались въ храмъ только по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ; а въ остальные дни каждый предавался молитвѣ въ своей келліи. Всенощная скитская продолжалась во всю ночь; а большая часть литургіи читалась протяжно, на расцѣвѣ <sup>4)</sup>. Въ своемъ завѣщаніи Нилъ Сорскій заповѣдалъ, чтобы тѣло его бросили въ пустыню, на сѣденіе звѣрей и птицъ,

1) Преданіе Нила Сорскаго, 129—152, 65—67, 155, 161, 162, 51, 161, 169, 175.

2) Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилловъ монаст. II, 92, 24.

3) Акты экспедиціи, I, № 161.

4) Шевыревъ, Поѣздка въ Кирил. монаст. II, 92—95.

ни, выкопавши ровъ, похоронили-бы безъ всякихъ почестей <sup>1)</sup>. Онъ умеръ въ 1508 году. И въ памяти потомства остался онъ, какъ строгій Блюститель святой простоты. Сохранилось преданіе, что Іоаннъ Грозный хотѣлъ на мѣстѣ деревяннаго храма построить каменный; но Нилъ Сорскій, являсь царю, строго запретилъ ему приводить въ исполненіе эту мысль <sup>2)</sup>. Еще цѣла одежда Нила: волосы ея волочатся какъ иглы.

Быль и другой путь вліянія аеонскихъ идей въ Россіи: какъ многіе отправлялись на Аѳоны съ цѣлю усовершенствованія въ духовныхъ подвигахъ, такъ нѣкоторые приходили оттуда въ Россію и дѣлались здѣсь распротрастителями тамошнихъ началъ. Въ половинѣ XIV вѣка прибылъ на Мурманскій островъ Онежскаго озера старецъ Ѳеодосій, поселившійся тамъ съ константинопольскимъ монахомъ Лазаремъ. Последний, въ своемъ завѣщаніи, отзываясь о немъ, какъ о подвижникѣ строгой жизни: Ѳеодосій, говоритъ онъ, старецъ св. горы, велъ весьма добродѣтельную жизнь и носилъ на своемъ тѣлѣ тяжелыя вериги; онъ былъ опытенъ въ книжной мудрости. Этотъ Ѳеодосій содѣйствовалъ устройству монастыря Богородицы муромской. Вмѣстѣ съ ними подвизались здѣсь еще два грека—Елеазаръ и Назарій, подробности о которыхъ невѣдѣстны <sup>3)</sup>. Въ княженіе Димитрія Донскаго прибылъ въ Москву съ Аѳона инокъ Діонисій. Получивъ отъ великаго князя монастырь Спасокаменный, онъ строгою жизнью привлекъ къ себѣ множество послѣдователей, а въ своей обители ввелъ аеонскій уставъ. Изъ нея вышли потомъ основатели новыхъ монастырей: Діонисій Глушицкій и Александръ Куштскій. При великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, Діонисій былъ назначенъ епископомъ ростовскимъ (1418—1425 г.) <sup>4)</sup>. Въ половинѣ XV в. пришелъ въ Россію съ Аѳона Пахомій сербъ. Онъ поселился въ Троицкой лаврѣ и былъ авторомъ 15 каноновъ и нѣсколькихъ житій (передѣлалъ житіе Сергія, составленное Епифаніемъ, и написалъ житія: Барлаама Хутынскаго, княгини Ольги, Саввы Вышерскаго, Евѳимія новгородскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и митрополита

1) Преданіе Нила Сорскаго, 203.

2) Исторія іерархіи, V, 212.

3) Ibid. V, 115 и слѣд. О Елеазарѣ и Назаріѣ у Филар. Русск. святыне, 4 іюня.

4) Сказанія Пансія Ярославова о Каменномъ монаст. Правосл. собес. 1861, I, 201—205.

Алексѣя) <sup>1)</sup>. Гораздо шире было вліяніе Максима Грека, прибывшаго въ Россію въ 1518 г. Образовавшійся въ Италіи, подъ вліяніемъ идей эпохи возрожденія, онъ сначала увлекся отрицательнымъ направлениемъ итальянскаго общества; но, какъ свидѣтель аскетической реформы Іеронима Савонаролы во Флоренціи, онъ подчинился общему настроенію, господствовавшему тогда въ этомъ городѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ мы его встрѣчаемъ на Аѳонской горѣ, гдѣ онъ подвизался около десяти лѣтъ <sup>2)</sup>. Присланный въ Россію, Максимъ Грекъ своею разнообразною и долготѣною литературною дѣятельностію (1518—1556 г.) создалъ цѣлое направленіе. Переводчикъ, исправитель книгъ, обличитель, полемикъ, критикъ—онъ необходимо долженъ былъ стать въ средоточіи тогдашняго общества. Къ нему, какъ знатоку церковныхъ правилъ, обращался Василій Іоанновичъ по вопросу о разводѣ; онъ отвѣчалъ на всѣ современные вопросы, интересовавшіе русское общество XVI вѣка: о соединеніи церквей; объ астрологическихъ предсказаніяхъ; объ апокрифахъ; о монастырскихъ имуществахъ. Его сочиненія имѣли значительное вліяніе на Стоглавый соборъ <sup>3)</sup>; а въ XVII вѣкѣ ихъ помѣщали рядомъ съ твореніями отцовъ церкви <sup>4)</sup>. Келія Максима Грека была мѣстомъ, куда собирались толковать о книжныхъ, политическихъ и общественныхъ дѣлахъ—лица, занимавшія видное положеніе въ обществѣ: князь Иванъ Токмаковъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, Иванъ Даниловичъ Сабуровъ, Юрій Тютинъ, князь Петръ Шуйскій, князь Андрей Холинскій, князь Андрей Курбскій, Иванъ Никитичъ Беклемишевъ-Берсень, дьякъ Жареный, бояринъ Ѳеодоръ Карповъ, большой любитель книгъ; переводчикъ Димитрій Герасимовъ, Зиновій Отенскій—обличитель ереси Ѳеодосія Косаго; князь Вассіанъ Патрикѣевъ Косой, бывшій въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Максиму Греку, какъ по переводному дѣлу, такъ и по образу мыслей <sup>5)</sup>. Самъ Максимъ образовалъ нѣсколько учениковъ, въ числѣ которыхъ называются: Савва, архимандритъ новоспаскій; состоявшіе при немъ переписчики—монахъ Сильванъ и Ми-

<sup>1)</sup> Твор. св. отцовъ, годъ VI, кн. I, 139, 140.

<sup>2)</sup> Сочин. Максима Грека, II, 365.

<sup>3)</sup> См. наше изслѣдованіе «Максимъ Грекъ», II, 338—341.

<sup>4)</sup> Опис. рукоп. Синод. библиот. II, стр. 605.

<sup>5)</sup> Акты экспед. I, № 172. Прав. собес. 1862. Соч. Макс. Гр. III, 117; Соч. Курбскаго, 295; судъ надъ Вассіаномъ. Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № IX.

хазя Медоварцевъ, Ниль Курлятевъ; тотъ же Димитрій Герасимовъ, Зиновій Отенскій, Германъ, архіепископъ казанскій и князь Курбскій <sup>1)</sup>. Не смотря на такую разнообразную дѣятельность Максима Грека, она ясно носитъ на себѣ черты одного направленія: религіознаго. Это направленіе опредѣлялось, какъ преобладающимъ религіознымъ элементомъ въ умственной жизни тогдашняго русскаго общества, такъ и собственнымъ характеромъ Максима Грека. Его идеаль, отдѣльныя черты котораго разсѣяны въ разныхъ сочиненіяхъ, — *аскетическій*. Назначеніе человѣка на землѣ опредѣляется съ религіозной стороны; а отрѣшеніе отъ міра — должно составлять конечную цѣль его стремленій. Таковъ критеріумъ человѣческой дѣятельности у Максима Грека.

»Зачѣмъ мы, говорить онъ, созданные ради небесныхъ благъ, безумно привязываемся къ земному? Человѣкъ — образъ божества, и потому будемъ заботиться, чтобы получить первообразную красоту. Для словесной души одно украшеніе — забота о божественномъ, и ее ищи всѣмъ сердцемъ. Самое устройство человѣческаго тѣла, стремящагося къ верху, показываетъ свойство человѣка — стремиться въ небесному <sup>2)</sup>. Но человѣкъ не совершенъ, и потому одна премудрость, одно истинное искусство состоитъ въ томъ, чтобы одолѣть свои страсти; богатство душевное есть единственное богатство истинное, которое даетъ самъ Христосъ; оно заключается въ той наградѣ, которая послѣдуетъ послѣ смерти и которую человѣкъ заслужитъ своими добродѣтелями. Здѣшняя жизнь есть мѣсто усовершенствованія для человѣка, чрезъ которое онъ достигаетъ своего прекраснаго отечества, богосозданнаго едема <sup>3)</sup>. Основаніемъ нравственной жизни человѣка должно быть убѣжденіе, что вѣра безъ добрыхъ дѣлъ мертва и дѣла безъ правой вѣры — бесполезны; добродѣтели же заключаются въ христіанской мудрости, правдѣ, душевномъ мужествѣ и цѣломудріи; ихъ Максимъ уподобляетъ четыремъ столпамъ, поддерживающимъ кровлю дома <sup>4)</sup>. О какъ, восклицаетъ Максимъ, какъ свѣтель, и благодатенъ, и страшенъ для тебя, душа, подвигъ священныхъ трудовъ, потому что этотъ подвигъ не для жи-

<sup>1)</sup> Карамзинъ, IX, прим. 170; Курбскій, 42, 122; Москвитининъ, 1842, № XI, 64, 65.

<sup>2)</sup> Сочиненія Максима Грека, II, 5, 6, 11.

<sup>3)</sup> Ibid. I, стр. 38, II, 10.

<sup>4)</sup> Ibid. I, 23, 358.

ни и смерти временной, но для славы небесной или мук вѣчныхъ. Поэтому онъ совѣтуетъ совершенно не заботиться о тлѣнныхъ, земныхъ благахъ, желать только вѣчныхъ, и мысли свои всегда имѣть на небесахъ <sup>1)</sup>. Этотъ тонъ все идетъ crescendo и наконецъ переходитъ въ голосъ взывающаго къ покаянію отшельника, напоминающій тонъ рѣчей Іеронима Савонаролы.

»Долго-ли мы еще будемъ порабощены плотскимъ сладострастіемъ, воемъ котораго—червь и огонь неугасаемый? Долго-ли мы еще будемъ гоняться за несущественнымъ, какъ за существеннымъ, и прельщаться въ умѣ соблазнительными мыслями? Долго-ли будемъ любить дьявольскую любовью сладкую пищу, какъ будто въ этомъ заключается все блаженство? Долго-ли пустая слава будетъ прельщать насъ, золото—наслаждаться, постыдныя дѣла—осквернять? Здѣшняя жизнь, говоритъ Максимъ, непостоянна; въ ней нѣтъ ничего вѣрнаго; все исполнено скорбей; слава, пища, богатство и красота, какъ весенній цвѣтъ, временно приходятъ и исчезаютъ. Ты, душа, была возвышена, ниталась, наслаждалась, прославилась побѣдами, живешь многіе десятки лѣтъ, а послѣ что?—червь, гніеніе, гнусный смрадъ и множество злыхъ, адскихъ мукъ. Какой пользы ожидаешь ты отъ земныхъ благъ?—черезъ нихъ мы погибаемъ. Не такъ ли, какъ дымъ и сонъ, все исчезаетъ и разсыпается, точно вѣтромъ <sup>2)</sup>? Все что прекрасно на землѣ—есть гноище и ложь; все бесполезно и суета. А потому, для полного усовершенствованія, Максимъ Грекъ совѣтуетъ употреблять »худую пищу, какъ бразду бѣсающей плоти« <sup>3)</sup>.

Это направленіе составляло отдѣльную категорію по многимъ существеннымъ вопросамъ общественной жизни. Къ послѣдователямъ правды Нила Сорскаго принадлежали пустынники бѣлозерскіе, вологодскіе и, какъ мы видѣли, до XVI вѣка въ новгородскихъ монастыряхъ преобладала скитская жизнь. Ученикъ Нила Сорскаго, — Иннокентій Охлѣбнинъ, по взаимному соглашенію, отдѣлился отъ него и образовалъ особую пустыню на р. Нурмѣ, завѣщавъ во всемъ слѣдовать уставу Нила <sup>4)</sup>. При жизни Иннокентія въ его пустынѣ не было даже церкви <sup>5)</sup>.

<sup>1)</sup> Ibid. II, 16, 243; I, 182.

<sup>2)</sup> Сочиненія Максима Грека, II, 7—10.

<sup>3)</sup> Ibid. II, 11, 17.

<sup>4)</sup> Житіе Иннокентія. Завѣщаніе въ Исторіи іерархіи, IV, 301.

<sup>5)</sup> Въ рукописн. завѣщанія. См. въ Твор. св. отцовъ, VI, кн. I, Сношенія русск. цер. съ Аѳон. стр. 143, прим.

Къ Нилу изъ Волоколамскаго монастыря перешли самые строгіе отшельники: Діонисій, родомъ изъ князей звенигородскихъ, и Нилъ Полевъ—изъ князей смоленскихъ. О первомъ изъ нихъ говорится, что въ пекарнѣ онъ работалъ за двухъ, при чемъ имѣлъ 77 псалмовъ и дѣлалъ по 3000 поклоновъ каждый день <sup>1)</sup>. Они поселились въ особой пустынѣ; но при Василіѣ Іоанновичѣ, за недоказанный доносъ о ереси бѣлозерскихъ пустынниковъ, были переселены въ Кирилловъ монастырь <sup>2)</sup>. По смерти Нила Сорскаго, защитникомъ его правилъ былъ другой его ученикъ князь Вассіанъ Патрикѣевъ. Онъ сильно нападалъ на богатство монастыря Іосифа Волоколамскаго и проводилъ ту мысль, что не слѣдуетъ украшать даже церкви золотомъ и серебромъ, а лучше раздать эти богатства нуждающимся <sup>3)</sup>. По приѣздѣ Максима Грека въ Россію, князь Вассіанъ, жившій тогда въ Симоновомъ монастырѣ и приближенный къ двору Василія Іоанновича, сошелся съ нимъ. Вассіану былъ порученъ надзоръ за переводомъ книгъ. Отсюда гѣсная связь его съ Максимомъ Грекомъ. Но еще болѣе ихъ сблизила одинаковость убѣжденій. Вассіанъ—ученикъ Нила Сорскаго вполне соответствовалъ Максиму Греку, отшельнику Аѳонской горы <sup>4)</sup>. По просьбѣ Вассіана, Максимъ написалъ для него особую статью о порядкѣ жизни аѳонскихъ монастырей <sup>5)</sup>. Сторонники этого направленія были противниками монастырскихъ имуществъ, споръ о которыхъ занимаетъ видное мѣсто въ исторической литературѣ XVI вѣка.

Въ 1503 г., на соборѣ о вдовыхъ понахъ и діавогахъ, былъ предложенъ Іоанномъ III вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ. На этомъ соборѣ присутствовали высшія духовныя лица, игумены и старцы изъ многихъ монастырей. Въ числѣ ихъ были Падсій Ярославовъ и Нилъ Сорскій. Они подняли голосъ противъ монастырскихъ имуществъ, проводя ту мысль, что отшельники не должны имѣть отношенія къ міру, а обязаны жить по пустынямъ и питаться трудами рукъ своихъ <sup>6)</sup>. Нилъ Сорскій писалъ даже сочиненіе противъ монаховъ, странствовавшихъ

<sup>1)</sup> Жизніе Іосифа Волоколамскаго, Прибавл. къ Твор. отц. X, 153. ?

<sup>2)</sup> Отнош. иноковъ Кирил. и Іосиф. монаст. въ XVI в., годъ IX, вн. 2, стр. 507.

<sup>3)</sup> Полемич. сочин. Вассіана, Правосл. собесѣд. 1863, октябрь, 209.

<sup>4)</sup> О Вассіанѣ Патрикѣевѣ Косомъ см. подробно въ Русск. общест. дѣят. XVI в. стр. 44—63.

<sup>5)</sup> Сочиненія Максима Грека, III, стр. 243—245.

<sup>6)</sup> Отношенія иноковъ Кирил. и Іосиф. монаст. стр. 505.

по міру ради богатства <sup>1)</sup>. Его мнѣніе поддерживали на соборѣ пустыньники бѣлозерскіе. Но значительная часть членовъ собора, заинтересованная въ этомъ дѣлѣ, вызвала на соборѣ Іосифа, игумена богатаго Волоколамскаго монастыря, прославившагося уже въ то время дѣйствіями противъ еретиковъ. Іосифъ, поддерживаемый Серапіономъ, игуменномъ Троицко-сергіевской лавры, тоже богатой обители, отстаивалъ монастырскія имущества. Какъ Нилъ Сорскій держался въ этомъ случаѣ идеальнаго воззрѣнія на монастырскую жизнь; такъ Іосифъ Волоколамскій стоялъ за существующій порядокъ, на почвѣ дѣйствительности: его доказательства основаны на примѣрахъ представителей древняго монашества, допускавшихъ владѣніе селами <sup>2)</sup>. Здѣсь началась извѣстная въ нашей исторіи борьба между этими двумя направленіями <sup>3)</sup>, продолжавшаяся въ теченіе XVI вѣка и принявшая политическій характеръ. По смерти Нила Сорскаго, уже въ правленіе Василя Іоанновича, его мысль продолжалъ отстаивать ученикъ его, князь Вастіанъ Патриѣвъ, держась основаній своего учителя <sup>4)</sup>. Онъ написалъ рядъ полемическихъ статей противъ Іосифа Волоколамскаго и дѣлалъ книгу въ защиту своихъ мнѣній <sup>5)</sup>. Въ богословскихъ доказательствахъ и ему служить источникомъ Пандекты Никона черногорца <sup>6)</sup>. Образцомъ иноческой жизни Вассіанъ считаетъ правила Нила Сорскаго; причиною паденія монастырской жизни—владѣніе селами, заставлявшее монаховъ принимать участіе въ мірскихъ дѣлахъ. Другое явл., вытекавшее изъ владѣнія селами, было—притѣсненіе крестьянъ, какъ результатъ стремленія монастырей къ обогащенію и пренебреженія личными интересами подвластныхъ, крайняя бѣдность которыхъ часто заставляла ихъ прибѣгать въ большимъ процентамъ, залогамъ и окончательному закабаленію себя монастырямъ. Право владѣнія землею Вассіанъ признавалъ только за мірскими церквами и соборами; но и въ этомъ случаѣ назначенію недвижимыхъ имуществъ онъ придавалъ древній характеръ:

<sup>1)</sup> О инокахъ кружающихъ стяжанія ради. См. Опис. Румянц. муз. 628, Царскій, № 274.

<sup>2)</sup> Объ отношеніяхъ Кирил. и Іосиф. монаст. въ XVI в., годъ IX, кн. 3, стр. 505.

<sup>3)</sup> Ibid. 505: »то первая нелюбва«.

<sup>4)</sup> Ibid. 505.

<sup>5)</sup> Полемич. соч. Вассіана, Правосл. соб. 1863, III, 97.

<sup>6)</sup> Ibid. 98—100.



за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей елїра, они должны были служить для вспомошествованія бѣднымъ и на выкупъ плѣнныхъ <sup>1)</sup>. Въ Кормчую, составленную Вассіаномъ, было внесено замѣчаніе о русскихъ представителяхъ монашества, что они не владѣли селами и заповѣдали своимъ ученикамъ жить по евангелію <sup>2)</sup>. Этотъ антагонизмъ дошелъ до того, что Іосифъ запретилъ своимъ ученикамъ имѣть сообщеніе съ учениками Нила и Вассіана, а послѣдній учениковъ Іосифа не пускалъ въ себѣ даже въ келлію <sup>3)</sup>. Въ связи съ Вассіаномъ, въ этой полемикѣ стояли другіе послѣдователи ученія Нила Сорскаго и монахи Аѳонской горы, бывшіе тогда въ Россіи. Между ними первое мѣсто занимаетъ Максимъ Грекъ <sup>4)</sup>. Вопросу о монастырскихъ имуществвахъ онъ посвятилъ специально два сочиненія: одно озаглавлено «Повѣсть страшная и достопамятная» <sup>5)</sup>, въ которой онъ представилъ образъ жизни картезіанскихъ монаховъ, содержавшихся милостынею и имѣвшихъ все общее; другое называется «Состязаніе объ иноческой жизни между двумя лицами: Филоктимономъ, или любостыжательнымъ, и Актимономъ, или нестыжательнымъ» <sup>6)</sup>. Въ немъ Максимъ Грекъ представилъ развитіе двухъ противоположныхъ мнѣній, существовавшихъ въ обществѣ по вопросу о монастырскихъ имуществвахъ. Въ лицѣ Актимона онъ выражаетъ собственный взглядъ. Изъ этого сочиненія видно, что защитники ихъ опирались на примѣры древнихъ патріарховъ, левитовъ и священниковъ; они утверждали, что и при существованіи имуществъ, принципъ монашеской жизни все-таки сохраняется, потому что все остается общимъ и никто въ частности не владѣетъ недвижимою собственностью; наконецъ были и такіе, которые въ свою пользу толковали слова евангелія, въ которыхъ за огреченіе отъ отца, матери, дѣтей и селъ, обѣщается награда сторицею не только въ будущей жизни, но и въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Максимъ Грекъ опровергаетъ своихъ противниковъ тѣмъ, что владѣніе имуществами есть нарушеніе обѣта—

<sup>1)</sup> Полемич. сочин. Прав. собес. 1863, III, 102 и дал. 180 и дал. Подробно въ Русск. общест. дѣятел. XVI вѣка, 50—55.

<sup>2)</sup> Опис. рукоп. Толстаго, отдѣл. I, № 168 и табл. № IV.

<sup>3)</sup> Полемич. соч. Вассіана, 207, 209. Судный списокъ Вассіана, Чтенія Моск. общ. исторіи, 1847, IX, 10.

<sup>4)</sup> Объ отнош. инок. Кирил. и Іосиф. монаст. 505, 506.

<sup>5)</sup> Сочиненія Максима Грека, III, 178.

<sup>6)</sup> Ibid. II, 82—118.

нестыжательности; что въ связи съ этимъ соединятся безчеловѣчныя поступки съ подчиненными, на которыхъ налагаютъ тяжелыя работы и большіе проценты; что ветхозавѣтные обычаи не могутъ служить примѣромъ для живущихъ въ новомъ завѣтѣ; наконецъ, что евангельскія слова слѣдуетъ понимать духовно, потому что иначе можно допустить, что за одну оставленную жену придется получить многихъ и породить дѣтей болѣе, чѣмъ прежде. Корень всякому злу—есть сребролюбіе, говоритъ онъ. И Максимъ, подобно Вассіану, считалъ церковныя имущества принадлежностію бѣдныхъ, по древнему ихъ назначенію <sup>1)</sup>).

Симпатіи и антипатіи этого направленія сообщались нашѣму политическому писателю XVI в.—князю А. М. Курбскому, какъ ученику Максима Грека. Вассіанъ и Максимъ представляются ему святыми мужами. Въ угожденіи монаховъ свѣтской власти онъ видѣлъ желаніе выманить побольше имѣній; а послѣдователи Іосифа Волоцкаго называются у него не иначе, какъ презлыми и лукавыми іосифлянами <sup>2)</sup>. Впрочемъ въ этомъ нерасположеніи къ нимъ проглядывала уже политическая сторона, которой мы вѣснемся ниже. Но авторитетъ Максима Грека и Вассіана пользовался уваженіемъ и въ другой средѣ. Еретикъ Θεодосій Косой въ вопросѣ о церковныхъ имуществахъ ссылался на ихъ доводы <sup>3)</sup>.

Другой важный пунктъ, котораго держались послѣдователи Вассіана Косаго, въ противоположность Іосифу Волоколамскому, состоялъ въ отрицаніи казни покаявшихся еретиковъ. Іосифъ посвятивъ этому вопросу нѣсколько словъ своего Просвѣтителя, направленаго противъ ереси жидовствующихъ <sup>4)</sup>. Онъ старался доказать, что убить еретика молитвою, проклятіемъ, все равно, что руками; а потому не слѣдуетъ давать имъ пощады даже въ покаяніи, такъ какъ оно ложно и вынуждено. Необходимость казни еретиковъ онъ доказывалъ примѣрами ветхозавѣтныхъ ревнителей. А сотрудникъ Іосифа по преслѣдованію еретиковъ—новгородскій архіепископъ Геннадій рекомендовалъ вел. князю даже испанскую инквизицію <sup>5)</sup>. Замѣчательно, что и Максимъ Грекъ

<sup>1)</sup> Сочиненія Максима Грека, II, 174.

<sup>2)</sup> Исторія Іоанна, Курбскаго, стр. 5, 40, 122.

<sup>3)</sup> Истины показаніе Зиновія, гл. 44.

<sup>4)</sup> Просвѣтитель, слова 13—16. и посланіе въ в. в. Вас. Іоан. Виліюнова, XVI, 423, 424.

<sup>5)</sup> Акты экспедиціи, I, № 380, стр. 482.

сходится въ этомъ вопросѣ съ Иосифомъ. По случаю обнаружившихся при немъ остатковъ ереси жидовствующихъ, онъ написалъ посланіе къ православному собору на проповѣдника ея Исаака, котораго совѣтуетъ предать гражданской власти для казни и въ образецъ ставить древнихъ ревнителей. 1) Это сходство объясняется тѣмъ, что оба они держатся какъ библейскаго, такъ и церковнаго примѣра; тогда какъ послѣдователи Нила Сорскаго исключительно стоятъ на почвѣ новаго завета. Вассіанъ Косой посвятилъ этому предмету особое слово, въ которомъ проводитъ противоположную мысль. Покаявшихся еретиковъ, по претерпѣвшихъ страданіе, онъ называетъ мучениками; казнь еретиковъ считаетъ дѣломъ человѣческимъ и противнымъ духу священнаго писанія; а примѣры ветхаго завета совершенно отвергаетъ на томъ основаніи, что повелѣно апостолами ничего не прибавлять къ евангелію и ихъ посланіямъ. Изъ ветхаго завета онъ принимаетъ только то, что внесено въ новый заветъ 2). Вологодскіе пустынники и старцы Кирилловскаго монастыря написали особое посланіе противъ Иосифа, въ которомъ также порицали его за защиту казни еретиковъ. Въ его тенденціяхъ они видѣли возвращеніе къ ветхому завету, противному Богу. По рѣзкому тону посланія полагаютъ обыкновенно, что оно написано тѣмъ же Вассіаномъ. Привода примѣры ветхозавѣтной ревности по верѣ, вологодскіе пустынники объясняютъ ихъ духомъ древняго закона, а въ примѣръ новозавѣтной заповѣди любви ставятъ извѣстный евангельскій случай прошенія блудницы. За тѣмъ, обращаясь къ Иосифу, они пишутъ: «Апостоль Петръ волхва Симона молитвою разбилъ, за то что назвалъ сыномъ божіимъ, и ты, господинъ Иосифъ, сотвори молитву, чтобы недостойныхъ еретиковъ и грѣшниковъ пожрала земля. Если же Богъ приметъ еретика и грѣшника на покаяніе, то твоя молитва не будетъ услышана. Левъ, епископъ катанскій, волхва Геліодора епитрахилью связалъ и сжегъ. А ты, господинъ Иосифъ, почему не испытаешь своей святости? тебѣ слѣдовало мантиею связать архимандрита Вассіана и самому держать его въ пламени, пока онъ не сгоритъ; а мы приняли-бы тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ, вышедшихъ изъ пламени. Подумай, господинъ Иосифъ, какъ много разницы между Моисеемъ, Ильею, апостолами Петромъ и Павломъ и тобою...

1) Сочин. Максима Грека, I, 51.

2) Полемич сочин. Вассіана, Прав. соб. 1863, III, 200—205.

Праведныхъ слѣдуетъ любить, а грѣшныхъ миловать<sup>1)</sup>. Видя въ Иосифѣ противника евангельской любви, Вассіанъ сильно напалъ на то уваженіе въ нему, въ силу котораго ученики Иосифа еще при жизни почитали его святымъ<sup>2)</sup>. Конечно такое отношеніе не могло нравиться многимъ, когда въ господствующей средѣ преобладали идеи Иосифа. А потому Вассіанъ прослылъ еретикомъ<sup>3)</sup>. Такъ противоположно высказались два направленія по существеннымъ вопросамъ, занимавшимъ тогдашнее общество, различно понимая священное писаніе—пока единственный источникъ теоретическаго знанія. //

Исторія развитія монастырской жизни въ древней Россіи обнимаетъ въ себѣ главныя стороны общественнаго быта. Прототипомъ монашества было отшельничество, явившееся въ слѣдствіе стремленія отдѣльныхъ лицъ къ уединенной жизни. Но обыкновенно это удаленіе отъ міра продолжалось не долго: вокругъ отшельника собиралось братство, полагавшее начало монастырю. Съ теченіемъ времени около монастыря являлись поселенія. Благодаря религиозному уваженію къ монастырю и особенно къ его основателю, прославившемуся въ народной молвѣ чудесами, онъ обобщался, получалъ значительныя влады и земли; а льготы, которыми вообще пользовались монастыри въ отношеніи налоговъ и торговли, привлекали въ его владѣнія значительное крестьянское населеніе. Тогда монастырь становился богатымъ землевладѣльцемъ. Такимъ путемъ въ значительной степени колонизовалась сѣверо-восточная Россія. Въ этомъ отношеніи развитіе монастырской жизни на сѣверо-востокѣ имѣетъ историческое значеніе, какъ одно изъ главныхъ средствъ заселенія края и распространенія гражданственности. Съ другой стороны, вторгаясь въ инородческія поселенія на сѣверо-востокѣ, монастыри приняли на себя миссіонерскую дѣятельность—распространеніе христіанства. Близкое соприкосновеніе монастырей съ общественною жизнью и то уваженіе, какимъ пользовались настоятели знаменитыхъ обителей въ высшей сферѣ, дали этимъ монастырямъ политическое значеніе. Это особенно выразилось въ періодъ образованія Московскаго государства. Господствующее значеніе религиозныхъ идей въ эпоху древней Россіи сдѣлало монастыри воспитательною школою и средоточіемъ образованности. Въ свою очередь образовательное вліяніе монасты-

1) Древняя Россійская Вивліоэика, XVI, 424—428.

2) Полемич. сочин. Вассіана Косаго, Прав. соб. 1863 г. III, 205.

3) Судное дѣло Вассіана, Чтен. Моск. общ. исторіи, 1847, № IX.

рей давало преобладаніе въ обществѣ религіозному строю жизни. Вотъ тѣ главные моменты въ культурномъ значеніи монастырей, которые мы намѣрены прослѣдить въ послѣдовательномъ ихъ развитіи.

Иларіонъ и Антоній, положившіе начало жизни въ пещерахъ киевскихъ, были отшельники; но уже при Антоніѣ собралось 15 братій. Тогда онъ, какъ воспитавшійся въ безмолвіи на Аѳонѣ, поставилъ имъ игумена Варлаама, а самъ затворился въ пещерѣ. При Θεодосіѣ братія было уже 100 человекъ. Онъ ввелъ студійскій уставъ, основанный на началахъ общежитія. Вліяніе Печерскаго монастыря было обширное. На первыхъ же порахъ между послѣдователями Антонія мы встречаемъ князей и бояръ. Сынъ черниговскаго князя Давида Святославовича—Николай Святоша, управлявшій одно время городомъ Луцкомъ, оставилъ свою семью и княжество, и поступилъ въ Печерскій монастырь. Три года провелъ онъ въ поварнѣ, своими руками рубилъ дрова и на обоихъ плечахъ носилъ воду съ берега. Потомъ приставленъ былъ привратникомъ на три года и наконецъ опредѣленъ былъ въ трапезу. При келліи онъ развелъ огородъ и постоянно занимался рудоудѣлемъ, которое доставляло ему одежду. Сынъ боярина Іоанна бросилъ молодую жену и, несмотря ни на какія ухищренія съ ея стороны, остался непреклоннымъ, удалившись въ Печерскую обитель. Самъ Θεодосій долго боролся съ матерью, пока преодолѣлъ всѣ препятствія, мѣшавшія ему на пути къ избранной цѣли; а когда вступилъ въ монастырь, то не хотѣлъ видѣться болѣе съ нею, и она послѣдовала его примѣру. Подобныя стремленія вызывали сначала противодѣйствія со стороны семьи и свѣтской власти, лишавшейся такимъ образомъ лучшихъ членовъ дружины; но идея превозмогла частные интересы. Печерскій монастырь сдѣлался центромъ, дававшимъ направленіе жизни. Собираясь на Альту противъ половцевъ (1067 г.), Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ пришли за благословеніемъ къ Антонію. Николай Святоша, по желанію великаго князя Всеволода, ходилъ примирять князей, боровшихся за Черниговскую область (1142). Великій князь Изяславъ нерѣдко приходилъ съ своими боярами въ Печерскій монастырь, чтобы поучаться въ бесѣдахъ Θεодосія. «Онъ исполнялъ съ точностію все, что ни повелѣвалъ ему Θεодосій», говоритъ Несторъ въ житіи послѣдняго. Однажды Изяславъ пріѣхалъ въ монастырь въ полуденное время, когда запирались монастырскія ворота, и привратникъ до тѣхъ поръ продержалъ его у воротъ, пока не донесъ Θεодосію о прибытіи вели-

7) этого князя. Когда Святославъ черниговскій отнялъ престолъ у Изяслава — Θеодосій явился жестокимъ обличителемъ такого поступка: онъ порицалъ его передъ всѣми и писалъ къ нему посланія, въ которыхъ сравнивалъ его съ Каиномъ и другими братоубійцами. Сначала Святославъ сталъ грозить Θеодосію заточеніемъ, но когда тотъ не отступилъ отъ своихъ обличеній, онъ просилъ у него прощенія и разрѣшенія прийти въ Печерскій монастырь. Съ тѣхъ поръ и Θеодосій не разъ ходилъ къ нему въ домъ. Однажды онъ засталъ у князя играющихъ на гусляхъ и органахъ, а также пѣсенниковъ. Долго сидѣлъ Θеодосій съ потупленнымъ взоромъ и наконецъ спросилъ Святослава: будеть-ли такъ на томъ свѣтѣ? Князь велѣлъ перестать играть, и потомъ каждый разъ, когда докладывали Святославу о приходѣ Θеодосія, пѣсни и игры прекращались во дворцѣ. Святославъ всегда встрѣчалъ Θеодосія у самаго входа и однажды заявилъ ему, что онъ радуется его посѣщенію болѣе, чѣмъ радовался-бы воскресшему отцу. Онъ ощущалъ какой-то страхъ передъ Θеодосіемъ. Только когда заходила рѣчь о возвращеніи престола брату — Святославъ упорно молчалъ. Но Θеодосій не отступалъ отъ своихъ требованій и долго не велѣлъ поминать на этетеніи имени Святослава, и когда уступилъ въ этомъ, то все-таки ставилъ его послѣ Изяслава. Результатомъ общаго уваженія къ Θеодосію было обогащеніе монастыря. Многие стали отдѣлять часть изъ своего имѣнія на его обитель, а другіе записывали волости и села. Особенно способствовалъ ея обогащенію въ первый періодъ ея существованія — вел. князь Изяславъ Печерскій монастырь сталъ рассадникомъ многихъ монастырей въ Россіи. Отсюда вывелъ Изяславъ въ основанный имъ монастырь св. Димитрія — игумена Варлаама, а послѣ него тамъ былъ игуменомъ Исаія — опять изъ Печерскаго монастыря. По правиламъ Печерской обители, были основаны ея выходцами монастыри: Никономъ въ Тмутаракани и Стефаномъ — Бловскій, въ окрестностяхъ Кіева. Изъ Печерскаго монастыря избирали епископовъ почти во всѣ города тогдашнихъ епархій: въ Переяславль, Ростовъ, Новгородъ, Владиміръ, Суздаль, Юрьевъ, Полоцкъ, Тмутаракань, Черниговъ, Туровъ, Бѣлгородъ. До 1225 г. насчитываютъ около 50 епископовъ, взятыхъ оттуда<sup>1)</sup>. Сюда стекались путешественники изъ

<sup>1)</sup> Житіе Θеодосія, Учен. зап. Акад. наукъ, по 2 отдѣл. II; о Печерскомъ монастырѣ, Лаврент. лѣт. Посланіе Симона къ Поликарпу. Обзоръ редак. печерс. патерика. Извѣс. Ак. наукъ по отд. рус. яз. и словес. V, 130—158.

разныхъ частей Россіи и повсюду распространяли то религіозное уваженіе къ Печёрскому монастырю, которое сохранялось до позднѣйшихъ временъ. Одинъ путешественникъ начала XVII в., странствовавшій по востоку, замѣчаетъ, что онъ, сколько земель ни обошелъ, нигдѣ не видѣлъ столько мощей, какъ въ Кіевѣ <sup>1)</sup>.

Князья понимали ту нравственную силу, какая сосредоточивалась въ рукахъ монастырей, и потому сами старались покровительствовать имъ. Изъ 80 монастырей, упоминаемыхъ до половины XIII в., по крайней мѣрѣ до 30 основаны по инициативѣ князей. Нѣсколько основано частными лицами. Большая часть ихъ, конечно, были мужескіе; изъ 80 обителей можно насчитать только до 20 женскихъ <sup>2)</sup>. Уже въ этотъ періодъ монастыри существовали въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Муромѣ, Ростовѣ, Владимірѣ на Клязми, Переяславлѣ-Залѣскомъ, Перемышлѣ, Полоцкѣ, Переяславлѣ южномъ, Смоленскѣ, Рязани, Ярославлѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Костромѣ, Старой Русѣ, Старой Ладогѣ, Псковѣ, Вологдѣ, Суздаль, Черниговѣ, Туровѣ и Устюгѣ <sup>3)</sup>. Главными центрами ихъ были—Кіевъ, гдѣ насчитываютъ 17 монастырей, и Новгородъ, имѣвшій въ своихъ окрестностяхъ 22 обители <sup>4)</sup>, такъ что онъ, можно сказать, былъ опоясанъ монастырями. Нѣкоторые изъ нихъ были любимыми обителями князей: вел. князь Изяславъ покровительствовалъ Дмитріевскому монастырю, Святославъ Ярославичъ—Симеоновскому; Кириловскій монастырь былъ усыпальницею потомковъ Всеволода; Теодоровскій почитался у потомковъ Мстислава Владиміровича. На высшія іерархическія мѣста обыкновенно избирали изъ монастырей, и потому русская церковь, подобно греческой, сохраняла отшельническій характеръ. Въ XII вѣвѣ епископомъ туровскимъ былъ сдѣланъ Кирилъ, подвизавшійся до того времени на столпѣ. Съ наступленіемъ татарскаго ига, Кіевская область, подвергавшаяся частымъ нападениямъ, съ трудомъ поддерживала прежніе монастыри; за то они стали размножаться въ княжествѣ Владиміро-Галицкомъ, болѣе спокойномъ. Здѣсь имъ покровительствовали: Даниилъ Романовичъ, сынъ его Левъ и особенно Владиміръ Васильевичъ—основатель многихъ монастырей <sup>5)</sup>. Развитие политической жизни на сѣверо-востоцѣ Россіи

<sup>1)</sup> Путешествіе Гагары, изд. Сахарова, стр. 121.

<sup>2)</sup> Маварій, Истор. рус. церкви, I, 150—159; II, 72—76; III, 28—58.

<sup>3)</sup> Филаретъ, Исторія рус. церк. I, 147, и Макарій *ibid.*

<sup>4)</sup> Филаретъ, I, 146.

<sup>5)</sup> Макарій, IV, кн. I, 169, 170.

и вступленіе русскаго населенія въ міръ инородческій повели за собою умноженіе монастырей въ тамошнихъ предѣлахъ. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій (до половины XV в.) тамъ открылось вновь до 180 обителей.

Изъ этого числа на долю новгородскихъ владѣній приходится до 50; остальные находились въ княжествахъ: Московскомъ, Тверскомъ, Рязанскомъ, Нижегородскомъ и странахъ: Муромской, Бѣлозерской, Вологодской, Костромской. Численность мужескихъ монастырей и за это время стоять гораздо выше женскихъ: послѣднихъ можно насчитать только до 20 вообще <sup>1)</sup>. Конечно это отношеніе опредѣлялось не религіозностью, въ которой женщина никогда не уступаетъ мужчѣнѣ, но условіями самаго быта: меньшею самостоятельностью ея въ жизни, большею привязанностью къ семьѣ, большими удобствами мужескихъ монастырей и наконецъ, что въ особенности относится къ сѣверо-восточному краю Россіи, трудностью, съ какою должны были бороться женщины, рѣшавшіяся на то одиное отшельничество, которое было одною изъ главныхъ причинъ размноженія монастырей въ томъ краѣ.

Какъ на югѣ первоначальнымъ покровителемъ монастырской жизни считался Ярославъ I, такъ на сѣверѣ—Андрей Боголюбскій, строитель монастырей <sup>2)</sup>. Князья тверскіе, рязанскіе, нижегородскіе, бѣлозерскіе, дѣйствовали въ томъ же духѣ. Но особенно покровительствовали монастырямъ—князья московскіе, скоро понявшіе значеніе этого учрежденія въ политической жизни юнаго общества. Вмѣстѣ съ возвышеніемъ Московскаго княжества, число ихъ стало быстро возрастать въ средней полосѣ Россіи и особенно въ Москвѣ и ея окрестностяхъ <sup>3)</sup>. Иоаннъ Даниловичъ былъ большой любитель монашества. Онъ нарочно отправилъ посольство къ митрополиту Феогносту, жившему тогда на Волнни, чтобы испросить благословеніе на построеніе въ Москвѣ Спасскаго монастыря, которому онъ отвелъ собственный дворъ. Калита хотѣлъ постоянно видѣть его передъ собою, возможно чаще посѣщать и легко имѣть сообщеніе съ монахами. Онъ почиталъ свою обитель болѣе всѣхъ другихъ, и потому щедро одарилъ ее вкладами и доходами. Такое уваженіе къ Спасскому монастырю сохранялось и послѣ, пока не возвыси-

<sup>1)</sup> Макарій, Исторія русск церк. IV, книга I, стр. 163—210.

<sup>2)</sup> Полн. собр. русск. лѣт. I, 156.

<sup>3)</sup> Макарій, *ibid.* 175.



лась обитель Сергія Радонежскаго <sup>1)</sup>. Но монастыри, построенные князьями и основанные въ городахъ, скоро утрачивали свой основной характеръ. Обогащенные на первыхъ порахъ своего существованія, они рано втягивались въ интересы общественной жизни. Это замѣтилъ еще древній лѣтописецъ. По поводу основаннаго въ Кіевѣ Изяславомъ Дмитріевскаго монастыря, онъ говоритъ: «Изяславъ поставилъ монастырь св. Димитрія, и желалъ сдѣлать его выше Печерскаго, надѣясь на богатство. Много есть монастырей, построенныхъ царями и боярами и основанныхъ на богатствѣ; но они не таковы, какъ основанные слезами, пощениемъ, молитвою, бдѣніемъ» <sup>2)</sup>. Это постоянно сознавалось и въ послѣдующіе вѣка <sup>3)</sup>. Недовольные такимъ порядкомъ вещей искали отрѣшенія отъ міра среди пустыни, пока новое преслѣдованіе земной страсти не увлекало ихъ послѣдователей еще далѣе. Стремленіе отрѣшиться отъ земной суеты было главною причиною распространенія монастырскихъ поселеній на сѣверо-востокъ Россіи. Ихъ основатели служили не учрежденію, поддерживаемому мірскими средствами, но идеѣ, вѣрно характеризующей духъ времени. Этому помогли и политическія обстоятельства сѣвера. Въ то время, какъ въ южныхъ степяхъ Россіи долго господствовали дикія и воинственные орды, постоянно нападавшія на южные города, на далекомъ сѣверѣ жило сравнительно весьма мирное и уступчивое племя финновъ, скоро оставлявшее пустынную вѣпокоѣ. А между тѣмъ за нимъ шло русское населеніе...

Реинстинные послѣдователи Антонія, Пахомія и восточныхъ пустынниковъ искали полного совершенства внѣ монастыря, вдали отъ людей, даже связанныхъ одинаковыми религіозными интересами. Удаленіе отъ людей и желаніе безмолвія — вотъ общій мотивъ въ ихъ странствованіяхъ по сѣверу Россіи, для приисканія себѣ пустыннаго мѣста <sup>4)</sup>. Неудовлетворенный шумною жизнію своего монастыря, буду-

<sup>1)</sup> Полн. собр. русск. лѣт. VII, 202; Никон. лѣт. III, 154; Степен. книга, I, 379, 380. Карамз. IV., 148. Снегиревъ, Памят. москов. древн. 122—125. Азты истор. I, 56.

<sup>2)</sup> Полн. собр. русск. лѣт. I, 69.

<sup>3)</sup> Азты историческіе, I, № 253.

<sup>4)</sup> Житія: Діонисія Глушицкаго, Александра Куштскаго, Авраамія Чухломскаго, Макарія Желтоводскаго, Германа Соловецкаго, Арсенія Комельскаго, Никандра Псковскаго, Савватія Соловецкаго, Григорія Пельшимскаго, Антонія Сійскаго, Оерапонта Монзенскаго, Павла Обнорскаго.

щій отшельникъ долго странствуетъ отъ одной области къ другой; иногда заходитъ на Аюны; но всё эти странствованія обанчиваются тѣмъ, что онъ поселяется въ пустынь и тамъ начинаетъ новую жизнь.

По большей части, замѣчаетъ г. Хрущовъ, странникъ направляется на сѣверъ отъ мѣста своего постражения. Это стремленіе къ сѣверу объясняется тѣмъ, что нашъ сѣверъ былъ *мало населенъ*; отсутствие же гражданскихъ элементовъ и дѣвственная природа болѣе всего могли привлечь жаждущаго пустынной жизни<sup>1)</sup>. Въ этомъ краѣ пустыня преобладала надъ поселеніемъ, такъ какъ лѣсъ преобладалъ надъ полемъ.

Путешественники постоянно замѣчаютъ о Московіи, что, она покрыта безконечными, непроходимыми и необитаемыми лѣсами<sup>2)</sup>. Герберштейнъ о Вологодской области выражается: «Вся страна болотиста и лѣсиста, отчего путешественники не могутъ въ точности опредѣлять разстоянія, по причинѣ частыхъ болотъ и извилистыхъ рѣкъ. Ибо чѣмъ дальше идешь, тѣмъ больше встрѣчается непроходимыхъ болотъ, рѣкъ и лѣсовъ». Бѣлозерскіе лѣса онъ называетъ дремучими<sup>3)</sup>. Въ Тверской и Новгородской областяхъ, не смотря на большую населенность края, цѣлыя рати заблуждались среди непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и озеръ<sup>4)</sup>. Тоже самое было и въ двинской части сѣвернаго поморья: непроходимые лѣса тянулись по всему пространству, пересѣкаемые болотами, озерами и рѣками, такъ, что многія села стояли въ лѣсу<sup>5)</sup>. Въ этихъ лѣсахъ росли невбродной величины сосна, дубъ и кленъ, которые вывозились въ большомъ количествѣ за границу<sup>6)</sup>. Остатки пней въ окрестностяхъ Москвы, замѣченные путешественникомъ XVI в., свидѣтельствовали, что даже «эта область была не такъ давно очень лѣсиста<sup>7)</sup>». Суровый видъ природы особенно привлекалъ отшельниковъ. Перѣдко упоминается, что они селились въ глухомъ лѣсу<sup>8)</sup>. Пустынники останавливались передъ мѣстностью, поражающею ихъ, то своею дикостью, то

- 
- 1) Хрущовъ, Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, 6.  
 2) Барбаро, 57—59; Контарини, 110, 118; Кампензе, 27, 29; Іовій, 23.  
 3) Герберштейнъ, 121.  
 4) Полн. собр. рус. лѣтописей, т. V, 206. Никоновская лѣтоп. III, 111.  
 5) Житіе Антонія Сійскаго.  
 6) Кампензе, 30.  
 7) Герберштейнъ, 95.  
 8) Житія: Діонісія, Глушицаго, Саввы Крыпецкаго, Лонгина Коржемскаго.

красотою природы. Мѣсто, избранное для подвиговъ Антоніемъ Сійскимъ, было окружено горами, покрытыми лѣсомъ, а въ долинахъ лежало озеро, возлѣ котораго находилась келья Антонія, окруженная двѣнадцатью березами, бѣлыми какъ снѣгъ. — Весьма плачевно это мѣсто, говоритъ его биографъ, но посѣтившій эту пустыню прійдетъ въ умиленіе, потому что созерцаніе такого мѣста можетъ привести въ чувство. Другіе поражались болѣе мягкимъ впечатлѣніемъ. Мѣсто, избранное отшельникомъ, отличается красотою, и жизнеописатели обыкновенно описываютъ его съ сочувствіемъ. Деревья и вода считались необходимою принадлежностью для умиленія сердца. Кирилль Бѣлозерскій съ высоты горы Мяуры плѣнился обширнымъ пространствомъ, покрытымъ озерами и лугами, и орошеннымъ рѣкою Шексною. Филиппъ Ирапскій выбралъ красивое мѣсто на берегу рѣки Андоги (въ Бѣлозерской странѣ), подѣ развѣсистую сосною. Герасимъ Болдинскій поселился у потока подѣ огромнымъ дубомъ; Кирилль Новозерскій — подѣ елью на крутомъ берегу Новаго озера; Ѳеранонтъ Можайскій между двухъ озеръ. Кирилль Челмскій избралъ для жительства гору Челмъ въ 50 верстахъ отъ Каргополя. По обѣимъ сторонамъ ея лежали два озера, изъ которыхъ одно выпускало рѣку. Гора была покрыта лѣсомъ. Трифонъ Вятскій избралъ мѣстность на р. Мулянеѣ (возлѣ нынѣшней Перми), окруженную густымъ лѣсомъ и благоухающими цвѣтами. Поселяясь у рѣки, отшельники предпочитали мѣсто у ея устья, гдѣ она впадаетъ въ большую рѣку <sup>1)</sup>. Въ мѣстахъ озерныхъ они селились нерѣдко на островахъ. Островъ Палій, на которомъ жили Корнелій и Авраамій пале-островскіе, представляетъ живописную мѣстность. Съ вершины отвѣсной скалы его открывается панорама всего Онежскаго озера, во всей дикой красотѣ <sup>2)</sup>.

Условія мѣстности вполнѣ удовлетворяли, не слишкомъ заботив-

1) См. житія означенныхъ святыхъ. Симонъ Сойгинскій поселился на устьѣ Сойги, впадающей въ Вычегду; Адрианъ Монзенскій на устьѣ Монзы, впадающей въ Кострому; Кассіанъ Угличскій на устьѣ Учмы, впадающей въ Волгу; Пафнутіи Боровскій на устьѣ Протвы, впадающей въ Истерву; Филиппъ Рабанскій на устьѣ Рабанги, впадающей въ Сухону; Пахомій Нерехтскій у впаденія Гридевки въ притокъ Волги, Салоницу.

2) На островѣ Селигерскаго озера — Нилъ Сталобенскій; на Михайловскомъ островѣ, образуемомъ озерами и выходящею изъ нихъ р. Сією, — Антоній Сійскій; на островѣ Ворбозомскаго озера — Зосима Ворбозомскій. См. ихъ житія, а также Корнелія и Авраамія палеостровскихъ.

пихся ъ тѣлѣ, строгихъ подвижниковъ. Павелъ Обнорскій поселился въ дуплѣ большого липоваго дерева; Тихонъ Медынскій—въ дуплѣ исполинскаго дуба; Леонидъ Усть-недумскій свилъ себѣ хижину изъ хвороста. Пищу отшельниковъ составляли: ягоды, травы, мохъ, корни; иногда сосновая кора. Александръ Свирскій, по его собственнымъ словамъ, семь лѣтъ питался травою, а иногда принужденъ былъ ѣсть сырую землю, отчего впалъ въ совершенное изнеможеніе. Герасимъ Болдинскій вѣшалъ на дорогѣ кузовокъ, чтобы проходящіе вѣли туда съѣстные припасы <sup>1)</sup>. Но лѣса доставляли и другую, болѣе пріятную, пищу—медъ. «Московія, говоритъ Кампензе, очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревьяхъ, безъ всякаго присмотра. Нерѣдко въ лѣсахъ попадаются цѣлые рои этихъ полезныхъ насѣкомыхъ, сражающихся между собою и преслѣдующихъ другъ друга на большомъ пространствѣ. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчелъ близъ своихъ жилищъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападенія дикихъ пчелъ» <sup>2)</sup>. «Вся страна, замѣчаетъ Ювій, изобилуетъ плодовитыми пчелами, которыя кладутъ отличный медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ уліяхъ, но въ древесныхъ дуплахъ. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ вѣтви деревьевъ часто бываютъ усыяны роями пчелъ, которыхъ вовсе не нужно собирать звуками рожка. Въ дуплахъ нерѣдко находятъ множество большихъ сотовъ стараго меду, оставленнаго пчелами, и такъ какъ поселяне не успѣваютъ осмотрѣть каждаго дерева, то весьма часто встрѣчаются они чрезвычайной толщины, наполненные медомъ». Въ то время были въ ходу даже легенды, указывающія на богатство и легкость добыванія меду безъ всякаго труда <sup>3)</sup>. Если одни изъ отшельниковъ избирали мѣста по возможности глухія и дикія, то другіе обращали вниманіе на производительныя силы природы. Савватій отправился на Соловецкій островъ, узнавши что онъ богатъ рыбою, разными цвѣтущими деревьями, лѣсомъ, ягодами, громадными со снами, годными для храмовъ и другихъ построевъ, и вообще удобенъ для жизни <sup>4)</sup>. Такимъ образомъ, въ пустынѣ отшельникъ находилъ убѣ-

<sup>1)</sup> См. житія названныхъ лицъ, а также: Кирилла Новозерскаго, Варнавы, Нила Столобенскаго, Сильвестра Обнорскаго, Серапіона Козеезерскаго, Никандра Псковскаго, Кирилла Челмскаго.

<sup>2)</sup> Кампензе, 30, 31.

<sup>3)</sup> Ювій, 39, 40.

<sup>4)</sup> Житіе Зосимы и Савватія Соловецкихъ, Правосл. Собес. 1859,

жище отъ людей и мірскихъ заботъ. Въ рѣдкомъ жизнеописаніи не говорится, чтобы онъ, отыскавъ пустыню по сердцу, не произнесъ извѣстныхъ словъ псалма, выражающихъ какъ душа человѣка стремится въ селенія Бога, гдѣ находитъ свое гнѣздо, пристанище и покой. Стремленіе въ пустыню было господствующимъ чувствомъ людей, вполне усвоившихъ нравственный идеалъ, завѣщанный Россіи—Византіею<sup>1)</sup>. Въ пустынѣ одиновѣе человекъ искалъ общенія съ Богомъ. Долина, окруженная грядою горъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ, и орошенная текущею рѣкою или цѣлымъ рядомъ озеръ, при блескѣ свѣтилъ небесныхъ, среди невозмутимой тишины, по временамъ прерываемой ревомъ эфрей или пѣніемъ птицъ—производила на него удивительное впечатлѣніе. Яркое солнце; голубое небо; безпредѣльное пространство дѣвственной природы; теченіе звѣздъ; блескъ луны, отражающейся въ группѣ озеръ; бушующее море—говорили ему только о величій, мудрости и силѣ Творца. Грозныя бури и ненастныя вьюги, приводившія въ трепетъ животный міръ,—напоминали пустыннику о покаяніи. А физическія явленія, свойственныя холодной сѣверной пустынѣ, отрывали передъ нимъ чудныя видѣнія<sup>2)</sup>. Принося въ пустыню мирное настроеніе души, отшельникъ относился въ томъ же духѣ и ко всему окружающему. Птицы и звѣри скоро привыкаютъ къ новому поселенцу: онъ кормитъ ихъ изъ своихъ рукъ; лисицы и зайцы прыгаютъ вокругъ его жилища; медвѣдь спокойно ждетъ отъ него пищи; птицы садятся у него на плечахъ и головѣ, а иногда даже сторожатъ его пищу. Стада оленей безбоязненно пасутся на глазахъ пустынника<sup>3)</sup>.

т. II и III. Островъ Палій извѣстенъ особенною рыбою, въ родѣ форели, отъ которой получилъ и свое названіе.

<sup>1)</sup> Древнія пустыни на сѣверо-востокѣ Россіи, Правосл. собес. 1860, III, 204.

<sup>2)</sup> Древнія пустыни, Правосл. соб. 1860, III, 215, 216, 217.

<sup>3)</sup> Житія: Сергія Радонежскаго, Макарія Колязинскаго, Никодима Кожезерскаго, Трифона Печенгскаго, Павла Обнорскаго; Герасима Болдинскаго. Это покровительство животнымъ сохранялось потомъ и въ монастырѣ, образовавшемся на мѣстѣ пустыни Пафнутія Боровскій запретилъ убивать птицъ въ рошѣ, окружавшей его обитель. Нарушителей преслѣдовала его кара. Біографъ Пафнутія рассказываетъ, что однажды сынъ воеводы, проѣзжая по лѣсу, натанулъ лубъ и убилъ ворона; но когда онъ хотѣлъ повернуть голову—уже не могъ эгого сдѣлать, она все смотрѣла на сторону. Тогда онъ отправился къ Пафнутію за прощеніемъ. Посмотрѣвъ на него, Пафнутія съ улыбкою сказалъ: »Богъ отмстилъ за кровь ворона», и исцѣлилъ его.

Это близкое общеніе съ животными послужило потомъ предметомъ разнаго рода легендъ, въ которыхъ выражается послушаніе диваго звѣря кроткому слову одинокаго и безоружнаго пустынника. Цыль сказаній о вѣрнѣ и медвѣдѣ проходить чрезъ многія житія <sup>1)</sup>. Только змѣевъ и гадъ отшельники заставляють своими молитвами оставлять прежнія мѣста и удаляться въ другія дебри, такъ какъ видъ ихъ иногда принимаетъ на себя бѣсъ, мѣшающій спасенію строгаго подвижника <sup>2)</sup>.

### Г л а в а III.

Заселеніе сѣвернаго края монастырскими колоніями началось въ раннюю эпоху христіанства въ Россіи. Прежде другихъ упоминаются въ историческихъ памятникахъ Сергій и Германъ, положившіе основаніе знаменитой въ послѣдствіи обители на Валаамѣ—одномъ изъ сѣверо-западныхъ острововъ Ладожскаго озера. Въ XIV вѣкѣ она была уже многолюдною <sup>3)</sup>. Вскорѣ послѣ основанія Валаамской обители прибылъ туда Авраамій Ростовскій, уроженецъ города Чухломы (въ нынѣшней Костромской губерніи). Тамъ онъ принялъ крещеніе, а за тѣмъ постригся въ монахи. Извѣстность его подвиговъ заставила обратить на него вниманіе; но это обстоятельство не понравилось строгому отшельнику и онъ удалился на озеро Неро, гдѣ поставилъ себѣ хижину, а современемъ устроилъ монастырь <sup>4)</sup>. Третья обитель была основана Ефремомъ, братомъ Георгія, любимаго отрока ростовскаго князя Бориса и убитаго вмѣстѣ съ послѣднимъ. Огорченный этимъ событіемъ, Ефремъ удалился въ уединенное мѣсто около Торжка, устроилъ тамъ домъ

1) Хрущовъ, Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, 8.

2) Житія: Нила Столобенскаго и Кирилла Челмскаго.

3) Ср. въ Исторіи церкви Макарія, I, 153—159, и примѣч. 320—330. Житія: Арсенія Коневскаго и Авраамія Ростовскаго.

4) Житіе Авраамія Ростовскаго.

для странниковъ и монастырь въ память Бориса и Глѣба <sup>1)</sup>. Въ половинѣ XII вѣка въ предѣлахъ вологодскихъ явился Герасимъ Вологодскій, родомъ кievлянинъ и постриженникъ гнилецкаго свита. Въ 1147 г. онъ прибылъ на р. Вологду и у ручья Кайсарова основалъ обитель св. Троицы. Въ этихъ предѣлахъ до основанія г. Вологды, былъ глухой лѣсъ <sup>2)</sup>. Но главными основателями монастырскихъ поселеній на сѣверо-востокѣ Россіи были новгородскія обители, распространившія свое вліяніе въ предѣлахъ новгородскихъ владѣній, и монастыри поволокскіе, особенно содѣйствовавшіе этому со времени основанія Троицко-сергіевой обители. Эти два направленія монастырской колонизаціи сошлись въ Вологодской странѣ, отчего этотъ край былъ особенно богатъ монастырскими поселеніями.

Монастырская колонизація Новгорода открывається Варлаамомъ Хутынскимъ, жившимъ во второй половинѣ XII вѣка. Онъ происходилъ изъ богатой фамиліи и съ дѣтства былъ увлеченъ проходившими странниками къ отшельнической жизни. Сперва онъ поселился въ Лисичьемъ монастырѣ, но недовольствуясь тамошней жизнью, рѣшился подвергнуть себя совершенному уединенію. Ему понравился уединенный холмъ въ лѣсу, на берегу р. Волхова, въ 10 верстахъ отъ Новгорода. Хутынскій холмъ—самое красивое мѣсто изъ всѣхъ окрестностей Новгорода: съ холма, даже при чащѣ лѣсной, видны окрестности на дальнее разстояніе. Однако недолго Варлаамъ пробылъ одинъ. О немъ скоро узнали окрестные жители и стали приходить къ нему: одни за наставленіемъ, другіе совѣмъ оставались жить въ пустынь, прославленной подвигами невиданнаго отшельника. Тогда Варлаамъ построилъ храмъ Преображенія и нѣсколько келій; въ скоромъ времени мѣсто его уединенія превратилось въ цвѣтушую обитель. Изъ нея вышли потомъ другіе основатели пустынь. Въ концѣ XII вѣка ученикъ Варлаама—Антоній Дымскій, бывший послѣ него игуменомъ въ Хутынскомъ монастырѣ, ушелъ на берегъ Дымскаго озера и въ 15 верстахъ отъ г. Тихвина построилъ монастырь, а нѣсколько далѣе основалъ еще Вырдомскую пустынь. Другой ученикъ Варлаама Хутынскаго—Константинъ Косинскій поселился на уединенномъ островѣ возлѣ г. Русы, и въ 1220 г. на косѣ.

1) Житіе Ефрема Новоторжскаго, въ прологѣ, 28 января.

2) Житіе Герасима Вологодскаго.

образуемой рр. Полистою и Спѣжною; основатель Николаевскій монастырь. Постриженникъ Хутынскаго монастыря—Ксенофонтъ Робейскій въ 1230 году основатель пустынь на р. Робейкѣ, въ 25 верстахъ отъ Новгорода <sup>1)</sup>. Въ XIV в. явились слѣдующія монастырскія колоніи. На островѣ Мучь или Мурманскомъ, лежащемъ на Онежскомъ озерѣ, поселился монахъ Лазарь, родомъ изъ Константинополя, жившій нѣкоторое время въ Новгородѣ и получившій отъ новгородскаго посадника право на владѣніе этимъ островомъ, тогда еще безлюднымъ. Къ нему сошлось много послѣдователей, а въ томъ числѣ два инока изъ Кіева и упомянутый нами выше Θεодосій съ Аѳона. Арсеній, постриженникъ Лисичьей обители, долго странствовавшій, по тогдашнему обычаю, по сѣверу Россіи, бывшій на Аѳонѣ и на Валаамскомъ островѣ, основатель скитъ на Коневскомъ островѣ Ладожскаго озера; но въ 1398 году тамъ была уже обитель. Здѣсь подвизались Θεофилъ и Іаковъ омуцскіе, основавшіе въ 1396 г. пустынь на р. Омучѣ въ 65 верстахъ отъ Порхова. Подвижникъ новгородскаго монастыря Антонія римлянина, Кириллъ Челмскій поселился въ пещерѣ на горѣ Челмѣ, въ 50 верстахъ отъ Каргополя, гдѣ въ послѣдствіи образовался Богоявленскій монастырь. Корнилій Палеостровскій, постриженный въ Вяжицкой обители, основатель поселеніе на островѣ Паліѣ, лежащемъ на Онежскомъ озерѣ. Въ XV вѣкѣ Антоній Краснохолмскій положилъ начало пустынь и обители на р. Мологѣ въ 30 верстахъ отъ Бѣжецка; Евѳимій Корельскій—основатель Николаевскій монастырь на корельскомъ берегу у Бѣлаго моря; Варлаамъ Шенкурскій, бывшій новгородскій посадникъ (Василій Степановичъ Своеземцевъ) и имѣвшій большія владѣнія на р. Вагѣ, построилъ тамъ церковь и обитель, которую снабдилъ значительными помѣстьями. Антоній Леохновскій жилъ отшельникомъ въ 12 верстахъ отъ Новгорода на р. Переходѣ, а потомъ вблизи на Леохновѣ построилъ храмъ Преображенія, гдѣ въ скоромъ времени образовалась обитель <sup>2)</sup>. Въ томъ же вѣкѣ Савва Вышерскій, монахъ саввинной тверской пустыни, странствовалъ на Аѳонѣ и посѣтилъ новгородскія обители, а за тѣмъ осно-

<sup>1)</sup> Житія: Варлаама Хутынскаго, Антонія Дымскаго, Ксенофота Робейскаго, Константина Косинскаго.

<sup>2)</sup> Истор. іерархіи, V, 115—122, 17, 845. Свѣд. о монастыр. 456. Житія: Кирилла Челмск., Корнил. Палеостров., Варлаама Шенкурс., Антонія Леохновскаго.



валъ монастырь Вознесенія въ 7 верстахъ отъ Новгорода на р. Вишерѣ. Ученикъ его Евремъ Перемонскій, подвизавшійся въ его обители 25 лѣтъ, въ половинѣ XV в. удалился на западный берегъ Озера Ильмена, къ устью р. Веренды, и вблизи его на берегу р. Черной основалъ монастырь Николая. Въ XVI вѣкѣ, Мартирій Зеленецкій, постриженникъ великолупцовою обители Сергія, послѣ семилѣтняго пребыванія тамъ, удалился за 60 верстъ отъ Лукъ. Потому ми его встрѣчаемъ въ Тихвинскомъ монастырѣ. Но и тамъ пробылъ онъ не долго. Соскучившись многолюдствомъ, Мартирій удалился на Зеленый островъ. Окрестность острова, какъ нельзя болѣе, была дика и угрожа. Кругомъ него мхи, болота, топи, которыя тянутся отъ самаго Новгорода. Когда собралось сюда общество отшельниковъ, Мартирій, при посредствѣ новгородскаго боярина Сырцова, устроилъ храмъ, кельи и обнесъ ихъ оградомъ<sup>1)</sup>.

Валаамскій монастырь былъ разсадникомъ нѣсколькихъ обителей. Въ началѣ XV в. Адрианъ Ондрусовскій удалился изъ него на полуостровъ Ладожскаго озера и устроилъ тамъ Николаевскій монастырь. Другой ученикъ Валаамской обители—Александръ Свирскій, также нѣкогда безмолвъ, въ 1486 г.—ушелъ на озеро Ропцнское, лежащее вблизи р. Свири. Мало-по-малу, какъ обыкновенно бывало, изъ нему собралось общество отшельниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые въ свою очередь сдѣлались основателями новыхъ монастырскихъ колоній. Одинъ изъ его учениковъ—Геннадій основалъ скитъ на Важеозерѣ, а другой—Никифоръ, странствовавшій для наставленій въ Вырилу Новозерскому и на поклоненіе къ кievскимъ святынямъ, преобразовалъ его потомъ въ обитель съ общежительнымъ уставомъ, введеніе котораго всегда сопровождалось умноженіемъ братіи. Третій ученикъ Александра Свирскаго—Макарій положилъ начало Оредежской пустынѣ. Вблизи р. Свири, на р. Оатѣ, поселились еще семь его учениковъ и образовали тамъ называемую Олтскую пустынь. Сандѣкская пустынь считаетъ своимъ основателемъ Аванасія, вышедшаго изъ монастыря Александра Свирскаго<sup>2)</sup>. Евфросинъ Синозерскій, подобно Александру Свирскому, воспѣвавшійся въ Валаамской обители, принявъ постриженіе въ Тихвинскомъ монастырѣ; но, недовольный шумомъ городской обители, онъ удалился

1) Житія: Саввы Вышерск., Еврема Перемон. и Мартирія Зеленецкаго.

2) Житіе Александра Свирскаго. Свѣдѣнія о монастыряхъ, 422, 423. Историческіе Акты, I, № 135. Житіе Адриана Ондрусовскаго.

вы глухой лѣсъ, лежащій за 50 верстъ отъ Устюжны. Тамъ, у Сичьяго озера, среди топей и болотъ, онъ выкопалъ себѣ пещеру, въ которой подвизался два года безмолвно; потомъ къ нему собираются нѣсколько учениковъ—и въ 1602 году въ этомъ мѣстѣ возникла обитель. Евфросинъ былъ убитъ въ 1612 г., во время нападенія на обитель польскаго отряда. И отдаленный Соловецкій островъ, не смотря на свою недоступность, былъ занятъ отшельниками, благодаря влеченію отдѣльных лицъ къ уединенію. Савватій Соловецкій, подвизавшійся на Валаамѣ, узналъ тамъ объ удобствѣ этого острова для отшельнической жизни, и рѣшился удалиться туда. На своемъ пути онъ встрѣтилъ другаго отшельника—Германа, подвизавшагося на рѣкѣ Выгѣ. Вдвоемъ прибыли они на островъ въ 1429 г. и поставили свои кущи у горы Сѣкирной. По смерти Савватія сюда пришелъ Зосима изъ Палеостровскаго монастыря. Послѣ этого стали собираться сюда другіе подвижники и было устроено общежитіе. Зосима хлопоталъ о своемъ монастырѣ въ Новгородѣ, и уже при Марѣѣ посадницѣ весь островъ былъ отданъ въ распоряженіе новой обители. Изъ нея вышли другіе основатели отшельнической жизни. Въ XVI вѣкѣ Филиппъ Колычевъ, бывшій митрополитомъ при Іоаннѣ Грозномъ, положилъ начало Филипповой пустыни и сѣту на Заяцкомъ островѣ; а Елеазаръ Анзерскій, удалившійся на Соловецкій островъ въ началѣ XVII вѣка, основалъ сѣтъ на Анзерскомъ островѣ, въ 20 верстахъ отъ Соловецкаго. Одновременно съ нимъ изъ Соловецкаго монастыря выпелъ Діодоръ Юрьегорскій. Онъ поселился въ 25 верстахъ отъ Олонца, при озерѣ Юрьевѣ, на горѣ того же имени. Когда сошлись сюда желавшіе раздѣлять съ нимъ его образъ жизни, онъ создалъ на этомъ мѣстѣ монастырь Троицы. Бывали и другія побужденія для основанія обители. Современникъ Іоанна Грознаго и уроженецъ новгородскій—Трифонъ, съ цѣлью дѣйствовать на язычниковъ—лапландцевъ, основалъ обитель Троицы на рѣкѣ Печенгѣ; отчего называется онъ печенгскимъ или кольскимъ. Но и послѣ основанія обители Трифонъ по временамъ удалялся въ пустыню, которая также была обращена въ монастырь—Богородицы<sup>1)</sup>.

Псковскіе монастыри выслали нѣсколько колоній. Маркъ и Іона

<sup>1)</sup> Житія: Савватія и Зосимы Соловецкихъ (Правосл. собес. 1859, II и III); митроп. Филиппа, Елеазара Анзерскаго (Правосл. собес. 1860, I), Діодора Юрьегорскаго, Трифона Печенгскаго (1859, II).

псково-печерскіе положили основаніе обители на границѣ Лифляндіи, на рѣкѣ Камениѣ. Евфросинъ Псковскій, подвизавшійся на Сибирской горѣ около Пскова, — ушелъ въ 1425 г. за 30 верстъ, на рѣку Толву. Здѣсь сначала образовался скитъ, но, съ умноженіемъ братіи, было устроено общежитіе. Ученикъ его Досифей поселился на Великомъ озерѣ. Другой ученикъ — Иларіонъ Гдовскій основалъ обитель на р. Желчи въ Гдовскомъ уѣздѣ. Третій ученикъ Евфросина — Савва Крыпецкій удалился на 15 верстъ отъ Толвы — въ Крыпецкую непроходимую пустынь, и устроился на холмѣ при небольшомъ озерѣ. Никандръ Псковскій обогрѣлъ псковскіе монастыри и постригся у Саввы Крыпецкаго; но вскорѣ переселился на рѣку Демьяну, между Псковомъ и Порховомъ. Въ началѣ XVI вѣка тамъ была уже обитель. Изъ Крыпецкаго монастыря вышелъ еще Нилъ Столобенскій. Въ 1505 году онъ удалился на рѣку Серемлю въ Осташковскомъ уѣздѣ, гдѣ прожилъ 13 лѣтъ у грунны вѣковухъ деревьевъ; а отсюда перешелъ на Столобенскій островъ, лежащій на Селигерскомъ озерѣ. Онъ заключаетъ въ себѣ около 8 десятинъ пространства и въ XVI вѣкѣ весь былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ. Въ XVI же вѣкѣ Онуфрій основалъ обитель на Малахѣ около Изборска <sup>1)</sup>.

Но никто не оказалъ такого обширнаго вліянія на развитіе монастырскихъ поселеній на сѣверѣ, какъ Сергій Радонежскій. Его значеніе на сѣверѣ справедливо сравниваютъ съ значеніемъ основателей Печерскаго монастыря въ древнѣйшій періодъ русской исторіи. Сергій (род. окол. 1320 года) былъ уроженецъ Ростовской области и происходилъ отъ обѣднѣвшихъ, но извѣстныхъ бояръ. Опасаясь отъ насилій, каковымъ подвергалась Ростовская область отъ воеводы московскаго князя Іоанна Дангловича, семейство Сергія переселилось въ Радонежъ. Въ то время, какъ братья его вступили въ супружество, онъ велъ и дома отшельническій образъ жизни, начитавшій образцовъ ея въ тогдашнихъ книгахъ. Рано задумалъ онъ вступить въ монашество, но пока родители удерживали его отъ этой мысли, указывая на свою старость. Впрочемъ вскорѣ и сами они постриглись въ монашество, какъ часто дѣлали тогда благочестивые супруги, пред-

<sup>1)</sup> Житія: Евфросина Псковскаго, Саввы Крыпецкаго, Нила Столобенскаго. О Маркѣ и Іонѣ псково-печерскихъ, Досифеѣ, Иларіонѣ Гдовскомъ и Онуфріѣ см. у Филарета, въ Русскихъ святыхъ, маргъ 29, октябрь 8, іюнь 12.

видя близкую смерть. Тогда Сергій отдалъ все, что досталось на его долю, меньшему брату Петру, а старшаго—Стефана, уже одождившаго, убѣдиль отправиться вмѣстѣ съ собою—отыскивать пустыннаго мѣста, удобнаго для подаянговъ отшельника. Долго странствовали они по лѣсамъ, наконецъ остановились на одномъ глухомъ мѣстѣ, имѣвшемъ близки воду. Оно лежало въ 10 верстахъ отъ Радонежа. Здѣсь была поставлена церковь и келліи, послужившія основаніемъ будущей Сергіевой лаврѣ. Впрочемъ Стефанъ не долго оставался вмѣстѣ съ Сергіемъ. Глухое мѣсто, вдаль отъ жилья и средствъ жизни, не нравилось ему, и онъ перешелъ въ московскій Боговѣленскій монастырь. Но Сергій былъ непоколебимъ, и вскорѣ къ нему стали приходить по два и по три, ретовныхъ раздѣлять съ нимъ его образъ жизни. Около трехъ лѣтъ у него было всего 12 братіи. Онъ завелъ въ своей обители обычай Печерскаго монастыря. Въ первое время случалось и такъ, что въ новой обители не было воску для свѣтъ и въ церкви вмѣсто цнхъ горѣла, березовая или сосновая лучина. Однако слава новаго отшельника призвела необходимое впечатлѣніе, особенно когда распространилась молва о чудесахъ Сергія. Тогда многіе и часто стали посѣщать его обитель, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли ей все необходимое въ большомъ количествѣ. Въ числѣ посѣтителей были крестьяне, вельможи и князья. Многіе инокіи оставили свои монастыри и переселились въ обитель Сергія. Еще при жизни его, въ окрестностяхъ ея стали селиться земледѣльцы и воезѣ самаго монастыря была проложена большая дорога изъ Москвы на сѣверные города. Тогда Сергій завелъ правильное общеніе <sup>1)</sup>. Троицкій монастырь имѣлъ большое вліяніе на развитіе монастырскихъ поселеній, такъ какъ ученики Сергія и постриженники его обители въ свою очередь сдѣлались расадниками монастырей на малолюдномъ сѣверѣ. Самъ Сергій содѣйствовалъ устроению нѣсколькихъ монастырей. Во время одного изъ своихъ странствованій по пустынямъ, онъ избралъ красивую мѣстность на рѣкѣ Киржачѣ (во Владимірской губерніи), гдѣ, при содѣйствіи многочисленныхъ своихъ почитателей, князей и бояръ, приносившихъ ему все необходимое и много серебра, онъ вскорѣ могъ построить церковь и келліи и собрать множество братіи. Такъ образовался монастырь Благовѣщенскій на Киржачѣ. По желанію ми-

<sup>1)</sup> Житіе Сергія, соч. Елифанія, Истор. церк. Макарія, приложение XIX и XX. Никоновская лѣтопись, IV, 203—239.

трополита Алексѣя, Сергій отправилъ для основанія обители на рѣкѣ Юзѣ ученика своего Андроника. Спасо-андрониковъ монастырь сдѣлался потомъ «славнымъ и великимъ». Отсюда вышли многіе игумены къ другіе монастыри и на епископскія кathedры <sup>1)</sup>. Когда Сергій странствовалъ на поклоненіе въ ростовскимъ святинямъ, два пустынника— Теодоръ и Павелъ просили его указать имъ мѣсто для основанія обители. Сергій выбралъ мѣсто среди непроходимыхъ лесовъ, окружавшихъ тогда Ростовъ, на берегу рѣки Устья. Такъ возникъ Борисо-глубскій монастырь въ 15 верстахъ отъ Ростова <sup>2)</sup>. На возвратномъ пути въ Нижняго-Новгорода, куда ходилъ Сергій по завѣстому дѣлу тамошняго князя Бориса, онъ въ 1365 г. положилъ основаніе Георгіевской пустыни въ Гороховскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Клязьмѣ <sup>3)</sup>. По просьбѣ серпуховскаго князя Владимира Андреевича, Сергій заложилъ монастырь въ 2 верстахъ отъ Серпухова у р. Нары, называемый по мѣстоположенію на высокихъ горахъ—Высотскимъ. А по желанію Дмитрія Донскаго еще основалъ три монастыря въ предѣлахъ его княжества: въ 30 верстахъ на юго-востокъ отъ Троицкой лавры—Дубенскій на Стромини, при рѣкѣ Дубенкѣ, впадающей въ Дубну; Дубенскій на островѣ, въ 40 верстахъ въ сѣверо-западъ отъ Троицкой лавры, при другой рѣкѣ Дубенкѣ, и Голутвинскій, возлѣ Коломны, на урочищѣ Голутвинѣ. Во всѣхъ этихъ обителяхъ были поставлены настоятелями ученики Сергія <sup>4)</sup>.

Нѣкоторые изъ учениковъ Сергія сами были основателями обителей. Родной племянникъ его Теодоръ, воспитывавшійся въ его обители съ 12 лѣтъ, послѣ долгаго пребыванія подъ непосредственнымъ руководствомъ Сергія, возниклъ желаніе основать особую обитель. Сергій отпустилъ его и съ нимъ нѣсколькихъ монаховъ. Эта колонія утвердилась на р. Москвѣ, гдѣ нынѣ Симоновъ монастырь. Авраамій Галичскій основалъ четыре монастыря въ востромскомъ краѣ. Одинъ на берегу Галичскаго озера; другой въ 30 верстахъ отъ него; третій на р. Вочѣ, и четвертый въ 13 верстахъ отъ нея, на озерѣ Чухломскомъ. Іаковъ Желѣзнодорожскій устроилъ монастырь въ 40 верстахъ отъ Галича

<sup>1)</sup> Житіе Сергія, в Истор. росіис. іерар. IV, 382. Степен. вн. I, 459.

<sup>2)</sup> Истор. рос. іерар. III, 424; Муравьевъ, Житія свят. январь, 355.

<sup>3)</sup> Макарій, Ист. церкви, IV, кн. I, 87.

<sup>4)</sup> Житіе Сергія, Нивон. IV, 282, 235. Полн. собр. рус. лѣт. VI, 137, VIII, 21, 33, 34.

близъ селенія Желѣзный Борокъ; Меодій Пѣснопскій на р. Пѣсношѣ, въ 15 верстахъ отъ Дмитрова; Савва Сторожевскій на горѣ Сторожѣ, близъ Звенигорода; Павелъ Обнорскій, воспитавшійся подъ непосредственнымъ надзоромъ Сергія Радонежскаго, отошелъ съ его разрѣшенія въ пустыню, въ которой провель 15 лѣтъ. Долго странствовалъ онъ по сѣвернымъ лѣсамъ, потомъ по селился въ комельскомъ лѣсу, лежащемъ въ вологодской сторонѣ, а отсюда перешелъ на р. Нурму. Когда вѣсть разнеслась о его пребываніи въ этомъ мѣстѣ и въ нему стали сходитьсь желавшіе подражать его образцу жизни, онъ основалъ обитель Троицы, по уставу Пахомія вел. и Θεодосія кивовіарха. Изъ пустыни Павла Обнорскаго вышелъ Лонгинъ Коряжемскій. Въ первой половинѣ XVI вѣка онъ поселился съ другомъ своимъ Симономъ недалеко отъ Вычерды, въ глухомъ мѣстѣ, на устьи р. Коряжмы. Сильвестръ Обнорскій, ученикъ Сергія, устроилъ обитель въ глухомъ лѣсу, на р. Обнорѣ; а его ученики Сергій и Павелъ основали двѣ обители, въ 20 и 30 верстахъ отсюда. Сергій Нуромскій, также ученикъ Сергія Радонежскаго, поселился въ вологодскомъ лѣсу на р. Нурмѣ, гдѣ въ концѣ XIV вѣка, образовалась обитель Преображенія. Въ началѣ XVI вѣка изъ Троицкой лавры вышелъ Арсеній Комельскій. Онъ основалъ двѣ пустыни: одну въ комельскомъ лѣсу, другую въ шелегонскомъ<sup>1)</sup>.

Подъ руководствомъ одного изъ учениковъ Сергія Радонежскаго воспитывался Пафнутіи Боровскій, создавшій въ свою очередь иноческую школу. Онъ былъ потомокъ татарскаго баскака, правившаго въ Боровскѣ. На 20 году онъ вступилъ въ боровскій Высокій монастырь и находился подъ началомъ старца Никиты. Въ 1431 г. Пафнутіи былъ сдѣланъ игуменомъ этой обители; но, послѣ тяжелой болѣзни, онъ отказался отъ игуменства, и поселился съ другимъ отшельникомъ въ 2 верстахъ отъ Боровска, въ густомъ лѣсу, расположенномъ въ долинѣ между двумя рѣками. При жизни Пафнутія на этомъ мѣстѣ была уже знаменитая

<sup>1)</sup> Житіе Сергія, Ibid. Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 77, 78. Никон. лѣт. IV, 227. Житіе Абраамъ Галичскаго (у Филарета и Муравьева). Житіе Іакова Желѣзноборск. Свѣд. о монаст. 159. Полн. собр. рус. лѣт. IV, 140; Никоновск. V, 56. Житія Меодія Пѣснопскаго, Саввы Сторожевскаго, Стефанна Махрицкаго, Павла Обнорскаго, Лонгина Коряжемскаго, Сильвестра Обнорскаго, Сергія Нуромскаго и Арсенія Комельскаго. Полн. соб. русск. лѣт. VIII, 15. Никон. IV, 17. Истор. російск. іер. V, 520; VI, 850.

обитель въ честь Богородицы. Пафнуцій образовалъ многихъ учениковъ. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ Иосифъ, пожившій цѣлою Волоколамскому монастырю. Мѣсто, которое избралъ Иосифъ для новой обители, съ одной стороны примыкаетъ къ небольшому озеру, съ другой—къ болотистой и лѣсной низменности. Ниже мы подробнѣе коснемся этого, замѣчательнаго въ политическомъ отношеніи, монастыря. Другой ученикъ Пафнуція Боровскаго—Давидъ, въ 1515 году построилъ Вознесенскій монастырь на р. Лонасѣ, въ 23 верстахъ отъ Серпухова. Третій—Левкій—основалъ пустыню на р. Рузѣ; а Давидъ Переяславскій, подвизавшійся въ пафнутіевомъ монастырѣ и у Левкія, построилъ монастырь вблизи Переяслава. Въ немъ началъ свои подвиги Герасимъ Болдинскій, переехавшій отсюда въ Троицкую обитель. Когда же распространился слухъ о его подвижнической жизни—въ 1528 г. онъ удалился въ дорогобужскій лѣсъ, а потомъ на Болдинскую гору. Монаха и здѣсь открыла строгаго отшельника, а потому онъ долженъ былъ основать монастырь. За тѣмъ Герасимъ основалъ еще двѣ обители: одну въ Вязьмѣ и другую въ Брынскомъ лѣсу на р. Жиздрѣ<sup>1)</sup>.

Послѣ Сергія Радонежскаго болѣе другихъ оказалъ вліяніе на развитіе пустынножительства на сѣверѣ—Кирилль Вѣлозерскій, собственноручный ученикъ Сергія, представляющій болѣе чистый типъ отшельника. Онъ былъ родомъ изъ Москвы и получилъ по тогдашнему лучшее воспитаніе. Оставшись въ дѣтствѣ сиротою, Кирилль жилъ у родственника своего боярина Тимоея Васильевича Вельяминова, обольничаго при дворѣ Дмитрія Донскаго. Ему поручено было смотрѣть за управленіемъ боярскаго двора; но, рано начитавшись образцовъ созерцательной жизни, Кирилль уже не чувствовалъ расположенія къ міру. Посѣщеніе боярскаго дома извѣстнымъ тогда отшельникомъ Стефаномъ Махрицкимъ, основателемъ Махрицкой обители, окончательно рѣшило участь юнаго Кирилла. Имъ овладѣло желаніе немедленно оставить свѣтъ, а самъ Стефанъ принялся убѣждать Вельяминова отпустить юношу съ нимъ, на что, послѣ нѣкоторыхъ пререканій, тотъ согласился. Стефанъ Махрицкій отвелъ Кирилла въ Симоновскую обитель, гдѣ онъ былъ постриженъ и отданъ подъ начало подвижнику Михаилу. Кирилль до

<sup>1)</sup> Житіе Пафнуція Боровскаго, Иосифа Волоколамскаго (въ Твор. св. отцовъ) и Герасима Болдинскаго. Пол. соб. русск. лѣт. VII, 183. Свѣдѣнія о монастыряхъ, 284.

того изнурялъ себя постомъ, что едва ходилъ. Онъ бралъ на себя всѣ обязанности въ хлѣбнѣ и поварнѣ, куда былъ назначенъ на послушаніе. Смотри на пылающій огонь, когда варалась пища, Кирилль говорилъ себѣ: «смотри Кирилль не попасть-бы тебѣ въ вѣчный огонь». Онъ не могъ вкушать хлѣба безъ слезъ, а повременнѣмъ становился юродомъ. Иногда въ Симоновскую обитель приходилъ Сергій Радонежскій — и всегда заходилъ на бесѣду къ Кириллу. Все это заставило обратить вниманіе на послѣдняго, и въ 1390 г. онъ былъ избранъ игуменомъ. Симоновскую обитель стали постоянно посѣщать вельможи и богачи, чтобы посмотрѣть на извѣстнаго подвижника и послушать его наставленій. Но извѣстность и многолюдство безповоли Кирилла, и онъ, отказавшись отъ игуменства, съ другомъ своимъ Ферапонтомъ, ушелъ на Бѣлоозеро. Долго ходили странники по бѣлозерской сторонѣ, тогда глухой и малолюдной, и наконецъ пришли на гору Мяуру. Это самая высокая гора въ окрестности Бѣлозерской. Подошву ея омываютъ волны озера Сиверскаго. Лѣса, луга, воды, соединились здѣсь на огромномъ пространствѣ и образовали одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ Россіи. Съ одной стороны Шексна разливается извилинами по лугамъ необозримымъ; съ другой — нѣсколько синихъ озеръ разбросано среди густыхъ лѣсовъ. Сойдя съ горы на площадь, окруженную лѣсомъ, Кирилль поставилъ крестъ, а вблизи его выкопалъ землянку. Не долго пользовался Кирилль уединеніемъ: за нимъ послѣдовали нѣкоторые изъ иноковъ Симоновской обители и изъявили желаніе поселиться тутъ. За тѣмъ многіе стали приходять къ Кириллу, упрашивая его постричь ихъ въ монахи. Тогда онъ построилъ храмъ Богородицы, и съ 1397 г. открылась здѣсь обитель, самая знаменитая на всемъ сѣверѣ. Кирилль далъ ей общежительный уставъ. Онъ запретилъ принимать въ даръ недвижимую собственность, какъ села, которыя тогда раздавались монастырямъ въ значительномъ количествѣ. Никто не могъ выйти за предѣлы монастыря, и только разъ въ годъ ученикъ Кирилла — Антоній отпирался закупать необходимое для обители. Строгость устава долге другихъ сохранялась въ Бѣлозерскомъ монастырѣ, и потому въ послѣдствіи онъ очень понравился Іосифу Волоколамскому; въ то время, когда кругомъ онъ видѣлъ упадокъ отеческихъ преданій <sup>1)</sup>. Другъ Ки-

<sup>1)</sup> Житіе Кирилла Бѣлозерскаго, у Филарета; отрывки въ Ист. церк. Маварія, IV, кн. I, прилож. XXI. Карамзинъ, V, пр. 232. Исторія іерар. IV, 285. Полн. собр. русск. лѣт. V, 263, VIII, 94.



рилла Бѣлозерскаго—Ѳерапонтъ отдѣлился отъ него, и поселился въ 15 верстахъ отъ его обители въ прекрасномъ мѣстѣ, между двухъ озеръ. Въ 1398 г. здѣсь открылась общежительная обитель. Князь Андрей Дмитриевичъ Можайскій покровительствовалъ новому монастырю, появившемуся въ его вотчинѣ и даже пригласилъ Ѳерапонта основать еще обитель вблизи Можайска <sup>1)</sup>).

Изъ обители Кирилла Бѣлозерскаго вышло нѣсколько основателей монастырей и пустынь. По смерти Кирилла, Мартиніанъ Бѣлозерскій удалился на безлюдный островъ озера Вожа, гдѣ основалъ обитель Преображенія. За свою строгую жизнь онъ былъ вызываемъ два раза въ игумены: Ѳерапонта монастыря и Сергіевой лавры. Въ отшельнической жизни онъ былъ охранителемъ уставовъ Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго. Александръ Ошевенскій въ половинѣ XV в. основалъ пустынь на р. Чурюгѣ, близъ Каргополя. Третій постриженникъ Кирилловой обители—Игнатій Ломскій удалился за 60 верстъ отъ Вологды, и около города Ломска основалъ Счастливую пустынь (XVI в.). Когда здѣсь образовалась обитель, онъ поручилъ ее игумену, а самъ перешелъ на р. Сарру въ Вадожской волости—и здѣсь устроилъ монастырь Богородицы <sup>2)</sup>. Между постриженниками Бѣлозерской обители болѣе другихъ пользовались вліяніемъ по своей духовной жизни—Ниль Сорскій и Корнилій Комельскій. Ниль Сорскій основалъ скитъ въ 15 верстахъ отъ Кириллова монастыря на р. Соркѣ, а его ученикъ Инновентій Охлѣбнинъ, по его указанію, отошелъ на р. Еду, лежащую въ 10 верстахъ отъ р. Нурмы и 70 верстахъ отъ Вологды, гдѣ основалъ общежительный монастырь, но въ духѣ своего наставника. Скитское ученіе Нила Сорскаго имѣло большое вліяніе на образование пустынь въ вологодскомъ краѣ. Корнилій Комельскій, удалившись изъ Кириллова монастыря, поселился сначала въ пустынь около Новгорода, потомъ въ Савватіевой пустынь Тверской области; но когда и тамъ стали мѣшать ему—онъ удалился въ 1449 г. въ комельскій лѣсъ, лежащій въ 45 верстахъ отъ Вологды. Въ 1515 г. здѣсь уже была обитель Введенія. Ища безмолвія, Корнилій еще разъ удалился отъ общества—за

1) Житіе Ѳерапонта Можайскаго

2) О Мартиніанѣ Бѣлозер., Александрѣ Ошевенск. и Игнатіи Ломскомъ, см. у Филарета.

70 верстѣ на Сурское озеро, гдѣ вскорѣ тамъ основалась обитель. Подъ надзоромъ Корнилія Комельскаго образовалось нѣсколько учениковъ, любителей пустынной жизни, которые въ свою очередь сдѣлались основателями обителей въ безлюдномъ краѣ. Кирилъ Новоезерскій 7 лѣтъ жилъ въ пустынѣ и 7 лѣтъ странствовалъ по пустынямъ сѣвера; наконецъ поселился подъ елюю на Красномъ островѣ, лежащемъ на Новомъ озерѣ, куда сошлись къ нему искатели пустынной жизни и устроили въ началѣ XVI в. общежитіе. Зосима Ворбозомскій поселился на островѣ Ворбозомскаго озера, въ 20 верстахъ отъ Бѣлозерска. Иродіонъ Илозерскій изъ Комельской обители удался на 15 верстѣ отъ Бѣлозерска, и на островѣ Озадскомъ, лежащемъ на Илозерскомъ озерѣ, въ половинѣ XVI в. основалъ обитель Богородицы Филиппъ Иранскій, послѣ странствованій по вологодскимъ лѣсамъ, остановился на р. Андогѣ. Здѣсь образовалась обитель Красноборская. Симонъ Соинскій, также ученикъ Корнилія Комельскаго, въ половинѣ XVI в. основалъ обитель на р. Коряжмѣ, близъ Сольвычегодска; а отсюда удался за 60 верстѣ и, при устьи р. Соинги, впадающей въ Вычегду, поселился въ дикой пустынѣ, которая также была превращена въ общежительную обитель. Адрианъ Пошехонскій вышелъ изъ Комельской обители въ сопровожденіи нѣсколькихъ братій. Они остановились въ пошехонскомъ лѣсу на берегу р. Вотхи. Въ своей обители Адрианъ Пошехонскій ввелъ уставъ Корнилія Комельскаго, который заповѣдалъ своимъ ученикамъ во всемъ довольствоваться самымъ малымъ и не принимать въ обитель женщинъ. Образецъ этихъ стремленій въ пустыню живо представляется намъ въ Геннадіи Любимскомъ. Онъ былъ сынъ богатыхъ родителей города Могилева и съ раннихъ лѣтъ получилъ влеченіе къ уединенію. Но его монашескія наклонности только возбуждали родителей, а потому онъ рѣшился тайно оставить свой домъ. Онъ зналъ о сѣверныхъ пустыняхъ и тамошнихъ отшельникахъ, и потому прямо направился туда. Въ рубищѣ нищаго пришелъ онъ въ Москву, но городскія обители не нравились юношѣ, еще живо помнившему строгій образецъ пустынной жизни. За тѣмъ онъ обошелъ новгородскія святыни и явился къ Александру Свирскому, вѣроятно предполагая остаться у него въ пустынѣ. Но Александръ направилъ его къ Корнилію Комельскому. Здѣсь Геннадій принялъ монашество. Ища уединенія, онъ удался вмѣстѣ съ Корниліемъ въ костромскіе лѣса на Сурское озеро. Когда Корнилій возвратился въ Комельскую обитель, а къ Геннадію со-

бразось нѣсколько пустынныхъ—онѣ основаль обитель и ввелъ обще-  
живіе. Потомъ она значительно распространилась <sup>1)</sup>).

Вологодскій край былъ усѣянъ пустынями и монастырями. Въ XIV в. Дмитрій Прилудскій, основатель Николаевскаго монастыря на берегу Переяславскаго озера, въ слѣдствіе многолюдства обители, переселился съ ученикомъ своимъ Пахоміемъ въ вологодскіе лѣса, на луку р. Вологды; гдѣ въ скоромъ времени образовался обширный Прилудскій монастырь. Стефанъ Махрицкій, кіево-печерскій монахъ, прибылъ въ Москву при Іоаннѣ II и поселился сначала въ 35 верстахъ отъ пустыни Сергія (на р. Махрицѣ), но потомъ съ ученикомъ своимъ Григоріемъ переселился въ вологодскіе лѣса и на р. Авнежѣ (Тотемскаго уѣзда) основаль свою обитель. Феодоръ, бывший епископомъ ростовскимъ, пришелъ изъ новгородской стороны и жилъ нѣкоторое время въ Черномъ лѣсу на р. Устьѣ, ~~между Каргополомъ и Москвою~~. Сергіи Радонежскій, проходя эти мѣста, по его просьбѣ, выбраль наиболѣе удобное изъ нихъ для отшельнической жизни, гдѣ возникъ вскорѣ Борисоглебскій монастырь. Тогда Феодоръ, поручивъ управленіе имъ своему собесѣднику Павлу, отошелъ на р. Ковжу, впадающую въ Бѣлозеро и поселился у ея устья. Но и здѣсь еще при немъ образовалась Николаевская обитель. На Каменномъ островѣ Кубенскаго озера подвизалось 23 пустытника. Въ XV в. въ этомъ краѣ возникло еще болѣе обителей. Авраамій и Конрій основали пустынь на р. Печенгѣ, въ 30 верстахъ отъ Вологды. Евонмій Сянжемскій, подвизавшійся въ Спасокаменномъ монастырѣ, на Кубенскомъ озерѣ, перешелъ на р. Кубенку, а потомъ, отдавъ свое мѣсто другому пустынику, поселился на р. Сянжемѣ, въ 30 верстахъ отъ Вологды. Діонисій Глушицкій, тоже постриженникъ Спасокаменной обители, съ ученикомъ своимъ Пахоміемъ обошелъ восточную сторону Кубенскаго озера и основаль монастырь на Святой луцѣ. Оставивъ въ немъ для управленія Пахомія, Діонисій построилъ себѣ келію за 15 верстъ отъ луки въ глухомъ лѣсу, подъ черемухою. Въ 1412 г. тамъ было два храма. За лѣмъ онѣ основаль еще обитель у огромной сосны и вблизи отъ нея женскій монастырь, чтобы удовлетворить настояніямъ, желавшихъ пустынной жизни, женщинъ. Одинъ изъ учениковъ Діонисія—Григорій Пельшемскій основаль

1) По житіямъ означенныхъ лицъ.

обитель на р. Пельшмѣ, а другой—Филиппъ Рабангскій—на рр. Сухонѣ и Рабангѣ, въ 32 верстахъ отъ Вологды. Въ такомъ же разстояніи отъ города, въ первой половинѣ XVI в. основалъ обитель на р. Комельѣ, у Комельскаго озера, Стефанъ Озерскій, вышедшій изъ Глушицкаго монастыря. Въ XV в. въ этой окрестности было основано еще двѣ замѣчательныя пустыни: у устья р. Кушты—Александромъ Кушскимъ, удалившимся изъ шумнаго Спасокаменнаго монастыря, и Перцова, въ 35 верстахъ отъ Вологды, гдѣ подвизались Онуфрій и Авесентій <sup>1)</sup>. Въ XVI вѣкѣ, вологодскій подвижникъ Антоній основалъ пустынь у Чернаго озера, въ Череповецкомъ уѣздѣ; а Иосифъ Веркольскій въ 16 верстахъ отъ Вологды. Θεодосій Тотемскій, постриженникъ Прилуцкаго монастыря, избралъ для своихъ подвиговъ высокой мысъ вблизи Тотмы, образуемой двумя рѣчками, впадающими въ Сухону и осѣненный лѣсомъ и горою. Еще при его жизни, по желанію жителей, здѣсь былъ построенъ монастырь, а вблизи отъ него, въ Ефремовой пустынѣ, Θεодосій учредилъ братство. Агапиль Маркушевскій, подвизавшійся въ Сольвычегодскомъ монастырѣ, основалъ обитель на рр. Маркушѣ и Тарнахѣ, въ 100 верстахъ отъ Тотмы; Вассіанъ Тиксенскій, постриженникъ Тотемской обители, завелъ общежитіе на р. Тикснѣ, въ 50 верстахъ отъ Тотмы; Себастьянъ Пошехонскій на р. Соготѣ. Антоній Сійжскій, постригшійся въ пустынь Пахомія, на рѣкѣ Кенѣ, въ 1508 году отошелъ съ нѣсколькими пустынниками на р. Шешну и на островъ, образуемый р. Сією, построилъ монастырь Троицы, а потомъ самъ удался на озеро Падунь. Далѣе, къ сѣверу и востоку мы встрѣчаемъ нѣсколько монастырскихъ поселеній. Въ началѣ XVII в. Серапіонъ и Нифонтъ основали обитель на островѣ озера Коже, въ Каргопольскомъ уѣздѣ; Никодимъ Кожеозерскій, чудовскій монахъ, а потомъ подвижникъ Кожеозерскаго монастыря, основалъ монастырь въ 5 верстахъ отъ него на р. Хузьюгѣ, въ которомъ прожилъ 35 лѣтъ безвыходно. Симонъ Володскій, вышедшій изъ Пинежской обители, избралъ мѣсто для своихъ подвиговъ на р. Кучменгѣ, въ лѣсу воломскомъ, лежащемъ въ 80 верстахъ отъ Устюга (1613 г.), а черезъ семь лѣтъ тамъ былъ построенъ монастырь. Филиппъ Янковскій поселился на т. Янковой, въ 2 верстахъ

<sup>1)</sup> См. житія означенныхъ лицъ и Свѣдѣнія о монастыряхъ. Сказаніе Паисія Ярославова о Спасокаменномъ монастырѣ, Правосл. собес. 1861, I, 200.

отъ Устюга. (Обитель основана 1654 г.). Леонидъ Усть-недумскій, подвизавшійся въ Кожеозерскомъ монастырѣ и въ Мирожской обители на Двинѣ,—удалился на р. Лузу и основалъ свое пребываніе вблизи отъ нея, на р. Якутицѣ у горы Туриной, въ 80 верстахъ отъ Устюга (нач. XVII в.). Уже въ XV в. встрѣчаются монастырскія поселенія въ восточномъ краѣ: Варнава, родомъ изъ Устюга, положилъ начало пустынѣ вблизи р. Ветлуги, на р. Красной; а уроженецъ архангельскаго края—Трифонъ Вятскій поселился близъ Перми на р. Мулянкѣ, откуда перешелъ на Чусовую, гдѣ и былъ основанъ монастырь. Кромѣ того онъ еще устроилъ обитель въ Хлыновѣ <sup>1)</sup>).

Въ костромской сторонѣ было нѣсколько пунктовъ, заселенныхъ путемъ монастырской колонизаціи Макарій Желтоводскій изъ Печерскаго монастыря—ушелъ на рѣку Лухъ и основалъ Богоявленскій монастырь. Поручивъ его попеченію другихъ, самъ Макарій переселился на озеро Желтое, лежащее около Волги, гдѣ въ 1435 г. возникъ новый монастырь—Троицы. Но и здѣсь Макарій не долго оставался. Потерпѣвъ разореніе отъ магометанъ, онъ удалился въ окрестности Галича и поселился въ 15 верстахъ отъ города Унжи, возлѣ озера, на красивомъ мѣстѣ, осѣненномъ лѣсомъ. На этомъ мѣстѣ, въ 1444 г. устроилась обитель. Адрианъ Моңзенскій, родомъ изъ Костромы, подвизался въ Тогинскомъ монастырѣ, потомъ на Каменномъ островѣ и въ Обнорской пустынѣ, наконецъ поселился при впаденіи р. Монзы въ Кострому, въ 20 верстахъ отъ города. А недалеко отъ него выбралъ мѣсто для своихъ подвиговъ Ферапонтъ Моңзенскій, вышедшій изъ костромскаго Воздвиженскаго монастыря. Оба они относятся къ XVI вѣку <sup>2)</sup>).

Въ средней полосѣ заселеніе шло такимъ же образомъ. Діонисій, бывшій потомъ епископомъ суздальскимъ, прибылъ изъ Кіева и поселился въ пещерѣ на Волгѣ, въ 5 верстахъ отъ Нижняго Новгорода. Въ 1336 году тамъ была основана обитель Вознесенія. Въ слѣдъ за тѣмъ 12 учениковъ Діонисія положили основаніе особымъ обителямъ въ Суздальской и Нижегородской земляхъ. Евѣимій Суздальскій воспитывался также подъ надзоромъ Діонисія и подвизался у него на Волгѣ. Онъ положилъ начало общежитію въ пустынномъ лѣсу, возлѣ Гороховца. Въ XV в. сюда прибыли: изъ Печерскаго монастыря Козма Яхрен-

<sup>1)</sup> Idem.

<sup>2)</sup> Idem.

скій, основавшій Успенскую обитель на р. Яхромъ, въ 40 верстахъ отъ Владиміра, и Тихонъ Луховскій, удалившійся изъ Дятвы на р. Лухъ, гдѣ вскорѣ возникла обитель. Пахомій Нерехтскій изъ Владиміра переселился въ глухой лѣсъ, на возвышенный полуостровъ, образуемый р. Гридевкою, впадающею въ Салоницу и Волгу 1). Тихонъ Медыньскій, нѣстриженникъ одной изъ московскихъ обителей, поселился вблизи Малаго Ярославца.

Наконецъ остается намъ указать на монастырскія поселенія, существовавшія въ означенную эпоху въ Тверской области. Арсеній, тверской уроженецъ, съ дѣтства воспитывался въ Печерской обители и на сѣверъ возвратился (1390) вмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ, жившимъ тогда въ Кіевѣ, который и поставилъ его тверскимъ епископомъ. Но Арсеній стремился въ пустыню и потому оставилъ епископство. Онъ поселился въ 4 верстахъ отъ Твери на р. Тмавѣ, гдѣ при немъ еще возникла обитель. Арсеній построилъ въ ней два храма: одинъ Антонію и Θεодосію, другой Успенія Богородицы — оба въ память своего пребыванія въ Кіевѣ. Въ 20 верстахъ отъ Твери, Савва Тверской положилъ основаніе Саввинскому монастырю, въ которомъ подвизался онъ съ ученикомъ своимъ Варсонофіемъ. Послѣдній отдѣлился отъ своего наставника и прожилъ 40 лѣтъ въ пустынѣ, куда наконецъ собралась къ нему братія и въ 1397 г. здѣсь возникъ монастырь. Савватій Тверской съ ученикомъ Евфросиномъ поселился въ пустынѣ за 15 верстъ отъ Твери и жилъ тамъ въ пещерѣ. Къ нему приходили изучаться Корнелій Комельскій и Іосифъ Волоколамскій. Евфросинъ прожилъ 60 лѣтъ въ пустынѣ, но частое посѣщеніе этого мѣста людьми заставило его бѣжать на Ладожское озеро; однако и здѣсь онъ не могъ скрыться отъ нихъ. Тогда онъ возвратился обратно и содѣйствовалъ устройенію обители въ Савватіевой пустынѣ. Изъ кашинскаго Клобуковскаго монастыря вышла отшельническая колонія подъ руководствомъ Макарія Колязинскаго. Избѣгая городского шума, они поселились въ 18 верстахъ отъ Кашина, въ красивой мѣстности, лежащей между двухъ озеръ. Подаренная земля боярина Коляги дала названіе и основателю тамоншней обители (Троицы), и самой обители. Вблизи отъ Кашина подвизался Кассіанъ Угличскій. Изъ Отраповтова мона-

1) Idem.

стиря онъ удался въ Угличскій удѣль, и въ 15 верстахъ отъ города, на берегахъ Волги и р. Учмы, положили основаніе Богородицкой обители. Последнія три поселенія относятся къ XV вѣку 1).

Мы представили въ общихъ чертахъ распространеніе монастырскихъ поселеній на сѣверо-востоцѣ Россіи. Вообще, монастырская жизнь развивалась прогрессивно. Между тѣмъ какъ съ XI—XIV в. возникло только до 90 монастырей и пустынь, въ XIV и половинѣ XV в. ихъ открылось до 150, при чемъ на XIV вѣкъ приходится 80, а на одну половину XV в. — 70. Въ XVI в. у насъ вновь возникло до 100 монастырей и пустынь, а въ XVII—220 2). По описи ихъ въ половинѣ XVIII вѣка—всѣхъ монастырей было 966; изъ числа которыхъ 726 мужескихъ и 240—женскихъ 3). XIV и XV вѣка считаются двѣтущею порою монашества въ Россіи, въ смыслѣ преимущественно религіозныхъ побужденій его распространенія 4). Въ XVI и XVII вв. начинаютъ преобладать другіе интересы. Это была эпоха образованія Московскаго государства, настоятельно требовавшаго исправнаго выполненія государственныхъ повинностей, отчего многіе стали уклоняться въ монастыри. Въ XVII в. реакція раскола выразилась между прочимъ въ распространеніи пустынножителства. Но у основателей пустынь все-таки преобладаетъ стремленіе къ осуществленію религіознаго идеала.

Таинственный свѣтъ, внезапное появленіе зари, какъ будто мающей вдаль, чудное видѣніе, загадочный сонъ, неизвѣстный голосъ—вотъ тѣ побудительные мотивы, которые вдругъ вызываютъ челоуѣка на рѣшительный шагъ отправиться въ пустыню 5). Но эта рѣшимость имѣетъ свой процессъ развитія, который совершается то подъ влияніемъ странствующихъ отшельниковъ, возбуждающихъ созерцательное настроеніе въ легко воспринимających натурахъ 6); то подъ влияніемъ

1) Искв.

2) Указатель къ Исторіи іерархіи, Исторіи церкви Макарія, IV, кн. I, 209, 210. Древнія пустыни. Прав. соб. 1860, III, 204.

3) Истор. Рос. іерар. II, стр. LXXX.

4) Шаювъ, Русскій расколъ, 207. Древнія пустыни, Правосл. соб. 1860, III, 202.

5) Житія: Мартирія Зеленецкаго, Зосимы Соловецкаго, Адриана Монзенскаго, Агапита Маркушевскаго, Авраамія Чухломскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Арсенія Комельскаго, Нила Столобенскаго, Козмы Яхренскаго.

6) Житія: Стефана Махрицкаго, Александра Свирскаго, Варлаама Хутынскаго.

книгъ созерцательнаго характера, на которыхъ воспитывались съ дѣтства<sup>1)</sup>. Иногда эта рѣшимость является вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на будущаго отшельника какимъ нибудь изреченіемъ, слышаннымъ имъ въ церкви, въ которомъ выражается мысль о суетѣ міра, о необходимости отреченія отъ него для благъ будущаго міра<sup>2)</sup>. Вліяніе аскетическихъ идей путемъ книжнымъ или образовательнымъ замѣтно на томъ фактѣ, что большая часть представителей отшельничества оставила міръ въ юныхъ лѣтахъ, т. е. въ періодъ обученія, и принадлежала къ состоятельному классу, имѣвшему средства для домашняго обученія. Въ весьма многихъ біографіяхъ прямо говорится, что желаніе отправиться въ пустыню или въ монастырь явилось въ юности вскорѣ послѣ изученія грамоты и чтенія книгъ. Есть примѣры, что принимали монашество и уходили въ пустыню въ 11—15 лѣтъ<sup>3)</sup>. Среда, изъ которой выходили подвижники, преимущественно дворянская или вообще зажиточная<sup>4)</sup>. Въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ су-

1) Житія: Моисея, еписк. новгород., Димитрія Прилуцкаго, Серапіона, архіеписк. новгород., Макарія Колязинск., Пахомія Нерехтскаго, Димитрія Переясл., Макарія Желтоводскаго, Аванасія Высоцк., Ефрема Перекоп., Авраамія Ростовскаго, Козмы Яхренскаго.

2) Житія: Никиты Переяславскаго, Евѳимія Суздальскаго, Трифона Печенгскаго.

3) Житія: митр. Алексѣя, Евѳимія, архіеп. новгород., митр. Ионы, Θεодосія Тотемскаго, Герасима Болдинскаго, Паисія Угличскаго, Корнилія Переяславскаго, Макарія Желтоводскаго, князя Іоасафа, Филиппа Ирапскаго, Θεодора Ростовск., Корнилія Комельскаго, Григорія Пельшемскаго. Никандръ Псковскій—17 лѣтъ.

4) Княжескаго рода: Михайлъ Клопскій (родственникъ суздальскихъ князей); Симеонъ еп. тверской (полоцкихъ); Евфросинъ Тверской; Іоасафъ князь; бояре и дворяне: Савва Вышерскій (изъ фамиліи Бороздиныхъ); Кирилль Новозерскій (Бѣлыхъ); Ниль Сорскій (Майковыхъ); Иннокентій его ученикъ (Охлѣбинныхъ); Арсеній Комельскій (Сухорусовыхъ); Корнилій Комельскій (Крюковыхъ); Григорій Пельшемскій (Лопотовыхъ); Θεорантъ Можайскій (Поскочинныхъ); Варлаамъ Шенкурскій (с. посадника Своземцева; Антоній Леохновскій (с. боярскихъ дѣтей Веняминовыхъ); Макарій Колязинскій (бояръ Кожиныхъ); митр. Филиппъ (Кольчевыхъ); Павелъ Обнорскій, митр. Алексѣй (бояръ черниговскихъ); Мартирій Зеленецкій, Іаковъ Желѣзноборскій, Никита Переяславскій, Паисій Глушицкій, Іона Климецкій, Кирилль Бѣлозерскій, Кассіанъ Авнежскій, Адрианъ Ондрусовскій (Завалишинныхъ), Симеонъ Верхотурскій, Сергій Радонежскій, Антоній Леохновскій, Гурій еп. казанскій, Стефанъ Озерскій, Паисій Угличскій, Геннадій Любимскій, Θεодосій Тотемскій, Даниль Переяславскій. Изъ богатыхъ фамилій проис-



ществовала наклонность къ монастырской жизни <sup>1)</sup>; другіе принимали его подъ вліяніемъ родственниковъ, у которыхъ они воспитывались въ монастырѣ <sup>2)</sup>. Одни увлекались живымъ примѣромъ казого-нибудь отшельника <sup>3)</sup>; другіе—разказами объ извѣстномъ подвижникѣ <sup>4)</sup>; третьи—идеальнымъ образомъ, созданнымъ аскетическою литературою Востока <sup>5)</sup>. Житія писались для подражанія <sup>6)</sup>. Однако, при всей религиозности семьи, изъ которой выходилъ юный подвижникъ, она часто становилась во враждебное отношеніе къ его стремленіямъ. Родителямъ и родственникамъ хочется удержать его въ своей средѣ; средствомъ для этого избирается бракъ. Но эта реакція родственнаго чувства только ускоряетъ развязку: нерѣдко юноша бросаетъ свою невѣсту и тайно удаляется въ неизвѣстный монастырь <sup>7)</sup>. Такія лица дѣлаются потомъ основателями пустынь.

Примѣръ отшельниковъ долженъ былъ магически дѣйствовать на общество, жившее главнымъ образомъ въ кругѣ религиозныхъ идей. Ихъ біографіи наполнены аскетическимъ матеріаломъ и служатъ вѣрною характеристикой, какъ собственныхъ воззрѣній подвижниковъ, такъ и взглядовъ біографовъ. На сколько первыя представляютъ практическую сторону, на столько послѣдніе—идеальную, выражая иногда только желанія авторовъ біографій. Подвижники спятъ на землѣ, подкладывая подъ голову камень; другіе спятъ стоя, чтобы болѣе изнурить тѣло;

ходили: Геннадій Важеозерскій, Дмитрій Прилудскій, Арсеній еписк. тверской, Авраамій Смоленскій, Варлаамъ Хутынский.

<sup>1)</sup> Напр. въ семьѣ Саниныхъ, изъ которой происходилъ Іосифъ Волоколамскій (исслѣдованіе Хрущова, стр. 24, примѣч. 41); въ семьѣ Полевыхъ (Родослов. книга во Времен. общ. исторіи, X, 263. Опись книгъ Волокол. монаст., стр. 8, 12. Акты историч. III, 151. Житіе Германа, архіепа. казанскаго); Діодора Юрьегорскаго и др.

<sup>2)</sup> Θεодоръ Ростовскій, Паисій Угличскій, Даніилъ Переяславскій.

<sup>3)</sup> Герасимъ Болдинскій примѣромъ Даніила Переяславскаго, Адріанъ Ондрусовскій примѣромъ Александра Свирскаго (см. ихъ житія); Никандръ Псковскій.

<sup>4)</sup> Кирилъ Новосервскій слышалъ отъ родителей о Корнилиѣ Кожеезерскомъ и пожелалъ удалиться въ пустыню.

<sup>5)</sup> Житія: Θεодора юродиваго, Даніила Переяславскаго, Никодима Кожеезерскаго, Трифона Вятскаго.

<sup>6)</sup> Епифаній въ житіи Сергія Радонежскаго.

<sup>7)</sup> Житія: Зосимы Соловец., Александра Ошевенскаго, Адріана Мовзенскаго.

или, для большей бодрости, держать въ рукѣ камень, чтобы онъ, своимъ паденіемъ, не давалъ имъ заснуть. Александръ Свирскій всегда спалъ на голой доскѣ, или сидя. Иринархъ Ростовскій спалъ не болѣе двухъ часовъ. Корнилій Комельскій принималъ пищу только три раза въ недѣлю; а во время болѣзни питался водою и сокомъ. Михаилъ Клопскій ѣлъ однажды въ недѣлю. Строгий постъ и подвиги такъ изнурили Корнилія, что онъ совершенно высохъ; у другихъ, какъ говорится, оставались только кости да кожа <sup>1)</sup>. Даже въ голодную пору, при недостаткѣ пищи, они совѣтовали сохранять постъ <sup>2)</sup>. При жизни основателя новой обители—трудъ составляетъ необходимую обязанность братья. Копаніе земли, вареніе пищи, рубка дровъ, расчистка поля—все это совершается подъ надзоромъ самого основателя, который самъ подаетъ примѣръ въ ручной работѣ, дѣлаетъ вдвое и беретъ на себя работу другихъ. Кирилловскія хлѣбни считались образцомъ тяжелаго труда <sup>3)</sup>. Но аскетическое настроеніе выражается не въ простомъ воздержаніи только; оно выражается въ нарочно придуманныхъ средствахъ для смиренія плоти. Ношеніе желѣзныхъ веригъ и власницъ было обыкновеннымъ явленіемъ <sup>4)</sup>. Иринархъ Ростовскій сдѣлалъ себѣ 100 мѣдныхъ крестовъ и повѣсилъ ихъ на вериги, а потомъ присоединилъ еще 30. Такъ подвизался онъ 6 лѣтъ! Ему прислали изъ Углича цѣпь въ 3 сажени; онъ прицѣпилъ ее къ своей и такъ провелъ другія 6 лѣтъ; наконецъ, присоединивъ еще третью цѣпь, онъ просидѣлъ на девяти-саженной цѣпи 13 лѣтъ. Никита, епископъ новгородскій, носилъ вериги вѣсомъ въ 14 фунтовъ <sup>5)</sup>; Иона Псково печерскій — кольчатый панцырь. Князь-инокъ Галактіонъ Валогдскій (изъ фамиліи Бѣльскихъ), чтобы лишиться себя удовольствія видѣться съ близкими людьми, приковывалъ себя въ стѣнѣ цѣпью. Пищу онъ принималъ только въ окошко. А когда склонялъ его сонъ—онъ становился на колѣни и, держась за

1) Житія: Кипріяна Устюжскаго, Александра Свирскаго, Корнилія Комельскаго, Михаила Клопскаго, Евфросиніи Суздальской, Иринарха Ростовскаго. Истор. іерар. III, 312, 692. Карамзинъ, III, пр. 186.

2) Житіе Маварія Желтоводскаго.

3) Житіе Корнилія Комельскаго.

4) Житія: Θεодосія Тотемскаго, Лонгина Коряжемскаго, Корнилія Комельскаго, Арсенія Новгородскаго, Корнилія Палеостровскаго, Трифона Вятскаго.

5) Житіе Иринарха Ростовскаго. Опис. новгород. святыни, 1850, стр. 30.

цѣпь, засыпаль сномъ легкимъ и перерывистымъ. Трифонъ Вятскій носилъ вмѣстѣ и тяжелыя вериги, и жесткую власяницу <sup>1)</sup>. Вериги Варлаама Хутынскаго вѣсили 8 фунтовъ, а власяница — 18 <sup>2)</sup>. Вассіанъ Тиксенскій весь былъ въ желѣзной одеждѣ: на тѣлѣ носилъ онъ желѣзныя вериги; на плечахъ—цѣпь; на чреслахъ—желѣзный обручъ, а на головѣ подь куволомъ—желѣзную шапку. Никита Переяславскій—носилъ каменную шапку. Шляпа Антонія Дымскаго (сохранившаяся до сихъ поръ) была желѣзная: въ ней 15 фунтовъ вѣсу; широкія поля ея прибиты къ тулѣ толстыми гвоздями; шляпки гвоздей и рубцы крайнихъ должны были врѣзываться въ головные покровы, останавливаясь только на твердыхъ черепныхъ костяхъ, а тяжесть шляпы усиливала боль язвъ <sup>3)</sup>. Одежда Дмитрія Прилуцкаго всегда была одинакова: овчинный закорузный тулупъ, подь которымъ лѣтомъ онъ бывалъ мокрымъ отъ жары, а зимою страдалъ отъ морозовъ <sup>4)</sup>. Одни выходили въ лѣсъ или на болото—и тамъ, обнаженные до половины, отдавали свое тѣло въ жертву насѣкомыхъ; другіе, раздѣвшись до нага, ложились въ тростниково-е болото, гдѣ пауки и насѣкомыя до такой степени терзали ихъ тѣло, что кровь лилась по землѣ <sup>5)</sup>. Туча комаровъ не могла отвлечь пустытника отъ молитвы <sup>6)</sup>. Случилось одному изъ новгородцевъ проходить мимо того мѣста, гдѣ подвизался Савва Вышерскій. День былъ знойный, а пустыникъ стоялъ на молитвѣ недвижимый; лицо его покрыто было комарами и истерзано до крови, а онъ какъ-бы ничего не чувствовалъ, погруженный въ молитву <sup>7)</sup>.

Для большаго отрѣшенія отъ міра—одни затворяются въ тѣсной келліи, куда только черезъ узкое оконце проникаетъ свѣтъ, чрезъ которое имъ подають пищу; другіе—восходятъ на столпы и тамъ претерпѣвають всякія перемѣны погоды; третьи налагаютъ на себя обѣтъ молчанія—и нѣтъ силъ вынудить у нихъ слово. Когда къ Саввѣ Вы-

1) Житія: Галактіона Вологодскаго и Трифона Вятскаго. Объ Іонѣ у Филарета.

2) Исторія іерархіи, VI, 617; Свѣдѣнія о монастыр. 372.

3) Житія: Вассіана Тиксенскаго и Никиты Переяславскаго; Владимирскій сборникъ, 25; житіе Антонія Дымскаго.

4) Житіе Дим. Прилуцкаго.

5) Житія: Александра Свирск., Никандра Псковскаго, Трифона Вятскаго, Антонія Сійскаго.

6) Житіе Александра Куштскаго.

7) Житіе Саввы Вышерскаго.

перскому пришелъ родной братъ—онъ сошелъ со стола, благословилъ его и молча возвратился на прежнее мѣсто <sup>1)</sup>. Удаляясь отъ міра, отшельники еще болѣе убѣгали женщинъ, которыя представлялись имъ не иначе какъ соблазномъ, а слѣдовательно были помѣхою для ихъ подвиговъ. Поэтому, сдѣлавшись основателемъ монастыря, строгій отшельникъ запрещаетъ женщинамъ и входъ въ него. Однако въ біографіяхъ подвижниковъ сохранились разсказы о столкновенияхъ съ ними. Женщина, посмотрѣвшая на полуобнаженнаго Терапонта Монзенскаго, когда онъ предавалъ себя истязанію комаровъ,—ослѣпла. Дмитрій Прилуцкій былъ весьма красивъ собою, и потому, во избѣжаніе искушеній для посѣщавшихъ обитель,—онъ всегда закрывалъ свое лицо вуколемъ. Одной изъ благородныхъ переяславскихъ женщинъ захотѣлось непременно видѣть его, и это ей удалось въ то время, когда Дмитрій готовился къ служенію; но она такъ была поражена имъ, что получила разслабленіе <sup>2)</sup>. Какъ одни убѣгали отъ людей, желая достигнуть совершенства; такъ другіе, напротивъ, входили въ ихъ среду, но, своимъ пренебреженіемъ общественныхъ условій, старались вызвать побольше непріятностей, чтобы достигнуть той же цѣли путемъ крайняго смиренія. Это были юродивые. Они являлись на улицахъ полу-прикрытые или нагимъ, съ растрепанными волосами и босыми ногами, необращая вниманія даже на трескучіе морозы; они дѣлали всякія причуды, за которыя имъ доставались только пинки; носили на тѣлѣ желѣзные кресты въ видѣ цѣпи, на рукахъ—желѣзные кольца и на головѣ—желѣзный колпакъ (Іоаннъ московскій); а спали обыкновенно на навозѣ или въ нечистомъ мѣстѣ. Такъ проводили они всю жизнь Василій блаженный, современникъ Іоанна Грознаго, юродствовалъ 72 года. Впрочемъ, такая сила духа вызывала у многихъ уваженіе. Іоаннъ Грозный приглашалъ къ себѣ Василія и посѣщалъ Николая Псковскаго. Бояре зывали ихъ къ себѣ на пиры. Купцы не прекословили, если они брали что-нибудь изъ ихъ лавокъ, считая это благоволеніемъ божіимъ. Пользуясь свободою въ отношеніяхъ,—эти сатирики обществен-

<sup>1)</sup> Житія: Корнилія Комельскаго, Никиты Переяславскаго, Саввы Вышерскаго, Корнилія Переяславскаго, Евѣмія Суздальскаго, а также въ житіяхъ: Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго.

<sup>2)</sup> Житія: Дмитрія Прилуцкаго, Саввы Тверскаго, Кирилла Новозерскаго, Андріана Пошехонскаго, Евѣросинія Псковскаго, Даниіла Переяславскаго.

ныхъ условій нерѣдко высказывали горькую правду, нестѣсняясь передъ сильными. Новгородскіе юродивые: Ѳеодоръ и Николай Качановъ (XIV вѣка), постоянно разыгрывали борьбу двухъ сторонъ—софійской и торговой. Николай Качановъ юродствовалъ на софійской, Ѳеодоръ—на торговой. Когда случалась Ѳеодору переходить волховскимъ мостомъ на софійскую—Николай гналъ его на торговую; тоже дѣлалъ Ѳеодоръ, когда заставлялъ Николая на торговой <sup>1)</sup>. Рассказываютъ; когда Іоаннъ Грозный, послѣ сильнаго кровопролитія въ Новгородѣ, отправился въ Псковъ,—тамошній юродивый Николай Салось предложилъ ему кусокъ сыраго мяса, и когда царь сказалъ: я христіанинъ, не ѣмъ мяса въ великій постъ, юродивый отвѣчалъ: ты дѣлаешь хуже, питаешься плотію и кровью человѣческою, забывая не только постъ, но и Бога. Іоаннъ большой колпакъ ходилъ по Москвѣ совершенно голымъ и безпрестанно обличалъ правленіе Бориса Годунова. Встрѣчаясь съ нимъ, онъ громко говорилъ: «умная голова, разбирай божіи дѣла; Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ.» Всѣ они были потомъ канонизированы и пользовались огромнымъ уваженіемъ въ народѣ. По смерти Василія блаженнаго, ему была построена церковь вблизи дворца, которая постоянно посѣщалась московскою знатію и царскою фамиліею <sup>2)</sup>. О другихъ подвигахъ тогдашнихъ отшельниковъ можно судить по ихъ прозваніямъ: неумой, босой, сухой.

Іосифъ Волоколамскій, путешествовавшій по многимъ обителямъ сѣверной Россіи, и въ отдѣльномъ сочиненіи представившій идеальную и отрицательную сторону современной монастырской жизни, говоритъ вообще, что онъ самъ видѣлъ многихъ учениковъ Сергія, Варлаама и Кирилла, которые, подъ вліяніемъ читанныхъ ими описаній жизни Антонія, Пахомія и другихъ восточныхъ подвижниковъ, старались усвоить себѣ ихъ образъ жизни. Митрофанъ Бывальцевъ, подвизавшійся девять лѣтъ на Аеонской горѣ, говорилъ Іосифу о монастырѣ Макарія Колязинскаго: «напрасно трудился я и совершалъ такой далекій путь въ святую гору, мимо Колязинскаго монастыря; можно было и въ немъ

<sup>1)</sup> Житія: Михаила Клопск., Максима Тотемск., Ѳеодора юродиваго, Іоанна Устюж., Іоанна Москов., Василія Москов., Лаврентія Калуж., Кипріяна юрод., Андрея Тотем., Симона Юрьевск., Максима юрод., Прокопія Вятскаго.

<sup>2)</sup> Карамзинъ, IX, пр. 298; Fletcher, II, 100, 101. Горсей, о Московіи, житіе Іоанна московскаго юродиваго.

спастись; такъ какъ здѣсь все дѣлается по образцу аеонскихъ монастырей<sup>1)</sup>. Ученикъ Максима Грека—Зиновій Отенскій такъ рисуетъ идеальную сторону монашества XVI вѣка, въ опроверженіе нагадокъ Вассіана Косаго на монаховъ: »Руки у нихъ скорчены отъ тяжкихъ страданій, говоритъ онъ; кожа подобна воловой и истрескалась; лица осунувшіяся, волосы растрепаны; ноги и руки посинѣли и опухли. Иные хромаютъ, другіе валяются. А имѣній такъ много у нихъ, что и нищіе, выпрашивающіе подаванія, болѣе ихъ имѣютъ. Обыкновенная пища ихъ—овсяный невѣянный хлѣбъ, ржаные толченые колосья, и такой хлѣбъ сие безъ соли. Питье ихъ—вода; вареное—листья капусты; зелень достаточныхъ—свекла и рѣпа; если есть овощи, такъ это рябина и калина. А объ одеждѣ, что и говорить<sup>2)</sup>? Такіе подвиги возвели ихъ на степень святыхъ. Съ половины X вѣка до половины XV въ русской землѣ насчитываютъ до 100 святыхъ; во второй половинѣ XV в. до 50 и около 60 въ XVI вѣкѣ<sup>3)</sup>. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что значительная часть изъ этого числа приходится на сѣверо-восточную Россію и образовалась путемъ отшельничества. Такіе покровители считались выше всякаго богатства, и потому каждая область, городъ, островъ, имѣли своего патрона, къ которому они обращались, какъ къ высшему заступнику<sup>4)</sup>. Во время нападенья татаръ, поляковъ, шведовъ—русскіе князья и цари обращались въ ихъ молитвамъ. Неудивительно, если каждый новый подвижникъ привлекалъ къ себѣ цѣлыя толпы.

Почти въ каждомъ жизнеписаніи извѣстнаго подвижника говорится, что къ нему на первыхъ порахъ собирается много почитателей: одни приходятъ за наставленіемъ, другіе—гвчится, третьи совсѣмъ остаются жить съ нимъ. Родители иногда слѣдуютъ примѣру своихъ дѣтей и постригаются вслѣдъ за ними. Въ этихъ странствованіяхъ упоминаются не только простые люди, но также часто вельможи, князья и бояре. Они способствуютъ устройству обители и постоянно поддерживаютъ ее богатыми вкладами; въ особенности пользуется уваженіемъ

1) Сказаніе объ отцахъ, бывшихъ въ русск. монаст. Лѣтопись археографич. коммис., выпуск. II, 80, 89.

2) Истины показаніе, слово 45.

3) Словарь святыхъ Россійск. церкви. Спб. 1836.

4) Православ. собесѣд. 1860, III, Древн. пуст., стр. 223, и житіе Проконія Устюжск. у Филарета.

та обитель, которая возникла на мѣстѣ появленія иконы 1). Въ монастыряхъ Ѳеодора Ростовскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и Юсифа Волоколамскаго было много бояръ и дворянъ 2). Еще при жизни основателя или вскорѣ послѣ него глухая пустыня превращается въ многлюдный монастырь. О числѣ монаховъ въ тогдашнихъ монастыряхъ сохранилось нѣсколько извѣстій. У Сергія Нуромскаго, Серапіона Кожеезерскаго и Трифона Вятскаго показано до 40; у Кирилла Бѣлозерскаго—53; въ обители Данила Переяславскаго—до 70; у Авраамія Чухломскаго, Трифона Печенгскаго, Корнелія Псковскаго и въ Преображенскомъ казанскомъ монастырѣ было по 100 монаховъ. Въ монастыряхъ, основанныхъ Герасимомъ Болдинскимъ, упоминается: во Введенской обители на р. Жиздрѣ и въ Предтеченской въ Вязьмѣ по 40 инокъ, а въ Болдинской до 140. Въ суздальскомъ Спасо-Евѣиміевскомъ монастырѣ, еще при жизни Евѣимія, находилось 300 монаховъ. Въ XVI вѣкѣ въ Муромскомъ монастырѣ, на островѣ Мучь—было 35 монаховъ 3). Въ такихъ же размѣрахъ говорится и о женскихъ монастыряхъ. Въ московскомъ Алексѣевскомъ въ концѣ XIV в. было 90 монахинь, а въ нижегородскомъ Зачатіевскомъ, при его основательницѣ—княгинѣ Ѳеодорѣ,—100 4). Конечно, по смерти своего основателя, многія обители еще болѣе распространялись. Такъ о монастыряхъ: Троицко-Сергіевомъ, Андрониковомъ, Симоновомъ, Голутвинскомъ, Высоцкомъ, Кирилло-Бѣлозерскомъ, новозерскомъ Ѳерапонтовомъ, Прилуцкомъ, Пошехонскомъ, Балаамскомъ, встрѣчаются общія выраженія,

1) Житія: Мартиніана Бѣлозерскаго, Арсенія Коневскаго, Дмитрія Прилуцкаго, Мартирія Зеленецкаго, Евфросина Тверскаго, Макарія Колязинскаго, Данила Переяславскаго, вн. Ѳеодоры, Зосимы Соловецкаго, Сельвестра Обнорскаго, Діонисія Глушицаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Александра Кушитскаго, Авраамія Чухломскаго, Саввы Крыпецкаго, Антонія Леохновскаго, Григорія Авнежскаго. Въ XVI в. новгородскій бояринъ Сырковъ самъ основалъ 12 монастырей.

2) Житія: Ѳеодора Ростовскаго и Юсифа Волоколамскаго. Посл. Іоанна Грознаго въ Кирилловъ монастырь, Акты историч. I, № 204.

3) Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, прилож. VI. стр. 174.

4) Житія: Сергія Нуромскаго, Серапіона Кожеезерскаго, Трифона Вятскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Данила Переяславскаго, Авраамія Чухломскаго, Трифона Печенгскаго, Корнелія Псково печерскаго, Герасима Болдинскаго и Евѣимія Суздальскаго. Карамзинъ, V, прим. 254, годъ 1393; Никоновск. лѣт. IV, 78. Ист. іерархіи, III, 679, IV, 119. Свѣд. о монаст. 494.

что они были велики и въ нихъ находилось множество братіи. Въ слѣдствіе этого нѣкоторые изъ нихъ (напр. Троицко-Сергіевъ, Кирилло-Бѣлозерскій, Глушицскій, Сибтогорскій - псковскій) назывались лаврами <sup>1)</sup>. Обращеніе пустыни и монастыря въ общежитіе имѣло своимъ результатомъ всегда умноженіе монастырскаго населенія, такъ какъ такіа обители привлекали въ свои стѣны бблыпю обезпеченностью <sup>2)</sup>. Въ какомъ размѣрѣ иногда увеличивалось монастырское населеніе можно судить по примѣру Троицко-Сергіевой лавры. Во второй половинѣ XVI в. въ ней уже было около 700 монаховъ, не считая монастырской прислуги <sup>3)</sup>. Населенность тогдашнихъ монастырей лучше всего можно опредѣлить сравненіемъ ея съ населенностью городовъ. Такъ въ половинѣ XVII вѣка во Владимірѣ было около 1000 человекъ; въ Суздаль 1491; въ Муромѣ 1106; въ Ростовѣ около 700; въ Ярославѣ—3468; въ Вологдѣ—2073; въ Переяславлѣ-Залѣскомъ—746; въ Коломнѣ—528; въ Костромѣ посадскихъ—1322; въ Калугѣ—968; въ Галичѣ—728; въ Кашинѣ—всего 505; въ Можайскѣ—148; въ Вязьмѣ—728; въ Рузѣ всего 30 посадскихъ. Изъ такомъ же видѣ и другіе, болѣе замѣчательные города; за тѣмъ идетъ длинный списокъ городовъ, въ которыхъ вовсе не было посадскихъ людей <sup>4)</sup>. Такимъ образомъ, цифра населенія въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, быть можетъ теперь и незначительная, въ то время представляла большой процентъ въ общемъ населеніи. Это рѣзко бросалось въ глаза иностранному путешественнику; такъ что Флетчеръ, посѣтившій Россію во второй половинѣ XVI вѣка, называетъ ее «страною монастырей». «Тамъ, говоритъ онъ, безчисленное множество монаховъ и гораздо болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь католической странѣ. Они спуются въ каждомъ городѣ и въ большей части деревень» <sup>5)</sup>. Попятно, что становясь такимъ обширнымъ учрежденіемъ, монастырь не могъ оставаться въ тѣсной рамкѣ отшельническихъ правилъ своего основателя. И онъ становился гражданскимъ учрежденіемъ.

1) Макарій. Истор. русск. церкви, IV, кн. I, 210 и прилож. XXII. Житія Кирилла Новозерск., Адріана Пошехонскаго и Діонсія Глушицкаго.

2) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 284, и житіе Дмитрія Прилуцкаго.

3) Fletcher, La Russie au XVI siècle, II, 96, 97.

4) Опись городамъ въ 1668 г. См. приложение къ Исторіи Рос. Соловьева, XIII. Ср. Разряд. книгу. 1616 г. Временникъ, II.

5) Fletcher, II, 96, 99.



Когда въ пустыню собиралось достаточное количество братіи и являлась необходимость устроить монастырь, первымъ дѣломъ основателя было выхлопотать право на занятую имъ землю, тѣсь, воды и другія угодія, которыя доставляли тотъ или другой участокъ земли. При экономическомъ устройствѣ древней Россіи—надѣль землею былъ единственнымъ способомъ обезпеченія монастыря. Тогдашнее финансовое устройство Россіи было похоже болѣе на частное, нежели на государственное хозяйство, при которомъ важнѣйшимъ источникомъ дохода для правительства служили государственныя имущества и личныя повинности жителей, а налоги являлись только въ видѣ исключенія и взимаемы были по большей части не деньгами, а натурою. Въ послѣдствіи мы находимъ много церквей и монастырей, содержавшихся *рукою* или жалованьемъ отъ правительства; но система жалованья тѣмъ не менѣе составляла не болѣе, какъ исключеніе <sup>1)</sup>. Вотъ почему назначеніе монастырямъ вотчинъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, хотя противорѣчило основнымъ правиламъ отшельничества, которыя такъ горячо отстаивали представители свитской жизни. Этотъ финансовый мотивъ ясно слышится въ опредѣленіи собора 1681 г. о передачѣ бѣдствующимъ монахинямъ—вотчинъ отъ богатыхъ мужескихъ монастырей, такъ какъ «безъ вотчинъ въ монастыряхъ нечѣмъ прокормиться» <sup>2)</sup>. Признавая, по религіознымъ побужденіямъ, монастырь вполне благодѣтельнымъ учрежденіемъ, правительство само заботилось о поддержаніи каждой вновь возникавшей обители; такъ что постепенное увеличеніе монастырей служить вмѣстѣ съ тѣмъ доbazательствомъ возрастанія монастырскихъ недвижимыхъ имуществъ. Назначеніе новой обители значительнаго участка земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она возникла, было настолько обыкновеннымъ явленіемъ, что тамъ, гдѣ она по своему положенію соприкасалась съ частными владѣніями или крестьянскими поселеніями—она всегда встрѣчала противодѣйствіе со стороны мѣстнаго населенія, боявшагося вторженія болѣе сильнаго землевладѣльца. Въ біографіяхъ основателей пустынь встрѣчается много прихворь подобной борьбы. Кирилла Новоезерскаго преслѣдовали рыбаки, боясь его соперничества; Зосимъ Соловецкому противодѣйствовали нов-

<sup>1)</sup> Милютинъ, О недвижимыхъ имущест. духовенства въ Россіи, въ Чтен Моск. общ. ист. и древн. 1859, IV; 58.

<sup>2)</sup> Акты историч. V, стр. 113, а также: I, № 147, II, 49.

городские бояре, идѣвшіе на Соловецкомъ островѣ свои рыбныя ловли; крестьяне, ходившіе въ комельскій лѣсъ для рубки и ловли звѣрей, убили вельника Арсенія Комельскаго, когда послѣдній удалился сюда для безмолвія. Даниилъ Перемыславскій и Стефанъ Маарвицкій постоянно терпѣли нападенія отъ соседнихъ владѣтелей; бояринъ Иванъ Коляга хотѣлъ убить Макарія Колязинскаго за то, что онъ поселился вблизи его пустошей; но внезапная болѣзнь заставила его одуматься, и онъ подарилъ Макарію всю свою землю. Симонъ Воломскій и Агапѣтъ Маркушевскій были даже убиты за землю <sup>1)</sup>. Но вообще успѣхъ оставался на сторонѣ монастырей: князья давали имъ дарственные грамоты, а частныя лица уступали имъ свои вотчины и дѣлали богатые вклады. Изъ жалованныхъ грамотъ, принадлежащихъ къ XIV—XVII столѣтіямъ и дошедшихъ до насъ, не смотря на многочисленныя утраты, въ весьма значительномъ количествѣ, можно съ достоверностью заключить, что всѣ вел. князья, какъ московскіе, такъ и другихъ областей, князья удѣльные, цари, царицы, княгини, а въ вольныхъ городахъ и народныхъ правительства, а также частныя лица, отличались необыкновенною ревностью къ обогащенію церкви вообще и монастырей въ особенности. Тоже самое свидѣтельствуютъ и такъ называемыя кормовыя и владныя книги, которыя существовали прежде почти во всѣхъ монастыряхъ, съ обозначеніемъ количества владовъ и обязанностей монастыря относительно владчича <sup>2)</sup>.

Главнымъ мотивомъ въ этихъ обширныхъ надѣлахъ монастырей была та религіозность, которая проникла во всѣ побужденія древнерусскаго челоѣка. Монастырь представлялся ему осуществленіемъ высшаго идеала на землѣ. «Свѣтъ инокамъ—ангелы, говорили обыкновенно; свѣтъ же мірянамъ—иноки»; монашество казалось «лучше царской державы» <sup>3)</sup>. Понятно, какъ этотъ взглядъ долженъ былъ вліять на

<sup>1)</sup> Житія: Кирилла Новоезерскаго, Зосимы Соловецкаго, Арсенія Комельскаго, Даниила Перемыславскаго, Макарія Колязинскаго, Симона Воломскаго и Агапѣты Маркушевскаго.

<sup>2)</sup> Грамоты напечатаны въ Исторіи русск. іерархіи; Собр. госуд. грам. и договоровъ; въ Актахъ археографич. комис. См. изслѣд. Милютина, О недвижим. имущ. духовенства въ Россіи. 1859, IV, стр. 45—51.

<sup>3)</sup> Акты историч. I, № 204. Чтен. Моск. общ. ист. 1859, III, Разсужденіе Вассіана, стр. 1.

религиозныя побужденія того времени. Всѣ желанія религіознаго чело-  
вѣка направлялись къ будущей жизни, и потому въ большей части жа-  
лованныхъ грамотъ и записей говорится, что имущество или владѣ-  
дѣются на поминаненіе по душѣ <sup>1)</sup>. Если умершій не успѣвалъ сдѣлать  
распоряженія о назначенія вѣлада по душѣ, то родственники его сти-  
тали долгомъ назначить часть наслѣдства на поминъ по немъ <sup>2)</sup>. Кроме  
того въ жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются обязательства — помянуть  
о здравіи, или указывается, что извѣстный владѣ сдѣланъ по поводу  
счастливаго событія или исполненія намѣреній и предпріятій <sup>3)</sup>. У знат-  
ныхъ лицъ существовать обычай имѣть при нѣкоторыхъ монастыряхъ  
каль-бы родовыя кладбища, при чемъ они не упускали случая возна-  
градить эти монастыри <sup>4)</sup>. Другое важное побужденіе, заставлявшее  
жертвовать въ пользу монастырей, основывалось на томъ обычѣ, что  
пожертвованныя имущества должны-были служить вспоможеніемъ  
для бѣдныхъ <sup>5)</sup>. Такъ понимали ихъ назначеніе Максимъ Грекъ и  
Вассіанъ Косой, обличавшіе въ XVI в. злоупотребленія въ монастыр-  
ской жизни, прошедшія отъ владѣнія богатою поземельною собст-  
венностію.

Надѣль монастыря землею первоначально ограничивался тою мѣ-  
стностью, на которой онъ возникъ или ближайшимъ окрестнымъ участ-  
комъ; но съ теченіемъ времени, когда монастырь получалъ значеніе  
въ глазахъ общества, его территорія расширялась. Въ составъ мона-  
стырскихъ владѣній стали входить не только деревни и селенія, но  
даже города, острова и цѣлыя волости. Вскорѣ послѣ основанія оби-  
тели на островѣ Мучь—Лазарь получилъ въ Новгородѣ право на владѣ-  
ніе имъ и озеромъ Мурманскимъ; Зосимъ былъ уступленъ Соловецкій  
островъ <sup>6)</sup>; обитель Инокентія Охлѣбнина, основанная въ концѣ XV

1) Акты истор. I, 54, 84; Допол. I, № 111, II, № 74.

2) Акты истор. I, стр. 268—270; V и V 182, 200. Ав. юрид. № 126.

3) Акты историч. I, № 84; Допол. I, № 111. Вивлюевка, продол-  
женіе, V, 140—143.

4) Исторія іерархіи, II, стр. VII, VIII.

5) Невновск. лѣтоп. V, 33; Степен. кн. I, 159; Опис. Рум. музея, 281.

6) Опис. Троиц. лавры, 151. Завѣщаніе Лазаря въ Истор. іерархіи.  
Большество дворянъ по описи 1602 года. Опис. Солов. монасты. 48.

вѣка—въ половинѣ XVII имѣла за собою 130 дворовъ; за тремя пустынными монастырями, основанными во второй половинѣ XIV в. Аврааміемъ Чухломскимъ, въ половинѣ XVII в. считалось: за Успенскимъ 310 дворовъ поселянъ, за Великою пустынею 82 и за городецкимъ Порковскимъ монастыремъ 310 дворовъ. Чтобы яснѣе прослѣдить развитіе монастырской территоріи путемъ пожалованія, мы обратимъ вниманіе на образованіе монастырскихъ вотчинъ Соловецкаго монастыря. Въ 1459 г. новгородское вѣче, сверхъ Соловецкаго острова, пожаловало ему 3 большихъ острова (Анзерскій, Заяцкій и Музсалмы) и нѣсколько малыхъ, со всѣми ловами, тонами, пашнями, озерами и лѣсами. Иванъ III и Василій Іоанновичъ подтвердили эти земли за Соловецкимъ монастыремъ. Иванъ Грозный отличался особенною щедростію къ нему. Въ 1539 г. онъ пожаловалъ монастырю деревню, пустошь и два острова съ рыбными ловами и соляными варницами, всего 26 обжа земли; въ 1548 г.—волость въ 9 обжа, 8 соляныхъ варницъ и островъ съ 3-мя дворами; въ 1550 г.—деревню съ оброчною обжею и рѣчку Сорону съ оброками; наконецъ въ 1553, по просьбѣ игумена Филиппа и братіи, половину волости Сумы въ 78<sup>1</sup>/<sub>2</sub> обжа земли и съ 33 соляными варницами. Преемникъ его, Феодоръ Ивановичъ, пожаловалъ тому же монастырю, въ 1585 году, остальную половину Сумской волости, со всѣми деревнями, лугами и угодьями, а также съ принадлежащими въ ней по морскому берегу и на островахъ соляными варницами; въ томъ же году четверть волости Умбы, съ дворами, анбарами, мельницами, соляными варницами, рыбными и звѣриными ловами, лѣсами, полями, морскими тонами и озерами; въ 1590 г. волость въ Новгородскомъ уѣздѣ съ соловарнями и рыбными ловами; въ 1591 г.—четыре волости и находящійся въ одной изъ нихъ Муезерскій монастырь съ крестьянами; наконецъ, въ 1595 г.—Ницкій приморскій берегъ и мѣста мельничныя и дворовыя, принадлежавшія къ вологодскому подворью. Царь Михаилъ Феодоровичъ пожаловалъ монастырю, въ 1614 году, волость Шую корельскую и два лука между Кемью и Керетью съ крестьянами; въ 1617 г. двѣ волости, Пурнемскую и Лямецкую; въ 1630 г.—рѣчку Кужливую и рыболовную тонию на р. Онегѣ; въ 1635 году—четыре пустоши, сѣнные покосы близъ Онеги; рѣчку Удругу, деревню Исаковскую со всѣми угодьями и Понгомское озеро съ рѣчкою того же названія; въ томъ же году—Яренскій погостъ съ живущими въ немъ оброчными, бобыльскими и воячьими людьми и тра четверти

ности Керети съ жителями и со всеми угодьями; въ 1636 г. нѣскольکو орсннхъ тоней; наконецъ въ 1642 г. Волковскую деревню со всеми годьями, пожню, дворнще и половину Оленскаго озера. Въ царство-аніе Алексѣя Михайловича пожаловано: въ 1646 году три пожни, а въ 1650 во Всадыченскомъ усолыи—пожня со всеми угодьями. Фодоръ лексѣвичъ пожаловалъ: въ 1620 въ Устюгѣ Великомъ, на Красномъ бору двѣ пустоши и пашенную землю со всеми принадлежностями и крепянами. Иванъ и Петръ Алексѣвичи, въ 1683 году, назначили Со-овецкому монастырю деревню въ Важскомъ уѣздѣ съ правомъ заво-итъ солянныя варницы; въ 1684 г. дали ему въ оброчное владѣніе де-евню въ Яренскомъ уѣздѣ; въ 1686 г. пожаловали въ вѣчное владѣ-іе Орлецкія угодья съ известковымъ камнемъ, съ лѣсами и сѣнными окосами, а въ 1797 г. приписали къ нему Аврааміеву Чухломскую устунь съ принадлежащими къ ней землею и крестьянами. Съ цар-гованія Петра В пожалованія недвижимыхъ имуществъ въ Соловецкую обитель прекращаются<sup>1)</sup>. Изъ приведеннаго примѣра можно судить, какъ постепенно распространялась поземельная собственность пустыни, бравившейся въ монастырь, съ гражданскими правами частнаго зем-евладѣльца. Такъ было и съ другими извѣстными обителями. Въ этомъ отношеніи можно сдѣлать общее заключеніе: чѣмъ извѣстнѣе былъ осно-атель обители или монастыря, тѣмъ обширнѣе были его средства, хотя юслѣднее условіе часто расходилось съ личными воззрѣніями самихъ снователей. Кириллъ Бѣлозерскій не хотѣлъ принять и одной деревни въ какого-то боярина; въ обители Сергія Радонежскаго, по недостатку редствъ, писали на берестѣ; а самъ Сергіи отказался принять отъ ми-рополита Алексѣя даже крестъ, потому что онъ былъ золотой<sup>2)</sup>. Между ѣмъ, два столѣтія спустя, Бѣлозерскій монастырь и Троицкая лавра—или самыя богатыя обители въ Россіи<sup>3)</sup>. Такъ измѣнилось положе-

<sup>1)</sup> Акты экспедиціи, I, № 82, 353. Дополн. къ Акт. историческ. I, № 111. Лѣтописецъ соловец. Москва, 1833., стр. 19, 21, 23, 24, 47, 42, 44, 45, 47, 54—56, 60—62, 65—66, 76, 78, 83, 84. Обжа— 126 саж. въ длину и 32 саж. въ ширину. Двѣ обжи составили лукъ земли. Опис. Союв. монастыря, I, 47.

<sup>2)</sup> Житія: Сергія Радонеж. и Кирилла Бѣлозерскаго.

<sup>3)</sup> На основаніи жалованной грамоты Троицкому монастырю, утвер-

іе вещей отъ времени нѣ основателей. Такъ бывало обыкновенно: основатель монастыря служить въ ветхихъ крашеиновыхъ ризахъ, а преемники его уже облакаются въ золото <sup>1)</sup>.

Приобрѣтая поземельную собственность, монастырь становился членомъ гражданскаго общества, такъ какъ онъ могъ производить всѣ операціи частнаго землевладѣльца. Въ эпоху татарскаго ига, при не-обезпеченности частной собственности и покровительствѣ церковнымъ имуществамъ <sup>2)</sup>, многіе укрывались въ монастырь, избѣгая тяжелыхъ повинностей, и скрывали свое имущество подъ его защитою; а другіе просто передавали ихъ туда на сбереженіе. По смерти вступившаго въ монашество, его богатство обыкновенно становилось собственностію

жденной импер. Елисаветою, можно заключить, что до XVIII вѣка ему принадлежало около 1400 сель и деревень. См. Чт. Москв. общ. истор. 1865, IV; смѣсь, 123—151.

<sup>1)</sup> Соловьевъ, XIII, 58. Кромѣ надѣловъ поземельною собственностію, монастыри получали богатые язды утварью, драгоценными камнями, хлѣбомъ и деньгами. Эти пожертвованія давались обыкновенно съ религиозными цѣлями и главнымъ образомъ на поминъ по душѣ. Съ половины XVI в. до конца XVII Соловецкій монастырь получалъ отъ правительственныхъ лицъ и извѣстныхъ фамилій деньгами всего 14,257 рубл. сереб. и 632 золотыхъ. (Опис. Солов. монаст. стр. 225—230). По какимъ побужденіямъ и въ какихъ размѣрахъ совершалось иногда обогащеніе монастыря—можетъ служить примѣромъ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. При Алексѣѣ Михайловичѣ были открыты мощи Саввы—я потому его обитель сдѣлалась любимою у царя. Сюда онъ часто ѣздилъ на богомолье, охотиться въ окрестныхъ лѣсахъ и имѣлъ тамъ дворецъ на случай прѣзда, при чемъ щедро одаривалъ братію. Несчастая вотчинъ, съ 1650—1668 г. онъ пожертвовалъ на монастырь до 36000 руб. и до 10000 роздалъ братіи. Смирновъ, Опис. Сторожевскаго монастыря.

<sup>2)</sup> Ханы угрожали смертною казнію нарушителямъ церковныхъ правъ. Григорьевъ, О достовѣрности ярыковъ. Милютинъ, О недвиж. имущ. духовен. въ Россіи. Чт. Моск. общ. истор. 1859, IV, 38, 39, 1860, III, 214—219, 212, 213. Тоже можно сказать и о правленіи Іоанна Грознаго. По поводу замѣтнаго увеличенія монастырскаго имущества Бѣляевъ говоритъ: «Это сильное увеличеніе церковныхъ земель вѣроятно образовалось не изъ однихъ добровольныхъ пожертвованій, а напротивъ, большая доля ихъ составила покупками явными или тайными; ибо частные владѣльцы, по случаю севебрацій и по другимъ причинамъ, находятъ не безопаснымъ владѣть поземельными имѣніями, оче-

монастыря<sup>1)</sup>. Удовлетвореніе каждой духовной потребности также осуществлялось съ денежными пожертвованіями и вкладами. Такимъ образомъ въ монастыряхъ скопились денежные богатства, которые отдавались за известныя проценты (обыкновенно за пять шестой) въ пользованіе частнымъ лицамъ, подъ закладъ частной собственности. Въ такомъ случаѣ писалась закладная, которая, по прошествіи срока, назначеннаго для платежа, обращалась въ купчую; самое же имѣніе, отданное въ закладъ, предоставлялось, по большей части, во владѣніе монастырю, вмѣсто процентов<sup>2)</sup>. Основываясь на числѣ этихъ закладныхъ XV—XVIII вѣковъ, замѣчаетъ Милютинъ, специально изслѣдовавшій этотъ вопросъ, можно предположить съ вѣроятностію, что довольно значительная часть церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ перешла въ руки духовенства именно этимъ путемъ<sup>3)</sup>. Но монастыри имѣли право приобретать вотчины и покупкою у другихъ лицъ<sup>4)</sup>.

Въ слѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ монастырская поземельная собственность въ XVII вѣкѣ уже составляла порядочную цифру въ общей территоріи Московскаго государства. По словамъ Котляшова, во владѣніи патріарха, четырехъ митрополитовъ, десяти

видно старались сбывать ихъ продажей въ другія руки, покупателей же изъ частныхъ лицъ вѣроятно было немного, ибо таже опасность, которая заставляла продавцевъ сбывать имѣнія, удерживала покупателей отъ приобретенія имѣній. А потому главными покупателями поземельныхъ имѣній необходимо были монастыри, ибо имъ не грозилъ ни съестрашій, ни другія опасности при владѣніи поземельными имѣніями; слѣдовательно покупка имѣній, за недостаткомъ конкуренціи, была для нихъ прямо выгодною и сходною: они приобретали имѣнія по самымъ дешевымъ цѣнамъ, особенно ежели покупка была тайная, подъ видомъ отказа на поминъ по душѣ, на церковное строеніе и т. п. Этимъ Вѣллевъ объясняетъ изданіе указа 1573 г., которымъ запрещалось распространеніе монастырской поземельной собственности, особенно богатыхъ монастырямъ, которые вѣроятно были обычными покупателями частныхъ земель; ибо въ указѣ бѣднѣе монастыри, какъ немогшіе покупать большихъ владѣній, не подвергались такому запрещенію. Временникъ Моск. общ. истор. предисл. къ Расход. и Приправоя. книг. № 13, с. VII.

<sup>1)</sup> Акты историч. I, № 24.

<sup>2)</sup> Акты юрид. № 232, 234, 236—238, 241, 243, 249, 254, и т. п.

<sup>3)</sup> Изслѣд. Милютина, *ibid.* 1859, IV, 402.

<sup>4)</sup> Акты юрид. XXII, XXIV—XXVII, XXIX—XXXII. № 71, 72, 6, 12, 77, 80, 85, 88—90. Акты экспед. I, № 20, 36, 68, 246. Акты истор. I, № 74, 215. Карамз. V, 347.

архидієвоповь, одного епископа и монастырей, въ царствованіе Алексея Михайловича, находилось около 118,000 дворовъ <sup>1)</sup>, изъ числа которыхъ на монастыри онъ относитъ 83,000 дворовъ <sup>2)</sup>. Но есть основанія предполагать, что пространство монастырской территоріи было гораздо шире <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Котошихинъ, о Россіи, 114.

<sup>2)</sup> Ibid. 115.

<sup>3)</sup> Въ половинѣ XVIII в. (по переписи 1744 г.) т. е. когда монастырская поземельная собственность уже не распространялась, за вышешю іерархією и монастырями считалось 824,599 ревизскихъ душъ (464,414 человекъ за первую и 660,185 человекъ за послѣдними. Исторія іерархіи, VI. 1055—1095). Уменьшая это число на  $\frac{1}{5}$ , какъ процентъ возрастанія населенія въ столѣтіе (ср. Моро-де-Жондесъ, Началныя основанія статистики, стр. 384, и Лешковъ, Русскій народъ и государство, стр. 271 и 272), для XVII в. мы получимъ 659, 680 душъ. Принимая же во вниманіе, что въ XVI и XVII вв. количество дворовъ обыкновенно соотвѣтствовало числу населенія мужескаго пола и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣднее возвышалось на  $\frac{1}{6}$ ,  $\frac{1}{4}$ ,  $\frac{1}{3}$  и вѣрѣе было вдвое болѣе (См. Писцовыя новгородскія книги, Временникъ № VI, Переписная окладная книга Вотской пятины, Временникъ, № XI и XII. Приправоч. книга, № XIII. Невольинъ, О пятинахъ новгородскихъ, стр. 45, 46, 74, 164 и друг. Дополн. въ истор. акт. VI, 369, 396. Опись городовъ 1677 года у Соловьева, XIII, прилож. стр. XVI. Ср. Лешковъ, Рус. народъ и государ. 271 и 272). мы получимъ, даже при уменьшеніи вдвое, 329,840 дворовъ. (Скромная цифра Котошихина объясняется его приблизительною оцѣнкою (стр. 115). Въ половинѣ XVII вѣка всѣхъ дворовъ въ Россіи полагаютъ до 5,000,000; а чтобы получить общую цифру населенія слѣдуетъ утроить количество дворовъ (Лешковъ, 271, 272). Уже въ XVI вѣкѣ существовало мнѣніе объ обширности монастырской территоріи, конечно принимая во вниманіе не только мѣста населенныя, но и пустопорожныя, важныя для монастырей по своимъ угодіямъ и временнымъ промысламъ. Такими именно были земли на сѣверѣ. Адамъ Климентъ, посѣтившій Россію въ 1553 г., говоритъ утвердительно, что въ это время монастырскія имѣнія составили уже  $\frac{1}{3}$  всего государства: «Plurima ibi extant terra Basilianorum coenobia. His magni sunt agrorum redditus. Nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi». *Res. moscoviticar. Commentarii. Scriptores varii. Francof. 1600.* Іоаннъ Грозный въ рѣчи въ духованству, приведенной у Горсея и въ подлинности которой онъ ручается, говоритъ, что «духовенство владѣть, какъ оказывается, третью частью государства». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это отношеніе въ пользу церкви еще болѣе возрастало. Наприм: въ Горетовомъ станѣ Московскаго уѣзда въ 1586 г. подъ помѣстьями и вотчинами было 5780



Влады обширною земельною собственностью, монастыри оказали большое влияние на распределение русского населения. Пожалование воцмнъ духовенству и въ особенности монастырямъ давало возможность заводить и разработать такіа земли, которыя оставались безъ всякаго употребленія, и потому князья, при своихъ пожалованіяхъ, почти всегда ставили, какъ условіе даренія, заселеніе земель купленными людьми, или людьми свободнаго званія. Въ тѣхъ случаяхъ князья только ограничивали числомъ изъ своихъ вотчинъ и часто ставили непремѣннымъ условіемъ — приглашеніе людей изъ другихъ удѣловъ; очевидный результатъ на заселеніе своего края. Съ этою цѣлью, крестьяне, перешедшіе на пустоши и угодья вновь устроеннаго или жалуемаго монастыря, освобождались отъ всякихъ повинностей на 3, 5, 10, а иногда и 20 лѣтъ <sup>1)</sup>. Успѣвшихъ крестьянъ старались переселить новыми льготами <sup>2)</sup>; а поселившихся на монастырской землѣ старались удержать влателькомъ за прожитое время и пользоваться льготами, помѣщенными въ для другихъ земельладѣльцевъ <sup>3)</sup>. Въ вѣствѣ съ тѣмъ монастыря получали обширныя привилегіи на свои владѣнія: они и ихъ крестьяне освобождались отъ податей и пошлинъ (всѣхъ или нѣкоторыхъ); они пользовались правомъ сбора податей и пошлинъ

четвертей пахатной земли; порожней и оброчной земли, находившейся въ вѣдѣніи правительства, было 8630 четвер., а церковныхъ земель — 9422 четверти. Приказоч. книга, Временникъ, № XIII. Въ савульской погостѣ Вотской пятины, на 144 деревни приходилось 99 монастырскихъ. Временникъ, № XII. Примѣромъ въ надѣлѣ русскихъ монастырей недвижимою собственностью служила восточная церковь, на авторитетъ которой въ этомъ случаѣ постоянно ссылалось русское духовенство. Вскорѣ по смерти Константина В. византійская церковь владѣла уже въ каждой области  $\frac{1}{4}$  всей земли (Planck, Gesch. der christlich-kirchl. Verfassung, I, 281). Даже Афонская гора, которая служила для Россіи высшимъ образцомъ духовной жизни, владѣла богатою недвижимою собственностью (см. Указатель актовъ, хранящихся въ архивѣхъ Афон. горы, Жур. мѣн. нар. просв. 1847, № 7 и 8). Только представители свѣтской жизни, какъ мы видѣли, стояли на противоположной сторонѣ. Западная церковь въ XI вѣкѣ владѣла  $\frac{3}{4}$  всей государственной территории (Laurent, La Parauté et l'Empire, p. 96).

<sup>1)</sup> Акты историч. I, № 13, 25, 28, 33; Дополн. въ истор. акт. I, 206, 188, 200, 224, 132; Акты экспед. I, № 17, 18, 20, 21, 23, 79, 99.

<sup>2)</sup> Акты историч. I, № 25.

<sup>3)</sup> Акты археогр. экспед. I, № 225. Ср. Судебникъ Іоанна III, Акты истор. I, № 115, стат. 155 и Судебникъ Іоанна IV, стат. № 158, стат. 88.

съ другихъ, не подведомственныхъ имъ лицъ; самъ избавляясь отъ  
 подсудимости мѣстнымъ воеводамъ, свѣтскимъ и духовнымъ (впрочемъ  
 не всѣ); монастыри получали право суда и расправы надъ людьми, жи-  
 вущими на ихъ земляхъ (иногда не только въ дѣлахъ гражданскихъ,  
 но и уголовныхъ); право — призывать виновныхъ въ обществѣ ихъ во вся-  
 кій срокъ, а крестьяне ихъ могли призываться только въ опредѣлен-  
 ный; монастыри избавлялись отъ законной ответственности за смерт-  
 ные случаи, происшедшіе въ нихъ самимъ. Многие монастыри получали  
 право держать шатры для ноушки и продажи лошадей; освобождались  
 отъ проѣзда чрезъ ихъ села княжескихъ чиновниковъ, выдачи имъ корма,  
 подводъ и проводниковъ, ютъ иарель, братчины и свомороховъ<sup>1)</sup>. Въ  
 тотъ вѣкъ, когда слишкомъ рѣзко проявлялъ себя личный произволъ  
 сильнаго<sup>2)</sup>, крестьяне охотно шли на земли богатаго землевладѣльца,  
 подъ защитою котораго они могли освободиться отъ нарядовъ тогдаш-  
 ныхъ приставовъ и сборщиковъ дани. При бѣдности тогдашнато насе-  
 ления вообще и случайности его средствъ существованія — для многихъ  
 жизнь подъ кровомъ богатаго, хоть сколько-нибудь обезпеченная, пред-  
 ставлялась лучшимъ исходомъ въ сравненіи съ бѣдственнымъ существо-  
 ваніемъ на собственной землѣ. Въ XVII в. многие продавали себя  
 за три рубля на всю жизнь, а другіе закладывали свои семейства. Число  
 дворни у московскаго аристократа того времени иногда доходило до  
 1000 человекъ. Тѣ же побужденія влекли и на монастырскія земли,  
 гдѣ огромныя льготы и привилегіи могли еще болѣе обезпечить кре-  
 стьянина. Поэтому, «даже люди свободнаго состоянія: посадскіе и уба-  
 ные, охотно записывались закладчиками за монастырями».

Въ распредѣленіи населенія на монастырскихъ владѣніяхъ суще-  
 ствовала довольно правильная пропорція въ отношеніи къ самимъ мо-  
 настырямъ. Чѣмъ извѣстнѣе былъ монастырь, тѣмъ болѣе большимъ поземель-  
 нымъ надѣломъ владѣлъ онъ и тѣмъ болѣе большими правами и привиле-  
 гіями пользовались его земли. Съ другой стороны, большія привиле-  
 гіи этихъ монастырей естественно должны были привлекать крестьян-

<sup>1)</sup> См. вообще жалованныя грамоты, въ Актахъ историческихъ, До-  
 полненіяхъ къ историч. актамъ и Акт. археографич. экспедиція.

<sup>2)</sup> Fletcher, I, 183, 153, 97, 190—122, 136—138, II, 176. Назоновокъ  
 лѣт. VII, 48. Курбскій, 182. Полн. собр. рус. лѣт. IV, 304.

еяе населеніе на ихъ земли. Въ этомъ случаѣ существовала обычная конкуренція. Указъ статистически это движеніе населенія нѣтъ возможности, по недостатку числовыхъ данныхъ; но возможно сдѣлать нѣкоторыя соображенія, приближающіяся къ действительности.

Общее число крестьянъ на монастырскихъ земляхъ представляетъ замѣчательную градацію.

Троицко-Сергіевъ монастырь имѣлъ за собою	106,600	ревизскихъ душъ.
Успенскій-Трафимовъ . . . . .	23,859	— — —
Кярילו-Бѣлозерскій съ приписными . . . . .	21,890	— — —
Саввино-Сторожевскій . . . . .	16,047	— — —
Московскій Сямонъ . . . . .	12,146	— — —
Іосифовъ-Волоколамскій . . . . .	11,422	— — —
Пафнутаевъ-Боровскій . . . . .	11,067	— — —
Судальскій Спасо-Евѣиміевъ . . . . .	9,787	— — —
Троицко-Козлявскій . . . . .	8,481	— — —
Борисоглебскій на Уетѣ . . . . .	6,785	— — —
Нязольскій Корельскій . . . . .	6,214	— — —
Хутынский . . . . .	5,509	— — —
Соловецкій . . . . .	5,180	— — —
Бѣжецкій-Антоніевскій . . . . .	4,620	— — —
Псково-печерскій . . . . .	3,919	— — —
Сѣвскій Антоіевъ . . . . .	3,333	— — —
Макарьевскій-Унженскій . . . . .	3,031	— — —
Высоцкій . . . . .	2,963	— — —
Корнилевъ . . . . .	2,803	— — —
Спасо-Прилуцкій . . . . .	2,798	— — —
Галицкій Пансіевскій . . . . .	2,443	— — —
Павловъ-Обнорскій . . . . .	2,277	— — —
Новоторжскій-Борисоглебскій . . . . .	2,232	— — —
Терапонтовъ . . . . .	2,151	— — —
Спасо-Каменный . . . . .	1,718	— — —
Московскій Андроніевскій . . . . .	1,682	— — —
Андріановскій . . . . .	1,486	— — —
Смоленскій Аврааміевъ . . . . .	1,427	— — —
Желтово-Боровскій . . . . .	1,361	— — —
Александро-Свирскій . . . . .	1,168	— — —

Бѣллицъ-Троицкій . . . . .	972	ревицкихъ душъ.
Кирилло-Новозерскій . . . . .	816	— — —
Пошехонская-Выссенская пустынь . . . . .	697.	— — —
Глушицкій . . . . .	670. <sup>100</sup>	— — —
Александро-Ошевенскій . . . . .	657.	— — —
Клюпскій . . . . .	649. <sup>87</sup>	— — —
Сольвычегодскій . . . . .	518.	— — —
Божозерскій . . . . .	442.	— — —
Спасскій-Инновентуръ . . . . .	416.	— — —
Зосимо-Саватіева Оланская пустынь . . . . .	377.	— — —
Крыпецкій . . . . .	366.	— — —
Лисицкій . . . . .	343.	— — —
Никандрова пустынь . . . . .	319.	— — —
Маркушевскій . . . . .	290.	— — —
Антонія Дымскаго . . . . .	157.	— — —
Усть - Недумскій . . . . .	126.	— — —
Саввы Вышерскаго . . . . .	125.	— — —
Сойгинская пустынь . . . . .	112.	— — —
Юрьегорскій . . . . .	103.	— — —
Кенскій . . . . .	95.	— — —
Александра Куштскаго . . . . .	60.	— — —
Ломовскій . . . . .	36.	— — —

27,464

Итакъ далѣе — общая цифра понижается до 1. Мы представили этотъ рядъ монастырей съ соответствующимъ количествомъ крестьянъ для примѣра, и потому съ значительными пропусками. Въ женскихъ монастыряхъ эта цифра далеко ниже. Больше другихъ имѣтъ за собою крестьянъ московскій Вознесенскій монастырь — и всего только 15,581 <sup>1)</sup>. Перевѣсъ численности крестьянъ въ пользу большихъ и извѣстныхъ монастырей очевиднъ. Конечно, здѣсь много значило пожалованіе крестьянъ въ эпоху ихъ закрѣпленія и перевѣсъ поземельной собственности, естественно имѣвшей въ своихъ предѣлахъ и большее населеніе.

<sup>1)</sup> По ревизіи 1744 г. Истор. іерар. VI, отд. II, 1055—1095. Ср. съ друг. вѣдомост., приведенными въ статьѣ: «Нѣсколько цифръ изъ статист. русск. церкви XVIII столѣтія». Труды Кіев. дух. академіи 1867 г. іюнь.

На движение населения по преимуществу на земли монастырей, пользовавшихся стремными льготами, не подлежат сомнѣнію. XVI и XVII вѣка, время образованія Московскаго государства, были эпохою броженія русскаго населенія. Государственными новинами, случайности войны и финнскіи Сѣдетиа, при идвоомъ эконоическомъ состояніи страны и недостаткѣ мѣстныхъ предствъ, тяжело возмѣлись на народъ — и потому мы видимъ, что дѣлаи стали и поселии пустѣли въ одностъ мѣстѣ и возмѣняли новыи поселенія въ другостъ 1). Напр. Муромскія поселии въ 1574 г. счѣтаи: тяглыхъ чернскихъ дворовъ 411, пустыхъ дворовъ — 167 и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 520; между тѣмъ восемь лѣтъ назадъ тамъ было 587 населенныхъ дворовъ. Прежде одѣихъ занитиыхъ лаваръ было 203, а теперь только 17 — и все пустыя 2). Также замѣчательное возмѣненіе населенія представляеть описаніе одного стана Вятскаго уѣзда: въ 1628 году тамъ было 44 деревни и 23 починокъ; а въ нихъ живыхъ дворовъ — 100 и 106 человекъ; въ 1645 г. тамъ оказалось 103 деревни, а между дворовъ 299 и въ нихъ 1055 душъ; наконецъ въ 1657 г. въ томъ же станѣ было 58 деревни, 44 починокъ, живыхъ дворовъ — 128 и въ нихъ 714 человекъ 3). Въ XVI в. во московской дорогѣ изъ Архангелска, на пространствѣ болѣе 100 английскихъ миль, отдѣляющихъ Вологду отъ Ярославля, путешественники встрѣчали не менѣе 50 деревень, одѣ въ 1 1/2 миль, другія въ двѣ миль дланюю, которыя оказывались опустѣлыми и безъ жителей. Тоже самое, но замѣчательно Флетчера, было и въ другихъ частяхъ государства 4). А послѣ опустѣланю времени, фактъ съ полями, народными вощеніи и моровыхъ по-вѣтрій первой половины XVII в., на пространствѣ 500 верстъ, едва мож-но было встрѣтитъ 10 женщинъ и одного мужчину 5). При такихъ об-стоятельствахъ, свободному населенію естественно было предположить тѣ мѣстности, въ которыхъ они могли пользоваться болѣе обезпече-нымъ положеніемъ; а между такими перво мѣсто заняли монастыр-

1) О большомъ передвиженіи населенія въ XVI в. см. Писцовыя книги Новгородъ и Окладную книгу Вятской пятины. Временникъ, № VI, XI, XII.

2) Соловьевъ, VII, 45.

3) Дополн. къ исторіи, актамъ, IV, 76.

4) Fletcher, I, 136.

5) Коллинсъ, 13.

скія вотчины. Дѣйствительно, сюда наиболее сгруппированы только крестьянскія, но и посадскія. Это ясно всего можно видѣть на вотчинной Троицкой лаврѣ. Близость ея къ политическому центру — Москвѣ, свѣдѣнное уваженіе къ памяти ея основателя и постоянное участіе ея въ судьбахъ Московскаго государства, дали безусловное преимущество этой обители надъ всеми остальными. Благодаря этому, она сосредоточивала въ своихъ рукахъ наиболее вотчинныя, болѣе другихъ пользовалась льготами и привилегіями, а потому на ея земляхъ сохранились наиболее крестьянскія. Даже въ то время, когда стали ограничивать приобрѣтеніе монастырями поземельной собственности, Троицкая лавра обыкновенно исключалась изъ этихъ мѣръ <sup>1)</sup>. Числовыя данныя лучше всего показываютъ результаты такого порядка вещей. Въ то время, когда обыкновенно мы встрѣчаемъ деревни, въ которыхъ значилось по три, по два, и по одному двору; а села, даже съ церквками, имѣли всего по десяти дворовъ <sup>2)</sup>, инна 17, такъ что, принимая общую цифру дворовъ, можно допустить среднюю населенность ихъ въ 7 или 8 дворовъ <sup>3)</sup> — вотчины Троицкой лавры представляли весьма замѣчательное исключеніе. На 1400 селъ и деревень, насчитанныхъ нами въ подробномъ актѣ XVIII в. <sup>4)</sup> и которыя по времени приобрѣтенія почти все относятся до конца XVII вѣка, приходится 100,000 крестьянъ, следовательно по 70 человѣкъ на каждое селеніе, а уменьшая на  $\frac{1}{5}$ , для XVII вѣка получимъ 56 человѣкъ. Подобный же примѣръ обшарнаго заселенія земли подъ влияніемъ монастыря представляетъ близверскій край. Это мѣсто, по словамъ биографа Кирилла Блудерскаго, до основанія обители было пусто и скудно для жизни; тамъ была большой боръ и лѣсная чаща, такъ что совсѣмъ не было землицъ. Но когда обитель Кирилла стала известною — въ окрестной пустынѣ образовалось до 303 поселеній. Она преимущественно возникла на монастырскихъ вотчинахъ, пожалованныхъ монастырю князьями и княгинями <sup>5)</sup>. Особенно много деревень основали въ лѣсу первые

<sup>1)</sup> О недвижим. имущ. духовен., Чтен. Моск. общ. истор. 1860, III, 137.

<sup>2)</sup> Временникъ, № XIII, 58.

<sup>3)</sup> Лешковъ, Русскій народъ и государство, 271.

<sup>4)</sup> Жалов. грам. Троиц. мон. импер. Елисавет. Чтен. Моск. общ. ист. 1865. IV. Смѣсь.

<sup>5)</sup> Акты историческіе, I, стр. 299.

три игумена, следовавшие за Кириллом<sup>1)</sup>. Малонаселенная деревня, уступленная монастырю, быстро распространилась. В конце XVIII в. на р. Сорокъ стояла деревня, состоявшая из двух км. дворов. В 1542 г. Иоаннъ Грозный, по просьбѣ оловозцаго игумена Филиппа, уступилъ ее монастырю, съ правомъ суда для тѣхъ, кто съвѣтъ имѣть на дн. Сорокъ<sup>2)</sup>. Въ писцовыхъ книгахъ 1582—1583 г. деревня эта названа: уже погосномъ, въ которомъ были царовныя двори, двора монастырскіи, принадлежавшіи монастырскимъ рыболовамъ и несколько крестьянскихъ дворовъ. Но къ погосту причислялись еще небольшие деревни или выселки, равнощенныя землѣ погоста<sup>3)</sup>. Въ XVII в. на этомъ мѣстѣ была уже волость, въ которой жили волостные люди: старосты, выборные, тяглые люди, бобыли, возани и всякіе земледѣи<sup>4)</sup>. Это влеченіе на монастырскія волости было тѣмъ сильно, что иногда помещики в села пустѣли, и правительство принуждено было насильно возвращать крестьянъ, перешедшихъ отсюда на монастырскія земли, такъ какъ оставшіеся тяжело были нести повинности<sup>5)</sup>.

Съ богатыми монастырями трудно было спорить частнымъ владельцамъ, на земляхъ которыхъ мѣше одетными крестьяне, а зѣты вешо-средствено отражалась на распредѣленіи государственныхъ повинностей. Поэтому еще въ XVI вѣкѣ было жестоко ограничено распространенію монастырской поземельной собственности, возмѣртованіе которой было замѣнено выдачею изъ казны соотвѣтствующей стоимости<sup>6)</sup>. Но общаѣ были сильнѣе, и надѣлъ монастырей землями продолжался попрежнему. Тогда же была сдѣлана попытка къ ограниченію льготъ, которыми пользовались монастырскія земли, и явъ вѣнчѣ видно, что исключительное положеніе послѣднихъ имѣло большое вліяніе на приращеніе крестьянъ. Въ соборной грамотѣ 20 іюля 1584 г. ясно проведено тотъ мотивъ, который потомъ постоянно служилъ поводомъ къ удержанію крестьянъ на мѣстѣ. Въ ней говорится: «Совѣтовалось мнѣ

1) Акты экспедиціи, I, стр. 474.

2) Правосл. соб. 1860, II, 270.

3) Невелинъ, О пятинахъ новгородскихъ, стр. 168. Среднее количество населенія погоста полагаютъ въ 2000 чел. Лещковъ, 271.

4) Акты экспедиціи, IV, 232.

5) Ibid. I, № 201.

6) Указы 1572 и 1581 гг. Акты историч. I, № 154 и Акты экспед. I, № 308.

и перешли, чтобы впередъ тарханамъ не быть; земли митрополитичья, архіепископскія, епископскія и монастырскія въ тарханамъ и никакой цѣрковной дани и земскихъ налоговъ не платить, а монастырскіе служилые люди: эти земли ошлучиваютъ; отсюда производить большое запустѣніе въ нѣхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ; а крестьяне, вышедъ отъ служилыхъ людей, живутъ за тарханамъ въ милотѣ; и оттого производилъ великая нужда вонючихъ людей. И потому, ради великаго нужды и нищеты вонючихъ людей, имъ удовольствіе и т. д. 1). Однако, не смотря на несидевшее за тѣмъ прикрѣпленіе крестьянъ, они достойно уехали на монастырскія вотчины. Поэтому, въ теченіе всего XV вѣка, ни встрѣчаемъ безпрестаннымъ заботы великихъ владѣльцевъ, городскихъ и помещичьихъ жителей на огромныя льготы монастырей, на побѣги въ нѣхъ крестьянъ и на умышленное уривательство послѣднихъ; которое только способомъ избѣгали общихъ военностей. Замѣчательно, что во войскъ этихъ жалобакъ монастыри обращались наряду съ богатыми владѣльцами 2). Только образомъ между монастырей находившихся въ подобныя условія и монастырскія въ его первоначальномъ видѣ, когда она еще была подъ руководствомъ своего основателя, — лежала глубочайшая пропасть. Пустынянскъ, пожившій остраникъ обители — откинулся отъ всякой собственности и отъ людей; а иже только новелшій спустя его обитель стояла на ряду съ богатыми землевладѣльцами и была окружена болѣе многочисленнымъ обществомъ въ сравненіи съ тѣмъ, какое могло ему встрѣтиться въ мирѣ.

Если такой ходъ вещей отразился современемъ на нравственности самихъ монастырей и народномъ хозяйствѣ; то все-таки нельзя отрицать, что въ общемъ развитіи монастырской собственности была и другая сторона, важная въ колонизаціи сѣверо-восточнаго края Россіи. Монастырскія дѣлавались, но большей части, земли пустыя, неосвоенныя, необработанныя, охраняемыя тотъ самый видъ, въ которомъ онъ вышелъ изъ рукъ природы. При первоначальномъ неустройствѣ экономическихъ отношеній, при воинственномъ направленіи тогдашняго общества, при отсутствіи личной и вещественной безопасности — слѣдствіемъ гражданскаго неустройства и безпрестанныхъ войнъ, внутреннихъ и вѣнскихъ, земли эти, по всей вѣроятности, долго не вышли-бы изъ

1) Собр. государ. грамот. и договор. I, № 202.

2) Анти историч. III, № 92; IV, № 178; V, № 33; Анти арх. экспед. IV, № 33.



своего первобытнаго состоянія, если бы онѣ не попали въ руки монастырей, которые усердно занялись ихъ заселеніемъ и разработкою. Въ этому ихъ побуждали — собственная выгода и необходимость извѣчь какую-нибудь пользу изъ имуществъ, которыя сами по себѣ составляли только мертвый, бесплодный капиталъ. Притомъ монастыри скорѣе всѣхъ другихъ могли вѣзаться за подобное предпріятіе и отвергнуть его съ усиліемъ; они находились въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ чѣмъ всѣ другія сословія. Они были гораздо менѣ отвлекаемы отъ своихъ занятій, нежели другіе классы народа; во-вторыхъ, они своей войнѣ и безопаснѣе другихъ владѣли своими вотчинами и менѣе всѣхъ терѣли отъ главнаго бѣдствія тѣхъ временъ — отсутствія личной и общественной безопасности. Князья, въ своихъ непрерывныхъ раздорахъ оказывали болѣе пощадъ церковному имуществу, чѣмъ мірскому; даже монголы щадили вотчины духовенства; а отъ притѣсненій гражданскихъ чиновниковъ и сильныхъ людей — монастыри, въ слѣдствіе принадлежащихъ имъ привилегій, скорѣе могли защититься, нежели частныя лица. Данное монастырямъ право призывать крестьянъ въ свои вотчины облегчало имъ возможность заселенія принадлежавшихъ имъ пустошей, а многочисленныя привилегіи, которыя предоставлены были крестьянамъ духовнаго вѣдомства, привлекали на монастырскія земли множество людей и содѣйствовали къ прочному и постоянному водворенію ихъ на монастырскихъ владѣніяхъ. <sup>1)</sup>

Таковы практическіе интересы, заставлявшіе крестьянъ переходить на монастырскія земли, по преимуществу лежащія въ мѣстахъ пустынныхъ и еще необработанныхъ; но было и другое побужденіе, увлекавшее туда русскихъ поселенцевъ. Они шли по чувству религіознаго, изъ уваженія къ прославившемуся своими подвигами отшельнику, считая мѣсто его подвиговъ предназначеннымъ для жизни, и его избѣрали своимъ хранителемъ и наставникомъ. Такъ заводились въ пустыни *починки* и *выселки*, обращающіеся современемъ въ многочисленныя селенія. Вокругъ обители Ефрема, построенной на берегу р. Тверцы, образовалось большое поселеніе Новый Торжокъ, сдѣлавшееся промышленнымъ пунктомъ <sup>2)</sup>. Возлѣ Архангельскаго монастыря въ 1584 г. возникъ городъ Архангельскъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка даже въ Московской области были еще огромныя пустынные пространства, и въ первый

<sup>1)</sup> Ср. Чтен. Моск. общ. ист. 1864, в. I, стр. 393.

<sup>2)</sup> Макарій, Истор. церкви, I, 160.

13-й вѣтъ пустынной жизни Сергія Радонежскаго въ его келіи вела только тропинка по лѣсамъ; но потомъ, по словахъ его біографа Епифанія, люди непопадали деревьямъ, образовали селенія и устроили много дворовъ. Тогда была проложена и дорога мимо монастыря изъ Москвы въ сѣверные города <sup>1)</sup>. Впрочемъ еще и при преемникѣ Сергія, игуменѣ Никонѣ, лѣса были такъ глухи, что по рѣкамъ ловили бобровъ <sup>2)</sup>. Но съ постояннымъ возвышеніемъ Троицкой обители, ея окрестности быстро заселялись, такъ что въ XVII вѣкѣ тамъ было уже многолюдное населеніе. До Сергія здѣсь была непроходимая пустыня, говорить троицкій веларь Симонъ Азарьянъ, а теперь всѣ видятъ вокругъ обители ширскія поля, села и деревни многолюдныя. Прежде здѣсь и тропинки не было для людей, а теперь явились большія дорбги и проѣзды, открытій для всѣхъ, днемъ и ночью. До Сергія это мѣсто было безводное; но съ тѣхъ поръ множество источниковъ открыто въ окрестности обители. Множество гадювъ и змѣвъ нарушали безмолвнѣйшій покой Сергія, а теперь вы не встрѣтите ихъ на 10 поприщъ вокругъ нея. И на сколько умножалось населеніе въ обители и слободахъ, на столько и все улучшалось. Прежде не было столько и деревьевъ въ рощахъ, сколько теперь людей въ слободахъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были обширныя рощи <sup>3)</sup>. На сколько это мѣсто служитъ доказательствомъ обширнаго значенія монастырской колонизаціи вообще; на столько подтверждаетъ и проведенную нами выше мысль, что вотчины монастырскія представлялись съ населеніемъ болѣе густымъ, нежели обыкновенныя поселенія. До основанія монастырей Герасимомъ Болдинскимъ — на р. Бергѣ и въ дорогобужскомъ лѣсу не было никакого жилья; но современіи основанія ихъ въ этихъ мѣстахъ — возлѣ нихъ стали возникать селенія и деревни. Трифонъ Печенгскій способствовалъ заселенію русскими волоніями р. Печенги. Макарій Желтоводскій, выйдя изъ татарскаго плѣна, привелъ съ собою множество христіанъ на р. Унжу (жизнеописатель его выражается: *народъ*), на которой тогда стоялъ одинъ городъ и мало было селъ и деревень. Соловецкій островъ сталъ заселяться со времени Савватія; а до него тамъ никогда ни жили люди;

1) Никонаевъ. лѣтоп. IV, 221.

2) Акты экспедиціи, I, 16.

3) Предисловіе Симона Азарьяна въ житію Сергія, Временникъ, № X, смѣсь, стр. 7 и 8.

но только по временам посвящая и его рыболовы 1). Въ біографіяхъ пустынниковъ сѣверной Россіи мы часто встрѣчаемъ извѣстія о томъ, что еще при жизни ихъ вокругъ избраннаго ими мѣста селилось много пришельцовъ. Самое слово *обитатель* выражаетъ понятіе о жилищѣ въ противоположность пустынь, которой посвящали себя ея основатели.

Конечно, для новыхъ поселенцевъ важны были условія мѣстности, а мы видели, что почти всѣ монастырскія колоніи образовались въ мѣстахъ удобныхъ для жизни: лѣсъ, вода и луга составляли необходимую принадлежность этихъ поселеній. Для дальнѣйшаго же развитія ихъ важно было также, что они основывались при впаденіи одной рѣки въ другую, при устьи или лукѣ рѣки. Иногда избранная мѣстность была окаймлена множествомъ озеръ. Рѣки и озера — даламъ рыбу, а лѣса — звѣрей, два главныхъ предмета торговли древней Россіи. Таковы были первоначальныя условія монастырскихъ поселеній 2). Но уже

1) Житія: Герасима Болдинскаго, Трифона Печангскаго, Макарія Желтоводскаго и Савватія Соловецкаго.

2) А такъ какъ основатели сѣверныхъ пустынь весьма часто селились въ лѣсахъ; то имъ нерѣдко приходилось сталкиваться съ прежними обитателями лѣсовъ — разбойниками, для которыхъ такое общество было невыгодно. Возлѣ Колязца промышляла шайка Воронова, которая напала однажды на Данила Переяславскаго, когда онъ отправлялся въ Новгородъ. Іосифъ основатель Заоникіевскую пустынь въ вологодскомъ лѣсу, гдѣ имѣла притонъ шайка извѣстнаго разбойника Аники, о которомъ долго сохранялись преданія и послужили основаніемъ повѣсти Аника-воинъ, встрѣчающейся въ сборникахъ XVI и XVII вв. Кириллъ Новоезерскій, поселившійся на Красномъ островѣ, два раза подвергался нападенію разбойниковъ, но оба раза смиралъ ихъ своимъ удивленіемъ. Корнелія Комельскаго взяли до полусмерти, потому что онъ мѣшалъ имъ ремеслу. Герасимъ Болдинскій постоянно ходилъ въ лѣсъ уговаривать разбойниковъ оставить свое ремесло и перѣдко терпѣлъ отъ нихъ побой. Въ 1550 г. шайка разбойниковъ напала на пустынь Адриана Пошехонскаго, требуя денегъ; они его жгли лучиною, кололи ижею, и наконецъ задушили. Но какъ только явилось въ лѣсу поселеніе — имъ приходилось оставлять прежнія мѣста. Иногда убійствія отшельниковъ производили свое дѣйствіе, и они бросали свое ремесло. Когда Адрианъ Ондрусовскій поселился на полуостровѣ Ладожскаго озера и къ нему сошлись ученики — онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ разбойниками, которые подъ предводительствомъ атамана Ондруса жили на островѣ Салъ, и оттуда дѣлали нападеніе на полуостровъ Ладожскаго озера. Ондрусъ требовалъ, чтобы отшельники удалились; но на каменистомъ мысѣ, который и теперь называется Сторовскимъ, — жилъ другой предводитель шайки. Онъ содерничалъ съ

въ первыхъ порахъ основатель обители заботился объ обработкѣ почвы. Занятіе земледѣліемъ считалось обязанностью братіи; такъ было и въ монастырѣ жилъ собственными трудами. Обработка пашни, чистка лѣса, разведеніе овощей и фруктовъ, конягіе колодцевъ и работа на мельницѣ—вотъ общія занятія братіи <sup>1)</sup>. Основатель монастыря подавалъ примѣръ во всемъ. Тихонъ Луховскій самъ впрягался въ соху; Корнилій Комельскій работалъ жерновомъ. По уставамъ Пахомія Нерехтскаго Саввы Крыпецкаго и Севастіанна Понехонскаго, въ ихъ обителяхъ монахи должны были заниматься земледѣліемъ и жить исключительно трудами рукъ своихъ. Въ обители Ефрема Перекопскаго монахи постоянно занимались полевыми работами, а въ свободное время—по очереди молотили рожь <sup>2)</sup>. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ занимались икононичествомъ, рѣзбою, плетеніемъ и товарнымъ искусствомъ, а сдѣланныя вещи продавали. Ферапонтовъ и Кирилловскій монастыри были извѣстны выдѣлкою корячатыхъ ложекъ, обдѣланныхъ въ кость <sup>3)</sup>; въ богатой Троицкой лаврѣ были свои серебряныя дѣла мастера. На неблагоприятной почвѣ приходилось прилагать особенныя усилія. Бодотская мѣстность возлѣ Галича, въ востромскомъ и комельскомъ лѣсахъ заставляла Іавова Желѣзнодорожскаго, Геннадія Любимскаго и Корнилія Комельскаго—копать пруды. Ефремъ Перекопскій, поселившійся на западномъ берегу озера Ильмена, у устья р. Веренды, что

Ондрусовъ и однажды захватилъ его въ плѣнъ. Раздумывая о своемъ прощаніи, Ондрусъ пришелъ въ уныніе, и когда ему удалось освободиться—онъ явился къ Адріану и остался въ его обители до смерти. Въ скоромъ времени пришелъ туда и его соперникъ. Онъ построился у Адріана подъ именемъ Кипріана, и вслѣдъ за тѣмъ основалъ обитель на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде имѣла притонъ его шайка. Житія: Корнилія Комельскаго, Кирилла Новозерскаго, Герас. Бодотскаго, Даніила Переславскаго, Адріана Ондрусовскаго, Щенатовъ, Георг. словарь. Анкавоинъ, напечат. въ Лѣт. рус. литерат. Тихонравова, 1859, I, ср. Русскій архивъ, изд. Бартевнымъ, 1864 года. У Царск. № 410, у Толст. 412.

<sup>1)</sup> Житія: Геннадія Любимскаго, Никиты Переяславскаго, Тихона Медынскаго, Сергія Радонежскаго, Евфонія Слиземскаго, Александра Ошенинскаго, Адріана Монзенскаго, Ферапонта Можайскаго, Феодора Ростовскаго, Саввы Вышерскаго.

<sup>2)</sup> Житія: Тихона Луховскаго, Корнилія Комельскаго, Пахомія Нерехтскаго, Саввы Крыпецкаго, Севастіана Понехонскаго.

<sup>3)</sup> См. прежнія житія и Временникъ, XIII, Расходная книга, 55.

бы уничтожить вредныя дѣйствія болота, выкопать каналы, а чтобы доставить обителю чистую воду—онъ провелъ протокъ изъ Веренды въ озеро, оттого и пустыня его въ свое время называлась перекопскою. Въ какихъ размѣрахъ происходили подобныя работы, совершенныя пустынниками, можетъ служить примѣромъ предпріятіе Леонида Усть-недумскаго. Онъ поселился на р. Лузѣ въ 8 верстахъ отъ Устюга; но болота, окружавшія это мѣсто, дѣлали обитель почти неудобною для общежитія. Для осушенія ихъ Леонидъ прокопалъ каналъ отъ р. Лузы до Чернаго озера, отъ Чернаго озера до Святаго и отъ Святаго до Черной рѣчки, всего въ 840 сажень. Каналъ значительно осушилъ болота, но Луза, во время разливовъ, затопляла пустынную обитель, и потому Леонидъ вынужденъ былъ перенести постройки на мысъ, возвышающійся надъ Чернымъ озеромъ<sup>1)</sup>.

Въ мѣстахъ, неудобныхъ для хлѣбопашества, монастыри обращали вниманіе на другія потребности жизни: рыбную и звѣриную ловлю и добываніе соли. Въ актахъ упоминаются особые монастырскіе ловцы; въ нихъ опредѣляются правила и время ловли, мѣстныя ея предѣлы, а также право передачи въ оброчное содержаніе<sup>2)</sup>. Монастыри: Кирилло-Бѣлозерскій и Кандалякскій торговали кожами, преимущественно оленьими и конскими<sup>3)</sup>; а Корецкая волость Соловецкаго монастыря была главнымъ мѣстомъ добыванія слюды<sup>4)</sup>. Но гораздо важнѣе въ развитіи общаго хозяйства была разработка соли. Около Тотмы и Чухломы, на р. Вычегдѣ, въ окрестностяхъ Бѣлозера и на Соловецкомъ островѣ велось добываніе соли въ обширныхъ размѣрахъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ монастырей. Въ XVII вѣкѣ, въ соловарняхъ Кириллова монастыря ежегодно выдѣлывалось по 40000 пудовъ, а иногда больше, за которые монастырь выручалъ по 2000 рублей. Соловецкій монастырь продавалъ ежегодно до 130,000 пудовъ соли<sup>5)</sup>.

<sup>1)</sup> Житія: Іакова Желѣзноборск., Геннадія Любимскаго, Корнилиа Комельскаго, Ефрема Перекопскаго и Леонида Усть-недумскаго; Истор. іерар. VI, 58—583. Свѣдѣн. о монастыр. 76, 77.

<sup>2)</sup> Акты историч. V, № 65, 191; Дополн. I, № 48, 130, 132, 141, 223; II, 55, 77; Акты экспед. III, № 153.

<sup>3)</sup> Дополн. къ акт. историч. I, 236. Костомаровъ, Торговля москов. госуд. 279.

<sup>4)</sup> Акты историч. IV, 365.

<sup>5)</sup> Истор. іерархія, VI, 417, 419. Акты историч. I, 19, IV, № 228. Дополнен. II, № 77.

Соловареніе сдѣлалось для него главнымъ источникомъ дохода уже во время его основателей, Зосимы и Саввагія. Въ ихъ жизнеописаніи говорится: «множество дровъ рубили и черпали воду изъ моря для варенія соли, которую продавали купцамъ, а у нихъ брали всякія орудія, необходимыя для монастыря» 1). Въ XVII в. на соляныхъ промыслахъ монастырь содержалъ болѣе 700 человѣкъ, которые получали отъ пепельницы и одежды 2). Рыбныя и звѣринныя ловли и соляной промыселъ составляли главныя статьи богатства сѣверныхъ монастырей, «такъ какъ въ поморскихъ странахъ, говорится въ одномъ актѣ, хлѣбъ не родится и пахенныхъ земель нѣтъ» 3). При всемъ томъ Соловецкій монастырь принадлежалъ къ самымъ богатымъ 4). Съ именемъ игумена Филиппа, бывшаго митрополитомъ при Іоаннѣ Грозномъ, связано улучшение хозяйства на Соловецкомъ островѣ. При немъ была устроена мельница: 52 озера были соединены каналомъ и тѣмъ осушены болотистыя мѣста для сѣнокосовъ; проложены дороги въ разныхъ направленіяхъ по дѣбрямъ и болотамъ. Такъ какъ по уставу запрещалось держать въ обители плодящихся животныхъ, то Филиппъ хлопоталъ разрѣшеніе содержать скотъ на одномъ изъ острововъ, въ 10 верстахъ отъ монастыря, гдѣ построилъ скотный дворъ и завелъ рогатый скотъ, а въ лѣса пустилъ лапландскихъ оленей. Выписывая изъ разныхъ мѣстъ огромное количество суконъ и кожъ, онъ нашелъ возможность выдѣлывать мѣха и кожи изъ собственныхъ оленей. При немъ открылся и желѣзный промыселъ—въ Солокурбѣ 5). Іаковъ Желѣзнопоборскій основатель

1) Житіе Зосимы и Саввагія. Правосл. собесѣд. 1859, т. II и III.

2) Акты арх. экспедиціи, III, № 110.

3) Акты историч. IV, 178. Сѣверныя рѣки и озера доставляли огромное количество рыбы. Точное понятіе о ихъ богатствѣ даютъ современные свѣдѣнія. Такъ, Белоозеро ежегодно даетъ рыбы на 50000 р.; Кубенское озеро на 150.000 р. и Ладожское на 250.000 руб. сер. На островахъ Онежскаго озера—Сало-сальма и Пало осенью собирается обыкновенно до 500 лодокъ для ловли рыбы. См. Географич. словарь Россійск. имперіи, Семснова. I, 370; II, 816; III, 8, 654. Островъ Куневецъ на Ладож. озерѣ ежегодно доставляетъ монастырю до 850 пуд. рыбы. Ibid. II, 706.

4) На трехъ главныхъ островахъ, принадлежавшихъ ему (Соловецкомъ, Анзерскомъ и большомъ Муксагскомъ), находится до 300 озеръ, изобилующихъ прѣсною водою и хорошею рыбою. Опис. Солов. м. 13, 17.

5) Опис. Соловец. мон. III, 12, 17, 25, 74, 75; Соловец. лѣт. 20, 21, 26—29.

обитель также воздѣлъ желѣзнаго рудника. Сдѣлавшись такимъ образомъ средоточнымъ и промышленнымъ пунктомъ, съ значительнымъ населеніемъ вокругъ, — монастырь современемъ обращался въ городъ: онъ ограждался каменною стѣною и становился стратегическимъ пунктомъ. Такъ, Тихвинскій монастырь Богородицы составлялъ цѣлый городъ съ рвами, палисадомъ, необходимымъ строеніемъ и стражею <sup>1)</sup>. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь былъ укрѣпленъ лучше многихъ городовъ. Онъ имѣлъ 33 башни вдоль стѣны, тогда какъ въ Астрахани было—10; въ Муромѣ и Смоленскѣ—14; въ Воронежѣ—17. Въ Новгородѣ—въ каменномъ городѣ было ихъ 10; въ земляномъ 9 и въ деревянномъ 37. Въ Кирилловскомъ монастырѣ выпина вѣншей стѣны была до 16 аршинъ, внутренней—10; толщина первой въ 9<sup>1</sup>/<sub>2</sub>, а внутренней въ 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> аршина. Первая была каменная, а вторая, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея,—деревянная; за нею съ вѣншей стороны проходила ровъ. Для сравненія замѣтимъ, что въ Астрахани въ XVII в. каменная стѣна въ толщину была въ 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> сажени, а въ вышину съ зубцами—4 с. Стѣны Московскаго Кремля въ XVI вѣкѣ имѣли въ толщину 18 футовъ. Въ концѣ XVI в. Соловецкій монастырь воздвигъ каменную крѣпость <sup>2)</sup>. Вообще въ то время монастыри были твердынями. Между тѣмъ какъ въ XVII в. во всей Россіи, по достовѣрному извѣстію, каменныхъ городовъ было около 20, а остальные — деревянные; каменное укрѣпленіе въ монастыряхъ было обыкновеннымъ явленіемъ <sup>3)</sup>. Осады Троицкой лавры, Соловецкаго и Псково-печерскаго монастырей лучше всего показываютъ, какими средствами владѣли въ то время монастыри для своей защиты въ самыя критическія минуты <sup>4)</sup>. Въ Соловецкомъ монастырѣ и принадлежавшемъ ему Сумскомъ острогѣ состояло рабочихъ людей, пушкарей, защитниковъ и стрельцовъ до 1000 человекъ и всѣ они содержались на счетъ монастыря <sup>5)</sup>. Служа постоянно цѣлью бла-

<sup>1)</sup> Акты юридическіе, № 365.

<sup>2)</sup> Шевыревъ, Повѣзда въ Кирил. монастырь, 25, 26. Очеркъ правовъ великорус. народа, Костомарова, 12—15. Акты истор. IV, 134. Angl. Navig. ed. Starcz. 7. Соловец. лѣтоп. 13. Стѣны Соловец. крѣпости съ 8 огромными башнями существуютъ до сихъ поръ. Описъ Солов. монаст. I, 85.

<sup>3)</sup> Котошихинъ, стр. 106.

<sup>4)</sup> См. Опис. Троиц. лавры Смирнова; Опис. Соловец. монаст. и Повѣсть о Печерс. монаст.

<sup>5)</sup> Акты арх. экспед., III, № 110. Невольна, О пятинахъ новгород. 168.

гочестивыхъ страствованій, а иногда стратегическими пунктами, — монастыри все болѣе приходили въ сообщеніе съ центрами общественной жизни. Выгодное положеніе пустынь на берегу рѣкъ и озеръ облегчало въ нихъ доступъ и способствовало тому промышленному значенію, съ какимъ явились эти обители. Къ нимъ въ различныхъ направленіяхъ прокладывались дороги, а вблизи ихъ устраивались странноприимницы для пилигримовъ и гостинницы для путешественниковъ <sup>1)</sup> Такимъ образомъ основаніе обителей въ пустынныхъ мѣстахъ на сѣверѣ способствовало развитію путей сообщеніе и доставляло путешественникамъ возможность имѣть на пути постоянныя пристанища. При недостаткѣ въ то время частной предпримчивости и обширныхъ средствъ даже въ рукахъ правительства, подобныя предпріятія могли быть выполнены только монастырями, которые поэтому имѣютъ важное хозяйственное значеніе въ древнюю эпоху нашей исторіи.

Располагая большими матеріальными средствами и привилегіями, монастыри сосредоточили въ своихъ рукахъ обширную торговлю. Право безошлинной торговли въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ теченіи продолжительнаго времени — было обыкновеннымъ явленіемъ. Такъ, монастырь Даниїла Переяславскаго имѣлъ право на безошлинную отправку разныхъ произведеній изъ монастырскихъ имѣній въ Нижній Новгородъ и Балахну <sup>2)</sup>. Троицкій монастырь получалъ отъ Іоанна Грознаго привилегію торговать солью и разными товарами <sup>3)</sup>. При Михаилѣ Феодоровичѣ, этотъ монастырь ежегодно посылалъ за солью въ Астрахань. Его судно имѣло право, сверхъ безошлинной пропорціи, брать неопредѣленное количество соли для торговли, но съ платою пошлины <sup>4)</sup>. Симонъ Аварыицъ говоритъ вообще, что обитель Сергія пользовалась безошлинною торговлею въ многихъ городахъ и даже за моремъ, и потому въ теченіе многихъ лѣтъ она наполнилась всякимъ богатствомъ <sup>5)</sup>. Соловецкій монастырь имѣлъ право продавать безошлинно до 130,000 пудовъ соли <sup>6)</sup>. Свѣяжскій Богородскій монастырь могъ ежегодно на-

1) Житія: Пахомія Нерехтскаго, Евфросина Псковс. и Корнелія Комельскаго.

2) Акты экспедиціи, I, 212.

3) Акты экспедиціи, I, 381.

4) Акты историч. III, 272.

5) Временникъ, № X, стр. 12.

6) Акты экспедиціи, III, 426.



грузить 20,000 пудовъ соли въ Астрахани на собственное судно и продавать ее или имѣть на товары, необходимыя для монастырскаго употребленія. При Михаилѣ Федоровичѣ это количество было увеличено до 30,000 пудовъ. Монастырь промѣнивалъ эту соль въ Казани, Нижнемъ Новгородѣ и Москвѣ, и въ замѣнъ за нее получалъ—хлѣбъ, масло, сукна, мѣха, овчины, лошадей и рогатый скотъ—безпошлинно 1).

Подобныя же привилегіи на известное количество имѣли монастыри: Кирилловскій, Архангельскій, Каргопольскій, Симоновъ и Спасо-прилуцкій 2). Условіе между Симбирскимъ и Самарой въ половинѣ XVII вѣка временно было отдано въ распоряженіе монастыря Саввы Сторожескаго. Многие монастыри имѣли право безпошлинной торговли на известное количество хлѣба, рыбы, масла, скота, и покупать фабричныя произведенія на монастырскія потребности 3). Но иногда количество груза для безпошлинной торговли неограничивалось, напр. для Иверскаго монастыря на озерѣ Валдаѣ, при Алексѣѣ Михайловичѣ 4). Другіе монастыри сами имѣли право на пошляны, собираемыя въ ихъ предѣлахъ. Іоаннъ Грозный въ 1563 г. даровалъ Симонову монастырю, владѣвшему Везьегонскомъ, весь пошляный сборъ и запретилъ всякіе торги въ окрестности. Здѣсь имѣли сбытъ: рыба, соль, хлѣбъ и вообще сельскія произведенія. Сюда съѣзжалось множество крестьянъ изъ соседнихъ мѣстъ въ купцы изъ Ярославля, Углича, Казани, Рязани, Москвы, Твери и даже Великаго Новгорода 5). Сборъ пошляны съ известной Макарьевской ярмарки былъ предоставленъ Михайломъ Федоровичемъ въ распоряженіе монастыря Макарія Желтоводскаго. Это право монастырь сохранялъ въ теченіе всего XVII вѣка. Купцы, отправлявшіеся сюда, избавлялись отъ осмотра на дорогѣ, а въ теченіе торговаго времени — отъ всякихъ исковъ, отвѣтовъ и тажбъ. Всякое разбирательство между торговцами и покупателями, за исключеніемъ дѣлъ о разбойѣ и воровствѣ, принадлежало архимандриту и братіи Желтоводскаго монастыря. Эти привилегіи были даны ему въ 1662 г., а въ 1692—снова подтверждены 6).

1) Актъ экспедиціи, III, 119.

2) Актъ экспедиціи, I, 209.

3) Ibid. III, 120.

4) Полн. собр. закон. I, 337.

5) Актъ экспедиціи, I, 206, 297.

6) Актъ историческіе, V, 155—161.

Этого мало. Монастыри и ихъ вотчины дѣлались торговыми пунктами. Достоинно замѣчанія, говоритъ Костомаровъ, что болѣею частію торги отрывались въ монастырскихъ имѣніяхъ, отчасти потому, что жители церковнаго вѣдомства были зажиточнѣе и не такъ стѣснены, какъ жители другихъ вѣдомствъ, а во-вторыхъ потому, что монастыри нерѣдко испрашивали ярмарочные доходы въ свою пользу, и для собственной выгоды старались привлекать къ себѣ торговцевъ. Вообще съ лицами духовнаго званія было удобнѣе и легче имѣть дѣло. Такъ случившіяся ярмарки, и въ томъ числѣ Макарьевская, возникли въ монастырскихъ имѣніяхъ и подъ монастырскимъ наблюдениемъ и управленіемъ. Вообще торжища въ древней Россіи происходили по поводу престольныхъ праздниковъ, и, слѣдовательно, соединялись съ религиознымъ значеніемъ. Чѣмъ святѣе было мѣсто, тѣмъ болѣе пріѣзжало туда людей и для благочестія, и для мірскихъ интересовъ<sup>1)</sup>. Въ селѣ Ковровѣ (нынѣшнемъ городѣ Владимірской губ.), принадлежавшемъ Евфиміевскому монастырю, была ярмарка въ день Рождества Христова<sup>2)</sup>. Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ были большія ярмарки три раза въ годъ: на Успеніе, Введеніе во храмъ и на память св. Кирилла Бѣлозерскаго. Сюда съѣзжалось множество торговцевъ и, по обыкновенію, вмѣстѣ съ ними являлись кабацкіе цѣловальники, отчего эти собранія отличались такимъ пьянствомъ, что нерѣдко на нихъ случались смертоубійства. Поэтому игуменъ просилъ перевести торгъ на Словенскій волокъ, въ имѣніе монастыря. Ярмарки происходили и здѣсь въ прежніе сроки. На этихъ ярмаркахъ бывали посадскіе люди и крестьяне изъ уѣздовъ Бѣлозерскаго, Вологодскаго, Каргопольскаго и Новгородскаго, и въ это время изъ Бѣлозерска пріѣзжало таможенное начальство. Бѣлоозеро вело обширную торговлю солью, рыбой и хлѣбомъ. Въ городѣ существовалъ большой гостинный дворъ, а въ XVI вѣкѣ Бѣлоозеро было перевалочнымъ пунктомъ между Вологдою и Нарвою и вмѣстѣ съ тѣмъ связью бѣломорской торговли съ балтійскою<sup>3)</sup>. Въ XVII в. столь же извѣстная ярмарка была вблизи Александровской пустыни, куда пріѣзжали и шведскіе купцы<sup>4)</sup>. Восьегонскъ славился

1) Костомаровъ, Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 134.

2) Акты экспедиціи, III, 445.

3) Акты экспедиціи, I, 225; Дополн. къ истор. акт. III, 327; Насл. 408.

4) Допол. къ историч. акт. IV, 272.

ярмаркою со времени Иоанна Грозного, которая находилась въ расхожденіи Симонова монастыря и отрывалась обыкновенно на заговѣнныя Петрова поста <sup>4)</sup>. Возлѣ Нижняго Новгорода торговцевъ привлекала Магарьевская ярмарка, открывавшаяся ежегодно въ июлѣ подъ монастыремъ св. Магарія Желтоводскаго. Купцы прѣзжали сюда преимущественно изъ восточныхъ городовъ: Свияжска, Чебоксарь, Казани; Алатора, Симбирска. Товары доставлялись болѣе воднымъ путемъ, нежели сухопутнымъ, и развозились отсюда въ двѣ стороны: на Москву и Казань. Такимъ образомъ Магарьевская ярмарка сдѣлалась посредницею торговаго сообщенія европейской Россіи съ Сибирью—значение, остающееся за нею до сихъ поръ <sup>2)</sup>. Съ XIV до XVII в. на р. Устьѣ, гдѣ Феодоръ и Павелъ ростовскіе основали Борисоглѣбскій монастырь, въ день Бориса и Глѣба (2 мая), изъ городовъ и уѣздовъ съѣзжались люди всякаго званія и производили торгъ безпошлинно. А когда они отправлялись на ярмарку, жители тѣхъ городовъ давали имъ пожертвованія въ монастырь, для совершенія разныхъ церковныхъ требъ <sup>3)</sup>.

Кромѣ того, во владѣніяхъ нѣкоторыхъ монастырей, происходили обыкновенные торги: напр. въ вотчинѣ Николаевскаго монастыря, въ Бѣжецко-Верхнемъ уѣздѣ <sup>4)</sup>; въ Торжкѣ, на посадѣ, торгъ принадлежалъ Спасо-прилуцкому монастырю <sup>5)</sup>. Для постоянныхъ торговъ назначался какой-нибудь день недѣли. Такъ, въ селѣ Грязовецкомъ Вологодскаго уѣзда, принадлежавшемъ Введенскому монастырю, торгъ былъ по поведѣльникамъ <sup>6)</sup>. Въ Борисоглѣбскомъ селѣ, принадлежавшемъ Троицкому монастырю, былъ торгъ по пятницамъ <sup>7)</sup>. Въ одной изъ вотчинъ Ярославскаго Спасо-прилуцкаго монастыря торгъ производился по субботамъ <sup>8)</sup>. Чтобы судить объ обширности последней торговли монастырей, мы укажемъ на примѣръ Пѣшнонскаго монастыря, который одинъ въ своемъ селѣ имѣлъ 20 торговыхъ лавокъ <sup>9)</sup>.

1) Акты экспедиціи, I, 296

2) Костомаровъ, Очеркъ торговли Москов. гусудар., 101, 102.

3) Житіе Феодора и Павла Ростовс. у Филарета; октябрь, 247, примѣч.

4) Акты экспедиціи, III, 413.

5) Ibid. II, 275.

6) Полн. собр. зак. II, 88.

7) Акты экспедиціи, II, 64.

8) Ibid. I, 414.

9) Опис. Пѣшнонск. монаст. стр. 105.

Торговля льготы монастырей, также привлекая крестьянъ. Монастыри иногда отдавали имъ на откупъ свои торговля права 4). При незначительной въ то время конкуренціи, даже и малая льготы должны были составлять приманку. Въ XVII вѣкѣ въ Торжкѣ, гдѣ торгъ на мѣсцѣ былъ въ распоряженіи Прилудцаго монастыря, не дозволялось подражаться въ явновъ и завидывать късама никому, кромѣ крестьянъ этого монастыря 5).

Но монастырская торговля не ограничивалась только ярмарками, возникшими на монастырской территоріи. Монастыри имѣли вѣстимое сношеніе съ другими промышленными пунктами и городами, въ которыхъ имѣли свои торговые дворы. Соловецкій монастырь сбывалъ произведенія въ Вологдѣ и Холмогорахъ; Кавдалоконій монастырь — въ Холмогорахъ; Бѣлозерскій — въ Устюгѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, Каргополѣ и Турнасовѣ 6). Пѣнноскій монастырь имѣлъ одно подворье въ Москвѣ, другое въ Дмитровѣ 4). Спасо-Евсѣевъ — дворовъ въ одаѣ Суздаля; Покровскій Чухломской — одинъ въ Сели Галицкой, другой въ Чухломѣ; Корельскій-Николдесовскій — нѣсколько дворовъ въ Неноксѣ; Тихвинскій Успенскій — въ Новгородѣ; Архангелогородскій — въ Холмогорахъ, Неноксѣ и Унѣ; Сійскій Антоніевъ — въ Холмогорахъ, Емдвомѣ станѣ, Вологдѣ, Унѣ и Невомѣ 5). Солювецкій монастырь — въ Москвѣ, Новгородѣ, Каргополѣ, Холмогорахъ (съ зановыми соляными магазинами), Устюгѣ Великомъ; Тотмѣ, Ярославѣ, въ селеніи Сермаисѣ (Олонед. губ. для складки селѣ), въ Кенскомъ городѣ, въ померскомъ селеніи Сорокѣ и другихъ вотчинахъ, а также при соляныхъ варницахъ 6). Больше другихъ знакомитъ насъ съ хозяйственнымъ и торговымъ значеніемъ богатыхъ монастырей въ древнюю эпоху Россіи (до XVIII в.) — знаменитая грамота императрицы Елизаветы Петровны Троицкой лаврѣ на дворовахъ мѣста въ разныхъ городахъ 7). По большей части такіе дворы давались монастырямъ для хозяйственныхъ цѣ-

1) Ibid. II, 64.

2) Ibid. II, 275.

3) Допол. къ истор. актамъ, II, № 77. I, 236.

4) Опис. Пѣнноск. монаст. стр. 47, 105.

5) Авы историческіе, I, № 116, 125, 141; II, 60, 79, 77, 86. III.

6) Опис. Соловец. монаст. 427—437.

7) Въ Читеніяхъ Москов. общ. исторіи и древностей, 1865, IV,

лей, и съ прамотѣ о многихъ изъ нихъ прямо замѣчено, что это дѣла  
ры торговли, гостиницы, огородные, овощные, дровяные, у солоники,  
амбаровъ и варницъ, на дугахъ или у рѣчныхъ сплавовъ. Въ предѣ  
лахъ Москвы Троицкая лавра имѣла 20 дворовъ; въ Алатырь—10; въ  
Старицѣ—4; въ Нижнемъ Новгородѣ—7; въ Балахнѣ—4; въ Астра-  
хани—2; въ Арзамасѣ—10; въ Варзугѣ—10; у Соли-Намской—2; въ  
Тетлинѣ—1; во Владимірѣ—4; въ Казани—2; въ Суздальѣ—8; въ Му-  
ромѣ—6; въ Твери—2; въ Торжкѣ—1; въ Новгородѣ—6; въ Псковѣ—1;  
въ Холмогорахъ—4; въ Коломнѣ—1; въ Боровскѣ—1; въ Коргононѣ—  
2; въ Ельнѣ—1; въ Калугѣ—2; въ Верѣ—1; въ Ростовѣ—2; въ Яро-  
славлѣ—2; въ городѣ Костромѣ—2 и въ Костромскомъ уѣздѣ—у Соли-  
малой—3; въ пригородѣ Шерекѣ—1; въ Угличѣ—7; въ Бѣжецкѣ—2;  
въ Галичѣ—5; у Соли-Галицкой—11; въ Кашинѣ—2; въ Вологдѣ—5;  
въ Устюгѣ—4; въ Истринскомъ Залѣскомъ—17; наконецъ въ Юрьевѣ  
Царволадскомъ—2. О многихъ изъ нихъ замѣчено, что они стоятъ  
на большихъ или торговыхъ дорогахъ; на торговыхъ и большихъ ули-  
цахъ, или на берегу рѣкъ. Въ торговомъ отношеніи важны были также  
волости, а потому и тамъ мы встрѣчаемъ монастырскіе дворы. Всѣ эти  
дворы пользовались разными льготами, какъ наприм. освобожденіемъ отъ  
сбора повинностей, лежавшихъ на другихъ <sup>1)</sup>. Монастырскія подворья бы-  
вали иногда очень обширны. Такъ, въ Вологдѣ монастырскій дворъ  
имѣлъ 60 сажень въ длину и 8 поперекъ, и эта обширность свидѣ-  
тельствовала о большомъ размѣрѣ торговли <sup>2)</sup>. Дворовня и огородная  
мѣста Троицкой лавры на р. Неглишней таулись: по правую сторону  
въ длину на 160 сажень и поперекъ на 128, а по лѣвую—въ длину  
на 174 саж. и поперекъ—на 80 <sup>3)</sup>.

Монастырскую торговлю занимались старцы, которыхъ поруча-  
лось это занятіе, купчины или коммисіонеры и монастырскіе стуги <sup>4)</sup>.  
Торговая дѣятельность монаховъ рѣзко бросалась въ глаза иностран-  
цамъ, жившимъ въ Россіи. «Монахи, господа; Флетчеръ, самые бо-  
гатые купцы въ странѣ. Они ведутъ торговлю всякаго рода товарами.» <sup>5)</sup>

<sup>1)</sup> Акты экспедиціи, I, 529.

<sup>2)</sup> Костомаровъ, Очеркъ торговли Москов. государства, 138.

<sup>3)</sup> Жалов. грамот. Троиц. лавры, Чтен. Москов. общ. ист. 1865, IV, 155.

<sup>4)</sup> Акты экспедиціи, I, 405.

<sup>5)</sup> Fletcher, II, 97.

Монахи, замѣчаетъ Коллинсъ, торгуютъ солодомъ, хлѣбомъ, равнаго рода хлѣбомъ, лошадьми, рогатыми скотомъ и всѣмъ, что принесеть имъ выгоды<sup>1)</sup>. Иногда монастыри находили для себя болѣе удобнымъ отдавать свои промыслы въ оброчное содержаніе. Рыбныя ловли Соловецкаго монастыря въ XVII в. всѣ были отданы на откупъ<sup>2)</sup>. Замѣчательно, что многіе предпочитали брать въ оброчное содержаніе монастырскія ловли даже царскимъ; такъ что правительству было необходимо наложить на это запрещеніе и приказывало брать въ оброкъ непременно свои промыслы<sup>3)</sup>.

Впрочемъ трудно представить общую цифру промышленной дѣятельности монастырей, по недостатку данныхъ. Для приблизительнаго же пониманія ея намъ придется ограничиться нѣкоторыми числами и сдѣлать выводъ, на основаніи сравнительныхъ соображеній. Уже въ XVI вѣкѣ въ монастыряхъ хранились массы сокровищъ<sup>4)</sup>. Когда Іоаннъ Грозный сдѣлалъ наборъ на духовенствѣ, то нѣкоторые епископства и монастыри въ состояніи были уплатить 40,000, 50,000 и 100,000 рублей<sup>5)</sup>. Общую сумму этого сбора полагали тогда въ 300,000 стерлинговъ<sup>6)</sup>. Что касается монастырскихъ доходовъ, то цифры ихъ представляются различно, смотря по значенію каждой обители. Нѣкоторые монастыри получали съ своихъ земель ежегодно дохода 1000 и 2000 рублей; а Троицкая лавра, владѣвшая громадною поземельною собственностью и привилегіями, собирала ежегодно до 100,000 рублей<sup>7)</sup>. Эта цифра не можетъ казаться преувеличенною, такъ какъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда уже лавра не имѣла всѣхъ прежнихъ льготъ, одного поземельнаго дохода насчитывали до 50,000 руб. притомъ эта цифра поставлена очевидно съ цѣлью оградить обитель

1) Коллинсъ, стр. 9.

2) Кильбургеръ, 28.

3) Акты экспедицій, III, 119.

4) Рѣчь Іоанна Грознаго къ духовенству у Горсея.

5) Fletcher, I, 127. Въ теченіе XVII в. Соловецкій монастырь, на однѣ государственныя нужды, могъ выдать болѣе 60,000 руб. Послѣ Соловецкаго возмущенія въ монастырской казнѣ было найдено 29,268 руб. Опись Соловецкаго монастыря, I, 157.

6) Горсей.

7) Fletcher, II, 97. Патріархъ съ своихъ земель получалъ около 3000 руб., митрополиты и архіепископы до 2500, нѣкоторые епископы 1000, другіе 800, третьи 500 руб. Новгородскій митрополитъ всего получалъ 10—12000 рублей ежегоднаго дохода. Fletcher, II, 88.

отъ большого налога въ пользу викаридовъ, который былъ поставленъ въ 40,000, конечно на основаніи приблизительныхъ соображеній о доходахъ лавры <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, если принять годовой доходъ Троицкой лавры 100,000 р. почти соответствующимъ количеству крестьянъ (106, 600 челов.), то общій цифра монастырскаго дохода въ Великороссіи будетъ равняться 824,599 рублямъ, принимая число монастырскихъ крестьянъ въ 660,185 человекъ и принадлежавшихъ высшему духовенству, которые пользовались также большими льготами, въ 164,414 человекъ <sup>2)</sup>. Конечно такой расчетъ будетъ весьма скромнымъ. Общій государственный доходъ во второй половинѣ XVI в. равнялся 1,223,000 руб. <sup>3)</sup>, а въ XVII, за исключеніемъ расхода по городамъ и сибирской казны, 1,311,000 рублей <sup>4)</sup>.

Приѣваясь къ современной стоимости, тогдашнюю поземельную собственность монастырей можно оцѣнить слѣдующимъ образомъ:

На земляхъ монастырей сѣверо-восточной Россіи было 660,185 крест.  
 — высшего духовенства . . . . . 164,414 челов.  
 Въ епархіяхъ кіевск., черниговск. и новгород.-сѣверск. до 140,000 —

<sup>1)</sup> О расходахъ Троицкой лавры. Чтеніе Моск. общ. ист. 1865, IV. 163—166.

<sup>2)</sup> Исторія іерархіи, VI, стр. 1055—1099. Волѣе достовѣрныя данныя о доходахъ монастырей можно получить слѣдующимъ образомъ. Каждый крестьянинъ, занимавшійся земледѣіемъ, платилъ монастырю среднимъ числомъ по 3 деньги и треть изъ хлѣбнаго посѣва. 10 тогдашнихъ новгородскихъ или 20 московскихъ денегъ на нашъ счетъ составляютъ 1 р. сер. Одинъ же человекъ сѣялъ обыкновенно 4 короба ржи, а коробъ (2 четверти) ея стоилъ 10 новгор. денегъ. Окладная книга, Временникъ № XI и XII, а также статья Бѣлева о поземельномъ владѣніи въ Московск. госуд. 80. Въ плодороднѣйшихъ мѣстахъ Москов. государ. въ то время хлѣбъ давалъ отъ 20—30 зеренъ (Герберштейнъ). Такими мѣстами были: Ярославская область, берега Оки и Сѣверной Двины, земля Рязанская и Нижегородская. Барберини, 13, 31, 38; Ювій, 30. Кромѣ того монастыри отъ крестьянъ получали известное количество сыру, масла, пива, льну, овса, сѣна. См. Окладную книгу во Временникѣ.

<sup>3)</sup> Fletcher, I, 120.

<sup>4)</sup> Котоншикинъ, 101. Для точнаго заключенія объ этихъ данныхъ приведемъ слѣдующій выводъ о стоимости денегъ въ то время. Въ XVI вѣкѣ изъ 48 золотниковъ серебра дѣлали 3 руб. московскій и 1½ новгородскихъ, а теперь: выводитъ 10½. Слѣдовательно московскій рубль по вѣсу былъ дороже настоящаго въ 3½ раза, а новгородскій въ 7 разъ, причемъ принимаютъ, что металлы въ то время были вдвое дороже нашихъ. Лешовъ, 481.

Слѣдовательно всего 964,599 человекъ. Полагая на каждаго человека по 4 десятины, получится одной землѣ монастырскихъ крестьянъ 3, 858, 396 десятинъ. Но въ этому количеству, по меньшей мѣрѣ, слѣдуетъ прибавить такое же количество земли, находившейся въ непосредственномъ пользованіи монастырей, такъ что всей монастырской земли надобно положить не менѣе 7, 716, 792 десятинъ. Средняя годовая плата за пользованіе десятиною въ настоящее время не менѣе 2 р. 50 к.; а съ доходами отъ приписныхъ мельницъ, луговъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловель—эту плату необходимо по крайней мѣрѣ удвоить; слѣд. годовой поземельный оброкъ въ настоящую пору могъ бы ежегодно доставлять 38, 583, 960 рублей. А если одѣлать означенное количество монастырской земли по нынѣшней средней продажной стоимости, т. е. по 25 руб. за десятину, то получится весьма крупная цифра: 192, 919, 800 рублей. Въ Австрійской имперіи церковныя имущества въ настоящее время цѣнятся въ 185, 672, 967 гульденовъ (по курсу равныхъ рублямъ), а въ Итальянскомъ королевствѣ (1867 г.) 430, 000, 000 франковъ, или въ 107, 500, 000 рублей.<sup>1)</sup>

Мы прослѣдимъ развитіе матеріальной стороны монастырскаго быта въ Россіи до XVIII вѣка; оно находилось въ тѣсной связи съ внутреннимъ овладѣніемъ тогдашняго общества. Но богатства монастырей дали имъ возможность принять на себя попеченіе въ тѣхъ обстоятельствахъ народной жизни, когда частная дѣятельность или отказывалась служить обществу, или же имѣла для того достаточно средствъ. Такимъ путемъ нравственное вліяніе монастырей на общество было еще болѣе обезпечено за ними.

Если тогдашнее общество много страдало отъ свальныхъ и личнаго произвола; то неменѣе того оно страдало отъ неслыханныхъ войнъ, неурожаевъ и повальныхъ болѣзней, противъ которыхъ употреблялись обыкновенно религіозныя средства—постъ и молитва<sup>2)</sup>. Въ періодъ 1228—1462 г. въ Россіи было 232 военныхъ опустошенія; число неурожаевъ на каждое столѣтіе приходится по крайней мѣрѣ по 8-ми<sup>3)</sup>.

1) Ср. вѣдомость въ Исторіи рос. іерархіи VI, и Трудахъ Киевск. дух. акад. 1867, іюнь, статья. Нѣсколько цифръ изъ статистики русской церкви.

2) Лешневъ, Русскій народъ и государ. 486; 489.

3) Ibid. 473. Соловьевъ, VI, 245. Въ періодъ 1059—1240 г. исчисляются до 112 междоусобій. Погодинъ, Междоусоб. войны, Временникъ, XIII, 80.



Съ 1228—1462 г. было 10 голодовъ во всей русской землѣ; принимая же общую цифру съ XII в.—до XVI, на каждое столѣтіе придется по 8<sup>1)</sup>. Во время голода въ 1230 г. въ Смоленской области было собрано 32,000 труповъ, въ Новгородѣ за два раза: 3030 и 3500. Съ 1228—1462 г. встрѣчается 23 извѣстія о морѣ; но, считая собственно съ половины XIV в., придется по одному извѣстію на каждыя 5 лѣтъ. По извѣстію Кранца, въ Новгородской области въ 1390 г. погибло отъ моря 80000 человекъ; а въ 1458 г., по лѣтописному извѣстію—250,652 чел. и 48,000 въ одномъ Новгородѣ. Въ 1552 и 1553 гг. въ Новгородской и Псковской областяхъ свирѣцтовала такой морь, что умерло болѣе 300,000 человекъ. Въ 1565 г. открылся морь въ Полоцкѣ и на слѣдующую весну онъ прошелъ черезъ Луки, Торонецъ, Смоленскъ—въ Великій Новгородъ, Старую Русу, Псковъ, вплоть до Москвы. А въ 1570 г. морь свирѣцтовала по всему государству<sup>2)</sup>. Въ слѣдствіе воинственнаго направленія времени, недостатка осѣлости и прочной собственности, большихъ сбереженій не дѣлали, а въ виду нападеній крестьянамъ запрещалось строить житницы и велѣно было держать зерновой хлѣбъ только въ ямахъ<sup>3)</sup>. Оттого неурожай въ то время слишкомъ тяжело ложились на народъ. Одно бѣдствіе вело за собой другое: безпрестанныя войны часто бывали причиною неурожая; неурожай, при недостаткѣ запасовъ, производилъ голодъ; голодъ велъ за собою повальные болѣзни. За недостаткомъ хлѣба, во время неурожая и голода, народъ ѣлъ липовый листъ, березовую кору, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину, а дѣтей отдавали даромъ купцамъ. Отъ истощенія силъ многіе падали мертвыми по улицамъ<sup>4)</sup>.

Во время такихъ бѣдствій являлись на помощь монастыри. По дарственнымъ записямъ на вотчины—они обязывались помогать бѣднымъ; а огромныя богатства, скопившіяся въ ихъ стѣнахъ, давали имъ возможность выполнять это въ обширныхъ размѣрахъ. Сергій Рад-

1) Лешковъ, 485.

2) Полн. собр. рус. лѣт. III, 155, 169; IV, 308, 317. Никольскій лѣтописецъ, Жур. мин. народ. просв. ч. LXXX. Соловьевъ, IV, 236, 240—252; VII, 67, 68.

3) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа, 34.

4) Дополн. въ истор. авт. I, № 221. Беръ (Буесовъ) вѣнчаетъ, что, въ страшный голодъ при Борисѣ Годуновѣ, онъ видѣлъ людей, которые лѣтомъ ѣли траву, а зимою сѣно; у мертвыхъ находила во рту

нежсвій завѣщаль въ своей обители никому не отказывать ни въ пищу, ни въ пристанищѣ. И до сихъ поръ, замѣчаетъ его биографъ въ полювинѣ XVII вѣка, этотъ обычай сохраняется. Не только простые, бѣдные и нищіе получаютъ здѣсь все нужное; но даже князья, боаре и воины. Проходя мимо, они берутъ съ собою въ путь пищу и питье<sup>1)</sup>. Во время голодовъ, свирѣпствовавшихъ на сѣверѣ въ XV и XVI вв. въ обителяхъ Михаила Клопскаго, Оеранонта Можайскаго, Кирила Бѣлозерскаго, Діонисія Глушицкаго и Корнилія Комельскаго, по распоряженію самихъ основателей, выдавали хлѣбъ<sup>2)</sup>. При Іосифѣ Волоколамскомъ неурожай продолжался нѣсколько лѣтъ, и потому хлѣбъ продавался по высокой цѣнѣ: четверть стоила 48 сребреницъ. Люди вѣдали то же, что и свотъ: листья, кору, сѣно, а подъ конецъ даже толченныя глинушки и горькій корень ужовника. Тогда Іосифъ открылъ монастырскія житницы, которыя были осаждаемы крестьянами и нищими. По одному извѣстію, къ Волоколамскому монастырю сразу стеклось до 7000 человекъ, не считая дѣтей; а по другому въ монастырь ежедневно прокармливалось по 400 и 500 человекъ, тоже не считая дѣтей. Многіе изъ крестьянъ оставляли ихъ у монастыря, не имѣя возможности прокормить сами. Узнавъ объ этомъ, Іосифъ велѣлъ розыскивать родителей; но когда ни одинъ изъ нихъ не явился—Іосифъ собралъ всѣхъ дѣтей и построилъ для нихъ особый домъ, гдѣ и содержалъ ихъ до возраста. Когда истощился весь хлѣбный запасъ въ монастырѣ—Іосифъ сталъ продавать скотъ и одежду, пока не оскудѣлъ монастырь. Тогда Іосифъ велѣлъ занять денегъ подъ росписки и обратилъ расходы на монастырь. Въ праздничные дни монахамъ стали давать, вмѣсто калачей и медоваго ввасу, только хлѣбъ, рыбу и хлѣб-

вмѣстѣ съ навозомъ человѣческой валь. Родители умерщвляли дѣтей, дѣти—родителей, хозяева—гостей, и мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье, въ прогахъ. Путешественники боялись останавливаться въ гостинницахъ. Бочка ржи стоила 10—12 гуденовъ. Моск. лѣт., 34. Петрей же говоритъ, что бочка ржи прежде продавалась по 12 грошей, а теперь по 19 талероу, 292, 293.

1) Предисловіе къ житію Сергія, Симона Азарьяна. Временникъ, X, 10 стр.

2) Житія: Михаила Клопскаго, Оеранонта Можайскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Діонисія Глушицкаго, Корнилія Комельскаго.

ный квасъ; а въ простые дни—они ѣли одно варево и пили воду. Это вызвало ропотъ въ монахахъ. Но Іосифъ отвѣчалъ роптавшимъ, что они дали обѣтъ терпѣть всякую нужду ради царства небеснаго, а потому и не должны лишаться помощи тѣхъ, которые съ женами и дѣтьми скитаются по чужимъ мѣстамъ изъ-за куска хлѣба. Слухъ о помощи Іосифа произвелъ благопріятное впечатлѣніе. Богатые, вида уменьшеніе средствъ монастыря, поспѣшили помочь ему. Болѣе другихъ содѣйствовалъ въ этомъ Іосифу — Андрей, одинъ изъ волоцкихъ вельможъ. Другой благотворитель поспѣшно доставилъ 30 рублей изъ Пскова. Великій князь Василій Іоанновичъ, поврочитель Волоколамскаго монастыря, самъ пріѣхалъ туда во время голода и велѣлъ выдать изъ своихъ селъ 1000 четвертей ржи, 1000—овса и 100 рублей деньгами. Братья вел. князя — Семень и Юрій тоже приняли участіе въ этомъ дѣлѣ<sup>1)</sup>. Въ царствованіе Іоанна Грознаго случился голодъ на сѣверѣ — во всемъ Поморья, продолжавшійся восемь лѣтъ. Причиною его былъ сильный морозъ, уничтожившій овощи и хлѣбъ. Тогда Трифонъ Печенгскій, взявъ съ собою нѣсколькихъ монаховъ, отправился въ область Новгородскую и, странствуя по городамъ и селамъ, въ видѣ нищаго собирать подаванія, которыя отсылалъ въ монастырь для голодающихъ<sup>2)</sup>. Въ страшный голодъ 1601 года — нуждающіеся находили помощь въ обители Адриана Монзенскаго, который, по совѣту своего наставника Ферапонта Монзенскаго, заблаговременно наполнилъ монастырскія житницы хлѣбомъ<sup>3)</sup>. А когда Москва была въ рукахъ поляковъ (1610 г.) — толпы народа, лишившія средствъ, стекались въ Троицкую лавру. Архимандритъ ея Діонисій, извѣстный по участію въ политическихъ дѣлахъ того времени, убѣдилъ монаховъ довольствоваться овсянымъ хлѣбомъ и водою, чтобы сберечь пшеничный и ржаной хлѣбъ для больныхъ. Разосланы были нарочные отыскивать по лѣсамъ и дорогамъ изнемогшихъ отъ истощенія силъ. Въ подмонастырскихъ слободахъ открыты были дома и больницы для нуждающихся; а келейникъ Діонисія, днемъ и ночью, разносилъ больнымъ и нищимъ полотенца и деньги<sup>4)</sup>.

1) Житіе Іосифа Волоцкаго, написанное Саввою, и похвальное слово Топоркова.

2) Житіе Трифона Печенгскаго, Прав. соб. 1859, II, III.

3) Житіе Адриана Монзенскаго.

4) Житіе Діонисія, 57, 58; Палицынъ, Объ осадѣ Троицкой лавры, 217.

Большая обеспеченность собственности и обширные средства монастырей давали имъ возможность вести болѣе правильное хозяйство. Такъ, на ихъ земляхъ были устроены житницы съ значительными складами хлѣба и очевиднымъ разчетомъ на будущія потребности <sup>1)</sup>. Какими запасами располагали въ этихъ случаяхъ монастыри, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Пафнутіи Боровскій въ теченіе года ежедневно прокармливалъ въ своей обители до 1000 человекъ; Даниилъ Переяславскій въ теченіе 8 мѣсяцевъ велѣлъ выдавать хлѣбъ всѣмъ нуждающимся <sup>2)</sup>. Въ 1609 г. въ Москвѣ стояла большая дороговизна хлѣба; но когда былъ доставленъ хлѣбъ изъ житницъ Сергіева монастыря, то этотъ подвозъ заставлялъ понизить цѣну отъ 7 до 2 рублей <sup>3)</sup>!

Принимая на себя попеченіе о низшемъ классѣ и бѣдныхъ, представители монастырской жизни поощряли къ тому и другихъ. По случаю голода, открывшагося въ 1512 г. въ Дмитровскомъ удѣлѣ, Іосифъ Волоколамскій писалъ посланіе къ дмитровскому князю Юрію Ивановичу, въ которомъ указывалъ ему на примѣръ заботливости греческихъ царей и вел. князя Василія о бѣдныхъ во время голода, причемъ совѣтовалъ ему установить цѣну на хлѣбъ, чтобы облегчить покупку его для менѣе состоятельныхъ <sup>4)</sup>. Въ другой разъ Іосифъ имѣлъ столкновеніе съ однимъ вельможею. До него дошелъ слухъ, что послѣдній такъ дурно содержалъ своихъ рабовъ, что они голодомъ таяли и нѣготую страдали. Когда Іосифъ лично убѣдился, что этотъ слухъ имѣетъ основаніе—онъ написалъ къ вельможѣ посланіе, въ которомъ проводитъ мысль, что всѣ люди равны предъ Богомъ, который поэтому взыщетъ за угнетеніе рабовъ на страшномъ судѣ <sup>5)</sup>. Многие, по извращенному понятію о добрѣ, думали загладить свои пороки приношеніями въ мо-

1) Въ Сумскомъ острогѣ Соловецкаго монастыря было устроено 26 житницъ (по писцовымъ книгамъ 1582 и 1583 гг.). Неволинь, О пятинахъ новгородск. прилож. VI, стр. 168. Въ житницахъ Соловецкаго монастыря въ концѣ XVII в. было собрано разнаго хлѣба 9,661 четверть. Опис. Соловецкаго монастыря, I, 157. Во время пожара (1543 г.) въ одномъ новгородскомъ монастырѣ сгорѣло 2 житницы и въ нихъ 300 коробей или 600 четвертей хлѣба. Полн. собр. русск. лѣт III, 150.

2) Житія: Пафнутія Боровскаго и Даниила Переяславскаго.

3) Карамзинъ, XII, примѣч. 260.

4) Дополн. къ историч. актамъ, I, № 216.

5) Ibid. № 213.

настыри, и въ то же время не заботились о своихъ домашнихъ слугахъ. И въ этомъ случаѣ обличителями выступали тѣ же лица. Однажды къ Дмитрію Прилуцкому какой-то богачъ принесъ съѣстные припасы; но тотъ велѣлъ ему отнести ихъ домой и раздать своимъ же рабамъ, которые у него страдали отъ голода. Это наставленіе произвело свое дѣйствіе <sup>1)</sup>. За тѣмъ мы имѣемъ цѣлый рядъ обличеній, обращенныхъ противъ сильныхъ и богатыхъ, но исполнѣ съ религиозно-правственнымъ мотивомъ, а потому мы и не будемъ касаться ихъ вовсе.

Но благодарительное участіе монастырей древней эпохи не ограничивалось только извѣстными случаями Изъ писцовыхъ книгъ видно, что на монастырской землѣ или при монастыряхъ жили нищіе даже въ XVI в. <sup>2)</sup>, когда въ монастырской жизни уже обнаружались многіе недостатки. При монастыряхъ иногда устраивались больницы, открытыя для всѣхъ, нуждавшихся въ помощи <sup>3)</sup>. Для подобной цѣли монастыри располагали всѣми средствами. Еще въ XVII в. сохранялся обычай распредѣлять раневыхъ на содержаніе по монастырямъ <sup>4)</sup>. Иногда монастыри предоставляли свои средства для общественныхъ предпріятій. Такъ, Соловецкій монастырь въ царствованіе Θεодора Іоанновича на жалованье войску выдалъ 942 руб. Въ 1609 г. тотъ же монастырь послать Сююину - Шуйскому въ Новгородъ 2000 рублей, для найма шведскихъ войскъ, предполагавшихся для защиты государства. Въ то время были взяты всѣ наличныя деньги изъ другихъ монастырей. Но когда вслѣдъ за тѣмъ государственная казна была совсѣмъ истощена и врасходована даже сумма, взятая изъ разныхъ монастырей; то Соловецкій монастырь, по просьбѣ царя Василя Шуйскаго, прислать снова изъ своей казны 3150 рублей серебряною монетою; да изъ казны Печенгскаго монастыря было выдано 398 руб. и 150 ефимковъ. Въ 1632 г. на военныя издержки Соловецкій монастырь пожертвовалъ 10,000 руб., а въ слѣдующіе два года еще 3852 руб. серебряною монетою. При Алексѣѣ Михайловичѣ монастырь далъ въ заемъ—разъ (въ 1659 г.) 13,000 р. и въ другой разъ (1664 г.)—20,000 руб. серб. и 200 золотыхъ червонныхъ <sup>5)</sup>.—Эти цифры ясно говорятъ о матеріаль-

<sup>1)</sup> Житіе Дмитрія Прилуцкаго.

<sup>2)</sup> Неволінъ. О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, 172, 173.

<sup>3)</sup> Жигія: Корнилія Комельскаго, Филиппа Соловецкаго, Діонісія Радонежскаго. <sup>4)</sup> Котошихинъ, 114.

<sup>5)</sup> Опис. Соловец. монастыря, 25, 91, 123, 136, 147, 202.

номъ положеніи монастыря и степени его участія въ дѣлахъ общественныхъ.

Таковъ было этнографическое и экономическое значеніе монастырей въ эпоху древней Россіи. Въ слѣдующихъ главахъ мы обратимъ вниманіе на остальныя стороны ихъ дѣятельности, и тогда сдѣлаемъ общее заключеніе о значеніи ихъ въ исторіи гражданственности Россіи.

#### Г Л А В А IV.

На сѣверо-востокѣ Россіи открываются обширное поприще для дѣятельности монастырей. Занимая область финновъ и привлекая за собою туда русское населеніе, монастыри естественно должны были сдѣлаться образователями новаго міра—финно-русскаго. Въ области Волги смѣшеніе славянскаго населенія съ финскимъ началось очень рано. По скандинавскимъ сагамъ оказывается, что верховья Волги принадлежали Ильменскимъ славянамъ, а Муромъ, Суздаль, Ростовъ и Бѣлоозеро были богатыми новгородскими колоніями съ своими отдѣльными правителями изъ Новгорода. Новгородъ и вѣроятно Смоленскъ были первоначальными пунктами, откуда предѣлы Волги колонизовались славянскимъ племенемъ. Это было еще въ доисторическія времена русскаго государства. Такимъ образомъ, постепенно Меря, Веси и Муромъ подчинились влеченію колонистовъ и ранѣе другихъ финновъ утратили свою самостоятельность. Съ призваніемъ варяжскихъ князей, Бѣлоозеро досталось Синеусу, а по смерти его перешло въ руки Рюрика, который управлялъ всѣмъ этимъ краемъ посредствомъ своихъ мужей. Съ переселеніемъ княжеской фамиліи на югъ онъ сталъ входить въ подчинительныя отношенія къ южной Руси. Владиміръ св. для управленія отправилъ въ Ростовъ сына своего Бориса, а другому — Глѣбу отдал Муромъ. Съ его времени сюда стало проникать христіанство. Владиміръ въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ доходилъ даже до болгаръ. По смерти Ярослава I Муромъ и Рязань отошли къ Черниговскому удѣлу, а Ростовъ, Суздаль и Бѣлоозеро—къ Переяславскому. Южные князья (Святославъ и Всеволодъ) управляли ими посредствомъ своихъ мужей, которые отправлялись туда съ русскими дружинами.

Но при слѣдующемъ додѣлѣнн здѣсь уже были самостоятельныя князья: въ Муромѣ и Рязани утвердился Дрославъ Святославичъ, отъ котораго пошли князья рязанскіе и муромскіе; а Ростовъ и Суздаль достались младшему сыну Владиміра Мономаха—Юрію Долгорукому, родоначальнику князей суздальскихъ и ростовскихъ. Появленіе на Волгѣ южныхъ князей усилило въ этомъ краѣ элементъ южно-русскій; а образованіе и распространеніе по сѣверу Волги новыхъ, самостоятельныхъ княжествъ способствовало вообще подчиненію инородческаго племени—пришлому элементу. Для укрѣпленія за собою этой области русскіе князья обыкновенно строили города, гдѣ размѣщали свои дружины. Множество такихъ городовъ построили Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій и ихъ преемники. Но въ этихъ предѣлахъ они столкнулись съ сосѣдними инородческими племенами—мордвою и болгарями. Поэтому Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III и Юрій II предпринимали нѣсколько походовъ противъ нихъ. При последнемъ для защиты сѣверо-восточныхъ границъ отъ мордвы и болгаръ была построена крѣпость Нижній Новгородъ, при впаденіи Оки въ Волгу. Пова здѣсь остановилось русское населеніе.

Въ то же время новгородцы вели упорную борьбу съ сосѣдними финскими племенами: Водью, Емью, Чудью, Ливами, Карелами, Заволоцкою Чудью. Новгородскія лѣтописи наполнены извѣстіями о столкновеніяхъ съ ними. Уже вначалѣ русскій исторіи въ этихъ мѣстахъ началось слияніе русскаго племени съ финскимъ. Но новгородцы пошли далѣе. Въ XII в. ихъ даньщики собирали дань въ Заволочьѣ, на Печорѣ, у югровъ; а съ XIII в. дъ въ Лапландіи. Югры платили дань золотомъ и серебромъ. Во второй половинѣ XII в. большая вартія новгородцевъ, какъ полагаютъ, недовольныхъ примиреніемъ съ Андреемъ Боголюбскимъ<sup>1)</sup>, отправилась по Волгѣ и въ области Камы основала Вятскую республику, которая совершенно отдѣлилась отъ митрополии и никогда не управлялась князьями, пока не была завоевана Іоанномъ III. Въ XIII в. Пермь считалась въ числѣ новгородскихъ владѣній<sup>2)</sup>, хотя и управлялась своими князьями.

Постоянныя опустошенія южныхъ княжествъ, терпѣвшихъ отъ нападений тюркскихъ племенъ, кочевавшихъ въ степяхъ южной Россіи,

1) Костомаровъ, Сѣверно-русск. народоправ. I, 242.

2) Ibid. 411.

а потомъ въ особенности отъ татаръ, еще болѣе усилили русскій элементъ на сѣверѣ. Возникновеніе же тамъ сильнаго княжества—Московского, подъ покровительствомъ татаръ, и потому болѣе обеспеченнаго отъ разореній, привлекло въ его предѣлы цѣлыя колоніи новыхъ поселенцевъ. Туда переходили съ своими дружинами русскіе бояре изъ южныхъ княжествъ и вступали на службу московскихъ князей, а за ними шли торговые люди и крестьяне, предпочитавшіе для своихъ занятій болѣе мирный край, гдѣ имъ давали даже льготы. Мы имѣемъ мало числовыхъ данныхъ, которыя бы наглядно представляли это движеніе русскаго населенія въ сѣверныя области. Но въ какихъ размѣрахъ совершалось оно можно судить по нѣкоторымъ примѣрамъ. Такъ въ 1301 г. въ Москву переселился черниговскій боярянь Родіонъ Несторовичъ и привелъ съ собою 1,700 человекъ—княжатъ и дѣтей боярскихъ <sup>1)</sup>. Извѣстія о переходѣ бояръ на сѣверъ встрѣчаются постоянно. На сколько же выгодно было переселеніе въ мѣста болѣе спокойныя для рабочаго класса видно изъ слѣдующаго примѣра. Когда курскій баскакъ Ахматъ построилъ въ 1284 г. двѣ слободы на свое имя, то къ нему, въ надеждѣ на покровительство сильнаго татарина, скоро собралось столько русскихъ поселенцевъ, что въ тѣхъ мѣстахъ открылись торги и слободы наполнились людьми со всѣхъ сторонъ <sup>2)</sup>. При значительномъ переселеніи съ юга неудивительно, что въ сѣверныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ сохранились воспоминанія о южныхъ событіяхъ и постоянно встрѣчаются рассказы о тамошнихъ князьяхъ, богатыряхъ и городахъ—Кіевѣ, Черниговѣ, Волынѣ и Галичѣ. Завоевательныя стремленія Москвы значительно вліяли на движеніе русскаго населенія въ сѣверномъ краѣ. Завоеваніе Твери, Смоленска, Пскова и Новгорода сопровождалось большими переселеніями. Такъ, изъ Новгорода въ низовые города было выведено въ первый разъ 110 семействъ дѣтей боярскихъ и купцовъ; во второй—50 семействъ богатыхъ купцовъ и въ третій разъ болѣе 7000 жителей. Изъ Пскова взято было 300 семействъ. Этотъ выводъ отчасти ограничивался помѣщеніемъ завоеваннаго населенія въ низовыхъ городахъ; отчасти оно было замѣнено жителями послѣднихъ <sup>3)</sup>.

1) Соловьевъ, IV, 132.

2) Полн. собр. рус. лѣт. VII, 176.

3) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 288. Соловьевъ, V, 46, 47.



Другой поводъ въ заселенію сѣверо-восточнаго края русскими колонистами заключался въ торговыхъ интересахъ. И въ этомъ случаѣ прежде другихъ мы встрѣчаемъ здѣсь новгородскихъ выходцевъ. По извѣстіямъ арабскихъ писателей VIII, IX, и X вв., изъ новгородскихъ предѣловъ по Волгѣ шла торговая дорога въ Камскую Болгарію и Хазарію. Въ послѣдующіе вѣка вдоль по Волгѣ разѣзжались новгородскіе ушкунники и дѣлали нападенія на купеческіе караваны и тамошніе города. Болгары на Волгѣ, Чердынъ на Колвѣ въ Перми и Холмогоры въ Заволочьи—были торговыми пунктами, куда пріѣзжали новгородцы. Въ Заволочьи и Югрѣ новгородцы получали дорогіе металлы и мѣха пушныхъ звѣрей; а въ Чердыни и Болгарахъ, куда пріѣзжали персы, бухарцы, арабы, — восточные товары. На всемъ этомъ пространствѣ мы встрѣчаемъ поселенія новгородскихъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ. Морскіе берега, озера и рѣки были постоянно посѣщаемы новгородскими рыбаками; а лѣса—компаніямъ звѣролововъ. Многие изъ нихъ и жили въ этихъ мѣстахъ. Еще до основанія Москвы—по рѣкамъ Москвѣ, Яузѣ и Неглиной лежали богатые и многолюдныя вотчины новгородскаго колониста, боярина Степана Ивановича Кучки, который вступилъ въ борьбу съ Юріемъ Долгорукимъ. Такъ говорятъ преданіе. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV в. мы дѣйствительно встрѣчаемъ фамилію Кучковичей въ числѣ новгородскихъ бояръ землевладѣльцевъ<sup>1)</sup>. Рѣка Вага со всѣми ея окрестностями принадлежала боярамъ Своеземцевымъ, изъ фамиліи которыхъ не разъ избирались новгородскіе посадники. Эта область была пріобрѣтена ими въ 1515 г. у чуждскихъ старшинъ за 20,000 бѣлокъ и 10 рублей. Она тянулась до ростовскихъ границъ. Потомъ на Вагѣ явилось еще 12 боярскихъ поселеній, менѣе богатыхъ. Своеземцевы первые завели на Волгѣ хлѣбопашество; а до того времени чуждъ вѣдалась только охотою и рыбною ловлею. Особенно улучшилось положеніе этого края при внуцѣ основателя здѣшняго поселенія, тоже посадникѣ, Васиіѣ Степановичѣ Своеземцевѣ (пол. XV в.). Онъ самъ нерѣдко жилъ въ своихъ владѣніяхъ, занимался хозяйствомъ и построилъ Пинежскій городокъ надъ р. Пинежкой, впадающею въ Вагу, въ 16 верстахъ отъ Шенкурска. Для обезпеченія сповойствій своего края, онъ не разъ долженъ

1) Бѣляевъ; О Велькорусск. племені, въ Сборн. антропологич. и этнограф. статей, I.

былъ предпринимать походы противъ вогуловъ и остяковъ, нападавшихъ на эти мѣста. Впрочемъ, за долго до смерти, съ Василиемъ случился обыкновенный въ то время поворотъ въ жизни. Онъ оставилъ жену и дѣтей и поступилъ въ монастырь, основанный имъ на рѣкѣ Вагѣ, которому онъ и назначилъ часть своихъ владѣній. Съ этихъ поръ онъ является уже съ именемъ Варлаама Шенкурскаго <sup>1)</sup>. На сѣверномъ Поморьи тянулись небольшія русскія поселенія, такъ называемыя *страдамыя* (*страда—работа*) *деревни*. Они принадлежали князьямъ, боярамъ, духовенству и купцамъ. Напр. у новгородскаго архіепископа Θεофила было 4 села на Бобровой горѣ. У Марѣи посадницы на р. Сумѣ было нѣсколько деревень. Впрочемъ эти поселенія не были многолюдны, такъ какъ они состояли по большей части изъ одного, двухъ дворовъ. Далѣе новгородскія поселенія тянулись по рѣкамъ Лопѣ, Шуѣ, Солѣ, Варугѣ, Кумбѣ, Кеми и Керети <sup>2)</sup>. Въ мѣстахъ, болѣе другихъ подвергавшихся новгородскому влиянію, финскій элементъ былъ менѣе замѣтенъ. Заволоцкая чудь, помѣщавшаяся между рр. Двиною и Печорою и составлявшая нѣкогда сильную вѣгву финскаго племени, была вытѣснена отсюда новгородскими дружинами въ великую Пермь или смѣшалась съ новгородцами; такъ что въ половинѣ XV в. въ Двинской области населеніе было уже все христіанское <sup>3)</sup>. Колонизація сѣвернаго края русскимъ населеніемъ преимущественно обязана новгородцамъ, и это видно изъ того факта, что на всемъ протяженіи его, даже по сѣверной Сибири, преобладаетъ новгородское нарѣчіе <sup>4)</sup>.

Не менѣе важно въ исторіи колонизаціи сѣверо-восточной Россіи развитіе помѣстной системы въ эпоху Московскаго государства. Дѣятельность Строгановыхъ важна не только въ заселеніи пермскаго края, но и Сибири. Съ другой стороны, государственная централизація, потребовавшая отъ населенія слишкомъ большихъ пожертвованій для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, была причиною обширнаго движенія русскаго населенія на сѣверо-востокъ и въ Сибирь, куда

1) Житіе Варлаама Шенкурскаго, и Историч. взглядъ на Важско-двинскихъ крестьянъ, въ Этногр. сборн. географич. общества V.

2) Русск. церковь на сѣверн. Поморьи, Прав. соб. 1860, II, 4, 5, 11, 13, 20, 21, 22.

3) Акты экспед. I, стр. 73.

4) Этнографич. сборн. географич. общест. VI, статья Потанина: Юго-запад. часть Томской губерніи въ этнографическ. отношеніи, стр. 1.

угодно оно, не желая нести налагаемых на него повинностей. При такихъ обстоятельствахъ развивалась колонизація сѣверо-восточнаго края Россіи — русскимъ населеніемъ. И уже въ XVI вѣкѣ обрусѣніе его счѣтается дѣломъ очевиднымъ и рѣшеннымъ. »Всѣ народы Россіи, говорятъ Герберштейнъ, употребляющіе языкъ славянскій и слѣдующіе обрядамъ и вѣрѣ христіанской по греческому закону, по народному прозвищу руссы, по-латини рутены, размножились до того, что или вытѣснили народы, жившіе между ними, или принудили ихъ принять свой образъ жизни, такъ что теперь всѣ называются однимъ общимъ именемъ руссовъ«<sup>1)</sup>. †

Въ то время, какъ практическіе интересы заставляли русскихъ поселенцевъ выбирать мѣста наиболѣе доступныя для жизни, монастырская колонизація шла совершенно въ другомъ направленіи: отшельники по преимуществу выбирали глухіе лѣса, очищали ихъ и заводили поселенія въ мѣстахъ неудобнопроходимыхъ. Такимъ образомъ, монастырская колонизація передавала въ руки общества территорію, которая, при другихъ условіяхъ, не была-бы такъ скоро и легко занята населеніемъ. Но, вступая въ предѣлы финскаго племени, основатели пустынныхъ обитателей и ихъ послѣдователи приходили въ соприкосновеніе съ авическимъ міромъ, который становился для нихъ предметомъ религіозныхъ заботъ—проповѣди и обращенія въ христіанство. Другіе же изъ нихъ миссіонерскую обязанность сдѣлали цѣлью всей своей жизни. Иностранные путешественники обратили вниманіе на эту сторону дѣятельности русскихъ пустынниковъ. »Главная забота духовныхъ, говоритъ Герберштейнъ, состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ приводить въ свою вѣру. Монахи отшельники уже давно обратили въ христіанскую вѣру большую часть идолопоклонниковъ, издавна и часто проповѣдая у нихъ христіанство. Даже и теперь отправляются они въ разныя страны, лежація на сѣверѣ и востокѣ, куда достигаютъ только съ величайшимъ трудомъ и съ опасностію чести и жизни. Они не ждуть и не желаютъ никакой отъ того выгоды, ибо, впечатлѣвая иногда ученіе Христа смертію, они стараются единственно только о томъ, чтобы сдѣлать угодное Богу, наставить на истинный путь души многихъ, совращенныхъ съ него заблужденіемъ, и приобрѣсти ихъ Христу«<sup>2)</sup>.

1) Герберштейнъ, Записки о Московіи, стр. 2.

2) Герберштейнъ, 68.

Миссіонерская дѣятельность отшельниковъ началась въ первую эпоху христіанства въ Россіи и развивалась сообразно съ направле- ніемъ монастырской колонизаціи. Прежде другихъ подверглись вліянію христіанскихъ проповѣдниковъ области — Ростовская и Суздальская, какъ болѣе близкія къ религіозному центру. Еще при Владиміръ св. христіанство проникло въ Ростовъ и тамъ былъ поставленъ особый епископъ—Феодоръ; но на первыхъ порахъ ему пришлось вы- держать упорную борьбу съ язычествомъ и онъ оставилъ Ростовъ. Его преемникъ Иларіонъ, назначенный изъ Константинополя, также не вы- держалъ борьбы съ ними и возвратился въ свое отечество. Но чего не успѣли совершить эти лица, то сдѣлалъ простой отшельникъ, вышед- шій изъ Валаамской обители. Это былъ Авраамій. Дѣятельность его относится ко времени, непосредственно слѣдовавшему за ними. Избѣ- гая того уваженія, какое стали оказывать ему за его подвиги въ Ва- лаамскомъ монастырѣ, Авраамій удалился въ Ростовскую область в здѣсь у озера Неро построилъ себѣ хижину, гдѣ продолжалъ вести прежній образъ жизни. Но въ скоромъ времени для него открылось но- вое поприще. Въ окрестностяхъ Ростова жило чудское племя, шлолѣ преданное языческому культу. Чудь поклонялась каменному богу Ве- лесу<sup>1)</sup> и упорно отстаивала свою вѣру. Авраамій низвергъ идола и на его мѣстѣ построилъ монастырь. Тогда дѣятельность его еще бо- лѣе расширилась. Сюда стали стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ за поученіемъ, и онъ такъ успѣлъ подвѣствовать на язычниковъ, что почти всѣ приняли крещеніе, а многіе, преимущественно отроки, менѣе при- вязанные къ старой религіи, даже вступили въ монастырь. Здѣсь Авраа-

1) Велесъ былъ богъ стада и имѣлъ большое значеніе у финновъ, жившихъ зѣбровствомъ. Каменные изображения или просто камни были обиховенными символами богопочитанія на сѣверѣ, въ соответ- ствіе тамошнимъ скаламъ. (Путешест. Кастрена, 21, 22, 73, 15, 41). Въ Переяславлѣ Залѣскомъ еще въ XVII в. боготворили древній ка-мень, и ежегодно собирались къ нему на поклоненіе 29 іюня. (Житіе Ириварха Ростовскаго). Другой богъ, которому поклонялась здѣшняя чудь, былъ Туръ — богъ сладострастія. Его мѣдный идолъ былъ тоже мужескій, въ стоячемъ видѣ и обѣими руками держался за конечный членъ, который и назывался *туръ*. Въ костромскомъ краѣ многія мѣста имѣютъ въ основаніи это названіе. Чтен. Моск. общ. истор. 1865, IV; Какой народъ населялъ костромскую губер. 171; Историч. сборн. Погодина, I.

и́й работаль на во́лкх: онъ занимался въ х.ѣбнѣ, рубилъ дрова, носилъ воду и мылъ платье для брати́и, а въ свободное время поучалъ приходившихъ и читалъ имъ книги. Это такъ возвысило его въ глазахъ ростовскихъ князей, что они во всемъ совѣтовались съ Аврааміемъ и приходили къ нему за благословеніемъ, а монастырь надѣлили большими владѣніями и землею. Еще при жизни Аврааміа монастырь его сдѣлался главнымъ въ Ростовѣ <sup>1)</sup>.

По смерти Аврааміа пробудились прежнія языческія вѣрованія, нестерпимшія уже болѣе сдѣланнаго порицанія; теперь открыто выступили недовольные новымъ порядкомъ вещей, только принужденные бездѣйствовать подь сильнымъ вліяніемъ проповѣдника христіанства. Но они встрѣтили проповѣдство въ продолжателяхъ дѣла Аврааміа — двухъ инокахъ Печерскаго монастыря, бывшихъ одинъ за другимъ епископами въ Ростовѣ: Леонтіи и Исайдъ (1051—1090 г.). Какъ видно, и теперь языческая реакція сосредоточивалась въ представителяхъ старой вѣры, воспитавшихся въ ея началахъ <sup>2)</sup>. Поэтому Леонтіи обратилъ все вни-

<sup>1)</sup> Житіе Аврааміа Ростовскаго см. въ Памятникахъ старин. рус. литер. изд. Костомар. I, 221—224. Ср. у Филарета, октябрь 29 и Истор. цер. Макарія, I, 6 и 157—159.

<sup>2)</sup> На сѣверѣ въ эту эпоху имѣли большую власть волхвы. Въ Новгородѣ они открыто порицали христіанство. И когда епископъ требовалъ, чтобы граждане раздѣлились: кто на сторонѣ волхва, тотъ чтобы шелъ за нимъ, а кто исповѣдуетъ христіанство, чтобы шелъ къ кресту; то на сторонѣ епископа оказались только князь Глѣбъ и дружина; а къ волхву пошелъ весь народъ. Волхвъ прельщалъ новгородцевъ чудесами, обѣщая перейти по водѣ Волховы. Весь городъ пришелъ въ волненіе и только умерщвленіе волхва княземъ заставило разойтись народъ. Въ это время новгородцы ходили къ чудскимъ волхвамъ для гаданій. Но въ лѣтописи при описаніи этого факта ясно обозначается борьба старыхъ и новыхъ религіозныхъ понатій. Христіанинъ новгородецъ идетъ волхвовать къ чудеснику язычнику, который въ свою очередь не можетъ призвать своихъ боговъ потому, какъ самъ объясняетъ, что на новгородцѣ есть крестъ. А чтобы все-таки получить разрѣшеніе своихъ вопросовъ, новгородецъ снимаетъ съ себя крестъ и выноситъ его изъ жилища чудесника. Даже во взглядѣ финскаго волхва на своихъ боговъ видно вліяніе новыхъ представлений. Онъ не можетъ успѣшно гадать, потому что здѣсь присутствуетъ крестъ, котораго боятся его боги. Они живутъ подь землею; тогда какъ ангелы имѣютъ жилище на небѣ. Языческіе боги черные, крылатые и съ хвостами. Когда умираетъ христіанинъ, то его относятъ на небо; а язычнику идетъ въ бездну. Если же весь этотъ рассказъ представляетъ мифіе

маніе на дѣтей; онъ собиралъ ихъ къ себѣ и наставлялъ въ новой вѣрѣ; но ихъ отцы крайне ожесточились противъ этого, избили Леонтія и составили было заговоръ, чтобы убить его, только присутствіе духа спасло Леонтія: когда они собрались возгнать церкви, чтобы привести въ исполненіе замыселъ, онъ самъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и своею рѣчью такъ подѣйствовалъ на нихъ, что многіе немедленно крестились. Преемникъ Леонтія—Исаія распространилъ свою дѣятельность далѣе: онъ странствовалъ по городамъ и селамъ Ростовской и Суздальской области, истреблялъ идоловъ и утвердилъ христіанство за предѣлами Ростова 1).

Это чудское племя, жившее въ окрестностяхъ Ростова, по древнему лѣтописцу, называется Мера 2). Введеніе христіанства раздѣлило его на всегда. Одна часть, недовольная распространеніемъ новой религіи, оставила свои мѣста и, перейдя Оку, поселялась въ сосѣдствѣ

самого христіанскаго лѣтописца, вложенное имъ въ уста языческаго волхва; то онъ показываетъ, какъ, при торжествѣ новой религіи, старый міръ—языческихъ боговъ былъ низвергнутъ въ область ада, чтобы уступить мѣсто новымъ понятіямъ. Гаданія финскихъ волшебниковъ совершались подѣ влияніемъ сильной экзальтаціи («жудесникъ же лежаше *оцпентъвъ* и *шибе* имъ бѣсъ»). Такой же успѣхъ имѣли волхвы и въ области Ростовской. На пути отъ Ярославля до Бѣлоозера за ними послѣдовало до 300 человекъ. И здѣсь защитницею новой религіи явилась власть. Янъ, посланный отъ князя Святослава для собиранія дани, перехваталъ ихъ, а потомъ ихъ умертвилъ. Янъ тоже интересовался ихъ ученіемъ. Оно представляетъ религію дуализма. Вотъ взглядъ волхвовъ на происхожденіе міра, изложенный лѣтописцемъ. «Богъ мылся въ купальнѣ (мовницѣ) и, вспотѣвъ, отерся ветошью, которую и сбросилъ съ неба на землю. А сатана вступилъ въ споръ съ Богомъ, кому изъ этой ветоши сотворить человекъ? и сотворилъ сатана тѣло человекъ, а Богъ вдунулъ въ него душу; и потому по смерти человекъ тѣло его возвращается въ землю, а душа идетъ къ Богу». И здѣсь такъ или иначе представляется столкновеніе двухъ религіозныхъ мнѣній. И эти волхвы отводили своимъ богамъ жилище въ безднѣ. (Полн. собр. рус. лѣтопис. I, стр. 75—78). Въ религіозномъ центрѣ—Кіевѣ также являлся волхвъ; но здѣсь большая часть встрѣтила его насмѣшками и онъ исчезъ (Ibid. 75). Успѣхъ волхвовъ на сѣверѣ объясняется близостью финскаго міра, исполненнаго чаръ, волхвованій, превращеній и заклинаній.

1) Житіе Исаія еписк. ростов. Прав. соб. 1858, I, 432. Полн. собр. рус. лѣтоп. I, 89; Макарій, Ист. рус. церк. II, 15—17 и примѣч. 59 и 60.

2) Полн. собр. русск. лѣтоп. I, 5.

мордвы и черемисъ. До сихъ поръ у мордвы рѣзко различаются два нарѣчія: мокшанское и ерзянское, которыя неопытны другъ для друга. Полагають, что одно принадлежитъ потомкамъ переселившейся сюда Мери. А такъ какъ ерзяне оказываются древнѣйшими поселенцами этого края, то и заключаютъ, что мокшане и есть именно переселившееся племя. До сихъ поръ у этой отрасли мордвы совершается лѣтній праздникъ бгу Велесу. Но не вся Меря переселилась изъ прежнихъ жилищъ. Остатки ея сохранились въ мѣстныхъ названіяхъ, въ таинственномъ языкѣ, употребляющемся въ нѣкоторой части народа, неопытному для остальныхъ; въ общихъ съ мордвою обычаяхъ, костюмахъ и даже физиогноміи. Полагають, что этотъ типъ, часто встрѣчающійся въ Костромской и смежныхъ губерніяхъ, принадлежитъ другой части, оставшейся здѣсь, Мери, которая приняла христіанство, и потому не послѣдовала за сторонниками язычества, преданными религіи предковъ<sup>1)</sup>.

Не менѣе упорно боролось язычество съ христіанствомъ въ землѣ родственной Мери—Муромы. На эту страну имѣли большое вліяніе мордва и болгары, исповѣдывавшіе магометанскую религію, и потому муромцы были проникнуты фанатизмомъ. Первый русскій князь, управлявшій этою странюю, Гдѣбъ, сынъ Владиміра св., не успѣлъ распространить здѣсь христіанства. Новая борьба возникла здѣсь, когда Муромская область досталась Константину, сыну Святослава черниговскаго. Но ему пришлось добывать ее оружіемъ. Муромцы долго отстаивали свою независимость, убили даже сына Константина—Михаила, высланнаго въ нимъ для переговоровъ. Тогда Константинъ подступилъ къ городу. Муромцы согласились отдаться въ его руки, но съ условіемъ сохраненія ихъ религіи. Когда Константинъ занялъ городъ, онъ сначала думалъ ввести христіанство мирнымъ путемъ; но это ему не удалось. Язычники составили заговоръ на его жизнь. И на этотъ разъ рѣшимость Константина спасла и его, и его предпріятіе. Результатомъ усмиренія муромцевъ было всеобщее ихъ крещеніе въ р. Ожѣ, по повелѣнію князя<sup>2)</sup>. Но только со времени заведенія тамъ Спасскаго монастыря (ок. 1092 г.) христіанство было утверждено<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Какой народъ населялъ въ старину Костромскую губернію? Діева, въ Чтен. Моск. общ. ист. 1865 г. IV.

<sup>2)</sup> Житіе Константина Муромскаго. Ср. критич. оцѣнку, Макарій, Ист. церк. II, 17—20.

<sup>3)</sup> Филаретъ, Ист. церк. I, 23.

Въ сосѣдствѣ съ этими народами жило племя Вятичей, называемое древнимъ лѣтописцемъ ляхскою колоніей <sup>1)</sup>. По его описанію, оно находилось еще въ первобытномъ состояніи. Вятичи жили въ лѣсахъ, подобно звѣрямъ, ѣли все нечистое, имѣли много женъ, которыхъ похищали <sup>2)</sup>. Еще при Владимірѣ Мономахѣ — они имѣли самостоятельныхъ князей <sup>3)</sup>, которые въ то же время были жрецами <sup>4)</sup>, и потому долѣе другихъ отстаивали свою независимость. Но уже въ началѣ XI вѣка въ Курскѣ и другихъ сосѣднихъ городкахъ было распространено христіанство <sup>5)</sup>. А въ XII вѣкѣ оно проникло и въ область Вятичей. Проповѣдникомъ его тамъ явился Кузша, монахъ Печерской лавры, родомъ изъ вятичей, какъ полагають основываясь на его имени <sup>6)</sup>. Онъ крестилъ ихъ; но самъ былъ замученъ съ своимъ ученикомъ Нивономъ во время миссіонерской дѣятельности. Въ слѣдъ за обращеніемъ этой области въ христіанство, она вошла въ составъ владѣній черниговскаго князя и тамъ явились черниговскіе намістники <sup>7)</sup>. О дальнѣйшемъ распространеніи христіанства въ эту эпоху можно судить по извѣстіямъ о существованіи монастырей въ предѣлахъ Біармія (Гледенскій, при слияніи рр. Сухоны и Юга) и возлѣ Вологды, еще до основанія города (монастырь Троицы, основанный Герасимомъ Вологодскимъ, вышедшимъ изъ кievской Глушевской обители) <sup>8)</sup>.

Занятіе того или другаго пункта монастыремъ уже служить до извѣстной степени доказательствомъ начала христіанства въ томъ краѣ. Но для нѣкоторыхъ изъ нихъ распространеніе его было главною заботою. Въ половинѣ XIII в. на Кубенскомъ озерѣ жило 23 пустынника, которые занимались обращеніемъ въ христіанство чуди и кареловъ, обитавшихъ по сѣверо-восточному берегу озера «Здѣсь было множество язычниковъ, еще не успѣвшихъ <sup>9)</sup> принять крещеніе», говоритъ повѣсть

1) Пол. собр. рус. лѣт. I, 5.

2) Ibid. стр. 6.

3) Ibid. 103.

4) Изслѣд. о древней области Вятичей, Чтен. Моск. общ. истор. 1862, II, 8.

5) Житіе Θεодосія.

6) Изслѣдованіе о древней области Вятичей, стр. 10, и у Филарета, 27 августа.

7) Полн. собр. рус. лѣт. II, 28.

8) Житіе Герасима Вологодскаго, и Истор. церк. Макарія, II, 22.

9) Новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ посылалъ (въ 1227 г.)



объ основаніи Спасо-каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ. Пустынники, жившіе въ этихъ мѣстахъ, не имѣли даже храма, а только часовню, гдѣ собирались по временамъ для молитвы. Они терпѣли нападеніе отъ сосѣднихъ финновъ. Случилось что бѣлозерскій князь Глѣбъ Васильковичъ (1236 — 1278) плылъ по этому озеру, желая рѣкою Сухоною достигнуть Устюга, и былъ захваченъ на немъ страшною грозою. Въ минуту страха, онъ далъ обѣщаніе построить монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пристанетъ. Достигнувъ Каменнаго острова, онъ основалъ здѣсь обитель, а одного изъ пустынниковъ сдѣлалъ въ ней настоятелемъ. Такъ возникъ первый монастырь за Волгою <sup>1)</sup>. Въ 1269 г. при устьи Шексны, на берегу Бѣлоозера, явилась другая обитель — Троицы, также взявшая на себя миссіонерскую обязанность <sup>2)</sup>. Въ первой половинѣ XIV в. ~~варелы называються~~ уже христіанами, хотя нерѣдко случались примѣры отпаденія ихъ <sup>3)</sup>. Но распространеніе монастырей въ этомъ краѣ свидѣтельствуетъ о постепенномъ утвержденіи христіанства. При Димитріѣ Донскомъ Каменный монастырь былъ уже многочелюднымъ <sup>4)</sup>. При Василиѣ Дмитріевичѣ на Кубенскомъ озерѣ были основаны еще три обители: двѣ Діонсіемъ Глушицкимъ и одна Александромъ Куштскимъ на р. Куштѣ <sup>5)</sup>. Въ началѣ XV в. тамъ появилось снова два монастыря <sup>6)</sup>.

Одновременно съ дѣятельностью пустынниковъ Каменнаго острова открылась религіозная миссія въ олонецкомъ краѣ. Тотъ же Глѣбъ Васильковичъ, для защиты Бѣлозерскаго княжества отъ нападенія чуди, основалъ въ варкунъ-пуоли или медвѣжьей сторонѣ — городъ Каргополь <sup>7)</sup>, въ окрестности котораго возникъ Спасскій монастырь, построенный Василіаномъ, а спустя 30 лѣтъ послѣ него, въ 43 верстахъ отъ Каргополя, на горѣ Челмѣ поселился Кирилль Челмскій. Онъ вышелъ изъ монастыря Антонія римлянина, три года странствовалъ по сѣвернымъ пу-

крестить кареловъ и многіе приняли христіанство. Полн. собр. рус. лѣт. I, 191.

<sup>1)</sup> Сказаніе Паисія Ярославова о Камен. монаст. Прав. Соб. 1861, I, стр. 199, 200, 205.

<sup>2)</sup> Филаретъ, житіе Игнатія еп. ростовск., 28 мая.

<sup>3)</sup> Полн. собр. руск. лѣт. III, 79, V, 221.

<sup>4)</sup> Сказаніе Паисія, 202.

<sup>5)</sup> Ibid. 202, 206.

<sup>6)</sup> Карамзинъ, V, примѣч. 218.

<sup>7)</sup> Архангельск. лѣтоп., 93.

стынямъ и наконецъ избрать для жизни мѣсто, богатое лѣсомъ и ягодами. Но карелы были недовольны его присутствіемъ и старались избавиться отъ него. Однажды они зажгли лѣсъ; въ другой разъ его хотѣли умертвить, требуя сокровищъ. Долго боролся съ ними Кирилль, пока удалось ему склонить на свою сторону этотъ народъ. «Люди, жившіе въ окрестности, говорится въ житіи Кирилла, имѣли чудсвій языкъ и вѣру, и христіанство въ то время только начинало проникать сюда.» Но, подъ вліяніемъ Кирилла, вся эта страна приняла крещеніе, прибавляетъ его біографъ. Кирилль прожилъ на Челмской горѣ около 52 лѣтъ и умеръ въ 1367 г. <sup>1)</sup>). Послѣ него притономъ язычества оставался островъ Коневецъ на Ладожскомъ озерѣ. Онъ покрытъ множествомъ валуновъ, изъ коихъ нѣкоторые достигаютъ значительной величины, наприм. Конь-камень, Горбунъ-камень. По мѣстному преданію въ XIII и XIV вв. на островѣ лѣтомъ паслись конскіе табуны окрестныхъ деревень, охраняемые злымъ духомъ, жившимъ подъ свалою Конь-камень, около которой всякую осень оставляли одну лошадь въ жертву духамъ. Всѣ были увѣрены, что божество пожираетъ ихъ. Поэтому жители окрестныхъ мѣстъ съ уваженіемъ и страхомъ смотрѣли на это мѣсто. Но въ концѣ XIV вѣка здѣшняя жизнь получила другое направленіе. Въ 1393 г. прибылъ сюда, послѣ долгихъ странствованій по Аэону и новгородскимъ обителямъ, Арсеній, прозванный, по послѣднему мѣсту жительства, Коневскимъ. Подвизаясь на Коневскомъ островѣ, Арсеній узналъ о суровомъ уваженіи, каковымъ пользуется Конь-камень и рѣшился уничтожить его. Современное извѣстіе передаетъ это дѣло такъ: Арсеній приступилъ къ камню съ молитвою, окропилъ его святою водою и духи отлетѣли въ видѣ вороновъ на Выборгскій берегъ въ большую бухту, которая до сихъ поръ называется *Чортова-лахта*. Освященное же мѣсто сдѣлалось предметомъ уваженія у христіанъ. Скитъ Арсенія былъ обращенъ въ общежительный монастырь, пользовавшійся извѣстностью въ Новгородѣ, и новгородцы охотно посѣщали его и приносили въ монастырь богатые вклады <sup>2)</sup>).

Такимъ образомъ христіанство распространилось по всей Карелии,

<sup>1)</sup> Житіе Кирилла Челмскаго.

<sup>2)</sup> Житіе Арсенія Коневскаго; Свѣдѣн. о монаст. стр. 474. Костомаровъ, Сѣверно-русс. народоправ. II, 354—356. Географич. словарь Россійск. имперіи, Семенова, II, 706.

и при царѣ Ѳеодорѣ Іоановичѣ тамъ было учреждено уже особое епископство <sup>1)</sup>).

На сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера еще въ половинѣ XIV в. жили финскія поселенцы — лопари и чудь. Поселенія ихъ простирались за р. Онегу, по нижнему теченію Двины и на сѣверъ до р. Печеры. Сюда христіанство стало проникать вмѣстѣ съ распространеніемъ новгородскаго владычества, т. е. съ XI и XII в.; такъ какъ, покоряя финскія племена, новгородцы брали съ собою въ походы и священниковъ <sup>2)</sup>. Впрочемъ болѣе опредѣленный фактъ распространеніе христіанства въ этой области въ первый разъ встрѣчается только въ половинѣ XIV вѣка. Начало его принадлежитъ монаху Лазарю, который поселился на Мурманскомъ озерѣ. Прийдя сюда, рассказываетъ онъ самъ, я никого не нашелъ на этомъ мѣстѣ, а вокругъ озера жили лопари и чудь, страшные сыродцы. Многіе скорби, побои и раны претерпѣлъ и отъ этихъ звѣроподобныхъ людей. Много разъ они били и изгоняли меня съ этого острова, а хижину мою предавали огню. Они нарочно поселились возлѣ меня съ своими женами и дѣтьми и стали творить мнѣ пакости. Они требовали, чтобы я оставилъ это мѣсто, хотѣли убить меня и употребить въ пищу. Одинъ случай помогъ Лазарю въ такой бѣдѣ. Онъ исцѣлить, принесеннаго къ нему сына лопарскаго старѣйшины, жившаго на озерѣ Рондо, послѣ чего лопари и чудь перестали гнать Лазаря: этотъ случай доставилъ ему даже послѣдователей. Старѣйшина съ своими дѣтьми не только принялъ христіанство, но и постригся въ монахи. Другіе также приняли крещеніе, а упорные въ язычествѣ удалились къ Сѣверному океану. Со времени основанія обители на Онежскомъ озерѣ люди стали стекаться со всѣхъ сторонъ и селиться около нея. Новгородскіе посадники выдали Лазарю жалованную грамоту на островъ со всею землею, озерами, рѣчками, островками и ловами <sup>3)</sup>. Въ XVI в. въ тамошнемъ погостѣ было 2 монастырскихъ церкви, 2 въ селеніи и 1 часовня на Тутто-озерѣ; а всего населенія было: 1 село, 191 деревня и жилыхъ починковъ <sup>4)</sup>. Но еще въ половинѣ XV в. Варлаамъ Шенкурскій основалъ монастырь

1) Исторія іерархій, I, 28.

2) 1-я новгородская лѣтопись, стр. 21.

3) Завѣщаніе Лазаря, Истор. іерарх. V, 115.

4) Невольнѣ, О пятинахъ новгородскихъ, VI, 174.

и много церквей на Вагъ, по рр. Химаневъ, Усть-Пуѣ и Ледъ <sup>1)</sup>. И уже въ то время все населеніе въ Двинской области было христіанское <sup>2)</sup>.

Распространеніе христіанства постепенно подвигалось на сѣверъ. Русская колонизація значительно отодвинула финновъ къ сѣверу, а потому финскій элементъ главнымъ образомъ сосредоточился въ этомъ краѣ. Въ купчихъ и жалованныхъ новгородскихъ грамотахъ XV в., которыми опредѣлялось поземельное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, постоянно упоминаются пять карельскихъ родовъ, жившихъ въ Поморьи. Даже одинъ берегъ Бѣлаго моря назывался Корельскимъ. Владѣнія ихъ тянулись по рр. Шуѣ, Кемь, Кумбѣ, Варзугѣ и Керети <sup>3)</sup>. По сообществу съ ними жили: ижера, чудь и лопари—финскіе поселенцы; кяне—жители Финляндіи, тоже финскаго происхожденія, и мурмане—древніе норманны или позднѣйшіе норвежцы <sup>4)</sup>.

Финскія племена, разсѣянные въ этихъ мѣстахъ, стояли на самой низкой степени развитія. Одна древняя рукопись говорить о нихъ такъ: «эти племена жили, какъ дикіе звѣри, въ непроходимыхъ пустыняхъ и каменныхъ разсѣлинахъ, не имѣя жилищъ и ничего, необходимаго для жизни человѣка. Они питались только звѣрми, птицами и морскими рыбами, а одеждою служила имъ оленья кожа. Всякую вещь, приносящую имъ пользу, они боготворили: будетъ-ли это камень или нажда, которыми удалось имъ поразить звѣря. Такое грубое зловѣріе и до сихъ поръ сохраняется у самоѣдовъ, но у лапландцевъ только отчасти» <sup>5)</sup>.

1) Житіе Варлаама Шенкурскаго.

2) Акты арх. экспед. I, стр. 73.

3) Сборн. Соловец. грамотъ, № 4, 5. См. Русск. церк. на сѣвер. поморьи Прав. соб. 1860, II, 12, 13.

4) Житіе Зосимы и Савватія Соловецк. (Правосл. соб. 1859, II и III). Постоянно тѣснимые русскими, карелы двинулись къ сѣверу и вступили въ борьбу съ лапландцами, постепенно занимая ихъ земли. Память объ этой борьбѣ сохранилась въ пѣсняхъ лапландцевъ. Сосѣдніе финны вели противъ нихъ даже тайную или разбойничью войну. Русскихъ и карель на сѣверъ привлекалъ рыбный промыселъ въ Ледовитомъ океанѣ. Кастрень, I, 13, 14, 53, 55, 96.

5) Опис. Соловец. монаст. Досиоев, I, 40. Герберштейнъ говорить: «Лапландцы платятъ дань рыбою и кожено, такъ какъ ничего болѣе не имѣютъ. Они питаются одною рыбою и дичью; однако, какъ утверждаютъ, очень склонны въ сладострастію. Они употребляютъ платье изъ различныхъ

Уже по внѣшнему своему виду карелы и лапландцы рѣзко выдаются изъ семьи финскихъ племенъ. По очертанію черепа, карелы принадлежатъ къ длинноголовымъ, что заставляетъ нѣкоторыхъ выдѣлять ихъ изъ среды финскихъ племенъ; тѣмъ болѣе что въ курганахъ средней Россіи рядомъ съ короткоголовымъ типомъ попадается и длинноголовый, изъ которыхъ первый приписываютъ финнамъ, а второй древнѣйшему племени, жившему въ тѣхъ мѣстахъ <sup>1)</sup>. Карелы же и до сихъ поръ сохраняютъ черты древняго быта, составляющія контрастъ съ сосѣдними финскими племенами <sup>2)</sup>. Точно также лапландцы, по своему типу, приближаются къ монгольскому племени, тогда какъ остальные европейскіе финны ближе стоятъ къ кавказскому; а финское племя, на основаніи этнографическихъ и филологическихъ наблюденій Кастрена, составляетъ переходную ступень отъ одного къ другому <sup>3)</sup>.

Лапландцы болѣе другихъ удержали грубыя черты религіи сѣверной Азіи. Въ древнихъ русскихъ памятникахъ Лапландія вообще называется — *дикая лопь*, и съ такимъ же именемъ она встрѣчается у Герберштейна (*Dikiloppi*) <sup>4)</sup>. Они обоготворяли гадовъ, нетопырей и разныхъ пресмыкающихся животныхъ <sup>5)</sup>. Ихъ пенатами были зейды — идолы, сложенные изъ камней, изъ которыхъ одни составляли голову, другіе — плеча, грудь и прочія части тѣла. Къ нимъ обращаются лапландцы съ молитвами при всякомъ случаѣ; но ихъ же и наказываютъ за неисполненіе своей просьбы <sup>6)</sup>. Такими же зейдами считались и скалы, которыя въ особенномъ почетѣ у лапландцевъ. Плыви мимо ихъ, необходимо умилостивить зейда, въ противномъ случаѣ путешамъ грозитъ несчастіе на морѣ <sup>7)</sup>. Между божествами лапландцевъ первое мѣсто занималъ Укво или Ая, повелѣвавшій силами природы: онъ про-

звѣринныхъ шкуръ, а шалаши свои покрываютъ древесною корою и нигдѣ у нихъ нѣтъ постоянныхъ жилищъ. Сохранилось преданіе, что въ Лапландіи былъ король, который жилъ возлѣ Кеми. Кастрень, 56.

1) Богдановъ, Матеріалы для антропол. курганнаго періода Москов. губерніи.

2) Кастрень, 52.

3) Кастрень, 28, 237, 240, 243. Müller, Ugrische Volksstamm, I, 496.

4) Карамзинъ, VII, примѣч. 371; Курбскій, 130; житіе Трифона Печенгскаго; Записки о Московіи. 175, 176.

5) Житіе Трифона Печенгскаго.

6) Кастрень.

7) Герберштейнъ, 176—178.

являетъ себя въ бурѣ, громѣ и молніи, которая называется его мечомъ. Ему поклонялись лопари подъ видомъ громадныхъ горъ, утесовъ и озеръ. Въ Енаре есть скала, подобно башнѣ поднимающаяся изъ волнъ. Ей въ древности поклонялись какъ божеству, и теперь еще лопари съ ужасомъ указываютъ на ея поверхности—темныя, кровавыя и жирныя пятна, оставшіяся отъ тѣхъ поръ, когда идола мазали жиромъ и кровью. За тѣмъ у лапландцевъ идетъ цѣлый рядъ другихъ боговъ: Акка (супруга Укка), Туона, Лемпо и т. п., завѣдывавшіе разными обстоятельствами жизни. Мифологическія понятія лопарей о богахъ стоятъ на самой низкой степени: они принимаютъ обоготворяемые предметы не за символы божества только, но за самихъ боговъ. Они вѣрили, что ихъ зейды живутъ и ходятъ, пьютъ кровь и ѣдятъ жиръ, которыми ихъ мажутъ. Почитаніе змѣй сильно растрогранено между лопарями. Лопари вѣрятъ въ существованіе змѣйнаго царства, имѣющаго свои законы и учрежденія и управляющагося общимъ начальникомъ и другими, подчиненными ему, которые собираютъ ихъ въ определенное мѣсто для совѣщаній, творятъ судъ и расправу и налагаютъ наказаніе на людей, за оскорбленіе или умерщвленіе кого-нибудь изъ ихъ подчиненныхъ <sup>1)</sup>. Въ древности лапландцы приносили въ жертву своимъ богамъ даже дѣтей <sup>2)</sup>. Въ каждомъ таинственномъ мѣстѣ и во всемъ, что наводитъ на лопаря страхъ—онъ видитъ присутствіе особеннаго духа, о которомъ даже боится говорить громко. Поэтому шаманы и волшебницы пользуются большимъ уваженіемъ у лапландцевъ. Въ Лапландіи ихъ множество, и еще до сихъ поръ не искоренено тамъ вѣрованіе, что они могутъ превращаться во все: въ оленей, медвѣдей, волковъ, рыбъ, птицъ и т. п. Тамошнія пѣсни наполнены рассказами объ этомъ. Экзальтація и состояніе экстаза составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ волхвованій. Колдунъ ведетъ себя, какъ бѣшенный, рѣчь его становится громкою, и полною силы, у рта пѣна, зубы стучатъ, волосы поднимаются дыбомъ, глаза поварачиваются, брови сходятся, онъ часто плюетъ, кривляется тѣломъ, бьетъ ногами объ полъ, прыгаетъ вверхъ и дѣлаетъ другія необыкновенныя движенія. Во время предсказаній колдуны впадаютъ въ магическій сонъ, въ которомъ получаютъ всѣ нужныя имъ откровенія; и лопари думаютъ, что во время

<sup>1)</sup> Кастренъ, 25, 44, 73—76.

<sup>2)</sup> Ibid. 40, 39.

этого сна душа повидаетъ тѣло, странствуетъ вездѣ и разузнаетъ, гдѣ лежитъ украденная вещь, отчего случилась болѣзнь и чѣмъ лѣчить ее. Нѣтъ никакого сомнѣнія, замѣчаетъ Кастрень, что сонъ этотъ большею частію шарлатанство, и никакъ не принадлежитъ къ явленіямъ, объясняемымъ или вѣрнѣе нѣсколько необъясняемымъ животнымъ магнетизмомъ. Вѣроятно это просто обморокъ, порожденный неестественнымъ экстазомъ, до котораго волдунъ доводитъ себя во время чародѣйствія. Женщины доходятъ въ этомъ случаѣ даже до нѣкотораго рода сумасшествія. Способъ леченія у лопарей имѣетъ символическій характеръ. Вотъ примѣръ, какъ лопарка лечила вывихъ. Она долго водила пальцами по вывихнутому члену, какъ-бы отыскивая боль, и наконецъ, отыскавъ, ухватила ее ногтями, поднесла ко рту, разжевала и выплюнула. Она повторила это нѣсколько разъ <sup>1)</sup>. Особенно грубостію отличаются горные лопари <sup>2)</sup>.

Съ такимъ племенемъ пришлось вступить въ борьбу русскимъ миссіонерамъ на сѣверѣ. Въ началѣ XV в. на Карельскомъ берегу основана обитель нѣкто Евѣимій; но она была сожжена норвежцами въ 1419 г.; тогда Евѣимій построилъ новую, при содѣйствіи Марѣи поселницы, имѣвшей тамъ свои помѣстья. Главнымъ занятіемъ Евѣимія было обращеніе въ христіанство сосѣднихъ язычниковъ <sup>3)</sup>. Въ то же время въ сѣверо-западной оконечности Бѣлаго моря, при впаденіи р. Сороки въ Выгъ — поселился Германъ, который дѣйствовалъ тамъ, вѣроятно, въ томъ же духѣ <sup>4)</sup>. Но рѣшительное вліяніе на распространеніе христіанства на сѣверѣ оказали Соловецкій монастырь.

Въ то время, когда Германъ жилъ на р. Выгѣ, въ Валаамскомъ монастырѣ подвизался Савватій. Тамъ узналъ онъ объ удобствахъ для жизни Соловецкаго острова, богатаго рыбою, лѣсами и ягодами <sup>5)</sup>. Побуждаемый желаніемъ отшельничества, пришелъ онъ къ морю, съ цѣлю узнать у мѣстныхъ жителей о свойствахъ острова; и такимъ образомъ встрѣтился на Выгѣ съ Германомъ. Оба отшельника отправились на Соловецкій островъ, поставили крестъ у горы Сѣкирной, вы-

<sup>1)</sup> Кастрень, 16, 5, 19, 87, 88.

<sup>2)</sup> Ibid. 79, 80.

<sup>3)</sup> Житія Евѣимія Карельскаго у Филарета, апрѣль, стр. 79—82.

<sup>4)</sup> Рус. церк. на сѣверн. Поморьи, прав. соб. 1860, II, 15.

<sup>5)</sup> Начало житія Савватія.

рубилн лѣсъ въ окрестности и устроили велми. Это было въ 1429 г. Спустя шесть лѣтъ, оба они ходили на поморскій берегъ: Германъ для пріобрѣтенія жизненныхъ припасовъ, а Савватій, чтобы пригото- виться къ смерти, такъ какъ на Соловецкомъ островѣ не было церкви и дѣйствительно вскорѣ умеръ. Во время странствованія Германа, на р. Сумѣ съ нимъ встрѣтился другой отшельникъ—Зосима, уроже- нецъ Обонежской пятины и постриженникъ Палеостровскаго монасты- ря. Съ нимъ Германъ возвратился на Соловецкій островъ, и въ 1436 г., построивъ церковь Преображенія, они положили основаніе Соловец- кому монастырю. Какъ только былъ устроенъ монастырь, сюда собра- лось большое братство. Услышавъ о новой обители, цѣлыя толпы на- рода направились къ сѣверу, чтобы на мѣстѣ увидѣть новыхъ подвиж- никовъ, и многіе изъ посѣтителей оставались жить съ ними. Такимъ образомъ мѣсто, гдѣ никогда не жили люди, обратилось въ много- людное поселеніе <sup>1)</sup>.

Видя занятіе острова чуждыми людьми, карелы, жившіе на мор- скомъ берегу, сначала враждебно отнеслись къ основателямъ мона- стырскаго поселенія. Они стали заявлять свои права на островъ, какъ лежавшій по сосѣдству съ ними, а нѣкоторые изъ нихъ даже отправи- лись на островъ и заняли тамъ мѣста для рыбной ловли. Но отноше- нія инородцевъ измѣнились, какъ только русское населеніе на островѣ умножилось. По словамъ современника первоначальнаго заселенія остро- ва, тогда многіе изъ инородцевъ приняли христіанство, такъ что оно распространилось на 3000 верстъ въ окружности. Многіе изъ инородцевъ приходили въ монастырь съ тѣмъ, чтобы постричься тамъ въ монахи <sup>2)</sup>. Распространенію христіанства въ этихъ предѣлахъ значительно содѣй- ствовали поземельные надѣлы монастыря. Мы видѣли, какъ быстро и въ какихъ размѣрахъ совершались они по инициативѣ правительства; не менѣе значительны были и записи частныхъ лицъ. Такъ, отъ нов- городскихъ землевладѣльцевъ Соловецкій монастырь получилъ вотчины по морскому берегу, отъ Варзуги до Онеги: по рр. Шуѣ, Кемн, Кумбѣ, Варзугѣ и въ предѣлахъ Лапландіи. Кромѣ того, расширивъ свои сред- ства, монастырь самъ сталъ пріобрѣтать земли въ этихъ мѣстахъ <sup>3)</sup>.

1) Житіе Зосимы.

2) Житіе Зосимы и Савватія.

3) Сборникъ грамотъ Соловец. монастыря, № 4 и 5. Русск. церк. въ сѣвер. Помор. Црав. соб. 1860, II, 20—22.



А мы видѣли, что крѣстьяне охотѣе шли на монастырскія вотчины, которыя такимъ образомъ все болѣе подчинялись вліянію христіанскаго населенія. Даже финскіе кудесники оставляли свое ремесло и принимали христіанство. Болѣе опредѣленные факты обращенія финновъ видны изъ грамотъ, въ которыхъ иногда обозначаются ихъ прежнія имена рядомъ съ новыми—христіанскими. Уже въ концѣ XV в., игуменъ Доспоей, составляя житіе Зосимы и Савватія, считалъ необходимымъ по возможности упростить его слогъ, чтобы финны, жившіе по морю и вѣкругъ Соловецкаго острова (ижора, чудь, лопари), могли понять смыслъ рѣчи; такъ какъ они еще мало были знакомы съ русскимъ языкомъ<sup>1</sup>). Въ концѣ XV в. здѣшніе варелы (тиврульцы и вымольцы) вмѣстѣ съ новгородцами ходили противъ кареловъ, жившихъ въ Финляндіи, за ихъ набѣги, и послѣ счастливаго похода вмѣстѣ съ новгородцами они сдѣлали пожертвованіе въ Соловецкій монастырь: очевидно это были уже христіане<sup>2</sup>). А въ концѣ XVI вѣва, въ жалованной грамотѣ царя Феодора, лопари, жившіе въ области Реми, называются также христіанами<sup>3</sup>).

Въ дальнѣйшемъ распространеніи своемъ христіанство коснулось вольскихъ лопарей, и въ этомъ случаѣ принялъ участіе Соловецкій монастырь, въ лицѣ ученика своего Феодорита. Онъ былъ родомъ изъ Ростова. Имѣя только 13 лѣтъ, оставилъ онъ родителей и отправился въ Соловецкій монастырь. Въ 14 лѣтъ Феодоритъ принялъ уже монашество и за тѣмъ 15 лѣтъ пробылъ въ послушаніи у соловецкаго подвижника, Зосимы, ученика основателя обители. Спустя годъ послѣ этого, онъ рѣшился, по обыкновенію того времени, обойти сѣверныя пустыни. Прежде всего Феодоритъ посѣтилъ извѣстнаго тогда отшельника Александра Свирскаго и нѣсколько времени прожилъ у него, упражняясь подъ его руководствомъ въ подвигахъ созерцанія. Отъ Александра Свирскаго, Феодоритъ отправился въ заволожскіе монастыри и, посѣтивъ всѣ тамошнія обители, поселился въ Кирилловомъ монастырѣ, въ которомъ пробылъ два года, главнымъ образомъ упражняясь въ борьбѣ съ плотию. Склонный къ созерцанію, Феодоритъ не могъ оставить безъ

<sup>1</sup>) Житіе Зосимы и Савватія.

<sup>2</sup>) Сборн. Соловец. грам. № 5. Русск. цар. на сѣвер. Помор. Прав. соб. 1860, II, 25.

<sup>3</sup>) Сборн. Соловец. грам. № 69, 72. Ibid. 22, 22.

вниманія пустынь, которыми былъ усѣянъ вологодскій край. Тамъ онъ нашелъ извѣстныхъ тогда пустынниковъ—Порфирія, Артемія и Иоасафа Бѣлобаева—противниковъ церковнаго формализма, преобладавшаго въ понятіяхъ большинства. Съ ними прожилъ Феодоритъ около четырехъ лѣтъ. Тогда вызвалъ его въ Соловецкій монастырь прежній его наставникъ—Зосима, предчувствуя приближеніе смерти. Этотъ путь въ 300 миль, по непроходимымъ пустынямъ, Феодоритъ совершилъ пѣшкомъ. По смерти Зосимы онъ рѣшился поселиться въ пустынѣ и избралъ для жизни дикіе мѣста Лапландіи <sup>1)</sup>. Рѣвою Колою достигъ Феодоритъ желаннаго мѣста, гдѣ нашелъ уже одного пустытника, жившаго тамъ пять лѣтъ. Курбскій говоритъ: «мнѣ помнится, что его называли Митрофанъ». Но вѣроятно это былъ Трифонъ Печенгскій <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Прибытіе его сюда, на основаніи обстоятельствъ его жизни и лѣтъ; сообщаемыхъ Курбскимъ, полагаютъ въ 1527 году. См. стат. Шестакова: Просвѣтителі монарей Феодоритъ и Трифонъ, въ Журн. мин. народ. просвѣщ. 1868, июнь, 267.

<sup>2)</sup> Извѣстіе Курбскаго о дѣятельности Феодорита находится въ его Исторіи Іоанна, 126—142. Но о личности сожителя Феодорита мнѣнія расходятся. Одни признаютъ его Трифономъ (житіе у Филарета 15 декабря; предисловіе къ житію въ Правосл. соб. 1859, II; и Житія свят. рос. церк. Спб. декабрь, 390—429). Другіе отвергаютъ тожество ихъ и потому раздѣляютъ дѣятельность Трифона и Феодорита. (Шестаковъ, Журн. министер. народ. просвѣщ. 1868 июль, и Русск. церк. въ сѣверн. Поморья, Правосл. соб. 1860, II, 28—37). Но сличеніе фактовъ подтверждаетъ первое мнѣніе. Биографъ Трифона говоритъ, что онъ сначала подвизался и занимался миссіею на р. Печенгѣ, а потомъ ходилъ въ Кольскую волость, гдѣ, по словамъ Курбскаго, встрѣтился съ однимъ отшельникомъ Феодоритъ. Далѣе, о каждомъ изъ нихъ говорится, что онъ основалъ монастырь Троицы. Но въ биографіи Трифона указывается, что этотъ монастырь долго существовалъ въ видѣ церкви (Правосл. соб. II, 101—103), которая потомъ была преобразована въ обитель; а изъ сочин. Курбскаго видно, что отшельникъ, котораго засталъ въ этихъ мѣстахъ Феодоритъ, ходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Новгородъ, результатомъ чего было устройство монастыря—оба извѣстія соглашаются между собою; такъ какъ есть основаніе предполагать, что это былъ одинъ и тотъ же монастырь (Карамзинъ, IX, 159; X, 63, 95, примѣч. 179; XI, 27. Житіе рус. свят. Спб. 1856, декабрь, 390—429. Историч. словарь о святыхъ російск. церк.). Наконецъ въ биографіи Трифона упоминается о путешествіи его въ Москву съ другимъ отшельникомъ, который называется выходящемъ изъ Соловецкаго монастыря, а такимъ былъ именно Феодоритъ, который также странствовалъ туда. Следовательно соглашеніе извѣстія Курбскаго съ биогра-

Послѣдній родился въ 1495 г. возлѣ города Торжка и былъ близкихъ лѣтъ съ Теодоритомъ. Услышавъ однажды въ церкви похвалу пустынножкамъ, которыхъ ожидаютъ блага будущей жизни, онъ рѣшился и самъ удалиться въ пустыню. Съ этою мыслию онъ отправился на сѣверъ и пришелъ на р. Печенгу. Первое время провелъ онъ въ однихъ аскетическихъ подвигахъ; но, какъ строгій послѣдователь христіанскаго ученія, онъ не могъ сносить кругомъ себя языческаго богослуженія. Подъ видомъ торговыхъ дѣлъ, Трифонъ завелъ сношенія съ лопарями, а потомъ постепенно принялъ на себя роль христіанскаго миссіонера. Это возбудило противъ него языческихъ жрецовъ, которые недовольны были его вліяніемъ на народъ. Они били его, рвали ему волосы, бросали его о землю и наконецъ стали подуцать народъ, чтобы убить его. Но въ средѣ послѣднаго нашлись защитники Трифона, которые предохраняли его отъ печальной катастрофы. Впрочемъ не мало времени провелъ онъ въ распространеніи христіанства по рр. Печенгѣ и Пау, и когда оказалось довольно послѣдователей—онъ устроилъ церковь, для освященія которой вызвалъ изъ Кольской волости монаха Илію, отъ котораго и принялъ монашество. Одновременно съ Трифономъ, въ предѣлахъ Лапландіи занимались распространеніемъ христіанства

фіей Трифона вполне объясняетъ совмѣстную дѣятельность обоихъ; но Курбскій легко могъ смѣшать два сходныя имени (Трифонъ и Митрофанъ). Что же касается отрицательнаго отношенія къ разсказу Курбскаго, будто бы старавшагося разукрасить дѣятельность Теодорита въ ущербъ Іоанну Грозному (Шестаковъ, *Ibid.* 260), то оно вытекаетъ изъ общаго подозрѣнія къ Курбскому послѣдователей извѣстной теоріи. Курбскій не могъ помѣстить разсказа о Теодоритѣ въ другомъ мѣстѣ; кромѣ главы о мученикахъ, такъ какъ передаетъ о немъ только по случаю слуха объ утопленіи его Іоанномъ Грознымъ; но тутъ же заявляетъ, что другіе сообщили ему о естественной смерти Теодорита, и потому онъ не дѣлаетъ своего заключенія. За то, въ сравненіи съ біографіей Трифона, слѣдуетъ отдать предпочтеніе извѣстію Курбскаго. Онъ лично зналъ Теодорита, который былъ его духовникомъ и самъ разсказывалъ ему о лопаряхъ; оттого извѣстіе Курбскаго отличается точносью даже въ означеніи времени событій. Такого достоинства не имѣетъ за собою біографія Трифона Печенгскаго. Древнее житіе его погибло во время разоренія его обители шведами, а новое составлено гораздо позже, по краткимъ извѣстіямъ о немъ. Отсюда объясняется неполнота житія, пропуски и сбивчивость въ изложеніи, что признаютъ и тѣ, которые относятся отрицательно къ разсказу Курбскаго. (Шестаковъ, *ibid.*, 260, 290). По нашему мнѣнію дѣятельность Теодорита и Трифона имѣетъ тѣсную связь.

другіе отшельники, вышедшіе, какъ полагаютъ, изъ Солбвецкой обители. Результатомъ ихъ дѣятельности было обращеніе самихъ лапландцевъ (жившихъ вкругъ Кандалажской губы) въ 1526 г. въ Москву, съ просьбою прислать все необходимое для крещенія. А околѣ 1527 г. на берега Коты прибылъ Ѳеодоритъ, гдѣ онъ встрѣтился съ Трифономъ. Съ этихъ поръ обращеніе лопарей пошло скорѣе. Трифонъ не могъ имѣть обширнаго вліянія на нихъ, такъ какъ онъ былъ малограмотенъ («невѣжда и малокниженъ»). Ѳеодоритъ же принялся за дѣло съ болѣе широкою цѣлью. Онъ изучилъ лапландскій языкъ, такъ что былъ весьма искусенъ въ немъ (Курбскій), и вслѣдъ за тѣмъ принялся за обученіе лопарей, сдѣлавъ для нихъ переводъ болѣе употребительныхъ молитвъ. Результаты не застали обнаружиться скорѣе. Уже въ 1532 г. вольскіе лопари просили новгородскаго архіепископа Макарія прислать имъ священниковъ для крещенія и тогда же многіе были крещены. Двадцать лѣтъ провелъ Ѳеодоритъ въ миссіонерскихъ занятіяхъ. Послѣ этого оба миссіонера, на мѣстѣ существовавшей церкви, рѣшились основать монастырь Троицы и съ этою цѣлью отправились въ Новгородъ. Ихъ путешествіе имѣло полный успѣхъ. Пробывъ два года въ Новгородѣ, они получили на дорогу не мало серебра, и многіе изъ новгородцевъ послѣдовали за ними. По возвращеніи въ пустыню Ѳеодоритъ и Трифонъ построили монастырь, въ которой собралось большое братство. Теперь христіанство стало распространяться быстрѣе и однажды за-разъ Ѳеодоритъ крестилъ до 2000 лопарей вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, что, при разбросанности и рѣдкости тамошняго населенія, составляетъ весьма крупную цифру. При этомъ многіе изъ лопарей вступили даже въ монастырь. Впрочемъ дѣло Ѳеодорита значительно облегчалось ихъ характеромъ. По его собственнымъ словамъ, этотъ народъ отличался простотою и кротостью нрава, былъ чуждъ лукавства и потому весьма охотно принималъ христіанство. Это подтверждаютъ и современныя путешественники. Кастренъ говоритъ, что лопари выше всего цѣнятъ покой, отличаются религіозностью и семейными добродѣтелями, а въ протестантскихъ округахъ они знаютъ наизусть новый заветъ и все богослуженіе. Также съ почтеньемъ приняты были оба миссіонера и въ Москвѣ, гдѣ Іоаннъ Грозный щедро одарилъ ихъ обитель. По словамъ современника (Максима Грека) въ это время христіанство распространилось уже до предѣловъ Швеціи, на разстояніи 60 верстъ отъ города Варгава.

Но Феодоритъ встрѣтилъ сопротивленіе въ той средѣ, на которую онъ болѣе всего рассчитывалъ — въ монахахъ. Въ своемъ монастырѣ Феодоритъ ввелъ строгій общежительный уставъ; но, какъ защитникъ пустынной жизни, онъ запретилъ принимать въ пользу монастыря недвижимыя имѣнія, которыя въ то время были предметомъ горячихъ споровъ. По уставу Феодорита, монахи должны были добывать хлѣбъ собственными руками. Съ другой стороны, какъ ученикъ Соловецкаго монастыря, онъ, согласно съ уставомъ Зосимы и Савватія, запретилъ пускать въ монастырь не только женщинъ, но и животныхъ женскаго рода. По словамъ Курбскаго, строгость устава была причиною, что монахи возстали противъ Феодорита, избивъ его безпощадно и изгнали изъ монастыря. Онъ отправился въ Новгородскую область, и былъ сдѣланъ игуменомъ одного небольшого монастыря. Но съ этихъ поръ ему пришлось испытать рядъ невзгодъ. Спустя два года, по ходатайству Артемія, игумена Троицкой лавры, Феодоритъ былъ переведенъ игуменомъ въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, которымъ управлялъ 4 или 5 лѣтъ. Здѣсь, своими обличеніями, онъ возбудилъ противъ себя монаховъ и суздальскаго епископа, которые воспользовались обвиненіемъ нѣкоторыхъ пустынниковъ, близкихъ къ Феодориту, въ сочувствіи Башенину (1554 г.), преданному суду за мнимую ересь, и донесли на Феодорита. Тогда онъ былъ сосланъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ пробылъ около полутора года. Только благодаря ходатайству Курбскаго и другихъ лицъ, Феодоритъ получилъ свободу. Послѣ этого онъ перешелъ въ одну изъ монастырей въ Ярославль и прожилъ въ немъ годъ или два. Отсюда его вызвалъ Іоаннъ Грозный (1560) и отправилъ въ Константинополь за чиномъ царскаго вѣнчанія. Выполнивъ это порученіе, Феодоритъ удалился въ монастырь Димитрія Првлуцкаго и теперь вспоминая онъ о своихъ подвигахъ въ землѣ лопарей. Два раза посѣтилъ Феодоритъ Лапландію. Путь его исполненъ былъ опасностей: онъ шелъ изъ Вологды до Колмогоръ, оттуда рѣкою Двиною до моря, а моремъ до р. Печенги, въ предѣлы кольской Лапландіи. Цѣлью его путешествій было посѣщеніе своего монастыря и обращенныхъ лопарей.

Феодоритъ умеръ въ глубокой старости (болѣе 70 лѣтъ). Но о смерти его говорили различно. По словамъ однихъ, за ходатайство о Курбскомъ, онъ былъ утопленъ въ рѣкѣ, по повелѣнію Іоанна Грознаго; а по свидѣтельству другихъ, умеръ естественною смертію. Не смотря на все стараніе, говоритъ Курбскій, я не могъ узнать истину о смерти

Феодорита; а потому я написалъ, какъ слышалъ, будучи въ отсутствіи и на далекомъ разстояніи, понапрасну изгнанный изъ любимаго отечества. Между тѣмъ какъ имя Трифона сохраняется въ памяти лопарей, Феодоритъ позабытъ на мѣстѣ своей дѣятельности. Это объясняется, какъ тѣмъ, что Трифонъ оставался на мѣстѣ до конца жизни, а Феодоритъ на долго удалился оттуда; такъ и тѣмъ, что Трифонъ причисленъ церковью къ святымъ <sup>1)</sup>.

Пребываніе Трифона и Феодорита среди лопарей, кромѣ миссіонерскаго значенія, имѣетъ и другое—этнографическое. Они положили начало распространенію русскаго населенія въ тамошнемъ краѣ, такъ какъ до нихъ русскихъ колонистовъ тамъ не бывало <sup>2)</sup>.

Въ слѣдъ за обращеніемъ вольскихъ и печенгскихъ лопарей, христіанство распространилось у лопарей терскихъ. Сюда оно проникло одновременно съ послѣдними, но не получило сначала одинаковаго пріема. Впрочемъ въ 1573, по просьбѣ тамошнихъ лопарей, въ нимъ былъ отправленъ старецъ Феогностъ, которому поручено было построить церковь на р. Поною. Но въ 1581 г. она стояла пуста, по недостатку клира. Тогда попеченіе о ней взялъ на себя Троицкій монастырь, обязавшись доставить все необходимое <sup>3)</sup>.

О территоріальномъ распространеніи христіанства на сѣверѣ можно судить по количеству монастырей и церквей, которыя по пріемуществу были основаны Соловецкимъ монастыремъ. Такія церкви въ XV и XVI вв. находились на рѣкахъ: Унежмѣ, Вирмѣ, Сорокѣ, Выгѣ, Сумѣ, Шуѣ, Кемѣ, Керетѣ, Варзугѣ и друг. На островѣ Муѣ, въ Кемской волости Вотской пятинны, принадлежавшемъ Соловецкому монастырю и гдѣ жило много кареловъ и лопарей, находился музерскій Троицкій монастырь съ двумя церквами; а въ Кольской волости, кромѣ Троицкаго монастыря, основаннаго Трифономъ и Феодоритомъ, въ XVI в. была построена соборная церковь. Въ вотчинахъ оловецкаго монастыря, по означеннымъ рѣкамъ, въ XV и XVI вв. насчитываютъ 26 церквей <sup>4)</sup>. Съ пріобрѣтеніемъ отдаленной вотчины или съ умноженіемъ

1) Житіе Трифона Печенгскаго, Курбскій, *ibid.* Статья Шестакова, Журн. мин. нар. просв. 1868, іюль. Свидѣт. Максима Грека, Правос. соб. 1859 г., II, 216, 217. Кастрень, 28, 33, 39.

2) Житіе Трифона Печенгскаго.

3) Акты экспедиціи, I, № 289, 309.

4) Въ Сумскомъ острогѣ—1; въ Кемскомъ городѣ—1; въ Вирмѣ

населенія въ прежнихъ поселеніяхъ, результатомъ чего обыкновенно бывало образованіе новыхъ селъ и деревень, Соловецкій монастырь въ этихъ мѣстахъ обыкновенно устраивалъ новые приходы <sup>1)</sup>).

Въ двинской части сѣвернаго Поморья въ концѣ XIV или началѣ XV вѣка былъ основанъ Архангельскій монастырь, возлѣ котораго въ 1584 г. былъ построенъ городъ Архангельскъ. Одновременно съ нимъ, на Карельскомъ берегу, возникъ Николаевскій монастырь. Въ 120 верстахъ отъ Архангельска лежала Пертоминская пустынь; на устьи Лавы, въ 32 верстахъ отъ Архангельска, — Лавленскій монастырь; 2 монастыря въ Емедомъ станѣ; Чирцова пустынь — въ Мезенскомъ уѣздѣ, основанная пустынникомъ Сильвестромъ. Кромѣ того, въ Двинскомъ уѣздѣ въ XV и XVI вв. было построено 12 церквей <sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ, распространеніе христіанства на сѣверѣ совершалось непосредственно подъ вліяніемъ монастырей и въ концѣ XVI в. границы его уже совпадали съ границами русскихъ владѣній.

Тѣмъ же путемъ шло его распространеніе и на востокъ Россіи. Мы видѣли, что до вшествія татаръ крайнимъ предѣломъ русскихъ поселеній въ области Волги былъ Нижній Новгородъ; но завоеваніе Россіи татарами задержало на время его дальнѣйшее движеніе. Въ предѣлахъ бывшаго Булгарскаго царства размѣстились татары и подчинили себѣ всѣ финскія племена, находившіяся прежде въ зависимости отъ болгаръ. Здѣсь современемъ (1440 г.) образовалось Казанское царство и сдѣлалось твердымъ оплотомъ противъ русскихъ завоеваній, а торжество магометанства въ этомъ краѣ укрѣпило нерасположеніе къ Москвѣ среди финскихъ племенъ Поволжья. Еще въ X вѣкѣ магометанство было официально признано въ Булгарскомъ царствѣ, и съ тѣхъ поръ оно стало постепенно распространяться въ окрестности. Въ XIII в. папскіе миссіонеры называютъ болгаръ самыми упорными изъ всѣхъ магометанъ. Магометанское духовенство усердно

—1; въ Калезмѣ—2; въ Куше-рѣцкой волости—1; въ Шижнѣ—1; въ Сроокѣ—1; въ Шуѣ—1; въ Вараугѣ—1; въ Керети—3; въ Умбѣ—1; въ Ньюхѣ—1; въ Нижмо-озерѣ—2; въ Пурнемѣ—2; въ Ламцѣ—2; въ Золотцахъ—1; въ Піалѣ—1; въ Турчасовѣ—3; въ Яренгскомъ погостѣ—1. Опис. Солов. монаст. 392, 417.

<sup>1)</sup> Древнія пустыни, Прав. соб. 1860, II, 252—272.

<sup>2)</sup> Древнія пустыни, *ibid.* 272—274. Сказаніе о яренгскихъ и пертомин. чудотворц.; Житіе Антонія Сійскаго. Двинской летописецъ.

принялось за распространение своей религии. Многие из черемисъ, чувашей и башкирцевъ были обращены въ исламъ, а въ мордовскомъ городѣ Буртасъ было устроено двѣ мечети. Магометанская цивилизація нашла сильную поддержку въ татарахъ. Впрочемъ магометанство на Волгѣ главнымъ образомъ коснулось городского населенія, а въ сельскомъ народѣ и въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ городовъ, преобладали языческія вѣрованія или одна формальная сторона магометанства <sup>1)</sup>. Вотъ почему эти инородцы иностранныхъ писателей называются иногда язычниками <sup>2)</sup>. Ихъ религія, исполненная крайняго колдовства, не осталась безъ вліянія и на завоевателей. Финскіе жрецы пользовались уваженіемъ у татаръ, и передъ паденіемъ Казанскаго царства послѣдніе обращались къ ихъ содѣйствію и предсказаніямъ о судьбѣ города <sup>3)</sup>. До самаго паденія Казани рускіе встрѣчали здѣсь двойную оппозицію: политическую и религіозную. Поэтому русская колонизація временно направилась къ сѣверу отъ Волги и соответственно съ этимъ направленіемъ шло распространение христіанства

Ближайшими сосѣдями на востокъ, къ сѣверу отъ Волги, были зыряне и пермь, населявшіе страну, извѣстную подъ именемъ Великой Перми и по своему происхожденію входившіе въ составъ финскаго племени. Одни видятъ въ этой странѣ преемницу древней Біарміи <sup>4)</sup>; другіе считаютъ ~~ее~~ отдѣльною страной <sup>5)</sup>. Сами жители Перми называютъ себя Кожи <sup>6)</sup>; но въ общепотребительномъ языкѣ извѣстны болѣе подъ именами пермяковъ (райтѣ—украина; или пармъ, пермъ—гора) и зырянъ (сугѣ, тоже украина) <sup>7)</sup>. Название Перми уже извѣстно было древнему лѣтописцу, какъ страны, существовавшей до основанія Русскаго государства <sup>8)</sup>. По сосѣдству съ нею жили: на юго-западѣ—вотяки, на югѣ—

1) Рыковъ, Оренбург. топографія, I, 57; Ойрсовъ, Положеніе инородцевъ въ Москов. государ. 9, 18, 19. Рубрукъ, въ Чтеп. Москов. общ. исторіи, 1864, кн. III, Иностр. матер. 173.

2) Guagnini, Moscoviae descriptio, 17.

3) Исторія о Казанск. царствѣ, неизвѣст. сочин. XVI в. Спб. 1791, 125—129.

4) Савельевъ, Пермск. губер. въ археологія отнош. Журн. министер. внутрен. дѣлъ, 1852, XXXIX.

5) Роговъ, Матер. для опис. ~~бѣса~~ пермяковъ, Журн. министер. внутрен. дѣлъ, 1858, апрѣль.

6) Ibid. и Лепехинъ, Дневн. записки, III, 196.

7) Савельевъ loc. cit. и Роговъ, ibid.

8) Полн. собр. рус. лѣтоп. I, 2.



болгары; на востокъ—остями и вогулы. По общему сходству, зырянъ и пермяковъ обыкновенно считали однимъ народомъ и называли вообще пермью; а Кенпенъ присоединяетъ къ нимъ и вотяковъ. Уже въ XIII столѣтїи Пермь, вмѣстѣ съ Заволочьемъ и Двинской землею, платила дань Новгороду, и, будучи богата звѣрами, привлекала сюда торговыхъ людей. Но полного подчиненія Перми не видно: она платила дань и сохраняла собственныхъ князей и древнюю религію. Вѣрованія жителей Перми представляютъ черты грубыхъ религій средней и сѣверной Азии. Подобно остальнымъ финнамъ, они поклонялись—стихіямъ, животнымъ и разнымъ предметамъ: камнямъ, деревьямъ и т. п. Главными божествами у пермяковъ считались—Воипель и Золотая Баба. Последняя представляла каменный истуканъ, изображавшій старуху съ двумя младенцами на рукахъ. Въ честь ея убивали лучшихъ звѣрей, кровью которыхъ мазали ротъ и глаза истукана. При ней былъ оркуль, отвѣчавшій на вопросы любопытныхъ <sup>1)</sup>). По словамъ Гваньини, Золотой Бабѣ поклонялись югры, вогулы, обдорцы и сосѣдніе народы <sup>2)</sup>). Пермяки и зыряне обыкновенно дѣлали идолы изъ дерева или камня и обвивали ихъ полотняными пеленами. Ихъ ставили въ бумирняхъ, домахъ, на дорогахъ и въ лѣсахъ. При храмахъ служили волхвы, которые имѣли своего верховнаго жреца, а за ними слѣдовало множество чародѣевъ и волшебниковъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ, какъ у всѣхъ финновъ. Въ XIV вѣкѣ былъ извѣстенъ въ пермской землѣ верховный волхвъ—Пама, считавшійся отцомъ народа, который вѣрилъ, что его волшебствомъ управляется вся Пермь. Есть основаніе полагать, что и здѣсь во взглядѣ на міръ преобладалъ дуализмъ. У пермяковъ былъ богъ добра Енъ, и злое начало—Куль; но въ настоящее время понятіе о нихъ смѣшано съ христіанскимъ взглядомъ. Пермяки, какъ и всѣ финны, отличаются крайнимъ суевѣріемъ: новѣрья, предразсудки и примѣты сопровождаютъ ихъ на каждомъ шагѣ; но особенно опаснымъ у нихъ считается—колдунъ <sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> Житіе Стефана Пермскаго вполнѣ напечат. въ Памятн. старин. русск. литер., IV, 119—171. См. также у Филарета, и въ Истор. церк. Макарія, IV, кн. I, прилож. XVIII. Ср. стат. Рогова, *ibid.* Полн. собр. рус. лѣтоп. V, 250.

<sup>2)</sup> Gungnini, *Moscov. descript.*, ed. Starcewsky, 15.

<sup>3)</sup> Житіе Стефана Пермскаго, *loc. cit.* Роговъ, *ibid.* стр. 99, 94, 95, 74, 61, 62. Савельевъ, *ibid.* 118.

Въ такомъ видѣ была религія Перми до тѣхъ поръ, пока на мис-  
 сонерское поприще не выступилъ Стефанъ Пермскій. Онъ былъ сынъ  
 церковника, родомъ изъ Устюга. Въ дѣтствѣ онъ отличался большими  
 способностями, такъ что скоро научился грамотѣ и прочелъ всѣ книги,  
 бывшія въ церковномъ употребленіи. Въ родномъ городѣ Стефанъ  
 познакомился съ зырянскимъ языкомъ, въ слѣдствіе постоянныхъ  
 сношеній устюжанъ съ зырянами. Но онъ думалъ о дальнѣйшемъ  
 образованіи. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ отправился въ Ростовъ и  
 постригся (ок. 1465) тамъ въ Богословскомъ монастырѣ, потому  
 что при немъ была большая библиотека. Здѣсь Стефанъ усердно  
 принялся за чтеніе книгъ и сблизился съ тѣми изъ монаховъ, ко-  
 торые отличались большею начитанностію. Биографъ его Епифаній  
 съ удовольствіемъ вспоминаетъ, какъ они бывало спорили между со-  
 бою то о событіяхъ, то о какомъ-нибудь словѣ или строкѣ. Въ сво-  
 бодное время Стефанъ занимался списываніемъ книгъ, которыхъ много  
 осталось послѣ него въ монастырѣ. Но всѣ эти занятія вносились въ  
 одной цѣли — обращенію язычниковъ въ христіанство: «это у него было  
 давно задумано», и потому, будучи еще въ монастырѣ, Стефанъ соста-  
 вилъ пермскую или точнѣе зырянскую азбуку<sup>1)</sup>, состоявшую изъ 24  
 буквъ. Полагаютъ, что при составленіи ея, онъ воспользовался суще-  
 ствовавшими у зырянъ чертами и рѣзами на тонкихъ четвероугольныхъ  
 планочкахъ (*пась*), при помощи которыхъ и теперь они составляютъ  
 себѣ календари, съ обозначеніемъ мѣсяцевъ и дней года и ведутъ  
 счеты<sup>2)</sup>. Послѣ изобрѣтенія азбуки, Стефанъ принялся за переводъ  
 на зырянскій языкъ богослужебныхъ книгъ. Но для большаго успѣха  
 въ своихъ занятіяхъ, онъ изучилъ еще греческій языкъ, такъ что могъ  
 свободно читать и постоянно держалъ у себя греческія книги. Онъ  
 умѣлъ говорить на трехъ языкахъ, говоритъ Епифаній: на греческомъ,  
 русскомъ и пермскомъ. Изученіе греческаго языка въ Ростовѣ не пред-  
 ставляло для него особеннаго затрудненія, такъ какъ тамъ въ собор-

<sup>1)</sup> Савельевъ, *ibid.*, стр. 149 и Савванитова, *Зырянская грамматика: пермскій языкъ, для котораго Стефанъ изобрѣлъ азбуку, не иное что, какъ зырянскій*. Ср. Роговъ, *ibid.* 63, 64.

<sup>2)</sup> Этотъ способъ письма и до сихъ поръ сохраняется; Макарій, *Истор. церк. IV, кн. I, 139, пр. 179*. Вологод. вѣдом. 1850 г. № 16. *Азбука помещена у Барамз. V, пр. 125*. Она давно вышла изъ упо-  
 требленія. Макарій, *ibid.*

ной церкви сохранился обычай пѣть по-гречески. Среди такихъ записей Стефанъ пробылъ въ Ростовѣ до 1378 года <sup>1)</sup>. Тогда онъ рѣшился выполнить задуманное предприятие. Съ этою цѣлью онъ явился въ Москву и, получивъ разрѣшеніе на свое предприятие, въ званіи священника отправился въ пермскую землю. Изъ Устюга онъ спустился по Сѣверной Двинѣ до впаденія въ нее р. Вычегды, гдѣ начинались поселенія зырянъ. Первое изъ нихъ было Котласъ (прежнее Пырась). <sup>2)</sup> Здѣсь онъ не встрѣтилъ сопротивленія и крестилъ всѣхъ жителей, для которыхъ тогда же построилъ храмъ <sup>2)</sup>. Дальнѣйшій путь его шелъ по правому берегу Вычегды и вездѣ его дѣятельность обозначалась крестами и часовнями. Наконецъ онъ остановился при слияніи р. Выми съ Вычегдою, гдѣ было главное мѣсто зырянъ, на которомъ стоялъ городъ Усть-Вымь. Построивъ и здѣсь храмъ, Стефанъ открылъ въ немъ богослуженіе на зырянскомъ языкѣ. Но здѣсь главнымъ предметомъ почитанія язычниковъ была громадной величины береза, стоявшая на возвышенности и извѣстная подъ именемъ прокудливой (кудеса — волшебство) Сюда стекались зыряне со всѣхъ сторонъ и приносили ей лучшія части добычи и охоты. Она производила громадное впечатлѣніе на суевѣрныхъ жителей, видѣвшихъ въ ней памятникъ старины и божественной силы. Чтобы имѣть возможность чаще сталкиваться съ язычниками, Стефанъ нарочно построилъ себѣ келію возлѣ самой березы. Видя однако благоговѣнное уваженіе къ ней, онъ рѣшился совершенно уничтожить этотъ предметъ обожанія. Онъ срубилъ березу и сжегъ ее. Тогда язычники рѣшились умертвить Стефана; но его мужество, всегда помогающее въ подобныхъ случаяхъ, и страхъ ихъ передъ Москвою помогли ему. Онъ указалъ имъ на беспомощность презнато божества, которое не можетъ отомстить за себя, и эта рѣчь такъ подѣйствовала на зырянъ, что многіе тогда же крестились, а на мѣстѣ березы — Стефанъ построилъ храмъ. Онъ возмущался тѣмъ, что «дьявольское дѣйство царитъ тамъ» — и съ ревностью христіанскаго миссіонера принялся за истребленія языческихъ предметовъ почитанія. Его ученики и обращенные зыряне рубили священные деревья и уничтожали идоловъ. Но Стефанъ запретилъ своимъ ученикамъ брать дорогіе мѣха, которые были развѣшены возлѣ нихъ въ

1) Житіе Стефана Пермскаго. loc. cit.

2) Ист. епар. VI, 567.

видѣ приношеній, а велѣлъ ихъ сожигать. Это поразило зырянъ, при-  
выкшихъ отдавать все лучшее своимъ жрецамъ, и они еще болѣе рас-  
положились въ пользу Стефана.

Но такой способъ дѣйствія вызвалъ реакцію въ средѣ жрецовъ. Во главѣ ихъ выступилъ верховный жрецъ—Пама, жившій близъ Усть-  
Быни. Онъ возбуждалъ зырянъ тѣмъ, что Стефанъ пришелъ изъ Мо-  
сквы, которая угнетаетъ народъ податями; и, желая подѣйствовать на  
последній, вызвалъ Стефана пройти съ нимъ чрезъ огонь, а потомъ  
спуститься въ одну прорубь Вычегды, такъ чтобы выйти въ другую.  
Стефанъ приказалъ зажечь одну хижину, стоявшую въ сторонѣ и, когда  
пламя охватило ее, потребовалъ, чтобы жрецъ отправился съ нимъ.  
Волхвъ испугался. Тогда Стефанъ схватилъ его за одежду и сталъ при-  
нуждать идти съ собою. Мужество и рѣшимость помогли Стефану. Видя  
готовность послѣдняго во что бы ни стало исполнить торжественное  
обѣщаніе, Пама отказался отъ своего вызова. Это окончательно по-  
дорвало довѣріе къ нему народа; его хотѣли умертвить и только за-  
ступничество Стефана спасло волхва. Ему позволено было удалиться  
изъ Перми. Съ своими сторонниками онъ перешелъ на р. Обь и между  
березовскими остояками основалъ селеніе Алтымъ. На сколько личное  
мужество помогло Стефану въ борьбѣ съ защитникамъ язычества; на  
столько поворовительство народу привлекло къ нему послѣдовате-  
лей. Онъ уничтожилъ тяжелую повинность, которую должны были  
нести зыряне своимъ жрецамъ; онъ являлся заступникомъ ихъ передъ  
московскою властью, боярами и судьями, «избавляя отъ насиія, рабо-  
ты, тиунской продажи и тяжелой дани». Даже новгородскіе ушкунники,  
разбойничавшіе въ этихъ мѣстахъ, подчинялись его увѣщаніямъ. По  
совѣту Стефана зыряне устроили у себя укрѣпленія<sup>1)</sup>.

Все это, какъ нельзя болѣе, расположило ихъ въ пользу Стефана.  
За это время Стефанъ успѣлъ крестить до 1000 человекъ<sup>2)</sup>. Въ мѣ-  
стахъ утвержденія христіанства онъ ставилъ церкви и продолжалъ пе-  
реписывать для нихъ книги<sup>3)</sup>. Вездѣ было заведено богослуженіе

1) Житіе Стефана во Памятн. старин. рус. литер., IV, Ср. у Фя-  
ларета и Введеніе. христ. у березов. остояв. Журн. мин. нар. просв.  
1851, декабр. 12.

2) Полн. собр. рус. лѣтоп. VI, 129; VIII, 69.

3) Остатки его переводовъ сохранились въ отрывкахъ. См. Лепе-  
хинъ, III.

на-зырянскомъ языкѣ, и, когда его первоначальные труды достаточно утвердились онъ рѣшился ходатайствовать о назначеніи особаго епископа въ Пермь, и съ этою цѣлью отправился въ Москву. Выборъ палъ на самого Стефана. Это было въ 1383 году. По возвращеніи въ Пермь, онъ поселился опять въ Усть-Вымѣ. Теперь по-прежнему его дѣятельность распадается на два рода: отчасти она была продолженіемъ прежнихъ миссіонерскихъ трудовъ; отчасти была посвящена нуждамъ края. Онъ обязывалъ предѣлы своей епархіи, разыскивать язычниковъ и учить обращенныхъ грамотѣ и чтенію книгъ, конечно богослужебныхъ. Миссіонерскіе его подвиги совершались на пространствѣ между рр. Вимью, Вычедою и Вышерю (здѣсь при немъ поставлена храмъ). Онъ способствовалъ основанію нѣсколькихъ монастырей въ этомъ краѣ, которые должны были содѣйствовать его трудамъ: въ 165 верстахъ отъ Устьсисольска была основана Уляновская пустынь, а въ 60—Стефановская и 3 обители въ окрестности Яренска. Изъ гражданской его дѣятельности извѣстно нѣсколько случаевъ. Во время сильнаго голода онъ велѣлъ выдавать хлѣбъ изъ собственныхъ житницъ и нѣсколько разъ выписывалъ его изъ Устюга и Вологды. Въ 1386 г. онъ странствовалъ въ Новгородъ съ просьбою остановить нападенія ушкуйниковъ на земли зырянъ, и вѣче уплатило имъ вознесенные убытки. Въ 1390 г. онъ путешествовалъ въ Москву для защиты края отъ нападѣній московскихъ чюмчиновъ и въ тотъ разъ получалъ богатые дары, на которые устроилъ страннопримный домъ. При его содѣйствіи была уничтожена шайка разбойника Кортъ-Айки и нѣсколько разъ онъ устраивалъ нападенія вогуловъ и вятчанъ. Этимъ объясняется «Платъ земли пермской» о смерти Стефана, записанный его биографомъ Едифавіемъ, въ которомъ защита отъ насилій московскихъ чюмчиновъ и облегченіе повинностей края занимаютъ главное мѣсто. Все это способствовало одной главной его цѣли — обращенію язычниковъ. Стефанъ умеръ въ 1396 г., во время пребыванія въ Москвѣ, послѣ 18 лѣтъ миссіонерской дѣятельности 1).

При преемникахъ Стефана, уже во второй половинѣ XV в., христіанство распространилось на рр. Вышерѣ, Камѣ и Чусовой; тогда былъ крещенъ пермскій князь и положено начало обращенію вогуловъ,

1) Житіе Стефана Пермскаго, loc. cit. и Твор. св. отц. Прибавл. 1845; ЦДЛ. 7. об. 111. 200

князья которых также приняли христианство). Въ это время въ обрестности Чердыни встрѣчается четыре обители <sup>1)</sup>, изъ числа которыхъ Троицкая пустынь была специально назначена для миссіонеровъ, проповѣдовавшихъ христианство зырянамъ, жившимъ по р. Печорѣ <sup>2)</sup>. Медленность распространенія его послѣ Стефана въ теченіи цѣлаго столѣтія объясняютъ тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ сношеній съ русскими, было сильно язычество и вліяніе жрецовъ <sup>3)</sup>. Но и послѣ Стефана миссіонерская дѣятельность въ этомъ краѣ принадлежала преимущественно монастырямъ и отшельникамъ. Въ началѣ XVI в. Герберштейнъ писалъ о Пермѣ: «До сихъ поръ многіе остаются здѣсь идолопоклонниками; но монахи и отшельники, отправляющіеся туда, не перестаютъ обращать ихъ отъ суетнаго служенія идоламъ» <sup>4)</sup>.

Покореніе Казани открыло для русской миссіи новую область и дало направленіе русской колонизаціи въ югу. Эти оба явленія здѣсь тѣсно связаны. Бойна съ Казанью была начата и велась во имя религіозныхъ интересовъ: это была борьба христианства съ язычествомъ, съ поганями, для утвержденія христианской вѣры, т. е. православія, какъ понимали тогда. «Не могу терпѣть погибели христианъ, вѣранныхъ мнѣ; хочу страдать за вѣру православную до послѣдняго издыханія. Съ упованіемъ на Бога, на его причистую мать и на великихъ чудотворцевъ — идемъ въ путь» — говорилъ Іоаннъ передъ походомъ на Базань <sup>5)</sup>. Духовенство и народъ видѣли въ этомъ походѣ торжество христианства надъ идолослуженіемъ и самимъ дьяволомъ, направившимъ поганскихъ татарскихъ царей на православное царство <sup>6)</sup>. Завоеваніе Казани Іоаннъ приписывалъ самому Богу и молитвамъ св. Сергія <sup>7)</sup>. А потому первымъ дѣломъ послѣ взятія города было основаніе двухъ церквей, собора и монастыря (Зилантова) <sup>8)</sup>. Лѣтописцы рассказываютъ о знаменіяхъ, бывшихъ на р. Свіягѣ, о пророчествахъ и чу-

<sup>1)</sup> Распростр. христ. въ Пермск. епар. Макарія, Журн. министер. народ. проsv. 1857, XCIII.

<sup>2)</sup> Истор. іерар. V, 550.

<sup>3)</sup> Олдрсовъ, Положеніе инородцевъ въ Моск. госуд. 210.

<sup>4)</sup> Записки о Московіи, стр. 129.

<sup>5)</sup> Никон. лѣтоп. VI, 103. Акт. истор. I, № 160.

<sup>6)</sup> Дополн. къ акт. истор. I, № 37.

<sup>7)</sup> Обфійская лѣтопись.

<sup>8)</sup> Карамзинъ, VIII, 112—116. Продолж. рос. вивлюв. V, 241.

десахъ въ Казани. Напримѣръ, отъ коровы родилось дитя, и вдругъ превратилось въ вооруженнаго человѣка. Сказавши: «принимитесь московскому государю!» онъ немедленно исчезъ. Въ другой разъ рыболовы извели сѣть и увидѣли въ ней старца, который сказалъ имъ: «испещите умолитъ московскаго царя!» По современному извѣстію, когда дѣвкомъ, читая евангеліе, произнесъ слова: да будетъ едино стадо и одинъ пастырь! грянулъ сильный громъ (отъ взрыва подкова), вода дрогнула, дерзковъ затряслась <sup>1)</sup>. Таковы предзнаменованія паденія Казани.

Впрочемъ и здѣсь монастырская колонизація, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи, предупредила политическое заятіе края. До завоеванія Казани границею между казанскими и русскими владѣніями была рѣка Сура. Но еще въ XIV в. на этой границѣ мы встрѣчаемъ монастырскія владѣнія. Отъ рѣчки Курмышки внизъ по Сурѣ тянулась вотчина Спасо-Евфиміевскаго монастыря, пожалованная ему нижегородскимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ (1393), которая въ XV и XVI вѣдахъ была уже вассаломъ монастыремъ <sup>2)</sup>. Послѣ взятія Казани, г. рударственная колонизація идетъ одновременно съ монастырскою, при содѣйствіи самого правительства. Около Казани и Свияжска (построеннаго въ 1551 г.) возникли новые города: на сѣверо-западѣ — Чебоксары и Кокшайскъ, противъ нападенія черемисъ; Дашевъ и Тетюши — на югѣ, противъ нагаевъ и крымскихъ татаръ (1555—1557 г.). За тѣмъ, во время втораго черемискаго бунта, являются новые опорные пункты для русскаго населенія: Возмодемьянскъ, Цивильскъ, Царевокашайскъ, Уржумъ, Царевосанчурскъ и др. А въ половинѣ XVII в. города строятся уже за Камою (Биларскъ, Старошешминскъ). Возлѣ нихъ группируются русскія поселенія <sup>3)</sup>. Рядомъ же съ ними, устраиваются другіе центры — монастыри. Еще не выходя изъ Казани, Іоаннъ Грозный заложилъ Зилантовъ монастырь и назначилъ мѣсто для Преображенскаго. Нѣсколько радѣе были основаны Троицко-Сергіевскій и Успенскій монастыри въ Свияжскѣ. Вскорѣ послѣ завоеванія Казани построенъ Троицкій монастырь въ кремлѣ. Въ 1566 г. основанъ Троиц-

1) Карамзинъ, VIII, 109. и примѣч.

2) Акты экспед. I, № 12, 18, 21.

3) Мѣры Іоанна IV въ одерж. духовной побѣды надъ Казанью. Прав. соб. 1866, сентябрь, 11, 12.

тій монастирь въ Чебоксарахъ. Въ началѣ XVII в. возникаетъ Певравскій монастирь въ Тетюшахъ <sup>1)</sup>.

Не смотря на то, что Іоаннъ Грозный лично не сочувствовалъ развитію монастирской поземельной собственности и положилъ ей ограниченіе, въ этомъ случаѣ онъ сдѣлалъ исключеніе, имѣя въ виду заселеніе края и утвержденіе русскаго владычества въ его предѣлахъ. Монастири строятся вблизи городовъ и окружаются стѣнами и бѣнищами — очевидно съ стратегическою цѣлю; имъ раздаются земли и угодья, какъ средства для той же цѣли и для заселенія края. Назначенному въ Казань архіеп. Гурію были даны рыбныя ловли на протяженіи отъ устья Казанки до устья Камы, куда не заходили являться рыбацкія ватаги, изъ которыхъ современемъ образовались обширныя села <sup>2)</sup>. По писцовымъ книгамъ 1566, 67 и 68 гг. за Казанскимъ архіеп. и двумя монастирями (Преображ. и Златог.) считалось 1183 чети пахотной земли и 253 челобѣка; за Успенскимъ монастиремъ (въ Свіязскѣ), въ это время (спустя 13 лѣтъ послѣ основанія считалось 83 чел. До 1575 г. казанскій дѣвичій монастирь не имѣлъ вотчинъ, а въ 1585 г. за нимъ было уже 159 крестьянъ. Не если принять во вниманіе, что монастирямъ не давали инородцевъ, то эти цифры составятъ порядочное число крестьянъ, явившихся на новыя земли въ такой короткій срокъ <sup>3)</sup>. Новые монастири получили обыкновенныя права: переселять крестьянъ, заселять свои земли, право беспошлинной торговли на извѣстное время и въ извѣстныхъ мѣстахъ, собственный судъ; а крестьяне ихъ освобождались отъ повинностей на извѣстный срокъ. Притомъ эти земли давались монастирямъ преимущественно въ центрѣ, около Казани и Свіязска, гдѣ жили татары, вытѣснившіе отсюда другихъ инородцевъ; а эта мѣстность, по своей почвѣ, считается самою лучшею въ Казанской губерніи. Отсюда понятна административная цѣль — закрѣпить этотъ край за Московскимъ государствомъ; но также понятно почему крестьяне предпочитали и здѣсь, при всѣхъ указанныхъ условіяхъ, селиться на монастирскихъ земляхъ. И здѣсь дѣло доходило до того, что крестьяне бросали на-

1) Ратшинъ, Свѣдѣнія о монастиряхъ, Казанск. губерніи.

2) Вліян. монастир. на населен. въ Казанск. край, Прав. соб. 1864, февр. 193, 194. Акты истор. I, № 162.

3) Ibid. 195—197.



земля и переходили на вотчины монастырей. На что указывалось в Москву казанские воеводы в 1624 году, так что правительство запретило вперед оброчиться у монастырей. Закрепление крестьян в концѣ XVI вѣка было также причиною, что они в значительномъ количествѣ устремились въ этотъ край. По описи 1764 г. на монастырскихъ земляхъ въ Казанской землѣ было уже 12,000 крестьянъ.

Но полное подчиненіе края считалось достигнутымъ только съ утвержденіемъ въ немъ христіанства. Такъ смотрѣлъ на дѣло самъ Іоаннъ Провный. А потому, вскорѣ послѣ завоеванія Казани, онъ образовалъ тамъ особую епархію и назначилъ туда прелатъ лицъ, извѣстныхъ уже въ Москвѣ, для устройства церковныхъ дѣлъ. Архіепископомъ былъ избранъ Гурій, а настоятелями монастырей въ Казани и Свияжскѣ — Варсонофій и Германъ. Преображенскій монастырь въ Казани и Успенскій въ Свияжскѣ были главными центрами христіанской миссіи. Отправляя звѣсть олицъ въ Казань, Іоаннъ далъ свой наказъ Гурію, который долженъ былъ служить ему руководителемъ для его дѣятельности. Въ немъ предписывалось имѣть особое повеченіе: обшородчанъ стараться привлекать къ христіанству, а потому обращаться съ ними по возможности снисходительно; крестить только тѣхъ, которые добровольно согласятся на это; тамъ же посылать для наставленій по монастырямъ, а болѣе знатныхъ — наставлять въ своемъ домѣ. Для привлеченія къ вѣрѣ совѣтуется даже устраивать у себя угощенія и вообще стараться привлекать татаръ участіемъ къ ихъ положенію. Въ этомъ случаѣ архіепископъ имѣлъ право вмѣшательства даже въ гражданскія дѣла. Виновный въ преступленіи, если соглашался креститься, могъ найти защиту у архіепископа, который ни въ какомъ случаѣ не обязанъ былъ выдавать его гражданскимъ властямъ. Точно также, еслибы татаринъ былъ приговоренъ къ наказанію, а другіе татары пришли бы къ архіепископу ходатайствовать о немъ, тогда тотъ обязанъ былъ заступиться за виновнаго передъ воеводами. Это было своего рода *ius asyli*. Архіепископъ обязанъ былъ вмешиваться у воеводъ, которые изъ татаръ приговорены къ легкимъ наказаніямъ и за этихъ онъ имѣлъ право ходатайствовать безъ всякаго посторонняго побужденія. Такимъ образомъ дѣятельность архіепископа требовала значительныхъ матеріальныхъ издержекъ, а потому, вромѣ земли и угодій, ему было назначено порядочное по тому времени со-

держаніе 4). Но чтобы и со стороны властей не было поводомъ къ неудовольствію иноподданскаго края, архіепископу предоставлялось право зыщитаго надзора надъ ними. Замѣтивъ уклоненіе съ-и-къ стороны, онъ долженъ былъ увѣщавать, устраивать и наконецъ доносить царю 5).

Для болѣе дѣйствительнаго вліянія на иноподданцевъ, Гурій завел школы при монастыряхъ для обученія дѣтей. Полагають, что онъ заходилъ въ Казани при Зилантовомъ монастырѣ, и въ Свѣжскѣ при Успенскомъ. Въ біографіи Гурія говорится, что онъ и Варсонофій сами занимались обращеніемъ иноподданцевъ въ христіанство. Большое значеніе Варсонофія въ Казань вѣроятно основывалось на его знаніи татарскаго языка, которому онъ научился въ плѣну у крымскихъ татаръ. Результатомъ миссіонерской дѣятельности этихъ лицъ было обращеніе въ христіанство значительнаго количества мурчинокъ и особенно игометалъ (въ лѣтоисчислѣ означается нѣсколько тысячъ), которые принимали уже участіе въ усмиреніи восстанія, поднятаго мурсулманами въ 1556 г. Впрочемъ открытую враждебность русскіе встрѣтали болѣе въ средѣ финскихъ племенъ, нежели татаръ. Последние пользовались землею на родовомъ и даже личномъ правѣ; отъ него у нихъ было сильно развито владѣніе землями на вотчинномъ началѣ и рабство. Поэтому, въ раздачѣ земель московскимъ правительствомъ частнымъ лицамъ и монастырямъ, они не видѣли ничего особеннаго; а высшій классъ татаръ, составившій сословіе служилыхъ татаръ, даже сочувствовалъ этому. Казанскіе порядки близки подходили къ московскимъ. Вотъ почему татары рѣдко принимали участіе въ движеніи иноподданцевъ противъ Москвы. У финскихъ же племенъ, — черемисъ, мордвы и чувашей, воплѣтъ былъ развитъ общинный бытъ, и потому они враждебно относились ко всякой раздачѣ земли въ частныя руки. Этого же бытъ сплотилъ ихъ и въ религіозномъ отношеніи,

1) Деньгами 1020 р.; 1300 четв. ржи; 500 чет. ржан. муки; 300 четв. пшеницы; 100 четв. пшенич. муки; 105 четв. гречнев. крупъ; 80 четв. солоду; 1000 четв. овса; 120 четв. конопл. семени; 120 четв. овсян. крупъ; 60 четв. толокна; 50 пудъ коров. масла; 500 пудъ меду наконецъ разныхъ кореньевъ и приправъ. Акты экспед. I, № 241 Герману: 500 рубл.; 500 четв. ржи; 500 четв. ржан. муки; 200 четв. пшеп.; 400 четв. пшенич. муки и т. д. Въ томъ же родѣ и Варсонофію. Ibid.

2) Ibid.

оттого они неіше поддавались вліянію міссіонероів<sup>1)</sup>. Въ особѣности древніи черты быті сохранились у черемисоів, и по лому оні; постоінно проявляли свою самостоятельность, участвуя во всѣхъ бунтахъ до времени Пугачева (1552—57, 1572—84; въ смутное время, при Стефанѣ Разинѣ).

Гораздо даіше шла монастырская колонизація въ казанскомъ краѣ подѣ вліяніемъ частныхъ основателей пустынь. Нѣкто Евдѣмій, прибывъ въ казанскій край, сталъ искать мѣста, удобнаго для уединенія. Такимъ образомъ онъ пришелъ въ Седмизерную пустынь. После долгаго путя онъ заснулъ, и во снѣ ему представился огненный столпъ, поднимающійся отъ земли въ небо. Тогда онъ рѣшилъ основать на этомъ мѣстѣ свое жилище. Съ теченіемъ времени къ нему собралось нѣсколько отшельниковъ—и онъ устроилъ монастырь; вооіе котораго стали селиться крестьяне, а черемисы принуждены были удаляться дѣль. Въ 1613 г. изъ Преображенскаго монастыря отправился въ уединеніе другой отшельникъ—Филаретъ. Онъ остановился въ Радфской пустыни, мѣстоположеніе которой ему очень понравилось. Вооіе лежала озеро, куда сходились черемисы на поклоненіе. По смерти Филарета здѣсь образовался монастырь, которому Алексѣй Михайловичъ отвѣлъ пустошь надѣ Камою. Въ 1647 г. была основана еще Царевовошайская пустынь, но случаю явленія образа. Эти пустыни уже отличаются отъ прежнихъ монастырей тѣмъ, что были основаны въ сѣверной части Казанской губерніи, т. е. мѣстахъ неіше доступныхъ и среди черемисъ, наиболѣе враждебныхъ для русскыхъ. И теперь эти пустыни составляютъ крайніи граници русскыхъ поселеній въ землѣ черемисъ. Такимъ образомъ въ средоточіи Казанскаго царства и по его окраинамъ лежали монастырскаіа поселенія. Но Сурѣ тянулись землѣ Спасо-Евдѣмьевскаго монастыря; во Ветлугѣ—монастыря Макарія Желтонодскаго; на сѣверѣ—мѣста трехъ означенныхъ пустынь; а вотчины Попроевскаго монастыря—по рѣкѣ Черемшанѣ—значить граничили уже на югѣ съ степью<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> При патриархѣ Никонѣ былъ посланъ для обращенія татаръ въ Шаркомъ и Тамбовскомъ уѣздахъ рязан. еписк. Мисаилъ. Сначала онъ крестилъ 4200 чел., а въ другой разъ 315 чел. мордвы; но въ сѣб. Конобѣевѣ противъ него возмутились и онъ былъ прооивень стрѣлами. (1655 г.) Филаретъ, Истор. церквы, IV, 60.

<sup>2)</sup> Житія Гурія и Германа казанск. у. Филарета. Назначал грам.

21) **О падѣиіи Магнитного Астраханскаго царствѣ отъ россійско-русской колонизаціи, какъ въ мѣстахъ, которыя были до тѣхъ поръ запады татарскими владѣніями, такъ и въ предѣлахъ Евроніи, на всемъ пространствѣ Сибири и сѣверо-восточной Азіи. Мадѣсь населеніе края совершается промышленными людьми, завоеваніемъ и волынными дружинами, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимаютъ донскіе казаки. На сѣверо-востокѣ Россіи, въ области Перми, уже при Василіи Іоанновичѣ были обширныя участки земли—Строгановы, которые сдѣлались здѣсь главными распространителями промышленной колонизаціи. Три Іоаннъ Грозномъ они получили во владѣніе пустыя земли на пространствѣ отъ Вѣны до Чусовой съ правомъ населять ихъ свободными людьми. Соловареніе составляло главную отрасль промышленной дѣятельности Строгановыхъ. Они принялись заселять свои земли. Но владѣнія ихъ, окруженныя со всѣхъ сторонъ инородцами, должны были подвергаться постояннымъ нападенимъ. Поэтому Строгановы стали строить на этомъ пространствѣ города (напр. Канскромъ, Бергеданъ) и защищать ихъ своими людьми<sup>1)</sup>. Переворотъ, случившійся на Днѣ, далъ имъ новую силу для борьбы съ иногородцами. Въ это время московскіе воеводы преслѣдовали и казнили казановъ за грабѣжъ московскихъ вунцовъ и восточныхъ пословъ<sup>2)</sup>—они должны были бѣжать съ Дона<sup>3)</sup>. Одинъ отрядъ ихъ выселился на Яикъ и положилъ начало яцкимъ каравамъ, которые въ XVII вѣкѣ отерли свои нападенія на Бухарию; а другой, подъ предводительствомъ Ермака, явился въ Строгановымъ и при ихъ содѣйствіи, положилъ начало завоеванію Сибири.<sup>3)</sup> Съ этого времени казаки постоянно участвуютъ въ завоеваніи племенъ сѣверо-восточной Азіи вмѣстѣ съ московскими отрядами. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, русская колонизація уже успѣла утвердиться на Амурѣ и у Охотскаго моря; а еще прежде, именно въ 1648 г., служившій человекъ Семень Дежневъ обогнулъ сѣверо-восточную оконечность Евроніи, достигнувъ до береговъ Камчатки и Японіи.**

134 v  
 Гурію, Ав. экспед. I, № 241. Мѣры Іоанна IV къ одержанію побѣды надъ Казанъ въ связи съ миссіонер. дѣят. Гурія и его помощниковъ — Варсона и Германа. Прав. соб. 1366, сентябрь. Вліяніе монастырей на расселеніе въ казанск. край. Ид. 1864, январь и февраль.

1) Соловьевъ, VI, 412—421.

2) Ibid. VI, 424, 425.

3) Ригельманъ, Истор. Донскихъ казаковъ, 10—16.

текуюю оконечность Азии и открылъ проливъ, названный послѣ Беринговымъ <sup>1)</sup>.

Одновременно съ завоеваніемъ этого края шло распространеніе христіанства. Издавна въ Чердыни было два монастыря—мужской и женскій, а въ его уѣздѣ двѣ пустыни. Съ поселеніемъ Анны Строганова на Камѣ, на правомъ берегу ея, при устьи нижней Пыскорки, возникъ Преображенскій монастырь (1558—60 г.) Онъ имѣлъ большое вліяніе на распространеніе христіанства. Въ то же время Строгановы основали другой монастырь—въ Олонецкѣ, а въ слѣдъ за нимъ, въ окрестностяхъ послѣдняго, явилось три монастыря (2 женскихъ) и четыре пустыни. Изъ Пысворскаго монастыря вышелъ Трифонъ Вятскій, извѣстный миссіонерскою дѣятельностью въ окрестности Перми. Онъ былъ мезенскій уроженецъ (Арханг. губер.) и нѣкоторое время подвизался въ пустынѣ, изъ которой перешелъ въ Пысворскій монастырь въ послѣдней четверти XVI вѣка. Но не долго пробылъ въ немъ Трифонъ. Выйдя изъ монастыря, онъ отиравался вѣнъ по Камѣ и доплылъ до р. Муляни, впадающей въ нее. Ему понравилась прекрасная долина, окруженная лѣсами,—и онъ рѣшился остановиться здѣсь. Подъ горою, вблизи остояцкаго владбища, онъ поставилъ себѣ хижину, вокругъ которой жили язычники—вогулы и остяки, приносившіе жертвы у священнаго дерева. Пораженные страннымъ прищемлемъ, они донесли о немъ своему старѣйшинѣ—Зевендуку, который, въ сопровожденіи 70 человекъ, пришелъ въ Трифону, чтобы узнать о цѣли его пребыванія въ этомъ мѣстѣ. Трифонъ раскрылъ передъ нимъ сущность христіанскаго ученія и особенно старался по дѣйствовать на слушателей картиною страшнаго суда, который всегда производилъ сильное впечатлѣніе на язычниковъ. Послѣ бесѣды съ Трифономъ, остяки дали слово о немъ своему князю Амбазу, который также общался познакомясь съ его ученіемъ. Священное дерево, возлѣ котораго собирались язычники, пользовалось уваженіемъ не только у нихъ, но и у христіанъ. Поэтому Трифонъ немедленно срубилъ его. Такой поступокъ еще болѣе поразилъ остяковъ, которые считали его вмѣсталищамъ волшебной силы. Нашлись и недовольные, желавшіе умертвить Трифона, объясняя нападеніе черемисъ наказаніемъ боговъ за присутствіе въ ихъ землѣ Трифона. Присутствіе духа

<sup>1)</sup> Соловьевъ, XII, 301—330, 311.

и заступничество людей Строганова помогли ему, и въ скоромъ времени семейство князя Амбала и вогульского князя Бебека приняло христианство; тогда ихъ примѣру послѣдовали многіе изъ народа. Послѣ того Трифонъ основалъ монастырь на р. Чусовой на мѣстѣ, гдѣ, по рассказамъ жителей, обиталъ злой духъ, пугавшій ихъ своимъ крикомъ. Но охотная и выжигая лѣсъ въ окрестности, Трифонъ произвелъ большой пожаръ, уничтожившій ближайшія жилища. Тогда жители изгнали его отсюда и онъ удалился въ Хлыновъ, поручивъ монастырь своему ученику. Въ половинѣ XVII вѣка встрѣчаются уже монастыри въ городахъ: Оканскѣ, Осинѣ и въ уѣздахъ Кузнецкомъ и Красноуфимскомъ<sup>1)</sup>. Таковы были результаты распространенія христианства въ предѣлахъ европейской Россіи.

По ту сторону Урала, въ концѣ XVI в. и въ теченіе XVII являюся уже главнѣйшіе города нынѣшней Сибири. Для заселенія края русскими колоніями вызываются свободные люди съ значительными льготами и пособіями (1597, 1613 гг.) отъ правительства. Но яшь только открылся для русскаго населенія доступъ въ эти мѣста — здѣсь являюся монастыри. Для большаго успѣха русскаго мисіонерства, въ 1621 г. была основана Тобольская епархія и первый архіепископъ ея — Кириакъ былъ распространителемъ въ Сибири монашества и христианства. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ онъ основалъ 6 монастырей: 4 мужескихъ и 2 женскихъ. Его преемникъ — Филофей Лещинскій вызвалъ для мисіонерской дѣятельности кievскихъ монаховъ, и въ теченіе своего пребыванія въ Сибири крестилъ до 40,000 магометанъ и язычниковъ: татаръ, вогуловъ и тунгузовъ. Но, для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, онъ оставилъ епархію, принялъ схиму и въ качествѣ простаго монаха проповѣдывалъ христианство. И здѣсь однако не обошлось безъ участія отшельнической монашеской колонизаціи. Въ половинѣ XVII в. на р. Исеть пришелъ нѣкто Димитрій, родомъ татаринъ, передъ тѣмъ подвизавшійся въ верхотурскомъ монастырѣ. На Исети онъ устроилъ пещеру; но, когда молва равнеслась о его пребываніи въ этомъ мѣстѣ, къ нему стали сходиться христианскіе поселенцы. Это не нравилось богатому татарину Ияигею, имѣвшему здѣсь свою вотчину, и онъ рѣшилъ умертвить его. Но страшное видѣніе такъ

<sup>1)</sup> Распростр. христианст. въ Пермск. енар. Макарія, Журн. мин. нар. проsv. 1857, XCIII, и житіе Трифона Вятскаго, у Филарета.

перезиче. Иларию, что онъ не могъ вспомнить своего наѣзжика. Это еще болѣе расположило населеніе къ Дамату, и на мѣстѣ его пещеры образовался многолюдный монастырь, а въ слѣдъ за нимъ и другой<sup>1)</sup>. Въ половинѣ XVII в. христіанство проникаетъ уже въ Даурию. Въ 1671 г. возмѣ Албазина, лежащаго на границѣ восточной Даурии, построенъ былъ Спасскій монастырь. Въ 1681 г. въ эту область были посланы миссіонеры-монахи, устроены монастыри въ Селенгинскѣ и въ близки Каргунскаго залива—посольскій монастырь. Во второй половинѣ XVII в. появляются монастыри—въ Якутскѣ, Киренскѣ и Иркутскѣ, а въ началѣ XVIII в. открыта была Иркутская епархія<sup>2)</sup>. Въслѣдъ монастырей въ Сибири къ концу XVII вѣка насчитываютъ 37<sup>3)</sup>, но Петръ В. (1698 г.) запретилъ строить ихъ болѣе, такъ какъ и безъ того находилъ ихъ тамъ «довольное число»<sup>4)</sup>. Въ Сибири тобольскій епископъ пользовался правами, равными тѣмъ, какия были даны Гурію Іоанномъ Грознымъ<sup>5)</sup>.

Такимъ образомъ, одновременно съ политическимъ занятіемъ означенной территоріи, на ней распространилась монастырская система; но во многихъ мѣстахъ монастырское вліяніе даже преудредило политическое владычество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это вліяніе на столько утвердилось, что инородцы охотно наполняли монастыри. Оно обусловливалось, какъ тѣмъ, что главными распространителями христіанства въ инородческомъ мірѣ были отшельники; такъ и тѣмъ, что даже въ мѣстахъ, гдѣ миссію христіанства брала на себя власть, миссіонерами являлись по большей части монахи. Не смотря однако на обширность территоріи, занятой христіанскою миссіей, язычество на долге осталось господствующимъ на этомъ пространствѣ не только въ религіи, но и въ нравахъ и монатіяхъ большинства. *Den de*

1) Распротр христ. въ Пермск. епархія, Макарія, 1714.

2) Филаретъ, Истор. руск. церкви, IV, 53—57.

3) Словоцовъ, Историч. обзор. Сибири, I, 332.

4) Полн. собр. законовъ, III, 1629.

5) Слѣдуетъ однако замѣтить, что такъ какъ основаніе монастырей въ Сибири случалось уже въ ту эпоху, когда всѣми мѣрами старались ограничить распространеніе монастырской недвижимой собственности, то здѣсь она была весьма незначительна, въ сравненіи съ общією цифрою монастырскихъ крестьянъ и пространствомъ Сибири. Въ Тобольской и Иркутской епархіяхъ было всего 15,526 ревизск. душъ вкрест. Труды кiev. дух. ак. июнь, 1867, 489.

Замѣтательно, что тѣже мѣстности, которыя подвергнулись вліянію русской миссіи, подвергались потомъ обличеніямъ со стороны представителей церкви за остатки язычества: онѣ или снова обращались къ языческому культу, или сохраняли его рядомъ съ христіанскими формами религіи <sup>1)</sup>. Тоже замѣчаютъ и позднѣйшіе путешественники.

«Въ религіозномъ отношеніи, говоритъ Кастрень, русскіе лопари стоятъ на очень низкой степенѣ. Они не имѣютъ почти никакого понятія объ ученіи христіанскомъ; изъ нихъ никто не умѣетъ читать. Въ общественной жизни они строго соблюдаютъ предписанія греческой церкви; но подъ этой христіанской внѣшностью скрывается много суевѣрій. Особенно глубоко укоренилась у нихъ вѣра въ колдовство. Алякские лопари, какъ искусснѣйшіе колдуны, пользуются великимъ почетомъ. Въ такомъ же видѣ христіанство и среди остяковъ. «Хотя остяки, говоритъ тотъ же путешественникъ, болышею частію и крещены, но за тѣмъ они ничего уже не хотятъ знать о христіанствѣ, потому что точно также, какъ и самоеды, увѣрены, что нельзя быть истиннымъ христіаниномъ, не сдѣлавшись русскимъ». Но такъ какъ русское господство утвердилось прежде всего на Иртышѣ, то иртышскіе остяки болыше другихъ подвергались вліянію русской цивилизаціи; однако и у нихъ христіанство состоитъ въ строгомъ выполненіи предписаній греческой церкви. Живущіе же по Оби, въ своихъ вѣрованіяхъ, представляютъ значительную примѣсь язычества. Енисейскіе остяки, по вѣроисповѣданію, принадлежать къ православной церкви, но до сихъ поръ сильно придерживаются шаманства и поклоняются прежнимъ богамъ: богу вѣба, преисподней и земли или медвѣду <sup>2)</sup>. Даже въ мѣстахъ болѣе близкихъ въ центру, между чувашами и мордвою, религіозныя вѣрованія представляютъ постоянную смѣсь христіанства съ древнимъ язычествомъ «Рѣдко можно найти деревню, въ которой не было бы остатковъ языческаго богослуженія» <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Посланія митр. Θεодосія и Макарія въ Вотскую патиу, Дополн. къ астамъ историч. I, № 28 и 43. Посланіе митр. Симона въ Пермь въ 1501 г., Акты историч. 112. Донесеніе Гермогена митр. казанск. въ Москву о состояніи христіанст. въ Казанск. земль (1593 г.), Акты архиеп. II, № 350.

<sup>2)</sup> Кастрень, 87, 241, 265, 343.

<sup>3)</sup> Лепехинъ, Дневныя записки по разнымъ провинціямъ Россійск. госуд. 1768 и 1769 гг, I, стр. 162 168, 169..



Причины такого положенія дѣла кроются въ мѣстныхъ и общественныхъ условіяхъ, среди которыхъ развивалась русская миссія. Обращеніе язычниковъ совершалось преимущественно по инициативѣ отдѣльныхъ лицъ, а потому оно не всегда находило поддержку востѣ нихъ <sup>1)</sup>. Естественно, что продолженіе миссіи въ означенныхъ предѣлахъ должно было взять на себя бѣлое духовенство и монастыри, появившіеся среди инородческаго населенія. Но первое, какъ мы видѣли (см. 1-ю главу, стр. 9—11), отличалось самымъ ограниченнымъ знаніемъ грамотности и притомъ находилось въ рукахъ монаховъ, которые не всегда пользовались властью умѣренно; поповскіе же старосты на дѣлѣ были орудіями архіерейской власти. Въ инородческихъ земляхъ экономическая несостоятельность бѣлаго духовенства и зависимость его отъ чернаго были еще сильнѣе <sup>2)</sup>. Что же касается монастырей, то на первыхъ порахъ, какъ мы видѣли, они были продолжателями миссіонерской дѣятельности своихъ основателей; но со второй половины XVI в. упадокъ нравственности въ монастыряхъ дѣлается всеобщимъ <sup>3)</sup> и монастыри все болѣе теряютъ свой первоначальный характеръ. Неудивительно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, въ Сибири нерѣдко храмы стояли пустыми <sup>4)</sup>. Съ другой стороны, самое пространство, на которомъ были расѣяны инородческія племена, было такъ обширно, что даже формальное утвержденіе христіанства долго не могло имѣть успѣха. Такъ, по писцовымъ книгамъ 1582—83 г., въ выгозерскомъ станѣ (отъ Кеми до Онежской губы) считалось 8 церквей и 73 деревни, которыя были раскинуты на пространствѣ болѣе 1310 квадрат. верстъ; слѣдовательно среднимъ числомъ на 140 ввадр. версть приходилась по 1 церкви. Въ XVII в. въ Олонецкомъ уѣздѣ, на протяженіи 5895 верстъ было 35 церквей вмѣстѣ съ монастырскими; слѣдовательно на каждую приходилось 672 версты въ окружности. Въ юморской части Обонезской пятины много было та-

<sup>1)</sup> Ср. Ойрсовъ, Положеніе инородц. въ Моск. государ. 219, и Шестаковъ, Жур. мин. нар. проsv. 1868, іюнь, 256.

<sup>2)</sup> Ойрсовъ, *ibid.* 222. На 824, 599 душъ монастырскихъ вѣрстанъ, бѣлое духовенство имѣло 164, 419 чел. Труды кiev. акад. 1867, іюнь, 495.

<sup>3)</sup> См. наши изслѣдованія: Максимъ Грекъ, II, глава 9-я, и Русск. общест. дѣятели XVI в.

<sup>4)</sup> Челобитная митр. Филоея, Чтен. Моск. общ. ист. 1863, № IV.

кахъ округовъ, въ которыхъ на одну церковь полагалось 100—200 деревень. Кольскіе и печенгскіе лопари имѣли свои селенія на разстояніи 100 и болѣе верстъ одно отъ другаго; у терскихъ и кандалакскихъ лопарей было по одной церкви. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что все это пространство, на значительномъ протяженіи, было покрыто озерами, болотами, лѣсами, которые, по донесенію тогдашнихъ воеводъ, затрудняли правильное сообщеніе; а по заявленію духовныхъ лицъ были причиною невыполненія жителями христіанскихъ обрядовъ<sup>1)</sup>. Еще болѣе это заключеніе приложимо къ Сибири. Въ такихъ именно мѣстахъ, во время движенія раскола, возникли беспоповинскія секты<sup>2)</sup>.

Въ предѣлахъ смежныхъ съ магометанскимъ міромъ христіанство встрѣтило противодѣйствіе въ магометанскомъ духовенствѣ. Въ вазанскомъ краѣ и въ Сибири пропаганда послѣдняго среди инородческаго населенія была такъ сильна, что она надолго одержала перевѣсъ надъ христіанскою миссіею<sup>3)</sup>, и только политическія выгоды, представленныя инородцамъ, принимавшимъ христіанство, сдерживали многихъ въ официальныхъ границахъ. За то въ этой средѣ вполне преобладалъ церковный формализмъ и языческія понятія.

Но самое сближеніе русскаго населенія съ инородческимъ міромъ предполагаетъ и обратное вліяніе. Это вліяніе имѣетъ важное культурное значеніе. Оно начиналось этнографическимъ смѣшеніемъ и распространялось на образъ понятій и вѣрованій.

Исслѣдователи религіознаго быта Россіи обращаютъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ первые вѣка христіанства въ Россіи, въ письменныхъ памятникахъ оно представляется болѣе чистымъ, нежели въ послѣдующіе: въ XVI и XVII вв. является множество суевѣрій, искаженій христіанства и какъ будто вновь воскресаетъ умирающее язычество. Одни объясняли это явленіе упадкомъ просвѣщенія, настоянными войнами, татарскимъ игомъ; другіе видятъ въ этомъ фактѣ вліяніе народа, который все болѣе принимаетъ участіе въ религіозныхъ

<sup>1)</sup> Невольничъ, О пятинахъ новгородскихъ, прилож. VI, стр. 154; Дополн. къ авт. исторіи. II, № 64; житіе Трифона Печенгскаго; Русская церк. на сѣверн. поморья, Прав. соб. 1860, II, 275—279.

<sup>2)</sup> Щаповъ, Русскій расколъ, 365—385.

<sup>3)</sup> Словцовъ, Историч. обзоръ Сибири, I, 168; челобит. Флюея, Чтен. Моск. общ. истор. 1863, IV.

дѣлахъ и вносить въ христіанскія понятія собственныя воззрѣнія <sup>1)</sup>. Но и прежде школы не имѣли близкаго отношенія къ народу; междоусобія перваго періода нисколько не легче были для народа, чѣмъ послѣдующія войны; татары управляли Россіею издали, и только въ сѣверныхъ мѣстахъ на Волгѣ и въ Сибири борьба съ татарскимъ элементомъ имѣетъ значеніе въ смыслѣ непосредственнаго вліянія послѣдняго на русское населеніе. Что же касается вліянія народа на религіозныя понятія, то оно можетъ быть принято какъ частная причина, тѣмъ болѣе, что искаженіе христіанства далеко не было повсемѣстнымъ. Чтобы объяснить это, важное въ культурномъ отношеніи явленіе, необходимо обратиться въ болѣе общимъ причинамъ.

*Въ сѣверныхъ мѣстахъ на Волгѣ и въ Сибири*

Исслѣдователи нашей исторіи, обратившіе вниманіе на культурную сторону ея <sup>2)</sup>, въ вѣрованіяхъ и понятіяхъ сѣверной и южной Россіи замѣчаютъ рѣзкіе контрасты: на сѣверѣ—человѣкъ опутанъ множествомъ суевѣрій, примѣтъ, предрасудковъ, обрядовъ и формулъ, развитыхъ самою жизнію; на югѣ въ религіи замѣтно преобладаніе чувства. На сколько въ этомъ слѣдуетъ признать вліяніе климатическихъ условій; на столько и этнографическихъ причинъ. Въ южной Россіи язычество потеряло свое религіозное значеніе еще въ XIII вѣкѣ и затѣмъ обратилось въ форму обряда <sup>3)</sup>; на сѣверѣ—оно преобладало въ понятіяхъ общества даже въ XVI и XVII вѣкахъ. Причины этого замѣчательнаго явленія слѣдуетъ искать въ мѣстныхъ условіяхъ.

*Въ сѣверѣ*

На югѣ русское населеніе представляло сплошную массу, удобно подчинявшуюся церковному вліянію; какъ вслѣдствіе болѣе сосредоточенности, такъ и вслѣдствіе болѣе удобныхъ сообщеній. Но на сѣверѣ Россіи и въ Сибири славяно-русское племя явилось съ самаго начала въ видѣ колоній и продолжало заселять этотъ край путемъ колонизаціи. Долгое время единственнымъ туземнымъ населеніемъ было здѣсь финское племя, распавшееся на множество отдѣльныхъ группъ, разбѣдиненныхъ иногда значительнымъ пространствомъ. И до сихъ поръ, судя по таблицамъ и картѣ Кеппена, «болѣе половины

*Въ южной Россіи*

1) О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи. Правосл. сообщенія 1865, августъ, 300.

2) Косогомаровъ, Двѣ русскія народности. Исслѣдов. и монографіи, I; Кавелинъ, Мысли и замѣтки о русской исторіи, Вѣстникъ Европы, 1865, II.

3) О борьбѣ христіанств. съ язычест. Прав. соб. 1866, августъ, 245.

Россіи или наданныхъ ей посылтъ на себѣ признаки чуждаго племени<sup>1)</sup>. Въ дальнѣйшемъ движеніи на сѣверо-востокъ русское населеніе столкнулось съ турецко-татарскими племенами. Благодаря физиологическому и интеллектуальному превосходству, русское племя одержало верхъ надъ финскими и татарскими<sup>2)</sup>. Какъ тѣ, такъ и другія постепенно русифицируются, особенно болѣе уступчивыя финны. Но этотъ процессъ совершался вѣками, по причинѣ низкой культуры старой Россіи<sup>3)</sup>. Въ первое время, многочисленное туземное населеніе, охватывшее со всѣхъ сторонъ разбросанныя русскія колоніи, даже наложило на нихъ печать своего вліянія. Въ этой метисаціи заключается причина множества областныхъ нарѣчій<sup>4)</sup> и разнообразія физиогномическихъ чертъ и мѣстныхъ особенностей быта на сѣверо-востокѣ Россіи<sup>5)</sup>.

Сѣверная природа наложила тяжелую руку на понятія финновъ. На необозримомъ пространствѣ этой пустыни тянутся переобитые лѣса, дооблачныя скалы и глыбы камней; непрерывный рядъ озеръ и болотъ покрываетъ почву; до слуха постоянно доносится — шумъ водопадовъ и приводящій въ трепеть ревъ сѣверныхъ бурь и вьюгъ; а глазъ поражается сѣвернымъ сіяніемъ, блудящими огнями и другими, необъяснимыми для тамошняго дикаря, явленіями, свойственными отдаленному сѣверу. Дерево, камень и вода обратились въ предметы почитанія: ихъ населили особыми божествами. Той же участи подвергся и животный міръ: медвѣдь и змѣи занимаютъ видное мѣсто въ финской мнѣологіи. Ужась передъ природою внесъ мрачный характеръ и въ религію: боги финновъ скорѣе боги зла, нежели добра. Въ каждомъ камнѣ, деревѣ, звукѣ, ощущается присутствіе особеннаго духа, который можетъ подслушать и надѣлать много зла человѣку, а потому лучше не произносить даже его имени. При такомъ суевѣрномъ страхѣ передъ духами, напаляющими міръ, — является на помощь волшебство. На немъ сосредоточивается вся религія финновъ; множество волшебниковъ и волшеб-

1) Далъ, въ рецензіи областн. Вѣстн. русск. географич. общест. 1852, VI, 20. Этнографич. карта Россіи, Кенпена.

2) Шаповъ, Этнографич. организація русск. народонаселенія, Библиот. для чтенія, 1864, I, 24.

3) Ibid.

4) Рецензія Далъ на областн. словарь. Вѣстн. геогр. общ. VI.

5) См. путешест. Палласа, Лепехина, Кастрена и друг. Описание народовъ Россіи Георгіи, Partly, Description ethnogr. des peuples de la Russie.

ить управляютъ жизнью финнаго племени; особенно замѣнители шамандки. Они могутъ восходить на небо и превращаться во всевозможные виды; своими чарами они уничтожаютъ враговъ и наводятъ бѣлыя или голубыя на страну. Звуковое подражаніе вътражъ пустыни спонсониать духовъ и спонсониать ихъ на просьбы чловѣка; поэтому бѣлыя, волкочлвчкны и барабанъ составляютъ необходимую принадлежность финнаго богослуженія и ихъ волшебства. Пѣснь имѣеть чарующее свойство: посредствомъ ея можно достигнуть всего. Оттого пѣснь между финнами такъ же много, какъ и волшебничествъ. Въ бурѣ наиболее проявляютъ себя духи; въ пустынныхъ пространствахъ главное ихъ мѣстопробываніе. Дикари Аляска вѣрять, что въ бурѣ мертвыя и шаманы рыскають по пустынямъ, и потому они также боятся произносить имена умершихъ предковъ, какъ и духовъ. Но такъ какъ не вездѣ можетъ предохранить отъ зла вѣдунъ, то является необходимость ограждать себя вещественными знаками; талисманы и амулеты находятся въ тѣсной связи съ волшебствомъ. При такомъ настроеніи умственной жизни финновъ, неудивительно, что ихъ мѣны и символы — единственное ея выраженіе, наполнены мифологическими содержаніями<sup>1)</sup>. Такимъ образомъ вѣра въ духовъ составляетъ отличительную черту религіи сѣвера. Психологическое происхожденіе этого явленія весьма трудно подобно объяснено Вундтомъ.

Вѣра въ духовъ, поворить она, распространена у всѣхъ естественныхъ и культурныхъ народовъ. Но иногда она становится на первомъ планѣ въ религіозныхъ представленіяхъ. Въ той обширной странѣ, которая называется большою Татаріей и простирается отъ Уральскихъ горъ до Китайскаго и Японскаго морей, на югъ до Гималаевъ, на сѣверъ — до низменныхъ земель у Ледовитаго моря, съ давнихъ поръ жили народы родственнаго происхожденія. Парсы, буддизмъ, религія Конфуція и исламъ вошли сюда у нихъ прежде. Но вѣра въ духовъ все-таки осталась преобладающею чертою въ представ-

1)

<sup>1)</sup> Кастрейт, 5—12, 15, 16, 20—22, 41, 42, 43; 44, 52, 53, 55, 60, 65, 82, 83, 86, 128, 167, 168, 171, 256, 254, 156, 367. Лелехинъ, I, 96, 162, III, 29. Крайнее суевѣріе; множество предразсудковъ и примѣтъ; наконецъ господство демонологіи и до сихъ поръ составляетъ отличительную черту финновъ и смежнаго съ нимъ татарскаго племени. См. Материалы для статист. Россіи, изд. генер. штаб. (Пермская, Казанская и Архангельск. губерніи).

деякія зъ этихъ народовъ. Лучше сохранилась она въ теченіи долгаго времени въ первоначальномъ видѣ у нѣкоторыхъ народовъ сѣвера. У вогуловъ, остяковъ и лапландцевъ можно и теперь еще найти поведеніе духамъ; у финновъ, какъ показываютъ преданія и обычаи, оно имѣло нѣкогда большое значеніе. Въ низменностяхъ сѣверной Сибири живетъ нѣсколько кочевыхъ народовъ, которые, по своимъ физическимъ и духовнымъ свойствамъ, приближаются отчасти къ финскому, отчасти къ монгольскому племени: самоэды, енисейскіе остяки, якуты и друг. Религіозный культъ ихъ также повидямому представляетъ нѣчто родственное. Сходныя явленія замѣчены и у грюландцевъ, и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ, принадлежащихъ къ эскимосамъ.

→ Поклоненіе духамъ справедливо называютъ религіею степей. Въ дикихъ степяхъ верхней Азіи, мѣстами прерываемыхъ плодородными оазами, жили всѣ народы, перечисленные нами. Въ этихъ степяхъ господствуютъ сильныя вѣтры и рѣзкія перемены температуры. Въ пустынныхъ, безводныхъ, песчаныхъ равнинахъ—путника вводятъ въ заблужденіе, оптическіе обманы. Неумолкаемый вой пустынной бури, къ которому примѣшивается отдаленный ревъ волковъ и тигровъ, наводитъ на него ужасъ. Неопредѣленно, безъ цѣли, блуждаетъ взоръ по степи, между тѣмъ какъ до уха достигаютъ тоны и звуки невидимаго происхожденія, дающіе обильную пищу фантазіи. Последняя, въ особенности когда голодъ и жажда поддерживаютъ истощенное тѣло въ лихорадочномъ возбужденіи, населаетъ необозримыя пустыни фантастическими образами, неувидимыми для взора въ своей безконечной члрѣ формъ. Такъ, члрѣ видятъ предъ собою непонятный для него міръ, который постоянно ускользаетъ отъ руки, но который человекъ не можетъ считать мечтою воображенія, потому что взоръ и слухъ ублаждаютъ его въ существованіи этого міра. Въ буряхъ пустыни Гоби, говорятъ татары, блснуются духи, вводящіе человека въ заблужденіе; они подражаютъ звуку оружія, человѣчьимъ и животнымъ голосамъ, и кто достѣдуетъ за ними, того ожидаетъ смерть.

→ Можетъ быть крайніе сѣверные народы Азіи и Европы принесли съ собою главныя представленія религіи духовъ еще изъ своей первобытной родины, но преобладающее пустынное свойство странъ, длиныя зимнія ночи, продолжающіяся цѣлыя мѣсяцы, не менѣе благоприятствуютъ здѣсь той возбужденной дѣятельности фантазіи, которая поражаетъ вѣрованіе въ духовъ. Въ тому же мы въ особенности у

тихъ сѣверныхъ народовъ находимъ тѣ своеобразныя обычаи, посредствомъ которыхъ это вѣрованіе и весь соединенный съ нимъ культъ получаютъ независимость отъ вѣшнихъ условій.

Путешественники сообщаютъ намъ подробныя свѣдѣнія о религіозныхъ представленіяхъ лапландцевъ и остяковъ. У лапландцевъ, прежде нежели начало вводится христіанство, вѣрованіе въ духовъ было тѣсно связано съ фетишизмомъ, на ряду съ которымъ опять существовала болѣе чистый теизмъ. Но своеобразна была форма ихъ богослуженія. При оглушительномъ шумѣ барабановъ, исключительно посвященныхъ этимъ обрядамъ, они пѣли гимны въ честь боговъ, и этою шумною музыкою мало-по-малу приводили себя въ состояніе экстаза. Жрецы были въ то же время колдунами и, въ качествѣ такихъ, имѣли громадное вліяніе на все житейскія дѣла. Но мало-по-малу профессія колдуна сдѣлалась независимою отъ профессіи жреца, и даже до сихъ поръ, когда въ самой Лапландіи старыя языческія обычаи почти совершенно истреблены, колдовство все еще пользуется большимъ значеніемъ у финновъ и лапландцевъ. Колдуны исцѣляютъ, въ качествѣ врачей, присутствующихъ и отсутствующихъ, обладаютъ различными волшебными искусствами и желающимъ отгадываютъ будущее. Съ мѣшочкомъ, наполненнымъ амулетами, они ходятъ изъ одного мѣста въ другое. Чѣмъ далѣе они приходятъ съ сѣвера, тѣмъ большимъ пользуются почетомъ;—вѣроятно потому что на сѣверѣ долѣе существовалъ весь культъ, соединенный съ волшебствомъ. Церемоніи колдуновъ начинаются волшебнымъ пѣніемъ; послѣднее мало-по-малу переходитъ въ волшебный крикъ, который, наконецъ, при скрежетѣ зубовъ и конвульсіяхъ, обращается въ совершенное неистовство. Въ этомъ экстатическомъ состояніи колдуны, по мнѣнію народа, находятся въ непосредственномъ сношеніи съ духами и получаютъ въ такомъ случаѣ всевозможную власть надъ людьми и вещами.

У остяковъ есть наслѣдственное сословіе жрецовъ, называемыхъ шаманами. Обряды этихъ жрецовъ имѣютъ величайшее сходство съ церемоніями финскихъ и лапландскихъ колдуновъ. Шаманъ бьетъ въ барабаны, и, при странномъ крикѣ, начинаетъ плясать передъ огнемъ. Всѣ присутствующіе колотятъ своимъ оружіемъ по чугунному котлу и такимъ образомъ производятъ оглушительный шумъ. Дойдя до сильнѣйшей степени бѣшенства, шаманъ бросается на землю; два человека накладываютъ ему веревку на шею и егатируютъ ее до тѣхъ поръ,

пока чуть не задумать его. Придя въ чувство, жрецъ объявляетъ, что сообщилъ ему духъ. Вездѣ обряды этихъ жрецовъ имѣютъ цѣлью произвести сильно возбужденное состояніе, въ которомъ они воображаютъ, что находятся въ сношеніи съ сверхчужественнымъ міромъ. Оглушительный шумъ, видъ пламени, страшныя юманія тѣла, наконецъ сдвиганіе глотки—все это такія процедуры, которыя способствуютъ проявленію адстатическихъ галлюцинацій.

Есть, очевидно двѣ причины, отъ которыхъ происходитъ иллюзія: односторонняя природа страны, поддерживающая возбужденную дѣятельность фантазіи, и чрезмерное раздраженіе мозга, которое приводитъ нервы въ возбужденіе независимо отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Оба момента вызываютъ, то порознь, то въ соединеніи, обманъ чувствъ. Но въ особенности чрезмерное раздраженіе мозга, какъ только дѣйствіе его разъ испытано, становится орудіемъ, которое употребляется по произволу для приведенія себя въ мнимое общеніе съ духами. Обманомъ же чувствъ объясняется и то представленіе, которое вездѣ составили себѣ о духахъ: это или невидимыя существа, которыя даютъ знать, о своемъ присутствіи только уху, посредствомъ наводящихъ ужасъ звуковъ, или видимые образы, по которымъ тотчасъ обращаются въ ничто, какъ только ихъ хотятъ схватить руками. Двѣ главныя формы галлюцинаціи, обманъ слуха и обманъ зрѣнія, легко открыты въ этихъ продуктахъ ихъ. Важнѣйшая изъ нихъ есть обманъ зрѣнія. Изъ него то и происходитъ то основное, повсюду распространенное представленіе, не только о духахъ, но о всемъ духовномъ вообще: духъ представляютъ себѣ какъ тѣло, какъ существо, видимое для глаза, но недоступное для осязанія. Неспособный совершенно отбавиться отъ иллюзіи, человекъ приближается къ ней, сколько можетъ, и принимаетъ, что духъ доступенъ только одному изъ чувствъ 4).

По выраженію Розенкранца, (Naturgeschichte) «чувство свободы есть первоначальный источникъ, принципіи всякаго волшебства, орудіемъ котораго человекъ стремится подчинить себѣ природу. Ни на дальнемъ сѣверѣ, ни въ степяхъ Азіи это стремленіе остановилось на первой ступени развитія. Подъ вліяніемъ этого міросозерцанія пришлось развиваться русской колонизаціи. И мы видимъ, что христіанство встрѣтило самый рѣшительный отпоръ на сѣверѣ. Въ Ростовской и

4) Вѣдать, Душа вынырнула в животныхъ. Н. 345—349.



Новгородской области господство жрецовъ и волхвовъ было такъ сильно, что только князь и дружина были на сторонѣ новой религіи; земщина составляли заговоры на жизнь тѣхъ, кто рѣшился поддер- живать ее силою. Новгородцы ходили въ чуждую землю для гаданій, не смотря на то, что были уже христіане Новгородская область и въ послѣдующіе вѣка постоянно подвергалась обличеніямъ въ сильно рас- пространенномъ волшебствѣ и суевѣріяхъ. Въ 1410 г. митр. Фотій писалъ, что тамъ помѣются большимъ довѣріемъ волшебницы; что въ обществѣ распространена нѣбра въ наговоры, узлы и чудесную силу (травъ <sup>1</sup>). Въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ центровъ гражданст- венности, смѣсь христіанства съ финскимъ язычествомъ выступала въ рѣзкихъ чертахъ въ понятіяхъ народа. Къ сѣверу отъ Новго- рода лежали его земли, извѣстныя подъ общимъ именемъ Вотской пятинны, граница которой на востокѣ совпадала съ р. Волховомъ, на западѣ съ р. Лугою, а на сѣверѣ доходила почти до р. Куоніо <sup>2</sup>). Преобладающій элементъ въ ея населеніи составляли финскіе племена; Ымь, Водь и Карелии; отчего русское населеніе носило на себѣ черты чуждаго вліянія. Поэтому, неудивительно, что противъ Вотской пятинны въ XVI вѣдѣ мы встрѣчаемъ два послѣдніа архіеи. — Макарія и Тео- досія, въ которыхъ обличаются многіе христіане въ усвоеніи языческихъ обрядовъ финской религіи и почитаніи волхвовъ. Они поклонялись де- ревямъ и камнямъ, и для всѣхъ обрядовъ призывали прежде чуждихъ жрецовъ (арбуевъ), а потомъ священниковъ <sup>3</sup>). Въ Сибири, въ половинѣ XVI вѣка, волхвы играли важную роль во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Въ этомъ его обличии на ряду съ остатками славянскаго язычества <sup>4</sup>) Способъ волшебства финт- скіяа волхвовъ распространился между русскими. Просвирицы, подобно чуждымъ арбуамъ, надъ просвирами приговариваютъ, жаловались представители церкви на Стоглавомъ соборѣ. Гораздо глубже шло вліяніе путемъ естественной метисаціи русскаго населенія съ инородцами, т. е. посредствомъ брака. Вольныя компаніи промышленниковъ, соединявшаея среди татаръ и финновъ, и завоевательныя дружины Сибири состояли

<sup>1</sup>) Акт. эвстадіи I, № 369.

<sup>2</sup>) Невольинъ, О пятиннахъ и погостахъ новгородскихъ. 137, 138.

<sup>3</sup>) Дополнен. къ акт. историч. I, № 28 с. 43.

<sup>4</sup>) Акт. историч. IV, 35.

исключительно изъ мужскаго населенія<sup>1)</sup>, слѣдовательно племенное смѣшеніе здѣсь было неминуемо. Патріархъ Гермогенъ обличалъ, что многіе русскіе, живя между татарами, черемисами и чувашами, женились у нихъ и нерѣдко принимая ихъ религію<sup>2)</sup>. Патріархъ Филаретъ упрекалъ служилыхъ людей въ Сибири за то, что многіе изъ нихъ жили съ татарами, остячками и вогулками и держались ихъ обычаявъ.<sup>3)</sup> Извѣстно же, что женщина, по своей изолированности и сосредоточенности въ семьѣ, составляетъ консервативное начало; она всегда и вездѣ была охранительницею племенныхъ особенностей. Еще болѣе это положеніе примѣнимо къ низшимъ цивилизаціямъ. Между тѣмъ, какъ татаринъ, лопарь, карель, чувашъ, остякъ—легко сближаются съ русскими, усваиваютъ ихъ языкъ и привычки—ихъ жены сохраняютъ старыя преданія, суевѣрія, одежду и рѣдко говорятъ по-русски<sup>4)</sup>. Отсюда понятно, какъ міросозерцаніе финновъ и татаръ<sup>5)</sup>, путемъ брака, должно было вліять на русское населеніе. Остатки славянскаго язычества находили здѣсь новую почву. Гдѣ являлась необходимость племеннаго смѣшенія, какъ въ казанскомъ краѣ и Сибири,—тамъ нерѣдко инородческій элементъ брать верхъ, и русскіе колонисты обращались къ религіи и обычаямъ татаръ и финновъ.

Какъ проявлялась эта смѣсь въ обычаяхъ подъ вліяніемъ инородцевъ, можно видѣть на слѣдующихъ, рельефно выдающихся фактахъ. Въ 1501 г. митропол. Симонъ обличалъ жителей Пермской области въ наслѣдственномъ бравѣ, перенятомъ у татаръ и язычниковъ. Тамъ, по смерти мужа, его жена переходила, въ качествѣ жены, къ его брату, а по смерти послѣдняго къ слѣдующему брату и т. д.<sup>6)</sup> Въ XVI в. между русскими распространился обычай брить головы и носить тафій, по примѣру магометанъ<sup>7)</sup>. Но гораздо важнѣе въ развитіи понятій было вліяніе вѣрованій, которыя внесли въ христіанство много грубыхъ

1) Стенановъ, Опис. Енисейск. губер. II, 98.

2) Акты экспед. II, № 350.

3) Собр. государ. грамотъ, III, № 60.

4) Щаповъ, Этнографич. организац. русск. насел. 27.

5) Міросозерцаніе финновъ и татаръ стоитъ на одинаковой степени развитія. Вѣра въ колдовство и суевѣрный страхъ передъ окружающими явленіями и предметами природы составляютъ общія черты. Кастрень, 387—391.

6) Акты историч. I, 112.

7) Сочин. Максима Грека, II, 382, и Стоглавъ.

чертъ. Русскіе колонисты, живя среди инородцевъ, при господствѣ суевѣрій въ своей средѣ, легко впадали въ фетишизмъ, хотя сохраняли форму христіанства. Священное дерево пермяковъ пользовалось религіознымъ уваженіемъ между тамошними русскими; священный камень на Коневскомъ островѣ производилъ суевѣрный страхъ на сосѣднихъ финновъ; но когда тамъ поселился Арсеній Коневскій и возникли христіанскія поселенія—почитаніе этого камня перешло къ нимъ. Волаѣ Переяславля Заѣвскаго еще въ XVII в. въ потокѣ лежалъ большой камень, къ которому ежегодно сходились христіане и совершали культъ языческаго поклоненія. Когда пріѣхалъ сюда и узналъ объ этомъ Иринархъ Ростовскій, то велѣлъ діакону вырыть яму и бросить въ нее камень, чтобы христіане не соблазнились этимъ памятникомъ язычества. Но за такой поступокъ діакона стали преслѣдовать не только граждане Переяславля, но и духовенство <sup>1)</sup>. Понятно, что при такомъ развитіи послѣдняго, распространенію языческихъ суевѣрій предоставлялся полный просторъ. Еще при Петрѣ В. встрѣчаются извѣстія, что духовенство собиралось у священныхъ дубовъ, совершало тамъ богослуженіе, а вѣтви раздавало народу <sup>2)</sup>. Иногда христіанскій храмъ стоялъ рядомъ съ священной березою или таинственнымъ камнемъ <sup>3)</sup>; иногда мѣсто извѣстнаго языческаго божества заступалъ христіанскій святой, такъ мѣсто Велеса занялъ св. Власій, и въ народномъ бытѣ сталъ покровителемъ стадъ. Съ другой стороны, христіанскій святой, подъ вліяніемъ русскаго населенія, нерѣдко являлся на олимпѣ языческой мифологіи. Извѣстно, какимъ почитаніемъ пользуется въ русскомъ народѣ св. Николай <sup>4)</sup>; и на всемъ пространствѣ русской колонизаціи мы встрѣчаемъ поклоненіе ему среди язычниковъ. Камассинскіе татары, чувани и мордва, будучи язычниками, во временахъ являлись въ русскія церкви, принося къ нему дары и ставили свѣчи предъ его образомъ; а самоѣды считаютъ его своимъ могучимъ богомъ, и обращаются къ нему въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни <sup>5)</sup>.

<sup>1)</sup> Житія: Трифона Вят., Арсенія Конев., Иринарха Ростовскаго.

<sup>2)</sup> Духовный Регламентъ.

<sup>3)</sup> О борьбѣ языч. съ христіанст. Прав. соб. 1865; августъ, 236.

<sup>4)</sup> Въ XVI вѣкѣ сторонники еретика Θεодосія Косаго упрекали православныхъ, что они «почитають св. Николая какъ Бога». См. соч. Зяновія Истини показаніе; гл. 33.

<sup>5)</sup> Кастрень, 155, 423; Лепехинъ, I, 167.

Вѣра въ духовъ стала господствующимъ настроеніемъ умъ и сердца русскаго населенія на сѣверѣ. Возьмемъ для примѣра жителей Архангельской губерніи. Глубокая религіозность, которою отличаются всѣ здѣшніе жители, и грубое суевѣріе, казалося-бы, не могутъ совмѣщаться въ одно и то же время; но въ отношенія къ здѣшнимъ жителямъ это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. На магическихъ и таинственныхъ оми здѣсь смотрять не какъ на вымыселъ времени минувшихъ, которому вѣрять и не вѣрять предоставилось-бы на произволъ, но какъ на истину, существованіе и вѣрность которой доказаны и утверждены ежедневнымъ опытомъ. Здѣшній простолюдинъ, нежелаящій себя габеля, никогда не пустится въ критическія изслѣдованія и разсужденія о нечистомъ духѣ, и если какое-нибудь происшествіе требуетъ этого, то тихій голосъ, почти шепотъ, разсказчива, частое употребленіе безличныхъ глаголовъ и какой-то угрюмый страхъ на лицахъ слушателей ясно убѣждаютъ насъ, какъ сильно властвуетъ суевѣріе надъ умомъ и воображеніемъ нашихъ сѣверныхъ жителей. Прямымъ доказательствомъ этого служатъ еще и то, что здѣсь не существуетъ ни одной сказки или легенды, въ которой человѣкъ являлся-бы побѣдителемъ нечистаго духа: будда надъ нимъ, въ преданіяхъ, представляется только силами небеснымъ и старцамъ, невѣдомо откуда пришедшимъ и буда исчезнувшимъ. По народному мнѣнію, нечистый духъ здѣсь не имѣетъ видимой и опредѣленной формы: онъ, такъ сказать, разлитъ повсюду и таинственно проявляется въ явленіяхъ міра физическаго и нравственнаго; онъ выбираетъ людей какъ товарищей и помощниковъ, или какъ слѣбое орудіе своей воли. Вътеръ играетъ важную роль въ таинственномъ волшебствѣ. По волѣ чародѣевъ оны приносятъ *илоту*, которая представляется нечистымъ духомъ, приводящимъ человека въ бѣшенствѣ, и *отрыльм*, или болѣвнъ, пуценную волховомъ черезъ рогъ вмѣстѣ съ равными веществамъ и наговорамъ. Обѣ эти болѣвни приписываютъ чародѣйству самоѣдовъ, которые еще новгородцамъ представлялись какъ магическими волшебниками<sup>1)</sup>. Въ сѣверной Россіи была распространена вѣра въ змѣиное царство, которое помѣщали въ печорскихъ горахъ, извѣстныхъ своими чародѣями норманнамъ. Безчисленное множество примѣтъ и заклинаній, существующихъ на сѣверѣ, опутывало человека на каждомъ

<sup>1)</sup> О суевѣріяхъ въ нѣкотор. губерніи. см. Карманъ, книжку, для любителей зем. лѣвѣд., изд. географич. общест. 1848, 305—320.

шагу. Въ обществѣ были распространены волшебныя тетради и книги. На каждый родъ волшебства были особые вохвы 1). Въ самой Москвѣ было множество колдуній. Всякую болѣзнь, голодъ и несчастіе объясняли навѣтомъ вохвовъ, и потому даже въ царскомъ семействѣ бывали процессы по поводу порчи невѣсты, жены или дѣтей царскихъ 2). Это почва клеветъ, столь извѣстныхъ въ финскомъ мирѣ 3).

Вѣра въ волшебныя силы была общою на сѣверѣ. Псковскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что русскіе весьма падки къ волхованію 4). Духовныя лица занимались составленіемъ волшебныхъ тетрадей и иногда помѣщали ихъ въ церковныхъ книгахъ. Распространеніе такихъ книгъ доставляло имъ значительный доходъ; они брали даже заказы на стороны и, благодаря своему искусству, пользовались большимъ значеніемъ въ народѣ 5). Другіе изъ нихъ сами держали волшебныя зелья и занимались ремесломъ вохвовъ 6). Въ монастыряхъ встрѣчались монахи, которые были извѣстны вызываніемъ духовъ 7). Нѣкоторые изъ нихъ совѣтывали больнымъ, прикованнымъ за помощью къ святымъ, обращаться къ себѣ, обѣщая помочь своимъ волшебствомъ 8). Даже Іосифъ Волоколамскій, отличившійся въ свое время начитанностью, избраніемъ еретика Зосимы въ митрополиты объяснялъ волшебствомъ, посредствомъ котораго повліяли на Іоанна III 9). Въ такомъ же видѣ вѣра въ волшебство представляется и въ высшемъ кругѣ. Въ присягѣ на вѣрность царю, присягавшій клялся, что онъ не будетъ насчитать за поштуру и не станетъ вынимать *смыда* 10). Несмотря на то, что Борисъ

1) Во время поединковъ, допускавшихся судомъ, соперники избирали вохвовъ или ворожей, которые помогали имъ своимъ чародѣйствомъ во время боя. Соч. Максима Грека, Прав. соб. 1861, апрѣль, IX.

2) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа, 180—201.

3) Касгрень, 87.

4) Псковск. 1-я лѣтоп. 318.

5) Акты экспед. III, № 176 Дополн. къ историч. акт. III, № 99. Стоглавъ. Въ сельскихъ богослужебныхъ книгахъ нерѣдко помѣщались волшебныя молитвы, и попы совершали на престолѣ разные суевѣрные обряды. Опис. Румянц. Музея, 717, и Стоглавъ.

6) Буславевъ, очерки, II, 50. Прав. соб. 1863, март. Владим. соборъ, 232.

7) Дополн. къ историч. акт. I, № 151.

8) Житіе Никиты Переяславскаго.

9) Просвѣтитель, стр. 54.

10) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ, 191.

Годуновъ принадлежалъ къ передовымъ людямъ своего времени, онъ, по своей подозрительности, сильно боялся волшебства. Приегавшие ему, клялись не дѣлать зла, ни въ плоть, ни въ шитье, ни въ одежду, ни въгромъ, ни порчею слѣда, ни посредствомъ волхвовъ и колдуній<sup>1)</sup>.

Но особенно русскіе питали страхъ и уваженіе передъ финскими волхвами, извѣстными на всемъ сѣверѣ. Василій Іоанновичъ, женившись на Глинской, прибѣгалъ къ чародѣямъ для того, чтобы они помогли ему въ плодотвореніи. Съ этою цѣлью онъ посылалъ за ними во всѣ стороны и ему были доставлены волхвы изъ Карелии<sup>2)</sup>. Когда въ 1584 г. появилась комета, Іоаннъ Грозный счелъ ее предзнаменованіемъ своей смерти, и потому немедленно велѣлъ созвать волхвовъ изъ Россіи и Лангавдіи. Такимъ образомъ ихъ собрали въ Москву до 60, и съ ними царь совѣтовался о смерти<sup>3)</sup>. Борисъ Годуновъ, передъ вступленіемъ на престолъ, обращался за совѣтами къ волхвамъ и колдуньямъ, которыхъ также собирали изъ разныхъ городовъ<sup>4)</sup>. Замѣчательно, что лѣтописецъ, порицая за это Бориса, въ тоже время утверждаетъ, что они предсказали избраніе его въ цари; но только объясняетъ это дѣйствіемъ дьявольской силы<sup>5)</sup>.

Если такъ было въ высшей сферѣ и въ центрѣ общественной жизни, то чѣмъ далѣе было отброшено русское населеніе въ область инородцевъ, тѣмъ сильнѣе должно было ощущаться на немъ вліяніе финскаго міра и религіозныхъ понятій сѣвернаго язычества. Разбросанныя на необозримомъ пространствѣ, русскія населенія должны были неминуемо усвоить многія черты инородческаго быта; смѣшеніе правъ и понятій было необходимо въ силу географическихъ условій. Удаляясь все болѣе отъ русской территоріи, эти колоніи вмѣстѣ выходили изъ-подъ вліянія церкви. Многія, по причинѣ мѣстныхъ препятствій и обширнаго пространства, въ религіозномъ отношеніи были предоставлены вполне самимъ себѣ. Но даже тамъ, гдѣ мѣстныя усло-

<sup>1)</sup> Акты экспедиц. II, 58.

<sup>2)</sup> Курбскій, 102.

<sup>3)</sup> Между лапландцами сохранилось преданіе, что два ихъ славные шамана вылѣчали московскаго князя отъ смертельной болѣзни и получили за это—одинъ исключительное право ловить семгу въ Лусманлати, а другой—ловить лисицъ въ Саркинъеми. Кастрень, 55.

<sup>4)</sup> Карамзинъ, IX, 256; X, 74.

<sup>5)</sup> Морозовск. лѣтоп. Карамзинъ, X, примѣч. 221:

ныя были болѣе благопріятны для христіанства, внутренняя сторона его должна была значительно пострадать въ слѣдствіе низкаго уровня образованности низшаго духовенства, какъ мы видѣли выше. Въ XVI в. встрѣчаются извѣстія о сѣверной Россіи, что тамъ не только не говорятъ проповѣдей, но даже оны были запрещены изъ боязни разномыслія, которое могло произвести ереси<sup>1)</sup>. При такомъ положеніи той части духовенства, которая имѣла самое близкое отношеніе къ народу, неудивительно встрѣчать свидѣтельство, что едва третья часть послѣдняго знала Вѣру и Оuche нашу<sup>2)</sup>. Поэтому его религіозность сосредоточилась главнымъ образомъ на внѣшности и обрядѣ, который составлялъ такую важность въ религіозномъ бытѣ Московскаго государства. Заброшенный на дальній сѣверъ и востокъ, русскій колонистъ естественно терялъ связь съ церковными постановленіями и іерархією; оттого по преимуществу въ глухихъ мѣстахъ возникали самыя крайнія ученія раскола, отвергавшія церковные порядки и іерархію и въ тоже время фанатически отстаивавшія какой-нибудь обрядъ. Это отрицаніе не имѣетъ ничего общаго съ еретическимъ направленіемъ, опиравшимся совсѣмъ на другія основанія. Защитниками подобныхъ ученій раскола являлись по большей части люди неграмотные и невѣжи по уму<sup>3)</sup>. На такой почвѣ былъ полный просторъ образованію частныхъ мнѣній, но неосмысленныхъ разумными основаніями. Мѣстныя условія рѣзко выразились въ расколѣ. Въ то время какъ въ южныхъ частяхъ Волги, на Дону и въ Крыму распространены секты духоборцевъ и людей божіихъ, отличающихся меньшимъ формализмомъ и сравнительною мягкостью ученія, въ сѣверномъ Поморьи сильно распространились сурово-аскетическіе скиты, и въ концѣ XVII в. образовали въ пудожскихъ лѣсахъ разбойничьи банды для борьбы съ православнымъ народомъ. Живя въ грубомъ невѣжествѣ, праздности и вѣчныхъ распряхъ, незная даже ни одной изъ 10 заповѣдей, эти полярные сектанты считаютъ себя лучше всѣхъ другихъ христіанъ, и воображаютъ, что Богъ для нихъ предназначилъ свое небо, за то, что они осѣняютъ себя двуперстнымъ крестомъ, молятся передъ старинными образами, произ-

1) Ульфельдъ, Герберштейнъ и Гваньини.

2) Маржеретъ, 260.

3) Макарій, Исторія раскола, 259—311.

носить ~~Иисуса~~ въмѣсто Іисусъ <sup>1)</sup>. Въ то время, какъ одни изъ русскихъ колонистовъ легко переходили въ мѣстнымъ религіямъ, другіе, среди борьбы съ инородцами, иноплеменными и язычниками, приобрѣтали тотъ религіозный фанатизмъ, который одинаково характеризуетъ всѣ секты раскола. При такомъ настроеніи, когда все чужое считалось порожденіемъ зла, впрочнѣ послѣдовательно было развится ученію о проникновеніи послѣдняго во всѣ части физическаго и политическаго міра и о необходимости очищенія его посредствомъ огня <sup>2)</sup>. Такъ и поступали многіе раскольники въ XVII и XVIII в.: они сожгали себя поодиначѣ и цѣлыми общинами въ 100, 200 и болѣе душъ. На сколько ученія раскола почерпнули много чертъ въ средѣ инородческаго населенія, стоявшаго на низкой степени развитія; на столько потомъ и сами находили удобную почву среди того же населенія. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе сосредоточенъ инородческій элементъ, тамъ живутъ и самыя грубые раскольники: напр. въ Карелии, въ окрестности Кемь, на р. Печорѣ <sup>3)</sup>. Замѣчательно также, что въ то время, какъ расколъ составляетъ выдающееся явленіе въ жизни сѣверо-восточной Россіи; въ южной онъ существуетъ только по окраинамъ, и то распространился позднѣе, и имѣетъ самый незначительный процентъ послѣдователей. Слѣдовательно это явленіе стоитъ въ тѣсной связи съ этнографическими особенностями сѣверной Россіи и во многомъ можетъ объясниться только <sup>4)</sup> ими.

Такимъ образомъ предѣлы византійскаго вліянія въ Россіи распространялись вмѣстѣ съ государственною территоріею. Среди инородческаго населенія оно проявилось главнымъ образомъ въ религіозной формѣ. И здѣсь распространителями его были монастыри, преимущественно основанные отшельниками. Но здѣсь оно встрѣтило противодѣйствіе первобытнаго язычества и, вслѣдствіе долгаго изолированнаго положенія русскаго населенія въ средѣ инородческаго міра, значительно утратило свои первоначальныя черты. Въ свою оче-

1) Шаповъ, Историко-географическое распредѣл. русск. народонаселенія, Русск. слово, 1864, августъ.

2) Шаповъ, Историч. очерки міросозерц. II, 34.

3) Кастрень, 53, 54, 58, 106, 109, 157, 158; Лепехинъ, IV, 119. Между самоѣдами сильно развита религіозная нетерпимость; а зыряне не стануть ѣсть съ ними, потому что они язычники. Кастрень, 133, 175.



редь, и физическая мизантропія оказала большое влияние на русское население. Оттого на всем пространстве сѣверо-восточной Россіи—въ массѣ распространялась мысль пенитій, которая имѣла большое влияние на религиозный бытъ страны и была одною изъ главныхъ причинъ того своеобразнаго движенія, которое извѣстно въ русской исторіи подъ именемъ раскола. Въ этомъ убѣждаютъ насъ его основныя черты и первоначальное географическое распространеніе.

Преслѣдивши территориальное распространеніе византійскаго вліянія и его столкновеніе съ мѣстными элементами русскаго быта, на сколько и то, и другое выразилось въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ общества, обратимся теперь въ тѣмъ сторонамъ русской жизни, гдѣ оно достигло полнаго развитія. //

## Г л а в а V.

Между тѣмъ, какъ шло древней Россіи на первыхъ порахъ утратила свое образовательное значеніе (см. I главу, стр. 11), такое значеніе получилъ монастырь. Во всей Московіи, замѣчаетъ Кобенцель (1576 г.), нѣтъ школы и другихъ способовъ къ изученію наукъ кромѣ того что *учатся въ обителяхъ*. Это явленіе обуславливалось характеромъ тогдашней книжности и положеніемъ монастырей въ обществѣ. Въ то время, когда Россія подчинилась вліянію Византіи, господство религиозныхъ идей достигло тамъ полнаго апогея и монастыри давали направленіе обществу. Отсюда распространилось вліяніе византійской образованности на Россію, и потому она вполне можетъ назваться *монастырскою*. Такое вліяніе совершалось путемъ книжнымъ, такъ какъ монастыри сосредоточили въ своихъ стѣнахъ богатныя бібліотеки, и посредствомъ монастырскаго воспитанія.

Въ числѣ монастырскихъ занятій мы постоянно встрѣчаемъ—живопись и списываніе книгъ<sup>1)</sup>. «Какъ воробль безъ гвоздей не составляется, говорили тогда, такъ инокъ не можетъ обойтись безъ чтенія книгъ»<sup>2)</sup>. Такой взглядъ образовался въ слѣдствіе *религіознаго назначенія книги*. «Велика бываетъ польза отъ ученія, говоритъ древній лѣтописецъ, потому что книгами мы *учимся покаянію*; книги учатъ

<sup>1)</sup> Житія: Корнилія Комельскаго, Діонисія Глушицкаго, Памсіи Угличскаго, Авраамія Смоленскаго, Григорія Пельшемскаго, Германа Казанскаго, Даніила Передславскаго.

<sup>2)</sup> Правосл. соб. 1862, февраль, 148.

мудрости воздержанію; это рѣки, напаяющія вселенную; это источ-  
 ники мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина; ими мы утѣшаемся въ  
 печали; онѣ—узда воздержанію. Если пощешь прилежно въ книгахъ  
 мудрости, то найдешь великую пользу для души своей<sup>1)</sup>. Ясно, что  
 такой характеръ книгъ наиболѣе соответствовалъ монастырскимъ по-  
 требностямъ. Поэтому въ монастыряхъ сосредоточилась вся книжная  
 дѣятельность древней Россіи. Занятіе книгами составляло уже пред-  
 метъ заботъ въ Печерскомъ монастырѣ. »Въ то время, какъ Никонъ  
 сидѣлъ и переплеталъ книги, Θеодосій сидѣлъ вблизи его и прядъ нитви,  
 нужныя для этого дѣла. Въ числѣ печерскихъ монаховъ былъ весьма  
 искусенъ въ писаніи книгъ — Иларіонъ; онъ каждый день и ночь пи-  
 сать книги въ келліи Θеодосія<sup>2)</sup>. Біографъ Авраамія Смоленскаго го-  
 ворить, что онъ выбиралъ необходимыя мѣста изъ разныхъ книгъ, самъ  
 списывалъ ихъ или заставлялъ дѣлать это своихъ писцовъ<sup>3)</sup>. Сергій  
Радонежскій, за деимѣніемъ пергамента, писалъ на берестѣ и особенно  
 покровительствовалъ хорошимъ писцамъ. Стефанъ Пермскій собствен-  
 норучно списалъ много книгъ<sup>4)</sup>. Въ числѣ келейныхъ занятій Кирилла  
Бѣлозерскаго и Іосифа Волоколамскаго было списываніе книгъ; а пер-  
 вый изъ нихъ даже запретилъ своимъ ученикамъ держать въ келліяхъ  
 что-либо кромѣ книгъ<sup>5)</sup>. Въ то время, когда, въ слѣдствіе односто-  
 ронняго назначенія книжности, образованность общества стояла на  
 низкой степени, въ монастыряхъ книжное дѣло велось систематиче-  
 скимъ порядкомъ; такъ какъ тамъ чтеніе и списываніе книгъ состав-  
 ляли обязанность каждаго. Германъ Соловецкій, будучи самъ не книженъ,  
 поручалъ списываніе другимъ и собиралъ книги. Когда въ Прилуцкой  
 обители оказалось мало книгъ, то братія ея побуждала Димитрія При-  
луцкаго позаботиться объ увеличеніи монастырской бібліотеки<sup>6)</sup>. Со-  
 ловецкая бібліотека обязана своимъ происхожденіемъ тамошнему мо-  
 наху Досифею (конца XV в.), который на собраніе книгъ посвятилъ  
 всю свою жизнь. Живя случайно въ Новгородѣ, онъ прискивалъ пис-

1) Полн. собр. лѣт. I, 65—66.

2) Житіе Θеодосія, въ Записк. Импер. Акад. по II отдѣл. II.

3) Житіе Авраамія Смоленскаго.

4) Житія: Сергія Радонеж. и Стефана Пермскаго.

5) Житія: Кирилла Бѣлозерск. и Іосифа Волоколам.

6) Житія: Германа Соловец. и Дим. Прилуцкаго.

цовъ и оттуда посылалъ книги въ Соловецкій монастырь 1). Бромѣ того монастыри имѣли собственныхъ писцовъ, главная обязанность которыхъ состояла въ перепискѣ книгъ для монастыря. Въ обширномъ видѣ эта дѣятельность велась въ Троицкой лаврѣ и Соловецкомъ монастырѣ 2). Другой способъ образованія монастырскихъ библиотекъ состоялъ въ пожертвованіяхъ. Въ числѣ приношеній и завѣщаній на монастыри мы постоянно встрѣчаемъ вклады княгами. Обыкновенно ихъ жертвовали на поминъ по душѣ, и потому въ припискахъ къ нимъ вкладчики помѣщали страшныя заклятія на тѣхъ, кто похититъ или уничтожитъ пожертвованную книгу 3). Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершались эти пожертвованія можетъ служить примѣромъ Соловецкая библиотека: количество пожертвованныхъ туда книгъ насчитывается свыше 350 экземпляровъ, а число вкладчиковъ—до 150 4).

Въ то время книжное дѣло требовало большой опытности отъ лицъ, занимавшихся имъ. Исправность и изящество изданія зависѣли исключительно отъ нихъ. Древнѣйшіе писцы писали *уставомъ*; причемъ соблюденіе всѣхъ строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ и украшеніе заставокъ и начальныхъ буквъ равными изображеніями—требовало много времени и большихъ усилій 5). Упрощеніе способа письма служитъ доказательствомъ большей потребности на книги, которая усилилась вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства. Въ XIV в., болѣе трудный способъ письма *уставомъ*, облегчается введеніемъ *полууставнаго* письма, а съ половины XVI в. является уже *скоротисъ*, которая становится господствующею 6). Трудность работы и добыванія книжнаго матеріала была причиною, что книжное производство въ то время цѣнилось высоко 7). Поэтому нерѣдко въ церковномъ обиходѣ, даже въ большихъ

1) О Соловец. библиот. Прав. собес. 1859, январь, 31.

2) Житіе Діонисія Радонежскаго, и Соловец. библиотека, Правосл. собесѣд. 1859, I, 214.

3) См. наше изслѣдов. »Максимъ Грекъ«, I, стр. 17.

4) Соловец. библиот. Правосл. собесѣд. 1859, I, 205—207.

5) Опис. рукоп. Синод. библ. I, 23, 27; Опис. Рум. музея, № 105, 113, стр. 176, 183, 182, № 120, 124.

6) Опис. Рум. музея, введеніе.

7) Галицкій князь Владиміръ Ярославичъ за одинъ молитвенникъ заплатилъ 8 гривенъ купъ, т. е. 11 руб. сереб. (Полн. собр. рус. лѣт. II, 223. Карамзинъ, III, прилѣж. 335). Одинъ вкладчикъ, пожертвовавъ въ монастырь 23 книги, обязалъ при этомъ братію кормить и одѣвать

городѣхъ (напр. во Псковѣ) ощущался недостатокъ книгъ <sup>1)</sup>. Но что было затруднительно для частныхъ лицъ и церквей, то легко удовлетворялось въ монастыряхъ, благодаря ихъ матеріальнымъ средствамъ и большому количеству свободныхъ рукъ, притомъ лучше знаемыхъ съ дѣломъ. Когда Геннадій, архіеп. новгородскій, во время своей борьбы съ ересью жидовствующихъ, не могъ отыскать даже въ Новгородѣ полного состава библіи и другихъ книгъ (соч. Меландра, Діонисія Арсѣпагита, догмы Іоанна Дамаскина, посланія Фотія къ болгар. князю Борису, слова Козмы противъ богомиловъ), онъ обращался за ними въ монастыри Бѣлозерскій, Ораножтовъ и Опасокаменный <sup>2)</sup>. Задумавъ въ слѣдъ за тѣмъ сдѣлать полное собраніе библіи, онъ опять послышалъ за списками ея къ монастырямъ <sup>3)</sup>. Въ обществѣ существовало мнѣніе, что въ монастыряхъ хранятся всѣ необходимыя книги. Еретикъ Θεодосій Косой, цитавшій большое уваженіе къ ветхозавѣтнымъ книгамъ, объясняетъ ихъ невѣдомость тѣмъ, что онѣ погребены въ монастыряхъ <sup>4)</sup>. Курбскій, жалуюсь на недостатокъ книгъ и хорошихъ переводовъ въ свое время, также упоминаетъ, что лучшіе и древнѣйшіе переводы сохранились въ монастырскихъ канцахъ <sup>5)</sup>. И въ послѣдующее время, когда встрѣчалась надобность въ книгахъ, обыкновенно обращались за ними въ монастыри. Въ половинѣ XVII в., по поводу возникновенія раскола, посылали въ монастыри за древнѣйшими славянскими рукописями <sup>6)</sup>. Изъ

его съ сыномъ пожизненно. (Опис. Рум. муз. 464). Въ началѣ XVII в. за толковую псалтирь Максима Грека было заплачено 30 рубл.; за одну тріодь—7 руб., а за 2 тріоды—10 руб.; за евангеліе съ серебряною доскою и камнями—60 руб. (Прав. соб. 1859, I, Соловец. бл. 201). Бумага въ Россіи стала извѣстною со времени Симеона Гордаго; но распространилась только въ XV вѣкѣ. Она обыкновенно доставлялась изъ Германіи черезъ Новгородъ, а потому продавалась по высокой цѣнѣ. Но и пергаментъ, употреблявшійся до того времени, вслѣдствіе затрудненій въ доставкѣ, цѣнился высоко (Карамзинъ, IV, 172). Во время дороговизны, въ XVI в. даже въ Новгородѣ листъ бумаги продавался по  $\frac{1}{2}$  денъги; но съ открытіемъ архангельскаго порта цѣна бумаги понизилась до 4 грив. за стопу (ib. VIII, пр. 687; X, 145).

<sup>1)</sup> Акты историч. I, № 8.

<sup>2)</sup> Посл. Геннадія къ Іоасафу, Чтен. Моск. общест. ист. № VIII, стр. 5.

<sup>3)</sup> Ори. рукоп. Синод. библ. I, стр. VI—VIII.

<sup>4)</sup> Истинны показаніе Зябовія, стр. 208.

<sup>5)</sup> См. Посланіе Курбскаго въ Правосл. собес. 1863, июль, 571.

<sup>6)</sup> Макарій, Исторія раскола, 161.

сохранившася списка видно, что въ 89 монастыряхъ такихъ книгъ было собрано 2,673 <sup>1)</sup>). Въ XVIII в., когда Екатерина II задумала изданіе русскихъ летописей, онѣ были высланы изъ монастырей. Такимъ образомъ древнія монастырскія библіотеки заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ единственные центры древней русской образованности и вполне характеризующія ея направленіе. Особенно замѣчательныя библіотеки были въ монастыряхъ: Троицко-Сергіевскомъ, Чудовскомъ, Кирилло-Бѣлозерскомъ, Ростовскомъ, Соловецкомъ и Волоколамскомъ; менѣе важныя въ Корнѣевскомъ, Пафнутьевомъ-Боровскомъ, Ново-спасскомъ, Спасо-Евѣиміевскомъ (въ Суздаль), Спасо-Каменномъ Псково-печерскомъ, Хутынскомъ, Свияжскомъ, казанскомъ Преображенскомъ, Угрѣцкомъ и др. <sup>2)</sup>). Для точнаго опредѣленія вопроса, насъ занимающаго, мы рассмотримъ составъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

До сихъ поръ въ библіотекѣ Троицкой лавры хранятся болѣе 800 рукописей и до 3000 старопечатныхъ книгъ <sup>3)</sup>). Въ половинѣ XVII, по требованію патр. Никона, этотъ монастырь представилъ отъ себя списокъ древнихъ рукописей, въ которомъ означено 411 книгъ. Въ томъ числѣ библейскихъ книгъ (ветхаго и новаго завета) было—101; церковнослужебныхъ—46; сочиненій отцовъ церкви—58; сборниковъ—51; по церковному праву—17; по церковной хронологіи—1; русскихъ летописей—11; общенсторическихъ—4; географическихъ—3; философскихъ—1; педагогическихъ—1; апокрифическихъ—1. Болѣе всего было сочиненій аскетическихъ: такихъ книгъ въ этомъ списокѣ поименовано 116 <sup>4)</sup>). Чудовская библіотека была известна еще въ XVI вѣкѣ. До сихъ поръ отъ нея уцѣлѣло 136 рукописей харатейныхъ и бумажныхъ и 199 книгъ церковной и гражданской печати. Въ составѣ ея первое мѣсто занимаютъ библейскія и богослужебныя книги; за тѣмъ слѣдуютъ творенія отцовъ церкви, собранія каноническихъ правилъ, житія святыхъ греческой и русской церкви, мѣнеи, прологи, патерики, пален, сборники, хронографы, космографіи (уже позднѣйшія—XVII в.) и нѣ-

1) Опись книгамъ степен. монастырей, Чтен. Моск. общ. ист. в древн. 1848, № VI.

2) Прав. соб. 1858, апрѣль, стр. 503 и дал. и Опись степен. монаст.

3) Прав. соб. 1858, апрѣль, стр. 503.

4) Событій. монастыр. пров. древ. Рос. Прав. соб. 1858, апрѣль, стр. 503. Опись книгъ степен. монаст. Чтен. Москов. общест. истор. 1848, № VI.

сколько сочиненій, относящихся въ языку, гражданскимъ законамъ и врачебному искусству<sup>1)</sup>. Столь же извѣстная библиотека находилась въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Въ XVII и XVIII вв. туда постоянно обращались за древними книгами, выписывая изъ нихъ двойные и тройные экземпляры или посылали списывать тамъ рѣдкія рукописи для исправленія церковныхъ книгъ. За исключеніемъ взятыхъ экземпляровъ, въ Кирилловской библиотекѣ сохранилось 1938 книгъ, болѣею частію рукописныхъ: изъ нихъ библейскихъ книгъ приходится болѣе 250, богослужебныхъ до 560 и столько же сочиненій отцовъ церкви, между которыми есть болѣе 10 и 20 экземпляровъ одного автора (Шестоднева Василия В. — 13, Лѣтвицы — 26). Изъ 473 экземпляровъ, описанныхъ въ половинѣ XVII вѣка, приходится на 160 аскетическихъ книгъ — 3 географическихъ и космографическихъ, 6 — общенсторическихъ, 11 русскихъ лѣтописей и 1 общаго содержанія. Остальныя принадлежатъ въ библейскимъ, богослужебнымъ и твореніямъ отцовъ церкви<sup>2)</sup>. Библиотека Соловецкаго монастыря состоитъ изъ 1343 № № рукописей и 83 № № старопечатныхъ книгъ — всего 1426 № №, присоединяя сюда и библиотеку Анзерскаго свята, который приписанъ къ Соловецкому монастырю въ 1764 году. Изъ нихъ библейскихъ книгъ — 108, сочиненій отцовъ церкви — толкованій .. — 107; аскетическихъ — 219; церковно-служебныхъ — 671; каноническихъ — 33; историческихъ сказаній — 12; по церковной хронологіи — 2; русскихъ лѣтописей — 7; общенсторическихъ сочиненій — 5 экземпляровъ; собраніе русскихъ путешественниковъ — 2; иностраннаго лексикона — 9 книгъ. Кромѣ того въ Соловецкой библиотекѣ насчитываютъ до 200 сборниковъ, преимущественно аскетическаго содержанія; такого же характера и библиотека Анзерскаго свята, въ которой только весьма незначительное количество относится на долю другихъ отдѣловъ. Мы не касаемся тѣхъ историческихъ сочиненій, которыя при-

<sup>1)</sup> Снегиревъ, Памят. москов. древн. IV, 145. Изъ 200 экземпляровъ, внесенныхъ въ опись книгъ степен. монаст., 30 принадлежатъ къ библейскимъ и богослужебнымъ, 51 — къ аскетическимъ; русскихъ лѣтопис. 9; общенсторич. 3, географич. 2, гражд. законовъ 1, смѣшан-содерж. 1 (Пчела).

<sup>2)</sup> Опись книгамъ степенныхъ монастыр. Чтен. Москов. общ. исторіи, 1848, № VI; Правосл., собес. 1858, апрѣль, 505. Опис. рукоп. Кирилла Бѣлозер. Чтеніе Москов. общ. истор. 1860, II.

надлежать уже позднейшей эпохѣ (XVIII вѣка) <sup>1)</sup>. Въ Волоколамскомъ монастырѣ, по описи конца XVI в. хранилось до 1150 книгъ, изъ которыхъ до начала XIX в., сохранилось 690 рукописей. Въ полномъ составѣ ея библейскихъ книгъ было 30 печатныхъ и 17 рукописныхъ экземпляровъ; сочиненій отцовъ церкви и сборниковъ—354; аскетическихъ произведеній болѣе 200; общенсторическихъ—7; русскихъ лѣтописей—3; географическихъ—1 (по описи XVII в.); по гражданскимъ законамъ—1. Остальныя книги представляютъ собраніе разныхъ церковныхъ правилъ, поученій, посланій, уставовъ и статей смѣшаннаго содержанія <sup>2)</sup>. Библиотека суздальскаго Спасо-Евѣиміева монастыря состояла изъ 281 книги; въ числѣ которыхъ библейскихъ книгъ было 43; церковно-служебныхъ—89; аскетическаго содержанія—86; твореній отцовъ церкви—31 экземпляръ; каноническихъ—3; одно путешествіе на востокъ (Стефана новгородца); одно общенсторическое сочиненіе; русскихъ лѣтописей—2; 1 грамматика; по церковной хронологіи—1; наконецъ 23 книги смѣшаннаго содержанія <sup>3)</sup>. Въ Свѣяжскомъ монастырѣ, по писцовымъ книгамъ, еще при Германѣ (XVI в.) было собрано 152 книги <sup>4)</sup>. Мы не станемъ касаться описанія другихъ монастырскихъ библиотекъ, такъ какъ, по своему составу, онѣ нисколько не отличаются отъ предъидущихъ <sup>5)</sup>.

По своей обширности монастырскія библиотеки древней Россіи нисколько не уступаютъ большимъ библиотекамъ западныхъ монастырей; но по характеру книгъ онѣ значительно отличаются отъ нихъ. Такъ, въ аббатствѣ Кройландъ, въ концѣ XI в., хранилось до 3000 книгъ; библиотека аббатства Гластонебури въ XIII в. заключала въ себѣ 400 томовъ; но большая часть изъ нихъ были сочиненія римскихъ классиковъ—историковъ и поэтовъ. Въ томъ же родѣ была библиотека монастыря Пристлингскаго. Бенедиктинскіе монахи читали Лукана, Горація, Виргилія, Саллюстія; такихъ книгъ у нихъ было до 247 томовъ.

<sup>1)</sup> Библиотека Соловецкаго монастыря, Правосл. собес. 1859, кн. I и II.

<sup>2)</sup> Опись книгъ Волокол. монаст. Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № VII. Прав. собес. 1858, апрѣль, 507. Опись степен. монастырей, Чтенія, 1848, VI.

<sup>3)</sup> Опись книгъ Спасо-Евѣим. монаст. Временникъ, № V.

<sup>4)</sup> Журн. министр. народ. просв. часть LXXXIII, отд. III, стр. 10, 11.

<sup>5)</sup> См. Опись книг. степен. монаст. Чтенія Моск. общ. ист. 1848. VI. Опись книг. Калужс. епархіи. Чтен. Моск. общ. 1865, IV.

Библиотека монастыря св. Михаила въ Бамбергѣ главнымъ образомъ состояла изъ римскихъ писателей <sup>1)</sup>. У насъ греческіе и римскіе писатели въ монастырскихъ библиотекахъ встрѣчаются только во второй половинѣ XVII вѣка; а до тѣхъ поръ въ монастыряхъ были известны краткія изреченія ихъ, попадавшіяся въ византийскихъ сборникахъ (напр. Пчелъ и друг.).

Такимъ образомъ въ составѣ русскихъ монастырскихъ библиотекъ наименьшій отдѣлъ занимаютъ сочиненія общеобразовательныя. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаютъ русскія лѣтописи, которыя встрѣчаются во всѣхъ значительныхъ библиотекахъ и нерѣдко въ большомъ количествѣ экземпляровъ <sup>2)</sup>. Чаще всего онѣ помѣщаются подъ общимъ именемъ; но иногда отличаются лѣтописи: кievскія, новгородскія, псковскія, временники, степенныя и царственныя книги. Къ общенсторическимъ сочиненіямъ въ обширномъ смыслѣ слова принадлежатъ хронографы. За тѣмъ болѣе другихъ встрѣчаются византийскіе писатели Георгій Амартолъ (сочиненіе котораго было известно подъ именемъ Креницы) <sup>3)</sup>; Зонара (Паралипоменонъ) и Марссія (лѣтопись); общія сочиненія по византийской исторіи: О константинопольскихъ царяхъ, Временникъ о греческомъ царствѣ, Временникъ о христіанскихъ царяхъ, греческая царственная книга и греческіе лѣтописцы. По римской исторіи: О началѣ римскаго царства и хронографы. По отдѣльнымъ эпохамъ исторіи: Троя, О троянскомъ плѣненіи, Александрія, Александръ Македонскій, Иосифъ Флавій. Историческое изложеніе библейской исторіи съ дополненіями изъ другихъ источниковъ представляла Палла. Къ географическимъ и космографическимъ сочиненіямъ относятся творенія Георгія Писиды и Космы Индикоплова. Послѣдній встрѣчается почти въ каждой библиотекѣ и нерѣдко въ нѣсколькихъ экземплярахъ. По гражданскому законодательству мы находимъ тамъ постановленія греческихъ царей (Главы царя Василія), законы Юстиніана, грамоты русскихъ князей, Судебники, Литовскій статутъ, Уложеніе. Къ области

<sup>1)</sup> Hurter, Innocent. III und seine Zeitgenossen., Bd. II, Abthell. II, 252—61.

<sup>2)</sup> См. Описаніе книгамъ степен. монастыр.; Волоколам. монаст., Соловец. библиот. и др. Въ библиотекѣ Бѣлозерскаго монастыря хранилось 11 экземпляровъ русск. лѣтописей.

<sup>3)</sup> Въ Бѣлозерской библ. 5 экземпляровъ.



философіи относится трудъ Іоанна Дамаскина: Діалектика или философія, въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго. Въ XVII в. встрѣчается систематическое изложеніе правилъ языка и рѣчи (грамматика и риторика) и основныхъ положеній геометріи (землемѣріе). Изложеніе нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ принциповъ въ формѣ изреченій, заимствованныхъ изъ священнаго писанія и древнихъ поэтовъ и писателей, представляетъ сборникъ «Пчела», весьма распространенный въ монастырскихъ бібліотекахъ древней Россіи <sup>1)</sup>.

За исключеніемъ этихъ произведеній, знакомившихъ съ общественною жизнію, хотя далеко не вполне, останется обширное собраніе рукописей и книгъ, исключительно посвященныхъ духовной литературѣ. Но и между ними рѣзко выдается преобладающее направленіе—аскетическое. Это видно изъ представленнаго нами описанія состава бібліотекъ. На 2673 книги, помѣщенные въ описи степенныхъ монастырей, приходится до 1000 экземпляровъ исключительно аскетическаго содержанія <sup>2)</sup>. Судя по количеству сохранившихся рукописей и древнихъ книгъ, болѣе всего цѣнились писатели и сочиненія созерцательнаго характера: Василій В., Діонисій Ареопагитъ, Исаакъ Сиринъ, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Григорій Синаитъ, Лѣствица и Патерики <sup>3)</sup>.

Таковъ кругъ монастырской образованности. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ ея источники, монастыри естественно сдѣлались регулирующими центрами въ общественной жизни древней Россіи. Въ ихъ стѣнахъ заключалась почти вся книжная дѣятельность и потому не-

<sup>1)</sup> См. прежнія описанія бібліотекъ.

<sup>2)</sup> Чтен. Моск. общ. исторіи, 1848, VI.

<sup>3)</sup> Обыкновенно сочиненій разныхъ писателей мы встрѣаемъ по 1, 2 и много 3 экземпляра въ каждой изъ означенныхъ бібліотекъ; но этихъ писателей было въ гораздо большемъ количествѣ. Такъ сочин. Василія Вел. означено въ Троиц. библиот. 9 экзempl., въ Бѣлозерской—8; Діонисія Ареопаг. въ Бѣлозерск. 6 экз., въ Троиц.—4; Исаака Сиринъ—въ Троиц. 7 экз., въ Бѣлозерской—17, въ Волоколам.—13, въ Соловец.—8 № №; Ефрема Сиринъ—въ Волокол. 10, въ Соловец. 7 № №; Іоанна Дамаск. въ Бѣлозерск. 7; Григорія Синаита въ Соловец.—10; Лѣствицы въ Троиц.—16; Бѣлозер.—28; Волокол.—9; Соловец. 29 № №. Патериковъ разнаго рода: въ Троиц.—10; Бѣлозер.—19; Волоколамск. 11 и Соловецкой—25 № №. Кромѣ того въ огромномъ количествѣ были собраны мины, прологи, соч. Дорооея и друг. аскетическія произведенія.

удивительно, что умственной жизни общества былъ данъ монастырскій колоритъ. На 240 писателей, бывшихъ въ Россіи до конца XVII в., не считая принадлежавшихъ къ католической эпохѣ юго-западной Руси, можно насчитать до 190 монаховъ, въ томъ числѣ и лицъ высшей іерархіи, которыя также выходили изъ монастырей; до 20 лицъ бѣлаго духовенства и до 30 свѣтскаго званія. Но и въ числѣ послѣднихъ, исключивъ авторовъ путешествій, описаній посольствъ и т. п. останется значительное количество произведеній, посвященныхъ духовнымъ предметамъ<sup>1)</sup>. До конца XVII в. вся русская образованность носила на себѣ исключительно духовный характеръ, и свѣтскій писатель, при господствѣ извѣстныхъ понятій, необходимо долженъ былъ идти по той же дорогѣ; по крайней мѣрѣ, замѣчаетъ Пыпинъ, извѣстныя намъ сочиненія бояръ и дьяковъ позднѣшаго времени таковы, что незная ихъ сочинителей, мы неколеблясь признали-бы ихъ духовными лицами<sup>2)</sup>. Очевидно, что такое исключительное преобладаніе извѣстныхъ понятій обусловливало и самыя формы письменности. Отношеніе монастыря къ обществу выражалось преимущественно съ нравственной стороны или вызывалось извѣстными религіозными явленіями, становившимися въ противорѣчіе съ господствующими вѣрованіями. Сопоразно съ этимъ и древняя письменность принимаетъ двойственный характеръ—поучительный и полемическій, который проникаетъ во всѣ формы ея, будетъ-ли это лѣтопись, посланіе, описаніе путешествія, біографія или отдѣльное изложеніе какого-нибудь факта: вездѣ преобладаетъ тотъ или другой мотивъ, а перѣдко они находятся въ тѣсной связи между собою. Постоянными образцами для русской письменности служили византійскіе авторитеты. Въ этомъ убѣждаетъ безусловная подражательность наиболѣе крупныхъ писателей въ области духовной литературы. Первый изъ нихъ—Θеодосій Печерскій представляетъ близкое сходство съ Θеодоромъ Студитомъ, сочиненія котораго были извѣстны въ Россіи на славянскомъ языкѣ уже въ XI вѣкѣ: у Θеодосія тотъ же тонъ, тѣже обороты рѣчи и даже сходство въ самомъ содержаніи; такъ что поученія его въ древнихъ памятникахъ постоянно смѣшиваются съ сочиненіями Θеодора Студита, и ихъ произведе-

1) См. Обзоръ русской духовной литературы, Филарета, томъ I.

2) Пыпинъ, Очеркъ литературной исторіи старин. новѣстей и сказокъ русск., стр. 17.

нія приписывають взаємно другъ другу <sup>1)</sup>. Кирилль Туровскій—вѣрный образецъ византійской витіеватости и ораторскаго искусства, въ которомъ перѣдко форма беретъ верхъ надъ содержаніемъ. »Преданіе ученикамъ Нила Сорскаго, по его собственному признанію, есть не болѣе, какъ выборъ изреченій и наставленій изъ аскетическихъ писателей византійской литературы <sup>2)</sup>. Другое обширное сочиненіе начала XVI вѣка—Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго, направленный противъ новгородскихъ еретиковъ, представляетъ въ томъ же родѣ выборъ догматическихъ писателей. Это самымъ нагляднымъ образомъ подтверждается сравненіемъ сочиненія Іосифа съ его источниками. »Мало сказать, замѣчаетъ одинъ изъ критиковъ его, что творенія отцовъ церкви имѣли вліяніе на составленіе Просвѣтителя, они произвели его, такъ что Просвѣтитель вполнѣ есть плодъ чтенія Іосифомъ отеческихъ твореній» <sup>3)</sup>. Такъ смотритъ на свое сочиненіе и самъ Іосифъ, выражаясь, что онъ »составилъ его изъ различныхъ писателей, чтобы читавшіе ихъ могли припомнить читанное» <sup>4)</sup>. До какой степени простиралось это подобострастіе греческимъ образцамъ яснѣе всего видно на поученіяхъ митр. Даниїла (XVI в.), который отъ себя придѣлывалъ только вступленіе и заключеніе, а самое изложеніе бралъ цѣликомъ изъ отцовъ церкви. Болѣе самостоятельности и независимости отъ источниковъ представляетъ сочиненіе Зиновія Отенскаго (Истины показаніе), направленное противъ ереси Θεодосія Косаго. Но не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ ученикъ Максима Грека, получившаго систематическое образованіе въ Италіи.

Результатомъ монастырской образованности было появленіе въ Россіи особаго рода литературы, важнаго по богатству матеріала для политической и церковной исторіи,—это житія святыхъ. По своему общему содержанію — они выражаютъ идеализацію монастырской жизни, въ духѣ восточнаго аскетизма. По своему происхожденію—они результатъ книжной дѣятельности въ монастыряхъ; такъ какъ почти всѣ писаны учениками и почитателями тѣхъ лицъ, кому посвящены біографіи и примѣру которыхъ старались слѣдовать ихъ авторы. Этотъ

<sup>1)</sup> О древнихъ переводахъ отцовъ церкви, въ Прав. собесѣд. 1859, III, 367, и Обз. духов. литер. 12.

<sup>2)</sup> См. предисловіе къ Преданію Нила Сорскаго.

<sup>3)</sup> Разборъ Просвѣтителя, Правосл. собесѣд. 1859, III, 153—155.

<sup>4)</sup> Просвѣтитель, 63.

Отдѣлъ письменности, по своей обширности, занимает первое мѣсто во многихъ библиотекахъ древней Россіи <sup>1)</sup>. Одновременно съ образованіемъ Московскаго государства проявилось стремленіе къ собранію письменныхъ памятниковъ и соединенію ихъ въ одно цѣлое. Результатомъ его было появленіе въ XVI вѣкѣ обширной энциклопедіи, сосредоточившей въ себѣ всю образованность древней Россіи. Мы говоримъ о Четви-Минеяхъ митр. Макарія. Опѣ замѣчательны какъ по обширности труда, такъ и по своему содержанію. Составленіемъ Четви-Миней Макарій занимался въ теченіе 12 лѣтъ, будучи архіепископомъ въ Новгородѣ. Трудъ этотъ былъ совершенъ при посредствѣ многихъ переписчиковъ и стоилъ ему большихъ пожертвованій деньгами и милостями. Во всѣхъ 12 книгахъ заключается 27,057 страницъ или 13,528 большихъ листовъ. Въ самой меньшей изъ нихъ (октябрьской) — 1754 страницы или 877 листовъ, а въ самой большей (августовской) — 2992 стр. или 1496 листовъ. Особенную трудность для составителя представляло исправленіе и переводъ иностранныхъ рѣчей, въ большомъ количествѣ сохранившихся въ древнихъ переводахъ. Въ 12 огромныхъ книгахъ этой энциклопедіи заключаются, расположенныя по днямъ мѣсяцевъ цѣлаго года, краткія и пространныя житія святыхъ, торжественныя, поучительныя и похвальныя слова на разные праздники, цѣлыя книги священнаго писанія съ толкованіями, творенія отцовъ церкви, церковныхъ писателей, патерики (азбучный, іерусалимскій, египетскій, синайскій, свитскій, печерскій), разныя сказанія и повѣсти, притчи, путешествія, Кормчая книга, посланія, грамоты и т. п. Однимъ словомъ, по выраженію собирателя, — «всѣ книги, которыя находятся въ русской землѣ» <sup>2)</sup>. Тавимъ образомъ Четви-Миней Макарія представляютъ намъ полную характеристику монастырской образованности древней Россіи, развивавшейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византіи. А распредѣленіе самаго матеріала сообразно съ Прологомъ, заключающаго въ себѣ обширный циклъ сказаній, относящихся въ

1) Въ XV и XVI вв., по образцу печерскаго Патерика, стали составляться новгородскій.

2) Между прочимъ здѣсь цѣликомъ помѣщены: Зерцало Михаила Псела, Георгій Пасидъ, Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго, Златая цѣль, Пчела, Козма Индикопловъ, нравоучительныя главы греч. царя Константина своему сыну Льву, дѣло о вдовыхъ понахъ и возраженіе Георгія Скрипицы, О вѣнчаніи на царство греч. царя Мануила, краткій лѣтописецъ.

внутреннему быту монастырей, показывает, какимъ интересамъ должно было служить это твореніе <sup>1)</sup>). Элементъ поучительный стоитъ здѣсь на первомъ планѣ и направленъ къ той же цѣли.

Изъ сдѣланной нами характеристики видно, что наибольшая часть книжнаго матеріала, сосредоточившагося въ монастырскихъ бібліотекахъ древней Россіи, относится къ нравственнымъ вопросамъ. Поэтому и дѣятельность монастырей носить на себѣ по преимуществу этотъ характеръ. Они берутъ на себя утверженіе нравственныхъ понятій въ обществѣ, выработанныхъ подѣ влияніемъ византійскихъ образцовъ.

Нравственное влияніе монастырей на общество совершалось двоякимъ путемъ: посредствомъ монастырскаго воспитанія и влияния представителей монашества на семью. При нѣкоторыхъ монастыряхъ существовали училища <sup>2)</sup>). Въ монастыри стекались со всѣхъ сторонъ массы народа различныхъ состояній и возрастовъ съ специальною цѣлю—принять наставленіе. Матеріалъ для поученій въ такихъ случаяхъ обыкновенно заимствовался изъ монастырскихъ уставовъ, особенно изъ сочиненія Нила Сорскаго и писателей созерцательнаго направленія <sup>3)</sup>). Многие такъ проникались этимъ ученіемъ, что немедленно оставались въ монастырѣ, чтобы подчиниться той же самой дисциплинѣ <sup>4)</sup>). Такие

<sup>1)</sup> Великія Четы-Миней, изд. Археографич. комисіи, и Оглавленіе Четий-Миней, въ Чтен. Московск. общ. исторіи, 1848, № IV. О минеяхъ, Ундольскаго, въ Москвитинѣ, 1846, № XI и XII.

<sup>2)</sup> Ярославъ галичій отдалъ обученіе въ руки монаховъ. (Татищевъ, III, 280). Новгородскій архіеп. Моисей открылъ училища при монастыряхъ, основанныхъ имъ въ Новгородѣ (Житіе его у Филарета). Еще извѣстны училища, существовавшія въ Зилантовомъ (въ Казани) и Свѣяскомъ монастыряхъ.

<sup>3)</sup> О русской проповѣди въ XV и XVI в. въ Журн. мин. народ. проsv. 1868, февр. 377.

<sup>4)</sup> Житія: Θεодосія Печерскаго, Авраамія Смоленскаго, Варлаама Хутынскаго, Сергія Радонежскаго, Павла Обнорскаго, Александра Свѣскаго; а также см. стр. 127, примѣч. 4-е. Вотъ примѣръ подобнаго влиянія. Князь Андрей Голенинъ (родомъ изъ ростовскихъ князей) часто приходилъ къ Іосифу Волоколамскому за наставленіемъ, и запала ему въ душу мысль о будущей жязни и цѣпенѣлъ онъ отъ ужаса, при мысли о страшномъ судѣ и будущей мукѣ. Онъ помогать бѣднымъ и былъ милостивъ къ своей прислугѣ, но этого ему было мало. Однажды пріѣхалъ онъ къ Іосифу въ монастырь съ множествомъ слугъ и съ отроками въ дорогихъ одеждахъ, на лучшихъ коняхъ; при немъ было множество серебряныхъ вещей. Онъ какъ-будто выѣхалъ на охоту

обыкновенно отдавались подъ надзоръ одному изъ старцевъ, болѣе извѣстныхъ своею строгостью: почти каждый отшельникъ вышелъ изъ подобной школы и въ свою очередь сдѣлался руководителемъ многихъ учениковъ. Какъ въ боярскихъ и дворянскихъ фамиліяхъ, такъ и въ простомъ быту, существовалъ обычай отдавать дѣтей на воспитаніе— въ монастырь <sup>1)</sup>. Изученіе псалтири и здѣсь составляло основу обученія: знаніе ея наизусть было весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ монастыряхъ <sup>2)</sup>. Но, благодаря обширнымъ книжнымъ собраніямъ, здѣсь почерпались тѣ свѣдѣнія по разнымъ предметамъ, имѣвшимъ близкое отношеніе къ современнымъ интересамъ, которыми отличаются писатели, вышедшіе изъ монастыря. Здѣсь приобрѣталось то направленіе, которое такъ рельефно характеризуетъ понятія и нравы древняго русскаго общества. Любимымъ чтеніемъ въ монастыряхъ были: сочиненія Ефрема Сирина, Діонисія Ареопагита, Исаака Сирина, Василія В., Іоанна Златоуста, Лѣтвица, патерики восточные и печерскій <sup>3)</sup>. Оттого въ монастырскихъ бібліотекахъ эти книги встрѣчаются въ наибольшемъ количествѣ экземпляровъ. Уже на первыхъ порахъ монастырь заботился о приобретеніи книгъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ его жизни. Вскорѣ по смерти Сергія Радонежскаго въ Троицкой лаврѣ были списаны: Лѣтвица, Діонтра Филіппа пустынника съ отвѣтами Вареонофія и повѣствованіями Исихія, сочиненія Григорія Синаита и поученія Дорофея <sup>4)</sup>. Воплѣтъ естественно, что лица, отданныя въ монастырь, получивъ подобнаго воспитаніе, оставались въ немъ на всегда. Но его вліяніе, при

съ соколами, хотя и не было въ обычаѣ выѣзжать на охоту съ такимъ великолѣпіемъ. Но птицы были оставлены въ покоѣ. Князь поѣхалъ прямо въ монастырь. Игуменъ и братія находились въ главной церкви. Князь входитъ туда, припадаетъ къ игумену съ молитвою—сбѣнить его блестящую одежду на монашескую, и тутъ же отдаетъ монастырю все свое имѣніе: серебро, золото, одежды, сосуды, весь скотъ и три села. Онъ былъ немедленно постриженъ, а отрокамъ его была объявлена свобода — идти куда ходятъ; но нѣкоторые такъ были привязаны къ своему князю, что послѣдовали его примѣру. Хрущовъ, 45, 45.

1) Житія: Θεодора Ростовскаго, Пансія Угличскаго, Даниїла Переяславскаго, Александра Ошевскаго, Корнилія Комельскаго.

2) Употребленіе псалтири въ древнемъ быту русск. народа, Прав. соб. 1857, IV.

3) Житія: Θεодосія Тотемскаго, Питирима еписк. пермскаго, Саввы Тверскаго, Авраамія Смоленскаго.

4) Опис. Серг. лавры, 177.

господствѣ извѣстныхъ идей, не ограничивалось этимъ. Монастырское воспитаніе сообщилось всему строю общественной жизни.

Въ той средѣ, гдѣ книжность была болѣе распространена, оно утверждалось посредствомъ книгъ. До второй половины XVII в. царскія и частныя библіотеки, по своему составу, нисколько не различались отъ монастырскихъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ сочиненій общаго содержанія (лѣтописи, хронографы, исторія Александра Македонскаго, рассказы о римскихъ цезаряхъ, Антоніѣ и Клеопатрѣ и т. п.) книжныя собранія бояръ состояли изъ твореній отцовъ церкви <sup>1)</sup>. Въ дворцовыхъ библіотекахъ такой составъ вполне сохраняется до второй половины XVII вѣка <sup>2)</sup>.

Если такъ было въ высшей сферѣ, то въ народномъ быту эта книжность, посредственно или непосредственно, вполне господствовала. Такой характеръ книжности не остался безъ вліянія на направленіе мысли общества. Было много примѣровъ, что вмѣстѣ съ

<sup>1)</sup> Іовій, 47.

<sup>2)</sup> Библіотека Михаила Ѳеодоровича, за исключеніемъ книги Аристотеля, вся религіознаго содержанія. Въ библіотекѣ царевича Алексѣя Михайловича встрѣчаются: Правоучительныя главы греческаго императора Василія сыну своему Льву, грамматика и космографія, остальныя религіознаго содержанія. Для болѣе нагляднаго образца мы приведемъ опись библіотеки царевича Алексѣя Алексѣевича. Въ первомъ шкафѣ помѣщались: Новый завѣтъ, Библия, Мечъ духовный, Апостоль толковый, Бесѣды апостольскія, Бесѣды на дѣянія, Шестодневъ Василія В., Ефремъ Сиринъ, Бесѣды на евангеліе, Псалтирь толковая, Трефолой кievскій, Маргаритъ, Патерикъ печерскій, житіе Саввы Сторожевскаго, Соч. аввы Дорофея, житіе Александра Ошевенскаго, Святы, Лѣтописецъ краткій и Описаніе земель. Въ другомъ: Ефремъ Сиринъ, Новый завѣтъ, Мѣрило праведное, Каноникъ, Псалтирь, Цвѣтникъ, Катехизисъ, Грамматика и Лексиконъ. На переходѣ къ другому порядку указываетъ: 20 книгъ на разныхъ языкахъ. Въ третьемъ шкафѣ: Бесѣды апостоловъ на дѣянія, Псалтирь, лексиконы, Новый завѣтъ, Часовникъ, Прологъ, соч. Іоанна Дамаскина, Жезлъ правленія, Книга о вѣрѣ, Книга Кирилла александрійскаго, Катехизисъ большой, Собраніе пророчествъ, соч. Григорія бесѣдовника, Діонисій Арсепатитъ, Исаакъ Сиринъ. Это собраніе книгъ вполне характеризуетъ разсматриваемое нами направленіе; но здѣсь же можно замѣтить поворотъ къ другому направленію общества. Въ числѣ означенныхъ книгъ встрѣчается 86 книгъ на разныхъ языкахъ; книги: размѣрная и цифирная, о монархіи и т. п. См. Домашній бытъ русск. царей, Забѣлина, Отеч. записки, 1864, VI 122—126.

тѣмъ, какъ дѣти начинали учиться (съ 7 лѣтъ) и знакомиться съ произведеніями тогдашней литературы,—у нихъ начиналъ слагаться аскетическій идеаль, и, едва прійдя въ возрастъ, они спѣшили осуществить его. Тогда нерѣдко можно было встрѣтить отшельниковъ въ 11—15 лѣтъ<sup>1)</sup>. Рельефный примѣръ подобнаго увлеченія книжнымъ образцомъ представляетъ намъ Даніилъ Переяславскій. Услышавъ при чтеніи житія Симеона Столпника, что тотъ тайно обвилъ себя веревкою для усмиренія плоти, и Даніилъ отрѣзалъ себѣ часть веревки, которую рыбаки привязывали къ берегу ладью, обвилъ ею такъ крѣпко свои станъ, что веревка стала вѣдаться въ тѣло. Когда родители его увидѣли этотъ мучительный поясъ и поспѣшили снять его—Даніилъ бѣжалъ въ монастырь<sup>2)</sup>. Другой способъ подобнаго вліянія на семью (состоялъ въ наставленіи. По временамъ отшельники оставляли свои убожища, являлись среди общества, обходили знакомые дома, вездѣ находили ласковый пріемъ, а нерѣдко такъ умѣли подѣйствовать своими рассказами на впечатлительныя натуры, что нѣкоторые изъ членовъ семьи немедленно оставляли домъ и уходили вмѣстѣ съ своими наставниками въ отдаленный монастырь или пустыню<sup>3)</sup>). Но еще глубже было вліяніе духовниковъ. При господствѣ монастыря въ жизни и низкомъ положеніи блага духовенства, строгіе хранители религіозной чистоты любили избирать себѣ духовниковъ въ средѣ монастырской; чѣмъ строже кто относился къ этой сторонѣ дѣла, тѣмъ болѣе строго старался избрать себѣ духовника. Въ высшемъ классѣ подобный обычай былъ въ большемъ ходу<sup>4)</sup>. Конечно это былъ самый прочный

1) Житія Моисея еп. повгор., Феодора юрод., Димитрія Прѣлудц., Корнилія Псковск., Серап. архіеп. новгород., Маварія Колязинск., Пахомія Нерехтск., Александра Свирскаго, Іоанна еписк. суздальск., Авраам. Ростовск., Іакова, еп. ростовск., Нила Столобенскаго, и выше стр. 120, примѣч. 3.

2) Житіе: Даніила Переяславскаго.

3) Житія: Стефана Махрицкаго, Александра Свирскаго, Варлаама Хутынскаго. Особенно дѣйствовали они на дѣтей, которыхъ побуждали даже тайно оставлять свои дома и бѣжать въ монастыри, гдѣ ихъ содержали въ келліяхъ игумена и не позволяли видѣться съ родными, приходившими за ними. На жалобы послѣднихъ монахи отвѣчали: «игуменъ велѣлъ отнимать у родителей дѣтей и отвозить въ монастырь». Житія Діонисія Глушицкаго и Александра Свирскаго. Русск. пропов. XV и XVI вв., Журн. мин. нар. проsv. февр. 377.

4) Житія: Паисія Угличскаго, Даніила Переяславскаго, въ житія



способъ вліянiя монастыря на общественную среду. Образецъ подоб-  
ныхъ отношенiй представляютъ намъ четыре посланiя Іосифа Воло-  
коламскаго къ его духовнымъ дѣтямъ, неизвѣстнымъ вельможамъ. Въ  
нихъ главнымъ образомъ Іосифъ говоритъ объ обрядовомъ служенiи  
Богу: постахъ, поклонахъ и т. п., предписывая въ какой день что  
ѣсть и по сколькою власть поклоновъ. Въ этихъ наставленiяхъ поража-  
етъ строгость требованiй Іосифа. Въ одномъ изъ посланiй онъ нала-  
гаетъ такого рода эпитимію на своего духовнаго сына: три дня въ  
недѣлю ѣсть сухо: хлѣбъ или колачъ, пить воду или квасъ, одно варе-  
ное безъ масла, а по нуждѣ—два, власть по 300, 200 и по 100 по-  
клоновъ въ день; не велитъ три года причащаться, касаться святыни,  
подходить къ переносу, цѣловать иконы; дозволяетъ святою водою  
кропиться, но не вкушать ея, и только въ великій четвергъ и въ день  
пасхи позволяетъ напиться святою богоявленскою водою. Впрочемъ есть  
путь, которымъ можно избавиться отъ этихъ эпитимiй и сразу полу-  
чить прощенiе грѣховъ: это монашество. Іосифъ всѣми силами ста-  
рается убѣдить своего духовнаго сына, чтобы онъ принялъ его совѣтъ  
и поступилъ въ монастырь: »тогда радостью радуйся и веселиемъ ве-  
селись, заключаетъ онъ, потому что избралъ тебя Богъ и разлучилъ  
съ мірскою жизнію и поставилъ тебя, какъ предъ лицомъ своимъ«<sup>1)</sup>.  
Такой же тонъ сохраняетъ Іосифъ и въ отношенiи къ вельможѣ, рабъ  
котораго ушелъ въ Волоколамскiй монастырь и принялъ монашество.  
Владѣлецъ раба хотѣлъ возвратитъ его въ свой домъ. Поэтому по-  
воду Іосифъ высказываетъ свой взглядъ на отношенiя къ рабамъ и на  
монашество. »Господинъ обязанъ заботиться о душевной чистотѣ сво-  
ихъ рабовъ, а потому когда отроку исполнится 15 лѣтъ, господинъ  
долженъ испытать его—хочетъ-ли онъ постричься въ монахи, и если  
хочетъ, то отпустить его въ монастырь, если же нѣтъ, то отрока же-  
нить, а дѣвицу выдать замужъ«. По понятію Іосифа, живя въ мірѣ,  
молодому человѣку трудно покаяться и перестать дѣлать все гнусное.  
Поэтому требованiя его идутъ далѣе: онъ совѣтуетъ всякому боголю-  
бивому человѣку давать Богу десятину не только отъ имѣнiя, но также

митр. Алексѣя, у Филар. февр. стр. 89. Курбскiй о Ѳеодоритѣ Коль-  
скомъ въ Исторiи Іоанна, 141. Хрущовъ, О сочин. Іосифа Волоц-  
каго, 88.

1) Хрущовъ, 88—90.

отъ дѣтей и рабовъ. »И если тотъ, кто даетъ Богу богатство тѣмное, получить награду, то тѣмъ болѣе будетъ вознагражденъ тотъ, кто приноситъ въ даръ душу безсмертную, которой недостойны всея миръ. Кто хулитъ монашество за то, что не все монахи спасаются, тотъ хулитъ самого Христа, потому что не все изъ учениковъ Его спаслись. Монашество есть второе крещеніе, которое подаютъ Христосъ, желая всея спасенія <sup>1)</sup>. Ревностный ученикъ Іосифа Волоколамскаго, митр. Даниилъ, въ своихъ посланіяхъ, всегда старался проводить его взгляды на монашество и на значеніе его въ общественной жизни <sup>2)</sup>.

«Монастыри любите, говорилось въ тогдашнихъ наставленіяхъ, это сыновья святыхъ, пристанища сего свѣта» <sup>3)</sup>. На монаховъ смотрѣли, какъ на свѣтъ для мірянъ, который они сами заимствуютъ только у ангеловъ <sup>4)</sup>. Даже лица съ виднымъ положеніемъ въ обществѣ, никогда недумавшія сдѣлать монастырь цѣлью своей жизни, противноложныя по характеру и при томъ свѣтически относившіяся къ современному монашеству, какъ Курбскій и Іоаннъ Грозный, все-таки считали его идеальнымъ явленіемъ въ жизни. Согласно съ Метафрастомъ, Курбскій говорить: «пустыня—покой и отдохновеніе ума, наилучшая родительница и воспитательница, клевреть и тишина мысли, плодотворный корень божественнаго зрѣнія, истинная помощница духовнаго соединенія съ Богомъ» <sup>5)</sup>. И когда онъ желаетъ поставить на видъ достойную жизнь Вассіана Косаго и Феодорита Кольскаго, то преимущественно рисуетъ ихъ аскетическіе подвиги <sup>6)</sup>. Іоанну Грозному монашество представлялось «лучше царской державы» <sup>7)</sup>. Пята подобное уваженіе къ аскетическимъ подвигамъ, князья и бояре посвящали свои труды описанію житій и похваламъ почитаемыхъ ими подвижниковъ <sup>8)</sup>. Сыиъ Іоанна Грознаго—царевичъ Іоаннъ, по семейному уваженію къ Антонію Сійскому, тщательно собиралъ рассказы и на

<sup>1)</sup> Ibid. 90—93, Минея Макарія.

<sup>2)</sup> Русская проповѣдь въ XV и XVI в. Журн. мин. нар. просв. 1868, февр. 377.

<sup>3)</sup> Шевыревъ, Истор. русск. литер. III, 45.

<sup>4)</sup> Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. истор. 1859, III, стр. 1.

<sup>5)</sup> Курбскій, 130.

<sup>6)</sup> Ibid. 5, 126—141.

<sup>7)</sup> Посланіе Іоанна Грознаго въ Кирил. монаст. Акты историч. № 204.

<sup>8)</sup> См. въ Обзорѣ духов. литер. Филарета.

терпачи о его жизни, на основаніи которыхъ составилъ его біографію и канонъ <sup>1)</sup>). Наклонность къ монастырской жизни, преобладавшая въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ, очевидно сложилась подъ вліяніемъ княжести и близкаго отношенія къ монастырю. Уже въ древнѣйшую эпоху <sup>2)</sup> стало слагаться убѣжденіе, что живя въ мірѣ и имѣя жену и дѣтей, нельзя спастись <sup>3)</sup>). Въ слѣдствіе этого многіе бросали свои семейства безъ пристанища и уходили въ монастырь <sup>4)</sup>. Если нельзя было сдѣлать этого явно—дѣлали тайно: мужа постригались въ монахи тайно отъ жены, а жены отъ мужей <sup>5)</sup>. Принятіе монашества считалось болѣе вѣрнымъ переходомъ изъ настоящей жизни въ будущую, а потому постриженіе передъ смертію сдѣлалось обычаемъ. Князья и княгини постоянно слѣдовали ему. Въ средѣ великихъ князей этотъ обычай сохранялся до конца XVI в. Василій Іоанновичъ, Іоаннъ Грозный и Борисъ Годуновъ умерли монахами <sup>6)</sup>. Если не успѣвали совершить обрядъ за-живо, то совершали его уже надъ мертвыми <sup>7)</sup>. За противодѣйствіе обѣту угрожали наказаніемъ свыше <sup>8)</sup>. Жители Тотмы, въ XVI вѣѣ, просили царя черезъ Θεодосія Тотемскаго—позволить ему основать у нихъ монастырь, чтобы умирающіе имѣли возможность передъ смертію принять постриженіе <sup>9)</sup>. Въ связи съ этимъ настроеніемъ мысли находится другой обычай, состоявшій въ томъ, что многіе еще за-живо просили поминать ихъ, какъ умершихъ, и это такъ распространилось, что самой церкви пришлось ратовать противъ подобнаго увлеченія <sup>10)</sup>. Въ эпохи общественныхъ бѣдствій наклонность къ монастырской жизни еще болѣе усиливалась <sup>11)</sup>. Это явленіе объясняется тогдашними возрѣ-

1) Ibid. 156.

2) См. выше, стр. 121, пр. 1.

3) Статья Соловьева въ Чтен. Моск. общ. истор. 1846, № 47.

4) Правосл. соборъ. 1861, февраль, 175. Житія: Θεодосія Тотемскаго, Никиты Переяславскаго, Арсенія Новгородскаго, Варлаама Шенкурскаго.

5) Опис. Румянц. музея, 273.

6) См. Указатель личныхъ именъ къ Истор. госуд. Россійск. Карамзина, изд. Строевымъ.

7) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 274. Карамзинъ, IX, 258.

8) Полн. собр. рус. лѣтоп. II, 94.

9) Житіе Θεодосія Тотемскаго.

10) Опис. рукоп. Синод. библ. II, 508. Слово о непоминеніи живыхъ въ Памятн. старин. Русск. литер. IV, 217.

11) Такъ было въ 1237 г. во время осады Владиміра татарами; въ

13/2  
ср.

ніями на нихъ и условіями жизни. На каждое явленіе или бѣдствіе, выходившія изъ ряда обыкновенныхъ, смотрѣли какъ на предзнаменованіе важныхъ событій или какъ на наказаніе свыше за грѣхи людей <sup>1)</sup>; а многочисленность тогдашнихъ бѣдствій <sup>2)</sup>, всегда содѣявшихся съ губительными послѣдствіями, при недостаткѣ рациональныхъ средствъ, естественно приводила къ мысли о неминуемой смерти, которую, какъ мы видѣли, старались предупредить общераспространеннымъ способомъ очищенія.

Въ дальнѣйшемъ развитіи это понятіе распространилось и на преступныя дѣйствія. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Послѣдній смоленскій князь Юрій Святославичъ (нач. XV в.) отличался жестокостью и потому былъ нелюбимъ народомъ. Потерявъ свое княжество, онъ нисколько не измѣнилъ своего нрава и даже сталъ извѣстенъ въ исторіи однимъ изъ тиранскихъ своихъ поступковъ. Василій I, князь московскій, далъ ему въ управленіе Торжокъ, гдѣ вмѣстѣ съ Юріемъ поселился другъ его, одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей—Симеонъ вяземскій, супруга котораго Юліанія отличалась рѣдкою красотою. Юрій запалъ страстью къ ней, домогался ея любви, но встрѣтилъ съ ея стороны полное противодѣйствіе. Въ ярости за отказъ, онъ велѣлъ изрубить ее и бросить въ рѣку, а за тѣмъ убить и ея супруга.

1352 и 1426 гг. во время мора и язвы во Псковѣ; въ 1510 г. тамъ же послѣ паденія независимости города, и т. п. Полн. собр. рус. лѣт. III, 54, IV, 60, 287. Акты истор. I, № 30.

13/2  
ср.

<sup>1)</sup> Этотъ взглядъ рельефно выраженъ въ поученіи Теодосія Печерскаго «О казняхъ божіихъ». «Если какая-либо страна согрѣшаетъ, говоритъ онъ, Богъ наказываетъ ее смертію, или голодомъ, или нашествіемъ иноплемениковъ, или бездождіемъ и другими различными казнями, чтобы мы, покаившись, жили такъ, какъ Богъ велитъ, вѣщая намъ черезъ пророка: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постъ и плачъ. Если-бы мы пребывали въ заповѣдяхъ божіихъ, то и здѣсь удостоились бы получить блага земныя, и по отшествіи изъ міра—жизнь вѣчную. Но мы постоянно вращаемся въ нечестіи, прилагая грѣхи къ грѣхамъ, во всемъ прогнѣвая Бога... По сему-то затворяетъ Богъ небо, не даетъ дожда, посылаетъ градъ, погубляетъ морозомъ плоды, томитъ землю зноемъ за наши беззаконія. А если мы покаемся отъ злобъ нашихъ: то, какъ чадамъ, Богъ подастъ намъ все благое и пошлетъ намъ дождь ранній и поздній, и наполнятся гумна наши пшеницею (Іоан. II, 23—25). Въ Учен. записк. Ак. наукъ, II, вып. 2-й, и Истор. церкви, Макарія, II, 84, 85.

<sup>2)</sup> См. выше, стр. 160, 161.

Послѣ такого поступка оиъ удалился въ Орду, скитался по южнымъ степямъ Россіи и наконецъ кончилъ свою жизнь въ одномъ изъ рязанскихъ монастырей. Среди самыхъ буйныхъ оргій—Іоаннъ Грозный смирялъ свою плоть строгимъ монастырскимъ уставомъ Александровской слободы. Даже Стенька Разинъ думалъ современемъ заглядить свои проступки въ монастырѣ Соловецкомъ, куда посылалъ отъ себя приношенія.

Такое значеніе монастыря возвысило его до положенія древнихъ храмовъ, подъ покровительствомъ которыхъ находили защиту преслѣдуемые. Въ эпоху развитія Московскаго государства, опасавшіеся власти—уходили въ монастырь. Сюда относится цѣлый рядъ политическихъ постриженій. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ сильной степени преобладалъ боярскій элементъ <sup>1)</sup>. Причину такого явленія подмѣтили и иностранцы писатели, неограничивавшіеся одними польскими реляціями, но старавшіеся изучить бытъ страны. «Русскихъ, говоритъ Флетчеръ, влекла въ монастырь та безопасность, которую давало монастырское званіе сравнительно съ гнетомъ и поборами, какіе терпѣлъ народъ. Многие надѣвали монашеское платье, какъ лучшее орудіе противъ подобныхъ ударовъ. Но кромѣ добровольныхъ монаховъ, были тамъ и такіе, которые принуждены были постричься; это были по большей части представители дворянскихъ фамилій. Другіе шли въ монастырь, какъ въ мѣсто убѣжища, и дѣлались монахами, чтобы избѣжать заслуженнаго наказанія и преслѣдованія законовъ, ибо, если кто успеетъ уйти въ монастырь и пострижется прежде, чѣмъ будетъ взятъ назадъ оттуда, тотъ навсегда остается защищеннымъ отъ преслѣдованія законовъ, какое бы оиъ ни совершилъ преступленіе, кромѣ оскорбленія величества» <sup>2)</sup>. Даже бѣглецы рабы, принявшіе монашество, легко находили пріютъ въ монастырѣ и уже навсегда оставались обезпеченными отъ преслѣдованій своихъ владѣльцевъ. Напротивъ, такое преслѣдованіе считалось преступленіемъ противъ религіи, какъ со стороны ея представителей, такъ и со стороны самихъ владѣльцевъ <sup>3)</sup>.

Вступившій въ монастырь, не смотря ни на происхожденіе, ни на побужденія, долженъ былъ подчиняться общей монастырской дисципли-

<sup>1)</sup> См. Житія Θεодора Ростов. и Іосифа Волоколамскаго; посл. Іоанна Грознаго, Акты историч. I, № 204.

<sup>2)</sup> Fletcher, II, 95, 96.

<sup>3)</sup> Хрущовъ, Изслѣд. о сочинен. Іос. Волоц. 90—93. Истинны показаніе, Зиновія, глава I.

линь, которая, будучи перенесена изъ Византіи въ эпоху полнаго развитія монастырской системы, явилась уже на первыхъ порахъ въ формѣ вполнѣ выработанныхъ нравственныхъ правилъ. Также точно и въ общественной средѣ, этотъ идеаль сталъ господствующимъ на всѣхъ ступеняхъ жизни.

Христіанство, перенесенное въ Россію изъ Византіи, на первыхъ порахъ было поставлено здѣсь въ такія отношенія къ существовавшему порядку вещей, какъ и тамъ, въ первоначальную эпоху своего существованія. Рядомъ съ нимъ долго еще сохранялось язычество, и потому, какъ и тамъ, мы замѣчаемъ одинаковое явленіе: борьбу христіанства съ языческою религіею. Отсюда необходимо возникаетъ преслѣдованіе остатковъ послѣдней. Волшебство <sup>1)</sup> — важнѣйшая отрасль языческихъ вѣрованій, дѣлѣй цѣль примѣтъ <sup>2)</sup>, выработанныхъ предъидущою жизнію, какъ охранительное средство противъ разрушительныхъ, но непонятныхъ для человека пиакой культуры, силъ природы; наконецъ остатки языческаго культа, долго сохранявшіеся въ видѣ обряда, хотя и потерявшаго первоначальный смыслъ <sup>3)</sup>, все это вызывало систематическое порицаніе со стороны представителей новой религіи. Эти явленія обыкновенно относились къ по-

<sup>1)</sup> Сюда относится вѣра въ волшебниковъ и волшебницъ и разныя волшебныя средства: узлы, заговоры, зелье, волшебство на ячмень, мучныхъ шарикахъ и т. п. Эта вѣра была такъ сильна, что многіе объясняли голодъ и плодородіе дѣйствіемъ волшебства. Шевыревъ, III, 40, Акты экспед. I, №, 369. Сочин. Макс. Грека, II, Слово VII.

<sup>2)</sup> Именно: вѣра въ чохъ, встрѣчу; гаданія по полету и голосу птицъ; по движенію и голосу животныхъ, по снамъ и т. п. О вѣзняхъ божіихъ Θεодосія въ Учен. запис. Акад. наукъ II отдѣл., кн. II, выпускъ 2-й, 195. Сочин. Кирилла митр. Чтеніе Моск. обществ. истор. 1847, № 8. Прав. соб. 1859, апрѣль, 474, 1861, мартъ, 339, 342. Архивъ истор. юрид. свѣд., Калачова, II, полов. 1-я, стр. XXXVII. Сочин. Макс. Гр. II, сл. VII. Почти каждый родъ примѣтъ имѣлъ особенныя книги, посвященныя объясненію ихъ смысла или служившія для гаданія: таковы «птичники», «путники», «сонники», «громники» и т. п. Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа, 184, 185. Отречен. книги, Тихонравова, I, с. VIII, IX, томъ II, 36—379. Стоглавъ, 139.

<sup>3)</sup> Въ древнихъ обличеніяхъ мы знакомимся съ этими остатками древняго язычества, изъ которыхъ видно, что въ то время, какъ славянскій мѣвъ постепенно разлагался, принимая на себя христіанскую форму (Перунъ и Хорсъ называются иногда ангелами, а Георгію храброму, Иліѣ, св. Власію, Іоанну предтечѣ усваются черты языческихъ боговъ. См. О борьбѣ христіанствъ съ язычест. въ Россіи, Прав. собес. 1865, августъ, 258), языческіе обряды и праздники совершались по-

сужденіямъ дьявола и считались «сатанинскими діями», а потому какъ исполнители волшебныхъ обрядовъ, такъ и ихъ послѣдователи подвергались строгимъ наказаніямъ, церковному отлученію и отдавались въ полное распоряженіе гражданской власти <sup>1)</sup>. Иногда, въ слѣдствіе такихъ преслѣдованій происходили печальные случаи сожженія волшебниковъ <sup>2)</sup>.

Но система запрещеній не остановилась на однѣхъ формахъ язычества. Какъ въ Византіи въ составъ ихъ вошло все, что имѣло тѣсную связь съ языческимъ міромъ (ритуалы, церквн, театры); такъ и въ Россіи, въ слѣдствіе преобладанія оргическаго характера въ древнихъ языческихъ праздникахъ, они подвергались запрещенію даже и тогда, когда утратили свое первоначальное значеніе и сохранились только въ видѣ народныхъ праздниковъ и воспоминаній, уже соединенныхъ съ христіанскимъ торжествомъ. Но въ Византіи при всемъ томъ продолжали существовать памятники древней образованности, которые не могли остаться безъ вліянія на общественную жизнь, и такъ или иначе содѣйствовали смягченію этого строгаго отношенія къ формамъ древняго быта. Славянское язычество не заключало въ себѣ такого образовательнаго элемента и продолжало проявлять себя только въ остаткахъ языческаго культа. Поэтому все, что входило въ составъ послѣдняго или напоминало его по своему характеру, должно было раздѣлять одинаковую съ нимъ участь. Необузданный характеръ языческихъ мистерій <sup>3)</sup>, въ глазахъ аскетическаго обличителя, бросалъ тѣнь и на менѣе

всѣмѣстно, не только по селамъ, но и въ городахъ (Купало, Коляда, русальная недѣля), а другіе были примѣнены къ христіанскимъ праздникамъ (въ троицкую субботу собирались на могилахъ; въ великій четвергъ жгли солому, въ первый понедѣльникъ Петрова поста посѣщали роши. Посланіе игумена Панфила къ псковск. намѣстн. Полн. собр. русск. лѣт. IV, 279; Стоглав., гл. 41, 92, 93). Въ отдаленныхъ мѣстахъ и по селамъ продолжали сибираться съ религіозною цѣлью у рѣкъ, озеръ и рошъ, поклонялись огню, молились у овиновъ. Долѣе другихъ удерживались семейные обряды. Такъ, сохранялся обычай, послѣ совершенія христіанскаго брака, вѣнчаться вокругъ кустовъ и деревьевъ, праздникъ рода и рожаницъ, почитаніе домовыхъ и т. п. О борьбѣ христ. съ язычест. въ Россіи, Правосл. собесѣд. 1865, августъ.

<sup>1)</sup> Макарій, Истор. церквн, II, 846; Правос. собесѣд. 1859, апрѣль, 476. Акты экспед. I, №369; Соч. Макс. Грека, II, сл. VII и 369.

<sup>2)</sup> Полн. собр. руск. лѣт. III, 42; V, 22; Слово Серапіона, Шёвыревъ, III, 40.

<sup>3)</sup> Въ славянскихъ обрядахъ въ честь Ярила (см. у Терещенка въ

опасныя, но подходящія явленія. При господствѣ монастырской образованности, такое понятіе могло получить слишкомъ широкое примѣненіе; такъ какъ трудно было провести раздѣлительную границу между побужденіями, вытекавшими изъ одного и того же источника.

Древніе обличители, въ своихъ поученіяхъ и посланіяхъ, одинаково ратовали, какъ противъ уклоненій отъ нравственнаго закона, суевѣрій и предрасудковъ, такъ и противъ излишняго проявленія веселаго настроенія духа. Ихъ задрещенію подвергались музыкальные инструменты (гусли, сопѣля, бубны, домры и т. п.), игры и увеселенія (игра въ зернь, шахматы, качели, охота, конскія ристанія, птицы, собаки, медвѣди и т. п.), пѣсни, и особенно пляски; но самымъ губительнымъ грѣхомъ почиталась женская пляска, какъ наиболѣе соблазнительная<sup>1)</sup>. Подобно тому, какъ языческіе боги отошли въ область ада, такъ и языческія черты быта были приписаны тому же злему началу. Часто случалось, что народъ предпочиталъ вмѣсто церкви посѣщать общественныя увеселенія<sup>2)</sup>; поэтому для болѣе вѣрнаго обезпеченія своихъ наставленій, обличители обыкновенно запрещали не только участіе въ веселыхъ собраніяхъ, но даже присутствіе на нихъ въ качествѣ зрителей и до-

опис. Ярила) нѣкоторые видятъ слѣды поклоненія *фаллосу*. Въ при-  
 бавленіи къ слову «христіолобца» (Лѣтоп. русск. литер. IV) находится слѣдующее мѣсто: «когда случится у кого изъ нихъ бракъ, то совершаютъ его съ бубнами, сопѣлями и многими чудесами бѣсовскими. Иногда же и хуже бываетъ: сдѣлавши мужскую срамоту, вкладываютъ въ ведра и чаши и пьютъ, или вынудъ облизываютъ и цѣлуютъ». О борьбѣ языч. съ христіанст. Прав. собес. 1865, августъ, 242. Празднованіе Купала, Коляды и другихъ языческихъ обрядовъ еще въ XVI в. сохраняло черты экзальтированной страсти, охватывавшей все собраніе, подъ вліяніемъ возбуждающихъ тѣлодвиженій, и которая обыкновенно завершалась общимъ половымъ удовлетвореніемъ (мужей, женъ, отроковъ и дѣвиць) Такому настроенію значительно содѣйствовала таинственность ночи, при которой совершались эти мистеріи. Ibid. 273—276.

<sup>1)</sup> Сочин. Θεодосія, Учен. запис. Акад. наукъ, II, отд. II, вып. 2-й, 195. Слово Кирилла II, Чтен. Моск. общест. ист. 1847, № VIII Прав. соб. 1858, январь. Посланіе Панфила, Чтен. Моск. общ. 1846, № IV, 59. Дополн. къ акт. истор. I, № 22. Домострой, 13, 38, 42. Бостомаровъ, Очеркъ нрав. Великорус. народа, 141—143. Сочин. Макс. Гр. III, 177.

<sup>2)</sup> Учен. запис. Ак. наукъ, ibid. 195. Опис. Румян муз. 683. О борьбѣ языч. съ христ. въ Рос., Правосл. соб. 1865, августъ, 134. Очерки Буслѣва, II, 59.



манія бесѣды, выходившія изъ круга религіозной жизни <sup>1)</sup>). На сколько въ этомъ отношеніи русскіе моралисты стояли подъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ, видно изъ того, что, вмѣстѣ съ появленіемъ византійскихъ наставленій, названіе «еллинскій» въ скоромъ времени стало означать и русскую языческую мифологію (Родъ—Артемидъ; Рожаница—Артемида; Рожаницы—еллинскіе кумиры; Перунъ—еллинскій старецъ; между славянскими богами встрѣчается Аполлонъ), и славянскіе языческіе праздники, и языческую нравственность. Эпитеты: «еллинская мудрость» и «еллинская прелесть»—стали придаваться такому настроенію человѣка, которое наиболѣе удалялось отъ христіанскаго идеала <sup>2)</sup>).

Въ дѣйствительной жизни указанная требованія нерѣдко находили, обширное примѣненіе. По смерти Дмитрія Самозванца первыми жертвами народнаго преслѣдованія были музыканты и пѣсенники, которые своимъ искусствомъ нарушали обычное теченіе дворцовой жизни: всѣ они, человѣкъ до 100, были побиты въ Кремль <sup>3)</sup>. Правительство, по тѣмъ же побужденіямъ, приказывало воеводамъ истреблять инструменты и маски скomorоховъ и подвергать наказанію тѣхъ, кто принималъ у себя пѣсенниковъ. Однажды, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ Москвѣ было сожжено пять возовъ музыкальныхъ инструментовъ, взятыхъ не только у скomorоховъ, но и въ частныхъ домахъ <sup>4)</sup>. Когда въ Москвѣ открылся театръ, то Алексѣй Михайловичъ рѣшился посѣтить его не иначе, какъ съ разрѣшенія духовника, которое было дано ему только на основаніи примѣровъ византійскихъ императоровъ <sup>5)</sup>.

Въ противоположность языческой необузданности, жизнь приняла строгій и сосредоточенный характеръ. Въ средѣ, старавшейся усвоить образцы, господствовавшіе въ современной жизни, этотъ характеръ сообщался уже съ раннихъ лѣтъ. По этой теоріи, главнымъ педагогическимъ правиломъ было *воздержаніе*. Въ нѣкоторыхъ семействахъ старались отучить дѣтей на первыхъ же порахъ даже отъ употребленія молока <sup>6)</sup>;

1) Костомаровъ, Очеркъ нрав. Великорусск. народа, 141—143.

2) Лѣтоп. Русск. лѣтер. IV, слово V, VII, Архив. истор. юрид. свѣдѣній, Балачова, II, полов. 1-я, о Рожаницахъ, Акты экспед. III, № 264.

3) Беръ, Московская лѣтопись, 65.

4) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорусск. народа, 141.

5) Оларій.

6) Житіе Сергія Радонежскаго,

но, достигнувъ двухъ лѣтъ, всѣ они уже строго соблюдали посты<sup>1)</sup>. Мясная пища допускалась только по вторникамъ, четвергамъ и суббота-тамъ; а въ понедѣльникъ, среду, пятницу и во время постовъ употребляли все постное и рыбу. Въ большіе посты, какъ великій и усненскій, эти требованія были еще строже: тогда можно было употреблять только кашу, грибы, ягоды и вообще зелень. Но и въ этомъ было положено строгое ограниченіе: во вторникъ, четвергъ, субботу и воскресенье пищу употребляли одинъ разъ въ день, а въ среду, пятницу и понедѣльникъ ничего не ѣли, или довольствовались кускомъ хлѣба съ водой. Этотъ обычай былъ общимъ отъ царя до крестьянина. Иностранцы послы за столомъ царскимъ должны были подчиняться тѣмъ же условіямъ<sup>2)</sup>. По мнѣнію строгихъ блюстителей, постъ мірянь ничѣмъ не долженъ былъ отличаться отъ поста монаховъ<sup>3)</sup>. Нѣкоторые, съ теченіемъ времени, увеличивали строгость въ себѣ въ пищѣ до того, что никогда не рѣшались вкушать мяса; не смотря ни на старость лѣтъ, ни на изнуреніе тѣла<sup>4)</sup>. Нарушители общепринятыхъ постовъ подвергались наказаніямъ и отлученію отъ церкви<sup>5)</sup>. Но воздержаніе не ограничивалось одною пищею; оно распространялось и на семейную жизнь. Въ тогдашнихъ наставленіяхъ предписывалось по воскресеніямъ, средамъ, пятницамъ, праздникамъ и въ великій постъ сохранять тѣлесную

1) Коллинсъ, 5,

2) Котошихинъ, 65, 66; Герберштейнъ, 66. Коллинсъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ говоритъ: «Кромѣ постовъ, онъ ничего не ѣстъ мяснаго по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; ни одинъ монахъ не превойдетъ его въ строгости поста. Можно считать, что онъ постился восемь мѣсяцевъ въ годъ». Стр. 37. Русскіе послы строго соблюдали постъ и при иностранныхъ дворахъ. (Соловьевъ, VI, 397). Аѳанасій Никитинъ, торговавшій на Каспійскомъ морѣ, случайно попалъ въ Индію, гдѣ долженъ былъ пробыть четыре года. Описывая свое путешествіе и быть страны, онъ постоянно высказываетъ скорбь о трудности выполнять религиозные обряды вдали отъ своего отечества. «О благовѣрные христіане! говоритъ онъ, кто по многимъ землямъ долго плаваетъ, во многіе грѣхи впадаетъ и лишается своей жѣны. Жаль мнѣ стало ея: уже четыре великихъ поста прошло, четыре пасхи, а я не знаю, что такое великій день, или постъ, или рождество; не знаю и другихъ праздниковъ, ни среды, ни пятницы, а книгъ у меня нѣтъ». Полн. собр. рус. лѣтоп. VI, прибавленія.

3) Правосл. соборъ. 1861, мартъ: Два древнихъ слова.

4) Герберштейнъ, 120.

5) Котошихинъ, 66.

чистоту 1). Дѣвство предпочиталось супружеству и обыкновенно приравнивалось къ состоянію ангеловъ 2).

Въ эпоху распаденія семьи древняго міра взглядъ на женщину не могъ улучшиться. Правдивое, но злое выраженіе Катона о римлянахъ: «всѣ люди управляютъ женами, мы всѣми, а нами—жены» было хорошо извѣстно византійскимъ компиляторамъ 3), тщательно собиравшимъ въ одно цѣлое все, что соотвѣтствовало ихъ взгляду. Жизнь придворныхъ женщинъ Византіи вызвала только обличенія. Монастыри, сдѣлавшіяся на долго представителями новой образованности, по своему назначенію, не могли отнестись къ этому вопросу иначе, какъ отрицательно. Составители монастырскихъ уставовъ наиболее предостерегали своихъ учениковъ отъ женщинъ, а многіе изъ нихъ запрещали послѣднимъ даже входъ въ монастыри. Въ византійскихъ сборникахъ, вполне характеризующихъ ту эпоху, собранъ богатый матеріалъ для оцѣнки этого вопроса. Образцомъ ихъ обыкновенно считаютъ «Пчелу». Она имѣла въ Греціи нѣсколько редакцій, которыя образовались уже въ слѣдствіе переработки позднѣйшими компиляторами, намѣнявшими составъ ея по собственному взгляду и произволу; но въ первоначальномъ видѣ она представляетъ сборникъ двухъ византійскихъ писателей: Максима и Антонія. Такую же участь потерпѣла «Пчела» и въ Россіи; но при всемъ томъ сохраняетъ для насъ значеніе источника, имѣвшаго ~~большое~~ большое вліяніе на развитіе понятій. Главы о женщинахъ, подобно остальнымъ, представляютъ извлеченіе изъ священныхъ книгъ и классическихъ писателей въ видѣ отдѣльныхъ изреченій, размѣщенныхъ по опредѣленнымъ вопросамъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что сами составители иногда давали этимъ изреченіямъ совершенно другой смыслъ, нежели какой они имѣютъ въ цѣломъ изложеніи основнаго источника. Очевидно, что такой выборъ дѣлался съ предвзятою идеєю 4).

1) Слово какъ жить христіанамъ, Прав. соб. 1859, I, 146. Домострой, 107. Въ одномъ наставленіи прибавлено: «Если же кто согрѣшитъ съ женою въ пятницу, субботу и воскресенье и родится у него дитя, то будетъ воръ, разбойникъ или блудникъ». Прав. соб. 1861, мартъ, 348.

2) Правосл. соб. 1859, I, 137.

3) Пчела, стр. XXXVI.

4) Напримѣръ въ отрицательномъ смыслѣ передается мѣсто изъ бесѣды Иисуса Христа съ самаряною: «и пришли ученики его и удивились, что онъ говорить съ женщиною». XXXI.

Содержаніе «Пчелы» не представляет стройнаго цѣлаго; это сводъ отдѣльныхъ изреченій, не связанныхъ даже необходимыми вставками собеседателя. Для характеристики взгляда на женщину мы приведемъ нѣсколько изъ нихъ, не стараясь при этомъ собственною системою ихъ усиливать, ни смягчать впечатлѣнія.

Имѣющій злую жену уже принялъ наказаніе за свои беззаконія. (Іоаннъ Златоустъ).

Нехорошо взять бѣдную жену; не хорошо и богату: первая вредитъ мужу въ имѣніи, а послѣдняя въ свободѣ (ibid.).

Быть въ подчиненіи жены—самый худшій укоръ. (Демокритъ).

Упасть въ огонь и подчиниться женѣ—одно и тоже. (Пифагоръ).

Однажды спросили Секунда, что такое жена? Онъ отвѣчалъ: Мужу—погруженіе; хранинѣ—буря; безпечалью—пренона; житію—плѣнь; повседневная нищета; самовольный сваръ; многодѣнная брань; присутствующая печаль; сплетенная львица; украшенная псаца; животное лукавое.

Не отдавай души своей женщиנѣ; не встрѣчайся съ блудницею; не подходи къ поющей; на дѣвицу не смотри; съ замуженю не сиди; потому что женская красота соблазняетъ многихъ. (Сирахъ).

Вино и женщины соблазняютъ разумныхъ. (ibid.).

Лучше злоба мужская, нежели благотворная женщина. (ibid.).

Легче сварить желѣзо, нежели научить злую жену. (Іоанъ Златоустъ).

Нѣтъ въ мірѣ звѣри строптивѣй злой жены. (ibid.).

Нѣкто спросилъ философа Аристиппа—полезно ли ему взять себѣ жену? Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ: если возмешь красивую—будетъ общею, а некрасивую не стоитъ. (Аристиппъ).

Жена, гордящаяся красотою, представляет душевное безобразіе (ibid.).

Однажды спросили Демокрита, почему онъ, будучи большаго роста, выѣлъ себѣ небольшую жену; онъ отвѣчалъ: потому что я старался избрать меньшее зло.

Когда жена заявляетъ, что любить тебя, то остерегайся ея болѣе, нежели когда она говоритъ дурное. (Сократъ).

Протагоръ, будучи спрошенъ—зачѣмъ онъ отдалъ свою дочь врагу? отвѣчалъ: »потому что не имѣлъ ничего худшаго«.

Филоксена спросили: почему Софокль вездѣ приводитъ добрыхъ женщинъ, а онъ злыхъ? Онъ отвѣчалъ: »Софокль показывасть, какія должны быть женщины, а я—какія онѣ въ дѣйствительности«.

Лучше жить съ львами и змѣями въ пустынѣ, нежели съ женою лукавою и многорѣчивою. (Соломонъ).

Нѣтъ болѣе зла, какъ коварная и злая жена. Когда бьютъ—бѣсится; Бога не боятся; закона не слушаетъ; стариковъ не стыдится; во всемъ досаждаеть; всѣхъ укоряеть; всѣхъ хулить<sup>1)</sup>.

Приводить еще подобныя изреченія было бы напрасно, такъ какъ всѣ они въ одинаковомъ родѣ. По временамъ встрѣчаются легкія замѣтки въ пользу женщины (добрая жена—жизнь для дома и спасеніе для мужа; добрая жена въ домѣ, какъ глаза въ тѣлѣ); но онѣ весьма незначительны и вставлены какъ бы нечаянно. Въ общемъ же составъ эта глава о женщинахъ сохраняетъ вполне выдержанный обличительный тонъ. Оно и должно быть такъ, если принять за основное положеніе собирателя, его признаніе, что »у женщинъ рѣдко можно найти истину«<sup>2)</sup>. Но »Пчела« представляетъ только одно изъ выдающихся явленій византийской образованности.

Этотъ сборникъ имѣлъ большое вліяніе на понятія русскія. Хотя

1) Пчела, Временникъ, № XXV.

2) Ibid. стр. XLII.

появленіе его въ Россіи, на основаніи сохранившагося списка, относить къ XIV вѣку<sup>1)</sup>; но большія выписки изъ него встрѣчаются еще въ XII вѣкѣ. Въ словѣ Данила Заточника замѣчанія о князѣ, придворныхъ слугахъ и нѣкоторыя пословицы заимствованы оттуда. Ему же приписываютъ «Слово о женахъ», помѣщенное въ сборникѣ Троицкой лавры и которое также основано на «Пчелѣ»<sup>2)</sup>. А въ древнѣйшихъ поученіяхъ мы встрѣчаемъ и прямыя ссылки на нее<sup>3)</sup>. Особеннымъ уваженіемъ пользовались изреченія Пчелы, направленные противъ женщинъ, и потому мы постоянно встрѣчаемъ ихъ въ литературныхъ памятникахъ послѣдующихъ вѣковъ<sup>4)</sup>.

Подобно византійскимъ образцамъ и въ русской письменности сталъ слагаться отрицательный взглядъ на женщину. «Нѣтъ злобы хуже змѣиной, кромѣ злобы женщины», замѣчаетъ одно сочиненіе, направленное спеціально противъ нея<sup>5)</sup>. Женская красота разсматривалась преимущественно, какъ соблазнъ, которымъ руководить виновникъ паденія первой женщины—дьяволъ<sup>6)</sup>. Отсюда постоянныя предостереженія противъ женщинъ. Одинъ моралистъ даетъ такой совѣтъ: «Остерегайтесь смотрѣть на женскія лица, потому что они и святыхъ соблазнили; не бесѣдуй съ замужними, потому что не всѣ жены имѣютъ добрыя нравы. Это я говорю, прибавляетъ онъ, нисколько нехуля женщинъ, но чтобы вы остерегались сѣти дьявола»<sup>7)</sup>. Если женщина была соблазномъ и помѣхой для мужчины, то естественно было удалить ее отъ общества. Конечно, въ простомъ быту этотъ принципъ, въ слѣдствіе условій самой жизни, не могъ найти полнаго примѣненія; но въ высшей сферѣ большая замкнутость считалась и признакомъ большаго достоинства<sup>8)</sup>.

1) Ibid. Предисловіе.

2) Москвитянинъ, 1843, № IX, 150—153. Извѣстія Акад. наукъ по IV отдѣл. томъ II.

3) Правосл. собесѣд. 1858, январь, 155.

4) Сравни: Пчела, Временникъ, № XXV, стр. XLIII, XLIV, XLV и Костомаровъ, Очеркъ нрав. Великорус. народа, 103, 140. Слово о злыхъ женахъ (изъ сбор. Волокол. монаст.), въ Лѣтопис. литер. Тихонравова, V.

5) Тихонравовъ, *ibid.*

6) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа, 103.

7) Правосл. собесѣд. 1859, январь, Какъ жить христіан. 143.

8) Домострой, Оларій, гл. VII.

Такая строгость взгляда на женщину проникала даже въ отноше-  
 шенія, которыя, по своей цѣли, должны были быть чужды ей. Цер-  
 ковные писатели отмѣчают слѣдующіе факты: По правиламъ того вре-  
 мени, священникамъ, не пришедшимъ «въ цѣломудренную старость»,  
 запрещалось принимать къ себѣ на исповѣдь лицъ женскаго пола, чтобы  
 они «не соблазнялись помышленіемъ, ибо дьяволъ посредствомъ женщинъ  
 ведетъ брань съ людьми». Священникъ, говорится въ одномъ памятникѣ,  
 пришедшій въ старость и имѣющій жену, можетъ исповѣдывать женщинъ;  
 юный же отиудъ не долженъ принимать ихъ; но если случилась-бы  
 настоятельная нужда исповѣдывать ему женщину, то она должна стоять  
 съ покрытою головою и не открывать своего лица; притомъ женщи-  
 намъ повелѣвалось исповѣдываться на паперти, а дворъ наружныя имѣть  
 отпертыми—соблазна ради<sup>1)</sup>.

Замѣнутая жизнь не благопріятствовала развитію женскаго типа.  
 Только изрѣдка, въ средѣ, гдѣ общественная жизнь была болѣе раз-  
 вита (въ Новгородѣ—Марса посадница, Анастасія) или въ позднѣйшую  
 эпоху, подъ вліяніемъ новыхъ условій (царевна Софія), она является  
 на политическомъ поприщѣ. Женщина могла стать извѣстною другимъ  
 путемъ—своими аскетическими подвигами. «Только ореоломъ святости  
 женщина могла примирить съ собою робкую фантазію древняго рус-  
 скаго грамотника», говоритъ Буславевъ. Авторъ біографіи Юліанія Ла-  
 заревской сомнѣвается—возможно-ли описаніе жизни той, которая не  
 могла оставить этотъ міръ и пріемлять его на монастырь; но какъ  
 бы успокаивается тѣмъ, что она связана была семейными обязанно-  
 стями и при всемъ томъ, со всею строгостью, выполняла требованія мо-  
 настырскаго устава<sup>2)</sup>. Но и этотъ путь не былъ широкъ. Наши изслѣ-  
 дователи женскаго вопроса въ древней Россіи замѣчаютъ рѣзкій кон-

<sup>1)</sup> Русская проповѣдь въ XV и XVI в. Журн. мн. народ. просвѣщ. 1868, февр. 346.

<sup>2)</sup> Буславевъ, Очерки, II. Юліанія Лазаревская. Въ ней мало любви  
 къ міру, но много аскетическихъ достоинствъ. Имѣя на своихъ ру-  
 кахъ семью, по причинѣ востанчивой отлучившійся на службу, она все-  
 таки настаиваетъ—отпустить ее въ монастырь, даже угрожаетъ бѣгст-  
 вомъ, и только доводы изъ священнаго писанія убѣдили ее оставить  
 эту мысль. Она осталась дома; но съ условіемъ не имѣть супружеской  
 связи и жить по монастырскому обычаю. Замѣчательно, что она не  
 умѣла грамотъ, но только слушала книги.

страсть между почитаніемъ мужчины и женщины. Въ тогдашнихъ сборникахъ и библиотекахъ проражаетъ малочисленность житій, посвященныхъ женщинамъ (въ Минеи Маварія — 2; въ описаніяхъ библиотекъ 2, 3 списка одного и того же житія). Это объясняется отчасти малограмотностью самихъ женщинъ (въ легендѣ о Евфросиніи Суздальской она представляется довольно книжною, а всѣ остальные монахини и игуменьи — безграмотными); отчасти пренебреженіемъ со стороны тогдашнихъ книжниковъ женскимъ типомъ. Женскія житія далеко не отличаются такимъ обиліемъ чудесъ, какъ мужскія, и явились гораздо позже. Житія — княгини Ольги (X вѣка) и Евфросиніи Полоцкой (XII вѣка) появились только въ XV вѣкѣ; житіе Евфросиніи Суздальской (ум. XIII в.) — въ XVI в. Повсемѣстнаго почитанія удостоились только шесть женщинъ и всѣ онѣ княжескаго рода; слѣдовательно болѣе или менѣе имѣли право на известность. Сверхъ того въ некоторыхъ городахъ были свои, мѣстно чтимыя жены, но и изъ нихъ почти всѣ княжескаго рода; а исключенія такъ ничтожны, что кажутся чистою случайностью. (Буслаевъ). Замѣлательно, что составитель житія Евфросиніи Суздальской не обнаружилъ его, а издатель, дѣлая его общезвѣстнымъ, оговаривается, что не онъ составлялъ его. Житія боярынь появляются уже въ XVII вѣкѣ. И въ этомъ случаѣ составитель считалъ необходимымъ оправдать свой трудъ (Осорнинъ въ житіи Юл. Лазаревской) благовидною цѣлью. Открытое почитаніе женщины иногда встрѣчало несочувствіе. Это одинаково примѣнимо и къ южной, и къ сѣверной Россіи. Хотя Петръ Могила открылъ мощи Юліаніи Ольшанской, но игумень Теодосій Сафоновичъ не хотѣлъ поклоняться ей до тѣхъ поръ, пока она не явилась ему во снѣ и не обличила его въ непочитаніе. Въ Москвѣ патриархъ Іоакимъ не признавалъ мощей и житія Анны Кашинской <sup>1)</sup>

Въ супружеской жизни отдавали предпочтеніе сыновьямъ, а тѣхъ жены, которыя постоянно рождали дочерей, жестоко преслѣдовали не только мужа, но и постороннія женщины <sup>2)</sup>. Но такъ какъ женщина не могла имѣть непосредственнаго вліянія на общество, то она искала его въ тѣхъ сверхъестественныхъ силахъ, которыя играли тогда огромную

<sup>1)</sup> Буслаевъ, Очерки, II, Идеальные женскіе характеры древней Руси. Неврасовъ, Женскій литературный типъ древней Руси, въ Филологич. Запискахъ, 1864, III <sup>2)</sup>. Ibid.



роль въ понятіяхъ послѣдняго. Общество, игнорировавшее женщину въ ея нормальномъ положеніи, боялось ея въ качествѣ волшебницы, вѣдуньи и чародѣйки <sup>1)</sup>. Оттого и въ расколѣ, гдѣ въ значительной степени сохранились суевѣрные понятія старины, женщина нерѣдко достигаетъ господствующаго значенія и является тамъ въ качествѣ учительницы и основательницы толка.

Такимъ образомъ женщина была изолирована въ обществѣ. Идеальнымъ качествомъ ея сдѣлалось возможно-полное удаленіе отъ свѣта и людей. Она не могла имѣть мѣста въ открытомъ домашнемъ кружкѣ; внѣ дома ея скрывали отъ глазъ въ закрытыхъ со всѣхъ сторонъ колымагахъ. »Вообще, замѣчаетъ Олеарій, ихъ весьма рѣдко выпускаютъ изъ дому, въ слѣдствіе чего онѣ даже рѣдко ходятъ въ церковь« <sup>2)</sup>. Но въ высшемъ кругѣ это затрудненіе устранялось существованіемъ домашнихъ церквей. Чѣмъ выше была фамилія по своему положенію въ обществѣ, тѣмъ строже соблюдались эти правила; такъ что царевнамъ доставалась самая непривлекательная участь. Заключенныя въ своихъ теремахъ, безъ надежды когда-нибудь имѣть право любить и выйти замужъ (по недостатку равной партіи, а съ иностранными принцами мѣшало разнорѣчіе), онѣ, по словамъ Котошихина, день и ночь пребывали въ молитвѣ и лица свои умывали слезами <sup>3)</sup>. Такое отчужденіе женщины не могло остаться безъ вліянія на весь строй общественной жизни: оно внесло раздвоеніе въ домашній бытъ и значительно способствовало огрубѣнію нравовъ. Въ Москвѣ, замѣчаетъ Мейербергъ, никто не унижится, чтобы преклонить колѣно предъ женщиною и воскурить предъ нею свѣчѣю <sup>4)</sup>.

Домашняя жизнь располагалась по монастырскому порядку. По правиламъ Домостроя, каждый вечеръ мужъ съ женою, дѣтьми и домочадцами долженъ былъ пѣть вечерню, повечерницу и полунощницу, а въ полночь встать тайкомъ и помолиться сколько можно. Утромъ, вставъ, слѣдовало отпѣть заутреню и часы, а по праздникамъ еще молебенъ съ каженіемъ. Отецъ семейства не долженъ былъ упускать

<sup>1)</sup> Стоглавъ, Акты историч. IV, № 35.

<sup>2)</sup> Олеарій, гл. VII. Посѣщая церкви, женщины входили въ особыя двери и стояли въ особомъ притворѣ. Костомаровъ, 206.

<sup>3)</sup> Котошихинъ, 12.

<sup>4)</sup> Mayerberg, Voyage en Moscovie. Paris, 1858.

ежедневной службы: вечерни, заутрени и обѣдни <sup>1)</sup>). Наконецъ, на всѣхъ мѣстахъ—въ церкви, дома, на рынкѣ, ходя, стоя и сидя, слѣдовало постоянно имѣть въ устахъ молитву Иисуса и четки держать въ рукахъ. Общественныя и домашнія бѣдствія разсматривались какъ испытанія или наказаніе свыше за грѣхи людей; а потому въ этихъ случаяхъ слѣдовало усиливать свои религіозныя обязанности. «Если Богъ пошлетъ на кого-нибудь болѣзнь или скорбь, говоритъ авторъ Домостроя, то прибѣгай къ врачеванію себя милосердіемъ, слезами, молитвою, постомъ, бѣдніемъ, милостынею и покаяніемъ. Тогда слѣдуетъ просить о молитвѣ духовныхъ отцовъ и монаховъ; пѣть молебны, святить воду на мощахъ и чудотворныхъ образахъ; освящаться масломъ; строго выполнять эпитимію» <sup>2)</sup>). Но для полнаго удовлетворенія религіознаго чувства необходимо посѣщать пустыни, монастыри, церкви, больницы, тюрьмы, и всегда соединять съ этимъ приношенія и пожертвованія <sup>3)</sup>. Вотъ образъ жизни царя Феодора Іоанновича. Обыкновенно онъ вставалъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется—приходить къ нему духовный отецъ съ крестомъ, къ которому царь прикладывается. За тѣмъ крестовый дьякъ вноситъ въ комнату икону святаго, празднуемаго

<sup>1)</sup> Времячисленіе было расположено по церковнымъ службамъ. Судьи дѣлились на дневные и ночные часы по ровну (по 12). Седьмой часъ утра былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера—первымъ часомъ ночи. Богослуженіе начиналось заутреней и оканчивалось вечерней. Богослужебные часы: первый, третій, шестой и девятый означали и дневные часы. Этотъ счетъ получалъ начало на Востокъ и перешелъ въ Россію изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Костомаровъ, Очеркъ нравовъ, 93.

<sup>2)</sup> Постъ былъ средствомъ умилостивленія въ общественныхъ и домашнихъ бѣдствіяхъ. Въ эпоху смутнаго времени наложили постъ на недѣлю: въ понедѣльникъ, вторникъ и среду не ѣсть ничего, а въ четвергъ и пятницу—сухояденіе (Акты экспед. II, 247). Въ 1650 г., по поводу саранчи, наводненій, пожаровъ, скотскаго падежа—въ рождественскій постъ было положено соблюдать его строже<sup>о</sup> обыкновеннаго и ежедневно ходить къ церковнымъ службамъ. (Собр. госуд. грам. III, 459). Иногда постъ налагался въ предупрежденіе бѣдствій; такъ въ 1668 г., по случаю слуха о землетрясеніи въ Шемахѣ, въ Астрахани и Теркѣ наложили строгій постъ. Если въ какой-нибудь области или общинѣ происходило несчастіе (падежъ скота, неурожай, болѣзнь), то постъ налагался на всѣхъ жителей ихъ. Отсюда ведутъ начало обѣдныя пятницы. Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа, 210.

<sup>3)</sup> Домострой, 16—19, 37, 39. 105.

въ тотъ день, передъ которою царь молится около четверти часа; тогда входитъ опять священникъ съ святою водою, кропитъ ею иконы и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ спросить, хорошо-ли она почивала? и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между его и ея покоями; отсюда идутъ они вмѣстѣ въ церковь къ заутрени, продолжающейся около часу. Возвратясь изъ церкви, царь садится въ большой комнатѣ, куда являюся на поклонъ бояре, находящіяся въ особенной милости. Около девяти часовъ царь идетъ въ обѣднѣ, которая продолжается два часа; отдохнувши послѣ службы—обѣдаетъ; послѣ обѣда спитъ обыкновенно три часа, иногда же только два, если отправляется въ баню или смотрѣть кулачный бой. Послѣ отдыха идетъ къ вечернѣ, и возвратясь оттуда, большею частію проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ его шуты и вары мужскаго и женскаго пола, которые кувыркаются и поютъ дѣсны: это самая любимая его забава; другая забава—бой людей съ медвѣдями. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой-нибудь изъ ближнихъ монастырей <sup>1)</sup>. Это былъ «пустникъ и молчальникъ, по выраженію Карамзина, рожденный болѣе для келии и пещеры, нежели для власти державной» <sup>2)</sup>. Объ Алексѣ Михайловичѣ Колинскъ говоритъ: «Царь исповѣдуетъ греческую вѣру и очень строго исполняетъ обряды. Во время богослуженія онъ всегда бываетъ въ церкви, когда здоровъ, а когда боленъ служеніе происходитъ въ его комнатѣ; въ постъ онъ посѣщаетъ всенощныя, стоять по пяти или шести часовъ сряду, кладетъ иногда по 1000 земныхъ поклоновъ, а въ большіе праздники по полуторы тысячи» <sup>3)</sup>.

Въ домахъ зажиточныхъ бояръ, для отправленія домашней молитвы, посвящалась особая комната, которая называлась крестовою и вся была убрана иконами; но и для остальныхъ комнатъ лучшимъ украшеніемъ служили образа <sup>4)</sup>. Крестовая комната во дворцѣ: была устроена на подобіе церкви. Одна стѣна ея сплошь была занята иконостасомъ въ нѣсколько ярусовъ. Всѣ болѣе или менѣе важныя событія и случаи жизни сопровождались благословеніемъ разныхъ иконъ, которыя вносились въ хранилище домашней молебни. Онѣ украшались золотомъ,

1) Соловьевъ, VII, 258.

2) Карамзинъ, X, стр. 5.

3) Колинскъ, 37.

4) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ, 50 и дал.

серебромъ и дорогими вещами—каменьями, крестами, серьгами, перстнями, золотыми монетами. Ихъ завѣшивали шелковыми ризами, штыми золотомъ и низанными жемчугомъ. Вдоль другихъ стѣнъ также тянулись ряды иконъ или надписей на доскахъ, оправленныхъ въ золоченныя рамки. Передъ иконами теплились неугасаемыя лампы, а во время молитвы и службы—горѣли восковыя свѣчи. Въ 1682 г. на страстную недѣлю и свѣтлый праздникъ велѣно было приготовить до 450 свѣчъ, а въ 1685 къ празднику донской Богородицы болѣе 350.

Кромѣ иконъ въ крестовой комнатѣ сохранялись и другіе священныя предметы, приносимые изъ мѣстныхъ монастырей и съ востока паломниками и особенно греческимъ духовенствомъ. Таковы: смирна, ливанъ, свѣчи, которыя были зажжены *отъ огня небеснаго* въ Иерусалимѣ (въ день пасхи), святая вода, чудотворный медъ, частицы мощей. Изъ болѣе рѣдкихъ вещей замѣчательны: ставникъ точеный и расписанный красками, а въ немъ камень *небеса*, гдѣ стоялъ Христосъ на воздухѣ; ставникъ точеный, а въ немъ камень съ Голгофы, гдѣ распяли Христа; камень, гдѣ Христосъ постился 40 дней; камень отъ стола, гдѣ Христосъ привязанъ былъ; камень съ того мѣста, гдѣ Христосъ молился, произнося *Отче-нашъ*; ставникъ съ іорданскымъ пескомъ; коробочка съ частицею отъ дуба мамврійскаго; восковыя сосуды съ іорданскою водою; травка, называемая ручка Богородицы (изъ Палестины); зубъ Антипія Великаго (исцѣлителя зубной боли). Онъ былъ вдѣланъ въ крестъ, въ которомъ молился Іоаннъ Грозный. Изъ другихъ святыхъ заслуживаютъ вниманія: часть гроба Александра Свирскаго, два зуба Евѣмія Суздальскаго въ вызолоченомъ ковчегѣ; посохъ, часть клобука, башмаки и опучи Пафнуція Боровскаго.

Въ числѣ этихъ вещей въ крестовой комнатѣ важное мѣсто занимали четки, которыя считались необходимою принадлежностью молитвы; онѣ бывали ременные, деревянные, костяные, антарные, каменные и т. п. Издѣліемъ деревянныхъ и костяныхъ четокъ занимались дворцовые товари и дѣлали ихъ болѣею частію изъ рыбаго зуба (моржовыхъ вѣлковъ). Но особенно знамениты были четки соловецкія, бирюловскія и троїцкія. Множество четокъ шелковыхъ и деревянныхъ привозили также въ Москву греческіе монахи и странники, отчего онѣ назывались греческими. Болѣе богатые четки привозились съ запада Барберини (1565 г.), въ числѣ разныхъ вещей, необходимыхъ для продажи въ Москвѣ, выписывалъ изъ Венеціи и Милана хрустальныя четки

и изъ разныхъ дорогихъ каменьевъ, замѣчая при этомъ: »всего этого нужно въ Москвѣ«. Четвы хранились въ казнѣ царей, царицъ и царицъ. У Михаила Федоровича было девять четокъ. Кромѣ богослужебныхъ книгъ, въ крестовой комнатѣ находились сборники душеполезныхъ словъ, расположенныхъ по днямъ всего года, такъ что на каждый день прочитывалось одно или два слова, соответственно значенію дня.

»Съ теченіемъ времени, всѣхъ этихъ вещей набиралось такое множество, что онѣ не помѣщались въ крестовой комнатѣ, и потому ихъ передавали на казенный дворъ въ образную палату. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ ней хранилось болѣе 8200 всевозможнаго вида иконъ, поднесенныхъ во дворецъ разными монастырями и духовными властями. Кромѣ того тамъ хранилось множество иконъ и крестовъ, доставшихся по наслѣдству, между которыми однѣхъ ветхихъ иконъ было болѣе 600«<sup>1)</sup>.

Подобная же обстановка сохранялась и въ средѣ бояръ, и въ простомъ быту, но только въ меньшихъ размѣрахъ, примѣняясь къ матеріальнымъ средствамъ каждаго<sup>2)</sup>. Царскіе послы, отправляясь къ иностраннымъ дворамъ, брали съ собою все, необходимое для выполнения религиозныхъ обрядовъ; они возили съ собою сундуки, наполненные образами<sup>3)</sup>.

Въ домѣ господствовало строгое благочиніе. Дома обыкновенно строились внутри двора и кругомъ ограждались стѣною<sup>4)</sup>. Никто не могъ войти въ чужой домъ, не произнеся предварительно обычной въ монастыряхъ молитвы; и только послѣ утвердительнаго *аминь* входъ становился доступнымъ<sup>5)</sup>. »Войдя въ комнату, говоритъ Олсарій, русскій ни слова не скажетъ присутствующимъ, хотя бы ихъ было тутъ до 10 человекъ и болѣе; но прямо обращается къ иконамъ, помѣщающимся въ главномъ углу, а если не видитъ ихъ, то спрашиваетъ: есть ли Богъ? тогда начинаетъ креститься, дѣлаетъ три поклона и потомъ обращается къ сидящимъ въ комнатѣ людямъ«<sup>6)</sup>. Строгость въ отно-

1) Забѣляинъ, Домашній бытъ русскихъ царей, 193—200.

2) Костомаровъ, Очеркъ нрав. Великорус. народа, 50, 51.

3) Соловьевъ, VI, 351.

4) Костомаровъ, 40.

5) Домострой, стр. 60.

6) Олсарій, гл. 24.

шеніяхъ составляла отличительную черту домашней жизни. »Воспитывай свое дитя въ страхѣ, говоритъ авторъ Домостроя, и найдешь въ немъ покой и благословіе. Не смѣйся къ нему и не играй съ нимъ, потому что, сдѣлавъ небольшое попущеніе, получишь печаль въ бѣльшемъ и только болѣзнь наведешь на душу свою» 1). Исполненіе религиозныхъ обрядовъ составляло главную заботу съ первыхъ дней жизни ребенка, и въ нѣкоторыхъ семействахъ оно соблюдалось такъ строго, что даже дѣтей, неумѣвшихъ еще говорить, подвергали наказанію за нарушеніе обычныхъ требованій 2).

Основаніемъ монастырскихъ добродѣтелей было—безусловное повиновеніе игумену и полное отрѣшеніе каждаго отъ собственной воли. Послушаніе—лѣствица на небо, говорится въ одномъ уставѣ; оно выше поста и пустыннаго подвига. Ангель ходитъ за послушнымъ, считаетъ шаги послушанія и представляетъ ихъ Богу; если же видитъ капли пота его, то приноситъ, какъ кровь мученическую» 3). По словамъ Василія Великаго и Іоанна Лѣствичника лучше согрѣшить нежели преступить заповѣдь послушанія передъ своимъ духовнымъ наставникомъ. Смиреніе составляетъ идеаль всѣхъ монастырскихъ уставовъ 4). Непокорныхъ монастырскимъ правиламъ смирили заключеніемъ, жезломъ и удаленіемъ изъ монастыря 5). Тотъ же принципъ былъ положенъ въ основаніе домашняго воспитанія. »Болѣе всего имѣйте смиреніе«, говорится въ тогдашнихъ наставленіяхъ 6). »Дѣти должны почитать отца какъ Бога, а мать какъ самихъ себя« 7). По Домострою идетъ далѣе. »Не ослабляй ударовъ надъ младенцемъ, говоритъ онъ, ибо если ты бьешь его жезломъ—не умреть, но еще здоровѣе будетъ; потому что, поражая его тѣло, ты избавляешь его душу отъ смерти. А если имѣешь дочь, то положи на ней грозу свою—и сохранишь ея тѣлесную чистоту: пусть будетъ послушна и не имѣетъ своей воли, чтобы отъ неразумія не потеряла дѣвства. Изъ любви къ сыну учащай ему раны, чтобы

1) Домострой, 24.

2) Оларій, гл. 24.

3) Уставъ Евфросина Исковскаго, въ Житіи у Филарета.

4) См. 113 правило Номоканона и Лѣствицу, стр. 59, 60, 85.

5) Объ отцахъ, бывшихъ въ русск. землѣ, соч. Іос. Волоколам. въ Лѣтоп. археогр. комис. II, 79, 84.

6) Какъ жить христіанамъ, Прав. собесѣд. 1859, I, 136.

7) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великоорусск. народа, 109.

потомъ порадоватися о немъ. Не давай ему власти въ юности, но сокруши ему ребра пока растеть, потому что, прійдя въ возрастъ, онъ не станетъ тебѣ повиноваться, а это причинитъ тебѣ досаду, душевную скорбь, стыдъ дому, погибель имѣнію, насмѣшки враговъ и платежъ передъ властію». Въ изображеніи характера юноши Домострой основывается на поученіи Василя В. къ юношамъ: »Прежде всего имъ слѣдуетъ имѣть душевную чистоту и тѣлесное безстрастіе. Походка должна быть вроткая; голосъ умѣренный; слово благочинное; предъ старшими они должны сохранять молчаніе; къ премудрымъ—послушаніе; передъ спящими—повиновеніе; лучше мало говорить, а болѣе слушать; не быть дерзкимъ на словахъ; не слишкомъ увлекаться бесѣдою; не быть склоннымъ къ смѣху; уврашаться стыдливостію; зрѣніе имѣть долу, а душу—горѣ; избѣгать возраженій; не увлекаться почестями». Какъ жена, такъ и дѣти должны сохранять полную покорность передъ властію домовладыи, что, на языкѣ Домостроя, значію имѣть *страхъ*. Но если жена, дѣти или слуги не выполняютъ этимъ требованій и правилъ, то отецъ долженъ научить ихъ *наединѣ* и возложить на нихъ раны, смотря по винѣ <sup>1)</sup>. Таковы основныя положенія домашней педагогики, заимствованныя изъ Византіи, но примѣненныя къ существующему порядку. Въ Московскомъ государствѣ они нашли соотвѣтствующую почву въ господствѣ родовыхъ началъ въ семейномъ бытѣ и значеніи представителя рода, какъ домовладыи <sup>2)</sup>.

Въ важныхъ вопросахъ жизни, во время бѣдствій, болѣзни и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своего семейства, по правиламъ Домостроя, слѣдовало постоянно обращаться къ духовнымъ отцамъ и монахамъ. Для этого онъ совѣтуетъ »часто призывать ихъ въ свой домъ, совѣтоваться съ ними во всемъ по совѣсти, какъ учить мужу жену и дѣтей своихъ, а женѣ—какъ повиноваться мужу»; при чемъ прибавляетъ: »слушайте отца духовнаго во всемъ, чтите его и бейте челомъ предъ нимъ низко, и повинуйтесь ему со страхомъ, потому что онъ вашъ учитель и наставникъ». Это напоминаетъ нѣсколько разъ <sup>3)</sup>. Но и въ такихъ случаяхъ предпочтеніе отдавалось монастырю. »Наибольшую честь оказывай монахамъ, говорится въ другомъ наста-

<sup>1)</sup> Домострой, 21, 64, 25, 50, 57, 67.

<sup>2)</sup> Мысли о русской исторіи, Кавелина, Вѣст. Европы, 1865, II.

<sup>3)</sup> Домострой, 5, 10, 20, 21, 79, 105.

всепни, давай имъ все нужное, ибо это все равно, что ты отдаешь Богу; а если тебя угнетаетъ печаль, то ступай къ нимъ въ келліи, они утѣшатъ тебя»<sup>1)</sup>. Поэтому и въ домашнихъ молитвахъ предписывалось молиться за нихъ<sup>2)</sup>.

Пользуясь большимъ уваженіемъ въ обществѣ, духовенство и монастыри въ значительной степени содѣйствовали установленію политическаго порядка въ Россіи. // *де*

## Г л а в а VI.

Въ эпоху среднихъ вѣковъ направленіе обществу давала церковь. Но съ самаго начала политическое развитіе ея на западъ и востокъ пошло различными путями. Въ то время, какъ на востокъ было нѣсколько епископовъ, пользовавшихся равнымъ первенствующимъ положеніемъ (константинопольскій, іерусалимскій, александрійскій и антиохійскій); на западъ — такимъ значеніемъ пользовался одинъ римскій. Это обстоятельство на первыхъ порахъ дало ему важное положеніе въ церковной іерархіи. Уже въ половинѣ V вѣка (на Халкидонскомъ соборѣ), при сохраненіи равноправности, за нимъ было признано преимущество передъ константинопольскимъ патріархомъ<sup>3)</sup>. Постоянное ослабленіе Византійской имперіи и удаленіе римскаго епископа отъ непосредственнаго вліянія свѣтской власти еще болѣе закрѣпило за нимъ это положеніе. Римскіе папы на первыхъ порахъ заявляютъ притязаніе на признаніе ихъ постановленій и мнѣній «всеобщими»<sup>4)</sup>; среди непрерывной борьбы религіозныхъ партій на Востокъ — какъ представители послѣднихъ, такъ и византійское правительство обращаются къ ихъ посредничеству.

Въ слѣдствіе этого, римскіе папы все болѣе привыкали смотрѣть на свое положеніе, какъ на исключительное; но этому помогло также и состояніе западно-европейскаго міра. Римскій епископъ пользовался значеніемъ уже въ то время, когда новыя государства западной Европы

1) Правосл. собесѣд. 1859, I, 134.

2) Домострой, 10, 16, 17.

3) Иннокентій, Исторія церкви, I, 280.

4) Дрәперъ, Исторія умственнаго развитія Европы, I, 246.



едва стали образовываться или вовсе не существовали. Съ распространениемъ христіанства среди варваровъ расширилась власть римскаго епископа не только въ территориальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ: германцы были болѣе покорными его волѣ, нежели итальянцы. Къ ролю франковъ обогащаютъ его и поддерживаютъ противъ враговъ. Чѣмъ грубѣе были подвластные народы, тѣмъ обезпеченнѣе было вліяніе авторитета римскаго епископа. Въ то время, какъ на востокѣ постоянно шла борьба религіозныхъ сектъ, болѣе или менѣе подрывавшая господствовавшее ученіе и вызывавшая необходимость соборнаго соглашенія;—на западѣ, мнѣнія римскаго епископа, при другихъ условіяхъ жизни, получали значеніе безусловнаго авторитета. Такимъ образомъ мало-по-малу утвердилась вѣра въ непогрѣшимость послѣдняго, защитникомъ которой явилось монашество. Духовные ордена на западѣ сдѣлались подпорою папскаго престола, проводя въ общество вѣру въ преобладаніе духовнаго авторитета надъ свѣтскимъ. Вліяніе ихъ было громадное, такъ какъ монастыри на западѣ воспользовались остатками образованности для воспитанія общества въ своихъ началахъ. По всей Европѣ были раскинуты земли, принадлежавшія церкви, и въ то время, какъ въ Византійской имперіи правительство выражаетъ необходимость прекращенія подобнаго порядка вещей, на западѣ церковная территория достигаетъ громаднаго размѣра ( $\frac{3}{4}$  всего пространства)<sup>1)</sup>. Съ теченіемъ времени положеніе вещей измѣняется до того, что Византія ищетъ опоры въ представителѣ западной церкви и, при содѣйствіи его, думаетъ поддержать свое политическое существованіе. Но въ этомъ случаѣ ихъ раздѣленіе обозначилось слишкомъ рѣзко.

Постоянная борьба, происходившая въ Византійской имперіи, распаденіе имперіи Западной и продолжительное броженіе въ германскомъ мірѣ, долго не успѣвшемъ выработать прочной политической системы—были причиною, что римскій епископъ долгое время сохранялъ безусловное господство на западѣ. Время закрѣпило въ обществѣ вѣру въ божественное происхожденіе его власти, на которое постоянно опирались клерикалы. При суевѣрномъ направленіи вѣка, авторитетъ папъ могъ встрѣтить серьезное противодѣйствіе только въ равносильной по матеріальному положенію—свѣтской власти (еретика, по недо-

<sup>1)</sup> Laurent, La Papauté et l'Empire, pag. 96.

статву поддержки, терпѣли поражение), и, когда послѣдняя чувствовала силу, она давала надлежащій отпоръ. Но этой борьбѣ долго недоста-вало послѣдовательности, и потому все зависѣло отъ характера отдѣль-ныхъ лицъ.

7 Столь же важною подпорою для римскаго престола было его тер-риториальное значеніе. Римскій епископъ былъ во главѣ отдѣльной тер-ритории, сосредоточившейся возлѣ древняго Рима, на-долго сохранив-шаго могущественное значеніе въ глазахъ новыхъ народовъ. Поэтому борьба римскаго епископа съ свѣтскою властью не была внутреннею борьбою въ государствѣ; она велась на равныхъ правахъ, самостоя-тельными территориальными владѣльцами, хотя ее часто низводили на степень теоретической борьбы—о правахъ свѣтской и духовной власти. Ставши такимъ образомъ на историческую почву, римская курія пере-стала преслѣдовать исключительно догматическія цѣли: она была готова на уступки въ пользу другихъ мнѣній, если первыя исходили непосред-ственно отъ ея власти. Въ такомъ случаѣ основнымъ догматомъ ста-новится послѣдняя. Очевидно, что тамъ, гдѣ падаетъ вѣра въ догма-тической авторитетъ, подрывается и самый догматъ. Это доказали за-падныя ереси.

Иначе развивалась восточная церковь. Она постоянно опирается на свою непосредственную связь съ древнею церковью. Дѣйствительно, эта связь существуетъ, какъ по сценѣ дѣйствія, такъ и по преданіямъ. Древняя церковь представляла общину, дѣла которой рѣшались собра-ніемъ вѣрныхъ. Такой способъ управленія сохранялся до образованія іерархіи; но и въ послѣдствіи коллективная форма осталась принадлеж-ностью высшаго церковнаго учрежденія. Совмѣстное существованіе нѣ-сколькихъ церквей на востокѣ и непрерывные споры о существенныхъ вопросахъ вѣрованія привели въ необходимости формулировать церков-ныя постановленія путемъ соглашенія. А такъ какъ уже существовало ученіе о правѣ іерархіи на исключительное руководство церкви въ дѣ-лахъ вѣры, то и самые соборы имѣли іерархическій характеръ. Но соборное опредѣленіе было поставлено восточною церковью выше лич-наго авторитета. Въ политическомъ отношеніи этотъ принципъ имѣлъ противоположные западной церкви результаты; хотя и въ Византійской имперіи взаимныя отношенія церкви и государства имѣютъ свою исторію.

Справедливо полагаютъ, что политическій успѣхъ Константина В. въ значительной степени зависѣлъ отъ соединенія его съ сильною

уже въ то время христіанскою стороною <sup>1)</sup>. Поэтому всё его усилія были направлены къ тому, чтобы дать ей господствующее значеніе въ государствѣ. (При немъ церковь получила безусловное вліяніе на религіозную и нравственную жизнь византійскаго общества.) Своимъ эдиктомъ онъ призналъ «ненарушимость епископскихъ опредѣленій», въ какой бы формѣ они ни были выражены, признавая ихъ священными. Поэтому свидѣтельство даже одного епископа считалось достаточнымъ и несомнѣннымъ въ судебныхъ дѣлахъ <sup>2)</sup>. Онъ даровалъ церкви право пріобрѣтать, на самыхъ широкихъ основаніяхъ, движимую и недвижимую собственность (и, спустя 50 лѣтъ послѣ этого эдикта, церковь владѣла уже въ каждой области  $\frac{1}{10}$  всей земли <sup>3)</sup>). Съ теченіемъ времени это отношеніе еще болѣе увеличилось.) Юстиніанъ I призналъ каноническія постановленія легальными положеніями въ государствѣ, а епископскія *ordinationes* — неограниченными <sup>4)</sup>. Такое глубокое уваженіе свѣтской власти къ опредѣленіямъ духовенства должно было поставить его высоко въ глазахъ общества. Народъ предпочиталъ обращаться къ духовному суду, а не къ свѣтскому. Цѣлыя толпы обыкновенно сопровождали представителей церкви, ища у нихъ защиты <sup>5)</sup>. Дѣятельность епископовъ въ церковномъ судѣ была такъ обширна, что еще первый вселенскій соборъ призналъ необходимымъ имѣть въ каждой области по крайней мѣрѣ два собора въ годъ <sup>6)</sup>. Дѣятельность патриарховъ была еще шире.) Они имѣли право безапелляціоннаго суда надъ духовными своего округа и могли остановить рѣшеніе гражданскаго суда <sup>7)</sup>.

Но въ ряду восточныхъ патриарховъ въ скоромъ времени успѣлъ возвыситься патриархъ константинопольскій. Это явленіе объясняется какъ его положеніемъ, такъ и невыгодными историческими условіями остальныхъ патриарховъ. Пребываніе въ столицѣ давало ему право

1) Дрәперъ, I, 239.

2) Cod. Theod. VI, p. I, pag. 339—340. По словамъ Константина В. Sacerdotum iudicium ita debet haberi, ut se ipse Dominus residens iudicet.

3) Planck, I, 281.

4) Mortreuil, I, 187 и друг. Novellar. 123.

5) Прав. собесѣд. 1860, январь, 52, примѣч. Жизнь Василя В. стр. 35, 36 и д.

6) Дѣян. вселен. соб. Ник. 1-го пр. 5.

7) Дѣян. Халкид. соб. прав. 9, 17; Novellar. № 137.

имѣть ббльшее вліяніе на ходъ политическихъ событій; а неблагопріятныя политическія обстоятельства Востока и распространеніе магометанскаго владычества ослабили самостоятельное значеніе восточныхъ патріархатствъ.

Еще въ 512 г. константинопольскій патріархъ Іоаннъ II получилъ отъ Константинопольскаго собора титулъ «вселенскій», который окончательно былъ утвержденъ за патріархами константинопольскими въ 538 г., по случаю спора съ патріархомъ антїохійскимъ Григоріемъ. Это званіе было столь важно въ іерархическомъ отношеніи, что папы Целгій и Григорій В. настоятельно убѣждали константинопольскаго патріарха отказаться отъ него, а остальныхъ патріарховъ побуждали защитить свои права противъ «возрастающаго властолюбія»<sup>1)</sup>. Власть константинопольскаго патріарха постепенно распространялась не только на округи епископовъ, но и на области другихъ патріарховъ: въ нему могли обращаться недовольные съ апелляціею; между тѣмъ, какъ его рѣшенія были безапелляціонны<sup>2)</sup>. Императоръ Юстиніанъ называетъ его «главою всѣхъ церквей». Въ рукахъ его сосредоточились важныя духовныя преимущества. Находясь въ центрѣ политической жизни, ему приходилось нерѣдко широко пользоваться своими духовными правами. Онъ налагалъ запрещенія и эпитиміи на вельможъ и императоровъ<sup>3)</sup>. Онъ совершалъ посвященіе царей посредствомъ вѣнчанія. Но такое положеніе константинопольскаго патріарха, даже при слабости остальныхъ, не могло имѣть важныхъ послѣдствій; такъ какъ существовали рядомъ съ нимъ другія условія, отчасти каноническія, отчасти политическія.

Представители духовенства оказывали покровительство народу; а народъ искалъ у нихъ защиты. Отсюда объясняется ихъ взаимная связь. Вотъ почему, каждый разъ, когда преслѣдованіе постигало первыхъ, оно вызывало неудовольствіе въ народѣ (Аванасій александрійскій, Іоаннъ Златоустъ, патр. Германъ, Михаилъ Керуларій и друг.). Они оказывали на него вліяніе посредствомъ многочисленнаго монашества<sup>4)</sup>,

<sup>1)</sup> Neander, III, 245, V, 180—247.

<sup>2)</sup> Халкид. прав. 9, 17.

<sup>3)</sup> Шлоссеръ, VI, 15, IX, 11, 27. Finlay, History of Byzantine Empires, II, 67, 68.

<sup>4)</sup> При импер. Анастасіѣ, по поводу споровъ съ несторіанами, въ

которое имѣло тѣсныя связи съ народомъ, постоянно охраняя религіозныя вѣрованія, и съ остальнымъ обществомъ черезъ родственныя и другія отношенія <sup>1)</sup>. Монастыри, въ силу своего исключительно религіознаго назначенія, заботились объ установленіи религіозныхъ обрядовъ, которые такъ дороги особенно народу. Поэтому на монаховъ послѣдній смотрѣлъ, какъ на защитниковъ по преимуществу своихъ вѣрованій. Отчасти этимъ союзомъ объясняется торжество установившагося порядка противъ всѣхъ еретическихъ стремленій. Систематическое преслѣдованіе императорами иконопочитанія потерпѣло поражение, благодаря такой дружной оппозиціи <sup>2)</sup>, и въ правленіе двухъ императрицъ (Ирины и Θεодоры) было снова восстановлено. Со времени упадка восточныхъ патріархатствъ, религіозное движеніе стало сосредоточиваться въ Константинополѣ, отчего константинопольскій патріархъ пріобрѣталъ все большее значеніе въ ряду остальныхъ. Но въ концѣ VII и въ VIII вѣкѣ развитіе догматическаго ученія завершается. Определенія апостоловъ, отцовъ церкви и вселенскихъ соборовъ составили тотъ краеугольный камень каноническаго права византійской церкви, на которомъ должно было основываться дальнѣйшее ея существованіе и отношенія къ государству. При этомъ запрещено было признавать все, что не принадлежало къ указаннымъ источникамъ <sup>3)</sup>. Этотъ принципъ, сдѣлавшійся дѣйствительно основаніемъ въ дальнѣйшей исторіи восточной церкви, положилъ конецъ личному произволу и поставилъ преданіе выше временныхъ, историческихъ условій. Этими особенностями византійская церковь рѣзко отличается отъ западной. Тамъ имѣетъ значеніе догматъ, а здѣсь (въ западной церкви) существующій авторитетъ, который даетъ толкованіе догмату. Очевидно, что постояннымъ принципомъ первой будетъ неизмѣняемость; а въ послѣдней возможно и обратное явленіе, подъ условіемъ признанія авторитета. Въ первомъ случаѣ невозможны никакія сдѣлки и уступки, выходящія за предѣлы тѣхъ положеній, которыми опредѣлилось догматическое ученіе;

---

Константинополѣ съ всѣхъ сторонъ собралось болѣе 60,000 монаховъ. Le Beau, Histoire du Bas-Empire, VIII.

<sup>1)</sup> Шлоссеръ, VI, 4.

<sup>2)</sup> Дрәперъ, I, гл. XIV.

<sup>3)</sup> Mortreuil, Histoire de droit Byzantine, I, 409—40 и далѣе. На соборѣ 691 г.

въ послѣднемъ — политическія обстоятельства нерѣдко берутъ верхъ. При широкомъ развитіи на востокѣ дѣятельности соборовъ, ихъ опредѣленія были поставлены выше постановленій отдѣльных епископовъ; а потому и особенное положеніе константинопольскаго патріарха не могло имѣть дальнѣйшихъ результатовъ. По Номоканону, за всякое измѣненіе церковныхъ опредѣленій и постановленій свѣтской власти, патріархъ подлежалъ лишенію сана <sup>1)</sup>. Этотъ принципъ служилъ огражденіемъ противъ всякихъ личныхъ притязаній.

Но подобныя притязанія неосуществимы были также въ слѣдствіе постоянного участія свѣтской власти въ дѣлахъ церковныхъ. Поборничество, обязанное церкви на первыхъ порахъ свѣтскою властью, приобрѣло послѣдней сильную поддержку. Представители церкви проводили въ общество идею о священномъ значеніи царской власти. Они искали у нея содѣйствія для своихъ требованій. Поэтому императорскіе указы объявлялись въ храмахъ и имѣли такую же силу, какъ и епископскія опредѣленія <sup>2)</sup>. При содѣйствіи императоровъ, а нерѣдко по ихъ инициативѣ, собирались церковные соборы; они подписывали соборныя рѣшенія и разсылали ихъ въ провинціи. Это дало поводъ *римской партіи* упрекать восточную церковь въ томъ, что соборы бывали подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ константинопольскаго двора <sup>3)</sup>. Богословскіе диспуты, составлявшіе стихію византійской учености, нерѣдко отвлекали императоровъ отъ политической дѣятельности; мы видѣли, что послѣдніе сами иногда возбуждали въ обществѣ полемику, руководили ею, давали извѣстный тонъ рѣшенію этихъ споровъ; и въ то время, какъ православная сторона рѣшала ихъ сообразно съ толкованіемъ несомнѣнныхъ авторитетовъ; императоры составляли свою партію, которая рѣшала дѣло въ противоположномъ духѣ, сообразно съ ихъ волею. Конечно, такое направленіе дѣла имѣло много вредныхъ послѣдствій, но постоянное участіе императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ приучило ихъ не отдѣлять судьбы церкви отъ государственныхъ интересовъ, а это поставило ихъ совсѣмъ въ другія отношенія, сравнительно съ тѣми, какія существовали на западѣ. По гражданскому законодательству, власть константинопольскаго патріарха

1) Калачовъ, О Кормчей, 97.

2) Иннокентій, Исторія церкви, I, 213.

3) Дрэнперъ, I, 248.

была ограничена соборомъ и самодержавною властью императоровъ 1). А Номоканонъ опредѣленно ставитъ паріарха въ подчиненное положеніе къ императору и запрещаетъ ему дѣлать что-либо противное его волѣ, называя въ такомъ случаѣ отступникомъ отъ вѣры 2).

Рѣзкій поворотъ въ отношеніяхъ государства къ духовенству отмѣчаютъ со времени Льва III Исаврянина. Историки Византіи говорятъ, что съ этого времени духовное вѣдомство перестаетъ составлять особое учрежденіе, а рассматривается какъ центральное управленіе по духовнымъ дѣламъ 3). Это явленіе объясняется личнымъ характеромъ Льва III, который хотѣлъ быть реформаторомъ всего государства 4). Онъ даже вздумалъ объявить себя главою духовенства 5). Въ его духѣ дѣйствовали почти всѣ его преемники изъ исаврійской и македонской династіи до Василія II 6). Стольже рѣшительными кажутся дѣйствія императоровъ изъ фамилии Комненовъ. Исаакъ I ограничилъ епископскія ordinationes 7) и, недовольный рѣшительнымъ поступкомъ патріарха Михаила Керуларія, вопреки симпатіямъ народа, свергъ его съ престола, назначивъ на его мѣсто нелюбимаго народомъ Лихуда 8). При Алексѣѣ I финансы страны были въ крайне бѣдственномъ положеніи, такъ что императорская фамилія принуждена была перелить въ монету золотыя и серебряныя вещи. Но какъ этихъ средствъ было недостаточно, то императоръ приступилъ къ продажѣ церковныхъ иму-

1) Justin. Novel. III, Basilic. lib. III, tit. 2, cfr. Balsamon. ad. can. Antioch. 12.

2) Калачовъ, О Кормчей, 96.

3) Finlay, II, 67, 345.

4) Ibid. I, 4.

5) Le Beau, XIII, 326—328.

6) Поучительные примѣры въ этомъ случаѣ представляютъ отношенія Льва VI къ патр. Фотію и дѣло о его бракѣ съ Зоєю. Шлюссеръ, VI, 102, 107.

7) Mortreuil, III, 133—134.

8) Это случилось по поводу притязаній императора на церковныя имущества. Историки Византіи рассказываютъ объ этомъ такъ: «Il (патріархъ) porta l'audace jusqu'à dire un jour à l'empereur: *je vous ai donné la couronne, je saurai bien vous l'ôter*. Affectant en toute manière de s'égaliser au prince, il prit la chaussure d'écarlatte, réservée à la Majesté impériale, sous prétexte que les patriarches l'avaient portée autrefois, disant même que s'il y avait quelque distinction à faire entre le sacerdoce et l'empire elle était à l'avantage du sacerdoce». Le Beau, XVII, 182—185; ср. Finlay, II, 11—13.

ществе, объявивъ, что онъ употребить ихъ на пользу государства. Это возбудило неудовольствіе въ средѣ духовенства, причемъ особенно рѣзкими нападами заявилъ себя Леонтъ, епископъ халкидонскій; но соборъ низложилъ его, по повелѣнію императора, и онъ былъ отправленъ, въ отдаленную провинцію<sup>1)</sup>. Того же взгляда на этотъ вопросъ держался и Мануиль Комнень; но только высказалъ его опредѣленнѣе. Онъ прямо объявилъ, что обязанность монаховъ жить въ уединеніи и питаться собственнымъ трудомъ; богатства же, которыми обладаютъ монастыри, вредно дѣйствуютъ на ихъ нравственность, а потому запретилъ имъ приобретать имущества и замѣнилъ пользованіе настоящими доходами—выдачею опредѣленнаго содержанія<sup>2)</sup>. Въ слѣдствіе постояннаго религіознаго движенія общества, столкновения между императорами и духовенствомъ были неминуемы, но византийская исторія обладаетъ обиліемъ примѣровъ удаленія патріарховъ императорскою властью и возведеніемъ новыхъ единственно по волѣ послѣдней.

Судьба византийской церкви, въ противоположность римской, была тѣсно связана съ судьбою государства, и потому она переживала одинаковыя съ нимъ эпохи жизни. Завоеваніе Константинополя латинами и постоянно возрастающее могущество турокъ были одинаково неблагоприятны для ихъ обоихъ. Константинопольскій патріархъ не имѣлъ самостоятельной территоріи, подобно римскому епископу, и уже потому онъ не могъ стать внѣ государства. На западѣ, чѣмъ слабѣе были короли и императоры, тѣмъ большимъ могуществомъ пользовались папы. На востокѣ, политическій упадокъ государства отражался на благосостояніи церкви. Когда постоянныя нападенія турокъ стали угрожать имперіи, то императоры думали путемъ соединенія церквей, при посредствѣ папы, достигнуть помощи со стороны правительствъ западной Европы. Греческіе богословы, по волѣ императора, отправляются въ Италию, чтобы совершить для цѣлости имперіи актъ соединенія церквей. Нѣкоторые соглашались; но въ средѣ греческаго духовенства поднимаются защитныя преданія, которые находятъ поддержку въ ученыхъ, монастыряхъ и народѣ, и религіозное волненіе потрясаетъ Константино-

1) Le Beau, XVII, 545—549.

2) Le Beau, XIX, 471; Mortreuil, III, 173



поль наказануѣ его паденія <sup>1)</sup>. Отлученіе постигло сторонниковъ соединенія, неисключая и императора; хотя послѣдній продолжалъ царствовать до смерти.

Въ такомъ видѣ представляется намъ политическое отношеніе свѣтской и духовной власти въ Византіи, въ противоположность теоріи западной церкви. Оно имѣло важныя послѣдствія для Россіи. Послѣдняя пришла въ зависимыя отношенія къ Византіи уже въ то время, когда разрывъ восточной и западной церкви совершился, и между ними возникла борьба за религіозное преобладаніе тамъ, гдѣ ихъ вліяніе соприкасалось. Эта борьба отразилась и на Россіи; но, въ слѣдствіе іерархическаго подчиненія ея Византіи и поддержки этой связи свѣтскою властью, менѣе стѣсненною въ политическомъ отношеніи, нежели при римской системѣ, она окончилась въ пользу Византіи.

По свидѣтельству древней лѣтописи, въ числѣ представителей разныхъ религій, предлагавшихъ Владиміу св. ввести въ Россіи свое исповѣданіе, были представители западной (нѣмцы) и восточной церкви (греки). Греческій проповѣдникъ сильно подѣйствовалъ на суроваго язычника картиною страшнаго суда. Однако Владиміръ отправилъ своихъ пословъ въ разныя страны, чтобы они, при сравненіи богослуженій, могли на мѣстѣ убѣдиться въ превосходствѣ одного передъ другимъ. Русскіе послы плѣнились торжественностью греческаго богослуженія и приѣмомъ грековъ <sup>2)</sup>. Такимъ образомъ выборъ былъ рѣшенъ. Но домогательство западной церкви было извѣстно въ Византіи; поэтому въ символѣ вѣры, преподанномъ Владиміру послѣ крещенія, было сдѣлано предостереженіе: «Не принимай ученія отъ латинъ, оно развращено»; за тѣмъ, по перечисленіи особенностей западной церкви, снова прибавлено: «остерегайся ихъ ученія; Богъ да сохранить тебя отъ него» <sup>3)</sup>; между тѣмъ этотъ символъ есть только переводъ «исповѣданія вѣры» Михаѣла Синкелла (+ ок. 835 г.), въ которомъ не было такого добавленія <sup>4)</sup>. Ожиданія грековъ оправдались. Еще во время пребыванія Владиміра св. въ Корсунѣ, отъ папы прибыли къ нему послы

1) Шлоссерь, IX, 91, 103, 107.

2) Полн. собр. русск. лѣтоп. I, 46.

3) Ibid. 49, 50.

4) Сухомлиновъ, О древн. рус. лѣт. Учен. запис. Акад. наукъ, II отдѣл. 65—68.

съ мощами и за тѣмъ приходили два раза (въ 991 и 1000 гг.) въ Кіевъ. Это заставило греческую іерархію еще болѣе обратить вниманіе на домогательства западной церкви. Дѣйствительно, когда Владиміръ св., въ слѣдъ за посольствомъ отъ папы въ 991 г., отправляя своихъ пословъ въ Римъ, то константинопольскій патриархъ писалъ князю и митрополиту, убѣждая ихъ не споситъся съ папою, не присоединяться къ зловѣрью западной церкви, которая несправедливо учить о св. Духѣ, принимаетъ постъ въ субботу, употребляетъ прѣсный хлѣбъ, вѣрять въ непогрѣшимость папы 1). Есть извѣстіе, что императоръ Оттонъ III присылалъ въ Россію миссіонера Бруно, который склонилъ къ латинскому ученію нѣкоторыхъ русскихъ; по *прибытіи* греческій епископъ уничтожилъ его успѣхи 2). На сколько послѣдовательна была въ этомъ отношеніи традиція римской церкви, видно изъ цѣлаго ряда папскихъ посольствъ и отношеній къ Россіи, которыя предпринимались или по инициативѣ папы, или были вызваны извнѣ какими нибудь надеждами на успѣхъ. Изъ раппихъ посольствъ извѣстны: Григорія VII Гильдебранда, (1075 г.), вызваннаго къ тому изгнаннымъ изъ Кіева княземъ Изяславомъ; Урбана II (1091), Климента III къ митр. Іоанну II; около 1155 г. назначался въ Россію, въ качествѣ римскаго миссіонера, аббатъ клервосскій Бернардь 3); а въ 1169 г. опять приходили послы отъ папы 4). Послѣ завоеванія Константинополя латинами (1204 г.) надежды на соединеніе церквей усилились въ Римѣ, и потому вскорѣ послѣ этого мы встрѣчаемъ рядъ извѣстій о стремленіи папъ къ осуществленію завѣтныхъ цѣлей. Таковы посольства Иннокентія III къ галицкому князю Роману (1204 г.) и въ Россію съ посланіемъ, въ которомъ онъ убѣждалъ русскихъ присоединиться къ западной церкви (1207) 5). Въ 1214 г., въ слѣдствіе торжества венгерской партіи въ Галичѣ, русское духовенство было изгнано оттуда и замѣнено латинскимъ 6). Но въ 1227 г. до папы Гонорія III дошелъ

1) Никоновск. лѣт. I, 92, 104, 111. Татищевъ, II, 78, пр. 195.

2) Макарій, Ист. христ. въ Россіи, 342, 343.

3) Карамзинъ, II, 47, 62, 186, III, 67. Макарій, Ист. церкви, II, 257, III, 235.

4) Никонов. лѣтоп. II, 203.

5) Карамзинъ, III, 85; Hist. Rus. monument. V. I: Ut filiam reducat ad matrem et membrum ad caput.

6) Полн. собр. рус. лѣт. II, 156; Никонов. II, 315; Татищевъ, III, 377.

слухъ черезъ епископа моденскаго, будто-бы отъ русскихъ пословъ, что Россія готова принять ученіе западной церкви; папа сталъ грозить бѣдствіями, «если русскіе не возвратятся на истинный путь» 1). Угроза не помогла. Но въ 1231 г. этотъ слухъ снова повторился. Епископъ прусскій сообщилъ Григорію IX, что вел. князь Георгій Всеволодовичъ желаетъ подчиниться папѣ. Поэтому поводу папа написалъ къ нему посланіе, въ которомъ молилъ и увѣщевалъ его, чтобы онъ «смирненно принялъ и сохранилъ обряды и нравы христіанъ латинскихъ, покоривъ изъ любви ко Христу себя и все царство сладостной власти римской церкви» 2). Каждый удобный случай служилъ предлогомъ для римскаго двора напомнить русскимъ о необходимости соединенія съ западною церковью. вмѣстѣ съ посольствомъ, отправленнымъ къ татарамъ и въ которомъ участвовалъ Плато-Карпини (1246 г.), были посланы письма отъ имени Иннокентія IV, къ русскимъ епископамъ, съ подобнымъ же предложеніемъ 3). Татарское иго казалось ему такимъ событіемъ, которое могло обратитъ вниманіе русскихъ на значеніе главы римской церкви. Поэтому Иннокентій старался поднять крестовый походъ противъ татаръ и завязалъ сношенія съ Данииломъ галицкимъ 4). Выдача Софіи Палеологъ, жившей въ Римѣ, за Іоанна III, еще болѣе возбудила надежду папы на счастливый исходъ дѣла 5); но эта надежда разсыпалась въ прахъ. Впрочемъ съ этого времени начинаются частныя сношенія Россіи съ западною Европою, и потому нерѣдко при дворѣ московскомъ являлись представители католическихъ дворовъ, которые брали на себя защиту папскихъ интересовъ. Въ 1513 г. посоль короля датскаго Іоанна, бывший въ Москвѣ по шведскимъ дѣламъ, долженъ былъ заботиться и о соединеніи церквей 6). Посевинъ, исполнявшій роль посредника во время борьбы Іоанна Грознаго съ Литвою, главнымъ образомъ преслѣдовалъ ту же цѣль и имѣлъ по этому вопросу длинную бесѣду съ царемъ, которая впрочемъ только повредила солидарности вунція. Особенно выгоднымъ для папы казались паденіе Константинополя и утвержденіе тамъ турецкаго владычества, которое тяжелымъ

1) Hist. Rus. monum. I, № 21.

2) Ibid. № 33.

3) Карамзинъ, IV, 27.

4) Карамзинъ, IV, 33.

5) Ibid. VI, 38.

6) Ibid. VII, 49.

гнетомъ легло на греческую церковь. Въ слѣдствіе такихъ соображеній былъ отправленъ въ 1519 г. отъ папы льва X—Дитрихъ Шонбергъ, который предложилъ Василю Іоанновичу, подъ условіемъ соединенія церквей, титулъ царя съ тѣмъ, что онъ будетъ короноваться отъ руки папы; а московскаго митрополита обѣщаль возвести въ санъ патріарха, указывая при этомъ на возможность завоеванія Константинополя <sup>1)</sup>. Въ 1525 году г. Климентъ VII черезъ капитана Павла снова предлагалъ Василю Іоанновичу титулъ короля, если онъ отвергнетъ догматы греческой церкви и прибѣгнетъ къ покровительству западной церкви <sup>2)</sup>. Но московское правительство не слишкомъ дорожило чужими титулами, считая въ собственной власти принятіе того или другаго изъ нихъ, а власть свою непосредственно истекающею отъ Бога; слѣдовательно политическая діалектика не могла удался римскому двору. Успѣхъ перваго самозванца въ Россіи, поддерживаемаго помощью Польши, подавалъ сначала блестящія надежды на исполненіе исторической идеи папъ о соединеніи церквей и подчиненіи Москвы авторитету Рима. Самозванецъ былъ подчиненъ надзору іезуитовъ; а изъ Рима сообщалась программа для его дѣйствій. Но, не смотря на всю его осторожность относительно римской политики, эти данныя послужили въ послѣдствіи главными обвиненіями противъ него самого.

Подобная традиція римскаго двора въ этомъ вопросѣ объясняется тѣмъ политическимъ характеромъ, какой на первыхъ порахъ получила римская церковь. Благодаря этому принципу, предѣлы ея вліянія распространились по всей западной Европѣ; и когда она пришла въ соприкосновеніе съ Россіею, подчинившеюся византійскому вліянію, то и здѣсь не могла отступить отъ своихъ политическихъ цѣлей; но въ слѣдствіе столеновенія съ враждебнымъ элементомъ должна была вступить въ борьбу.

Вліяніе Византіи на Россію началось въ религіозной сферѣ; а потому посредничество въ этомъ отношеніи взяла на себя византійская іерархія. Слѣдовательно прочность ея вліянія зависѣла отъ ея представителей въ Россіи. Въ періодъ до-монгольскій, изъ 23 митрополитовъ, было только три русскіе и три неизвѣстнаго происхожденія; но 17—грековъ; изъ 10 митрополитовъ, избранныхъ до 1448 г. было четыре

<sup>1)</sup> Ibid. VII, пр. 189.

<sup>2)</sup> Книга Павла Іовія о посольствѣ, въ Библіот. иностран. писател. 17.

русскихъ, три грека и три изъ южныхъ славянъ (Киприанъ, Григорій Цамвлакъ и Исидоръ), изъ которыхъ два (Киприанъ и Григорій Цамвлакъ) — были вполнѣ представителями восточной церкви <sup>1)</sup>. На первыхъ порахъ даже клиръ въ Россіи былъ частью изъ грековъ и частью изъ болгаръ <sup>2)</sup>, которые также были предметомъ политическихъ стремленій папъ и ожесточенной борьбы съ ними византійскихъ богослововъ <sup>3)</sup>. Притомъ даже митрополиты, избранные въ Россіи, обязаны были посвящаться въ Константинополь, что давало патріархамъ возможность дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ. Такимъ путемъ русская S 1/2 іерархія вполнѣ усвоила духъ византійской.)

Въ отношеніи къ притязаніямъ западной церкви на Россію греки были самыми дѣятельными полемиками. Эта полемика открывалась сочиненіемъ кіевскаго митрополита Леонтія «Объ опрѣсновахъ» (X в.) <sup>4)</sup> и продолжается его послѣдователями: Георгіемъ (+1079) <sup>5)</sup>, Иоанномъ II (+1089) <sup>6)</sup>, Никифоромъ (XII в.) <sup>7)</sup>, Григоріемъ Цамвлакомъ <sup>8)</sup>, Фотіемъ (XV в.) <sup>9)</sup>. Въ XVI в., вслѣдствіе стараній папскаго посла Шонберга, многіе въ Москвѣ были возбуждены толками о соединеніи церкви, которое поддерживалъ врачъ Василія Іоановича, нѣмецъ Николай Люевъ. Но въ это время жилъ въ Москвѣ извѣстный Максимъ Грекъ. Эти толки вызвали его на ожесточенную полемику и онъ написалъ рядъ сочиненій противъ ученія западной церкви, въ которыхъ особенно вооружался противъ «властолюбія папъ» <sup>10)</sup>. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Россіи появляются сочиненія противъ западной церкви, принесенныя изъ Греціи. Они встрѣчаются въ Кормчихъ книгахъ <sup>11)</sup>, византійскихъ сбор-

1) Макарій, I, 28, II, 17—11; IV, кн. 1-я, 13, 21, 62, 85.

2) Макарій, I, 29.

3) См. выше, гл. I-я стр. 42.

4) Временникъ. Моск. общ. истор. V.

5) Стязаніе съ латиною, Истор. церк. Макарія, II, 140, примѣч. 273.

6) Послания Іоанна II къ антипапѣ Клименту, въ Учен. запис. Акад. наукъ, II отдѣл. томъ I и Памят. рос. словес.

7) Послания о латинахъ: 1) къ Владиміру Мономаху, 2) къ неизвѣстному князю, 3) къ Ярославу князю муром. Макарій, II, пр. 277, 281.

8) Противъ опрѣснотовъ, Шевыревъ, III, 347. Макарій, V, кн. 2-я.

9) Акты историч. I, № 35.

10) См. наше изслѣд. «Максимъ Грекъ», I, гл. VI.

11) Макарій, II, 152; Памят. рос. слов. XII в. 155.

никах и отдѣльно. Сюда относятся между прочимъ сочиненія Григорія Паламы и Нила Кавасилы, извѣстныя въ спискахъ XV вѣка <sup>1)</sup>.

Подъ вліяніемъ византійской полемики появились русскія полемическія сочиненія. Ѳеодосій Печерскій написалъ *»О христіанской и латинской вѣрѣ«* (XI в.) <sup>2)</sup>; митр. Іона (1448—61) рассыпалъ въ разныя мѣста грамоты, предупреждая русскихъ отъ всякихъ попытокъ въ соединенію съ западною церковью <sup>3)</sup>. Одновременно съ Максимомъ Грекомъ писалъ сочиненія противъ латинячь—старецъ Архадій <sup>4)</sup>.

Эта систематическая полемика не могла пройти безслѣдно для общества. Въ ней слѣдуетъ отличать двѣ стороны: догматическую и нравственную. Одна представляетъ духъ церкви, другая духъ времени, и потому важна для исторіи. Первая конечно сосредоточивается на спорныхъ вопросахъ. Въ основаніи ея лежитъ общее положеніе византійской церкви: ничего не принимать болѣе того, что находится въ правилахъ апостоловъ, отцовъ церкви и признанныхъ соборовъ. Это положеніе остается неизмѣннымъ на пространствѣ вѣковъ: оно заключалось и въ символѣ, врученномъ Владиміру, и въ полемическихъ сочиненіяхъ, появившихся въ Россіи, и въ каноническихъ опредѣленіяхъ русской церкви <sup>5)</sup>. Максимъ Грекъ — полный представитель восточнаго ученія вѣры — вполнѣ вѣрно охарактеризовалъ его, когда говоритъ въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ, что малѣйшее измѣненіе чего-либо въ ученіи вѣры, даже рѣчи или слога, хотя бы на одну іоту, равняется отрицанію ученія и отпаденію отъ вѣчной жизни <sup>6)</sup>. Главными спорными пунктами въ этой полемикѣ были: 1) ученіе объ исхожденіи св. Духа (*filioque*); 2) объ опрѣсновахъ; 3) о чистилищѣ; 4) о непогрѣшимости папъ. Но рядомъ съ ними идутъ обличенія, которыя представляютъ латинячь оскорбляющими религиозныя вѣрованія принятыя русскими («иконъ и монцей не цѣлуютъ» — хотя это обличеніе невѣрно), или касающіяся нравственной стороны ихъ жизни (духовенство, не имѣя женъ, живетъ съ наложни-

<sup>1)</sup> Опис. Рум. музея, 293, 307, 311. Опис. Синод. библ. II, 471—485, и описанія библиотекъ, приведенныя выше.

<sup>2)</sup> Учен. запис. Акад. наукъ, II, вып. II.

<sup>3)</sup> Акты историч. I, № № 45, 47, 51, 52, 62, 63, 65, 66, 273, 275, Дополн. I, № 13.

<sup>4)</sup> Обзоръ духов. литер. 130.

<sup>5)</sup> См. опредѣленія Владимірск. собора XIII в. въ Правосл. собесѣд. Акты историч. I, № 155, Ак. экспед. I, № 232.

<sup>6)</sup> См. наше изслѣд. Максимъ Грекъ, I, гл. VI.

цами; монахи употребляютъ мясо; остальные ѣдятъ удавленную, медвѣдей, ослевъ, бобровъ, ѣдятъ вмѣстѣ съ собаками и кошками, и т. п.)<sup>1)</sup>. Митрополитъ Георгій представилъ 27 обвиненій противъ латинянъ, а Григорій Цамвлакъ—35. Изъ нихъ очевидно, что въ догматическомъ смыслѣ латинны принадлежатъ къ еретикамъ, общеніе съ которыми пагубно для спасенія душъ (Максимъ Грекъ); а въ нравственномъ они страдаютъ недостатками, которые могутъ быть вредны чрезъ сношенія съ ними. Въ Кормчихъ встрѣчаются запрещенія. стоять возлѣ латинскаго храма и ѣсть изъ сосуда послѣ человѣка латинской вѣры, не очистивши его предварительно молитвою<sup>2)</sup>. Въ обличеніяхъ совѣтуется не выдавать дочерей за латинянъ; запрещается дружить и цѣловаться съ ними; кланяться имъ (Феодосій Печерскій); ѣсть и пить съ ними (Никифоръ). Псковичи, получавшіе хлѣбъ изъ пѣмецкой земли, не считали себя въ правѣ пользоваться имъ безъ разрѣшенія митрополита; по Фотію разрѣшить имъ, подѣ условіемъ очищенія молитвою<sup>3)</sup>. Католицизмъ обыкновенно противопологался христіанству<sup>4)</sup>. Новгородскіе путешественники на востокъ видѣли земной рай, а на западѣ доходили до ада<sup>5)</sup>. Въ описаніи страшнаго суда римское царство помѣщалось въ числѣ осужденныхъ<sup>6)</sup>. Такимъ образомъ установилось рѣзкое разграниченіе между двумя религіозными ученіями. Религіозное отличіе стало для русскихъ главною національною чертою. Замѣчательно, что причиною отрицательнаго отношенія русскихъ къ Риму иностранцы считали грековъ<sup>7)</sup>. Но и русскіе иногда смотрѣли на этотъ вопросъ съ политической стороны. Когда Пимень (по смерти Митая) дибивался въ Константинополь получить митрополию въ Россіи, то его сторонники изъ бояръ, желая вѣрнѣе достигнуть цѣли, угрожали патриарху »на счетъ латинъ«<sup>8)</sup>.

1) Просв. Макарій при этомъ замѣчаетъ, что »у насъ тогда, какъ и на всемъ Востокѣ, судили о латинянахъ преимущественно по слухамъ, и потому могли говорить о нихъ не всегда вѣрно«. II, 145.

2) Щаповъ, Русскій расколъ, 115.

3) Акты историч. I, № 9.

4) Беръ, 77.

5) Посл. архіеп. Василя, Полн. собр. рус. лѣт. VI, 88.

6) Буслаевъ, I, 135.

7) Ювій, 41, 42; Олеарій, гл. 31; Mayerberg, Relation d'un voyage en Moscovie, Paris. 1858. II, 11.

8) Архивъ истор. юрид. свѣд. о Рос., Калачова. Синодальное дѣяніе о духовн. единствѣ Рос. (1389 г.) III, 11.

Какъ бы то ни было, но при всякомъ случаѣ, когда рѣшался важный вопросъ, въ которомъ соприкасались интересы враждебнаго исповѣданія, исходъ его всегда былъ сомнительнымъ.

Впрочемъ защита религіозной чистоты не ограничивалась противодѣйствиємъ только политическимъ стремленіямъ римскихъ папъ; она имѣла болѣе широкое значеніе. Владиміръ св. обязался не только остерегаться ученія римской церкви, но и вообще *не принимать иныя ученія* <sup>1)</sup>. Въ слѣдствіе торговыхъ сношеній Россіи съ Востокомъ, въ ней нерѣдко проживали восточные купцы. Въ южной Россіи встрѣчаются армяне и евреи; въ Москвѣ и сѣверныхъ городахъ армяне и разные магометанскіе купцы <sup>2)</sup>. Имѣя постоянныя отношенія къ нимъ, русскіе иногда вдавались въ религіозные споры и склонялись въ ихъ мнѣніямъ <sup>3)</sup>. Но армянская срьс считалась самою вредною, и потому съ ними совѣтовали не имѣть никакого общенія, точно также, какъ и съ латинами <sup>4)</sup>. Слѣдовательно международныя отношенія оцѣнивались главнымъ образомъ съ религіозной стороны. Весьма характеристическимъ по тому времени представляется намъ одно молитвенное обращеніе, неимѣющее канонической силы; но важное для насъ въ историческомъ отношеніи, какъ фактъ, представляющій, въ какомъ видѣ принимались господствующія идеи. »Согрѣшилъ я, говорится тамъ, ходженіемъ въ латинскія божницы, и слушая латинское пѣніе. Встрѣчаясь и стоя, я бесѣдовать съ латинами, армянами и жидами; въ забвеніи и желаніи имъ мира и благословенія; прощаясь, я подавалъ имъ правую руку и выражалъ прощеніе (прощай) въ забытїи, и отъ нихъ слышалъ тоже. Прости меня, отче» <sup>5)</sup>! Это отрицаніе поддерживалось тѣми мѣстными условіями, среди которыхъ развивалась жизнь древней Россіи. На югѣ, со времени подчиненія ея Польшѣ, постепенно усиливается религіозная борьба двухъ противоположныхъ ученій, изъ которыхъ одно исповѣдывается побѣжденными, а другое побѣдителями, отношенія самыя невыгодныя въ эпоху среднихъ вѣковъ. Но эти отношенія еще болѣе усложняются католическимъ фанатизмомъ. Евреи получаютъ большія права въ Польшѣ, и, при своемъ промышленномъ значеніи, усили-

1) Полн. собр. рус. лѣт. I, 49.

2) Соловьевъ, IV, 297; Карамзинъ, III, 124, 130; V, 6, 34; VII, 82.

3) Сочин. Максима Грека, I, на магометанъ и армянъ.

4) Акты историч. I, № 253. Карамзинъ, V, пр. 311.

5) Правосл. собесѣд. 1859, августъ, 425.



вають релігійний антогонизмъ въ южной Россіи. На сѣверѣ, въ слѣдствіе колонизаціоннаго распространенія русскаго населенія—оно постоянно вторгается въ магометанскій <sup>1)</sup> и языческій міръ, который враждебно относится къ пришельцамъ. При господствующемъ взглядѣ на жизнь,—борьба ведется во имя религіи; но въ слѣдствіе преобладанія языческаго элемента въ страгѣ, здѣсь возникаютъ отношенія, напоминающія собою первоначальную борьбу христіанства съ язычествомъ. Языческій міръ отождествляется съ міромъ зла, которымъ руководитъ общій врагъ человѣческаго рода. При такихъ условіяхъ наиболѣе могли русскіе сознать превосходство своего релігійнаго ученія; а это самое сознаніе, развивавшееся въ теченіе продолжительной борьбы, должно было обратиться въ общую точку зрѣнія.

(Все это говоритъ въ пользу важнаго значенія того направленія, какое получила Россія изъ Византіи. Въ періодъ до-монгольской, власть константинопольскаго патріарха надъ Россіею была такъ обширна, что послѣдняя разсматривалась не болѣе какъ одна изъ епархій <sup>2)</sup>). По церковнымъ правиламъ <sup>3)</sup>, избирать митрополита должны были епископы той области, для которой онъ назначался, а патріархъ только утверждалъ его; но въ первое время для Россіи была необходимость и въ самомъ выборѣ со стороны патріарха. Эту временную необходимость патріархи обратили въ законъ, руководствуясь прежними примѣрами. Греческіе канонисты основывали это право на 28 правилъ четвертаго вселенскаго собора, которымъ предоставлялось константинопольскому патріарху назначать митрополитовъ для трехъ греческихъ областей: азіатской, понтійской и еравійской, и поставлять епископовъ иноплемennыхъ народовъ, прилежавшихъ къ нимъ,—а Россію считали прилежащею къ области еравійской <sup>4)</sup>). Но такой способъ дѣйствія скорѣе

1) Враждебныя отношенія къ магометанству развивались также подъ вліяніемъ монгольскаго ига и притѣсненій греческой церкви турками, напр. въ такомъ видѣ, какъ представляли ихъ греческіе патріархи въ своихъ посланіяхъ, собиратели подаяній въ Россіи и Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ.

2) Русская митрополія, какъ новая, стояла въ патріаршемъ спискѣ на 61 мѣстѣ, и на соборѣ въ Константинополѣ русскій митрополитъ занималъ послѣднее мѣсто. Маварій, II, пр. 515.

3) Апостольск. 1. Никейск. 4. Антиохійск. 9. Халкидон. 28.

4) Маварій, Истор. церкви, I, 168.

объясняется расширеніемъ правъ константинопольскаго патріарха. Право избранія митрополитовъ, предоставленное древними канонами областнымъ епископамъ, въ Константинопольскомъ патріархатѣ мало-по-малу перешло къ патріаршему собору, который составлялся при патріархѣ изъ епископовъ, временно проживавшихъ въ Константинополь. Этотъ соборъ съ X вѣка избиралъ митрополитовъ для Константинопольской области безъ участія помѣстныхъ соборовъ, и такой способъ избранія былъ примѣненъ къ русской церкви <sup>1)</sup>. Но онъ былъ важенъ въ политическомъ отношеніи; такъ какъ избраніе митрополитовъ въ Константинополь всегда совершалось при участіи императоровъ <sup>2)</sup>. При назначеніи митрополитовъ патріархи обыкновенно обязывали ихъ твердо сохранять правила, принятыя византійскою церковью, и не допускать въ предѣлахъ своей области никакихъ нововведеній <sup>3)</sup>. А митрополиты, въ свою очередь, обязывали къ тому же вновь поставляемыхъ епископовъ <sup>4)</sup>. Зная, какое вліяніе на ходъ дѣлъ въ Россіи можетъ оказывать, по своему положенію, митрополитъ, въ Константинополь старались предупредить всякія попытки къ избранію его изъ русскихъ, поспѣшнымъ назначеніемъ лицъ, извѣстныхъ тамъ <sup>5)</sup>. Но иногда проходило нѣсколько лѣтъ, пока являлся митрополитъ изъ Константинополя—и въ Россіи не думали объ избраніи своего <sup>6)</sup>. Въ періодъ до-монгольской всего было три случая, когда въ Россіи воспользовались назначеніемъ митрополита, помимо константинопольскаго патріарха. Это самое показываетъ, какъ сильно было подчиненіе древнему обычаю. Однако самобытность Россіи требовала церковной независимости, особенно отъ вліянія императоровъ.

Впервые былъ поставленъ митрополитомъ изъ русскихъ, независимо отъ константинопольскаго патріарха,—Иларіонъ. Онъ былъ введенъ въ этотъ санъ соборомъ русскихъ епископовъ, по инициативѣ вел. князя Ярославъ I; но это поставленіе объясняется временнымъ разрывомъ съ Греціею, по поводу жестокостей съ русскими плѣнными во время войны, начатой также для защиты русскихъ интересовъ въ Константинополь. Притомъ послѣ избранія Иларіона для виду было

1) Макарій, I, 171.

2) Le Quien, Oriens Christ. I, 137, 141, 143. Макарій, II, 4.

3) Акты историч. I, № 254.

4) Ibid. № 18, 64. Акты экспед. № 370, 375.

5) Макарій, III, 14.

6) Макарій, III, 8.

испрошено утверждение его у патриарха 1). Второй случай избранія въ митрополиты изъ русскихъ относится къ Ефрему скопцу, который сначала подвизался подъ руководствомъ Антонія Печерскаго, а потомъ переселился въ одинъ изъ константинопольскихъ монастырей. Отсюда онъ былъ вызванъ епископомъ въ Переяславль (1072), и по смерти митрополита Іоанна III назначенъ на его мѣсто; однако для утверженія въ повѣмъ санѣ Ефрѣмъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь 2), и въ самомъ назначеніи его можетъ быть имѣло вліяніе (см) его прежнее пребываніе въ Греціи.

Рѣшительнымъ шагомъ къ освобожденію русской церкви отъ зависимости константинопольскаго патриарха можно считать дѣло Климента Смолятича. И въ этомъ случаѣ инициатива принадлежитъ свѣтской власти. Вскорѣ по прибытіи на кіевскій престолъ переяславскаго князя Изяслава Мстиславича (1146 г.), умеръ въ Константинополѣ кіевскій митрополитъ Михайлъ II. Узнавъ объ этомъ Изяславъ созвалъ въ 1147 г. соборъ въ Кіевѣ, состоявшій, какъ полагаютъ 3), изъ девяти епископовъ, съ тѣмъ, чтобы они сами, безъ сношенія съ константинопольскимъ патриархомъ, избрали новаго митрополита. При этомъ Изяславъ указалъ имъ на Климента Смолятича, отличавшагося аскетическими подвигами (въ затворѣ) и княжностью («внижникъ и философъ») 4). Но члены собора раздѣлились въ мнѣніяхъ. Черниговскій епископъ Онуфрій отстаивалъ право епископовъ поставятъ митрополитовъ собственнымъ собраніемъ и такимъ образомъ поддерживалъ Изяслава. На это новгородскій епископъ Нифонтъ возразилъ: «въ законѣ нѣтъ, чтобы митрополита ставить епископамъ безъ патриарха», и, обратясь къ Клименту, присутствовавшему на соборѣ, сказалъ: «мы не станемъ тебѣ кланяться и не будемъ служить съ тобою; потому что ты не взялъ благословенія у св. Софіи и отъ патриарха; если же исправишься и примешь благословеніе отъ патриарха, то мы тебѣ повлонимся». Тогда Онуфрій отвѣчалъ: «я узналъ, что мы имѣемъ право поставитъ митрополита; мы можемъ поставитъ его главою св. Климента, которая находится у насъ, какъ ставятъ греки рукою св. Іоанна пред-

1) Ibid. III, 7.

2) Макарій, II, 6 и примѣч. 10.

3) Ibid. II, 9, 10.

4) Полн. собр. русск. лѣт. II, 29. (5)

течи. Епископы, обсудивъ предложеніе Онуфрія, согласились съ нимъ и 27 іюня поставили Климента митрополитомъ, главою св. Климента, папы римскаго. Но это избраніе не было единогласно. Шестъ епископовъ, — русскіе по происхожденію (черниговскій—Онуфрій, бѣлогородскій—Теодоръ, переяславскій—Евѣмій, юрьевскій—Даміанъ, владимірскій—Теодоръ, туровскій—Іоакимъ) согласились съ желаніемъ вѣжскаго князя; а три—родомъ греки, смоленскій—Мануиль, полоцкій—Косма, новгородскій—Нифонтъ) <sup>1)</sup> отказались отъ избранія безъ согласія патріарха. На соборѣ рѣшался вопросъ не объ избраніи только митрополита, который могъ-бы отправиться въ Константинополь за утвержденіемъ; а о томъ—имѣють-ли право русскіе епископы, помимо отношенія къ патріарху, сами поставить себѣ митрополита. И когда Нифонтъ предложилъ, чтобы Климентъ по крайней мѣрѣ послѣ избранія получилъ благословеніе у патріарха, то его обошли молчаніемъ. Климентъ остался вѣренъ желанію Изяслава, и до конца жизни не только не обращался къ патріарху за благословеніемъ, но и не сносился съ нимъ. Нифонтъ, напротивъ, сталъ высоко въ глазахъ патріарха. Послѣдній писалъ ему грамоты, въ которыхъ ублажалъ его и уподоблялъ святымъ за его подвигъ <sup>2)</sup>.

Но успѣхъ Изяслава зависѣлъ вполнѣ отъ тогдашнихъ политическихъ событій, т. е. отъ его собственнаго положенія на кievскомъ престолѣ. На сторонѣ Нифонта былъ соперникъ Изяслава—Юрій Долгорукій, князь суздальскій. Онъ съ честью принялъ у себя Нифонта, когда тотъ былъ въ Суздаль, по дѣламъ новгородцевъ. Это вѣроятно ободрило Нифонта. Онъ не сталъ поминать въ церкви Климента; за что былъ вызванъ въ Кіевъ и заключенъ въ Печерскій монастырь. Впрочемъ онъ не долго просидѣлъ въ заключеніи: въ 1149 г. Юрій взялъ Кіевъ и отпустилъ Нифонта въ Новгородъ; а Климентъ принужденъ былъ удалиться вмѣстѣ съ Изяславомъ во Владиміръ-Волинскій. Но когда Изяславъ снова занялъ Кіевъ—и Климентъ явился тутъ же. На этотъ разъ онъ оставался уже въ Кіевѣ и по смерти Изяслава (1154), при его пріемникѣ Ростиславѣ, пока не сдѣлался вел. княземъ Юрій

<sup>1)</sup> Макарій, III, 6, 9, примѣч. 15, 16; Зернинъ, Нифонтъ, еписк. новгород. въ Арх. историко-юридич. свѣд. о Россіи, II, 2-я полов., стр. 115.

<sup>2)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. II, 79; Никоновск., II, 96, 153.

Долгорукій (1155). Вскорѣ Юрій обратился въ Константинополь съ просьбою прислать новаго митрополита; а Климента изгналъ изъ Кіева вмѣстѣ съ дѣтьми Изяслава. Патріархъ немедленно поставилъ митрополитомъ—Константина. Это событіе было торжествомъ для защитниковъ правъ патріарха. Нифонтъ немедленно доехалъ въ Кіевъ, чтобы прѣвѣтствовать осуществленіе своихъ задушевныхъ желаній; но, недождавшись прѣзда Константина, скончался (1156). За то его встрѣтили другіе два грека, отстаивавшіе права константинопольскаго патріарха вмѣстѣ съ Нифонтомъ.

•Первымъ дѣломъ новаго митрополита вмѣстѣ съ епископами-греками было запрещеніе—всѣхъ, посвященныхъ въ духовныя должности Климентомъ, и отлученіе Изяслава. Впрочемъ отъ запрещенія онъ скоро разрѣшилъ, взявъ только запись съ посвященныхъ, что они не будутъ повиноваться Клименту. Событія мѣнялись вмѣстѣ съ лицами. Великій князь Юрій скончался въ 1158 г.; преемникъ его Изяславъ Давидовичъ—изгнанъ въ 1159 г. сыновьями Изяслава Мстиславича, которые предложили престолъ своему дядѣ Ростиславу смоленскому, правившему передъ тѣмъ. Но тогда Климентъ пользовался его покровительствомъ; а теперь Ростиславъ объявилъ племянникамъ, что онъ готовъ принять ихъ предложеніе, съ условіемъ—не признавать Климента митрополитомъ, потому что онъ не былъ утвержденъ патріархомъ. Очевидно—на него подѣйствовалъ смоленскій епископъ Мануилъ, противникъ Климента въ этомъ вопросѣ. Тогда одинъ изъ племянниковъ Ростислава—Мстиславъ рѣшительно заявилъ, что Константинъ не останется митрополитомъ, потому что онъ проклялъ его отца. Еще долго продолжался-бы этотъ споръ, еслибы ни прибѣгли къ среднему способу примиренія. Они рѣшили устранить обоихъ претендентовъ и просить у патріарха—назначить новаго митрополита. Константинъ, опасаясь Мстислава, удалился въ Черниговъ, къ тамошнему епископу Антонію, тоже греку, и вскорѣ умеръ, завѣщавъ выбросить свое тѣло за городъ, на сѣденіе собакамъ. Но на другой день черниговскій князь Святославъ, посовѣтовавшись съ епископомъ и приближенными людьми, велѣлъ похоронить его <sup>1)</sup>. Изъ Константинополя прибылъ митрополитъ Теодоръ, но онъ управлялъ не долго (1161—1163). Тогда Ростиславъ

<sup>1)</sup> Вообще см. въ Полн. собр. рус. лѣт. I, II, IV, V; Никоновск. лѣт. II, подъ соотвѣт. годами. Макарій, Исторія церкви, III, 5—15.

отправилъ посла къ патриарху съ просьбою—дать благословеніе Клименту; но тамъ, едва узнали о смерти Θεодора, немедленно назначили въ Кіевъ Іоанна IV. Это сильно раздосадовало Ростислава. Между тѣмъ желая задобрить вел. князя, изъ Константинополя прислали богатые дары. Онъ принялъ ихъ, но съ угрозою, что если еще оттуда будутъ назначать митрополитовъ безъ вѣдома великаго князя, то онъ не только не приметъ ихъ, но поставитъ неизмѣннымъ правиломъ избирать митрополита—русскимъ епископамъ<sup>1)</sup>. Дальнѣйшая судьба Климента Смолытича—неизвѣстна, а Ростиславъ умеръ въ 1166 г.

Въ этой борьбѣ вполне обрисовывается политика константинопольскаго правительства и значеніе грековъ, занимавшихъ въ Россіи высшія іерархическія мѣста. Въ политическомъ отношеніи это была вполне послѣдовательная система, посредствомъ которой въ Константинополь хотѣли имѣть вліяніе на Россію<sup>2)</sup>. Тамъ не довѣряли однимъ русскимъ, которые находились въ зависимости отъ своихъ князей, какъ это обнаружилось въ настоящемъ случаѣ, а потому старались имѣть на высшихъ мѣстахъ въ Россіи нѣсколько лицъ, связанныхъ съ Константинополемъ болѣе близкими интересами. Таковы были именно—греки<sup>3)</sup>. Они составляли прочный союзъ, надѣясь всегда пайти защитѣ и убѣжище у своихъ покровителей. Въ

1) Полн. собр. рус. лѣт. II, 92. Татищевъ, III, 142.

2) Такъ видно изъ сводной лѣтописи Татищева, II, 301.

3) Иногда эти лица не отличались даже нравственными качествами. Грекъ Николай купилъ полоцкое епископство у митрополита Никифора; Антоній, епископъ черниговскій, у котораго имѣлъ пристанище митр. Константинъ, извѣстенъ нарушеніемъ клятвы. Когда умеръ черниговскій князь Святославъ Ярославичъ, то его жена, дружина и епископъ рѣшили не извѣщать его соперника Святослава Всеволодовича, пока не пріѣдетъ сынъ Святослава черниговскаго—Олегъ. Для большаго обезпеченія они рѣшили принести клятву передъ образомъ Спаса. Тисяцкій объявилъ, что епископу не прилично давать клятву, тѣмъ болѣе, что онъ любитъ своихъ князей. Но Антоній поцѣловалъ образъ первый, сказавъ при этомъ: «я для того свидѣтельствуюсь передъ вами, чтобы мнѣ никакимъ образомъ неизвѣщать Святослава; но вы не погубите своихъ душъ и не будьте предателями, какъ Іуда». Однако первый далъ знать Святославу, написавъ ему, что уже послали за Олегомъ, но дружина разставлена далеко по городамъ; всѣ въ смущеніи; у княгини много товара; а, пока пріѣдетъ Олегъ, съ нимъ можно будетъ заключить выгодное условіе. Дѣйствительно, Святославъ поспѣшилъ и Олегъ долженъ былъ уступить ему Черниговъ. Но для насъ заслуживаетъ вни-

главахъ русскаго общества, привыкшаго видѣть въ Константинополь религіозный центръ, казались даже неестественнымъ вести церковныя дѣла безъ участія патріарха; поэтому для многихъ Нифонтъ представлялся не только ревнителемъ вѣры, но и поборникомъ русской земли <sup>1)</sup>. Противодѣйствіе вліянію византійскаго правительства могло проявиться только тамъ, гдѣ столкновенія были неминуемы, т. е. со стороны свѣтской власти. Отсюда и началось дѣло; но непрочность самой власти и соперничество князей, противодѣйствовавшихъ возвышенію другъ друга, и потому нерѣдко поддерживавшихъ то, чему они сами не сочувствовали, были и здѣсь главною причиною неудачи. Благоприятный исходъ сдѣлался возможнымъ при другихъ обстоятельствахъ. Въ скоромъ времени константинопольскому патріарху стали грозить новыя смуты. Андрей Боголюбскій, стремясь къ образованію самодержавнаго княжества на сѣверѣ Россіи, хотѣлъ сдѣлать его самостоятельнымъ и въ церковномъ управленіи. Съ этою цѣлью онъ отправилъ посольство къ патріарху Лукѣ Хрисовергу, съ просьбою устроить во Владимірѣ особую митрополию. Но патріархъ не согласился на томъ основаніи, что въ Россіи съ самаго начала положено быть одному митрополиту—кіевскому; а правила апостоловъ и отцовъ церкви запрещаютъ нарушать предѣлы епархій. Но въ этомъ случаѣ повредили Андрей—посоль кіевскаго митрополита Феодора, бывший въ это время въ Константинополь; епископъ ростовскій Несторъ, изгнанный Андреемъ и искавній суда въ Константинополь, въ епархіи котораго находился Владиміръ, и наконецъ самый взглядъ патріарховъ на раздѣленіе митрополіи, о которомъ мы скажемъ ниже. Получивъ отказъ, Андрей сталъ хлопотать о томъ же, что было причиною смуть при Изяславѣ. Онъ отправилъ на кіевскій соборъ (1168) посольство съ предложеніемъ ли-

маніе собственное заключеніе лѣтописца о поступкѣ Антонія: »Епископъ, говоритъ онъ, приносилъ клятву, тая лезть въ себѣ: *потому что родомъ былъ грекъ*«. Стоитъ при этомъ припомнить замѣчаніе другаго древняго лѣтописца: »греки лстивы до сего дня«, чтобы понять, какое мнѣніе составилось о византійской политикѣ—у лицъ, вникавшихъ въ дѣло. Полн. собр. рус. лѣт. I, 165; II, 92, 127. Первый епископъ изъ русскихъ поставленъ въ 1036 г. (Лука Жидата). Во второй половинѣ XII в. почти одновременно было пять епископовъ грековъ; даже въ XIV в., при большей самостоятельности русской церкви, встрѣчается нѣсколько епископовъ—грековъ. Макарій, II, 12; III, 9, 10; IV, 303.

<sup>1)</sup> Полн. собр. рус. лѣтоп. II, 79; Никонов. лѣтоп. II, 96, 153.

шить митрополиі Константина, которымъ были недовольны, а на его мѣсто поставить новаго—соборомъ русскихъ епископовъ, причемъ вообще разсудить, какъ много происходитъ вреда и убытковъ для Россіи отъ власти надъ нею патріарховъ. Можетъ быть этимъ путемъ Андрей думалъ достигнуть осуществленія прежняго намѣренія—отдѣлить Владиміръ отъ подчиненія кievскому митрополиту; но Мстиславъ кievскій, изъ опасенія смуть, не согласился съ предложеніемъ Андрея и потому это дѣло не состоялось <sup>1)</sup>).

Почему же въ Константинополѣ не сочувствовали раздѣленію, котораго добивался Андрей? Свой взглядъ на этотъ вопросъ патріаршій соборъ выразилъ при поставленіи митрополита Кипріана (XIV в.). «Такъ какъ свѣтской власти въ Россіи въ одномъ лицѣ сосредоточить было нельзя, говорится въ его опредѣленіи, то святые отцы собора установили одну дужовную». Поэтому, когда кievские митрополиты перенесли свое мѣстопробываніе въ сѣверную Россію, а князья литовскіе старались приобрѣсть для южной Россіи самостоятельнаго митрополита, то въ Константинополѣ всѣми способами старались воспрепятствовать этому, такъ какъ легче было вліять *черезъ одного человека* <sup>2)</sup>. Но раздѣленіе все-таки совершилось. Когда южная Россія вошла въ составъ отчасти Литовскаго княжества, отчасти Польскаго королевства, тамошнія правительства смотрѣли подозрительно на пребываніе митрополита въ Москвѣ, который могъ оказывать вліяніе на ихъ подданныхъ; особенно это было неприятно князьямъ литовскимъ, постоянно борющимся съ Москвою. И потому, какъ польское, такъ и литовское правительства принялись хлопотать въ Константинополѣ объ утвержденіи для своихъ областей особыхъ митрополитовъ. Сначала въ Константинополѣ отказываютъ; но, вынужденные угрозами о прекращеніи связи и опасности греческому исповѣданію со стороны латинскаго, допускаютъ раздѣленіе: тогда являются въ Россіи два (митр. Алексѣй въ Москвѣ и Ромая въ Литвѣ) и даже три митрополита (Алексѣй въ Москвѣ, Антоній галицкій, по настоянію Казимира, и Кипріанъ литовскій, по настоянію Ольгерда). Въ обоихъ случаяхъ однако признаніе авторитета константинопольскаго патріарха было сохранено. Впрочемъ, допуская вынужденное раздѣленіе, патріархи, при удобномъ случаѣ, стараются

1) Макарій, III, 16—18.

2) Митрополитъ Кипріанъ, въ Правосл. собесѣд. 1862, январь, 4.



установить прежнее единство (при митр. Киприанѣ, Фотіѣ). По смерти Киприана, литовскій князь Витовтъ опять настаивалъ на посвященіи отдѣльнаго митр. въ Литву и, несмотря на то, что для этой цѣли онъ избралъ грека Θεодосія, въ Константинополь назначили одного митрополита—Фотія (1408), тоже грека, который отправился въ Москву. Недовольный такимъ исходомъ дѣла, Витовтъ выразилъ свое неудовольствіе патриарху на Фотія и два раза хлопоталъ о назначеніи въ Литву Григорія Цамвлака, и когда тамъ не думали выполнять его просьбы, онъ заставилъ русскихъ епископовъ Литвы избрать Цамвлака безъ участія константинопольскаго патриарха. Тогда московскій митрополитъ Фотій отлучилъ Григорія и епископовъ, избравшихъ его, и запретилъ имѣть съ ними сообщеніе не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и въ пищѣ. Фотій былъ строгимъ защитникомъ правъ константинопольскаго патриарха на русскую церковь. Въ своихъ окружныхъ посланіяхъ по Россіи онъ проводитъ мысль, что единственный источникъ вѣры—естъ константинопольская церковь, изливающая ее на Россію посредствомъ *одного митрополита*, которому обязаны повиноваться всѣ князья, епископы, духовенство и народъ <sup>1)</sup>. Смерть Цамвлака опять соединила русскую церковь въ одномъ лицѣ—Фотіѣ.

Въ эпоху раздѣленія Россіи и стремленія въ ней къ самостоятельному избранію лицъ на митрополитскій престолъ, въ Константинополь особенно заботились о сохраненіи вліянія. Тамъ не только спѣшили назначеніемъ своихъ кандидатовъ (вмѣсто предложеннаго Θεодора—Θεогноста, вмѣсто Іоны—Исидора); но даже непризнавали иного способа назначенія. Въ актѣ (1354) возведенія въ митрополиты Алексѣя, рекомендованнаго изъ Москвы, сказано: *«хотя не дозволено назначать въ митрополиты кого-нибудь не изъ Константинополя, но на этотъ разъ для епископа Алексѣя сдѣлано исключеніе въ уваженіе свѣдѣтельства вел. князя и покойнаго митрополита»* <sup>2)</sup> (грека Θεогноста, который взялъ его въ себѣ для управленія митрополитскимъ дворомъ и у котораго онъ даже научился греческому языку) <sup>3)</sup>. А вновь назна-

<sup>1)</sup> Акты историч. I, № 19, 40. Полн. собр. русск. лѣт. IV, 116.

<sup>2)</sup> Архивъ истор. юрид. свѣд. о Рос. II, Учрежд. патриарш. 14.

<sup>3)</sup> Митрополитъ Алексѣй, въ Твор. св. отцовъ, прибавл. годъ VI, кн. I, 94. Назначеніе не изъ Константинополя патриархъ считалъ даже опаснымъ для церкви и потому запретилъ на будущее время слѣдовать этому примѣру. Acta Patriarchata Constantinopol. I, 336—338.

чаемые епископы, въ своемъ «исповѣданіи», обязывались «не принимать много митрополита, кромѣ поставляемаго изъ Константинополя»<sup>1)</sup>—очевидное огражденіе противъ прежнихъ примѣровъ избранія митрополита русскими епископами.

Но въ это время Византія явно клонится къ упадку, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступаетъ бѣдственное положеніе для константинопольскаго патріарха. Уже Андрей Боголюбскій представлялъ кievскому собору объ убыткахъ, какіе происходили для Россіи отъ назначенія митрополитовъ въ Константинополѣ. При посвященіи лица, предлагаемаго изъ Россіи, приходилось удовлетворять въ Константинополѣ тѣхъ, отъ кого зависѣло веденіе дѣла; а митрополиты-греки вѣроятно передавали туда часть своихъ доходовъ<sup>2)</sup>. Мы видѣли въ какомъ разстроенномъ положеніи были финансы Византіи. Съ конца XIV в. она начинаетъ платить дань туркамъ, а императорская фамилія поступаетъ на содержаніе французскаго правительства. Въ такое время сохраненіе вліянія на Россію было особенно необходимо для византійскаго правительства. Въ Россію постоянно приходили съ востока духовныя лица за милостынею и особенно богатые дары доставались на долю константинопольскаго патріарха. Послѣдній иногда лично относился къ русскимъ митрополитамъ съ просьбою содѣйствовать собранію пожертвованій, и въ этомъ случаѣ особенное участіе оказывали лица, присланные изъ Константинополя (Кирианъ, Фотій). Въ 1398 г. много серебра было отослано въ Константинополь отъ великаго князя Василія Дмитріевича, Михаила тверскаго, Олега рязанскаго, Витовта литовскаго, отъ монастырей, духовенства, купцовъ и народа, за что оттуда прислали иконы и мощи<sup>3)</sup>. Такимъ образомъ русская митрополія обратилась въ сильную поддержку для константинопольскаго двора. Западно-русскіе епископы, при возведеніи Григорія-Цамвлака въ митрополиты (1416), открыто заявляли, что въ Константинополѣ ставятъ митрополитомъ того, кого велитъ императоръ<sup>4)</sup>. Постоянная смѣна митрополитовъ въ Рос-

<sup>1)</sup> Акты историч. I, № 19; Акты экспедиціи, I, № 170, 175, 370.

<sup>2)</sup> На это указываетъ Витовтъ, желавшій имѣть своего митрополита потому, что императоръ и патріархъ продаютъ митрополію тому, кто обѣщаетъ посылать имъ доходы. Акты запад. Россіи, № 25. Пр. Маркарій признаетъ его отзывъ справедливымъ. V, 285.

<sup>3)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. IV, 228; VI, 147; VIII, 71; Никонов. IV, 272.

<sup>4)</sup> Акты запад. Россіи, I, № 24.

сія за этотъ періодъ (отъ митр. Петра—до Іоны), пизведепіе однихъ, избраніе другихъ и совмѣстное назначеніе нѣсколькихъ — свидѣтельствуютъ, что въ Константинополѣ боролись разные интересы. Изъ существующихъ данныхъ оказывается, что многіе изъ нихъ принуждены были, для достиженія цѣли, прибѣгать къ подкупамъ, а за незмѣнимъ средствъ, занимать въ Константинополѣ большія суммы въ счетъ будущихъ благъ (Романъ, Пимень, Кипріанъ, Діонисій, архіепископъ Θεодоръ)<sup>1)</sup>; вотъ почему съ ихъ стороны въ послѣдствіи возникали настоячивыя требованія пошлнпъ и дани (Кипріанъ). Въ Москвѣ сознавали, что успѣха въ Константинополѣ можно достигнуть такимъ путемъ, и потому, когда Димитрій Донской отправлялъ туда для посвященія своего любимца Митяя, то вручилъ ему нѣсколько бланковъ, скрѣпленныхъ княжескою печатью на случай, еслибы ему пришлось прибѣгнуть къ займамъ. Смерть помѣшала Митяю достигнуть цѣли. Но княжескими грамотами воспользовался одинъ изъ его спутниковъ—архимандритъ Пимень. Пр. Макарій справедливо сомнѣвается, чтобы въ Константинополѣ не знали обмана<sup>2)</sup>, и однако Пимену удалось получить митрополию. Онъ съ своими сторонниками—боярами, бывшими въ свитѣ Митяя, занялъ, на имя великаго князя, у восточныхъ и итальянскихъ купцовъ до 20,000 руб. серебромъ, чтобы раздать кому слѣдуетъ. Всѣ деньги и богатые дары были розданы, и однако едва могли они удовлетворить всѣхъ<sup>3)</sup>. Въ іюнѣ 1380 г. Пимень былъ провозглашенъ митрополитомъ всей Россіи патріаршимъ соборомъ, а Кипріану предложены были Литва и Малая Россія. Конечно такой поступокъ Пимена не могъ говорить въ его пользу, тѣмъ болѣе что тогда ходили разные слухи о смерти Митяя, и потому назначеніе Пимена было только началомъ новыхъ смуть и неудовольствій въ Москвѣ; а подобныя рѣшенія въ Константинополѣ все болѣе возбуждали сомнѣнія въ законности существующихъ отношеній<sup>4)</sup>. Но тамъ мало обращали вниманія на это. Наканунѣ Флорентійскаго собора патр. Іосифъ рассууж-

1) Ibid. и Макарій, V, кн. II, 297, 299; IV кн. I, 41.

2) Макарій, IV, кн. I, 69.

3) Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 31, 32; Никонов. лѣт. IV, 75, 76.

4) Назначивъ уже двухъ митрополитовъ (Кипріана и Пимена), патріархъ Нилъ, съ согласія императора, рѣшился поставить третьяго—Діонисія, который, какъ полагаютъ, достигъ этого обычнымъ путемъ—подарками и деньгами. Макарій, IV, кн. I-я, 73, 74.

далъ съ своими приближенными о томъ, какъ хорошо было-бы созвать соборъ не въ Италіи, а въ Константинополѣ. Главное затрудненіе заключалось въ финансовыхъ средствахъ, необходимыхъ для содержанія западныхъ богослововъ, на что потребовалось-бы до 100,000 аспровъ. Интересна раскладка этой суммы на членовъ восточной церкви, которую предлагалъ собрать патріархъ. Архіепископы грузинскій и сербскій, по его мнѣнію, могли-бы внести по 20,000 аспровъ; восточные патріархи по 2,000 или по крайней мѣрѣ по 1,000 флориновъ; изъ богачей константинопольскаго патріархата—одни 1,000, другіе 600, иные 300 и 100 аспровъ; но одинъ русскій митрополитъ могъ-бы привезти всю сумму (т. е. 100,000 аспровъ<sup>1</sup>). »Отсюда можно заключать, справедливо замѣчаетъ пр. Макарій, что русская митрополія считалась богатѣйшею изъ всѣхъ митрополій и епархій вселенскаго патріарха, и что отъ русскихъ митрополитовъ въ Константинополѣ привыкли ожидать огромныхъ приношеній и пожертвованій. *Не здѣсь-ли скрывается самая тайная, но и самая главная причина, почему патріархи такъ долго и такъ упорно держались обычая назначать въ Россію митрополитовъ—грековъ, изъ числа своихъ приближенныхъ?»<sup>2</sup>)*

Планъ Іосифа не состоялся; соборъ былъ созванъ въ Италіи. Византійское правительство хлопотало, главнымъ образомъ, объ уніи съ западною церковью, чтобы съ помощію ея сохранить остатки своей имперіи. Но для полнаго успѣха уніи необходимо было участіе представителя русской церкви; а потому во главѣ ея слѣдовало поставить такое лицо, которое сообразовалось-бы съ видами византійскаго правительства. Такимъ оказался Исидоръ. Онъ былъ присланъ въ Москву, не смотря на ходатайство вел. князя о рязанскомъ епископѣ Іонѣ. Вскорѣ по приѣздѣ своемъ въ Москву, Исидоръ отправился на соборъ, принялъ унію и явился въ Россію съ цѣлію распространить ее здѣсь. Это окончательно возбудило русскихъ противъ дѣйствій константинопольской политіи, и Исидоръ принужденъ былъ бѣжать въ Римъ. Онъ былъ послѣднимъ митрополитомъ, избраннымъ и назначеннымъ въ Константинополѣ. Его дѣло послужило предлогомъ порвать всякую зависимость отъ константинопольскаго патріарха. Пренній претендентъ на митрополитскій престолъ—Іона былъ избранъ только соборомъ рус-

<sup>1</sup>) Исторія Флорент. собора. Москва, 1847. 23—24.

<sup>2</sup>) Макарій, V, кн. II, 286.

скихъ епископовъ; хотя потомъ было испрошено ему благословеніе у патріарха, а въ Москвѣ считали необходимымъ объяснить, что его избраніе совершилось не изъ дерзости и гордости, а по нуждѣ; общая при этомъ извѣщать о всемъ патріарха. Такъ трудно было отрѣшиться отъ зависимости, установившейся вѣками! Стараясь сохранить съ патріархомъ мирныя отношенія, вел. князь опирался собственно на два довода противъ поставленія митрополитовъ въ Константинополѣ—опасность пути отъ турокъ и неудобство совѣщаться о политическихъ дѣлахъ съ митрополитами-греками, съ которыми приходилось говорить черезъ переводчиковъ <sup>1)</sup>. Видя настойчивость и рѣшительный шагъ со стороны московскаго правительства, патріархъ далъ русскимъ епископамъ право поставлять митрополита, сдѣлавъ его притомъ первымъ послѣ патріарховъ <sup>2)</sup>

Власть патріарховъ надъ Россіею ослаблялась постепенно: раздѣленіемъ русской митрополии, стремленіемъ московскихъ князей имѣть самостоятельныхъ митрополитовъ и политическимъ паденіемъ Византіи. Со времени ея завоеванія (1453), въ Константинополѣ усилилась борьба партій, имѣвшихъ вліяніе на избраніе патріарховъ (соперничество константинопольскихъ и трапезунтскихъ грековъ). Участіе императоровъ въ этомъ дѣлѣ перешло теперь на турецкихъ султановъ, которые хотѣли имѣть черезъ патріарховъ политическое вліяніе. Въ 1474 г. въ Константинополѣ, по повелѣнію султана, для Россіи былъ поставленъ митрополитомъ — Спиридонъ; но его не приняли ни въ Литвѣ, ни въ Москвѣ <sup>3)</sup>. Вѣроятно въ слѣдствіе этого въ «исповѣданіе» епископовъ была внесена клятва не принимать митрополитовъ не только изъ Рима, но даже изъ Константинополя, потому что онъ находится въ рукахъ турокъ. При этомъ поставляемый обизывался—не признавать раздѣленія русской церкви и уніи Исидора, и во всемъ слѣдовать митрополиту, назначенному отъ вел. князя московскаго <sup>4)</sup>.

1) Акты историч. I, № 39, 41. Въ первый разъ грамота была послана въ 1441 г., но не дошла до Константинополя; а потому послана второй разъ въ 1448 г., на имя Константина Палеолога.

2) Дополн. къ истор. акт. II, № 76.

3) Карамзинъ, VI, стр. 629.

4) «Отрицаюся и проклинаю Григорія Цамвлагова раздранія, якожь и есть проклято. Такожде отрицаюся Исидорова къ нему приобщенія, и ученика его Григорія раздирателя и ихъ позволенія и соединенія

Послѣ разрыва для константинопольскихъ патриарховъ не оставалось никакихъ средствъ вліять на Россію, а между тѣмъ турецкое владычество для нихъ было крайне обременительно. При своемъ избраніи они обязывались уплатить извѣстную сумму (1000 — 3000 червонцевъ) въ султанскую казну, причемъ еще необходимо было раздать значительные подарки приближеннымъ султана. За невзносъ плати ихъ подвергали низверженію. Исторія византійской церкви того времени наполнена подобными примѣрами. Со временемъ дань патриарха раздѣлилась на единовременный взносъ (*λεσχίσων*) и постоянный (*χοράζων*), которые постепенно увеличивались <sup>1)</sup>. Въ такое время важною поддержкою для патриарха могла-бы служить помощь Россіи; но отсюда шла только ежегодная милостыня <sup>2)</sup>, которую притомъ иногда приходилось выпрашивать въ видѣ подаянія. Весьма естественно, что въ такомъ положеніи могла возникнуть въ Константинополѣ мысль о возстановленіи прежняго вліянія на Россію. Этотъ путь казался наиболѣе удобнымъ для достиженія другой цѣли — изгнанія турокъ, о которомъ тогда хлопотали и на западѣ. Выразителемъ этихъ стремленій въ XVI вѣкѣ явился въ Россіи Максимъ Грекъ. Отправляя его въ Москву, въ замѣнъ другаго переводчика, о которомъ писалъ Василій Іоанновичъ, патриархъ Θεοφιλης, въ посланіи къ митр. Варлааму, изобразивъ бѣдствія греческой церкви, просилъ «поспѣшить ей на помощь *δύλωμ* и *σλωμ*» <sup>3)</sup>. Максимъ Грекъ, по пріѣздѣ въ Россію, принялся также хлопотать въ защиту византійскихъ интересовъ. Онъ побуждалъ вел. князя на рѣшительную борьбу съ турками во имя релігіозныхъ и политическихъ интересовъ. Освобожденіе греческой церкви отъ «безбожныхъ агарянъ» — онъ выставялъ какъ дѣло во славу Бога и упрекалъ русскихъ за равнодушіе къ нему; а чтобы болѣе успѣть въ этомъ, — онъ

въ латинству, со ними же и Спиридона, нарицаемаго Сатана, взыскавшаго въ цариградѣ поставленія, въ области безбожныхъ турковъ поганаго царя; такожде и всѣхъ тѣхъ отрицающъ, еже по немъ когда случится пріити въ Кіевъ отъ Рима, латинскаго или отъ Царьграда турецкія державы» и т. д. Твор. св. отц. годъ VI, кн. I, 158, примѣч.

<sup>1)</sup> Philippi Cyprii magnae ecclesiae Const. protonotarii Chronic. Eccles. Graec. p. 346, 379, 364.

<sup>2)</sup> La religion des Moscovites en 1525, par Jean Faber. 1860. Paris pag. 8.

<sup>3)</sup> Акты историч. I, № 121.

старался внушить Василію Іоанновичу мысль о возможности образованія новой Византійской имперіи во главѣ одного изъ родственниковъ великаго князя <sup>1)</sup>. Но, дѣйствуя въ пользу политической самостоятельности Византіи, онъ не забывалъ и интересовъ константинопольскаго патріарха. Онъ старался устранить предрасудокъ, что отъ константинопольскаго патріарха не слѣдуетъ принимать митрополитовъ потому только, что онъ находится въ области невѣрныхъ; указывая въ опроверженіе этого на древнюю церковь, которая сіяла, какъ солнце, хотя и находилась подъ властью гонителей. Далѣе, выходя изъ той мысли, что «священство выше царства», потому что патріархъ венчаетъ и утверждаетъ царей, Максимъ Грекъ заключаетъ: «хотя и изгнаны греческіе цари, но духовно царствующій не отвергнуть отъ Бога, а потому, какъ похвально отрицаться еретичествующихъ папъ, такъ неспасательно и заслуживаетъ укора отлучаться отъ православныхъ архіереевъ» <sup>2)</sup>. Такъ писалъ Максимъ Грекъ въ отдѣльномъ сочиненіи, посвященномъ этому вопросу. Но гораздо рѣче развивалъ онъ свою мысль въ частныхъ бесѣдахъ. Посвященіе русскихъ митрополитовъ, безъ благословенія константинопольскаго патріарха, онъ называлъ беззаконнымъ и произвольнымъ дѣломъ, и приписывалъ это гордости русской іерархіи. Онъ разыскивалъ ту грамоту, которою константинопольскій патріархъ утвердилъ самостоятельность русской церкви, но, по его словамъ, не могъ найти ее, хотя она сохранилась до сихъ поръ <sup>3)</sup>. На соборѣ Максимъ Грекъ подтвердилъ эти показанія и, подъ вліяніемъ сознанія правоты своего дѣла, вполне высказалъ свои задушевные стремленія. Новый порядокъ церковнаго управленія въ Россіи онъ называлъ «еретическимъ мятежемъ и расколомъ», Россію—Вавилономъ; а русскихъ сравнивалъ съ жидами, еретиками, и дровомъ, неприносящимъ плода. Въ сознаніи такой виновности Россіи и гордости русскихъ, не признававшихъ авторитета константинопольскаго патріарха, онъ плакалъ на соборѣ «плачемъ Іереміи на рѣкѣ вавилонской» <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Сочин. Максима Грека, т. I, слово VII, томъ II, 318.

<sup>2)</sup> Сочин. Максима Грека, III, сл. XXII.

<sup>3)</sup> Судное дѣло Максима Грека въ Чтеніи Моск. общ. истор., 1847, года № VII, Граммата патріарха напеч. въ Дополн. къ истор. акт. II, № 76.

<sup>4)</sup> Дѣло Максима Грека.

Но осуществленіе плановъ Максима Грека было немислимо въ Россіи. Осторожная политика московскихъ князей не слишкомъ поддавалась на невѣрныя предложенія о завоеваніи Константинополя и образованія новой имперіи, подъ управленіемъ одного изъ московскихъ князей. Въ то время турки были еще слишкомъ грозны и заставляли задумываться даже на западѣ; тѣмъ болѣе завоевательное предпріятіе неосуществимо было для одной Россіи, что и показали послѣдующія событія. Но въ этомъ вопросѣ Максимъ Грекъ по крайней мѣрѣ льстилъ самолюбію московскаго князя. Другой же вопросъ не имѣлъ за собою и такого достоинства. Онъ прямо обнаружилъ въ Максимѣ Грекѣ представителя византійской партіи, къ которой относили проживавшихъ тогда въ Россіи афонскихъ грековъ <sup>1)</sup>. Да и незачѣмъ было отказываться отъ того, что достиглось рядомъ долгихъ усилій. Безусловная независимость московскаго князя требовала такой же независимости отъ посторонняго вліянія русской іерархіи. Слѣдовательно мысль Максима Грека не могла понравиться ни московскому правительству, ни русскому духовенству, и потому на судѣ, поднятомъ противъ него въ 1531 г., его старанія въ пользу константинопольскаго патріарха составляли одинъ изъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ <sup>2)</sup>. Такъ неудачна была попытка со стороны защитниковъ византійскихъ интересовъ возстановить прежнее вліяніе Византіи на Россію. Впрочемъ и въ послѣдствіи въ важныхъ вопросахъ (принятіе царскаго титула Іоанномъ Грознымъ, учрежденіе патріаршества при Феодорѣ Іоанновичѣ) въ Москвѣ считали необходимымъ обращаться къ авторитету константинопольскаго патріарха; но они возникали по инициативѣ московскаго правительства и по своей новизнѣ требовали освященія оттуда, гдѣ первоначально существовали; тѣмъ болѣе, что религіозная связь съ восточными патріархатами поддерживалась постоянно. +

Въ теченіе продолжительнаго періода непосредственной зависимости Россіи отъ Византіи (998—1448) въ церковномъ отношеніи, византійское правительство постоянно стремилось утвердить за собою политическое вліяніе на Россію. Русскіе митрополиты обязаны были каждыя два года являться въ Константинополь и отдавать отчетъ въ своемъ управленіи; а если болѣзнь или другія обстоятельства мѣшали

<sup>1)</sup> Судное дѣло Максима Грека, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № VII.

<sup>2)</sup> Ibid.



этому, то они должны были прислать отъ себя довѣренныхъ лицъ <sup>1)</sup>. Въ лицѣ константинопольскаго патріарха сосредоточивался верховный судъ надъ русскими митрополитами и епископами, и патріархъ въ тѣхъ случаяхъ вызывалъ ихъ въ Константинополь или, для производства слѣдствій, посылалъ отъ себя въ Россію уполномоченныхъ лицъ <sup>2)</sup>. Патріархъ бралъ на себя разбирательство жалобъ духовенства на святскую власть и не всегда рѣшалъ ихъ въ пользу послѣдней <sup>3)</sup>; къ нему же поступали для разъясненія сомнительные вопросы изъ области канонической (напр. о бракѣ ярославскаго князя Теодора на дочери татарскаго князя Менгу-Темпра) <sup>4)</sup>. Но при этомъ константинопольскіе патріархи старались установить зависимыя отношенія и къ византійскимъ императорамъ. Такъ, въ Россіи существовалъ обычай при церковномъ богослуженіи упоминать имена послѣднихъ, и когда вел. князь Василій Дмитриевичъ запретилъ это, сказавъ митрополиту: «мы имѣемъ церковь, но цари не имѣемъ», то патріархъ отправилъ къ вел. князю строгое посланіе съ убѣжденіемъ исправиться и по прежнему чтить царя и патріарха. «И, пишетъ онъ тамъ, какъ общій учитель всѣхъ христіанъ, необходимымъ считаю, если только гдѣ слышу о чемъ либо, допущенномъ тобою, вредномъ для души твоей, писать тебѣ, и пишу, какъ отецъ и наставникъ, съ увѣщаніемъ и убѣжденіемъ, да исправишь это. А ты, какъ христіанинъ и сынъ церкви, обязанъ исправить. Отчего ты неуважаешь меня, патріарха, и не отдавая должной чести, какую воздавали твои предки, великіе князья, не почитаешь не только меня, но и людей, которыхъ я посылаю къ вамъ, и которые не получаютъ ни чести, ни мѣста, всегда и вездѣ принадлежавшихъ патріаршимъ людямъ? Неужели не знаешь, что патріархъ носитъ образъ Христа и имъ поставляется на владычній престолъ? Ты не уважаешь не человѣка, но самого Христа, потому что воздающій честь патріарху почитаетъ самого Иисуса Христа. Пусть мы не пользуемся мірскою властью; но христіанство владычествуетъ повсюду, и намъ принадлежитъ та самая честь, которую имѣли апостолы и ихъ преемники... Поэтому, сынъ мой, пишу, убѣждаю и совѣтую благородству твоему, чтобы ты почи-

<sup>1)</sup> Acta Patriarch. Constantinopol. I, 339.

<sup>2)</sup> Макарій, IV, кн. I, 18, 43, 74.

<sup>3)</sup> Макарій, III, 17.

<sup>4)</sup> Ibid. V, 303.

такъ, какъ самого Христа, такъ и патріарха, а вмѣстѣ и слова его, граммати, указанія и людей, которыхъ онъ посылаетъ. Это я обязанъ возвѣстить и внушить благородству твоему; а ты, какъ сынъ церкви, обязанъ послушаться и исправиться. Кромѣ того я слышу нѣкоторыя слова, которыя произносятъ благородство твое о державнѣйшемъ и благочестивомъ самодержцѣ моемъ и царѣ, и скорблю, что ты возбранаешь, какъ говорятъ, митрополиту поминать божественное имя царя на зятеніяхъ: это дѣло не бывало! Царь, какъ царь святой, имѣетъ большое значеніе въ церкви; онъ не такой царь, какъ другіе начальники и мѣстные правители.... Царь имѣетъ такую власть надъ всѣми, что и сами латины, неимѣющие никакого общенія съ нашею церковью, воздаютъ ему ту же самую честь и тоже самое уваженіе, какое оказывали въ прежнія времена, когда были съ нами въ единеніи; тѣмъ болѣе православные христіане обязаны оказывать ему это. А изъ-за того, что народы языческіе стѣснили державу царя, христіанамъ отнюдь не слѣдуетъ презирать его.... И такъ очень нехорошо, сынъ мой, что ты говоришь: «церковь имѣемъ, а царя не имѣемъ». *Невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть. Царство и церковь имѣютъ между собою тѣсное единеніе и общеніе, и невозможно отдѣлять одно отъ другаго.* Христіане отвергаютъ только царей-еретиковъ, которые неистовствовали противъ церкви и вводили догматы, извращенные и чуждые ученію апостольскому и отеческому. Но державнѣйшій и благочестивый мой самодержецъ, по благодати божіей, есть православнѣйшій, вѣрнѣйшій поборникъ церкви, защитникъ и блюститель ея, и невозможно, чтобы нашелся такой архіерей, котырый бы не поминалъ его. Послушай верховнаго апостола Петра, который говоритъ: «Бога бойтесь, царя чтите!» Не свазалъ: *царей*, чтобы это не подумалъ объ именуемыхъ царяхъ отдѣльно у каждаго народа, но *царя*, показывая тѣмъ, что одинъ есть каеолческій царь. Какого же это царя? конечно нечестиваго, который былъ въ то время и преслѣдовать христіанъ. Но святой апостоль, провидя въ будущемъ, что христіане будутъ имѣть и единаго царя, повелѣваетъ чтить даже нечестиваго царя, дабы они научились изъ того, какъ должно почитать царя благочестиваго и православнаго<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Acta Patriarch. Constantinopol. II, 182—192. Маварій, V, приложеніе XI.

Изъ этого видно, что въ Константинополѣ уменьшеніе императорскаго авторитета въ глазахъ московскаго правительства считали тѣсно связаннымъ съ ослабленіемъ вліянія константинопольскаго патріарха; а потому въ востановленіи одного видѣли успѣхъ другого. Вотъ почему борьба противъ такого вліянія возникала въ Россіи каждый разъ, когда во главѣ ея управленія стояли болѣе самостоятельныя личности. Съ возвышеніемъ Московскаго княжества прекращается и господственное отношеніе Византіи къ Россіи.

(Но въ то время, когда Россія подчинилась вліянію Византіи, она едва выступила на историческій путь; ея развитіе, какъ страны, которая начинала свое политическое существованіе, далеко уступая вполнѣ образовавшемуся государству, какъ Византійская имперія, политическія формы которой сдѣлялись образцомъ для всѣхъ средневѣковыхъ государствъ, о чемъ хлопотали государи, духовенство и юристы. Исключеніе составляетъ только Англія, гдѣ византійское законодательство проникло въ одни церковныя суды или служило пособіемъ въ такихъ случаяхъ, когда въ германскихъ законахъ не встрѣчалось соотвѣствующаго рѣшенія <sup>1)</sup>). При слабости политическаго элемента въ Россіи, на первыхъ порахъ, естественно долженъ былъ получить громадное значеніе авторитетъ духовный. Между тѣмъ, какъ политическія формы государства только начали развиваться, во главѣ общества стало духовенство, единственное, вполнѣ сформировавшееся, сословіе, съ своими преданіями и строго опредѣленными цѣлями. Преобладаніе греческаго элемента въ высшей іерархіи еще болѣе способствовало утвержденію византійскихъ началъ. Представители греческой церкви, говоритъ Балаховъ, вмѣстѣ съ своими учениками изъ болгаръ, съ самаго начала являются къ намъ въ довольно значительномъ количествѣ и образуютъ особое сословіе, увеличивающееся постепенно съ присоединеніемъ къ нимъ мало-по-малу новыхъ органовъ церкви изъ числа туземныхъ жителей, ими воспитанныхъ и наученныхъ правиламъ вѣры. Это сословіе рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ сословій древней Россіи и стоитъ высоко надъ ними. Возросшее въ догматахъ византійской церкви, утвержденныхъ неподвижно канонами апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ, основательно изучившее свѣтское, подробно развитое, право своего первобытнаго отечества въ той степени, какъ

1) Шлоссеръ, V, 9.

это было ему нужно для отношеній его къ гражданской власти, оно естественно должно было принести съ собою глубокое сознаніе о своихъ достоинствахъ и твердую волю неизмѣнно содержать и въ нашемъ отечествѣ свои уставы, а потому и развивать ихъ<sup>1)</sup> въ томъ же духѣ и сообразно византійскому праву, которымъ оно было напитано. Но — при этомъ возрѣніи, что встрѣтило оно въ томъ народѣ, въ той странѣ, гдѣ ему суждено было отнынѣ жить и дѣйствовать? Не болѣе, какъ самые сомнительные начатки гражданственности: въ сферѣ государственной — верховную власть, связанную съ подданными едва замѣтными, почти временными, узами подчиненія, за исключеніемъ дружинъ и родовъ, болѣе близкихъ къ князьямъ; въ сферѣ частной — быть родовой, въ которомъ еще не знаютъ ни отдѣльной недвижимой собственности, ни завѣщанія, ни наслѣдства въ настоящемъ его значеніи; въ сферѣ уголовной — кровную месть, еще господствующую во всей силѣ и отвергающую всякое понятіе о возмездіи со стороны верховной власти. Очевидно, что на такое положеніе вещей пришлое духовенство должно было смотрѣть съ внутреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ, и такимъ образомъ даже считать обязанностью своей совѣсти внушать великимъ князьямъ, которые старались объ утвержденіи христіанской вѣры въ своихъ областяхъ, о внесеніи новыхъ началъ въ бытъ государственный, гражданскій и уголовный; самымъ же лучшимъ для того средствомъ оно должно было конечно признать то, чтобы познакомить ихъ съ постановленіями и юридическимъ бытомъ своего прежняго отечества — Византійской имперіи. Обстоятельства помогли ему совершить это дѣло. 1) J

Духовная зависимость Россіи отъ Византіи начинается вмѣстѣ съ христіанствомъ, которое обязано своимъ началомъ свѣтской власти, а потому вмѣстѣ съ распространеніемъ княжеской фамиліи, которая подчинила своему непосредственному вліянію даже отдаленныя области, находившіяся прежде только въ номинальной зависимости отъ вел. князя, расширяется и территорія христіанства. Удѣльные князья, какъ мы видѣли, были постоянными покровителями новой религіи, а это естественно приводило ихъ въ ближайшія отношенія къ духовенству, вліяніемъ котораго они пользуются для установленія юридическаго быта.

1) Калачовъ, О Кормчей, въ Чтеніи Моск. общ. исторіи, 1847, № III, стр. 3.

своихъ вѣдѣній, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ примѣненіи ихъ отношеній къ своей власти. При такомъ общемъ стремленіи всѣхъ князей древней Россіи, согласныхъ между собою или враждующихъ, на всемъ ея пространствѣ утверждаются одни и тѣ же явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степень одного изъ важнѣйшихъ органовъ юридической дѣятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой дѣятельности передаютъ не только современному законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе Россіи <sup>1)</sup>.

Въ силу такого господствующаго положенія въ странѣ, духовенство получаетъ обширныя духовныя и гражданскія права. Духовныя лица становятся ближайшими совѣтниками древнихъ князей. Во время непрерывныхъ войнъ и распръ древней эпохи они являются посредниками и примирителями враждующихъ сторонъ и нерѣдко сами берутъ на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ <sup>2)</sup>; они берутъ на себя защиту передъ властью—слабыхъ и обиженныхъ (*печалованіе*). Вѣдѣнію духовенства были подчинены всѣ лица, страдавшія какими-нибудь недостатками—умственными или физическими; всѣ живущіе въ богадѣльняхъ и больницахъ; странники и лица, вышедшія изъ духовнаго званія. Они подлежали церковному надзору и духовному суду. Но еще далѣе простиралось непосредственное вѣдѣніе духовенства въ слѣдствіе подсудности ему важнѣйшихъ юридическихъ отношеній. Все, что относилось къ быту религиозному, нравственному и семейному, подлежало духовному суду. Таковы — взаимныя распри родителей и дѣтей, мужей и женъ, господъ и рабовъ; нарушеніе семейной чести; незаконные браки (въ родствѣ кровномъ и духовномъ) и незаконныя дѣти; усыновленіе, раздѣлъ имущества и вообще дѣла о завѣщаніяхъ (послѣднія сохранились въ вѣдѣніи духовенства до Петра В.); жалобы духовниковъ на духовныхъ дѣтей и прихожанъ за неисполненіе церковныхъ обрядовъ; дѣла о волшебствѣ, ереси, расколѣ и оскорбленіи церковной святыни (святотатство). Духовный судъ имѣлъ весьма важную привиллегію, распространившуюся на всѣ другія дѣла, въ силу которой каждый истецъ

<sup>1)</sup> Ibid. стр. 4, 5.

<sup>2)</sup> Какъ между удѣльными князьями, такъ и между удѣльными и вел. князьями. См. у Калачова, примѣч. 2.

могъ избрать вмѣсто гражданскаго суда—разбирательство у духовной власти <sup>1)</sup>

3/11/ Далѣ духовенство приобрѣтаетъ нравственное вліяніе на общество. Его наставленія служатъ выраженіемъ слова божія, а потому нарушителей ихъ постигаетъ высшая кара <sup>2)</sup>; другая нравственная сила заключается въ эпитиміяхъ и отлученіи, которыя были для всѣхъ равно обязательны <sup>3)</sup>. Оскорбленіе духовенства равняется порицанію церкви <sup>4)</sup>.

4/1/ Одновременно съ развитіемъ его нравственнаго вліянія развиваются его гражданскія права и матерьяльное положеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церковь пользовалась десятиною изъ княжескихъ доходовъ <sup>5)</sup> и съборомъ съ торговаго вѣса <sup>6)</sup>. Весьма часто гражданскія наказанія замѣнялись денежными штрафами (за воровство, похищеніе дѣвицы), которые раздѣлялись между свѣтскою и духовною властью поровну <sup>7)</sup>. Постепенно, по примѣру византійской церкви, въ рукахъ духовенства сосредоточилась обширная территория, подлежащая непосредственному его управленію и суду. Оно владѣло землями на правахъ *свотчиниковъ* съ предоставленіемъ множества привилегій, какія изъ прочихъ подданныхъ давались весьма немногимъ, а для духовенства мало-по-малу сдѣлались почти общими правомъ\*. Желая оградить свои права, духовныя лица и монастыри, при каждой перемѣнѣ правительства, слѣдуетъ получать утвержденіе правъ, данныхъ имъ предшественниками,

1) Уставы Владиміра св. и Ярослава I, въ приложен. къ стат. Калачова и въ Православ. собесѣд. 1861, II, III. Разборъ у Макарія, Истор. церкви, I и II. Уставъ Всеволода, кн. новгород. Прав. соб. 1861, III, и Ростислава кн. смоленскаго въ Дополн. къ акт. историч. I, № 4. Въ томъ же родѣ соборн. опредѣл. 1667 въ Акт. экспедиціи, IV, № 155. Другіе указаны у Калачова, прим. 33. Ср. также примѣч. 31.

2) Акт. историч. I, № 7, 9.

3) Калачовъ, 62.

4) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ, 207, 208. Въ другомъ наставленіи говорится: «Епископа, поповъ, діаконовъ, монаховъ и монахинь не осуждайте и ни въ чемъ не подозрѣвайте ихъ. Напротивъ, любите ихъ; потому что они ваши руководители къ Богу». Какъ жить христіанамъ. Прав. соб. 1859, I, 134.

5) Она положена была на Десятинную церковь въ Кіевѣ, на Софійскіе соборы—тамъ же и въ Новгородѣ, на соборную церковь во Владимірѣ. Макарій, II, 223, III, 17.

6) Уставы: Владиміра св. и Всеволода.

7) Уставъ Ярослава I и Ростислава смоленскаго.

или выхлопотать новые льготы. Поэтому наибольшее количество жалованных грамот, находящихся в древних архивах, принадлежит духовенству <sup>1)</sup>. Все это ясно показывает, каким положением пользовалось оно в то время в русском обществѣ. У духовенства, какъ и у верховной власти, были свои бояре, боярскія дѣти, волостели и тиуны. Своихъ подчиненныхъ и крестьянъ оно судитъ такимъ же порядкомъ, какъ и въ свѣтскомъ судѣ, и пользуется тѣми же постановленіями <sup>2)</sup>. Рѣдко юрисдикція въ вотчинахъ духовенства предоставляется исполнѣ князю; между тѣмъ духовенству иногда вѣбруется и судъ уголовный <sup>3)</sup>. Но отъ этихъ правъ еще слѣдуетъ отличать специально уголовный судъ, которому подлежали только духовныя лица, независимо отъ участія свѣтской власти. Отсюда исключались только уголовныя дѣла; но въ такихъ случаяхъ свѣтскій судъ долженъ былъ судить ихъ при участіи духовнаго посредника (заказчика), который въ судѣ занималъ высшее мѣсто и притомъ велъ самый процессъ <sup>4)</sup>. Участіе мірянъ въ духовномъ судѣ, проявившееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ слѣдствіе отсутствія іерархической власти (во Псковѣ), было встрѣчено неодобреніемъ и запрещеніемъ, какъ противное церковнымъ правиламъ <sup>5)</sup>. Духовенство постоянно старалось удержать за собою это право, и потому, при всякомъ удобномъ случаѣ, заботилось о подтвержденіи его (на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. и на соборѣ 1667 г.) <sup>6)</sup>.

Нравственное значеніе духовенства въ общественной жизни и его матеріальное положеніе, какъ богатаго собственника (недвижимыхъ имѣній духовенства было несравненно болѣе, нежели земель принадле-

<sup>1)</sup> Такъ изъ 15,000 подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ старыхъ дѣлъ, большая часть ихъ заключается въ жалованныхъ грамотахъ духовенству. А въ одномъ Печерскомъ нижегородскомъ монастырѣ отыскано болѣе 2,000 столбцовъ подобныхъ же актовъ. Калачовъ, примѣч. 6.

<sup>2)</sup> Стоглавъ и Котошихинъ, гл. XI ст. 2; гл. VII, ст. 45.

<sup>3)</sup> Калачовъ, примѣч. 7.

<sup>4)</sup> Акты историч. I, № 155; Акты экспед. I, № 171, IV, № 175. Псковск. суд. грам. *ibid.* № 103, IV, № 161, Акты историч. V, № 167.

<sup>5)</sup> Акты историч. № 9, 26, 24. Матр. Кириана по этому поводу писалъ: «Не годится мірянамъ поа ни судить, ни казнить, ни осуждать, ни оскорблять его словомъ, но какъ ихъ ставятъ епископъ, то ашь ихъ и судить, и казнить, и учить». *ibid.* № 9.

<sup>6)</sup> Полн. собр. закон. I, № 412.

живших частнымъ лицамъ») <sup>1)</sup> давали ему право на постоянное участіе въ ходѣ общественныхъ и политическихъ дѣлъ. Это участіе началось вмѣстѣ съ появленіемъ его въ Россіи. Владиміръ св. «подобно Константину В.» <sup>2)</sup> отличался уваженіемъ къ духовенству и охотно исполнялъ его требованія. Однажды, когда въ Россіи умножились разбои, епископы пришли къ Владиміру и сказали ему: «вотъ умножились разбойники—почему ты не казнишь ихъ?» Онъ отвѣчалъ: «боюсь грѣха». Епископы замѣтили: «ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и на милость добрымъ; тебѣ слѣдуетъ казнить разбойниковъ, только съ испытаніемъ». Владиміръ рѣшился отмѣнить древній народный обычай, по которому за разбой вносилась только плата (вира) и сталъ казнить смертію за убійства. Но въ скоромъ времени, въ слѣдствіе войны, понадобились денежные средства для покрытія издержекъ, и потому епископы съ старѣйшинами снова пришли къ князю и предложили ему возстановить виру съ тѣмъ, чтобы она шла на оружіе и лошадей. Владиміръ согласился съ ними <sup>3)</sup>. У древнихъ лѣтописцевъ лучшую похвалю для хорошаго князя обыкновенно служатъ выраженія: «онъ любилъ поповъ и монаховъ сверхъ мѣры и почиталъ митрополита и епископовъ, какъ самого Христа» <sup>4)</sup> / Духовенство давало совѣты князю, какъ управлять и какъ чинить судъ въ странѣ <sup>5)</sup>; къ нему обращались князья за благословеніемъ, передъ походами; съ нимъ совѣтались передъ важными предпріятіями (Іоаннъ съ митрополитомъ Филиппомъ о покореніи Новгородъ

<sup>1)</sup> Калачовъ, стр. 6. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Коллинсъ полагалъ количество, подчиненнаго церковнымъ учрежденіямъ, населенія  $\frac{2}{3}$ . Хотя съ половины XVI в. (когда за монастырями считали  $\frac{1}{3}$  всего территорія) оно должно было возрасти, не смотря на зауряденія увеличивать вотчины, что постоянно нарушалось, и хотя церковные писатели допускаютъ до извѣстной степени цифру Коллинса (Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 146); но намъ кажется она преувеличенною. Съ другой стороны свидѣтельство монастырскаго приказа за 1728 г.; что въ его вѣдѣніи состояла въ то время  $\frac{1}{3}$  крестьянъ, не вполне вѣрно; потому что въ 1722 г. «отъ его вѣдомства растерялась уже значительная доля того, что онъ принялъ въ 1701 г.» Горчаковъ, ibid. 147.

<sup>2)</sup> Похвала митр. Иларіона Влад. св. въ Твор. св. отцовъ, II, 277.

<sup>3)</sup> Полн. собр. русск. лѣт. 1, 154.

<sup>4)</sup> Ibid. II, 221; IV, 183, 200; V, 5, 8.

<sup>5)</sup> Посл. Кирилла Бѣлозерск. можайск. вн. Андрею Дмитр. Акты, истор. I, № 16.



да); ему представляли на рассмотрение свои законы и постановления. На земских соборах, бывших при Иоаннѣ Грозномъ, духовное слово присутствуетъ наравнѣ съ прочими. Съ его благословенія Иоаннъ приступаетъ къ исправленію Судебника (1550) и на него возлагаетъ главную обязанность въ исправленіи нравственныхъ недостатковъ русскаго общества (Стоглавый соборъ). Михаилъ Федоровичъ призываетъ его на земскій соборъ, чтобы рѣшить вопросъ—отдать-ли туркамъ завоеванный казаками Азовъ или удержать за Россіей <sup>1)</sup>; Алексѣй Михайловичъ совѣщается съ нимъ объ изданіи Уложенія <sup>2)</sup>; въ дѣлѣ уничтоженія мѣстничества при Федорѣ Алексѣевичѣ духовенство занимаетъ первое мѣсто. Вообще на чрезвычайныхъ и земскихъ соборахъ духовенство пользовалось большимъ вліяніемъ, по замѣчанію Флетчера <sup>3)</sup>. По волѣ духовенства иногда рѣшались такія важныя дѣла, какъ избраніе царей. Выборъ Бориса Годунова былъ рѣшенъ голосомъ патріарха Іова, а духовенство на этомъ соборѣ составляло порядочную силу по количеству голосовъ (на 473 человекъ—119 дворянъ и 100 духовныхъ лицъ) <sup>4)</sup>. На Михаила Федоровича, за долго до его избранія, указалъ патріархъ Гермогенъ.

Какими же основаніями руководствовалося духовенство въ развитіи юридическихъ понятій въ русскомъ обществѣ? Такимъ руководствомъ для него постоянно служилъ византійскій церковный кодексъ или Номоканонъ, по образцу котораго въ послѣдствіи составлялись русскія Кормчія. Есть основаніе предполагать, что въ Россіи долгое время (до 1274) Номоканонъ употреблялся одновременно въ греческомъ спискѣ (при господствѣ греческой іерархіи) и въ славянскомъ переводѣ <sup>5)</sup>, который, какъ и всѣ древніе переводы, отличался множественіемъ греческихъ словъ и оборотовъ, затемнявшихъ подлинный смыслъ постановленій. Вотъ почему такъ привѣтствовалъ мигроп. Кириллъ II новый переводъ Кормчей, присланный ему изъ Болгаріи (1270 г.).

1) Собр. госуд. грам. и догов. III, № 113.

2) Предисловіе въ Уложенію.

3) Fletcher, I, сар. VIII; pag. 65 и 135.

4) Костомаровъ, Смутное время, I, 32.

5) Въ это время былъ въ употребленіи въ Россіи Номоканонъ въ редакціи патр. Фотія (IX в.) и можетъ быть Номоканонъ Іоанна Схластика (VI в.), въ переводѣ св. Меодія. Макарій, I, 115 и примѣч. 230.

Но его словамъ прежде церковныя правила не были доступны для русскихъ, по причинѣ «мудрости греческаго языка», а теперь они были объяснены и понятны для всѣхъ <sup>1)</sup>. Последнее обстоятельство подтверждается тѣмъ, что въ переводу были присоединены толкованія византійскихъ юристовъ — Зонары и Аристена, появившіяся во второй половинѣ XII в. Благодаря такимъ достоинствамъ, этотъ переводъ скоро распространился въ Россіи <sup>2)</sup>. Но обширное примѣненіе самаго памятника было причиною, что и въ послѣдствіи приносили изъ Греціи новыя списки Номоканона (митр. Киприанъ принесъ изъ Константинополя собственный переводъ; а Савва, игумень тверской — афонскій списокъ) <sup>3)</sup> и толкованія къ нему (Бальзамена, Пселла, Аггалага и друг.) <sup>4)</sup>. Видѣны съ тѣмъ стали известны въ Россіи византійскіе юридическіе сборники (Гарменопула, Матеея Властара — Синтагма, Никона Черногорца — Пандекты и Тактиконъ) <sup>5)</sup> и сборники, въ которыхъ помѣщались извлеченія изъ византійскихъ законовъ въ связи съ русскими постановленіями (Мѣрило праведное) <sup>6)</sup>. Во время исправленія книгъ, при патриархѣ Никонѣ, и русская Кормчая подверглась сравненію съ греческимъ Номоканономъ <sup>7)</sup>.

По своему составу, греческій Номоканонъ представляетъ двѣ части: въ первой помѣщены собственно церковныя правила (апостоловъ, семи вселенск. и девяти помѣстныхъ соборовъ, отцовъ церкви), которыя назывались канонами; а во второй заключаются гражданскіе законы касательно церковныхъ дѣлъ, изданные греческими императорами, преимущественно Юстиніаномъ, и называвшіяся указами или узаконеніями (*νόμος*). Отсюда и самое названіе греческаго церковнаго кодекса — Номоканонъ. Такое общее названіе этого памятника не случайно: здѣсь постановленія каноническія тѣсно соединены съ свѣтскими и ими подтверждаются; Номоканонъ представляетъ неразрывное соединеніе церковныхъ и свѣтскихъ законовъ. Отъ предметовъ вѣры и нравствен-

1) Русск. достопамят. I, 107.

2) Макарій, V, 5, 13.

3) Калачовъ, 83; Опис. рукоп. Толст. I, № 169.

4) Калачовъ, 71.

5) Ibid. и Макарій, V, 21.

6) Макарій, V, 21, 31; О Мѣрилѣ праведномъ, Калачовъ въ Архивѣ истор.-юрид. свѣд. о Рос. I, отд. III, 28—40.

7) Калачовъ, о Кормчей, 83.

ниги править церковные законодатели постоянно переходят къ самому праву, то гражданскому, то уголовному, то публичному. Свѣтская власть принимаетъ непосредственное участіе въ церковныхъ дѣлахъ, которое въ свою очередь отражается на церковныхъ постановленіяхъ. Такимъ образомъ смѣшеніе правъ свѣтской и духовной власти составляетъ отличительную черту Византійской имперіи. «Слѣдствіемъ такого состоянія восточной юриспруденціи было то, что она, наконецъ, получаетъ одну общую форму, которою отличается отъ западной. Мы видимъ во всѣхъ намотникахъ византійской юридической письменности какое-то органическое соединеніе свѣтскаго и церковнаго права; въ процессѣ исторіи одно съ другимъ сплелось и составило наконецъ одно общее законодательство. Настоящій его типъ есть Номоканонъ; вѣче нельзя выразить духа и отличительнаго свойства восточной юриспруденціи»<sup>1)</sup>.

Первая часть Номоканона была цѣликомъ принята въ Россіи; вторая подвергалась иногда необходимымъ измѣненіямъ, приспособительнымъ къ мѣстнымъ условіямъ (замѣна однихъ наказаній другими и т. п.), но въ совокупности оказала большое вліяніе на развитіе юридическихъ понятій и обычаевъ страны. Не говоря о канонической части, но вообще Номоканонъ оказалъ большое вліяніе на духъ гражданского законодательства до Петра В.<sup>2)</sup>.

Общее основаніе первой части Номоканона, т. е. соглашеніе общественной дѣятельности съ правилами и постановленіями апостоловъ, соборовъ и отцовъ церкви, сдѣлалось постояннымъ руководствомъ въ рѣшеніяхъ русскихъ церковныхъ соборовъ (Владим. соб. 1274 г.; соборы: 1503 г., 1667) нравственныхъ постановленіяхъ (Стоглавъ) и даже гражданскомъ законодательствѣ (Уложеніе). Но въ то же время духовенство любитъ поддѣрживать свои доводы постановленіями греческихъ императоровъ. Въ этихъ случаяхъ оно цитируетъ законы Константина В., Юстиніана, Льва философа, Василия Македонянина, Мануила Комнина, Эклогу Леона, Василики и др.<sup>3)</sup>. На основаніи ихъ оно старается склонить князей къ измѣненію постановленій и обычаевъ древней Рос-

<sup>1)</sup> Крыловъ, Объ исторіи значенія Римскаго права въ области наукъ юридическихъ, 33.

<sup>2)</sup> Калачовъ, О Кормчей, 16.

<sup>3)</sup> Азты истор. I, № 82, 285, 289, 290; Азты эксед. IV, № 309; Стоглавъ, гл. 57—62, 88.

си, какъ несогласныя съ государственнымъ бытомъ и несогласныхъ съ учениемъ отцовъ церкви и законами византийскихъ императоровъ.

Предлагая Владимиру ввести смертную казнь за разбой, епископы (греки и болгары) основывались въ этомъ случаѣ на греческомъ Номоканонѣ <sup>1)</sup>; такъ запрещало духовенство супружество въ близкихъ степеняхъ родства и четвертый бракъ; на основаніи постановленій царей Леопа и Константина оно рѣшало вопросы: о раздѣлѣ имущества между бездѣтною женою и родственниками умершаго; объ усыновленіи приемышей; о необязательности долговъ умершаго мужа для жены <sup>2)</sup>. По случаю появленія ереси жидовствующихъ (XV в.) былъ возбужденъ вопросъ о средствахъ для прекращенія ея, рѣшенный въ пользу казни, которая предоставлялась гражданской власти, на основаніи законовъ византийскихъ императоровъ <sup>3)</sup>. Другой важный вопросъ, касавшійся интересовъ церкви, состоялъ въ отобраніи монастырскихъ имуществъ въ пользу казни, и въ этомъ случаѣ духовенство отстояло существующій порядокъ, строго стоя на постановленіяхъ каноническихъ и опредѣленіяхъ греческихъ царей; дѣлая отсюда заключеніе, что нарушение ихъ будетъ равняться законопреступленію и нарушенію церковныхъ постановленій <sup>4)</sup>: Духовенство постоянно получало право руководствоваться въ своихъ дѣлахъ каноническими правилами и законами византийскихъ царей <sup>5)</sup>, которые, въ силу такого уваженія, были даже освящены правомъ неприкосновенности на ряду съ первыми. Упрекая князя Вассіана Патрикѣва за измѣненія въ церковныхъ правилахъ, допущенныя имъ въ своемъ спискѣ, митр. Даниль на судѣ возражалъ въ защиту непоколебимости какъ каноническихъ правилъ, такъ и постановленій греческихъ царей, внесенныхъ въ Номоканонъ, прибавивъ въ заключеніе: «а изъ той книги никто не могъ измѣнить или поколебать что-либо, начиная отъ седьмаго собора до Крещенія Россіи, и въ на-

<sup>1)</sup> Именно на Прохиронѣ царя Василя Македонянина, въ Кормчей, II, 161.

<sup>2)</sup> Калачовъ, 50, 70, 86.

<sup>3)</sup> Акты историч. I, № 285.

<sup>4)</sup> Отвѣтъ митр. Симона Іоанну III, у Калачова, 41—43 и митр. Макарія Іоанну Грозному, Лѣтоп. русск. литер. изд. Тихонравова, V, 129—136.

<sup>5)</sup> Карамзинъ, V, пр. 106; Акты экспед. I, № 92; IV, 204, 225; Акты историч. IV, № 151.

той землѣ та книга болѣе 500 лѣтъ сохраняетъ церковь и спасаетъ христіанъ, и до нынѣшняго царя и великаго князя Василія Іоанновича не была ни отъ кого поколеблена. 1)

Въ слѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ греческій Номоканонъ легъ въ основаніе постановленій русскихъ князей по церковнымъ дѣламъ 2). По образцу греческаго Номоканона стали составляться русскія Кормчія. Кромѣ каноническихъ правилъ, въ нихъ помѣщались: 1) извлечение изъ закона Моисея (въ 50 стат.); 2) Судебникъ, приписываемый Константину В. (въ 32 стат.) съ прибавленіемъ о многоженствѣ; 3) различныя постановленія царя Юстиніана; 4) узаконеніе царя Юстиніана о поставленіи епископовъ и клириковъ; 5) 87 правилъ Юстиніана—(сборникъ, приписываемый Іоанну Схоластику); 6) законы о земледѣльцахъ импер. Юстиніана; 7) Эклога импер. Льва Исаврянина и Константина Копронима (объ обрученіи, о бракѣ и др.); 8) главы о свидѣтеляхъ въ извлеч. изъ элоги; 9) Прохиронъ Василія Македонянина, почти буквальный переводъ съ специальнымъ названіемъ градскаго закона, который часто приводится въ древнихъ русскихъ памятникахъ; 10) новелла царя Алексѣя Комнена; 11) двѣ другія новеллы того же императора (объ обрученіи); 12) постановленіе о 3 и 4 бракѣ, состоявшееся на соборѣ при импер. Константинѣ и Романѣ; 13) статьи объ усмнвленіи, о бракѣ и степеняхъ родства, воспреещающихъ бракъ. Рядомъ съ этими постановленіями въ русскихъ Кормчихъ помѣщаются постановленія и статьи, изданныя въ Россіи: Уставы Владиміра, Ярослава I и Святослава новгородскаго; вопросы Кирика Нифонту, правило церковное митр. Іоанна II; Кирилла Туровскаго объ иноческомъ чинѣ; правила митр. Кирилла, изложенныя на Владимірскомъ соборѣ; вопросы Θεогноста, епископа сарайскаго, константинопольскому собору съ отвѣтами; правила митр. Максима о постѣ и о бракѣ; грамота вел. князя Василія Дмитріевича митр. Клиріану о церковныхъ судахъ; церковныя постановленія Іоанна III, о четвертомъ бракѣ царя Іоанна Грознаго; постановленія, касающіяся литовскаго духовенства; Мѣрило праведное и т. п. 3). Но мѣстные постановленія должны были слу-

1) Судное дѣло Вассіана въ Чтен. Москов. общ. ист. 1847, № IX.

2) Уставы: Владиміра св., Ярослава I, Всеволода новгород., Ростислава смоленскаго, вел. кн. Василія Дмитр. Стоглавъ.

3) Калачовъ, 19—28.

жить только дополненіемъ къ византійскимъ источникамъ, для приспособленія ихъ къ мѣстнымъ потребностямъ, стараясь слѣдовать во всемъ или по крайней мѣрѣ въ основной или прінесенному образу.<sup>1)</sup>

При постоянномъ соприкосновеніи правъ свѣтской и духовной власти, переходъ византійскихъ постановленій изъ области церковной въ гражданскую былъ вполне естественъ. Изъ гражданскихъ источниковъ византійскаго права въ русской судебной практикѣ имѣли силу слѣдующіе памятники: а) указанія императоровъ Константина В., Юстиніана, Льва философа, Исаака и Мануила Комненовъ; б) Эклога императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима; и в) Прохиронъ импер. Василя Македонянина, который занимаетъ важнѣйшее мѣсто въ ряду указанныхъ памятниковъ, по отношенію къ русскому законодательству<sup>2)</sup>. На сколько византійское право служило руководствомъ для русскаго можно видѣть изъ того, что въ Судебнику Иоанна Грознаго были приложены статьи подъ именемъ: «Древніе законы изъ юстиніановыхъ книгъ», а въ предисловіи къ Уложенію царя Алексѣя Михайловича прямо высказано, что между прочими источниками редакторы прежде всего пользовались «правилами св. апостоловъ, отцовъ церкви и гражданскими законами греческихъ царей», и въ этомъ убѣждаетъ множество соответственныхъ статей<sup>3)</sup>. Есть извѣстіе, что Алексѣй Михайловичъ, уже по изданіи Уложенія, въ 1654 г. разослалъ ко всемъ воеводамъ выписки изъ греческихъ законовъ Номоканона и велѣлъ судить по нимъ уголовныя дѣла<sup>4)</sup>.

(Распространеніе въ Россіи юридическихъ понятій Византіи привело рѣшительный переворотъ во взглядѣ на преступленія уголовныя, семейныя, религіозныя и политическія.)

Мы видѣли, какъ на первыхъ порахъ произошло измѣненіе въ наказаніи за разбой. Древняя обычная вира была замѣнена смертною казнью. Владиміръ сталъ судить по Номоканону, хотя его христіанское чувство на первыхъ порахъ возмутилось такимъ правомъ: «я не дерзаю казнить разбойниковъ, говорилъ онъ епископамъ, боясь Бога, чтобы онъ не вмѣнилъ мнѣ этого въ грѣхъ. И кто я такой, чтобы осуж-

1) Калайовъ, 73.

2) Ibid., 69.

3) Ibid., 107, 108.

4) Карамзинъ, III, примѣч. 222.



дать человека на смерть? Самъ я много согрѣшилъ и виновенъ болѣе  
всѣхъ людей на землѣ; но если такъ повелѣно Богомъ, скажите мнѣ  
и я васъ послушаю». Епископы согласились на божественное значеніе  
*градоуказныхъ законовъ* <sup>1)</sup>, и Владиміръ согласился. Въ Судебникѣ и Уложе-  
ніи смертная казнь за разбой удерживается. <sup>2)</sup> Подобная же парал-  
лель существуетъ и въ другихъ наказаніяхъ. Въ губной грамотѣ, дан-  
ной селамъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (1549) за воровство опре-  
дѣляется слѣдующая востепенность наказаній: въ первый разъ—кнутъ  
и изгнаніе изъ общины; за второе воровство—кнутъ и отсѣченіе руки;  
за третье—кнутъ и смертная казнь чрезъ повѣшеніе въ томъ же мѣстѣ,  
гдѣ совершилось воровство <sup>3)</sup>. Печти такія же наказанія; съ сохране-  
ніемъ той же градациі изъ, положены въ градскомъ законѣ и въ злогоу-  
дѣевои и Константина <sup>4)</sup>. За святотатство, какъ Судебники, такъ и Уло-  
женіе, полагають смертную казнь <sup>5)</sup>; а соборное опредѣленіе 1667 ссы-

<sup>1)</sup> Стенен. книга I, 163—166. Впрочемъ столкновеніе мѣстныхъ  
юридическихъ понятій съ новыми не обошлось безъ борьбы. Лучшимъ  
примеромъ этого служатъ судебные поединки. Въ то время, когда ду-  
ховенство постоянно обличало ихъ незаконность и несообразность съ  
христіанствомъ, и налагало духовныя запрещенія на виновныхъ (ли-  
шеніе причастія и погребенія). Соч. Максима Грека, II, слово IX. Посл.  
митр. Фотія въ Новгород. Акты экспед. I, № 369; Поуч. митр. Даниила,  
въ стат. Бѣлаева: Митр. Даниилъ, въ Истор. чтеніяхъ о языкѣ и словес.  
III, 412.—Поединки признавались русскимъ законодательствомъ и были  
въ обычаѣ почти до Уложенія. Калачовъ, О Кормчей примѣч. 22. Ко-  
нечно, кодебаніе во взглядахъ наиболѣе высказывается въ древнѣй-  
шую эпоху. Таково двойное распоряженіе Владиміра св. о разбой;  
но Русской Правдѣ допускалось убійство, какъ месть родственни-  
ковъ за убитаго; но при сыновьяхъ Ярослава I и она была замѣне-  
на пенею. См. изслѣд. о Рус. Правдѣ, Калачова, I, 109—110. Влади-  
мѣръ Мономахе, по чисто христіанскимъ побужденіямъ, говорить: «ни  
правдо, ни виноватаго не убивайте и неприказывайте убивать». Но  
въ то же время проникаетъ понятіе о законности смертной казни (Юрій  
Долгорукій казнилъ боярина Кучка). Впрочемъ полное торжество ви-  
зантійскихъ взглядовъ относится къ московской эпохѣ, когда утверж-  
дается государственный порядокъ.

<sup>2)</sup> Акты историч. I, № 105. Улож. гл. XXI; Кормчая гл. 49, ст. 8.

<sup>3)</sup> Акты экспед. I, № 224.

<sup>4)</sup> Кормчая, гл. 48, 49. Ср. соборн. постанов. 1667. Полн. собр.  
закон. I, 412.

<sup>5)</sup> Акты истор. I, № 105, ст. 149; № 153, ст. 55, 61. Улож. гл.  
XXI, ст. 14.

лается при этомъ на Уложение; но эта статья цѣлкомъ заимствована изъ византійскихъ источниковъ<sup>1)</sup>. Въ 1069 г. смертная казнь была положена только за второе святотатство, а за первое опредѣлено отсѣченіе рукъ, какъ полагаютъ, на основаніи «градскаго закона» (Прохиронъ) и Эклоги<sup>2)</sup>. Но въ 1683 г. встрѣчается боярскій криговоръ о возстановленіи за святотатство смертной казни<sup>3)</sup>. Поджогъ въ городѣ по Уложению, согласно съ византійскимъ правомъ, называется сожженіемъ «безъ всякаго милосердія»; а за поджогъ внѣ города положено отсѣченіе рукъ<sup>4)</sup>. За поддѣлку монеты, по Уложению, было назначено залитіе горла; но на практикѣ, какъ видно изъ лѣтописей и соч. Котошикина, виновные подвергались и другимъ казнямъ, особенно отсѣченію рукъ<sup>5)</sup>. Поэтому обращаетъ на себя особенное вниманіе одинъ изъ пунктовъ соборныхъ опредѣленій 1667 г., по которому, согласно съ Синаггисомъ Матеея Вустаря, фальшивые монетчики подлежали отсѣченію обѣихъ рукъ, а знавшіе объ этомъ — отсѣченію одной руки<sup>6)</sup>. Также высоко были поставлены преступленія семейныя: за оскорбленіе отца или матери, будетъ-ли оно выражаться словами или побоями, было положено наказаніе кнудомъ; но сравнительно съ Кормчей, оно смягчено, такъ какъ тамъ, за подобное преступленіе, назначается смертная казнь<sup>7)</sup>.

Особенной строгости подвергались преступленія религіозныя и политическія. По поводу появленія ереси жидовствующихъ и споровъ возникшихъ о ея истребленіи, уже былъ признанъ принципъ гражданской казни еретиковъ. Уложение ставитъ этотъ вопросъ вполне опредѣленно: «Всякій, будетъ-ли это иновѣрецъ или русскій, кто хулить Иисуса Христа, Богородицу, св. крестъ и угодниковъ божіихъ, и это подлинно подтвердится; тотъ долженъ быть сожженъ»<sup>8)</sup>. Но на соборѣ 1667 г. было заявлено сомнѣніе со стороны свѣтской власти — слѣдуетъ-ли еретиковъ

1) Полн. собр. зак. I, № 412; ср. № 442 и Ав. экспед. IV, № 161. Калачовъ, 104.

2) Полн. собр. зак. I, 441, ст. 12.

3) Ibid. II, № 1026.

4) Улож. гл. II, ст. 4. гл. X, ст. 229; Кормч. гл. 49, ст. 29; гл. 48, ст. 18; гл. 46, ст. 16. Калачовъ, 109; 411.

5) Ливовскій, Изслѣд. началъ уголовного права, изложен. въ Уложении Алекс. Мих. 41—44.

6) Полн. собр. зак. I, № 412, стр. 675.

7) Уложение, XXII, ст. 4; Кормчая гл. 45; ст. 6.

8) Уложение, гл. I, ст. 1.



и раскольников подвергать, одному только церковному наказанию или же наказывать и градскимъ закономъ. Члены собора, основываясь на правилахъ вселенскихъ соборовъ <sup>1)</sup> и Гарменопула, отвѣчали, что тѣмъ же преступникамъ должны наказываться также царскимъ или градскимъ закономъ <sup>2)</sup>, что было подтверждено соборомъ 1681 г. и принято Осолодомъ Алексѣевичемъ <sup>3)</sup>. На этомъ основаніи, верховная власть опредѣляла подвергать раскольниковъ свѣтскимъ уголовнымъ наказаніямъ <sup>4)</sup>. За злоумышленіе на жизнь государя Уложение полагаетъ смертную казнь и конфискацію имущества, вполнѣ согласно съ Номоканономъ; точно также смертная казнь опредѣляется за измѣну на войнѣ; при чемъ не считается преступленіемъ убійство измѣнника, опитъ согласно съ Боричею дивгою <sup>5)</sup>.

Слѣденіе «градскихъ законовъ» съ русскимъ законодательствомъ, заключающъ Калачовъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ ближайшемъ отношеніи, въ какомъ должны были находиться между собою оба законодательства въ теченіе всего древняго періода русской исторіи <sup>6)</sup>.

Уложение же, говоритъ Иловайскій, сравнительно съ судебниками, представляетъ дальнѣйшее развитіе московскаго самодержавія и государственнаго значенія греческой церкви. Самыя тяжкія наказанія назначены за оскорбленіе церкви, за оскорбленіе царскаго имени и за умышленіе противъ государя <sup>7)</sup>.

## ГЛАВА VII.

Изъ Византіи духовенство принесло высокія понятія о гражданской власти. Уже Владимира св. епископы величаютъ «царемъ» и «самодержцемъ» и подаютъ ему мысль о божественномъ происхожденіи его власти («ты поставленъ отъ Бога»). Какъ Богъ царствуетъ на небесахъ, говоритъ митр. Никифоръ въ посланіи къ Владимиру Мономаху, такъ князьямъ, съ помощію Его, опредѣлено царствовать на зем-

<sup>1)</sup> См. Калачова, 76, 107.

<sup>2)</sup> Полн. собр. закон. I, № 412.

<sup>3)</sup> Ibid. V, № 75.

<sup>4)</sup> Акты экспед. IV, 284.

<sup>5)</sup> Уложение, II, ст. 1, 3, 15, 20. Боричая, гл. 48, ст. 10; lb. ст. 1, 4, 17.

<sup>6)</sup> Калачовъ, о Кормачей, 105. См. также: О пространствѣ церковнаго суда Неволина; Объ основныя началахъ русск. церковнаго права, въ Правосл. собес. 1860, т. I, и Древнее русск. церк. право въ связи съ правомъ византійскимъ. Ibid. 1862 (т. I, II, III) и 1863 (II, III).

<sup>7)</sup> Иловайскій, Очерки русской исторіи, 203, примѣчаніе.

лѣ въ роды и роды». Родство Владимира Мономаха (по матери) съ пречесвою императорскою фамиліею, даетъ ему поводъ еще яснѣе указать на положеніе послѣдняго между прочими русскими князьями: «тебѣ, говоритъ Никифоръ, Богъ издавна предопредѣлялъ и отъ утробы матери освятить и помазать, смѣшивъ отъ царской и княжеской крови»<sup>1)</sup>. «Царь, по словамъ Максима Грека, есть живой и видимый или одушевленный образъ самого царя небеснаго». А въ обращеніи къ Іоанну Грозному онъ выражается: «ты вмѣсто Его царь, и государь, и властитель, поставленный отъ него»<sup>2)</sup>. Такъ формулировали теорію свѣтской власти духовныя лица греческаго происхожденія, усвоившія эти понятія среди византійскаго общества. Греческій Номоканонъ утверждаетъ «единство» царской власти и ея божественное значеніе («намѣстникъ божій»)»<sup>3)</sup>. Русское духовенство съ самаго начала усвоило эти взгляды и старалось проводить ихъ въ общество. Первый изъ русскихъ епископовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ писателей, Лука Жидята, въ своемъ поученіи къ народу, говоритъ такъ: «Бога бойтеса, князя чтите: мы рабы воцѣрныхъ Бога, а потомъ государя»<sup>4)</sup>. Въ другомъ древнемъ наставленіи (XIII в.) дается совѣтъ, «наболѣе питать привязанность къ своему князю и не мыслить противъ него зла, потому что всякая власть установлена отъ Бога, и если кто противится властямъ—тотъ противится повелѣнію божію и повиненъ суду»<sup>5)</sup>. Современникъ Максима Грека, князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ ставитъ эту мысль уже вполне опредѣленно: «Добра своимъ государямъ во всемъ желайте, говоритъ онъ; за нихъ слѣдуетъ и умирать, и жизнь свою полагать, какъ за православную вѣру; потому что Богомъ все предано свыше Его помазаннику—царю и вел. князю, Богомъ избранному, которому Богъ

1) Памятн. Рус. словесн. XII в. 153 и Русск. достопамят. I, 59. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, греческій импер. Алексѣй Комнень, желая прекратить войну съ Владиміромъ Мономахомъ, прислалъ ему чрезъ Неофита, митр. ефесскаго, въ числѣ дорогихъ вещей, и царскій вѣнецъ, который тотъ возложилъ на него, назвавъ при этомъ царемъ. Соловьевъ, II, 85. Какъ видно такое возвышеніе Владиміра Мономаха имѣло значеніе въ глазахъ общества: Даниилъ заточникъ, въ обращеніи къ Юрію Долгорукому, называетъ его «сыномъ царя Владиміра.

2) Сочин. Максима Грека, II, 350, 379.

3) Собр. государ. грамотъ, IV, 89, 90; Калачовъ, 96, 97.

4) Русск. Достопамят. I, 1—16.

5) Какъ жить христіанамъ, Правос. собес. 1859, I, 184.

дасть власть надъ всеми и отъ всего міра»<sup>1)</sup>. Ученикъ Максима-Грига — Зиновій Огненскій въ своемъ взглядѣ на этотъ предметъ только цитируетъ его мысль<sup>2)</sup>. Въ устахъ духовенства эти идеи вполне понятны. Они достались ему двойнымъ путемъ: путемъ традиціи, которая шла изъ Византіи, гдѣ эти взгляды существовали на почвѣ дѣйствительности, и путемъ книжнаго образованія, которое заключалось въ такихъ историче-  
 скихъ сочиненіяхъ, гдѣ идея свѣтской власти развивалась исторически на про-  
 странствѣ многихъ вѣковъ и облекалась въ опредѣленіе высшей санкціи. При этомъ ясно высказывается различіе стремленій западнаго и восточнаго духовенства въ ихъ отношеніи къ свѣтской власти. Тѣ же самыя лица, которыя отстаивали необходимость подчиненія Россіи политическому и іерархическому вліянію Византіи, были жаркими поборниками утвержденія политическаго единства въ Россіи и авторитета московскихъ князей.

Но, сравнивая развитіе политическихъ понятій Россіи на про-  
 странствѣ времени, видно, что они приобрѣтали болѣе опредѣленную форму вмѣстѣ съ развитіемъ политическаго устройства страны. Судѣ-  
 ствуя утвержденію въ Россіи такого порядка, духовная власть въ свою очередь дѣйствовала рѣшительнѣе тамъ, гдѣ почва для ея вліянія была болѣе удобною. Такъ южная Россія уступала въ этомъ случаѣ — сѣверо-  
 восточной; а тамъ Московское княжество возвысилось надъ остальными. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе различіе старыхъ и новыхъ городовъ, на которое уже указываетъ одинъ изъ древнихъ лѣтописцевъ<sup>3)</sup>. Въ первыхъ господствуетъ вѣче; въ послѣднихъ, которыя являются по большей части въ слѣдствіе стратегическихъ и экономическихъ соображеній князей, преобладаетъ княжескій авторитетъ. По аналогіи съ указаніемъ лѣтописца, такими городами будутъ тѣ, которые были первоначальными пунктами славянскихъ поселеній въ области Россіи; слѣдовательно — города южной Руси, княжества Полоцкое и Смоленское и сѣверныя общины (Новгородъ и Псковь), гдѣ (т. е. въ послѣднихъ) княжеская власть совсѣмъ не привилась. Къ противоположному типу городовъ слѣдуетъ отнести — города сѣверо-восточной Россіи, (опять исключая старіе города — Ростовъ, Суздаль), гдѣ хотя

1) Разсужденіе въ Чтен. Москов. общ. истор. 1859, III, стр. 1.

2) Истинны показаніе, 575.

3) Онъ говоритъ: »новгородцы, смольяне, кіевляне и полочане, каже

иногда и проявлялось вѣчевое устройство, но далеко не въ такой силѣ, какъ въ указанной мѣстности. Очевидно, что здѣсь было болѣе условий для развитія княжескаго авторитета. При томъ, строй города во Волгѣ, князя обыкновенно занимали ихъ своими дружинниками, которые должны были отстаивать занятый пунктъ среди инородческаго населенія. Изъ слѣдъ за тѣмъ сюда, по призыву князей или добровольно, являлись русскіе колонисты. Конечно такое населеніе разрывало свои связи мѣстными преданіями и подъ вліяніемъ новыхъ условий пріобрѣтало новыя свойства. Разбросанное на обширномъ пространствѣ сѣверо-восточной Россіи, русское населеніе на первыхъ порахъ представляло рядъ завесовъ, слабо соединенныхъ между собою общими связями, и потому имѣлись, господствовавшие въ центральныхъ пунктахъ — городахъ, не могли вызывать такого общаго противодѣйствія, какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ русское населеніе представляло сплошную массу, соединенную общими воспоминаніями, преданіями и исторіею. Съ усиленіемъ княжескаго авторитета на сѣверѣ — города съ вѣчевымъ порядкомъ представляются уже тамошнему лѣтописцу — вѣвчниками — крамольниками. Такъ разовились они въ понятіяхъ, при господствѣ другихъ условий.

Другимъ важнымъ различіемъ въ политическомъ развитіи южной и сѣверо-восточной половины Россіи было преобладаніе одного центра и сосредоточеніе княжеской фамилии на югѣ и обратное явленіе на сѣверо-востока. Въ первомъ случаѣ постоянное передвиженіе князей и стремленіе ихъ въ Кіеву, какъ городу, дающему право на первенствующее положеніе въ странѣ, было причиною постоянныхъ междоусобій и помѣхою для самостоятельнаго развитія отдѣльныхъ княжествъ. Почти сохранялось въ княжеской фамилии — сознаніе родственной связи — до тѣхъ поръ еще возможно было хоть какое-нибудь примиреніе интересовъ; но съ развѣтвленіемъ ея — эта связь все болѣе теряетъ свое значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются личности, недовольныя своимъ значеніемъ, и потому стремящіяся разорвать существующія отношенія. Сила начинаетъ торжествовать надъ обычаемъ. Впрочемъ Владимиру Мономаху, при содѣйствіи ловкой политики, удалось пріобрѣсть нравственное вліяніе на общество и сосредоточить въ рукахъ своего дома большую часть тогдашней Россіи; но по смерти его прежній порядокъ вещей опять беретъ верхъ. Новыя отношенія, возникаютъ на сѣверѣ, на думу, на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе положить, на томъ пригороды станутъ.

Андрей Боголюбскій уже не дорожилъ Кіевомъ. Ограбивъ его (1169); онъ посадилъ тамъ одного изъ младшихъ братьевъ, а самъ, съ титуломъ великаго князя, поселился во Владимірѣ на Клязьмѣ. Онъ предпочелъ новый городъ не только Кіеву, но и сѣвернымъ вѣчевымъ городамъ (старымъ)—Ростову и Суздалью, давъ такимъ образомъ другое направленіе своей политикѣ. Онъ стремился возвысить Владиміръ не только въ политическомъ отношеніи, но и въ церковномъ, и потому хлопоталъ въ Константинополѣ объ особомъ епископѣ для него. Онъ не раздавалъ удѣловъ въ своей области, а хотѣлъ быть, по выраженію летописца, «самодержцемъ» въ русской землѣ. Это вызвало противодѣйствіе въ средѣ бояръ—и Андрей налъ жертвою своихъ стремленій (1174). Вполнѣ естественно, что предпочтеніе Владимира старымъ городамъ вызываетъ борьбу между ними, которая, въ силу даннаго Андреемъ направленія, оканчивается въ пользу Владимира. Но послѣдній не имѣлъ за собою такихъ историческихъ условій, какъ Кіевъ, и потому сохранилъ только номинальное значеніе. И на сѣверѣ возникаетъ борьба между князьями, напоминающая южныя междоусобія; но она скоро переходитъ въ борьбу за гегемонію отдѣльныхъ княжествъ. Князья стремятся расширить свои владѣнія и власть; но дорожатъ собственною областью, и потому болѣе заботятся объ ея интересахъ. Это тѣсно связываетъ ихъ съ послѣднею, и потому власть ихъ получаетъ здѣсь болѣе значеніе и сосредоточивается въ рукахъ ихъ фамиліи. Такимъ образомъ на сѣверо-востокѣ Россіи должна была возникнуть борьба не столько за Владиміръ, сколько за преобладаніе той или другой области. Въ этой борьбѣ рѣзко выступаютъ два соперника: Тверь и Москва. Раздается вопросъ: кому изъ нихъ достанется окончательное торжество? Но здѣсь выступаютъ на сцену новыя обстоятельства, совсѣмъ другого характера. Прослѣдимъ послѣднюю противоположность южной и сѣверо-восточной Россіи въ развитіи политическаго быта.

Южная Россія со всѣхъ сторонъ подвергалась натиску враждебныхъ сосѣдей: поляковъ, литовцевъ и степныхъ племенъ тюркскаго происхожденія. Нашествіе татаръ окончательно подорвало ея благосостояніе. Народъ разбѣжался по другимъ областямъ; окрестности Кіева представляли пустыню, а княжеская столица обратилась въ ничтожный городокъ; князья черниговскіе, ослабили свой удѣлъ кровавыми междоусобіями и онъ распался на нѣсколько частей. Въ это время начала было возникать самостоятельная жизнь на другомъ концѣ—въ

Галицкомъ княжествѣ, благодаря дѣятельности Данила Романовича. Онъ хлопоталъ о сверженіи татарскаго ига, о поднятіи крестоваго похода противъ татаръ на Западъ; но это ему не удалось и онъ долженъ былъ признать владычество татаръ; за то борьба съ литовцами доставила ему славу между современниками. Но вмѣстѣ съ внукомъ Данила родъ галицкихъ князей пресѣлся и Галиція досталась польскому королю Казимиру III (1340), а Волынь—Литвѣ.

И сѣверо-восточная Россія подверглась татарскому нашествію; но тамъ скоро дѣла приняли другой оборотъ. Тамъ на первыхъ же порахъ вел. князья ищутъ покровительства у татарскихъ хановъ (Ярославъ Всеволодовичъ странствовалъ въ предѣлахъ Амура, чтобы поклониться Гаюку; Александръ Невскій нѣсколько разъ бывалъ въ Ордѣ съ богатыми подарками и по волѣ хана усмирилъ новгородцевъ), и хотя послѣдніе располагаютъ владимірскимъ престоломъ по произволу; но за то подручникъ ханскій могъ обезпечить свою страну отъ насилій татаръ—вотъ почему южное населеніе стало стремиться на сѣверъ, и по преимуществу въ тѣ области, гдѣ жизнь была болѣе обезпечена. Очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей исходъ борьбы между Тверью и Москвою зависѣлъ отъ вліянія изъ-внѣ. Хань являются рѣшителями участи Твери, и Москва получаетъ верхъ, благодаря соединенію политики московскихъ князей съ интересами хановъ. Карамзинъ вѣрно замѣтилъ: «Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ»<sup>1)</sup>, хотя въ рукахъ дальновидныхъ московскихъ князей татары были только орудіемъ къ подчиненію остальныхъ княжествъ. Съ этихъ поръ въ рукахъ Москвы сосредоточиваются такіа средства для борьбы съ соперниками, которыя даютъ ей окончательный перевѣсъ въ сѣверной Россіи. Московскіе князья получаютъ отъ хановъ право собиранія дани въ Орду съ русскихъ областей, которое даетъ имъ возможность улучшить собственные финансы<sup>2)</sup>. Имъ поручаютъ ханы преслѣдованіе вооруженною силою

<sup>1)</sup> Карамзинъ, V, 222—223.

<sup>2)</sup> Съ одного Новгорода, подъ предлогомъ неисполненія условій, начиналъ съ Іоанна Калиты до паденія города, было истребовано 56,000 новгород. руб., что равняется 784,000 руб. на настоящія деньги. Эта, значительная по тому времени сумма, поступила въ московскую казну. Богатыя средства московскихъ князей давали имъ возможность брать на себя чужіе долги (Димитрій Донской заплатилъ въ Орду долгъ тверскаго князя Ивана—10,000 р.) и платить за мелкихъ князей дань ханамъ.

непокорных князей и поддерживаютъ въ этомъ случаѣ собственными войсками. Для интересовъ же Орды выгоднѣе было имѣть постоянного посредника, нежели мѣнять его при каждомъ случаѣ; тѣмъ болѣе, что московскіе князья долгое время были вѣрными исполнителями воли хановъ. Такимъ выгоднымъ положеніемъ московскіе князья сумѣли воспользоваться для возвышенія своего княжества. Располагая средствами страны, они стали постепенно скупать города и области удѣльных князей; а распорядясь верховнымъ надзоромъ за дѣйствіями князей—они становятся во главѣ русскаго войска и по своему положенію все болѣе приобретаютъ значеніе въ глазахъ народа. Выгодныя преимущества Московскаго княжества многихъ заставляютъ селиться на его земляхъ 1). Но подъ влияніемъ ожесточенной борьбы съ соперниками и отношеній къ ханамъ, у московскихъ князей слагается своя политическая традиція, которую они преслѣдуютъ неуклонно: въ средѣ московскихъ князей мы встрѣчаемъ рѣзко выдающіеся типы—*калиты* (мѣшокъ, наполненный деньгами), *гордыхъ* (Симеонъ) и *розныхъ* (Іоанъ III и IV).

Впрочемъ покровительство хановъ дало Москвѣ не одну матерьяльную силу, въ которой такъ нуждалось это ничтожное, сравнительно съ другими, княжество, князья котораго принадлежали къ младшей линіи. Съ этого времени оно приобретаетъ еще силу нравственную, которая сосредоточивалась тогда въ рукахъ вліятельнаго духовенства.

Существованіе въ Россіи одного митрополита, при недостаткѣ общей центральной власти, давало ему важное значеніе въ странѣ. Поэтому перемѣщеніе религіознаго центра вело къ важнымъ политическимъ перемѣнамъ. Сосредоточеніе политической жизни Россіи, послѣ татарскаго пораженія, во Владимірѣ вполнѣ установилось только съ переселеніемъ туда митрополита (1299 г.). Точно также возвышеніе Московскаго княжества стало рѣшительнымъ, когда русскіе митрополиты поселились въ Москвѣ (съ 1325), хотя они продолжали называться кіевскими и владимірскими 2). Митр. Петръ хорошо понималъ наступавшій порядокъ вещей, когда предсказывалъ торжество Москвы,

1) Лѣтописецъ отмѣчаетъ, что съ вступленіемъ на престолъ Іоанна Калиты наступила тишина по всей русской землѣ на 40 лѣтъ и татары перестали воевать ее. Полн. собр. рус. лѣт. IV, 51. Никон. лѣт. III, 141.

2) Маварій, IV, 70.

соединяя его при этомъ съ собственнымъ пребываніемъ въ ней и обращеніемъ ея въ религиозный центръ 1). Большая обезпеченность Московскаго княжества отъ политическихъ потрясеній благопріятствовала интересамъ церкви, точно также, какъ покровительство хановъ, оказываемое постоянно духовенству 2) и въ особенности его представителямъ, заставляло со стороны московскихъ князей желать тѣснаго союза съ послѣдними. Обѣзжая русскія города, митр. Петръ особенно любилъ долго проживать въ Москвѣ у Іоанна Калиты, щедрость котораго къ церкви и любовь къ духовенству были ему извѣстны. Желая ему услѣха во время тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствъ Россіи, Петръ присовѣтывалъ Іоанну построить каменный храмъ Богородицы и самъ поселился въ Москвѣ, гдѣ стали жить его преемники. Это не нравилось остальнымъ князьямъ, потому что они понимали настоящее значеніе совершившагося факта. Теперь духовенство принимаетъ дѣятельное участіе въ возвышеніи московскаго князя и переноситъ на него свои понятія о свѣтской власти.

Проникнутое понятіями о власти царской, говоритъ Соловьевъ, власти, получаемой отъ Бога и независимой ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей.... Вотъ почему, когда московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали съ стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечомъ свѣтскимъ противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный 3).

Въ дѣйствительности это проявлялось каждый разъ, когда интересы московскаго князя встрѣчались противодѣйствіемъ. Еще при предшественникѣ Іоанна Калиты—Георгіи возгорѣлась ожесточенная борьба съ Тверью. Георгій претендовалъ на владимірскій престолъ въ то время, когда имѣлъ на него права и получилъ приглашеніе изъ Владиміра Михаилъ Александровичъ тверской. Это произвело всеобщее по-

1) Никоновск. лѣт. III, 185.

2) Ханы освобождали его отъ всякихъ даней и пошлинъ; запрещали, подъ страхомъ смерти, своимъ подданнымъ посягать на церковное имущество и хулить христіанскую вѣру; а митрополитамъ даровали право безотчетнаго церковнаго суда. (Ярлыкъ Менгу-Тимура и Узбека, Собр. государ. грам. II, № 2, 7). Особеннымъ уваженіемъ у хановъ пользовались митрополиты Феогностъ и Алексѣй, которые сами ѣздили въ Орду.

3) Соловьевъ, IV, 79.



присоединение въ Суздальской землѣ. Чтобы рѣшить споръ оба соперника отпраивались къ хану Тохтѣ. Золото помогло Михаилу, но такое рѣшеніе не могло удовлетворить московскаго князя. Между ними вспыхнула ожесточенная война. Но со вступленіемъ на престолъ хана Узбека счастье измѣнилось въ пользу Георгія. Последний, женившись на ханской сестрѣ, получилъ грамоту на великовняжескій престолъ и татарское войско на помощь противъ Михаила. Михаилъ уступилъ Георгію первенство, прося только самостоятельности для своего княжества. Но Георгій хотѣлъ уничтожить противника. Однако при Бортновѣ онъ потерпѣлъ поражение, а его супруга была взята въ плѣнъ и, по свидѣтельству лѣтописцевъ, умерла насильственной смертію <sup>1)</sup>. Это послужило предлогомъ къ судебному процессу въ Ордѣ, начатому Георгіемъ. Михаилъ былъ приговоренъ къ смерти и замученъ въ Ордѣ. Впрочемъ тамъ выскотъ съ личными симпатіями, которыя пріобрѣтались подарками и угожденіемъ, мѣнялись и партій, и отношенія ихъ къ Россіи. Очевидно, что со смертію жены Георгія, его шансы въ Ордѣ значительно ослабли; потому что вскорѣ послѣ смерти Михаила великовняжескій титулъ достался его сыну Дмитрію, который рѣшился отомстить за своего отца московскому князю. Георгій, узнавъ о перемѣнѣ въ Ордѣ, снова поселился туда, но былъ убитъ Дмитріемъ собственноручно <sup>2)</sup>. Тогда престолъ достался Александру Михайловичу, не смотря на всѣ старанія брата Георгія—Іоанна Калиты.

Изъ всего хода этой борьбы видно, что московскіе князья рѣшились не шадить средствъ, чтобы достигнуть первенствующаго положенія въ Россіи; но ихъ рѣшительные поступки вызываютъ неудовольствіе въ Ордѣ, и тамъ видимо опасаются этихъ стремленій. Вотъ почему на первыхъ порахъ побѣдительницею вышла Тверь. Но это самое заставило въ Москвѣ еще зорче слѣдить за направленіемъ ханской политики и выжидать удобнаго случая къ перемѣнѣ ея. Іоаннъ Калита, посѣщая часто Орду, успѣлъ составить тамъ себѣ партію, которая готова была поддержать его во-время. Случилось, что одинъ изъ родственниковъ Узбека, князь Шевкаль, своими насиліями въ Твери, вызвалъ всеобщее возстаніе, во время котораго большая часть татаръ и онъ самъ были умерщвлены (1327). Узбекъ былъ крайне ожесточенъ такимъ

<sup>1)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. III, 72; IV, 49.

<sup>2)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. III, 73; Никонов. лѣт. III, 124.

поступкомъ — и поручилъ Иоанну Калитѣ наказывать тверскаго князя, приславъ ему на помощь сильное татарское войско. Московскій князь ревностно принялся преслѣдовать своего соперника, такъ что Александръ принужденъ былъ оставить свой удѣлъ и бѣжать во Псковъ. Узбекъ остался доволенъ Иоанномъ и вручилъ ему великое княжество, надворъ за русскими князьями и собраніе дани. Александра же вызвалъ къ себѣ на судъ, и, когда тотъ не явился, онъ снова поручилъ Иоанну наказывать его и представить въ Орду. Но псковитяне торжественно повѣлялись защищать тверскаго князя. Тогда Иоаннъ пробѣгнувъ къ крайнему средству. Онъ убѣдилъ («намовилъ», говоритъ летописецъ) митр. Феогноста наложить проклятіе и отлученіе на Александра и на весь Псковъ<sup>1)</sup>. Впрочемъ Александръ не хотѣлъ подвергаться псковитянъ отлученію, а потому разрѣшилъ ихъ отъ клятвы, данной ему, и самъ уѣхалъ въ Литву. Такимъ образомъ московскій князь восторжествовалъ надъ своимъ соперникомъ. Съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ пять разъ побивать въ Ордѣ, при чемъ каждый разъ возилъ богатые подарки, жилъ тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и по-году (1331—32 г.), и вѣсилъ въ Орду своихъ дѣтей. Все это вполне склонило Узбека на сторону Москвы и по смерти Иоанна онъ уже не затруднялся отдать престолъ его сыну Симеону; только со вступленіемъ на престолъ Чанибека московскому князю пришлось снова хлопотать о своемъ утвержденіи, тѣмъ болѣе, что въ Орду немедленно отправились Константинъ суздальскій и Константинъ тверской. Однако старанія митрополита Феогноста помогли Симеону. Такого же ревностного помощника въ своихъ дѣлахъ нашелъ Симеонъ и въ преемникѣ Феогноста митр. Алексѣѣ, который былъ сдѣланъ митрополитомъ по ходатайству самого Феогноста. Вотъ почему, умирая, Симеонъ совѣтовалъ своему преемнику «слушать» митрополита Алексѣя<sup>2)</sup>. Послѣдній дѣйствительно былъ вѣрнымъ оплотомъ для Москвы. Въ Ордѣ онъ пользовался славою святаго мужа, и потому къ нему оттуда обращались даже за молитвою, когда заболѣла глазами жена хана Чанибека — Тайдула. Три раза митр. Алексѣй посѣтилъ Орду и своимъ влияніемъ успѣлъ предотвратить походъ на Россію преемника Чанибека — Бердибека. Внутренняя дѣятельность митр. Алексѣя была направлена для поддержанія власти москов-

1) Полн. соб. рус. лѣт. IV, 51, 185.

2) Собр. госуд. грам. I, № 24.

2 vols. 8vo.  
K. 1000.

13  
C  
+

свѣто князи. Когда суздальскій князь Дмитрій обратился съ жалобою въ Дмитрію Іоанновичу на своего брата Бориса, который занялъ его наследственное владѣніе—Нижегородскую область; то великій князь потребовалъ его на судъ въ Москву; и когда тотъ отказался пріѣхать, то митрополитъ Алексѣй велѣлъ затворить церкви и прекратить богослуженіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, а суздальскій еписк. Арсеній, завѣдывавшій въ Нижнемъ-Новгородѣ, за свою приверженность къ Борису, былъ лишенъ Нижегородской области. Это значительно содѣйствовало окончанію дѣла въ пользу московскаго князя <sup>1)</sup>. Въ другой разъ митр. Алексѣй предалъ первоначальному отлученію смоленскаго князя Святослава и другихъ князей, которые, вопреки условію съ Дмитріемъ, не только не помогали ему противъ Ольгерда литовскаго, но даже содѣйствовали послѣднему. О всемъ этомъ московскій князь и митрополитъ дали знать константинопольскому патриарху Филоею, который вполне одобрилъ рѣшеніе митрополита, написавъ при этомъ и отлученнымъ князьямъ, что онъ до тѣхъ поръ не сниметъ съ нихъ проклятія, пока они не исполнятъ своего обѣта, и не падутъ къ стопамъ своего митрополита, который долженъ извѣстить его о раскаяніи виновныхъ <sup>2)</sup>. Одна Тверь продолжала заявлять себя по прежнему самостоятельно, что приводило въ негодование Дмитрія, и онъ рѣшился въ 1368 г., съ согласія митрополита Алексѣя <sup>3)</sup>, завзять къ себѣ, подъ предлогомъ дружбы, Михаила Александровича, и предалъ его суду. Тверской князь обязанъ былъ освобожденіемъ только татарскимъ князьямъ. Снова вспыхнула война между Тверью и Москвою, окончившаяся въ пользу послѣдней. Михаилъ тверской требовалъ у патриарха суда съ митрополитомъ; но тотъ отказалъ ему, совѣтуя покаяться и просить у него прощенія <sup>4)</sup>.

Постоянное участіе митрополита Алексѣя въ гражданскихъ дѣлахъ даю ему важное значеніе въ глазахъ вел. князя, и потому, когда Дмитрій Донской отправлялся въ Орду (1371), то не смотря на все желаніе митрополита сопутствовать ему, онъ былъ оставленъ въ Москвѣ, чтобы участвовать въ боярскомъ совѣтѣ <sup>5)</sup>. Патриархъ съ своей стороны

<sup>1)</sup> Никонов. лѣт. IV, 10; Карамзинъ, V, 4.

<sup>2)</sup> Acta Patriarch. Constantinop. I, 518—524. Макарій, Истор. церкви, IV, прилож. XI, XII.

<sup>3)</sup> Вешняковъ, Исторія возвыш. Москов. княжества, 9.

<sup>4)</sup> Acta Patriarch. I, 586, 590.

<sup>5)</sup> Полн. собр. русск. лѣт. VIII, 18; Никоновск. IV, 29.

старался поддержать высокое значеніе митрополита въ глазахъ вел. князя, и въ отвѣтъ ему на извѣстіе о происшествіяхъ въ Россіи, писалъ такъ: «митрополитъ, мною поставленный, носить образъ божій и вмѣсто меня находится у васъ, и всякій, кто покоряется ему и оказываетъ любовь и почтеніе, (оказываетъ это какъ самому Богу, такъ и нашей мѣрности. Всякая, оказываемая ему честь, переходитъ на меня, а черезъ меня къ Богу. И если митрополитъ возлюбилъ кого-либо за что-нибудь доброе: за благочестіе или за покорность; то и я такого благословляю, и Богъ благословитъ; напротивъ, еслибы онъ на кого прогнѣвался и облучилъ, то и я сдѣлаю то же»<sup>1)</sup>.

Вполнѣ признавая могущественное значеніе духовной власти въ судьбѣ Московскаго княжества, вел. князья съ своей стороны оказывали ей поддержку въ то время, когда она теряла свое вліяніе въ дѣловыхъ дѣлахъ. Такъ поступилъ Дмитрій Донской, когда новгородцы рѣшили отложиться отъ митрополитскаго суда, предославивъ церковный судъ своему архіепископу, который долженъ былъ руководствоваться только Номоканономъ. Въ другой разъ защитникомъ правъ митрополита явился Василій Дмитріевичъ, когда новгородцы отказали въ церковномъ судѣ Кларіану (1391 г.). Понимая, что «зависѣть отъ митрополита—значить зависѣть отъ Москвы»<sup>2)</sup>, Дмитрій и Василій возстановили прежнія отношенія Новгорода силою оружія.

Мы прослѣдили дѣйствія духовной власти въ борьбѣ московскихъ князей съ другими княжескими линиями, которыя считали себя вправе претендовать на соперничество съ Москвою. Но до сихъ поръ не въ стрѣчалось еще борьбы въ средѣ потомковъ Калиты. Она обнаружилась со вступленіемъ на престолъ Василя Темнаго. Условія особенно благоприятствовали этому междоусобию. Въ Москвѣ установился обычай наследованія по нисходящей линіи, которое укрѣплялось завѣщаніемъ. Но Василій Васидьевичъ имѣлъ при вступленіи на престолъ только 10 лѣтъ, и потому могъ встрѣтить сильнаго соперника въ дядѣ своемъ Юріѣ Звенигородскомъ, который отличался честолюбіемъ. Предвидя это, митрополитъ Фотій въ ту же ночь, когда умеръ Василій Дмитріевичъ, послалъ за Юріемъ, чтобы закрѣпить престолъ за Василіемъ Ва-

1) Acta Patriarch. Constant. I, 516. Макарій, IV, прилож. ХІ.

2) Соловьевъ, Обь отнош. Новгор. къ вел. князьямъ, 76; Исторія Россіи, IV, 7.

си и видимъ. Но Юрій не выиска, а выѣхалъ въ отдаленный Галичь, откуда потребовалъ перемирія. Завязалась борьба. Въ Москвѣ рѣшили судить прибѣгнуть къ посредничеству Фотія, который и отправился въ Галичь. Но Юрій не хотѣлъ и слышать о мирѣ, а настаивалъ только на перемирії. Тогда Фотій въ гнѣвѣ выѣхалъ изъ города, не благословя ни князя, ни народъ. Въ это время открылся моръ въ городѣ, который пришлось гнѣву митрополита. Въ страхѣ Юрій поскакалъ за митрополитомъ и едва успѣлъ со слезами умолить его возвратиться. Фотій возвратился, благословилъ городъ, а Юрій отправилъ своихъ пословъ въ Москву, которые заключили миръ съ великимъ княземъ, причемъ Юрій отказался отъ своихъ притязаній, съ условіемъ положиться на рѣшеніе хана, а въ 1428 г. и совсѣмъ отказался отъ своихъ правъ. Это объясняется тѣмъ, что въ 1427 г. мать великаго князя Софія Витовтовна ѣздила въ Литву и поручила отцу Московское княжество и своего сына. Но лишь только умеръ Витовтъ (1480 г.), Юрій отказался отъ преемняго обязательства (1431). Теперь рѣшеніе дѣла было перенесено въ Орду. Юрій опирался на *древній обычай* наслѣдованія и свое *старшинство*, причемъ приводилъ въ доказательство *мтмосисъ*; а сторожники Василія оцѣрились на *малость* хана. «Эта леть, говорить Со овъезъ, выражавшая совершенное презрѣніе къ старинѣ, прощивела свое дѣйствіе»<sup>1)</sup>. Ханъ далъ арлыкъ Василю, а Юрій уѣхалъ опять въ отдаленный Галичь, затаивъ въ себѣ подавленную злобу. Къ этому присоединились еще новыя обстоятельства, ускорившія развязку. Защитникъ Василя въ Ордѣ — бояринъ Иванъ Всеволодскій обманулся въ ожиданіи, что великій князь женится на его дочери и отѣхалъ къ Юрію въ Галичь; а одинъ изъ сыновей Юрія — Василій Косой былъ оскорбленъ на велико княжеской свадьбѣ матерью Василя, которая передъ всѣми сняла съ него дорогой поясъ, поднесенный въ приданое Дмитрію Донскому за дочерью суздальскаго князя Дмитрія Константиновича и подмѣненный на свадьбѣ тысящамъ Вельяминовымъ, который отдалъ его своему сыну Николаю, женившемуся на другой дочери суздальскаго князя. Перехода изъ рукъ въ руки, въ видѣ приданого, этотъ поясъ достался наконецъ Василю Косому. Эти-то обстоятельства послужили предлогомъ къ междоусобной борьбѣ, которую по

1) Соловьевъ, IV, 53.

смерти Юрія вели его синовья. Въ продолженіе всей борьбы московскій престолъ переходилъ отъ одного къ другому, то къ Юрію, то къ Василю, то къ Василию Косому, то къ Дмитрію Шемякѣ. Но самая борьба, напоминающая намъ удѣльными междоусобіями, соотвѣтственно духу времени, была ознаменована рядомъ жестокостей: Василій Васильевичъ велѣлъ ослѣпить Василя Косого; Дмитрій Шемяка—Василя Васильевича. Преслѣдуемый войсками великаго князя—Шемяка скрылся въ Новгородъ, но туда былъ подосланъ изъ Москвы дьякъ Степанъ Бородатый, который подговорилъ боярина Шемяки—Ивана Котова умертвить послѣдняго. Котовъ обратился къ его повару, и тотъ подаль на столъ Дмитрію курицу, напиканную ядомъ, отъ которой онъ и умеръ. Подьячій Василій Беда, прискакавшій съ этимъ извѣстіемъ въ Москву, былъ пожалованъ въ дьяки.

Во все время этой борьбы духовенство безусловно стояло на сторонѣ вел. князя московскаго. Ему Василій Темный отдаетъ на судъ свой споръ съ Дмитріемъ Шемякою; все духовенство пишетъ въ послѣднемъ грозное посланіе; митрополитъ Іона разсмѣляет свои грамоты вязьмъ и народу о проступкахъ Шемяки; митрополитъ и епископы сопутствуютъ московскому князю въ войскѣ противъ Шемяки <sup>1)</sup>. Въ первыхъ стрѣлахъ посланія, духовенство высказываетъ ясно свою основную мысль о царственномъ единодержавіи: оно сравниваетъ грѣхъ отпа Шемяки—Юрія, стремившагося захватить великокняжескій престолъ, съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе сравняться съ божествомъ; а Шемяку, за ослѣпленіе вел. князя, сравниваетъ съ братоубійцами—Канномъ и Святополкомъ. Точнѣе взглядъ духовенства опредѣляется словами: «кому дано что отъ Бога, того не можетъ снять у него никто». Въ заключеніе духовенство грозитъ Шемякѣ, если онъ не обратится къ Богу и вел. князю съ раскаяніемъ, — отлучить отъ церкви и отказываетъ въ благословеніи всякому, кто будетъ помогать Шемякѣ противъ вел. князя <sup>2)</sup>. Но Шемяка не обратилъ вниманія на все это, и только новый походъ вел. князя заста-

<sup>1)</sup> Соловьевъ, IV, 78, 82.

<sup>2)</sup> Акты историч. I, № 40. Какъ примѣръ наказанія божія, за гордость и высокомеріе, духовенство приводитъ между прочимъ рассказъ о царѣ Таридатѣ, обращенномъ въ вепря за гоненіе св. Григорія Великаго.

жилъ его смириться. Однако при удобномъ случаѣ онъ снова измѣнилъ, не смотря на *проклятыя* грамоты, данныя имъ на себя <sup>1)</sup>). Поэтому митр. Іона, въ окружной грамотѣ къ князьямъ и народу, убѣждалъ всѣхъ отложиться отъ Дмитрія и покориться вел. князю, грозя въ противномъ случаѣ прекратить богослуженіе въ странѣ и затворить всѣ церкви <sup>2)</sup>. Замѣчательно между прочимъ, что Шемяка укорялъ Василя Темнаго за то, что онъ держитъ при себѣ татаръ и опирается на ихъ помощь; но духовенство оправдывало это необходимостью, которая была вызвана дѣйствіями самого Шемяки, и потому приписывало вину послѣднему. Однако виновникъ не думалъ каяться и ввелъ себѣ притонъ у новгородцевъ, которые не хотѣли помогать Василю. Въ слѣдствіе этого Іона нѣсколько разъ писалъ въ Новгородъ, чтобы тамъ поберегли себя отъ него ради спасенія души. Новгородцы оправдывались стариннымъ своимъ обычаемъ принимать пріѣзжающихъ къ нимъ князей съ честью. Но въ Москвѣ мало были расположены къ новгородской старинѣ, и потому Іона сообщилъ новгородскому архіепископу, что Дмитрій Шемяка отлученъ отъ церкви, и запретилъ новгородцамъ даже ѣсть и пить съ нимъ <sup>3)</sup>. Смерть виновника прекратила дальнейшія тяжбы. Митрополитъ Іона вполне былъ преданъ интересамъ московскаго князя. Будучи еще епископомъ (рязанскимъ), онъ болѣе другихъ старался въ его пользу, и этимъ въ значительной степени объясняется возведеніе его въ митрополита <sup>4)</sup>. Онъ высоко поставилъ государственный авторитетъ московскаго князя. Не припаывая даже возможнымъ прежнее названіе великаго князя *братомъ* удѣльныхъ князей, Іона величаетъ его только ихъ *господаремъ* <sup>5)</sup>. Взаимное содѣйствіе духов-

<sup>1)</sup> На сколько московскіе князья сознавали необходимость поддержанія своего авторитета религиозными средствами, доказываетъ постоянное употребленіе въ періодъ образованія Московскаго государства такъ называемыхъ *проклятыхъ* грамотъ, которыя давали на себя въ обезпеченіе вѣрности, какъ удѣльные князья, такъ и бояре, пользовавшіеся въ удѣльный періодъ правомъ отъѣзда отъ одного къ другому князю.

<sup>2)</sup> Акты историч. I, № 43.

<sup>3)</sup> Акты экспедиц. I, № 372.

<sup>4)</sup> Соловьевъ, IV, 72, 80.

<sup>5)</sup> Акты историч. I, № 56. Посланіе митр. Іоны къ смоленскому епископу. Іоанна III удѣльные князья обвиновенно называютъ уже *государемъ* (Собр. госуд. грам. I, № 121; II, № 22). Признанія этого титула онъ самъ требовалъ отъ свободнаго Новгорода, что послужило предлогомъ къ окончательному разрыву между ними.

ной и свѣтской власти въ дѣлѣ политическаго возвышенія Московскаго княжества и въ послѣдующее время было постояннымъ средствомъ противъ всякихъ посягательствъ на его вѣребладаніе. Когда въ Новгородѣ оставилась партія, желавшая отстоять его самостоятельность союзомъ съ Литвою и подчиненіемъ новгородской церкви кievскому митрополиту; то Іоаннъ III объяснялъ новгородскому архіепископу Іоанѣ, что кievскій митрополитъ Григорій поставленъ въ Римѣ патриархомъ Григоріемъ, признавшимъ унию, и что подобное соединеніе будетъ равняться отпаденію отъ православія въ латинство; при чемъ напомнилъ ему обязательство покоряться митрополиту московскому <sup>1)</sup>. А митрополитъ, убѣждая новгородцевъ покоряться московскому князю, приводилъ имъ въ примѣръ Константинополь, который до тѣхъ поръ стоялъ непоколебимо, пока сохранялъ православіе, а когда нарушилъ его (унію), то впалъ въ руки невѣрныхъ. Тѣмъ болѣе, заключаетъ онъ, слѣдуетъ заботиться о сохраненіи истины на концѣ вѣковъ (нашею на приближающийся конецъ 7000 лѣтъ), чтобы не восторжествовало латинство <sup>2)</sup>.

Сохраненіе церковнаго единства было однимъ изъ главныхъ мотивовъ, удержавшихъ Новгородъ въ союзѣ съ Москвою. Религіозный вопросъ помѣшалъ образоваться тамъ сильной литовской партіи и усилить московскую, стоявшую за подчиненіе московскому митрополиту, а это значительно способствовало успѣху Іоанна III. И завоеванію Вятской республики также предшествовали убѣдительныя посланія митрополита Героятія о покорности вел. князю, съ обещаніемъ, если вятчане не послушаютъ его словъ, вывести изъ этихъ области всѣхъ священниковъ и закрыть церковь <sup>3)</sup>.

Совершивъ патріотическій подвигъ соединенія разрозненныхъ княжествъ въ одно цѣлое и самостоятельное государство, какъ основатель его величія (Даніилъ Александровичъ), такъ и дѣятели его возвышенія (митр. Петръ, Феогностъ, Алексѣй, Кипріанъ, Фотій, Іона) остались въ памяти признательнаго потомства ореоломъ святости. Выступая на борьбу противъ враговъ отечества, московскіе государи каз-

1) Акты экспед. I, № 80.

2) Акты историч. I, № 280, 281.

3) Ibid, I, № 97, 98. Передъ присоединеніемъ послѣднихъ удѣловъ при Василіи III, по улицамъ Москвы ходилъ юродивый съ метлою — и на вопросъ: зачѣмъ онъ вьзаль ее? отвѣчалъ: «государство еще не совсѣмъ очищено, пора вымести и послѣдній соръ». Соловьевъ, V, 407.



дѣлѣ разѣ испрашивали себѣ силу духа, а государству—необходимую защиту у гробовъ этихъ покровителей русской земли: +

Въ томъ же духѣ, какъ и высшая іерархія, въ пользу московскаго князя дѣйствовали монастыри. Ихъ симпатіи въ этомъ случаѣ, кромѣ побужденій, общихъ всему духовенству, исходили изъ двухъ источниковъ: матеріальной зависимости отъ свѣтской власти и принципа подчиненности, который составлялъ духъ монастырскаго устава. Князья говорятъ Милютинъ, изъ существованія монастырскихъ имуществъ извлекали чисто политическую пользу, такъ какъ посредствомъ этихъ имуществъ, сохраненію и увеличенію которыхъ они могли содѣйствовать или препятствовать,—держали въ постоянной отъ себя зависимости одно изъ самыхъ могущественныхъ и вліятельныхъ сословій; съ другой стороны, они выигрывали чрезвычайно много отъ того, что это сословіе, составлявшее въ прежнія времена главную ихъ опору, присоединило въ своему нравственному могуществу—могущество матеріальное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ борьбѣ своей съ удѣльными князьями и съ волными городами, и вообще въ исполненіи своихъ политическихъ видовъ и намѣреній, московскіе князья пріобрѣли много содѣйствія и помощи отъ духовенства, и нѣтъ сомнѣнія также, что это содѣйствіе не было-бы такъ искренно и въ тоже время такъ могущественно, если-бы съ одной стороны, существованіе церковныхъ имуществъ не связывало интересовъ духовенства съ интересами московскихъ князей; а съ другой не увеличивало-бы вліяніе его на народъ и не возвышало его значенія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ особенности должно обратить при этомъ вниманіе на содѣйствіе, оказанное духовенствомъ московскимъ князьямъ въ борьбѣ ихъ съ удѣльными и въ стремленіи къ водворенію единодержавія; нѣтъ никакого сомнѣнія, что (одною изъ главныхъ причинъ преданности духовенства видамъ и политикѣ московскихъ князей было убѣжденіе въ тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя оно должно было пріобрѣсти отъ сосредоточенія всѣхъ владѣній въ рукахъ одного князя. Дѣйствительно, при существованіи удѣловъ, духовенству было гораздо труднѣе охранять безопасность своихъ владѣній и правъ, ибо сохраненіе этой безопасности зависѣло не отъ одного, но отъ многихъ; а удѣльные князья чаще нарушали права духовенства, чѣмъ великіе, что и было причиною желанія многихъ монастырей освободиться отъ зависимости мѣстнымъ владѣльцамъ и перейти въ непосредственное вѣдѣніе московскихъ князей. Нигдѣ права духовенства не нарушались

такъ часто, какъ въ Новгородѣ, и нигдѣ не появилась такъ рано, какъ въ этомъ городѣ, мысль о секуляризаціи, — именно потому, что тамъ покровительство московскихъ князей и митрополита имѣло менѣе значенія, и мѣстное духовенство находилось въ совершенной зависимости отъ мѣстнаго свѣтскаго правительства. Разсѣянность монастырскихъ вотчинъ по разнымъ княжествамъ еще болѣе заставляла духовенство желать уничтоженія удѣловъ, ибо сопровождалась не только неудобствами въ управленіи, но и большею трудностью въ сохраненіи приобрѣтенныхъ правъ и въ огражденіи ихъ отъ нарушеній. Особенно, въ случаѣ войны между удѣльными князьями, духовенство одного удѣла легко могло лишиться своихъ вотчинъ, находившихся въ другомъ удѣлѣ, потому что въ то время всѣ средства вредить врагу считались дозволенными. По всѣмъ этимъ причинамъ духовное сословіе должно было ревностно желать сосредоточенія всѣхъ удѣловъ въ рукахъ одного князя, ожидая отъ того многихъ выгодъ и не предвидя тѣхъ неудобствъ, которыя въ послѣдствіи для него возникли именно изъ этого сосредоточенія<sup>1)</sup>. Иримѣръ Іоанна III, взявшаго въ казну, за отпаденіе Новгорода, половину епископскихъ и монастырскихъ вотчинъ Новгородской области, показываетъ, какъ смотрѣло московское правительство на имущественныя отношенія къ себѣ духовенства и преимущественно монастырей, и чего могли ожидать послѣдніе въ случаѣ нарушенія этихъ отношеній. При этомъ заслуживаетъ вниманіе то обстоятельство, что Іоаннъ III взялъ новгородскія вотчины по благословенію того же самого митрополита Симона, который на соборѣ 1503 г., подъ страшными запрещеніями, не допустилъ его отобрать въ государственную собственность всѣ монастырскія земли.

(Чтобы закрѣпить за собою расположеніе монастырей, московскіе князья освобождали ихъ отъ зависимости епархіальнымъ судамъ и подчиняли ихъ собственной власти.) Еще Василій Темный принялъ подъ свое покровительство отъ удѣльныхъ князей монастыри Троицко-Сергіевъ, Каменскій и Толгскій. Приобрѣтая удѣльныя области, московскіе князья оставляли за собою право верховнаго суда надъ монастырскими землями, какъ это существовало прежде подъ управленіемъ удѣльныхъ князей, освобождавшихъ монастыри отъ суда своихъ

<sup>1)</sup> Милютинъ, О недвижимыхъ имущ. духовенства, Чтен. Моск. общ. истор. 1861, I, 397—398.

наместниковъ и волостелей. Московскіе князья принимали подъ свое покровительство монастыри, которые обращались къ нимъ съ жалобой на притѣсненія своихъ удѣльныхъ князей. Они приписывали одни монастыри къ другимъ, которые уже находились подъ ихъ непосредственнымъ судомъ (Иоаннъ Грозный приписалъ 11 монастырей въ Троицкой заврѣ и 4 къ Бѣлозерскому). (Послѣ ограниченій, въ половинѣ XVI в., распространенія монастырскихъ вотчинъ безъ вѣдома государя, когда послѣдній дѣлалъ исключеніе въ пользу какого-нибудь монастыря, то обыкновенно вновь приобретенныя вотчины, въ судебномъ отношеніи, подчинялись юрисдикціи московскаго государя. Не желая въ извѣстныхъ случаяхъ подчиняться суду наместниковъ, управлявшихъ областями, монастыри сами охотно обращались къ вел. князю съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство, и такая просьба всегда исполнялась, какъ по религиозному побужденію, такъ и по политическому расчету <sup>1)</sup>). Отдаленные монастыри, основанные въ глуши отшельниками, по этой причинѣ, не подлежали надзору ближайшаго епископа; но съ распространеніемъ государственной территоріи, они входили въ непосредственное управленіе московскаго князя. (Но монастыри тяготились даже зависимостью отъ епископовъ.) »Владѣльческія права архіереевъ сильно высказывались въ церковномъ управленіи XV—XVII вѣка. Епископы «переняли въ значительной степени отъ князей и вотчинниковъ формы, въ которыхъ выражались владѣльческія права. Они имѣли дворы изъ бояръ, боярскихъ дѣтей, окольниковъ, изъ которыхъ избирали десятниковъ, недѣльщиковъ, подводчиковъ. Эти лица завѣдывали управленіемъ, судомъ, расправою, сборомъ податей. Ихъ судъ былъ обременителенъ и не всегда справедливъ. Въ какомъ отношеніи стояли монастыри къ своимъ епископамъ, въ такомъ же отношеніи находились послѣдніе къ митрополиту и патриарху. Вотъ почему рано (еще въ XIV в.) пробуждается стремленіе подчиненныхъ монастырей и епископовъ освободиться отъ правъ высшей инстанціи. Прежде другихъ это стремленіе обнаруживается въ свободной области Новгорода, который постоянно боролся за независимость своею церквію отъ суда московскаго митрополита. Монастыри стараются освободиться

<sup>1)</sup> Въ московскомъ архивѣ министер. юстиціи хранятся «десятки тысячъ разныхъ грамотъ, въ числѣ которыхъ «множество несудимыхъ». Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 33.

отъ епископскихъ наместниковъ и самого епископа. Единственный же выходъ для нихъ заключался въ подчиненіи верховному суду великаго князя, и монастырямъ это вполне удается. Всѣ дѣла такихъ монастырей съ половины XVI в. до XVII поступали въ вѣдѣніе Приказа Большаго Дворца, чрезъ который уже докладывались государю. Со временемъ, въ слѣдствіе расширенія занятій, въ этомъ приказѣ образовалось особое отдѣленіе для монастырскихъ дѣлъ, а при Алексѣѣ Михайловичѣ оно обратилось въ самостоятельное учрежденіе—Монастырскій Приказъ<sup>1)</sup>.

Изъ этого видно, что матеріальные интересы монастырей вполне совпадали съ политическими стремленіями московскихъ государей. А послѣдніе въ этомъ случаѣ легко достигали цѣли при обширности монастырской территоріи, которая тянулась во всѣхъ направленіяхъ на пространствѣ Московскаго государства. Соединеніе этихъ интересовъ приводило въ тѣсную связь отдаленныя области съ центромъ государства. Московскіе государи обладали на столько политическимъ тактомъ, что поняли ту нравственную силу, которая руководила самыми вѣдшими побужденіями общества, и потому могла привести его къ такимъ результатамъ, отъ которыхъ они ожидали блага для цѣлаго государства.

Но матеріальныя выгоды, предоставленныя монастырямъ свѣтскою властью, составляли только одну сторону дѣла. Какъ удѣльные князья, такъ и московскіе государи старались приобрести расположеніе монастырей болѣе близкими отношеніями къ нимъ. Оттуда избирали они придворныхъ духовниковъ<sup>2)</sup> и духовныхъ отцовъ для своихъ дѣтей<sup>3)</sup>; туда обращались они за молитвою по случаю домашнихъ несчастій и

1) Горняковъ, Монастырскій приказъ, 26—66.

2) У Дмитрія Донскаго духовникомъ былъ племянникъ Сергія Радонеж. — Осодоръ Ростовскій; у Иоанна III—Митрофанъ, архимандр. Андрониковскаго монаст. (Собр. госуд. грам. I, № 144); у Юрія Дмитриевича звенигородскаго—Савва Сторожевскій (см. его житіе).

3) Дѣтей Дмитрія Донскаго крестилъ Дмитрій Прилуцкій (см. его житіе); у Иоанна III—Вассіанъ архіепископъ ростовскій и игуменъ Троицкой лавры Паисій (Василія Иоанновича и Георгія. Соловьевъ, V, 216); у Андрея Васильевича Угличскаго—Паисій Угличскій (двухъ сыновей. Житіе Паисія); у Василія Иоанновича—Кассіанъ Босый и Даниэль Переяславскій (Иоанна Грознаго. Акты историч. I, 410); у дѣтей Иоанна Грознаго—Геннадій Любимскій и Андрей Ондаровскій (см. ихъ житія).

радостей<sup>1)</sup>. Изъ монастырей обыкновенно набирались лица на высшія церковныя мѣста; при этомъ по преимуществу обращалось вниманіе или на отшельниковъ, извѣстныхъ своими аскетическими подвигами, или на лицъ, занывшихъ себя расположеніемъ въ пользу власти<sup>2)</sup>. Последнее обстоятельство беретъ перевѣсъ въ эпоху образованія Московскаго государства, когда политическіе интересы возобладали надъ остальными) (Митрій, Іона, Давидъ, Манарій, Аззасій, патриархъ Іовъ).

Нѣкоторые изъ отшельниковъ пользовались особеннымъ благоволеніемъ у московскихъ правителей: Сергій Радонежскій—у Дмитрія Донскаго; Мартиніанъ Бѣлозерскій—у Василя Темнаго; Пафнутій Боравскій и Палсій Ярославовъ—у Іоанна III; Антоній Сійскій и Геннадій Любимскій въ семействѣ Іоанна Грознаго. Постояннымъ и любимымъ удовольствіемъ для московскихъ государей было посѣщеніе монастырей. Эти путешествія совершались по нѣскольку разъ въ годъ и назывались по времену весенними, лѣтними, осенними и зимними. Кроме того они были извѣстны по имени монастырей: троицкіе походы совершались въ Троицкую лавру; саввичскіе или звенигородскіе—въ монастырь Саввы Сторожевскаго; кашинскіе—въ мощамъ Анны Кашинской; перяслав-

1) Борисъ Александровичъ Тверской посылалъ свою дочь Марію на крещеніе къ Евфросину Тверскому; въ болѣзни Софін Витовтовна Василій Дмитріевичъ обращался къ Іакову Желзноборскому; Іоаннъ Грозный, по случаю болѣзни сына, ѣздилъ въ Бѣлозерскій монастырь; Михаилъ Феодоровичъ, за освобожденіе Филарета, далъ обѣтъ посѣтить монастырь Макарія Унженскаго. Желая имѣть сна, Михаилъ Феодоровичъ обращался съ молитвою къ Елеазару Анверскому, который поэтому пользовался большимъ уваженіемъ у Алексѣя Михайловича. См. житія означенныхъ лицъ.

2) Первый русскій митрополитъ Иларіонъ былъ отшельникомъ. Кириллъ Туровскій—столпникомъ; Кириллъ Смолятичъ—затворникомъ. Митр. Алексѣй хотѣлъ избрать въ митрополиты послѣ себя Сергія Радонежскаго; Іоаннъ III—Палсіа Ярославова; но они оба отказались. Филиппъ II и патр. Никонъ были извѣстны прежде какъ строгіе отшельники. Какъ въ греческой церкви (Твор. св. отц. т. XIX; Правосл. соб. 1863, II), такъ и въ русской (Макарій, III, 206) существовалъ обычай избирать епископовъ и изъ блага духовенства; но съ развитіемъ значенія монашества—оно получаетъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе и наконецъ совершенно вытѣсняетъ остатокъ старины. Въ греческой церкви этотъ поворотъ рѣзко обозначается со времени Юстиніана I, хотя и въ послѣдствіи долго еще держался старинный порядокъ.

скіе — въ монастыри Переяславля-Залѣскаго; *можыцкіе* — въ монастырь Николая Можыцкаго; *колязинскіе* — въ монастырь Маварія Колязинскаго; *урѣшскіе* — въ Угрѣшскій монастырь; *кирилловскіе* — въ Бѣлозерскій монастырь; *боровскіе* — въ монастырь Пафнутія Боровскаго; *улицскіе* — въ монастырь Паисія Угличскаго <sup>1)</sup>. Особенно часто были посѣщаемы тѣ монастыри, которые пользовались уваженіемъ у князей, или по ихъ личнымъ симпатіямъ, или по временнымъ обстоятельствамъ <sup>2)</sup>. Троицкіе походы, какъ болѣе близкіе и важные, отличались необыкновенною пышностью. Царская фамилія обыкновенно отправлялась въ сопровожденіи нѣсколькихъ отрядовъ, одѣтыхъ въ богатые уборы, съ военною музыкою и со всѣми принадлежностями для пути (съ казною, оружіемъ, постелями, мастерами, кухней). Шатры, которые разбивались на ночлегъ, были убраны шолховыми и дорогими тканями и составляли цѣлый городокъ. Свита цари и царицы поражала своею азіатскою пышностью. Сбруя коннаго отряда вся горѣла въ золотѣ и серебрѣ; а лошади изъ царскаго отряда были накрыты персидскими коврами, вытканными серебромъ и золотомъ. Царская гарета ослѣпляла взоръ блескомъ золота и хрустала. Самое путешествіе, не смотря на близость, тянулось нѣсколько дней (до 4, 5). Въѣзжавъ въ монастырь, царь получалъ отъ игумена посохъ въ знакъ власти надъ монастыремъ на все время пребыванія въ немъ. На пути обыкновенно царь и царица раздавали милостыню нищимъ и больнымъ, а въ монастырѣ щедро надѣляли братію деньгами и вещами. Въ замѣтъ этого монахи подносили имъ деревянную посуду своего издѣлія, раскрашенную разноцвѣтными красками и золотомъ. Иногда впрочемъ царица предпринимала подобное путешествіе, по объѣту, пѣшкомъ. Не смотря однако, что эти походы совершались по монастырямъ, государи и ихъ свита брали съ собою сундуки, наполненные образами и другими вещами, необходимыми для отправленія домашнихъ обрядовъ. Подобныя странствованія двора по монастырямъ продолжались до начала XVIII вѣка <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Забѣлинъ, Троицкіе походы, Чтен. Моск. общ. исторіи, 1846, № V, 27, 28.

<sup>2)</sup> Василій Іоанновичъ любилъ посѣщать монастыри Комельскій, Бѣлозерскій (Полн. соб. рус. лѣт. VI, 264, 265, 283) и Волоколамскій; Алексій Михайловичъ — Сторожевскій.

<sup>3)</sup> См. описаніе похода 1675 г. Адольфа Лизева, секретаря цесарскаго посольства. Журн. мин. народ. просв. 1837, ноябрь. Троиц. походы, Забѣлина.

При такихъ близкихъ отношеніяхъ въ власти, монастыри сдѣлались проводниками въ обществѣ идея порядка и верховнаго значенія свѣтской власти. Основатели монастырей воспитывали своихъ учениковъ и послѣдователей въ повиновеніи власти, что вполне соответствовало безусловной покорности, которая составляла духъ монастырской жизни <sup>1)</sup>. Въ дѣйствительности они всегда являлись защитниками господствующаго порядка вещей; а московское правительство всегда находило въ нихъ вѣрную поддержку. Сергій Радонежскій принялъ на себя полномочіе отъ митр. Алексѣя затворить церкви въ Нижнемъ Новгородѣ, если Борисъ Константиновичъ откажется явиться на судъ въ Москву, и своими рѣшительными дѣйствіями заставилъ его смириться. <sup>2)</sup> Въ другой разъ Дмитрій Іоанновичъ избралъ его посредникомъ въ сношеніяхъ съ Олегомъ Рязанскимъ. Не чувствуя себя въ силахъ усмирить рязанскаго князя оружіемъ, московскій князь надѣялся достигнуть цѣли посредствомъ вліянія Сергія, прославившагося тогда уже своими подвигами. По словамъ лѣтописца, Сергій сумѣлъ подѣйствовать на Олега своими «рѣчами» и убѣдилъ его согласиться на вѣчный миръ <sup>3)</sup>. Григорій Пеньшемскій, не смотря на то, что происходилъ отъ галицкихъ дворянъ (Лопотовыхъ), во время (1433 г.) правленія Юрія Дмитріевича (галицкаго) ходилъ въ Москву и убѣждалъ его возвратить престолъ Василю Василовичу, какъ наследственную собственность. Вскорѣ послѣ того Юрій оставилъ Москву. Но когда въ слѣдующемъ году Дмитрій Шемяка сталъ опустошать Вологодскую область, принадлежавшую Василю, Григорій, побуждаемый народомъ, отправился къ нему. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ выставилъ онъ бѣдствія, внесенныя имъ въ страну, и хотя былъ за это свергнутъ съ моста, но Шемяка принужденъ былъ оставить Вологду <sup>4)</sup>. Еще рѣзче въ эту эпоху выдается дѣятельность Бѣлозерскаго монастыря. Послѣ долгой борьбы съ переменнымъ счастіемъ, Василій Темный принужденъ былъ предоставить московскій престолъ Дмитрію Шемякѣ, и выдать ему на себя обычныя въ то время «проклятыя» грамоты. За-

1) См. наставленіе Геннадія Любимскаго, въ его житіи у Филарета, январь.

2) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 65.

3) Никон. лѣтоп. IV, 151.

4) Арцыбашевъ, Повѣствъ о Россіи, II, 182, 183.

ручившись свидѣтельствомъ епископовъ, игуменовъ и остальныхъ духовенства, Шемяка выпустилъ московскаго князя изъ заключенія, представивъ ему въ управленіе Вологду. Отправляясь въ свой удѣлъ, Василій захватилъ въ Кирилловъ монастырь. Въ это время игумень Троицкѣ съ братією всего монастыря выступилъ съ убѣдительною рѣчью: чтобъ Василій немедленно старался возвратити свой престолъ. Благословивъ Василя и его дѣтей на престолъ, онъ сказалъ: «тотъ грѣхъ, что ты цѣловалъ крестъ и давалъ на себя грамоты Дмитрію Шемякѣ, пусть будетъ на мнѣ и на всей братіи, а ты, государь, ступай съ Богомъ и своею правдою въ свою вотчину — на великое княженіе». Въ томъ же духѣ въ пользу Василя высказался игумень Обрѣпонтскаго монастыря — Мартиніанъ. Въ слѣдствіе этихъ побужденій, Василій рѣшился дѣйствовать противъ Шемяки <sup>1)</sup>. Утвердившись на престолѣ, Василій немедленно вызвалъ Мартиніана въ Москву и сдѣлалъ его игуменомъ Троицкой лавры, надѣясь имѣть въ немъ твердую опору <sup>2)</sup>. Василій не ошибся; имя Мартиніана встрѣчается въ грозномъ посланіи духовенства противъ Дмитрія Шемяки <sup>3)</sup>. Но когда Василій Тешный, вопреки данному слову, заключилъ одного вельможу, святаго Мартиніаномъ на поруки, въ тюрьму; то послѣдній лишилъ великаго князя своего благословенія, и тотъ принужденъ былъ уступить. Освободивъ заключеннаго, Василій, въ сопровожденіи бояръ, отправился къ разгнѣванному игумену просити прощенія <sup>4)</sup>.

Политическая традиція монастырей въ пользу московскихъ князей ведетъ начало отъ представителя монашества сѣверо-восточной Россіи — Сергія Радонежскаго. Мы видѣли, какъ дѣйствовалъ онъ каждый разъ, когда нарушались интересы московскаго князя. Но съ его именемъ соединяется также воспоминаніе объ одномъ изъ па-

1) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 146, и Житіе Мартиніана Бѣлозерскаго.

2) Житіе Мартиніана Бѣлозерскаго. Мартиніанъ вышелъ изъ Бѣлозерскаго монастыря и былъ ученикомъ Кирилла Бѣлозерскаго. Его біографъ рассказываетъ, что Мартиніанъ пришелъ въ монастырь на 13 году; Кириллъ немедленно озаботился выучить его грамотѣ. Вблизи монастыря жилъ дьякъ Алексѣй Павломъ, который занимался переписываніемъ книгъ и обученіемъ дѣтей. Призвавъ его въ монастырь, Кириллъ поручилъ ему заняться съ Мартиніаномъ, что тотъ и исполнилъ.

3) Акты исторіи. I, № 40.

4) Житіе Мартиніана Бѣлозерскаго.



ціональнихъ событій Россіи — Куликовской битвѣ. Рѣшившись выступить противъ татаръ, Дмитрій Донской отправился сначала въ Троицкій монастырь, чтобы намѣстѣ испросить благословеніе игумена. Сергій совѣтовалъ откупиться отъ Мамаѣ; но когда узналъ рѣшимость Дмитрія дѣйствовать оружіемъ — благословилъ и далъ ему, по его желанію, двухъ своихъ монаховъ (Ослябю и Пересвѣта), служившихъ прежде въ войскѣ, но, по обычаю того времени, промѣнявшихъ мечъ на четки, и теперь еще выдававшихся въ средѣ братіи мужественнымъ видомъ и силою. Сергій отпустилъ ихъ, и оба они пали въ битвѣ <sup>1)</sup>. Стараясь поддержать великаго князя, Сергій во время самой битвы отправилъ къ нему одного старца съ хлѣбомъ Богородицы и посланіемъ, которое произвело на Дмитрія желанное дѣйствіе <sup>2)</sup>. Все это высоко поставило Сергія въ глазахъ московскихъ государей и народа. Съ тѣхъ поръ московскіе правители не предпринимали ни одного дѣла, ни военнаго, ни государственнаго, ни семейнаго, не побывавъ прежде въ Троицкой лаврѣ. Эта обитель сдѣлалась «моленною» у московскихъ государей; а св. Сергій обыкновенно назывался «заступникомъ, помощникомъ и кормителемъ всѣхъ російскихъ царей» <sup>3)</sup>.

Эта политическая традиція перешла и въ ученикамъ Сергія. Во время борьбы Василя Темнаго съ Дмитріемъ Шемякою (1441—51), въ удѣлѣ послѣдняго, близъ Боровска, возникъ новый монастырь, основанный игуменомъ Высоцкаго монастыря (въ Боровскѣ) — Пафнутіемъ ученикомъ тамошняго старца Никиты, который въ свою очередь былъ ученикомъ Сергія Радонежскаго. Современники придавали этой связи большое значеніе <sup>4)</sup>. По своему происхожденію, Пафнутій былъ потомкомъ одного изъ татарскихъ баскаковъ временъ Батия. Боровскій князь Василій Ярославичъ былъ недоволенъ, что Пафнутій перешелъ въ предѣлы Суходола, принадлежавшаго Шемякѣ, и сначала преслѣдовалъ его за это; но послѣ пораженія Шемяки Суходоль достался Василю Боровскому. Однако онъ имъ владѣлъ недолго. По изгнаніи его изъ удѣла, Суходоль вошелъ въ составъ Московскаго княжества. Семейныя преданія перенесли въ Москву почитаніе къ новому монастырю. За Василю Темнымъ была сестра Василя Ярославича — Марія

1) Костомаровъ, Историч. изслѣд. и моногр. III, Куликовская битва.

2) Сказаніе о мамаевомъ побоищѣ, у Сахарова.

3) Троицкіе походы, 29.

4) Иосифъ Волоколамск. въ Сказан. о монастыр. русской земли.

которая покровительствовала Пафнутію въѣздами и во смерти его сдѣлала даже приношеніе въ Кирилловскій монастырь для поминовенія по немъ. Сынъ Василія Темнаго Георгій, слѣдуя примѣру матери, также дѣлалъ пожертвованія въ Боровскій монастырь и часто посѣщалъ Пафнутія, который особенно любилъ его за *бесбрачную* жизнь. Самъ Георгій рассказывалъ многимъ, что трепеть и ужасъ нападалъ на него, когда онъ приходилъ въ Пафнутію.

Пафнутіи съ своей стороны сохранялъ постоянную привязанность къ московскимъ князьямъ. Когда въ 1472 г. Иванъ Васильевичъ уступилъ своему брату Борису Вышегородскую волость съ Суходоломъ, то Пафнутіи не пожелалъ, чтобы его монастырь отенелъ отъ великаго князя, и потому билъ ему челомъ, чтобы послѣдній взалъ его монастырь подъ свою державу. Великій князь согласился.

Пользуясь большимъ уваженіемъ въ семействѣ московскихъ князей, Пафнутіи успѣлъ великолѣпно отдѣлать свой монастырь. Въ немъ была каменная, богато украшенная живописью, церковь, снабженная утварью и книгами, которой удивлялись князья, бояре и простые люди <sup>1)</sup>. Съ своими учениками и слушателями Пафнутіи любилъ особенно бесѣдовать о судьбахъ Московскаго княжества, при чемъ сообщалъ имъ много преданій о московскихъ великихъ князьяхъ. Эти рассказы имѣли назидательный характеръ, такъ какъ онъ обыкновенно придавалъ имъ таинственно-религіозный смыслъ. Въ разговоръ о морѣ входитъ между прочимъ нѣсколько преданій объ Іоаннѣ Калитѣ и митр. Петрѣ, о воскресшей монахинѣ, которая посѣтила во время смерти загробный міръ и видѣла въ раю Іоанна Калиту.

Московскіе князья высоко цѣнили отношенія Пафнутія Боровскаго къ себѣ. Во время предсмертной болѣзни Пафнутія, посоль за посломъ являлись въ его монастырь отъ Іоанна III, супруги его Софіи и матери—Маріи Ярославны. Митр. Геронтіи и верейскій князь Михайлъ Андреевичъ, расположенный къ великому князю, также отягча-

<sup>1)</sup> Пафнутіи вообще отличался хозяйственнымъ устройствомъ монастыря, что было необходимо при его богатствѣ и политическомъ значеніи. Инновентій, ученикъ Пафнутія, рассказываетъ, что послѣдній позвалъ его однажды обойти монастырь. Они пришли къ пруду, устроенному имъ съ большимъ трудомъ. Увидѣвъ, что вода протекла подъ плотину, Пафнутіи сталъ учить Инновентія, какъ слѣдуетъ преградить теченіе воды.

лись усердіемъ къ нему. Послѣдній изъ нихъ самъ посѣтилъ монастырь, завѣщавъ ему нѣсколько деревень и пожелавъ, чтобы его похоронили въ монастырѣ Пафнугія. По смерти, Пафнугійъ сталъ семейнымъ святымъ у московскихъ князей. Іоаннъ Грозный ставилъ его на ряду съ Сергіемъ Радонежскимъ и Кирилломъ Бѣлазерскимъ. Его молитвамъ приписывали рожденіе самого Іоанна. Дѣйствительно, Василій Іоанновичъ избралъ воспитанниками своего перваго сына учениковъ Пафнугія—Даніила Передславскаго и Кассіана Босаго, на что обращаетъ вниманіе Степенная книга. Авторъ біографіи Пафнугія величаетъ его «заступникомъ русскаго самодержца» и проситъ его помолиться, чтобы и на будущее время «Богъ вѣнчалъ его потомковъ царскимъ вѣнцомъ и даровалъ имъ побѣды на враговъ». Все это было причиною, что извѣстія о Пафнугіѣ вошли въ русскую лѣтопись<sup>1)</sup>.

Въ тѣхъ же началахъ воспитанъ ученикъ Пафнугія Боровскаго—Іосифъ Волоколамскій. Но дѣятельность его была гораздо шире.

Іосифъ родился въ 1430-мъ или 40 году и былъ сынъ вотчинника изъ предѣловъ Волоколамскаго; а дѣдъ его (Саниа—Александръ, отсюда фамилія Іосифа—Санинъ) вынелъ изъ Литвы и умеръ монахомъ. Вообще въ родѣ Саниныхъ была наклонность къ монастырской жизни. Тамъ, изъ этой фамиліи упоминается 14 именъ монашескихъ мужескихъ и четыре женскихъ, а мірскихъ—одно мужское и ни одного женскаго. Поэтому вліяніе примѣра на Іосифа вполне понятно; къ тому же на восьмомъ году онъ былъ отданъ учиться грамотѣ въ монастырь. Сохранилось извѣстіе, что уже въ раннихъ лѣтахъ Іосифъ отличался начитанностью и умѣніемъ пѣть. Живя въ монастырѣ, онъ постоянно посѣщалъ церковь, а характеръ книгъ такъ подѣйствовалъ на него, что уже въ эту пору Іосифъ сталъ разсуждать о скоротечности земной жизни. По окончаніи обученія, Іосифъ возвратился въ свой домъ. Къ этому времени относится его дружба съ «вельможнымъ отрокомъ» Борисомъ Васильевичемъ Кутузовымъ, который былъ потомъ окольничимъ при Іоаннѣ III, и принесъ Іосифу большую пользу. Іосифа тѣнуло въ монастырь. Онъ сталъ спрашивать у путешественниковъ о

1) Хрущовъ, Изслѣд. о сочин. Іосифа Волоц. 14—23. Акты историч. I, № 210, стр. 382, 392, 410; Степен. книга II, 207. Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 183, 184. Припомнимъ, что еще въ XVII в. въ крестовой комнатѣ русскихъ царей хранились вещи, принадлежавшія Пафнугію Боровскому: посохъ, часть клобука и онучи. См. выше, с. 260.

разныхъ обителяхъ, и выбралъ для себя монастырь св. Саввы (въ Тверской области), гдѣ жилъ строгій отшельникъ Варсонофій Неумой. Но этотъ монастырь не понравился Іосифу: едва онъ пришелъ туда, какъ въ самой трапезѣ услышалъ ругательства. Варсонофій указалъ ему на монастырь Пафнутія Боровскаго и Іосифъ перешелъ туда. Здѣсь, такъ какъ онъ отличался физическою силою, его опредѣлили сначала въ поварню, а потомъ въ пекарню: оба занятія принадлежали въ труднымъ монастырскимъ работамъ, какъ по обширности монастыря, такъ и по многочисленности посѣтителей. Кромѣ того Іосифъ ухаживалъ за больнымъ отцомъ, который, узнавши о бѣгствѣ своего сына въ монастырь, лишился владѣнія рукъ и ногъ. Пафнутій, видя непреклонность Іосифа остаться въ монастырѣ, разрѣшилъ ему взять къ себѣ отца. Въ послѣдствіи Іосифъ принималъ дѣятельное участіе въ управленіи монастыремъ: ему поручено было смотрѣть за порядкомъ и за больными, а иногда Іосифъ предпринималъ путешествіе по дѣламъ монастырскимъ. Въ 20 лѣтъ Іосифъ принялъ монашество и 18 лѣтъ пробылъ въ монастырѣ Пафнутія, до смерти своего наставника. Следовательно въ это время ему было около 40 лѣтъ.

По внѣшнему виду, онъ былъ средняго роста и чрезвычайно хорошъ собою, почему сравнивали его съ древнимъ Іосифомъ. Бороду онъ имѣлъ не слишкомъ длинную, округленную; волосы—темнорусые; голосъ его былъ—чистый, благозвучный; взглядъ быстрый и свѣтлый. Его искусство читать и пѣть такъ поражаю многихъ, что онъ иногда отказывался отъ этой обязанности, чтобы не думали о немъ слишкомъ много. Но за Іосифомъ было еще большее достоинство: онъ постоянно читалъ книги, и, при своей обширной памяти, такъ усвоилъ ихъ, что могъ во всякое время, не справляясь съ книгою, предложить нужное мѣсто изъ священнаго писанія. Такія достоинства не могли укрыться отъ людей—и Іосифъ сталъ извѣстнымъ даже въ Москвѣ. Умирая, Пафнутій передалъ свой монастырь вел. князю; а вел. князь никого не хотѣлъ имѣть въ немъ игуменомъ, кромѣ Іосифа. Его вызвали въ Москву и онъ получилъ тамъ этотъ, многозначительный въ то время, санъ «по волѣ державнаго князя» и по благословенію самого митрополита Геронтія.

Теперь характеръ Іосифа выступаетъ въ крупныхъ чертахъ. Поступивъ въ монастырь, онъ не смутился отъ несчастія, которое постигло отца, а потомъ не хотѣлъ, вопреки уставу, видѣться съ матерью.

Отъ такого характера можно было ожидать многого. Дѣйствительно, едва сдѣлавшия игуменомъ, Іосифъ принялся за реформу монастыря. Ближе знаемый съ аскетическою литературою, произведенія которой онъ самъ иногда вписывалъ въ монастырскіе сборники, Іосифъ задумалъ ввести въ Боровскомъ монастырѣ строгое общежитіе по образцу восточныхъ монастырей и Аѳонской горы. Но онъ встрѣтилъ противо-<sup>у</sup>дѣйствіе въ монахахъ. Непреклонный по характеру, Іосифъ, конечно, не думалъ отступаться отъ своихъ требованій, и рѣшился уйти изъ монастыря. Посоветовавшись съ своими близкими, онъ отправился обозрѣть другіе монастыри. Его удаленіе произвело смущеніе какъ между братією, такъ и въ Москвѣ, но тамъ рѣшили ждать возвращенія Іосифа.

Это странствованіе имѣло практическое назначеніе. Выработавши въ себѣ опредѣленный взглядъ на монашество, Іосифъ хотѣлъ видѣть <sup>у</sup>примѣры, съ тѣмъ опять, чтобы потомъ приложить ихъ въ дѣлу. Онъ обошелъ монастыри тверскіе, заволжскіе и доходилъ до Кирилловой обители. Онъ познакомился съ ближайшими послѣдователями Сергія и Кирилла; но отмѣтилъ и много недостатковъ въ монастырской жизни, уклоненій отъ завѣщанныхъ преданій. Въ обители Сергія уже было нарушенъ уставъ общежитія и введенъ лаврскій обычай. Іосифъ хвалитъ строгость игумена Саввы (въ тверскомъ м.), который нарушителей сажалъ въ заключеніе и усмирять жезломъ. Болѣе другихъ ему понравились монастыри: Симоновскій, Чудовскій, Макарія Колявинскаго, не уступавшій въ строгости аѳонскому, и Кирилло-Бѣлозерскій. Ознакомившись съ дѣйствительностью и прійдя къ мысли о значительномъ поврежденіи древнихъ уставовъ — Іосифъ рѣшился основать свой монастырь.

Мѣстомъ для новаго монастыря была избрана пустыня, вблизи родовой вотчины Саниныхъ. Изъ Боровскаго монастыря перешли къ Іосифу болѣе строгіе отшельники и въ томъ числѣ два его брата, Василіанъ и Акакій. Опасаясь разныхъ превратностей, какія испытывали другіе пустынники, то отъ крестьянъ, то отъ ближайшихъ вотчинниковъ, — Іосифъ самъ отправился къ волоцкому князю Борису Васильевичу и выхлопотать у него огласіе на постройку монастыря. Борисъ пріѣхалъ къ дню основанія церкви, и вмѣстѣ съ своими боярами и отроками участвовалъ въ ея закладкѣ. Онъ же на первыхъ порахъ содѣйствовалъ монастырю своими средствами. Черезъ 6 лѣтъ послѣ основанія обители, въ ней, на мѣстѣ деревянной, была построена большая

каменная церковь, расписанная лучшими мастерами. На столько в это время увеличилось монастырскія богатства, может служить подтвержденіемъ сравнительная цѣнность ея построекъ и недвижимой собственности вообще. На свою церковь Іосифъ изстратилъ болѣе 1000 рублей; между тѣмъ въ болѣе древнѣй монастырь (Барилло-Вълозерскомъ) каменная церковь обошлась въ 250 р.; большая волость Буйгородъ съ деревнями стоила 100 р.; 12 деревень съ угодьями—200 руб.; 6 деревень съ пустошами—80 рублей. Главными жертвователями было семейство волоцкаго князя. Отъ него досталось Іосифу 3 села и 20 деревень; а когда умеръ престяникъ Іосифа, оныи Бориса—Иванъ, скончавшійся въ монастырь на рукахъ Іосифа, то завѣщавъ его обители одно село и 43 деревни. Кромѣ того въ числѣ жертвователей упоминаются князья Хованскій, Бѣльскій, разныхъ повѣстныхъ фамили. Григорій Собанинъ подарилъ монастырю 2 села и 9 деревень. Другіе давали деньгами: жена князя Бориса внесла 50 р., великая княгиня Маріи—300 р., а великій князь—150 р. Біографы Іосифа придаютъ особенное значеніе тому, что въ его монастырь постригались богатые и знатные люди. Изъ нихъ извѣстны: князь Андрей Голенинъ, Діонисій—изъ князей звенигородскихъ, Ниль Полевъ—изъ князей смоленскихъ, Андрей Квашиинъ, Іона Голова, Елифанія и др. Въ послѣдствіи въ числѣ ихъ встрѣчается и другъ Іосифа—Борисъ Кутузовъ. И самъ Іосифъ придаетъ большое значеніе въ исторіи своего монастыря лицамъ, поступавшимъ изъ князей, бояръ и торговыхъ людей. Отъ говорить, что при этомъ они много жертвовали въ монастырскую казну: по 50, 20, 30, 50, 100 и 200 руб. Голенинъ, поступая въ монастырь, отдалъ все свое имѣніе: серебро, золото, одежды, сосуды, весь скотъ и 3 села. И некоторые жертвовали хлѣбомъ, лошадьми, шубами, оружіемъ, сбруями, сѣдлами, сосудами. Важную статью монастырскаго дохода составляли также вклады на поминъ по душѣ; притомъ же Іосифъ, по его собственнымъ словамъ, былъ духовникомъ «у многихъ бояръ и князей», которые не забывали поддерживать монастырь, построенный ихъ духовнымъ наставникомъ. Князь Иванъ Хованскій завѣщавъ своимъ дѣтямъ давать по себѣ въ монастырь ежегодно по 100 четвертей хлѣба; Григорій Собанинъ внесъ вклада 40 р., князь Семень Бѣльскій—30 р. Конечно всѣмъ этимъ монастырь былъ обязанъ Іосифу, а Іосифъ—своей прекрасной жизни и славы, которая заставила даже Іоанна III призадуматься, когда ушелъ ирмень изъ Боровскаго монастыря.

Но Иосифъ воспитанъ подъ руководствомъ Иафнутія, который, какъ мы видели, отличался хозяйственными качествами; Иосифъ при-  
 выкъ у него въ управленію хозяйствомъ. Въ его идеаль рисовался больш-  
 ной монастырь, съ строгимъ подчиненіемъ игумену и порядкомъ жиз-  
 ни. Извѣстность Иосифа дала ему много средствъ для устройства та-  
 кого монастыря, и онъ, со всею заботливостью, принялся за это. Онъ старался дать приличную обстановку обители. Кроме богатой от-  
 дѣлки церкви, Иосифъ украсялъ ризы жемчугомъ; устроилъ крестные  
 ходы нѣсколько разъ въ годъ, отличавшіеся особеннымъ благолѣніемъ;  
 заботился о монастырской библіотекѣ, въ которой еще при немъ было  
 много книгъ. Изъ нихъ многія были украшены золотыми и равноцвѣт-  
 ными узорами, обложены серебромъ и вызолочены. На монастырскомъ дво-  
 рѣ помѣщались: отдѣльныя строенія («дворцы») для прислуги и мастеров-  
 выхъ, амбары для продовольствія, попреба, ледники. Трапеза въ монастырѣ  
 Иосифа была такъ обширна, что помѣщала въ себѣ отъ 600-700 человекъ  
 бѣдныхъ, путешественниковъ и посѣтителей. Такое общество собиралось  
 тамъ ежедневно, изъ чего можно заключить, какъ о количествѣ монастыр-  
 скихъ посѣтителей того времени, такъ и о средствахъ Волоколамскаго мо-  
 настыря. Также хозяйственность Иосифа видна и въ распределеніи платы за  
 поминаніе. Княгиня Марія Голенина записала въ монастырь по своему  
 мужѣ и сынѣ 11 рубл. и пару коней, а по другому сыну плугу и пару  
 коней и потомъ дѣлала вклады отъ времени до времени (до 70 руб.)  
 на вѣчный поминъ. Но чрезъ 15 лѣтъ она узнала, что ея семей-  
 ство поминается не особо, а вмѣстѣ съ другими и написала объ томъ  
 въ монастырь. Иосифъ совершенно спокойно отвѣчалъ ей, что для этого  
 она должна была заключить особое условіе съ монастыремъ за опре-  
 дѣленную, на каждый случай, сумму. Онъ не любилъ скрывать монаш-  
 тирскихъ средствъ, и въ своихъ посланіяхъ (тойже Голениной и Бурису  
 Бутузову) охотно рассказываетъ о всѣхъ пожертвованіяхъ. Особенно  
 же игумень Волоколамскаго монастыря хлопоталъ о приобрѣтеніи селъ  
 и деревень, которыя составляли тогда главное богатство монастыря.  
 Относительно крестьянъ Иосифъ опредѣлялъ, чтобы монастырскіе судьи  
 брали съ нихъ только половину судебной пошлины, сравнительно съ  
 Судебникомъ. Конечно такая льгота должна была расположить къ нему  
 новыхъ поселенцевъ. Точно также, совѣтуя владѣльцамъ хорошо обра-  
 щаться съ рабами, онъ преимущественно улаживаетъ на ту выгоду, ко-  
 торая произойдетъ для нихъ самихъ отъ такого обращенія.

Но заботы о матеріальной сторонѣ быта не помѣшали Іосифу заняться нравственнымъ порядкомъ жизни. По его уставу запрещено было держать хмѣльные напитки по келліямъ; нищу братія могли вкушать только въ трапезѣ, за исключеніемъ праздниковъ, когда дозволялось ѣсть въ келліяхъ. За трапезою соблюдалось строгое молчаніе; безъ благословенія нельзя было взять никакой вещи; въ церкви слѣдовало стоять чинно, не переминаясь съ ноги на ногу и не опираясь объ стѣну. За всѣмъ этимъ слѣдили особые надзиратели. Монастырскія ворота крѣпко запирались на ночь; изъ постороннихъ никто не могъ нечевать въ монастырѣ; монахамъ запрещалось ходить въ строенія, расположенныя возлѣ монастыря. Въ монастыря монахи могли прогуливаться только по воскресеньямъ; для отправленія мірскихъ дѣлъ назначалась—суббота; въ монастырскихъ стѣнахъ запрещался торгъ; при келліяхъ нельзя было имѣть погребовъ, заднихъ выходовъ, большихъ овецъ, садовъ и огородовъ. Послѣ вечерней молитвы были запрещены всякія бесѣды, и Іосифъ самъ обходилъ келліи, чтобы напомнить нарушителямъ о порядкѣ. Въ образецъ безусловнаго послушанія Іосифъ ставитъ Павла Простаго: онъ, по приказанію своего наставника, нѣсколько разъ спивалъ мантию, которую послѣдній каждый разъ снова разрывалъ. Потомъ ему поручено было плести финиковыя вѣтви и снова расплетать. Съ особенною же строгостью Іосифъ запретилъ принимать въ монастырѣ женщинъ и отроковъ, и когда, не за долго передъ смертію, къ Іосифу пришла мать его, монахиня—онъ отказался ее видѣть.

Изъ всего этого видно, какъ настоятельно уже требовались принудительныя мѣры для сохраненія устава. Іосифъ идетъ далѣе. Онъ ставитъ въ примѣръ настоятеля—св. Бенедикта, который билъ жезломъ монаха, бесѣдовавшаго во время пѣнія. За повтореніе преступленія было положено заключать въ желѣзныя узы. Однако, требуя отъ своихъ послѣдователей строгаго выполненія устава, Іосифъ далъ и значительныя льготы своимъ монахамъ. Только первый разрядъ ограничивался хлѣбомъ, водою, рубищемъ и лаптями; второй имѣлъ право употреблять вареное шубу и кожаныя сандалии; а третій пользовался козачами, рыбою, медовымъ квасомъ и тремя шубами. За обѣдни и паннехиды священники въ монастырѣ получали по 2 и по 4 деньги. Были и дальнѣйшія уклоненія отъ положеннаго порядка; а такъ какъ монастырѣ владѣлъ землями, то монахи творили судъ, собирали подати; монахи управляли селами;



жили на монастырских мельницах; смотрѣли за скотомъ; огромное хозяйство заставляло отвлекаться и отъ монашескихъ обязанностей.

Благодаря своему игумену, Волоколамскій монастырь пользовался большою извѣстностью. Иосифъ хлопоталъ объ увеличеніи братіи. Монашество казалось ему вторымъ крещеніемъ и, по его мнѣнію, требовало такой же десятины, какая назначалась церкви съ имуществомъ, а потому онъ убѣждалъ всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ отношенія, не пренебрегать монастыремъ, а искать въ немъ избавленія отъ всѣхъ предъидущихъ прегрѣшеній (см. выше стр. 241, 242). Выходъ же изъ монастыря, по его мнѣнію, не могъ быть оправданъ ничѣмъ. Иосифъ запретилъ своимъ ученикамъ покидать обитель, и для большей убѣдительности представляетъ гибельныя послѣдствія нарушенія этого изъ древнѣйшей эпохи (одинъ монахъ, вышедши изъ монастыря, разразился о камель), свидѣтельствуя при томъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ три монаха, оставившіе монастырь, окончили жизнь горькою смертию. Во второй половинѣ XVI в. въ Волоколамскомъ монастырѣ было уже 180 монаховъ.

Съ 1485 года Волоколамскій монастырь видимо возвышается надъ окружающими обителями. Въ это время былъ назначенъ въ Новгородъ архіепископомъ Геннадій, у котораго въ качествѣ боярина служилъ родной братъ Бориса Кутузова, близкаго друга Иосифа. Этимъ объясняется, что Геннадій назначилъ послѣдняго начальникомъ надъ окрестными монастырями. По словамъ Иосифа, Геннадій безчисленно благодѣтельствовалъ его монастырю (между прочимъ онъ пожертвовалъ въ монастырь нѣсколько сель). Иосифъ умѣлъ ладить и съ десятиниками. Когда они являлись въ монастырь, онъ подносилъ имъ кресты и иконы; а въ городъ посылалъ угощенія и подарки.

Возникшая ересь жидовствующихъ оставила Иосифа еще въ болѣе близкія отношенія какъ къ Геннадію, такъ и къ великому князю. Пока при дворѣ боролись двѣ партіи о престолонаслѣдіи по случаю смерти старшаго сына Іоанна III—Іоанна Молодаго, преслѣдованіе еретиковъ не имѣло систематическаго характера. Партія Елены (жены Іоанна Молодаго) и ея сына—Димитрія покровительствовала еретикамъ, пользовавшимся значеніемъ при дворѣ. Геннадій принужденъ былъ дѣйствовать умѣренно, и Иосифъ не рѣшался возвысить своего голоса. Самъ Іоаннъ III не былъ расположенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но, когда получила перевѣсъ партія Софіи и ея сына—Василія, ходъ

дѣль истребился. Василій принимаетъ дѣятельное участіе въ религіозныхъ вопросахъ; а старанія Геннадія и Іосифа дѣйствуютъ успѣшно. Іоаннъ III рѣшается принять репрессивныя мѣры противъ еретиковъ, и въ томъ же духѣ дѣйствуетъ его преемникъ. Ставши разъ въ положеніе челоуѣка, дающаго направленіе общественнымъ дѣламъ, Іосифъ постоянно принимаетъ участіе въ важнѣйшихъ вопросахъ того времени (о монастырскихъ имунностяхъ, о вдовыхъ попахъ) и имѣеть вліяніе на нихъ исходъ. Въ это время значеніе Іосифа въ Москвѣ было громадное. Лица, стоявшія за Василія въ борьбѣ о престолонаслѣдіи, были сторонниками Іосифа. При такихъ обстоятельствахъ возникло столкновеніе у Іосифа съ волоцкимъ княземъ и новгородскимъ архіепископомъ Серапіономъ (преемникомъ Геннадія), которое, при помощи московскаго князя, рѣшается въ пользу Іосифа и окончательно утверждаетъ за нимъ господствующее значеніе.

Но смерти покровителя Іосифа — волоцкаго князя Бориса, его удѣль раздѣлился между двумя ошновьями, и Волоколамскій монастырь долженъ былъ стать въ зависимаыя отношенія къ старшему изъ нихъ — Ѳеодору, отличавшемуся занальчицостью и наклонностію къ разгульной жизни. Его часть доставляла ему мало средствъ, а потому онъ задумалъ воспользоваться богатствами монастырей. Постепенно онъ обобралъ монастыри Возмицкій, Селижаровскій и Левквентъ; но особенно его привлекалъ монастырь Волоколамскій, извѣстный богатыми вкладами. Сначала онъ взялъ у Іосифа займы 100 руб., а потомъ нѣсколько разъ бралъ изъ монастыря, что понадобится. Когда же Іосифъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, послалъ въ нему одного изъ своихъ старцевъ напоминать о долгѣ, то князь погрозилъ посланному каутомъ. Къ этому присоединилась интрига архимандрита Возмицкаго монастыря — Алексѣя Пилімова, недовольнаго тѣмъ, что монастырь Іосифа превзоцель его монастырь богатствомъ, хотя послѣдній находился въ самомъ Волокѣ. Чѣмъ требовательнѣе становился князь, тѣмъ неуступчивѣе былъ Іосифъ. Когда Ѳеодоръ потребовалъ, чтобы Іосифъ въ его пріѣзду всегда готовилъ медъ, а не ввасъ, то послѣдній отвѣчалъ, что въ монастырѣ запрещается держать хмѣльные напитки. Съ тѣхъ поръ Ѳеодоръ не упускалъ случая вымогать отъ монастыря деньги, когда узнавалъ о новомъ вкладѣ. Іосифъ хотѣлъ поддѣйствовать на князя другимъ путемъ: онъ послалъ ему пару добрыхъ коней, оружіе и платье своихъ знатныхъ постриженниковъ — и это не помогло. Услышавъ, что Іосифъ купилъ на 150 руб.

жемчугу, князь потребовалъ это приобретение себѣ на племь. Но Иосифъ предназначалъ его для украшенія на ризы. Получивъ отказъ, Ѳеодоръ сталъ грозить Иосифу изгнаніемъ изъ своихъ владѣній и наказаніемъ кнутаю остальныхъ монаховъ. Опасаясь дурныхъ послѣдствій, Иосифъ въ видѣ испытанія, предложилъ братія своей разойтись; но здѣсь онъ встрѣтилъ полное противодѣйствіе. Какъ ни былъ суровъ Иосифъ въ своихъ требованіяхъ, но онъ умѣлъ расположить въ себѣ братію своею заботливостію о ней. «Мы, отвѣчали они, отдали себя пречистой Богородицѣ (имя храма) и тебѣ, а не князю», и посовѣтовали ему обратиться къ вел. князю и митрополиту. Иосифъ и самъ хорошо зналъ, что этимъ путемъ онъ скорѣе всего достигнетъ цѣли, а потому немедленно рѣшился на предложенный шагъ. Онъ отправилъ въ Москву своихъ старцевъ, которые просили вел. князя ввать монастырь подъ опеку. Рѣшившись на передачу монастыря вел. князю, Иосифъ не считъ нужнымъ снестись съ новымъ архіепископомъ новгородскимъ—Серапіономъ, который, будучи троицеамъ игуменомъ, дѣйствовать за одно съ нимъ на соборѣ о монастырскихъ имуществвахъ. (См. выше, стр. 88). Потомъ Иосифъ объяснялъ свое молчаніе тѣмъ, что въ то время, когда онъ сносился съ вел. княземъ, былъ большой моръ въ Новгородѣ; однако онъ и не думалъ исправить своей ошибки, когда моръ миновалъ. Василій Іоанновичъ безъ сомнѣнія принялъ богатый монастырь въ свое непосредственное вѣдѣніе, зная какое вліяніе имѣетъ онъ въ томъ краѣ. Но ни Ѳеодоръ, ни Серапіонъ не могли примириться съ этою мыслию. Волоцкій князь, по наущенію Пилімова, немедленно далъ знать о всемъ Серапіону. Послѣдній два года ждалъ извѣщенія отъ Иосифа, и когда наконецъ явился посланный—онъ не принялъ его, а Иосифу послалъ грамоту, отлучавшую его отъ священства и причащенія. «Зачѣмъ ты отдалъ монастырь великому князю? писалъ онъ. Черезъ это ты отступилъ отъ небеснаго и пришелъ къ земному.—фраза, надѣлавшая много хлопотъ Серапіону. Иосифъ истолковалъ ее въ политическомъ смыслѣ. Въ Москвѣ думали, что Серапіонъ назвалъ небеснымъ князя Ѳедора, а земнымъ—самодержца. Предвидя бѣду, Серапіонъ послалъ въ Москву съ просьбою—позволить ему явиться туда для объясненія; но вмѣсто отвѣта къ нему прибыли посланніе изъ Москвы, отобрали у него лошадей и прислугу, а его повезли на соборъ. Извѣстно, что причина такого исхода дѣла заключалась въ жалобахъ Иосифа, который исписалъ по этому поводу

дѣлу тетрадь, въ которой доказивалъ свою правоту на основаніи св. писанія, при чемъ приложилъ и отлучительную грамоту.

Соборъ разрѣшилъ Іосифа отъ отлученія, а Серапіона опредѣлять лишій сана и заключить въ монастырь. Но въ Новгородѣ сожалѣли о Серапіонѣ, который успѣлъ расположить къ себѣ своими распоряженіями по случаю пожара и моровой язвы. Кромѣ того, послѣ преслѣдованій Геннадія—дѣятельность Серапіона могла показаться мягкой. Серапіонъ рѣшился оправдаться. Въ своемъ посланіи къ митрополиту онъ выставяетъ противузаконность дѣйствій Іосифа и собора, который довѣрился въ советъ одного и не далъ оправдаться другому: «я не боюсь, говорить Серапіонъ, въ правдѣ ни великаго князя, ни множества народа. Іосифа онъ обзываетъ ябедникомъ и все-таки считаетъ отлученнымъ отъ церкви. Грамота Серапіона произвела смущеніе въ Москвѣ. Между сторонниками Іосифа и его противниками завязались споры о его правдивости. Его доброжелатели хотѣли, чтобы онъ объяснился, а нѣкоторые даже настаивали, чтобы онъ просилъ прощенія у Серапіона.

Въ этомъ дѣлѣ много помогла Іосифу его начитанность: каноническія постановленія и предшествующіе примѣры служатъ ему основаніемъ для оправданія (послалъ въ Ивану Ивановичу Третьякову-Ховрину, Борису Кутузову, Ивану Головѣ). Іосифъ сознаетъ всю неловкость положенія, если онъ, духовный отецъ многихъ князей и бояръ, будетъ отлученнымъ, и потому употребляетъ всѣ средства своей канонической эрудиціи, чтобы устранить даже возможность признанія отлученія, наложеннаго Серапіономъ. Всѣ его доводы можно свести къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) священныя правила запрещаютъ просить прощенія у отлученнаго епископа; 2) духовный соборъ снялъ съ него, наложенное Серапіономъ, запрещеніе и отлучилъ Серапіона; 3) митрополиты Кипріанъ и Іона и архіепископъ Вассіанъ Рыло, имѣя распри съ игуменами Евѣиміемъ суздальскимъ, Пафнутіемъ боровскимъ и Нифонтомъ бѣлозерскимъ—не рѣшились, однако, наложить на нихъ запрещенія; 4) Серапіонъ не допустилъ его, Іосифа, до оправданія, вопреки правиламъ; 5) на соборѣ, вмѣсто оправданія, Серапіонъ сталъ ссориться съ государемъ и епископами; а божественныя правила повелѣваютъ царя почитать. На подобный поступокъ не рѣшались ни древніе епископы, ни патріархи, ни даже римскій папа (!), а когда царь выражалъ свой гнѣвъ—они молили его съ кротостію, смиреніемъ и слезами 6); онъ, Іосифъ, не могъ послать въ Новгородъ съ извѣще-

ніемъ о передачѣ монастыря вел. князю, такъ какъ, по случаю мора, запрещено было ѣздить туда; 7) церковныя правила, въ случаѣ обидъ церквей и монастырей, повелѣваютъ обращаться къ князьямъ и царямъ. За тѣмъ идетъ рядъ примѣровъ изъ исторіи восточной церкви, какъ игумены и епископы, недовольные патріархами, обращались на судъ къ царямъ. »По ихъ примѣру и я, говоритъ Іосифъ, обращался къ тому, кто не только князю Ѳеодору и архіепископу Серапіону, но и всѣмъ намъ общій всей русской земли государь»; 8) князь Ѳеодоръ былъ грабитель монастыря, а грабителей церковныхъ постигаютъ ужасныя кары: слѣдуетъ рядъ примѣровъ. Когда одинъ князь хотѣлъ взять богатство изъ монастыря Саввы сербскаго, то святой внезапно явился передъ нимъ, свергъ его съ коня и вонзилъ два гвоздя въ гортань. У другаго за это стало гнить тѣло, внутренности вышли наружу, отпалъ языкъ и рассыпались зубы; 9) Іосифъ оправдываетъ передачу своего монастыря примѣрами Троицкаго, Спасо-каменнаго и Толгскаго мм., которые нашли защиту у Василия Васильевича, когда удѣльные князья паносили имъ обиды. Но еще болѣе живымъ примѣромъ для Іосифа долженъ былъ служить постунокъ его наставника—Пафнутія Боровскаго; 10) съ осужденіемъ обращается Іосифъ къ поступку Серапіона и совѣтуетъ ему лучше обратиться съ покаяніемъ къ митрополиту; 11) расположеніе къ Серапіону новгородцевъ, Іосифъ объясняетъ заискиваніемъ послѣдняго, который раздалъ много имѣній своимъ ласкателямъ; за что получалъ славу отъ людей, а не отъ Бога. Отсюда Іосифъ дѣлаетъ выводъ, что оправдывать и хвалить Серапіона могутъ только неразумные и незнающіе божественныхъ правилъ <sup>1)</sup>).

Впрочемъ, какъ ни была извѣстна ревность Іосифа, общество свое рѣе было на сторонѣ его противника. Въ Новгородѣ Іосифъ и его сторонники не пользовались симпатіями <sup>2)</sup>. Біографы Іосифа гораздо мягче относятся къ Серапіону, нежели біографъ Серапіона къ Іосифу <sup>3)</sup>. Передъ смертію митр. Симоновъ просилъ прощенія у Серапіона.

1) Матеріалы: Житія Іосифа, изд. въ Москвѣ (Саввы Чернаго и неизвѣстнаго, 1865), житіе (Саввы же) и уставъ монастыря въ Четьи-Миней, изд. Археогр. комис. I. Сказаніе о монастыряхъ, въ Лѣтоп. археогр. комис. II. Акты историч. I, № 290. Борьба съ Серапіономъ у Хруцова. Нѣкоторыя посланія, относящіяся къ указаннымъ обстоятельствамъ жизни, въ Древн. Рос. Вивіюв. т. XIV.

2) Поля. собр. рус. лѣт. III, 148. Житіе Іосифа, Саввы Чернаго.

3) Хруцовъ, 237.

Черезъ 7 лѣтъ послѣ заточенія послѣдняго вел. князь оказывалъ ему милость <sup>1)</sup> и даже просилъ Иосифа примириться съ нимъ. Иосифъ отвѣчалъ: «какъ ты, государь, велишь, такъ и будетъ, потому что одна надежда у насъ—ты, государь». Князь Федоръ передъ смертію также примирился съ Иосифомъ, и умирая завѣщалъ ему свою вотчину Буйгородъ со всѣми доходами <sup>2)</sup>.

Иосифъ хорошо понималъ, что его успѣхъ зависѣлъ отъ воли вел. князя. Его теоретическіе взгляды на значеніе власти, выработанные подъ вліяніемъ византійскихъ источниковъ (см. выше, его посланія), получили въ этомъ случаѣ практическое подтвержденіе, и онъ формулируетъ ихъ съ полною отчетливостію. Онъ сознаетъ неприкосновенность церковныхъ учреждений и постановленій, утвержденныхъ каноническими правилами; но въ спорныхъ вопросахъ, возникающихъ изъ взаимныхъ столкновеній между духовными лицами и лицами духовнаго и гражданскаго управленія,—окончательное рѣшеніе должно исходить отъ свѣтской власти.

Въ своемъ «Просвѣтителѣ» и отдѣльныхъ посланіяхъ Иосифъ постоянно развиваетъ идею священнаго значенія ея. «Вы боги и сыновья Вышняго, говоритъ онъ о царяхъ слѣдуя Константину В., васъ Богъ посадилъ на престолѣ своемъ, вмѣсто себя.... Царь, по своему естеству, подобенъ всѣмъ людямъ; но по власти подобенъ только Богу» <sup>3)</sup> «Ты, государь, отъ десницы Бога поставленъ самодержцемъ всей Россіи»—говоритъ Иосифъ въ обращеніи къ Василию Іоанновичу; «васъ Богъ избралъ на землѣ вмѣсто себя и посадилъ на свой престолъ, вручивъ вамъ милость и жизнь людей», заключаетъ онъ тоже посланіе <sup>4)</sup>. Въ посланіи къ одному изъ братьевъ вел. князя (какъ полагаютъ Юрію <sup>5)</sup>), просившему поученія, Иосифъ не забываетъ, въ числѣ нравственныхъ обязанностей, упомянуть и о покорности великому князю. Слѣдуя Іоанну Златоусту, онъ говоритъ: «Огъ всего сердца должно имѣть любовь къ богодарованному царю нашему, оказывая ему покорность,

1) Полн. собр. рус. лѣт. III, 148.

2) Хрущовъ, 237, 238.

3) Просвѣтитель, слово 16. Также идея повторяется и въ поученіи князьямъ, изд. въ Памят. стар. рус. литер. IV, стр. 184.

4) Посланіе къ Василию Іоанновичу, Хрущовъ, 242—244.

5) Хрущовъ, 96.

ислушаніе и благодарность, и выполнять все по его волѣ, какъ будто ты цѣлаешь Богу, а не людямъ»<sup>1)</sup>.

Политическое направленіе Іосифа не укрылось отъ вниманія современниковъ и ближайшаго потомства. При одной изъ рукописей XVII в. (Діонтра Петра пустынника), въ числѣ прибавочныхъ статей, помѣщенъ «Извѣтъ Іосифа Волоколамскаго, повелѣніемъ Вышняго къ московскимъ великимъ князьямъ, какъ одолѣть удѣльныхъ русскихъ князей, поправить своихъ враговъ, соединить всю русскую землю и распространить ее повсюду»<sup>2)</sup>. Наши изслѣдователи считаютъ его подложнымъ<sup>3)</sup>; но въ этомъ случаѣ важно, какъ смотрѣли на Іосифа въ то время и какія идеи приписывали ему. Поэтому «Извѣтъ», приписываемый Іосифу, имѣетъ историческое значеніе. Вотъ его содержаніе: «Благовѣрнымъ, христіанскимъ царямъ и великимъ князьямъ московскимъ, бжесть челомъ и извѣщаетъ послѣдній многогрѣшный казугерь съ Волоколамскаго, *Іосифище*. Милосердые государи цари и великіе московскіе князья! покажите милость ради святыхъ божіихъ церквей, сѣдрыхъ сиротъ, нищихъ вдовиць и дѣвиць, ради душъ безгрѣшныхъ и младенцевъ, ради слезъ всего міра—порадѣйте за православную христіанскую вѣру и для своего царскаго величества, воздвигните побѣду отъ своей царской руки на помощь своему войску, подымите воинское знамя Іосифа прекраснаго, царя. Писали о томъ отцы наши Сергій и Германъ валаамскіе (намекъ на статью, помѣщенную рядомъ) и велѣли извѣстить объ этомъ дѣлѣ для приведенія людей отъ совомѣщеніе русской земли. Безъ такого милосердія божія и безъ такой царской добродѣтели не одолѣть враговъ и не соединить земли во едино. Царь, государь, смилуйся, пожалуй, воздвигни и досмотри!»

Близость Іосифа къ Василю Іоанновичу, его личныя отношенія и переписка съ нимъ по дѣлу о еретикахъ жидовствующіихъ (которому онъ старался придать и политическій характеръ) и по поводу столкновеній съ Серапіономъ, гдѣ Іосифъ оказался самымъ преданнымъ лицомъ вел. князю—имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что Василій Іоанновичъ вполне склонился на сторону Іосифа. И послѣдній умѣлъ поль-

1) Посланіе изд. въ Памят. старин. рус. литер. IV, 192.

2) Извѣтъ въ Опис. рукоп. Синод. библ. отдѣлъ II, № 171, с. 464.

3) Горскій и Невоструевъ означ. опис. 464, и Хрущовъ, 265.

зоваться своимъ вліяніемъ. Когда вел. князь хотѣлъ схватить своего брата Юрія, княжившаго въ Дмитровскомъ удѣлѣ, тотъ прямо отправился къ Іосифу, чтобы онъ заступился за него предъ вел. княземъ. Іосифъ далъ ему совѣтъ: преклонить главу передъ помазанникомъ божіимъ и не противиться брату. Болѣзнь помѣшала Іосифу самому отправиться къ вел. князю; онъ послалъ въ Москву двухъ лучшихъ своихъ монаховъ (Кассіана Босаго и Іону Голову), а Юрій поѣхалъ въ слѣдъ за ними. Сначала Василій сурово отнесся къ посланнымъ; но тѣ смѣло заявили ему, что самодержцу слѣдуетъ съ кротостію говорить съ пришельцами, если онъ не знаетъ за ними вины. Великій князь, улыбувшись, отвѣчалъ: «простите старцы, что я поглумился», и, снявъ вѣнецъ, поклонился имъ и спросилъ о здоровьи Іосифа. Ходатайство послѣдняго имѣло благопріятный исходъ: Юрій палъ къ ногамъ брата. Тогда вел. князь великолѣпно угостилъ посланныхъ, Юрію задалъ пиръ, а Іосифу послалъ благодарность и поклонъ <sup>1)</sup>.

Передъ смертію (1515 г.) Іосифъ отправилъ къ вел. князю посланіе, въ которомъ извѣщаетъ его о своей болѣзни и проситъ не назначать въ монастырь игумена изъ другихъ обителей и вопреки желанію «іосифлянъ». А по духовной грамотѣ онъ передавалъ монастырь въ полное распоряженіе вел. князя <sup>2)</sup>. Послѣдній охотно принялъ это порученіе. По смерти игумена, Василій пріѣхалъ въ монастырь и объявилъ братіи, что онъ строго будетъ охранять уставъ Іосифа. Съ тѣхъ поръ онъ часто навѣщалъ Волоколамскій монастырь, охотился тамъ и ѣздилъ туда на богомолье.—Съ другою стороною дѣятельности Іосифа мы познакомимся далѣе. Великій князь исполнилъ и послѣднее желаніе Іосифа, утвердивъ игуменомъ его ученика Даніила, родомъ рязанца, избраннаго по желанію братіи.

Даніиль былъ вѣрнымъ ученикомъ Іосифа и продолжателемъ его дѣятельности, и потому въ Москвѣ скоро полюбили его, что незамедленно обнаружилось. По смерти Симона, митрополитомъ былъ избранъ Варлаамъ, игуменъ Симоновскаго монастыря. Онъ ревностно заботился объ устраненіи церковныхъ беспорядковъ: покровительствовалъ переводной дѣятельности Максима Грека и, близко зная, какъ много вкралось недостатковъ въ среду духовенства и церковную жизнь, поручилъ

1) Житіе Іосифа Волокол. Саввы Чернаго.

2) Древн. Рос. Вѣстн. XIV, 290 и 147.



Виссianу Косому (Патрикеву) пересмотреть и исправить церковныя правила; но въ 1521 г. митрополитъ Варлаамъ, по словамъ Карамзина, «благочестивый, твердый и не льстецъ великому князю ни въ какихъ случаяхъ противныхъ совѣсти, долженъ былъ оставить митрополию»<sup>1)</sup>. Онъ былъ назначенъ въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей<sup>2)</sup>. Тогда выборъ въ митрополиты палъ на игумена Волоколамскаго монастыря Данила. Биографъ Юсифа избраніе Данила въ игумены мотивируетъ строгостью его жизни (любилъ нищету, трудъ, постъ и молитву)<sup>3)</sup>. При избраніи въ митрополиты онъ имѣлъ только 30 лѣтъ. Съ виду—это былъ человекъ молодой, свѣжій, румяный лицомъ, тучный тѣломъ<sup>4)</sup>. Благочестіе его повидимому было наружное. Герберштейнъ, знавшій Данила лично, свидѣтельствуетъ, что онъ всякій разъ, когда готовился служить публично, дѣлалъ свое лицо блѣднымъ посредствомъ сѣрнаго дыма, чтобы не казаться преданнымъ болѣе удовольствіямъ, нежели посту и молитвѣ. Очевидно на него намекаетъ Максимъ Грекъ, когда говоритъ объ одномъ духовномъ сановникѣ, который развѣзжалъ по городу на великолѣпныхъ лошадахъ, въ сопровожденіи множества слугъ, окружавшихъ его поѣздъ и разгонявшихъ народъ бичами; о его страсти къ богатымъ и вкуснымъ пирамъ и дорогимъ одеждамъ изъ соболей, которую онъ умѣлъ прикрывать долгими молитвами и монашескою власницею<sup>5)</sup>. Подобныя слабости были предметомъ толковъ въ обществѣ, которые конечно были извѣстны Данилу, и потому, въ одномъ изъ своихъ поученій, онъ обличаетъ тѣхъ, которые, услышавъ наставленіе отъ пастырей церкви, подсмѣиваются надъ ихъ недостатками, говоря: «прежде себя научи; зачѣмъ ты учишь насъ, когда самъ не живешь по писанію? учитель нашъ, какъ фарисей тщеславится; видишь, какъ онъ о себѣ много думаетъ; видишь какъ горъ»

1) Карамзинъ, VII, 75. Судное дѣло Вассіана, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № IX.

2) Соловьевъ, V, 412. На Бѣлоозеро у Герберштейна, 45.

3) Бѣлаевъ, Даниль, митр. московскій, въ Чтен. о яз. и словесн. 1856—57 г. 96. Есть извѣстіе, что онъ, до избранія въ игумены Волоколам. м., замышлялъ перейти игуменомъ въ другой монастырь. Опись книгъ Волоч. м. Чтен. Моск. общ. истор. 1847, VII, 6, 7.

4) Герберштейнъ, 45. Онъ былъ игуменомъ съ 1515 до начала 1522 г.

5) Сочин. Макс. Грека, II, сл. I. Максима Грека на судѣ обвиняя, что онъ порицалъ митрополита и епископовъ за страсть къ пирамъ и удовольствіямъ. Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № VII.

ится, и въ добавокъ еще устраиваетъ веселыя пиршества <sup>1)</sup>. Современники Даниила жаловались, что онъ не заступался, подобно предыдущимъ митрополитамъ, за обвиненныхъ, передъ властью, и обвиняли его за слишкомъ большое подобострастіе къ послѣдней <sup>2)</sup>.

Митр. Варзаамъ былъ удаленъ за противодѣйствіе волѣ вел. князя. Данииль оказался вполне преданнымъ его слугою; но ему не доставало нравственныхъ качествъ. Когда Василій Іоанновичъ заподозрѣлъ Василія Шемякина, князя сѣверскаго, въ измѣнѣ, и тотъ пожелалъ лично оправдаться; то митр. Данииль ручался ему письменно въ безопасности. Но вел. князь все-таки заключилъ Василія въ тюрьму; а Данииль, вмѣсто того, чтобы ходатайствовать о немъ, оправдывать заключение и говорилъ вел. князю, что Богъ избавилъ его отъ тайнаго врага. Этотъ поступокъ произвелъ неудовольствіе въ обществѣ <sup>3)</sup>. Другой случай возбудилъ еще большее негодованіе противъ митрополита. Бездѣтный Василій Іоанновичъ задумалъ развестись съ своею женою Соломонією, замышляя жениться на Еленѣ Глинской (послѣднее доказывается тѣмъ, что бракъ состоялся черезъ два мѣсяца послѣ развода). Причиною развода была выставлена политическая необходимость, что вел. князь желаетъ имѣть наслѣдника престола; но, по каноническимъ правиламъ, чья жена поступаетъ въ монастырь (а Соломонія была пострижена), тотъ и самъ долженъ отказаться отъ свѣта. Вел. князь хотѣлъ получить благоприятный отвѣтъ отъ лицъ, авторитетныхъ въ этомъ дѣлѣ, и потому обращался за совѣтомъ на Аеоны и къ Максиму Греку; однако получилъ рѣшительный отказъ <sup>4)</sup>. Но митр. Данииль рѣшилъ это дѣло въ пользу вел. князя: онъ допустилъ разводъ и благословилъ его на второй бракъ. Въ обществѣ это дѣло у однихъ (строгихъ блюстителей постановленій, какъ Максимъ Грекъ, Вассіанъ Косой и Симеонъ Курбскій) вызвало неудовольствіе <sup>5)</sup>; у другихъ возбудило желаніе послѣдовать примѣру князя, и потому они обращались за разрѣшеніемъ къ Даниилу. Разрѣшенія конечно они не получили, а это послужило только поводомъ къ толкамъ и пересудамъ о самомъ митро-

<sup>1)</sup> Бѣневъ, 105, 106.

<sup>2)</sup> Акты экспед. I, № 172.

<sup>3)</sup> Ibid.

<sup>4)</sup> Сказаніе Паисія о второмъ бракъ, Чтен. Моск. общ. истор. 1848/

<sup>5)</sup> Ibid. и Карамзинъ, VII, 83 и примѣч. 279.

политъ, доказательствомъ чего служатъ три поученія Данила, въ которыхъ онъ безусловно отвергаетъ разводъ и бракъ послѣ развода, а свой поступокъ оправдываетъ тѣмъ, что отступленія отъ церковныхъ постановленій, допущенныя ради государственныхъ потребностей, не могутъ служить примѣромъ для частныхъ лицъ <sup>1)</sup>.

Василій Иоанновичъ покровительствовалъ Волоколамскому монастырю до самой смерти <sup>2)</sup> Когда у него родился сынъ — Иоаннъ — онъ позвалъ въ крестные отцы старца этого монастыря — Кассіана Босаго. Передъ смертію, больной отъ раны, Василій посѣтилъ еще разъ любимый монастырь. Въ Москвѣ, умирающаго окружаютъ опять монахи Іосифовскаго монастыря: они одѣвали и выносили его тѣло <sup>3)</sup>. У постели больного произошелъ споръ. Василій пожелалъ принять монашество. Нѣкоторые (князь Андрей Ивановичъ, Воронцовъ и Шигона) возражали противъ него, приводя въ примѣръ русскихъ князей, умершихъ въ настоящемъ званіи (Владиміръ св., Димитрій Донской, Иоаннъ III). Митр. Даниилъ зацѣплялъ мысль вел. князя; но тѣ продолжали препятствовать. Тогда Даниилъ сказалъ имъ: »Да не будетъ на васъ моего благословенія ни въ этотъ вѣкъ, ни въ будущій; хорошъ сосудъ серебряный, а еще лучше позолоченный.« <sup>4)</sup>. Обрядъ монашества былъ совершенъ.

Вполнѣ преданный вел. князю, митрополитъ немедленно привелъ его братьевъ къ присягѣ, и взялъ съ нихъ клятву быть вѣрными подданными его сына, и не измѣнять ему ни словомъ, ни дѣломъ. Но сумѣвъ устоять въ самомъ затруднительномъ вопросѣ, когда требовалось примирить интересы политики съ обычаями и каноническими постановленіями (разводъ), Даниилъ не удержался въ тяжелое время, непосредственно слѣдовавшее за смертію Василія, когда непрерывно боролся боярскія партіи. Соединившись съ Иваномъ Бѣльскимъ, котораго онъ нѣкогда спасъ отъ опалы Василія, чтобы низвергнуть правленіе

<sup>1)</sup> Бѣляевъ, 114.

<sup>2)</sup> Въ Обиходѣ Волоколамскаго м., составленномъ однимъ изъ его монаховъ, замѣчено: »Милости его государской (Василія Иоанновича) и великаго жалованья невозможно выразить, ни описать«. Чтен. Моск. Об. истор. 1863, IV, 4.

<sup>3)</sup> Соловьевъ, V, 423.

<sup>4)</sup> Ibid. 432.

Шуйскихъ. Данилъ попалъ въ интригу и, по приговору бояръ, былъ лишенъ своего мѣста и сосланъ въ Волоколамскій монастырь <sup>1)</sup>).

Карамзинъ, передъ нравственнымъ судомъ котораго трудно было найти пощадъ лицамъ, уклонившимся отъ нравственнаго закона, въ дѣйствіяхъ Данила не видитъ ничего болѣе «придворнаго честолюбія и раболѣвства». «Данилъ, по его выраженію, думалъ болѣе о политическихъ выгодахъ, нежели о христіанскихъ добродѣтеляхъ»; «былъ внимателенъ болѣе къ міру, нежели къ Духу» <sup>2)</sup>. Также думаютъ о Данилѣ и церковные писатели, которые обвиняютъ его собственную жизнь и отношенія къ защитникамъ, неприкосновенности церковныхъ постановленій <sup>3)</sup>. Но съ юридической точки зрѣнія, оправдывающей эти уклоненія государственною необходимостью и требованіями порядка, митрополитъ Данилъ нашелъ себѣ защиту <sup>4)</sup>.

Политическое значеніе Волоколамскаго монастыря ясно выразилось какъ въ дѣятельности первыхъ его представителей, такъ и въ назначеніи на высшія іерархическія мѣста по преимуществу «іосифлянъ». Еще при жизни Іосифа братъ его Вассіанъ былъ избранъ архіепископомъ ростовскимъ (1506—1516)—т. е. первымъ лицомъ послѣ митрополита, и дѣйствительно много помогалъ Іосифу своимъ вліяніемъ, какъ въ борьбѣ съ ересью, такъ и въ дѣлѣ съ Серапіономъ. Другой его братъ Азакій былъ епископомъ тверскимъ (1525—46); третій братъ—Кассіанъ—архіепископомъ ростовскимъ; а родной племянникъ—Вассіанъ Топорковъ—епископомъ коломенскимъ <sup>5)</sup>. Три послѣдніе очевидно обязаны своимъ возвышеніемъ митр. Данилу. При Василиѣ Іоанновичѣ еще былъ назначенъ одинъ іосифлянинъ епископомъ въ Смоленскъ—именно Савва Слѣпущкинъ. При Іоаннѣ Грозномъ эта традиція продолжалась: въ Новгородѣ архіепископомъ былъ Феодосій «іосифлянинъ»; епископами

<sup>1)</sup> Карамзинъ, VII, 33. Данилъ былъ покровителемъ своего монастыря. Большая часть книгъ Волоколамской бібліотеки относится ко времени митр. Данила, одного изъ главныхъ ея вкладчиковъ. Хрущовъ 64. Деньгами онъ пожертвовалъ въ монастырь 590 руб. Опись книгъ Волоколам. м. Чтен. Моск. общ. 1847, № VII, 7, 8.

<sup>2)</sup> Ibid. 75, 83, VIII, 33.

<sup>3)</sup> Филаретъ, Максимъ Грекъ въ Москвитинѣ, 1842, XI.

<sup>4)</sup> Бѣляевъ, въ статьѣ: Митр. Данилъ.

<sup>5)</sup> Хрущовъ, 26, и Матеріалы для исторіи Стоглава, въ Дѣтопис. Тихонравова, V, 143.

врутцкимъ были іосифляне: Савва Черный, подвизавшійся въ Вологодскомъ монастырѣ до кончины Іосифа и написавшій его житіе; Иоаннъ, Галактионъ, Симеонъ; въ Рязани — Леонидъ; въ Смоленскѣ — Гурій Заболотскій; въ Полоцкѣ — Трифонъ и въ Казани — архіепископъ: Гурій; Германъ, Маврекій, Тихонъ и Іеронимъ<sup>1)</sup>. Кроме множества другихъ, вышедшихъ изъ Вологодскаго монастыря на высшія церковныя мѣста, здѣсь замѣчательно еще то, что іосифляне назначались въ города вновь присоединенныя (Смоленскъ, Полоцкъ и Казань), гдѣ требовалось божье энергія для утвержденія политическаго единства Россіи. Даже при выборѣ другихъ лицъ іосифляне обращали вниманіе, на сколько они преданы іосифовскимъ идеямъ. После Серапіона Новгородъ оставался 17 лѣтъ безъ архіепископа; но въ 1526 г. митрополитъ Даниилъ набралъ на его мѣсто архимандрита лужичскаго Макарія<sup>2)</sup>. Онъ былъ вполне ярымъ іосифовскимъ преданіемъ. Это обнаружилось уже въ то время, когда Макарій былъ митрополитомъ<sup>3)</sup>. Макарій до смерти этого сана при помощи Шуйскихъ, съ которыми онъ былъ въ хроническія отношенія до того времени и которые обязаны были своимъ возвышеніемъ поддержкѣ новгородцевъ, связанныхъ съ нимъ историческими воспоминаніями<sup>4)</sup>. Сдѣлавшись митрополитомъ, Макарій назначилъ на свое мѣсто въ Новгородѣ іосифлянина — Феодосія; а когда рязанскій епископъ Кассіанъ былъ лишенъ сана, и между прочимъ за перипатіе «Провѣдителя» Іосифа, то на его мѣсто былъ назначенъ другой іосифлянинъ — Леонидъ. Макарій, какъ любитель книгъ въ свое время (авторъ Четьи-Миней), также заботился о біографіи Іосифа. По его доповідію она была написана ученикомъ послѣдняго — епископомъ врутцкимъ Саввою<sup>5)</sup>. А на Стоглавомъ соборѣ, по настоянію Макарія, въ союзѣ съ тремя членами — іосифлянами (Леонидомъ, Аввакумомъ и Гуріемъ, епископомъ смоленскимъ), былъ рѣшенъ въ духѣ Іосифа капи-

1) Челобит. Леонида, еписк. рязанск. въ Лѣтоп. Тихонравова, V, 143.

2) Полн. собр. русск. лѣт. III, 148.

3) Расположеніе Макарія въ іосифовскіе преданія, а іосифляне — къ Макарію, объясняется тѣмъ, что послѣдній долге жилъ въ монастырѣ Пафнутія Боровскаго, наставника Іосифа. Такимъ образомъ между ними было духовное родство. Посл. въ Макар. Прав. собес. 1863, III, 412.

4) Соловьевъ, VI, 43, 44.

5) Житіе Іосифа, напис. Саввою Чернымъ, Москва, 1846.

казанный экономический и нравственный вопрос того времени об обращении монастырских имуществ<sup>1)</sup>.

В царствованіе Федора Іоанновича возникъ весьма интересный процессъ, вполне обрисовывающій намъ политическое значеніе іосифовскаго направленія, которое старались удерживать за собою ученики Іосифа. Рязанскій епископъ, Леонидъ, былъ челомъ царю на ростовскаго архіепископа Евлампія: «Когда ты пожаловалъ насъ, приглашенъ на Рождество къ царскому столу; то архіепископъ Евлампій не далъ мнѣ вѣсть съ одного съ нимъ блюда, при чемъ странно меня позорилъ; а при отъѣздѣ я вѣдалъ съ одного блюда съ архіепископомъ новгородскимъ (Макаріемъ). И о томъ молю тебя, что Евлампій насъ, іосифовскихъ постриженниковъ, называетъ не іосифлянами, а жидовлянами; но преподобнаго Іосифа постригъ Пафнутія, а Пафнутія постригъ Никита, ученикъ Сергія Радонежскаго; по молитвамъ же Пафнутія далъ Богъ наслѣдника дѣду твоему—отца твоего, а нашего государя Іоанна Васильевича (Грознаго); воспріемникомъ котораго отъ св. купели былъ Касіянъ Босній, ученикъ Пафнутія и собесѣдникъ Іосифа и Даниль Переславскій, другой ученикъ Пафнутія». Затѣмъ Леонидъ, въ подтвержденіе заслугъ учениковъ Іосифа, перечисляетъ всѣхъ, вышедшихъ изъ его монастыря на епископскія кафедры, и заключаетъ такъ: «Но при твоёмъ, государь, отъѣздѣ (Іоаннъ Грозный) тѣмъ архіепископамъ и епископомъ узоризны никакой не бывало и никто на нихъ не сказалъ такого безчестнаго слова, которое и простымъ людямъ покажется гнуснымъ. Милостивый государь! Покажи милость, вступишь; оборони домъ Пречистой (храмъ Волоколамскаго монастыря былъ во имя Богородицы) отъ такого завѣтнаго и поноснаго слова. Милостивый государь! смилуйся». Очевидно Леонидъ шелъ по слѣдамъ Іосифа.

Іосифъ Волоколамскій и его ученики имѣли несомнѣнное вліяніе на убѣжденія Василя Іоанновича. Курбскій постоянно указываетъ на эту связь, называя іосифлянъ, съ своей точки зрѣнія, потаковниками и исполнителями всѣхъ злодѣяній, совершившихся въ то время. Но интересно также для объясненія политической традиціи, что съ именемъ одного изъ іосифлянъ связываются политическія стремленія Іоанна

1) Матеріалы для Стоглава, Лѣтоп. Тихонр. V, 144.

2) Челобитная, въ Лѣтопис. рус. литер. Тихонравова. V, 142—143; изъ Сборника Волокол. монастыря; ср. Акты историч. № 410.

Грозного. Мы говоримъ, о Вассіанѣ Топорковѣ. Онъ былъ племянникъ Іосифа Волоколамскаго и воспитывался въ его монастырѣ. Вскорѣ послѣ возведенія Данила въ санъ митрополита (1522), Вассіанъ былъ епископомъ епископомъ коломенскимъ (1525). Онъ пользовался большимъ вниманіемъ вел. князя. По возвращеніи большого Вассіана, Іосифополца изъ Волоколамскаго монастыря въ Москву — Вассіанъ былъ преддѣшнымъ, въ числѣ немногихъ, къ великокняжескому столу, и, во все время предсмертныхъ страданій вел. князя, находился при немъ, вмѣстѣ съ митр. Даниломъ. Во время малолѣтства Іоанна IV Вассіанъ былъ лишенъ своей кathedры за жестокость (1542) и сосланъ въ Псковскій монастырь <sup>1)</sup>. Но и тамъ Вассіанъ отсталъ впродолженіи идей, своею направленія, и интересамъ княжескаго семейства. Курбскій разсказываетъ, что во время поѣздки въ Блговерскій монастырь (1552 г.) Іоаннъ Грозный завернулъ къ Вассіану, какъ-бы въ уваженіе къ памяти отца, зная его преданность къ послѣднему. Бесѣдуя съ Вассіаномъ, Іоаннъ спросилъ его: «Какимъ образомъ я могу бы царствовать и держать въ покорности своихъ вельможи и бояре?» Вассіанъ, незабывній преслѣдованія Свирь, по милости которыхъ онъ палъ, отвѣчалъ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи для себя совѣтниковъ умнѣе себя, потому что ты лучше всѣхъ ихъ. Тогда будешь прочно царствовать и все будетъ въ твоихъ рукахъ. Но если будешь держать вождей себя разумныхъ совѣтниковъ, то будешь въ ихъ власти». Царь поцѣловалъ его въ руку, отыгнулъ на это: «Огласи бы и отцеу мой былъ живъ, то не далъ бы мнѣ думнаго совѣта». Въ этомъ совѣтѣ Курбскій видитъ объясненія тайныхъ побужденій къ смѣненію характера Іоанна Грознаго, и потому, при каждомъ случаѣ не забываетъ упомянуть о политической традиціи «іосифитовъ» и злобномъ умыслѣ сторонника ихъ партіи, Вассіана Топоркова <sup>2)</sup>. Такой взглядъ отразился и на мнѣніяхъ современниковъ Курбскаго, и на мнѣніяхъ его исторію <sup>3)</sup>.

Іосифляне составляютъ одно изъ выдающихся явленій политической жизни древней Россіи. Они были продолжателями той политической традиціи, которая сдѣлалась достояніемъ политическаго значенія мо-

<sup>1)</sup> Карамзинъ, VII, 109, пр. 321, 331; VIII, 131, пр. 389. Устряловъ, Сказ. Курбскаго, примѣч. 61.

<sup>2)</sup> Курбскій, Исторія Іоанна, 5, 40, 41, 42, 46; Отвѣтъ на 2-е посл. Іоанна, 241. <sup>3)</sup> Ibid. примѣч. 61.

мислей; оказавшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ образуемой государству; и, при болѣе широкомъ развитіи политическаго элемента въ бытѣ монархія (Полокомская), — послѣдній неминуемо долженъ былъ обратиться въ представителя опредѣленнаго направленія, которое дало законную его религиозное значеніе. Отсюда были естественный переходъ въ партію, какъ и смотритъ на это направленіе Пурбейнъ и раздѣляющае его взгляды. Имя «іосифлянъ» — свидѣтель предметомъ гордости для исследователя Іосифа — и прервателіи въ эпигонамъ для его протівапозовъ<sup>1)</sup>.

Одновременно съ развитіемъ понятія о власти, ея атрибуты при-  
 нимають все болѣе опредѣленныя формы, соотвѣтствующія этимъ по-  
 нятіямъ. До времени вел. кн. Василія Дмитриевича государственныя  
 грамоты обыкновенно надписывались: «По благословенію отца и вѣнцу  
 митрополита»; но Василій Дмитриевичъ впервые употребилъ форму:  
 «Всего мѣсто» — такъ надписана его договорная грамота съ  
 татарами владѣемъ Митанювъ. Носительно же эта форма употре-  
 бляея съ времени Василія Тешаго<sup>2)</sup>. Іоаннъ III требуетъ при-  
 нять его «государству» (отъ Новгородца); а Василій Іоанновичъ не  
 считаетъ уже нужнымъ совѣщаться съ боярами и рѣшаетъ дѣла  
 только съ своими приближенными («самъ третей у постели всѣмъ  
 дѣла рѣшати»).<sup>3)</sup> Иностранцы, посѣтившіе Россію въ это вре-  
 мя, свидѣтельствуютъ о практическомъ примѣненіи этой начатъ,  
 теоретическую сторону которыхъ мы рассмотримъ ниже. «Вмѣстѣ себѣ,  
 говорятъ Герберштейнъ, вел. князь превосходить едвали не всѣхъ  
 князювъ двара мѣра. Всѣ открыто признають, что воля князя есть  
 воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по воли божей. Между  
 собою совѣтничавшіе никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣ-  
 лився въ чемъ-либо противорѣчить ему или быти другаго мнѣнія». <sup>4)</sup>  
 Бояре замолчали, что Василій Іоанновичъ не любитъ противорѣчій

1) Въ предисловіи къ переводу соч. Іоанна Дамаскина «Небеса», Курбскій упрекаетъ «іосифлянъ» въ *небывалой ереси*: «они по его сло-  
 вямъ, оттого такъ люте, безчеловѣчны, до брайности хулава; *искажеши*  
*сласти и мьнѣніа*, что уже потеряли надежду дать надлежащій отвѣтъ  
 на спрашаніи судъ». Опис. Руманц. муз. 243.

2) Соловьевъ, IV, 169.

3) Аглицъ экспед. I, № 172.

4) Герберштейнъ, 27, 28. Передъ уничтоженіемъ свободы Псковъ;



и уступать въ этомъ случаѣ Иоанну III, который любилъ выслушивать мнѣнія другихъ <sup>1)</sup>). Иоаннъ Грозный идетъ далѣе: подъ вліяніемъ тогдашней княжести онъ самъ формулируетъ теорію власти. Основаніемъ для его положеній въ этомъ вопросѣ служатъ священное писаніе, примѣръ Византіи и предъидущая исторія Россіи. Свой взглядъ на этотъ предметъ Иоаннъ Грозный изложилъ въ посланіяхъ къ Курбскому.

»Богъ нашъ — Троица, Отецъ, Сынъ и св. Духъ, не имѣетъ ни начала, ни конца; имъ мы живемъ, движемся и существуемъ, имъ царствуютъ цари и сильные пишутъ правду! Такъ начинается Иоаннъ свое первое посланіе къ Курбскому. Мы не похитили ни у кого престола; но царствуемъ по волѣ божіей и благословенію родителей. Всякая душа должна повиноваться властямъ; потому что нѣтъ власти не отъ Бога, и противящійся власти—противится Богу. Развѣ это проваженная совѣсть, когда все царство держишь въ своей рукѣ, а своимъ рабамъ не даешь властвовать? Развѣ противно разуму, когда не хочешь быть подъ властью своихъ рабовъ? И это-ли пресвѣтлое правосудіе, чтобъ быть подъ ихъ властью? Похититель престола Іероваамъ, отдѣлявшійся съ десятью вождями израильскими, не могъ образовать прочнаго царства; а царство Іудейское, не смотря на меньшее пространство, существовало пока угодно было Богу. Вспомни великаго Константина, который умертвилъ своего сына (Криспа), когда тотъ стремился захватить престолъ. Давидъ умертвилъ своихъ противниковъ. (Примѣромъ обширнаго вліянія княжести на понятія русскаго общества можетъ служить въ этомъ случаѣ Зиновій Отенскій, который подробно развиваетъ значеніе царской власти на библейскихъ и византійскихъ основаніяхъ. Истины показаніе, 575—576). Какъ можетъ назваться самодержцемъ тотъ, кто не самъ управляетъ государствомъ? Пока Римскою имперіею управлялъ одинъ Августъ—она была нерушима; но какъ только послѣ Константина В. наступаетъ раздѣленіе власти—Византія распадается и слабѣетъ. Злые совѣтники стараются захватить въ свои руки власть, и греческая имперія, бравшая дань прежде съ другихъ народовъ, теперь сама платитъ ее. Наступаетъ господство латинъ; а

всѣхъ псковичей, недовольныхъ московскими намѣстниками, позвали на судъ въ вел. князю въ Новгородъ. Когда они вошли въ палату, то московскіе бояре арестовали ихъ словами: »Вы пойманы Богомъ и вел. княземъ Василіемъ Ивановичемъ«.

<sup>1)</sup> Азты экспедиц. I, № 172.



го каравана въ Белушаніе, возвышлся до царевенной, подсыгасной  
высоты, передъ которою божья, князь, потомокъ Рюрика и Радана;  
на, дожили были благоговѣно преклониться наравнѣ съ послѣдними  
изъ подданныхъ; по первому мановенію Грешаго Юанна—голови кра-  
моушнаты князей и бояръ лежали на мѣлѣ. Современники и близка-  
ише обстоиши пришедали эту переживу внушитель Софіи; и на не имѣ-  
еть внаваго права отвергать или свидѣтельство<sup>1)</sup>. Это была жен-  
щина необыкновенно хитрая; говоритъ Герберштейнъ; но ея внушитель-  
ннѣ вельжій князя сдѣлали много. Такъ, ей приписывали уничтоженіе  
почтительнаго обычая, изъ времена татарскаго ига, когда вел. кн. прише-  
дешъ билъ принимать ханскихъ подговъ столъ, между кнѣзь какъ она сдѣла-  
ла. Для этого она присоветовала вел. князю каждый разъ притворяться  
больнымъ. Въ Кремль стояла дѣла, въ которой жила татарскии стра-  
жа, надзирающая за дѣлательми князя. Софія отравила богатые на-  
дарки въ Орду съ провѣщою—уступить ей этотъ домъ, подъ предла-  
гошь нестраши церкви<sup>2)</sup>. Ей приписывали преслѣдованіе и уничто-  
женіе враговъ москвитскаго князя тайными средствами<sup>3)</sup>. Ея влитель-  
ннѣ обильными недоступности и переживу въ отнѣшеніяхъ Юанна III<sup>4)</sup>.  
«Князь пришелъ сюда гревн, говорилъ въ тайной бесѣдѣ Максиму Греку  
Берсень-Беклемишевъ (огаальный при раснѣи Юанцовичѣ), такъ наша  
земля замѣчалась; а до тѣхъ поръ наша земля была въ тишинѣ и мѣ-  
рѣ. Какъ пришла сюда мать вел. князя (Василія), великая княжна  
Софія съ вѣлыми гревнами, такъ наша земля и замѣчалась, и посту-  
пнн большіе безпорядки, какъ и у насъ въ Константинополѣ, при на-  
мнѣхъ коряхъ. Онъ жаловался на переживу старихъ обычаевъ, на доу-  
казаніе въ почтеннымъ старцамъ, на жестокое обращеніе съ поддан-  
ненными и нежеланіе вел. князя совѣтоваться о дѣлахъ съ боярами<sup>5)</sup>.  
Женившись на Софіи, Юаннъ III принять византійскій гербъ (дву-  
главаго орла) и ввелъ у себя пышность и недоступность византійскаго  
двора<sup>6)</sup>. Современники рассказывали, что женщины, при встрѣчѣ съ  
нимъ, трепетали отъ одного его взгляда; а на итрахъ, когда онъ за-

1) Соловьевъ, V, 81, 82.

2) Герберштейнъ, 22.

3) Курбскій, Исторія Юанна, 87, 129.

4) Ibid. 4; Герберштейнъ, 21.

5) Азги эксед. I, № 172.

6) Карамзинъ, VI, 45, 46.

сигналъ, разгоряченный виномъ, никто же смѣлъ нарушить молчанія, пока не отчется вел. князь и своимъ словомъ не подастъ начала прервавшейся бесѣды <sup>1)</sup>. Къ концу XVI в. даже думный дворянинъ не могъ войти во дворецъ безъ подобающаго страха <sup>2)</sup>.

Паденіе Византійской имперіи произвело потрясающее впечатлѣніе на русское общество. вмѣстѣ съ церковными книгами зашла въ Россію и идея о кончинѣ міра послѣ 7000 лѣтъ его существованія, по счету греческой пасхалии. Въ числѣ главныхъ признаковъ этого событія греческіе писатели ставили судьбу Константинополя; а когда Византійская имперія пала, то этотъ фактъ послужилъ достаточнымъ поводомъ къ ожиданію предсказываемаго событія <sup>3)</sup>. Поэтому одинъ русскій летописецъ указываетъ на турецкое владычество, какъ на приближеніе кончины міра <sup>4)</sup>. Но 1492 годъ (7000 лѣтъ) прошелъ, какъ и всѣ. Между тѣмъ очевидное возрастаніе Московскаго княжества и его политическіе успѣхи (присоединеніе Новгорода и Пскова, ослабленіе татарскаго ига, паденіе удѣловъ и т. д.) не могли остаться безъ извѣстнаго вліянія на умы современниковъ. Въ такое время въ Россіи сложилась теорія о преемствѣ ею значенія Византійской имперіи, и потому на нее стали переносить всѣ предсказанія о величіи Рима и Византіи. «Всѣ христіанскія царства пали, читаемъ въ памятникахъ XVI в., и сошлись по пророческимъ книгамъ въ одно царство—т. е. русское; два Рима пало, а третій стоитъ—Москва; по четвертому не быть». Теперь особенно стали взывать къ нравственному усовершенствованію русскаго общества (въ религіозномъ смыслѣ); такъ какъ думали, что только отъ русской державы зависитъ предотвратить катастрофу (кончину міра) <sup>5)</sup>. Іоаннъ III первый вѣнчалъ на царство своего внука

<sup>1)</sup> Герберштейнъ, 21, 22.

<sup>2)</sup> Дневникъ Маскѣвича.

<sup>3)</sup> О пасхалии, Прав. соб. 1860, ноябрь.

<sup>4)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. VI, 181.

<sup>5)</sup> Посланія Филоея (старца псков. печер. монаст.) къ Мунехиу и вел. кн. Василю Іоанновичу, въ Правосл. Собесѣд. 1861, май, и 1863, мартъ. Таже мысль, почти дословно вложена въ уста патр. Іереміи, въ его отвѣтъ царю Ѳеодору Іоанновичу, по поводу учрежденія патриаршества въ Россіи: «Ветхій Римъ палъ отъ ереси, Константинополь—отъ турокъ; третій Римъ—Россія—превозмогла благочестіемъ всѣ страны. Всѣ благочестныя царства собрались въ одно—твое, и ты одинъ христіанскій царь во всей вселенной». Прав. собесѣд. 1860, I, О русск. церковн. правѣ, 19, примѣч.

Дмитрія. Въ XVI в. уже стараются придать царскому вѣнчанію значеніе политическаго преданія. По случаю вѣнчанія Іоанна Грознаго лѣтописцы говорятъ о завѣщаніи Владиміра Мономаха своему сыну Юрію, который получалъ отъ него вѣнецъ и бармы, присланные изъ Греціи, съ тѣмъ чтобы они хранились въ его родѣ, пока Богъ не даруетъ Россіи самодержца. Но Іоаннъ IV не ограничился однимъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Онъ отправилъ посольство къ константинопольскому патріарху, съ просьбою прислать ему утвердительную грамоту на царство. Въ этой грамотѣ патріархъ ведетъ происхожденіе Іоанна отъ греческой царицы Анны (супр. Владиміра св.) и Владиміра Мономаха, который вѣнчался на царство отъ митрополита ефесскаго. Іоаннъ III и Василій Іоанновичъ назывались иногда царями, но со времени Іоанна Грознаго этотъ титулъ становится общепотребительнымъ <sup>1)</sup>, Это величіе такъ магически подѣйствовало на воображеніе тогдашнихъ книжниковъ, что они въ припятіи царскаго титула увидѣли исполненіе пророчества Апокалипсиса о шестомъ царствѣ <sup>2)</sup>. Дальнѣйшее развитіе этихъ понятій шло въ томъ же направленіи до XVIII в., когда имъ старались придать научное толкованіе, на основаніи современнаго развитія политической науки. Въ заключеніе же рассмотрѣннаго нами вопроса прибавимъ, что въ связи съ уничтоженіемъ мѣстничества находится проектъ, составленный неувѣстнымъ духовнымъ лицомъ и поданный Федору Алексѣевичу, о степеняхъ, на которыя должны были раздѣляться высшіе государственные сановники, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ даны названія и должности на основаніи придворнаго штата византійскихъ императоровъ; между тѣмъ какъ другія должности сохранили русскіе. Но этотъ проектъ неувѣстно почему, не состоялся <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Карамзинъ, VI, 172, 173; VIII, 55—58. Изучивши библію, Іоаннъ хотѣлъ быть Давидомъ и Соломономъ; а начитавшись Римской исторіи онъ рисовалъ въ своемъ идеалѣ образы Августа, Константина и Феодосія. (Соловьевъ, VI, 46). Онъ связывалъ свое царское происхожденіе съ Римскою имперіею посредствомъ особенной генеалогіи, называя Юрика потомкомъ Прусса, брата императора Августа, получившаго въ управленіе Пруссію (Соловьевъ, 171, 260, 325). Извѣстно также, что Іоаннъ хотѣлъ имѣть переводъ Римск. исторіи Тита Ливія и Кодекса Юстиніана. См. выше, стр. 58.

<sup>2)</sup> Псковская лѣтопись, IV, 282.

<sup>3)</sup> Калачовъ, о Коричей, 100.

Обозрѣвши результаты отношеній Византіи къ Россіи въ религіозной, общественной и политической сферѣ, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы.

1) Въ слѣдствіе преобладанія религіозныхъ вопросовъ въ умственной жизни Византіи—ея образовательное вліяніе по преимуществу должно было отразиться съ этой стороны; а такъ какъ подчиненіе Россіи византійскому вліянію началось въ религіозной области, то это отношеніе должно было проявиться въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ. Поэтому еще въ древнѣйшій періодъ русской исторіи сложилось свѣдѣніе на знанность, какъ на исключительную потребность церкви.

2) Представителями этой образованности въ Византіи были монастыри, которые, въ слѣдствіе развитія религіозныхъ вопросовъ, приобрѣли тамъ господствующее значеніе. Книжность въ Россіи распространялась главнымъ образомъ чрезъ нихъ, и потому русская образованность древней эпохи можетъ быть вполне названа монастырскою. Преобладаніе аскетическихъ идеаловъ въ литературѣ содѣйствовало развитію монастырской жизни въ Россіи, и монастыри въ свою очередь закупаютъ здѣсь такое же образовательное положеніе, какъ и тамъ; отчего аскетическія идеи приобретаютъ исключительное господство въ обществѣ.

3) Монастырская жизнь въ Россіи развивалась по началамъ, выработаннымъ въ Византіи, и потому русскіе монастыри могутъ быть подведены подъ два направленія: скитское и общежительное, которыя переживаетъ почти каждый монастырь въ своемъ историческомъ развитіи, пока эти формы не выработались въ строго опредѣленные типы, изъ которыхъ одинъ сдѣлался достоинствомъ преимущественно городскихъ, а другой пустынныхъ монастырей. Эти два направленія представляютъ собою двѣ различныя системы, какъ по образу жизни, такъ и въ отношеніи къ общественнымъ вопросамъ. Крайнее развитіе перваго направленія выражается въ Воюволамскомъ монастырѣ, а послѣднее господствовало въ заолжской пустынѣ (вологодскіе и новгородскіе скиты). На это направленіе оказала большое вліяніе Аѳонская гора, а полнымъ представителемъ его былъ Нилъ Сорскій.

4) Развитіе монастырской жизни на сѣверо-востокѣ Россіи имѣетъ важное этнографическое и экономическое значеніе. Колонизація сѣвернаго края русскимъ населеніемъ въ значительной степени принадлежитъ монастырямъ. Она шла въ другомъ направленіи сравнительно съ

гражданскою колонизаціею; такъ какъ представители пустынной жизни избирали мѣста, наиболѣе удаленныя отъ центровъ и неудобнопроходимыя; но въ тоже время эти пункты были весьма удобны для жизни по своимъ мѣстнымъ условіямъ, и потому быстро заселились колоніями.

5) Основаніе монастырей въ этой области оказало большое вліяніе на распредѣленіе русскаго населенія. Надѣль монастырей землею обусловливался релігиозными побужденіями и экономическимъ состояніемъ древней Россіи, когда поземельный надѣль представлялъ единственный надежный способъ обезпеченія лицъ и учреждений матеріальными средствами; наконецъ пожертвованіе земли свѣтскою властью всегда соединялось съ политическими интересами, такъ какъ князья необходимымъ условіемъ его ставили — заселеніе своего края новыми поселенцами, и съ этою цѣлью надѣляли монастыри обширными льготами, отчего монастырскія вотчины были населены гораздо гуще сравнительно съ остальными.

6) Но владѣніе землею тѣсно связывало монастыри съ общественною жизнью и нарушало первоначальное ихъ назначеніе: они становились своего рода городами и стратегическими пунктами, а съ развитіемъ средствъ — торговыми центрами, и въ этомъ случаѣ, можно сказать, вполне сосредоточили въ своихъ рукахъ промышленныя операціи страны. Релігиозное и экономическое значеніе монастырей въ свою очередь заставляло заботиться о соединеніи ихъ съ городами и между собою постоянными, и болѣе или менѣе удобными, путями сообщенія.

7) Пользуясь правами частныхъ владѣльцевъ и матеріальными средствами, монастыри постоянно заботились о распространеніи своей территоріи, которая въ XVI вѣкѣ достигла громаднаго размѣра: среднюю цифру ея въ это время можно принять въ  $\frac{1}{3}$  всего государства; но съ этихъ поръ начинается систематическая реакція противъ поземельной собственности монастырей, такъ какъ она вредно дѣйствовала на ихъ нравственность и нарушала интересы государства. Нравственныя обличенія появляются одновременно съ началомъ монастырской собственности, которая разсматривается, какъ отступленіе отъ основныхъ правилъ монастырской жизни. Правительственное же противодействие ей начинается со времени образованія Московскаго государства. При всемъ томъ, отдача монастырямъ, по преимуществу, пустынныхъ мѣстъ, лежащихъ въ сѣверной полосѣ Россіи, имѣла вліяніе на заселеніе края и обработку почвы.

8) На сѣверо-востокѣ монастырская колонизація столкнулась съ языческимъ элементомъ, а потому монастыри нерѣдко являются здѣсь съ миссіонерскимъ характеромъ, и во многихъ пунктахъ даже преуспѣваютъ политическое занятіе края. При низкомъ состояніи блага духовенства и назначеніи монастырей такое предпріятіе вполне осуществимо было только для нихъ. Но прочное утвержденіе христіанства среди финновъ было задержано отчасти географическими условіями страны, отчасти повсемѣстнымъ упадкомъ монастырскихъ нравовъ, какой замѣчается съ исхода XV и особенно съ половины XVI вѣка. Впрочемъ, куда проникло вліяніе монастырей, вездѣ видно вліяніе монастырскихъ понятій. Столкновение же противоположныхъ религій не могло остаться безъ вліянія на развитіе понятій вообще; на всемъ сѣверѣ замѣтно смѣшеніе религиозныхъ представленій, и финское міросозерцаніе въ сильной степени отразилось на русскомъ населеніи сѣверо-восточной Россіи. Этимъ вліяніемъ могутъ объясняться крайне суевѣрныя представленія, господствующія въ народѣ и принимавшія несомнѣнное участіе въ происхожденіи раскола. Такимъ образомъ финскій элементъ явился задерживающимъ элементомъ въ борьбѣ христіанства съ язычествомъ.

9) При постоянномъ отношеніи монастыря къ обществу, его вліяніе обнаружилось въ смыслѣ педагогической системы: 1) въ порядкѣ и характерѣ домашней жизни и 2) во взглядѣ общества на женщину. Педагогическое же вліяніе монастыря совершалось посредствомъ книжности, монастырскаго воспитанія и нравственныхъ наставленій.

10) Въ дальнѣйшемъ развитіи своего вліянія монастыри приобретаютъ политическое значеніе. Въ средніе вѣка было выработано двѣ системы взаимнаго отношенія духовной и свѣтской власти. На Западѣ, при отдаленіи римскаго епископа отъ центральной власти и территориальной его независимости—онъ получаетъ государственное значеніе, и монастыри, въ видѣ различныхъ орденовъ, являются проводниками въ обществѣ его политическаго авторитета; въ Византіи, при отсутствіи тѣхъ же условій, выработывается теорія господственнаго значенія свѣтской власти въ отношеніи къ духовной, и въ такомъ видѣ она перешла въ Россію.

11) Но Россія подчинилась вліянію Византіи уже въ эпоху раздѣленія церквей, и потому на ней не могла не отразиться возникшая между ними борьба. Вѣрные своей политической традиціи, папы



хлещутъ въ Россіи о соединеніи церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ стремятся подчинить ее своему авторитету въ политическомъ отношеніи. Но они получаютъ съ этой стороны надлежащій отпоръ, опять въ силу противоположеній традиціи, постоянно охраняемой представителями византійской іерархіи, занимавшими высшія духовныя мѣста въ Россіи, и отъ свѣтской власти, менѣе стѣсненной въ политическихъ дѣлахъ, нежели при римской системѣ. Однако, устраняя Россію отъ римскаго вліянія, византійское правительство стремилось подчинить ее своему политическому и духовному авторитету, отчего высшія іерархическія мѣста по преимуществу замѣщались лицами греческаго происхожденія. Конечно такое отношеніе Византіи стѣсняло политическую самостоятельность Россіи, и потому здѣсь возникаетъ оппозиція установленному порядку: періодъ зависимаго отношенія Россіи отъ Византіи есть періодъ борьбы между стремленіями къ подчиненію и самостоятельности. Неизвѣстно, чѣмъ окончилась-бы борьба при могуществѣ Византіи, но несомнѣнно, что ея упадокъ, заставившій ее заботиться о финансовыхъ средствахъ, раздѣленіе русской митрополи и возвышеніе Московскаго княжества были причинами, подорвавшими господственное отношеніе Византіи къ Россіи; такъ что въ XVI вѣкѣ попытка со стороны константинопольскаго патріарха возвратить прежнее вліяніе (Максимъ Грекъ) на Россію окончилась полнымъ пораженіемъ.

(12) Преобладаніе въ теченіи продолжительнаго періода греческаго элемента въ высшей іерархіи Россіи, при слабости ея юридическихъ формъ, содѣйствовало широкому примѣненію византійскихъ юридическихъ источниковъ къ русскому законодательству, которое, начавшись въ духовной сферѣ, благодаря смѣшенію церковнаго элемента съ свѣтскимъ, отличающему византійскую юриспруденцію, перешло въ область гражданскую и господствовало въ теченіи всего древняго періода русской исторіи. Введеніе же византійскаго права въ жизнь русскаго общества радикально измѣнило его взгляды на преступленія уголовныя, религіозныя (сюда относились и дѣла семейныя) и политическія.

13) Тѣмъ же путемъ распространились въ Россіи и новыя понятія о верховной власти: ихъ вносятъ въ русское общество—византійское духовенство, у котораго вполне заимствуетъ русское; юридическіе источники Византіи и письменные памятники, въ которыхъ эти понятія развиваются на библейскихъ началахъ и византійской исторіи. Русскіе мо-

настыри дѣйствуютъ въ томъ же духѣ, и въ этомъ случаѣ ихъ тѣсно связываетъ съ властью территориальная зависимость отъ нея.

14) Законченный типъ политическаго значенія монастыря представляеть намъ—монастырь Волоколамскій, господствовавшій въ эпоху возвышенія Московскаго княжества.

15) Такимъ образомъ теорія свѣтской власти утверждается въ обществѣ на византійскихъ преданіяхъ, духовномъ авторитетѣ и источникахъ византійской письменности. Полнымъ же представителемъ этой системы былъ Иоаннъ IV, который отчетливо и сознательно формулировалъ ее въ своихъ посланіяхъ къ Курбскому.

16) Политическія обстоятельства южной Россіи, а въ Новгородѣ преобладаніе народныхъ началъ въ политическомъ бытѣ—помѣшаніи утвердился здѣсь принципамъ византійской политики, которая полного развитія достигаетъ въ Московскомъ государствѣ.

### Глава VIII.

До сихъ поръ мы слѣдили за постепеннымъ утвержденіемъ византійскихъ началъ въ русскомъ обществѣ; но ихъ распространеніе не обошлось безъ борьбы. Но временамъ возникаютъ ученія, которыя ставятся во враждебное отношеніе къ господствующему направленію. Одни изъ нихъ представляютъ открытое противодѣйствіе, развившееся на почвѣ современной дѣйствительности; другія—были результатомъ усилившагося княжнаго образованія; третьи исходили со стороны представителей того же порядка, неудовлетворенныхъ примѣненіемъ усвоенныхъ ими чуждыхъ началъ къ жизни; при чемъ ихъ сочиненія обыкновенно служили источникомъ для дальнѣйшихъ выводовъ. Наконецъ на нѣкоторыхъ представителяхъ этого направленія замѣтно вліяніе ученій, господствовавшихъ въ то время на Западѣ. Это движеніе замѣчается весьма рано, но вполне опредѣленный характеръ принимаетъ въ XV и XVI вв. Замѣчательно также, что начало его идетъ оттуда, гдѣ существовали болѣе свободныя формы быта, т. е. изъ Новгородской области.

Церковные писатели говорятъ: »Наши предки мало обращали свою мысль къ догмату, а болѣе занимались внѣшней, обрядовой стороной вѣры. Все, что имѣло отношеніе къ церковному обряду, стояло у нихъ на первомъ планѣ, было предметомъ перваго вниманія и интереса, догматы же почти всего менѣе обращали ихъ вниманіе... Въ этомъ отношеніи они рѣзко отличались отъ греческихъ христіанъ, у которыхъ

важность къ догматическимъ вопросамъ и созерцаніямъ была господствующею и обнаруживалась даже въ народной массѣ<sup>1)</sup>. Конечно это различіе зависѣло отъ степени образованности того и другаго народа.

Сосредоточенность на обрядѣ проходить въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе укрѣпляется въ понятіяхъ общества. — Какіе вопросы занимали обыкновенно тогда? это были вопросы и недоумѣнія обрядовые, но весьма рѣдко догматическіе: какіе творить поклоны, съ чего можно не ѣсть въ понедѣльникъ и т. п. Вопросы Кирика въ разнымъ іерархическимъ лицамъ касаются не внутренней стороны вѣры, а внѣшней, обрядовой или канонической, и притомъ, по большей части, не въ видѣ общаго порядка, а въ смыслѣ частныхъ положеній, какія даетъ жизнь. Въ числѣ ихъ есть напр. такіе вопросы: если кто, поужинавъ, простоять всю ночь на молитвѣ и не уснеть уснуть, то можно-ли ему служить? если дитя или взрослый постучитъ на паску яйцомъ въ зубы прежде литургіи, нужно-ли лишать его за это причастія? могутъ-ли мужъ—женѣ, а жена—мужу помогать въ эпитиміи? справедливо-ли, будто десять литургій избавляетъ отъ эпитиміи на четыре мѣсяца, двадцать литургій на восемь, а тридцать на цѣлый годъ? если случится, что женскій платокъ будетъ вшитъ въ одежду священника—можетъ-ли онъ служить въ этой одеждѣ (отвѣтъ: можетъ, ибо чѣмъ женщина погана)<sup>2)</sup>? можно-ли служить панихиду

<sup>1)</sup> Труды Кіевск. духов. акад. 1862, I, 270.

<sup>2)</sup> Такъ смотрѣли на женщину лица, не зараженные теоретическими воззрѣніями византійскихъ книжниковъ, въ такомъ обилии разсыпанными въ византійскихъ (Пчела), болгарскихъ (Златоструй) и русскихъ сборникахъ (въ русской энциклопедіи XVI в.—Четьи-Минейхъ есть нѣсколько статей, посвященныхъ женщинамъ, въ духѣ Пчелы, озаглавленныхъ: Не имѣй дружбы съ женою, Слово о томъ, что всякій, посмотрѣвшій на жену, согрѣшаетъ, Поученіе женамъ, чтобы онѣ были молчаливы, Слово о женахъ изъ Пчелы, см. оглавленіе Четвѣ-Миней въ Чтен. Моск. общества истор. 1847, IV). Отрицательный взглядъ на женщину въ христіанскую эпоху кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что въ евангеліи можно найти много мѣстъ, представляющихъ въ идеальномъ свѣтѣ отношеніе къ женщинамъ самого основателя религіи. Конечно скептицизмъ византійскихъ компиляторовъ имѣетъ историческія основанія. Они любятъ цитировать въ этомъ случаѣ классическихъ писателей (см. выше, 251—253); а извѣстно, что женщина у грековъ и римлянъ была замкнута въ своемъ гиннаеѣ, и тѣмъ болѣе считалась нравственною, чѣмъ меньше о ней знали. Солону приписываютъ изреченіе: «мудрецъ еже-

за живаго человѣка? слѣдуетъ-ли оскверненному глиняному сосуду давать молитву, или только деревянному? въ какой одеждѣ ходитъ? (отвѣтъ: хотъ и въ медвѣжьей) <sup>1)</sup>. Вообще въ ряду множества подобныхъ вопросовъ нѣтъ ни одного догматическаго <sup>2)</sup>. Этотъ памятникъ относится къ XII вѣку; но если обратимся въ томъ же направленіи къ XVI вѣку, то особенной разницы не замѣчаемъ. Домострой тщательно передаетъ всѣ мелочи изъ церковной обстановки и обрядности, которыя онъ считаетъ необходимыми для домашней жизни; совѣтуетъ, какъ со-

дневно благодарить боговъ, что онъ человѣкъ, а не животное, мужчина, а не женщина, и грекъ, а не варваръ«. Платонъ ставитъ женщину по добродѣтели ниже мужчины—и отсюда выводитъ ея зависимое положеніе. У Эврипида Ифигенія говоритъ: «одинъ мужчина лучше десяти тысячъ женщинъ«. Его взглядъ на женщину былъ до такой степени проникнутъ отвращеніемъ, что современники прозвали его женоненавистникомъ. По теоріи Аристотеля гражданинъ имѣетъ власть надъ женою, дѣтьми и рабами; относительно жены власть его—государственная; надъ дѣтьми—царская; а надъ рабами—господская. Такъ смотрѣли на женщину представители мысли самаго свободнаго изъ государствъ древняго міра—Аѳинъ. На могилахъ своихъ женъ греки любили изображать эмблемы ихъ лучшихъ качествъ: за молчаніе—намордникъ, за домосидничество—черепаху и т. п. (см. статью профес. Ордынскаго: Греческія женщины, въ Отеч. запис. 1850 г.) Эти отношенія объясняются патриархальнымъ устройствомъ древней семьи. Въ Римѣ они были освящены всевозможною строгостью римскихъ законовъ. Въ эпоху упадка древняго общества семейная жизнь много потеряла и женщина переходитъ къ другой крайности: распаденіе семьи было какъ-бы освобожденіемъ женщины; но это самое вызываетъ реакцію современныхъ моралистовъ, которые также пользовались авторитетомъ у византійскихъ составителей нравственныхъ сборниковъ. Далѣе, вторженіе философскихъ понятій Востока, подъ конецъ существованія древняго міра (выше стр. 12--15), вноситъ въ жизнь властительскаго общества восточные взгляды, и къ прежнимъ чертамъ женскаго вопроса прибавляются новыя, весьма непривлекательнаго свойства. Наконецъ, въ началѣ среднихъ вѣковъ возникаетъ борьба между старымъ и новымъ міромъ: какъ реакція языческой нравственности появляется аскетизмъ, который, стремясь очистить современные нравы, вовсе не пощаждаетъ женщины, которая и древними моралистами, и новыми обличителями одинаково признавалась виновницею нравственнаго хаоса общества. Теперь мѣсто греческаго гинекея заступаетъ византійскій теремъ. Поклоненіе женщинѣ на Западѣ въ эпоху среднихъ вѣковъ возникаетъ изъ другихъ началъ.

<sup>1)</sup> Памят. рос. словес. XII вѣка. Макарій, III, 185—197.

<sup>2)</sup> Труды Кіевс. духов. акад. 1862, I, 277.

хранить иконы отъ пыли; какъ цѣловать ихъ («задержавъ въ себѣ духъ и не раздѣвая губъ»); какъ вкушать просфору («не кусая зубами и не чавкая губами») <sup>1)</sup> и т. п., но нигдѣ при этомъ не старается указать источниковъ, откуда его читатели могли-бы почерпнуть болѣе важныя свѣдѣнія, касательно внутренней стороны религіи и ея преимуществъ надъ обрядовою. Напротивъ, все его вниманіе поглощено этою послѣднею; между тѣмъ Домострой написанъ лицомъ (Сильвестромъ) болѣе книжнымъ, нежели другіе его современники. Въ постановленіяхъ Стоглава, имѣвшаго цѣлью восстановленіе нарушеннаго порядка по преданію отцовъ, весьма много удѣлено мѣста вопросамъ «о звонѣ», «о царскихъ дверяхъ», «о законѣ св. алтаря» — опять вопросомъ чисто обрядовымъ.

«Спокойствіе церковной жизни древняго русскаго общества, говоритъ тотъ же авторъ, нарушала иногда религіозные споры. Какой же характеръ носили они? Первый изъ такихъ споровъ возникъ около половины XII вѣка (въ сѣверной и южной Россіи) и состоялъ въ томъ, должно-ли соблюдать постъ по средамъ и пятницамъ, если въ эти дни случатся какіе нибудь великіе праздники? Спорили («философы») о томъ два или три раза пѣть аминю; по солнцу или противъ солнца ходить при совершеніи церковныхъ обрядовъ; двумя или тремя перстами слѣдуетъ креститься; спорили о словѣ *истинный* въ символѣ вѣры, о бритьи бороды и усовъ, но все въ подобномъ родѣ. Вопросы опять обрядоваго содержания, чтобы не сказать о нѣкоторыхъ меньше» <sup>2)</sup>.

Исправленіе книгъ въ XVI Максимомъ Грекомъ встрѣтило сильное неудовольствіе со стороны приверженцевъ строгой букввальности, и именно на томъ основаніи, что по этимъ книгамъ спасли себя древніе русскіе святые <sup>3)</sup>. Одновременно съ греческими переводами, въ Россіи распространяются тѣмъ же путемъ произведенія апокрифической литературы, въ числѣ которыхъ встрѣчаются: Адамъ, Свѣтъ, Моисеевъ завѣтъ, Видѣніе Исаи, Повѣсть Іакова; апокрифическія евангелія; вопросы Іоанна богослова; о двѣнадцати пятницахъ; какъ Христа въ поны ставили; какъ Христосъ плугомъ орать; какъ ап. Петръ крестилъ архистратига Михаила; Хожденіе по мукамъ Богородицы и

1) Домострой, 3, 4, 8.

2) Труды Киевск. духов. акад. 1862, I, 276.

3) Слово объ исправленіи книгъ, въ Сочин. Максима Грека, II.

апостола Петра; преданія о крестномъ древѣ и т. п. О нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно, что они вышли изъ Болгаріи, и потому называются болгарскими баснями. Въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются индексы, направленные противъ нихъ; но они имѣютъ характеръ запрещеній— не болѣе. При недостаткѣ критики (см. 1-я глава, стр. 3), они получили обширное употребленіе и въ глазахъ многихъ пользовались авторитетомъ, равнымъ каноническимъ книгамъ <sup>1)</sup>. Впервые серьезно отнесся къ нимъ Максимъ Грекъ, который свидѣтельствуетъ о ихъ обширномъ распространеніи. Онъ возражалъ противъ мнѣнія, что солнце не заходило во всю недѣлю послѣ воскресенія Іисуса; противъ вопроса кому впервые сослана была съ неба грамота (возникшаго вѣроятно на основаніи апокрифической «бесѣды», въ которой говорится— «къ Сноу», что занесъ въ свой словарь даже ученый Свияда); противъ вѣры въ дѣйствительное существованіе *руконисанія* даннаго Адамомъ—дѣволу, распространившейся вѣроятно на основаніи апокрифа *Адамъ*; русскіе же путешественники рассказывали еще о змѣѣ, которой стерегъ это рукописаніе на берегу Иордана. Подобныя мнѣнія раздѣлялись даже людьми, принадлежавшими къ высшему кругу <sup>2)</sup>.

Эти явленія ясно показываютъ, какъ послѣдовательно развиваются то направленіе, которое въ XVII вѣкѣ разразилось *расколомъ*. <sup>3)</sup>

Обращаясь къ древней литературѣ, церковные изслѣдователи находятъ тѣже черты. «Церковную литературу нашу, говоритъ одинъ изъ нихъ, составляютъ каноническія правила, посланія, отвѣты на вопросы частныхъ лицъ, апокріфическія устава, житія святыхъ, повѣсти и рассказы о чудесахъ, немного молитвъ и каноновъ, поученія. Но въ правилахъ, посланіяхъ и отвѣтахъ преобладаетъ церковно-обрядовое и церковно-практическое содержаніе... Житія святыхъ, повѣсти и сказанія о чудесахъ, полны интересными свидѣніями относительно благочестія, нравственнаго идеала, религиозно-суевѣрныхъ воззрѣній, быта, непосредственныхъ симпатій нашихъ предковъ; но не содержатъ въ

<sup>1)</sup> См. Правосл. собесѣд. 1858, июль, О чтеніи книгъ въ древней Россіи, 452—461. Этому содѣйствовало, по словамъ Курбскаго, то, что ихъ обыкновенно приписывали какому нибудь изъ отцовъ церкви, особенно Іоанну Златоусту. Прав. соб. 1863, II.

<sup>2)</sup> См. наше изслѣдов. Максимъ Грекъ, I, гл. V.

<sup>3)</sup> Макарій, Исторія русскаго раскола; Шаповъ, Русскій расколъ, 447—463.

себѣ изложенія догматовъ вѣрн. Содержаніе же церковныхъ поученій опять нравственно-обрядовое<sup>1)</sup>. Столь же строгій приговоръ древней литературѣ сдѣлалъ пр. Макарій. «Вообще, говоритъ онъ, мы приходимъ къ заключенію, которое намъ кажется справедливымъ, что если не бѣднѣе была наша духовная литература, не ниже было наше духовное просвѣщеніе въ періодъ монгольскій, чѣмъ въ предшествовавшая, то отнюдь и не богаче, отнюдь и не выше. Въ два новыя столѣтія ни наше просвѣщеніе, ни наша литература нисколько не подвинулись впередъ, а все оставались на прежней точкѣ, или вѣрнѣе все вращались въ одномъ и томъ же, словно заколдованномъ, кругѣ... Въ наши дни, еслибы всѣ эти, большею частію, мелкія и очень краткія сочиненія вылились изъ-подъ пера даже одного писателя, его отнюдь нельзя было бы назвать плодовитымъ. И если извѣстно, что не всѣ писанія того времени сохранились до настоящаго: имѣемъ-ли мы право слишкомъ преувеличивать число недошедшихъ? Да и заслуживали ли они, чтобы быть сохраненными для потомства? Небогатою представляется намъ тогдашняя литература наша и по качеству или достоинству литературныхъ произведеній. Одни писатели были люди едва грамотные, съ самыми ограниченными понятіями и свѣдѣніями, и безъ всякаго навыка излагать свои мысли правильно и въ порядкѣ. Въ другихъ, если замѣтны значительная начитанность и довольно обширныя и разнообразныя познанія, то познанія большею частію поверхностныя, сбивчивыя, плохо усвоенныя и не проникнутыя самостоятельною мыслию, какія обыкновенно бываютъ у людей, неприготовленныхъ научнымъ образованіемъ къ пониманію и усвоенію прочитаннаго... Только нѣкоторые, весьма немногіе, силою своихъ природныхъ дарованій и долговременнымъ упражненіемъ, умѣли возвыситься надъ массою приобрѣтаемыхъ, чрезъ чтеніе книгъ, свѣдѣній, переработать ихъ, и являются довольно самостоятельными, отчетливыми и не безыскусственными въ изложеніи своихъ мыслей<sup>2)</sup>. Замѣчательно, что, при обилии нравственныхъ вопросовъ и правилъ, составляющихъ содержаніе этихъ памятниковъ, мы не встрѣчаемъ теоретическаго осмысленія ихъ. Домострой — составляетъ только собраніе правилъ, распределенныхъ по извѣстнымъ вопросамъ.

<sup>1)</sup> Труды Киевск. духов. акад. 1862, I, 278.

<sup>2)</sup> Макарій, Исторія церкви, V, 242—243, 256.

«Была у насъ, продолжаетъ пр. Макарій, другая литература, которая гораздо болѣе пользовалась уваженіемъ и сочувствіемъ нашихъ предковъ, болѣе удовлетворяла ихъ духовнымъ потребностямъ, и далеко превосходила русскую: разумѣемъ литературу иноземную, почти исключительно *переводную*»<sup>1)</sup>.

Мы думаемъ, что обѣ эти литературы служили разнымъ потребностямъ. Отечественныя произведенія удовлетворяли болѣе нуждамъ той части общества, для которой содержаніе и изложеніе греческихъ писателей было слишкомъ высоко и отвлеченно. Такимъ образомъ, за эту отрасль древней литературы вполнѣ сохраняется ея нравственное значеніе: утверженіе въ обществѣ новыхъ началъ жизни, внесенныхъ христіанствомъ<sup>2)</sup>. Сочиненія переводныя служили болѣе образовательнымъ потребностямъ, и были тѣмъ важнѣе, что въ нихъ сохранялись не только свѣдѣнія, касающіяся религіозныхъ вопросовъ, но и выписки изъ древнихъ писателей, которые такимъ образомъ становились извѣстными хотя въ отрывкахъ.

Но въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ появляются два замѣчательные памятника древней образованности Россіи: Просвѣтитель Іосифа Савина (Волоколамскаго) и Истины показаніе—Зиновія Отенскаго, свѣдѣтельствующіе о сильномъ потрясеніи русскаго общества въ означенную эпоху и особенномъ направленіи, какое приняла въ это время русская мысль. (Впрочемъ начало этого движенія лежитъ гораздо глубже.

Впервые о немъ встрѣчается извѣстіе въ 1376 г. Въ это время казнили въ Новгородѣ трехъ еретиковъ—двухъ діаконъ Никиту и Карпа и одного простаго человѣка за отступленіе отъ церкви: ихъ свергли съ моста. Вотъ первое извѣстіе о ереси стригольниковъ (получившей названіе отъ Карпа, занимавшагося этимъ ремесломъ)<sup>3)</sup>. Черезъ шесть лѣтъ въ лѣтописяхъ встрѣчается новое извѣстіе о той же ереси и къ тому же времени относятся посланія патр. константиноп. Нила въ Новгородъ и Псковъ<sup>4)</sup>. Въ 1394 г. новый констан-

1) Ibid. 243.

2) О русской проповѣди XV и XVI в. Журн. минист. народ. просв. 1868, февраль.

3) Полн. собр. рус. лѣт. I, 191; III, 79; V, 221.

4) Ibid. III, 93; IV 83; Никон. лѣт. IV. 180. Acta patriarchalis II, 31; Актъ историч. I, № 4.



тинопольскій патр. Антоній отправилъ въ Новгородъ нарочнаго посла, вилеемскаго архіеп. Михаила, который привезъ туда между прочимъ и грамоту, касавшуюся стригольниковъ <sup>1)</sup>. Но, не смотря на увѣщанія патріарховъ, ересь продолжала существовать. Въ 1416 и 1427 гг. митр. Фотій писалъ отъ себя во Псковъ, совѣтуя гражданамъ его прекратить всякія сношенія съ еретиками <sup>2)</sup>.

Сущность ученія стригольниковъ заслуживаетъ вниманія. Они отрицали всю іерархію, не только русскую, но и греческую, выходя изъ той мысли, что всѣ духовныя лица поставляются на мѣдѣ; порицали духовныхъ за то, что они брали плату за всѣ церковныя требы, съ живыхъ и мертвыхъ, собирали себѣ богатства — золото и серебро и вели беспорядочную жизнь. Отсюда еретики дѣлали заключеніе, что не слѣдуетъ принимать ученія у такихъ епископовъ и священниковъ. >Апостоль Павелъ повелѣлъ учить и простому человѣку< — говорили они, а потому предоставляли избраніе учителей — народу, безъ всякаго посвященія. Въмѣсто покаянія передъ священниками — они предписывали совершать исповѣдь самимъ, обратясь лицомъ къ землѣ, но отрицали причастіе. Въ противоположность духовенству, еретики ставили въ примѣръ добродѣтельную жизнь своихъ наставниковъ; а діаконъ Карпъ даже написалъ сочиненіе, направленное противъ священниковъ, которымъ онъ старался возбудить народъ. Изъ грамоты Фотія видно, что они также проповѣдывали противъ монашества. Отвергая обрядность, еретики высоко ставили духовную сторону религіи. Бога они называли отцомъ своимъ и молились ему, безмолвно взирая на небо. Въроятно для большей духовности, нѣкоторые удержали въ своемъ ученіи постъ и выполняли его со всею строгостію. За то другіе доходили въ своемъ отрицаніи до отверженія будущей жизни и воскресенія мертвыхъ, подобно саддукеямъ. Впрочемъ они отличались строгою нравственностью и книжностью, постоянно толкуя о религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ. Вообще, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, ересь приняла обширные размѣры и приобрѣла множество приверженцевъ <sup>3)</sup>.

Такое отрицательное ученіе въ то время, когда русская церковь

<sup>1)</sup> Агты историч. I, № 6; Полн. собр. рус. лѣт. III, 97; IV, 194; Нивон. лѣт. IV, 255.

<sup>2)</sup> Агты истор. I, № 21, 33, 34.

<sup>3)</sup> Просвѣтитель, 596.

еще подчинялась константинопольскому патриарху, грозило значительным подрывом его авторитету, и этим объясняется, почему патриархи так дѣятельно принялись за опроверженіе возникшей ереси. Вот почему ихъ опроверженія главнымъ образомъ сосредоточиваются на тѣхъ пунктахъ, которые послужили поводомъ къ разрыву, а не на догматическихъ отступленіяхъ. »Внѣ церкви, говоритъ патриархъ Нилъ, невозможно спастись, хотя бы мы жили на землѣ выше ангеловъ. Злой духъ распространилъ между вами молву, будто-бы церковь совершаетъ рукоположеніе за деньги. Напротивъ, церковь всегда пребываетъ твердо и непоколебимою, и рукополагающихъ за деньги мы ставимъ на ряду съ Симономъ, Македоніемъ и другими духоборцами. А если бы нѣкоторые архіереи и поставляли на мздѣ, то изъ-за этого несправедливо отмергать всю іерархію и отдѣляться отъ церкви«. О такихъ патриархъ совѣтуетъ донести митрополиту, а если онъ не исправитъ виновнаго, то патриарху. Далѣе онъ говоритъ, что слѣдуетъ различать поставленіе на мздѣ отъ расходовъ при посвященіи въ санъ. Если посвященный дѣлаетъ отъ себя расходы на свѣчи, на столъ и т. п., то это не преступно, потому что самое посвященіе совершается даромъ. Самыя грамоты патриарха называются: »о проторахъ за поставленіе«. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ въ Новгородъ и Псковъ архіеи. судальскаго Діонисія для убѣжденія стригольниковъ покориться церкви. Дѣйствительно Діонисію удалось на время прекратить возникшій споръ <sup>1)</sup>. Но грамота патр. Антонія, отправленная въ Новгородъ въ 1394 г. снова трактуетъ о тѣхъ же »проторахъ«. Здѣсь патриархъ старается уже доказать незаконность нападеній стригальниковъ по поводу платы за требы, на основаніи словъ апостола, что служители алтаря должны кормиться отъ него. »Если недостойны патриархъ и митрополиты, то, по вашему, нѣтъ теперь на землѣ ни одного священника. Христосъ не придетъ на землю воплотиться во второй разъ, не сойдетъ и ангелъ, чтобы освятить вамъ попа. Христосъ, посѣщая дома, принимаетъ подаванія. Если духовныя лица собираютъ имѣнія, то не вамъ судить ихъ: пусть судятся отъ Бога и высшаго святителя. Вы приказываете человѣку каяться къ землѣ; но земля тварь бездушная, не слышитъ и не можетъ отвѣчать. Вы хвалитесь постомъ и воздержаніемъ, но таковы были всѣ еретики! Въ заключеніе патриархъ совѣтуетъ право-

<sup>1)</sup> Нилонов. лѣтоп. IV, 130.

славнымъ изгонять ихъ изъ городовъ. Митрополитъ Фотій, въ свою очередь, приводитъ рядъ постановленій, запрещающихъ отдѣляться отъ епископа или священника, пока они не будутъ лишены своего сана, и указываетъ на постановленія импер. Исаака Комнена и патриарховъ Михаила и Николая, опредѣляющія количество платы за поставленіе въ духовный санъ. Онъ запрещаетъ псковитянамъ имѣть сообщеніе съ еретиками даже въ пищѣ и совѣтуетъ изгнать ихъ отъ себя. Въ слѣдствіе этого во Псковѣ принялись ихъ обыскивать и нѣкоторыхъ казнили. Фотій благодарилъ гражданъ за ревность, но не совѣтовалъ употреблять смертной казни, а просилъ только наказывать заточеніемъ или другимъ способомъ. Тогда, по совѣту князей и духовенства, псковичи перехватили остальныхъ стригольниковъ и засадили ихъ въ темницы до конца жизни <sup>1)</sup>.

Изъ какихъ же элементовъ сложилось ученіе стригольниковъ? Очевидно, что оно произошло изъ отрицанія іерархіи, которое, въ дальнѣйшемъ развитіи, судя по исторіи всѣхъ ересей, ведетъ къ большому или меньшему отрицанію обрядной стороны религіи. Но самое происхожденіе ереси стригольниковъ указываетъ, что въ ней не было чуждаго вліянія.

«Ересь стригольниковъ, говоритъ пр. Макарій, безъ всякаго сомнѣнія была плодомъ своего времени и произведеніемъ русской почвы. Они вооружались противъ церковной іерархіи, отвергали ее; а за что? За тѣ злоупотребленія и недостатки, которые они видѣли въ духовенствѣ и на которые прямо указывали. Указывали на поставленіе по мздѣ,—и имъ отвѣчали только, что тѣ не мзда за поставленіе, а необходимые проторы при поставленіи, т. е. не отвергали дѣйствительности факта, но давали ему другой смыслъ. А такіе рѣзкіе примѣры симоніи, какіе случались тогда въ самомъ Константинополѣ, при поставленіи русскихъ митрополитовъ, оглашавшіеся по всей Россіи и сопровождавшіеся многочисленными смутами въ русской церкви, очень естественно могли возбуждать у насъ многихъ и противъ самихъ патриарховъ. Стригольники уверяли духовныхъ, что они за все берутъ и собираютъ большія имѣнія; въ сожалѣнію, въ подтвержденіе этого, въ Новгородѣ могли указывать на самихъ русскихъ митрополитовъ, а въ Псковѣ на новгородскихъ архіепископовъ. Болѣе всего тамъ и здѣсь

<sup>1)</sup> Просвѣтитель, 596.

тяготились мѣсячнымъ судомъ, который въ Новгородѣ производилъ митрополитъ, а въ Псковѣ—новгородскій архіепископъ, и тѣми пошлинами, какіе собирались на судѣ; тѣми поборами особенно съ духовенства, какіе дѣлались по случаю пріѣздовъ митрополита и архіепископа.... Укоряли еще еретики духовенство за нетрезвую жизнь, и обличенія такого же рода самихъ митрополитовъ (Кирила, Алексѣя, Фотія), обращенныя къ духовенству, а иногда къ монахамъ, достаточно объясняютъ расколъ стригольниковъ и съ этой стороны... Все это осталось-бы непонятнымъ, если-бы тѣ злоупотребленія и недостатки, на какія указывали еретики въ современномъ духовенствѣ, дѣйствительно не существовали<sup>1)</sup>. Къ этому объясненію нечего прибавлять. Самое положеніе представителей ереси указываетъ на іерархическое происхожденіе ея. Но здѣсь заслуживаетъ еще вниманія то обстоятельство, что это движеніе открылось въ Новгородской области, а самые еретики были изъ Пскова, откуда они бѣжали въ Новгородъ, вслѣдствіе преслѣдованія. Это обстоятельство важно и потому, что позднѣйшее движеніе въ этомъ родѣ также возникло въ предѣлахъ Новгородской области, и уже оттуда распространилось по сѣверной Россіи.

И такъ, помимо временныхъ условій для развитія ереси, должны были существовать еще условія мѣстныя.

Между тѣмъ, какъ въ Московской области и удѣльныхъ княжествахъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства, — политическая жизнь, подъ вліяніемъ византійскихъ понятій, подчинилась строгой централизаци; въ Новгородѣ и Псковѣ она развивалась на древнихъ народныхъ началахъ. Вѣчевой порядокъ здѣсь сосредоточивалъ въ себѣ всѣ отправления политической и общественной жизни. Въ Московскомъ государствѣ духовенство было поставлено въ зависимость отъ великаго князя, по его волѣ избираются игумены, епископы и митрополиты. Въ Новгородской области духовенство зависѣло отъ того же вѣча, и было только однимъ изъ органовъ его дѣятельности, сохраняя въ тоже время черты церковной іерархіи.

Въ древнѣйшій періодъ исторіи мы встрѣчаемъ примѣры въ разныхъ городахъ (во Владимірѣ, Ростовѣ, Суздальѣ, Муромѣ), что тамъ выборъ епископовъ подчинялся контролю всѣхъ гражданъ, которые также считали себя въ правѣ удалить ихъ или просто изгнать изъ го-

<sup>1)</sup> Макарій, Исторія церкви, IV, 160—162.

рода, если находили их почему нибудь недостойными <sup>1)</sup>. Но съ возвышеніемъ княжеской власти, это право города мало-по-малу утратили. Въ Новгородѣ, напротивъ, при слабости княжеской власти, оно получило самое широкое развитіе. Пока тамъ шла еще упорная борьба между христіанствомъ и язычествомъ, этого не было замѣтно. Кіевскій митрополитъ былъ полнымъ распорядителемъ въ церковныхъ дѣлахъ Новгорода. Онъ самъ назначалъ туда епископовъ и совершалъ надъ ними судъ (Лука Жидята пробылъ три года въ заключеніи въ Кіевѣ; Климентъ Смоленитчъ заточилъ Нифонта въ Печерскій монастырь). Но съ половины XII в. епископы въ Новгородѣ дѣлаются выборными, и хотя на первыхъ порахъ высказывается партія, расположенная къ прежнему порядку, но она потерпѣла поражение, и съ тѣхъ поръ выборы епископовъ (съ 1168 г. они получили санъ архіепископовъ) сдѣлался достояніемъ вѣча <sup>2)</sup>. Послѣ разсужденій на вѣчѣ, обыкновенно избирали трехъ кандидатовъ, и изъ нихъ уже избирался архіепископъ, посредствомъ жребія. Сдѣлавшись такимъ образомъ однимъ изъ органовъ вѣчеваго порядка, архіепископъ сталъ въ зависимыя отношенія къ гражданамъ. Храмъ св Софіи былъ центральнымъ пунктомъ политической жизни Новгорода, а архіепископъ новгородскій стоялъ во главѣ каждаго общественнаго предпріятія. Въ борьбѣ съ врагами новгородцы сражались за св. Софію и вел. Новгородъ. Даже въ то время когда значеніе Москвы, какъ первенствующаго княжества, ясно обозначилось (при Василии Дмитріевичѣ), новгородскій архіепископъ (Іоаннъ), по требованію гражданъ, благословилъ ихъ на борьбу съ Москвою <sup>3)</sup>. Правда, послѣ этого митрополитъ вызвалъ его въ Москву, обличилъ въ недостатокъ смиренія и заставилъ отказаться отъ каедръ. Передъ паденіемъ Новгорода, не смотря на безхарактерность архіеп. Теофила, онъ, до извѣстной степени, участвовалъ въ движеніи, направленномъ противъ Москвы, за что, послѣ завоеванія города Іоанномъ III, былъ лишенъ своего имущества и сосланъ въ Чудовскій монастырь. Патрона Москвы, св. Сергія, въ Новгородѣ стали почитать только при Василіѣ Темномъ, когда архіепископъ Іона, отправившись въ Москву,

<sup>1)</sup> Полн. собр. русск. лѣтоп. I, 165, 149; II, 127; Истор. Рязан. княж. Иловайскаго, 149, примѣч.

<sup>2)</sup> Костомаровъ, Сѣверно-рус. народоправ. II, 266—267.

<sup>3)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. III, 77.

чтобы заступиться за свободу своего города передъ суровымъ княземъ, далъ обѣтъ выстроить въ Новгородѣ первый храмъ св. Сергію <sup>1)</sup>.

Главная отрасль дѣятельности новгородцевъ,—торговля, была поставлена подъ покровительство религіи. Какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ, составлялись торговныя компаніи, которыя сосредоточивались возлѣ какого-нибудь храма, при которомъ хранились счетныя книги, товары, мѣры, вѣсы. Иногда торговныя корпораціи строили церкви съ нарочною цѣлью (св. Пятницы въ Новгородѣ, Ивановское купечество группировалось около церкви св. Ивана на Ошюкахъ) <sup>2)</sup>. При такомъ значеніи церкви въ жизни Новгорода, весьма естественно, что его іерархія отличалась богатствомъ; (кромѣ угодій, звѣринныхъ и рыбныхъ ловель и населенныхъ земель, архіепископъ владѣлъ городами и волостями <sup>3)</sup>; но новгородское духовенство не было освобождено отъ обязанности нести общественныя повинности. Важнѣйшими повинностями въ древней Россіи были—военная и городская, и въ обѣихъ ихъ участвовалъ новгородскій архіепископъ. У него былъ свой полкъ, съ особеннымъ знаменемъ, составленный на счетъ софійской казны. Онъ обязанъ былъ мостить дорогу на Софійской сторонѣ черезъ всю вѣрность и содержать волховскій мостъ въ исправности <sup>4)</sup>. Заботы архіепископовъ о починкѣ моста и городскихъ стѣнахъ постоянно отмѣчаются въ лѣтописи. Для этой цѣли они даже собирали нарочную сумму <sup>5)</sup>. Во время физическихъ и общественныхъ бѣдствій и во время войнъ архіепископы принимали дѣятельное участіе въ пожертвованіяхъ, а вѣче нерѣдко прибѣгало къ пособію софійской казны <sup>6)</sup>. Считаая духовенство

<sup>1)</sup> Костомаровъ, Сѣверно-рус. народоправ. II, 314.

<sup>2)</sup> Ibid. 224, 401: Устройство Новгород. іерархія, въ Правосл. собесѣд. 1863 г. I, 275—277.

<sup>3)</sup> Полн. собр. русск. лѣтоп. I, 101, 143.

<sup>4)</sup> Малковскій, во Временникѣ, XII, 8—17.

<sup>5)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. Новгор. I-я, гг. 6839, 6841—6843; 6908; III-я, гг. 6839, 6872, 6998.

<sup>6)</sup> Въ 1230 г., во время язвы, архіепископъ Спиридонъ построилъ скудельницу для умершихъ; въ 1391 г. соф. казна выдала послучаю пожара 5000 руб.; въ 1428 г., для выкупа плѣнныхъ у Витовта, Новгородъ далъ 5000, а архіепископъ Евѣимій отъ себя 1000 р. Въ 1386 г. Новгородъ долженъ былъ заплатить Димитрію Донскому 8000 р. откупа, изъ которыхъ 3000 взято изъ софійской казны. Полн. собр. рус. лѣт. I, 46, III, 238; IV, 94, 98. Устройст. новгород. іерарх. Правосл. соб. 1863, I, 263—266.

тѣсно связаннымъ съ гражданскою жизнью, новгородцы не принимали въ свои приходы ни поновъ, ни остальнаго причта безъ предварительнаго взноса (15—30 руб<sup>1</sup>), хотя бы они были и съ хорошою рекомендаціею отъ архіепископа<sup>1</sup>). Отсюда видно, что «въ жизни свободныхъ областей привилегированное положеніе духовенства было совершенно неразвито; «здѣсь іерархія совершенно сливается съ земствомъ»<sup>2</sup>). Участвуя въ избраніи важнѣйшихъ органовъ своей политической жизни (князя, архіепископа, должностныхъ лицъ), новгородцы распространяли на всѣхъ ихъ равное право отчетности. Недовольные архіепископомъ, они удаляли или изгоняли его точно такъ же, какъ и остальныхъ выборныхъ лицъ<sup>3</sup>). Притомъ только въ Новгородѣ сохранялся древній обычай церкви избирать епископовъ не только изъ монаховъ, но и изъ блага духовенства<sup>4</sup>).

Еще въ болѣе зависимомъ положеніи отъ вѣча духовенство представляется во Псковѣ. И тамъ средоточіемъ общественной жизни города былъ храмъ—Троицы; но отсутствіе іерархической власти въ противоположность Новгороду (Псковъ зависѣлъ отъ новгородскаго епископа въ силу древняго положенія Пскова, какъ пригорода Новгорода), привело здѣсь къ болѣе крайнимъ результатамъ. «Псковское земство стремилось окончательно разрушить корпоративное устройство духовенства, основанное на канонахъ церкви, обезличить его и подвести подъ общій земскій уровень»<sup>5</sup>). Распорядителемъ церковныхъ суммъ и церковныхъ дѣлъ былъ староста, избранный общиною и находившійся подъ ея контролемъ; а община считала себя въ правѣ распоряжаться церковнымъ имуществомъ по произволу<sup>6</sup>). За неимѣніемъ отдѣльнаго епископа, Псковъ сосредоточился около собора городского духовенства, съ благословенія котораго велись общественныя дѣла. Въ титулѣ Пскова вмѣсто имени архіепископа стояло священство: намѣстникъ вел. князя, посадники псковскіе, все божіе священство и весь Псковъ—вотъ формула, освящавшая рѣшеніе вѣча. Организациа псковскаго духовенства

1) Стоглавъ.

2) Устройст. новгород. іерар. Православ. соб. 1863, I, 260.

3) Въ 1211 г. изгнанъ Митрофанъ; въ 1220 г. удаленъ его пріемникъ Антоній; въ 1228 изгнанъ—Арсеній, *ibid.* 185, и Костомаровъ, II, 267.

4) Маварій, III, 206. Костомаровъ, II, 279.

5) Устройство новгород. іерархія, Правосл. собес. 1863, I, 284.

6) *Ibid.* 277. Полн. собр. русск. лѣт. IV, 238.

была только подобіемъ земскаго порядка: какъ народъ раздѣлялся на нѣсколько корпорацій, такъ и духовенство распредѣлялось по соборамъ, которыхъ было сначала пять, а потомъ семь, и которые изъ среды себя избирали старшинъ, руководившихъ соборными дѣлами. Когда городское духовенство стало тѣснить сельское излишними налогами (фактъ полов XVI в.), то оно избрало себѣ особаго старшину <sup>1)</sup>. Мы видѣли, что здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Новгородѣ, вѣче заявило себя вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла. Когда въ 1495 г., во время войны съ нѣмцами, духовенство стало доказывать вѣчу, что съ церковныхъ земель не слѣдуетъ брать воиновъ, то нѣкоторыхъ поповъ и діаконовъ обезчестили на вѣчѣ, а другимъ угрожали даже вѣнцомъ <sup>2)</sup>. Наконецъ земство дошло до того, что подчинило духовенство общему суду и стало судить духовныхъ лицъ на вѣчѣ. Это побудило митрополита Кипріана (въ 1395 г.) вступить за права духовенства <sup>3)</sup>. При земскомъ значеніи послѣдняго, исполнѣ естественно встрѣчать извѣстіе объ участіи псковскихъ священниковъ въ войнахъ съ оружіемъ въ рукахъ <sup>4)</sup>.

Стремленіе Новгорода къ утвержденію самостоятельности своей церкви съ одной стороны, а съ другой постоянныя старанія московскихъ митрополитовъ удержать ее въ подчиненіи—естественно вели къ взаимнымъ столкновеніямъ, которыя были тѣмъ чувствительнѣе для новгородской свободы, что московскіе князья въ покорности Новгороду митрополиту видѣли утвержденіе собственнаго вліянія на него. Въ 1341 г. на Новгородъ сдѣлалъ наѣзд митр. Θεогностъ (въ лѣтописи замѣчено: *ирекъ*), съ огромною свитою. Его пребываніе въ Новгородѣ дорого обошлось архіепископу и монастырямъ, которые обязаны были доставлять содержаніе всей свитѣ митрополита и поднести ей приличныя подарки <sup>5)</sup>. Но въ 1353 г. лѣтописецъ заявляетъ уже о насиліяхъ отъ того же Θεогноста при собираніи пошлинъ, въ слѣдствіе чего архіеп. Моисей обращался съ жалобою къ патр. Филоою и импер. Іоанну Кантакузѣну. Чтобы задобрить архіепископа, изъ Константинополя прислали ему крещатыя ризы и грамоту съ золотою печатью—въ знакъ почета; хотя

1) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 306.

2) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 269.

3) Акты истор. I, № 9.

4) Полн. собр. русск. лѣт. V, 13.

5) Полн. собр. рус. лѣт. III, 80—81.



изъ дальнѣйшихъ событій не видно чтобы отношенія митрополита къ Новгороду улучшились. При митр. Кипріявѣ прежнія столкновенія повторились, послѣ чего новгородцы написали грамоту и подписали торжественную клятву—не принимать суда митрополита, а чрезъ семь лѣтъ отвергли и патриаршую грамоту, подтверждавшую за митр. Киприаномъ право на церковный судъ въ Новгородѣ. За это Киприанъ наложилъ на Новгородъ анафему и отнесся къ патриарху. Новгородцы также обратились къ послѣднему патриарху настойчиво поддерживавъ митрополита, приказавъ имъ во всемъ повиноваться Киприану <sup>1)</sup>. Это покровительство объясняется тѣмъ, что Киприанъ и самъ находился въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Константинополю, который нуждался въ его помощи <sup>2)</sup>. Какъ важно было для Новгорода отстаивать независимость своей церкви, видно изъ того, что въ сношеніяхъ съ патриархомъ новгородцы угрожали ему, на случай неисполненія ихъ требованій, принять католицизмъ. Но патриархъ настоялъ на своемъ и въ 1401 г. архіеп. Іоаннъ поѣхалъ въ Москву для совѣщаній съ митрополитомъ о церковныхъ дѣлахъ, чего прежде не бывало, а напротивъ, митрополиты, по своимъ дѣламъ, сами ѣздили въ Новгородъ. Впрочемъ въ XV в. Новгородъ воспользовался на нѣкоторое время независимостью отъ московской церкви. Раздѣленіе митрополии на восточную и западную произвело свое дѣйствіе: архіеп. Евѣмій II принявъ въ 1434 г. посвященіе отъ Герасима, митр. западной Россіи, и въ теченіе 20 лѣтъ не сносился съ Москвою. Но подозрѣніе западныхъ митрополитовъ въ униі, послѣ Флорентійскаго собора, постоянно служило препятствіемъ къ продолженію отношеній, начавшихся при Евѣмій, и было однимъ изъ поводовъ къ сохраненію церковнаго единства съ Москвою, передъ паденіемъ Новгорода <sup>3)</sup>.

Обращаясь къ Пскову, мы увидимъ, что здѣсь существовали подобныя же явленія, только въ болѣе крайнихъ формахъ. Замѣчательно, что духовное правительство Новгорода, такъ тяготившееся отношеніями къ московскому митрополиту, поступало въ Псковѣ не лучше

1) Ibid. 86, 228; Никонов. лѣтоп. IV, 146, 195, 200, 201, 252—255; Карамзинъ, V, примѣч. 149. Изъ Никоновской лѣтописи видно, что Новгородцы въ 1394 г. заплатили Киприану 600 руб. и 350 руб. *долгу, сдѣланнаго въ Константинополь ею послами.*

2) См. выше, стр. 290.

3) Бостомаровъ, Сѣверно-рус. народоправ. II, 274—276.

послѣдняго. Вмеѣстѣ съ улучшеніемъ благосостоянія города, псковитяне стараются достигнуть политической и церковной независимости отъ Новгорода. Уже въ началѣ XIV в. упоминается о разрывѣ (1307 г.) между Псковомъ и Новгородомъ архіеп. Феогностомъ. Въ 1337 г. псковитяне отказали въ судѣ архіеп. Василию, который наложилъ за это проклятіе на весь городъ. Эта вражда продолжалась до 1352 г., когда открылся моръ во Псковѣ. Напуганные бѣдствіемъ, псковитяне отправили посольство въ Новгородъ за благословеніемъ и покорились архіепископу. Они особенно были недовольны тѣмъ, что новгородскіе архіепископы завѣдывали церковными дѣлами во Псковѣ посредствомъ новгородцевъ. Поэтому, не будучи въ состояніи на всегда устранить послѣднихъ отъ управленія при существующемъ порядкѣ, вѣче, по смерти архіеп. Моисея, старалось получить для Пскова отдѣльнаго епископа; но и это предположеніе не увѣнчалось успѣхомъ. Конечно, болѣе всѣхъ тяготилось налогами въ пользу архіеп. новгородскаго—духовенство; но, при земскомъ значеніи послѣдняго, вѣче постоянно защищало его отъ поборовъ. Въ 1411 г. архіеп. Іоаннъ прислалъ отъ себя во Псковъ требовать дани съ поповъ; а граждане отвѣчали ему, что онъ можетъ взять ее, когда самъ пріѣдетъ, по старому обычаю. При Евѣиміѣ (1434) это неудовольствіе опять окончилось временнымъ разрывомъ. Псковитяне выражали неудовольствіе на то, что онъ управляетъ черезъ своихъ приближенныхъ, которые берутъ съ духовенства лишнее, сажаютъ поповъ и діаконовъ (послѣднимъ доставалось болѣе другихъ) подъ стражу; наконецъ эти споры разразились дракою между псковитянами и свитою архіепископа (софіянами). Евѣимій выѣхалъ изъ Пскова, надѣлавъ много убытка игуменамъ и попамъ <sup>1)</sup>. Вотъ почему псковскіе лѣтописцы отмѣчаютъ какъ факты, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ явленій, когда архіепископъ проживалъ во Псковѣ законный мѣсяцъ своего суда <sup>2)</sup>. При преемникѣ Евѣимія—Іонѣ распри подымались нѣсколько разъ и продолжались даже при архіепископѣ Геннадіѣ, назначенномъ въ Новгородъ уже отъ Москвы. Замѣчательно, что тѣже архіепископы, которые удостоились въ глазахъ Новгорода полного уваженія и священной памяти (Іона), въ псковской лѣтописи представляются, какъ

<sup>1)</sup> Полн. собр. русск. лѣт. III, 78; IV, 53, 201, 209; V, 28.

<sup>2)</sup> Ibid. IV, 254.

сребролюбцы и притѣснители <sup>1)</sup>. Эта ненависть къ новгородцамъ архіепископамъ иногда доходила до того, что даже запрещало своимъ попамъ служить съ ними, а просвирницамъ — печь просфоры для ихъ служенія <sup>2)</sup>.

Очевидно, что пребываніе московскихъ митрополитовъ въ Новгородѣ отражалось во Псковѣ; а новгородскій архіепископъ игралъ здѣсь такую же роль относительно митрополита, какъ послѣдній въ отношеніи къ патриарху Псковитяне обращаются съ жалобами въ Москву; они готовы признать непосредственное вліяніе митрополита; добиваются отъ него самостоятельности въ лицѣ отдѣльнаго епископа; а новгородскіе архіепископы, среди этихъ опасеній, ищутъ въ Москвѣ защиты. И какъ патриархи считали для себя неудобнымъ отдѣленіе новгородской церкви отъ московской; такъ московскіе митрополиты постоянно препятствовали отдѣленію Пскова отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи.

( Но, при политическомъ устройствѣ Пскова и по преимуществу гражданскомъ положеніи его духовенства, рядъ этихъ неудачъ могъ привести только къ дальнѣйшему развитію существующаго порядка. Получивъ отказъ въ выборѣ отдѣльнаго епископа, псковитяне пришли къ замѣчательному церковному устройству. На вѣчѣ 1469 г. духовенство пяти соборовъ и всѣ монахи предложили установить пресвитерьяльное правленіе. Граждане согласились съ ними и немедленно выбрали на вѣчѣ двухъ священниковъ, которымъ поручили всѣ церковныя дѣла, а для руководства ихъ была составлена, на основаніи Номоканона, подробная грамота. Впрочемъ пресвитерьяльное правленіе просуществовало только годъ. Новгородскій архіеп. Теофилъ сообщилъ объ этомъ нововведеніи митрополиту, и при ихъ совмѣстномъ дѣйствіи грамота была уничтожена <sup>3)</sup>. Но прежній духъ продолжалъ господствовать въ Псковѣ; его не уничтожило и московское владычество. Не смотря на переселенія въ Москву и время, такъ часто стирающее остатки древнихъ учрежденій, прежній духъ часто пробивался тамъ. Уже во второй половинѣ XVII в., когда во Псковѣ была самостоятельная епархія, тамошній митр. Маркелъ два раза (1685 и

<sup>1)</sup> Ibid. IV, 234.

<sup>2)</sup> Ibid. IV, 287.

<sup>3)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. IV, 232—233.

1688) жаловался царю, что въ Псковской области архіереи не имѣютъ власти, а всѣмъ владѣютъ мужики; они располагаютъ церковными имуществами; отчета не даютъ; архіерея и его чиновниковъ не слушаютъ и безчестятъ, и отъ того церковная казна пропадаетъ съ давнихъ лѣтъ<sup>1)</sup>. Вообще до XVIII в. еще видно сильное вліяніе гражданъ на духовенство, доходившее иногда до совершеннаго порабожденія послѣдняго<sup>2)</sup>.)

Мы прослѣдили рядъ одинаковыхъ явленій въ болѣе обширныхъ предѣлахъ, чѣмъ это относится къ разсматриваемому нами вопросу, желая съ большею ясностію опредѣлить послѣдній. Политическое устройство Новгорода и Пскова очевидно имѣло большое вліяніе на характеръ ихъ церкви: она приняла черты общественнаго порядка. Въ Новгородѣ, при всемъ томъ, она имѣла вполнѣ іерархическое устройство, въ слѣдствіе существованія тамъ съ древнѣйшихъ временъ іерархической власти; во Псковѣ она принимаетъ иногда болѣе крайнія формы, по причинѣ политическаго соперничества съ Новгородомъ и отсутствія іерархіи. Но и въ Новгородѣ главную статью въ избраніи архіепископа составляетъ самый выборъ. Новгородцы никогда не берутъ епископовъ изъ другихъ областей, а избравши не снѣшать съ посвященіемъ, считая съ своей стороны все дѣло оконченнымъ. Бывали случаи, что избранный архіепископъ не посвящался годъ, два, пять лѣтъ (Евѣнмій II), а иногда и до конца жизни оставался безъ посвященія (Арсеній, Θεодосій), хотя и въ томъ и въ другомъ случаѣ они иногда избирались изъ простыхъ монаховъ, необлеченныхъ ни въ какой духовный санъ (Арсеній, Евѣнмій I). Заслуживаетъ вниманія также, что по большей части епископы избирались изъ лицъ менѣе важныхъ по своему положенію (только одинъ Моисей изъ архимандритовъ) и нерѣдко, какъ мы уже упоминали, изъ блага духовенства<sup>3)</sup>. Изъ этого видно, что въ Новгородѣ далеко не было тѣхъ высшихъ и опредѣленныхъ понятій о іерархической власти, какія встрѣчаются въ другихъ областяхъ Россіи, что еще болѣе поддерживалось зависимыми отношеніями къ московскому митрополиту. Право мѣсячнаго суда и частыя требованія пошлинъ со стороны послѣдняго тяже-

1) Акты истор. V, № 122, 172.

2) Акты историч. V, Ibid.

3) Костомаровъ, II, 279—289.

ло дожились на высшее духовенство и отчасти гражданъ, а это естественно вызывало неудовольствіе какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, и нерѣдко было причиною продолжительнаго разрыва съ митрополитомъ, выражавшагося между прочимъ въ игнорированіи посвященія вновь избранныхъ архіепископовъ. Финансовыя отношенія къ митрополиту были причиною налоговъ и поборовъ со стороны архіепископа на подвластномъ ему духовенствѣ<sup>1)</sup>. Во Псковѣ эти отношенія чувствовались еще сильнѣе; потому что на его духовенствѣ лежалъ такой же мѣсячный судъ—въ пользу новгородскаго архіепископа, при чемъ новгородцы конечно старались часть своихъ убытковъ, въ пользу московскаго митрополита, переложить на Псковъ. Изъ нѣсколькихъ позднихъ фактовъ видно, что плата за посвященіе съ низшаго духовенства вызвала постоянныя неудовольствія, какъ во Псковѣ, такъ и въ Новгородѣ<sup>2)</sup>. Вотъ та дѣйствительная почва, на которой образовалось ученіе стригольниковъ; а существовавшія понятія о іерархической власти, развившіяся уже на политической почвѣ, дали ему обильную пищу. Этимъ объясняется, почему оно открылось въ Псковѣ, а представителями его были лица, принадлежащія къ нижней іерархіи (діаконы) и простые граждане. Замѣчательно также, что въ Новгородѣ, гдѣ въ этомъ движеніи первоначально могли видѣть подрывъ церковной зависимости Пскова отъ архіепископа, еретики потерпѣли поражение и были казнены; но вслѣдъ за тѣмъ ересь стала быстро распространяться. Даже рядъ преслѣдованій, поднятыхъ противъ нея, не могъ сломить этого движенія, которое только на время скрылось отъ глазъ преслѣдователей.

Во второй половинѣ XV в. толки стригольниковъ снова пробиваются, а современники соединяютъ ихъ съ такъ-называемою ересью жидовствующихъ. Здѣсь очевидна преемственность двухъ ученій, которая еще болѣе выясняется ихъ духомъ. Вскорѣ послѣ завоеванія Новгорода (1499) туда былъ назначенъ архіепископомъ Геннадій, родомъ изъ московскихъ бояръ. Онъ открылъ въ Новгородѣ ересь и нашелъ средство ея съ стригольниками. Дѣло было такъ: Волѣ Новгорода, въ

1) Въ житіи Михаила Клопскаго о Евѣмїѣ I замѣчено: «Случалась и нужда монастырю отъ архіепископа: иногда отъ насилія сребролюбія, иногда отнятіемъ монастырскихъ лошадей».

2) Полн. собр. рус. лѣт. III, 170; IV, 234; VI, 244.

одномъ изъ небольшихъ монастырей, былъ игуменомъ — монахъ Захаръ. Однажды донесли на него Геннадію, что онъ не даетъ своимъ монахамъ причастія. Геннадій потребовалъ его къ себѣ. На вопросъ—почему онъ не даетъ имъ причастія—Захаръ отвѣчалъ: »А у кого причащаться? Попы поставлены на мздь; да и митрополитъ и епископы также ставятся на мздь«. Геннадій возразилъ ему, что митрополиты не ставятся на мздь; на что Захаръ опять отвѣчалъ: »Когда митрополитъ ходилъ посвящаться въ Константинополь,—онъ давалъ патриарху деньги; а теперь онъ даетъ боярамъ посулы тайно, а епископы даютъ деньги митрополиту;—такъ у кого причащаться? Изъ этого Геннадій заключилъ, что Захаръ—стригольникъ, и сослалъ его въ пустыню. Но въ Москвѣ пришло рѣшеніе отпустить Захара въ монастырь, взявъ съ него запись, что онъ будетъ исполнять всѣ православные обряды. Захаръ далъ запись; но еще болѣе прежняго заявилъ себя отступничествомъ. Теперь онъ сталъ распространять по городамъ свои грамоты въ которыхъ жестоко издѣвался надъ Геннадіемъ и называлъ его еретикомъ <sup>1)</sup>. И такъ дѣйствовалъ не одинъ Захаръ еретики, порицая священные предметы, направляли свои насмѣшки по преимуществу на представителей церкви, посылая имъ оскорбительныя посланія и нечестыя подарки <sup>2)</sup>. Въ составѣ новгородской ереси значительный элементъ принадлежалъ низшему духовенству. Іосифъ Волоцкій насчитываетъ въ началѣ ереси 13 именъ поповъ, діаконовъ и низшаго клира, прибавляя при этомъ, что кромѣ названныхъ въ ней участвовало еще много поповъ <sup>3)</sup>. Изъ этого видно, что въ новгородской ереси крылись тѣ же причины іерархическія, которыя были выставлены ересью стригольниковъ. Но къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, касавшееся быта низшаго духовенства. Въ теченіе XIV и XV вв. постоянно пробивалось стремленіе лишить вдовыхъ поповъ и діаконовъ права служенія (распоряженіи митр. Петра, Фотія, Θεοδοσία, архіеп. Геннадія). Правда, въ 1468 г. исковитине потерпѣли неудачу, когда мѣзъ вѣче ввело у себя эту мѣру, а новгород. архіеп. Іона хотѣлъ даже отлучить ихъ за самовольный поступокъ, и только митрополитъ убѣдилъ его оставить намѣреніе. Вдовцы легко получали прежнее право

<sup>1)</sup> Акты экспед. I, 482.

<sup>2)</sup> Просвѣтитель, 572—573.

<sup>3)</sup> Ibid. 44, 45.

а известную плату архіепископу <sup>1)</sup> Но въ этомъ случаѣ имъ помогали корѣ церковныя отношенія Пскова къ архіепископу, который хотѣлъ отстаивать свое право. Изъ вмѣшательства митрополита не видно, чтобы амый вопросъ имѣлъ въ то время защитниковъ. Въ началѣ XVI вѣка онъ снова возникъ и получилъ тогда уже всеобщее примѣненіе. На оборотѣ 1503 г. было запрещено служить вдовымъ попомъ и діаконамъ, исключая тѣхъ, которые примутъ монашество. Если же взять во вниманіе, что весь соборъ состоялъ изъ представителей монастырей <sup>2)</sup> съ осифомъ Волоколамскимъ во главѣ, взглядъ котораго на очистительное значеніе монашества намъ извѣстенъ, и что противъ рѣшенія этого собора были общіе противники Іосифа—ученики Нила, то легко понять, почему вопросъ о вдовыхъ погахъ былъ рѣшенъ въ этомъ смыслѣ <sup>3)</sup>.

Конечно, тѣ, къ кому относились эти мѣры, не могли быть довольны такимъ рѣшеніемъ. Положеніе блага духовенства, сравнительно съ чернымъ, представляетъ рѣзкій контрастъ. ~~Какъ и все служеб-~~ 1773  
~~ныя отношенія въ то время, духовныя обязанности составляли предметъ кормленія.~~ Церковныя мѣста, не представляли особенныхъ выгодъ, привлекали только врестьянъ и простыхъ гражданъ («мужиковъ»), которые думали этимъ путемъ избѣгать гражданскихъ повинностей. Уже въ XV в. лѣтописецъ жалуется на множество лишнихъ церквей и поповъ, которые бѣгутъ въ духовное званіе отъ работы <sup>4)</sup>. Дѣйствительно, въ то время, какъ на далекомъ сѣверѣ чувствовался не-

1) Полн. соб. рус. лѣт. V, 35; IV, 234.

2) См. отнош. Кирил. и Іосиф. монаст. Твор. св. отц. годъ IX, кн. III, с. 505.

3) Поводомъ къ такому распоряженію была выставлена безнравственная жизнь вдовцовъ, которые содержали при себѣ наложницъ. Обличенныхъ въ этомъ вѣрно было отрѣшить отъ должности, а остальнымъ запретить служеніе, съ оставленіемъ за ними права состоять въ клирѣ и получать  $\frac{1}{4}$  часть дохода. Но поступленіе въ монастырь сохраняло за ними и право служенія. См. Предисл. къ посл. Скрипцы, Чтен. Моск. общ. ист. 1848, № VI. Рѣшительный голосъ по этому вопросу па соборѣ Вассіанъ Патрикѣевъ приписываетъ Іосифу Волоколамскому. «А ты, говоритъ онъ Іосифу, презрѣвъ святыя правила, по страсти, ради челоуѣкоугодія, приговорилъ всѣмъ вдовцамъ—не служить, а чистымъ, и нечистымъ». Прав. соб. 1863, III, 207. Стоглавый соборъ подтвердилъ постановленіе собора 1503, что сохранялось до собора 1667 г.

4) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 186; Акты историч. I, № 105.

достатокъ въ клирѣ <sup>1)</sup>; въ центральныхъ пунктахъ онъ разномѣрится до громадныхъ размѣровъ. Въ концѣ XVII в. бывали приходы, въ которыхъ на 15 дворовъ приходилось по два попа; а при болѣе значительныхъ отъ 6—8 <sup>2)</sup>. Замѣчательно, что размноженіе клира объяснялось иногда крѣпостололюбивыми цѣлями со стороны посвящающихъ <sup>3)</sup>. При такомъ порядкѣ вещей, экономическое состояніе благаго духовенства была крайне незавидно. Въ то время, какъ монастыри владѣли огромною поземельною собственностью, мірскія церкви были обезпечены далеко хуже <sup>4)</sup>, не говоря о другихъ средствахъ, вполнѣ достававшихся на долю монастырей, благодаря глубокому уваженію къ нимъ <sup>5)</sup>. Плохо обезпеченные, попы нерѣдко встрѣчались въ толпахъ просителей милостыни или въ воровскихъ ватагахъ <sup>6)</sup>. Слѣдовательно рѣшеніе собора 1503 г. на долго установившее неблагоприятный взглядъ на вдовыхъ поповъ и діаконовъ (закрѣпленный Стоглавымъ соборомъ), должно было отразиться на послѣднихъ самымъ невыгоднымъ образомъ. Странно было-бы, еслибы такое рѣшеніе не вызвало неудовольствія въ той средѣ, къ которой оно относилось.

Протестъ былъ написанъ вдовымъ попомъ Георгіемъ Скрипичевымъ на имя всего духовнаго собора; и хотя онъ величаетъ здѣсь епископовъ »земными серафимами«, »плотскими ангелами«, »небесными людьми«, но относится къ ихъ дѣятельности съ безусловнымъ порицаніемъ. Рисую сначала высокое значеніе представителей церкви, онъ почти не находитъ соотвѣтствія ему дѣятельности. Изложивъ незаконность приведенной мѣры на основаніи буквального толкованія церковныхъ правилъ, подсудимый обращается къ членамъ собора съ смѣлою рѣчью:

1) См. выше, гл. IV.

2) Грамоты рязан. края. 168. Акты экспед. IV, № 322.

3) Полн. собр. законовъ, V, № 2, 985.

4) См. выше, гл. IV, стр. 209.

5) Между тѣмъ, какъ монашествующіе, по словамъ Посошкова, носили штофныя и атласныя рясы, бѣлое духовенство ходило въ гнусныхъ одеждахъ, въ бѣлыхъ некрашенныхъ сукнахъ, короткомъ платьѣ и въ лаптяхъ. Иной священникъ надѣнетъ златотканную одежду, а подъ нею видны растоптанныя лапти и кафтанъ, имѣющій гнусный видъ. 30, 31, 132. Въ XVII вѣкѣ попы жаловались, что имъ нечѣмъ кормиться, нѣтъ ни лошадей, ни хлѣба, а купить не за что. Акты историч. II, № 126; Грам. Рязан. края, 168.

6) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа.



-Вы положили вражду между собою и священниками, и потому какъ вы дерзаете входить въ святой алтарь? Епископъ, священникъ или дьяконъ, если имѣть къ кому вражду,—не имѣть права войти въ алтарь, а вы посѣяли вражду между многими. По вашему нерадѣнію и невниманію къ своей обязанности случилось, что вдовы попы и дьяконы стали жить съ наложницами. Вы ихъ не обличали и не отлучали отъ сана, и потому они предались еще большому безстыдству; а другіе принимаютъ священство ради выгоды. Зачѣмъ вы смѣшали злыхъ съ добрыми? Не отдѣливъ злыхъ отъ добрыхъ—велите священствовать, если примутъ монашество. И то, и другое противъ постановленій отцовъ церкви. А вы знаете, какая честь воздается священникамъ отъ Бога, если они могутъ своимъ словомъ вазать и разрѣшать. Вамъ извѣстно, господа, что всякій священникъ носить на своемъ языкѣ праведный огонь: кого проклянетъ—проклять; кого благословитъ—благословенъ. А вы, господа, всѣхъ священниковъ и дьяконовъ, безъ испытанія, осудили: который попу имѣть жену—чистъ, не имѣть жены—нечистъ, а монахъ, хотя и не имѣть жены—чистъ. Скажите, господа, какимъ духомъ вы прозрѣли чистыхъ и нечистыхъ? Чѣмъ вы испытали чистъ-ли попу съ женою или безъ жены, чистъ-ли монахъ или женатый священникъ. Какъ можно знать человека безъ свидѣтелей? Вамъ, господа, прилично обличать явные грѣхи и отлучать виновныхъ отъ священства, а тайнымъ грѣхамъ Богъ судья. Ни правила апостоловъ, ни отцовъ церкви, вдовыхъ поповъ не осуждаютъ<sup>1)</sup>. Вы же поселили раздоръ въ церкви: попамъ-монахамъ можно служить и въ городахъ и въ селахъ; а вдовымъ, чистымъ попамъ, нельзя служить ни въ пустыняхъ, ни въ городахъ; но у котораго попа есть жена—можетъ служить, потому что священъ онъ чрезъ жену. Послѣ этого кто не удивится и не посмѣется вашему собору даже въ чужихъ земляхъ? Въ латинской вѣрѣ по крайней мѣрѣ положено быть всѣмъ священникамъ безъ женъ; но латины выдумали это правило, помимо церковныхъ постановленій. Отлучивъ вдовыхъ поповъ, вы тѣмъ самымъ обидѣли и остальныхъ: у кого умереть жена, тотъ не можетъ священствовать. Обратитъ грѣшника на истинный путь—значитъ спасти свою душу; а

1) Впрочемъ на Виленскомъ соборѣ 1509 г. подобная мѣра была введена на основаніи примѣра греческой церкви. Предисловіе къ соч. Григор. Скрипцы, Чтен. Моск. общ. истор. 1848, № VI.

вы догубили всѣхъ до конца». Указавъ незаконность соборнаго рѣшенія и несостоятельность предложеннаго имъ права сохранить связь черезъ монашество, обличитель переходитъ къ самому управленію епископовъ: «Зачѣмъ вы говорите, продолжаетъ онъ, что вы исполнили свой долгъ, отлучивъ вдовыиъ поповъ за то, что они держатъ наложницъ? Отъ кого произошло это ало? Не отъ вашего ли нерадѣнія и небрежности? Вы не надзираете за священниками и не посылаете по городамъ и селамъ коптитывать, какъ кто управляетъ своею паствою. Вы управляете духовенствомъ по царскому примѣру, черезъ бояръ—дворянскихъ, недѣльциновъ, туиновъ, доводчиковъ, ради своихъ прибитковъ, а не по достоинству. Вамъ, господа, прилично управлять церковью черезъ священниковъ, а не посредствомъ воева». Въ заключеніе Григорій Скрипица указываетъ, кто долженъ исправить допущенное злоупотребленіе: «Въ церковныхъ правилахъ сказано: Если кого обидитъ епископъ, пусть исправитъ митрополитъ; если оскорбитъ митрополитъ, пусть исправитъ патріархъ; а если обидитъ кого нибудь патріархъ, *или соборъ, то долженъ расудить царь по правиламъ святыхъ апостоловъ*»<sup>1)</sup>. Такъ понимались отношенія духовной и свѣтской власти въ государствѣ, на основаніи принципа, выработаннаго Византією.

Въ этомъ протестѣ чувствуется глубокое негодованіе на совершившійся фактъ и вмѣстѣ съ тѣмъ при случаѣ задѣваются два другіе вопроса, очевидно лежащіе на сердцѣ низшаго духовенства; это—безусловное предпочтеніе монашества, и отсюда его первенствующее положеніе, и характеръ духовнаго управленія, принявшаго черты свѣтской администраціи. Но Григорій Скрипица могъ остановиться на одномъ протестѣ; другіе, по склонности человѣческой натуры къ дальнѣйшимъ выводамъ, уже заплотозрѣвали и самый порядокъ, поддерживающій существующія отношенія. Вотъ точка, на которой развилось анти-иерархическое движеніе въ средѣ низшаго духовенства.

Прослѣдивши рядъ однородныхъ явленій, объясняющихъ одинъ изъ элементовъ цѣлаго движенія, мы должны обратиться къ изслѣдованію другихъ причинъ.

Отвлеченныя диспуты, составлявшіе главный элементъ умственной жизни византійскаго общества, далеко не исчерпывали всѣхъ его

1) Ibid.

интересовъ даже въ той сферѣ, въ которой по преимуществу относились. Поэтому, когда обнаружались недостатки религіозной жизни — ихъ встрѣтили цѣлымъ рядомъ обличеній. Это направленіе усиливается съ XII вѣка (Евставій) и переходитъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи въ отрицаніе существующихъ формъ (Хризомоль, Нифонтъ). Въ обществѣ появились сатиры на духовенство и ясно обозначилось стремленіе отдѣлать понятіе о духовенствѣ отъ значенія церкви. Обличители того времени упоминаютъ даже объ апостатахъ. Сохраняя вполнѣ связь съ церковью, обличители говорятъ о необходимости возвышенія духа религіи надъ обрядностью; о преимуществѣ христіанской любви надъ аскетическими подвигами. Хризомоль пошелъ дальше. Онъ признаетъ недостаточность таинствъ самихъ по себѣ, напр. врещенія дѣтей, знанія навзгустъ священнаго писанія и посѣщенія храмовъ, если человекъ не имѣетъ добродѣтели и сознательнаго стремленія къ ней. Всталъ существенныхъ вопросовъ общественной жизни, Хризомоль вооружался также противъ рабской покорности свѣтской власти. Нифонтъ боролся главнымъ образомъ противъ безразличности духовенства и въ пользу преобладанія духовнаго элемента въ религіи надъ формальнымъ. Его идеи нашли большое сочувствіе въ обществѣ, благодаря умственнымъ качествамъ обличителя 1).

Съ исхода XIV вѣка въ Россіи усиливается книжная дѣятельность, а болѣе частыя сношенія съ Востокомъ расширяютъ предѣлы книжной образованности. Въ это время увеличивается кругъ такъ-называемыхъ сборниковъ, которые доставлялись въ Россію русскими путешественниками, странствовавшими на Востокъ съ специальною цѣлью книжнаго образованія, и распространялись по Россіи въ большомъ количествѣ, благодаря развитію книжной дѣятельности вмѣстѣ съ распространеніемъ монастырей. Съ этого времени все чаще встрѣчаются въ рукописныхъ сочиненіяхъ, представляющія отрицательную сторону религіозной жизни. Въ противоположность существовавшему мнѣнію о происхожденія зла въ человекѣ исключительно отъ діавола — высказывается взглядъ, что злая дѣла слѣдуетъ приписывать волѣ самого человека; словесная молитва ставится далеко ниже умственной; неупотребленіе мяса и напитковъ и истомленіе тѣла на жесткой постелѣ и голой землѣ приравнивается къ животнымъ, которыя ведутъ такой же образъ

1) Костомаровъ, Сѣверо-рус. народоправ. II, 420—425.

жизни. Постъ долженъ состоять въ удаленіи отъ злыхъ дѣлъ, а не въ отрѣшеніи отъ мяса. Раздача имущества въ монастыри не только не содѣйствуетъ спасенію души, а, напротивъ, вредить ей и противна Богу. Церковь, построенная на богатствѣ, собранномъ насиліемъ,—есть мерзость предъ Богомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ являются переводы обличеній, относящихся въ монастырской жизни (Исаакія, Θεодора Студита), въ которыхъ изображаются монахи — сребролюбцы, исполненные гордости и тщеславія; монахи—щеголи, одѣтые въ дорогія ризы и пестрыя ткани, и разѣзжающіе на великолѣпныхъ лошадахъ въ богатой сбруѣ. Развивая эти мысли далѣе, нѣкоторые уже толковали, что еслибы монашество было угодно Богу, то Иисусъ и его апостолы конечно были-бы монахами. Другія обличенія предостерегаютъ христіанъ отъ безусловной вѣры въ чудеса, знаменія и пророчества, потому что ихъ совершали многіе еретики, и тутъ же, какъ мѣрило добродѣтельнаго чловека, ставятся его добрыя дѣла. Нравственная жизнь предпочитается заступничеству святыхъ, и потому совѣтуется болѣе полагаться на свои дѣла, нежели на однѣ ихъ молитвы. Въ XV в. въ Россіи была уже извѣстна мысль Оригена о несообразности съ милосердіемъ божіимъ вѣчной муки грѣшниковъ, и тогда считали уже необходимымъ опровергать ее <sup>1)</sup>.

Одновременно съ утвержденіемъ духовнаго вліянія Византіи на Россію—тамъ господствовали ереси павликіанъ и богомиловъ, составляющихъ отрасль гностиковъ, манихеевъ и мессалианъ. Отсюда онѣ распространились по берегамъ Чернаго моря и въ Болгарію <sup>2)</sup>, куда занесли съ собою множество апокрифическихъ произведеній. Изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ переводными книгами, апокрифы стали появляться въ Россіи, какъ это видно изъ индекса отреченныхъ книгъ и позднѣйшихъ извѣстій <sup>3)</sup>; а первыхъ еретиковъ въ Россіи (Адріанъ—XI в. и Димитрій XII в.) признаютъ также богомилами. При несуществованіи догматической критики, апокрифы, даже съ еретическимъ содержаніемъ, пользовались извѣстнымъ авторитетомъ. Они встрѣчаются въ тогдашнихъ монастырскихъ бібліотекахъ <sup>4)</sup>, и даже такіе поборники православнаго ученія, какъ Ген-

<sup>1)</sup> Ibid. II, 425—435.

<sup>2)</sup> Zonara, I, 209. Никонов. лѣт. II, 45.

<sup>3)</sup> О чтеніи книгъ въ древ. Россіи, Прав. соб. іюль, 1868. Посл. Курбскаго, Прав. соб. 1863.

<sup>4)</sup> См. Описан. книгъ Степен. монаст. въ Чтен. Моск. общ. истор.

надій и Макарій, довѣрчиво относились къ апокрифамъ »Снѣгъ« и »Енохъ«, принадлежавшимъ сектамъ снѣянъ и архонтиковъ. Богомильскія апокрифы объ Исаѣ и Иоаннѣ встрѣчаются также въ Россіи <sup>1)</sup>, а въ XIV вѣкѣ появляются уже общія указанія на существованіе еретическихъ сочиненій <sup>2)</sup>. Вотъ та умственная сфера, въ которой отрицательныя ученія Россіи XV и XVI вв. нашли обильный матеріалъ для своего развитія.

Обращаясь къ содержанію ученія новгородскихъ еретиковъ XV вѣка, мы найдемъ въ немъ соответствующія черты. Эта ересь не имѣетъ опредѣленной системы, такъ какъ въ составъ ея вошли разные элементы. Иоаннъ III, знавшій о еретическихъ толкахъ при дворѣ, свидѣтельствуешь, что не всѣ они были согласны между собою <sup>3)</sup>. Иосифъ говоритъ, что было *много* ересей <sup>4)</sup>. И онъ, и Геннадій отличаютъ такимъ образомъ нѣсколько толковъ: саддукейство (которое находили и у стригольниковъ), ученіе маркіанъ, мессаліанъ и іудейскій элементъ (жидовство), давшій названіе всей ереси болѣе по внѣшней сторонѣ ея. Извѣстно, что Маркіанъ, вслѣдъ за учителямъ своимъ Кердономъ, видѣлъ въ ветхомъ заветѣ злое начало, и, подобно Сатурнину, проповѣдывалъ необходимость умерщвленія плоти посредствомъ поста и воздержанія отъ чувственныхъ удовольствій; мессаліане же, какъ и евхиты, отвергали церковную обрядность, даже врещеніе, и полагали, что въ каждомъ челоуѣкѣ есть злой духъ, котораго слѣдуетъ изгонять постомъ и молитвою. Несомнѣнно также, что въ составъ русской ереси вошло ученіе богомиловъ, такъ какъ Геннадій, одинъ изъ обличителей ея, просилъ разыскать ему въ монастыряхъ посланіе патр. Фотія къ болгарскому князю Борису и обличеніе Козмы противъ богомиловъ, которыя были въ рукахъ у ерети-

---

1848, № VI, книги Троиц. лавры. Много апокрифич. сборниковъ хранилось въ кирилловск. библ. Правосл. обзор. 1862, іюнь, О новгород. еретикахъ, 187, примѣч.

<sup>1)</sup> Четыи Минеи Макарія (гдѣ помѣщена книга: Енохъ) и посл. Геннадія къ Іоасафу, Чт. Моск. общ. ист. 1847, № VIII, и ср. выше стр. 49.

<sup>2)</sup> Въ индексѣ, О чтен. книгъ въ древ. Россіи, Правосл. соб. 1858.

<sup>3)</sup> Посл. Іосифа къ архим. Митрофану, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № I.

<sup>4)</sup> Просвѣтитель, 59, 60.

ковъ. <sup>1)</sup> Въ самой ереси мы встрѣчаемъ подходящія черты, напр. отверженіе церковной обрядности и таинствъ, и въ тоже время строгость, которымъ еретики многихъ привлекали къ себѣ. Но эти черты не составляли общихъ основаній для каждаго, кто слѣдовалъ тому или другому ученію. Въ дѣйствительности скорѣе замѣчается смѣсь ученій, которая была естественна, такъ какъ послѣднія образовались подъ вліяніемъ многихъ, совмѣстно существовавшихъ причинъ. При томъ до насъ не дошли самыя сочиненія еретиковъ, которыя значительно уяснили бы происхожденіе такой смѣси ученій, а обличители только заботились о догматическомъ опроверженіи и потому не всегда вѣрны исторически.

Болѣе другихъ обратилъ на себя ихъ вниманіе—элементъ іудейскій, потому что онъ ближе былъ къ пониманію, по своей вышней сторонѣ и историческому происхожденію, тогда какъ остальные требовали философскаго изслѣдованія предмета. Іудейскій элементъ ереси видѣнъ въ укюненіи къ ветхому завѣту: нѣкоторые изъ еретиковъ принимали обрѣзаніе, еврейскіе обряды, іудейскій календарь и праздновали іудейскую пасху. Послѣдователи этого толка старались оправдать свое ученіе на основаніи ветхаго завѣта, и потому особенно направляли свои толкованія на пророческія книги и псалмы Давида, какъ наиболѣе важныя для подтвержденія событій новозавѣтной церкви <sup>2)</sup>.

Начало собственно «жидовствующей» ереси относить ко времени возникновенія въ Новгородѣ литовской партіи, незадолго до паденія города. Желая отстоять свою свободу отъ притязаній московскаго князя, новгородцы, съ согласія короля Казимира, пригласили къ себѣ брата кіевскаго князя Семепана—Михаила Александровича, съ которымъ прибыли въ Новгородъ евреи по торговымъ дѣламъ (1471). Ихъ называютъ первыми распространителями «жидовства» между новгородскимъ духовенствомъ (къ нимъ ходили поны Алексѣй и Гавріиль) <sup>3)</sup>. Мы видѣли, что торговля въ Новгородѣ находилась подъ покровительствомъ церкви: при храмахъ хранились тамъ товары, вѣсы и мѣры. Отсюда объясняется первоначальное сближеніе еврейскихъ купцовъ съ духовен-

<sup>1)</sup> Чтенія Моск. общ. истор. 1847, № VIII, Посланіе Геттады.

<sup>2)</sup> Ibid.

<sup>3)</sup> Кронogr. Румянц. муз., № 461. Правосл. обзор. 1862, июнь, О новгород. ереси, 184. У Іосифа начало ереси полагаетъ Схарій, а потомъ къ нему приходятъ три еврея изъ Литвы.

твомъ. Но судяли они могли привлечь его къ себѣ однимъ жидовствомъ. Въ тѣхъ же источникахъ говорится, что они учили своихъ последователей *волшебнымъ* книгамъ—выраженіе самое общее, и потому мало объясняющее настоящій вопросъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что это названіе въ то время примѣнялось ко всякой книгѣ, не находившейся въ спискѣ «истинныхъ» и, какъ извѣстно, иногда получало лишкомъ широкое толкованіе (такъ называли *землемѣріе* и *разныя мистическія* книги) <sup>1)</sup>. Значаніе «жидовства» въ развитіи новгородской ереси получаетъ другой смыслъ, если принять во вниманіе то движеніе въ еврейскомъ мірѣ, которое пробудилось въ XV вѣкѣ.

Однимъ изъ изслѣдователей этой ереси было указано, что евреи, проповѣдывавшіе свое ученіе въ Новгородѣ, не могли быть талмудистами, потому что въ немъ не видно слѣдовъ Талмуда, и на этомъ основаніи авторъ полагаетъ, что представитель евреевъ въ Новгородѣ—Схарій принадлежалъ къ караимскому толку, всегда противодѣйствующему талмудизму, и отъ котораго ему легче было перейти къ извѣстнымъ отступленіямъ <sup>2)</sup>. А караимы, жившіе въ Крыму, въ началѣ XV вѣка получили отъ Витольда право селиться въ Литвѣ <sup>3)</sup>. Конечно съ этимъ доводомъ нельзя не согласиться; но личность Схарія указываетъ на болѣе важное явленіе.

Впервые исторія застаетъ Схарія въ Кіевѣ. Его близость къ князю Михайлу, на которую обращаетъ вниманіе Гусифъ <sup>4)</sup>, заставляетъ предполагать, что онъ выдавался изъ среды своихъ собратій. Есть основаніе думать, что Схарій переѣхалъ въ Кіевъ изъ Крыма и происходилъ изъ извѣстной фамиліи. Къ 1487—88 гг. относится переписка Іоанна III съ *евреемъ Захаріемъ Скарюю*, жившимъ въ Таманѣ, который просилъ разрѣшить ему переселиться съ семействомъ въ Москву, на что Іоаннъ согласился. Этотъ Схарій называется *княземъ таман-*

<sup>1)</sup> Въ спискѣ отреченныхъ книгъ рядомъ съ волшебными помѣщены *Землемѣріе* и *Астрономія*. Правосл. соб. 1858, июль, О чтеніи книгъ въ древ. Россіи, 458. Знакомство Мавсима Грека съ философійю и чтеніе греческихъ и латинскихъ книгъ Ртищевымъ и Матвѣевымъ также признавали еретичествомъ, волшебствомъ и еллинскою мудростію. Чтен. Моск. общ. ист. 1847, VII. Дѣло Максима; Соловьевъ, X, 164, XIII, 233.

<sup>2)</sup> Правосл. обозр. 1862, июнь, 183.

<sup>3)</sup> Перлштейнъ, Луцкъ и его древности.

<sup>4)</sup> Провѣдатель, стр. 43.

снимъ и, какъ видно изъ его письма, владѣлъ богатствомъ: когда онъ ѣхалъ въ первый разъ въ Москву, то на пути его ограбилъ молдавскій воевода Стефанъ. Возвратясь въ Тамань, Скарій продолжалъ хлопотать о переѣздѣ въ Россію. Его привлекаю туда покровительство Іоанна III иностранцамъ, а въ Москвѣ онъ вѣроятно думалъ заняться торговыми дѣлами <sup>1)</sup>. Но этотъ Скарій не одно лицо съ новгородскимъ, который былъ казненъ Іоанномъ вмѣстѣ съ защитниками свободы Новгорода (1477) <sup>2)</sup>. Однако связь приведенныхъ обстоятельствъ даетъ основаніе думать, что распространитель ереси въ Новгородѣ принадлежалъ къ тойже фамиліи Скаріевъ, которые жили возлѣ Крыма.

Во второй половинѣ XV вѣка между караями обнаруживается замѣчательное движеніе. Главнымъ мѣстопребываніемъ караянскихъ евреевъ были: Крымъ, Византія и вообще Востокъ. До XV вѣка они стояли на весьма низкой степени развитія. Но съ этого времени усиливается приливъ еврейскаго населенія въ предѣлы Византіи, въ слѣдствіе предшествовавшихъ преслѣдованій ихъ на Западѣ. Особенно же оказалъ большое вліяніе на улучшеніе быта евреевъ милостивый эдиктъ Магомета II, предоставлявшій имъ права гражданства. Получивъ значительныя льготы, константинопольскіе евреи стали переселять своихъ единовѣрцевъ изъ Германіи въ Турцію. Въ числѣ этихъ переселенцевъ появились въ Константинополѣ еврейскіе ученые: въ нихъ турки приобрѣли медиковъ, оружейниковъ, типографщиковъ. Евреи стали издавать къ Константинополѣ книги на языкахъ еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ, итальянскомъ и сирійскомъ. Спокойствіе, наступившее съ этого времени для евреевъ, значительно сблизило караянъ съ другими учеными, хотя они принадлежали къ талмудистамъ. Подъ ихъ руководствомъ образовалось нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ изъ караянъ, а научныя занятія сдѣлались преобладающимъ элементомъ въ ихъ обществѣ.

Въ этому времени принадлежитъ дѣятельность раввина Мардекаи Куматяно, имѣвшаго многихъ учениковъ въ Константинополѣ и Аріанополѣ. Его научныя занятія относились преимущественно къ математическимъ предметамъ: въ своихъ сочиненіяхъ онъ трактуетъ объ арифметикѣ, геометріи, астрономіи, механикѣ, которыя онъ изучалъ во

<sup>1)</sup> Переписка помѣщена въ Записк. Одес. общ. истор., V, 272—274.

<sup>2)</sup> Татищевъ упоминаетъ объ этомъ подъ 1491 годомъ. См. IV, 109.



греческимъ и арабскимъ источникамъ. Его комментарий на «Пятикнижїе» Моисея показываютъ знакомство автора съ логикою, этикою, естественными науками, философїей и популярной медициной. Куматано составилъ объясненія въ употребленію астрономическихъ таблицъ персовъ, гдѣ старается опровергнуть мнѣнія «новогреческихъ» писателей, полагавшихъ, что онѣ не основаны на строгихъ астрономическихъ законахъ, а представляютъ только рядъ случайныхъ выводовъ. Астрономію Куматано называетъ важнѣйшею изъ математическихъ наукъ. Далѣе, ему принадлежатъ трактаты объ астрологїи, объ устройствѣ инструмента для опредѣленія широтъ, объ устройствѣ солнечныхъ часовъ. Но, какъ и большая часть тогдашнихъ ученыхъ, Куматано считалъ математику необходимою для священнаго писанія. Только значеніе послѣдняго онъ опредѣляетъ иначе, чѣмъ его современники. Онъ неудовлетворился предшествовавшими толкованіями священ. писанія: грамматическими, каббалистическими, метафизическими, аллегорическими и буквальными, а потому внесъ въ свои комментарий—объясненія, основанныя на началахъ философїи, естественныхъ наукъ, астрономїи и математики. Пользуясь какимъ-нибудь выраженіемъ, онъ объясняетъ явленія природы, законы движенія свѣтилъ, общія основанія астрологїи. Но вездѣ онъ руководствуется *здравымъ смысломъ*, а потому не стѣсняется *преданіемъ*. Это литературное движеніе для насъ важно потому, что въ немъ особенное участіе приняли караимы <sup>1)</sup>. А караимская синагога въ Крыму имѣла постоянныя и непосредственныя отношенія съ греческими караимами и можетъ назваться только «отраженіемъ» послѣднихъ. При постоянныхъ сношеніяхъ крымскихъ караимовъ съ константинопольскими, легко объяснить, какъ разсмотрѣнное нами движеніе должно было отразиться на ихъ понятїяхъ; а это значительно облегчаетъ пониманіе того элемента, который сообщилъ новгородской ереси XV в. названіе жидовствующей. Это не былъ чисто иудейскій элементъ, который, при торговыхъ отношеніяхъ Новгорода къ Литвѣ и Германїи, могъ-бы оказать вліяніе на него гораздо прежде. Умственное движеніе въ еврейскомъ мірѣ сообщилось современемъ и евреямъ, поселившимся въ Литвѣ и Польшѣ <sup>2)</sup>. Но Схарїа,

1) Гурляндъ, Новые матерьялы для исторїи еврейской литературы XV в. стр. 8, 10, 13, 16, 17, 29—32, 35, 36, 40—42, 96, 98.

2) Такъ въ 1507 г. въ Краковѣ неизвѣстный еврей держалъ дис-

по его торговымъ занятіямъ, слѣдуетъ считать прибышимъ изъ Крыма, а его происхожденіе даетъ право полагать, что онъ получилъ соотвѣтствующее образованіе. Это подтверждаютъ обличители ереси, которые отзываются о Схаріѣ, какъ о человѣкѣ начитанномъ и образованномъ.

Иосифъ говоритъ, что Схарій былъ наученъ всякому изобрѣтенію, чернокнижю, чародѣйству, звѣздозаконію и астрологіи—эпитеты, придававшіеся въ средніе вѣка какъ на западѣ, такъ и у насъ всѣмъ, кто занимался наукою <sup>1)</sup>. Изъ самой исторіи ереси видно, что Схарій хорошо изучилъ священное писаніе и даже отцовъ церкви. Геннадій говоритъ, что еретики сильно дѣйствовали на христіанъ астрономическою рукописью «Шестокрылія», предсказывая на основаніи ея небесныя явленія <sup>2)</sup>; а эта рукопись заключаетъ въ себѣ астрономическія таблицы, составленныя еврейскимъ астрономомъ Иммануиломъ - бенъ-Іаковомъ <sup>3)</sup>. Въ то время, когда на каждое физическое явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, смотрѣли, какъ на явленіе вполнѣ случайное, которое было только предзнаменованіемъ общественныхъ бѣдствій, возможность предсказывать явленія должна была сильно дѣйствовать на общество. Иосифъ Волоколамскій свидѣтельствуетъ, что астрологія подрывала кѣру въ промыслѣ; отчего нѣкоторые стали презирать свящ. писаніе, какъ ненужное для жизни человѣка <sup>4)</sup>. Виѣсть съ астрологическими книгами у еретиковъ были въ употребленіи математическія рукописи (землемѣріе или геометрія) <sup>5)</sup>, которыя, по своимъ замысловатымъ фигурамъ и начертаніямъ, могли казаться волшебными тетрадами. Изъ одного, близкаго по времени, лѣтописца видно, что учителя-евреи образовали около себя большое общество изъ духовныхъ лицъ и гражданъ, которые учились у нихъ волшебнымъ книгамъ <sup>6)</sup>. Съ такимъ же характе-

путь противъ христіанства и опровергаль его на основаніи св. писанія, за что былъ сожженъ. Густынская лѣтоп. въ Полн. собр. рус. лѣт. II, 365.

<sup>1)</sup> Просвѣтитель, 55.

<sup>2)</sup> Посланіе Геннадія къ Іоасафу, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, VIII, 4.

<sup>3)</sup> Гурляндъ, Ibid. и Описаніе математич. рукопис. въ Труд. восточн. отдѣл. археолог. общест. 1866, 19—21.

<sup>4)</sup> Просвѣтитель, 43.

<sup>5)</sup> Посланіе Геннадія, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, VIII.

<sup>6)</sup> Хроногр. Рум. муз. № 461. Прав. обозр. 1862, июнь, 184.

ромъ представляется и дальнѣйшее распространеніе ереси. Ей сочувствовали лица, занимавшія видное мѣсто въ обществѣ. Первые ученики Схарія—священ. Алексѣй и Денисъ отличались умомъ и образованіемъ и такъ съумѣли понравиться великому князю, что Іоаннъ, будучи въ Новгородѣ, взялъ ихъ съ собою въ Москву (1480). Здѣсь Алексѣй былъ опредѣленъ протопопомъ въ Благовѣщенскій соборъ, а Денисъ въ Архангельскій. Имъ удалось образовать около себя кружокъ изъ грамотныхъ людей. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ извѣстный дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ, бывавшій посломъ въ Венгрію и въ Литвѣ. Курицынъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ занимались астрологіею, чародѣйствомъ и черномagicіею<sup>1)</sup>—выраженія, которыя, какъ мы видѣли, слѣдуетъ понимать далеко не въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимало большинство тогда. Ѳеодоръ Курицынъ славился въ свое время книжностью: ему приписываютъ переводъ повѣсти о Дракулѣ Волонскомъ<sup>2)</sup> и апокарифическаго Лаодокійскаго посланія, изъ котораго ясно видно направленіе самого Курицына: тамъ встрѣчается выраженіе—душа челоуѣка свободна, но преграда ей вѣра. Къ этому же обществу примкнули: братъ Курицына—Иванъ, крестовые (придворные) дьяки—Истома и Сверчокъ, купецъ Кленовъ, архимандритъ Зосима, нѣкто Иванъ Черный (это вѣроятно братъ архимандрита Кассіана—Иванъ Самочерный), занимавшійся перепискою книгъ. По свидѣтельству Іосифа<sup>3)</sup>, въ Москвѣ еретики нашли обильную жатву; имъ удалось даже склонить къ своему ученію невѣстку великаго князя Елену, дочь Стефана молдавскаго. Это общество собиралось у Курицына, а предметомъ его бесѣдъ были религіозные вопросы<sup>4)</sup>. Отношенія Курицына къ Еленѣ объясняются его посредничествомъ въ сватовствѣ ея за сына Іоанна III, послѣ чего онъ привезъ ее въ Россію. Видно также, что вліянію этого кружка поддался и самъ вел. князь. Іосифъ говоритъ, что Ѳеодоръ Курицынъ и протопопъ Алексѣй имѣли такой къ нему доступъ, какъ никто другой, и тутъ же связываетъ эту близость съ занятіемъ ихъ астрологіею: «потому что они были преданы звѣдозаконію, астрологін, чародѣйству

1) Просвѣтитель.

2) Востоковъ въ Опис. Рум. музея, стр. 512. Повѣсть помѣщена въ Памят. старин. русск. литературы, II.

3) Просвѣтитель, предисловіе.

4) Посланіе Геннадія къ собору, Хрущовъ, 116.

и черновизию» 1). Самъ Іоаннъ въ послѣдствіи сознавался, что онъ зналъ какую ересь держалъ Алексѣй, какую Ѳедоръ Курицынъ и какую его братъ, Иванъ, и Максимовъ 2). Очевидно, что эти мѣнія имѣли въ себѣ много привлекательнаго помимо религиозныхъ сомнѣній. Этимъ отчасти объясняется, почему Іоаннъ III вовсе не былъ расположенъ къ крутымъ мѣрамъ противъ еретиковъ и съ трудомъ согласился на ихъ казнь. Іосифъ говоритъ, что еретики только простѣйшихъ учили іудейству, а многіе вовсе не принадлежали къ нему, но только научились у еретиковъ порицать священное писаніе 3). Геннадій же замѣчаетъ: «у нихъ не одно іудейство, а десятью заповѣдями они только прельщаютъ людей, представляясь, будто-бы вѣрять имъ». Іудейство само по себѣ едва ли могло привлечь такое множество послѣдователей и притомъ изъ среды болѣе образованной. Извѣстная доля іудейства должна была войти потому, что руководителями этого движенія сдѣлались евреи; но и сами они далеко не принадлежали къ чистому толку. Когда Алексѣй и Діонисій хотѣли принять обрѣзаніе, то Схарій запретилъ имъ это и ограничился только переименованіемъ Алексѣя въ Авраама, а жены его въ Сарру. Схарій даже совѣтовалъ имъ сохранять всѣ христіанскіе обряды и они ихъ удержали, иначе Іоаннъ не перевелъ бы обоихъ учениковъ Схарія священниками въ Москву. Вообще еретики отличались мягкостью обращенія и воздержаніемъ, чѣмъ многіхъ привлекли на свою сторону. Едва ли даже можно заподозрѣть въ этомъ случаѣ ихъ искренность, потому что маска не долго удержалась-бы на ихъ лицахъ и только повредила-бы ихъ дѣлу.

Общій характеръ еретическихъ мѣній представляетъ смѣшеніе различныхъ понятій. Одно оспаривалось на основаніи толкованій іудейскихъ комментаторовъ; другое на основаніи обличеній, существовавшихъ въ русскихъ источникахъ, которыхъ мы касались 4). Одни

1) Просвѣтитель, *ibid*.

2) Посл. Іосифа къ духовн. Іоанна III Митроф. Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № I.

3) Просвѣтитель, 59, 60.

4) Напр. какъ принимать трехъ странниковъ, явившихся Аврааму, — простыми людьми, ангелами или прообразомъ Троицы. Просвѣтитель, слово 5-е, ср. Гурляндъ, Матер. для евр. литер. XV стол. стр. 42. Монашество отвергали потому, что Христосъ и апостолы не были монахами (ср. выше, стр. 396), и тутъ же приводили слова Моисея, что прокляты всякій, кто невозставитъ сѣмени въ Израилѣ.

признавали только некоторых святых; другие образцом для себя во всем считали только Иисуса Христа и даже соглашались почитать его иконѣ, отрицая прочія изображения <sup>1)</sup>). Очевидно, что ересь представляла ряд отрицательных мнѣній, усвоенныхъ изъ различныхъ данныхъ, а не религиозное ученіе, объединенное строгою системою. Еретики отличались книжностью; у нихъ были такія книги, которыхъ не могъ достать архіепископъ Геннадій даже въ Новгородѣ, и принужденъ былъ выписывать ихъ изъ отдаленныхъ монастырей <sup>2)</sup>); но самое собраніе этихъ книгъ улаживаетъ, какой разнообразный матеріалъ сосредоточился въ рукахъ еретиковъ для нападеній на господствующее ученіе. При разнообразіи еретическихъ мнѣній и самымъ обличеніямъ ихъ не имѣютъ опредѣленной системы. Первые три слова «Просвѣтителя» Іосифа очевидно направлены противъ «жидовствующихъ»; такъ какъ въ первыхъ двухъ онъ излагаетъ догматы о Троицѣ и личности Иисуса Христа, исключительно основываясь на ветхомъ заветѣ; а въ третьемъ онъ специально касается обрѣзанія и іудейскихъ жертвъ. Четвертое слово посвящено догмату о воцѣненіи Иисуса Христа; но все основано на новомъ заветѣ и даже отцахъ церкви, и потому едва ли касается чисто «жидовствующей» стороны, для которыхъ эти авторитеты не имѣли значенія. Въ пятомъ словѣ, посвященномъ иконописцу, опровергаются сомнѣнія о возможности символически изображать Троицу. Шестое слово направлено противъ тѣхъ, которые всѣ священныя изображенія, а также мощи, пододвигали подъ разрядъ идоловъ и главнымъ образомъ опирались на запрещенія ветхаго завета. Седьмое свидѣтельство, напротивъ, что еретики отвергали храмы и видимые священныя знаки, на основаніи словъ апостола Павла, что человекъ есть храмъ, въ которомъ живетъ св. Духъ. Въ словахъ 8, 9 и 10 Іосифъ специально рассматриваетъ вопросъ о кончинѣ міра послѣ 7000 лѣтъ его существованія (1492), который особенно возбуждалъ еретиковъ противъ отцовъ церкви (св. Ефрема и друг.), когда ожидаемая кончина міра не исполнилась. Еретики совѣтывали даже сказать за это творенія св. отцовъ. Но Іосифъ объясняетъ, что выраженіе *свѣтъ* не слѣдуетъ пони-

<sup>1)</sup> Просвѣтитель, слова 6 и 11.

<sup>2)</sup> Посланіе Геннадія къ Іоасафу, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № VIII. Именно: Библия, соч. Донисія Арсепасита, Сильвестра папы римскаго, Менандра, посл. Фотія къ болгарскому царю Борису, слова Козмы противъ богомиловъ, Логика.

мать непременно въ смыслѣ числа лѣтъ <sup>1)</sup>. Слово одиннадцатое написано въ защиту монашества; 12-е — рѣшаетъ отрицательно вопросъ — имѣтъ ли значеніе проклятiе еретика митрополита (Зосимы), а отъ 13—16 идетъ трактатъ о казни еретиковъ, о значеніи ихъ покаянія и вообще объ отношеніи къ еретикамъ — вопросы, возникшіе уже на почвѣ полемической.

Изъ этого видно, что ересь имѣла различные отбѣнки; но въ своихъ крайнихъ выводахъ она прямо вела въ рационализму: 1) Еретикъ отвергали св. Троицу: Слово, которымъ называется второе лицо, они понимали въ смыслѣ обмѣновеннаго слова божія; а Духа св. называли только духомъ, исходящимъ изъ устъ Бога и разливающимся въ воздухъ; 2) Иисуса Христа они признали простымъ человекомъ, котораго распяли иудеи, но который не воскресалъ; 3) еретики не признавали будущей жизни и суда; 4) отвергали воплощеніе Бога и не допускали даже его необходимости при могуществѣ и благодати Творца; 5) отсюда исходить уже отрицаніе всей внѣшней стороны христіанства: храмовъ, иконъ, мощей; 6) еретики отрицали христіанское значеніе Богородицы и святыхъ, наконецъ 7) скептически относились къ твореніямъ отцовъ церкви, а нѣкоторые даже къ священному писанію.

Впрочемъ не видно, чтобы на первыхъ порахъ ересь приняла фанатическій характеръ. Въ теченіе 10 лѣтъ (до 1480) она распространялась спокойно и тѣмъ предохраняла себя отъ преслѣдованія. При томъ далеко не всѣ послѣдователи ея отличались крайностію ученія, иначе ихъ не потеряли-бы при дворѣ. Но, съ постепеннымъ распространеніемъ, ересь принимала болѣе широкіе размѣры и наконецъ такъ охватила общество, что религиозные вопросы сдѣлались предметомъ дня: такое наступило смущеніе между людьми, говоритъ Иосифъ, что теперь и въ домахъ, и на улицахъ, и на площадяхъ всѣ — и монахи, и міряне, — сомнѣваются въ вѣрѣ, спорятъ о ней и послѣдуютъ болѣе еретикамъ, нежели апостоламъ и св. отцамъ <sup>2)</sup>. Въ Новгородѣ еретичество совпало съ защитою свободы противъ притязаній московскаго князя. Самъ Схарій палъ вѣстѣ съ защитниками самостоятельности города. Послѣ паденія Новгорода этотъ антагонизмъ еще болѣе усилился.

<sup>1)</sup> Однако изъ Богородичина Иосифа видно, что онъ и самъ прежде вѣрилъ въ 7000-лѣт. существованіе міра.

<sup>2)</sup> Просвѣтитель, стр. 58—61.

Архієпископы, назначаемые изъ Москвы, не могли нравиться ни духовенству, ни народу. О первомъ изъ нихъ, Сергіѣ, извѣстно, что онъ не отдавалъ должной чести новгородскимъ святымъ, наложилъ на духовенство и монастыри тяжелую дань, собираеіе которой отдалъ на откупъ. Новгородцы отказали ему въ повиновеніи. Эти отношенія такъ подѣйствовали на Сергія, что онъ поимѣшался и былъ отвезенъ въ Москву <sup>1)</sup>. Преемникъ его, Геннадій, сталъ разыскивать еретиковъ и также вызвалъ неудовольствіе противъ себя, допустивъ, по совѣту своего дьяка, брать плату съ посвящаемыхъ въ духовный санъ <sup>2)</sup>. Все это было обильнымъ матеріаломъ для нападеній еретиковъ. На Геннадія посыпались съ ихъ стороны пасквили. Въ Москвѣ ересь успѣшно развивалась въ высшемъ кругѣ. Придворнымъ покровителямъ ея удалось даже на время возвести на митрополитскій престолъ архимандрита Зосиму, который, говорятъ, отертыо отвергалъ безсмертіе души и будущую жизнь; а его велія была притономъ для еретиковъ <sup>3)</sup>.

Не смотря на свой отрицательный характеръ, это умственное движеніе принесло пользу и для противоположной стороны. Возбужденіе новыхъ вопросовъ заставило серьезнѣе заняться книжностью. Со второй половины XV в. замѣчается напряженное движеніе въ книжныхъ кружкахъ, нерѣдко пробивавшееся настоятельными требованіями улучшения общества. Борьба съ ересью заставила Геннадія подумать объ училищахъ, и хотя при немъ еще не видно результатовъ его хлопотъ, но нѣсколько времени спустя Стоглавый соборъ дѣлаетъ распоряженія о введеніи ихъ по городамъ. Порча еретиками ветхозавѣтныхъ книгъ заставляеть того же Геннадія приступить къ полному кодексу Библии, а немного спустя для перевода толковой псалтири вызывается нарочный переводчикъ изъ Греціи (Максимъ Грекъ <sup>4)</sup>). Иосифъ Волоколамскій, побуждаемый на борьбу съ ересью, выступаетъ

<sup>1)</sup> Полн. соб. рус. лѣт. V, 41, 42; Лѣт. Львова, 190, Хроногр. Рум. муз. № 457.

<sup>2)</sup> Полн. собр. рус. лѣтоп. VI, 244. Этотъ фактъ записанъ во 2-й Софійск. лѣт., источникъ по преимуществу Московскаго государства, слѣд. здѣсь нельзя подозрѣвать автора въ пристрастія, такъ какъ Геннадій и самъ былъ изъ Москвы, а потому оправданіе послѣдняго тѣмъ, что это извѣстіе находится только въ позднѣйшихъ запискахъ (Львова, Арх. лѣт. Прав. обозр. 1862, іюль, 300.) не имѣетъ мѣста. Карамзинъ согласенъ съ лѣтописью. VI, стр. 624.

<sup>3)</sup> Просвѣтитель, 59, 60.

<sup>4)</sup> См. наше изслѣд. »Максимъ Грекъ«, I, гл. I,

своихъ «Провѣдителей» — первымъ опытомъ системы эти, выработаннымъ въ Россіи. Геннадій жаловался на недостатокъ даже самыхъ необходимыхъ книгъ — и вотъ новгородскій архіепископъ Макарій хлопочетъ о приведеніи въ извѣстность памятниковъ древней письменности, которые появляются въ его Четьи-Минеехъ. Положительное значеніе скептическаго направленія, распространившагося тогда въ Россіи, признаютъ и первовные писатели <sup>1)</sup>).

Иерархическіе безпорядки въ Новгородѣ до Геннадія и возвращеніе новому ученію со стороны самаго духовенства было причиною, что ересь долго была предоставлена самой себѣ. Но когда въ лицѣ Геннадія она встрѣтила строгаго защитника существующаго порядка, то легко могла перейти въ открытое противодѣйствіе. Иосифъ изображаетъ намъ Геннадія, какъ льва, который своими когтями терзалъ угробы еретиковъ, сокрушалъ ихъ своими зубами и разбивалъ въ камень. Открывши ересь, Геннадій принялся обыскивать еретиковъ, а это вызвало съ ихъ стороны всѣ крайности озлобленныхъ сектаторовъ. Называя себя открыто христианами, они распространяли злыя писемли на Геннадія и другихъ епископовъ, сокрушали кресты и иконы и бросали ихъ въ нечистыя мѣста, или привязывали деревянные и мѣдные кресты къ хвостамъ воронъ — и пускали ихъ на свободу. Единственный путь для превращенія этого зла Геннадій видѣлъ въ истребленіи еретиковъ, и потому разослалъ множество посланій — къ вел. князю, митрополиту и епископамъ, съ настоятельнымъ требованіемъ «очистить церковь божию» и не вѣрить завлеченію еретиковъ, что они христиане. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отправилъ къ вел. князю и рошисное дѣло о еретикахъ. Но въ Москвѣ не думали серьезно приниматься за него. Митроп. Геронтіій совѣтовалъ Геннадію разыскивать и наказывать однихъ духовно, другихъ, болѣе опасныхъ, отсылать къ намѣстнику для наказанія гражданскою казнію <sup>2)</sup>. Отчасти здѣсь видно

<sup>1)</sup> Свящ. Булгаковъ въ своемъ специальномъ изслѣдованіи («Иосифъ Волоколамскій»), говоря, что скептическое направленіе проявилось, какъ противодѣйствіе преобладанію въ обществѣ одной религіозной внѣшности и обрядности, замѣчаетъ, что это направленіе при всѣхъ своихъ крайностяхъ, было лучше существовавшего. Стр. 15.

<sup>2)</sup> Посланія Геннадія, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, VIII, (въ Иоасафу). Къ Прохору Сарскому, Хрущовъ, XVI; Нифонту еписк. суздальскому (ibid. XXII); Зосимѣ, Акты экспед. I, № 38) собору (Прав.



ичное нерасположеніе Геронтія къ Геннадію; <sup>1)</sup> но Іосифъ видитъ въ томъ также боязнъ Геронтія передъ »державнымъ«. Если такъ, то ел. князь находился подъ сильнымъ вліяніемъ противоположной стороны. По смерти наслѣдника прѣстола Іоанна Молодаго (1490), импатіи Іоанна III перешли на внука—Димитрія, возлѣ котораго рупшировались самыя вліятельныя лица—Патрѣевы, Риполовскіе, Іурицынъ, находившіеся въ родствѣ между собою <sup>2)</sup> и въ близкихъ отношеніяхъ къ Еленѣ, матери предполагавшагося наслѣдника, которая также была склонна къ новому ученію. Благодаря содѣйствию лицъ того направленія, еретикамъ удалось возвести въ митрополиты отступника Зосиму и послать въ Новгородъ архимандритомъ Юрьевскаго монастыря еретика Кассіана. Въ Москвѣ были недовольны даже строгостью мѣръ Геннадія и неодобряли его попытокъ; такъ что онъ принужденъ былъ оправдываться въ своихъ дѣйствіяхъ <sup>3)</sup>. Все, чего могъ онъ достигнуть въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своихъ стараній,—это проклятія нѣкоторыхъ еретиковъ на соборѣ 1490 г. и устроить для другихъ постыдную процессію въ Новгородѣ. По рѣшенію собора еретиковъ отправили въ Новгородъ къ Геннадію. За четырнадцать верстъ отъ города онъ велѣлъ посадить ихъ на лошадей, лицомъ назадъ, чтобы они смотрѣли на *западъ* въ приготовленный имъ адъ; на головы ихъ велѣлъ надѣть берестяные шлемы, какъ изображаютъ бѣсовъ, и соломенные вѣнки, смѣшанные съ сѣномъ; на шлемахъ же было написано чернилами: »се есть сатанино воинство«. Въ такомъ видѣ онъ велѣлъ водить ихъ по городу и плевать на нихъ, приговаривая:

Соб. 1863, I). Грам. вел. князя и митр. Геронтія Геннадію (Акты истор. I, № 285.)

<sup>1)</sup> Будучи еще архим. Чудовскаго монастыря, Геннадій имѣлъ столкновение съ Геронтіемъ: разъ за разрѣшеніе братіи въ богоявленскій сочельникъ (въ воскресенье) пить воду поѣвши, въ другой разъ онъ поддерживалъ вел. князя, заявившаго митрополиту свое неудовольствіе за то, что онъ, при освященіи Успенскаго собора, ходилъ противъ солнца.

<sup>2)</sup> Соловьевъ, V, 87; Хрущовъ, 163.

<sup>3)</sup> Посланіе къ собору. Въ посланіи къ Зосимѣ Геннадій писалъ, что вел. князь долженъ позаботиться очистить русскую землю отъ еретиковъ по примѣру испанскаго короля (введеніе инквизиціи Фердинандомъ Католикомъ), о чемъ рассказывалъ ему императорскій посолъ, прѣвзжая черезъ Новгородъ. Списокъ съ его словъ объ этомъ Геннадій отправилъ въ Москву.

«вотъ божіи враги и еретицкіе культики». Въ заключеніе на эти головы были сожжены вѣщи <sup>1)</sup>.

Счастливый походъ дѣла ободрилъ еретиковъ. Между тѣмъ приближавшейся исходъ 7-й тысячи лѣтъ, по принятому счету отъ сотворенія міра, волновала общество. Конецъ пасхалии (доведенной, по образку греческой, только до 1492 г. или 7000 л.), паденіе Византійской имперіи и разныя бѣдствія усиливали вѣру въ близкую кончину міра <sup>2)</sup>. Считая уже жизнь поконченною, многіе оставляли свои занятія и предавались однимъ толкамъ о предстоящей катастрофѣ <sup>3)</sup>. Смущеніе народа было тѣмъ сильнѣе, что даже люди низшія вполне вѣрили многочисленнымъ толкованіямъ иносказательнымъ выраженій святи писанія и политическимъ событіямъ міра. Въ Новгородѣ эта мысль находила подтвержденіе въ паденіи самостоятельности города. Между тѣмъ еретики опровергали ходячія мѣткія, доказывая неправильность церковнаго лѣтосчисленія и несостоятельность самой мысли. Ихъ нападеніе только усиливало раздраженіе общества. Въ виду такихъ обстоятельствъ, Геннадій обратился на объясненіемъ къ Паисію Ярославу, Нилу Сорскому и Дмитрію Герасимову, извѣстному сотруднику въ переводахъ Максима Грека <sup>4)</sup>. Конечно сомнѣнія самаго Геннадія еще

<sup>1)</sup> Просвѣтитель.

<sup>2)</sup> Подробнѣе см. въ нашемъ изслѣд. «Максимъ Грекъ» II, гл. VIII. Въ древнихъ памятникахъ, особенно съ XIV—XVI вв., эта мысль встрѣчается постоянно, причемъ главное вниманіе обращается на совпаденіе важнѣйшихъ событій въ мартѣ (созданіе Адама, исходъ израильтянъ, прибытіе ихъ въ обѣтованную землю, благовѣщеніе, распятіе Ис. Хр.) и потому его считали роковымъ мѣсяцемъ (житіе Стеф. Пермск.). Въ 1459 г. благовѣщеніе пришлось на пасху, и потому думали, что это роковой день (Полн. собр. рус. лѣт. VI, 181). Въ русской пасхалии послѣ 1492 г. была слѣдующая приписка: «Здѣ страхъ, здѣ скорбь, аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и на концѣ явися, въ немъ же чаемъ всемірное твое пришествіе». Архив. ист. юрид. свѣд. о Рос. I, отд. III, стр. 7.

<sup>3)</sup> Житіе Севастіана Пошехонскаго, у Филарета.

<sup>4)</sup> Посланіе Геннадія къ Іоасафу. Учен. Моск. общ. истор. 1847, № VIII, и посланіе Герасимова къ Правосл. собес. 1861, январь. Отвергая пунктуальность въ ожиданіи кончины міра, Герасимовъ придаетъ однако большое значеніе числу 7: если преставленіе міра не совершилось послѣ 7000, то можетъ случиться въ другія седмицы—70070-7 лѣтъ, даже мѣсяцевъ дней и часовъ. Изъ житія Іосифа Волокол. (Твор. отц. V, кн. II, прибав. 255.) видно, что Геннадій вѣрилъ общему предрасудку о 7-й тысячѣ, а составляя новую пасхалию, онъ

Ю. Гбе подрывали доброе въ немъ; а когда 1492 годъ <sup>1)</sup> проше-  
 лъ едино—со стороны еретиковъ посыпались сильные нападенія на  
 Г. въ отцовъ церкви, на которыхъ опирались заступники существовав-  
 шаго мѣтѣ. Съ другой стороны благополучный исходъ заставилъ Ген-  
 надія озаботиться составленіемъ продолженія прежней пасхали, гдѣ  
 онъ уже прямо выражаетъ мысль, что пасхалия имѣеть круговое дви-  
 женіе, а кончина міра неизвѣстна для смертныхъ. <sup>2)</sup>

Предоставленный самому себѣ и не будучи въ состояніи одолѣть  
 еретиковъ силою, Геннадій рѣшился вызвать на борьбу извѣстнаго не-  
 претолоннаго характеромъ и начитанностию—Іосифа Волоколамскаго.  
 Тогда послѣдній сказалъ себѣ: «настало время труда» <sup>3)</sup> и выступилъ  
 противъ еретиковъ во всеоружіи своей диалектики. «Характеръ Іосифа,  
 говоритъ Костомаровъ, на сколько онъ высказывается въ его дѣй-  
 ствіяхъ и сочиненіяхъ, есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ  
 русской исторіи. Это была совсѣмъ не одна изъ тѣхъ многочислен-  
 ныхъ въ его вѣкѣ натуръ, вѣжскихъ, мигскихъ и мечтательныхъ, ко-  
 торыя уходили въ монастыри или пустыни, когда ихъ сердце оскор-  
 блялось людскими неправдами или слишкомъ дрожало отъ мірскаго  
 тревоженія, когда у нихъ не доставало воли, чтобы возложить на  
 себя тягость мѣтѣйской добродѣтели и вступить въ борьбу съ непра-  
 дой посреди людскаго общества. Это была также не одна изъ тѣхъ  
 пламенныхъ, поэтическихъ натуръ, которыхъ увлекало обаяніе созер-  
 цаній, нужда духовной свободы, допускающей приближаться къ тому,  
 что, во ихъ мѣтѣію, мѣтѣеть видѣть земныя отношенія. Іосифъ былъ  
 человекъ дѣла и разсудка, но никакъ не чувства и воображенія. Въ  
 наше время съ подобнымъ характеромъ, человекъ менѣе всего могъ  
 попасть въ монастырь, развѣ тогда, когда монашество служило-бы ему

написалъ ее только на 70 лѣтъ. Въ XVI вѣкѣ мѣтѣіе о кончинѣ міра  
 продолжаетъ высказываться, но оно переносится на 8-й вѣкъ (8-ю ты-  
 сячу. Рукопис. Кормчая, Прав. Соб. 1860, іюль). Псковскій лѣтопи-  
 сецъ видѣлъ предзнаменованіе его въ паденіи Пскова (Полн. собр.  
 рус. лѣт. IV, 282); Максимъ Грекъ въ постоянныхъ войнахъ, притѣ-  
 сненіяхъ грековъ турками и перадѣніи духовенства. (Полн. собр. сочин.  
 Макс. Г. I, слово на Магомета; II, 335); а Курбскій—въ тиранніи  
 Іоанна Грознаго (Сказанія и посланіе, въ Прав. соб. 1883, II).

<sup>1)</sup> Т. е. 7000 годъ отъ сотворенія міра, по принятому счисленію.

<sup>2)</sup> Архивъ истор. юрид. свѣд. Калачова, I, отд. III, о пасхалии.

<sup>3)</sup> Посланіе къ Нифонту, еписк. суздальскому.

для новых цѣлей. Въ наше время, такой человекъ скорѣе всего сдѣлался-бы публицистомъ, и всего вѣроятнѣе консервативнымъ, или ораторомъ, при условіяхъ существованія парламентарности. Въ XV вѣкѣ, когда монашество было наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для умственной дѣятельности вообще, такая личность явилась въ званіи игумена, борю- щимъ за преданія церкви, организаторомъ монашескаго общества. Быть тому, что уже есть, но быть ему такъ, какъ ему должно быть, сообщено давно признаннымъ авторитетамъ; повиноваться тому, что указано и установлено, и карать безъ всякаго снисхожденія неповоротивъ — таковы были духъ понятій и дѣйствій этого человекъ. Сердечности у него было мало, или совсѣмъ не было. Поучаетъ-ли онъ вельможу о милостиваніи рабовъ, или князя кормить народъ во время голода—его наставленія вѣютъ холодомъ. «Страданія рабовъ не на столько возбуждали сожалѣніе у Іосифа, какъ отвѣтственность передъ Богомъ за дурное съ ними обращеніе». Точно также въ обращеніи къ князю Іосифъ не подражаетъ въ тонѣ Амвросію или Іоанну Златоусту, а приступаетъ въ вельможѣ съ тою робостью, какую долженъ ощущать передъ высшими нившіи. Его побужденія помогать голодающимъ отличаются крайнею сухостью: онъ не старается подѣйствовать на сердце князя, но указываетъ ему только на долгъ и примѣры греческихъ императоровъ <sup>1)</sup>).

Обращаясь къ характеру литературной борьбы Іосифа съ еретиками, мы замѣчаемъ рѣзкій контрастъ между изложеніемъ словъ 1—12-го и отъ 13—16. Въ первыхъ разсматриваются исключительно вопросы догматическіе; въ послѣднихъ рѣчь идетъ объ отношеніи къ еретикамъ; т. е. борьба переносится изъ теоріи на практичку и замѣтно переходитъ отъ слова къ дѣлу. Конечно такая перемѣна въ тонѣ Іосифа не была случайною. Первые 12 словъ писаны до рѣшительныхъ мѣръ противъ еретиковъ со стороны правительства, пока еще при дворѣ господствовали ихъ покровители; а остальные—принадлежать уже эпохѣ казни (послѣ 1504 г.) <sup>2)</sup>. Въ 1494 г. митр. Зосима лишился своего сана, за нерадѣніе въ церковныхъ дѣлахъ и нѣянство <sup>3)</sup>. Сомнительно впрочемъ, чтобы онъ былъ такой крайній еретикъ, какъ

1) Вѣстн. Европы, 1868, № IV, литер. извѣст. стр. 970.

2) Хрущовъ, 189.

3) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 164.

представляют его обличители, которые могли сдѣлать свое заключеніе на основаніи его нерасположенія къ строгимъ преслѣдованіямъ и сочувствіи нѣкоторымъ изъ мнѣній еретиковъ. Тѣмъ болѣе, что и въ послѣдствіи мы видимъ его исполняющимъ православныя обряды и пользующимся регалиями своего сана <sup>1)</sup>. Но замѣчательно, что онъ былъ удаленъ въ монастырь во время отлучки изъ Москвы Ѳеодора Курциана, Семена Рязполовскаго и Вас. Ив. Патрикѣева. Они были отправлены послами въ Литву <sup>2)</sup>. Мѣсто Зосимы занялъ архим. Троицкой лавры—Симонъ, который оказывается въ послѣдствіи сочувствующимъ всѣмъ мѣрамъ, проводимымъ противоположною стороною. Въ 1497 г. былъ открытъ заговоръ на жизнь внука Іоанна—Димитрія, результатомъ котораго была опала, постигшая Софію, ея сына Василя и всѣхъ ихъ приверженцевъ; а Димитрій удостоился вѣнчанія, какъ наслѣдникъ престола. Но въ 1499 г. Семень Рязполовскій былъ казненъ, а оба Патрикѣевы пострижены въ монахи. Съ этихъ же поръ начинается возвышеніе Василя, окончившееся въ 1502 г. совершеннымъ торжествомъ: Елена и сынъ ея Димитрій были заключены. Вполнѣ справедливо, что всѣ эти опалы и перемены зависѣли отъ успѣха въ политической борьбѣ придворныхъ партій <sup>3)</sup>. Съ возвышеніемъ Василя и его партіи, къ которой преимущественно принадлежали лица менѣе значительныя, начинается поворотъ и въ отношеніи къ ереси. Къ этому времени относится возвращеніе изъ ссылки Челяднинныхъ и другихъ покровителей Іосифа, а самого Іосифа вывываютъ на соборъ въ Москву (1503).

Соборъ былъ созванъ по поводу вдовыхъ поповъ и монастырскихъ имуществъ; а между тѣмъ послѣ него Іоаннъ III имѣлъ бесѣду съ Іосифомъ о еретикахъ. Іоаннъ вовсе не принадлежалъ къ мягкимъ натурамъ: объ этомъ свидѣлствуютъ казни въ Новгородѣ и Москвѣ <sup>4)</sup> заключеніе малолѣтнихъ дѣтей брата Андрея Васильевича и семейства

1) Полн. собр. рус. лѣт. XV, 503.

2) Хрущовъ, 163.

3) Соловьевъ, V, 83—90.

4) Шестерыхъ заговорщиковъ на жизнь Димитрія казнили лютою смертью: имъ отсѣкли руки, ноги и головы, а ворожей утопили въ рѣкѣ. Стороннику Димитрія—Семену Рязполовскому отсѣкли голову. Лѣварю Леону, забѣчившему старшаго сына вел. князя—Іоанна, также оксѣкли голову. Полн. собр. рус. лѣтоп. VI, 239, 279, 243. Ляха Матиаса и князя Лукомскаго сожгли въ вѣстѣ за посягательство на жизнь государя. Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 225.

сына (Елены и Дмитрія). Если онъ долго не казнил еретиковъ, то благодаря тому, что его окружали другіе люди, отъ которыхъ онъ получалъ благопріятный взглядъ на нихъ, и ему казалось, что преслѣдованіе за религиозныя мнѣнія не можетъ имѣть ничего общаго съ политическими обвиненіями. Такъ думали не одни еретики; но и защитники церковныхъ интересовъ, только смотрѣвше на нихъ болѣе духовно, нежели Іосифъ. Это были строгіе пустынники—Пансіѣ Ярославъ (котораго вел. князь хотѣлъ сдѣлать митрополитомъ послѣ Геронтія) и его ученикъ Ниль Сорскій. Они также присутствовали на соборѣ 1503 г. <sup>1)</sup>, слѣдовательно пользовались еще расположеніемъ Іоанна III. Но предложенные вопросы были рѣшены согласно съ мнѣніемъ партіи Іосифа. Защитникамъ противоположнаго мнѣнія оставалось только удалиться, а вел. князь могъ изъ этого убѣдиться на чьей сторонѣ нравственная сила. Какъ ни желательно было для Іоанна отобраніе монастырскихъ имуществъ, но онъ долженъ былъ отказаться отъ своего предложенія. Такимъ образомъ въ духовномъ мірѣ восторжествовало противоположное прежнему направленіе. Послѣ собора началось сближеніе Іоанна съ Іосифомъ. Передъ нимъ вел. князь каменъ за послабленіе оказанное еретикамъ и просилъ у него одного—прощенія въ этомъ грѣхѣ, заявивъ при томъ, что владыки уже простили его. «Государь, отвѣчалъ Іосифъ, если подвигнешся на пылѣшникъ еретиковъ, то Богъ проститъ тебя и за прежнихъ!» Въ другой разъ Іосифъ сталъ настаивать, чтобы вел. князь послалъ по городамъ разыскать еретиковъ. Іоаннъ обѣщалъ и сознался при этомъ, что онъ знаетъ о ереси и каковаго мнѣнія держался каждый изъ еретиковъ, и какъ совратили они въ ересь его невѣстку.

Послѣ этихъ свиданій Іосифъ былъ позванъ въ столу вел. князя. Но и теперь Іоаннъ задать ему вопросъ—нѣтъ-ли грѣха казнить еретиковъ? Конечно для Іосифа не было сомнѣнія въ его рѣшеніи. Онъ сослался на ап. Павла, который писалъ къ евреямъ: «Если кто отвержется закона Моисея при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ и—заслуживаетъ смерти, то тѣмъ болѣе, кто попираетъ Сына Божія». Іоаннъ не далъ ему продолжать и прекратилъ разговоръ. Изъ этого Іосифъ убѣдился, что вел. князь не рѣшается казнить еретиковъ; ясно, что Іоаннъ

<sup>1)</sup> Отношенія Кирил. и Іосиф. монаст. въ Твор. св. отц. годъ IX, кн. III.

еще ргоже на прѣмѣи тогѣ вѣрніа <sup>1)</sup>). Подѣ вліаніемъ этой неудачи у Іосифа потомъ вырвался косвенный упрекъ: «Если царь, царствующій надъ людьми, находится подѣ властью северныхъ страстей и грѣховъ, изъ которыхъ самыя злыя—*несвѣдѣніа и глупа*, такой царь не божій слуга, но дѣвола, и не царь, но *мучитель*» <sup>2)</sup>). До такого претиворѣчія въ логическіе выводы могъ дойти въ своемъ увлеченіи члорѣкъ, проповѣдывавшій самъ необходимость преслѣдованія другихъ.

Однако, по возвращеніи своемъ въ монастырь, Іосифъ не забылъ общанія вел. князя произвестъ розыскъ еретикамъ. Весною 1504 г. онъ написалъ посланіе къ духовнику Іоанна—архим. Митрофану. Напоминаая ему объ общаніи вел. князя, Іосифъ замѣчаетъ: «нѣтъ пользы въ томъ, если государь на словахъ испросилъ прощеніе, а на дѣлѣ не ревнуетъ о вѣрѣ. Если государь забылъ объ этомъ за множествомъ дѣлъ, то обязанности духовника напомнить ему, чтобы не пришелъ на него божій гнѣвъ, а черезъ него и на всю землю; *потому что за церковное созрѣніе Богъ казнитъ всю землю*». Рассказывая въ посланіи о своихъ бесѣдахъ съ Іоанномъ, Іосифъ опять касается вопроса—не грѣѣтъ-ли казнити еретиковъ—и тутъ же проситъ духовника напомнить государю, *какъ поступали въ такихъ случаяхъ благочестивые цари* (вочечно византійскіе) и приводитъ *примѣры* жестокаго преслѣдованія еретиковъ (отсѣленіе головы, двѣсти ранъ ремнемъ, урѣзваніе языковъ). Въ заключеніе Іосифъ угрожаетъ Митрофану за неисполненіе обязанности страшнымъ гнѣвомъ божіимъ; а эта обязанность состоитъ въ томъ, чтобы докучать государю о еретикахъ: «*пусть для божьего дѣла онъ оставитъ всѣ дѣла, потому что божіе дѣло важнѣе всѣхъ*» <sup>3)</sup>).

Потерявъ надежду обратити на истинный путь самого Іоанна, Іосифъ рѣшился дѣйствовать черезъ Василія Іоанновича, которому старался доказать, что грѣшника и еретика убить руками или молитвою—все равно, для чего, по обыкновенію своему, приводитъ рядъ *примѣровъ* редкости по вѣрѣ ветхозавѣтныхъ (Моисея, Илія) и новозавѣтныхъ мужей (ап. Петра, свие. катанскаго Льва) <sup>4)</sup>. Не эти хлопоты о преслѣдованіи еретиковъ вызвали съ противоположной стороны (отъ послѣдо-

<sup>1)</sup> Крушовъ, 177—183.

<sup>2)</sup> Просвѣтитель, стр. 325.

<sup>3)</sup> Член. Моск. общ. велор. 1847, № 1.

<sup>4)</sup> Древ. Рос. Вивліоѳ. XVI, 424.

такой Нила Сорскаго и Вассіана Косаго—заволжскихъ монастырей) грозное обличіе: въ примѣрахъ Іосифа его противника видятъ духъ ветхаго завета и противопоставляютъ ему духъ евангельской любви, которая относится къ грѣшнику съ полнымъ всепрощеніемъ <sup>1)</sup>. Замѣчательно, что въ то самое время, когда возгорѣлась такая ожесточенная борьба между двумя направленіями, когда для Іосифа наиболѣе нуженъ былъ званіемъ ереси, а вел. князь по крайней мѣрѣ обличалъ Іосифу свое содѣйствіе—Геннадій былъ лишенъ своего престола и заключенъ въ Чудовъ монастырь, какъ обличенный въ поставленіи духовныхъ лицъ на мѣдѣ. И здѣсь видно еще колебаніе Іоанна.

Но Іосифу удалось достигнуть цѣли чрезъ Василія Іоанновича, котораго мы видимъ предсѣдателемъ на соборѣ 1504 года <sup>2)</sup>. Теперь участь еретиковъ была рѣшена: дьяка Волка Курицына, Ивана Максимова и Дмитрія Пустоселова—сожгли въ кѣткахъ; Некраса Руканова отправили въ Новгородъ и сожгли тамъ вмѣстѣ съ архим. Кассіаномъ, братомъ Кассіана—Иваномъ Самочернымъ и многими другими <sup>3)</sup>. Остальныхъ разослали по монастырямъ. Въ числѣ ихъ Семенъ Кленовъ былъ отправленъ съ еретическими книгами въ Волоколамскій монастырь. Іосифъ сломилъ такимъ образомъ продолжительное противодѣйствіе Іоанна Васильевича: онъ сумѣлъ толковать *состарше-шамуся* царю, что не только не грѣхъ казнить за ересь; но что этимъ способомъ можно даже покрыть и собственные грѣхи <sup>4)</sup>. Такой исходъ дѣла вызвалъ новое возраженіе заволжскихъ старцевъ, въ которомъ они проводятъ мысль, что еретиковъ не слѣдуетъ разыскивать, если они не обнаруживаютъ своей ереси; а еретиковъ покающихся даже слѣдуетъ принимать въ церковь. Іосифъ, отвѣчая на это, стоитъ на самой крайней точкѣ зрѣнія. Онъ упрекаетъ своихъ противниковъ въ противодѣйствіи св. писанію; настаиваетъ на розыскѣ еретиковъ (*инквизиція*), при чемъ допускаетъ даже хитрость, для открытія лжеученія (*примѣръ*: патр. Флавіанъ, позвавъ къ себѣ Адельфія, въ дружеской бесѣдѣ выпыталъ у него сущность мессалианской ереси), ко-

1) См. выше стр. 91.

2) Пол. собр. рус. лѣт. IV, стр. 278.

3) Ibid. VI, 49, 244, VIII, 244. Федоръ Курицынъ вѣроятно умеръ передъ тѣмъ, такъ какъ о немъ болѣе не упоминается.

4) Миллеръ, О направ. Іосифа Волоколамскаго, Журн. мин. народ. просвѣщ. 1868, февр. 540.



тору ю называетъ. «богопремудрымъ художествомъ» и «боговаученнымъ коварствомъ». Онъ согласенъ, что еретиковъ можно допускать къ причащенію, постѣ покаянія; но не *отступникамъ*. Еретикъ есть случайно зараженный, а отступникъ — упорный еретикъ, и потому не заслуживаетъ пощады; новгородскіе же еретики именно отступники. Вотъ способъ діалектики Іосифа для доказательства любимой мысли. Въ заключеніе Іосифъ убѣждаетъ защитниковъ гуманнаго обращенія съ еретиками поворотиться рѣшенію собора, иначе грозить отлученіемъ отъ причастія; потому что простые инокіи не облечены никакою церковною властію, и не должны рассуждать о соборномъ опредѣленіи <sup>1)</sup>. Среди этой борьбы написаны Іосифомъ 13—16 слова Про-

<sup>1)</sup> Хрущовъ, 194. Въ «Просвѣтителѣ» есть цѣлая страница о такъ называемомъ у Іосифа «коварствѣ божіемъ». Возражая еретикамъ, которые говорили, что воплощеніе Сына Божія, для спасенія рода человѣческаго, несогласно съ мудростію и силою Творца, который могъ спасти падашаго человѣка одною властію своею, а не «перехищреніемъ» діавола чрезъ воплощеніе; Іосифъ представляетъ рядъ *примѣровъ*, гдѣ Богу угодно было совершить дѣло не одною своею волею, но «перехищреніемъ». Господь могъ прямо передать богатство египтянъ въ руки евреевъ; но не сдѣлалъ такъ, а повелѣлъ Моисею перехитрить Фараона, чтобы онъ отпустилъ ихъ въ пустыню на три дня помолиться Богу, съ тѣмъ что они возвратятся. Развѣ не имѣлъ Богъ власти, чтобы открыто помазать на царство Давида? но онъ прежде перехитрилъ Саула: Самуилъ, возвратившись отъ Давида, на вопросъ Саула, куда ходилъ онъ, отвѣчалъ, что онъ приносилъ жертву. Развѣ не могъ Богъ открыто погубить Олоферна? а онъ «перехищреніемъ» устроилъ, что Юдиѣ погубила его. Развѣ не могъ Богъ явственно спасти дѣтей израильскихъ отъ убійства египтянъ и дать благословеніе Іакову? Между тѣмъ онъ не сотворилъ этого одною божественною властію, а «перехищреніемъ». Онъ повелѣлъ бабкамъ сказать Фараону, что жены еврейскія не такъ раждаютъ дѣтей, какъ египетскія, и перехитрилъ Фараона. Онъ умудрилъ Ревекку, чтобы благословеніе досталось вмѣсто Исава — Іакову... Такъ и теперь божественною премудростію и «перехищреніемъ» онъ спасъ человѣчскій родъ и освободилъ его отъ ада. И много есть подобныхъ въ священномъ писаніи «перехищреній и коварствъ», которыя сотворилъ самъ Богъ; а святые божіи, дѣлая по божественному повелѣнію, думали, что они творятъ не доброе, Богу же эти дѣла весьма угодно суть». Стр. 176—178. «Въ этихъ страницахъ, говоритъ профес. Миллеръ, такъ и слышится что-то въющее тѣмъ духомъ, который разрѣшился на западѣ орденомъ Іисуса». О направленіи Іосифа Вожюков. въ Журн. мин. народ. проsv. 1868, февр. 589.

святителями, которые должны были служить только разъяснением его ясной мысли о законности и необходимости преследования еретиков. Изъ 18 слова видно, что еретики въ свою защиту говорили почти тѣми же словами, какъ и законные возразители Иосифа. Защищая терпимость, еретики ссылаются на Евангелие («не осуждайте, да не будете сами осуждены») и Иоанна Златоуста. Иосифъ не отвергаетъ толкованія евангельскаго текста, но отсылаетъ за объясненіемъ его къ 39 слову Николая Черноторца, который собралъ въ одно цѣлое объясненія разныхъ отцовъ церкви. Особенно замѣчательно диалектическое направленіе Иосифа въ толкованіи Иоанна Златоуста. Златоустъ говоритъ: «не достойно *намъ* убивать еретиковъ». Иосифъ объясняетъ, что здѣсь сущность дѣла заключается въ словѣ *намъ*, которое относится къ епископамъ, священникамъ, монахамъ, и потому они не должны совершать наказанія сами; но это вовсе не значить, что не должны дѣлать того цари и судьи; въ такомъ случаѣ I. Златоустъ не сказалъ бы *намъ*. Иосифу необходимо было защитить свою ревность отъ нареканій еретиковъ, которые особенно нападали на монаховъ, говоря, что имъ не слѣдуетъ мѣшаться въ споры, такъ какъ они отреклись отъ міра и всего, что есть въ немъ; и что имъ нужно быть внимательными только къ себѣ, а не осуждать другихъ<sup>1)</sup>. Иосифъ защищаетъ право духовныхъ осуждать еретиковъ, по примѣру св. мужей; но по осужденіи они должны передавать виновныхъ въ руки гражданской власти для надлежащей казни<sup>2)</sup>.

Шестнадцатое слово представляетъ крайнее развитіе высказанныхъ Иосифомъ мыслей. Въ немъ Иосифъ трактуетъ объ обязанностяхъ гражданской власти относительно еретиковъ. Единственное средство противъ ихъ лжеученія—уничтожить ихъ самихъ, потому что покаяніе еретиковъ всегда бываетъ вынужденное, а не добровольное. Для боль-

1) Проовѣтитель, стр. 527, 550.

2) Здѣсь Иосифъ представляетъ нѣсколько примѣровъ изъ отношеній къ еретикамъ свѣтской и духовной власти: Моисей, Илія, Іуда Маккавей, противниковъ Божіихъ предавали мечу; царь Тосія такъ порекомендовалъ о царѣ, что велѣлъ даже выкопать кости умершихъ отступниковъ и сжечь ихъ, разсыпавъ прахъ по вѣтру. Ап. Петръ уничтожилъ волхва Симона молитвою; Іоаннъ богословъ молитвою потопилъ волхва; Филиппъ архіерея, хулившаго Ис. Хр., повелѣлъ потопить землѣ.

шаго убѣжденія у Иосифа всегда служить примѣру. *Примѣромъ* въ этомъ случаѣ могутъ быть дванадцать императоровъ: Феодоръ, Марціанъ, Юстиніанъ, Константъ, ввукъ, Ираклъ, которые отправляли еретиковъ въ темницы и ссылки и предавали проклятію. Ересь савиольская была уничтожена только тогда, когда всѣхъ ихъ ввергли въ темницы до конца жизни. Царства армянское, селаское и римское цюгдбли отъ ересей, по добротѣ тогданнихъ царей и епископовъ, которые будутъ осуждены за это на страшномъ судѣ. Наконецъ Иосифъ приводитъ назидательное наставленіе изъ постановленій *Богдантинца В.*, который повелѣлъ казнить мечомъ всѣхъ, кто не вѣритъ въ св. Троицу, и Юстиніана, опредѣлившаго еретиковъ предавать самымъ страшнымъ мученіямъ. Въ распространеніи ереси Иосифъ видитъ гибель отечества.

Полное терзательство Иосифа наступило только съ воцѣленіемъ на престолѣ Василія Іоанновича (1505), въ которомъ Иосифъ и его соросники видѣли втораго Константина, по его дѣйствіямъ противъ еретиковъ <sup>1)</sup>. Симѣянъ Василія въ Иосифу не замедли обнаружилъ: въ первые мѣсяцы новаго правленія братъ Иосифа — Василіанъ былъ архіепископомъ ростовскимъ. Онъ оказалъ большое содѣйствіе Иосифу. Преслѣдованіе еретиковъ заставило ихъ на нѣкоторое время иритихнуть. Но изъ многочисленъ послѣдователей ереси, о которыхъ говоритъ Иосифъ, набѣжаніе наказанія многимъ расказаніемъ рано или поздно должны были высказаться. Едва вступилъ на престолъ Василій, какъ Иосифъ уже насыпалъ его дѣломъ рядомъ новухъ послѣднихъ, убѣждая его — не вѣрять новаднію еретиковъ, которые въ древнія времена погубили много царствъ, а заключить ихъ на всю жизнь въ темницы, или казнить по примѣру прежнихъ царей, такъ какъ другимъ способомъ нельзя избавиться отъ этой заразы <sup>2)</sup>. Но въ 1511 г. скончался митр. Симонъ, поддерживавшій сторону Иосифа (по вопросу о вдовухъ подахъ, монастырскихъ имуществахъ и козенно затсательнѣ еретиковъ), а на его мѣсто былъ избранъ Варлаамъ, равностно принявшійся за исправленія въ церкви. Быть можетъ при его содѣйствіи былъ вызванъ въ Москву (въ Симоновъ монастырь) представитель скитскаго направленія (завольскихъ монастырей: вологодскихъ, блѣзерскихъ) и ученикъ Нила Сорскаго — *Василіанъ Косой* (Патрикѣль), вода

<sup>1)</sup> Посланіе къ Вас. Ив. Хрущову, 242, и посл. Макарія архіепископа новгор. Дополн. къ ист. акт. № 25.

<sup>2)</sup> Житіе Иосифа, Саввы Чернаго.

рый получилъ отъ митрополита порученіе заняться исправленіемъ церковныхъ правилъ. Конечно это говорить въ пользу начитанности Вассіана. Отчасти это обстоятельство, отчасти родство—сближеніе его съ вел. княземъ, противъ котораго онъ прежде дѣйствовалъ, когда былъ еще придворнымъ вельможею при Іоаннѣ III. Между Василиемъ и Вассіаномъ завелись частныя бесѣды <sup>1)</sup>, и Вассіану удалось, вмѣстѣ съ нѣкоторыми епископами, заступиться за преслѣдуемыхъ. Ободренные удачею, ихъ защитники стали громко и сильно порицать дѣйствія Іосифа, такъ что его біографъ даже не рѣшается передать всѣхъ выраженій о немъ <sup>2)</sup>. Впрочемъ не долго продолжался ихъ успѣхъ. Іосифу донесли, что одинъ изъ раскаявшихся еретиковъ, получивъ санъ священника, послѣ служенія бросилъ потиръ въ домашнюю печь (а жена его ушла на томъ мѣстѣ отрока, который погрозилъ ей за это вѣчнымъ огнемъ, послѣ чего отверзлась кровля избы и двѣ прилетѣвшія птицы унесли отрока на небо). Снова Іосифъ со всею силою ополчился противъ ложнаго покаянія еретиковъ, что произвело надлежащее впечатлѣніе на вел. князя, и онъ повелѣлъ всѣхъ ихъ заключить въ темницы на всю жизнь. Услышавъ объ этомъ, «Іосифъ воздалъ славу Богу», заключаетъ его біографъ <sup>3)</sup>.

Строгий систематикъ, какъ въ устройствѣ своего монастыря, такъ и въ борьбѣ съ ересью, Іосифъ умѣлъ сообщить тотъ же духъ и своимъ ученикамъ. Они были вѣрными блюстителями его мнѣній въ теченіе всего XVI вѣка, пока велась борьба съ остатками новгородскихъ еретиковъ. При жизни Іосифа было два такихъ случая. Съ разрѣшенія Іосифа, два его ученика—Нилъ Полевъ и Діонисій Звенигородскій удалились въ Бѣлозерскую пустыню, гдѣ сосредоточивалось оппозиціонное направленіе заволжскихъ пустынниковъ. Зная взглядъ Іосифа на удаленіе изъ мѣста постриженія <sup>4)</sup> и принявъ во вниманіе ихъ новое мѣсто-пробываніе, трудно согласиться, чтобы этотъ фактъ былъ случайнымъ. Очевидно Іосифъ наблюдалъ за своими противниками, хотя и не еретиками, но особенно защищавшими ихъ. Наме предположеніе тѣмъ бо-

<sup>1)</sup> Сказаніе о втор. бракѣ, Чтен. Моск. общ. ист. № VIII; Сухное дѣло Вассіана, ib. 1847, IX.

<sup>2)</sup> Житіе Саввы Чернаго, 36—37. Заступничество Вассіана объясняется также его прежнею дружбою съ Ѳеодор. Курицкимъ.

<sup>3)</sup> Житіе Іосифа, Саввы Чернаго.

<sup>4)</sup> См. выше, стр. 345.

ѣе подтверждается, что выходцы «іосифляне» действительно заимели себя усердіемъ къ Іосифу. Узнавши, что одинъ изъ пустынниковъ (Германъ) порицаетъ ихъ духовника за то, что онъ даетъ имъ причастіе, когда Іосифъ отлученъ Серапіономъ (архіеп. новгород.), а «іосифляне» за преслѣдованіе еретиковъ—Нилъ, «не стерпѣвъ шпѣваія совѣтниковъ Германа (т. е. заволжскихъ старцевъ), написавъ послѣднему два грозныхъ посланія въ защиту Іосифа, въ которыхъ по примѣру послѣднаго, упрекаетъ его за то, что онъ *молитва*—простой чернецъ, необлеченный саномъ, посмѣлъ порицать епископовъ и *молитва* всѣхъ—митрополита, противившихъ Іосифа (по дѣлу съ Серапіономъ) и привнавшихъ необходимость казни еретиковъ<sup>1)</sup>. Въ другой разъ Іосифу данъ знать Діонисій, что у скитниковъ онъ открылъ ересь: прійдя съ однимъ попомъ въ келлію пустынника, они увидѣли у послѣднаго крестъ подъ постелею; другой же пустынникъ читалъ *книгу*, и когда увидѣлъ приближающагося Діонисія (значить существовали подозрѣнія противъ него),—бросилъ ее въ огонь<sup>2)</sup>. Іосифъ немедленно сообщилъ объ этомъ своему брату Вассіану, который былъ тогда въ Москвѣ, а послѣдній доложилъ вел. князю. Василій Іоанновичъ, призвавъ Вассіана Косаго, защитника заволжскихъ пустытниковъ, сказалъ ему: «хорошо-ли дѣлають твои пустынники»? На это Вассіанъ отвѣчалъ: «грамота написана съ лукавствомъ; въ ней все солгано». Онъ просилъ допросить попа; попа пытали, но тотъ подтвердилъ написанное. Видно однако, что вел. князю надоѣли эти столкновенія. Онъ разсердился на доносчиковъ—Діонисія и Нила, велѣлъ съечь ихъ келліи а самихъ перевести въ Кирилловъ монастырь<sup>3)</sup>. Но этотъ случай послужилъ новымъ поводомъ въ борьбѣ между «іосифлянами» и ихъ противниками. Вассіанъ снова вступилъ въ полемику съ Іосифомъ, въ которой упрекалъ послѣднаго за то, что онъ въ осужденіи еретиковъ руководствовался ветхимъ завѣтомъ, который противенъ Богу, и, вы-

1) Отношенія инокъ Кирил. и Іосиф. монаст. Прибавл. къ Твор. св. отц. годъ IX, вѣ. 3, стр. 522—26. Хрущовъ, 238.

2) Этотъ примѣръ показываетъ, какъ еретики возбуждали интересъ въ чтенію. У нихъ были собранія книгъ. Купецъ Кленовъ былъ заточенъ въ Іос. монаст. съ *книгами*; чернецъ Захаръ возбуждалъ къ ереси своими посланіями. Конечно писали и другіе; но всѣ ихъ сочин. вѣроятно погибли во время преслѣдованій, и потому мы знакомы съ ересью только по описаніямъ обличителей, не всегда вѣрнымъ.

3) Ibid.

Када изъ основаній Евангелія, проводить идею терпимости къ другимъ. Разбирая мнѣнія Іосифа, онъ угодобляетъ его Навату, который также отвергалъ покаяніе еретиковъ <sup>1)</sup>. Этого мало: Вассіанъ, встрѣчаясь съ «іосифлянами», открыто оскорблялъ ихъ, называя по іосифовски «отступниками». Привыкнуши обращаться къ власти, Іосифъ писалъ въ Москву, къ своимъ покровителямъ (Челядину), жалуясь на Вассіана и упрашивая доложить объ этомъ вел. князю, чтобы тотъ защитилъ его отъ порочной Вассіана. Вместе съ тѣмъ Іосифъ выражаетъ снова надежду на рѣшительный шагъ вел. князя противъ еретиковъ <sup>2)</sup>. Известно также, что Іосифъ выступилъ съ отдѣльнымъ сочиненіемъ противъ Вассіана, въ которомъ разбираетъ его сомнѣнія относительно ветхаго завета и его мнѣніе о безконечномъ милосердіи Бога, который простиетъ единашево, какъ еретиковъ, такъ и отступниковъ, называемыхъ у Вассіана, за ихъ страданія, — мучениками. Систематически развивавшійся антагонизмъ двухъ направленій разрѣшился наконецъ тѣмъ, что Іосифъ запретилъ своимъ ученикамъ имѣть сообщеніе съ учениками Нила и Вассіана, а послѣдній «іосифляне» не пускалъ даже въ свою келію. И въ то время, какъ ученики Іосифа еще при князѣ величали его единымъ и чудотворцемъ—Вассіанъ подводитъ эти качества подъ заглавіе 43 главы Нильона Черногорца, о ложныхъ чудесахъ: «это бѣсовскія чудеса и знаменія, говорится тамъ, и намъ не слѣдуетъ въ нихъ вѣрять» <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Полемич. соч. Вассіана, Прав. соб. 1863 г.

<sup>2)</sup> Хрущовъ, 246.

<sup>3)</sup> Полемич. сочин. Вассіана, Прав. соб. 1863, III, 200—210. Судное дѣло Вассіана, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № IX, 10. Ср. выше, стр. 87—92. Личность Вассіана заслуживаетъ вниманія. Въ мѣрѣ онъ назывался Василіемъ Ивановичемъ Патриіевымъ. По своему происхожденію онъ былъ потомокъ Гедимина. Сынъ послѣдняго, Наримундъ, получилъ отъ Новгорода (1333 г.) въ удѣлъ нѣсколько городовъ: (Ладугу, Орѣховъ, Кексгольмъ и друг.), которые послѣ него перешли къ его сыну Патрикію, вступившему на службу къ вел. кн. моск. Василію Дмитріевичу. Юрій Патриіевичъ женился на дочери Василія—Ангѣ и былъ главнымъ воеводою при Василіѣ Темномъ, а Иванъ Юрьевичъ Патриіевъ занималъ важное мѣсто при дворѣ Іоанна III. Такимъ же уваженіемъ пользовался и сынъ его Василій, который отличался воинскими способностями и прославился въ битвѣ подъ начальствомъ Даниила Щели. По случаю сватовства дочери Іоанна—Елены, за литов. князя Александра, Василій участвовалъ въ посольствѣ вмѣстѣ съ Сем. Рязиловскимъ и Фед. Курицынымъ, фамилія которыхъ были въ родствѣ съ Патриіевыми. Но какъ сторонники Дмитрія въ вопросѣ о престолонаслѣдіи

Въ такихъ противоположныхъ заключеніяхъ приходили лица, пользовавшіяся въ своей борьбѣ однимъ и тѣмъ же источникомъ.

Натриажевы приговорены были къ смерти, и только заступничество <sup>(1939.)</sup> митрополита Симона и нѣкоторыхъ епископовъ замѣнило ее монастыремъ. Отецъ былъ послѣженъ въ Троицкомъ, а сынъ, съ именемъ Вассіана, — въ Кирилло-Бѣлозер. монастырѣ, вблизи котораго жилъ Нилъ Сорскій. Здѣсь Вассіанъ усвоилъ себѣ его взгляды на монашескую жизнь, а богатая библиотека Бѣлозерскаго монастыря доставила ему обширный материалъ для книжнаго образованія. Изъ Новгорода еретическое направленіе легко распространилось на сѣверъ и сосредоточилось между прочимъ около Бѣлозера. Эти толки возбуждали напряженную внешнюю дѣятельность въ тамошнемъ монастырѣ. Замѣчательно, что здѣсь кроветлется оппозиція «юсифлянамъ», и здѣсь въ послѣдствіи обнаруживается ересь Θεодосія Косаго. Самъ Вассіанъ, подъ вліяніемъ еретическихъ толковъ, сталъ слѣдить за современными мнѣніями. Въ Бѣлозерскомъ монаст., а потомъ въ Симоновскомъ, онъ задумывался надъ однимъ мѣстомъ толковаго Евангелія (о Самарянахъ): «тварь поклоняется твари». Очевидно это мѣсто отнеслось къ словамъ Иисуса Христа, обращеннымъ къ самарянамъ: «Вы не знаете чему кланяетесь, а мы знаемъ, чему кланяемся»; потому что, на основаніи этой бесѣды, въ толковомъ Евангеліи Иисусъ называется «тварью». Можно думать, что это была одна изъ книгъ, имѣвшихъ значеніе у еретиковъ и можетъ быть заключала въ себѣ собраніе толкованій древнихъ еретиковъ, помѣщенныхъ рядомъ съ опроверженіями церковныхъ писателей. Для еретиковъ же бесѣда Иисуса съ самаряною могла имѣть значеніе и потому еще, что въ ней проводится идея о поклоненіи Богу «духомъ и истиною». Другое мѣсто, занимавшее Вассіана, касалось опять современныхъ споровъ. Одни говорили, что Богъ, сказавъ: «сотворимъ человека по образу нашему» — относилъ это къ себѣ; а другіе видѣли въ этомъ ветхозавѣтномъ текстѣ указаніе на Троицу. Въ послѣднемъ смыслѣ «понималъ» Иосифъ Волоколамскій, а Вассіанъ принималъ первое мнѣніе. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что споръ съ Вассіаномъ велъ ученіе Иосифа — Досноей. Въ третьемъ пунктѣ уже ясно высказалась борьба лицъ, принадлежащихъ къ двумъ противоположнымъ лагерямъ. Досноей доносили, что Вассіанъ однажды говоритъ ему: «какъ мой Иосифъ писалъ, что на семи соборахъ отцы святыи Духомъ писали; мой старецъ Нилъ того не писалъ». Конечно Нилъ Сорскій не могъ говорить того, что здѣсь ему приписывается, а Вассіанъ вообще отрицалъ показанія Досноей, которыя были слѣдны въ видѣ обвиненія долго спустя послѣ бесѣды его съ Вассіаномъ. Правда, Вассіанъ обвиняли еще въ непочтении св. Меларія Колявинскаго и митр. Ионы; но они канонизированы были только при митр. Маларіѣ, а до тѣхъ поръ имъ поклонялись, какъ и многимъ другимъ, которые заочно до канонизаціи удостоивались общаго уваженія. Изъ мнѣній Вассіана видно только, что еретическое движеніе выдвинуло на видъ

И. П. В.

отъ митр. Ионы  
до канонизаціи

Едва ли можно согласиться, чтобы Геннадій, въ своихъ требова-  
 нияхъ казни еретиковъ, увлекся однимъ примѣромъ испанскаго

критику религиозныхъ вопросовъ, которая, при недостаткѣ догматиче-  
 скаго знанія, нерѣдко приходила къ отрицательнымъ результатамъ, хотя  
 сами лица, раздѣлявша ихъ, не всегда считали себя непременно про-  
 тивниками господствующаго ученія. Притомъ было много вопросовъ, ко-  
 торые соприкасались между собою. Нилъ Сорскій, съ точки зрѣнія еван-  
 гельской нищеты, отрицательно относился къ порядку общежительныхъ  
 монастырей, а еретики, строго опираясь на Евангеліе, — отрицали даже  
 ихъ необходимость. Еретики, защищая себя, проповѣдывали терпимость  
 мнѣній; а послѣдователи Нила Сорскаго, строго держась евангельскихъ  
 правилъ, настаивали на всепрощеніи. Вассіанъ же ясно заявилъ себя  
 противникомъ духа ветхаго заветъ и потому никакъ не можетъ подойти къ  
 тому направленію, которое Іосифъ называетъ «жидовствующимъ», и под-  
 которое подводили Вассіана на судѣ. Вассіанъ до конца остался въ-  
 ренъ Нилу. По смерти послѣдняго онъ покровительствовалъ его смиту.  
 Максимъ Грекъ и Курбскій, строгіе послѣдователи догматическаго уче-  
 нія — вполне благоволяли къ Вассіану, который приписывалъ даже Ма-  
 ксиму влияние на утвержденіе въ немъ прочныхъ религиозныхъ понятій  
 («мы Бога познали Максимомъ и его ученіемъ»); въ пустынь онъ велъ  
 строгую жизнь (Курбскій); ему митр. Варлаамъ поручаетъ исправить  
 церковныя постановленія и слѣдить за переводчиками при Максимѣ  
 Грекѣ; онъ былъ постояннымъ собесѣдникомъ Василія Іоанновича, стро-  
 гато преслѣдователя еретиковъ. Не забудемъ, что и Максимъ Грекъ  
 былъ объявленъ еретикомъ. Конечно причиною, какъ въ обвиненіи по-  
 слѣдняго, такъ и въ нападкахъ на Вассіана, было то, что они, въ сво-  
 ихъ взглядахъ на религиозные вопросы, расходились съ понятіями гос-  
 подствующаго направленія и задѣвали существующій порядокъ вещей.  
 Родственное отношеніе съ Оед. Курицынымъ, посольскія обязанности,  
 заставлявшія соприкасаться Вассіана, съ иностранцами, и современное  
 движеніе — должны были оказать влияние на мнѣнія Вассіана. Его пре-  
 жняя политическая дѣятельность и послѣдовавшая за тѣмъ неудача раз-  
 вили въ немъ рѣзкость тона и непримиримую антипатію къ противни-  
 камъ. Переводчики опасались его «какъ великаго временнаго человека».  
 Обширное литературное движеніе оказало на Вассіана также свое влия-  
 ніе: въ его церковныхъ правилахъ мы встрѣчаемъ выписки изъ Гомера,  
 Платона, Аристотеля и др. греческихъ писателей, вѣроятно замѣсто-  
 ванныя изъ тогдашнихъ сборниковъ. Это опять показываетъ, что кру-  
 жокъ Курицына оказывалъ влияние на общество своими умственными  
 интересами, а вовсе не «жидовствомъ», котораго не потерялъ бы само  
 себя и самъ Іоаннъ III, а тѣмъ болѣе его преемникъ. При томъ осто-  
 точенная борьба должна была наломать много темныхъ тѣней на об-  
 враждующія стороны. Устряловъ, Сказ. кн. Курбскаго, 4, 5, Сказаніе о  
 втор. бракѣ, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № VIII, Судное дѣло Вассіана, ib.,  
 № XI. О рус. пропов. XV и XVI в. Ж. М. Н. проsv. 1868, февр. 864.)



*Исторический*

короля. Какъ у него, такъ и у Иосифа, уже существовали мотивы, сочувственные дѣйствіямъ послѣдняго. Еще до свиданія съ «цесарскимъ посланцемъ» Геннадій хлопоталъ объ «очищеніи русской земли». Разсказъ носла только пробудилъ въ немъ надежду подѣйствовать на вел. князя принципаль такого громаднaго учрежденія, какое устроилъ Фердинандъ. А у Иосифа не видно и этого вліянія <sup>1)</sup>. Къ этимъ двумъ голосамъ въ послѣдствіи присоединился еще голосъ Максима Грека, представляющаго противоположность съ ними по другимъ вопросамъ. Видя остатки прежней ереси, Максимъ Грекъ написалъ «совѣтъ къ православному собору». Здѣсь онъ прежде всего представляетъ рядъ примѣровъ ревности по вѣрѣ (Моисея, повелѣннаго убить всѣхъ, уклонившихся къ идолослуженію; Финееса, умертвившаго 23,000 «ради одного грѣха блуднаго»); не забываетъ и Льва еп. катанскаго (предавшаго сожженію волхва Геліодора), цитируемаго Иосифомъ. За тѣмъ, обращаясь къ собору, онъ совѣтуетъ подражать «древнимъ ревнителямъ» и предать виновнаго (Исаака) въ руки гражданской власти <sup>2)</sup>. Такимъ образомъ «совѣтъ» Максима Грека вѣетъ тѣмъ же духомъ, которымъ проникнуты посланія Геннадія и Просвѣтитель Иосифа.

Различіе между заволжскимъ направленіемъ и стремленіями «иосифлянъ» объясняется ихъ основными источниками. Послѣдователи Иліи Сорскаго стоятъ на евангельской точкѣ зрѣнія и другой не признаютъ, а Иосифъ Волоколамскій и Максимъ Грекъ руководствуются и ветхимъ заветомъ, и древними примѣрами, которые у нихъ служатъ надежною

<sup>1)</sup> Исслѣдователи этого вопроса находятъ признаки нетерпимости еще въ древнѣйшемъ періодѣ. Такъ, у Θεодосія Печерскаго встрѣчается мысль, что, прощая своимъ врагамъ, мы не въ правѣ прощать врагамъ божіимъ. Существовало и эпическое представленіе Бога земнымъ владыкою, отсюда слѣдовало понятіе о врагахъ божіихъ, какъ о супротивномъ воинствѣ. (Миллеръ, О направленіи Иосифа Волокол. 539). Митр. Никифоръ (XII в.), разсматривая дѣятельность душевныхъ силъ, говорить, что вторая изъ нихъ—чувство проявляется въ ревности по Богѣ, а при неправильномъ употребленіи обпаруживается въ злобѣ, зависти и т.п. Такъ, Каинъ злоупотребилъ чувствомъ и по зависти убилъ брата своего Авеля; а Моисей, Финеесъ и Илія ревновали по Богѣ, когда первый убилъ египтянина, второй—иноплеменницу, согрѣшившую съ изральтяниномъ, третій—жрецовъ Ваала. Убиваютъ и разбойники, но по злобѣ и своекорыстію. (Русск. Достопамят. I, посл. къ Влад. Моном. о постѣ; Макарій, II, 158).

<sup>2)</sup> Сочиненія Макс. Грека, I, 51.

опорой для подтверждения основной мысли. Въ осужденіяхъ поствѣдователей Македонія, Несторія, Оригена и др. <sup>1)</sup> уже были приложены тѣ принципы, которые провоздѣтъ Іосифъ и Максимъ; а въ постановленіяхъ Константина, Θεодосія В. и Юстиніана была разработана новая теорія «градскихъ» законовъ, на которые ссылается онъ: защита лица религіозной чистоты. (Іосифъ обыкновенно ссылается на ирравія древнихъ отцовъ и соборовъ и на новеллы Юстиніана. Слова 12 и 13.) Отсюда ясно, что видѣть съ «градскими» законами въ Россію должно было проникнуть и принципъ гражданской казни еретиковъ.

Но, ведя борьбу преимущественно противъ «жидовствующихъ», Іосифъ весь углубился въ изученіе ветхаго завѣта и внолнѣ проникая его духомъ. «Духъ Библии имѣлъ на него сильное вліаніе; на Библию воспитала его строгость своихъ приговоровъ и пророческую ревность о Богѣ» <sup>2)</sup>. Законъ возмездія за отступленія такъ укрѣпился въ Іосифѣ, что онъ для большей убѣдительности указывалъ на бѣдствія, постигавшія современныя отступниковъ <sup>3)</sup>; а его ученики на столько усвоили этотъ мотивъ, что въ біографіяхъ Іосифа представляютъ даже примѣры бѣдствій, постигавшихъ его противниковъ <sup>4)</sup>, какъ-бы въ наказаніе за «претиводѣйствіе ему».

Въ связи съ рассмотрѣнною нами борьбою Іосифа стоитъ вопросъ о по-пастыряхъ. Еще въ началѣ XIV в. новгородскій протопопъ Савѣ съ такимъ рвеніемъ проповѣдывалъ противъ мощества, что многіе оставили монастыри и вступали въ бракъ <sup>5)</sup>. Стригодинки, отрицающія видѣнную сторону религіи, включали сюда и монашество. Постѣдователи новгородскихъ еретиковъ отвергали монашество, какъ учрежденіе чело-вѣч-

<sup>1)</sup> Калачовъ, о Коричей, стр. 76. Эти опредѣленія помѣщались обыкновенно въ Коричейхъ.

<sup>2)</sup> Хрущовъ; V.

<sup>3)</sup> Смерть еретиковъ у него описывается ужасными красками: «скверное сердце адова пса (Истомы), жилище семи духовъ, сгнило и чрезъ себѣ прогнило». Попъ Денисъ, посланный въ заточеніе, цѣлый мѣсяць пробылъ «возлогласуя и испуская гласы звѣрскіе, скотин всякихъ птицъ и гадовъ,—такимъ образомъ извергъ скверную и еретическую душу свою». Просвѣтитель, предисловіе.

<sup>4)</sup> Недоброжелатели Іосифа, несочувствовавшіе его дѣйствіямъ, по-рицатели его сочиненій и его ученики, оставившіе обитель,—всѣ потерпѣли должное возмездіе «отъ Бога и государя», говорятъ біографы Іосифа.

<sup>5)</sup> Татищевъ, IV, 95. Нивопов. III, 135.

ему второе: противно Евангелію, и въ подтвержденіе своей мысли при-  
 едали доказательство, что Іисусъ, апостолы и первые отцы церкви не  
 считали монашество своимъ примѣромъ. Воздержаніе же отъ мяса и  
 воздержаніе отъ еретиковъ; на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ свянц. писанія,  
 считали даже противнымъ Богу и потому осуждали. Насколько этотъ во-  
 просъ близокъ былъ Іосифу, какъ истинному монаху, видно изъ того,  
 что слово, посвященное опроверженію мѣстнй еретиковъ, поэтому пред-  
 мету одно изъ самыхъ пространныхъ, раздѣлено, по пунктамъ, на че-  
 тыре главы и отличается строгою последовательностью. Здѣсь ничто не  
 забыто: даже одежда монаха объясняется символически, какъ внѣшній  
 признакъ отршенія человека отъ мірскихъ дѣлъ. Свѣдѣніа Іосифъ слѣ-  
 дить исторически за развитіемъ преимущественно значенія дѣвства и  
 отшельничества (Мелькиденъ; Илія, Елисей, Іеремія, Даниїль, ессены,  
 дѣвство Маріи; мученіе аскетовъ, оставленіе своихъ семействъ), ко-  
 торое по своему обновленію, оно подтверждаетъ множественность  
 примѣровъ. Онъ согласенъ, что можно усовершенствоваться и въ мірѣ,  
 но не видѣть. Это доказываетъ тѣмъ, что никто изъ мірянъ, крокъ  
 апостоловъ, не совершилъ чудесъ, а вѣдѣстнѣйшіе дѣтели церкви всѣ при-  
 надлежали къ монашеству. Богъ повелъ на 6 соборѣ положить, чтобы  
 епископы не нѣтъ ни женъ, такъ какъ бывшіе до тѣхъ шоръ не совер-  
 шили ничего замѣчательнаго <sup>1)</sup>.

Но этотъ же Іосифъ даетъ матеріалъ для оцѣнки другой стороны  
 вопроса. Его «Сказаніе объ отцахъ, бывшихъ въ русскихъ монастыряхъ»,  
 представляетъ намъ ожесточенную борьбу, возникшую въ русскихъ  
 монастыряхъ между защитниками древнихъ уставовъ и ихъ нарушителями  
 2). Жалобы на упадокъ монастырской жизни замѣтно усили-  
 ваются съ конца XV и въ XVI вв. 3). Изъ нѣкоторыхъ примѣровъ ви-  
 дно, что паденіе монастырскихъ уставовъ совершалось постепенно.  
 Борьба въ Кирилловскомъ и началась вскорѣ по смерти его основа-  
 теля; но, при помощи удѣльнаго князя, защитникамъ преданія удалось

<sup>1)</sup> Просвѣтитель, слово XI

<sup>2)</sup> Дѣтоп. Археогр. комис. вып. II. Іосифъ говоритъ о борьбѣ  
 въ монастыряхъ: Кирилловскомъ, Симоновскомъ, Саввиномъ—тверскомъ.  
 Сюда же слѣдуетъ присоединить борьбу Іосифа въ Пафнутаевомъ мо-  
 настырѣ; Пансія и Артемія въ Троицкой лаврѣ, Феодорита Кольскаго  
 въ Кольскомъ и Спасо-Евфиміевскомъ мн. (жизніе Іос. Волок. и Курбскій,  
 Исторія Іоанна).

<sup>3)</sup> Магарій, Ист. церк. IV, 224—226, наше издѣд. «Максимъ  
 Грекъ, гл. IX.

отстоять неприкосновенность устава, и еще Юсифъ, стремившійся по монастырямъ, ставить въ образецъ этотъ монастырь, на ряду съ Чудовскимъ (1478 г.); но въ половинѣ XVI вѣка Іоаннъ Грозный представляетъ оба монастыря въ примѣръ наденія монастырской жизни и присоединяетъ къ нимъ еще—Симоновскій («только не одеждѣ иноки, а все дѣлають по мірскому»), Троицкій («благочестіе изсякло») и Сторожевскій («до чего дошли! уже небыти и затворить монастыря; на трапезѣ трава растеть») <sup>1)</sup>. Феодоритъ (игум. Кельск. и Спасо-Ево. м.), Паясій, Артемій (Троиц. игум.) и Юсифъ Волоколамскій (игум. Пафнут. м.) должны были совсѣмъ оставить монастыри, въ которыхъ они начальствовали, потому что не могли возвратитъ монаховъ къ прежней жизни. Причинами такого порядка вещей слѣдуетъ признавать, какъ нравственные мотивы, которые понятны сами собою, такъ и социальныя условія того времени. Тяжелыя общественныя отношенія, при обезпеченности монастырской жизни и легкости поступленія въ монастырь, значительно содѣйствовали распространенію монашества. Оттого множество монаховъ сосредоточивалось по преимуществу въ нѣкоторыхъ городахъ; такъ какъ городскіе монастыри не представляли такихъ неудобствъ, какъ пустынные <sup>2)</sup>. Очевидно, что эти лица были далеки отъ той жизни, которая требовала переносить много лишеній. Далѣе, въ тому же результату приводили политическія обстоятельство. Вмѣстѣ съ образованіемъ Московскаго государства увеличивались государственныя потребности, которыя тяжело лежали на народѣ, и потому монастыри въ значительномъ количествѣ стали наполняться изъ низшаго класса. Конечно здѣсь рѣчь идетъ о монастырскомъ населеніи вообще, а не объ основателяхъ пустынь (см. выше, стр. 120), и притомъ по преимуществу съ исхода XV вѣка. Петръ В. говоритъ (о позднѣйшей эпохѣ), что тогдашніе монахи были почти всѣ изъ *поселянъ* <sup>3)</sup>. Этотъ элементъ вносилъ въ монастырскую жизнь грубость нравовъ <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Акты историч. I № 204. Посл. въ Бѣлозер. монастырь.

<sup>2)</sup> Во время моровой язвы въ Новгородской области (1467), въ одномъ Новгородѣ было собрано (конечно и изъ окрестныхъ монастырей) 7,650 труповъ монаховъ и монахинь; въ старой Русѣ 1,300 монаховъ. Журн. мин. нар. просв. 1868 г. февр. 354. Въ первой половинѣ XVI в. въ Троицкой лаврѣ было 3000 монаховъ (Олеарій); между тѣмъ во второй половинѣ XVI ихъ было только 700 (Флетчеръ).

<sup>3)</sup> Полн. собр. закон. № 4,450.

<sup>4)</sup> «Я видѣлъ, говорятъ Іоаннъ Грозный, по четкамъ маѣ, а по лапкамъ лапкамъ, что въ тѣхъ четкахъ?» Акт. истор. I, № 204. О разныхъ сценахъ въ

Съ другой стороны, вмѣстѣ съ развитіемъ Московскаго государства и возникновеніемъ его борьбы съ боярствомъ—замѣчается значительное количество политическихъ пострижений, въ слѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ монастыряхъ рѣзко выдѣляется боярскій элементъ (см. выше стр. 245). Монахи-бояре, при томъ невольнo постриженные, конечно не оставляли своихъ обычаевъ и въ монастыряхъ. Они пробавлялись по веліямъ «постылами, коврижками и пряными овощами»; за монастыремъ держали дворы, гдѣ помѣщались всякіе запасы на цѣлый годъ, а ихъ мірскіе пріатели доставляли имъ и «фрижскія (иностранная) вина». Шереметьевъ, замѣчаетъ Іоаннъ Гривный, сидитъ въ велии, какъ царь <sup>1)</sup>. Эти лица требовали себѣ льготы и давали чувствовать свое происхожденіе. Пансій Ярославовъ оставилъ игуменство въ Троицкомъ монастырѣ потому, что не могъ исправить монаховъ; а не могъ исправить потому, что тамъ были князья и бояре, которые не хотѣли повиноваться. Они задумывали даже убить его <sup>2)</sup>.

Отступленія отъ монастырскихъ порядковъ болѣе всего обнаруживались въ многолюдныхъ и богатыхъ монастыряхъ. Здѣсь монахи пользовались болѣе разнообразною и вкусною пищею <sup>3)</sup>; ихъ одежда постепенно утратила прежнюю простоту: вмѣсто самодѣльнаго сукна появились шелковыя ткани и мягкія платья, подбитыя у нѣкоторыхъ соболемъ; монастырскія зданія приняли видъ каменныхъ палатъ, внутри украшенныхъ узорами, золотыми карнизами и пестрыми красками <sup>4)</sup>. Въ большихъ монастыряхъ—монахи стали уклоняться отъ об-

монастыряхъ см. Сказаніе Іосифа объ отцахъ, бывш. въ русск. монаст. Лѣтоп. Археогр. ком. II. Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, III, 15. Соловьевъ, IX, 494—499. Грамоты въ Саввин. монаст. о назначеніи Никитѣ (Алекс. Михайл.), Запис. рус. и слав. археолог. II, 684—698.

<sup>1)</sup> Ibid.

<sup>2)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. VI, 236.

<sup>3)</sup> На обѣдъ и ужинъ монахамъ (въ XVI в.) подавали: пшеничный хлѣбъ, разныя ботвинья, уху, молочныя кушанья, пироги съ яйцами и сыромъ, куличи, лососну, семгу, икру, осетрину, судаки, лещи, разныя кисели, съ медомъ и молокомъ, ягоды, изюмъ, орѣхи. Изъ напитковъ медъ, пиво, вино. По словамъ пр. Филарета, уклоненіе отъ древнихъ уставовъ выразилось особенно въ томъ, что икра и рыба стали допускаться по субботамъ и воскресеньямъ вел. поста. Истор. церкви, III, 164, Уставы Тихвин. и Троицкаго монаст. Азты истор. I, № 135.

<sup>4)</sup> Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, III. Соч. Макс. Грека, II, 260—276 и Бесѣда ума съ душею.

пей трапезы и обзаводиться своимъ хозяйствомъ: у иеретиковъ можно было найти въ келіяхъ по 1000 сребренецъ и болѣе 1). Пржежнюю монастырскую тишину смѣнили широкіе прѣсы и угонщина, приготовляемые для друзей пѣть мирянь. Но склонность къ допотопу не ограничивалась монастырскими стѣнами: обряды и правдивыя мѣрныя въ свою очередь не обходились безъ участія монаховъ 2). Защитники скитской жизни видѣли главную причину этихъ уклоненій въ существованіи монастырскихъ вотчинъ. Дѣйствительно мы имѣемъ множество примѣровъ, что монастыри всеми способами старались расширить свою территорию. Они хлопотали, чтобы умирающіе записывали свои имущества на монастыри; входили съ частыми просьбами: къ правительству о пожалованіи новыхъ земель; присоединяли къ себѣ соседнія владѣнія; составляли отъ себя акты въ пользу монастыря на шестидесять, умершихъ безъ завѣщанія; маломощъ дѣйствовали на многихъ доводами и поговорами разныхъ мѣстъ пѣть отцовъ церкви, а шербѣдкѣ вносили въ книги подъ иль именемъ такія правила, какіхъ вовсе не было въ ихъ твореніяхъ 3). Эти хлопоты о богатствѣ таеъ возбудили представителя смитскаго маправленія—Нила Сорскаго, иго отъ насильнаго обладательнаго сочиненія о монахахъ, страстующихъ для собранія богатства 4).

Поземельное владѣніе въ то время было самымъ надежнымъ обезпеченіемъ, а доходы монастырей изъ этого источника составляли значительный процентъ въ сравненіи съ общимъ государственнымъ доходомъ 5). Но къ этому слѣдуетъ еще присоединить до

1) Эпигоній, Истинныя показаніе.

2) Лѣты истор. I, № 204.

3) Подроб. съ указан. источник. въ нашемъ изслѣд. «Маленькія Греки», II, 267—269.

4) Опис. Рум. муз. 628; Царскій, № 274.

5) На стр. 159 мы представили общій поземельный доходъ въ 824,599 руб., соотвѣтственно съ цифрою крестьянъ, основывался на данныхъ относящихся къ Троиц. маврѣ. Но приведенная цифра еще не даетъ полнаго представленія. Если даже предположить, что территория Троиц. м. не распространялась съ XVI до XVIII, в., то принимая во вниманіе процентъ возрастанія населенія на  $\frac{1}{3}$  въ столѣтіе, для XVI вѣка изъ 100,000 (106,600) челоуѣкъ (XVIII в.) получится только 65,000 (но вѣдь территория его въ XVI в. была менѣе обширна нежели въ XVIII, слѣд. и населенія было менѣе), которые даютъ дохода, по Флетчеру, 100,000 р. (а не 100,000 чел. какъ мы взяли для примѣра, желая по возможности быть умѣренными). Сдѣлавъ же надлежащее вычисленіе на-

ходъ отъ предпринятыхъ операцій и множество частныхъ пожертвованій<sup>1)</sup>.

Монастырская обстановка свидѣтельствовала о значительныхъ богатствахъ монастырей<sup>2)</sup>. Конечно не всѣ въ нихъ могли одинаково

сѣленія дѣя предыдущихъ столѣтій, на основаніи данныхъ XVIII в., мы полагаемъ, что въ XVI вѣкѣ (по предложенному только-что разсчету) 527,724 чел. приносило доходу до 800,000 руб.; въ XVII в. 659,580 чел. — 900,000; въ XVIII же в. 824,599 ч. — 1,200,000 руб. Впрочемъ только часть доходовъ монастыри собирали деньгами; остальное доставлялось натурою и потомъ уже сбывалось посредствомъ торговли. Натуральный же взносъ (см. стр. 159. примѣч. 2) предполагаетъ эту цифру еще выше. При всѣхъ денежныхъ разчетахъ слѣдуетъ помнить значеніе тогдашней монеты; стр. 159, пр. 4). Въ концѣ XVII в. весь государственныи доходъ равнялся 1,750,000 р., а въ 1710 г. 3,834,418 руб. Голицыновъ, Дѣян. Петра В. VIII, 525. Соловьевъ, XVI, 44.

<sup>1)</sup> Ср. цифры, показанныя на стр. 134, 150, 158, 162, 163, 166. Что касается пожертвованій на помянь и др. религиозныя потребности, то нѣтъ возможности представить даже приблизительною ихъ цифру. Въ обиходѣ Волоколамскаго м. за все XVI столѣтіе записано только 4,000 р., а о большихъ вкладахъ не считали нужнымъ упоминать, потому что они велики (напр. Иоанна Грознаго, Скуратова). Чтен. Моск. общ. истор. 1863, IV. Между тѣмъ жертвы Иоанна Грознаго всегда записывались въ синодальн., что necessariumъ безъ вкладовъ. Его сынъ — Иоаннъ пожертвовалъ въ Бѣлозерскій м. 1,000 р. Богатые постриженники, при поступленіи въ монастырь, давали по 300 и 400 руб., а нѣкоторые и до 1000, не считая земель. Есть извѣстіе, что въ XVI в. даже не принимали никого безъ вклада, и потому, по религиознымъ побужденіямъ, богачи считали необходимымъ помогать несостоятельнымъ. (Pletcher, II, 95, 96). Каждое придворное торжество (свадьбы, крестини) или печальное событіе (похороны) не обходилось безъ пожертвованій на монастыри. Въ такихъ случаяхъ, говоритъ Котошихинъ, денегъ расходится множество тысячъ (вмѣстѣ и виницы). За погребеніе высшее духовенство получало изъ казны 60—100 р., настоятели монастырей 30—50, остальные участвующія лица—5—20 р.; глава I.

<sup>2)</sup> Сохранившіяся описъ Бѣлозерскаго монастыря (полов. XVII в.) наглядно представляетъ намъ эту сторону монастырскаго быта. Въ ней описано 63 образа сребряныхъ, вызолоченныхъ и золотыхъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями: яхонтомъ, жемчугомъ, ладами, бирюзой, топазомъ, изумрудомъ, алмазомъ и т. п., въ ризахъ съ подобными же украшеніями и увѣшанныхъ разными мелкими дорогими вещами; 457 образовъ — сребряныхъ или вызолоченныхъ; 50 образовъ, покрытыхъ золотомъ; 20 золотыхъ стихарей, до 60 атласныхъ и бархатныхъ ризъ, до 30 ризъ, усаженныхъ дорогими камнями; 20 пеленъ, усаженныхъ жемчугомъ; 8 жемчужныхъ поясовъ; до 90 церковныхъ вещей (сосудовъ, подсвѣчниковъ и т. п.) золотыхъ и серебряныхъ; болѣе 30 книгъ, украшенныхъ въ золото и серебро и увѣшанныхъ камнями; множество

пользоваться этими средствами, а потому въ монастырской жизни эконо-  
упада замѣчается стремленіе въ достиженію высшихъ саговъ,

кусовъ бархата и атласа; наконецъ главныя двери были обложены чекан-  
нымъ серебромъ, а помѣстамъ вызолочены. Многія изъ серебряныхъ  
вещей также сдѣланы изъ чеканнаго серебра или подъ чернію. Эта  
опись помѣщена на 217 страницахъ (см. Записки отдѣл. рус. и слав.  
археологій, II, 126—343). Не менѣе значительными представляютъ я  
и богатства высшихъ духовныхъ лицъ. Еще въ началѣ XVI в. главное  
достояніе ихъ состояло въ дорогихъ мѣхахъ (соболяхъ, горностагахъ,  
бѣлвахъ), шубахъ, сосудахъ и домашнихъ вещахъ (Соловьевъ, V, 483—  
484). Но въ XVII в. преобладаютъ уже металлическія издѣлія и значи-  
тельныя денежныя собранія. По смерти патр. Іосифа осталось мно-  
жество серебряной посуды, тщательно сбереженной, и 13,400 р. день-  
гами (Соловьевъ, X, 209, 210.) Казна патриарха Никона нисколько не  
уступала царскимъ богатствамъ (Ср. опись домовой казны патр. Ни-  
кона, во Временникѣ, № XV, стр. 1—136, и опись домашняго иму-  
щества царя Іоанна Васильевича, Временникъ, № VI, стр. 1—46).  
Въ описи ея означено: 140 образовъ въ томъ же родѣ, какъ и въ  
описи Бѣлозер. мон.; 48 золотыхъ, серебряныхъ и вызолоченныхъ кре-  
стовъ, украшенныхъ камнями; 3 ковчега, обитыхъ бархатомъ и сереб-  
ромъ; 12 паногъ—золотыхъ, серебряныхъ и вызолоченныхъ, съ кам-  
нями; 22 церковныхъ сосуда—золотыхъ, съ камнями; 13 пелень бар-  
хатныхъ и атласныхъ съ камнями; 18 серебряныхъ окладовъ для иконъ;  
5 серебряныхъ большихъ лампадъ; 16 посоховъ (сандальныхъ, раковин-  
ныхъ, финиковыхъ, чернаго дерева—въ серебрѣ и золотѣ, съ камнями);  
10 бархатныхъ и атласныхъ подушекъ, шитыхъ золотомъ; 7 шубъ,  
подбитыхъ вуницами, соболями и горностаемъ; 98 серебр. кубковъ; 1  
золотая братина и 22 серебр.; 70 серебр. ставановъ; 94 серебр. воща;  
1 золотая чаша и 15 серебр.; 48 серебр. чаровъ; 8 серебр. кружекъ;  
2 серебр. кувшина; 5 сер. фляжекъ; 12 серебр. россольниковъ; 3 сер.  
судковъ; 5 сер. солоновъ; 28 серебр. блюды; 13 серебр. тарелокъ; 12  
серебр. сковородъ; 15 серебр. ложекъ; 5 серебр. шандаловъ; 7 серебр.  
рукомойниковъ; 27 штукъ золотнаго бархата; 43—простаго бархата;  
10—золотнаго атласа, 41—гладкаго атласа; 39 кусковъ камки; 12—  
тафты; 9 сороковъ соболей; 44 куска суена; 17 турецкихъ и персид-  
скихъ ковровъ. За тѣмъ перечисляется множество одеждъ, драгоцен-  
ныхъ камней, куски золота и золото въ листахъ; шелкъ, кружева,  
тесмы, краски, оружіе, часы, и т. п. вещи. Въ мѣшкахъ было найдено  
16,696 руб. сер., 2,449 золот. ефимковъ и 751 золот. монета разнаго  
сорта; наконецъ въ казніхъ хранились долговыя записки на 3,000 руб.  
Денежный сборъ по большей части составлялъ доходъ съ вотчинъ, при-  
надлежавшихъ патриарху (ib.). Отдѣлка одной иконы патр. Нико-  
номъ (въ золото и драгоценныя камни) обошлась ему въ 44,000 руб.  
сер. см. Шуперинъ, жизнь патр. Никона, 44. По описи драгоценныхъ  
вещей Никона, хранившихся въ Воскресенскомъ м. значится: золотой  
крестъ съ 46 алмазами; золотая запона въ камняхъ въ 300 руб.; зо-



дальше отъ сребрянъ и подаркамъ, обшачиванъ и посредничеству<sup>1)</sup>. До отпущенъ срамъ эти люди окружали себя редовенниками и друзьями, съ которыми: бадни по селамъ и проживалъ монастырское достояніе<sup>2)</sup>. Управление же монастырскихъ крестьянъ въ эту эпоху представляется далеко не въ привлекательномъ видѣ. Бѣдственное экономическое положеніе, при частомъ разстройствѣ домашняго хозяйства, вставляло имъ прѣбывать къ займамъ, за которые (хлѣбъ и деньги) приходилось платити большіе проценты монастырю или мѣщанамъ, имѣвшимъ въ то время право держать собственное хозяйство. Частыя разоренія были причинойъ изъясненія значительнаго количества долговъ, которые въ концѣ концовъ приводили въ полному забалетію, такъ какъ въ этомъ случаѣ переходъ съ монастырской земли становился невозможнымъ въ слѣдствіе требованія уплаты всѣхъ долговъ и вознагражденія за прожитое время на монастырской землѣ. При такихъ отношеніяхъ монастырское управленіе принимало всѣ черты воеводскаго, гунского и вообще свѣтскаго управленія и суда. Вассіамъ, Максимъ Грекъ и Іоаннъ Грозный представляли намъ эти отношенія въ крупныхъ чертахъ, но съ значительною долей сатирическаго элемента<sup>3)</sup>. Истинными представителями монашества, какъ Іосифъ Волоколамскій и Діонисій Радонежскій, во

лотая панатія съ большимъ яхонтомъ и 24 малыши; золотая шапка, турецкій рубчикъ съ большимъ алмазомъ и 20 яд., 4 изумруда въ 200 р. каждый; 2 изумруда въ 700 руб.; 2 изумруда въ 300 р.; изумрудъ въ 50 р.; нѣсколько камней яхонта лапа, изумруда, топаза, жемчуга, алмаза. (Записки рус. и славян. археологій, II, 612—613). Постройка патриаршаго дома въ Москвѣ стоила Цивону 20,000 р.; насады свядъ — 10,000; на поддежъ воевда въ польскій походъ онъ понесъ 10,000; потомъ еще затратилъ на насадъ 9,000 р.; на 3,000 руб. купилъ лошадей, а шапка архіерейская обошлась ему въ 5—6,000 р. Соловьевъ, XI, 302.

<sup>1)</sup> Последніе Іоанна Грознаго въ Барил. мон. Акты истор. I, № 204. Сенин. Макс. Грека, II, Слово о покаяніи. «Едва умретъ игумень или экономъ, говоритъ Іоаннъ Грозный, уже многіе стараются занять ихъ мѣсто, тая другъ отъ друга о своихъ стараніяхъ, хотя многіимъ извѣстны эти старанія. Одни добиваются подарками, другіе ласками. Алчавѣны? Явно, что ради лѣтнимъ». Максимъ Грекъ говоритъ, что они достигали сановъ чрезъ дьявовъ, которымъ платили за это золотомъ и серебромъ. Сочин. III, Повѣсть страшная.

<sup>2)</sup> Соч. Макс. Грека, ibid. Стоглавъ.

<sup>3)</sup> См. подробности въ нашихъ изслѣд. Максимъ Грекъ, II, гл. IX; Русск. общ. дѣятели, гл. IV.

время бедствий, постигавших страну, когда являлись настоятельные необходимости въ сдѣлать монастыри, приходивась уже бороться съ большинствомъ братіи, не желавшимъ отсутствовать отъ своихъ привычекъ и удобствъ.

Съ другой стороны, явная добѣрчивость въ обществѣ къ религиознымъ побужденіямъ обнаружилась въ разсматриваемую эпоху рядомъ отрицательныхъ явленій. Легкость основанія часовень или монастырей была причиною, что многіе брались за это исключительно по материальнымъ расчетамъ: избравъ удобное мѣсто въ лѣсу, они отправлялись съ иконами по селамъ и городамъ за собираемъ приношеній, а потомъ проживали ихъ на себѣ. Другіе странствовали по домамъ и на площадяхъ, гдѣ объявляли свои видѣнія и пророчества, соприкасаясь эстетическими движеніями. Отсюда естественно было прийти къ заключенію, что многіе идутъ въ монастырь только ради новаго тѣлеснаго.<sup>1)</sup> Но монастырскіе безпорядки еще усиливались тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ существовали общія монастыри, въ которыхъ жили вмѣстѣ монахи и монахини, противъ чего постоянно возмущались представители церкви XV и XVI вв. Всѣ остальные нравственные недостатки монастырей были только результатомъ этихъ общихъ притчій. Одновременно съ упадкомъ монастырской жизни монастыри утрачиваютъ прежнее значеніе школы. Уже въ сборникахъ XVI в. встрѣчаются поученія, въ которыхъ проводится мысль, что монахамъ не прилично заниматься обученіемъ дѣтей.<sup>2)</sup>

Существующія явленія естественно приводили къ мысли о необходимости реформы монастырей. Одни думали достигнуть цѣли строгимъ требованіемъ выполненія древнихъ уставовъ (Иоаннъ Волоколамскій) и введеніемъ общежительнаго порядка (Майбарій, архіеп. Волгородскій) вмѣсто пустынной жизни. Но эта мѣра привела только къ разстройству монастырей, что само по себѣ уже дѣйствовало отрицательно на монастырскую жизнь.<sup>3)</sup> Другіе, напротивъ, видѣли единственный выходъ въ совершенномъ обособленіи монашества отъ общественной жизни — т. е. въ скитской жизни (Нилъ Сорскій). Первые были защитники поземельной собственности монастырей, а вторые считали ее не-

1) Стоглавъ.

2) Прав. соб. 1862, февраль, Служб. вѣстн., 187.

3) См. выше, стр. 74.

согласномъ съ монастырскою жизнью. Столкновеніе двухъ направлений въ рѣшѣніи вопроса обмарижилось на соборѣ 1503 г.

Этотъ соборъ собственно предназначался для рѣшенія вопроса о вдовныхъ понахъ; но на немъ была затронута и вопросъ о монастырскихъ имуществвахъ. Впрочемъ нельзя думать, чтобы послѣдній былъ вызванъ случайными обстоятельствами. Изъ житія Іосифа Волоколамскаго видно<sup>1)</sup>, что его сторонники, опасаясь, чтобы вопросъ о монастырскихъ имуществвахъ не привелъ къ отрицательному результату, вызвали его на соборъ. Изъ того же источника видно, что инициатива самого вопроса принадлежала защитникамъ скитской жизни (Пансій Ярославль и Нилъ Сорскій), которые побудили Іоанна III разсмотрѣть его на соборѣ. Но изъ дѣла<sup>2)</sup> известно, что онъ былъ предложенъ собору Іоанномъ III. Оба извѣстія можно примиряютъ. Пансій Ярославль и Нилъ Сорскій до этого времени были весьма близки къ Іоанну<sup>3)</sup>, и, вѣроятно, подали ему мысль, опираясь на нравственные побужденія, а Іоанну III она могла понравиться изъ политическихъ видовъ<sup>4)</sup>. Ему нужны были земли для раздачи служилымъ людямъ, а примѣръ съ новгородскими церковными имуществами подавалъ надежду на счастливый исходъ, и потому онъ охотно предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе собора. Соборъ состоялъ исключительно изъ представителей монастырства; но въ числѣ его членовъ были Пансій, Нилъ и его сторонники. Послѣ рѣшенія дѣла о вдовныхъ понахъ—Нилъ Сорскій предложилъ собору, чтобы у монастырей селъ не было, а монахи чтобы жили по пустынямъ и питались рубольемъ. Его поддерживали белозерскіе пустынники. Такимъ образомъ Нилъ Сорскій остался вѣрнымъ своему отрженному ученію; но противъ него выступилъ съ речью Іосифъ Волоколамскій. Примѣры древнихъ греческихъ и русскихъ монастырей послужили ему матеріаломъ. Но Іосифъ далеко не былъ теоретикъ. У него была наготовѣ и практическіе выходы. «Если у

1) Житіе Іосифа, въ Твор. св. отцовъ.

2) Балазовъ, о Коричей, примѣч. 15.

3) Житіе Іосифа, idem.

4) Бассіанъ говоритъ: «Вел. князь велѣлъ быть на Москвѣ святителямъ, и Нилу, и Іосифу поповъ ради, ище же рещи *воззвать* отымати села у святыхъ церквей и монастырей». Какъ будто одинъ вопросъ прикрывался другимъ для предосторожности. Полем. соч. Вас. Прав. соб. 1863, III, 206.

и благородному человеку (въ его монастырь бѣде много боярей. А если не будетъ честный старцевъ — отсюда и въ Константинополь, архіепископы, епископы и на друиѣ мѣста). Если же не будетъ честныхъ и благородныхъ старцевъ, тогда вѣра будетъ поколебана? Соборъ сошлся съ Иосифомъ<sup>1)</sup>. Результатомъ его разсуждений было избѣить митр. Симона Ювану III. Самый же тонъ отъѣзда митр. говоритъ, что на составленіе его имѣлъ большое влияние Иосифъ. Сочиненіемъ пражскими изъ ветхозавѣтной (о левитахъ) и новозавѣтной исторіи въ пользу поземельной собственности церкви. Далѣе ссылаются пражскіе, взятыя изъ жизни греческихъ и русскихъ монастырей и особенно Иерусалимскихъ соборовъ и греческихъ императоровъ (Константины, Юстиніана). Наконецъ приводятся узаконенія русскихъ князей и царские указы. Всѣ эти данныя поведены подъ одну общую мысль о неприкосновенности правъ, дарованныхъ монастырямъ, съ указаніемъ на действительную неприкосновенность монастырской собственности въ то время, когда имѣла въ виду, которая отражена на вѣки строгими заповѣдями древнихъ уставовъ и постановленій. Отсюда слѣдуетъ окончательный выводъ, что соборъ не смѣетъ ихъ отнять, потому что всѣ они посвящены Богу и должны сохраняться нетронутыми до конца вѣковъ<sup>2)</sup>. Осторожный Юванъ уступилъ настоятелямъ собора, вполне понимая, что въ противномъ случаѣ онъ возбудитъ противъ себя нравственную силу общества. Однако вопросъ о монастырскихъ имуществѣ продолжалъ развиваться въ литературѣ.

Продолжателемъ мнѣній Нила Сорского современники избираютъ князь-инока Вассіана Патрикѣева (Косого)<sup>3)</sup>. А Иосифъ Волоколамскій приписываетъ ему инициативу въ вопросѣ о монастырскихъ имуществѣ при Василиѣ Ювановичѣ, что признаетъ и самъ Вассіанъ<sup>4)</sup>. Въ борьбѣ съ юсифовскимъ направленіемъ онъ написалъ отдѣльную книгу въ 10 главъ и рядъ полемическихъ сочиненій, изъ которыхъ одно представляетъ въ диалогической формѣ его борьбу съ Иосифомъ (лица Иосифъ и Вассіанъ). Въ нихъ относительно настоятельно вопроса Вассіанъ

1) Объ отнош. Кирилл. и Иосиф. монастырей.

2) Калачова, прим. 15.

3) Письма обь отц. митр. и Иос. мон. Твер. св. отц. годъ IX, кн. III, 506.

4) Подем. сочин. Вассіана, 207.

доказательствъ несокращенности монастырскихъ имуществъ съ думомъ Евлогіемъ и живую представителю древняго монашества и, широкого раздѣла основную мысль, доходить до стрипанія всякихъ укрѣпленій въ периферію. По его мнѣнію церковныя вещи не должны быть изъ золота и серебра. »Лучше, говорить онъ, раздать богатство беднымъ и усовершенствовать, нежели украшать нѣтъ черни». Рядомъ съ полемическими сочиненіями Вассіана обимпониено въ сборникѣ помѣщается указаніемъ андерлеки нѣтъ Пандетовъ Никона Черногорца, сравненіе которыхъ съ его мнѣніями о казни еретиковъ и монастырскихъ имуществѣхъ убѣждаетъ въ безусловномъ вліаніи послѣдняго какъ источника на Вассіана <sup>1)</sup>.

По смерти Іосифа (1515 г.) Вассіанъ, какъ не менѣе упорную борящуюся его увѣнчаніемъ <sup>2)</sup>; но въ это время онъ приобрѣлъ себѣ поддержку въ лицѣ Максима Грека (1516), съ которымъ онъ сошелся по поводу переводнаго дѣла. Съ этихъ поръ они дѣйствуютъ вмѣстѣ противъ пасокутственникъ стрелений стороны Іосифа. Въ общеніяхъ Максима Грека и Вассіана важна социальная сторона. Они представляютъ намъ въ крупныхъ и рѣзкихъ чертахъ взаимныя отношенія двухъ сословій — владѣльцевъ и подвластныхъ имъ крестьянъ: съ одной стороны передъ нами рисуются — доволство, расовонъ, прістѣвая но всякъ отношеніяхъ жмать и пренебреженіе чуждыми правами; съ другой — бѣдственное экономическое и нравственное состояніе, доходящее до полнаго разбѣга; физическое угнетеніе и телесный трудъ, мало дающій для себя <sup>3)</sup>. Но въ общеніяхъ Максима Грека задна общаго точка вѣрнѣе да существующія отношенія; въ помѣщеніи Вассіана видѣтъ имѣются въ виду «лукавые іосифальне». И Вассіанъ, и Максимъ Грекъ общими причинами подобнаго состоянія считаютъ разореніе и влостольбіе. Оба они обращаются въ власти, которая должна исправить эти недостатки, и оба предлагаютъ рѣшительную мѣру для уничтоженія ихъ.

Вассіанъ и Максимъ Грекъ въ своихъ сужденіяхъ престоющею являются защитниками низшаго класса, и заботу о немъ считаютъ священной обязанностью царя; церковныя имущества въ древнѣйшую эпоху церковныя составляли принадлежность бѣдныхъ, и съ темъ ясно дѣлалась

<sup>1)</sup> Полемику сочин. Вассіана, Прав. соб. 1863, III, предисл.

<sup>2)</sup> Ibid 210.

<sup>3)</sup> Подробнѣе объ этомъ въ нашихъ изслѣд. «Максимъ Грекъ», т. IX, и Русск. общ. дѣл. гл. I, III, IV.

пожертвоваши въ монастыри, но крайней мѣрѣ это назначеніе и имущество постоянно имѣлось въ виду. А потому оба противника существовавшихъ отношеній требовали коренной реформы въ церковной жизни—уничтоженія поземельной собственности монастырей. Не имѣя Махсима Грека, монастырскія имѣнія должны были получить прежнее свое назначеніе, т. е. служить вспомошествованіемъ для вѣдѣхъ, вдовъ, сиротъ и вообще обделенныхъ судьбою въ имущественномъ отношеніи. Вассіанъ, отрицая право владѣнія землею за монастырями, допускаетъ его только для церквей и соборовъ; но и въ этомъ случаѣ, за удовлетвореніемъ потребностей клира, они должны идти для вспомошествованія бѣднымъ и на выкупъ пѣнныхъ (согласно съ 20 словомъ Нивона Черногорца). Идеаломъ монашества въ глазахъ Махсима и Вассіана представляется пустынножителство, но они далеки отъ мысли, подобно Юсифу, видѣть его нѣвѣщее состояніе въ огромномъ братствѣ. Махсимъ Грекъ постоянно проводитъ мысль, что главная обязанность человека состоитъ въ добрыхъ дѣлахъ; что хорошій мирянинъ лучше дурнаго монаха; что нравственная жизнь среди мірскихъ искушеній болѣе значитъ, нежели добродѣтель въ тиши; что вся разница между миряниномъ и монахомъ—внѣшній видъ. Но ни черныя ризы, ни лишеніе мяса не спасутъ человека, если онъ не будетъ заботиться объ усовершенствованіи нравственной. Въ монастырь можетъ идти тотъ, кому трудно спастись въ мірѣ. Въ особомъ посланіи Махсимъ Грекъ опровергаетъ мысль, господствовавшую тогда въ обществѣ о предпочтеніи монашеской жизни супружеству, и совѣтуетъ лицу, обратившемуся къ нему съ такимъ вопросомъ, отказаться отъ намѣренія оставить семейную жизнь. И Махсимъ Грекъ, и Вассіанъ возражали также противъ запрещенія вдовъ и поповъ и діаконъ. Не ратуя противъ недостатковъ монастырской жизни, они еще болѣе обращаютъ вниманіе на высшихъ лицъ, которые подавали въ этомъ случаѣ примѣръ низшимъ. Наклонность ихъ въ пышности, блеску (въ одеждѣ, пирахъ, экипажахъ, обстановкѣ), церковной внѣшности (драгоценныя украшенія иконъ, шумныя колокола) и недоступность—они постоянно противопоставляютъ бѣдственному состоянію низшаго класса, изнывающаго отъ голода, которому въ отвѣтъ на просьбы—бросаютъ кусокъ гнилаго хлѣба. У Махсима Грека эти обличенія не были пустыми фразами: съ такимъ же тономъ обращается онъ и къ остальному обществу, въ которомъ интересы высшаго класса слышкомъ подавляли классъ, подчиненный ему; а злоупотребленія, возникавшія изъ этихъ отношеній, при-

привлеченъ. несправедливо выводитъ изъ разглагольствованнаго Мелонитъ Греть собою лица, являющагося служить мелебамъ, родать денемъ иже сто «исресе» — нуждающимся благодать. Опрелея на иже быстрое обращеніе Іисуса Христа къ представителю на страшный судъ — Максимъ Греть говоритъ, что только милость и любовь въ близкомъ имѣетъ значеніе въ глазахъ Бога, а о постыжи, домыли медитрахи, дускиничи, подвигахъ ничего не сказано въ этомъ обращеніи потому, что оны, тубесть милости, а не зорень, жемъюжиць въ сравненіи съ пераю иже какаго достоянства <sup>1)</sup>. Вотъ общественное мнѣніе лучшихъ представителей того времени.

Однако и Максимъ, и Вассіана, постигла горькая участь. Вассіанъ говоритъ, что Іосифъ Волоколамскій не хотѣлъ примириться съ узникомъ Нила Сорскаго <sup>2)</sup>. Его авторитетъ обличкомъ переналъ къ его ближайшему ученику — Даниилу, который въ эту эпоху былъ уже митрополитомъ. Гордый и мстительный (онъ не хотѣлъ примириться съ Максимомъ даже въ то время, когда былъ лишь сана), онъ не могъ отдаться благодушно къ противоположному направлению. Мы видѣли, какъ много были недовольны направлениемъ князя Максима Грека. Въ это бурное время отступившаго отъ прежнихъ переводовъ (вмѣсто Христосъ сѣде одесную Отца, рѣдай одесную Отца, было написано сидѣтъ, сѣдѣшаго) и къ евангеліямъ ихъ съ греческимъ текстомъ (исключеніе слова «сидѣшии» въ синополѣ) они являлись явную арась. Но митр. Даниилъ, принявъ сторону обвинителей, повелѣлъ, что онъ некогда не спотыкнеть гонимой массе иже зоренью бурею. По всей вероятности, эти принципы послужили только предлогомъ къ удаленію Максима. Онъ былъ единственно извѣстенъ по своему догматическому образованію и даже сформировать аргументы въ глазахъ современнаго общества, а потому для обвинителей важны были такіе пункты, вероимно прямо заповѣдывали его аргументы въ этомъ отношеніи. Максимъ Греть былъ два раза арестованъ къ суду — въ 1526 и 1531, а Вассіанъ только въ 1531 г. Въ дѣлѣ Максима Грека всѣ обвиненія главнымъ образомъ обращены

<sup>1)</sup> Подробнѣе къ нашему изслѣд. Максимъ Греть, гл. IX, X, XI (стр. 336). Особенно въ сочин. Максима Грека, II, слова I, III, V, II, XI, XIII, XV, XVI, XX, XXII, XXXVI. Полемич. сочин. Вассіана, Прав. соб. 1862, III, и Русск. общ. дѣл. IV.

<sup>2)</sup> Полемич. соч. Вассіана, Прав. соб. 1862, III, 210.





Максимъ Грекъ былъ переведенъ въ тверской — Острогъ монастырь, подъ надворъ роднаго брата Юсифа Волоколамскаго, епископа Апатія, а въ Волоколамскій монастырь былъ помѣщенъ Вассіанъ, гдѣ онъ умеръ отъ дурнаго содержанія <sup>1)</sup>. Замѣчательно также, что на его судѣ, кромѣ общихъ обвиненій, ему были поставлены въ вину прежнія его сомнѣнія, свидѣтелями которыхъ, совершенно неожиданно для Вассіана, явился «іосифляныиъ» Досеоей <sup>2)</sup>. Послѣ втораго суда вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ были разосланы по монастырямъ его ближайшіе ученики и соудружники (Савва, Зиновій Отенскій, Михайлъ Медоварцевъ); а наиболѣе близкій изъ нихъ Сильванъ былъ посаженъ подъ стражу въ митрополитскомъ домѣ, гдѣ, черезъ нѣсколько дней, печально окончилъ свою жизнь <sup>3)</sup>. Впрочемъ Апатія оказывалъ покровительство Максиму Греку, а въ 1553, по ходатайству нѣкоторыхъ лицъ, его перевели въ Троицкую лавру <sup>4)</sup>.

«Дѣянція собора на Максима Грека и Вассіана характеризуютъ Давида, какъ налетчика и книжника, взглядъ котораго не идетъ далѣе предвзятой мысли, подкрѣпленной свидѣтельствомъ отъ священныхъ книгъ, равнопрѣтой ненавистью къ подсудимому и непреклонной отъ совѣсти своей силы и власти» <sup>5)</sup>.

Современный авторъ безыменнаго письма, объясняющаго намъ внутренніе мотивы полувѣковой борьбы «іосифляне» съ послѣдователями Нила Сорскаго, вполне вѣрно замѣчаетъ: «всѣмъ Обѣдамъ матеръ — мнѣніе, мнѣніе — второе наденіе». Но тутъ же даетъ намъ понятіе отношеніе двухъ враждебныхъ сторонъ, прибавляя: «Юсифъ все благоченіе свдмалъ съ Кириллова монастыря». Это замѣчаніе тѣмъ болѣе важно, что, судя по тому письму, авторъ самъ былъ ученикомъ или сторонникомъ Юсифа <sup>6)</sup>.

Но мнѣнія менѣе всего поддаются требованіямъ регламентаціи.

<sup>1)</sup> Курбскій говоритъ: «Они же (іосифляне) умориша его вскорѣ» — выраженіе слишкомъ общее. Стр. 5. *Ни слова!*

<sup>2)</sup> Судное дѣло Вассіана, Чтен. Моск. общ. исторіи, 1847, N IX.

<sup>3)</sup> Курбскій говоритъ, что онъ умеръ «злою смертью». Стр. 42. Сильванъ занимался переводомъ книгъ вмѣстѣ съ Максимомъ и отличался образованіемъ по тому времени, какъ свидѣтельствуешь Курбскій.

<sup>4)</sup> Карамзинъ, VIII, пр. 386...

<sup>5)</sup> Хрущовъ, 254.

<sup>6)</sup> Объ отношен. Юсиф. и Кирил. монастыря въ Твер. св. отц. годъ IX, кн. III, 508.

Остановленные въ должный моментъ, они снова пробиваются при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Едва успѣли съйти со сцены, представляющей двухъ направлений, упрямая бороздка между собою, какъ снова подымается борьба съ характерною прелестью. Въ ней мы встрѣчаемъ отчасти знакомыя черты; отчасти новые элементы.

Прибывши въ Россію (1518), Максимъ Грекъ засталъ исторію явленія, напоминанія, по своему характеру, черты ереси «антихристовской». Онъ посвятилъ особую статью разбору сочиненія еврея Самуила (XI в.), которое было переведено съ латинскаго языка на русскій языкъ Василія Іоанновича, Никиты Люблинъ. Сочиненіе Самуила написано въ защиту іудейства. Раскляпанное по всѣмъ странамъ, евреи ожидали, что спустя 1000 лѣтъ послѣ разрушенія Іерусалима — они снова возвратятся въ отечество, и потому, когда ихъ ожиданія не исполнялись, Самуиль старался доказать, что, не смотря на раскляпаніе евреями, — они все-таки составляютъ народъ, избранный Богомъ. За тѣмъ, возражая противъ христіанства, онъ проводитъ параллель между ветхимъ и новымъ заветомъ, причемъ выражаетъ мысль, что вознесеніе Іисуса Христа на небо ничѣмъ не разнится отъ вознесенія Епоха и Иафъ 1). Вѣроятно это сочиненіе пользовалось авторитетомъ у тѣхъ же русскихъ еретиковъ, которые были склонны къ юдаизму. Другія двѣ статьи Максима Грека посвящены защитѣ икона и почитанія Богородицы. Обѣ онѣ преимущественно основаны на ветхомъ заветѣ, а въ послѣдней изъ нихъ мѣтнія еретиковъ онъ прямо называетъ «іудейскими умисломъ». Наконецъ, четвертая статья также указываетъ на свое отношеніе къ разсматриваемымъ нами еретическимъ мѣтніямъ. Она посвящена объясненію догмата о воплощеніи Іисуса Христа и направлена противъ тѣхъ, которые отвергали божественность Іисуса, необходимость его страданія за человечество и оспаривали другаго Мессію, который явится въ царской славіи 2). Во всѣхъ возраженіяхъ Максима Грека видно отношеніе къ современной дѣйствительности и явленіямъ, происходившимъ на его глазахъ. Около половины XVI вѣка замѣчается сильное религиозное движеніе въ Литвѣ и Польшѣ. Въ 1548 году въ Целенѣгъ поселилось до 1000 семействъ богемскихъ братьевъ, нагнанныхъ изъ отечества. Они нашли пріютъ у польскаго магната Андрея Горки. Поль-

1) Сочин. Макс. Грека, I, 58—62.

2) Ibid. I, слова: II, XXII, XXIV.

свое общество, предрасположенное уже <sup>1)</sup> въ реформационному движенію, сочувственно отнеслось къ учению Лютера и другихъ реформаторовъ. Подъ покровительствомъ Сигизмунда Августа учение Лютера приобрѣло множество послѣдователей. Его вліяніе быстро распространилось въ вышемъ слое. Польскіе и литовскіе магнаты выгоняли въ свои дома нѣмецкихъ учителей, а дѣтей своихъ отправляли учиться въ нѣмецкіе университеты, откуда они возвращались крайними противниками католицизма. Семь 1552 г. призналъ за дворянствомъ право свободного вѣроисповѣданія <sup>2)</sup>, отчего въ предѣлахъ государства помножилось множество религиозныхъ обществъ. Въ Польшѣ сходились тогда все учения, волновавшія западную Европу: учение Лютера развивалось рядомъ съ учениемъ Кальвина, Цвинглія, Беа и унитаріевъ. По свидѣтельству Скарпи въ это время насчитывали на польской территоріи до 2,000 протестантскихъ церквей, а по извѣстію Нарбута въ Польшѣ было тогда до 70 разныхъ сектъ <sup>3)</sup>. Это антикатолическое движеніе выразилось въ обширной литературѣ, закрытіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монастырей и костеловъ и въ открытомъ проповѣданіи протестантскихъ началъ; причемъ болѣе смѣло настаивали даже на реформѣ государственной церкви, считая ее враждебною интересамъ страны <sup>4)</sup>. При такомъ свободномъ направленіи общества, послѣднее легко усвоивало себѣ крайнія учения. Съ половины XVI вѣка въ Польшѣ и Литвѣ встрѣчаются уже учения Социна, Сервета и Станкара, занимавшіеся введеніемъ реформы въ помѣстьяхъ магнатовъ. Ихъ послѣдователи проповѣдывали противъ учения о Троицѣ, а Евангеліе объясняли, какъ собраніе однихъ нравственныхъ правилъ. Главнымъ центромъ социніанъ былъ—городъ Пинскъ, и уже въ то время въ числѣ проповѣдывавшихъ его мы встречаемъ лицъ съ славянскими именами (Симонъ Будный и Моговолю).

Въ слѣдствіе безпрестанныхъ войнъ и дипломатическихъ сношеній Россіи съ Польшою, возникшихъ съ исхода XV вѣка, это религиозное движеніе не могло пройти безслѣдно для Россіи. Въ дѣлѣ Башкина

<sup>1)</sup> Въ XV вѣкѣ въ Польшѣ замѣтно сильное сочувствіе къ учению Вжикафа и Гусса. Krasinski Histoire religieuse des peuples Slaves, 43, 143; Коендратовичъ, Исторія польск. литер. томъ I, 106—162.

<sup>2)</sup> Krasinski, Histoire religieuse des peuples Slaves, 125, 126.

<sup>3)</sup> Narbut, Dzieje narodu Litewskiego, IX, 428.

<sup>4)</sup> Krasinski, 136—138 (Оржиховскій и Янъ Ласко).

упоминается, что на него имѣли вліяніе аптекарь Матеей литвинъ и латинявинъ Андрей Хотѣевъ <sup>1)</sup>. Въ 1570 при дворѣ Іоанна Грознаго появляется въ польскомъ посольствѣ пасторъ богемскихъ братьевъ Ровита, съ которымъ спорилъ царь о необходимости добрыхъ дѣлъ для спасенія и обрядовой стороны религіи, не соглашаясь съ его мнѣніемъ о спасеніи посредствомъ одной вѣры. Этотъ споръ, по приказанію Іоанна, былъ изложенъ потомъ письменно. Въ другой разъ онъ велъ споръ о значеніи лютеранства съ пасторомъ Вокгорномъ <sup>2)</sup>. Во второй половинѣ XVI в. нѣмцы, проживавшіе въ Россіи, получили право имѣть въ Москвѣ свою церковь. Это разрѣшеніе объясняется тѣмъ, что они служили тамъ въ качествѣ ремесленниковъ; между тѣмъ Поссевицъ не могъ добиться такой льготы для католиковъ <sup>3)</sup>, потому что въ нихъ всегда видѣли защитниковъ политическаго вліянія папства и даже пѣбгали вызывать ихъ въ Россію <sup>4)</sup>. Другимъ путемъ вліяніе протестантскихъ идей шло въ Россію изъ Ливоніи; оно особенно усилилось со времени вывода оттуда плѣнныхъ (при Іоаннѣ Грозномъ). Но на границѣ это вліяніе обнаруживалось также въ слѣдствіе частыхъ сообщеній. Изъ дѣла Башкина видно, что троицкій игуменъ Артемій, живя во Псковѣ, вирочно ѣздилъ въ Нейгаузъ, гдѣ имѣлъ бесѣду объ ученіи Лютера <sup>5)</sup>.

Въ половинѣ XVI в. въ Москвѣ былъ открытъ кружокъ, толковавшій о важныхъ религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ.

Между духовенствомъ ходили недобрительные слухи о Матеевѣ Башкинѣ; такъ же говорили о немъ придворные попы Сильвестръ и Симеонъ; ему приписывали неправильныя сужденія о Троицѣ и церкви. Это случилось въ то время, когда Іоаннъ Грозный былъ въ Кирилловомъ м., и потому Башкина пока не трогали, но когда царь возвратился—ему донесли о случившемся. Изъ дѣла Башкина видно, что источниками для его рассужденій служили Евангеліе и Апостоль, который у него

<sup>1)</sup> Акты истор. I, стр. 250—253.

<sup>2)</sup> Oderborni Vita Iohannis Basilidis, 204, 205.

<sup>3)</sup> Филаретъ, Исторія церкви, 90.

<sup>4)</sup> Оларій, вн. III, гл. 31.

<sup>5)</sup> Акты экспед. I, № 239. И прежде нерѣдко встрѣчаются извѣстія о религіозныхъ спорахъ на границѣ (въ Псковѣ, Дерптѣ), русскихъ съ католиками (Акты истор. I, 286; Соловьевъ, VII, 236), что даетъ право предполагать о подобныхъ столкновеніяхъ и въ послѣдующую эпоху.

былъ весь измѣченъ воскомъ. Юаннъ рассматривалъ книгу; но ничего не сказалъ о Башкинѣ. Только новыя слухи заставили арестовать его и его сторожниковъ (двухъ братьевъ Борисовыхъ, и еще двухъ лицъ — Игнатія и Фому), хотя обвиненные объявили, что они православные христіане.

Судъ состоялся подъ предсѣдательствомъ митр. Макарія, изъ представителей епископовъ, игуменовъ и протопоповъ. Изъ допросовъ видно, что Башкинъ вовсе не отвергалъ Троицы, а главное обвиненіе въ этомъ пунктѣ основывалось на томъ, что онъ написалъ молитву къ Богу Отцу, которую члены собора считали неприличною постѣ пришествія Іисуса Христа. Другихъ показаній противъ Башкина по этому вопросу не было приведено, а обвинительный актъ, составленный прежде суда, не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ. Судя, по притвору, — обвиненныхъ слѣдовало-бы причислить къ рационалистической сектѣ, имѣющей непосредственную связь съ предъидущимъ направлениемъ. Но есть данныя, требующія ограниченія такого заключенія. Въ своей оправдательной запискѣ (жалобницѣ), помѣ Симеонъ, духовникъ Бамкина, одинъ изъ свидѣтелей противъ него, представляетъ намъ его мнѣнія въ такомъ видѣ, что они вполне говорятъ противъ приговора суда. Матеей Башкинъ, пишетъ Симеонъ митр. Макарію, былъ у меня въ великій постѣ на исповѣди и сказалъ мнѣ: «Я Христіанинъ, вѣрую въ Отца, Сына и св. Духа, поклоняюсь образу Іисуса Христа, Богородицы и всѣхъ святыхъ. Онъ умолялъ меня подъ великою клятвою — принять его на исповѣдь, и я его принялъ. На исповѣди онъ мнѣ говорилъ: «Ваме дѣло великое; въ Евангеліи написано: нѣтъ большей любви, какъ положить душу свою за друзей своихъ, и вы полагайте за насъ души свои, и блдите о душахъ нашихъ, чтобы вамъ воздать слово въ день суда». Послѣ того Башкинъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ домъ и читалъ евангельскія бесѣды. «Бога ради пользуй меня душевно, говорилъ онъ; надобно читать то, что написано въ Евангеліи, но на слово не надѣяться, а совершать на дѣлѣ. Все же начало отъ васъ, священниковъ; вы покажите намъ примѣръ и насъ научите! Въ Евангеліи написано о кротости; будьте же кротки и насъ научите». Наконецъ въ третій разъ Башкинъ послалъ за Симеономъ, и у себя въ домѣ говорилъ ему: «Въ Апостолѣ написано: весь законъ заключается въ словахъ: возлюби ближняго своего, какъ самъ себя, если же вы себя грызете и поѣдаете, то берегитесь, чтобы вы не были

сидели другъ отъ друга. А мы рабовъ держимъ у себя. Христосъ всѣхъ называетъ братьями, а у насъ на однихъ кабальные законы, у другихъ — бѣглые рабы, у третьихъ фальшивыя обязанности, а четвертые живутъ въ полномъ рабствѣ. И, благодаря Бога, сколько ни было у меня кабальныхъ и полныхъ записей, <sup>1)</sup> всѣ издралъ и держу у себя людей добровольно — хотятъ жить, а не нравится, пусть идетъ, куда хочетъ. Вамъ же, отцамъ, прилично посѣщать насъ часто и во всемъ наставлять, какъ намъ жить и людей держать у себя неограниченно. Я видѣлъ то въ правилахъ, и мнѣ повалось хорошо. Башкинъ разговаривалъ Симеону побесѣдовать съ Сильвестромъ, замѣча при этомъ: «а тебѣ, я знаю, нѣтъ времени въ суетѣ мирской; ни днемъ, ни ночью, покоя не знаешь». Симеонъ дѣйствительно доложилъ Сильвестру, но имъ обоимъ рѣчи Башкина показались необыкновенными, непонятными и недобрыми <sup>2)</sup>. Однако, рассматривая ихъ безпристрастно, мы не найдемъ въ нихъ ничего противнаго догматическому учению: на исповѣди Башкинъ ясно выразилъ свои религиозныя убѣжденія; въ бесѣдѣ съ Симеономъ онъ требуетъ согласія дѣятельности человека съ духомъ Евангелія, которое должно начаться съ духовенства, и открыто протестуетъ противъ соціального положенія рабовъ, собственныя примѣромъ показывая, какъ онъ понимаетъ примѣненіе слова къ дѣлу. Заявленіе Симеона объ убѣжденіяхъ Башкина съ обвинительнымъ тономъ и въ то время, когда послѣдній уже былъ заложивъ въ ереси, скорѣе оправдываетъ Башкина, нежели Симеона. Вотъ почему въ нашей исторической критикѣ нѣсколько разъ была выражена мысль о несправедливости суда противъ Башкина и важномъ значеніи его протеста въ защиту рабовъ <sup>3)</sup>. Между тѣмъ условія современной жизни вели къ

<sup>1)</sup> Изъ этого видно, что Башкинъ былъ изъ состоятельныхъ лицъ. Судя по его фамилии (Башкинъ или Башининъ), нѣкоторые считаютъ его (напр. Костомаровъ) татаринномъ по происхожденію. Современнѣе этимъ событіямъ нѣкто Бакшей служилъ при дворѣ князя Семена Лобанова - Ростовскаго, который хотѣлъ (въ 1554) бѣжать въ Литву. Никоновъ. лѣт. VII, стр. 212.

<sup>2)</sup> Жалоба Симеона, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № III, 22 — 23; Акты экспедиц. I, № 239 (Судный симсокъ).

<sup>3)</sup> Аксаковъ, Историч. сочиненія, стр. 159. Погодинъ въ отвѣтъ Костомарову, Архивъ истор. практич. свѣд. Калачова, 1859, III, критика, стр. 60. Костомаровъ, Великорус. вольнодум. XVI вѣка, въ Историч. моногр. I.

и фактически необходимому результату, и потому мысль Вавжиния могла показаться тогда для большинства странными и даже вредными, а въ связи съ возросшем о монастырскихъ имуществахъ, рѣшеннымъ по въ войну монастырей, онѣ могли быть приняты за отраженіе мнѣній Максима Грека и Вассіана; уже пострадавшихъ за нихъ.

Видѣствъ съ Вавжининыхъ были привлечены къ суду: бывшій троицкій игумень Артемій и Порфирій, жившіе въ пустынь Нила Сорскаго, Овдоритъ Кольскій и Іоасафъ Бѣлобаевъ, монахъ Соловецкаго монастыря. Объ Артеміѣ современники отзываются въ большихъ похвалахъ, называя его человѣкомъ книжнымъ и добродѣтельнымъ, почему онъ нравился весьма многимъ. Свидѣтелями противъ него на судѣ были преимущественно монахи Троицкаго и Берапонтова монастырей, гдѣ приходилось ему болѣе всего сталкиваться, а мы видѣли, что онъ принужденъ былъ оставить Троицкій монастырь по причинѣ неудовольствій монаховъ за его строгость <sup>1)</sup>. Артемія обвиняли сначала въ тѣхъ же пунктахъ, какъ и Башкина, но вызвали лица, на которыхъ ссылались свидѣтели, не подтвердили ихъ показаній. Замѣчательныя другіе пункты, которые проливаютъ свѣтъ на самую убѣжденія Артемія и объясняютъ намъ все направленіе этого общества. Артемій сознался, что онъ отвергалъ силу заупокойныхъ молитвъ, если человѣкъ велъ безправственную жизнь, слѣдовательно онъ призывалъ преимущественно значение добрыхъ дѣлъ человѣка. Онъ возставалъ противъ формальнаго пониманія релігій, говоря: «въ канонѣ читаютъ: Иисусъ сладчайшій, а земновѣдъ Иисуса имъ горько исполнять; и въ акакиствѣ Богородицы все читаютъ: радуясь да радуясь чистая, а о чистотѣ вовсе не заботятся, значить только изругало молятся». Изъ дѣла видно, что Артемій, переходя изъ одного монастыря въ другой (онъ былъ въ Троицкомъ, Порфиріевомъ, Берапонтовомъ и Кирилловомъ), вездѣ ратовалъ противъ надшней при-

<sup>1)</sup> Артемій и Порфирій (также бывшій игумень Троицкой лавры), Овдоритъ Кольскій и Іоасафъ Бѣлобаевъ жили одновременно въ Нилевои пустынь и потому всѣ были замѣшаны въ ересь. Но отзывъ Курбскаго объ этихъ лицахъ, человѣка строго-православнаго, и дружественныя отношенія Максима Грека къ Артемію опровергаютъ обвиненіе. Артемій подавъ мысль Курбскому о переводѣ отцовъ церкви съ греческаго на славянскій языкъ и предложилъ ему свое содѣйствіе. Курбскій, 127—135, 256. Жалоба Сильвестра, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, III, смѣсь, 19.

взаимности къ религиозной вѣщности и обряду, и этикъ объясняется, почему на судѣ явилось противъ него такъ много свидѣтелей изъ разныхъ монастырей. Артемій успѣлъ даже составить религиозное общество, очевидно для распространенія своихъ мнѣній («наше дѣло колеблется, — сказалъ онъ при встрѣчѣ съ Порфиріемъ»). Остальные пункты дополняютъ намъ характеристику этого общества. Артемій не признавалъ авторитета Іосифа Волоколамскаго и порицалъ его книгу. Странными казались ему аллегорическія толкованія Іосифа о догматѣ Троицы, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ ветхаго завета (напр. Іосифъ объяснял, что ангелы, посланные Богомъ въ Лоту, для объявленія ему участи Содома, на самомъ дѣлѣ были Сынъ Божій и св. Духъ). Онъ не одобрялъ и казни еретиковъ, выражаясь: «вотъ сожгли Курицына и Рукавова, а сами до сихъ поръ не знаютъ, за что ихъ сожгли». Изъ всего этого можно заключить, что кружокъ Артемія непосредственно примыкалъ къ ученикамъ Нила Сорскаго и, какъ мы видѣли, сосредоточивался въ его пустынь<sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, онъ представляется намъ съ опредѣленною и рѣзкою идеогномією: дѣлюю его было—соглашеніе евангельской нравственности съ жизнью; борьба противъ господствующаго преобладанія обрядовой стороны религіи, вѣротерпимость и уничтоженіе рабства. Вопросъ о положеніи рабовъ занимаетъ видное мѣсто въ обличительной литературѣ XVI в. (Вассіанъ, Максимъ Грекъ); но то, что у предыдущихъ представителей этого направленія было высказано въ формѣ обличенія и исторической постановки вопроса, у Башкина перешло въ дѣйствительность. Вліяніе реформаціонныхъ идей на Башкина и Артемія (послѣ въ виду ихъ сообщенія съ указанными выше лицами) возможно допустить въ сферѣ нравственныхъ вопросовъ религіи. Оппозиція католической нравственности со стороны реформаторовъ XVI вѣка выразилась именно въ тѣхъ мунетахъ, которые могли быть сочувственными послѣдователямъ Нила Сорскаго. Но догматическаго вліянія нѣмецкихъ и литовскихъ реформаторовъ на общество Башкина не видно. Что же касается судныхъ списковъ (Вассіана, Максима, Башкина), то по нимъ нельзя дѣлать заключенія о виновности лицъ: они такъ официальны, что заставляютъ предполагать даже въ личныхъ мнѣніяхъ писавшаго, постоянно пробивающихся въ изложеніи, продиктованные взгляды самихъ судей, которыми въ добавокъ были не независимыя лица, а также адми-

<sup>1)</sup> Дѣло Башкина, Акты экспед. I, № 239. Курбскій, 130.



интерпретация. И на соборъ противъ Башкина и Артемія борьба направле-  
ная Нила и Юсифа высказалась въ рѣзкихъ чертахъ. Она была под-  
нята вопросъ о преслѣдованіи еретиковъ; судьи велѣли принести книгу  
Юсифа Волоколамскаго. Царь, митр. Макарій и остальные члены вырази-  
лись о ней въ лестныхъ выраженіяхъ, величала ее свѣтиломъ православія  
(отсюда Просвѣтитель). Одинъ Кассіанъ, епископъ муромскій и рязан-  
скій (ученикъ Юсафа Вѣлобаева), защищалъ осужденныхъ и порицалъ  
книгу Юсифа, доказывая, что въ ней собраны невѣрные свидетельства.  
Но, по словамъ автора извѣстія о соборѣ, его постигло наказаніе свя-  
тое: Кассіанъ потерялъ языкъ и способность владѣть рукою и ногою.  
Принужденный оставить епископство, онъ удалился въ монастырь, гдѣ  
его постигло новое бѣдствіе: у него повернулась назадъ голова и въ  
такомъ видѣ онъ скончался <sup>1)</sup>).

Осужденныхъ разослали по монастырямъ: изъ нихъ — Артемій былъ  
назначенъ въ Оболенскій м., Феодоритъ въ Вѣлоберскій, гдѣ были уче-  
ники его врага, суздальскаго еписк. Аванасія. Впрочемъ черезъ  $1\frac{1}{2}$  года  
Феодоритъ, по ходатайству, былъ освобожденъ, а Артемій въ послѣд-  
ствій встрѣчается въ Лудцѣ <sup>2)</sup>. Главный виновникъ всего дѣла, Башкинъ  
былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь <sup>3)</sup>. Такъ твердо сохра-  
нились Юсифовскія преданія.

Въ связи съ Башкинскимъ рассматривалось дѣло дьяка Ивана Вис-  
коватова. Поводомъ къ нему было слѣдующее обстоятельство. Послѣ  
большаго пожара, бывшаго въ Москвѣ, когда погорѣли церкви въ Кре-  
млѣ, было приказано привезти образа изъ разныхъ городовъ. Нѣкто-  
рымъ не нравилась живопись, до тѣхъ поръ невиданная въ Москвѣ;  
другіе же дѣлали отсюда заключеніе о характерѣ религиозной живописи  
вообще. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ дьякъ Висковатовъ. По его  
мнѣнію, не слѣдуетъ изображать божества и ангеловъ въ видимомъ

<sup>1)</sup> Москв. соборъ на еретиковъ; Учен. Моск. общ. истор. 1847, III, статья 1-я.

<sup>2)</sup> Курбскій, 157.

<sup>3)</sup> Въ Волоколамскомъ часовникѣ № 134 сказано: «Лѣта 7061 (1553), мѣсяца іюля, явился еретикъ Матей Башкинъ и иные, осудили ихъ соборомъ въ дѣло 7062, декабря, и въ заточеніе ихъ разослали. При-  
везли его (Башкина) въ Юсифовъ монастырь декабря 22, въ пятницу, —  
привезъ Германъ архимандритъ, тамошній игумень, бывший на соборѣ,  
а потомъ архіеп. казанскимъ. См. житіе его у Филарета, ноябрь, стр. 337.

образъ: онъ негодовалъ на изображеніе Иисуса въ видѣ ангела; на оди-  
цетвореніе добродѣтелей и другихъ аллегорическихъ предметовъ, осо-  
бенно же на изображеніе несправливыхъ картинъ (блудницы и т. п.). Въ  
замѣнѣ изображенія невидимаго божества, Висковатовъ совѣтовалъ, по-  
мѣщать на отдѣльныхъ доскахъ изреченія и тексты изъ священнаго  
писанія (что допускалъ и Кальвинъ). Изъ этого видно, что прежніе  
толки о церковныхъ изображеніяхъ, проявившіеся въ эпоху ереси жа-  
довствующей, имѣли еще мѣсто, и хотя Висковатовъ не пускался въ  
крайніе выводы, но несомнѣнно отступалъ отъ существующаго порядка.  
Мнѣнія Висковатова возмущали тѣмъ опасѣе, что онъ излагалъ ихъ пу-  
блично и письменно; а на судѣ онъ показалъ, что на него имѣли влія-  
ніе бесѣды литвина Матіаса (вѣроятно того же, который упоминается  
въ дѣлѣ Башкина). Читая книгу Іонна Дамаскина, Висковатовъ выпи-  
салъ для себя мѣсто о Христѣ: «чюдотворія пріа, распяся»; между тѣмъ въ  
книгѣ оказалось: «чюдотвори, пріа страсти, распяся». Первое выраженіе  
составляло еретическое уклоненіе; но къ такому результату иногда  
приводило измѣненіе или пропускъ словъ совершенно неумышленный.  
Въ числѣ русскихъ еретиковъ оказывались, между прочимъ, такіе, которые ос-  
новывали свои мнѣнія на выраженіяхъ еретиковъ, вычитанныхъ въ по-  
лемическихъ сочиненіяхъ церковныхъ писателей; поэтому Максимъ Грекъ  
не хотѣлъ переводить церковной исторіи Θεодорита, такъ какъ въ ней  
было подробное изложеніе ересей. Въ сужденіяхъ Висковатова объ изо-  
браженіяхъ божества, соборъ видѣлъ галатскую ересь. Онъ доказалъ,  
написать объясненіе и подвергся эпитиміи на 3 года. На соборѣ ему  
было сказано, чтобы онъ впередъ не разсуждалъ о божественныхъ дѣ-  
лахъ, а зная-бы свое дѣло — «не разронять списковъ, потому что вся-  
кій долженъ знать свой чинъ: овца не должна дѣлать изъ себя пастыря  
и нога не должна думать, что она голова; міране не должны учить о  
заповѣдяхъ божіихъ и восхищать на себя санъ учительства»<sup>1)</sup>.

Съ инымъ характеромъ представляется намъ ученіе Θεодосія Ко-  
сого. Оно было открыто одновременно съ обществомъ Башкина и, по  
своей крайности, можетъ быть было причиною, что нѣкоторые изъ мнѣ-  
ній Косого были приписаны разсмотрѣнному нами направленію. Несом-  
нѣнно, что многочисленныя волонты, выведенныя внутрь Московскаго  
цесуарства изъ Новгорода и Пскова, должны были распространить въ

<sup>1)</sup> Соборы на еретиковъ, 8, 15.

Москвѣ и другихъ городахъ свои понятія, а реформаціонное движеніе въ соединеніи Литвы и Ливоніи могло усилить существовавшее броженіе.

«... Теодосій Косоу былъ рабомъ у одного изъ московскихъ бояръ, отъ котораго онъ бѣжалъ (1552) въ Вѣлзерскій монастырь и принялъ тамъ монашество. Впрочемъ, узнавши о его мѣстопробываніи, прежній владѣлецъ Косаго оказывалъ ему покровительство. Вскорѣ послѣ осужденія Вашина и Артемія, Косоу былъ схваченъ, преданъ суду \*) и посаженъ въ одинъ изъ московскихъ монастырей, откуда онъ бѣжалъ въ Литву. Ересь его преимущественно распространилась на сѣверѣ: самъ Косоу жилъ въ Вѣлзерскомъ монастырѣ, а его ученики, пришедшіе въ Зиновію Отенскому для бесѣды о новомъ ученіи, были изъ Хутынскаго монастыря. По ихъ же словамъ ученіе Косаго пользовалось большимъ уваженіемъ и имѣло многихъ послѣдователей. Сами клирики, спорившіе съ Зиновіемъ объ ученіи Косаго, старалась защитить его. Прежде всего здѣсь обращать на себя вниманіе способъ полемики. Послѣдователи Косаго придають большое значеніе тому, что онъ училъ по книгѣ и постоянно обращался съ книгою; между тѣмъ какъ епископы и попы все излагали наизусть. Даже бѣгство Косаго они оправдывали тѣмъ, что онъ освободилъ себя *разумомъ*. Зиновій возражаетъ, что ученіе Косаго *ложно*, и потому не можетъ быть истиннымъ; притомъ же онъ рабъ, а рабы, по градскимъ законамъ (по византійскому праву), не пользуются довѣріемъ и даже не могутъ быть свидѣтелями на судѣ.

Ученіе Косаго представляетъ крайній рационализмъ: 1) онъ отвергаетъ божественность Іисуса Христа, опираясь на тѣ мѣста священнаго писанія, гдѣ Іисусъ называется человекомъ сотвореннымъ (напр. у ап. Петра); 2) не признаетъ догмата искупленія, основываясь на неизмѣняемости *человеческой* природы послѣ пришествія Іисуса; и 3) *бессмертія души*; отвергаетъ иконы, называя ихъ идолами, храмы, посты (на основаніи священнаго писанія и словъ Іисуса, что не то свершить человека, что входитъ въ уста, а что изъ устъ); чудеса, мощи (на основаніи патр. Никифора и Антонія В., запрещающихъ наружное погребеніе тѣлъ) и вѣщныя *обряды*, какъ *человѣческія* преданія, введенныя духовенствомъ и которыхъ не одобряетъ Василій В. Мѣтніе Теодосія Косаго о Словѣ и Свѣтѣ Духѣ, о воплощеніи, искупленіи, иконахъ и поминовеніи умершихъ буквально сходны съ ученіемъ новгородскихъ еретиковъ и представляютъ

\*) О дѣлѣ его упоминается въ *Лет. эксед.* Т, стр. 351.

только преимущественное развитие его. Вот почему Зиновій имеет право сказать, что ересь Θεодосія обличается Просвѣтителемъ, Іосифа, какъ въ зеркалѣ<sup>1)</sup>. Положительная сторона ученія Косаго сводится къ дочитанію единого Бога-Отца, и потому онъ рекомендуетъ особенно читать вѣдхій заветъ, впрочемъ не изъ сочувствія къ юдаизму, а для подкрѣпленія мысли о единобожій, какъ дѣлалъ это Аріій, Косой не отвергаетъ значенія новозаветныхъ книгъ: онъ не совѣтуетъ только читать книги богослужебныхъ, аскетическихъ и молитвъ, потому что отвергаетъ вѣщность христіанства, но чтеніе Евангелія, апостоловъ (за исключеніемъ посл. ап. Павла къ евреямъ, которое Косой, подобно западнымъ протестантамъ, не признавалъ подлиннымъ) и некоторыхъ отцовъ церкви (Постническую книгу Василия Великаго, Маргаритъ Іоанна Златоуста и слова Григорія Бого-слова) онъ считаетъ необходимымъ для своихъ послѣдователей.

Но всѣ эти источники у Косаго получали соотвѣствующее его взвѣду толкованіе. Онъ дѣйствуетъ противъ врага его оружіемъ. Никонъ Черногорецъ говоритъ только, что чудеса бывають и отъ дѣйствія дьявола, для обольщенія людей, а Косой распространяетъ его предостереженіе на чудеса вообще. Опора восточнаго монашества, Василій Великій, такъ рагующій въ своей Постнической книгѣ противъ введенія челоуическихъ преданій, служитъ Косому главнымъ оружіемъ противъ монашества, какъ преданія, изобрѣтеннаго людьми. Максимъ Грекъ и Вассіанъ представляютъ въ своихъ сочиненіяхъ недостатки монастырей и незаконность монашескихъ имуществъ, а Θεодосій Косой на этомъ основаніи отвергаетъ значеніе представителей русскаго монашества. Его ученики также отвѣчали съ уваженіемъ о сочиненіяхъ этихъ двухъ писателей, почему ихъ вдѣаніе, какъ матеріала, несомнѣнно отразилось на Θεодосіѣ Косомъ. Какъ видно, вопросъ о монашествѣ близко затрогивалъ Зиновія, и потому онъ съ особенною подробностію заботится защитить его значеніе. Половина большаго труда Зиновія, направленаго противъ ереси Косаго (Истинны показаніе<sup>2)</sup>), посвящена возстановленію авторитета Постнической книги Василия Великаго. Ученикъ Максима Грека, даже пострадавшій за свои отношенія къ нему, опровергаетъ отзавы Максима и Вассіана о современномъ монашествѣ тѣмъ, что они не знали хорошо его жизни, живя преимущественно при дворѣ, и для большей убѣдительности присутъ

<sup>1)</sup> Истинны показаніе, гл. 46.

<sup>2)</sup> Помѣщено въ Правосл. соб. 1864 и 1865 гг.

идеальную сторону монашеской жизни,<sup>1)</sup> а въ протиречіяхъ съ жизнью Васіана въ Симоневомъ монастырѣ, гдѣ онъ занималъ содержаніе отъ княжескаго стола. Зиновій отступился отъ этого и отъ другаго пункта Максима Грека — отрицанія монастырскихъ имуществъ. Порочная богатства русскихъ монастырей, Максимъ ставитъ въ примѣръ имъ даже монаховъ картезіанскихъ, живущихъ подаліе отъ и трудовъ. Зиновій осуждаетъ это тѣмъ, что сборъ подаяній неслучайно нелучше жертвованій на монастырь, но послѣднее тѣмъ удобнѣе, что не утруждаетъ мирянъ посвященіемъ просителей, а существованіе общины имущества нисколько не нарушаетъ монастырскаго устава<sup>2)</sup>. Такъ впрочемъ говорилъ Зиновій, занимая существующій порядокъ отъ нападенія еретиковъ, съ которыми ему пришлось вести бесѣду; но въ другомъ сочиненіи онъ согласенъ съ Максимомъ Грекомъ,<sup>3)</sup> и тѣмъ самымъ доказываетъ, на сколько его сторона стояла выше интересовъ партіи. Современнѣе этимъ событіямъ мѣдніе Іосифа о монастырскихъ имуществахъ получило новую силу; на Стоглавомъ соборѣ этотъ вопросъ былъ утверждёнъ на прежнихъ основаніяхъ и митр. Макарій отвѣчалъ Іосифу IV въ духѣ митр. Симона<sup>4)</sup>.

Ставши въ оппозицію къ существующему порядку, Θεодосій не могъ обойти представителя господствовавшихъ возрѣній. Онъ старается подорвать довѣріе къ книгѣ Іосифа своею обыкновенною диалектикою. Выходя изъ той мысли, что 7-й вселенскій соборъ запретилъ прибавлять что бы то ни было къ выработанному ученію, Косой называетъ книгу Іосифа законопреступною, потому что она написана послѣ 7-го собора<sup>5)</sup>. Θεодосій не могъ примириться съ мыслию Іосифа о преслѣдованіи еретиковъ, и потому въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекаетъ духовенство въ недостаткѣ духа терпимости (что требуетъ ограниченія, стр. 416, 420).

Перебравшись въ Литву, Θεодосій женился и дѣятельно распространялъ тамъ свое ученіе. По одному источнику<sup>7)</sup>, вмѣстѣ съ нимъ

1) См. выше, стр. 126.

2) Повѣсть страшна, въ сочин. Макс. Грека, II.

3) Истины показаніе, гл. 45.

4) Слово на память соловец. чудотвор. Правосл. соб. 1859, стр. 368, 471—474.

5) Матер. для Стогл. собора, Литон. рус. литер. Тихомирова, Учен.

6) Истины показаніе гл. 45, ср. выше, стр. 269.

7) Wengerski, Systema Historiae Chronologicae. 262—263.

Объявил въ Литву Сома и Артемій, а по другому содѣйствовало ему въ распространѣніи ученія чернецъ Игнатій, томо вступившій въ бракъ \*). Называвшій въ первомъ источникѣ Артемій не могъ быть тропскій мученикъ, потому что Курбскій, лично знавшій его, говоритъ о немъ съ большою похвалою \*\*) и явно отдѣляетъ отъ этихъ еретиковъ, къ которымъ онъ относится крайне презрительно. Эти лица вѣроятно были Игнатій и Сома; упоминаемые въ дѣлѣ Василіана. Главными пунктами ихъ дѣятельности были Варебскъ и Полоцкъ. Курбскій замечаетъ, что Феодосій перешелъ потомъ въ арианство, а Венгерскій называетъ Сома восторгомъ. Вѣрнѣе, что они облизались съ соединенцами, такъ какъ въ ихъ ученіи было много общаго.

Хотя въ ближайшее время мы не встрѣчаемъ уже подобнаго проявленія еретическаго движенія, но мнѣнія съ отрицательнымъ характеромъ продолжаютъ высказываться \*\*). Въ началѣ XVII вѣка приливъ польскаго элемента еще болѣе способствовалъ броженію общества, которое поддерживалось политическими беспорядками и вопареніемъ самовластіа. Такъ, служа при его дворѣ, князь Иванъ Хворостининъ, сблизился съ польскими панами и попами, отъ которыхъ достать разныхъ латинскихъ книгъ. Усвоивши себѣ ихъ образъ мыслей, онъ сталъ отрицать церковныя обряды, вѣчную жиэль, святыхъ, а своими людьми запрещалъ ходить въ церковь. Конечно его наставниками были не католическіе священники. Въ послѣдствіи Хворостининъ хотѣлъ совсѣмъ переѣхать въ Литву, бранилъ Россію, и русскаго государя называть деспотомъ. За все это при Василіѣ Шуйскомъ онъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь; а при Михаилѣ Феодоровичѣ, послѣ временнаго освобожденія и вторичнаго уклоненія въ ересь — отправленъ въ Кирилловъ монастырь, откуда снова освобожденъ въ 1632 г. \*).

Отрицательное направленіе въ религіозной жизни древней Россіи, болѣе двухъ столѣтій волновавшее русское общество, оставило послѣ себя глубокіе слѣды. Анти-іерархическое направленіе, возникшее въ

1) Курбскій, 267, 268.

2) Ibid. 256.

3) Соловьевъ, IX, 436. Монахъ (уставщикъ) Троицкой лавры Филаретъ не признавалъ Христа прежде вѣкъ рожденнымъ, а божество представлялъ челоуѣкообразнымъ (какъ антропоморфиты).

4) Ibid. стр. IX, 457—459.

Новгородской области въ слѣдствіе политическихъ условій бытъ въ ХУІ вѣкѣ развились въ церковно-демократическія секты (безпопощичи, съ такимъ успѣхомъ дѣйствовавшія въ предѣлахъ Новгородской области <sup>1)</sup>). Въ сектѣ *субботниковъ* еще Дмитрій Ростовскій отбывалъ черты, ясно напоминающія «жидовствующій» элементъ, входившій въ составъ новгородской ереси ХУ вѣка, и на этомъ основаніи первую считать продолженіемъ послѣдней <sup>2)</sup>. Справедлива также догадка, что молokane и духоборцы составляютъ продолженіе рационалистическаго движенія ХУ—ХУІІ в. <sup>3)</sup> Въ этому же направленію слѣдуетъ отнести и другія подходящія явленія (напр. Селезневщину и др.), которыя не имѣютъ ничего общаго съ *старообрядствомъ*, хотя нѣрѣдко смѣшиваются съ его сектами подъ общимъ именемъ *раскола*. Послѣдній также успѣлъ высказаться въ разсмотрѣнную нами эпоху, но совершенно въ противоположныхъ явленіяхъ; въ привязанности къ буквѣ и исключительной обрядности (см. выше, стр. 371—374) <sup>4)</sup>.

Разсматривая отрицательное направленіе въ дѣломъ его составѣ, мы можемъ сдѣлать нѣсколько общія заключенія.

1) Въ первоначальномъ видѣ оно имѣло чисто мѣстный характеръ и возникло въ слѣдствіе современныхъ злоупотребленій.

2) Соціальныя черты этого движенія въ первый періодъ его развитія обусловливались политическимъ бытомъ Пскова и Новгорода, которые стремились подчинить ему и церковныя отношенія.

3) Выйдя изъ Пскова и Новгорода, — ересь сильно распространилась въ прилежащихъ мѣстностяхъ; оттого въ северныхъ монастыряхъ замѣчается возбужденное религіозное движеніе. Въ Москвѣ же и другихъ городахъ еретическое ученіе сдѣлалось извѣстнымъ въ слѣдствіе переселеніемъ новгородцевъ и псковитянъ внутрь государства.

4) Выдавалъ скептическое ученіе развилося изъ анти-авраамическихъ стремленій; но потомъ въ составъ его вошло другія элементы путемъ вниженія и въ слѣдствіе усиленія книжной дѣятельности съ исхода ХІV вѣка. Новгородская ересь не носитъ на себѣ признаковъ

<sup>1)</sup> Устройств. Новгород. іерар. Прав. соб. 1863, I, 291.

<sup>2)</sup> Фоминыхъ: Брынской вѣрѣ, III, гл. 18.

<sup>3)</sup> Ливановъ, Молokane и Духоборцы, Вѣстн. Европы, 1868, октябрь, 696.

<sup>4)</sup> Забѣчательно, что строгое ученіе Іосифа сдѣлалось достояніемъ той же школы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя послѣ Іосифа воспротивилась нововведеніямъ Никона и Хрущова; стр. VII.

Одного определяющего влияния, а представляется соединением нескольких учений, которые нашли себе готовую почву в социальных условиях. С другой стороны, возбуждение религиозных вопросов оказало значительное влияние на развитие письменности.

5) Юдейский элемент в ереси «жидовствующих» в тесном смысле слова имел ограниченное влияние; а приписываемое ему значение в истории новгородской ереси объясняется его образовательной стороной. Представители этого направления по всей вероятности образовались под влиянием того умственного движения, которое замыкается в то время в среде караитов и вышло из Константинополя.

6) В умственном и религиозном отношении новгородскую ересь (в полном ее развитии) можно рассматривать, как протест против современных недостатков в религиозной жизни и преобладания в обществе формального понимания религии. Одновременно с этим рационалистическим направлением развивается другое, которое стремится к той же цели путем радикальных реформ, но не выходит за пределы догматического учения. К этому направлению относятся: Нил Сорский, Вассиан Косой, Максим Грек, Башкин, Артемий и другие члены этого кружка. Сходство в некоторых мнениях этого направления с предшлющими заставляло в то время предполагать, что между ними существовало известное отношение; тем более, что их тесно связывало местное происхождение (Заволжская пустыня). Приведенные нами доводы не допускают такого заключения, но нельзя отвергать, чтобы современное отрицательное движение не проявляло на некоторых последователей Нила своего влияния, которое могло отразиться на них в положительном виде. Отчасти это влияние, отчасти их собственные стремления были причинами, что в их общественной деятельности и мнениях было много общего. Из кружка Максима Грека и Вассиана вышел князь Курбский, который применил свою критику в политическим вопросам и враждебно отнесся к политической деятельности «исидорян».

6) Учение Θεοδοσία Косаго представляет нам крайнее развитие обоих направлений (с одной стороны на нем видно влияние учения новгородских еретиков; с другой — Максима Грека и Вассиана), с присоединением новых элементов, проявившихся в России под влиянием реформационного движения в соседней Дании и Швеции.

8) В историческом отношении скептическое направление состави-



сть рядъ учений, преемственно развивавшихся въ теченіи двухъ столѣтій и отразившихся въ послѣдующіе вѣка въ отрицательныхъ сектахъ раскола.

9) Но свѣтлическое направленіе XV и XVI вв. въ свою очередь вызываетъ реакцію, представителемъ которой былъ Іосифъ Волоколамскій. Онъ представляетъ намъ рѣзко обозначенный типъ съ строго-опредѣленными релігіозными, политическими, социальными понятіями и съ непреклонными стремленіями приложить ихъ въ дѣлу. Онъ служилъ воспитателемъ въ своихъ началахъ множество учениковъ, которые поддерживали ихъ господственное значеніе въ теченіе всего XVI вѣка. Говоря точнѣе, это была своего рода школа, строго охранявшая свои принципы. Вотъ почему ученики Іосифа такъ дорожили своимъ именемъ «іосифляне», которое было усвоено въ такомъ видѣ только за ихъ монастыремъ и которое было такъ ненавистно ихъ противникамъ.

10) Борьба «іосифлянъ» съ предъидущими направленіями впервые выставила на обсужденіе принципъ вѣротѣрпимости. Въ концѣ концовъ восторжествовало мнѣніе Іосифа, которое было примѣнено къ дѣлу на основаніи «градскихъ законовъ», а Уложеніе вполне усвоило этотъ принципъ. «Долго перевѣсъ оставался за іосифлянами и *иконолаицы*, въ своихъ преслѣдованіяхъ раскола, проивались чистого іосифовскою нетерпимостью»<sup>1)</sup>. Но современные изслѣдователи, касаясь этого предмета, заявляютъ свои симпатіи въ пользу послѣдователей Нила Сорскаго, «въ надеждѣ, что наконецъ вѣсы вполнѣ склонятся на сторону направленія старцевъ заволжскихъ»<sup>2)</sup>.

Въ борьбѣ Іосифа съ ересью ясно выразилось значеніе гражданско-своей власти по византійскому праву; въ противоположность римской системѣ, Іосифъ не могъ достигнуть цѣли, пока не успѣлъ склонить на свою сторону Іоанна III и Василія Іоанновича, хотя инициатива самаго дѣла все-таки остается за нимъ. Въ такомъ же видѣ представляются намъ эти отношенія и въ XVII в., когда возникъ вопросъ о *мѣрахъ* противъ раскола<sup>3)</sup>, а потому эти отношенія заслуживаютъ вниманія, чтобы прослѣдить ихъ исторически.

<sup>1)</sup> Журн. министер. нар. просв. 1868, февр. О *мѣрахъ*. Іос. Волок. профес. Миллера, 546.

<sup>2)</sup> Ibid. 545, и Хрущовъ въ Изслѣд. о соч. Іосифа Волоколамскаго, 1868. Такой же взглядъ провели мы въ соч. «Русскіе общест. дѣят. XVI вѣка». Кіевъ. 1866.

<sup>3)</sup> См. выше, стр. 312—313.

## Глава IX.

Не смотря на преобладающее значеніе духовенства въ государственной организаціи древней Россіи, какъ образующаго элемента <sup>1)</sup>, оно было поставлено здѣсь въ условія, подходящія къ его положенію въ Византійской имперіи. Содѣйствуя утвержденію политическаго порядка, духовенство вполне подчинялось ему. Русскіе князья на первыхъ порахъ стремятся освободить церковныя дѣла отъ внѣшняго вмѣшательства; но въ замѣнь подчиненія ихъ вліянію константинопольскаго патріарха стараются установить зависимыя отношенія духовенства къ себѣ. Византійскія преданія о преобладающемъ значеніи свѣтскаго авторитета оказали въ этомъ случаѣ значительную долю вліянія. Разсмотрѣвши въ своемъ мѣствѣ подробно, какъ греческое и русское духовенство содѣйствовали возвышенію авторитета московскаго князя, адѣкъ достаточно будетъ объяснить тѣ уклоненія, какія существовали въ нашей исторіи, въ противоположность господствовавшему порядку.

Изъ древняго періода мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ подобнаго уклоненія, но они объясняются въ известной степени покровительствомъ свѣтской власти. Стремясь къ образованію самостоятельнаго княжества на сѣверѣ, Андрей Боголюбскій хотѣлъ учредить во Владимірѣ особую митрополию и имѣлъ въ виду на нее своего любимца — суздальскаго игумена Теодора. Эти хлопоты не удалась въ Константинополь; но Теодоръ былъ посвященъ въ епископы ростовскіе. Поставленный патріархомъ, онъ не хотѣлъ признавать кievскаго митрополита, не смотря на всѣ угованія Андрея принять благословеніе у послѣдняго, и самовольно возложилъ на себя бѣглый клобукъ. Тогда митрополитъ Константинъ запретилъ духовенству признавать Теодора епископомъ, и дѣйствительно оно перестало относиться къ нему. Честолюбивый Теодоръ не могъ снести такой неудачи и принялся жестоко преслѣдовать своихъ противниковъ: онъ отлучалъ духовныхъ лицъ, заперъ церкви во Владимірѣ и даже грабилъ гражданъ. Лѣтписецъ рассказываетъ о неморальныхъ казняхъ, которымъ подвергались враги Теодора. Андрей сначала сдерживалъ своего любимца; но тотъ и не думалъ уступать. Въ припадкѣ дѣвства, Теодоръ сталъ хулить Иисуса Христа, Богородицу и святыхъ. Наконецъ Андрей отослалъ его въ Кіевъ и предать суду митрополита. На

1) См. выше, стр. 299—300.

первый разъ Теодоръ былъ лишенъ сана и сосланъ на Песій островъ; но и тамъ продолжалъ держаться своей ереси. Тогда его судили вторично, и на этотъ разъ, по приговору митрополита, отрѣзали ему языкъ и правую руку, вывомили глаза и наконецъ отсѣкли голову. Конечно воѣ поступки Теодора и даже его наказаніе характеризуютъ жестокость того времени (второй половины XII вѣка); но едвали Теодоръ могъ совершить ихъ въ нормальномъ состояніи и въ такомъ видѣ, какъ представляеть летописецъ<sup>1)</sup>. Несомнѣнно, однако, что въ его жестокостяхъ, судя по его приговору, есть извѣстная доля правды. Оскорбленный неудачею въ своихъ планахъ, онъ могъ впасть въ болѣзненное расстройство, хотя едвали онъ могъ-бы дѣйствовать такъ самостоятельно, еслибы не опирался на расположеніе Андрея Боголюбскаго.

Точно также при Димитріѣ Донскомъ заявилъ себя рѣзкими поступками избранный имъ въ митрополиты — Митяй (Михайль). Не будучи еще посвященъ въ этотъ санъ, онъ присвоилъ себѣ всѣ его права, звалъ на судъ духовныхъ и, зная ихъ нерасположеніе къ себѣ, жестоко каралъ за это; особенно же гордо обходился онъ съ епископами, будучи самъ только архимандритомъ. Митяю все сходило, благодаря расположенію къ нему вел. князя, но смерть помѣшала ему вполне утвердиться<sup>2)</sup>. Нѣсколько примѣровъ подобной же уступчивости предста-

<sup>1)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. I, 152; II, 102—103; IV, 12. «Однихъ онъ велѣлъ распинать, другимъ отрѣзать руки и ноги, третьимъ выжигать глаза, четвертыхъ варилъ въ котлахъ или ссылалъ въ заточеніе».

<sup>2)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 28—31; Никон. лѣт. IV 66—67. Митяй первоначально былъ коломенскимъ священникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ духовникомъ Димитрія Донскаго и важнѣйшихъ бояръ. Видный собой, искусный въ книгахъ и бойкій на словахъ—онъ сумѣлъ поправиться вел. князю, и потому когда открылось мѣсто архимандрита Спасскаго монастыря—Димитрій велѣлъ постричь его въ монахи и въ тотъ же день сдѣлать его архимандритомъ послѣдняго. Передъ смертію митр. Алексѣя, вел. князь упрощивалъ его благословить Митяя въ будуще митрополиты, но тотъ не согласился. Тогда Димитрій рѣшился самъ провести своего любимца. По смерти митр. Алексѣя, онъ назначилъ на его мѣсто Митяя, а тотъ убѣдилъ князя созвать для своего поставленія русскихъ епископовъ, опасаясь, что его не посвящать въ Константинополь. Противъ Митяя дѣйствовали два лица—Сергій Радонежскій, спосившійся по этому поводу съ митр. Киприаномъ, жившимъ въ Кіевѣ, и Димитрій архіеп. суздальскій, помогавшійся митрополитомъ черезъ патр. константинопольскаго. Но Киприана не пропустили въ Москву (за что онъ отлучилъ всѣхъ своихъ противниковъ. См. его посл.

вляеть намъ Юаннь III, известный довольно самостоятельнымъ характеромъ. Узнавши, что легатъ, провожающій цесарьну Софію въ Москву, будетъ имѣть торжественный въѣздъ съ латинскимъ крестомъ впереди, митр. Филиппъ I явился къ вел. князю и настойчиво объявилъ ему, что этого быть не можетъ; что легатъ не долженъ даже приближаться къ Москвѣ въ такомъ видѣ; «а если ты допустишь это, желая почтить его, заключилъ митрополитъ, то я отецъ твой, въ то время, какъ онъ въѣдетъ въ городъ въ одніе ворота, выѣду въ другія изъ города; потому что не достойно того ни видѣть, ни слышать... И великій князь запретилъ въѣзжать легату съ крестомъ <sup>1)</sup>. Но эта уступчивость можетъ объясняться общимъ нерасположеніемъ къ иновѣрцамъ, доходящимъ даже при дворѣ до того, что московскіе государи, послѣ допущенія иностранныхъ пословъ къ рукамъ, обыкновенно обмыкали ее, чтобы очиститься отъ привнесенія еретиковъ <sup>2)</sup>. Съ болѣе определеннымъ характеромъ представляются отношенія Іоанна къ митр. Геронтію. Во время освященія Успенскаго собора, митрополитъ ходилъ въ крестномъ ходѣ противъ солнца, что возбудило споры въ обществѣ. Одни стояли на сторонѣ митрополита; другіе говорили, что слѣдуетъ, напротивъ, ходить по-солнцу. Іоаннь принялъ сторону послѣднихъ и заявилъ свое неодобреніе Геронтію, опасаясь, что за его отступление послѣдуетъ гнѣвъ божій на Москву. Оскорбленный Геронтій выѣхалъ изъ Кремля въ Симоновъ монастырь, заявивъ, что если вел. князь не ударитъ ему челомъ, онъ оставитъ митрополию и станетъ жить простымъ монахомъ. Между тѣмъ было построено много новыхъ церквей, которыя оставались безъ освященія. Страну митрополита держали духовенство, монахи и народъ, а за вел. князя стояли только—ростовскій архіепископъ Іоасафъ (изъ князей Оболенскихъ) и чудовскій архимандритъ Геннадій (изъ бояръ Голызиныхъ). Видя на своей сторонѣ меньшинство, Іоаннь послалъ къ митрополиту своего сына съ просьбою возвратиться. Геронтій не согласился. Тогда поѣхалъ къ нему самъ Іоаннь, призналъ себя виновнымъ и общалъ во всемъ повиноваться митрополиту, и тотъ возвратился въ

къ Сергію и его племяннику Теодору, Прав. соб. II, 75—106), а узнавши о побѣгѣ Діонисія, вел. князь немедленно отправилъ въ Константинополь и Митяю съ огромною свитою, самъ проводивъ его до Оки, но смерть помѣшала Митяю достигнуть цѣли. Онъ скончался не доѣзжая Константинополя и былъ похороненъ въ Галатѣ.

<sup>1)</sup> Полн. соб. рус. дѣт. VI, 192; Нивон. VI, 50.

<sup>2)</sup> Герберштейнъ.

Москву. Въ другой разъ (въ 1482) между ними возникло столкновение опять по поводу религіознаго вопроса. Въ этотъ годъ крещенскій сочельникъ пришелся въ воскресенье, въ слѣдствіе чего чудовскій архим. Геннадій разрѣшилъ своей братіи ввустить нищу до освященія воды. Геронтіій увидѣлъ въ этомъ оскорбленіе святыни и своего сана, потому что Геннадій поступилъ такъ безъ благословенія митрополита. Но когда Геронтіій велѣлъ привести къ себѣ Геннадія, тотъ убѣжалъ къ вел. князю. Тогда митр. обратился съ жалобою къ Иоанну и вел. князь отдалъ Геннадія на его судъ; митрополитъ посадилъ его въ ледникъ, и едва удалось вел. князю съ боярами выпросить виновному прощеніе. Конечно Геронтіій дѣйствовалъ здѣсь противъ Геннадія подъ вліяніемъ предыдущаго случая. Но и здѣсь, очевидно, Иоаннъ уступилъ митрополиту потому, что самый вопросъ былъ чисто религіознаго содержанія. Однако эти столкновения все-таки не нравились вел. князю, и потому, когда митрополитъ, по случаю болѣзни, заявилъ желаніе оставить свой престолъ и удалиться въ Симоновъ монастырь, Иоаннъ успѣшилъ назначить на его мѣсто Пансія (Ярославова), игумена Троицкой лавры. Ебреянъ удаленіе Геронтія не было искривленнымъ, потому что, лишь только онъ оправился отъ болѣзни, какъ снова заявилъ свои права на митрополию. Великій князь старался отговорить его; но Геронтіій не соглашался и нѣсколько разъ убѣгалъ къ Москву, хотя его каждый разъ перехватывали на дорогѣ. Наконецъ, опасаясь соблазна, Иоаннъ снова принялъ Геронтія, а Пансію, болѣе расположенный къ пустынь, охотно отказался отъ предложенной чести. За то, когда Иоаннъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ—онъ дѣйствовалъ рѣшительно. Гораздо прежде разсказанныхъ событій (1478), Иоаннъ рѣшилъ споръ между митр. Геронтіемъ и ростов. архіеп. Вассіаномъ. Монахи Кирилло-Бѣловерскаго монастыря, нежелая быть подъ властью послѣдняго, просили своего удѣльнаго князя, Михаила Андреевича верейскаго, взять ихъ въ свое вѣдѣніе. Князь обратился съ просьбою объ этомъ къ митрополиту, и тотъ далъ надлежащую грамоту. Сначала Вассіанъ просилъ митрополита не вступаться въ его область, а когда тотъ не послушалъ, то онъ обратился на судъ къ вел. князю, Иоаннъ совѣтовалъ Геронтію отступить отъ неправильнаго дѣла. Геронтіій стоялъ на своемъ. Тогда вел. князь велѣлъ съѣзжаться въ Москву духовному собору. Митрополитъ, говоритъ Соловьевъ, испугался соборнаго суда и просилъ Иоанна потушить дѣло. Иоаннъ уничтожилъ его грамоту и монастырь по древнему подлежалъ вѣдѣнію архіеп. ро-

стовскаго <sup>1)</sup>). Послабленіе еретикамъ со стороны Геронтія, Іосифъ Волоколамскій прямо объясняетъ тѣмъ, что онъ «боялся державнаго.» Будучи образовательною силою въ древней Россіи, духовенство проводило въ общество идею о высокомъ значеніи своей дѣятельности. «Церкъ, говорится въ одномъ древнемъ правилѣ, не боится и не стыдится передъ лицомъ сильнаго человѣка—будетъ-ли это царь или князь, судья или воинъ, потому что ты поставленъ отъ Бога» <sup>2)</sup>. Только при независимомъ положеніи оно могло выступать съ смѣлыми обличеніями и защитою слабыхъ передъ сильными. Вотъ почему въ обществѣ замѣтно расположеніе въ пользу такого значенія духовенства <sup>3)</sup>.

Церковные писатели отмѣчаютъ двѣ эпохи въ отношеніяхъ свѣтской власти къ духовной въ древней Россіи: до утвержденія господства Московскаго княжества и со времени его утвержденія (именно съ Іоанна III). До тѣхъ поръ разьединенность Россіи и непосредственная зависимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха придавали ей представителю значительную самостоятельность <sup>4)</sup>. Дѣйствительно, лица, прибывшія изъ Византіи, отличались болѣе независимымъ характеромъ, надѣясь всегда найти поддержку въ Константинополѣ. Митр. Кипріанъ, оскорбленный вел. княземъ (Димитріемъ Донскимъ), который не хотѣлъ признавать его назначенія и не принялъ его въ Москву, проводитъ идею о независимости епископовъ отъ воли вел. князя, который не долженъ ни назначать, ни судить ихъ. Кипріанъ ставитъ ихъ въ непосредственную зависимость отъ собора и патріарха <sup>5)</sup>. Митр. Фотій заставилъ Василя Дмитріевича возратить всѣ земли, принад-

<sup>1)</sup> Соловьевъ, V, 262—265.

<sup>2)</sup> Правило о покаяніи, изъ Сборн. XV или XVI в. Прав. соб. 1860, I, 354.

<sup>3)</sup> Посл. опальнаго къ митр. Макарію, Прав. соб. 1863, III, 408—420.

<sup>4)</sup> Свѣц. Никольскій, въ Журн. мин. нар. просв. 1868, февр. 331.

<sup>5)</sup> Кипріану приписываютъ знаменитый отвѣтъ Димитрію Донскому, когда тотъ рѣшился сразиться съ Мамаемъ. «Господь велѣлъ христіанамъ, говоритъ онъ, поступать по евангельскому слову: будьте мудры, какъ змѣи, и кротки, какъ голуби. Змѣиная мудрость состоитъ въ томъ, что когда начнутъ змѣю бить—она отдаетъ тѣло на извыи и побой, а голову укрываетъ, сколько есть силы. Вотъ такъ и христіанинъ: если случится, что его стануть гнать и мучить, долженъ все отдавать—и золото, и серебро, и имущество, и честь, и славу, а голову свою укрывать. Голова же Христосъ и вѣра христіанская. Требуешь у насъ имущества, золота, серебра, чести и славы—все отда-

лежавшія митрополиту, но присвоенныя вел. князю<sup>1)</sup>. Максимъ Гревъ, защищая права константинопольскаго патриарха, проводитъ мысль о преобладающемъ значеніи его власти<sup>2)</sup>.

(Но, вмѣстѣ съ развитіемъ Московскаго государства, политическая дѣятельность духовенства значительно суживается. Современники Василія Іоанновича жалуются, что митр. пересталъ печаловаться о пребудущихъ<sup>3)</sup>; Максимъ Гревъ и Курбскій говорятъ о времени Іоанна Грознаго, что нѣтъ болѣе Самуила, Наама, Илія, Елисея, Амвросія, Василія В., І. Злагоуста, которые обвиняли-бы несправду и удерживали гнѣвъ царей<sup>4)</sup>). Со времени избранія митрополитовъ въ Россіи, они становятся въ зависимое положеніе отъ лицъ, стоящихъ въ главѣ управленія, и выборъ ихъ нередко происходитъ подъ вліяніемъ барьеръ придворныхъ партій<sup>5)</sup>, съ надоміемъ которыхъ они принуждены были уступать свое мѣсто другимъ (Даніиль, Іоасафъ, Германъ, Діонисій). XVI столѣтіе наполнено подобными примѣрами: изъ девяти лицъ, бывшихъ митрополитами при Іоаннѣ Грозномъ, одинъ Макарій могъ устоять митрополитымъ—и во время боярщины, и въ самостоятельное правленіе Іоанна Грознаго, двадцать лѣтъ управляя церковными дѣлами (1548—63), но современники, говоритъ Карамзинъ, упрекали его въ излишество

вайте, а когда вѣру хотятъ отнять—стойте за нее крѣпко. Такъ и ты, господинъ, сколько можешь собрать золота и серебра, пошли къ Мамаю, исправься передъ нимъ и увроти его ярость». Но, принимая во вниманіе, что Кириіанъ утвердился митрополитомъ въ Москвѣ только въ 1381 г., нѣкоторые заподозрѣваютъ эти отношенія. Костомаровъ же по этому самому приписываетъ отвѣтъ какому-нибудь другому духовному лицу (Моногр. III, 20): Вѣрнѣе, что Кириіанъ отвѣчалъ такъ по поводу нашествія Тохтамыша (1382), когда онъ налетѣлъ на себя даже гнѣвъ вел. князя, за оставленіе столицы.

1) Рукопис. посл. Фотія въ житіи у Филар. и Никонов. лѣт. V, 53, 54, 72. Въ обращеніи къ духовенству Фотій говоритъ: «елико отстоять небо отъ земли; толико отстоять нашъ санъ паче всякаго великаго сана мірскаго». Прав. соб. 1861, II, 315.

2) По этому поводу Максимъ писалъ: «Святительство вѣнчаетъ и утверждаетъ царей, а не царство святителей... Ибо больше есть священство царства земскаго, кромѣ бо всякаго прекословія меньша отъ большаго благословляется». Сочин., III, 155.

3) Акты экснад. I, № 172.

4) Соч. Макс. Грева, II, 319; Посл. Курбскаго, Прав. соб. 1863, II, 307.

5) Журн. мин. нар. проsv. 1868, февр. 332.

честности и работности духа <sup>1)</sup>. Въ такомъ же отношеніи: своимъ и дру-  
гимъ высшимъ лицамъ, что церковные писатели считаютъ привычною огра-  
ченного круга дѣятельности духовенства и его слова, которое значи-  
тельно ослабло въ сравненіи съ древнимъ періодомъ <sup>2)</sup>. Новгородскій архіеп.  
Феодосій въ посланіи къ Юанну Грозному уже не рѣшается назвать  
царя; но пишетъ ему, «какъ ученикъ—учителю, какъ рабъ государю,  
ищающему въ рукавъ силу, и страшному для другихъ своимъ на-  
скимъ словомъ» <sup>3)</sup>. Только изъ глубины пустыни, гдѣ нечего было те-  
рять <sup>4)</sup>, или отъ опальныхъ снимается иногда смѣлая рѣчь <sup>5)</sup>.

Воспитаніе наложило на Юанна Грознаго тяжелую руку. Онъ самъ  
объясняетъ намъ свой характеръ впечатлѣніями дѣтства. Но если подѣ-  
лвліемъ ирреартельныхъ отношеній Шуйскихъ къ памяти его отца, Юаннъ  
могъ развить въ себѣ чувство негодованія во всему, что хоть сколько  
нибудь напоминало ему предательство на его вначеніе; то Сильвестръ,  
овладѣвшій совѣстью Юанна въ самую критическую минуту и на дол-  
го удержавшій за собою это вліяніе, долженъ былъ оставить въ памяти  
Юанна также глубокіе слѣды. Сомнительно, чтобы онъ впервые прибылъ въ  
Москву: во время страшнаго пожара (1547); его внезапное появленіе  
передъ царемъ въ то время, когда послѣдній трепеталъ отъ страха,  
вѣроятно было обдуманномъ планомъ, чтобы подѣйствовать на впечат-  
лительную натуру Юанна, успѣвшаго заявить себя пренебреженіемъ  
обязанностей. Сильвестръ былъ родомъ новгородецъ <sup>6)</sup>, и вѣроятно  
прибылъ въ Москву за долго до настоящаго событія. Есть основаніе  
предполагать, что Сильвестръ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ мит-  
рополиту Макарію, бывшему новгородскому архіепископу. Макарій  
могъ сблизиться съ Сильвестромъ въ Новгородѣ, во время составленія  
Четвѣр-Мисей, такъ какъ Сильвестръ былъ извѣстенъ начитанностію и  
любовію къ книгамъ (онъ занимался снисываніемъ житій, а въ Кирил-  
ловомъ монастырѣ хранится много книгъ, принадлежавшихъ ему; меж-

1) Карамзинъ, IX, 27.

2) Русская пропов. въ XV и XVI вв. въ Журн. мин. нар. просв. 1868, февр. 331—336.

3) Акты истор. I, № 41.

4) Жур. мин. нар. просв. ib. 336.

5) См. Максима Грека: поучительныя главы къ Вас. Іоанн. и Іоанн. Грозному, а также о ест. Россіи въ нравл. сочр. Соч. II, 157, 346, 349. Нашего изслѣд. «Максимъ Грекъ» гл. X.

6) Царственная книга, 342.



ду прочимъ онъ собиралъ даже греческія рукописи <sup>1)</sup>. Вѣроятно, въ скоромъ времени, послѣ возведенія Макарія въ митрополиты, Сильвестръ былъ переведенъ въ Москву, и теперь рѣшились воспользоваться имъ, какъ энергическимъ и книжнымъ человекомъ. Съ сильными угрозами явился Сильвестръ передъ Иоанномъ и старался смирить его, указывая на бѣдствіе Москвы, какъ на гнѣвъ божій, и подтверждая свое посланничество разказами о разныхъ явленіяхъ, которыя побудили его на этотъ подвигъ <sup>2)</sup>. Иоаннъ смягчился—и принесъ публичное покаяніе, принявъ на себя причину всѣхъ бѣдствій, а Сильвестръ сдѣлался вліятельнымъ лицомъ. Домострой вполнѣ характеризуетъ намъ его автора. Какъ Иоаннъ, начитавшись произведеній тогдашней литературы, усвоилъ себѣ самыя крайнія черты своей власти, такъ Сильвестръ, одинъ изъ представителей тогдашней книжности, воспользовался ею для утвержденія взглядовъ въ пользу преобладающаго значенія своего положенія. Педантическій въ мелочахъ домашней жизни, суровый наставникъ въ отношеніи къ дѣтямъ, требовательный въ исполненіи религіозной внѣшности, даже въ ущербъ духу религіи, и наконецъ строго охраняющій свои права, Сильвестръ не могъ измѣниться въ своемъ новомъ положеніи. Онъ сдѣлался самовластнымъ распорядителемъ при дворѣ. По его желанію дѣйствовали всѣ лица, стоявшія во главѣ управленія, какъ гражданскія, такъ и духовныя, и никто не рѣшался противодѣйствовать ему; даже митрополитъ подчинялся его волѣ; однимъ словомъ, ему не доставало только соотвѣтствующаго духовнаго или гражданского сана, чтобы стать на вершинѣ іерархической лѣстницы государственнаго управленія. Хотя вмѣстѣ съ Сильвестромъ былъ приближенъ къ престолу и Адашевъ; но современники приписываютъ инициативу во всѣхъ дѣлахъ Сильвестру. Въ союзѣ съ митрополитомъ и Адашевымъ онъ замѣнилъ прежнихъ совѣтниковъ новыми и принялся за перевоспитаніе Иоанна <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Погодинъ, Иоаннъ Грозный, въ Арх. истор. практ. свѣд. о Рос. Калачова, 1859, V, 15, 16.

<sup>2)</sup> Рассказывая объ этомъ, Курбскій прибавляетъ о послѣднихъ: «незнаю, истинныя ли они были или только придуманы, чтобы напугать его (Иоанна), какъ часто и отцы повелѣваютъ своимъ слугамъ пугать дѣтей выдуманными страшилищами, чтобы удержать ихъ отъ дурныхъ игръ и злыхъ сверстниковъ. Думаю, что такъ поступилъ и Сильвестръ». Исторія Иоанна, стр. 9.

<sup>3)</sup> Курбскій, 9—11; Царствен. книга, 342.

Сильвестръ подчинилъ его тому строгому надзору, поборникомъ котораго онъ представляется намъ въ своемъ Домостроѣ. Онъ опредѣлить для царя количество пищи, одежду, часы сна, время отношеній къ женѣ. Онъ зорко слѣдилъ за жизнью Іоанна и сурово каралъ его за уклоненіе отъ своихъ требованій («поричая словами какъ бритвою и удерживая плоть, какъ бы крѣпкою уздою и браздами»). А когда не дѣйствовали убѣжденія, Сильвестръ прибѣгалъ къ обычнымъ своимъ приемамъ: «если Іоаннъ не послушаетъ совѣта, его запугиваютъ разореніемъ царства и погубелью души; случится въ царскомъ семействѣ какое-нибудь бѣдствіе, на него указываютъ, какъ на наказаніе божіе за непокореніе»<sup>1)</sup>. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Іоаннъ тогда не былъ ребенкомъ. Сильвестру пришлось имѣть дѣло съ возрастомъ, когда уже выработывается характеръ (Іоаннъ род. 1530, а Сильвестръ вступилъ въ управленіе въ 1547). До сихъ поръ Іоаннъ пользовался полною свободою, и потому въ немъ успѣли уже развиваться влеченія, чуждыя всякой стѣснительности. Сильвестръ подчинилъ его дисциплинарнымъ правиламъ, но въ то время, какъ весь день Іоанна былъ расположенъ въ строгомъ порядкѣ, самъ онъ, «плѣненный властью», распорядился всѣми дѣлами, не позволяя Іоанну вмѣшиваться въ нихъ, раздавать должности по своему выбору и видимо стремился составить вокругъ себя политическую партію. Когда Іоаннъ задумалъ предпринять войну противъ Ливоніи—сторона Сильвестра подвергла этотъ планъ порицанію и настаивала на войнѣ противъ Крыма. При томъ взглядѣ на права власти, какой уже сталъ слагаться у Іоанна въ ту пору, такой способъ дѣйствія могъ только развить въ немъ всѣ прежнія черты характера, а, при постоянномъ надзорѣ, къ нимъ неминуемо должны были прибавиться еще новыя качества: подозрительность и скрытность, въ послѣдствіи такъ легко разрывавшія всѣ лучшія отношенія Іоанна. Время правленія Сильвестра оставило въ Іоаннѣ непріятныя воспоминанія. Онъ не могъ примириться съ воспитательною системою Сильвестра, направленною противъ человеческой природы («я человекъ, а быть выше человеческаго естества—это фарисейство; вы же наложили на меня бремя фарисейскихъ обичаевъ, сами неисполняя ихъ») и враждебно отнесся ко всей его дѣятельности. Въ его дѣйствіяхъ Іоаннъ ничего не видитъ кромѣ

1) Курбскій, Ист. Іоанна, 79, 2-е посл. къ Іоанну, 230, и 1-й отвѣтъ Іоанна.

разсчитаннаго властолюбія и прямо нападаетъ на большое мѣсто его педагогика, — которая состояла въ запугиваньи совѣсти дѣтскими страшилищами<sup>1)</sup>. Во время болѣзни Іоанна (1553) Сильвестръ показывать, что онъ далеко не стоитъ за интересы его семейства. Когда зашелъ вопросъ о престолонаслѣдіи на случай смерти Іоанна, Сильвестръ заявилъ свои симпатіи въ пользу неспособнаго двоюроднаго брата его, Владиміра Андреевича. Карамзинъ справедливо видитъ въ этомъ опасеніе Сильвестра потерять свое положеніе и стремленіе его сохранить значеніе за свою партію<sup>2)</sup>. Но Іоаннъ выздоровѣлъ. Послѣ своей болѣзни онъ видимо сталъ охладѣвать къ Сильвестру и значительно стѣснилъ его общественную дѣятельность<sup>3)</sup>, а въ 1560, въ стѣдствіе подозрѣній, возникшихъ противъ его партіи, по случаю смерти супруги Іоанна — Анастасіи, Сильвестръ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь<sup>4)</sup>.

Отъ негодованія противъ лица Іоаннъ перенесъ свою антипатію на всю систему. Враждебный лицамъ, стоявшимъ во главѣ управленія въ предыдущую эпоху, Іоаннъ въ послѣдствіи отрицательно отнесся ко всякаго рода совѣтникамъ. Сильвестръ не выдѣлялся изъ ихъ среды, а, напротивъ, былъ ихъ руководителемъ, и потому онъ и все напоминающее его вліяніе должно было подвергнуться тойже участи. «Священство (намекъ на Сильвестра), говоритъ Іоаннъ, не должно вмѣшиваться въ царскія дѣла; дѣло монаховъ — молчаніе; иное правленіе святителей и иное царей. Когда Богъ освободилъ израильтянъ изъ плѣна — развѣ онъ поставилъ во главѣ ихъ священника или многихъ совѣтниковъ? Нѣтъ, онъ поставилъ имъ одного Моисея какъ бы царя, Аарону же вручилъ священство, не дозволивъ ему вмѣшиваться въ гражданскія дѣла; но когда Ааронъ отступилъ отъ этого, то и народъ отпалъ отъ Бога. Видишь, священникамъ не слѣдуетъ брать на себя царскихъ дѣлъ. Точно также — Даанъ и Авиронъ вздумали восхитить себѣ власть — и сами погибли, и какое бѣдствіе навели на весь Израиль! Послѣ того судьей израильтянъ былъ Исусъ Навинъ, а священникомъ Елеазаръ. Пока управляли ими судьи — какія победы одержали они надъ врагами! Но когда

<sup>1)</sup> Первый отвѣтъ Іоанна Курбскому, въ изд. Устрялова.

<sup>2)</sup> Карамзинъ, VIII, 127.

<sup>3)</sup> Изъ дѣла Банкина и Висковатова видно, что Сильвестръ принужденъ былъ оправдываться въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него.

<sup>4)</sup> Курбскій, Истор. Іоанна.

Илий жрецъ взялъ на себя священство и царство — израильтяне терпѣли пораженія до воцаренія Давида. Или ты (Іоаннъ обращается въ Курбскому) хочешь того же, что случилось съ Греціей, подчинившейся игу турокъ? Отсюда Іоаннъ дѣлаетъ общее заключеніе: нѣтъ царства, которое не разорилось-бы, будучи въ обладаніи поповъ (Сильвестръ) <sup>1)</sup>. И какъ онъ не щадилъ никого изъ членовъ боярскаго синклита, кто казался ему враждебнымъ его власти; такъ точно онъ не допускалъ внимательства духовенства, по древнему обычаю, въ политическія дѣла.

По смерти митр. Макарія (1563) Іоанну трудно было примириться съ его преемниками. Ближайшій выборъ очевидно основывался на личныхъ отношеніяхъ Іоанна: на мѣсто Макарія былъ избранъ царскій духовникъ Аванасій; но черезъ два года онъ удалился въ Чудовскій монастырь (1566). Это было начало эпохи опричнины; Іоанну не нравилось частое ходатайство митрополита за опальныхъ — и онъ публично высказалъ ему свое неудовольствіе <sup>2)</sup>. Слѣдующій выборъ палъ на казачскаго архіеп. Германа. Іоаннъ могъ руководствоваться въ этомъ случаѣ политическою традиціею; потому что Германъ былъ «іосифлянинъ». Но онъ ошибся. Едва Германъ переселился въ митрополитскія палаты, какъ въ одной изъ бесѣдъ съ царемъ высказалъ свое неудовольствіе на настоящій порядокъ, причѣмъ упомянулъ о будущемъ возмездіи и страшномъ судѣ. Іоаннъ рѣшилъ удалить еще непосвященнаго митрополита <sup>3)</sup>, который прожилъ въ своихъ палатахъ всего несколько дней. Быть можетъ надѣясь на большую уступчивость строгаго отшельника, Іоаннъ вызвалъ въ Москву игумена Соловецкаго монастыря Филиппа, происходившаго изъ извѣстнаго рода Колычевыхъ, и объявилъ

1) Первый отвѣтъ Курбскому, стр. 168, 171, 172, 176.

2) Карамзинъ, IX, 43.

3) Курбскій говоритъ, что Германъ чрезъ два дня былъ найденъ мертвымъ, но по другимъ извѣстіямъ онъ упоминается вмѣстѣ съ митр. Филиппомъ и участвовалъ въ его посвященіи (житіе Фил. и Германа, Карамзинъ, IX пр. 170, 174, 177). Хотя въ записи митр. Филиппа, написанной до посвященія, въ числѣ епископовъ нѣтъ имени Германа (Собр. госуд. грам. I, 557), Курбскій дѣлаетъ слѣдующую оговорку о немъ: «Германъ, происходившій изъ знаменатаго рода Полевыхъ, былъ мужъ разумный, святой, свѣдущій въ св. писаніи и отчасти былъ причастенъ къ ученію Максима философа (Грека). И хотя онъ происходилъ изъ іосифлянскои четы (т. е. монаховъ), но совершенно былъ чуждъ ихъ лукаваго обычая и лицемѣрія» (Исторія Іоанна, 121—123).

ему свое желаніе видѣть его митрополитомъ. На пути въ Москву, мѣредъ Новгородомъ, Филиппа окружила толпа мужчинъ и женщинъ: равныхъ звачій и просила его заступиться за нихъ; а между тѣмъ въ Москвѣ господствовала опричнина; Филиппъ согласился на желаніе царя, но требовалъ уничтоженія послѣдней. Иоаннъ и новыя егo совѣтницы не согласились на это и убѣдили Филиппа уступить требованіямъ царя, съ условіемъ не мѣшаться въ царскія дѣла; но съ правомъ усмирять гнѣвъ Іоанна. Въ своей рѣчи послѣ посвященія, Филиппъ говорилъ о правдѣ, необходимой для правителей; о льстецахъ; отрицающихъ мысль царя отъ познанія истины, заключивъ ее словами: «какъ исчезаетъ богатство, такъ и власть пройдетъ». При такихъ условіяхъ столкновенія между Іоанномъ и Филиппомъ были неминуемы. Въ это время опричнина дѣйствовала въ полномъ разгарѣ; а преслѣдуемые обращались къ Филиппу. Іоаннъ избѣгалъ свиданій съ послѣднимъ; но встрѣчи происходили въ церкви. Филиппъ не хотѣлъ благословить царя и только говорилъ ему о нагрѣсномъ кровопролитіи, о правдѣ, существующей даже въ вѣчныхъ царствахъ. Іоаннъ пылалъ гнѣвомъ: «Только молчи, одно тебѣ говорю — молчи, отецъ святой! отвѣчалъ онъ на эти упреки; молчи и благослови вась!» Филиппъ: «Наше молчаніе — грѣкъ и смерть для души твоей». Іоаннъ: «Близкіи мои возстали на меня, придумываютъ какъ бы сдѣлать мнѣ зло — какое тебѣ дѣло до нашихъ совѣтовъ?» — Филиппъ: «Я пастырь стада Христова». Іоаннъ: «Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобы не достигъ тебя гнѣвъ мой, или лучше оставь митрополию!» Филиппъ: «Я не преслалъ, не искалъ черезъ другихъ, не дѣйствовалъ подкупомъ для полученія сана: аякъ ты лишилъ меня пустыни? Послѣ этого участь егo была рѣшена. Враги Филиппа, при содѣйствіи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ (епис. новгородскаго Пинека, суздальскаго Парфутія, рязанскаго Филоея, духовника Іоанна — Евстаѳія, игумена Соловец. м. — Паисія), составили обвинительный актъ, который послужилъ основаніемъ для рѣшенія еуда. 8 ноября 1568 г. опричники вывели Филиппа съ безвестіемъ изъ Успенскаго собора и препроводили въ заключеніе въ Тверской — Отрочъ монастырь. Въ 1569 г., на походѣ въ Новгородъ, Іоаннъ засталъ къ Филиппу за благословіемъ любимаго своего Малюту Скуратова. Филиппъ не далъ ему благословія, а опричники задушили его<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Жизнь Филиппа, въ Душеновск. Чтеніи, 1861 июль; Курбскій, Исторія Іоанна, 108, 109, 117—121. Нарамзинъ, IX, 54—63, примѣч. 171—205. Соловьевъ, VI, 227—229.

Послѣ борьбы съ Терланомъ и Филиппомъ Иоанну оставалось избирать на ихъ мѣсто такихъ лицъ, которые отличались слабостью характера (Кирилль) <sup>1)</sup>, или совершенною преданностью его волѣ (Антоній) <sup>2)</sup>. Эти лица оставались на своемъ мѣстѣ до конца жизни. При послѣдствѣхъ изъ нихъ, Иоаннъ, не стѣснялся каноническими постановленіями, вступилъ въ четвертый, пятый и шестой бракъ, причемъ въ первомъ случаѣ было сдѣлано строгое предостереженіе, какъ и по поводу развода Василія, чтобы никто изъ гражданъ не слѣдовалъ примѣру царя <sup>3)</sup>. Только тогда Иоаннъ не стѣснялся и въ приговорахъ надъ височными духовными лицами <sup>4)</sup>.

115  
4) (При Иоаннѣ IV юридическія права духовенства были значительно ограничены. Мы видимъ, чѣмъ разрѣшился вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ на Стоглавомъ соборѣ (1551); но въ то время Иоаннъ не могъ еще дѣйствовать вполне самостоятельно, находясь подъ влияніемъ Сильвестра; и потому уступилъ Макирлю. Въ другомъ видѣ представляется это дѣло въ послѣдующую эпоху его царствованія. Паденіе монастырской земли онъ самъ объясняетъ тѣмъ, что въ монастыряхъ скопилось огромнаго богатства <sup>5)</sup>, и потому во все время своего правленія онъ былъ весьма умѣренъ на повсемѣльные надѣлы монастырей. Строимъ того будучи вѣрныя своей системѣ, Иоаннъ старался положить ограниченную вѣдѣнію монастырской территоріи вообще. (Въ 1572 г. по приказу государя, митрополитъ, духовный соборъ и бояре опредѣлили: въ большіе монастыри вотчинъ не давать, а если будутъ кѣмъ нибудь занисаны, то возвращать ихъ родственникамъ, чтобы не было убытка отъ службы. Сѣдныя монастыри имѣли право приобретать вотчины, но только съ

1) Карамзинъ, IX, 63, 64. Изъ троицкихъ архимандритовъ.

2) Ibid. 115. Антоній былъ архіеписк. полоцкимъ.

3) Ibid.

4) Новгород архіеп. Пименъ былъ утопленъ въ рѣкѣ, а его преешникъ, Леонидъ, затравленъ собаками въ медвѣжьей шкурѣ. (Курбскій, Ист. Иоанна, 123). Во Псковѣ, подъ видѣніемъ указанныхъ выше условій, видно стремленіе подчинить духовенство общимъ наказаніямъ. Такъ однажды вѣче приговорило поповъ къ тѣлесному наказанію, но потомъ отпустило ихъ. Въ московскій періодъ исторіи, уже въ слѣдствіе другихъ причинъ, замѣчается подобное же явленіе: въ 1486 г. были казнены чудовскаго архимандрита, князя Ухтомскаго и Хомутова, за сдѣланную ими подложную записку въ пользу монастыря, на землю умершаго князя Андрея Васильевича. П. С. Р. Л. VI, 238.

5) Посл. въ Кирил. мон. Акты Истор. I, № 204, и посл. въ Гурію,

когда-нибудь, каждый раз государю <sup>1)</sup>). Въ 1580 г. опять при непосредственномъ участіи государя, былъ повторенъ приговоръ, чтобы на поминъ по душѣ ни въ какомъ случаѣ вотчинъ въ монастыри не записывать, а возвращать ихъ даже дальнимъ родственникамъ, замѣнявъ пожертвованіе земли деньгами, по ея стоимости. А если не оказалось бы и дальнихъ родственниковъ, то земля отписывалась на государя, за которую удачливались въ монастырь деньги изъ казны. Отъ сихъ поръ ни митрополиты, ни епископы, ни монастыри не должны были покупать землю или брать ихъ въ закладъ; въ противномъ случаѣ они отбирались въ казну <sup>2)</sup>). Въ слѣдствіе постоянныхъ войнъ съ Литвою, Ливоніей и татарами, Іоаннъ нуждался въ громадныхъ средствахъ, и потому онъ рѣшился воспользоваться монастырскими богатствами. Собрать духовенство, онъ потребовалъ отъ него подробнаго инвентаря и пожертвованій. Духovenство сначала медлило; но Іоаннъ достигъ цѣли своею настойчивостію. Говорятъ, что такимъ образомъ онъ собралъ до 300,000 ф. стерлинговъ, не считая недвижимаго собственности <sup>3)</sup>). (Въ царствованіе Іоанна духовенство было ограничено и въ отношеніи своихъ судебныхъ правъ—постановленіемъ, чтобы въ гражданскихъ дѣлахъ, при епископскихъ боярахъ и судьяхъ, кромѣ поцовскихъ старостъ, на ходились старосты свѣтскіе, цѣловальники и земскій дьякъ, по нравленію государя; они должны были слѣдить за злоупотребленіями лицами, которымъ вѣрялась судебная власть надъ духовенствомъ, о чемъ мартскіе чиновники обязаны были прямо извѣщать государя <sup>4)</sup>).

Но, по смерти Іоанна, порядокъ нѣсколько замѣняется. Третій Римъ, по духовному значенію, давно нуждался въ санѣ, равномъ первымъ двумъ. Хотя русская митрополія уже пользовалась независимымъ положеніемъ отъ константинопольскихъ патриарховъ; но послѣдніе

архисп. казавши Здѣсь Іоаннъ говоритъ: «Только помни, что я часто говорилъ, когда ты былъ дигуменомъ: не хорошо обогащать монастыри, сверхъ мѣры и давать имъ большія вотчины: они чрезъ это опустошаются и гибнутъ, праздность же на всякое зло влечетъ, а если бѣдныя, то трудятся, вавъ бы добыть хлѣбъ и одежду, и другое не пойдеть въ голову».

<sup>1)</sup> Дополнит. стат. въ Судебнику, Ак. истор., I, № 154, ст. XIX, стр. 270.

<sup>2)</sup> Акты экспед. I, № 308, и Собр. госуд. грам. I, № 200, 202.

<sup>3)</sup> Горсей, о Москвитинѣ.

<sup>4)</sup> Акты истор. I, № 155; Акты экспед. I, № 231.

не могли примириться съ этою мыслию. Мы видѣли, что въ XVI вѣкѣ явился въ Россіи даже защитникъ древнихъ правъ константинопольскихъ патріарховъ на русскую церковь. Правда, Максимъ Грекъ пострадалъ за эту мысль; но его мнѣніе нашло себѣ сочувствіе въ обществѣ. Его ученикъ—Курбскій, по поводу осужденія митр. Филиппа, возражаетъ такъ: »Дерзнувъ на святителя (Іоаннъ), онъ не сообщилъ объ этомъ патріарху константинопольскому, *подъ судомъ котораго состоятъ русскіе митрополиты*; почему, въ случаѣ обвиненія въ чемъ нибудь, они должны давать отвѣтъ только передъ нимъ; и даже не испросилъ у патріарха—экзарха, для суда надъ епископомъ. Онъ позабылъ недавнюю исторію о св. Петрѣ (митрополитѣ) по поводу клеветы на него тверскаго епископа (Андрея): тогда русскіе князья не рѣшились ни разбирать, ни судить епископовъ; а послали къ патріарху съ просьбою прислать въ Россію экзарха, какъ написано объ этомъ въ русской лѣтописи. Развѣ это не примѣръ тебѣ (къ Іоанну), о звѣрь воровійственный; (отношенія Курбскаго къ Іоанну слишкомъ извѣстны, и потому мы не станемъ здѣсь объяснять его выраженія), если бы ты хотѣлъ быть христіаниномъ?»<sup>1)</sup>

Курбскій ссылается здѣсь на древнюю лѣтопись, какъ будто ему неизвѣстно было, что столѣтіе спустя Россія освободилась наконецъ отъ непріятной политической и церковной опеки. Это объясняется только тѣмъ, что Курбскій вполне усвоилъ себя взглядъ своего наставника, а московское правительство по прежнему продолжало, въ важныхъ случаяхъ, совѣщаться съ константинопольскимъ патріархомъ (митр. въ принятіи царскаго титула и при вѣнчаніи). Русская іерархія хлопотала уничтожить даже мысль о ирреальномъ подчиненіи, проводя въ общество идею, что патріархи находятся теперь подъ властью нечестивыхъ турокъ; но въ то же время вѣроятно, что послѣдователями Максима въ этомъ вопросѣ былъ не одинъ Курбскій. Бѣдственное положеніе константинопольскихъ патріарховъ заставляло ихъ хлопотать даже на Западѣ о сверженіи турецкаго ига. Они жаловались на свое положеніе въ Москвѣ, и безпрестанно испрашивали себѣ отътуда милостыню<sup>2)</sup>. Но примѣръ Максима Грека показываетъ, что при

<sup>1)</sup> Исторія Іоанна, 118.

<sup>2)</sup> При Федорѣ Іоанновичѣ отправлено было въ Константинополь, на поминъ по душѣ Іоанна IV, —1000 руб.; на востокъ 1426 руб.



земь томъ возможны были даже заявленія господственнаго отношенія ихъ къ Россіи. Единственный выходъ изъ такого положенія представлялся въ учрежденіи патріаршества. При Іоаннѣ Грозномъ планъ этотъ былъ неосуществимъ, при извѣстныхъ взглядахъ Іоанна на свою власть. Но правленіе Федора Іоанновича, болѣе склоннаго къ бесѣдамъ съ монахами, нежели съ боярскою думою (Карамзинъ) — благоприятствовало этой мысли. Пріѣздъ двухъ патріарховъ (1586 — Іоакима антиохійскаго и Іеремія константинопольскаго — въ 1588) ускорить дѣло. Современники приписывали инициативу въ немъ самому Федору; но есть также основаніе предполагать, что его поддерживалъ въ этой мысли митр. Діонисій, котораго они представляютъ «мудрымъ грамматикомъ» и строгимъ охранителемъ своей власти (онъ, при встрѣчѣ патр. Іоакима, не подошелъ къ его благословенію, а самъ первый благословилъ патріарха <sup>1)</sup>). Конечно ему ближе всего было занять мѣсто патріарха; но Борисъ Годуновъ, опасаясь его вліянія на царя, и недовольный имъ за сочувствіе Шуйскимъ, — свергъ его съ престола <sup>2)</sup> и избралъ на его мѣсто расположеннаго къ себѣ ростовскаго архіеп. Іова <sup>3)</sup>. Между тѣмъ восточные патріархи прислали свое согласіе на предложеніе Федора о патріаршествѣ и неожиданно прибыли въ Москву константинопольскій патр. Іеремія, недовольный султаномъ за свое низложеніе (потомъ онъ возведенный на престолъ). Но русскимъ извѣстіямъ, Іеремія имѣлъ тайное совѣщаніе съ Борисомъ Годуновымъ, а изъ современнаго иностраннаго источника видно, что онъ хлопоталъ о союзѣ съ европейскими державами противъ турокъ и самъ хотѣлъ остаться патріархомъ въ Москвѣ <sup>4)</sup>. Эти два пункта вѣроятно имѣютъ тѣсную связь между собою; можетъ быть неожиданное появленіе патріарха въ Россіи объясняется его политическими цѣлями, которыя были возбуждены стараніями русскаго правительства о патріаршествѣ: въ своей бесѣдѣ

Патр. Іеремія, на поддержку патріаршества, просилъ прислать 6000 золотыхъ; но ему послали множество мѣховъ и жемчужныя ризы. Въ 1593 на восточные патріархаты отправлено болѣе 6,000 золотыхъ венгерскихъ. Соловьевъ, VII, 403, 409, пр. 122, 123.

1) Карамзинъ, X, пр. 197.

2) Ibid, X, 47.

3) Костомаровъ, Смутное время. I, 38. Борисъ сблизился съ нимъ, когда онъ былъ еще еп. коломенскимъ.

4) Fletcher, II, 87—91.

сь Годуновымъ патриархъ много говорилъ о бѣдствіяхъ греческой церкви, а въ Россіи онъ видѣлъ именно хранительящю древняго величія Византіи (см. выше, стр. 364). Конечно, желаніе патриарха остаться въ Москвѣ не могло поправиться Годунову, который готовилъ это мѣсто для Іова, надѣясь найти въ немъ опору для своихъ цѣлей. Поэтому, подъ предлогомъ затрудненія въ сношеніяхъ съ патриархомъ-грекомъ и невозможности удалить изъ Москвы Іова—Іереміѣ предоставляли патриаршество съ условіемъ, чтобъ онъ поселился во Владимірѣ. Ясно, что въ званіе патриарха предназначался Іовъ, иначе ему также пришлось бы удалиться изъ Москвы, еслибы избрали не его, а кого нибудь изъ остальныхъ двухъ кандидатовъ. Дѣйствительно, Іеремія отказался отъ патриаршества въ Россіи, не желая жить вдали отъ царя, а Ѳеодоръ избралъ на это мѣсто Іова.

Новый санъ представителя русскаго духовенства долженъ былъ возвысить его въ глазахъ народа. Теперь на дѣлѣ осуществлялись мечты русскихъ патриотовъ о наслѣдованіи Москвою политическаго и религіознаго значенія Византіи. Политическія обстоятельства еще болѣе содѣйствовали возвышенію духовнаго представителя Іову пришлось быть рѣшителемъ избранія въ цари Бориса Годунова; смутное время и наступившее междуцарствіе поставили во главѣ движенія опять патриарха—Гермогена. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ избраніе въ патриархи его отца, митр. Филарета, содѣйствовало расширенію правъ патриарха. Филаретъ получилъ титулъ «Великаго государя» и былъ названъ *соправителемъ*, почему принималъ постоянное участіе въ дѣлахъ политическихъ и присутствовалъ на аудіенціяхъ иностранныхъ пословъ. Его придворный штатъ, по своему блеску, соответствовалъ царскому; онъ владѣлъ несудимою грамотою, въ силу которой всѣ лица, входившія въ составъ патриаршей области, были освобождены отъ всякихъ казенныхъ повинностей и подлежали вѣдѣнію только приказа Большаго Дворца; а для церковныхъ дѣлъ былъ учрежденъ Патриаршій разрядъ <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ дѣятельность патриарха получила совершенно независимый характеръ. Но патр. Филаретъ, уже въ силу семейныхъ интересовъ, долженъ былъ заботиться объ утвержденіи правъ свѣтской власти. Дѣйствительно, ему приписываютъ возстановленіе прежняго независимаго положенія ея и устраненіе остатковъ всякихъ стѣснитель-

<sup>1)</sup> Патр. Филаретъ, въ Чтен. Моск. общ. истор. 1847, III.

ныхъ формъ, сохранившихся еще отъ старины <sup>1)</sup>. При всемъ томъ, значеніе духовнаго представителя должно было высоко подняться въ глазахъ общества. Благочестивый Алексій Михайловичъ передъ патр. Іосифомъ кланялся до земли <sup>2)</sup>. Его письмо (къ митр. новгор. Никону) о смерти патріарха вполнѣ характеризуетъ эти отношенія. «Съ тѣхъ поръ, пишеть царь, все переѣниюсь, не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; худо безъ настыря дѣтямъ жить». Когда доложили царю и его приближеннымъ о смерти патріарха, то, говоритъ онъ, «на насъ такой страхъ и ужасъ началъ, едва нѣтъ могли (это было въ церкви), и то со слезами, а въ соборѣ, у пѣвчихъ и властей, со страха и ужаса, ноги подломились, ибо кто преставился? какъ овцы безъ пастуха не знаютъ куда дѣваться, такъ и мы теперь, грѣшныя, не знаемъ, гдѣ головы преклонить, потому что прежняго отца и пастыря лишились, а новаго нѣтъ.... И погребли мы его въ великую субботу, надсѣвшись отъ плача». Іосифъ сильно опасался, что его смѣнитъ царь за церковныя беспорядки. Алексій Михайловичъ увѣряеть Никона (будущаго патріарха), что и на умѣ у него этого не было, и даже подумать объ этомъ было для него страшно; прости святой владыка, прибавляетъ онъ, хотя бы и еретичества держался, то какъ мнѣ отставить его безъ гайсего собора (для Никона это было важно). Далѣе Алексій Михайловичъ рассказываетъ, что онъ самъ раздавалъ деньги его людямъ и заказывалъ имъ помолиться объ умершемъ. Это письмо напоминаетъ намъ древнія отношенія свѣтскихъ правителей къ духовенству. Это письмо, говоритъ Соловьевъ, лучше всего объясняетъ явленіе Никона; ибо одного характера послѣдняго недостаточно для объясненія тѣхъ отношеній, въ какія онъ поставилъ себя къ государю и государству; чувства, высказанныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, переносятъ насъ въ то время, когда на Западѣ утверждалась власть папская, укрепившаяся преимущественно въ слѣдствіе характера западныхъ вождей, незнакомыхъ съ государственными преданіями Византіи, которыя, при

1) Strahlenberg, Котошихинъ.

2) Акты экспед. IV, 78. Во время торжественнаго шествія, изображавшаго входъ І. Христа въ Іерусалимъ — патріархъ возсѣдалъ на ослѣ, а царь велъ его за узду. Государь обыкновенно цѣловалъ патріарха въ руку, а онъ государя въ голову, обнявъ ее своими руками. Выходы патріарховъ, въ Читен. Моск. общ. источ. 1869, книга II.

всей религиозности императоровъ, не давали имъ забывать о своемъ значеніи относительно представителей церкви<sup>1)</sup>;

Между тѣмъ, привилегія духовенства все болѣе таялись обременительными для образовавшагося государства, и потому московскіе правители постоянно обращали свое вниманіе на этотъ предметъ. Іоаннъ III и IV въ монастырскихъ имуществѣхъ видѣли ущербъ службѣ, и потому они дѣйствовали въ этомъ вопросѣ въ пользу служилого сословія. Въ первый годъ царствованія (1584) Федора Иоанновича была сдѣлана попытка уничтожить тарханы, принадлежавшія духовенству, опять въ силу того, что оно не платило никакихъ податей, а все обязанности падала на служилое сословіе. Это было тѣмъ чувствительнѣе, что крестьяне охотно переходили на земли, пользовавшіяся льготами. Впрочемъ расстройство о тарханахъ просуществовало всего три мѣсяца<sup>2)</sup>, вѣроятно по уступчивости Федора передъ духовенствомъ. Въ XVII в. вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ ставится вновь на государственную почву. Димитрій Самозванецъ велѣлъ осмотрѣть монастыри и сдѣлать опись всѣхъ ихъ доходовъ и потѣнъ, съ цѣлью воспользоваться этими богатствами для военныхъ предпріятій и другихъ потребностей государства, предоставивъ монахамъ самое умеренное содержаніе<sup>3)</sup>. Намѣрете его не успѣло осуществиться, а только ускорили его намере<sup>4)</sup> Шуйскій жъ, жалясь на себя оправдывая на слухъ духовенства, подтвердилъ все прежнія его права и давалъ повмѣ жалованья грамоты<sup>5)</sup>. При такомъ колебаніи этого вопроса вполне естественно, что духовенство забѣгло въ преддверіе его исходъ, что видно изъ послѣдующихъ договоровъ съ Владиславомъ и Земскою Думою, временно управлявшею Россіею: они обязывались не приващаться къ церковнымъ землямъ, а послѣдняя должна была даже возратить все, отнятое въ предыдущее время<sup>6)</sup>. Но смугное

1) Соловьевъ, X, 206—211. Акты энциклопедіи, IV, № 57. Въ XVII в. высказывается мысль, что «патріархъ есть второй царь, перваго царя большій».

2) Соловьевъ, VII, 395.

3) Объ этомъ говоритъ: Беръ (Буссовъ), Гревенбрухъ и авторъ *Legende de la vie et de la mort de Démétrius*.

4) См. нашу статью: Кто былъ первый самозванецъ? по поводу соч. Костомарова.

5) Милюгинъ, О недвиж. имущ. духовенства въ Россіи. Чтен. Моск. общ. петер. 1864, II, 471.

6) Акты энциклопед. II, № 165; Карамзинъ, XII, пр 733.

время, и безъ того тяжело отражалось на монастырскомъ благосостояніи: въ эту эпоху монастыри служили стратегическими пунктами для русскихъ войскъ, и потому безпрестанно подвергались осадамъ со стороны враговъ<sup>1)</sup>. После смутнаго времени оставались въ нихъ военные отряды и складному ружья, Монастыри обязаны были доставлять правительству людей, хлеба и деньги<sup>2)</sup>. Такое участіе ихъ въ больномъ разореніи государства и значительныя бѣдствія, испытанныя ими, были причиною, что при Михаилѣ Федоровичѣ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ не подвинулся далеко, хотя и при немъ были подтверждены указы Іоанна IV о замѣнѣ пожертвованныхъ вотчинъ деньгами и изданы постановленія объ уничтоженіи сроковъ для суда лицъ, подвѣдомственныхъ духовенству, и о правахъ подвергать ихъ суду не въ Патриаршемъ приказѣ, а въ тѣхъ приказахъ, которыми подсудны дѣла (1642 г.). Замѣчательно, что это распоряженіе было вызвано жалобой дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ на притѣсненія, которыя они терпѣли отъ духовенства и высшаго дворянства, преимущественно въ дѣлахъ о бѣглыхъ крестьянахъ<sup>3)</sup>. Подобныя столкновенія были неминуемы уже по тому самому, что монастырскія вотчины лежали, очевидно и были разсѣяны во всѣхъ концахъ государства<sup>4)</sup>.

1) Именно монастыри: Троицкая лавра, Волоколамскій, Симоновскій, Даниловскій, Новодѣвичій, Хутынский, Колязинскій, Пафнутьевъ, Коломвѣ, Луницкій, Лаврентьевъ, Тихвинскій, Милютинъ, *ibid.* примѣч. 830.

2) *ibid.* прим: 830, 831, 832. Борисъ Годуновъ взялъ изъ Троицкаго м. 15,400 руб. Дим. Самовлавецъ 30,000 руб., но о немъ вѣдѣно: «по своему злему еретическому праву». Василий Шуйскій, взялъ 13,355 р.; 1000, и 900 р., причѣмъ прибавлено: «хотя онъ и благочестивый былъ царь, но дѣйствовалъ такъ, подстрекаемый некоторыми, небогачимися Бога.» Наконецъ онъ забралъ серебряныя и золотыя сосуды. (Сказ. объ осадѣ Троиц. лавры, Авраам. Палицына. 197—201.)

3) Максимовичъ, Указат. законовъ, I, № 139; Акты истор. III, № 92.

4) Вотчины Троицкой лавры лежали въ уѣздахъ: Московскомъ, Переяславскомъ, Вологодскомъ, Дмитровскомъ, Гороховскомъ, Контарскомъ, Суздальскомъ, Владимирскомъ, Балахновскомъ, Муромскомъ, Юрьевскомъ, Нижегородскомъ, Казанскомъ, Свияжскомъ, Алаторскомъ, Арзамасскомъ, Двинскомъ, Старичскомъ, Верейскомъ, Боровскомъ, Торускомъ, Ярославскомъ, Коломенскомъ, Мало-ярославскомъ, Данковскомъ, Серпейскомъ, Клинскомъ, Новосильскомъ, Новоторжескомъ, Бѣжецкомъ, Углицкомъ, Кашияскомъ, Новгородскомъ. (Жалованная грамота Елисаветы, Чтен. Моск. общ. исторіи, 1865, IV). Но такъ обширны были вотчины самаго богатаго монастыря. Возьмемъ для подтвержденія тойже мысли одинъ изъ незначительныхъ монастырей XVII в. — Обнорскій (Введенскій).

Оъ другой стороны, государственныя повинности монастырей составляли весьма незначительный процентъ сравнительно съ ихъ доходами. Богатая ярмарка Остроновскаго монастыря доставляла казнѣ только 33 р. ежегоднаго дохода<sup>1)</sup>; а Соловецкій монастырь, добывавшій ежегодно 100,000 пуд. одной соли, за все угодья и промыслы платилъ въ казну 580 руб.<sup>2)</sup>. Общій государственный доходъ съ монастырей въ XVII в. равнялся немого болѣе 20,000 р.<sup>3)</sup>. Правда, въ важныхъ случаяхъ, правительство прямо обращалось въ монастыри и брало у нихъ значительныя суммы на покрытие экстренныхъ расходовъ. Такъ въ смутное время были взяты суммы изъ всехъ монастырей; Алексѣй Михайловичъ любилъ прибѣгать туда къ займамъ и возвращалъ занятое, какъ говорится, *ad Graecas Calendas*<sup>4)</sup>. Однако это были случайныя средства, которыя никогда не шли въ расчетъ постоянныхъ расходовъ — и (въ этомъ столкновеніи государственныхъ интересовъ съ интересами богатаго вотчинника, съ территоріей среднимъ числомъ въ  $\frac{1}{3}$  всего государства, пользующагося притомъ чрезвычайными льготами, которыя отвлекали множество людей на его земли, заключается главный стимулъ къ ограниченію его правъ со стороны государства.)

Въ началѣ царствованія Алексѣя былъ поданъ новый протестъ отъ служилыхъ людей, купцовъ и выборныхъ всей земли о возвращеніи вотчинъ, приобрѣтенныхъ духовенствомъ послѣ запретительнаго указа 1580 г., съ тѣмъ, чтобы онѣ были розданы служилымъ людямъ. Поэтому поводу было сдѣлано распоряженіе собрать свидѣнія о такихъ вотчинахъ; но дальнѣйшихъ его результатовъ не видно. За то въ правленіе Алексѣя Михайловича были сдѣланы другія, важныя ограниченія духовныхъ имуществъ. Какъ высшему духовенству, такъ и монастырямъ безусловно запрещено было принимать, покупать и брать въ закладъ какъ родовыя, такъ и приобрѣтенныя вотчины; поступающіе въ монастырь лишались права владѣть своими вотчинами и записывать ихъ на монастыри, тѣмъ они пользовались до сихъ поръ; духовенству запрещено

---

губер.). Его вотчины были раскинуты въ уѣздахъ: Вологодскомъ, Ярославскомъ, Пошехонскомъ, Костромскомъ, Бѣозерскомъ. Исторія іерархій и Монастыр. приказъ Горчакова, 56.

1) Акты экспед. IV, 427.

2) *ibid.* III, 154.

3) Котошихинъ, гл. VII.

4) Колинсъ, 37, ср. стр. 165.

было держать промышленныя заведенія; у высшей іерархіи и монастырей были отобраны въ казну всѣ слободы, населенныя ремесленниками и торговыми людьми, но неплатившія государству никакихъ пошликъ; посадскіе люди были возвращены изъ-подъ зависимости духовенства, имъ избѣгавшіе чрезъ то общихъ повинностей. Въ грамотахъ, выдаваемыхъ при Алексѣѣ, привилегіи духовенства были значительно ограничены; онъ сталъ собирать прямыя подати съ монастырскихъ крестьянъ; духовныя лица, занимавшіяся торговлею, обязаны были платить обыкновенный взносъ въ казну, а въ 1672 г. были уничтожены всѣ тарканы, освобождавшія духовенство отъ таможенныхъ сборовъ по разнымъ промысламъ и торговлѣ <sup>1)</sup>.

Съ теченіемъ времени, въ слѣдствіе множества привилегій, сосредоточившихся въ рукахъ духовенства, которыя оно приобретала въ разные царствованія, съ болѣе или менѣе широкими правами, стала обнаруживаться крайняя запутанность въ дѣлахъ по духовному ведомству и въ особенности въ общемъ судѣ. Нѣкоторые монастыри пользовались самостоятельнымъ судомъ; другіе были ограничены въ этомъ случаѣ разбѣромъ суммы; третьи подлежали енархіальному суду; четвертые непосредственному суду Большаго Дворца. Крестьяне однихъ монастырей судились однолично монастырскимъ начальствомъ, другіе съ выборными. Монастыри, пользуясь правомъ давать наказы своимъ вотчинамъ, ввели большое разнообразіе въ отношенія ихъ по дѣламъ судебнымъ. Для постороннихъ лицъ такой порядокъ былъ крайне обременителенъ. Незная монастырскихъ привилегій, они обращались съ жалобою въ какое-либо мѣсто; имъ отказывали, потому что дѣло было начато не тамъ, гдѣ слѣдовало-бы; иногда приходилось вести дѣло вдали отъ мѣста жительства; особенно же это неудобно было, если монастырь пользовался непосредственною подчиненностью Большому Дворцу, или Монастырскому приказу. Притомъ монастырское управленіе всегда покровительствовало лицамъ, ему подчиненнымъ. Вотъ почему постоянно слышались жалобы со стороны служилаго сословія, посадскихъ людей и разныхъ мѣстъ на судебныя привилегіи духовенства, а около половины XVII в. созрѣла уже мысль о необходимости равнаго суда для всѣхъ

<sup>1)</sup> Милютинъ, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства, Чтен. Моск. общ. истор. 1861, II, стр. 483—501.

своими и лицъ: такъ образовалась оппозиція государства противъ исключительныхъ правъ духовенства <sup>1)</sup>.

Уложение. въ законодательномъ отношеніи, представляетъ дальнейшее развитіе московской централизаціи. Имѣя въ виду установить равный судъ для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, оно не исключило въ этомъ случаѣ и правъ духовенства, которое было подчинено вѣдѣнію Монастырскому приказу <sup>2)</sup>, гдѣ засѣдали рядомъ съ духовными и свѣтскія лица (ошольничій и два дьяка) <sup>3)</sup>. Этимъ существенно измѣнился характеръ первоначальнаго суда, который становился въ зависимость отъ государя. Съ другой стороны, высшая іерархія и привилегированные монастыри прежде принадлежали непосредственному суду верховной власти; теперь они подчинились Монастырскому приказу наравнѣ съ своими крестьянами. Кроме того, снова подтверждено было право вести процессъ съ духовными лицами въ тѣхъ приказахъ, которымъ подлежали разсмотрѣнія дѣла <sup>4)</sup>. Есть также основаніе предполагать, что не только крестьяне, но и высшія духовныя лица подлежали суду воеводъ въ дѣлахъ, не превышающихъ 50 р. Прежде, при столкновеніи лицъ духовнаго вѣдомства съ другими, назначался судъ смѣшанный; но по Уложению такія дѣла подлежали разсмотрѣнію воеводъ, т. е. духовенство лишалось въ нихъ права представительства <sup>5)</sup>.

Противъ Уложение не проведено уравненія правъ до конца. Патриаршая обдѣль во превѣнному непосредственно подчинилась суду патриарха; но все-таки на лицъ, составлявшихъ патриаршій судъ, представлялась право апелляціи къ царю и Боярской думѣ, а виновные подпадали на казни, назначеннымъ по Уложению и для остальныхъ судобныхъ мѣстъ. Постепенно духовныя лица были вытѣснены даже изъ Монастырскаго приказа, и онъ принялъ вполне свѣтскій характеръ <sup>6)</sup>. Частая злоба въ XVI и XVII вв. на безпорядочную жизнь высшаго духовенства постоянно вызвали распорядительныя мѣры по этому предмету; но въ XVII в. и надзоръ за его жизнью перешелъ въ руки воеводъ, которые постепенно присвоиваютъ себѣ право вѣдательства

1) Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 56—65.

2) Уложение, XIII, стр. I.

3) Катошихинъ, гл. VII.

4) Уложение, XII, ст. 2.

5) Горчаковъ, 73, ср. Уложение, XII, ст. 3.

6) Акты экспед. IV, № 115, 175.



въ церковныя распоряженія и судъ епископовъ, назначаютъ въ монастырскія села священниковъ, а въ монастыри должностныхъ лицъ <sup>1)</sup>.

Ограниченіе сословныхъ правъ духовенства, впервые такъ широко поставленное, какъ новая мысль, не могло быть проведено вполнѣ систематически. Тотъ же Алексѣй Михайловичъ дѣлалъ исключенія и въ пользу монастырскихъ имуществъ, и въ пользу духовнаго суда. Трудно также допустить, чтобы всѣ эти распоряженія, при глубокомъ уваженіи царя къ духовенству, исходили непосредственно отъ его воли. Современники вообще придаютъ большое значеніе влиянію на него окружающихъ лицъ <sup>2)</sup>; а патриархъ Никонъ, врагъ Уложенія, всѣ постановленія послѣдняго, направленные противъ духовенства, приписываетъ одному изъ составителей его — Никитѣ Ивановичу Одоевскому, человеку по его словамъ, гордому и чуть не отступнику отъ правилъ религіи <sup>3)</sup>.

Въ такую эпоху, среди борьбы двухъ стремленій, въ большомъ количествѣ появляются «правила объ обидящихъ церкви божіи», «посланія о вольностяхъ церковныхъ», «о неприкосновенности церковныхъ имуществъ», новые списки уставовъ древнихъ князей, заключающихъ въ себѣ привилегіи духовенства <sup>4)</sup>.

Пока патриархомъ былъ Иосифъ, опасавшійся смѣщенія за церковныя безпорядки, и такимъ образомъ признававшій верховность надъ собою свѣтской власти, — Алексѣй Михайловичъ въ своихъ постановленіяхъ, могъ дѣйствовать рѣшительно; но уже въ это время симпатіи его склонялись къ другому человеку, который иначе посматрѣлъ на значеніе своего сана и его правъ. Это былъ — Никонъ.

Въ 1605 г. въ селѣ Вельмановѣ, въ 90 верст. отъ Нижняго-Новгорода, у крестьянина Мины родился сынъ, названный Никитою. Несомнѣнно, что семейныя обстоятельства, среди которыхъ прошло дѣт-

<sup>1)</sup> Акты экспед. III, № 207; IV, № 115; Акты историч. III, № 162, 223; Дополн. II, № 84.

<sup>2)</sup> Болдинск., 13.

<sup>3)</sup> Мнѣнія Никона объ Уложеніи въ Запис. рус. и славян. археологіи, II

<sup>4)</sup> Правосл. соб. 1861, стр. 457; «Правила» объ обидящихъ церкви божіи; Обзоръ Кормч. книгъ, пр. 215—216; Чтен. Моск. об. ист. 1847, N III, О кормч. стр. 124. Опис. синод. архива № 1 от 18. Есть много въ рукописяхъ и рукописныхъ Кормч. разныхъ указаній и сочиненій отъ XVI и XVII в. объ этомъ предметѣ. Горчаковъ, 48, пр. 1.

ство будущаго патриарха Никона, имѣли громадное вліяніе на образованіе его характера. Въ скоромъ времени онъ лишился матери, а отецъ его женился вторично на вдовѣ. Дѣтство прошло для Никиты самымъ безотраднѣмъ образомъ. Между тѣмъ какъ матица заботилась о своихъ дѣтяхъ, его нерѣдко оставляла безъ куска хлѣба и била до крови. Однажды она умышленно заложила его дровами въ печи, куда онъ спрятался отъ холода; въ другой разъ пыталась отравить его мышьякомъ. Такое обращеніе не могло развить въ дитяти мягкости, не говоря уже объ остальной обстановкѣ тогдашней крестьянской семьи. Лучшее, что могъ сдѣлать для Никиты отецъ—это отдать его научиться грамотѣ, и онъ скоро изучилъ священное писаніе. Грамотность въ то время была лучшимъ средствомъ для простаго чело-<sup>вѣка</sup> выйти въ люди; а возвращеніе домой не представляло для Никиты привлекательной будущности. Характеръ книгъ давно расположилъ его къ монастырской жизни, и Никита, не задумавшись, тайно удалился въ Желтоводскій монастырь. Здѣсь впервые мелькнула у него мысль о предстоящемъ величій: и монахи, и колдуны (татаринъ, а по другимъ мордвинъ) предсказывали ему быть царемъ или патриархомъ. Однако, отецъ, узнавши гдѣ онъ находится, вызвалъ его, подѣлгогомъ своей болѣзни, домой и убѣдилъ Никиту остаться съ нимъ до смерти, а потомъ родственники уговорили его жениться и принять жѣсто священника. Въ это время Никитѣ было всего 20 лѣтъ, что показываетъ на сколько цѣнили въ немъ начитанность. Молва о достоинствахъ Никиты быстро распространилась, и московскіе купцы, бывавшіе на нижегородской ярмаркѣ, перезвали его въ Москву. Но здѣсь его постигло новое бѣдствіе: трое сыновей его вскорѣ умерли. Тогда Никита рѣшился выполнить давно задуманное намѣреніе—на всегда поселиться въ монастырь. Въ тотъ вѣкъ нерѣдко случалось, что мужа оставляли женѣ и принимали монашество; и Никита уговорилъ свою жену разойтись: она постриглась въ одно изъ московскихъ монастырей, а онъ на этотъ разъ удался на Бѣлое море, въ Анзерскій скитъ, гдѣ принялъ имя Никона. Тамъ онъ прочитывалъ въ сутки весь псалтирь и клалъ по 1000 поклоновъ; но его биографы разсказываютъ еще о сильной борьбѣ его съ бесами, которые не давали Никону покоя, почему онъ каждый день святилъ воду, вкрощалъ ею свое келью и вокругъ нея. Мы не знаемъ духъ каковой страсти смущалъ тогда Никона, но и въ послѣдствіи въ немъ сохранилась наклонность въ

видѣніямъ, которыя всегда имѣли тѣсную связь съ его психологическимъ состояніемъ и политическими взглядами.

Отсюда вмѣстѣ съ своимъ настоятелемъ, Глеазаромъ Анзерскимъ, Никонъ ходилъ въ Москву для собиранія подаяній на постройку каменной церкви. Имъ удалось собрать 500 руб., но эти деньги три года пролежали въ монастырской казнѣ, а церковь все еще не строилась. Никонъ сталъ напоминать о нихъ своему начальнику, что послужило предлогомъ въ разрыву между ними, и Никонъ принужденъ былъ удалиться въ Кожеозерскій монастырь, гдѣ въ скоромъ времени (1643 г.) мы его встрѣчаемъ игуменомъ. Спустя три года онъ долженъ былъ отправиться по монастырскимъ дѣламъ въ Москву, и теперь впервые имѣлъ случай представиться молодому царю — Алексѣю Михайловичу. Слухъ о прежнихъ подвигахъ Никона, его величественный видъ и энергическая рѣчь должны были произвести потрясающее впечатлѣніе на религіознаго и легко поддававшагося вліянію Алексѣя. Никонъ остался въ Москвѣ, будучи назначенъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Съ тѣхъ поръ онъ все болѣе приобрѣталъ вліяніе на царя: каждую пятницу Никонъ обязанъ былъ являться въ заутрени въ придворную церковь, послѣ которой обыкновенно имѣлъ бесѣду съ царемъ. Какъ ни любилъ Никонъ по временамъ предаться аскетическимъ упражненіямъ, но онъ не былъ созданъ для пустыни: отъ душеспасительныхъ бесѣдъ съ царемъ онъ скоро перешелъ къ гражданской дѣятельности. Пользуясь аудіенціей, онъ сталъ ходатайствовать передъ царемъ за обиженныхъ, вдовъ и сиротъ. Это понравилось Алексѣю Михайловичу, и онъ разрѣшилъ Никону принимать отъ нихъ челобитныя. Съ тѣхъ поръ монастырь, въ которомъ жилъ Никонъ, и дорога, по которой онъ проходилъ въ дворецъ — были усѣяны просителями. Никонъ охотно принималъ жалобы и сообщалъ ихъ царю, который немедленно послѣ заутрени давалъ на нихъ свое рѣшеніе. Такимъ образомъ личныя бесѣды съ царемъ и гражданская дѣятельность Никона на долго закрѣпили между ними тѣсную дружбу. Никонъ быстро повышался по іерархической лѣстницѣ: не прошло и трехъ лѣтъ (1648), какъ Никонъ былъ посвященъ митрополитомъ въ Новгородъ (43 лѣтъ), что давало ему первое мѣсто послѣ патриарха. А когда онъ прибылъ въ Новгородъ и посѣтилъ бывшаго новгородскаго митр. Авеонія, удалявшагося отъ управления по старости, онъ предложилъ ему передать ему управление, сказавъ, что онъ будетъ патриархомъ. 1711. 1681. т. 1

И въ Новгородѣ Никонъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Во время голода онъ открылъ трапезу на 300 человекъ; по воскресеньямъ велѣлъ раздавать деньги всѣмъ нуждающимся; вновь устроилъ 4 богадельни, посѣщалъ темницы, причемъ разспрашивалъ о преступленіяхъ, и, пользуясь царскимъ указомъ, нередко освобождалъ заключенныхъ. Мало того: ему порученъ былъ даже надзоръ за воеводами и гражданскимъ управленіемъ. Особенное же вниманіе Никонъ обратилъ на церковныя беспорядки: онъ уничтожилъ двугласное чтеніе во время служенія и ввелъ партесное пѣніе, по образцу греческому и киевскому. Это очень понравилось царю, который старался завести таковой порядокъ и въ своей церкви, но встрѣтилъ неудовольствіе со стороны патр. Іосифа. Кромѣ того, Никонъ имѣлъ обычай обращаться къ народу съ поученіемъ и такъ сильно дѣйствовалъ на слушателей своею рѣчью, что каждый праздникъ къ нему стекалось множество ихъ, даже изъ дальнихъ мѣстъ. На зиму онъ обыкновенно отправлялся въ Москву, гдѣ докладывалъ царю объ управленіи, по прежнему велѣ съ нимъ дружескія бесѣды и имѣлъ постоянное служеніе во дворцѣ. Неудовольствіе на патріарха Іосифа за церковныя беспорядки невольно склоняло симпатіи Алексѣя Михайловича въ пользу Никона, готоваго принять на себя реформу въ церкви. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, которое окончательно закрѣпило между ними существующія отношенія <sup>1)</sup>).

Въ 1650 году вспыхнулъ бунтъ во Псковѣ и Новгородѣ. Причиною его было—повелѣніе выдать изъ псковскихъ житницъ шведскому правительству 11,000 четвертей хлѣба, за перебѣжчиковъ изъ прежнихъ русскихъ областей, уступленныхъ Швеціи. Псковитяне увидѣли въ этомъ угожденіе нѣмцамъ и презрѣніе потребностями города, нуждавшагося въ хлѣбѣ. Отсюда дурныя слухи распространились въ Новгородъ, гдѣ стали поговаривать даже о новомъ нападѣніи шведовъ. Ко всему этому присоединилось общее въ то время нерасположеніе къ администраціи. Ея злоупотребленія вызвали мщеніе со стороны представителей этого движенія. Воеводы принуждены были искать защиты у духовной власти; Никонъ отлучилъ виновниковъ возстанія и старался уговорить остальныхъ. Но въ Новгородѣ и Псковѣ какъ будто воскресли древнія воспоминанія объ ответственности духовенства въ гражданскихъ дѣлахъ: псков-

<sup>1)</sup> Живль Никона, Шумерина; Патр. Никонъ, въ Чтен. Моск. общ. вст. 1847, N V; Соловьевъ, X, 153—159.

скаго архіепископа Макарія псковитяне посадили на цѣрь, а новгородцы избиди митрополита Никона, когда онъ вздумалъ усмирять волненіе увѣщаніями. Впрочемъ послѣднее обстоятельство также объясняется тѣмъ, что противъ Никона вооружены были лица, служившія при митрополитскомъ дворѣ, и духовенство, съ которыми онъ обращался крайне сурово. Во все время волненія Никонъ принималъ дѣятельное участіе въ его усмиреніи не только въ Новгородѣ, но и въ Псковѣ: о всемъ немедленно извѣщаль въ Москву, выставляя на видъ свои распоряженія; а гражданской власти какъ будто и не было слышно въ Новгородѣ. Даже, когда прислана была комиссія изъ Москвы для разбора дѣла, Никонъ хлопоталъ о смягченіи наказаній и бралъ на себя отступленія отъ данной инструкціи. Волненіе было подавлено; но страданіе Никона не могло быть забыто. Извѣщая царя объ этомъ событіи, Никонъ старается подѣйствовать на его религиозное чувство. Онъ рассказываетъ, что на канунѣ (18 марта) случившагося съ нимъ происшествія, въ то время, какъ онъ послѣ заутрени въ соборѣ читалъ псалмы, ему показался надъ образомъ Спаса золотой вѣнецъ, который мало-по-малу перешелъ по воздуху къ нему и остановился на его головѣ; «и я обѣими руками осязалъ его на своей головѣ, заключаетъ Никонъ, и вдругъ вѣнецъ сталъ невидимъ. Съ этого времени я сталъ ожидать инаго посѣщенія» (19 марта его постигла печальная катастрофа, о которой онъ передаетъ въ томъ же письмѣ).

Въ 1651 г. послѣ усмиренія Новгорода, Никонъ снова былъ въ Москвѣ. На этотъ разъ онъ устроилъ тамъ большое религиозное торжество. Онъ уговорилъ Алексѣя Михайловича перенести въ Успенскій соборъ гробъ патриарха Гермогена—изъ Чудова монастыря, гробъ патриарха Іова—изъ Старицы и мощи митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря. Но за мощами Филиппа отправился самъ Никонъ. Торжество это, говоритъ Соловьевъ, имѣло не одно религиозное значеніе: Филиппъ погибъ въ слѣдствіе столкновения власти свѣтской съ церковною; онъ былъ низвергнутъ царемъ Іоанномъ за смѣлые увѣщанія, умерщвленъ опричникомъ Малютою Скуратовымъ. Но свѣтская власть не принесла еще торжественнаго покаянія въ своемъ грѣхѣ, и этимъ покаяніемъ не отказалась отъ возможности повторить когда-либо подобный поступокъ относительно власти церковной. Никонъ, пользуясь религиозностью и мягкостью молодого царя, заставилъ свѣтскую власть принести это торжественное покаяніе. Онъ отискалъ призывъ въ пре-

даніяхъ византійскихъ, какъ императоръ Θεодосій, посылая за мощами Іоанна Златоуста, писалъ молитвенную грамоту къ оскорбленному его матерью святому, и Никонъ повезъ въ Соловецкій монастырь грамоту царя Алексѣя къ св. Филиппу. Въ ней царь обращается къ Филиппу съ слѣдующими словами: «Молю тебя и желаю, чтобы ты пришелъ сюда разбѣнить согрѣшеніе прадѣда нашего, царя Іоанна, совершенное противъ тебя безразсудно, по зависти и безпрельбному гнѣву. Хотя я не виновать въ досадѣ, причиненной тебѣ; однако гробъ прадѣда моего постоянно убѣждаетъ меня и возбуждаетъ во мнѣ жалость, что въ слѣдствіе твоего изгнанія и до сихъ поръ царствующій гробъ лишень твоей святительской паствы. И потому я преклоняю предъ тобою санъ царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, чтобы ты своимъ прпшестіемъ къ намъ отпустилъ ему согрѣшеніе; пусть упразднится то попошеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе; пусть всѣ увѣрятся, что ты примирился съ нимъ: онъ разскался тогда въ своемъ грѣхѣ, а ты, ради его покаянія и по нашему прошенію, приходи къ намъ, св. владыка!» 1).

Въ это время Никонъ располагалъ уже полнымъ вліяніемъ на царя. Алексѣй Михайловичъ считалъ необходимымъ о всемъ сообщать ему; извиняется передъ нимъ, когда его требованія не могутъ быть скоро удовлетворены, и передаетъ ему, подъ условіемъ тайны, жалобы бояръ, недовольныхъ жестокимъ обращеніемъ его задумевнаго дубуга. Въ своихъ письмахъ онъ величаетъ Никона «великимъ святителемъ и солнцемъ, освѣщающимъ всю вселенную». И вотъ, когда умеръ патриархъ Іосифъ, уже никто не сомнѣвался, что новый выборъ падеть на того же Никона. Конечно боярамъ не могло нравиться его совѣстничество при дворѣ; это было известно Никону, и онъ повелъ дѣло такъ, что сразу устранить ихъ вліяніе. Въ июль 1652 г. онъ прибылъ въ Москву для избранія патриарха, и хотя былъ избранъ, но отрекся для того, говоритъ Соловьевъ, чтобы быть избраннымъ «на всей своей воли».

Въ Успенскомъ соборѣ, при мощахъ св. Филиппа, царь простершись на землѣ и проливая слезы со всеми окружающими, умолялъ Никона не отсекаться. Тогда онъ, обративъ къ царю, боярамъ и народу, спросилъ: «будутъ ли почитать его, какъ начальника, и причастны ли вы?»

1) Шуперникъ, жизнь Никона, 26—42, Соловьевъ, X, 169—203, Собр. 18, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

дадутъ ли ему устроить церковь по его намѣренію, и будутъ-ли послушны ему во всемя? Всѣ вѣлялись, что будутъ и дадутъ, и Никонъ согласился<sup>1)</sup>. Въ послѣдствіи онъ припомнилъ это обѣщаніе.

Слѣдуетъ думать, что на первыхъ порахъ Алексѣй Михайловичъ вполне уступалъ его требованіямъ; по крайней мѣрѣ Никонъ говоритъ, что такъ было до окончанія войны съ Польшею<sup>2)</sup>. Притомъ обстоятельства сложились такъ, что въ скоромъ времени послѣ посвященія Никона въ патриархи (25 іюля 1652 г.), Алексѣй Михайловичъ самъ выступилъ въ походъ (1654 г. 18 мая), въ которомъ находился до ноября 1655 г., предоставивъ Никону высшій надзоръ за управленіемъ. Уже въ это время онъ носилъ титулъ великаго государя, а тонъ его грамоты ясно указываетъ на двоевластіе<sup>3)</sup>. Отправляясь въ походъ, царь подчинилъ Никону своего намѣстника и бояръ, которые безъ него не могли рѣшить ни одного дѣла и должны были каждое утро являться къ нему съ докладами. По словамъ очевидца, арабскаго писателя Павла Алепскаго, онъ имѣлъ семь палатъ, въ которыхъ сидѣли семь судей, съ множествомъ дьяковъ, и куда въ назначенный часъ сходились бояре; если же кто опаздывалъ, тотъ подвергался замѣчаніямъ<sup>4)</sup>. Въ отсутствіи царя Никонъ сумѣлъ оказать важную услугу его семейству. Въ это время въ окрестностяхъ Москвы свирѣпствовала моровая язва, поглотившая множество жертвъ. Въ виду опасности, Никонъ перевезъ царскую фамилію въ Вязму, поставилъ по дорогамъ заставы и для очищенія воздуха велѣлъ разводить костры. Здѣсь засталъ Алексѣй Михайловичъ свое семейство, возвращаясь изъ счастливаго похода и глубоко благодарилъ Никона за его заботы, а возвратясь въ Москву, пожертвовалъ для его монастыря (Иверскаго) много вотчинъ. Въ порывѣ благодарности, Алексѣй Михайловичъ до того предался изліанію своихъ чувствъ къ патриарху, что предложилъ ему произнести взаимную клятву—не оставлять другъ друга до самой смерти. При этомъ замѣтилъ, что Никонъ обыкновенно бывалъ крестнымъ отцомъ у дѣтей Алексѣя<sup>5)</sup>.

<sup>1)</sup> Соловьевъ, XI, 205—214. Посланіе Никона констант. патр. Діонисію, Записки рус. и славян. археолога, II, 511—513.

<sup>2)</sup> Посланіе къ констант. патр. Діонисію, *ibid.*, 513. Шумеринъ говоритъ, что безъ его совѣта царь ничего не начиналъ; стр. 49.

<sup>3)</sup> Азия экспедиція, IV, № 71.

<sup>4)</sup> Патр. Никонъ; Чтен. Моск. общ. ист. 1847, N V, 33.

<sup>5)</sup> *ibid.* 31.

Но, какъ обыкновенно бываетъ въ судьбѣ временныхъ людей, зенитъ ихъ величія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлъ, съ котораго начинается ихъ паденіе.

Еще въ бытность Никона митрополитомъ, его подчиненные выражались, что лучше жить въ Новолземль, за Сибирью, нежели служить подъ его вѣдомствомъ <sup>1)</sup>. Его самовластное отношеніе къ боярамъ, подчиненнымъ его вѣдѣнію на время отсутствія царя изъ Москвы, должно было посѣять между ними много враждебныхъ чувствъ; между тѣмъ, во время похода Алексѣя Михайловича, его окружали лица, которыя въ послѣдствіи заявили себя какъ враги Никона, или ихъ родственники (Трубецкой, Милославскіе, Одоевскій, Василій Стрѣшневъ и др.). Они естественно разоблачали передъ царемъ другія черты характера патріарха; а не тѣ, какія тотъ привыкъ замѣчать или хотѣлъ видѣть въ немъ. Вотъ почему самъ Никонъ, въ перемѣнѣ къ себѣ Алексѣя, большое значеніе приписываетъ польскому походу. Не менѣе бояръ, если не болѣе, противъ Никона было возбуждено и духовенство, которое жаловалось, что онъ поработилъ себѣ архіереевъ, называетъ ихъ не братьями, а сыновьями, и проклинаетъ ихъ; наконецъ сильно преслѣдуетъ игуменовъ и священниковъ <sup>2)</sup>. Въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ Никонъ задумалъ исправленіе книгъ, которое должно было задѣть вѣрованія людей, установившіяся вѣрами и которыя во многихъ случаяхъ съ трудомъ могли понять, почему новаѣ форма выраженія или знакъ лучше прежнихъ; а Никону не доставало на столько мягкости, чтобы отнестись къ нимъ снисходительно <sup>3)</sup>. Известно, что противники исправленія Никона составляли довольно сильную фалангу и пашли себѣ сочувствіе не только въ низшемъ духовенствѣ, но и въ высшемъ <sup>4)</sup>; и въ средѣ бояръ. Притомъ и самъ царь, подъ влияніемъ новыхъ совѣтниковъ и счастливыхъ обстоятельствъ, могъ приобрести и другіе

1) Соловьевъ, X, 211.

2) Обличеніе на патр. Никона, поданное Алексѣю Мих. Лѣтоп. рус. литер. Тихонравова, V, 173. 75.

3) Между тѣмъ и патр. Іосифъ, и Никонъ (въ началѣ патріаршества) крестились двумя перстами. Соловьевъ, XI, 282.

4) Такъ Никонъ отрѣшилъ безъ суда отъ должности—Павла, еп. воломенскаго, за сопротивленіе исправленію книгъ; между Никонѣмъ и чудов. архим. Іоакимомъ возникла открытая вражда. Бояринъ-архимандритъ яе могъ примириться съ строгостью патріарха, вышедшаго изъ крестьянъ; а послѣдній преслѣдовалъ Іоакима за осужденіе своего сана. Чтен. Моск. общ. истор. 1847 N V, 34.



взгляды на свои прежнія отношенія. «Походъ, дѣятельности военной и полная самостоятельность во главѣ полковъ, говоритъ Соловьевъ, развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой сферѣ, новой дѣятельности, было пережито много, явились новыя привычки, новыя взгляды. «Великій государь» возвращается въ Москву и застаётъ тамъ другаго «великаго государя», который въ это время, будучи неограниченнымъ правителемъ, также развился вполне относительно своего характера, взглядовъ и пріемовъ.... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умеренно пользоваться своею властью. Природа, одаривъ его способностью пробиваться впередъ, пріобрѣтать вліяніе, власть, не дала ему нравственной твердости умѣрять порывы страстей; образованіе, которое ему тогда нѣгдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ необыкновенное счастье разнуздаю его совершенно, и неприятныя стороны его характера выступили рѣзко наружу,.... а глухое божье уваженіе со стороны царя и всѣхъ, подражавшихъ ему—легко отуманили Никона, заставили его дѣйствительно считать себя владыкою во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными дарами»<sup>1)</sup>).

Пока Никонъ управлялъ государствомъ—онъ не чувствовалъ надъ собою власти, и царь, въ своемъ отсутствіи, среди военныхъ дѣлъ, не могъ тяготиться совмѣстничествомъ другаго государя. Заботы Никона о его семействѣ и порядкѣ въ гражданскихъ дѣлахъ, которыми онъ завѣдывалъ въ отсутствіи царя, должны были благопріятно подѣйствовать на послѣдняго при первой встрѣчѣ. Уступчивый, легко поддававшийся вліянію, Алексѣй Михайловичъ могъ на время позабыть возбужденія бояръ, окружавшихъ его въ походѣ. Ему трудно было расстаться съ своимъ «особеннымъ» другомъ. Но вскорѣ наступило благопріятное время для враговъ Никона, чтобы дѣйствовать въ ирреальномъ духѣ. Никонъ занялся устройствомъ своихъ монастырей—Иверскаго и Крестнаго: и приступилъ къ постройкѣ новаго монастыря въ Воскресеновомъ селѣ, по плану Іерусалима, въ слѣдствіе чего на долго отлучаясь изъ Москвы (равъ на годъ и въ другой разъ около года<sup>2)</sup>). Отсутствіе патріарха пріучило царя обходиться безъ его непосредственнаго вліянія, а для недоброжелателей Никона—это было весьма выгодное обстоя-

<sup>1)</sup> Соловьевъ, XI, 274—275.

<sup>2)</sup> Шушеринъ, 56, 60.

тельство. Но Никонъ конечно не думалъ уступать своего прежняго мнѣнія. Всворѣ Алексѣй Михайловичъ испыталъ на себѣ его господственное отношеніе. Одинъ изъ дворянъ, осужденный на смерть за убійство, прибѣгнулъ къ защитѣ царскаго духовника, который вступился за виновнаго; но получивъ отказъ въ своемъ ходатайствѣ, лишилъ царя причастія. Алексѣй Михайловичъ обратился съ жалобой къ патриарху; однако Никонъ поддержалъ духовника 1).

Защитники Никона стараются доказать, что его паденіе было слѣдствиемъ личныхъ столетовеній 2)—обыкновенный приемъ, когда не хотѣть винувать въ общія историческія причины, слишкомъ говоряція противъ защищаемаго лица.

И такъ, представителемъ какихъ интересовъ явился Никонъ въ борьбѣ съ противоположною стороною? Онъ самъ и его биографъ, говорящій съ его словъ, заявляютъ, что причиною бѣдствій, постигшихъ патриарха, былъ разладъ съ наступившимъ порядкомъ. Въ чемъ же состоялъ прежній и новый порядокъ въ отношеніи Никона? Первоначально царь слушалъ его во *всемъ*; безъ его совѣта *ничто* не дѣлалось; а свѣтская власть не вмѣшивалась въ духовныя дѣла, которыя, до послѣдняго причетника, подлежали суду Патриаршаго приказа. И такъ, преобладаніе Никона въ дѣлахъ свѣтскихъ и невмѣшательство гражданской власти въ духовныя дѣла—вотъ идеаль, отъ котораго отступилъ новый порядокъ вещей, совершенно сразившій патриарха, который не ожидалъ таковаго исхода послѣ первыхъ годовъ независимаго положенія. Конечно нельзя допустить, чтобы Уложеніе, старавшееся подвести духовенство подъ общій уровень гражданскихъ правъ, перестало дѣйствовать, когда Никонъ сдѣлался патриархомъ 3). Вѣришь, что Алексѣй Михайловичъ въ этомъ случаѣ дѣлалъ уступки Никону, а въ его отсутствіе послѣдній дошелъ до совершеннаго игнорированія существующихъ положеній. По возвращеніи изъ похода царь убѣдился, что другой «великій государь» превысилъ свою власть; слышались жалобы съ разныхъ сторонъ, а мы видѣли, что бояре и служилые люди настаивали на уничтоженіи привилегій духовенства. Начались стѣсненія ра-

1) Патр. Никонъ, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, V, 34.

2) Субботинъ, дѣло Никона; Судъ надъ Патр. Никономъ, въ Прав. соб. 1863, II.


3) Патриархъ Іосифъ и Никонъ подписали Уложеніе; но Никонъ въ послѣдствіи оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ это сдѣлалъ по принужденію. Значитъ и онъ молчалъ пока еще не былъ патриархомъ.

споряжениі Никона; а онъ самъ говоритъ, что онъ много разъ >дожучалъ < царю, чтобы тотъ >искоренилъ проклятую книгу < (Уложение)— и напрасно— очевидно, что корень зла заключался въ его политическихъ тенденціяхъ <sup>1)</sup>. Посмотримъ, какъ формулировалъ ихъ Никонъ.

>Гражданское законодательство, по мнѣнію Никона, должно согласоваться съ божественными законами; потому что судъ въ своемъ началѣ ~~есть~~ судъ божій, а не царскій: онъ преданъ людямъ не челоукомъ, но самимъ Богомъ, и ложныхъ законодателей всегда постигаетъ кара свыше (примѣры изъ свѣц. писанія). Правда, царь не рѣдко зрѣдѣдованъ посланникоуъ божіихъ (Иродъ — Иоанна предтечу, Неронъ — ап. Петра и Павла); но за то ихъ царства погибли и запустѣли! И развѣ не сбылось тоже самое на насъ? всѣ города Московскаго государства постигла моровая язва; сердце царя смутилось; царское семейство не знало, куда бѣжать. Господь обратилъ Москву и окрестные города въ пустыню; души грѣшниковъ погибли; адъ отверзъ свои уста; множество славныхъ, богатыхъ и нищихъ приняли смерть. Такъ поступилъ Богъ мести за неправду и беззаконіе! (разумѣется Уложение и новыя порядки). За тѣмъ, обращаясь къ Уложению, Никонъ разбираетъ сравнительно наказанія за религиозныя и гражданскія преступленія. Здѣсь естественнѣе всего было-бы ожидать отъ него грознаго приговора жестокимъ наказаніемъ вообще (сожженіе, смертная казнь), но онъ находитъ только въ высшей степени оскорбительнымъ подводить подъ общій уровень преступленія политическія и религиозныя. >Если, заключаетъ Никонъ, даже тѣ, которые сдѣлаютъ на грамотахъ подлогъ въ царскомъ имени, заслуживаютъ смерти; то какого наказанія достойны тѣ, которые, подобно Денницѣ, оскорбляютъ божественную власть, божіе достоиніе (ограниченіе монастырскихъ имуществъ) и божій судъ (подчиненіе духовенства гражданскому суду), принадлежащій тѣмъ, кто получилъ власть вазать и разрѣшать на землѣ и на небѣ. Божіе

<sup>1)</sup> Посланіе Никона конст. патр. Діонисію, 517—519; Шушеринъ, 49, 62—65. Послѣдній говоритъ, что Никонъ не допускалъ судить духовныхъ въ другихъ приказахъ; слѣдовательно столкновенія происходили постоянно; а Никонъ объясняетъ, что онъ оставилъ патриаршество потому, что царь пересталъ его слушать. См. въ Запис. рус. и слав. археол. II, 482, 483. Прежде царь не рѣшался привоспуться и къ причетнику, а теперь стѣснялъ дѣятельность патриарха. Посл. къ Алекс. Мих. у Субботина, Дѣло Никона, прилож. I.

слово непогрѣшимо: казимъ судомъ судите, такимъ и высь будутъ судить, и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ отмѣрятъ»<sup>1)</sup>. И такъ, надеи Никона на Уложеніе сводятся въ двумъ основнымъ мыслямъ: отношенію свѣтскаго суда къ духовному и вопросу о церковныхъ имуществѣхъ.

Во взглядѣ Никона представленіе о духовенствѣ сливается съ понятіемъ о церкви; и потому духовенство должно занимать  жизни преобладающее значеніе на столько, на сколько церковь является руководящею высшихъ интересовъ челоуѣка. Оно должно быть (поставлено внѣ государственной зависимости. >Подчиненіе духовенства видѣнію равныхъ приказовъ, смотря по вчинанію судебного исна, есть дѣло, противное евангельскимъ, апостольскимъ и отеческимъ правиламъ, потому что духовныя лица должны быть наставниками, которымъ обязаны всѣ повиноваться. Они не могутъ подлежать и суду Монастырскаго приказа; такъ какъ тамъ засѣдаютъ свѣтскія лица. Равный судъ, объявленный Уложеніемъ, ведетъ къ тому, что духовенство должно подлежать и тѣмъ наказаніямъ, которыя опредѣлены для остальныхъ, т. е. кнуту и смертной казни; но за такой судъ каждый изъ подсудимыхъ—будетъ-ли это патріархъ, митрополитъ, архіепископъ, епископъ, игумень, священникъ и до послѣдняго причетника, долженъ попать заионъ, какъ древніе мученики; храбро и мужественно боровшіися противъ языческаго закона. Гдѣ написано, чтобы царямъ, князьямъ, боярамъ, дьякамъ, судьямъ—судить патріарха, митрополитовъ, епископовъ игуменовъ, поповъ и причетниковъ? Богъ грозно караетъ за посягательство на духовный чинъ: Саулъ, за принесеніе жертвы; погубилъ царство; Иссія, поклавивъ въ храмъ, получилъ проказу; Мануилъ Комненъ былъ остановленъ отъ вмѣшательства въ духовный судъ страшнымъ видѣніемъ. Царь имѣетъ власть надъ мірскими людьми; а духовные подлежатъ суду божію, который долженъ быть сосредоточенъ въ рукахъ патріарха. И всякій мірянинъ, который ввергнетъ епископа въ темницу, или бьетъ его, или вымышляетъ на него вину, будетъ отлученъ»<sup>2)</sup>.

1) Мнѣнія патр. Никона объ Уложеніи, Запис. рус. и слав. археолог. II, 426—439.

2) Мнѣнія объ Уложеніи, 439—460, и посланіе Никона къ Алексѣю Михайловичу, у Субботина; Дѣло Никона, прилож. 1-е.

Но, охраняя духовное управленіе отъ вмѣшательства свѣтской власти, Никонъ защищаетъ и политическое значеніе духовенства. Онъ заявляетъ негодованіе, что дворець сдѣлался недоступнымъ для послѣдняго; между тѣмъ какъ онъ легко доступенъ дѣловымъ людямъ, даже иностранцамъ. Обличительная рѣчь духовенства стѣснена, потому что Уложеніе строго пресѣдуетъ всякое безчестіе <sup>1)</sup>. Другая сторона политическаго значенія духовенства заключалась въ его имущественныхъ отношеніяхъ къ государству. Но они были значительно поколеблены финансовою кризисомъ страны. Потребность въ лодахъ и средствахъ во время польской войны заставляла и Алексѣя Михайловича прибѣгать въ налогъ на вотчины духовенства, и Никонъ дѣлалъ отъ своего имени распоряженія о высылкѣ изъ монастырскихъ селъ — людей, подводъ, провіанта. Но онъ вносилъ это пока былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ эпоху разрыва онъ посматрѣлъ на это иначе. Въ тайномъ письмѣ конст. патр. Діонисію Никонъ жалуется, что, по повелѣнію государя, изъ монастырскихъ и епископскихъ имѣній берутъ на службу людей, хлѣбъ и деньги; а въ посланіи къ Алексѣю Михайловичу онъ грозитъ уже гнѣвомъ божіимъ и всѣми его послѣдствіями за прикосновенія къ церковнымъ имуществамъ, изъ чего ясно, замѣчаетъ онъ, что, въ глазахъ правительства духовенство оказалось ничѣмъ не лучше крестьянъ и воиновъ, и вѣроятно въ скоромъ времени даже епископы будутъ ходить на войну, подобно латинскому духовенству\*. Особою же Никонъ видитъ отступленіе отъ божественныхъ правилъ въ отнятій отъ духовенства права приобретать вновь вотчины по завѣщанію и въ конфискаціи у патриарха, епископовъ и монастырей — посадскихъ людей и слободъ, населенныхъ ремесленными и торговыми людьми, хотя это было сдѣлано въ видахъ интересовъ государства. «Священническая часть говоритъ Никонъ, — божія часть, и потому отнятіе у духовенства жертвованныхъ вещей и имуществъ — равняется похищенію наследства божія. За вмѣшательство Давида и Авирона въ дѣла, свинія ихъ погубила земля, потому что они не принадлежали въ левитамъ; царь Юссія простеръ руку на кивотъ завѣта — и былъ пораженъ свыше. Такъ бываетъ и со всѣми, кто посягаетъ на принадлежность церкви: патриаршихъ епископскихъ и монастырскихъ слободъ мало взяли, а большіе погубили своего; взяли тысячи, а погубили тѣмы, то отъ междуусобій и мора,

<sup>1</sup> Записки рус и слав. археологін, II, 449, 459.

те отъ войнъ и другихъ бѣдствій! Царь можетъ входить въ алтарь, когда онъ приноситъ дары Богу, а нашъ царь не только не дѣлаетъ этого, но даже отнимаетъ у церкви ей принадлежащее. Никонъ оскорбляется, что въ великіе праздники патриархъ обязанъ подносить царю подарки и желалъ бы, чтобы это было наоборотъ, забывая, что приобретенныя имъ такимъ путемъ богатства (по возвращеніи Алексе. изъ польскаго похода онъ получилъ богатыя вотчины и 6,000 крестьянъ), далеко превосходили его праздничные подарки <sup>1)</sup>. Потерявъ прежнее расположеніе Алексѣя Михайловича, Никонъ чувствуетъ, что его авторитетъ уже недостаточенъ для убѣжденія, и потому рассказываетъ царю, какъ явился ему св. Петръ митр. московскій и повелѣлъ напомнить царю, что онъ, прикасаясь къ церковнымъ имуществамъ, оскорбляетъ церковь, за что уже постигалъ Россію два раза моръ и еще грозитъ пожаръ царскому дворцу. «Ради неправды и разоренія имуществъ царство переходитъ изъ плѣна въ плѣнъ» заключаетъ Никонъ свое посланіе <sup>2)</sup>.

Послѣ всего сказаннаго рождается вопросъ: въ какія отношенія хотѣлъ стать Никонъ къ государству и какъ понималъ онъ свое назначеніе? Онъ говоритъ, что въ настоящее время, вопреки божественнымъ законамъ, царство возобладало надъ церковью. Это видно изъ печатныхъ листовъ (1663), гдѣ изображенъ двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями; надъ которымъ возсѣдаетъ царь на конѣ; а вокругъ расположены стихи изъ ветхаго завіта о царѣ, которые Никонъ относитъ къ самому Иисусу Хр., и потому считаетъ оскорбительнымъ помѣщать ихъ въ такомъ видѣ, тѣмъ болѣе, что изображеніе креста находится внизу, поправляемое орломъ и конемъ. «Вотъ до какого времени дожили вы! восклицаетъ онъ. Уже сбылось писаніе: промѣняли славу божію на славу человека, четвероногихъ животныхъ и птицъ». «Но не надѣйтесь на князя и сыновъ человѣческихъ, потому что въ нихъ нѣтъ спасенія. Намъ слѣдуетъ опасаться тѣхъ, которые превозносятся и гордятся славою міра, и какъ боги прославляются безумными людьми, съ радостію внимаютъ ихъ словамъ: ты Богъ земной; насъ же священное писаніе учитъ, что есть только одинъ Богъ—на небѣ и на землѣ. Царь Навуходоносоръ, насладився такимъ величіемъ, лишился царства; Богъ

<sup>1)</sup> Ibid. стр. 450—455, 480, 527, 548.

<sup>2)</sup> Ibid. 551, 553.

послать прор. Исавилли къ тирскому везю сказать, чтобы онъ не возносился какъ Богъ, а помнилъ, что онъ человѣкъ. Такъ, нѣкогда Деяница хотѣлъ поставить престога свой выше престола Бога, и обратился въ тьму. Царь долженъ быть покровителемъ церкви, а не судьей священнаго чина, потому что Господь повелѣлъ царямъ — повиноваться своимъ наставникамъ, а не обладать ими. Царь помазанникъ божій, но онъ помазанъ на царство архіереомъ. Если же и ему, по великой гордости, кажется, что священство меньше царства, то онъ узнаетъ различіе ихъ, когда мы будемъ призваны на судъ Христа. Я принадлежу Богу и царя не боюсь; потому что у меня есть единый царь — Иисусъ Христосъ. Если хотять убить меня, пусть убиваютъ, смерть — приобрѣтеніе. Когда въра христіанская стала размножаться и архіерейство приобрѣло достойную честь у царей благочестивыхъ, тогда ихъ царства возвысились надъ нечестивыми; но когда распространилась злая гордость и измѣнилась архіерейская честь, увы! тогда царства пали, какъ видно изъ исторіи Греціи и другихъ государствахъ<sup>1)</sup>. Очевидно, что Никонъ объясняетъ и взаимныя отношенія церкви и государства, и даже исторію государствъ, на основаніи своего положенія, и вездѣ старается провести свое преобладающее значеніе. Но всего болѣе оскорбило Никона замѣчаніе Стрѣшнева, что *государь вручилъ ему, Никону, надзоръ за судомъ въ церковныхъ дѣлахъ и даровалъ ему много привилегій* (въ сознаніи своей независимости, Никонъ вполнѣ опредѣленно высказываетъ взглядъ на взаимныя отношенія свѣтской и духовной власти, который совершенно расходится съ политической системою Византіи, утвержденною въ Россіи предъидущею исторіей. «Ты говоришь, пишетъ Никонъ, что онъ намъ поручилъ надзоръ надъ церковнымъ судомъ; это свершая хула и превосходить гордость Деяницы: не отъ царя исходитъ власть священства; но отъ священства помазываются на царство; много разъ доказано, что священство выше царства. Какими привилегіями подарилъ насъ царь? Мы не знаемъ другаго законодателя, кромѣ Хри-

<sup>1)</sup> Ibid., стр. 460, 461—465, 469; 471—474; 476, 479, 483, 484, 492—493; 553, 572. На вопросъ Одоевскаго — зачѣмъ Никонъ даетъ цѣловать свою руку по-царски? — онъ отвѣчалъ: «Да почто царь поповы руки цѣлуетъ, которые нами посвящены, и, ко благословенію приходя, самъ главу свою преклоняетъ. Мы тому чудимся, почто царь архіереомъ и іереомъ нудитъ руки своя цѣловать, не суть архіерей, ни іерей».

ста. Не давалъ онъ (царь) намъ правъ, а похитилъ наши права, какъ ты свидѣтельствуешь, и всё дѣла его беззаконны. Какія же его дѣла? Церковью обладаетъ, священными вещами обоготчается и питается, ибо митрополиты, архіепископы, священники и всё причетники покоряются, работаютъ, оброки даютъ, воюють; онъ владѣеть судомъ и пошлинами. Всемогуцій Богъ, когда сотворилъ небо и землю, тогда повелѣлъ свѣтити двумъ свѣтиламъ — солнцу и мѣсяцу <sup>1)</sup>, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами; царская — надъ предметами видимаго мира. Мечъ царскій долженъ быть готовъ на непрітелей вѣры православной; архіереи и духовенство требуютъ, чтобы ихъ защищали отъ всякой неправды и насилій; это обязаны дѣлать мірскіе люди. Міряне нуждаются въ духовныхъ для душевнаго спасенія; духовные нуждаются въ мірянахъ для внѣшней обороны; въ этомъ власть духовная и свѣтская не выше другъ друга; но каждая происходитъ отъ Бога <sup>2)</sup>.

(Такимъ образомъ политическія тенденціи Никона не подлежатъ сомнѣнію. Какъ ни старается онъ прикрыть ихъ духовными интересами, но вопросъ объ отношеніяхъ духовной и свѣтской власти слышится въ каждомъ его словѣ. Оскорбляясь вмѣшательствомъ свѣтской власти въ церковныя дѣла, излишними налогами на духовенство и подчиненіемъ его въ гражданскихъ дѣлахъ свѣтскому суду, Никонъ постоянно отстаиваетъ свои права. Но его управление духовнымъ вѣдомствомъ, къ сожалѣнію, несколько не было лучше тѣхъ темныхъ сторонъ гражданскаго управления, противъ которыхъ онъ вооружается. Это было большое мѣсто, которымъ воспользовались его противники. Въ то время, когда уже готова была разразиться сильная борьба между патриархомъ и царемъ, низшее духовенство подало послѣдному челобитную на Никона

1) Ср. письмо Григорія VII въ Вильгельму Завоевателю (Epist. VII, 25). Laurent, Histoire du droit des gens et des relations internationales, VI, pag. 171—172.

2) Мѣнія Никона: объ Уложеніи, въ Запис. рус. и слав. археол. II, Соловьевъ, XI, 320—321. Считаюь долгомъ замѣтить, что въ нашей исторической литературѣ уже существуетъ взглядъ на Никона вполнѣ научный — это въ Исторіи г. Соловьева, который разсмотрѣлъ его дѣятельность со свойственнымъ ему безпристрастіемъ, и потому мы въ значительной степени придерживаемся взгляда высказаннаго почтеннымъ профессоромъ.



Она живо рисуетъ передъ нами взаимныя отношенія подчиненныхъ и ихъ владыки. Въ ней духовенство жалуется, что поставленіе въ священники обыкновенно обходится отъ 15 — 30 недѣль времени и въ 5—6 руб. деньгами; не считая того, что прїѣзжіе издалека должны проживаться въ Москвѣ; другихъ зовутъ въ слушанію слова патріарха изо-дня-въ-день въ теченіе двухъ недѣль, стоятъ они понапрасну съ ранняго утра до 5 или 6 часовъ вечера и за тѣмъ расходятся по домамъ. При прежнихъ патріархахъ, *кромя Іосифа*, ставленники ночевали въ патріаршемъ дворѣ безденежно и поджидали выхода патріарха въ крестной комнатѣ; а теперь и въ сѣняхъ не велятъ стоять, даже зимою мучатся на крыльцѣ. Дворъ патріарха—недоступенъ, священникъ не можетъ получить благословенія; между тѣмъ разныя женщины имѣютъ свободный входъ во всякое время. Патріаршая область тянется на 800 верстъ отъ Москвы, а потому, при прежнихъ патріархахъ, священники могли посвящаться у ближнихъ архіереевъ; патріархъ Іосифъ запретилъ это, желая собрать себѣ имѣніе; и теперь такъ остается. Переходныхъ грамотъ Іосифъ не велѣлъ выдавать по городамъ, кромѣ Москвы, желая обогатить своего дьяка Ивана Ковошилова и подъячихъ. Переходная обходилась обыкновенно 6—15 р. и отъ 20—30 недѣль времени; а многіе по нѣскольکو разъ прїѣзжали въ Москву, и Никонъ всего этого держится. И при Никонѣ Ковошиловъ игралъ прежнюю роль: «за всякое дѣло нужно было заплатить ему 5, 6 р., женѣ поднести подарки, а людямъ его раздать до рубля; иначе и на дворъ не пустятъ». Этого мало. «Никонъ велѣлъ переписать по городамъ и уѣздамъ весь причтъ и наложилъ на него опредѣленную дань. Татарскимъ абызамъ жить гораздо лучше! Повелѣвъ въ 1655 г. собрать по всему государству съ церковей лошадей, Никонъ предоставилъ ихъ царю для военной нужды, и тутъ 400 или 500 лошадей разослалъ по своимъ вотчинамъ. Видишь-ли, государь, заключаютъ просители, что онъ возлюбилъ стоять высоко и ѣздить широко. Этотъ патріархъ управляетъ вмѣсто евангелія бердышами, вмѣсто креста—топорками<sup>1)</sup>. Какая тебѣ честь, владыка святой, говоритъ Нероновъ Никону, что всякому ты страшень, и, другъ другу грозя, го-

<sup>1)</sup> Соловевъ, XI, 289—292. Довѣренность Никона къ Ковошилову видна изъ описи его казны; Временникъ, XV. Между тѣмъ богатства Никона были таковы, что онъ могъ-бы иначе относиться къ своимъ подчиненнымъ, ср. выше 432—433.

ворять: знаете-ли кто онъ, лютый звѣрь, левъ, медвѣдь или волкъ? Дивлюсь я: царской власти уже не слышать, отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники пуще царскихъ страшны, никто съ ними не смѣетъ говорить; у нихъ затвержено: знаете-ли патріарха? Не знаю какой образъ или званіе ты принялъ<sup>1)</sup>. И Никонъ въ послѣдствіи сознавался, что онъ наказывалъ подчиненныхъ собственноручно. (Такимъ образомъ отъ правление духовнаго суда ничѣмъ не разнилось отъ свѣтскаго, тѣмъ бо- лѣе, что составъ ихъ былъ совершенно одинаковъ; такъ какъ духовные сановники поручали свое управленіе свѣтскимъ чиновникамъ, кото- рыхъ у Никона было «великое множество»<sup>2)</sup>, и которые, при его недоступности, пользовались огромнымъ значеніемъ. Отсюда ясно, что Никонъ стоялъ вовсе не за форму суда, а за извѣстный принципъ.)

Жалобы недовольныхъ произвели свое дѣйствіе на Алексѣя Михайловича. Въ послѣдствіи, когда было перехвачено письмо Никона къ конст. патріарху, наполненное жалобами на царя, Алексѣй Михайловичъ, прочитавши о налогахъ, которыми обремененъ народъ, замѣтилъ на полѣ собственноручно: «а у него и льготно, да что пользы въ томъ?»<sup>3)</sup> Онъ ясно увидѣлъ, какъ мало разницы въ духѣ управленія между его особеннымъ другомъ и безпечнымъ Іосифомъ. Но у послѣдняго существовало по крайней мѣрѣ сознаніе своихъ недостатковъ, а у Никона онъ видѣлъ одну непреклонную гордость.

Алексѣй Михайловичъ не былъ склоненъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, а потому предпочелъ уклоняться отъ Никона: онъ пересталъ съ нимъ видѣться и даже избѣгалъ обычныхъ въ большіе праздники выходовъ въ соборъ. Конечно это натянутое отношеніе не могло продолжаться долго. Никонъ не думалъ уступать, а царь заявлялъ свое неудовольствіе черезъ другихъ, враговъ патріарха, которые при этомъ не забывали и собственныхъ обидъ<sup>4)</sup> Но замѣчательно, что первое открытое заявленіе Никону о его дѣйствіяхъ имѣетъ чисто политическій характеръ. 10 іюля 1658 г. царь приказалъ князю Ромодановскому ска-

<sup>1)</sup> Соловьевъ, XI, 293.

<sup>2)</sup> Свидѣтельство Павла Алепскаго, Истор. рус. церкви, Филарета, пер. IV, стр. 13.

<sup>3)</sup> Соловьевъ, XI, 354.

<sup>4)</sup> Бояринъ Стрѣшневъ назвалъ свою собаку Никономъ и научилъ ее благословлять по-патріаршески. Посл. Никона къ конст. патр. Діонисію.

зять Никону въ соборѣ: зачѣмъ онъ называется великимъ государемъ. Никонъ ссылаясь на жалованную грамоту Алексѣя Михайловича, но Родомановскій на это отвѣчалъ: царь почтилъ тебя какъ отца и пастыря, но ты не понялъ этого; теперь царь велѣлъ мнѣ сказать, чтобы ты впредь не писался и не назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впередъ онъ не будетъ<sup>1)</sup>. Этимъ ясно говорилось, что Никонъ болѣе не нуженъ. Но онъ рѣшилъ оставить свое мѣсто такъ же торжественно, какъ принималъ его. Отслуживъ обѣдню, онъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой обличалъ неблагодарность общества къ его трудамъ и отрекся отъ званія патріарха съ проклятіемъ на себя, если даже подумасть остаться въ немъ. Въ одеждѣ простаго монаха, но въ архіерейской мантии, вышелъ Никонъ изъ собора, сопровождаемый по городу рыдающимъ народомъ. Но эта сцена ничего не помогла; онъ не добился свиданія съ царемъ и вскорѣ отправился въ свой Воскресенскій монастырь. Съ этихъ поръ около девяти лѣтъ, между Москвою и Воскресенскимъ монастыремъ, разыгрывалась драма, далеко непривлекательнаго свойства. Мы не станемъ подробно слѣдить за ея ходомъ, тѣмъ болѣе, что все это было уже изложено въ существующихъ изслѣдованіяхъ<sup>2)</sup>, а каснемся только общаго характера ея, на сколько это необходимо для нашей цѣли.

Пока патріаршія дѣла поручены были крутицеому митрополиту Питириму. Но теперь и обнаружилось, что Никонъ вовсе не думалъ отказываться отъ своихъ правъ. Онъ не признавалъ лицъ посвященныхъ безъ его участія<sup>3)</sup>, а совершеніе торжественнаго шествія въ недѣлю Ваий, въ которомъ обязанность патріарха исполнялъ Питиримъ, называлъ прелюбодѣйствомъ церкви, хотя и самъ совершалъ его въ Новгородѣ, будучи митрополитомъ. Онъ соглашался оставить патріаршество и предлагалъ избрать на свое мѣсто другаго; но въ то же время признавалъ это избраніе безъ своего участія незаконнымъ и грозилъ отлученіемъ будущему патріарху—очевидное желаніе помѣшать избранію или имѣть вліяніе на самый выборъ. Трудно сказать, къ какимъ результатамъ привело-бы подобное двоевластіе въ духовномъ мірѣ; но ясно что здѣсь столкновенія были неизбежны.

<sup>1)</sup> Посл. Никона конст. патр. Діонісію, Запис. рус. и слав. археол. II, 515.

<sup>2)</sup> Указываемъ по противоположности взглядовъ на соч. Соловьева и Субботина.

<sup>3)</sup> Никонъ особенно возмущало посвященіе духовныхъ лицъ по повелѣнію царя, вслѣдствіе чего въ ставленныхъ грамотахъ писалось: по волѣ св. Духа и указу царя.

Въ слѣдствіе этого духовный соборъ 1660 постановилъ отрѣшить Никона не только отъ патріаршества, но и отъ священства, и избрать другаго патріарха. Однако это рѣшеніе вызвало возраженіе со стороны защитниковъ Никона, которые увидѣли въ немъ посягательство на каноническія постановленія (Епифаній Славеницкій) <sup>1)</sup>. Вопросъ еще болѣе затруднился. Что же дѣлалъ Никонъ въ Воскресенскомъ монастырѣ? Тамъ онъ усилилъ свои аскетическіе подвиги, участвовалъ въ простыхъ работахъ и въ тоже время велъ соблазнительные процессы съ своими сосѣдями за земли и монастырскія угодія (дѣло Бабарыкина и Сытина), при чемъ жестоко наказывалъ крестьянъ своихъ противниковъ. Наконецъ неудовлетворенный рѣшеніемъ дѣла, онъ проклялъ своихъ обидчиковъ, торжественно прочитавъ приличныя на этотъ случай молитвы, въ слѣдствіе чего одинъ изъ нихъ (Бабарыкинъ) сообщилъ въ Москву, что Никонъ проклинаетъ самого царя, а это послужило предлогомъ къ новому процессу <sup>2)</sup>.

Между тѣмъ прибылъ въ Москву ученый грекъ (митрополитъ), Паисій Лигаридъ, вызванный въ Россію Никономъ, но уже заставшій его во враждѣ съ царемъ. Сначала онъ старался примирить ихъ, убѣждая Никона покориться царской власти. Въ противоположность его взгляду на значеніе патріарха, Паисій проводитъ мысль о безусловномъ преимуществѣ свѣтской власти передъ духовною: Долженъ быть одинъ царь, говорить онъ въ письмѣ къ Никону, какъ и одинъ Богъ, и какъ одно солнце между планетами <sup>3)</sup>. На вопросы Стрѣшцева объ отношеніи патріарха къ царю и дѣйствіяхъ Никона, онъ высказался съ осужденіемъ къ послѣднему и вполне оправдалъ дѣйствія свѣтской власти. Эрудиція искуснаго грека, незабывавшаго при этомъ и своихъ выгодъ, много помогла ускоренію дѣла. При его содѣйствіи, были отправлены письма къ восточнымъ патріархамъ за разрѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые были выставлены дѣломъ Никона. И здѣсь Никонъ потерпѣлъ осужденіе. Видя полную неудачу, онъ старался быть осторожнѣе и пытался возвратить свое прежнее положеніе. Онъ про-

<sup>1)</sup> Замѣчательно, что Епифанію возражали греческіе архіереи. Субботинъ, Дѣло Никона, см. приложен. II.

<sup>2)</sup> Соловьевъ, XI, гл. IV; Субботинъ, Дѣло Никона; Патр. Никонъ въ Чтеп. Моск. общ. ист. 1846, № V; Запис. рус. и славян археол. II.

<sup>3)</sup> Соловьевъ, XI, 316.

силъ своихъ сторонниковъ извѣщать его о всемъ, что касаетца его, особенно же объ отношеніяхъ къ нему царя. Алексей Михайловичъ не переставалъ по временамъ выражать свое сожалѣніе о Никонѣ; эти толки были извѣстны при дворѣ, и вотъ, въ то время (1664), когда дѣло Никона принимаетъ рѣшительный поворотъ, бояринъ Зюзянъ сообщалъ ему, что теперь самое благоприятное время для примиренія съ царемъ и присовѣтовалъ ему немедленно явиться въ Москву. Въ надеждѣ на успѣхъ, Никонъ старался придать своему появленію торжественный видъ. Ночью съ 17 на 18 декабря, во время заутреня, явился онъ въ Успенскій соборъ, какъ патріархъ; остановилъ служеніе; заставилъ совершить себѣ привѣтствіе и всѣмъ далъ благословеніе. Для большаго успѣха Никонъ привезъ съ собою письмо къ царю, гдѣ объяснялъ, что на канунъ своего приѣзда въ Москву, онъ видѣлъ сонъ, въ которомъ всѣ московскіе свитатели предстали передъ нимъ и призывали его на престолъ. Тогда онъ рѣшился возвратиться въ Москву. Однако Никонъ ошибся въ своихъ расчетахъ; дѣло заняло уже слишкомъ далеко: ему приказано было возвратиться въ Воскресенскій монастырь. Послѣ этого ему оставалось только удалиться. Но Никонъ не могъ снести подобнаго цоруганія. Убѣжая изъ Москвы, онъ отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, и, указавъ на стоящую надъ Москвою комету, нагровилъ бѣдствіемъ за свое гоненіе. Кромѣ того, Никонъ захватилъ отъ себя посохъ митр. Петра, какъ будто съ дѣлюю воспользоваться этою принадлежностью русскихъ іерарховъ для своихъ видовъ. Но на дорогѣ его настигли посланные изъ Москвы и заставили возвратить ея священную принадлежность.

Для Никона оставалась одна надежда—защита патріарховъ. Онъ самъ поставилъ вопросъ таковъ, что его могутъ судить только патріархи и признавалъ въ этомъ случаѣ верховный авторитетъ константинопольскаго патріарха. Воспользовавшись случаемъ, въ 1655 г. онъ послать къ нимъ свои грамоты съ изложеніемъ всего дѣла, конечно съ своей точки зрѣнія. Но эти грамоты были перехвачены. Никонъ смотрѣлъ на себя, какъ на жертву свѣтской власти: передъ нимъ постоянно носились образы Іоанна Златоуста, Леанасія В., Василя В. и митрополита Филиппа, потерпѣвшихъ гоненіе отъ свѣтской власти. Уже собранъ предъ Господомъ, говорить онъ, многочисленный людъ, злопострадавшихъ жестокою смертію и мученіями за обличеніе несправедливыхъ дѣлъ царскихъ.

Наконецъ соборъ противъ Никона состоялся въ 1666 г., когда прибыли въ Москву патріархи александрійскій и антiохійскій; но только послѣ представленія ими полномочій отъ патр. константинопольскаго и іерусалимскаго — Никонъ призналъ соборъ дѣйствительнымъ <sup>1)</sup>. Всѣ предыдущія обстоятельства послужили основаніемъ для осужденія Никона; онъ былъ лишенъ сана и, въ званіи простаго монаха, сосланъ въ Терапонтонъ монастырь. И здѣсь Никонъ не оставилъ своихъ привычекъ: окружавшіе Никона величали его патріархомъ; говорили, что ему быть папою; онъ самъ подъ-часъ толковалъ о своихъ связяхъ съ казаками, которые гототы были возвратить ему патріаршество <sup>2)</sup>; а на стульяхъ собственнаго иждѣлія вырѣзывалъ: «сей стулъ сдѣланъ смиреннымъ Никономъ, патріархомъ, въ заточеніи, за слово божіе и св. церковь». Подобныя же надписи встрѣчались и по дорогамъ на крестахъ. Вскорѣ послѣ заточенія между царемъ и Никономъ завязалась постоянная переписка: первый заботился улучшить бытъ своего «особеннаго» друга, исполнялъ малѣйшія его жалобы на недостатки; а Никонъ требовалъ увеличить содержаніе, жаловался на своихъ окружающихъ и, для большаго возвышенія своего положенія въ глазахъ царя на перекоръ судьбѣ, — рассказывалъ о своихъ исцѣленіяхъ, которыя даровалъ ему Богъ въ награду за потерянное патріаршество. Алексѣй Михайловичъ видимо тревожился мыслию объ осужденіи Никона, и потому въ завѣщаніи испрашивалъ себѣ у него прощенія, причемъ величалъ его своимъ отцомъ, великимъ господиномъ, святѣйшимъ іерархомъ и блаженнымъ пастыремъ. Но Никонъ въ отвѣтъ на это напомнилъ о будущемъ судѣ и не далъ письменнаго прощенія. Въ началѣ царство-

<sup>1)</sup> Узнавши (1665) рѣшительное намѣреніе царя покончить дѣло судомъ, Никонъ хотѣлъ предотвратить его предложеніемъ — сохранить за нимъ патріаршество, второе мѣсто въ русской іерархіи, независимое управленіе тремя монастырями (Иверскимъ, Крестнымъ, Воскресенскимъ) и другими мелкими пустынями, построенными имъ, съ самостоятельнымъ судомъ и привилегіями. Соборъ отказалъ. Субботинъ, прилож. III и IV.

<sup>2)</sup> Никонъ постоянно надѣялся на поддержку народа. Есть извѣстіе, что еще въ 1659 г. онъ, пріѣхавъ въ Москву, устроилъ общую трапезу и возбуждалъ негодованіе въ народѣ, указывая на тягости польской войны. Ему приказано было выѣхать изъ Москвы. Weslawski, p. 105. Во время пребыванія Никона въ Терапонтонскомъ монастырѣ, царь упрекалъ его за сношенія съ казаками Стеньки Разина, которые хотѣли его освободить. Соловьевъ, XI, 388—89.

ванія Ѳеодора Алексѣевича участь Никона была нѣсколько отягчена: тогда открылось жестокое обращеніе Никона съ окружающими его лицами; онъ забралъ въ свои руки управленіе монастыремъ, преслѣдовалъ монаховъ и собственноручно наказывалъ ихъ; принималъ къ себѣ, подъ предлогомъ леченія, подозрительныхъ лицъ и женщинъ. Это были жестокія вспышки крайняго негодованія Никона, долго надѣявшагося на полное всепрощеніе. Въмѣсто этого его перевели подъ строгій надзоръ въ Кирилловъ монастырь.

Однако почитатели Никона (особенно тетка царя — Татьяна Михайловна), воспользовавшись переменною правительства, принялись хлопотать о прощеніи его. Ѳеодоръ Алексѣевичъ соглашался перевести его въ Воскресенскій м., но онъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ патр. Іоакимѣ, — личномъ врагѣ Никона, и духовномъ соборѣ. Іоакимъ опасался соперничества Никона; тѣмъ болѣе, что недовольные настоящимъ патриархомъ (во главѣ которыхъ стоялъ Симеонъ Полоцкій) угрожали царя образовать въ Россіи четыре патриаршества; Іоакима послать патриархомъ въ Новгородъ, а Никона сдѣлать папою въ Москвѣ. Такіе слухи ходили тогда въ обществѣ. — Между тѣмъ стало извѣстно, что Никонъ близокъ къ смерти; онъ просилъ монаховъ Воскресенскаго м. похлопотать за него передъ царемъ, хотя и въ этомъ письмѣ попрежнему называетъ себя патриархомъ. Только теперь Никону разрѣшили возвратиться въ его монастырь; но онъ умеръ на пути, 17 августа 1681 года. Тѣло его перевезли въ Воскресенскій м. и похоронили съ большимъ торжествомъ <sup>1)</sup>.

Наши изслѣдователи называютъ Никона «последнею жертвою борьбы духовной власти съ свѣтскою въ Россіи» <sup>2)</sup>; но вопросы, поднятые Никономъ, продолжаютъ высказываться и въ послѣдующее время (Ѳеодосій новгородскій, Арсеній Мацѣвичъ), и даже отзываются въ мнѣніяхъ архим. Фотія <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Соловьевъ, XI, гл. IV; XIII, 244—248, пр. 190; стр. 331—333. Судъ надъ Никономъ, въ Прав. соб. 1863., III; извѣстіе о папствѣ у Татищева, I, 573, и Соловьева, XIII, 332.

<sup>2)</sup> Патр. Никонъ, въ Чтен. Моск. общ. исторіи, 1847, N V, стр. 45.

<sup>3)</sup> Дѣло Ѳеодосія въ Русск. Архивѣ (1864 г. 160—207); объ Арсеніи Мацѣвичѣ, Чтен. Моск. общ. истор. (1862, II, III, 1864, IV). Записки Фотія, Чтен. Моск. общ. истор. 1863, I, Русскій Архивъ, 1863, 1869. Ср. интересный разсказъ Петра В. о Никонѣ, съ примѣч. Алексѣева, Рус. Арх. 1863.

Медленность въ рѣшеніи дѣла Никона вполне зависѣла отъ личнаго характера Алексѣя Михайловича. Соловьевъ замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ они помѣнялись ролями Ісакіа Грознаго и Филиппа. Но если въ исторіи многое объясняется параллелями, то можно сказать, что; по *характеру* лицъ, эта борьба напоминаетъ собою другую борьбу — изъ исторіи Запада, въ которой принимали участіе — Григорій VII и Генрихъ IV. Непреклонному Григорію соответствуетъ гордый Никонъ; а уступчивому Генриху IV — тишайшій Алексѣй Михайловичъ, какъ называлъ его самъ Никонъ. Но въ исходѣ борьбы высказалась вся разница тѣхъ политическихъ условий, среди которыхъ дѣйствовали представители одной и другой стороны <sup>1)</sup>.

(Въ дѣлѣ Никона разрѣшился важный вопросъ объ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти, впервые поставленный такъ опредѣленно въ Россіи. Въ своихъ отвѣтахъ восточные патріархи, согласно съ Номоканонамъ, опредѣляли, что патріархъ долженъ подчиняться своему государю, какъ намѣстнику Божію и обладающему высшимъ достоинствомъ; онъ не долженъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла; въ противномъ случаѣ онъ подлежитъ лишенію своего сана и недостойнъ даже имени христіанина <sup>2)</sup>). Въ этомъ ясно выразилась разница отношеній двухъ сторонъ по римской и византійской системѣ. Но на соборѣ (1667 г.), составляющемъ продолженіе собора, созваннаго по поводу дѣла Никона, была восстановлена независимость духовнаго суда, существовавшая до Уломенія, къ которому по прежнему отошли и всѣ гражданскія дѣла, подлежащія вѣдѣнію духовнаго суда <sup>3)</sup>.)

Целью разсмотрѣннаго нами вопроса приводить къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи, въ слѣдствіе слабости политической власти, раздѣленія Россіи на отдѣльныя княжества и непосредственной зависимости церкви отъ константинопольскаго патріарха, представители ея пользовались значительною независимостью и влияніемъ на ходъ политическихъ дѣлъ. (Эпоха татарскаго ига содѣйствовала тому же, такъ какъ ханы покровительствовали церкви и ду-

<sup>1)</sup> См. выше, стр. 261—273.

<sup>2)</sup> Собр. государ. грам. IV, 89—90; Вѣстн. Европы, 1821, № 18; стр. 121; Калачовъ, О Кормчей, стр. 96—97.

<sup>3)</sup> Соборъ 1666—67 г. въ Прав. соб. 1863, III, 217—233.



ховенству, которое поэтому пользовалось большим уважением у князей, см. стр. 320).

2) (Съ образованіемъ Московскаго государства замѣтно постепенное ограниченіе политическихъ и гражданскихъ правъ духовенства, которое возникаетъ вслѣдствіе усилившейся свѣтской власти и потребностей государства. Но духовенство старается сохранить за собою нравственное вліяніе въ прежнемъ видѣ: борьба митр. Филиппа съ Іоанномъ Грознымъ основывается именно на нравственныхъ мотивахъ (печалование), хотя касается и политическихъ вопросовъ.

3) Ослабленіе политическаго строя Московскаго государства, наступившее по смерти Іоанна Грознаго и продолжавшееся до конца смутнаго времени, и возвышеніе духовнаго авторитета въ этотъ періодъ (патріаршество), когда представитель духовенства необходимо долженъ былъ стать во главѣ общественнаго движенія, способствовали его политическому возвышенію. Никонъ старался удержать за собою это положеніе даже тогда, когда государство приобрѣло прежнее значеніе.

4) Но установленіе государственнаго порядка, нарушеннаго смутнымъ временемъ, и экономическія потребности страны были направлены противъ всякихъ привилегій и требовали громадныхъ финансовыхъ средствъ. Отсюда возникаютъ болѣе широкія заявленія о необходимости ограниченія правъ духовнаго суда и церковныхъ имуществъ, которыя проникли и въ современное законодательство. Но при взглядѣ Никона на свою власть новая борьба приняла вполне политическій характеръ; хотя, въ слѣдствіе политическаго преобладанія государства, она окончилась въ пользу послѣдняго; а самый вопросъ объ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти въ Россіи былъ рѣшенъ въ духѣ византійской системы.

## Г л а в а X.

Разсмотрѣвши главныя стороны культурнаго вліянія Византіи на Россію, мы замѣчаемъ, что оно проявилось въ сферѣ религіозной въ установленіи нравственныхъ началъ въ русскомъ обществѣ и въ политической системѣ, въ которыхъ также преобладаетъ религіозная основа.

Нельзя однако сказать въ такомъ обширномъ смыслѣ объ образовательномъ вліяніи Византіи въ научномъ отношеніи, а потому, въ заключеніе, намъ необходимо изслѣдовать причины, почему эта сторона культуры менѣе другихъ оказала вліяніе на бытіе Россіи; и наконецъ сдѣлать общій очеркъ научныхъ понятій, происходившихъ въ Россіи подъ вліяніемъ византійской образованности <sup>1)</sup>.

Было время, когда причина такого своеобразія образованности тогдашней Россіи объяснялась вполне каторгическыи татарскими влияніями. Но въ настоящее время взглядъ на вліяніе татарскаго на значительно измѣнился. Современные изслѣдователи говорятъ: татары управляли Россією, издали и не старались помѣнить существующаго порядка; они охраняли интересы, нуждой религіи и покровительствовали русскому дворянству, которое такимъ образомъ имѣло полную возможность содѣйствовать развитію княжества, какъ сословіе, составившее во главѣ общества <sup>2)</sup>. Слѣдовательно причины низкаго уровня научнаго образованія въ тогдашнюю эпоху лежали гораздо глубже. Но своему географическому положенію Россія должна была прийти въ ближайшія отношенія къ Византійской имперіи, съ которою связи уже существовали еще до введенія христіанства. Въ научномъ отношеніи это могло бы имѣть важныя результаты уже потому, что западная Европа, идя чужимъ

<sup>1)</sup> Сдѣлаемъ небольшую оговорку: подъ словомъ научныя понятія, наука, въ этомъ случаѣ мы разумѣемъ не науку въ смыслѣ системы, какой тогда и не было у насъ, а въ историческомъ отношеніи, куда входятъ общія понятія о мірѣ (физическомъ и нравственномъ) въ ихъ историческомъ развитіи.

<sup>2)</sup> Соловьевъ, Исторія Россіи, Макарій, Исторія русской церкви. Судя по тому какъ шло у насъ дѣло просвѣщенія въ два съ половиною столѣтія до монголовъ, думаемъ, говорить пр. Макарій, что оно едва ли подвинулось-бы впередъ и въ два послѣдовавшія столѣтія, при прежнихъ условіяхъ нашего отечества, хотя-бы монголы къ намъ не приходили, и явилось-бы въ такомъ же или подобномъ видѣ, въ какомъ явилось при монголахъ... Монголы отнюдь не препятствовали духовенству, особенно въ монастыряхъ, заниматься науками, если-бы сами русскіе того хотѣли. Но видно русскіе еще не чувствовали потребности въ высшемъ образованіи. Они спокойно продолжали идти тѣмъ же путемъ, какимъ шли ихъ предки, довольствовались тѣми же первоначальными школами, какія существовали и прежде, и не простирали въ этомъ отношеніи своихъ желаній далѣе, какъ только, чтобы уметь свободно читать и понимать священныя книги. V, 256.

почево Италію, до XI вѣка находилась на значительно высшей степені развитія 1). Но Россія пришла въ отношенія къ Византіи уже въ то время, когда научныя цѣли не составляли тама главнаго интереса для общества. Впрочемъ, прихода этого явленія слѣдуетъ искать не въ однихъ современныхъ обстоятельствахъ Византіи. Съ паденіемъ древняго духа, оживившаго греческую науку, она должна была утратить свободу изслѣдованія — главнѣйшее условіе для прогрессивнаго развитія всякой науки. Закрытіе императорами древнихъ школъ образовало глубокую пропасть между древнею и византійскою наукою, что должно было отразиться на ея дальнѣйшемъ существованіи. Съ вторженіемъ въ науку восточныхъ идей (съ александрійскаго періода) 2) она усвоила формы чуждыя духу изслѣдованія, потому что самое знаніе стало казаться сверхъестественнымъ. Современники ученаго патр. Фотія приписывали его ученость талисману еврейскаго жата, который облегчалъ ему знаменіе съ языческою мудростію, а самъ Фотій прослылъ у нихъ предсказателемъ и чародѣемъ. Также участь постигла архіепископа Теодора Сантаверна, ученость котораго Симеонъ Логоветъ и Левъ Грамматикъ соединяють съ вызваніемъ души умершихъ 3). Появленіе идожества лѣтописцевъ послѣ прагматической исторіи Оуидида, обращающаго вниманіе на внутреннюю связь событій и причины явленій, — свидѣтельствуетъ объ упадкѣ греческой исторіографіи. Соотвѣтственно духу времени она въ значительной степени усвоила легендарный характеръ. Географы Анарокъ серьезно рассказывали о чудодѣянствѣ Аполлонія Тіанскаго; Исихоръ Фригора о вліяніи орабуловъ на общественныя и политическія событія. И это не единственные примѣры. Философія испытала особенно неблагоприятныя условія, послѣ того какъ она подверглась спеціальному запрещенію въ школахъ; а это должно было отразиться на всемъ ходѣ византійской мысли. Древній изслѣдователь обратился въ комментатора и собирателя того, что уже было высказано нѣсколько вѣковъ напередъ. Съ другой стороны непрерывная борьба политическихъ и религиозныхъ партій вставала греческихъ ученыхъ увлечать по-

1) Галламъ, I, 5—9.

2) Этотъ терминъ мы употребляемъ въ смыслъ болѣе точнаго опредѣленія времени, хотя вполне признаемъ за этимъ періодомъ тѣ научныя результаты, которые составляли дальнѣйшее движеніе науки.

3) Theoph. Conf. pag. 60, 608; Synolog. 259.

демкою, или совсѣмъ оставлять страну; и историки европейской литературы отмѣчаютъ, съ времени раздѣленія церкви до XIV в., сколько переселеній ученыхъ грековъ на Западъ, которые стали известны тамъ, какъ преподаватели греческой литературы. Икъ! влияние проникло даже въ западные монастыри, въ которыхъ съ этого времени стали заниматься греческимъ языкомъ и чтеніемъ греческихъ авторовъ. Мы не говоримъ уже о значительномъ приливѣ туда грековъ въ эпоху возрожденія <sup>1)</sup>.

Какъ же отразилось все это на Византіи? — Уже въ XII в. мы встрѣчаемъ извѣстія о крайнемъ упадкѣ науки, даже и въ Константинополѣ (Анна Комненъ и Евстацій; выше, стр. 45), а это была эпоха когда Россія вошла въ ближайшія отношенія къ Византіи и подчинилась ея образовательному влиянію. Здѣсь заключается главнѣйшая причина слабости научнаго влияния послѣдней на Россію. Пр. Филаретъ справедливо говоритъ: «Въ Греціи, куда естественно было для Россіи, обратиться съ вниманіемъ, представителей образованности было тогда немного: въ ней были проповѣдники, но очень скудные, и тѣхъ было мало; были историки, но съ сухимъ перечнемъ лѣтъ и дѣлъ неважныхъ; были жизнеописатели, но съ пышнымъ многословіемъ и безъ силы въ мысляхъ; толкователей же писанія не было, не было и строгихъ догматиковъ, исключая полемиковъ съ Западомъ. Такого было время! Слѣдуя за наставниками, въ Россіи избирали тѣже предметы для умственныхъ занятій, какіе были избираемы послѣдними <sup>2)</sup>. Поэтому мысль Кирѣевскаго, что «вся мудрость человѣческая истощена въ твореніяхъ отцовъ греческой церкви, писавшихъ послѣ отдѣленія отъ западной» (которые, какъ обыкновенно полагаютъ, по своему образованію, уступаютъ древнимъ) — представляется намъ чистымъ парадоксомъ.

Дальнѣйшее развитіе древней науки возможно было тамъ, гдѣ хранились ея памятники, а именно на востокѣ — въ Византійской имперіи, и на западѣ — преимущественно въ Италіи и мѣстахъ, гдѣ удержались еще остатки римской образованности (напр. въ Галліи); Россія сама по себѣ не имѣла такой связи съ культурою древняго міра; по этому ея наука могла быть только перенесенною изъ-внѣ, и конечно ин-

<sup>1)</sup> Галламъ, I, 70—76, 82, 124.

<sup>2)</sup> Филаретъ, Исторія русской церкви, пер. I, 40.

инициативу въ этомъ дѣлѣ должна была исходить оттуда, откуда дѣлается общее направление жизни. Возможность приобретения изъ Византіи памятникъ монастырской образованности показываетъ, что возможно было: приобретение и научныхъ произведеній. Но монастыри, борясь о развитіи своей письменности, руководились въ этомъ случаѣ только собственными потребностями и не имѣли въ виду распространенія общеобразовательныхъ сочиненій. Монастыри же византійскіе, служившіе для русскихъ источникомъ, откуда почерпались письменные памятники, въ XII в. уже не въ состояніи были пользоваться научными матеріалами, собранными въ ихъ стѣнахъ (стр. 45); а въ концѣ XV в. наука въ Византіи совершенно угасла (Максимъ Грекъ)<sup>1)</sup>. Между тѣмъ это былъ періодъ непосредственной зависимости Россіи отъ Византіи. Во главѣ русской іерархіи стояли по преимуществу греки, перѣдко заявлявшіе себя довольно самостоятельнымъ характеромъ; а константинопольскіе патріархи внимательно наблюдали за ходомъ дѣлъ въ Россіи и не упускали случая заявлять о своихъ правахъ, когда они нарушались. Конечно этимъ представителямъ русскаго духовенства, которае вообще пользовалось обширными привилегіями въ древній періодъ, ближе всего было озаботиться распространеніемъ образованности въ Россіи. Вотъ почему пр. Макарій вполнѣ правъ, когда, обобщая дѣятельность константинопольскихъ патріарховъ относительно Россіи, говоритъ: «Имъ слѣдовало бы постоянно и настоятельно внушать князьямъ и представителямъ русской церкви, чтобы они заводили училища и заботились о распространеніи просвѣщенія. . . Между тѣмъ въ продолженіе четырехъ съ половиною вѣковъ мы не видимъ ничего подобнаго со стороны константинопольскихъ патріарховъ! И по преимуществу такого длиннаго періода, въ который Россія находилась подъ ихъ преобладающимъ вліяніемъ и руководствомъ, она осталась почти на той же степени духовнаго развитія, на какую вступила еще въ первое столѣтіе послѣ принятія христіанства<sup>2)</sup>! Слѣдовательно второю важною причиною недостатка научнаго образованія въ ту эпоху было то, что образованность распространялась въ Россіи исключительно посредствомъ монастырей и должна была служить только ихъ цѣлямъ. Весьма естественно, что русскіе монастыри искали на Востокъ такихъ

1) Соч. Макс. Грека, I, 363.

2) Макарій, V, 286—287.

исключивъ образованности, которые откосились къ актъ быту; а ин-  
зантійскіе монастыри, какъ мы вѣдали, въ это время уже утратили свое  
образовательное значеніе.

Какимъ же путемъ древнее русское общество знакомилось съ важ-  
ными вопросами? Основаніемъ для теоретическихъ понятий системы  
религии, науки и философіи служили сочиненія Іоанна Дамаскина: Бо-  
гословіе, Грамматика и Диалектика, переведенныя еще въ X в. в Бол-  
гарскомъ эвхархическомъ болгарскомъ Іоаннѣ Дамаскинѣ (подвизавшіеся въ мѣ-  
стѣ Сарвы, вблизи Іерусалима); авторъ VIII вѣка, извѣстенъ тѣмъ, что  
онъ ставился философію, сдѣлать достояніемъ теологическаго образова-  
нія. Въ Россіи его Богословіе сохранило за собою означеніе авторитета  
до XVIII в. и потому въ XVI и XVII вѣкахъ мы встрѣчаемъ немно-  
переводы этого сочиненія (Курбскаго, Епифанія Сладенникова; въ XVIII  
в. оно было снова переведено). Оно служило въ Россіи главнымъ ру-  
ководствомъ для изложенія догматовъ въ борьбѣ съ ересями (Іоаннъ  
Волоколамскій, Зиновій Отецскій, Максимъ Грекъ). Другой трудъ Іоанна  
Дамаскина, Грамматика, названъ философскою книгою, потому что  
какъ у грековъ, такъ и у византійцевъ, она входила въ составъ философ-  
скаго образованія. Впрочемъ переводъ Іоанна, эвхарха болгарскаго, не  
есть буквальный; а представляетъ примѣненіе греческой грамматики къ  
славянскому языку, хотя вмѣстѣ греческаго элемента въ славянскомъ  
переводѣ сильно ощущается, какъ въ передачѣ греческаго построенія рѣ-  
чи, такъ и въ сохраненіи члена. Грамматика Дамаскина называется также  
восемнадцатой главою, потому что трактуетъ о 8 частяхъ рѣчи, которыя  
въ ней перечисляются такъ: имя, рѣчь, причастіе, раздѣленіе (членъ),  
мѣстоименіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ<sup>1)</sup> — названія, сохранившіяся до  
воздвигшаго времени, съ исключеніемъ члена и переднеговорящаго рѣчи  
(слова) въ глаголь. Эта грамматика была единственнымъ руководствомъ  
въ Россіи по языку до XVI в., когда явилась славянская грамматика  
Давидова Зиванія. Въ сборникѣ Святослава (XI в.), заимствованномъ  
изъ болгарскаго подлинника, помѣщена одна статья, относящаяся по  
своему содержанію, къ реторикѣ. Это — соч. Георгія хорватскаго о фи-

Лекція о славянскомъ языкѣ, составленная въ 1840 году.

<sup>1)</sup> Это раздѣленіе частей рѣчи удержано и Максимомъ Грекомъ въ  
его грамматической статьѣ, очевидно подъ влияніемъ грамматики Да-  
маскина; см. наше изслѣд. «Максимъ Грекъ», I, 403. Грамматика Да-  
маскина встрѣчается и въ Четыхъ-Миней (бъ восьмидесяти частяхъ).

гураны, которые идутъ въ чинъ порядкѣ: инословіе (аллегорія), пере-  
 водъ (метафора), прехожденіе, совокупленіе, мѣтѣніи, отступленіе,  
 округленіе, недостатокъ, лихорадка (характеризмъ, сарказмъ), притча,  
 поруганіе (иронія), вѣдь, послѣсловіе. Но вся эта статья отличается  
 красивою темпою въ изложеніи, что показываетъ какъ мало перевод-  
 чигъ былъ знаменъ съ преческитъ явикомъ. Третье сочиненіе Іоанна  
 Дамаскина—Диалектика была написана авторомъ для Коома, епископа  
 майумскаго. Въ своемъ предисловіи, онъ прямо заявляетъ, что его фи-  
 лософія представляетъ собственно собраніе живнй вычислительнъ мудре-  
 цокъ, изъ которыхъ онъ заимствуетъ, подобно Григорію Богослову, то,  
 что не противорѣчитъ желикъ, и отвергаетъ все, противное ей и непо-  
 нѣимое свѣтланскою прелести. Диалектика Дамаскина составлена подъ  
 вліяніемъ равныхъ философскихъ системъ и особенно диалектики Кри-  
 стоплея. Но, опредѣленіе философіи развито у него по понятіямъ, обра-  
 зующимся въ византійскую эпоху. Философія, по словамъ Дамаскина,  
 есть познаніе вещей божественныхъ и четверъческихъ, видныхъ и не-  
 видныхъ; она приближаетъ человека къ Богу; она высшая мудрость и  
 искусство въ искусствѣ; истинная же мудрость есть Богъ, и потому  
 любовь къ Богу—истинная философія. Философія, по Дамаскину,  
 раздѣляется на двѣ части: теоретическую и практическую. Въ составѣ  
 первой входятъ наука о Богѣ и природѣ; а вторая подраздѣляется на  
 этику, экономію (домостроительство) и политику. За тѣмъ слѣдуютъ  
 разсужденія о разумѣ и мысли, о существенномъ и случайномъ, о ро-  
 данъ и видахъ, о сходствѣ и различіи, о количествѣ и качествахъ и т.  
 п. предметамъ диалектическаго ученія, между которыми однако нѣтъ  
 никакой связи и послѣдовательности. Все сочиненіе раздѣлено въ под-  
 лизикѣ на 36 главъ, а въ переводѣ на 70. Вотъ отрывокъ изъ труда  
 Іоанна Дамаскина, опредѣляющій намъ его направленіе. Нѣтъ ничего  
 выше разума, говоритъ онъ, потому что разумъ—свѣтъ души, а нера-  
 зуміе—тьма. Какъ лишеніе свѣта производитъ тьму, такъ и лишеніе ра-  
 зума потемняетъ смыслъ. Безсмысленность свойственна животнымъ, че-  
 ловекъ же божь разумъ немыслимъ. Но разумъ не развивается самъ со-  
 бою, а требуетъ наставленія. Приступимъ же къ истинному учителю  
 истины—Христу, въ которомъ заключаются все тайны разума. Прибли-  
 зившись же къ двери мудрости, не удовольствуемся этимъ, но, съ на-  
 деждою на успѣхъ, будемъ толковать въ нее. Поэтому слѣдуетъ чи-  
 тать не одинъ или два раза, но много разъ, чтобы достигнуть сокро-

вища разума. Иоаннъ Дамаскинъ совѣтуетъ обращаться за этимъ не только къ священному писанію, но и къ языческимъ писателямъ. Апостолъ говоритъ: все испытывая, собирайте лучшее. И такъ слѣдуетъ изучать и сочиненія языческихъ писателей съ тою цѣлью, что и въ нихъ можетъ найтись что-нибудь хорошее и душеполезное. Царствіе (богословіе) поначинанію имѣть въ услуженіи рабыни; такъ и мы, взявъ на помощь рабовъ (свѣтскія науки), позамыстнуемся у нихъ истинными словами, и строго разобравъ ихъ, отвергнемъ нечестіе, заключающееся въ нихъ, чтобы мудрыми словами не прельстить неразумныхъ. Ибо, хотя истина и не требуетъ пестрыхъ украшеній, но они необходимы для возраженія противъ тѣхъ, кто опирается на ложномъ разумѣ. Они должны служить намъ началомъ, какъ азбука. Истину же должно изслѣдовать не тщеславясь, а съ смиреніемъ. Эти мысли послужили основаниемъ для взглядовъ русскихъ книжниковъ на философію, и потому нередко встрѣчаются въ тогдашнихъ сборникахъ. Переводчикъ Діалектики Иоанна Дамаскина, сравнительно съ подлинникомъ, сдѣлалъ только измѣненіе въ порядкѣ изложенія: у автора прежде всего излагаются мнѣнія древнихъ греческихъ философовъ, потомъ ученіе еретиковъ и наконецъ догматическое ученіе; у переводчика наоборотъ: ученіе догматическое предшествуетъ мнѣніямъ еретиковъ, для того, чтобы истинное ученіе усвоилось тверже еретическаго. Рядомъ съ Діалектикою Иоанна Дамаскина въ спискахъ ея всегда помѣщается слѣдующее мнѣніе о философіи, приписываемое св. Кириллу, основателю славянской письменности. Спрошенный схоластикомъ логоетомъ Варсакіемъ—что такое философія? онъ отвѣчалъ: философія есть—страхъ божій, добродѣтельная жизнь, избѣжаніе грѣха, удаленіе отъ міра, познаніе божественныхъ и человеческихъ вещей; она учитъ, какъ человекъ долженъ своими дѣлами приближаться къ Богу. И это изреченіе о философіи нередко встрѣчается въ древнихъ памятникахъ русской письменности. Вообще Діалектика Иоанна Дамаскина въ древнихъ бібліотекахъ сохранилась во многихъ спискахъ <sup>1)</sup>.

Въ XVI в. авторитетъ Иоанна Дамаскина былъ урѣзаны въ Россіи Максимомъ Грекомъ и его ученикомъ—инокъ Курбскимъ; зато

<sup>1)</sup> Калайдовичъ, Іоаннъ, экз. болгарскій, приложения. Діалектика, въ рукоп. Казан. дух. акад. Прав. соб. 1860, I, 187—198.



рый снова перевел на русскій языкъ Богословіе и Діалектику. Свой взглядъ на философію и другія науки Максимъ Грекъ развиваетъ вполне по Дамаскину. Философія, говоритъ онъ, священна потому, что она трактуетъ о Богѣ, его правдѣ и промыслѣ, и устанавливаетъ нравственныя понятія въ обществѣ; но она ниже богословія, такъ какъ не обладаетъ боговдохновеніемъ. Изъ философіи слѣдуетъ заимствовать только то, что способствуетъ развитію благочестія. Самый разумъ есть отрасль вѣры. Придавая свѣтскія науки полезными для человѣческой жизни, Максимъ Грекъ прибавляетъ при этомъ, что въ нихъ скрывается такъ много вредныхъ и ложныхъ мыслей, что если даже представить по одной на каждый случай, то пришлось-бы исписать цѣлую книгу. Онъ недопускаетъ разсужденій о природѣ, если только они противорѣчатъ священному писанію; а потому, заключаетъ онъ, «крѣпко держись книги Дамаскина и будешь великій богословъ и естествовѣдъ». Взглядъ Максима Грека тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что онъ воспитывался въ Италіи въ эпоху возрожденія. Увлеченный на первыхъ порахъ отрицательною стороною этой эпохи, онъ, подъ вліяніемъ реформы Іеронима Савонаролы и чтенія аскетическихъ произведеній на Афонѣ, измѣнилъ свой взглядъ и сдѣлался врагомъ того движенія, которое во имя древней науки, и преимущественно подъ знаменемъ Аристотеля, вело борьбу съ средневѣковою религіею. Вотъ почему его порицаніе древнихъ философовъ постоянно связывается съ результатами итальянскаго скептицизма. Но при этомъ Максимъ Грекъ дѣлаетъ нѣкоторое исключеніе въ пользу Платона, какъ наиболѣе приближающаго по своимъ взглядамъ въ христіанскому идеалу <sup>1)</sup>. Такой взглядъ на Платона высказали и

<sup>1)</sup> Подробнѣе въ нашемъ изслѣд. «Максимъ Грекъ», I, 92 — 99. Платона онъ обыкновенно называетъ первымъ, верховнымъ философомъ, разумъ котораго просвѣтился высшею мудростію. Сочин. I, 354; II, 06. А свои возраженія противъ Стагирита (Аристотеля) Максимъ подкрѣпляетъ тѣмъ, что на Западѣ его ученіемъ злобно раздирали ризу первыи, истинную изъ небснаго богословія. (I, 249). Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ, возражая противъ астрологіи, Максимъ Грекъ опирается на Сократа, Платона, Аристотеля, которыхъ называетъ лучшими и наиболѣе истинными философами. (I, 417). Въ славянскомъ переводѣ хроникъ Іоанна Малалы встрѣчается особая статья «о еллинскомъ философѣ Платонѣ; который называлъ божество—Тройцею» (Оболенскій, Лѣтоп. Перевая. сувд. предисл. LXVI). Платоновская тройца раздѣляется такъ: добро, являющееся (матерія) и идея.

и некоторые из древних отцов церкви; а его учение о трехчастномъ составѣ души, путемъ церковной литературы, перешло даже въ Россію и господствовало въ продолженіе древней эпохи<sup>1)</sup>. Въ Сборникѣ Святослава помѣщены двѣ статьи діалектическаго содержания—это отрывки изъ Максима исповѣдника и Теодора, пресвитера раннскаго (*Theodorus gaithnensis, ó τῆς Ραίδου* Fabr. Bibl. graec. IX, p. 232) о естествѣ, о различіи, о соединеніи, о противорѣчии и т. п. вопросахъ.

Изъ трудовъ Іоанна экзарха болгарскаго, въ древнюю эпоху еще извѣстенъ былъ «Шестодневъ», заключающій въ себѣ объясненіе на пер-

<sup>1)</sup> По Платону душа состоитъ изъ трехъ частей: разумной или божественной силы, которая противопоставляется неразумной и смертной, состоящей изъ двухъ частей: силы пожеланій (*ἐπιθυμία*) и посредствующей между первыми двумя—силы невольнаго вѣченія сердца (*θυμός*). Ихъ отношенія къ жизни подробно развиты Платономъ въ Республикѣ (IV, 436). Митр. Никифоръ въ посл. къ Владиміру Мономаху дѣлаетъ такое же раздѣленіе души: въ ней три части, говоритъ онъ,—разумъ (словесное), чувство (ястное) и воля (желанное). Разумъ выше другихъ, имъ мы отличаемся отъ животныхъ. Затѣмъ онъ примѣняетъ эти силы къ религіозной жизни. Душа находится въ головѣ, имѣя умъ, какъ око, и наполняя собою все тѣло, которымъ она управляетъ посредствомъ пяти чувствъ, какъ слугъ своихъ (Макарій, II, 157—159), которыя онъ разсматриваетъ съ нравственной стороны. О трехчастномъ составѣ души упоминается въ прощальной грамотѣ митр. Кириана (Степенная книга, I, 562). Въ Четии-Минеяхъ Макарія помѣщена отдѣльная статья о томъ же предметѣ (см. Оглавл. въ Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № IV, стр. 35). Объ отношеніи души къ тѣлу существовалъ такой взглядъ: «такъ какъ душа управляетъ тѣломъ, то смерть происходитъ въ слѣдствіе удаленія души изъ тѣла, а не въ слѣдствіе разрушенія человѣческаго организма (на основаніи Аванасія александрійскаго, Временникъ, № XVI, Иноз. сказаніе о самозванцахъ, 5). Въ Пчелѣ проводится идея Пифагора и Платона о предсуществованіи душъ. Отъ XIV вѣка встрѣчается въ славянскомъ переводѣ соч. Михаила Пселла Дюштра (Зерцало), о спирити души съ тѣломъ (Снегиревъ, Памяти. Москов. древ. опис. Чудов. м. IV, 149; Четви-Минеи, оглавл. 35) Пселль считается послѣдователемъ Платона и Аристотеля; но согласно съ духомъ того времени, былъ склоненъ къ энциклопедическимъ построеніямъ. Такъ въ соч. о душѣ онъ начинаетъ съ богословскихъ предметовъ, потомъ переходитъ къ философическимъ и оканчиваетъ физическими и астрономическими. Добродѣтели Пселль раздѣляетъ на физическія, нравственныя, политическія, очистительныя, теоретическія и теургическія (Schöll, III, 420), какъ видно, вполне слѣдуя восточной философіи (выше, стр. 14).

внѣ главы книги Бытія, составленный впрочемъ на основаніи бесѣдъ Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Северіана и древнихъ писателей. Въ немъ приводятся мѣста изъ Аристотеля и Платона и мнѣнія Ѳалеса, Парменида, Демокрита, Діогена и др. Но самое изложеніе ихъ мнѣній имѣетъ обличительный характеръ. Такъ, объясняя первыя слова книги Бытія: »Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю«, онъ замѣчаетъ: »Греческіе философы много толковали о природѣ, но въ нихъ ни одно слово не можетъ устоять прочно, не нарушая самое себя; мнѣнія позднѣйшихъ писателей уничтожаютъ предыдущихъ; такъ что не зачѣмъ даже трудиться опровергать ихъ«. Изложивъ различныя мнѣнія философовъ о происхожденіи міра, Іоаннъ говоритъ: »все это похоже на басни, потому что они не сумѣли дойти до мысли, что Богъ сотворилъ небо и землю« и, за тѣмъ обращаясь къ нимъ, возражаетъ такъ: »зачѣмъ же вы—Парменидъ, Ѳалесъ, Демокритъ и Діогенъ понапрасну расточаете ваши слова, утверждая, что начало всему — воздухъ, вода и огонь? Когда тутъ же вы опровергаете другъ друга своими противорѣчіями?« Особенно же авторъ нападаетъ на Аристотеля потому что его ученіе противорѣчитъ даже ученію его наставника Платона. »Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ онъ, твои слова, Аристотель, подобны морской пѣнѣ, которая, какъ бы плотно ни сложилась, распыляется«. Разсматривая сказанія Моисея о сотвореніи міра, онъ входитъ въ подробности о четырехъ стихіяхъ, о предметахъ и явленіяхъ разныхъ царствъ природы. Многія изреченія изъ этой энциклопедіи міроздаванія перешли въ русскіе алфавиты иностранныхъ названій того времени, съ указаніемъ на Шестодневъ; какъ ихъ источникъ <sup>1)</sup>. Подробнѣе мы коснемся его ниже.

Такую же энциклопедію изреченій по вопросамъ нравственнымъ представляла Пчела. Они расположены по главамъ, въ такомъ порядкѣ: глава 1—о житейской добродѣтели и о злобѣ; глава 2—о мудрости; глава 3—о чистотѣ и цѣломудріи; глава 4—о мужествѣ и крѣпости; глава 5—о правдѣ; глава 6—о дружбѣ; глава 7—о милостыни; глава 8—о благодати; глава 9—о власти; глава 10—о лжи; глава 12—о богатствѣ и бѣдности; глава 14—о молитвѣ; глава 16—о наказаніи; глава 17—объ обученіи дѣтей; глава 18—о богатствѣ; глава 24—о страхѣ;

<sup>1)</sup> Прав. соб. 1860, I, Объ источник. свѣд. по разнымъ наукамъ въ древн. врем. Россіи, 199—203.

гл. 26—о грѣхѣ; гл. 29—о снахъ; гл. 34—о тщеславіи; гл. 37—о красотѣ; гл. 38—о судьяхъ; гл. 39—о славѣ; гл. 41—о промислѣ; гл. 42—о смиреніи; гл. 43—о врачахъ; гл. 46—о душѣ; гл. 51—о законѣ; гл. 55—объобщаѣ и о нравахъ; гл. 63—о самолюбіи; гл. 68—о женахъ (см. выше, стр. 251—253); гл. 70—о старости и юности; гл. 71—о терпѣніи. Самый по-

рядокъ этихъ главъ показываетъ, какъ мало было между ними внутренней связи; но это еще болѣе подтверждается порядкомъ изреченій въ каждой отдѣльной главѣ. Нельзя не согласиться, что подобная отрывочность была болѣе доступна для простаго пониманія, но едвали это было лучше въ интересахъ развитія. Преобладаніе отрывочнаго изученія фактовъ и мнѣній весьма рельефно отразилось въ ту эпоху въ изложеніи мыслей и ихъ литературной обработкѣ. Заимствуемъ изъ Пчелы нѣсколько примѣровъ, представляющихъ изреченія древнихъ мужей. Глава о мужествѣ, Сократъ: »Истинная сила заключается въ совершенствѣ ума, и только съ нимъ она приноситъ пользу человѣку; безъ ума сила ведетъ къ вреду;« Аристотель: »тотъ наиболѣе мужественъ, кто побѣждаетъ не воиновъ, а собственные желанія«. О правдѣ, Платонъ: »тотъ честенъ, кто не совершилъ неправды; но гораздо честнѣе тотъ, кто не далъ другому совершить ея«. Агезилай: »мужество бесполезно, если нѣтъ правды;« Эпиктетъ: »если хочешь справедливо судить о вѣдущихъ тяжбу, то забудь подсудимыхъ, и только помни о предметѣ распри;« Пинеагоръ: »обидчикъ болѣе страдаетъ отъ угрызенія совѣсти, нежели отъ ранъ, нанесенныхъ ему за обиду«. О дружбѣ, Діодоръ: »Въ царствованіе Діонисія новаго въ Сиракузахъ одинъ пинеагореецъ былъ осужденъ на смерть за посягательство на царя. Желая распорядиться о своемъ имѣніи, обвиненный просилъ отпустить его на время, съ тѣмъ, что онъ дастъ за себя въ поручители одного изъ друзей. Царь дозволилъ; но всѣ удивились, что человѣкъ рѣшился принять на себя подобное поручительство, полагая, что виновный не возвратится на мѣсто казни. Однако они ошиблись, и царь отпустилъ обоихъ«. Плутархъ: »никогда не ищи друга, который не можетъ принести тебѣ пользы;« »все новое—лучше; но дружба—старая«. Сократъ: »ни съ кѣмъ не заводи дружбы, не испытывай, какъ онъ велъ ее съ другими;« »сколько у кого друзей—столько глазъ;« Аристотель: »болѣе достойно приобрѣсть богатство для друга, нежели друга ради богатства;« Катонъ: »золото искупается огнемъ; а дружба временемъ;« »лучшій другъ, который не оставляетъ и въ бѣдствіи«.

Въ порядкѣ изложенія каждой статьи въ Пчелѣ сперва помѣщаются изреченія изъ свянц. писанія, потомъ изъ отцовъ церкви и наконецъ изъ древнихъ писателей. Изъ послѣднихъ здѣсь мы встрѣчаемъ имена: Плутарка, Филона, Исократы, Демокрита, Мосха, Диогена, Менандра, Эпихарма, Геродота, Эврипида, Писагора, Демосоена, Сократа, Ксенофонта, Гиперида, Аристотеля, Діодора, Эпиктета, Катона, Епикюра, Лукіана, Либанія, Пяттака, Віаса <sup>1)</sup>. Судя по множеству рукописей, Пчела была любимымъ чтеніемъ русскихъ въ теченіе XIV—XVIII в. Отсюда ростовскій архіепископъ Вассіанъ Рыло заимствовалъ въ свое посланіе къ Іоанну III (написанное по поводу нашествія Ахмата на Россію) изреченіе Демокрита о необходимости для князя разсудительности въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, мужества противъ враговъ и любви къ дружинѣ, защищающей отечество.

Въ связи съ сборникомъ, заключающимъ въ себѣ вопросы, по преимуществу нравственнаго содержанія, слѣдуетъ упомянуть о переводѣ сочиненія стоическаго философа Эпиктета (Епхиридіонъ), примѣннаго впрочемъ къ монастырской жизни <sup>2)</sup>.

Столь же важное мѣсто въ ознакомленіи русскихъ съ разными предметами знанія въ древнюю эпоху занимаютъ такъ-называемыя алфавиты иностранныхъ рѣчей. Это—своего рода энциклопедическіе лексиконы того времени. Первоначально они имѣли цѣлью знакомить только съ иностранными названіями <sup>3)</sup>; но постепенно въ составъ ихъ стали входить и отдѣльныя статьи, какъ религіозныя (напр. о вѣрѣ, о Новаѣ и др.), такъ и общаго содержанія <sup>4)</sup>. Изъ послѣднихъ встрѣчаются: сказаніе о стоическихъ философахъ (изъ Діонисія Ареопагита), объ Исократѣ и Гераклитѣ; о происхожденіи еллиновъ и греческихъ городахъ, объ Аписѣ, Афродитѣ, Деметрѣ, о додонскомъ прорицаищѣ, объ Озарисѣ и Изидѣ, о Гераклѣ и гераклидахъ, объ Ифигеніи, о драгоцѣнныхъ камняхъ; о животныхъ; о семи планетахъ (изъ Космы

<sup>1)</sup> Пчела, Временникъ, № 25.

<sup>2)</sup> Опис. рук. Синод. библ. II, № 154. 100 главъ.

<sup>3)</sup> Но знаніе въ языкахъ было крайне скудно. Составители лексиконовъ говорятъ о языкахъ: еврейскомъ и жидовскомъ, греческомъ и еллинскомъ, латинскомъ и римскомъ, свкатокомъ, снескомъ и т. п. Сахаровъ, XIII.

<sup>4)</sup> Калидовичъ, Іоаннъ, визаръ болгарскій, прилож. XII, XIII, Сказаніе Сахарова, II; Опис. Румиц. музея, 169.

Индивидуальности); о муншѣ; о метрахъ и акростихѣ; общія замѣчанія о нѣкоторыхъ книгахъ религіознаго и историческаго содержанія. Впрочемъ болѣе подробные алфавиты появляются уже въ XVII вѣкѣ <sup>1)</sup>.

Въ XVI в. является въ Россіи Максимъ Грекъ, дѣятельность котораго, въ обширномъ смыслѣ слова, была посвящена нравственнымъ и литературнымъ вопросамъ того времени. Но, касаясь того или другаго изъ нихъ, онъ въ своихъ поученіяхъ весьма часто обращается къ событіямъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ во время своего пребыванія въ Италіи. Сюда относятся его рассказы о городахъ Италіи (Миланѣ, Флоренціи, Венеціи, Феррарѣ, Падуѣ), въ которыхъ особенно проявилось литературное движеніе эпохи возрожденія; борьба послѣдователей Аристотеля и Платона; подраженіе языческимъ нравамъ и нападки на средневѣковую теологію. Лично знавшій извѣстнаго венеціанскаго типографа Альдо Мануччи, преподавателя философіи и греческаго языка Ласкариса и религіознаго реформатора Иеронима Савонаролу, онъ знакомитъ въ своихъ сочиненіяхъ съ ихъ дѣятельностью. Со словъ Иоанна Ласкариса, Максимъ передаетъ о важномъ значеніи въ то время Парижа въ образовательномъ отношеніи, куда стекались молодые люди со всѣхъ концовъ Европы. Будучи свидѣтелемъ реформы Иеронима Савонаролы—Максимъ представляетъ его борьбу съ нравственнымъ состояніемъ Флоренціи и ея результаты. Кромѣ того, въ сочиненіяхъ Максима Грека, мы встрѣчаемъ ссылки на Гомера, Гезіода, Пиндара, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура (котораго онъ особенно не долюбиваетъ), Диогора, Фукидида, Плутарха, Менандра <sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ, хотя въ отрывочномъ видѣ, русскіе были знакомы въ то время съ именами главныхъ представителей древней науки и нѣкоторыми ихъ мнѣніями; но отсюда еще далеко до знакомства съ ихъ системами и ученіемъ. Притомъ постоянное сопоставленіе мнѣній древнихъ писателей съ опроверженіями церковныхъ писателей, придавало этимъ мнѣніямъ особенный колоритъ и нерѣдко имъ сообщало даже другой смыслъ, а потому къ нимъ относились довольно скептически <sup>3)</sup>. Незнакомство же съ подлиннымъ текстомъ и недостатокъ

<sup>1)</sup> Прав. соб. 1860, I, 227—235.

<sup>2)</sup> См. наше изслѣд. «Максимъ Грекъ», I, 79—82. Въ сочинен. Максима Грека встрѣчаются рассказы о Мемфисѣ, мавзолеѣ, колоссѣ родосскомъ, египетскихъ пирамидахъ, о сивиллахъ, о Троѣ и т. п.

<sup>3)</sup> Бояринъ Михаилъ Тучковъ, въ біографіи Михаила Клопскаго, говоритъ: «Слышалъ я нѣкогда, какъ читали книгу о плѣненіи Троя».

критики были причиною, что нередко древнимъ авторамъ приписывали такія изреченія, которыхъ вовсе у нихъ не находится <sup>1)</sup>.

Переходную ступень отъ нравственныхъ сочиненій къ историческимъ занимаютъ произведенія повѣствовательскаго характера. Они распространялись въ Россіи тѣмъ же путемъ: или непосредственно изъ Византіи или посредствомъ южныхъ славянъ. Мы касемся ихъ только мимоходомъ, насколько это необходимо для общей характеристики рассматриваемаго нами въ этой главѣ отношенія Византіи къ Россіи. Прежде другихъ обращаетъ здѣсь на себя вниманіе — Александрія, приписываемая псевдо-Каллисоепу и заключающая въ себѣ описаніе подвиговъ Александра Македонскаго. Этотъ герой многихъ вѣковъ въ окончательномъ видѣ романическаго повѣствованія сдѣлался странствователемъ по всѣмъ чудеснымъ странамъ, какія были извѣстны на Востокѣ отъ временъ Гомера до среднихъ вѣковъ. Настоящее повѣствованіе представляетъ въ себѣ романическую этнографію и романическое описаніе природы: здѣсь можно встрѣтить людей съ собачьими головами, людей съ птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ртомъ на груди, одноногихъ, циклоповъ, великановъ и пигмеевъ, и столь же уродливыхъ животныхъ; путь представляется устланымъ драгоценными камнями; герой совершаетъ воздушное путешествіе на грифахъ, разговариваетъ

Въ этой книгѣ сплетены многія похвалы елинамъ, отъ Омира и Овидія. Только одной воинственной храбрости обязаны они такою похвалою, что память о нихъ не изгладилась въ теченіе многихъ лѣтъ. Но хотя Гераклъ и храбръ, однако въ глубинѣ нечестія былъ погруженъ и тварь почиталъ болѣе творца. Ахиллесъ и сыновья троянскаго царя также были елины, и, рахваляемые елинами, удостоились такой извѣстной славы. Тѣмъ болѣе мы должны почитать и восхвалять святыхъ и великихъ чудотворцевъ, которые такую побѣду надъ врагами одержали и такую приобрѣли благодать отъ Бога, что не только люди, но и самыя ангелы ихъ почитаютъ и славятъ. И мы ли не будемъ повѣствовать о ихъ чудесахъ? Буслаевъ, II, 241.

<sup>1)</sup> Такъ въ Ипатьевской лѣтописи (стр. 173), по поводу коварства Изяслава, лѣтописецъ восклицаетъ: «о лествъ зла есть, якоже *Омиръ* пишетъ, до обличенія сладка есть; обличена же зла есть; кто въ ней ходитъ конецъ золь приметъ». Этого нѣтъ ни въ *Илиадѣ*, ни въ *Одиссеѣ*. Приписываніе этихъ словъ Гомеру понятно, если имѣть въ виду, что знакомство съ древними писателями доставалось въ Россію, изъ вторыхъ, а нередко и десятыхъ рукъ. Ср. Пыпинъ, Очер. литер. исторіи повѣстей и сказ. русск., 50, 51.

съ птицами и деревьями и посѣщаетъ морское царство. Достигнувъ солнечнаго города (Геліополя), онъ встрѣчаетъ нечистыхъ народовъ, которыхъ заключаетъ въ сѣверныхъ горахъ. Разсказъ объ этомъ подвигѣ Александра повторяется потомъ у Меѳодія Патарскаго и черезъ него переходить въ разные сборники и лѣтописи. Разсказы псевдо-Каллисена объ Александрѣ нашли себѣ мѣсто въ византійскихъ хроникахъ Малалы и Амартола, которыя также были извѣстны въ Россіи. Съ подвигами Александра русскіе познакомились очень рано (Даніилъ Заточникъ, XII в.), а въ одной изъ русскихъ лѣтописей помѣщена даже сама повѣсть—Александрія<sup>1)</sup>. Въ русской редакціи, какъ и византійской, замѣтно измѣненіе настоящаго характера Александра: дѣятельность его передѣлана на христіанскій ладъ; онъ дѣйствуетъ по высшему предопредѣленію; сознаетъ суетность своей власти; его жертвоприношенія и пребываніе въ Іерусалимѣ носятъ на себѣ вполне христіанскія черты, а его бесѣды съ браминами проникнуты даже аскетизмомъ<sup>2)</sup>.

Изъ хроники Малалы досталось въ Россію отдѣльное сказаніе о троянской войнѣ, которое онъ приписываетъ Диктису. Переводъ этого отрывка относится къ X в. и составляетъ такимъ образомъ древнѣйшій источникъ, изъ котораго русскіе познакомились съ преданіями о Трой. Въ немъ подробно излагаются причины троянской войны, ходъ ея, участіе въ ней боговъ, судьба ея героевъ, съ мелочнымъ описаніемъ ихъ наружности, и возвращеніе ихъ изъ подъ Трои; причемъ передаются разсказы объ Орестѣ, Эгистѣ и Клитемнестрѣ. Въ заключеніе авторъ говоритъ о Гомерѣ и Вергилиѣ, описавшихъ троянскую войну и упоминаетъ о нѣкоторыхъ трагикахъ, воспользовавшихся троянскими сказаніями для своихъ произведеній<sup>3)</sup>. Этотъ источникъ служилъ главнымъ матеріаломъ для алфавитовъ въ объясненіи греческой мѣнологіи<sup>4)</sup>.

Попытка представить библейскія сказанія въ формѣ историческаго повѣствованія выразилась въ такъ-называемой Палей (*Παλαιά* ветхая, т. е. из

1) Именно въ синодальной Псковской лѣтописи. Карамзинъ, V, пр. 427.

2) Пшнинъ, Очеркъ литер. исторіи повѣстей русскихъ, 29—49.

3) Калайдовичъ, Іоаннъ экз. болг. 178—188. Прилож. X.

4) Въ древнюю эпоху были извѣстны еще восточныя сказанія: о Синагриѣ (изъ 1001 ночи), о Варлаамѣ и Іосафѣ, общераспространенное въ средніе вѣка и на Западѣ, «объ Индіи богатой» или разсказъ о царствѣ священника Іоанна. См. подроб. у Пыпина, въ Истор. рус. повѣстей, 83, 84, 89, 99, 100, 124.



лагающая ветхий заветъ); по библейскія сказанія перемѣшаны въ не ея сказаніями, заимствованными изъ апокрифическихъ книгъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ она оканчивается смертью Саула; въ другихъ представляетъ полную исторію ветлаго завета; за тѣмъ перечисляются цари вавилонскіе, персидскіе, египетскіе и римскіе до Тиберія; наконецъ греческіе императоры до паденія Византійской имперіи; такъ что здѣсь Палея уже сливается съ хронографомъ<sup>1)</sup>. Изъ Палеи заимствована древнѣмъ летописцемъ библейская часть его исторіи, отличающаяся подробностями, какихъ нѣтъ въ самой библии<sup>2)</sup>. Иосифъ Волоколамскій изъ Палеи заимствовалъ для своего Просвѣтителя эпическіе разсказы о библейскіихъ временахъ. Вообще, при рѣдкости полного состава библии<sup>3)</sup> и благодаря подробностямъ о библейскіихъ лицахъ и событіяхъ, о которыхъ упоминается священное писаніе, Палея должна была пользоваться значительнымъ авторитетомъ, и потому, не смотря на нѣкоторыя апокрифическія сказанія, вошедшія въ составъ ея, въ индексахъ она помѣщалась въ числѣ дозволенныхъ книгъ, даже на ряду съ ветховавтными<sup>4)</sup>. Больше подробнымъ матеріаломъ для ознакомленія съ исторіею иудеевъ служило сличеніе Иосифа Флавія (Иудейскія древности), которымъ также пользовался Иосифъ Волоколамскій въ своей борьбѣ съ ересью жидовствующихъ (конечно только какъ источникомъ).

Изученіе исторіи восточныхъ народовъ, Греціи, Рима и Византіи, удовлетворялось посредствомъ византійскихъ летописей и хронографовъ. Уже въ X в. появился на славянскомъ языкѣ переводъ хроникъ Іоанна Малалы и Георгія Амартола, сдѣланный болгарскимъ монахомъ Григоріемъ<sup>4)</sup>.

Іоаннъ Малала (Malala, Maleles), родомъ изъ Антиохіи, жилъ въ IX в. и написалъ хронику отъ Адама до 566 г., часть которой сохранилась въ подлинникѣ. Славянскій переводъ важенъ потому, что въ немъ находится начало хронографа, утраченное въ греческомъ текстѣ. Основаніемъ для Малалы служили повѣствованія Моисея, Африкана, Евсевія, Павзанія, Дидима, Теофила, Климента, Діодора, Доминна, Евстафія и многихъ другихъ историковъ и хронографовъ, извѣстныхъ

1) Опис. Румянц. музея, № 297.

2) Сухомлиновъ, О древн. рус. лѣт. 54—64.

3) Байбидовичъ, Іоаннъ, вѣст. болгар. 208.

4) Падаузовъ, Вѣст. болгар. ц. Симеона, 112—116.

изъ которыхъ тѣмъ важнѣе, что нѣкоторые изъ нихъ утратились или дошли до насъ не въ полномъ видѣ. Изложеніе хронографъ Малала идетъ въ такомъ порядкѣ: 1) библейскія сказанія о первоначальной исторіи человѣческаго рода (сотвореніе Адама, о раѣ, изгнаніе Адама и Евы, о Кадмѣ и Авелѣ, о Сизѣ, о Гигантахъ, о потопѣ, Ноѣ и его потомкахъ, о столпотвореніи вавилонскомъ; о Нимвродѣ и построеніи Вавилона; о Фулѣ, съ внесеніемъ сказанія объ отвѣтѣ, данномъ ему египетскимъ богомъ (солнцемъ), что міромъ управляетъ Троица — Богъ, Слово и Духъ, — которое, судя по христіанскому элементу, заимствовано изъ церковнаго источника). 2) Исторія Египта, какъ удѣла Хама. Она начинается съ Савостриса, въ царствованіе котораго жилъ мудрый Гермесъ, учившій о троячности божества. О Финикіи и Гераклѣ тирскомъ, открывшемъ употребленіе пурпуровой краски; о Кадмѣ; объ Эдипѣ и Иокастѣ. Этимъ оканчивается 2-я книга греческаго текста. 3) За тѣмъ въ славянскомъ переводѣ непосредственно слѣдуетъ 4-я книга (3-я опущена), которая начинается Кекропсомъ и учрежденіемъ брака въ Аѳинахъ. Рассказывая объ Орееѣ, Малала цитируетъ нѣкоторые изъ его стиховъ (о певѣдѣннѣи человѣка) и тутъ же замѣчаетъ (ссылаясь на хронографъ Тиморея), что онъ, за много вѣковъ до рождества Христова, высказалъ мысль о единосушной Троицѣ. Далѣе излагается Аргонавтовъ походъ, сказаніе о Федрѣ и Инполитѣ; троянская война (съ замѣчаніемъ, что нѣкоторые эпизоды ея были воспѣты драматическими писателями, особенно Эврипидомъ) 4). Идетъ изложеніе начальной персидской и македонской исторіи, послѣ которой перечисляются нѣкоторые изъ греческихъ философовъ и писателей (Софокль, Гераклидъ, Эврипидъ, Геродотъ, Сократъ и «великій» Пифагоръ). 5) За тѣмъ Малала переходитъ въ римской исторіи, которую начинаетъ съ Энея, и тутъ же слѣдуетъ обличительная статья (изъ книги Кирилла александрійскаго на Юліана Отступника) противъ греческихъ философовъ и писателей (Аристотеля, Ксенофонта, Эскина), прельстившихъ людей своими баснями о брѣгахъ, и похвала Платону, выразившему мысль о троячности божества. 6) Отсюда Малала снова возвращается въ Македонію и излагаетъ дѣянія Александра Македонскаго, причемъ слѣдуетъ большая вставка, заключающая въ себѣ «Александрію». Рассказъ объ Александрѣ оканчивается раздѣленіемъ его царства на отдѣльныя части, послѣ котораго идетъ изложеніе событій въ правленіе Птолемея и Антіоха; іудейская война; борьба римлянъ съ Пирромъ; о Тиграпѣ, царѣ армян-

скемъ и походѣ Помпея великаго (магна) на Арменію, Киликію, Сирію до завѣщанія Антиокомъ своихъ владѣній Риму. При этомъ Малала упоминаетъ о Цицеронѣ и Саллюстіѣ, какъ римскихъ мудрецахъ.

7) Дальнѣйшее изложеніе римской исторіи составляетъ разсказъ о первомъ и второмъ триумвиратѣ (при чемъ о Юліѣ Цезарѣ замѣчено, что онъ родился не естественнымъ образомъ, а былъ вынутъ уже по смерти матери, отчего и названъ кесаремъ, т. е. выпороткомъ), о юлианскомъ календарѣ; о борьбѣ Августа съ Клеопатрою, о благовѣщеніи Богородицы и рождествѣ І Христа (при чемъ замѣчено, что на вопросы Августа Пивія уже не дала надлежащихъ отвѣтовъ, отказавшись тѣмъ, что одинъ отровъ изъ іудеевъ, т. е. І. Христосъ, повелѣлъ ей отправиться въ адъ), о смерти Августа (о которомъ замѣчено, что онъ умеръ дѣственникомъ, какъ царь и жрецъ), о Тибериѣ и распятіи Ісуса, о сошествіи св. Духа; о судьбѣ христіанской церкви до импер. Вителія, на чемъ прекращается славянскій текстъ (10-я книга подлинника), но по отрывкамъ въ Ипатьевской лѣтописи видно, что существовалъ переводъ и остальныхъ книгъ <sup>1)</sup>. Въ славянской рукописи хроники Малалы заключается списокъ византійскихъ императоровъ отъ Константина В. до совмѣстнаго правленія Александра, Льва и Константина, съ обозначеніемъ времени ихъ царствованія. По мѣстамъ встрѣчаются вставки отъ переводчика: такъ сюда внесена повѣсть объ Александрѣ (Александрія) и особенно много выдержекъ изъ Іудейскихъ древнѣстей Іосифа Флавія. Хроника Малалы также служила однимъ изъ пособій для русскихъ лѣтописцевъ: изъ нея древній лѣтописецъ заимствовалъ разсказъ о столпотвореніи вавилонскомъ; а Ипатьевскій лѣтописецъ о языческой мифологіи, въ которой впрочемъ греческія названія боговъ, согласно съ славянскимъ переводомъ, передаются по славянски (Сварогъ, Дажь-богъ) <sup>2)</sup>.

Гораздо большее значеніе въ развитіи историческихъ понятій въ Россіи имѣлъ монахъ Георгій Амартоль, т. е. грѣшникъ, какъ онъ себя называетъ, писавшій въ половинѣ IX вѣка.

Хроника его, начинаясь, по обыкновенію византійцевъ, отъ сотворенія міра, заключаетъ въ себѣ исторію библейскую, вавилонскую,

<sup>1)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. II, 170; ср. Lib. XVII, pag. 418, ed. Вон.

<sup>2)</sup> См. Подробно у Оболенскаго, въ предисл. къ лѣтоп. Переясл. сѣвдальскаго, Временникъ, N IX.

римскую и византийскую, до 842 года. Въ первой части Георгій говоритъ объ Адамѣ, Сифѣ, Кролѣ, Семирамидѣ, до Александра Македонскаго, о подвигахъ котораго онъ распространяется болѣе всего; въ особенностяхъ о походѣ его на Иудею и отношеніяхъ къ еврейскому народу. Здѣсь даже одежда первосвященника, встрѣтившаго Александра, описывается съ мелкими подробностями. Второй отдѣлъ хроники занимается библейскою исторіею, которая однако значительно отстаетъ отъ текста библии, представляя дополненія изъ Иосифа Флавія и апокрифовъ. При случаѣ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о языческихъ богахъ и герояхъ; о времени жизни и дѣятельности замѣчательныхъ лицъ языческаго міра. Такъ, у него говорится о Прометѣѣ, Посейдонѣ, Аполлонѣ, Аѣмидѣ, Артемидѣ, Орееѣ, о Гомерѣ; какъ творцѣ героическаго эпоса; и Гезіодѣ; о Зенонѣ—авторѣ диалектики и Коравѣ—составителѣ реторики; о Ликургѣ и Соломѣ, какъ законодателяхъ; о философахъ—Анаксагорѣ, Платонѣ и Аристотелѣ. О Платонѣ Амартоль отзывается съ большею похвалою. По его словамъ ученіе Платона отличается возвышенностью и чистотою, такъ какъ онъ училъ, что душа бессмертна, будучи образомъ божіимъ; что она должна владѣть надъ страстями. Иной взглядъ высказалъ Амартоль на Аристотеля, который, по его словамъ, отступилъ отъ своего учителя, Платона; за что Амартоль обзываетъ его блудникомъ и приписываетъ ему вредное вліяніе на народную нравственность. Въ связи съ исторіею евреевъ у Амартола идетъ краткое обзорѣніе исторіи Египта, Вавилона и Персіи. Римская исторія начинается у него Юліемъ Цезаремъ и оканчивается Константиномъ В. Лѣтописецъ мало говоритъ объ Августѣ, Неронѣ и Клавдіѣ; но подробно распространяется о дѣятельности апостоловъ и ихъ кончинѣ, и посвящаетъ особую статью происхожденію монашества. Обращеніе Константина В. въ христіанство представляется только чудеснымъ актомъ. Описаніе же событій, непосредственно слѣдовавшихъ за Константиномъ, носятъ церковный характеръ. Отъ сихъ поръ трудъ Амартола обращается въ церковную хроніку; въ которой на первомъ планѣ являются вселенскіе соборы и ихъ борьба съ ересями.

Основная мысль автора проходитъ чрезъ весь трудъ. Въ предисловіи онъ общаетъ изложить наденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашества, борьбу истинной вѣры съ злою ересью иконоборцевъ и другими ей подобными. Обличая еретиковъ,

онъ не падать имъ въ своихъ выраженіяхъ. Съ другой стороны, Амар-  
 тель хотѣлъ выставить заслуги монашества и воздѣлать его отъ со-  
 временныхъ нападеній. Поэтому онъ подробно говоритъ о чудесахъ и  
 совършенныхъ святыми отшельниками; а значеніи монашеской жизни,  
 и даже тогда касается исторіи Индіи, то преимущественно обращаетъ  
 вниманіе на ея благоправіе. (Женщины живутъ по одну сторону, рѣки,  
 а мужчины по другую) и аскетическую жизнь браминовъ, почему, за-  
 нѣмаетъ онъ, страна пользуется совершеннымъ счастьемъ. Забывая свои  
 симпатіи къ Индіи, Георгій Амартолъ враждебно относится въ нави-  
 лонянамъ, за нихъ прѣвнуположннми качества. Самый предѣлъ его исто-  
 рій — (до Махалла III) избранъ, какъ эпоха *совѣтатовленія монаше-  
 ского пословія и монопочитанія*. Этотъ способъ востановленія пра-  
 вославія былъ не только тонцомъ, но и цѣлью написанія исторіи Ге-  
 оргіемъ мовахомъ <sup>1)</sup>. Поучительный элементъ преобладаетъ во всей ея  
 хроникѣ. Излагая предшествующія событія, лѣтописецъ постоянно об-  
 ращается къ настоящимъ и даетъ своимъ современникамъ урокъ морали,  
 строго придерживаясь священнаго писанія. Наконецъ, значительная  
 часть хроникъ Георгія Амартола наполнена разсказами о страшныхъ  
 явленіяхъ природы и физическихъ бѣдствіяхъ (землетрясенія, морь,  
 воздушныя явленія), обыкновенно постигающихъ міръ за грѣки людей.  
 При этомъ фантазія лѣтописца тердлетъ иногда всякую границу и до-  
 ходитъ до явнаго парадокса (разсказъ о рожденіи ребенка съ трибу-  
 ной хвостомъ, при импер. Мавриціѣ, о предсказаніяхъ червоубитаму  
 о чудерной собакѣ; о мескѣ, вышедшемъ изъ земли, которая чело-  
 вѣческимъ голосомъ предсказала нашествіе на Палестину аравитанъ <sup>2)</sup>).

Хроника Амартола имѣла большое вліяніе, какъ на византійскую,  
 такъ и на русскую исторіографію. Константинъ Порфирородный и  
 Глики дѣлали изъ него обширныя извлеченія; Кедринъ (писавшій до  
 1057 г.) представляетъ по большей части сокращенія изъ Георгія и его  
 продолжателей; Левъ Грамматикъ (до 948 г.), Юлій Полидѣвъ и Фе-

1) Гл. ССХLII, ССХLVIII, ССЛXII, по изд. Муралята.

2) Сухомлиновъ, О древн. рус. лѣт. 85 — 106; Строевъ, о византійск.  
 источникѣ Нестора, Труды общ. исторіи и древн. ч. IV, кн. X, 167 —  
 155. О хроникѣ Амартола, Учен. запис. Казан. универс. 1843, II.  
 III; Michl, Essai de Chronographie Byzantine, préface, XIX — XXIII.  
 Хронографъ Г. Амарт. изд. Муралятомъ въ Учен. зап. Ак. наукъ, II отд.  
 кн. VI.

одосій Мелитинскій просто выписывали изъ Георгія; у нихъ нѣтъ ничего особеннаго, сравнительно съ послѣднимъ, только все излагается въ болѣе враткомъ видѣ <sup>1)</sup>. При сличеніи древней русской лѣтописи съ хронографомъ Амартола оказывается, что послѣдній служилъ руководителемъ для русскаго лѣтописца <sup>2)</sup>. Кромѣ церковныхъ событій, изъ него перешю въ русскую лѣтопись описаніе быта ассирійцевъ и вавилонянъ; разсказъ объ амазонкахъ и языческихъ обычаяхъ елиновъ; объ Аполлоніѣ Тианскомъ; о явленіи звѣзды въ видѣ копыя; о чудесныхъ знаменіяхъ; о дитяти, родившемся съ рыбьимъ хвостомъ, о шестиногомъ псѣ и т. п. <sup>3)</sup>. Сравненіе Александра Македонскаго съ леопардомъ, сдѣланное Георгіемъ Амартоломъ, соответствуетъ въ русской лѣтописи сравненію съ леопардомъ Святослава <sup>4)</sup>; отзывъ русскаго лѣтописца о смерти Свитонолка («злѣ непроверже животь свой») соответствуетъ <sup>5)</sup> подобнымъ же выраженіямъ Амартола о Домиціанѣ и Юліанѣ Отступникѣ. Но сличеніе лѣтописныхъ выраженій съ славянскимъ переводомъ и греческимъ текстомъ показываетъ, что основаніемъ для русскаго лѣтописца служилъ славянской переводъ <sup>6)</sup>. Душъ и направленіе хронографа Георгія Амартола были причиною, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ древней Россіи, образованность которой была по преимуществу монастырская. Хроника Амартола въ древнихъ монастырскихъ библіотекахъ встрѣчается весьма часто, притомъ чаще другихъ историческихъ сочиненій и иногда во многихъ экземплярахъ (въ Бѣловерскомъ монастырѣ въ 5 экз.) <sup>7)</sup> Амартоль служилъ историческимъ матеріаломъ для Іосифа Волоколамскаго при составленіи его Просвѣтителя. Отсюда Іосифъ заимствовалъ объясненіе свѣ Навуходоносора о царствахъ, седмины прор. Даниила и перечисленіе царей отъ ассирійскаго ц. Феглаелассара до Августа римскаго <sup>8)</sup>. Но въ выборѣ источника Іосифомъ руководила не одна исто-

<sup>1)</sup> Муральтъ, въ предисл. въ Хронографу Георгія Амартола

<sup>2)</sup> Сухомлиновъ, 85—106.

<sup>3)</sup> Полн. собр. русс. лѣт. I, 6—8, 39, 71.

<sup>4)</sup> Ibid. 27.

<sup>5)</sup> Ibid. 63.

<sup>6)</sup> Сухомлиновъ, 103.

<sup>7)</sup> Опись книгъ степен. монаст., Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № VI. Въ Россіи Хронографъ Амартола былъ извѣстенъ подъ именемъ Криницы.

<sup>8)</sup> Разборъ Просвѣтителя, въ Прав. соб. 1859, III; О научн. свѣд. въ др. Рос. Прав. соб. 1860, I.

ритическая сторона: у Амартола помещена апология монашества, направленная против современных скептиков, которая очень нравилась русским книжникам и потому нередко встрѣчается въ видѣ отдѣльной статьи <sup>1)</sup>. Она послужила Юсифу важнымъ пособіемъ при составленіи 11 слова Пресвѣтителя, также посвященнаго защитѣ монашества. Въ этомъ случаѣ побужденія Юсифа, защищавшаго монашество отъ жидовствующихъ, вполне совпали съ симпатіями Амартола, боревшагося съ столь же горячими противниками монастырей въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за иконоборческою.

Отъ половины XV в. сохранился списокъ славянскаго перевода Паралипомена Зонары; по переводу его относится къ болѣе древнему періоду. Онъ былъ отнесенъ Стефаномъ, деспотомъ сербскимъ, и переписанъ, по его приказанію, въ Хиландарской лаврѣ, монахомъ Григоріемъ, въ 1208 году, олдвательно существовалъ еще до того времени. Иоаннъ Зонара былъ начальникомъ императорской стражи и первымъ секретаремъ, а потомъ монахомъ на Афонѣ. Его лѣтопись (*Хроби-хов*, изд. Успен. 1720 и. Воннае, 1841—44) была написана по просьбѣ его близкихъ пріятелей, желавшихъ имѣть обстоятельное изложеніе событій, чуждое витязности и многословія тогдашнихъ историковъ. Она включаетъ въ себя событія отъ сотворенія міра до смерти императора Алексѣя I (1118 г.). Въ исторіи древнихъ временъ Зонара пользовался повѣствованіями Ксенофонта, Евтропія, Діона Кассія и др.; о современныхъ событіяхъ онъ говоритъ какъ свидѣтель, что придаетъ болѣе значеніе его повѣствованію. Но, въ изложеніи событій по другимъ источникамъ, Зонара сумѣлъ связать ихъ въ одно цѣлое и придать имъ строгое единство, чѣмъ онъ выдается съ средѣ византійскихъ историковъ <sup>2)</sup>. Къ сожалѣнію переписчикъ значительно измѣнилъ подлинный переводъ, сдѣлавъ сокращенія и дополненія, руководствуясь въ этомъ случаѣ лѣтописью монаха Георгія. Взглядъ же переписчика выразился въ его предисловіи. Сравнивая Стефана сербскаго съ Птоломеемъ, онъ говоритъ, что въ ихъ отношеніи къ наукѣ есть большая

<sup>1)</sup> О Клавдіи царѣ и постническомъ боголюбивомъ жителствѣ. Сухомлиновъ, 96. *Хроби-хов*, гл. CXVIII, *Περὶ ἀσκητικῆς βίης*, 242—248.

<sup>2)</sup> Schöll, III, 247—248. Паралипомень Зонары, въ Чтен. Моск. общ. истор. 1847, N I, предисл. и введеніе, 1—10.

разница: первый главным образом заботился, чтобы посредством книги доставить пользу душъ, привести ее къ богопознанію и улучшить нравы людей, а второй написал много книгъ для славы и удивленія передъ людьми; дамы же слѣдуетъ замѣчать керенисійскія, и просвѣдаться не отъ книги и писаній, а благодатию св. Духа.)

Переводъ Параликомана Зонары былъ важенъ въ тожь отношеніи, что онъ представляетъ систематическое изложеніе исторіи до времени его автора. Въ переводѣ въ параллѣ идетъ подробная статья о персидскомъ царствѣ, куда входятъ первоначальная исторія Мидіи и Персіи, воспитаніе у персовъ исторіи Кира и Персіи до столкновенія ея съ Александромъ Македонскимъ. На основаніи персидскаго воспитанія и исторіи Кира замѣтно большое вліяніе Киранидіи (Бенедикта ?). Вторая статья посвящена столь же подробному изложенію событій въ исторіи Александра Македонскаго, чудныхъ сказочныхъ преувеличеній къзанной нами Александріи и представляющихъ извѣстіе изъ исторіи того времени, изложенное въ опредѣленномъ порядкѣ до смерти Александра Македонскаго (воспитаніе Александра подъ руководствомъ Аристотеля, отношенія его къ Греціи и особенно къ Афинамъ, походъ въ Азію, борьба съ Даріемъ, походъ въ Египетъ, поклоленіе храму Аммона и основаніе Александріи, окончательное покореніе Персіи, походъ въ Индію и ея покореніе). По мѣстамъ (вставлены анимолы, характеризующіе личность Александра (о Буфалѣ и Діоненѣ, о добротѣ Александра къ врачу Филиппу, отношенія въ семействѣ Дарія, покровительство иноплеменинымъ обычаямъ и религіямъ, доступокъ съ Климатомъ). По смерти Александра Зонара рассказываетъ вкратцѣ исторію раздѣленія его монархіи; оспаривается на правленіи Птолемееръ, при которыхъ былъ совершомъ переводъ Библии на греческій языкъ и основана знаменитая библиотека въ Александріи (Зонара говоритъ, что тогда въ ней было болѣе 200,000 книгъ). Эта статья въ переводѣ оканчивается исторією Іудеей до столкновенія ея съ Римомъ. Въ третьемъ отдѣлѣ идетъ исторія Рима отъ Энея до раздѣленія на Восточную и Западную имперіи, а потомъ специально излагается исторія Византіи до Льва Армянина (основаніе Рима, періодъ царей, основаніе вала-

1) Предис. переписчика къ Паралип. Зонары.

2) См. Паралип. Зонары стат. о Бирѣ персидскомъ и Киранидіи, вн. I—III.



даря Нумою Помпиіемъ, заведеніе Сивплиныхъ книгъ при Таркви-  
ніѣ старшемъ, унчтоженіе царской власти, принесеніе законовъ изъ  
Греціи, самое краткое описаніе послѣдующаго періода до христіанской  
эпохи). Появленіе христіанства отвлекаетъ разсказъ, представленный  
переписчикомъ Григоріемъ, на событія по преимуществу церковныя; и  
здѣсь его занимаютъ: подробное перечисленіе епископовъ въ разныхъ  
областяхъ; страданія мучениковъ въ слѣдствіе гоненій императоровъ;  
чудесныя знаменія христіанской эпохи; полемика съ противниками гос-  
подствующаго ученія (противъ Оригена за его мысль о неравенствѣ лицъ  
св. Троицы и мнѣніе противъ вѣчности мукъ, какъ несогласныхъ съ  
милосердіемъ божіимъ; противъ императора Валентиніана, аріанина;  
противъ Несторія, Евтихіа, иконоборцевъ и т. п.). Послѣдній отдѣлъ  
посвященъ времени отъ Льва Армянина; но сосредоточивается главнымъ  
образомъ на вопросѣ объ иконоборствѣ <sup>и</sup> 1). Такимъ образомъ передѣлка  
Григорія монаха сильно отразилась на одномъ изъ лучшихъ византий-  
скихъ историковъ, бывшемъ въ употребленіи въ древней Россіи. Впр-  
чемъ, судя по количеству списковъ, Зонара далеко не имѣлъ такого об-  
ширнаго вліянія, какъ Георгій Амартоль. Изъ Паралипомена Зонары  
въ Степенную книгу и Никоновскую лѣтопись перешло замѣчаніе о  
Русяхъ евксинопонтскихъ, называемыхъ Куманами, которые нападали  
на Константинополь подъ предводительствомъ Аскольда и Дира, и о  
которыхъ такъ долго сомнѣвались изслѣдователи русской исторіи, начи-  
ная съ Шлецера <sup>и</sup> 2).

Въ древній періодъ въ Россіи были извѣстны еще двѣ цѣльныя  
лѣтописи: Манассія и Никифора, патріарха константинопольскаго. Пер-  
вая изъ нихъ въ подлинникѣ представляетъ описаніе событій отъ сотво-  
ренія міра до 1081 г. (авторъ жилъ въ XII в.) въ такъ - называемыхъ  
политическихъ стихахъ; отчего весь разсказъ вышелъ крайне напыщенъ  
и витіеватъ. Придерживаясь библейскихъ сказаній, авторъ излагаетъ по  
нимъ первоначальную исторію человѣческаго рода и древнихъ патріар-  
ховъ; исторію египтянъ, вавилонянъ, ассириянъ и персовъ до Алексан-  
дра Македонскаго (pag. 1—15). Далѣе слѣдуетъ небольшая вставка

1) Свѣдѣній о западной исторіи у Зонары весьма мало. Между про-  
чимъ разсказывается объ отпощеніяхъ Карла V. къ римскому престолу  
и коронованіи его въ Римѣ. 97.

2) См. предисл. Бодянскаго къ Паралипомену Зонары, стр. IV.

объ образованіи еврейскаго царства (16—19) и за тѣмъ разсказъ переходитъ къ троянской войнѣ и ея послѣдствіямъ до переселенія Энея въ Италію, на чемъ авторъ останавливается очень подробно, какъ на событіяхъ, удовлетворявшихъ его поэтическому настроенію (20—26). Переселеніе Энея даетъ ему поводъ перейти къ римской исторіи. Периодъ царей и республики Манассія излагаетъ въ самыхъ общихъ чертахъ до Августа (27—31); гораздо долѣе онъ останавливается на периодѣ императоровъ (31—40, до Константина В.). Остальная часть составляетъ исторію Византіи и окончивается царствованіемъ Никифора Ботаниата (31—113)<sup>1)</sup>. Но и здѣсь разсказъ Манассія до того кратокъ, что не идетъ далѣе перечисленія царствованій и изложенія самыхъ общихъ событій, при томъ по преимуществу относящихся къ исторіи восточной церкви.

Славянскій переводъ лѣтописи Манассія имѣетъ важное отличіе отъ подлинника, потому что болгарскій переводчикъ ея внесъ по мѣстамъ событія, относящіяся къ исторіи болгаръ. При царствованіи Анастасія онъ упоминаетъ 'о появленіи болгаръ въ предѣлахъ Восточной имперіи; въ царствованіе Константина Погоната—о занятіи ими Мизіи; въ царствованіе Льва Исаврянина — объ участіи ихъ въ истребленіи сарацѣвъ, сдѣлавшихъ нападеніе на Константинополь; при Никифорѣ (IX в.)—о страшномъ пораженіи грековъ, нанесенномъ болгарами подъ предводительствомъ Крума; въ правленіе Михаила Рангавея и Льва Армянина—о новомъ пораженіи ихъ. За тѣмъ идетъ нѣсколько замѣтокъ о введеніи христіанства у болгаръ при Михаилѣ, сынѣ Теофила; объ отношеніяхъ болгарскаго ц. Симсѣна къ Византіи; наконецъ о подчиненіи Болгаріи греческимъ императорамъ при Василіѣ Пафлагонянинѣ<sup>2)</sup>.

Однако, не смотря на краткость византійскихъ событій, заимствованныхъ въ лѣтописи Манассія, она служила для русскихъ составителей лѣтописныхъ сборниковъ однимъ изъ матеріаловъ: такъ, въ Никоновской лѣтописи нѣкоторыя мѣста, касающіяся византійской исторіи, цѣликомъ заимствованы изъ лѣтописи Манассія<sup>3)</sup>.

1) Constantini Manassis, Breviarium historicum, Venetis, 1729; Bon. 1837.

2) О переводѣ лѣтоп. Манассія, Черткова, Руск. историч. сборн. Погодина, XI, 29—160.

3) Русская лѣт. по Никонов. списку, I, 18—23. Параллельныя мѣста приведены у Черткова, *ibid.* 28—35.

Другой трудъ, принадлежащій константинопольскому патр. Никифору (нач. IX в.), относится къ области хронологіи (*Breviarium chronographicum*) и обнимаетъ время отъ Адама до императора Михаила (нач. IX в.). Въ немъ перечисляются іудейскіе патриархи, судьи, первосвященники и цари; персидскіе и египетскіе цари; римскіе императоры; епископы и патриархи римскіе, александрійскіе, константинопольскіе, іерусалимскіе и антїохійскіе. Этотъ лѣтописецъ былъ переведенъ на славянскій языкъ и встрѣчается въ древнихъ библіотекахъ во многихъ спискахъ. Древнѣйшій изъ нихъ помѣщенъ въ синодальной Кормчѣй 1282 г. съ прибавленіемъ русскихъ событій, который Шлецеръ напечаталъ при Никоновской лѣтописи<sup>1)</sup>. Вообще хронографъ Георгія Амартола и *Breviarium* патр. Никифора служили хронологическими источниками для русскихъ лѣтописцевъ<sup>2)</sup>.

Стремленіе познакомить читателей съ общенсторическими событіями въ болѣе широкихъ размѣрахъ выразилось въ составныхъ хронографахъ, представляющихъ изложеніе событій по нѣсколькимъ источникамъ. Въ этомъ случаѣ можно отличить двоякій составъ хронографовъ: одни изъ нихъ составлены по источникамъ византійскимъ; другіе по западнымъ, перешедшимъ въ Россію черезъ Польшу въ XVII в. Первые изъ нихъ встрѣчаются уже въ XV в., а въ XVII—общее количество хронографовъ достигаетъ значительной цифры: Строевъ насчитываетъ ихъ до 60 списковъ<sup>3)</sup>.

Первое мѣсто между ними занимаетъ «Еллинскій и Римскій лѣтописецъ». Этотъ хронографъ открывается статьею Епифанія кипрскаго о шести дняхъ творенія, и за тѣмъ переходитъ къ изложенію событій по матеріаламъ историческимъ. Событія отъ Адама до смерти Ноя изложены по лѣт. Іоанна Малалы и Георгія Амартола. О столпотвореніи вавилонскомъ, о Кроноѣ, какъ сынѣ Ноя, и о борьбѣ Кроноса съ Зевсомъ; правленіе Нина (сына Крона) и Семирамиды, о Зороастрѣ и событія до Авраама—по лѣт. Іоанна Малалы. Событія еврейской исторіи (до періода царей включительно) по библейскому тексту съ прибавленіемъ подробностей изъ Псалм. Разсказъ о вавилонскомъ и персидскомъ цар-

<sup>1)</sup> *Breviarium* помѣщ. въ VI т. *Corpus scrip. Byzant.* и другихъ изд. Schöll, III, 256—257; Русск. Достопамят. I, с. 21; Никон. лѣт. I, 6—18.

<sup>2)</sup> Строевъ, о византійск. источникѣ Нестора, 172.

<sup>3)</sup> Строевъ, Труды. общ. исторіи, IV, 120.

ствахъ придерживается Малала, послѣ чего слѣдуетъ нахѣстная «Александрія», которая оказывается заимствованною изъ Малалы, хотя видоизмѣненной сообразно съ планомъ составителя. Но за «Александрію» все-таки помѣщенъ историческій рассказъ о походахъ Александра Македонскаго, составленный по лѣтописямъ Малалы и Амартола. Исторія Рима и Византіи излагается по тѣмъ же источникамъ. Сюда входятъ событія: римской исторіи отъ времени триумвировъ до раздѣленія имперіи на Восточную и Западную. Порядокъ изложенія идетъ по царствованіямъ. Послѣ раздѣленія имперіи составитель слѣдитъ преимущественно за событіями Восточной имперіи. Въ царствованіе Валентиніана упоминается о нашествіи Атиллы на Восточную и Западную имперіи. Говоря о смерти послѣдняго, хронографъ ссылается на рассказъ Цриска (утраченный), согласно съ Малалой. Рассказъ Малалы прекращается на Юстиніанѣ, а потому далѣе составитель ведетъ свой рассказъ по Георгію Амартолу и оканчиваетъ его на императорѣ Романѣ (988 г.). Впрочемъ въ настоящемъ спискѣ Еллинскаго и Римскаго хронографа далеко не видно опредѣленной системы въ порядкѣ изложенія и самаго простаго распредѣленія фактовъ (рассказъ объ Александрѣ Макед прерывается вставкою изъ римской исторіи періода императоровъ; событія одного царствованія приписываются другому) <sup>1)</sup>.

Другая редакція того же хронографа отличается передѣлкою второй части его, начиная отъ «Александріи». Въ этой редакціи выпущены всѣ рассказы греческой міеологіи, помѣщенные въ первой половинѣ, и замѣнены библейскими книгами. Только небольшое число статей Еллинскаго лѣтописца, чисто историческаго содержанія, удостоилось мѣста на ряду съ свящ. писаніемъ. Этотъ хронографъ излагаетъ первоначально событія по библейскимъ книгамъ до IV книги царствъ включительно. За тѣмъ идетъ подробная исторія вавилонскаго царства отъ Навуходносора по лѣтописямъ Малалы и Амартола; наконецъ, слѣдуя тѣмъ же источникамъ, излагается исторія Рима и Византіи, но съ внесеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей: о началѣ византійскаго царства, которое ведется отъ Александра Македонскаго; о взятіи Іерусалима Титомъ, — рассказъ, приближающійся къ изложенію Іосифа Флавія (*De bello Iudaico*); повѣсть о пострєненіи Софійскаго собора въ Константинополь;

<sup>1)</sup> А. Поповъ, Обзоръ Хронографовъ русскій редакціи, 3—72.

обширное сказаніе объ отдѣленіи латинъ отъ греческой церкви; отрывокъ изъ лѣтописи патр. Никифора, обнимающій время отъ импер. Никифора Фоки до Алексѣя Дуки Мурцуфла; завоеваніе Константинополя латинами (1204). Наконецъ идетъ перечень императоровъ отъ Алексѣя Ангела до Мануила Палеолога. По мѣстамъ въ этомъ хронографѣ вставлены событія изъ русской лѣтописи, имѣющія отношенія къ Византіи: о нападеніи Аскольда и Дира на Константинополь и о походѣ Олега. Списокъ этого хронографа принадлежалъ Кассіану, ед. рязанскому (защищавшему на соборѣ 1551 сторонниковъ Башкина) и былъ подаренъ имъ въ 1557 г. въ бібліотеку Кирилловскаго монастыря. По своему происхожденію этотъ хронографъ принадлежитъ XV в., а вторая редакція XVI вѣку <sup>1)</sup>.

~~Хронографъ, такъ называемой древней редакціи~~ (нач. XVI в.) представляетъ болѣе разнообразія по своему составу и источникамъ, из  
 Разсказъ о первыхъ дняхъ творенія заимствованъ изъ Епифанія и стихотворной хроники Манассіи; паденіе Сатаны изъ Палади; за тѣмъ рядъ статей изъ неизвѣстнаго источника: о четырехъ моряхъ, о теплыхъ водахъ, объ облакахъ, о 12 вѣтрахъ, о громѣ и молніи. Событія отъ Адама до Авраама изложены по лѣт. Манассіи и Георгія Амартола; главы же съ 7—66, т. е. отъ Авраама до іудейскихъ царей—представляютъ сокращеніе библейскихъ книгъ, по мѣстамъ дополненныхъ разсказами изъ Палади, Амартола и Манассіи. Исторія Персін излагается по лѣтоп. Манассіи и Зонары (выписка изъ Ксенофонта о персидскомъ воспитаніи и Кирѣ); о лидійскомъ царствѣ—заимствовано изъ Манассіи, снова о Кирѣ—изъ Малалы, пасхальнаго хронографа и Зонары, а остальная исторія Персін по лѣтоп. Зонары и Амартола. Исторія царствъ, происшедшихъ изъ монархіи Александра Македонскаго,—по лѣтоп. Зонары, Малалы и Манассіи. Исторія Рима отъ начала до Юлія Цезаря по лѣт. Манассіи, а объ Августѣ—по хроногр. Малалы. За тѣмъ составитель переходитъ къ исторіи новаго завѣта, которую излагаетъ, руководствуясь житіемъ Богородицы Епифаніи, лѣт. Манассіи, Малалы, Амартола и соч. Іосифа Флавія, съ прибавленіемъ апокрифическихъ сказаній (до воскресенія І. Христа и о дѣятельности апостоловъ). Исторія Византіи излагается весьма подробно до Алексѣя Комнена, преимущественно по 322

<sup>1)</sup> Ibid. 72—95.

лѣт. Манассіи и Амартола, съ заимствованіемъ нѣкоторыхъ подробностей изъ Зонары; но съ прекращеніемъ Манассіи, какъ руководящаго источника, идетъ только перечень императоровъ (до паденія Восточной имперіи), съ показаніемъ числа лѣтъ правленія и съ отмѣткою, кто изъ нихъ православенъ, а кто еретикъ. Этотъ взглядъ остается преобладающимъ и во всемъ изложеніи византійской исторіи: составитель хронографа по преимуществу распространяется о соборахъ восточной церкви и ересьяхъ (особенно иконоборческой и латинской), о монашеской жизни и чудесахъ (здѣсь помѣщенъ рассказъ объ исцѣленіи импер. Θεοφιλα отъ образа Богородицы и прощеніи, объявленномъ Θεοфилу, какъ еретикъ: видѣніе импер. Θεοодору, явленіе ангела патріарху, заглаженіе имени Θεοφιλα въ спискѣ еретиковъ и гласъ къ народу свыше).

Дѣятельность Магомета излагается по лѣт. Амартола и Манассіи и также разсматривается какъ ересь. Хронографъ древней редакціи стлчается значительною полнотою, сравнительно съ другими. Въ соответствующихъ мѣстахъ его внесены событія русской, болгарской и сербской исторіи. Отсюда же византійскія, болгарскія и сербскія событія перешли въ Никоновскую и Воскресенскую лѣтописи. Впрочемъ хронологическая часть хронографа крайне сбивчива и запутана <sup>1)</sup> Въ слѣдствіе религіозной связи и близкихъ отношеній Византіи къ Россіи, ея исторія обращала на себя особенное вниманіе русскихъ книжниковъ. Поэтому, одновременно съ появленіемъ въ Россіи византійскихъ лѣтописей является цѣлый цѣль сказаній, относящихся спеціально въ главнымъ эпохамъ исторіи Константинополя. Таковы сказанія: 1) Объ основаніи Цареграда; 2) Объ осадѣ Константинополя персами (при Иракліѣ и Константианѣ Брадатомъ; въ обоихъ случаяхъ успѣхъ грековъ приписывается чуду и покровительству Богородицы); 3) О взятіи Константинополя крестоносцами; 4) О взятіи Цареграда Амуратомъ, и 5) О завоеваніи Константинополя Магометомъ II <sup>2)</sup>. Эти повѣсти пользовались въ Россіи на столько популярностью и значеніемъ, что заносились даже и въ русскіе хронографы, и въ лѣтописи <sup>3)</sup>, такъ какъ по своему ха-

<sup>1)</sup> Ibid. 95—215. Тамъ же указаны и заимствованія русскихъ лѣтописей. Далѣе слѣдуетъ хронографъ особаго устава, 215—226.

<sup>2)</sup> Срезневскій: Повѣсти объ основаніи Константинополя и о взятіи турками въ 1453 г.; въ Учен. зап. Импер. Ак. наукъ, II отд. книга I. Всѣ пять сказаній изданы Яковлевымъ. Сиб. 1868.

<sup>3)</sup> О взятіи крестоносцами—въ Новгор. лѣт. (Полн. соб. рус. лѣт.

характеру онѣ стоятъ на исторической почвѣ; почему полагають, что нѣкоторые изъ нихъ (напр. завоеваніе Константинополя крестоносцами и Магометомъ II) появились современно событіямъ и были составлены на основаніи историческихъ данныхъ.

Вотъ кругъ общеисторическихъ свѣдѣній древней Россіи. Изъ разобранныхъ нами матеріаловъ видно, что они доставались посредствомъ византійскихъ источниковъ, по преимуществу удовлетворявшихъ церковной потребности. Даже тѣ источники, которые отличались болѣе широкимъ взглядомъ на ходъ событій (Зонара), переѣлывались, сообразно съ монастырскими потребностями. Кругъ историческихъ народовъ, съ которыми считали необходимымъ познакомить читателя, опредѣлялся библейскими данными (сюда входила исторія евреевъ, ассиріянь, вавилонянъ, египтянь, грековъ и римлянъ по отношенію къ іудеямъ) и національными интересами Византіи, которые, подъ перомъ монастырскихъ историковъ, сводились на церковные вопросы. Самая оцѣнка дѣятельности историческихъ лицъ основывалась на отношеніи ихъ къ послѣднимъ. Изложеніе исторіи древняго міра имѣло обличительный характеръ, а симпатіи автора къ представителямъ древняго общества нерѣдко опредѣлялись современными понятіями.

Вполнѣ ясно, что характеръ источниковъ долженъ былъ отразиться на историческихъ понятіяхъ общества. Знакомство съ общею исторіею ограничивалось кругомъ народовъ, входившихъ въ составъ византійскихъ хроникъ. Свѣдѣнія же о государствахъ западной Европы были довольно скудны. Паденіе Рима Іосифъ Волоколамскій относитъ только къ X вѣку<sup>1)</sup>. Открытіе Америки въ древнихъ космографіяхъ приписывается испанскимъ и французскимъ нѣмцамъ<sup>2)</sup>. Общая точка зрѣнія на событія опредѣлялась указаннымъ характеромъ историческаго матеріала и положеніемъ того или другаго лица. Въ глазахъ обличителя жидовствующихъ (Іосифа) еретики были причиною паденія царствъ: армянскаго, египтскаго и римскаго<sup>3)</sup>. Митрополитъ Филиппъ I, убѣждая новгородцевъ покориться московскому князю и не вступать въ союзъ съ Ля-

III, 26—29), въ Тверск. (XV, 294—301), въ Воскресен. (VII, 109—112); Хронографъ древн. редак. у Попова, 92; О началѣ Константинополя и взятіи его Магометомъ II, въ Воскрес. лѣтоп. (Полн. соб. рус. лѣт. VIII, 125, 128).

<sup>1)</sup> Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго, слово 2-е.

<sup>2)</sup> Сухоминновъ; о языкозн. въ древ. Россіи, Учен. зап. Ак. наукъ, II отд. кн. I, 188. <sup>3)</sup> Просвѣтитель, слово 16-е.

вою (латинскую), указывает на примѣръ Константинополя, который до тѣхъ поръ стоялъ непоколебимо, пока не отступилъ отъ православія (унія) <sup>1)</sup>. Даже физическія явленія объяснились съ извѣстною тенденціей. По словамъ Степенной книги и Никоновской лѣтописи, когда умеръ въ Черниговѣ митр. Константинъ (грекъ, см. выше стр. 285), то по его завѣщанію, тѣло его было выброшено въ поле, гдѣ пролежало три или четыре дня. Тогда черниговскій князь послалъ къ великому князю за совѣтомъ какъ поступить, при чемъ эти источники прибавляютъ, что въ то время, какъ въ Черниговѣ стояла прекрасная погода, въ Кіевѣ и въ окрестности его была страшная буря, солнце помрачилось, земля тряслась, отъ ударовъ грома люди падали на землю и семь человекъ лишились жизни; Мстиславъ Изяславичъ, врагъ Константина, находившійся въ то время въ Кіевѣ, до такой степени былъ пораженъ ужасомъ, что сталъ каяться въ своемъ гнѣвѣ на бывшаго митрополита, а вел. князь Мстиславъ даже устроилъ по церквамъ всенощныя бдѣнія <sup>2)</sup>. Конечно, здѣсь поражаетъ соединеніе двухъ другъ отъ друга независимыхъ фактовъ, но въ древнихъ лѣтописяхъ даже нѣтъ такихъ подробностей <sup>3)</sup>. Онѣ становятся понятными, если вспомнить, что та часть Степенной книги, о которой идетъ рѣчь, писана митр. Кипріяномъ, а Никоновская лѣтопись составлена подъ вліяніемъ патр. Никона (см. гл. IX).

Историческія понятія общества въ значительной степени зависятъ отъ существующихъ понятій о мірѣ и его законахъ. Посмотримъ на эту область знанія въ древнюю эпоху Россіи.

Источниками въ этомъ случаѣ служили отчасти тѣ сочиненія, которыя касались міроздавія; отчасти творенія, посвященныя специально этому предмету, а именно: Шестодневъ въ своемъ прототипѣ и въ редакціи Іоанна, экзарха болгарскаго; толкованія Епифанія кипрскаго на книгу Бытія; экзарха болгарскаго; толкованія Епифанія кипрскаго на книгу Бытія; толкованіе Аванасія александрійскаго на псалтирь; книга «Небеса» Іоанна Дамаскина, Палей; Христіанская топографія Космы Индикоплова; сочиненіе Георгія Писиды о шести дняхъ творенія и рядъ апокрифическихъ статей, въ которыхъ излагаются теоріи міра. Мы ограничимся здѣсь тѣми источниками, которые специально относятся въ рассматриваемому предмету—Шестодневъ Іоанна имѣетъ цѣлю объяснить порядокъ творенія міра, главнымъ образомъ придерживаясь

<sup>1)</sup> См. выше, стр. 328.

<sup>2)</sup> Степен. книга, I, 309—311; Никон. лѣт. II, 166.

<sup>3)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. I, 49; II, 85—86; III, 13; Татищевъ, III, 117—119.



библейскаго изложенія; но въ то же время въ немъ проводятся общіе взгляды на міръ и его устройство и разбираются мнѣнія древнихъ писателей. Еретики и явическіе мудрецы говорятъ, замѣчаетъ авторъ Шестоднева, что небо и земля вѣчно существуютъ, какъ и Богъ; основаніемъ же нашей книги служатъ — Моисей и пророки. Впрочемъ греческіе философы различно понимаютъ отношеніе міра къ Богу: одни считаютъ міръ соединеннымъ съ Богомъ, какъ тѣнь съ тѣломъ и лучи съ солнцемъ. Другіе предполагаютъ его совершенно независимымъ отъ Бога, а нѣкоторые приписываютъ міру даже матеріальное происхожденіе, считая основаніемъ его — огонь, воду, хаосъ. Но никто изъ нихъ не сумѣлъ сказать: въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Всякая вещь имѣетъ начало и потому не слѣдуетъ думать, что міръ безначаленъ, руководствуясь тѣмъ, что все движется вокругъ. Дѣйствительно трудно знать, гдѣ начало круга, но очертившій его знаетъ это. Міръ пройдетъ и окончитъ свое существованіе. Моисей не сказалъ, что земля была прежде всего, а сказалъ сотворилъ Богъ небо и землю. Но происхожденіе содержащаго предполагаетъ и содержимое. Въ писаніи говорится: тьма была надъ бездною, бездна — это масса воды. Еще говорится: духъ божій носился надъ водою — это не Духъ св., а воздухъ. Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ — и былъ — это огонь: молнія, солнце, луна, звѣзды и огненная сила въ земныхъ вещахъ. Такъ произошли четыре стихіи міра. Но въ писаніи говорится, что тьма стояла надъ водами: могъ-ли Богъ быть творцомъ тьмы? нѣтъ. Мнѣ кажется: когда вода плавала по землѣ, то надъ нею отъ воды образовались облака, которые покрыли землю тьмою. Какая же разница между воздухомъ и вѣтромъ? это одно и то же, потому что вѣтеръ зависитъ отъ движенія воздуха. Почему Богъ создалъ прежде всего свѣтъ и наконецъ человѣка? потому что, въ писаніи сказано, человѣкъ есть свѣтъ міру, т. е. совершеннѣйшій свѣтъ. Одни изъ философовъ полагаютъ, что небо состоитъ изъ особаго вещества, отдѣльнаго отъ стихій; другіе же признаютъ его состоящимъ изъ четырехъ стихій; но въ такомъ случаѣ онѣ, по своей противоположности, должны были-бы отдѣлиться другъ отъ друга. Лучше сказать: Богъ сотворилъ небо и землю<sup>1)</sup>. По представленію Іоанна Дамаскина, вокругъ земли обтекаетъ океанъ, изъ котораго по-

<sup>1)</sup> Балайдовичъ, Іоаннъ, экз. болгар. прилож. V.

лучаютъ воду моря. Эта вода, кѣль стоячая, имѣетъ горькій вкусъ; но, въ слѣдствіе вліанія солнца, поднимается вверхъ, очищается и обращается въ облака, изъ которыхъ изливается уже въ видѣ дождя, дѣлаясь такимъ образомъ сладкою. Притомъ чрезъ всю землю проходитъ множество сваяжинъ, въ которыя вода вливается непосредственно изъ океана и образуетъ водные ключи и язвы, которыя бывають различнаго свойства (горькіе, соленые,) смотря по мѣсту, гдѣ они протекають. Горькіе источники образуются въ слѣдствіе накопленія огромной массы воды, которая отъ тѣсноты возвращается <sup>1)</sup>.

Попытка представить полную систему міра, на основаніи господствовавшихъ воззрѣній, выразилась въ соч. Космы Индикоплова. Это былъ еринеетскій монахъ (пол. VI в.), прозванный такъ за свое странствованіе въ Индію. Въ своемъ богословско-географическомъ сочиненіи онъ выступилъ жаркимъ противникомъ системы Птолемея. Трактатъ Индикоплова (написанный на греческомъ яз.) носитъ заглавіе: *Χριστιανική γεωγραφία* (Christianorum opinio de mundo sive Topographia christiana). А въ славянскомъ переводѣ: Книга, нарицаемая Косма Индикопловъ, избранная отъ божественныхъ писаній, блаженныиъ и повсюду славимымъ вѣрь Возмою къ хотѣющимъ христіанствовати, съ 44 раскрашенными картинками (нач. XVI в.), на 272 листахъ <sup>2)</sup>. Кроме того Косма еще издалъ описаніе земли и астрономическія таблицы, конечно придерживаясь основаній, изложенныхъ въ послѣдствіи въ настоящемъ трудѣ; но они не дошли до насъ. Въ своей топографіи Косма упоминаетъ или цитируетъ отрывки слѣдующихъ писателей: Амфилохія, Аппія, Аполлонія (Моло), Архимеда, Аристотеля, Аѳинасія, Василия В., Херемона, Дія, Эфора, Епифанія, Еваліа, Евдоксія Книдскаго, Евсевія Памфила, Григорія Назіанзина, Гиперида, Гомера, Іоанна Хризостома, Іосифа, Иринея, Дзизмаха, Мансее, Менаандра, Оригена, Патрикія математика, Филона, Платона, Прокиа, Птолемея, Пивагора, Пития Масильскаго, Северіана, Сократа, Стефана математика, Теодосія, Теофаня и Тимофея александрійскихъ, Ксенофана. Эти писатели раздѣляются у Космы на два лагеря; изъ которыхъ одинъ служитъ предметомъ нападенія для другаго.

1) Небеса, Дамаскина, у Калайдовича, 40—42.

2) Опис. рукоп. Толстаго, Отдѣл. I, № 51.

Все сочиненіе Индикоплова состоитъ изъ 12 книгъ: 1-я направлена противъ шаровидности земли, ибо онъ признаетъ сферу; во 2-й онъ предлагаетъ свою систему; въ 3-й и 4-й представляетъ тексты свідѣтельнаго писанія; въ 5-й предлагаетъ описаніе книги и рѣчь израильтянъ иудейскаго первосвященника; въ 6-й трактуетъ о величинѣ солнца; въ 7-й о небесной тверди; въ 8-й разбираетъ міръ Иезекииля и разсуждаетъ о возвратномъ движеніи солнца; 9-я занимается теченіемъ звѣздъ; въ 10-й представлены тексты изъ отцовъ церкви; въ 11-й помѣщено описаніе острова Тапробана (Цейлона) и животныхъ Индіи; въ 12-й авторъ собираетъ всѣ свои доказательства; но она не закончена<sup>1)</sup>.

Рассказъ Космы, какъ очевидно, объ Египтѣ, Аравіи, Персіи и Индіи и ихъ торговыхъ отношеніяхъ, оцѣненъ по достоинству ганими писателями, какъ Перель, Нибуръ, Неандеръ и Риттеръ. Онъ важенъ, какъ источникъ, служащій связью между писателями временъ Александра, Птоломея и арабскими историками VIII вѣка<sup>2)</sup>. Но въ космографіи и зоологіи Косма представляетъ шагъ назадъ послѣ писателей древней эпохи<sup>3)</sup>.

Сочиненіе Космы Индикоплова направлено противъ тѣхъ, которые осмѣиваются схоластическими умозаключеніями понять фигуру и положеніе міра; которые доказываютъ сферическое и кругообразное движеніе неба и хотятъ по геометрическимъ вычисленіямъ, на основаніи затмѣній солнца и луны, опредѣлить форму міра и фигуру земли. Они и сами блуждаютъ, говоритъ Косма, и другихъ вводятъ въ заблужденіе. Какъ несчастны тѣ, продолжаетъ онъ, которые принимаютъ за истину, что небо имѣетъ сферическій видъ и насмѣхаются надъ нашими мнѣніями, какъ надъ пустыми баснями... Какой Сократъ, какой Пифагоръ, какой Аристотель, какой изъ философовъ древности окажется на столько ученыхъ, чтобы возвѣститъ міру вполне полезное?... Развѣ могутъ они

1) Соч. Космы Индикоплова помѣщено въ *Collectio nova Patrum et scriptorum Graecorum*, ed. Montfaucon, Parisiis, 1707, tom, II, p. 113—345.

2) Замѣтка Дестуниса, въ Этногр. сборн. V, смѣсь, 25—26, и статья Кюльба, Чтен. Моск. общ. ист. 1864, вѣ. III.

3) Впрочемъ и какъ путешественникъ онъ требуетъ критики. Такъ онъ рассказываетъ будто бы на Черномъ морѣ онъ видѣлъ слѣды фараоновой колесницы, слѣд. насколько не отличается отъ простодушныхъ русскихъ путешественниковъ.

сообщить свою мудрость иначе, какъ только посредствомъ изобрѣтательныхъ инструментовъ и продолжительныхъ изслѣдованій. Конечно они говорятъ нѣчто правдоподобное о солнечныхъ и лунныхъ эклипсахъ, но отъ этого міру мало пользы. Отъ подобныхъ знаній скорѣе рождается гордость. А еслибы они не говорили объ этомъ, то для нихъ не произошло-бы никакого вреда. Въ самомъ дѣлѣ, какой мальчикъ, какой старуха, какой поселянинъ или варваръ не можетъ приобрести физическихъ познаній? Я говорю объ астрономіи, геометріи, медицинѣ и другихъ наукахъ.... Какой народъ, вѣрующій въ Христа, не можетъ напередъ опредѣлить времени пахли\*? 1)

Опровергая древнія системы міра, Косма предлагаетъ въ замѣнъ ихъ противоположную, о которой онъ говоритъ: »Non ex mo, neque ex mea opinione, sed ex Divinis institutus sum scripturis« 2). Какъ же пользуется этимъ матеріаломъ Индикопловъ? Образныя выраженія свая. писанія, вовсе немѣющія догматическаго значенія, онъ полагаетъ въ основаніе своей системы. Моисей, говоритъ онъ, описывая форму престола въ св. святыхъ (Tabernaculum), приказалъ сдѣлать его по подобію земли, вдвое болѣе въ длину нежели въ ширину. Такимъ образомъ, если мы говоримъ, что земля болѣе растянута въ длину, то этимъ самымъ уже заявляемъ, что мы вѣримъ въ священное писаніе«. Тевтъ: »Не говори въ сердцѣ своемъ: кто взойдетъ на небо, чтобы низвести съ неба Бога? или: кто перейдетъ за предѣлы моря, чтобы извести его оттуда;« Косма объясняетъ: »Отсюда слѣдуетъ, что существуетъ несомнѣнно земля за океаномъ, котораго однако переплыть нельзя« 3). Когда говорится: въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, то этимъ самымъ выражено, что въ нихъ за-

1) Montfaucon, 115—117; 179—180.

2) Ibid. p. 125.

3) Ibid. 137. По мнѣнію Іоанна Дамаскина, океанъ между двумя землями имѣетъ назначеніе предохранить материкъ отъ огня небесныхъ свѣтилъ, которыя могли-бы пожечь его. Калайдовичъ, 42. По той же причинѣ въ апокрифической бесѣдѣ Панагіота съ Азимитомъ разсказывается, что немедленно по восхожденіи солнца огненные птицы (фениксы) пролетаютъ передъ солнцемъ и окунаютъ свои крылья по двѣсти разъ въ океанъ и кропятъ солнце, чтобы оно не пожгло міръ. Но отъ солнечнаго огня у нихъ сгораютъ перья, почему онѣ, по захожденіи солнца, купаются въ океанѣ и опять обновляются. А пѣтухъ подаетъ имъ вѣсть о восходѣ и заходѣ солнца. Журн. мин. нар. просв. 1863, іюнь, 56.

включается все. Земля поддерживается на собственномъ фундаментѣ, потому что сказано: ты утвердилъ землю на ея основаніи. Допустить плоскость земли, Индикопловъ долженъ былъ отвергнуть и антиподы. — Что касается антиподовъ, говорить онъ, то подобныхъ басенъ не слѣдуетъ не только говорить, но и слушать. О распространеніи чело- вѣческаго рода сказано: даю тебѣ власть наступать на скорпіона и змѣю. А наступать значить ходить по комъ нибудь; слѣдовательно если по комъ нибудь ходимъ, то тотъ, кто ходить вверхъ ногами — нахо- дится подъ тѣмъ, кто сверху. Между тѣмъ, по ученію философовъ, сферическая фигура не имѣетъ ни верху, ни низу, изъ чего слѣдуетъ, что ни мы не ходимъ по другимъ, ни по насъ никто не ходитъ; ясно, что эти ученые заблуждаются<sup>1)</sup>.

Вотъ полная система міра по Индикоплову. Обитаемая земля представляетъ четверугольную плоскость, имѣющую протяженіе въ длину (съ востока на западъ) вдвое болѣе, нежели въ ширину (съ сѣвера на югъ). Вокругъ нея обтекаетъ океанъ, который образуетъ четыре входа въ землю, именно: Средиземное и Каспійское моря, Аравійскій и Персидскій заливы. За Океаномъ во всѣ стороны тянется твердая земля, куда люди не могутъ достигнуть, хотя нѣкогда жили тамъ. На восточной сторонѣ ея расположенъ рай, изъ котораго изливаются че- тыре рѣки, орошающія Эдемъ и появляющіяся на обитаемой землѣ по- средствомъ подземныхъ каналовъ (такими рѣками считались: Гангъ, Ниль, Тигръ и Евфратъ). По изгнаніи изъ рая, Адамъ жилъ на бе- регу океана и только Ной первый высадился съ своимъ ковчегомъ на нашей землѣ. На крайнихъ предѣлахъ недостижимой земли со всѣхъ четырехъ сторонъ подымается громадная стѣна, которая вверху за- кругляется и образуетъ небесный сводъ. Тамъ, гдѣ стѣна начинаетъ закругляться, растянута на подобіе скатерти твердь, и отдѣляетъ отъ земли небо, гдѣ живутъ Богъ и святые. По небу совершаютъ свое движе- ніе небесныя свѣтила; но не вокругъ земли, такъ какъ она сливается съ небомъ, а вокругъ конической горы, которая находится на сѣверѣ, и отъ которой зависятъ перемены дня и ночи (см. выше, стр. 41). Ве- сною солнце находится выше, отчего бываютъ короткія ночи, а зи- мою наоборотъ (потому что солнце долѣе находится за болѣе широ-

<sup>1)</sup> Ibid. 157.

кою частью конусообразной горы). Когда гора бывает между мѣсяцемъ, то происходятъ лунныя затмѣнія, и т. п. По мнѣнію Индикоплова солнце составляетъ  $\frac{1}{8}$  всей земли, чѣмъ онъ объясняетъ расхождение солнечныхъ лучей <sup>1)</sup>. Какой же законъ управляетъ всѣми перемѣнами въ порядкѣ міра? По мнѣнію Индикоплова, каждая планета, звѣзды и облака управляются особыми разумными силами, которыя даютъ имъ направленіе. Такъ, когда долженъ оросить землю дождь, эти силы набираютъ воду изъ морей въ облака, а изъ нихъ выпускаютъ ее на землю <sup>2)</sup>.

Ученіе объ управляющихъ міромъ духахъ было извѣстно въ Россіи еще въ XI в., изъ сочиненія Епифанія кипрскаго, гдѣ подробно развивается мысль, что духи приставлены управлять стихіями и явленіями природы; по Епифанію, есть духи облаковъ, мглы, осени, весны, лѣта, вѣтра, ночи, свѣта и дня. Это мѣсто цитируется уже древнимъ лѣтописцемъ, и на основаніи его послѣдній объясняетъ всѣ небесныя явленія <sup>3)</sup>. Но по Епифанію были также особые геніи народовъ, заведывавшіе ихъ жизнію <sup>4)</sup>. Въ русскихъ сборникахъ встрѣчаются выписки изъ того же Епифанія, гдѣ происхождение дождя объясняется тѣмъ, что ангелы собираютъ морскую воду посредствомъ трубъ, находящихся въ облакахъ, изъ которыхъ потомъ они изливаютъ ее на землю; отъ шума же, происходящаго при накачиваніи воды, — бываетъ громъ <sup>5)</sup>. Въ одномъ изъ апокрифовъ, извѣстныхъ въ древней Россіи, объясняется, какъ 300 ангеловъ вращаютъ солнце по небесному пути <sup>6)</sup>. Это міросозерцаніе оставалось на одной ступени развитія въ теченіе многихъ вѣковъ. Такъ въ XVI в. монахъ Псково-печерскаго монастыря Филофей, въ своемъ посланіи къ псковскому намѣстнику Мунехану,

1) Ibid. lib. II, IV, V—VII; IX, XII.

2) Ib. p. 150, 161—311. Взглядъ Индикоплова на устройство земли удержался въ Византіи до поздняго времени. Въ половинѣ XIII в. монахъ Никифоръ Влемидъ написалъ нѣсколько сочиненій по этому предмету (Обозрѣніе географіи—это предѣлка Діонисія Меритета; Землеописаніе; наконецъ—О небѣ, землѣ, солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ; о времени и дняхъ), въ которыхъ онъ разсматриваетъ землю, какъ плоскость. Schöll, III, 330.

3) Полн. соб. рус. лѣт. I, 121.

4) Advers. haeres. I, Lib. II, pag. 456—457.

5) Шаповъ, Очерки міросозерц. I, p. 6, 7.

6) Шаповъ, Русск. расколъ, 449.

опровергать значение астрологии тѣмъ, что свѣтила небесныя — неодушевленные предметы, не болѣе какъ огонь, которыми управляютъ разумныя силы, вращающія ихъ по собственной волѣ, почему движеніе свѣтилъ не можетъ быть извѣстно человѣку <sup>1)</sup>. Послѣ этого понятно, почему въ обществѣ существовало такое довѣріе къ разнымъ сказаніямъ въ родѣ того, что солнце не заходило во всю недѣлю послѣ воскресенія Иисуса Хр., о грамотѣ, сосланной съ неба (противъ которыхъ возражалъ Максимъ Грекъ), о прахѣ, спадшемъ съ неба, которые встрѣчаются даже въ сборникахъ, претендовавшихъ на серьезность <sup>2)</sup>.

Сочиненіе Космы Индикоплова пользовалось въ Россіи огромною популярностью. Списки его встрѣчаются на пространствѣ XV—XVII вв. и были извѣстны даже въ Сибирь. Судя по описаніямъ монастырскихъ библиотекъ, почти каждая изъ нихъ имѣла это сочиненіе и верѣдко въ нѣсколькихъ спискахъ. Важность его очевидна изъ того, что въ 1542 г., по повелѣнію Макарія, оно было списано для его Четив-Миней <sup>3)</sup>.

Къ этому же направленію слѣдуетъ отнести другое космографическое сочиненіе — Георгія Писиды *Εξαιηερων η τον κοσμογραφια*, написанное въ видѣ поэмы, въ стихахъ <sup>4)</sup>. На славянскій языкъ оно было переведено въ 1384 г. Димитріемъ Зографомъ, о чемъ записано въ русской лѣтописи <sup>5)</sup>. Вообще эта напыщенная поэма отличается мистическимъ характеромъ и переполнена множествомъ восточныхъ сказаній о мірѣ и всѣхъ царствахъ природы. Вотъ нѣсколько указаній,

<sup>1)</sup> Песл Филовеж, Прав. соб. 1861, I, 88, 89, 96.

<sup>2)</sup> Сказаніе о солнцѣ помѣщено въ Златой Цѣпкѣ Чтен. Моск. общ. исторіи, 1846, II. О прахѣ въ Чет. Мин. Макарія, см. оглавл. стр. 43; о грамотѣ и т. п. см. въ нашемъ изслѣд. Максимъ Грекъ, кн. V.

<sup>3)</sup> См. прежнія описанія библиотекъ выше. Царскій, № 210; Толстой, отд. I; № 51; Этногр. сборн. V, свѣд., 25—28; Буслевъ, I, 617, II, 325.

<sup>4)</sup> Георгій Писидъ, писатель VII в., былъ діакономъ и архивариусомъ константинопольской церкви. Кромѣ означеннаго сочиненія онъ написалъ въ стихахъ (13 пѣсень) о войнѣ Ираклія съ персами и объ арабской войнѣ. Schöll, III, 78. Къ парижскому изданію *Εξαιηερων* приложена еще поэма *De vanitate vitae*. 1585.

<sup>5)</sup> Татищевъ, IV, 313.

на ея содержаніе: De admirabilitate Dei operumque ejus (Iob, 42, Rom. I); De caelo et caelestibus globis, in genere. De situ orbis terrarum; De angelorum figuris et hymnis; De solo et ejus proprietatibus (psal. 18); Luna, quae radijs solis accendatur; Elementorum 4 vinculum; De ventis et Dei miraculis; противъ силлогизмовъ Аристотеля (pag. 20—21); Via quae ducit ad Theognosiam; De procreatione hominis et fabrica corporis humani; Corporis cum spiritu proelium a demone est. Draconis Satanæ ministri illecebrae; Martyrum et sanctorum lucta cum principe tenebrarum; Divinae naturae cum abyssonе et solari lumine comparatio; De materia adversus eos qui negat eam a Deo creatam; Discordia concors; Dei cum architecto comparatio; Hierarchia caelestis; Precatriopia, S. Trinitatis misterium explicans; Miraculorum Christi suma <sup>1)</sup>.

И у Писиды, подобно Индикоплову, замѣтно стремленіе противопоставлять однихъ писателей другимъ и смѣшивать вопросы естественнаго міра съ вопросами не только религіозными, но и догматическими. Переводъ его поэмы также не составляетъ рѣдкости въ древнихъ русскихъ бібліотекахъ и также внесенъ въ составъ Четвѣртой Миней Макарія <sup>2)</sup>. Этого мало. Въ древнихъ индексахъ сочиненія Индикоплова и Писиды помѣщены въ числѣ дозволенныхъ книгъ, на ряду съ каноническими, конечно благодаря ихъ содержанію.

Другой обширный источникъ для исторіи понятій о мірѣ въ древней Россіи представляютъ апокрифы. Черезъ нихъ стали известны у насъ мнѣнія Аристотеля и Птолемея въ передѣланномъ на византійскій языкъ видѣ; съ присоединеніемъ къ нимъ понятій манихеевъ и гностиковъ, въ сильной степени отличающихся восточнымъ колоритомъ. По ученію Аристотеля, міръ измѣняемый, эфирный и неподвижный, окружающій землю, состоитъ изъ 7 отдѣльныхъ круговъ или сферъ эфира, представляющихъ кристаллическіе пустыне шары, на которыхъ утверждены звѣзды и планеты. Крайняя окружность есть кристаллическая сворула со всѣми неподвижными звѣздами, небесная твердь, быстро вращаемая вѣчнымъ двигателемъ въ 24 часа около центра. Эта восьмая сфера неподвижныхъ звѣздъ движется около земнаго шара всѣ звѣзды и планеты, утвержденныя на 7 отдѣльныхъ сферахъ или кристаллическихъ кругахъ.

<sup>1)</sup> Opus vix dierum, seu mundi opificium, Georgiae Pisidae, Lutetiae, 1686

<sup>2)</sup> См. Опис. означенныхъ бібліотекъ и оглавл. Чет. Миней, стр. 60.



Общій двигатель этихъ сферъ — совершенный разумъ или божество. Но когда замѣчено было Гиппархомъ (150 до Р. X.) предвареніе равенствій, а Птоломеемъ дѣйствительное движеніе планетъ, а не простое кругообразное, то принуждены были раздѣлить восьмую сферу неподвижныхъ звѣздъ и окружили ее девятою — *сферою знаковь*. Такимъ образомъ вмѣсто 7 небесныхъ сводовъ, стали считатьъ 9. За тѣмъ, не находя возможности объяснить пустое пространство между планетами и ихъ сферами, прибѣгли въ ученію объ астральныхъ духахъ. Чтобы планета не упала съ небеснаго свода придали ей духовнаго путевода, откуда распространилась вѣра въ одушевленность планетъ. Въ теченіе трехъ столѣтій по Р. X. въ аристотелевское міросозерцаніе все болѣе проникало ученіе объ астральныхъ духахъ, ангелахъ солнца, звѣздъ и т. д. Уже Филонъ высказалъ мысль объ одушевленности звѣздъ, движущихся по собственному усмотрѣнію <sup>1)</sup>. Съ Востока искаженное ученіе Аристотеля о 7 сферахъ перешло въ Византію; а черезъ нее въ Россію, посредствомъ апокрифовъ.

Въ сказаніи о началѣ міра, находящемся въ одной рукописи, принадлежащей профес. Григоровичу, высказывается мысль, что Господь своимъ словомъ сотворилъ семь небесъ и хрустальное небо <sup>2)</sup>. Въ апокрифѣ «О небесахъ» — видна смѣсь аристотелевской и птоломеевской системъ съ послѣдующими измѣненіями. «Небо, говорится тамъ, — одно по существу, но по числу ихъ — девять. Семь небесъ сотворены по образу *семи отковъ* (существованія міра). На первомъ изъ нихъ луна; на второмъ — Гермесъ (планета); на третьемъ — Афродита; на четвертомъ — солнце; на пятомъ — Арисъ (Марсъ); на шестомъ — Зевсъ; на седьмомъ — Кронъ. Выше седьмаго неба помѣщены другія звѣзды — 12 числомъ, а именно: овець, юнецъ, близнецы, ракъ, левъ, дѣва, ярець, (телець), скорпионъ, стрѣлецъ, козерогъ, водолей, рыбы» <sup>3)</sup>. Изъ этого

<sup>1)</sup> Шлейденъ, Этюды, 224 — 226. Въ первые вѣка христіанской эры евреи принимали вокругъ неподвижно стоящей посреди земли — 7 небесныхъ сводовъ: изъ нихъ второй, *Rakia*, заключалъ утвержденныя въ немъ солнце, луну и звѣзды; въ третьемъ сводѣ — *Шахакимъ* — облака; а въ шестомъ сводѣ — *Макомъ* (пробываніе) — свѣтъ, градъ, роса, дождь и т. п. Согаръ Бешалогъ принимаетъ 8 сферъ, изъ которыхъ послѣдняя надъ 7-ю — *Аработъ* — это *primum mobile* Аристотеля. Gfrörer, Geschichte d. Urchristenthums, Abtheil. II; 37.

<sup>2)</sup> Буславевъ, Историч. очерки словесн. I, 615.

<sup>3)</sup> Памятн. старин. литер. III, 156.

видно, что въ древней Россіи были извѣстны восточныя свѣдѣнія о дѣяніи эклиптики и 12-ти знакахъ зодіака <sup>1)</sup>. Въ древнихъ памятникахъ русской письменности астрономическія и астрологическія свѣдѣнія обыкновенно приписываются восточнымъ народамъ: Сноб или Фнохъ считался первымъ наблюдателемъ; вавилоняне — звездочетами; халдеи — зодіакъ. Отъ нихъ эти свѣдѣнія перешли къ египтянамъ, а отъ послѣднихъ къ грекамъ <sup>2)</sup>. Въ русскихъ «звѣздочетахъ», «аристотелевыхъ протахъ», «астрологіяхъ» (обыкновенно относимыхъ къ адокрифанъ и потому запрещенныхъ индексомъ, какъ волшебная книга), приписывается большое значеніе знакамъ зодіака и планетамъ въ отношеніи къ жизни общества и явленіямъ природы. Смотря потому, какой знакъ и какая планета господствуетъ въ данное время на небѣ — предсказываются войны, жатва, голодъ, зной, стужа, характеръ новорожденнаго и т. п. Здѣсь все зависитъ отъ того, забливаетъ ли временемъ суровый Марсъ, или мягкая Афродита, терпѣй оверъ, или жестокій скорпионъ, вмѣстѣ ли находятся знаки зодіака (миръ) или розно война) и т. п. <sup>3)</sup>. Духоборцы, сохранившіе остатки древняго міросозернанія, отвергая астрономическое значеніе 7 небесъ, дѣлаютъ ихъ мистическо-символическими. Семь небесъ озаглаиваютъ у нихъ семь евангельскихъ добродѣтелей, тѣмъ образомъ: первое небо есть смиреніе; второе — разумѣніе; третье — воздержаніе; четвертое — братолюбіе; пятое — милосердіе; шестое — совѣтъ; седьмое — любовь <sup>4)</sup>.

Въ двѣнадцати апокрифахъ отразились черты гностическаго и ботризмальскаго ученія. Въ бесѣдѣ трехъ святителей (Василія В., Григорія Богослова и Іоанна Златоуста), представляется борьба двухъ началъ — добраго (Бога) и злаго (Сатаны) до паденія Адама. До созданія міра Богъ жилъ въ трехъ иморахъ — Отецъ, Сынъ и св. Духъ отдѣльно въ каждой (по ученію маж. хевев. Троица живетъ въ трехъ отѣлахъ воздуха: Отецъ въ высшемъ свѣтѣ; Христосъ въ видимомъ свѣтѣ, какъ сила полна, Духъ св. въ чистѣйшемъ эфирѣ). Происхожденіе ангеловъ и свѣ-

1) Щаповъ, Очер. о росозерц. Журн. мип. нар. просв. 1863, июль, 53.

2) Наше изсѣд. Максимъ Грекъ, II, гл. VII.

3) Тихонравовъ, Пмят. отречен. литер. Астрологія, Звѣздочетъ о добрыхъ и злыхъ дѣлахъ и т. п.

4) Лѣтоп. рус. литер. Тихонравова, IV, смѣсь, 14.

тѣль связывается съ отдѣльными частями Сожества: ангелъ произведенъ отъ духа и отъ свѣта; солнце—отъ одежды Бога; луна—отъ воздуха и отъ престола божія. Человѣкъ также имѣеть пантеистическое происхожденіе: онъ созданъ изъ земли (тѣло), моря (кровь), слнца (глаза), камня (кости), облака (мысль), огня (тѣло), вѣтра (дыханіе), свѣта (свѣтъ); а Богъ вдокнулъ духъ. Имя Адама заимствовано отъ четырехъ странъ свѣта. Земля создана ангеламъ, которые, по повелѣнію Бога, сохрани морскую пѣну и сбили изъ нея землю (по Сатурнину и гностикамъ существуютъ ангелы миротворители и миродержители). Земля, поддерживаемая 30 китами, плаваетъ по морю (Океанъ Индикоплова), дно котораго поддерживается 7000 столбовъ (мистическія 7000 лѣтъ?). Здѣсь адъ, въ которомъ связанъ антихристъ, а подъ нимъ горитъ неугасимый огонь. Въ царствѣ тьмы летаютъ крылатые люди, никогда неупирающіе. Поэтому апокрифу на землѣ 14 великихъ горъ; 12 великихъ морей; 30 великихъ рѣкъ, изъ которыхъ 4 вытекаютъ изъ райа; 72 острова, на которыхъ живутъ 72 народа, различные по языку, и т. д. По другому списку Бесѣды (професъ Григоровича) Саваоѳъ первоначально жилъ въ трехъ нѣмобахъ (въ воздухѣ) и отпрыгнулъ отъ своего сердца — Сына, а изъ утѣры св. Духа (кавъ у гностиковъ и богомиловъ). За тѣмъ онъ создалъ хрустальное небо на желѣзныхъ столбахъ и посадилъ на востокѣ рай. Громъ—это пласъ господень; молнія—слово господне<sup>1)</sup> Богъ

1) Въ другомъ мѣстѣ тойже бесѣды молнія и громъ объясняются такъ: Ангелъ господень, летая по небу, бьетъ крыльями и гонитъ дьявола; отчего происходитъ шумъ: Когда идетъ дождь, въ то время дьяволъ стоитъ, а вода блестятъ молнии, то ангелъ смотритъ съ гнѣвомъ на дьявола. Въ Бесѣдѣ Панагіота съ Азимитомъ, «десять ангеловъ, радуясь о славѣ божіей, трепещутъ крыльями, отчего облака несутся по воздуху, гремятъ и дождятъ, а огъ ангельской силы выходитъ огонь и молнія съ великимъ громомъ на пророчаго змѣя (Ц.повѣсть, міросозерц. I, 8; Буслевъ, I, 501). Но въ книгѣ церковныхъ правилъ, принадлежавшей Кириллу Бѣлосерскому, встрѣчается нѣсколько выписокъ изъ Галена о происхожденіи грома и молнии, о падающихъ звѣздахъ, объ океанѣ, о моряхъ, о четырехъ стихіяхъ, о землетрясеніяхъ, объ облакахъ, объ устройствѣ земли. Громъ и молнія здѣсь объясняются столкновеніемъ двухъ другъ противъ друга идущихъ облаковъ. Громъ бываетъ прежде молнии; хотя мы видимъ молнію прежде, нежели слышимъ громъ; потому что зрѣніе болѣе совершенное чувство, нежели слухъ. О падающихъ звѣздахъ замѣчено: одни думаютъ, что дѣйствительно падаютъ звѣзды; другіе же полагаютъ, что это житарства. Но ни то ни

представляется адъсь творцомъ ангеловъ; а Сатана — темныхъ духовъ, открывшихъ борьбу съ царствомъ свѣта, во главѣ котораго стоитъ арх-Михаилъ. Послѣдній поразило враждебное царство, и темные духи, въ течение трехъ дней и трехъ ночей, сошли на землю, какъ бы въ видѣ капель дождя. Въ другомъ апокрифѣ прибавляется, что, при своемъ паденіи, нѣкоторые изъ духовъ задержались въ воздухѣ, другіе пали на землю, и съ тѣхъ поръ творять они вредъ людямъ, преобразуясь во всевозможныя формы <sup>1)</sup>. Мы уже упоминали, что одновременно съ появленіемъ христіанства въ Россіи, по Черному морю и въ предѣлахъ Болгаріи появились секты павликіанъ и богомиловъ, составившихъ отрасли манихеевъ, гностиковъ и мессаіанъ. (Импер. Цимисхій переселилъ на границу Болгаріи цѣлую колонію павликіанъ; а въ первой половинѣ XII в. въ Мегдинѣ почти всѣ жители приняли ученіе павликіанъ) <sup>2)</sup>. Изъ свидѣтельствъ же Тертуліана и патр. Фотія извѣстно, что апокрифы по большей части были сочинены гностиками <sup>3)</sup>. Болгарскіе сектанты увеличили количество апокрифовъ (Еремія), и уже въ XII—XIV вѣкахъ въ Россіи появляются обличенія въ чтенія апокрифическихъ произведеній греческаго и болгарскаго происхожденія (Аврааміи обвинялся за чтеніе апокрифа «Глубина»; обличенія митр. Кипріяна противъ духовенства). Такимъ образомъ чрезъ переводную литературу, отчасти непосредственно шедшую изъ Византіи, отчасти отъ южныхъ славянъ, въ русскомъ обществѣ стали слагаться понятія о мірѣ въ духѣ восточныхъ воззрѣній <sup>4)</sup>.

Въ народномъ міросозерцаніи система духовъ, управляющихъ міромъ, смѣшалась съ христіанскими понятіями о непосредственной зависимости челоуѣка отъ высшей силы, постоянно проявляющей на немъ свое дѣйствіе. Русскіе книжники создали цѣлый міръ небывалыхъ анге-

другое не заслуживаетъ вѣроятія. Вѣриѣ—это отдѣленіе небеснаго огня, который, падая внизъ, разсыпается и снова сливается въ воздухъ. Звѣзды же никогда не падаютъ (Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозер. мон. стр. 24).

<sup>1)</sup> Шаповъ, Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древнихъ рус. сказан. о мірѣ. Прав. соб. 1861, I, 249—265.

<sup>2)</sup> Zonar, loc. cit. Никон. лѣт. II, 45, Кириллова книга.

<sup>3)</sup> Tertul. De praescr. haeret. и Фотій, Codex. 179, у Шапова, Смѣсь христ. съ язич. 279.

<sup>4)</sup> Ibid. 280—283, Житіе Авраамія. Смол. въ Прав. соб. 1858 г.

ловъ, которымъ приписали вліяніе на всѣ обстоятельства человеческой жизни: такъ, они предполагали существованіе особаго ангела для пути, особаго надъ морями и рѣками; надъ ночью тьмою; надъ здоровьемъ; надъ домомъ, пищею и питьемъ. Эта статья соответствуетъ апокрифической книгѣ (4-й) Эздры <sup>1)</sup>. Пророкъ Ілія, на основаніи своихъ качествъ, сталъ специальнымъ распорядителемъ грома и дождя, замѣнивъ языческаго Паруна; Георгій (по переводу) покровителемъ земледѣлія; Наумъ (по словопроизводству) грамотности; Зосима и Саватій, основатели пчеловодства на сѣверѣ, — покровителями пчеловодства, и т. д. Въ народномъ быту постоянно высказывается дуалистическій взглядъ на міръ. Полезныя животныя и предметы считаются происшедшими отъ Бога, а вредныя — отъ дьявола. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преобладаетъ понятіе о Савооѣ, какъ старшемъ Богѣ, и Іисусѣ Христѣ, какъ младшемъ Богѣ (Въ селѣ Павловѣ, Нижегород. губер.) Гностико-богомилскій дуализмъ и до сихъ поръ составляетъ принадлежность нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ. Такъ *блужны* (появившіеся въ под. XVIII в.) весь міръ раздѣляютъ на два царства: божіе и сатанино, которыя разграничиваются какъ въ нравственномъ, такъ и въ пространственномъ отношеніяхъ <sup>2)</sup> Мистическія представленія Востока о мірѣ въ народныхъ сказаніяхъ искусно смѣшались съ мифологическими представленіями славянскаго язычества: напр. отбѣты, помѣщенные въ Голубиной книгѣ, о происхожденіи міра, представляютъ полную систему пантеистическихъ воззрѣній, по которымъ каждая часть міра происходитъ изъ отдѣльной части божества, путемъ эманации.

Смѣшеніе народныхъ воззрѣній на міръ съ восточно-византійскимъ постоянно замѣчается въ памятникахъ древней русской письменности. Міръ, согласно съ Дамаскинымъ, уподобляется яйцу, въ которомъ скорлупа соответствуетъ — *небу*, плева — *облакамъ*; бѣловъ — *водѣ*; желтокъ — *землѣ* и т. п. Его раздѣляли на міръ невидимый (ангелы и свѣтовидимые духи), міръ видимый (небо и земля) и міръ будущій (по рукоп. Григоровича). На вопросъ: что держитъ землю? дается отвѣтъ: глубокая вода. Что держитъ воду? Великій камень. Что держитъ камень? Четыре золотые вѣта. Что держитъ золотыхъ вѣтовъ? Рѣка огненная. А что держитъ ее? Другой огонь,

<sup>1)</sup> Шаповъ, Истор. очерки міросозерц. I, 9, 14, 45 — 49, 63, см. народный календарь, ib. въ приложеніи.

<sup>2)</sup> Смѣсь христ. съ языч. и ересми, 266—268.

который долженъ пожечь все. Что же держитъ тотъ огонь? Великий дубъ, который посаженъ прежде всего и корни котораго поддерживаютъ силою Божию. В греческой космогоніи дубу соответствуетъ *Медя* левъ <sup>1)</sup>. Известно, что мѣние объ основаніи земли на Китахъ, отъ движенія которыхъ зависятъ кончина міра, сдѣлалось народнымъ вѣрованіемъ. Затмѣніе солнца и луны объяснялось похищеніемъ ихъ злободѣлами—злыми существами, жившими въ воздухѣ <sup>2)</sup>. Въ средѣ книжникомъ мѣние о стационарномъ положеніи земли сохранялось даже въ половинѣ XVIII в. Въ одной прописи того времени на вопросъ: что такое значить—два стоять, два идти и два проходить? дается отвѣтъ: два стоять—небо и земля; два идти—солнце и луна, и два проходить—день и ночь <sup>3)</sup>.

Историки, слѣдящіе за развитіемъ понятій о системѣ міра, раздѣляютъ ихъ исторію на четыре періода, болѣе или менѣе проходящія черезъ которые проходило человѣческое міросозерцаніе: 1) ступень антропоцентрическихъ понятій; 2) теорія геоцентрическая; 3) теорія гелиоцентрическая, и 4) эллиптическая теорія планетъ <sup>4)</sup>. Въ разсматриваемую нами эпоху, подъ вліяніемъ указанныхъ источниковъ, въ Россіи (какъ и въ средніе вѣка на Западѣ) господствовали антропоцентрическія и геоцентрическія представленія. Въ одномъ сборникѣ, принадлежащемъ профес. Григоровичу, эти понятія развиваются такъ: >Человѣкъ есть второй міръ, въ маломъ видѣ. Въ немъ есть небо, земля, и что на небѣ, и что на землѣ, видимое и невидимое: отъ пупа до головы—какъ небо; отъ пупа внизъ, какъ бы земля; потому что земля имѣетъ производящую силу. Въ верхней части, какъ и на небѣ, существуютъ свѣтила—солнце, луна, молнія,—такъ и у человѣка—глаза, дыханіе и мгновеніе ока, напоминающее молнію, а болѣе всего—умъ, всевидящій и все созерцающій» <sup>5)</sup>. Въ другомъ древнемъ памятникѣ, послѣ изложенія творенія міра, авторъ обращается къ предзнаменію природы. >Все это, говорить оны, создано для работы человѣку: земля

<sup>1)</sup> Шаповъ, Очер. міросозер. II, 14, 15, 22, 30.

<sup>2)</sup> *Ив. Журн. мн. нар. просв.* 1863, г. СХІХ, 18, 14.

<sup>3)</sup> *Ив.* II, 14.

<sup>4)</sup> Уэвелль, *Исторія индукт. наукъ*, I; Дрэнверъ, *Исторія умствен. развитія Европы*.

<sup>5)</sup> Шаповъ, II, 19, *примѣч.*

даютъ плоду; солнце — согреваетъ землю и раздѣляетъ время; луна и звѣзды — сторожатъ ночью, даютъ спать людямъ и освѣщаютъ путь странствующимъ на моряхъ и рѣкахъ; море и рѣки служатъ челоуѣку, облегчая путь, и доставляя рыбу; огонь — согреваетъ тѣло и готовитъ пищу, и т. д. При этомъ авторъ ссылается на известную намъ Псалму 1). Въ апокрифѣ «Слово о зрѣніи ап. Павла» солнце, мѣсяць, звѣзды, моря, рѣки и земли представляютъ жалобы Творцу на челоуѣка, съ готовностью уничтожить его за всѣ злодѣянія; но получаютъ отказъ въ ожиданіи его покаянія <sup>2)</sup>. Въ другомъ апокрифѣ за грѣхи людей Богородица грозитъ испослатъ съ неба камни и молніи, и уничтожить всю жатву <sup>3)</sup>. Отсюда — прамой (переходъ въ объясненію небесныхъ явленій (затмѣнія, кометы и т. п.) — явилъ предвѣстниковъ политическихъ событій и бѣдствій, стравы; а ихъ появленіе обыкновенно принимается специально предназначеннымъ для данной мѣстности, хотя бы они выходили за ея границы. Вотъ почему эти явленія обыкновенно производятъ потрясающее впечатлѣніе на общество и оцѣняются какимъ-то мистическимъ тономъ <sup>4)</sup>.

Въ такую эпоху противоположная точка зрѣнія кажется не только ошибочною, но и вредною. Предугадываніе затмѣній и астрономическія наблюденія представляются волшебствомъ <sup>5)</sup>. Математическія единицы (къ которымъ относили тогда — арифметику, музыку, геометрію и астрономію) причисляются въ отреченнымъ, и потому презираются <sup>6)</sup>. Звѣздочество приравнивается къ блуду, конскимъ расстояніямъ и волхвованію <sup>7)</sup>. Въ XVI в. появляется въ Россіи переводъ известнаго на западѣ Луцидаріуса. Въ немъ рядомъ съ религиозными вопросами идетъ трактатъ о вопросахъ космографическаго и физическаго содержанія; средневѣковыя представленія о мірѣ помѣщены въ связи съ мифіями древнихъ писателей. При всѣхъ недостаткахъ, свойственныхъ средневѣковому сборнику, Луцидаріусъ старается объяснить многія явленія природы физическимъ путемъ. Переводчикъ (Георгій) представилъ свой трудъ Маѣсиму Греку, который нашелъ въ немъ ма-

1) Псал. соб. 1858, январь, 141—168.

2) Шаповъ, II, 26—27.

3) Ib. I, 38—40.

4) Азты историч. IV, 330—332.

5) Оларій, кн. III, гл. 31.

6) Забѣлгнъ, Характеръ древней рус. образованности.

7) Шаповъ, Жур. мин. нар. просв. 1863, г. CXVIII.

*тонскія и аристотельскія* мифы. Ему не понравились толки Луцидаріуса о происхожденіи міра, о хаосѣ и особенно о движеніи неба, которое, по понятіямъ Максима Грека, есть *комара* или шатеръ, раскинутый надъ землею и опирающійся на ея бока. Въ Луцидаріусѣ онъ увидѣлъ латинское произведеніе, а латины, по его мифію, слишкомъ прельстились *опытнымъ* ученіемъ, почему онъ совѣтуетъ остерегаться ихъ какъ огненной гангрены, а въ замѣнъ подобныхъ произведеній предлагать читать соч. Іоанна Дамаскина, отъ которыхъ можно стать не только великимъ богословомъ, но и *естествовѣдомъ*; намъ же извѣстно, что для Максима Грека служили авторитетомъ и знаменитый Косма Индикопловъ <sup>1)</sup>. Если такъ думать Максимъ Грекъ, одинъ изъ ученыхъ эпохи возрожденія, правда сужившій потомъ отказаться отъ нея, то нѣтъ ничего страннаго, если нѣсколько позже раскольникамъ казалось грѣхомъ почитать землю за кругъ или шаръ. Имъ очень не нравилось, что Алексѣй Михайловичъ былъ расположенъ къ астрономамъ и астрологамъ. Они требовали удаленія послѣднихъ и писали царю такъ: «Царю благородный! Ты имѣешь у себя мудрыхъ философовъ, рассуждающихъ о небѣ и землѣ и измѣряющихъ аршиномъ хвосты звѣздъ: ихъ Іисусъ Хр. называетъ *лицемѣрами*, потому что времени они не узнаютъ. И этихъ людей, государь, ты держишь въ чести, питаешь ихъ вкусными яствами и хочешь ихъ баснями мирно утвердить свою власть. Да не будетъ этого!» <sup>2)</sup>. Въ умственной сферѣ расколъ былъ протестомъ противъ того меньшинства, которое уклонилось отъ прежняго пути.

Удаляясь на сѣверо-востокъ, славяно-русское племя все болѣе удалялось отъ центровъ образованнаго міра и вступало въ предѣлы инородческихъ поселеній, стоявшихъ на болѣе низкой степени развитія, въ слѣдствіе естественныхъ условій страны. Это необходимо должно было отразиться на понятіяхъ пришлаго племени. Пока сѣверо-восточная Россія представляла разрозненныя части, борвшіяся за преобладаніе и независимость другъ отъ друга, сознаніе новыхъ потребностей не выступало наружу. Паденіе Византіи грозило прекращеніемъ и того слабого вліянія образовательнаго элемента (въ науч-

<sup>1)</sup> Подробнѣе въ нашемъ изсл. Максимъ Грекъ, 140—147, 223. Соч. Максима Грека, I, 348,

<sup>2)</sup> Шаповъ, Журн. мин. нар. просв. СХVIII, 65.



помъ смыслъ), какое существовало до сихъ поръ. Но съ объединеніемъ отдельныхъ частей въ политическое цѣлое—Московское государство неожиданно очутилось на границахъ Ливоніи и Литвы. Неопредѣленность границъ, религіозныя антипатіи и политическое соперничество естественно ведутъ къ постояннымъ столкновеніямъ въ этихъ предѣлахъ. Отношенія Польши и Ливоніи къ западной Европѣ вызываютъ посредничество со стороны западныхъ державъ въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи, а это ведетъ къ необходимости частыхъ дипломатическихъ сношеній съ западною Европою. Военное искусство москвитянъ, удовлетворявшее въ борьбѣ съ татарами, оказывается недостаточнымъ въ борьбѣ съ болѣе искусными сосѣдями <sup>1)</sup>—является необходимость въ реформѣ военного искусства. Обширность потребностей новаго государства дѣлываетъ дѣло . . . .

Между тѣмъ какъ мистическое настроеніе общества привело его въ XV и XVI вв. къ мысли о кончинѣ міра, государственные дѣятели повидимому заботились объ упроченіи политическаго могущества. При Іоаннѣ III Москва обновилась и обстроилась. Женившись на Софіи Палеологъ, Іоаннъ вызываетъ изъ Италіи художниковъ и мастеровъ. Въ 1472 г. онъ приступилъ къ постройкѣ обветшалаго Успенскаго собора; но стѣны обрушились—и Іоаннъ поручилъ постройку Аристотелю Фіоравенти, выѣхавшему вмѣстѣ съ сыномъ и ученикомъ изъ Болоніи. Тотъ же Аристотель строилъ мостъ передъ Новгородомъ (когда Іоаннъ рѣшился на всегда закрѣпить его за собою) и ходилъ съ пушками подъ Тверь. На монетахъ того времени видна надпись *Aristoteles*. Въ 1494 г. пріѣхали изъ Италіи Алевизъ стѣнной и Петръ пушечный мастеръ; въ 1504 г. Антонъ, Маркъ и Петръ Фрязины занялись устройствомъ каменной стѣны, укрѣпленій и подземнаго хода. Въ 1487 г. венеціанецъ Маркъ построилъ Грановитую палату, предназначенную для приемовъ, а въ 1498 г. Алевизъ—дворецъ. Въ слѣдствіе завязавшихся отношеній съ Германіей—Іоаннъ просилъ у Максимилиана прислать ему литейщиковъ, каменщиковъ, пушкарей, рудопроновъ, врачей; но въ числѣ ихъ въ Москвѣ встрѣчается и органичный мастеръ. При Василю Іоанновичу Фрязины продолжали строить церкви и заниматься

<sup>1)</sup> Въ полѣ русскіе обыкновенно терпѣли пораженія. Соловьевъ, VI, 349, 350.

укреплениѣ Москвы, по при немъ встрѣчаются уже два лекаря—  
 Лѣмцы <sup>1)</sup>). Дѣятельность Іоанна Грознаго въ этомъ отношеніи пред-  
 ставляетъ самую оживленную картину заботъ и стараній царя, посвя-  
 щенныхъ въ пользу практическихъ интересовъ и потребностей страны.  
 Каждое заключеніе торговаго или мирнаго трактата у него обыкно-  
 венно соединялось съ условіемъ содѣйствія военному, промышленному  
 или горному дѣлу страны. Изъ Англіи онъ выписываетъ въ огромномъ  
 количествѣ мастеровъ и рудокоповъ. Отдавши Ливонію Магнусу обя-  
 зываетъ его пропускать изъ за-границы художниковъ и солдатъ. Заклю-  
 чая перемиріе съ Швеціею—требуетъ отъ короля 200 воиновъ, воору-  
 женныхъ по нѣмецки и свободнаго пропуска изъ-за-границы военныхъ  
 снарядовъ <sup>2)</sup>. При царѣ Ѳеодорѣ, наемныхъ иностранцевъ въ войскѣ  
 насчитываютъ уже 4,300 чел., въ числѣ которыхъ были: голландцы,  
 шотландцы, датчане и шведы <sup>3)</sup>. Борисъ Годуновъ оказывалъ покрови-  
 тельство ливонцамъ, переселившимся въ Россію въ слѣдствіе войны  
 съ Польшею, и даже даровалъ имъ свободное богослуженіе <sup>4)</sup>. Въ XVII  
 вѣкѣ вызовъ иностранцевъ въ Россію принимаетъ болѣе широкіе раз-  
 мѣры. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ: золотыхъ и часовыхъ дѣлъ масте-  
 ровъ, живописцевъ, кожевниковъ, корабельщиковъ, рудокоповъ, литей-  
 щиковъ, монетчиковъ. При ихъ участіи открываются канатныя фабрики  
 и заводы желѣзныя и стекляныя. Въ 1631 г. для войны съ Польшею  
 полковнику Лесли поручено было нанять въ Швеціи, Голландіи, Дани  
 и Англіи 5000 солдатъ со всѣми принадлежностями <sup>5)</sup>. По словамъ  
 Олеарія, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Москвѣ постоянно жило до 1000  
 протестантскихъ семействъ. А немного спустя Алексѣй Михайловичъ  
 приглашалъ уже Олеарія остаться при дворѣ въ качествѣ астронома,  
 что очень не понравилось многимъ тогда въ Москвѣ, которые видѣли  
 въ Олеаріѣ волшебника.

Но одного вызова иностранцевъ было недостаточно, и потому  
 правительство озаботилось переводомъ на русскій языкъ иностраннаго  
 военнаго устава и составленіемъ торговаго устава, по образцу западныхъ

1) Соловьевъ, V, 255—261, 471.

2) Ibid. VI, 180, 276, 346.

3) Fletcher, II, 8.

4) Беръ, 22—28.

5) Соловьевъ, IX, 409, 418, 422, 424; X, 350; XII, 282.

державъ; съ тѣмъ, чтобы оградить торговые интересы Россіи отъ весьма тяжелыхъ привилегій иностранныхъ компаній <sup>1)</sup>).

Столкновение съ новымъ элементомъ не замедлило отразиться на правахъ общества. Василий Іоанновичъ изъ угрожденія къ молодой женѣ (Еленѣ Глинской) сталъ брить бороду <sup>2)</sup>, что, при тогдашнихъ пеня- тияхъ общества, считалось почти святотатствомъ <sup>3)</sup>. Въ обличеніяхъ митр. Данила мы встрѣчаемъ цѣлая тирада, направленныя противъ молодыхъ щеголей, которые, по обыкновенному ходу вещей, прежде всего заботились объ измѣненіи своей внѣшности, т. е. брили бороды и усы; носили блестящее платье и вышитые шелкомъ сапоги; надѣвали дорогіе перстни на руки и умащали себя благовонными травами <sup>4)</sup>. Нѣсколько позже Барберияны выписывалъ изъ-за границы въ Москву въ большомъ количествѣ разныя воды душистыхъ и хорошихъ сортовъ, а для умыванія рукъ самыя лучшія мыла. Иностранные писатели на- чала XVII в. говорятъ уже о чрезмѣрномъ вторженіи иностранныхъ обычаевъ въ русское общество, которые могли, даже по ихъ заключе- нію, привести къ неблагоприятнымъ результатамъ въ дальнѣйшемъ раз- витіи этой безусловной подражательности <sup>5)</sup>, которая еще далека отъ самоусовершенствованія. Конечно, такое направленіе общества не могло правиться охранительной партіи. Извѣстный Берсень-Беклемишевъ, въ тайной бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ; сильно порицалъ наступившій порядокъ вещей, высказывая мнѣніе, что та земля не долго стоитъ, которая перемѣняетъ свои обычаи <sup>6)</sup>. А когда подобные возгласы ока- зались напрасными, то защитники старины обратились съ своими на- стояніями къ патриарху, упрекая его за невниманіе словами: «Отецъ святыи! зачѣмъ ты молчишь, видя все это?» Но, замѣчаетъ авторъ этого извѣстія, «дѣлатель изнемогъ, видя сѣмена лукавства, сѣмая въ вино- градъ Христовомъ, и, только къ единому Господу Богу взирал, ниву ту недобрую, обливалъ слезами» <sup>7)</sup>. Впрочемъ, въ видахъ огражденія отъ

1) Ibid. VIII, 326; XIII, 116—126.

2) Герберштейнъ.

3) Буслаевъ, Очерки, стат. Древнерусская борода.

4) Бѣляевъ, Митр. Даниль въ Чтен. о яз. и словесн. 1856—57, 111—115.

5) ерь.

6) Акты экспед. I, № 172.

7) Изъ житія патр. Іова, Соловьевъ, VII.

крайняго уваженія и доземнымъ вліаніемъ, при Федорѣ Юанновичѣ былъ поданъ проектъ, затруднявшій доступъ иностраннымъ купцамъ внутрь страны и выѣздъ русскимъ за границу <sup>1)</sup>. Смутное же время, въ слѣдствіе посягательства Польши на самостоятельность Россіи, возбуждало политическія и религіозныя антипатіи къ ней, и потому въ послѣдующее время всѣми мѣрами старались заградить доступъ католикамъ въ Москву, такъ что иностранцы были вынуждены исключительнo изъ протестантскихъ государствъ <sup>2)</sup>.

Послѣ паденія Византіи образовательное вліаніе Запада настолько становится очевиднымъ, что латинскій языкъ беретъ верхъ надъ греческимъ даже въ религіозной сферѣ. При составленіи поздаго списка Библіи, Геннадій пользуется латинскимъ явствомъ и латинскими переводчиками (Веніаминъ); Максимъ Грекъ переводитъ съ греческаго на латинскій; а его помощники уже на русскій. Безъ сомнѣнія распространеніе латинскаго языка совершается посредствомъ дипломатическихъ сношеній. Правда и въ XVI, и въ XVII вв. являются въ Россію греки, которые принимаютъ участіе въ образовательномъ движеніи того времени (Максимъ Грекъ, Арсеній Грекъ, Паисій Лигаридъ, братья Лихуды), но это были уже латинизированные греки, т. е. прошедшіе латинскую школу въ западныхъ училищахъ и университетахъ, хотя и сохранявшие болѣе или менѣе ученіе восточной церкви. Такъ, постепенно открывается путь латинскому языку въ Россію, который, при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, получаетъ преобладающее значеніе въ сравненіи съ греческимъ (о южной Россіи скажемъ ниже).

Образовательное движеніе болѣе всего обнаруживается въ той средѣ, которая ближе стояла къ его источнику, именно среди пословъ. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иностранными послами или посѣщая иностранные дворы—русскіе нослы скорѣе, другихъ, могли податься ихъ вліанію. Къ такимъ лицамъ, какъ мы видѣли, принадлежали—Федоръ Курицынъ и Вассіанъ Патрикѣевъ, извѣстные по своему времени образованіемъ. Сюда же слѣдуетъ присоединить и двухъ помощниковъ Максима Грека—Димитрія Герасимова и Власія. Первый изъ нихъ учился въ Ливоніи, хорошо зналъ латинскій и нѣмецкій языки и былъ посломъ при дворахъ: шведскомъ, датскомъ, прусскомъ, импер. Максимилиана и папы. Во время своего пребыванія въ Римѣ онъ передалъ многое о

<sup>1)</sup> Fletcher, I, 141.

<sup>2)</sup> Оларій, вл. III, гл. 31.

Россіи Іовію, который записалъ это въ своемъ сочиненіи: De logarith. Basilii magni principis Moscoviae <sup>1)</sup> Власій былъ посредникомъ съ Герберштейномъ и участвовалъ въ посольствѣ въ Карлу V и въ Дашив. Съ его словъ писалъ о Россіи Іоаннъ Фабръ <sup>2)</sup>. Одновременно съ ними принадлежалъ къ посольству бояринъ Ѳедоръ Карповъ. При Іоаннѣ III и Василіѣ Іоанновичѣ въ Москвѣ распространилась наклонность къ изученію астрологіи, которую особенно промагандировалъ врачъ послѣднѣго Николай Люевъ (или Булевъ), и Ѳедоръ Карповъ пристрастился къ занятиямъ ею. Мы не должны принимать здѣсь астрологическія занятія исключительно въ дурномъ смыслѣ; такъ какъ въ то время астрологія была тѣсно связана съ астрономіею. О Карповѣ мы знаемъ только, что онъ увлекался стройнымъ порядкомъ природы и правильностью ея явленій, которыя казались ему доступнымъ предугадыванью; но Максимъ Грекъ не советовалъ ему слишкомъ увлекаться красотой природы, чтобы не поподобять вѣры. Изъ посланія Максима въ Карпову видно, что послѣдній упрекалъ его за строгій приговоръ свѣтскимъ (внѣшнимъ) наукамъ, чѣмъ вызвалъ его на длинное объясненіе <sup>3)</sup>. Изъ Посольскаго приказа вышли Григорій Котошихинъ, оставившій намъ безпристрастное описаніе Московскаго государства (О Россіи въ царст. Алексѣя Михайловича), Матвѣевъ и Ординъ-Нащokinъ, извѣстные дѣятели времени Алехоѣя Михайловича <sup>4)</sup>. Наконецъ члены Посольскаго приказа являются участниками въ образовательной реформѣ Петра Великаго. Этихъ прикѣровъ достаточно, чтобы одѣлать все значеніе того вліянія, о которомъ мы говоримъ.

Но вліяніе западной образованности возникло изъ практическихъ потребностей страны, и потому дѣятельное участіе въ ея судьбѣ при-

<sup>1)</sup> О Герасимовѣ у Іовія, 13, 14, Карамзинъ, VII, 86; IV, пр. 360; VIII, 15.

<sup>2)</sup> Карамзинъ, VII, 125, и Аделунгъ въ Обз. путеш. иностран. по Россіи.

<sup>3)</sup> Посл. Карпову въ сочин. Макс. Грека, I.

<sup>4)</sup> Вотъ примѣръ, какъ распространялись научныя свѣдѣнія среди пословъ. Оларій рассказываетъ, что во время путешествія голштинскаго посольства въ Персію, сопровождавшій его русскій посолъ Романчиковъ такъ пристрастился къ занятіямъ математикою, что безпрестанно бесѣдовалъ о ней съ послами, занимался въ каждомъ городѣ примѣненіемъ астролябіи и дѣлалъ математическія выкладки. Бромъ того онъ изучилъ хорошо латинскій языкъ. Но, узнавъ о неудовольствіи на него царя за дѣйствія въ Персіи, Романчиковъ отравился.

нимасть правительство. Склонный къ книжности, Иоаннъ Грозный немогъ остаться равнодушнымъ къ образованию. Но его желанію было переведено на русскій яз. сочиненіе Светонія о римскихъ цезаряхъ; Иоаннъ хотѣлъ имѣть и переводъ Тита Ливія; но не могъ склонить на такой трудъ проживавшихъ въ Москвѣ иностранцевъ. Въ 1547 г. Иоаннъ отправилъ въ Германію саксонца Шлитте для приглашенія ученыхъ и ремесленниковъ. Съ разрѣшенія Карла V онъ набралъ ихъ 123 челоуѣкъ; но они, шо настоянію ливонцевъ, не были пропущены черезъ границу, а одинъ изъ желавшихъ проникнуть въ Россію былъ даже казненъ смертію. Ливонцы опасались политическаго возвышенія Россіи и успѣли этимъ запугать Карла V. Въ другой разъ, узнавши о намѣреніи одного изъ пушечныхъ мастеровъ переѣхать въ Россію, дерптскій епископъ сослалъ его подальше. Сигизмундъ-Августъ убѣждалъ Елисавету английскую не вступать въ тѣсный союзъ съ Россією и не содѣйствовать ей въ военномъ искусствѣ, потому что слабость ея, по словамъ короля, заключалась въ недостатокъ образованія <sup>1)</sup>. Этотъ мотивъ вполне понятенъ въ устахъ опасавшагося сосѣда. Но были и другія препятствія для новаго движенія.

Видя крайнюю несправность въ перепискѣ книгъ, изъ которыхъ въ половинѣ XVI в. только весьма небольшая часть оказалась годными въ употребленію <sup>2)</sup>, Иоаннъ Грозный задумалъ устроить типографію (1583 г.), въ которой занимались уже русскіе мастера, выучившіеся своему мастерству у нѣмцевъ. Въ 1564 г. была напечатана первая книга — Дѣянія апостоловъ, а 1565 г. Часословъ; но въ слѣдъ за тѣмъ мастера дотамъ были обжаты въ Литву, какъ обвиненные въ ересь, и домъ былъ сожженъ. Они объясняли свою неудачу гоненіемъ начальниковъ, духовенства и учителей, вѣроятно книжниковъ, опасавшихся въ печатаніи подрыва своему ремеслу <sup>3)</sup>. Эта сторона, по словамъ Курбскаго, всѣми мѣрами старалась отклонить молодыхъ людей, желавшихъ учиться отъ чтенія книгъ: «не читайте многихъ книгъ, говорили консерваторы, вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а этотъ въ ересь впалъ» <sup>4)</sup>. Колинсъ говорить,

<sup>1)</sup> Соловьевъ, VI, 147, 283.

<sup>2)</sup> См. наше изслѣд. Максимъ Грекъ, гл. I.

<sup>3)</sup> Соловьевъ, VII, 243, 244. Флетчеръ говоритъ, что въ этомъ обвиняли тогда духовенство, II, 90.

<sup>4)</sup> Опис. Рум. музея, 567.

будто-бы въ 1560 г. царь устроилъ въ Москвѣ училище латинскаго языка, но оно скоро было уничтожено, по прояскамъ той же партіи «силою и оружіемъ» (vi et armis) <sup>1)</sup>; что вполне понятно, такъ какъ латинскій языкъ, будучи языкомъ враждебной религіи, въ средѣ большинства пользовался особенною неблагоклонностію <sup>2)</sup>.

Борисъ Годуновъ шелъ по слѣдамъ Іоанна Грознаго. Желая объявиться свѣдущими людьми, онъ въ 1598 г. предложилъ Боярской думѣ вызвать ученыхъ изъ Германіи, Італіи, Іспаніи, Франціи и Англіи, а для изученія равныхъ языковъ учредить школы; но духовенство не согласилось на его предложеніе, заявивъ, что въ Россіи до сихъ поръ, не смотря на ея обширное пространство, господствовало единоверіе и единоправіе; а если настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ. Борисъ оставилъ свое намѣреніе <sup>3)</sup>. Но все-таки онъ послалъ за границу 18 молодыхъ людей для ознакомленія съ науками, по 6 человекъ во Францію, Англію и Любекъ. Такъ говорить Беръ (Буссовъ); но изъ дѣлъ Московскаго архива видно, что въ Любекъ было отправлено 5 человекъ, а съ Англію 4 <sup>4)</sup>. Изъ письма же Донціуса извѣстно, что Борисъ намѣревался даже основать университетъ <sup>5)</sup>. Дмитрій Самозванецъ хотѣлъ вызвать изъ заграничи ученыхъ людей, для преподаванія наукъ и разрѣшить русскимъ безпрепятственно путешествовать за границу, а также имѣлъ въ виду основать университетъ <sup>6)</sup>. Однимъ словомъ, измѣненіе въ направленіи общества стало несомнѣннымъ.

Но въ то же время идетъ ожесточенная борьба стараго порядка съ новымъ. Современники говорятъ, что желавшіе заниматься науками должны были дѣлать это тайномъ, боясь обвиненій въ чародѣйствѣ <sup>7)</sup> — мотивъ противъ науки чисто средневѣковаго характера. Когда патр. Никонъ приобрѣлъ черезъ Арсенія Грена до 1000 книгъ греческихъ и латинскихъ, въ числѣ которыхъ были Гомеръ, Гезіодъ, Геродотъ,

1) Коллинсъ, О состояніи Россіи, стр. I.

2) Маржеретъ, 260.

3) Беръ, 18. Извѣстіе Бера принимаютъ Соловьевъ и Карамзинъ.

4) Карамзинъ, XI пр. 126.

5) Ib. пр. 125.

6) Беръ, 49; Маржеретъ, 314, 315; Бареццо-Барецци, 13.

7) Колиндсъ, стр. I. Дневникъ Маскѣвича, 55; Омарій, III, 25; Crull, 143.

Софокль, Фукидидъ, Демосеенъ и т. п., то представители раскола за-  
явили, что въ русской землѣ совершился разрывъ «противными ини-  
цами и нововводными догматами» <sup>1)</sup>. Съ другой стороны, побывавшіе  
за границею смѣялись надъ невежествомъ своихъ, москвитанъ <sup>2)</sup>. Оче-  
видно, что при такомъ антагонизмѣ двухъ сторонъ печальные факты  
пренебреженія интересами страны были вполне естественны. Говорятъ,  
что изъ львѣ, отправленныхъ Борисомъ за границу, возвратился только  
одинъ; остальные пустились въ свѣтъ и не хотѣли знать своего отече-  
ства <sup>3)</sup>. Сынъ Ордина-Нащокина, воспитывавшійся у иностранцевъ  
наслушавшись ихъ рассказовъ о западной Европѣ, сбѣжалъ за границу.  
XVII вѣкъ—это вѣкъ борьбы двухъ направлений, которая ведется во  
имя самыхъ задушевныхъ интересовъ и стремленій, и потому отличается  
полнымъ трагизмомъ.

Между тѣмъ, какъ на сѣверѣ, образовывалось Московское госу-  
дарство, южная Россія подчинилась Польгѣ, и долго еще находилась  
въ такомъ же положеніи по образованію, какъ и сѣверная. Но, возник-  
шій религиозный антагонизмъ въ польскомъ государствѣ, заставлялъ тамъ  
обратить вниманіе на то орудіе, которымъ дѣйствовала католическая  
пропаганда въ свою пользу. Отсюда образованность южной Россіи при-  
обрѣтаетъ характеръ богословско-схоластическій. Полемика становится  
главною цѣлью южно-русской школы. Съ другой стороны, греки, послѣ  
паденія Византии, ищутъ образованности въ западныхъ университетахъ,  
но преимущественно католическихъ, гдѣ прибрѣтаютъ тотъ же завадь.  
Въ видахъ чистоты вѣры, московское правительство обращается за со-  
дѣйствіемъ къ тѣмъ и другимъ. Но, прибывъ въ Москву, эти лица,  
воспитанными на полемикѣ, не могутъ позабыть ея и только усиливаютъ  
тотъ религиозный антагонизмъ, который проявился въ Москвѣ подъ  
вѣднѣмъ столкновенія стараго порядка съ новымъ. Въ Москвѣ открѣ-  
вается обширная богословская полемика въ то время, когда въ науч-  
ныхъ интересахъ, менѣе всего ея слѣдовало бы желать. И вотъ пред-  
ставители старой партіи отворачиваются отъ этихъ посредниковъ науки  
и объявляютъ греческихъ и южно-русскихъ ученыхъ еретиками. Въ мо-  
сковскія школы вносится средневѣковая сложность, и наука отходитъ  
на второй планъ. Такъ было до реформы Петра В. Но объ этихъ пе-

1) Шаповалъ, Русскій расколъ, 147.

2) Маржереть, 314.

3) Беръ, 18.



реходахъ русской культуры и искусства совершить въ дальнѣйшемъ нѣг-  
слѣдствіи, а генералъ свѣдѣній (срѣдѣе общаго вѣдѣнія) настоятельной  
главы, слушавшее выходы съ тѣмъ заключеніемъ, что въ предъидущемъ  
ислѣдованіи.

Малый объемъ научнаго аліанса Византии на Россію, и на нашемъ  
мнѣніи, проницатель отъ ослѣдующихъ общинъ армянскіхъ.

1) Въ то время, когда Россія подчинялась аліансу Византии, обрат  
зобавдета послѣдней вандежалъ уже въ упадкѣ.

2) Не имѣя исторической связи съ древней культурой, русское  
общество не могло воспользоваться ея при ограниченномъ знаніи гре-  
ческаго языка.

3) Въ развѣтывающую эпоху въ Византии преобладаю теологиче-  
ское образованіе, которое шло чрезъ монастыри, сдѣлавшіяся какъ  
для южныхъ славянъ, такъ и для Россіи, единственными центрами обра-  
зованности, и потому отсюда доставались источники по преимуществу  
имѣвшіе значеніе для монастырской жизни; русскіе же монастыри, не  
имѣя и той связи съ научнымъ образованіемъ, какая существовала въ  
византийскихъ, конечно заботились о распространеніи книжнаго ма-  
терьяла, удовлетворявшаго только ихъ потребностямъ.

Что же касается научнаго значенія источниковъ, доставшихся изъ  
Византии въ Россію, то о нихъ можно сдѣлать слѣдующее заключеніе:

1) Такъ какъ общенсторическія свѣдѣнія почерпались изъ источниковъ  
исключительно византийской эпохи, то они ограничивались кругомъ на-  
родовъ, важныхъ въ библейскомъ отношеніи, или близкихъ къ Визан-  
тин, по своей исторической связи. Поэтому общенсторическія свѣдѣнія  
въ данную эпоху ограничивались преимущественно Востокомъ.

2) При узкомъ объемѣ школьнаго обученія (см. главу I) всѣ свѣ-  
дѣнія имѣли отрывочный характеръ, такъ какъ все зависѣло отъ лич-  
ной начитанности каждаго, а при недостаткѣ критики легко воспри-  
нимались самыя противорѣчивыя взгляды.

3) Обличительный характеръ источниковъ въ дальнѣйшемъ ходѣ  
древней образованности долженъ былъ отразиться скептическимъ от-  
ношеніемъ къ тѣмъ вопросамъ, которые собственно составляли содер-  
жаніе матеріала, имѣвшаго въ виду объясненіе того или другаго науч-  
наго предмета.

Въ слѣдствіе же продолжительнаго изолированнаго положенія сѣв-  
росточной Россіи, состояніе ея культуры должно было пострадать еще,



## ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава I. Значение научнаго образования. Его отношеніе къ исторіи.

Положеніе историка. Зависимость науки отъ общественныхъ условій. Важность направленія школы и характеръ школы древней Россіи. Его результаты. Неизмѣняемость требованій въ теченіе древняго періода. Зависимость такого состоянія образованности отъ положенія науки въ Византіи (стр. 1—11). Вырожденіе древней науки. Вліяніе восточныхъ идей на всѣ отрасли знанія. Столкновеніе философіи послѣдняго періода съ христіанствомъ. Вторженіе фидософскихъ системъ въ область послѣдняго; въ слѣдствіе чего появляется рядъ ересей съ отвлеченнымъ характеромъ. Антагонизмъ общества на Востокѣ и въ Византіи. Закрытіе языческихъ школъ (11 — 27). Аскетическая реакція языческой нравственности. Образованіе монастырской системы. Обширность монастырей и основныя правила ихъ жизни. Ихъ отношеніе къ обществу. Борьба съ представителями языческой мудрости (27—37). Остатки древней образованности въ Византіи и характеръ ея школы. Научныя мнѣнія. Полемическое направленіе общества. Политическія условія Византіи неблагопріятствуютъ развитію науки. Въ XII вѣкѣ обнаруживаются всѣ признаки ея упадка. Порча языка. Исчезновеніе памятниковъ древней литературы послѣ завоеванія Константинополя латинами и турками. (37—48). Одновременное распространеніе въ высшемъ обществѣ суевѣрій. Апокрифы. Ихъ связь съ еретическимъ движеніемъ Востока. Мысль о кончинѣ міра и ея отношеніе къ судьбѣ Константинополя. Результаты всего предъидущаго. (48—52).

Глава II. Образовательное вліяніе Византіи на Россію. Греческій и восточно-славянскій элементъ въ русской іерархіи. Степень распространности греческаго языка въ Россіи въ древѣйшій періодъ. Библиотеки. Значеніе Великокняжеской библиотеки въ Москвѣ. Первоначальная литература церковнаго характера. Вліяніе ея на обществен-

ную жизнь (52 — 68). Значение Востока в древней культуре России. Содержание записок русских путешественников. Распространение монашества в России. Два типа монастырей: общежительные и скитские. Общий характер их уставов. (68 — 76). Влияние Афонской горы. Полный представитель его — Нил Сорский. Его психологическая теория и устройство его школы. Афонские выходы в России. Общественное значение Максима Грека и его школа. Основные мысли его учения. Различие между общежительным и скитским направлением в общественных вопросах (76 — 92). Культурное значение монастырей. Образец постепенного развития монастыря — Печерский монастырь. Отношения к монастырям русских князей. Политические и местные условия северо-восточной России благоприятствуют распространению там пустынножительства. (92 — 102).†

Глава III. Монастырская колонизация. Древнейшая эпоха. Колонизация новгородских и псковских монастырей. Влияние на колонизацию севера Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского. Заселение Вологодского края, Костромской области, Поволжья и области Тверской. Распространение и количество монастырей по губерниям. (102 — 119). Мотивы, побуждавшие к отшельничеству и происхождение отшельников. Образцы аскетизма и уважение к ним общества. (119 — 126). Обширность монастырей сравнительно с населенностью городов. Отзыв Флетчера. Необходимость надѣла возникающего монастыря землею. Столкновение его с соседними владѣльцами и крестьянами. Мотивы к обогащению монастырей. Пример постепенного распространения территории монастыря. Пространство всей монастырской территории в XVI и XVII вв. Количество монастырских крестьян. Населенность монастырских вотчин сравнительно с остальными. Причины их большой населенности. Это имеет отношение к привлечению крестьян. Значение монастырей в заселении северо-восточной России. Примеры обширного заселения. (126 — 147). Удобство для жизни мест, избранных отшельниками. Обработка почвы и другие занятия в монастырях, основанных на местной пустыне. Разные промыслы. Удержание монастырей и их стратегическое значение. Промышленное значение монастырей. Их торговля: права; ярмарки; торги; торговые дворы. Отзывы иностранцев о монастырской торговле (147 — 158). Доходы

монастырей и стоимость недвижимой собственности. Значение монастырей, как благотворительных заведений (158—166).

Глава IV. Постепенное заселение сѣверо-восточной Россіи славяно-русскимъ племенемъ. Главныя направленія и причины колонизаціи этого края. Отзывъ Герберштейна о результатахъ ея. (166—171). Различіе въ направленіи гражданской и монастырской колонизаціи. Миссіонерское значеніе монастырей. Распространеніе христіанства въ Ростовско-Суздальской области; среди Мери, Вятчей, Карель, Лопарей; въ Великой Перми, Казанской области и Сибири до конца XVII вѣка. Общіе результаты. (171 — 210). Реакція языческаго міра. Мнѣнія изслѣдователей о различіи религіозныхъ понятій въ южной и сѣверной Россіи. Вліяніе климатическихъ и этнографическихъ условій. Характеристика религіи сѣверной Азіи и финской мѣологии. Смысь населенія, обычаевъ и понятій на сѣверѣ и востокѣ Россіи. Отраженіе этого порядка на русской колонизаціи. Преобладаніе суевѣрій въ народномъ міросозерцаціи. Въ древнюю эпоху оно распространяется на всѣ слои русскаго общества и подготовляетъ почву для раскола. (210 — 225).

Глава V. Образовательное значеніе монастырей. Обширность и составъ монастырскихъ бібліотекъ. Сравненіе ихъ съ бібліотеками западныхъ монастырей. Процентъ общеобразовательныхъ сочиненій. Безусловное преобладаніе аскетическихъ произведеній. Результаты этого явленія въ общественной жизни. Количество писателей по положенію въ обществѣ и вліяніе монастырскихъ идеаловъ на характеръ письменности. Подражательность византійскимъ образцамъ. Четивъ Минеи Макарія—представляютъ полное выраженіе этой образованности. (225 — 237.). Преобладаніе въ тогдашней книжности нравственныхъ вопросовъ. Воспитательное значеніе монастырей. Характеръ образованности въ монастыряхъ. Царскія и частныя бібліотеки составляютъ по примѣру монастырскихъ. Отношеніе монастыря къ обществу и его идеалы. Взглядъ общества на монастырь. Монастыри становятся убѣжищами отъ общественныхъ бѣдствій и политическихъ преслѣдованій. Принципъ равенства въ монастыряхъ. (237—246). Борьба аскетическихъ идеаловъ съ остатками язычества. Семейные идеалы. Взглядъ на женщину византійскихъ источниковъ. Вліяніе ихъ на русскіе памятники. Неразвитость женскаго типа. Положеніе женщины въ обществѣ. Порядокъ домашней жизни и ея

обстановка. Основанія домашней педагогика. Переходъ къ политическому строю жизни (246—264).

Глава VI. Взаимныя отношенія церкви и государства въ средние вѣка.

Развитіе римской и византійской системы. Причины ихъ различія.

Очеркъ отношеній свѣтской и духовной власти въ Византіи. Преобладаніе свѣтскаго авторитета. Сочувствіе этому русскаихъ князей (264—273). Борьба византійскаго и римскаго вліянія въ Россіи.

Первоначальная полемика и ея историческое значеніе. Столкновеніе русскаго населенія съ враждебными религіями и результаты его.

Церковная зависимость Россіи отъ Византіи и попытки къ освобожденію. Политика константинопольскаго правительства и мнѣніе о ней въ Россіи. Греческая партія въ русской іерархіи. Причины неудачи въ освобожденіи отъ церковной зависимости въ древнѣйшій періодъ заключаются въ политическихъ обстоятельствахъ Россіи.

(273—288). Взглядъ константинопольской іерархіи на церковное единство въ Россіи. При всемъ томъ политическія условія ведутъ къ церковному раздѣленію послѣдней. Взглядъ константинопольскихъ патріарховъ на назначеніе митрополитовъ въ Россію изъ Константинополя.

Въ эпоху упадка Византіи выступаетъ финансовый мотивъ въ сохраненіи вліянія ея на Россію, что отражается и въ назначеніи митрополитовъ. Дѣлю Исидора служить предлогомъ къ окончательному отдѣленію русской церкви отъ константинопольскаго патріарха. Обязательство епископовъ не принимать митрополитовъ изъ Константинополя. (288—293). Состояніе константинопольскаго патріаршества подъ властью турокъ. Возникновеніе мысли о прежнемъ вліяніи на Россію. Дѣятельность Максима Грека по этому вопросу. Его неудача (293—296). Въ періодъ зависимости Россіи отъ Византіи въ русское общество проникаютъ политическія понятія послѣдней; но патріархи стараются установить зависимое отношеніе Россіи и къ императорамъ. Проводникомъ византійской культуры служитъ духовенство. Сфера его дѣятельности. Обширность его юридическихъ правъ. Нравственное и матеріальное могущество. Его вліяніе на измѣненіе юридическаго быта страны.

Распространеніе въ Россіи юридическихъ памятниковъ Византіи. Отличіе восточной юриспруденціи отъ западной. Отъ каноническихъ постановленій вліяніе византійской юриспруденціи распространяется на свѣтское законодательство. Борьба мѣстныхъ общинъ

за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права. Борьба мѣстныхъ общинъ за свои права.

съ византийскими понятиями. Утверждение юридических понятий Византии въ русскомъ обществѣ. (296—313).

## Глава VII. Распространеніе политическихъ понятій Византии въ Россіи.

Взглядъ на значеніе свѣтской власти греческой и русской іерархіи.

Онѣ приобретаетъ значеніе по мѣрѣ развитія политическаго быта

страны. Разнообразіе послѣдняго по мѣстнымъ условіямъ. Причины,

содѣйствовавшія возвышенію сѣверо-восточной Россіи. Значеніе ду-

ховнаго центра, при политической разбѣденности Россіи. Соеди-

неніе интересовъ духовенства съ политикою московскихъ князей.

(313—320). Совмѣстное ихъ дѣйствіе въ пользу возвышенія Мо-

сковскаго княжества. Территориальная зависимость духовенства отъ

свѣтской власти — одна изъ причинъ содѣйствія его послѣдней въ

установленіи единодержавія. Монастыри дѣйствуютъ въ томъ же

направленіи. Стремленіе ихъ къ непосредственной зависимости отъ

московскаго князя. Вліяніе послѣдняго на выборъ лицъ высшей

іерархіи. Покровительство московскихъ князей монастырямъ. Посѣ-

щеніе послѣднихъ и расположеніе къ ихъ представителямъ. Троиц-

кіе походы. Прямѣры дѣятельности монастырей въ пользу власти.

(320—336). Политическая традиція монастырей въ пользу Москвы

идеть отъ Сергія Радонежскаго и полного развитія достигаетъ въ лицѣ

Иосифа Сажара (Волоколамскаго). Волоколамскій монастырь пред-

ставляетъ типъ обдежительнаго монастыря въ эпоху образованія

Московскаго государства. Иосифъ сознаетъ значеніе власти въ своей

борьбѣ съ Серапіономъ архіеп. новгородскимъ. Теоретическое раз-

витіе Иосифомъ идеи свѣтской власти. Взглядъ современниковъ на

дѣятельность Иосифа. Его значеніе у Василия Іоанновича. Иосифъ

завѣщаетъ свой монастырь великому князю. (336—352). Преемникъ

Иосифа Данилъ слѣдуетъ его прямѣру. Избраніе Данила въ митро-

политы и его содѣйствіе вел. князю. Близость учениковъ Иосифа

въ послѣднемъ. Политическое значеніе партіи «іосифлянъ». Она

сохраняетъ за собою вліяніе въ теченіе XVI вѣка. Процессъ при

Федорѣ Іоанновичѣ рязан. еписк. Леонида (іосифлянина) съ ростов.

архіеп. Евоніемъ. Совѣтъ Вассіана Топоркова (іосифлянина)

Іоанну Грозному. Причина негодованія кн. Курбскаго противъ

«іосифлянъ». Вліяніе мнѣній Курбскаго на общество. (352—360).

Примѣненіе господствующихъ понятій къ дѣйствительности. Отно-

шеніе московскихъ государей къ обществу и взглядъ послѣдняго

на ихъ власть. Террія власти, явлющаяся Иоанномъ Грознымъ. Политическія преданія Византіи (Софія Палеологъ). Взглядъ современниковъ на этотъ порядокъ. Измѣненіе придворнаго порядка. Москва — третій Римъ. Царское вѣнчаніе и титуль. Опасенія русскихъ книжниковъ. Проектъ придворнаго штата по образу Византіи. (360—365). Общіе выводы изъ предъидущаго. (366—370). 36

Глава VIII. Оппозиція существующему порядку. Характеръ религіозности древней Россіи. Признаки раскола. Однообразное содержаніе литературныхъ памятниковъ въ теченіе продолжительнаго періода. Противоположное направленіе возникаетъ въ Новгородской области. Причины появленія и характеръ ереси стригольниковъ. Условія новгородскаго быта благоприятствуютъ этому движенію. Характеръ церкви въ Новгородѣ и Псковѣ. Тамъ стремятся подчинить ее политическому быту. Стояновеніи новгородскаго архіепископа съ московскимъ митрополитомъ. Посредничество константинопольскихъ патріарховъ. Взаимныя отношенія Пскова и Новгорода приводятъ къ политическому и церковному разрыву. Политическій бытъ Пскова и отсутствіе іерархической власти благоприятствуютъ образованію анти-іерархическаго движенія и демократическому устройству церковнаго управленія. Это отражается и въ позднѣйшую эпоху. Постоянное препятствіе со стороны новгородскаго архіепископа. Но и въ Новгородѣ, при существованіи іерархической власти, взглядъ на нее значительно разнится отъ каноническаго. (370—389). Дальнѣйшее развитіе ученія стригольниковъ — «новгородская ересь» (жидовствующихъ). Ихъ связь. Причины анти-іерархическаго движенія въ низшемъ духовенствѣ. Вопросы о вдовыхъ священникахъ. Сравненіе быта бѣлаго и чернаго духовенства въ древнюю эпоху. Свѣтскій характеръ духовнаго управленія. Протестъ Григорія Свирпицы. Распространеніе византійскихъ обличительныхъ сочиненій, касающихся церковной жизни въ слѣдствіе усилившейся съ исхода XIV в. книжности въ Россіи. Еретическіе апокрифы. «Новгородская ересь» представляетъ смѣсь ученій, возникшихъ на почвѣ существующихъ отношеній и подъ вліяніемъ тогдашней книжности. Иудейскій элементъ въ ереси. Его образовательное значеніе и связь съ умственнымъ движеніемъ въ еврейскомъ мірѣ. Происхожденіе Схарія. Дѣятельность его кружка въ Новгородѣ и Москвѣ. Астрология и математическія книги. Въ слѣдствіе разнообразія дѣлѣній



и обидения ереси не имѣють однообразной системы. Рационалистическіе результаты еретическаго движенія. Положительное вліяніе ереси. Пожареніе Новгородѣ усиливаетъ религиозное броженіе. Недовольство архіепископами, назначаемыми изъ Москвы. Розыски Геннадія. Несочувствіе имъ Іоанна III. Рѣшеніе собора 1490 г. Толки о кончинѣ міра (1492) (389—411). Геннадій вызываетъ на борьбу Іосифа Волоколамскаго. Характеристика послѣдняго. Борьба придворныхъ партій. Торжество Василія Іоанновича. Вызовъ Іосифа на соборъ о вдовѣхъ понахъ (1503). Бесѣды его съ Іоанномъ III о еретикахъ. Колебаніе Іоанна. Вопросъ о казни еретиковъ. Іосифъ достигаетъ цѣли чрезъ Василія Іоанновича (соборъ 1504). Возраженіе послѣдователей Нила Сорскаго. Вопросъ о покаявшихся еретикахъ сводится на вопросъ о терпимости. Согласіе въ немъ послѣдователей Нила (всенпрощеніе) съ мнѣніемъ еретиковъ (терпимость). Способы защиты казни Іосифомъ. Полное торжество его мнѣній при Василіѣ Іоанновичѣ. Заступничество Вассіана Патрикѣева (ученика Нила) за еретиковъ. Дѣятельность учениковъ Іосифа. Его борьба съ Вассіаномъ. Характеристика послѣдняго. Непримиримая вражда двухъ направленій. Причины ихъ разногласія по вопросу о преслѣдованіи еретиковъ. (411—426). Вопросъ о реформѣ монастырей. Вліяніе политическихъ причинъ на упадокъ монастырской жизни. Онъ преимущественно замѣчается въ городскихъ монастыряхъ. Матеріальное положеніе монастырей (съ конца XV—XVIII в.) Положеніе монастырскихъ крестьянъ въ эту эпоху. Средства къ исправленію монастырской жизни. Взглядъ на этотъ вопросъ Нила Сорскаго и Іосифа Санина (монастырскія имущества). Отношеніе къ нимъ власти. Рѣшеніе собора 1503 г. (426—436). Литературное развитіе вопроса о церковныхъ имуществахъ при Василіѣ Іоанновичѣ: борьба Вассіана съ Іосифомъ. Максимъ Грекъ. Защита мнѣній Іосифа его ученикомъ истр. Даниломъ. Осужденіе Максима Грека и Вассіана. Замѣчаніе современника объ этой борьбѣ. (436—441). Дальнѣйшее ея развитіе. Остатки новгородской ереси. Распространеніе реформаціонныхъ идей изъ Польши и Ливоніи. Дѣло Башкина, Артеми и ихъ соучастниковъ (борьба противъ рабства, преобладающія формальной стороны религіи и преслѣдованія еретиковъ). Это общество непосредственно примыкаетъ къ послѣдователямъ Нила Сорскаго. Новое столкновеніе преданій Нила съ стремленіями іосиф-

флянь». Торжество, послѣднихъ. (441—449). Вопросъ о церковныхъ изображенияхъ (дѣло Висковатова). Крайнее развитіе предъидущихъ ученій—Θеодосій Косой. Его возраженія противъ направленія Іосифа. Приливъ польскаго элемента при Димитрій Самованцѣ содѣйствуетъ религиозному броженію: князь Иванъ Хворостинъ. Отраженіе вѣданій Іосифа въ приговорѣ послѣдняго. Дальнѣйшее развитіе скептическаго направленія общества въ отрицательныя сентаты раскола. (449—455) Выводы (455—457). Религиозное движеніе: выставило на видъ вопросъ объ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти въ Россіи. (457).

Глава IX. Политическое положеніе духовенства въ древней Россіи. Два периода въ отношеніяхъ свѣтской власти къ духовной. (Значеніе въ этомъ случаѣ политическаго возвышенія Москвы и непосредственной зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха. Измѣненіе въ отношеніяхъ дѣлается вполне яснымъ въ царствованіе Іоанна Грознаго. Вліяніе воспитанія на характеръ послѣдняго. Опекунство Сильвестра поселаетъ въ немъ негодованіе къ цѣлой системѣ. Іоаннъ формулируетъ свѣтскую власть, какъ независимую отъ вліянія духовной. Частыя смѣны митрополитовъ. Борьба Іоанна съ митр. Германомъ и Филиппомъ. Произвольные браки. Приговоры надъ высшими духовными лицами. Ограниченіе судебныхъ и имущественныхъ правъ духовенства въ эпоху самостоятельнаго правленія Іоанна. (458—471). Мысль объ учрежденіи патріаршества по смерти Іоанна. Превнія притязанія константинопольскихъ патріарховъ и царствованіе Θедора Іоанновича благопріятствуютъ этому. Участіе патріарховъ въ политическихъ дѣлахъ смутнаго времени возвышаетъ ихъ значеніе. Привилегіи патр. Филарета. Отношенія Алексѣя Михайловича къ патр. Іосифу. Но обширныя привилегіи духовенства и высшаго сословія вызываютъ, какъ со стороны правительства, такъ и въ заявленіяхъ общества—потребность ихъ ограниченія. Развитие этого вопроса въ періодъ отъ Іоанна III до Алексѣя Михайловича включительно. Это стремленіе выражается въ Уложеніи. Описание наступившему порядку. Патр. Никонъ (471—481). Характеристика Никона. Его сближеніе съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Участіе въ усмирении бунта въ Новгородѣ. Значеніе церереселенія мощей митр. Филиппа и грамота, составленная по этому поводу отъ имени Алексѣя Михайловича. Избраніе Никона въ патріархи. Никонъ и свѣтскій

государь. Его управление государством во время отсутствия царя въ польскомъ походѣ. Столкновеніе съ боярами. Заботы о царскомъ семействѣ во время моровой язвы. Возвышеніе власти Никона и неудовольствіе духовенства. Негодованіе на Никона за исправленіе книгъ. Отсутствие его изъ Москвы во время постройки Воскресенскаго монастыря. Столкновеніе Никона съ царемъ. Онъ заявляетъ притязаніе на уничтоженіе Уложения. (Неудовольство Никона на стѣсненіе церковнаго суда и ограниченіе церковныхъ имуществъ.) Онъ проводитъ идею независимости духовнаго вѣдомства отъ государства. Мнѣніе Никона объ отношеніяхъ церкви и государства. (465—470) Теорія духовной власти, по взгляду Никона. (481—496). (По формы духовнаго суда вообще и управленіе Никона въ частности не разнятся отъ свѣтскаго управленія и суда. Челобитная царю на Никона. Политическій мотивъ въ разрывѣ царя съ Никономъ (1658). Полное развитіе характера Никона во время отрѣшенія его отъ дѣлъ. Онъ старается удержать власть за собою. Пребываніе его въ Воскресенскомъ м. Взглядъ греческихъ епископовъ на дѣло Никона. Попытки Никона возвратитъ прежнее положеніе. Обращеніе къ патріархамъ. Взглядъ Никона на свою участь. (Соборъ 1666 г.; лишеніе Никона патріаршества и заточеніе. Взаимныя отношенія Алексѣя Михайловича и Никона во время заточенія послѣдняго. Никонъ не признаетъ отрѣшенія. Дальнѣйшая судьба Никона и его книгъ. Причина медленности въ исходѣ дѣла Никона. Характеръ отвѣтовъ восточныхъ патріарховъ объ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти совершенно противоположенъ римской теоріи. Ограниченіе правъ свѣтскаго суда въ церковныхъ дѣлахъ (496—504). Выводы (504—505). 500

Глава X. (Заключительная). Объемъ образовательнаго вліянія Византіи на Россію. Причины слабости научнаго вліянія (505—510). Источники свѣдѣній по разнымъ предметамъ, заимствованные изъ Византіи. Основаніемъ въ научныхъ понятіяхъ служатъ сочиненія Іоанна Дамаскина. Знакомство съ теоріей языка; философскими понятіями и нравственными вопросами. Общій характеръ ихъ. Отношеніе византійскихъ источниковъ къ мнѣніямъ древнихъ. Имена древнихъ писателей, извѣстныхъ тогда въ Россіи. Понятія о разныхъ предметахъ древней образованности. Максимъ Грекъ укрѣпляетъ византійскій взглядъ на древнюю культуру. Его отношеніе къ эпохѣ

возрождения и научныя свѣдѣнія, заключающіяся въ его сочиненіяхъ. Сопоставленіе мнѣній древнихъ писателей съ обличеніями византійскихъ писателей. Вліяніе послѣднихъ на русское общество. Степень критики. (510—519). Переходъ къ исторіи. Сочиненія повѣствовательнаго характера. Историческое изложеніе вѣдѣго завѣта (Патя). Общеисторическія сочиненія; хроники Іоанна Малады и Георгія Амартола; Паралипоменонъ Зонары; лѣтописи Манассія и патр. Нивифора. Составные хронографы. Сказанія о Константинѣ-целѣ. Общій характеръ историческихъ свѣдѣній. Историко-теоретическія возрѣнія (519—536). Космографическія свѣдѣнія по византійскимъ источникамъ; соч. І. Дамаскина, Космы Индикоплова, Георгія Писиды; ученіе объ астральныхъ духахъ; видоизмѣненныя системы Аристотеля и Птолемея по апокрифамъ; восточныя представленія о мірѣ. Результаты. Отношеніе къ противоположнымъ возрѣніямъ. Продолжительность средневѣковаго періода. Расколъ. (536—552). Признаки измѣненія этого порядка. Поворотъ отъ Востока на Западъ. Иностранный элементъ. Столкновеніе стараго порядка съ новымъ. Сфера вліянія послѣдняго. Его практическій характеръ. Значеніе Посольскаго приказа. Предпосылка новому направленію. (Антогонизмъ. Гречи и южно-русы въ Москвѣ. Причина ихъ неудачъ. Значеніе Петра В. къ научному отношенію. (552—561). Общее заключеніе (561—562).

## ВАЖНѢЙШАЯ ОПЕЧАТКА.

СТРАН.	СЛОВО.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
21	20	исключенно	исключено
22	24	и потому и	и потому
23	20 и 21	соединившимися противъ	соединившимся наконецъ
			противъ
23	21	вызвавшая наконецъ	это вызвало
43	1	обитъ	жить
45	27	Царяипоменомъ	Царяипоменомъ
51	6	всплывшей	насплывшей
60	12	(1408 г.)	(1408 г.)
63	33	Они	Они
85	18	се	се
119	13	пробужденій	пробужденій
135	29	1573	1572
137	10	положенными	положенными
138	25	монастырями	монастырями
140	прил. 6	1581	1580
144	29	обитыя	самыя
148	24	обитатели	обитатели
151	17	Московскаго	московскаго
151	27	Стрельцовъ	стрельцовъ
152	9	путей сообщеніе	сообщеній
155	3	Волгѣ	Волгѣ
169	8	Волгѣ	Волгѣ
171	31	запечатывавая	запечатывавая
172	13	отрѣсаться	отрѣсается
177	26	50	50
179	4	финскія	финскіе
185	прил. 1	Сосны	Сосны
187	11	ему	на немъ

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
187	39	осносятся	относятся
188	21	которой	который
192	13	русские	русские
195	4	предприятие	предпріятіе
196	9	такъ	съ тѣмъ
198	20	пречистую	пречистую
201	6	земль	области
203	9	Семіазерную	Семи-озерную
204	18	и городовъ	и городовъ
208	30	и др.	и др.
212	26	населенія	поселенія
232	17	Манассія	Манассія
238	32	45, 45	45, 46
238	20	Варсонофія	Варсонофія
244	20	Фронтъ	Фронтъ
252	22	Юанъ	Юаннъ
256	14	женіе	женіе
276	2	Лѣва X	Лѣва X
284	7	смоленскій	(смоленскій)
287	1 въ примѣч.	маніе	манія
289	24	Исидора	Исидора)
304	прим. 1, стр. 4	всего территорія	всѣй территоріи
311	прим. 1, стр. 9	Побдиня	посадники
312	5	о возстановленіи	о безудачномъ поста-
			вленіи
312	15	объ этомъ	о нихъ
313	15	были	были
351	15	съ Волокаламскаго	съ Волока-Дамскаго
371	38	гинекеѣ	гинекеѣ
389	30	1400	1495
392	23	дѣйствительности	къ дѣйствительности
400	16	ихъ	его
406	12	признали	признавали
409	13	пѣтловъ	пѣтловъ
411	24	мѣшаютъ	мѣшаютъ
428	7	дошли	дошли

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
441	24	благоченіе	благочиніе
446	3	третихъ	третьихъ
441	14	безпристрасно	безпристрастно
458	15	ву-	у-
459	32	будуще	будущіе
472	1	примѣряться	примириться
472	22	себя	себѣ
472	32	въ Москвѣ	и въ Москвѣ
486	10	гробъ	градъ
486	15	расскался	раскался
507	23	рассказывалъ	рассказываетъ
518	29	06	206

200-

219 - 209-  
 221 - 233 -  
 234 - 240 -  
 244 - 254 -  
 258 - 263 -  
 274 - 287 -  
 292 - 301 -  
 312 - 313 - 314-5  
 361 - 373 - 374 - 387 -  
 392 - 401 -  
 411 - 412 -  
 413 426 455 - 459 - 474 480 - 481 486 552

CONTENTS

Introduction	1	1
Chapter I	10	10
Chapter II	20	20
Chapter III	30	30
Chapter IV	40	40
Chapter V	50	50
Chapter VI	60	60
Chapter VII	70	70
Chapter VIII	80	80
Chapter IX	90	90
Chapter X	100	100
Chapter XI	110	110
Chapter XII	120	120
Chapter XIII	130	130
Chapter XIV	140	140
Chapter XV	150	150
Chapter XVI	160	160
Chapter XVII	170	170
Chapter XVIII	180	180
Chapter XIX	190	190
Chapter XX	200	200











UNIVERSITY OF MICHIGAN



3 9015 06860 9208

